Творенія Святаго Іоанна Златоустаго.

Изданіе
С.П.Б. Духовной Академіи.

Приложеніе къ журналамъ „Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ

СВЯТАГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

1.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

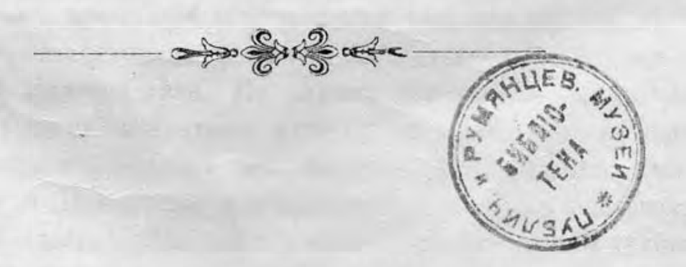
Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. І. Златоустъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

съ изображеніемъ святаго Іоанна Златоуста и его жизнеописаніемъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1895.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 26 февраля 1895 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Никандръ*.

Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», Невскій, 132.
(Бывшая типографія А. Л. Катанскаго и К°).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

НѢТЪ надобности много распространяться о значеніи твореній святыхъ отцовъ церкви для духовнаго просвѣщенія. Святоотеческія творенія именно суть тотъ неисчерпаемый источникъ, изъ котораго вытекаетъ все православное богословіе. Это рудникъ, въ которомъ заключается вся сумма богословскаго знанія въ его непосредственной чистотѣ и цѣлости. Вся послѣдующая работа богословской мысли состоитъ лишь въ томъ, чтобы разрабатывать этотъ богатѣйшій рудникъ и добытыми въ немъ сокровищами возвышать и украшать духовную жизнь новѣйшихъ поколѣній. Величайшіе представители святоотеческой литературы были поистинѣ геніи, которые, отличаясь необычайно высокими дарованіями, обширнымъ и глубокимъ образованіемъ, обнимавшимъ какъ науки духовныя, такъ и свѣтскія, и пламенною отзывчивостью сердца, притомъ жили и дѣйствовали въ такія времена и при такихъ обстоятельствахъ, когда требовалось необычайное напряженіе мысли и чувства, которыя и нашли себѣ выраженіе въ твореніяхъ, отличающихся изумительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. И особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны творенія св. Іоанна Златоуста, которыя составляютъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка. Не даромъ его именно произведенія составляли любимѣйшее чтеніе нашихъ предковъ, съ любовію и тщаніемъ переписывавшихъ эти творенія, собиравшихъ ихъ въ „Златоструи“ и „Измарагды“ и почерпавшихъ изъ нихъ невыразимую „книжную сладость“. Это дѣйствительно всеобъемлющій духовный геній, и въ его многотомныхъ трудахъ можетъ найти себѣ удовлетвореніе всякій умъ, ищущій духовной истины и глубокаго назиданія.

Творенія св. отцовъ уже рано, можно сказать съ самаго при-

нятія христіанства на Руси, сдѣлались главнымъ предметомъ чтенія и письменности у нашихъ предковъ. Но изъ всѣхъ святоотеческихъ твореній дѣйствительно ни одни еще не были такъ любимы и такъ распространены въ нашей древней письменности, какъ именно творенія св. Іоанна Златоуста. Въ его духѣ русскій народъ опозналъ нѣчто сродное своему собственному духу. Въ его твореніяхъ нашихъ „книжныхъ почитателей“ плѣняло то, что въ нихъ, и особенно его поученіяхъ, богатство мысли соединяется съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, которое состоитъ преимущественно въ ясности, естественности и простотѣ, или особенно въ психологическомъ приспособленіи содержанія и тона бесѣдъ или поученій къ духовному состоянію слушателей. Не менѣе плѣняло читателей и внутреннее содержаніе его наставленій. Іоаннъ Златоустъ преимущественно проповѣдникъ любви къ ближнимъ, и эта, проникающая всѣ его слова и дѣйствія, любовь вліяла на здоровое, неиспорченное искусственнымъ образованіемъ сердце съ неотразимою силою, и тотъ духъ щедрой милостыни, которою особенно отличались наши благочестивые предки и въ которой самымъ естественнымъ образомъ выражалась ихъ христіанская любовь къ меньшей, обездоленной—нищей братіи, ясно обнаруживаетъ сродство съ подобнымъ же духомъ Златоуста. Начало славянскихъ переводовъ изъ твореній Іоанна Златоуста относится къ самой древней порѣ славянской письменности. Уже болгарскимъ царемъ Симеономъ составленъ былъ изъ словъ и бесѣдъ этого св. отца весьма обширный сборникъ съ приданнымъ ему характернымъ названіемъ „Златоструй“ [1]). Къ самому первому времени славянской письменности принадлежало, очевидно, и собраніе словъ І. Златоуста, дошедшее до насъ въ Супральской рукописи XI вѣка. Тутъ помѣщенъ переводъ двадцати его словъ,—другихъ сравнительно съ помѣщенными въ Златоструѣ Симеона. Одна изъ его бесѣдъ помѣщена въ Святославовомъ сборникѣ 1073 года. Изъ древнѣйшихъ собственно русскихъ памятниковъ, семнадцать словъ Златоуста находятся въ Четьи-Минеѣ XII вѣка (за май мѣсяцъ) и семь словъ въ сборникѣ Троицко-Сергіевой Лавры XII вѣка. Не замедлилъ перейти къ намъ и трудъ болгарскаго царя Симеона „Златоструй“, именно въ спискахъ XII вѣка, при чемъ о популярности

---

[1]) Подробнѣе см. объ этихъ сборникахъ у *А. С. Архангельскаго*: Къ изученію древнерусской литературы, Спб. 1888 г., стр. 53 и слѣд. О «Златоструѣ» собственно см. спеціальное сочиненіе *В. Малинина*: Изслѣдованіе Златоструя по рукописи XII вѣка Импер. публичной библіотеки.

этого сборника можно судить по тому, что уже въ древнѣйшихъ спискахъ его ясно даетъ о себѣ знать рука чисто русскихъ „списателей", которые результаты своихъ думъ и чувствъ при чтеніи твореній любимаго отца церкви вольно или невольно вносили въ переписывавшіеся ими экземпляры сборника. Рядомъ съ „Златоструемъ" перешли къ намъ и другіе сборники твореній Златоуста, какъ напр. „Маргаритъ", „Учительное Евангеліе" (состоящее изъ собранія 75 словъ Златоуста на евангельскія чтенія) и другіе. Но о любви нашихъ предковъ къ твореніямъ великаго отца можетъ еще болѣе свидѣтельствовать тотъ фактъ, что они не только пользовались готовыми сборниками, но и сами составляли ихъ. Такъ уже очень рано у насъ стали появляться сборники самостоятельные, принадлежавшіе собственно русскимъ „списателямъ". Наиболѣе извѣстными изъ нихъ были, такъ называемые, „Златоусты", распространенные во многихъ спискахъ особенно XIV—XVII вѣковъ, хотя первыя редакціи ихъ несомнѣнно появились гораздо раньше. Сюда же должны быть отнесены и такъ называемые „Измарагды", также весьма распространенный видъ сборниковъ изъ твореній св. Іоанна Златоуста, который наконецъ пріобрѣлъ столь широкую популярность, что его имя сдѣлалось, такъ сказать, синонимомъ всякой „книжной сладости" и подъ его именемъ нерѣдко издавались даже собранія твореній иныхъ отцовъ, отчасти и самихъ русскихъ духовныхъ писателей, среди которыхъ не замедлилъ явиться и свой самородный русскій Златоустъ, каковой высокопочетный титулъ прилагался, какъ извѣстно, къ Кириллу епископу Туровскому († въ концѣ XII вѣка).

Но хотя творенія св. І. Златоуста были издавна любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, однако они никогда еще не появлялись у насъ въ болѣе или менѣе систематическомъ или полномъ собраніи. Обыкновенно переводились, издавались и переиздавались отдѣльныя творенія или даже отдѣльныя мѣста изъ нихъ. Болѣе полное сравнительно собраніе твореній св. отца (именно бесѣдъ на посланія св. ап. Павла, какъ любимѣйшаго предмета толкованій великаго святителя) на церковно-славянскомъ языкѣ было сдѣлано въ XVII столѣтіи при кіевской лаврѣ, каковое изданіе воспроизведено въ типографіи св. Синода въ 1894 году. Что касается судьбы твореній великаго отца собственно на русскомъ языкѣ, то въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть три ясно обозначающіяся стадіи. Уже съ самаго основанія при С.-Петербургской духовной академіи старѣйшаго духовнаго журнала „Христіанскаго Чтенія" (въ 1821 г.)

творенія св. I. Златоуста были главнымъ источникомъ для содержанія книжекъ этого журнала, самымъ своимъ названіемъ предполагавшаго преимущественно предметы назидательные, которые и заимствовались по частямъ изъ твореній этого великаго отца, причемъ переводились лишь отдѣльныя, особенно назидательныя мѣста изъ нихъ, и только особенно выдающіяся и важныя творенія, въ родѣ „словъ о священствѣ“, явились въ цѣломъ видѣ. Такъ дѣло продолжалось до 1847 года, когда въ виду усилившагося запроса на духовную пищу подобный способъ перевода и изданія твореній Златоуста оказался недостаточнымъ, вслѣдствіе чего въ С.-Петербургской духовной академіи возникла мысль приступить къ переводу и изданію не отдѣльныхъ только мѣстъ, а цѣлыхъ твореній Златоуста. Эта мысль, нашедшая полное одобреніе Св. Синода, была энергично осуществляема корпораціей академіи, и въ теченіе слѣдующихъ двадцати лѣтъ книжки журнала постоянно украшались твореніями св. Златоуста, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ издавались и отдѣльно. Такъ продолжалось дѣло до 1866 года, которымъ закончилась эта переводческая и издательская дѣятельность академіи, частью потому, что большая часть твореній были уже переведены, а еще болѣе потому, что наступившія въ обществѣ новыя умственныя вѣянія отвлекли вниманіе тружениковъ духовной науки въ другую сторону, и они должны были, оставивъ разработку положительныхъ истинъ православно-христіанскаго ученія, выступить въ качествѣ защитниковъ этихъ истинъ противъ начавшаго вздыматься противъ нихъ яраго невѣрія и отрицанія. На такомъ боевомъ положеніи богословская наука находилась въ теченіе почти цѣлыхъ тридцати лѣтъ и только теперь опять въ обществѣ начала заявлять о себѣ потребность въ болѣе положительной духовной пищѣ, удовлетвореніе которой и лежитъ опять на обязанности высшихъ духовныхъ школъ. На встрѣчу этой именно потребности и идетъ Спб. духовная академія, выступая съ „Полнымъ собраніемъ твореній св. Іоанна Златоуста“, каковое изданіе представляетъ собою третью стадію въ судьбѣ этихъ твореній на русскомъ языкѣ.

Въ виду предположенія дать именно „полное собраніе“ твореній великаго отца и вселенскаго учителя церкви, весьма важно знать, какое именно изданіе подлинника принято въ основу этого русскаго изданія. Творенія св. Іоанна Златоуста имѣли нѣсколько изданій, о достоинствѣ которыхъ можно судить по слѣдующему краткому очерку.

Уже вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія на западѣ стали дѣлаться попытки къ изданію твореній св. Іоанна, но эти изданія большею частью содержали въ себѣ латинскіе переводы отдѣльныхъ твореній и ихъ частей. Собственно греческій текстъ въ болѣе или менѣе исправной формѣ явился въ 1529 году, когда изданы были въ Вѣнѣ—„typis Stephani et fratrum"—бесѣды его на посланія св. ап. Павла съ предисловіемъ Максима Доната. Позже за этимъ изданіемъ, уже въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, послѣдовало изданіе толкованій на Новый Завѣтъ вообще, сдѣланное Коммелиномъ, типографомъ въ Гейдельбергѣ, въ четырехъ томахъ in folio, въ 1591—1602 гг. Интересъ къ твореніямъ святаго отца сталъ быстро возрастать, и чрезъ десять лѣтъ, именно въ 1612 году, явилось великолѣпное изданіе уже всѣхъ его твореній—въ восьми толстыхъ томахъ in folio. Это изданіе, предпринятое усердіемъ Генри Савилія, напечатано было въ Этонѣ. Савилій, родившійся въ 1549 году, былъ извѣстный въ свое время англійскій ученый, одинаково отличавшійся познаніями въ математикѣ и греческомъ языкѣ, который онъ въ теченіе нѣкотораго времени даже преподавалъ королевѣ Елизаветѣ. Король Іаковъ I предлагалъ ему повышенія въ церкви и государствѣ, но онъ отклонилъ эту честь, хотя и принялъ рыцарство въ 1604 г. Около этого времени у него умеръ его единственный сынъ и отселѣ онъ всецѣло посвятилъ себя дѣлу преуспѣянія науки. Въ Оксфордѣ онъ основалъ на свой счетъ двѣ профессорскія каѳедры—по геометріи и астрономіи, а также и библіотеку, снабженную математическими книгами для пользованія профессоровъ. Но усладой его жизни въ это время было особенно чтеніе и изученіе твореній св. Іоанна Златоуста, и онъ, порѣшивъ сдѣлать эти творенія доступными и для другихъ, предпринялъ полное собраніе его твореній, и не щадилъ на это изданіе ни труда, ни денегъ. Онъ лично съ этою цѣлію побывалъ во всѣхъ главнѣйшихъ библіотекахъ Европы, изслѣдовалъ находившіеся въ нихъ манускрипты, и благодаря любезности и содѣйствію англійскихъ посланниковъ, а также и выдающихся ученыхъ за границей, нанятымъ отъ него переписчикамъ открытъ былъ доступъ въ библіотеки Парижа, Базеля, Аугсбурга, Мюнхена, Вѣны и другихъ городовъ. Въ основу изданія онъ положилъ печатный экземпляръ Коммелинова изданія, причемъ, тщательно сравнивъ его съ пятью манускриптами, разночтенія ихъ онъ отмѣчалъ на поляхъ (хотя и не совсѣмъ по ясному плану). Главное значеніе этого изданія состоитъ въ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ, изъ которыхъ иныя

сдѣланы Казаубономъ и другими учеными того времени, хотя лучшія изъ нихъ принадлежатъ самому Савилію. Всѣ расходы, потребовавшіеся для исполненія этого великолѣпнаго изданія, восходили до 8,000 фунтовъ стерлинговъ, что на наши деньги составитъ болѣе 80,000 рублей. Жена самоотверженнаго ученаго была такъ недовольна такими громадными расходами на непонятное ей изданіе, равно какъ и необычайною его преданностью этому дѣлу, что не разъ грозила даже сжечь все изданіе.

Въ изданіи Савилія творенія св. Іоанна Златоуста явились только въ своемъ греческомъ подлинникѣ. Этимъ оказана была громадная услуга наукѣ и ученымъ ея представителямъ, а также и тѣмъ немногимъ избранникамъ, которымъ доступенъ былъ греческій языкъ. Для огромнаго же большинства даже образованнаго общества это изданіе было недоступно. Оно нуждалось въ переводѣ если не на народный, то хотя бы по крайней мѣрѣ на общераспространенный на западѣ языкъ латинскій. Вотъ почему не замедлило появиться и такое изданіе. Этотъ трудъ принялъ на себя французскій ученый Фронтонъ Дуцей, который независимо отъ Савилія, но въ дружелюбномъ взаимообщеніи съ нимъ порѣшилъ не только сдѣлать изданіе полнаго собранія твореній св. отца, но и снабдить ихъ латинскими переводами, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не оказывалось на лицо хорошаго латинскаго перевода извѣстнаго творенія уже изъ существующихъ, онъ дѣлалъ таковой самолично. Смерть его прервала этотъ почтенный трудъ, который однако черезъ нѣсколько времени принятъ былъ на себя двумя братьями Фредерикомъ и Клодомъ Морель, и законченъ послѣднимъ изъ нихъ въ 1633 году. Это собраніе издано было въ Парижѣ въ 1636 году—въ двѣнадцати большихъ in folio томахъ. Въ основу изданія опять положенъ былъ печатный экземпляръ изданія Коммелина, и хотя въ немъ также были допущены нѣкоторыя измѣненія, но меньше, чѣмъ это было въ изданіи Савилія.

Такимъ образомъ, изданіе твореній св. Іоанна имѣло уже не малую исторію и на него положено было не мало трудовъ. Дуцеево изданіе, какъ разсчитанное на широкій кругъ читателей, именно способныхъ понимать латинскій языкъ (а онъ доступенъ былъ всѣмъ болѣе или менѣе образованнымъ людямъ того времени не только на западѣ, но и въ Россіи), дѣйствительно разошлось скорѣе, чѣмъ Савиліево; чрезъ нѣсколько десятилѣтій стала чувствоваться потребность въ новомъ изданіи, и оно совершено было ученымъ бенедиктинцемъ Бернардомъ Монфокономъ. Авторъ

этого знаменитаго бенедиктинскаго изданія состоялъ сначала на военной службѣ, но уже въ 20-лѣтнемъ возрастѣ оставилъ эту службу и поступилъ въ Бенедиктинскій монашескій орденъ, гдѣ нашелъ свое истинное призваніе и сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ литературныхъ дѣятелей не только своего, но и послѣдующихъ временъ. Въ 1698 году бенедиктинцы закончили предпринятыя ими изданія твореній св. Аѳанасія и блаж. Августина, и вслѣдъ затѣмъ начали дѣлать приготовленія къ полному изданію твореній Златоуста, которому они порѣшили посвятить цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Монфоконъ съ его начитанностію въ святоотеческой литературѣ оказался въ этомъ дѣлѣ незамѣнимымъ человѣкомъ. Онъ посланъ былъ въ Италію, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ занимался разборомъ рукописей въ библіотекахъ. По своемъ возвращеніи онъ испросилъ себѣ у начальниковъ ордена позволеніе взять съ собою четырехъ или пять человѣкъ братіи для свѣрки манускриптовъ въ королевской библіотекѣ въ Парижѣ, равно какъ и въ извѣстнѣйшихъ библіотекахъ частныхъ лицъ. Труды ихъ продолжались болѣе тринадцати лѣтъ; открыто было въ названныхъ библіотекахъ болѣе 300 манускриптовъ, въ которыхъ содержались различныя части твореній Златоуста. Монфоконъ между тѣмъ вошелъ въ сношенія съ учеными различныхъ странъ Европы, чтобы при помощи ихъ достать еще больше матеріала и произвесть дальнѣйшую сводку и свѣрку манускриптовъ. Результатомъ этого было то, что, послѣ болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго непрерывнаго труда, Монфоконъ произвелъ изданіе, въ которомъ многія творенія впервые увидѣли свѣтъ, а другія, остававшіяся неполными въ прежнихъ изданіяхъ, представлены были въ ихъ законченномъ видѣ. Но трудъ былъ такъ громаденъ, что не смотря на всѣ усилія—текстъ есть наименѣе удовлетворительная сторона изданія. Работавшій уже въ новѣйшее сравнительно время ученый англичанинъ Фильдъ открылъ, что восемь главныхъ манускриптовъ, служившихъ основой изданія, не подвергнуты были достаточно тщательной сводкѣ и что хотя въ немъ рекомендуется особенно изданіе Савилія, однако въ дѣйствительности издатель болѣе слѣдовалъ изданію Мореля (Дуцея), которое представляло собою почти не болѣе, какъ воспроизведеніе первоначальнаго Коммелинова изданія. Главное значеніе этого изданія состоитъ въ предисловіяхъ, написанныхъ Монфокономъ къ каждой серіи бесѣдъ и къ каждому отдѣльному творенію, при чемъ въ нихъ полно и обстоятельно обсуждаются хронологія, содержаніе и характеръ творенія. Въ хронологическомъ распорядкѣ твореній

изданіе Монфокона также дѣлаетъ большой шагъ впередъ по сравненію съ изданіями Савилія и Дуцея, которые даже вообще и не пытались установить этотъ порядокъ. Въ послѣднемъ XIII-мъ томѣ содержится жизнеописаніе св. Іоанна Златоуста, весьма объемистый указатель, а также и рядъ разсужденій касательно ученія, дисциплины и ересей, существовавшихъ во времена Златоуста, причемъ эти разсужденія поясняются и подтверждаются изреченіями, собранными изъ самыхъ его твореній. Въ общемъ это изданіе нельзя не признать чудеснымъ памятникомъ способности и предпріимчивости знаменитаго издателя, особенно если принять во вниманіе, что ко времени завершенія труда Монфокону было уже 83 года отъ рода и онъ болѣе пятидесяти лѣтъ проработалъ надъ литературными трудами всякаго рода. Онъ умеръ въ 1741 году, а его трудъ переиздавался и послѣ него, причемъ послѣднее изданіе было сдѣлано въ Парижѣ въ 1839 г.

Наконецъ, послѣднее полное изданіе твореній св. Іоанна Златоуста сдѣлано аббатомъ Минемъ, извѣстнымъ издателемъ знаменитой Патрологіи латинскихъ и греческихъ отцовъ церкви. Жакъ Поль Минь (Migne) родился на зарѣ нашего вѣка—въ 1800 году и прославился своей знаменитой книгопечатней, основанной въ Птит-Монружѣ, близъ Парижа, которая сдѣлалась колыбелью многочисленныхъ богословскихъ и главнымъ образомъ патристическихъ твореній. Его знаменитая Патрологія [1]), начавшая выходить въ свѣтъ съ 1844 года, составила двѣ огромныя серіи въ 379 томовъ чрезвычайно убористой печати, при чемъ латинская серія заключала 217 томовъ и греческая 162 тома. Въ послѣднюю, вышедшую въ двойномъ греческомъ и латинскомъ текстѣ, вошли и творенія св. І. Златоуста (съ XLVII тома греческой серіи). Это его новѣйшее изданіе твореній Златоуста состоитъ изъ 13 томовъ (Парижъ 1863 г.) и въ общемъ представляетъ собою воспроизведеніе бенедиктинскаго изданія, хотя имѣетъ болѣе удобную, сподручную для пользованія форму и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя изъ лучшихъ исправленій, примѣчаній и предисловій новѣйшихъ толкователей и издателей, напр. изъ ученыхъ трудовъ Фильда въ его критическомъ изданіи Бесѣдъ на ев. отъ Матѳея, при чемъ не мало въ этомъ изданіи сдѣлано и самимъ ученымъ аббатомъ-издателемъ.

Такимъ образомъ, изданіе Миня, положенное и въ основу пред-

[1]) Cursus Patrologiae completus seu bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda oeconomica ss. patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum... accurante J. P. Migne. Petite Montrouge.

лагаемаго въ русскомъ переводѣ полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста, есть, такъ сказать, результатъ всѣхъ предшествующихъ ученыхъ работъ, и какъ поэтому, такъ и вслѣдствіе своей удобной формы, при чемъ греческій и латинскій тексты слѣдуютъ страница за страницей, это изданіе есть самое распространенное и общеизвѣстное, и нѣтъ такого болѣе или менѣе образованнаго богословски человѣка, который бы такъ или иначе не соприкасался съ этимъ изданіемъ и не былъ бы знакомъ съ его формой и содержаніемъ. Дѣлаемое въ русскомъ изданіи указаніе на страницы или вѣрнѣе—столбцы изданія Миня представляетъ немалое удобство для русскихъ читателей, которые захотѣли бы провѣрить извѣстныя мѣста по подлиннику, какъ къ этому особенно часто приходится прибѣгать молодымъ студентамъ-богословамъ при составленіи своихъ курсовыхъ диссертацій.

Изданіе Миня къ сожалѣнію подверглось бѣдственной участи: въ 1868 году весь не распроданный запасъ его сгорѣлъ вмѣстѣ со всей типографіей, такъ что экземпляры его не особенно доступны теперь и колеблются въ цѣнѣ отъ 180 до 200 марокъ, т. е. около ста рублей на наши деньги. Но и эта цѣна въ сущности не особенно высока, если принять во вниманіе огромную массу содержащагося въ немъ матеріала.

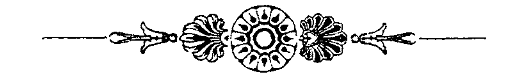
Полное русское изданіе при данной ему постановкѣ для подписчиковъ духовно-академическихъ журналовъ будетъ стоить почти въ десять разъ дешевле [1]).

Что касается русскаго перевода, то въ этомъ отношеніи приложены всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать его возможно болѣе точнымъ при передачѣ подлинника. Конечно, чтобы достигнуть совершенства, для этого даже и переводчикамъ и справщикамъ нужно бы обладать тѣмъ изумительнымъ богатствомъ, чудесною силою и легкостью языка въ выраженіи мыслей и чувствъ, какими обладалъ самъ великій святитель—авторъ этихъ твореній. Но это требованіе неосуществимо, даже по различію самаго духа греческаго и русскаго языковъ; поэтому редакціей принята болѣе скромная задача—возможно точнѣе воспроизводить мысли и даже обороты подлинника, такъ чтобы при чтеніи этихъ твореній невольно чувствовался лежащій въ

[1]) Въ новѣйшихъ переводахъ полное собраніе твореній св. І. Златоуста существуетъ только на французскомъ языкѣ. На нѣмецкомъ, англійскомъ и другихъ европейскихъ языкахъ есть только «избранныя» творенія великаго святителя. Такимъ образомъ русское изданіе будетъ *вторымъ полнымъ* переводомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ.

основѣ ихъ греческій подлинникъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда духъ русскаго языка требовалъ бы выраженій, заставляющихъ отступать отъ подлинника, редакція, слѣдуя мудрымъ правиламъ приснопамятнаго святителя московскаго Филарета, всегда предпочитала давать первенствующее право подлиннику, хотя бы это было отчасти въ ущербъ правамъ русскаго языка. Творенія святыхъ отцовъ—такой великій литературный памятникъ, что каждое слово въ нихъ имѣетъ полное право на неприкосновенность, даже въ новѣйшихъ переводахъ.

Въ заключеніе съ чувствомъ глубокой признательности можемъ заявить, что архипастыри отечественной церкви отнеслись къ этому изданію съ тѣмъ просвѣщеннымъ сочувствіемъ и благоволеніемъ, съ которыми они встрѣчаютъ всякое предпріятіе, содѣйствующее духовному просвѣщенію и религіозно-нравственному воспитанію ввѣреннаго ихъ попеченію православнаго народа. Это высокое сочувствіе служитъ лучшимъ поощреніемъ для тружениковъ духовной академіи и прочнымъ ручательствомъ за успѣшное доведеніе предпринятаго ими крупнаго изданія до желаннаго конца.



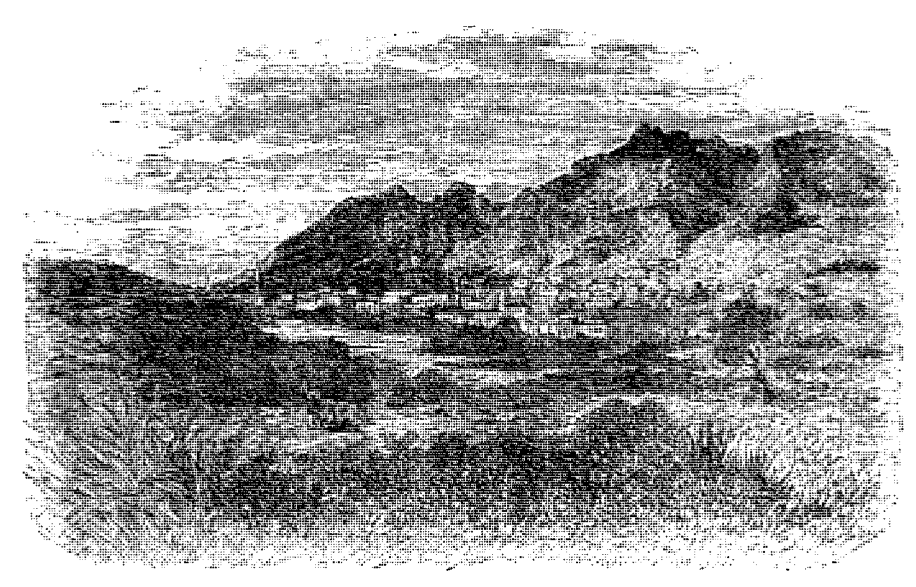
ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго.

Святый Іоаннъ Златоустъ, Архіепископъ Константинопольскій.

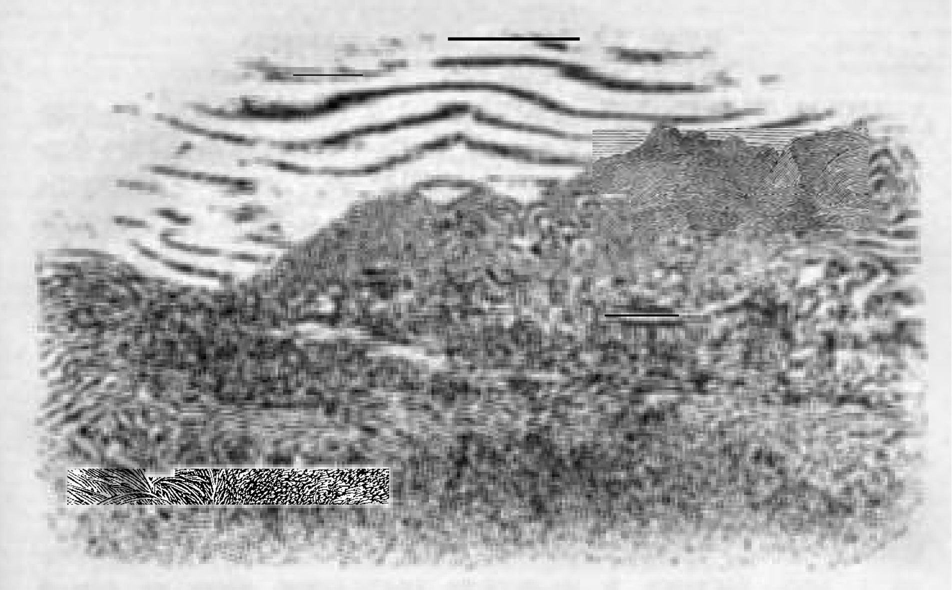


Теперешній видъ Антіохіи, родины св. Іоанна Златоуста.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ
СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Святый Іоаннъ, получившій за свое духовное красноречіе имя Златоустаго, принадлежитъ къ сонму тѣхъ великихъ церковныхъ свѣтилъ, которыя украшали собою духовное небо святой вселенской Церкви въ четвертомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. Это былъ вѣкъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ. Св. Церковь, переживъ страшныя времена гоненій, когда всѣ силы зла вооружались противъ нея, чтобы сокрушить ее и стереть съ лица земли, наконецъ восторжествовала надъ ними, и на престолѣ римскихъ императоровъ возсѣли ея сыны, которые воздали должную дань чести своей св. матери. Но съ достиженіемъ внѣшняго господства въ мірѣ еще не закончилась внутренняя борьба съ отживавшими силами язычества. Напротивъ, чувствуя приближеніе своей полной гибели, язычество напрягало всѣ свои силы, чтобы если не открыто, то тайно подрывать хри-



Теперешній видъ Антіохіи, родины св. Іоанна Златоуста.

стіанство, и такъ какъ массы народа еще коснѣли въ языческомъ заблужденіи, то усилія язычества не оставались безплодными. Въ народахъ происходило необычайное движеніе умовъ, такъ какъ они не могли уже не понимать свѣтозарной истины христіанства, но въ то же время еще опутаны были сѣтями языческихъ обычаевъ и нравовъ, проникавшихъ ядомъ суевѣрія, заблужденія и растлѣнія всю ихъ жизнь. Пользуясь этимъ неопредѣлившимся состояніемъ, многіе лжеучители находили для себя воспріимчивую почву среди народа и успѣшно сѣяли сѣмена ересей и заблужденій, которыя по временамъ гордо поднимали голову, угрожая самому существованію Христовой истины. Такъ одна изъ опаснѣйшихъ ересей, именно аріанская, одно время едва не заполонила весь востокъ и получила господство даже въ самой столицѣ его—Царьградѣ, такъ что православные имѣли себѣ убѣжище только въ одной домовой церкви, а всѣ другіе храмы оскверняли богохульственными гимнами Арія. Но неложно обѣтованіе божественнаго Основателя и Главы Церкви, что «и врата ада не одолѣютъ ея». Когда буря еретическаго заблужденія достигла наивысшей силы и угрожала поглотить корабль Церкви, во главѣ ея явился цѣлый рядъ великихъ кормчихъ, которые, обладая необычайными дарованіями, мужественно провели ввѣренный имъ корабль среди всѣхъ подводныхъ камней и яростныхъ треволненій и навсегда укрѣпили его въ тихой пристани на несокрушимомъ якорѣ истины православія. Среди такихъ кормчихъ особенно прославились четыре великихъ мужа, имена которыхъ какъ свѣтила блистаютъ на страницахъ лѣтописей святой Церкви. Это были святые Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, самыя названія которыхъ навсегда сдѣлались символомъ духовнаго величія. Каждый изъ нихъ по силѣ своего высокаго дарованія послужилъ святой Церкви и всѣ они доселѣ чтутся какъ святые вселенскіе учители, озарившіе вселенную свѣтомъ своего православнаго ученія. Но и среди нихъ особенно дивенъ былъ по богатству и разнообразію своихъ духовныхъ дарованій святый Іоаннъ, ученіе котораго просвѣщало вселенную, вдохновенное слово жгло сердца людей, а жизнь, исполненная трудовъ и испытаній, сдѣлалась неистощимымъ источникомъ назиданія и укрѣпленія для всѣхъ

воиновъ Христовыхъ, подвизающихся на полѣ духовной брани противъ мрачныхъ силъ злобы, тьмы и заблужденія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣтство, юность и подвижничество св. Іоанна (347—380).

Въ точности неизвѣстно, въ какомъ собственно году родился великій святитель: писатели расходятся въ своихъ мнѣніяхъ касательно этого на десять лѣтъ. По болѣе вѣроятному предположенію Іоаннъ родился около 347 года по Р. Христовомъ, въ Антіохіи. Его родители были люди знатные и богатые. Отецъ его Секундъ занималъ высокую должность воеводы въ императорскомъ войскѣ, а мать Анѳуса была весьма образованной для своего времени женщиной и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣрной супругой и матерью семейства. Оба они были христіане, и притомъ не по имени только, какъ это не рѣдко случалось въ то переходное время, а истинные и дѣйствительные христіане, преданные св. Церкви: извѣстно, что сестра Секунда, тетка Іоанна, состояла даже діакониссой въ антіохійской церкви. Въ такомъ именно благочестивомъ домѣ и родился Іоаннъ. Секундъ и Анѳуса были еще люди молодые и у нихъ было только еще двое малютокъ—дѣвочка двухъ лѣтъ и новорожденный мальчикъ Іоаннъ, — радость и утѣшеніе своихъ родителей. Но не успѣло это благочестивое семейство насладиться своимъ счастьемъ, какъ его постигло великое горе: во цвѣтѣ лѣтъ и служебныхъ надеждъ скончался глава его—Секундъ, оставивъ по себѣ молодую вдову Анѳусу съ двумя малютками. Горе молодой матери, которой было всего двадцать лѣтъ отъ роду, было безгранично. Правда, она не нуждалась въ средствахъ жизни, такъ какъ имѣла значительное состояніе; но ея нравственныя муки были тяжелѣе матеріальной нужды. Молодая и неопытная, она неизбѣжно должна была сдѣлаться предметомъ разныхъ искательствъ со стороны многихъ ложныхъ друзей, которые не прочь были воспользоваться ея богатствомъ, и всякая другая женщина въ ея положеніи легко могла бы сдѣлаться жертвою если не увлеченій, то обмана и обольщенія. Но Анѳуса представляла

собою одну изъ тѣхъ великихъ женщинъ, которыя, вполнѣ сознавая свое истинное назначеніе и достоинство, стояли выше всѣхъ увлеченій и житейской суеты. Какъ христіанка, она взглянула на свое несчастье, какъ на испытаніе свыше и, отбросивъ всякую мысль о вторичномъ замужествѣ, порѣшила забыть о себѣ и всецѣло посвятить себя материнской заботѣ объ осиротѣвшихъ малюткахъ. И она исполнила это рѣшеніе съ такою непоколебимостью, что вызвала невольное удивленіе въ язычникахъ. Знаменитый языческій риторъ Ливаній, узнавъ впослѣдствіи о ея материнскомъ самоотверженіи, невольно и съ удивленіемъ воскликнулъ: «Ахъ, какія у христіанъ есть женщины!» Рѣшимость ея не ослабѣла и отъ новаго горя, поразившаго ея материнское сердце. Ея маленькая дочь скоро скончалась, и Анѳуса осталась одна съ своимъ сыномъ, который и сдѣлался предметомъ всей ея любви и материнскихъ заботъ и вмѣстѣ надеждъ.

Принадлежа къ высшему обществу и сама будучи женщиной образованной, Анѳуса не преминула дать своему сыну наилучшее по тогдашнему времени воспитаніе. Удалившись отъ всѣхъ развлеченій міра и всецѣло сосредоточившись въ своемъ маленькомъ семействѣ, она сама могла преподать своему сыну первые начатки образованія, и это было величайшимъ благомъ для Іоанна. Изъ устъ любящей матери онъ получилъ первые уроки чтенія и письма, и первыми словами, которыя онъ научился складывать и читать, несомнѣнно были слова св. Писанія, которое было любимымъ чтеніемъ Анѳусы, находившей въ немъ утѣшеніе въ своемъ преждевременномъ вдовствѣ. Эти первые уроки на всю жизнь запечатлѣлись въ душѣ Іоанна, и если онъ впослѣдствіи самъ постоянно, такъ сказать, дышалъ и питался словомъ Божіимъ и истолкованіе его сдѣлалъ главною задачей всей своей жизни, то эту любовь къ нему онъ несомнѣнно воспринялъ подъ вліяніемъ своей благочестивой матери. Такъ прошло дѣтство и наступило отрочество мальчика. Его положеніе требовало дальнѣйшаго образованія; Анѳуса приложила все стараніе объ этомъ и, не жалѣя никакихъ средствъ, предоставляла всѣ удобства для образованія и самообразованія своего сына. Неизвѣстно, какъ и гдѣ собственно получалъ свое дальнѣйшее образованіе Іоаннъ, дома ли при помощи наемныхъ

учителей, или въ какой нибудь христіанской школѣ. Антіохія славилась своими школами и была своего рода сирійскими Аѳинами. Тамъ было много языческихъ школъ всякаго рода, которыя славились своими учителями, блиставшими напыщеннымъ краснорѣчіемъ и туманной философіей, а рядомъ съ ними были школы христіанскія, гдѣ главнымъ образомъ преподавалось и истолковывалось слово Божіе, хотя не пренебрегалось и общее знаніе, насколько оно могло быть почерпаемо у лучшихъ представителей классическаго міра. Такъ или иначе, Іоаннъ получалъ книжное образованіе, но оно составляло только часть его воспитанія, которое Промыслъ Божій, предуготовляя своего избранника къ его будущему великому назначенію, велъ и инымъ способомъ, давая ему наглядно постигнуть всю тщету отживающаго язычества и величіе и святость христіанства. Въ это именно время, когда Іоанну было 14—15 лѣтъ и когда слѣдовательно его душа только что раскрывалась къ сознательному воспріятію окружавшихъ его событій и явленій, язычество дѣлало послѣднюю отчаянную попытку побороть христіанство. Представителемъ его выступилъ императоръ Юліанъ Отступникъ. Овладѣвъ императорскимъ престоломъ, онъ сбросилъ съ себя маску лицемѣрнаго благочестія и выступилъ открытымъ врагомъ христіанства, ненависть къ которому уже давно таилась въ его душѣ. Повсюду онъ началъ поднимать разлагавшееся язычество и вмѣстѣ съ тѣмъ унижать и подавлять христіанство. Такъ какъ Антіохія была однимъ изъ главныхъ оплотовъ христіанства, которое тамъ именно впервые и выступило подъ своимъ собственнымъ именемъ [1]) и имѣло славныхъ учителей и доблестныхъ исповѣдниковъ, то Юліанъ не преминулъ обратить свое вниманіе на этотъ очагъ ненавистной ему религіи и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы подавить и истребить ее. При этомъ однако онъ былъ слишкомъ дальновиденъ, чтобы дѣйствовать на подобіе прежнихъ императоровъ-гонителей. Онъ зналъ изъ исторіи, что грубое гонительство не можетъ достигнуть истребленія той религіи, для которой кровь ея мучениковъ и исповѣдниковъ всегда была плодотворнымъ сѣменемъ, и поэтому онъ прибѣгъ къ другимъ мѣрамъ и сталъ дѣйствовать съ

[1]) Дѣян. Апост. XI, 26.

одной стороны положительно, поднимая унылый духъ язычниковъ, а съ другой—отрицательно, подвергая христіанство всевозможнымъ стѣсненіямъ, издѣвательствамъ и сатирамъ, въ способности къ которымъ нельзя было отказать этому царственному вѣроотступнику. Направляясь въ Антіохію, Юліанъ не преминулъ посѣтить ея предмѣстье Дафну, гдѣ былъ славившійся въ свое время храмъ Аполлона. Нѣкогда храмъ этотъ съ окружавшей его священной рощей былъ мѣстомъ постоянныхъ языческихъ торжествъ и моленій, но теперь Юліанъ пораженъ былъ его пустотой. Даже жертву не изъ чего было принести и встрѣтившій его жрецъ долженъ былъ заколоть по случаю этого неожиданнаго торжества своего собственнаго гуся. Эта картина глубоко поразила Юліана, и тѣмъ болѣе, что тутъ же поблизости находившійся христіанскій храмъ, въ которомъ находились почитавшіяся христіанами мощи св. Вавилы, оглашался священными пѣснопѣніями и наполненъ былъ молящимися. Юліанъ не стерпѣлъ и тогда же велѣлъ закрыть христіанскій храмъ и мощи изъ него удалить. Это несправедливое распоряженіе однако не подавило духа христіанъ. Они совершили торжественное перенесеніе мощей, и когда совершалась эта величественная процессія, оглашавшая окрестности и улицы Антіохіи пѣніемъ стиховъ псалма: «да посрамятся кланяющіеся истуканамъ, хвалящіеся о идолахъ своихъ», то Юліанъ ясно могъ видѣть и многочисленность христіанъ и ихъ восторженную преданность своей вѣрѣ. Тогда измѣняя своему философскому спокойствію и лицемѣрной вѣротерпимости, онъ велѣлъ арестовать многихъ христіанъ, бросить ихъ въ тюрьму, а нѣкоторыхъ даже приказалъ подвергнуть пыткамъ. Между тѣмъ гнѣвъ небесный разразился надъ капищемъ идольскимъ. Храмъ Аполлона, о которомъ такъ заботился Юліанъ, былъ пораженъ ударомъ молніи и сгорѣлъ до тла. Ярость Юліана была безгранична и онъ, заподозривъ христіанъ въ поджогѣ, велѣлъ закрыть главный христіанскій храмъ въ Антіохіи, при чемъ престарѣлый пресвитеръ его св. Ѳеодоритъ, отказавшійся выдать языческимъ властямъ священнѣйшія принадлежности храма, былъ преданъ мученической смерти. Одна знатная вдова Публія подверглась побоямъ за то только, что когда Юліанъ проходилъ мимо воротъ ея дома, изъ него послы-

шалось пѣніе псалма: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!» Двое изъ молодыхъ военачальниковъ императорской гвардіи, Іувентинъ и Максиминъ, однажды въ товарищеской компаніи выразили жалобу на эти несправедливости правительства по отношенію къ христіанамъ, и по доносу немедленно были арестованы, заключены въ тюрьму, и когда они отказались склониться къ язычеству, то Юліанъ приказалъ ихъ казнить, и они ночью были обезглавлены, а тѣла ихъ съ должными почестями погребены были христіанами. Давая волю своей ярости, Юліанъ однако въ то же время понималъ, что христіанства нельзя подавить подобными жестокостями, которыя только поднимали мужество и духъ въ христіанахъ. Поэтому онъ дѣйствовалъ и иными способами, именно литературнымъ путемъ. Онъ самъ писалъ сатиры на христіанство, издавалъ сочиненія въ опроверженіе чудесъ и божества Іисуса Христа, старался выставить христіанъ темными и невѣжественными фанатиками и суевѣрами, а самъ въ то же время всячески стѣснялъ для нихъ способы образованія, запрещая имъ преподавать въ школахъ и закрывая самыя школы, облагалъ христіанъ большими налогами, конфисковалъ церковныя имущества и изгонялъ епископовъ и священниковъ, въ войскахъ обходилъ христіанъ наградами, въ провинціяхъ ставилъ губернаторами лицъ, извѣстныхъ своею ненавистью къ христіанству и сквозь пальцы смотрѣлъ на усердіе ихъ въ искорененіи ненавистной ему вѣры всякими, часто кровавыми средствами. Когда одинъ изъ префектовъ обратилъ его вниманіе на совершающіяся въ провинціяхъ жестокости надъ христіанами, то онъ въ негодованіи воскликнулъ: «что за бѣда, если десять галилеянъ падутъ отъ руки одного язычника!» Наконецъ, въ вящшее издѣвательство надъ христіанствомъ, онъ порѣшилъ возстановить въ Іерусалимѣ храмъ іудейскій, чтобы тѣмъ опровергнутъ предсказаніе І. Христа о его полномъ разрушеніи.

Всѣ эти событія происходили на глазахъ отрока Іоанна. Хотя онъ уже въ отрочествѣ отличался необычайною для его лѣтъ сосредоточенностью, избѣгалъ сотоварищества и любилъ предаваться въ тиши своего дома уединеннымъ размышленіямъ, почерпая изъ чтенія св. Писанія и своего глубокаго духовнаго существа матеріалъ для своего образованія, однако онъ не могъ вполнѣ оставаться равнодушнымъ къ тому, что про-

исходило внѣ его дома, и такъ какъ его благочестивая мать несомнѣнно переживала много тревожныхъ дней во времена этихъ гоненій на христіанство, то и онъ долженъ былъ раздѣлять ея тревоги и опасенія. Можно даже думать, что онъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ христіанъ. Читая его восторженное похвальное слово, произнесенное впослѣдствіи надъ гробомъ святыхъ исповѣдниковъ вѣры Христовой, доблестныхъ воиновъ Іувентина и Максимина, нельзя не выносить того впечатлѣнія, что онъ самъ когда-то участвовалъ въ погребеніи этихъ мучениковъ и самъ со множествомъ другихъ христіанъ проливалъ надъ ихъ обезглавленными трупами горячія слезы [1]). Неистовства Юліана закончились съ его заслуженною гибелью во время персидскаго похода, когда онъ, смертельно раненый, въ безумной ярости бросалъ къ солнцу комья грязи съ своею запекшеюся кровью и въ предсмертномъ издыханіи воскликнулъ: «Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!» Послѣ него престолъ перешелъ къ Іовіану, который въ теченіе своего короткаго царствованія старался загладить вредъ, причиненный христіанству его предшественникомъ: онъ возстановилъ на воинскомъ знамени имя Христа, освободилъ церкви отъ налоговъ, возвратилъ епископовъ изъ ссылки. Такъ же дѣйствовалъ и его преемникъ Валентиніанъ, и хотя онъ совершилъ крупную ошибку, пригласивъ въ соправители себѣ Валента, которому предоставилъ востокъ, но въ общемъ онъ старался излечить раны, нанесенныя христіанству царственнымъ вѣроотступникомъ, и дѣйствительно не мало сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, предписавъ напр. празднованіе воскреснаго дня и запретивъ разныя волшебства и ночныя жертвоприношенія, подъ предлогомъ которыхъ язычники совершали всевозможныя гнусности и поддерживали въ массахъ народа вражду къ христіанству.

Къ этому болѣе спокойному времени Іоаннъ былъ уже юношей. При вступленіи Валентиніана на престолъ Іоанну было уже около 18 лѣтъ, и изъ него разцвѣлъ прекрасный если не тѣломъ, то душой юноша. Материнское сердце Анѳусы восторгалось при видѣ ея сына, который, какъ со-

---

[1]) См. Похвальное слово св. мученикамъ Іувентину и Максимину. Въ новомъ русскомъ изданіи войдетъ во II-й томъ.

кровище охраняемый ею въ теченіе столь многихъ лѣтъ отъ всякихъ вредныхъ вліяній и опасностей, теперь проявлялъ всѣ признаки великихъ дарованій. И любящая мать сочла своимъ долгомъ дать ему возможность устроиться въ мірѣ согласно съ его положеніемъ и дарованіями. Для успѣха на житейскомъ поприщѣ ему необходимо было закончить свое образованіе какимъ нибудь спеціальнымъ курсомъ, и она, замѣтивъ въ немъ предрасположеніе къ ораторству и глубокомыслію, предоставила ему возможность поступить въ школу знаменитѣйшаго въ то время учителя краснорѣчія Ливанія. Это былъ язычникъ-софистъ, одинъ изъ ближайшихъ пособниковъ Юліана. Подобно ему, онъ упорно держался язычества и мечталъ о возрожденіи его на новыхъ философскихъ началахъ. Къ христіанству онъ относился свысока, и хотя не питалъ къ нему ожесточенной вражды, но не прочь былъ посмѣяться надъ его странными-де вѣрованіями въ какого-то сына плотника. Посѣтивъ однажды христіанскую школу въ Антіохіи, находившуюся подъ руководствомъ весьма набожнаго и строгаго учителя-христіанина, Ливаній съ ироніей спросилъ послѣдняго: «а что подѣлываетъ теперь сынъ плотника?» На этотъ кощунственный вопросъ учитель серьезно отвѣтилъ: «Тотъ, Кого ты насмѣшливо называешь сыномъ плотника, въ дѣйствительности есть Господь и Творецъ неба и земли. Онъ, добавилъ учитель, строитъ теперь погребальныя дроги». Вскорѣ послѣ этого пришло извѣстіе о неожиданной смерти Юліана, и насмѣшливый риторъ не могъ не призадуматься надъ полученнымъ имъ отъ христіанскаго учителя отвѣтомъ. Во всякомъ случаѣ онъ не отличался какою-нибудь фанатическою, слѣпою враждою къ христіанству, а потому и прохожденіе курса высшаго краснорѣчія у него не было опаснымъ даже для христіанскихъ юношей. У него, напримѣръ, учился св. Василій Великій и даже впослѣдствіи поддерживалъ переписку съ нимъ. Не могъ опасаться никакихъ дурныхъ вліяній отъ него и святой Іоаннъ, который, воспитавшись въ благочестивомъ домѣ своей матери, теперь былъ уже вполнѣ воиномъ Христовымъ, умѣвшимъ владѣть духовнымъ оружіемъ для отраженія всякихъ нападеній на свою вѣру. И онъ съ свойственною ему жаждою къ знанію отдался высшей наукѣ, и сразу обнаружилъ такія дарованія и сталъ дѣлать такіе

успѣхи, что невольно восторгалъ своего учителя. Послѣдній отчасти не безъ тревоги видѣлъ, какъ въ его школѣ выросталъ этотъ необычайный ораторъ, который угрожалъ со временемъ затьмить самого учителя, и это тѣмъ болѣе безпокоило его, что Іоаннъ былъ христіанинъ и готовился быть великимъ глашатаемъ и проповѣдникомъ христіанства, между тѣмъ какъ самъ Ливаній все еще надѣялся воскресить разлагавшійся трупъ язычества. Нѣтъ сомнѣнія, что старому софисту крайне хотѣлось бы склонить молодого оратора къ своимъ убѣжденіямъ и эта тайная надежда заставляла его съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ своему любимому ученику. Но надежда его оказалась тщетной. Іоаннъ въ это время уже почти намѣтилъ свой жизненной путь, порѣшивъ посвятить себя на служеніе своему Господу Іисусу Христу, и старый софистъ, будучи на своемъ смертномъ одрѣ, съ искреннею скорбію отвѣтилъ своимъ приближеннымъ на вопросъ, кого бы онъ желалъ назначить своимъ преемникомъ по школѣ: — «Іоанна, простоналъ онъ, если бы не похитили его у насъ христіане» [1]).

Рядомъ съ краснорѣчіемъ Іоаннъ изучалъ и философію у нѣкоего философа Андрагаѳія, также славившагося въ Антіохіи. Философія въ это время уже давно потеряла свой прежній классическій характеръ и подъ нею разумѣлось по преимуществу поверхностное изученіе прежнихъ философскихъ системъ, при чемъ недостатокъ глубины мысли прикрывался потоками туманнаго и напыщеннаго краснорѣчія. Но болѣе выдающіеся представители философіи все-таки умѣли придавать своей наукѣ характеръ нѣкотораго любомудрія, и если имъ удавалось проникать въ законы духовной жизни человѣка, то этимъ уже они оказывали услугу своимъ ученикамъ, такъ какъ обращали ихъ вниманіе отъ пестроты внѣшнихъ явленій въ таинственную область духовнаго міра. Къ числу такого рода философовъ вѣроятно принадлежалъ и Андрагаѳій, и если Іоаннъ впослѣдствіи проявлялъ изумительную способность проникать въ глубочайшіе тайники душевной жизни людей, чѣмъ блистаютъ его проповѣди и трактаты, то помимо природной духовной проницательности онъ обязанъ былъ этимъ не мало и своему учителю.

---

[1]) Созом. VIII, с. 2.

Покончивъ свое образованіе, Іоаннъ во всеоружіи талантовъ и знаній готовъ былъ вступить на жизненный путь. Предъ нимъ, какъ знатнымъ и блестяще образованнымъ юношей, открывалось широкое поприще. По своему положенію онъ могъ бы поступить и на государственную службу; но недавно пережитые крутые перевороты на императорскомъ престолѣ, отзывавшіеся и на всей администраціи, могли подорвать довѣріе къ прочности подобнаго рода службы, и потому Іоаннъ предпочелъ болѣе свободное занятіе — адвокатурой,—занятіе, которое, не стѣсняя человѣка извѣстными обязанностями, въ то же время открывало молодымъ, даровитымъ людямъ путь къ высокому и почетному положенію въ обществѣ. Вся почти знатная молодежь того времени начинала свою общественную жизнь адвокатурой и ею занимались напр. святые Василій Великій, Амвросій Медіоланскій, Сульпицій Северъ и другія знаменитости того времени. Это занятіе сразу ввело Іоанна въ бурный круговоротъ жизни, и онъ сталъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ міромъ неправдъ, козней, обидъ и угнетеній, вражды и лжи, слезъ и злорадства, изъ которыхъ слагается обыденная жизнь людей и которыхъ онъ не зналъ въ мирномъ домѣ своей благочестивой матери. Эта оборотная сторона жизни, хотя и претила его неиспорченной душѣ, однако дала ему возможность познакомиться съ той бездной неправдъ и порока, которая часто прикрывается ложью и лицемѣріемъ, но на судѣ выступаетъ во всемъ своемъ безобразіи, и эта именно судейская дѣятельность и дала Іоанну впослѣдствіи возможность изображать пороки съ такою безпощадностью, которая, обнажая ихъ во всей гнусности, тѣмъ самымъ возбуждала невольное отвращеніе къ нимъ. Адвокатство вмѣстѣ съ тѣмъ пріучило его къ публичному ораторству, и онъ сразу же обнаружилъ на этомъ поприщѣ такіе блестящіе успѣхи, что имъ невольно восхищался его старый учитель Либаній. Молодому адвокату очевидно предстояла блестящая будущность: его ораторство пріобрѣтало ему обширную извѣстность, которая, давая ему изобильныя денежныя средства, вмѣстѣ съ тѣмъ открывала дорогу и къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Изъ среды именно наиболѣе даровитыхъ адвокатовъ, пріобрѣвшихъ себѣ имя въ судахъ, правительство приглашало лицъ, которымъ предоставляло управленіе провинціями, и

Іоаннъ, идя по такой дорогѣ, могъ постепенно достигнуть высшихъ должностей—подпрефекта, префекта, патриція и консула, съ каковымъ саномъ соединялся и титулъ «знаменитый»—illustris. И показная сторона этой жизни не могла не увлекать юношу, который только что выглянулъ на широкій свѣтъ Божій, тѣмъ болѣе, что съ этой жизнью неразлучны были и всякія общественныя удовольствія и развлеченія. Человѣкъ общества долженъ былъ непремѣнно посѣщать театры и цирки и волей-неволей отдаваться тѣмъ увлеченіямъ и страстямъ, которыми свѣтскіе люди старались наполнить пустоту своей жизни. И Іоаннъ дѣйствительно съ своими молодыми друзьями и товарищами посѣщалъ эти мѣста развлеченій,—но тутъ именно его неиспорченная натура болѣе всего и возмутилась противъ такой пустоты. Какъ адвокатство, такъ и эти развлеченія съ неотразимою очевидностью показали ему всю пустоту и ложь подобной жизни и онъ увидѣлъ, какъ далекъ этотъ дѣйствительный міръ съ его неправдами и злобами, съ его страстями и пороками, отъ того божественнаго идеала, который предносился ему, когда онъ, по его собственному любимому выраженію, напоивъ свою душу изъ чистаго источника св. Писанія, съ непорочнымъ сердцемъ вступилъ на поприще жизни. Его душа не могла выдержать этого испытанія, и онъ порѣшилъ порвать всякую связь съ этимъ негоднымъ міромъ лжи и неправды, чтобы всецѣло посвятить себя на служеніе Богу и стремленію къ тому духовному совершенству, которое сдѣлалось потребностью его души.

Этому благотворному перевороту много посодѣйствовалъ одинъ изъ его ближайшихъ друзей и сверстниковъ, именно Василій [1]). Іоаннъ восторженно говоритъ о дружбѣ, которая связывала его съ нимъ еще въ отрочествѣ. «Много было у меня друзей, говоритъ онъ въ началѣ своей книги «О священствѣ», искреннихъ и вѣрныхъ, знавшихъ и строго соблюдавшихъ законы дружбы; но изъ многихъ одинъ превосходилъ всѣхъ другихъ любовію ко мнѣ. Онъ всегда былъ неразлучнымъ спутникомъ моимъ: мы учились однѣмъ и тѣмъ

[1]) Этого Василія не нужно смѣшивать съ св. Василіемъ Великимъ Кесарійскимъ, который былъ гораздо старше Іоанна и занималъ уже высокое мѣсто, когда послѣдній былъ еще отрокомъ. См. объ этомъ въ заключительномъ сообщеніи къ «Житію св. Іоанна Златоустаго» въ Четіи-Минеѣ подъ 13-мъ ноября.

же наукамъ и имѣли однихъ и тѣхъ же учителей; съ одинаковою охотою и ревностію занимались краснорѣчіемъ и одинаковыя имѣли желанія, проистекавшія изъ однихъ и тѣхъ же занятій». Но вотъ между друзьями легла тѣнь раздѣленія. Когда Іоаннъ отдался свѣтской общественной жизни, его другъ Василій посвятилъ себя «истинному любомудрію», т. е. принялъ иночество. Примѣръ истиннаго друга не могъ не повліять и на Іоанна и хотя онъ въ теченіе нѣкотораго времени предавался еще житейскимъ мечтамъ и увлеченіямъ, но видѣнная имъ оборотная сторона мірской жизни настолько поразила его, что и онъ сталъ понемногу освобождаться отъ житейской бури, опять сблизился съ Василіемъ, который не преминулъ оказать на него все доброе вліяніе, къ какому только способна истинная дружба и — Іоаннъ порѣшилъ бросить этотъ жалкій, суетный міръ съ его злобами и нескончаемыми треволненіями, чтобы также всецѣло посвятить себя Богу и истинному любомудрію.

Другъ глубоко обрадовался этой перемѣнѣ въ жизни своего сотоварища, и намѣреніе ихъ совмѣстно подвизаться на поприщѣ иноческой жизни готово было осуществиться. Но неожиданно встрѣтилось важное препятствіе, и именно со стороны благочестивой Анѳусы. Воспитавъ своего сына и поставивъ его на житейскую дорогу, она достигла цѣли своихъ многолѣтнихъ заботъ и, какъ мать, конечно радовалась успѣхамъ своего сына. Правда, она не могла не безпокоиться, при видѣ того, какъ ея юноша—сынъ отдавался житейской бурѣ, и потому она, по ея собственнымъ словамъ, ежедневно подвергалась за него тысячѣ опасеній, но утѣшалась тѣмъ, что пройдетъ пылъ молодости и ея возлюбленный сынъ, достигнувъ возраста мужа совершеннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ придетъ въ мѣру возраста Христова и сдѣлается въ общественной жизни достойнымъ и своего положенія и христіанскаго званія. Какою же скорбію поражено было ея нѣжное материнское сердце, когда она узнала, что ея возлюбленный Іоаннъ порѣшилъ вступить въ иноческую жизнь! Всѣ ея надежды разлетались въ прахъ, и она не могла этого вынести. Призвавъ на помощь всю силу убѣдительности своей материнской любви, она со слезами стала умолять его, не повергать ее во второе вдовство и сиротство, и эти слезы не могли не поколебать его рѣшенія. Онъ от-

казался отъ своей мысли и остался въ домѣ матери, хотя теперь уже былъ совершенно чуждъ всякихъ мірскихъ увлеченій и всецѣло предавался подвигамъ благочестія, изучая священное Писаніе, которое навсегда сдѣлалось главнымъ источникомъ, напоявшимъ его жаждущую душу. Вмѣстѣ съ Василіемъ они посѣщали особую подвижническую школу, гдѣ св. Писаніе преподавалось извѣстнѣйшими въ то время учителями пресвитерами Флавіаномъ и Діодоромъ, и эти благочестивые учители и особенно Діодоръ окончательно укрѣпили его въ мысли посвятить себя подвигамъ учительства и благочестія. Вѣроятно чрезъ эту школу, а можетъ быть уже и раньше, Іоаннъ сблизился съ благочестивымъ епископомъ Мелетіемъ, который, обративъ вниманіе на даровитаго и благочестиваго юношу, привязалъ его къ себѣ и совершилъ надъ нимъ св. таинство крещенія. Въ это время Іоанну было около 22 лѣтъ (369 г.). Причина, почему такъ долго откладывалось его крещеніе, объясняется отчасти обычаемъ того времени — откладывать крещеніе до зрѣлаго возраста, когда пройдутъ всѣ увлеченія молодости, а также вѣроятно и обстоятельствами времени. Антіохійская церковь въ это время обуревалась печальными смутами, которыя производились аріанами. Захвативъ власть въ свои руки, они дерзко и сильно тѣснили православныхъ, посѣевая притомъ раздоры и между ними самими, такъ что благочестивый епископъ ихъ Мелетій нѣсколько разъ подвергался изгнанію. Въ такомъ положеніи дѣло находилось въ первые годы дѣтства Іоанна и съ промежутками продолжажалось въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Поэтому вполнѣ естественно, что глубокопреданная православной церкви Анѳуса и съ этой стороны имѣла достаточно основаній откладывать крещеніе своего сына, чтобы не сдѣлаться сообщницей пагубной ереси. Теперь смута нѣсколько улеглась, епископъ Мелетій могъ возвратиться въ Антіохію и вновь занялъ свой престолъ, и христіане Антіохіи могли съ спокойною совѣстью и безопасно принимать крещеніе. Крещеніе оказало на Іоанна глубокое дѣйствіе. Если уже и прежде онъ порѣшилъ посвятить себя духовной жизни, то теперь, принявъ баню возрожденія, онъ всею душею прилѣпился къ подвигамъ благочестія, и архипастырь Мелетій, замѣтивъ его благочестивыя наклонности, возвелъ его въ должность

чтеца, которая дала ему возможность вполнѣ удовлетворить свою любовь къ чтенію св. Писанія. Чтобы всецѣло сосредоточиться на этомъ упражненіи, Іоаннъ даже наложилъ на себя обѣтъ воздержанія въ словѣ и — недавній адвокатъ и ораторъ — сдѣлался почти молчальникомъ: удерживался отъ всякаго празднословія и шутокъ и этимъ накоплялъ въ себѣ духовныя силы, которыя понадобились ему впослѣдствіи.

Между тѣмъ въ Антіохіи опять начались смуты; аріане, пользуясь содѣйствіемъ императора Валента, вновь начали тѣснить православныхъ и Мелетій сосланъ былъ въ заточеніе. Положеніе православныхъ вообще было тяжело, а служителей церкви въ особенности. Для Іоанна прибавилось еще новое огорченіе: скончалась его благочестивая мать Анѳуса. Онъ остался одинокимъ, и тогда онъ порѣшилъ совсѣмъ покончить съ этимъ грѣшнымъ міромъ, исполненнымъ всяческихъ смутъ, треволненій и огорченій, и удалиться въ пустыню—для отшельнической жизни. Его другъ Василій торжествовалъ и радовался за своего сверстника, и оба они старались вообще о томъ, чтобы какъ можно больше друзей и товарищей своей юности обратить къ этому истинному любомудрію. Самъ пылая ревностію къ духовному подвижничеству, Іоаннъ поэтому былъ тѣмъ болѣе огорченъ, когда узналъ, что одинъ изъ его друзей, еще недавно предававшійся истинному любомудрію и стремившійся къ подвижничеству, измѣнилъ своему рѣшенію и, увлекшись любовію къ нѣкоей Ерміонѣ, задумалъ оставить отшельничество и жениться на своей возлюбленной. До крайности огорченный этимъ, Іоаннъ написалъ своему другу два чрезвычайно сильныхъ и краснорѣчивыхъ увѣщанія, въ которыхъ, оплакавъ паденіе своего друга и изобразивъ суетность міра съ его прелестями, призывалъ Ѳеодора оставить свою суетную мысль и возвратиться къ любомудрію. Увѣщанія — это первое его христіански-назидательное твореніе — возымѣли силу и Ѳеодоръ раскаялся въ своей слабости, возвратился къ подвижничеству и впослѣдствіи былъ епископомъ мопсуестскимъ [1]).

Молодые друзья со всѣмъ пыломъ юности отдались духовнымъ подвигамъ, и Іоаннъ теперь соперничалъ съ своимъ

---

[1]) Увѣщанія къ Ѳеодору падшему, написанныя около 369 или 370 года.

другомъ Василіемъ въ дѣлахъ благочестія: подвизаясь самъ, онъ и другихъ поощрялъ къ подвигамъ, дѣломъ и словомъ возбуждая въ лѣнивыхъ стремленіе къ небесамъ—чрезъ умерщвленіе своей плоти и порабощеніе ея духу. Слухъ о ихъ необычайномъ подвижничествѣ распространился по окрестностямъ, и къ нимъ отовсюду потянулись страждущіе духомъ и тѣломъ и получали исцѣленіе. Около этого времени Іоаннъ написалъ свои два слова «о сокрушеніи» къ инокамъ Димитрію и Стелехію, преподавъ въ нихъ урокъ утѣшенія всѣмъ духовнострадающимъ и сокрушающимся о грѣхахъ своихъ. Православные жители Антіохіи удивлялись подвигамъ молодыхъ иноковъ, и даже соборъ епископовъ пришелъ къ мысли, какъ хорошо было бы поставить ихъ ближе къ церкви, тогда нуждавшейся въ самоотверженныхъ пастыряхъ. И вотъ пронесся слухъ, что составился уже планъ взять ихъ обоихъ и рукоположить во епископовъ. Въ тѣ смутныя времена подобные случаи были нерѣдки: въ санъ епископа возводились и молодые люди, если они оказывались достойными этого сана по своему уму и благочестію. Честь предстояла великая, но эта вѣсть чрезвычайно поразила и встревожила Іоанна. Онъ для того и удалился въ пустыню, чтобы въ уединеніи спасать свою душу—вдали отъ треволненій міра сего, а теперь опять хотятъ поставить его среди этихъ треволненій и притомъ въ такомъ высокомъ санѣ, о которомъ онъ и помыслить не смѣлъ. Поэтому онъ порѣшилъ такъ или иначе уклониться отъ этого избранія, и такъ какъ его другъ Василій оказался болѣе склоннымъ къ предъизбранію Божію, то онъ даже нарочито посодѣйствовалъ ему въ этомъ, а самъ укрылся въ пустыню. Василій дѣйствительно былъ взятъ и рукоположенъ во епископа и когда, узнавъ о поступкѣ своего друга, сталъ сѣтовать на него, то чтецъ Іоаннъ въ оправданіе себя и въ утѣшеніе своего друга написалъ знаменитую книгу: «Шесть словъ о священствѣ», въ которой изложилъ всю возвышенность и трудность пастырскаго служенія. Эта книга сдѣлалась навсегда необходимымъ руководствомъ для всякаго пастыря душъ и изъ нея именно черпали и доселѣ черпаютъ себѣ духовное мужество и силы всѣ истинные пастыри, добрѣ правящіе слово истины. Василій, успокоившись отъ волненія, ревностно предался своему архипастырскому служенію и въ качествѣ епископа рафанскаго

впослѣдствіи участвовалъ на 2-мъ вселенскомъ соборѣ въ 381 году.

Между тѣмъ Іоаннъ, избѣгнувъ епископства, еще сильнѣе предался своему духовному подвижничеству. Въ это смутное время, когда въ политической жизни чувствовалась тяжелая неопредѣленность, а въ церковной продолжалось пагубное господство аріанъ, многіе благочестивые люди предпочитали за лучшее бросить этотъ жалкій міръ съ его смутами, треволненіями и бѣдствіями, чтобы въ пустынѣ найти себѣ полное успокоеніе. Тамъ въ безмолвномъ уединеніи, среди вѣчно прекрасной природы смолкали всѣ злобы міра сего и отшельники могли съ облегченнымъ сердцемъ пещись о спасеніи своей души. Поэтому окрестныя горы Антіохіи наполнились отшельниками и изъ нихъ составилась цѣлая община, которая и вела полную духовныхъ подвиговъ жизнь. Это были истинные воины Христовы, постоянно стоявшіе на стражѣ противъ нападеній плоти. Уже въ полночь они поднимались на молитву и оглашали пустынныя горы стройнымъ псалмопѣніемъ. Отдохнувъ немного, они затѣмъ съ восходомъ солнца опять вставали и совершали утреню, послѣ чего каждый занимался въ своей келліи чтеніемъ св. Писанія или списываніемъ св. книгъ. Въ теченіе дня, въ опредѣленные часы, они опять собирались на общую молитву, называвшуюся часами третьимъ, шестымъ, девятымъ и вечернею, а въ промежутки занимались разными видами труда, чѣмъ добывали себѣ скудное пропитаніе. По обѣту нестяжательности, все у нихъ, какъ и во времена апостольскія, было общее, такъ что у нихъ неизвѣстны были самыя слова — мое и твое. Трудна и сурова была жизнь этихъ подвижниковъ, но она находила себѣ полное вознагражденіе въ томъ душевномъ мирѣ, который водворяла она, услаждая ихъ надеждой на Божіе милосердіе и радостію о благодати, низливавшейся на нихъ свыше. Четыре года Іоаннъ провелъ въ этой иноческой обители (375—378 гг.), и суровая жизнь только еще болѣе усилила его ревность къ подвижничеству. Правда, для него, воспитавшагося въ довольствѣ, подъ любящимъ попеченіемъ матери, въ богатомъ домѣ, гдѣ всѣ его нужды удовлетворялись слугами, было труднѣе чѣмъ для кого нибудь сносить всѣ тягости отшельнической жизни въ этой суровой обители

подвижниковъ. И дѣйствительно онъ и самъ опасался предстоявшихъ ему трудовъ, тѣмъ болѣе, что и по самой слабости своей тѣлесной онъ могъ не выдержать такого суроваго подвижничества. Но слабый тѣломъ, онъ былъ могучъ духомъ, и не только преодолѣлъ всѣ трудности иноческой жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ велъ и борьбу съ опаснымъ духомъ времени, вздымавшимся противъ монашества. Этотъ враждебный монашеству духъ начался съ воцареніемъ императора Валента. Увлеченный сѣтями аріанъ, Валентъ оказался жестокимъ врагомъ православныхъ и началъ противъ нихъ безпощадное гоненіе. Зная, что главный оплотъ православія есть монашество, онъ всю свою ярость направилъ противъ иноковъ; по его приказанію разорены были знаменитые Нитрійскіе монастыри и это гонительство закончилось варварскимъ сожженіемъ 24 православныхъ пастырей въ Никомидіи. Даже язычники негодовали на подобное безчеловѣчіе; но тѣмъ не менѣе нашлось много такихъ, которые, воспользовавшись настроеніемъ императора, и сами содѣйствовали ему, ставя всевозможныя преграды для лицъ, желавшихъ принять иноческое житіе и выставляя иноковъ врагами отечества и государства. И вотъ въ это тяжелое время Іоаннъ выступилъ поборникомъ монашества и написалъ «три книги къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни». Въ этихъ книгахъ онъ излилъ весь пылъ своего иноческаго сердца и краснорѣчиво доказалъ, какое счастье находитъ душа въ пустынѣ—въ уединенномъ собесѣдованіи съ Богомъ. Подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ онъ написалъ и небольшое разсужденіе подъ заглавіемъ: «Сравненіе власти, богатства и преимуществъ царскихъ съ истиннымъ и христіанскимъ любомудріемъ монашеской жизни». Эти творенія составляютъ неизсякаемый источникъ назиданій для иноковъ и стремящихся къ иночеству. Назидая другихъ, Іоаннъ еще строже относился къ себѣ самому и, не удовлетворяясь подвигами общежительнаго монастыря, наконецъ удалился изъ него, чтобы уединенною жизнью въ пещерѣ подвергнуть свою плоть еще болѣе суровымъ испытаніямъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ силу Иліи или Іоанна Крестителя и подобно имъ стремился въ пустыню, чтобы тамъ вдали отъ міра приготовить себя на предстоявшее ему великое служеніе. По своей ревности къ подвижничеству онъ готовъ бы

навсегда поселиться въ пустынѣ; но Промыслъ Божій судилъ иначе. Такому великому свѣтильнику не надлежало быть подъ спудомъ, въ пустынѣ и въ пещерѣ, но нужно было ярко свѣтить всѣмъ на свѣщницѣ церковномъ. Суровое подвижничество разстроило здоровье Іоанна и онъ по необходимости долженъ былъ оставить пустыню и возвратился въ Антіохію. Тамъ его съ радостію встрѣтилъ блаженный Мелетій и посвятилъ въ санъ діакона. Уклонившись раньше отъ высокаго сана епископа, Іоаннъ теперь смиренно принялъ санъ діакона (380 г.) и съ этого времени начался новый періодъ въ его жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Служеніе Іоанна Златоуста въ санѣ діакона и пресвитера въ Антіохіи (381—398 гг.).

Принявъ священный чинъ діаконства, Іоаннъ опять возвратился въ міръ, но уже не какъ рабъ его, а какъ дѣятель въ немъ. Во дни своей юности онъ увлекался разными прелестями и удовольствіями обыденной мірской жизни; теперь онъ какъ служитель церкви выступилъ на борьбу съ этими прелестями и, исполненный духовнаго мужества, началъ съ ревностью исполнять свое служеніе. Обязанности діакона въ то время были весьма сложны. Кромѣ исполненія порученій епископа и служенія въ церкви, онъ долженъ былъ особенно заботиться о разныхъ нуждахъ немощныхъ и бѣдныхъ христіанъ. Ему приходилось посѣщать больныхъ и утѣшать умирающихъ, помогать бѣднымъ и изыскивать средства на ихъ содержаніе. Должность трудная, требовавшая полнаго самоотверженія и любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была и превосходной школой для приготовленія къ высшему пастырскому служенію. Въ пустынѣ Іоаннъ, заботясь о спасеніи своей собственной души и не видя всѣхъ немощей и бѣдствій, удручающихъ страждущее человѣчество, могъ ослабѣть въ своемъ человѣколюбіи, такъ какъ не видя предъ собою несчастныхъ, не трудно и совсѣмъ забыть о нихъ. Теперешнее служеніе вновь поставило его въ среду дѣйствительной жизни и открыла предъ его глазами весь этотъ міръ, полный слезъ

и страданій. И раньше, будучи адвокатомъ, онъ могъ знакомиться съ оборотною стороною мірской жизни; но тамъ самое его занятіе побуждало его становиться на сторону сильныхъ и богатыхъ въ ихъ тяжбахъ съ слабыми и бѣдными; теперь же онъ выступилъ непреоборимымъ защитникомъ этихъ послѣднихъ, и ему часто приходилось бороться съ жадностью богачей, укрощать ихъ хищныя посягательства на тощую казну бѣдняковъ, защищать обездоленныхъ лицъ отъ притѣсненій алчныхъ и безсердечныхъ чиновниковъ и такимъ образомъ по возможности облегчать жизнь тѣхъ труждающихся и обремененныхъ, которыхъ особенно призывалъ къ себѣ и Спаситель Христосъ. Такимъ образомъ Іоаннъ принялъ двойное воспитаніе: воспитаніе въ пустынѣ, укрѣпившей въ немъ духъ и очистившей въ немъ сердце до способности созерцанія Божества, и воспитаніе въ общественной жизни, которая показываетъ людей въ ихъ немощахъ, бѣдствіяхъ, неправдахъ и порокахъ. Картина печальная, но знакомство съ ней было необходимо для него въ предстоявшемъ ему служеніи, и она именно сдѣлала изъ него того истиннаго пастыря и благотворителя страждущихъ, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи. Первое серебро, которое онъ отдалъ бѣднымъ, было его собственное, и съ этого времени до самой смерти онъ ничего не называлъ своимъ, и все, что имѣлъ, считалъ принадлежностью бѣдныхъ.

Съ саномъ діаконства не соединялось церковное учительство, принадлежавшее пресвитерамъ, да и самыя обязанности этого, преимущественно благотворительнаго служенія, не давали времени и возможности для такого учительства. Но не выступая съ словеснымъ учительствомъ, Іоаннъ не оставлялъ учительства письменнаго, и къ этому времени относится нѣсколько его замѣчательныхъ разсужденій, каковы «Три слова къ подвижнику Стагирію», въ которыхъ онъ преподалъ одному изъ друзей своей юности утѣшеніе въ объявшемъ его уныніи, доказавъ, что все въ человѣческой жизни находится подъ вѣдѣніемъ Промысла Божія и потому все направляется къ лучшему и именно къ посрамленію исконнаго человѣконенавистника — діавола, а также разсужденія «О дѣвствѣ» и «Къ молодой вдовѣ». Оба эти разсужденія исполнены самыхъ возвышенныхъ мыслей, а послѣднее отличается тѣмъ бóльшею сердечностью, что въ немъ Іоаннъ

могъ ссылаться на примѣръ своей собственной матери, которая нашла себѣ достаточное утѣшеніе во вдовствѣ, всецѣло посвятивъ себя материнской заботѣ о достойномъ воспитаніи своего сына. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Іоаннъ выступалъ строгимъ ревнителемъ тѣлесной чистоты и въ нихъ содержится все, что только можетъ служить къ укрѣпленію духа въ борьбѣ съ искушеніями плоти. Наконецъ можно думать, что въ это время имъ издана въ окончательно обработанномъ видѣ и книга «О священствѣ», которая, сначала написанная лишь для друга Василія и обращавшаяся въ тѣсномъ кружкѣ друзей, теперь издана была въ назиданіе для всѣхъ служителей церкви и всѣхъ вообще христіанъ.

Въ санѣ діакона Іоаннъ прослужилъ пять лѣтъ. Между тѣмъ благочестивый епископъ Мелетій закончилъ свою исполненную испытаній жизнь, а на его мѣсто избранъ былъ уважаемый всѣми за пастырское учительство пресвитеръ Флавіанъ. Новый епископъ былъ давно уже знакомъ съ Іоанномъ, который былъ его ученикомъ по антіохійской школѣ, и видя въ немъ полезнѣйшаго дѣятеля для церкви, возвелъ его въ санъ пресвитера (386 г.). Іоанну было въ это время около 39 лѣтъ, и онъ, достигнувъ возраста мужа совершеннаго, съ полнымъ сознаніемъ важности своего высокаго служенія вступилъ въ отправленіе своей должности.

Трудъ ему предстоялъ весьма большой. Если гдѣ, то именно въ Антіохіи требовались пастыри, которые имѣли бы достаточно мужества и ревности, чтобы бороться со множествомъ всякихъ препятствій къ истинно христіанской жизни. Антіохія была однимъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ городовъ востока. Въ это время въ ней числилось до 200,000 душъ, изъ которыхъ половина были язычники и евреи, а половина—христіане. Доживавшее свой вѣкъ язычество здѣсь имѣло своихъ виднѣйшихъ представителей, которые, не желая признать очевидно торжествовавшее побѣду христіанство, силились выставить противъ него жалкіе обрывки своей учености и философіи и въ то же время незамѣтно подновить само язычество, истолковывая его въ болѣе возвышенномъ смыслѣ, чѣмъ въ какомъ оно обыкновенно понималось. Въ языческихъ школахъ преподавали знаменитые по тому времени риторы и философы, у которыхъ учились даже христіане, при чемъ многіе изъ послѣднихъ не могли не

заражаться воззрѣніями своихъ учителей. Съ другой стороны евреи, сильные своимъ богатствомъ и промышленностью, держали населеніе въ своихъ рукахъ и, какъ ненавистники христіанства, не прочь были иногда заключать союзъ даже съ язычниками, чтобы такъ или иначе наносить удары ненавистной для нихъ религіи Креста. Затѣмъ уже самая совмѣстность жизни христіанъ съ язычниками и евреями, съ которыми ихъ по необходимости должны были связывать многочисленные дѣловые, торговые и промышленные интересы, естественно накладывала на нихъ своеобразную печать, и въ нихъ не могло уже быть той цѣльности и непосредственности религіознаго настроенія, какія бываютъ въ городѣ, населенномъ одними только христіанами. Въ огромной части это были еще полуязычники. Они приняли христіанство какъ религію, исполняли ея внѣшнія предписанія и постановленія, но духомъ ея еще мало были проникнуты и въ жизни много было нравовъ и обычаевъ, отзывавшихся язычествомъ. Подъ вліяніемъ такой смѣси убѣжденій среди христіанъ постоянно выступали учители, которые хотѣли собственнымъ разумомъ, на подобіе языческихъ философовъ и риторовъ, постигать и передѣлывать христіанство. Отсюда между различными учителями являлись споры и распри, образовывались различныя направленія и партіи, которыя вели между собою часто ожесточенную борьбу, вносившую крайнія смуты въ церковную жизнь. Нѣкоторые учители прямо выступали проповѣдниками ересей и разныхъ заблужденій, становились во главѣ расколовъ и все это вмѣстѣ дѣлало антіохійскую церковь подобною кораблю, обуреваемому непрестанными вѣтрами. Тутъ были представители разныхъ ересей — и аріане, и аномеи, и гностики въ ихъ различныхъ видахъ, были вожаки расколовъ, и пастырямъ церкви необходимо было бороться со всѣми этими врагами истинной вѣры. Но рядомъ съ религіозными нестроеніями были и нравственныя и общественныя. Если не чиста была религія, то не могла быть высокой и нравственность. Конечно, были люди высокоблагочестивые, вполнѣ достойные своего званія, но большинство вело жизнь полуязыческую, предавалось страстямъ и всевозможнымъ неприличнымъ для христіанъ увеселеніямъ. Для нихъ театры или цирки были болѣе привлекательны, чѣмъ церкви. А

вмѣстѣ съ тѣмъ мало было и христіанской любви къ ближнимъ. Какъ и вообще въ большихъ промышленныхъ городахъ, такъ и особенно въ древности рядомъ съ несмѣтными богатствами ютилась самая жалкая бѣдность. Рядомъ съ великолѣпными дворцами и палатами богачей, не знавшихъ, какъ и чѣмъ тѣшить свои похоти, жили бѣдняки, которые не увѣрены были за завтрашній день и часто погибали отъ голода и болѣзней,—и эти противоположныя крайности тѣмъ болѣе бросались въ глаза, что древность вообще мало знакома была съ благотворительностью: бѣднякамъ и больнымъ предоставлялось самимъ заботиться о себѣ въ своей злосчастной судьбѣ. Отсюда естественно проистекали разныя общественныя смуты, и если богачи старались удовлетворять свою алчность всевозможными притѣсненіями бѣдныхъ, то въ свою очередь послѣдніе при всякомъ удобномъ случаѣ старались отомстить своимъ притѣснителямъ, и Антіохія была неоднократно свидѣтельницей кровавыхъ мятежей, въ которыхъ до необычайности разъигрывались всѣ самыя дикія страсти, находившія себѣ богатую пищу въ разности населенія по религіи, племени и состоянію. Чтобы добрѣ править столь обуреваемымъ кораблемъ церкви, поистинѣ необходимы были доблестные и самоотверженные пастыри.

Таковымъ именно и былъ Іоаннъ. Самъ родомъ изъ Антіохіи, онъ зналъ свой родной городъ со всѣми его хорошими и дурными сторонами, зналъ не только по внѣшности, но проникалъ и во всѣ тайны его внутренней жизни. Лучшаго пастыря для Антіохіи и не могло быть. Это вполнѣ сознавалъ благочестивый епископъ Флавіанъ и, цѣня въ своемъ ученикѣ незамѣнимаго помощника, предоставилъ ему самую широкую свободу дѣятельности и главнымъ образомъ свободу проповѣданія. Въ санѣ діакона Іоаннъ занимался лишь дѣлами благотворительности, теперь онъ выступалъ въ качествѣ церковнаго учителя, и сразу обнаружилъ свои необычайныя дарованія. Уже первая, произнесенная имъ проповѣдь, именно по случаю посвященія его въ санъ пресвитера, произвела на многочисленное собраніе молящихся, прибывшихъ на торжество посвященія своего любимаго діакона, превосходное впечатлѣніе. Но эта проповѣдь скорѣе говорила о скромности и необычайномъ

смиреніи проповѣдника, чѣмъ о его достоинствахъ. Зато чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе развертывался талантъ новаго проповѣдника, и по разновѣрной и разноплеменной Антіохіи, жадной ко всякимъ новостямъ и слухамъ, быстро разнеслась молва, что явился проповѣдникъ, котораго стоитъ послушать. И храмъ, гдѣ онъ служилъ и проповѣдывалъ, всегда наполнялся слушателями, которые съ изумленіемъ и восторгомъ внимали вдохновеннымъ рѣчамъ Іоанна. Антіохійцы любили краснорѣчіе и поэтому высоко цѣнили такихъ риторовъ, какъ Ливаній. Но теперь они слышали оратора, который далеко превосходилъ и этого знаменитаго ритора, и превосходилъ самою силою и убѣдительностью своей рѣчи. Ливаній съ своимъ напыщеннымъ краснорѣчіемъ, искусственными словооборотами и звонкими фразами могъ увлекать и услаждать слухъ, но не затрогивалъ сердца. Напротивъ его ученикъ, не прибѣгая ни къ какому искусственному словосплетенію и не увлекаясь звономъ фразъ, поражалъ необычайною жизненностью своей рѣчи: у него каждое слово дышало силою и жизнью, потому что бралось изъ извѣстной всѣмъ дѣйствительности и пояснялось примѣрами, которые были одинаково понятны и высокообразованному патрицію и самому послѣднему земледѣльцу. Такихъ проповѣдей еще никогда не раздавалось въ Антіохіи, и жители ея съ изумленіемъ внимали словамъ проповѣдника, который вполнѣ овладѣвалъ ихъ сердцами, такъ что они то трепетали отъ изображенія ужасовъ гнѣва Божія, то ликовали отъ надежды на безконечное милосердіе. Когда вдохновенный проповѣдникъ изобличалъ пороки своего города,—бичевалъ алчность и немилосердіе богачей, низость и мятежность бѣдныхъ, тщеславіе и хищничество чиновниковъ, пустоту и развращенность женщинъ, то стоявшіе въ храмѣ не могли не краснѣть и не содрогаться отъ сознанія своей порочности, а когда проповѣдникъ заключалъ свое вдохновенное слово призывомъ къ покаянію и исправленію, съ обѣтованіемъ высшей помощи въ этомъ святомъ дѣлѣ, то слушатели не выдерживали, и прерывали рѣчь проповѣдника оглушительными рукоплесканіями. Антіохійцевъ особенно удивляло и то, что Іоаннъ не читалъ своихъ проповѣдей, а произносилъ ихъ отъ полноты своего сердца, велъ живыя изустныя бесѣды съ своими слушателями. Никогда раньше

ничего подобнаго не было въ Антіохіи, и никто еще никогда не проповѣдывалъ слова Божія—безъ книги или свитка. Іоаннъ былъ первый такой необычайный проповѣдникъ. Изъ устъ его изливалась такая благодать, что слушатели не могли ни надивиться, ни насытиться его бесѣдами. Поэтому не преминули явиться въ церкви скорописцы, которые записывали за проповѣдникомъ и записи свои передавали и продавали многочисленнымъ желающимъ. Проповѣди его сдѣлались предметомъ всеобщаго разговора, и онѣ прочитывались даже за пиршествами и на торжищахъ, и многіе заучивали ихъ наизусть. Когда становилось извѣстнымъ, что будетъ вести бесѣду этотъ сладкословесный риторъ, то весь городъ приходилъ въ движеніе: купцы оставляли свою торговлю, строители—свое строительство, адвокаты — судилища, ремесленники — свои ремесла и всѣ устремлялись въ церковь, такъ что послушать Іоанна считалось особеннымъ счастьемъ, и всѣ соперничали въ придумываніи похвальныхъ ему словъ: одни называли его «устами Божіими и Христовыми», другіе сладкословеснымъ, третьи — медоточивымъ, и такимъ образомъ уже въ это время голосъ народа какъ голосъ Божій создавалъ для него то прозваніе — Златоустаго, подъ которымъ имя его увѣковѣчено въ исторіи и церкви Христовой. Преданіе сохранило и самый случай, при которомъ произошло это прозваніе. Не ограничиваясь нравственными наставленіями, Іоаннъ иногда выступалъ съ догматическимъ ученіемъ о возвышенныхъ истинахъ религіи, и нерѣдко вдавался въ такую богословскую премудрость, которая оказывалась недоступною для многихъ слушателей. При одномъ такомъ случаѣ, одна простая женщина, съ благоговѣніемъ слушая потокъ рѣчи великаго проповѣдника, никакъ не могла проникнуть въ смыслъ этихъ сладкихъ для слуха словъ и чисто съ женскою нетерпѣливостью закричала ему изъ народа: «Учитель духовный, или лучше сказать—Іоаннъ Златоустый, ты углубилъ колодезь святого своего ученія на столько, что наши короткіе умы не могутъ постигать его»! Народъ подхватилъ высказанное женщиной названіе и, увидѣвъ въ немъ указаніе Божіе, порѣшилъ отселѣ звать своего любимаго проповѣдника Златоустымъ [1]). Этотъ слу-

---

1) Хотя формально этотъ титулъ признанъ былъ за Іоанномъ лишь гораздо

чай между прочимъ не остался безъ вліянія на самого Іоанна. Онъ убѣдился, что обращаться къ народу съ «хитросплетеннымъ словомъ» безполезно, и послѣ этого всегда старался украшать свои бесѣды простыми и нравоучительными словами, такъ чтобы даже и самый простой слушатель могъ понимать его и получать духовную пользу. Проповѣди Іоанна имѣли тѣмъ больше силы и значенія, что у него даръ слова соединялся и съ даромъ чудотворенія, такъ что многіе недужные получали отъ него не только душевное утѣшеніе, но и тѣлесное исцѣленіе.

Если и вообще Іоаннъ любилъ проповѣдывать слово Божіе, такъ что не проходило такой недѣли, въ теченіе которой онъ не сказалъ бы той или другой бесѣды, а иногда проповѣдывалъ и по два и по три раза въ недѣлю, то при особенныхъ случаяхъ еще болѣе усиливалась его ревность и еще сильнѣе расгоралось вдохновеніе. Къ первымъ годамъ его пресвитерскаго служенія относится состоявшееся чествованіе памяти высокочтимаго Антіохіей архіепископа Мелетія. Онъ скончался въ 381 году въ Константинополѣ и тогда же прахъ его перевезенъ былъ въ Антіохію, но вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, только уже по истеченіи пяти лѣтъ антіохійцы получили возможность должнымъ образомъ почтить память своего глубокочтимаго святителя. И это торжественное чествованіе по всей вѣроятности состоялось подъ вліяніемъ самого Іоанна, глубоко чтившаго память Мелетія, какъ архипастыря, который особенно много содѣйствовалъ его духовному возрожденію и укрѣпленію. Чествованіе состоялось въ первомъ году пресвитерскаго служенія Іоанна, и по случаю этого торжества онъ произнесъ похвальное слово, въ которомъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ благоговѣнія къ памяти почившаго архипастыря изобразилъ его значеніе для церкви, а также любовь пасомыхъ къ своему благочестивому архипастырю. Почтеніе ихъ къ нему доходило до того, что въ честь его давались имена дѣтямъ и изображеніе его многими носилось на перстняхъ, дѣлалось на печатяхъ, на чашахъ и на стѣнахъ чертоговъ, такъ что великій святитель,

---

позже (на Халкид. соборѣ V вѣка), но въ смыслѣ народнаго названія онъ могъ прилагаться уже гораздо раньше, именно во время его пресвитерства въ Антіохіи и преданіе въ данномъ случаѣ имѣетъ всѣ признаки исторической достовѣрности.

и отойдя отъ міра сего, продолжалъ жить съ своею паствою. Рѣчь произвела на всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе и имя сладкогласнаго проповѣдника сдѣлалось неразлучнымъ съ именемъ великаго антіохійскаго святителя. Но вскорѣ антіохійцы должны были еще болѣе убѣдиться, какого великаго пастыря имѣли они въ лицѣ Іоанна.

Прошло два года его пастырскаго служенія въ Антіохіи. Приближался великій постъ 388 года, и великій проповѣдникъ предвкушалъ богатую жатву на нивѣ народнаго покаянія. Но вдругъ случилось событіе, которое должно было направить его мысли на другой предметъ. Населеніе Антіохіи издавна отличалось мятежностію, и народныя страсти не разъ вспыхивали съ ужасною силою. Тоже случилось и теперь, и притомъ въ необычайныхъ размѣрахъ. Имперія уже въ теченіе почти десяти лѣтъ наслаждалась миромъ подъ мудрымъ управленіемъ Ѳеодосія, который, вступивъ на престолъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда отовсюду угрожали варвары, своею храбростію съумѣлъ обезпечить государство совнѣ и благоустроить его внутри. Какъ нѣжный отецъ, онъ за четыре года предъ тѣмъ возвелъ своего сына Аркадія въ санъ Августа, и такъ какъ приближалось пятилѣтіе этого важнаго для его сына событія, то онъ порѣшилъ отпраздновать его самымъ торжественнымъ образомъ по всей имперіи, а въ видахъ экономіи присоединилъ къ этому и торжество въ честь десятилѣтія своего собственнаго царствованія (хотя до исполненія его оставался еще годъ). Подобныя празднества обыкновенно связывались съ большими расходами, такъ какъ всѣмъ войскамъ раздавались щедрые подарки, по пяти золотыхъ на человѣка. Чтобы не обременять государственной казны, Ѳеодосій задумалъ обойтись сборомъ съ большихъ богатыхъ городовъ, которые за время его мирнаго царствованія накопили огромныя богатства. Но эти города менѣе всего оказались благодарными и вовсе не имѣли желанія принять на себя расходы по общегосударственному торжеству. Первою возстала противъ императорскаго эдикта Александрія, а за ней послѣдовала и Антіохія. Когда императорскій эдиктъ о налогѣ былъ прочитанъ въ Антіохіи, то мѣстные сенаторы, забывъ свое достоинство, повскакали съ своихъ мѣстъ и, выбѣжавъ на улицу, начали кричать, что новый

налогъ раззоритъ Антіохію и принудитъ ея жителей продавать свои имущества, своихъ женъ и дѣтей. Эти жалобы пали какъ искры на горючій матеріалъ. Въ Антіохіи, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ, была масса бездомныхъ, бродячихъ людей, которые готовы были воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для мятежа, и они сейчасъ же пришли въ движеніе, а за ними взволновалось и все населеніе. Возбужденная толпа сначала направилась къ дому епископа Флавіана, чтобы просить его походатайствовать объ отмѣнѣ налога; но такъ какъ его не оказалось дома, то все болѣе возроставшая толпа начала производить буйства въ городѣ, разрушила одну изъ самыхъ богатыхъ общественныхъ бань и затѣмъ съ яростными криками двинулась къ дому губернатора, или претора. Правитель, захваченный неожиданно этимъ мятежемъ, счелъ за лучшее скрыться чрезъ потайныя двери дома, и толпа ворвалась въ самую преторію. Тутъ предъ глазами ея открылось величественное зрѣлище: на самыхъ видныхъ мѣстахъ безмолвно стояли статуи самого императора Θеодосія, его супруги (уже покойной) императрицы Флациллы, сына ихъ Аркадія и другихъ членовъ императорскаго дома. Толпа почувствовала невольное благоговѣніе предъ этими безмолвными образами императорскаго величія и болѣе благоразумные стали увѣщевать народъ разойтись. Но дѣло испорчено было нѣсколькими шалунами мальчиками, которые, сами не сознавая всей тяжести своего преступленія, стали бросать камнями въ эти статуи, и когда одинъ изъ шалуновъ мѣтко ударилъ въ одну изъ статуй, то обаяніе толпы было разрушено и ударъ камня послужилъ сигналомъ къ новому взрыву буйства въ толпѣ. «Долой тирановъ»—заревѣла толпа, и при свирѣпыхъ крикахъ начала ломать и разбивать императорскія статуи, которыя съ разными издѣвательствами влачились по улицамъ и въ обезображенномъ видѣ были сброшены въ рѣку Оронтъ.

Но лишь только совершилось это гнусное буйство, какъ самъ народъ опомнился и, сознавъ всю гнусность своего преступленія, впалъ въ страшное уныніе, справедливо ожидая строгаго наказанія. Преступленіе было дѣйствительно великое. Императоръ Θеодосій могъ все простить, даже нанесенное ему оскорбленіе, но—не оскорбленія, нанесеннаго его любимой, оплакиваемой имъ жены Флациллы. Ан-

тіохійцы могли вполнѣ ожидать страшнаго мщенія со стороны оскорбленнаго императора. Онъ могъ сжечь и разрушить Антіохію, а жителей ея казнить немилосердно или продать въ рабство. Одна мысль о совершившемся приводила всѣхъ въ ужасъ и оцѣпенѣніе. Но что теперь дѣлать? Кто можетъ защитить антіохійцевъ отъ заслуженнаго ими мщенія? Никто, кромѣ Бога, и народъ съ плачемъ бросился въ церкви, ломая руки и въ отчаяніи колотя себя въ грудь. Если когда, то теперь именно ему нужно было слово утѣшенія и всѣ жаждали его услышать изъ устъ златоустаго Іоанна. Доблестный пастырь не остался равнодушенъ къ бѣдственному положенію своей паствы, но совершившееся преступленіе было такъ велико, что предъ нимъ сомкнулись и его золотыя уста. Пораженный невыразимымъ горемъ, онъ безмолвствовалъ въ теченіе недѣли, какъ бы желая дать народной душѣ глубже почувствовать все безуміе и грѣховность совершеннаго имъ буйства. Наконецъ уже въ субботу или воскресенье сыропустной недѣли онъ съ глубокою печалью на челѣ явился къ народу и не преминулъ обратиться къ нему съ словами пастырскаго утѣшенія и назиданія, и теперь болѣе чѣмъ когда нибудь народъ чувствовалъ всю сладость вдохновенныхъ рѣчей своего любимаго сладкословеснаго проповѣдника. «Что сказать мнѣ или о чемъ говорить?—началъ онъ среди вздоховъ и плача собравшихся. — Время слезъ теперь, а не рѣчи; рыданій, а не словъ; молитвы, а не проповѣди. Содѣянное такъ велико, рана столь неисцѣлима, язва такъ глубока, что она выше всякаго врачевства и требуетъ высшей помощи. Дайте мнѣ оплакать настоящее бѣдствіе. Семь дней молчалъ я, какъ друзья Іова: дайте мнѣ теперь открыть уста и оплакать это общее бѣдствіе. Кто пожелалъ зла намъ, возлюбленные? Кто позавидовалъ намъ? Откуда такая перемѣна? Ничего не было славнѣе нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Народъ столь тихій и кроткій, всегда покорный дѣламъ правителей, теперь вдругъ разсвирѣпѣлъ, такъ что произвелъ такія буйства, о которыхъ и говорить непристойно. Плачу и рыдаю теперь—не отъ важности угрожающаго наказанія, а о крайнемъ безумствѣ сдѣланнаго... Отъ плача прерывается голосъ мой, едва могу открывать свои уста, двигать языкомъ и произносить слова»... Вопли народа и особенно женщинъ

и дѣтей прерывали и заглушали эти потрясающія слова Златоуста. Но онъ не оставилъ своей паствы въ этомъ отчаянномъ состояніи и преподалъ ей слова утѣшенія, которыми отеръ горькія слезы, утѣшилъ боли сердецъ и успокоилъ всѣхъ надеждой на милосердіе Божіе. Нужно во всемъ и всегда полагаться на Бога. «Христіанину, говорилъ онъ, должно отличаться отъ невѣрныхъ и, ободряясь надеждою на будущее, стоять выше нападенія золъ человѣческихъ. Итакъ, возлюбленные, перестаньте отчаяваться. Не столько мы сами заботимся о своемъ спасеніи, сколько заботится о насъ создавшій насъ Богъ».

Съ облегченнымъ сердцемъ народъ разошелся по домамъ. Между тѣмъ о немъ уже заботился и его престарѣлый архипастырь. Когда изъ Антіохіи прискакали въ Константинополь гонцы съ извѣщеніемъ о мятежѣ и своими разсказами могли настроить императора къ самому ужасному, безпощадному мщенію, престарѣлый святитель Флавіанъ порѣшилъ сдѣлать все возможное для смягченія царскаго гнѣва. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и немощенъ тѣломъ; но не смотря на это, онъ порѣшилъ лично отправиться въ столицу, чтобы своимъ ходатайствомъ утишить праведный гнѣвъ императора. Путь былъ далекій и трудный, особенно для старца [1]; но онъ какъ истинный пастырь готовъ былъ положить душу свою за своихъ овецъ, и дѣйствительно немедля двинулся въ путь, стараясь даже предупредить гонцовъ. Къ несчастью, глубокіе снѣга задержали его въ горахъ Тавра, и гонцы прибыли раньше его; но онъ не палъ духомъ и, преодолѣвая всѣ препятствія и трудности, продолжалъ свой путь, пока съ трепетнымъ сердцемъ не прибылъ въ столицу. Никто не могъ угадать, чѣмъ закончится это ходатайство любвеобильнаго, самоотверженнаго старца — архипастыря. Поэтому народъ находился въ необычайно томительномъ состояніи, и вотъ въ это-то ужасное томительное время Іоаннъ и былъ истиннымъ утѣшителемъ страждущаго народа. Изо-дня въ день, почти непрерывно въ теченіе двадцати двухъ дней онъ выступалъ съ словами назиданія и утѣшенія предъ своей несчастной паствой, и народъ съ трепетнымъ вниманіемъ слушалъ своего златоустаго пастыря,

[1]) Антіохія отстоитъ отъ Константинополя не менѣе какъ на 1,200 верстъ.

который въ своихъ знаменитыхъ «Бесѣдахъ о статуяхъ» то съ необычайною живостью изображалъ пережитые ужасы и буйства, возбуждая въ народѣ стыдъ и негодованіе на свое собственное безумство и вызывая слезы раскаянія, то неподдѣльными чертами рисовалъ безконечность милосердія Божія, пробуждая тѣмъ сладостную надежду на помилованіе, и народъ каждый разъ выходилъ изъ церкви все съ болѣе и болѣе очищеннымъ и успокоеннымъ сердцемъ, возсылая Господу Богу благодареніе за то, что ему выпало на долю неизмѣримое счастье имѣть столь великаго и поистинѣ добраго пастыря-проповѣдника.

Свои бесѣды къ антіохійскому народу Іоаннъ продолжалъ въ теченіе почти всего великаго поста, и онѣ представляютъ поразительное доказательство того духовнаго взаимообщенія, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ знаменитый пастырь. Такъ какъ умы всѣхъ были заняты однимъ и тѣмъ же вопросомъ, какъ-то поспѣетъ престарѣлый архипастырь прибыть въ столицу, какъ-то приметъ его императоръ и каковъ будетъ исходъ его ходатайства, то и златоустый проповѣдникъ всецѣло занятъ былъ этими же самыми мыслями, и каждое извѣстіе или о путешествіи Флавіана или о его ходатайствѣ служило исходной точкой для его бесѣдъ, которыя поэтому и выслушивались всѣми съ трепетнымъ сердцемъ и глубокимъ вниманіемъ. Между тѣмъ приближалась развязка. Гонцы опередили престарѣлаго Флавіана и раньше его передали императору извѣстіе о мятежѣ и нанесенномъ ему оскорбленіи. Императоръ немедленно отправилъ особыхъ уполномоченныхъ сановниковъ произвесть строжайшее дознаніе, и вотъ эти сановники уже прибыли въ городъ и начали не только производить разслѣдованіе, но и расправу. Городъ объявленъ былъ лишеннымъ присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, произведены были многочисленные аресты виновныхъ, которыхъ было такъ много, что въ темницахъ не оказалось для нихъ мѣстъ, и они были заперты въ огромной загороди безъ кровли. Все населеніе впало въ уныніе и отчаяніе и, повидимому, ни откуда не было надежды на спасеніе. Но вотъ когда полномочные сановники въ третій день своей расправы ѣхали къ мѣсту своего публичнаго засѣданія, имъ загородили дорогу какіе-то странные люди — съ истощенными постными лицами. Это были

окрестные отшельники, которые, услышавъ о страшномъ бѣдствіи, постигшемъ Антіохію, оставили свои пещеры и явились въ городъ, чтобы оказать посильную помощь несчастнымъ. Не имѣя ничего общаго съ этимъ грѣховнымъ міромъ и никого не боясь кромѣ Бога, они смѣло выступили предъ полномочными сановниками и умоляли ихъ—даровать милость и прощеніе Антіохіи. Особенно неустрашимо дѣйствовалъ и говорилъ одинъ изъ нихъ, маленькій немощный старецъ Македоній. Ухватившись за плащъ одного изъ сановниковъ, онъ заставилъ его сойти съ коня, и когда тотъ сошелъ, началъ его и другаго полномочнаго убѣждать, чтобы они испросили у императора милости и прощенія несчастному городу. Вѣдь императоръ—человѣкъ, и онъ можетъ понять, какъ опасно для человѣка губить подобныхъ ему. Въ состояніи ли онъ будетъ воскресить тѣхъ, которые падутъ жертвою его гнѣва? Пусть вспомнитъ о гнѣвѣ Божіемъ. Сановники были поражены этими словами необычайнаго отшельника, глубоко уважавшагося народомъ, и обѣщавъ походатайствовать предъ императоромъ, двинулись дальше къ преторіи, гдѣ уже съ трепетомъ ожидали ихъ толпы людей, приговоренныхъ къ смерти. Но тутъ они встрѣчаются съ новой преградой: у самыхъ воротъ преторіи ихъ встрѣчаетъ сонмъ епископовъ и пресвитеровъ, среди которыхъ на самомъ видномъ мѣстѣ былъ и Іоаннъ Златоустъ, и эти истинные пастыри заявляютъ, что они не пустятъ сановниковъ въ преторію, пока не получатъ отъ нихъ обѣщанія помиловать осужденныхъ; они могутъ войти въ преторію только чрезъ ихъ трупы. И затѣмъ, обнимая колѣна сановниковъ, они то смиренными мольбами, то угрозами страшнаго гнѣва Божія за безчеловѣчіе настолько растрогали ихъ, что они произнесли прощеніе, слухъ о чемъ мгновенно разнесся по огромной толпѣ народа и всѣ, какъ пастыри, такъ и пасомые со слезами радости благодарили ихъ за такое милосердіе. Одинъ изъ сановниковъ, благородный Кесарій, немедленно отправился въ Константинополь, чтобы донести обо всемъ совершившемся и ходатайствовать предъ императоромъ за несчастный городъ.

Когда онъ поспѣшно ѣхалъ къ столицѣ, тамъ въ это время престарѣлый Флавіанъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы добиться аудіенціи у императора и испросить ми-

лости къ своей преступной паствѣ, но усилія его оставались тщетными. Разгнѣванный императоръ и слышать не хотѣлъ о ходатайствѣ старца—епископа за преступный городъ и не давалъ аудіенціи. Глубоко огорченный архипастырь уже отчаявался въ успѣхѣ своего дѣла, какъ прибылъ Кесарій и, объяснивъ императору положеніе дѣла, склонялъ его помиловать неразумный городъ, который уже достаточно понесъ наказаніе за свое безумство. Императоръ колебался и не давалъ окончательнаго рѣшенія. Но тогда-то къ нему и допущенъ былъ Флавіанъ, который окончательно смягчилъ гнѣвъ государя. Смиренно представъ предъ императоромъ, онъ съ глубокоудрученнымъ видомъ сталъ поодаль и не смѣлъ поднять своихъ глазъ. Видъ почтеннаго архипастыря, такъ страждущаго за свою паству, тронулъ доброе сердце Ѳеодосія: онъ самъ подошелъ къ епископу и уже болѣе взволнованнымъ, чѣмъ суровымъ голосомъ сталъ упрекать антіохійцевъ въ неблагодарности за всѣ тѣ многочисленныя права и преимущества, которыя были даны имъ. Флавіанъ съ глубокимъ волненіемъ, но въ тоже время и съ самообладаніемъ объяснилъ императору все безумство дѣяній несмысленной черни, которая болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, чѣмъ гнѣва, и просилъ милости къ своему несчастному городу. Императоръ конечно можетъ сжечь и разрушить Антіохію, и она дѣйствительно достойна даже болѣе жестокаго наказанія; но онъ долженъ помнить, что и надъ нимъ есть Царь Небесный, Который заповѣдалъ всѣмъ людямъ взаимное милосердіе, говоря: «если вы будете оставлять людямъ прегрѣшенія ихъ, то и Богъ оставитъ вамъ согрѣшенія ваши». Рѣчь престарѣлаго епископа произвела на императора сильное впечатлѣніе. Сердце его смягчилось и онъ воскликнулъ, что если Владыка міра, сошедшій на землю и распятый тѣми, кому Онъ принесъ величайшее благодѣяніе, молился Отцу Своему Небесному за Своихъ ярыхъ враговъ, говоря: «прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ», то тѣмъ болѣе люди должны прощать нанесенныя имъ оскорбленія. Императоръ далъ полное прощеніе городу и торопилъ Флавіана, чтобы онъ поскорѣе отправился въ Антіохію и своимъ извѣстіемъ о помилованіи вывелъ городъ изъ его страшнаго состоянія опасеній за будущее. «Поспѣши скорѣе, сказалъ императоръ, иди, утѣшь ихъ. При видѣ своего кормчаго они забу-

дуть о всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ». Старецъ возблагодарилъ императора за оказанное имъ христіанское милосердіе городу, и поспѣшно отправился съ радостнымъ извѣстіемъ, съ которымъ онъ и прибылъ къ пасхѣ. Если вообще радостенъ былъ для христіанъ этотъ свѣтлый праздникъ искупленія, то теперь онъ былъ еще радостнѣе и торжественнѣе для антіохійцевъ. Вѣсть о помилованіи опередила Флавіана, и когда онъ приближался къ городу, то все населеніе высыпало къ нему на встрѣчу и онъ торжественно, какъ въ тріумфѣ, принесенъ былъ въ городъ. Доблестному святителю, такъ самоотверженно походатайствовавшему за свой народъ, несказанно радовался весь городъ, но болѣе всѣхъ Іоаннъ, который не преминулъ произнесть восторженное слово по случаю прибытія дорогого архипастыря. «Благословенъ Богъ, говорилъ онъ до слезъ взволнованнымъ слушателямъ, сподобившій насъ отпраздновать этотъ святой праздникъ съ великою радостію и веселіемъ, возстановившій главу тѣлу, пастыря стаду, учителя своимъ ученикамъ, первосвященника священникамъ. Благословенъ Богъ, Который сдѣлалъ неизмѣримо больше того, чего мы просили или о чемъ помышляли; ибо намъ казалось достаточнымъ и того, чтобы на время быть избавленными отъ угрожающихъ бѣдъ, но милосердый Богъ, далеко превосходя Своими дарами наши прошенія, возвратилъ намъ нашего отца скорѣе, чѣмъ мы могли ожидать». И затѣмъ Златоустъ подробно разсказалъ всю исторію ходатайства святителя за свой народъ и въ заключеніе увѣщевалъ народъ никогда не забывать этого страшнаго испытанія.

Изложенное событіе, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ, особенно замѣчательно тѣмъ, что во всей силѣ обнаруживаетъ, какое вліяніе христіанство имѣло на смягченіе нравовъ того времени. Исходъ этого событія сплетаетъ неувядаемый вѣнокъ на чело главныхъ его дѣятелей, и всѣ они были христіане, пастыри и подвижники церкви Христовой: неустрашимый престарѣлый епископъ, который не убоялся ни трудностей далекаго пути, ни гнѣва императора, чтобы только походатайствовать за свой народъ; самоотверженные отшельники, которые, отбросивъ свое безмятежное жительство въ безмолвной пустынѣ, явились въ мятежный городъ спасать человѣческія души, и особенно величайшій пастырь

и учитель этого народа, изо дня въ день произносившій дивныя бесѣды, которыя за это страшное время томленій и ужасовъ неустанно раздавались то какъ угрозы праведнаго судіи, то какъ ласки глубоко любящаго отца и производили потрясающее, неизгладимое впечатлѣніе на сотни тысячъ населенія. И эти рѣчи отзывались въ сердцахъ не только христіанъ, но и язычниковъ. По случаю смятеній были закрыты общественныя бани, театры и другія мѣста удовольствій и развлеченій; открыты были только христіанскія церкви, и въ одной изъ нихъ постоянно лилась золотымъ потокомъ рѣчь сладкословеснаго проповѣдника. Если и прежде язычники, изъ любви къ краснорѣчію, не прочь были послушать знаменитаго христіанскаго учителя, которымъ когда-то восхищался знаменитый риторъ Ливаній, то теперь, во времена общественнаго бѣдствія, они массами шли слушать Златоуста, въ надеждѣ почерпнуть утѣшеніе и для своей страждущей души. И тутъ они съ изумленіемъ слушали, какъ христіанскій проповѣдникъ съ неотразимою силою изобличалъ пороки и безумства, отличавшіе ихъ большой и распущенный городъ, какъ онъ на подобіе трубы призывалъ всѣхъ къ покаянію и исправленію. Язычники изъ словъ проповѣдника съ несомнѣнностію убѣждались въ томъ, насколько суетны и мимолетны земныя почести и богатства, какъ они не въ состояніи удовлетворить требованій сердца или спасти жизнь во время опасности и бѣдствія и насколько выше ихъ христіанское упованіе, полагающее цѣль и высшее благо жизни въ негибнущихъ сокровищахъ загробнаго міра. Они слышали тутъ, что добродѣтель есть единое негибнущее благо и грѣхъ есть единое дѣйствительное зло, что для добродѣтельнаго человѣка смерть есть только переходъ къ болѣе счастливой или блаженной жизни и что бѣдствія земли полезны въ томъ отношеніи, что очищаютъ и возвышаютъ души. И этотъ міръ, въ которомъ такъ много суеты и бѣдствій всякаго рода, получалъ въ ихъ глазахъ новый интересъ, когда они слышали отъ знаменитаго христіанскаго проповѣдника, что существуетъ превѣчный и всемогущій Творецъ, Который какъ отецъ печется о всѣхъ людяхъ, простирая Свое промышленіе даже до того, что безъ Его воли не падаетъ волосъ съ головы, и предъ ними во всемъ величіи открывалось все превосходство христіанской вѣры

надъ ихъ мрачнымъ языческимъ суевѣріемъ, которое не давало человѣку просвѣта въ жизни и надлежащихъ нравственныхъ силъ для исправленія. Тогда многіе изъ этихъ невольныхъ слушателей Златоуста, вполнѣ убѣдившись въ суетѣ своего идолопоклонства, принимали вѣру Христову и крестились, и Златоустъ съ радостью сообщаетъ, что вскорѣ по возвращеніи Флавіана онъ много занятъ былъ «утвержденіемъ въ вѣрѣ тѣхъ, которые вслѣдствіе бѣдствія опамятовались и оставили свое языческое заблужденіе». Такимъ образомъ страшное событіе, во всемъ ужасѣ обнаружившее дикость человѣческой природы, когда она поддается страстямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія послужило поводомъ къ торжеству христіанства, и царство Божіе на землѣ пополнилось многими членами, дотолѣ пребывавшими во тьмѣ языческаго заблужденія.

Пережитыя Антіохіей страшныя событія требовали отъ самоотверженнаго пастыря столько необычайнаго душевнаго напряженія, что оно даже неблагопріятно отозвалось на его здоровьи и онъ нѣсколько времени проболѣлъ; но оправившись отъ болѣзни, онъ вновь съ прежнею ревностью принялся за свое пастырское служеніе, и Антіохія еще въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ пользовалась вдохновеннымъ учительствомъ и назиданіемъ своего златословеснаго пресвитера-проповѣдника. Не только изъ недѣли въ недѣлю, но можно сказать изо дня въ день антіохійская церковь имѣла великое счастье слушать бесѣды златословеснаго пастыря, который не зналъ устали на своемъ пастырскомъ служеніи и, самъ глубоко изучивъ книги священнаго Писанія, поучалъ въ немъ и своихъ слушателей, открывая предъ ними тайны чудеснаго домостроительства Божія о спасеніи людей. Обладая изумительною способностью отзываться на всѣ явленія общественной жизни и на всѣ движенія человѣческой души, св. Іоаннъ не оставлялъ безъ вниманія ни одного выдающагося событія изъ его времени или явленія въ окружающей его жизни, и лишь только случалось что-нибудь такое, что̀ приводило народъ въ смущеніе или смятеніе, въ страхъ или уныніе, какъ немедленно выступалъ Іоаннъ съ своимъ словомъ, и народъ массами устремлялся слушать его, въ увѣренности, что если кто, то только именно его любимый пастырь Іоаннъ можетъ разсѣять всѣ страхи и не-

доумѣнія и водворить желанное спокойствіе. Случалось ли одно изъ тѣхъ землетрясеній, которыя такъ часто посѣщали Антіохію, производили ли буйство язычники и евреи, происходило ли раздѣленіе среди самихъ православныхъ, возбуждался ли вѣчный вопросъ объ отношеніи богатыхъ и бѣдныхъ, господъ и рабовъ, родителей и дѣтей,—на всѣ эти явленія текущей жизни немедленно отзывался Іоаннъ, и потому-то его бесѣды имѣли глубоко жизненный характеръ и были одинаково понятны всѣмъ классамъ населенія. Вслѣдствіе этого между пастыремъ и паствой образовалась глубокая нравственная связь, которая представляетъ вѣчно поучительный примѣръ того, чѣмъ можетъ быть истинный христіанскій пастырь для своей паствы. Самъ Іоаннъ съ поразительною прямотою и откровенностью изображаетъ эту связь, и нѣкоторыя черты этихъ отношеній неизлишне изложить здѣсь, такъ какъ онѣ проливаютъ яркій свѣтъ на самый характеръ его личности и пастырскаго служенія въ Антіохіи.

При разсмотрѣніи пастырской дѣятельности Іоанна съ этой стороны невольно припоминается изреченіе божественнаго Пастыреначальника, Который, опредѣляя идеалъ отношеній между пастырями и пасомыми въ церкви Божіей, говорилъ, что «добрый пастырь знаетъ своихъ овецъ и овцы знаютъ его и слушаютъ голоса его». Много въ исторіи христіанской церкви было пастырей, стремившихся осуществить этотъ образецъ въ своей жизни и дѣятельности, но самый замѣчательный примѣръ осуществленія его въ предѣлахъ возможности для человѣческихъ силъ представляетъ именно святой Іоаннъ Златоустъ. Тутъ мы видимъ поразительное зрѣлище, что сердце народа такъ сказать жило неразрывною жизнью съ сердцемъ пастыря, который всецѣло посвятилъ себя благу своихъ пасомыхъ. Между ними установилась такая крѣпкая связь, такая безграничная любовь, что повидимому не могли существовать ни пастырь безъ народа, ни народъ безъ пастыря. Достаточно было пастырю, подъ вліяніемъ естественнаго утомленія или болѣзни, пріостановить свои бесѣды или на нѣсколько дней удалиться за городъ для отдыха и освѣженія въ пустынѣ, какъ городъ становился печальнымъ, какъ будто его поразило какое нибудь великое несчастье. Но достаточно было вновь явиться Іоанну, какъ городъ вновь оживалъ, повсюду раздавались радостныя

восклицанія и будто наступалъ великій праздникъ. Съ своей стороны тѣми же чувствами волновался и самъ пастырь, который также не могъ жить безъ своей паствы. «Я отсутствовалъ только въ теченіе одного дня, говорилъ онъ по возвращеніи изъ одного небольшаго путешествія, и мнѣ казалось, что уже въ теченіе цѣлаго года я пробылъ вдали отъ васъ, — настолько я печалился и скучалъ! По скорби, испытанной вами, вы можете судить и о моей. Когда малаго ребенка отрываютъ отъ груди матери, или уносятъ его, онъ вертится и оглядывается, ища ее; такъ когда и я былъ оторванъ изъ среды васъ, какъ отъ груди материнской, всѣ мои мысли устремляли меня къ этому священному собранію» [1]). Въ другой разъ, когда по случаю болѣзни онъ долженъ былъ безвыходно пробыть въ своемъ домѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, по выздоровленіи онъ говорилъ: «Сегодня, вновь находясь среди васъ, я испытываю такое же чувство, какъ если бы возвратился изъ долгаго путешествія. Когда два друга не могутъ видѣться между собой, что пользы, если они даже живутъ въ одномъ и томъ же городѣ? Не покидая своего дома, я былъ такъ же отчужденъ, какъ если бы великое разстояніе раздѣляло меня отъ васъ, потому что я не могъ бесѣдовать съ вами... При моихъ страданіяхъ болѣе всего удручало меня то, что я не могъ принимать участія въ этомъ возлюбленномъ собраніи, и теперь, когда я выздоровѣлъ, своему здоровью я предпочитаю удовольствіе свободно пользоваться вашею любовію. Жажда отъ горячки не бываетъ сильнѣе, чѣмъ желаніе вновь свидѣться съ нашими друзьями, когда мы были лишены ихъ. Какъ горячечный жаждетъ свѣжей воды, такъ отсутствующій другъ жаждетъ своихъ друзей» [2]). При другомъ обстоятельствѣ, когда Іоаннъ, подавленный неустанными трудами, отправился отдохнуть и подышать горнымъ воздухомъ пустыни, къ нему полетѣли письма со стороны пасомыхъ, которые умоляли его возвратиться поскорѣе, и онъ возвратился, хотя здоровье его требовало бы еще отдыха и укрѣпленія. Взойдя на свою каѳедру, онъ говорилъ: «Неужели правда, что вы помнили обо мнѣ въ мое отсутствіе? Что до меня, то я не могъ забыть о васъ

[1]) Бесѣда на Галат. II, 11, п. 1.
[2]) Бесѣда на притчу о талантахъ, 1.

ни на мгновеніе. Плѣненные тѣлесной красотой, повсюду, гдѣ только ни ходятъ, носятъ въ своей мысли любимый образъ; такъ и мы, плѣненные красотой вашихъ душъ, повсюду носили вашъ образъ въ сердцѣ своемъ. И какъ живописцы чрезъ соединеніе красокъ воспроизводятъ видъ предметовъ, такъ и мы, представляя себѣ вашу ревность къ нашимъ бесѣдамъ, вашу любовь къ проповѣди, ваше благоволеніе къ проповѣднику и все отличающее васъ добро, дѣлали изъ вашихъ добродѣтелей, какъ изъ красокъ, образъ вашихъ душъ; созерцаніе его облегчало намъ скуку отсутствія. Сидя или стоя, въ покоѣ или движеніи, въ домѣ или внѣ его, вездѣ и всегда мы были преслѣдуемы этими мыслями; даже самые сны наши заняты были вашею любовію, и во время ночи, какъ и въ теченіе дня мы питались сладостью этихъ воспоминаній, повторяя слова Соломона: «*Азъ сплю, а сердце бдитъ*»... (Пѣсн. п. v, 2). Я уступилъ вашимъ настояніямъ, предпочелъ скорѣе возвратиться не выздоровѣвъ, чѣмъ, ожидая своего выздоровленія, испытывать вашу любовь... Вотъ почему я всталъ и пришелъ къ вамъ» [1]). Вотъ поистинѣ добрый пастырь, готовый положить душу свою за овецъ своихъ!

Но добровольно подчиняясь этой до крайности сильной любви своей паствы и потворствуя ей въ этомъ отношеніи даже до пренебреженія своимъ здоровьемъ, Іоаннъ не упускалъ случая укорить своихъ слушателей за легкомысліе и увлеченіе внѣшними красотами рѣчи, а не ея внутреннимъ содержаніемъ, требовавшимъ нравственнаго возрожденія. Когда слушатели, въ восторгѣ отъ увлекательныхъ бесѣдъ своего любимаго проповѣдника, по обычаю тогдашняго времени разражались громомъ одобрительныхъ рукоплесканій, Іоаннъ строго говорилъ имъ: «я не желаю ни вашихъ рукоплесканій, ни этого шума. Все мое желаніе, чтобы вы, въ безмолвіи выслушавъ то, что я говорю вамъ, примѣняли это наставленіе къ жизни. Вотъ похвалы, которыхъ я желалъ бы... Вы вѣдь не въ театрѣ, ни предъ актерами; здѣсь школа духовная, и вы должны доказывать свое послушаніе вашими дѣлами. Только тогда я буду считать себя вознагражденнымъ за свои труды» [2]). Такіе укоры конечно многимъ не нравились,

---

[1]) Бесѣда I о покаяніи, п. 1.

[2]) На Матѳ. бес. XVII, въ концѣ.

и находились люди, которые даже не стыдились поносить проповѣдника и смущать совѣсть его паствы. На борьбу съ этими злыми людьми Іоаннъ долженъ былъ не мало тратить времени и трудовъ; но онъ съ безграничнымъ самоотверженіемъ прощалъ всѣ такія злословія, когда они касались лично его. Зато глубокою скорбію поражалось его сердце, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ слушатели охладѣвали къ его бесѣдамъ и увлекались какими нибудь новыми театральными увеселеніями. Подобныя явленія бывали нерѣдко среди этого горячаго, страстнаго, легкомысленнаго и подвижного народа, который быстро мѣнялся въ своемъ настроеніи и въ одинъ день могъ портить то, что созидалось годами. Какъ ни дорогъ былъ имъ златословесный проповѣдникъ, о которомъ они тосковали, когда не видѣли или не слышали его въ теченіе нѣсколькихъ дней; но достаточно было устроить въ театрѣ какой нибудь необычайный гипподромъ съ его увлекательными скачками, какъ антіохійцы покидали церкви и устремлялись смотрѣть на лихія скачки. Такое непостоянство и легкомысліе до крайности огорчало великаго проповѣдника, и онъ неоднократно съ горечью восклицалъ: «Неужели напрасно тружусь я? Неужели сѣю я на камнѣ, или среди терновника? Опасаюсь, что мои усилія не приведутъ ни къ чему» [1]). Еще болѣе огорчало его неблагоговѣйное поведеніе въ церкви. «Можно ли сказать? Церковь сдѣлалась театромъ! Сюда приходятъ женщины, одѣтыя съ бóльшимъ неприличіемъ и безстыдствомъ, чѣмъ тѣ, что блудодѣйствуютъ тамъ. За собой они привлекаютъ сюда и безстыдниковъ. Если кто хочетъ соблазнить женщину, ни какое мѣсто, мнѣ думается, не кажется ему удобнѣе церкви; и если кому нужно продать или купить, церковь ему кажется удобнѣе, чѣмъ площадь. Здѣсь сплетничаютъ, здѣсь выслушиваютъ сплетни болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, и если вы желаете знать новости, то здѣсь вы узнаете ихъ болѣе, чѣмъ у судилища, или въ пріемной врачей... Терпимо ли это? Можемъ ли мы снести это? Каждодневно я утомляюсь и терзаюсь изъ-за того, чтобы вы вынесли отсюда полезное назиданіе, а вы уходите съ бóльшимъ вредомъ, чѣмъ съ пользой» [2]). Но

---

[1]) На Іоанн. бес. XIII.

[2]) На 1 посл. къ Коринѳ. бес. XXXVI, п. 6.

приступъ негодованія и гнѣва тотчасъ же уступалъ мѣсто любви и прощенію, лишь только проповѣдникъ замѣчалъ дѣйствіе своего укора. Не вынося своей собственной суровости, онъ уже спѣшилъ загладить ее и просилъ прощенія у своихъ легкомысленныхъ духовныхъ дѣтей. «Чувствую, говорилъ онъ, что я употребилъ слишкомъ жестокіе укоры. Простите меня. Такъ бываетъ со всякой болящей душой. Но это я говорю не отъ враждебнаго сердца, а отъ безпокойства за васъ любящей души. Поэтому ослабляю свою суровость» [1]). Бывали случаи, когда непостоянство и вѣтряность антіохійцевъ еще болѣе выводили Златоуста изъ терпѣнія и онъ металъ въ нихъ громы праведнаго гнѣва, но и среди этихъ раскатовъ обличенія и укоровъ всегда слышался господствующій тонъ любви. Пастырь строго укорялъ свою паству потому, что любилъ ее, и она смиренно сносила его заслуженные укоры, потому что и сама любила его. Это были два друга, соединенные между собою неразрывными узами любви и преданности. Серьезная и глубокая, равно какъ и святая любовь Іоанна къ своей паствѣ отнюдь не походила на то лживое ласкательство честолюбцевъ и народныхъ трибуновъ, которые своею лестью опьяняютъ толпу, чтобы легче подчинить ее игу своего самовластія. Іоаннъ былъ чуждъ всякаго подобнаго ласкательства, умѣлъ говорить горькую истину въ глаза своимъ слушателямъ; но если когда высказывалъ къ нимъ любовь, то отъ всей глубины искренняго сердца. Какою неподдѣльною искренностью звучатъ слѣдующія его слова: «я ношу васъ въ сердцѣ своемъ, вы занимаете всѣ мои помыслы. Великъ народъ, но велика и любовь моя къ нему и вамъ не тѣсно будетъ въ душѣ моей. У меня нѣтъ другой жизни кромѣ васъ и попеченія о вашемъ спасеніи» [2]).

Будучи истиннымъ выразителемъ духа Христова, св. Іоаннъ въ качествѣ пастыря главнымъ образомъ заботился о тѣхъ труждающихся и обремененныхъ, которыхъ съ безграничною любовью призывалъ къ Себѣ и Самъ Спаситель Христосъ. Его любящее сердце особенно было открыто для меньшей братіи и онъ, какъ попечительный отецъ, вникалъ во всѣ ея нужды, не только духовныя, но и матеріальныя,

---

[1]) На кн. Быт. бес. VI, 2.
[2]) Къ Ант. нар. бес. IX, 1.

житейскія. Когда положеніе бѣдныхъ жителей становилось почему-либо особенно тяжелымъ, Златоустъ смѣло выступалъ ходатаемъ за нихъ, и если причиною ухудшенія ихъ положенія была алчность или притѣсненія со стороны богатыхъ, то онъ, какъ истинный народный попечитель, сильно укорялъ послѣднихъ, не жалѣя словъ для изобличенія ихъ алчности и жестокости. По временамъ проповѣди Іоанна почти исключительно заняты были положеніемъ бѣдныхъ жителей города, такъ что высказывались даже упреки ему за то, что онъ только и говоритъ о бѣдныхъ, какъ будто другіе и не заслуживаютъ его вниманія и назиданія. Златоустъ на это отвѣчалъ, что ему дорого спасеніе всѣхъ, богатыхъ или бѣдныхъ; но о бѣдныхъ онъ особенно заботится потому, что въ попеченіи пастыря нуждаются не только ихъ души, но и тѣла, почему и Спаситель на страшномъ судѣ будетъ спрашивать, накормили ли мы голоднаго, одѣли ли нагого. «Посему я не перестану повторять: давайте бѣднымъ, и буду неустаннымъ обвинителемъ тѣхъ, кто не даетъ“ [1]). И дѣйствительно онъ никогда не переставалъ повторять этого призыва и былъ истиннымъ отцемъ бѣдныхъ и нищихъ, тѣмъ нищелюбцемъ, нищелюбіе котораго и сдѣлало его особенно дорогимъ для православнаго русскаго народа, и доселѣ считающаго нищелюбіе и милостыню главною добродѣтелью всякаго истиннаго христіанина.

Милосердіе св. Іоанна Златоуста ярко обнаруживалось и въ его отношеніи къ грѣхамъ и порокамъ своего народа. Самъ будучи великимъ и суровымъ подвижникомъ, онъ былъ непримиримымъ врагомъ и обличителемъ всякаго грѣха, неумолимымъ гонителемъ всякихъ пороковъ и страстей и велъ съ ними ожесточенную борьбу. Зорко слѣдя за всѣми движеніями какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни своей паствы, онъ грозно бичевалъ всѣ уклоненія отъ святости и христіанскаго долга, и его обличительныя рѣчи по временамъ звучали какъ раскаты громовъ небесныхъ, и слушатели трепетали, представляя себѣ тѣ страшныя муки, которыя они уготовали себѣ своими дѣлами. Но эта вражда ко грѣхамъ и порокамъ у св. Іоанна никогда не переходила во вражду къ самимъ грѣшникамъ. Напротивъ, чѣмъ сильнѣе

[1]) На 1-е посл. къ Коринѳ. бес. XLIII, 2

онъ металъ громы обличенія противъ грѣховъ, тѣмъ большимъ сожалѣніемъ и любовію проникался къ самимъ грѣшникамъ, видя въ нихъ заблуждшихъ овецъ, требующихъ любящаго попеченія пастыря. Поэтому, лишь только онъ замѣчалъ дѣйствіе своихъ угрозъ, какъ смягчалъ свой тонъ, вмѣсто громовъ изъ его устъ раздавались слова любви и ободренія, и главнымъ предметомъ его бесѣды становилась уже безконечность милосердія Божія, предъ которымъ всякій человѣческій грѣхъ тонетъ какъ капля въ океанѣ. Любимымъ его текстомъ было изреченіе Спасителя: «Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать» (Лук. IX, 56), и развивая его смыслъ, св. Іоаннъ старался внушить своимъ слушателямъ ту мысль, что нѣтъ такого грѣховнаго паденія, отъ котораго не могъ бы возстать человѣкъ, и его разсужденія производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что часто потверждались наглядными примѣрами не только изъ Библіи, но и современной жизни. «Не слыхали ли вы, говорилъ онъ однажды, о той блудницѣ, которая превосходила всѣхъ погибшихъ женщинъ и которая впослѣдствіи превзошла всѣхъ святыхъ своимъ благочестіемъ? Я говорю не о той, что въ Евангеліи, а о той, которая была столь знаменитой около времени моего рожденія. Происходя изъ самаго развращеннаго города Финикіи, она занимала первое мѣсто въ театрѣ и слава о ней распространялась до Киликіи и Каппадокіи. Сколькихъ богачей она раззорила! Сколькихъ молодыхъ людей соблазнила! Ее обвиняли даже въ чародѣйствѣ, какъ будто одной ея красоты, безъ любовныхъ чаръ и волхвованій, было не достаточно для ея страсти—пожирать свои жертвы. Она уловила въ свои сѣти даже брата императрицы. Никто не могъ выстоять противъ ея всемогущества. И вдругъ, я не знаю какъ, или лучше сказать, я знаю, что перемѣной своей воли, достигнувъ благодати Божіей, она вырвалась изъ плѣнившихъ ее бѣсовскихъ обольщеній, и направила свой путь къ небу. Та, съ которой никто не могъ равняться въ безстыдствѣ на сценѣ, сдѣлалась образцомъ цѣломудрія и, одѣвшись въ власяницу, проводила свою жизнь въ покаяніи. Напрасно префектъ, побуждаемый нѣкоторыми лицами, хотѣлъ заставить ее возвратиться на театральную сцену, и даже воины, посланные за нею, не могли взять ее изъ убѣжища прію-

тившихъ ее дѣвственницъ. Допущенная къ святымъ тайнамъ, очищенная благодатію, она достигла высшей добродѣтели, никогда не показывалась своимъ поклонникамъ и заключилась въ своего рода темницѣ, гдѣ и провела нѣсколько лѣтъ. Такъ первые будутъ послѣдними, и послѣдніе первыми. Будемъ же надѣяться, что и намъ ничто не воспрепятствуетъ сдѣлаться великими и славными» [1]). Такія бесѣды могли имѣть глубокоободряющее значеніе для самыхъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ, спасая ихъ отъ унынія и отчаянія и поддерживая надеждой на милосердіе Божіе. Поистинѣ якоремъ спасенія для всѣхъ отчаявающихся грѣшниковъ могутъ служить слѣдующія слова Златоустаго пастыря: «ты грѣшникъ?—Не отчаявайся; я не перестану снабжать васъ врачевствами, ибо знаю, какое оружіе противъ діавола — не отчаяваться! Если ты во грѣхахъ, не отчаявайся, и я никогда не перестану повторять: если грѣшишь каждый день, то и кайся каждый день... Ты застарѣлъ во грѣхахъ, обнови себя покаяніемъ! Но можно ли, спросишь ты, покаяніемъ достигнуть спасенія? Конечно можно. — Если я всю жизнь свою провелъ во грѣхахъ и принесу покаяніе, спасусь ли?—Конечно спасешься, ибо милосердіе Божіе неизмѣримо и благость Его неизреченна. Зло, каково бы оно ни было, есть зло человѣческое, и потому ограниченное, а прощающее милосердіе есть Божіе, и потому безконечное. Представь себѣ искру, падающую въ море: можетъ ли она оставаться тамъ или быть видимою? Что искра передъ моремъ, то и зло человѣческое предъ благостію Божіей; и даже не настолько, но благость гораздо больше. Море, какъ оно ни велико, имѣетъ предѣлы, а благость Божія не имѣетъ границъ» [2]).

Будучи проповѣдникомъ милосердія и всепрощенія, св. Іоаннъ Златоустъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пастыремъ мира. Онъ былъ врагъ всякаго раздѣленія и раскола, и потому его сердце болѣло при видѣ того раздѣленія, которое существовало въ самой Антіохіи между православными въ его время. Въ своихъ бесѣдахъ онъ часто возвращался къ этому предмету и старался уяснить самый корень зла

1) На ев. Матѳ. бес. XLVII, 3.
2) О покаян. бес. VIII. 1.

раздѣленія, который заключается вовсе не въ религіозной ревности, а себялюбіи и властолюбіи. «Ничто такъ не разъединяетъ церковь, говорилъ онъ, какъ властолюбіе; ничто не возбуждаетъ такъ гнѣва Божія, какъ раздѣленіе въ церкви. Даже если бы мы дѣлали самыя совершенныя дѣла, но разрывая единеніе, будемъ наказаны, какъ если бы мы разрывали тѣло Господа... Даже мученичество не заглаживаетъ такого грѣха. Для чего ты несешь мученичество? Не ради ли славы Іисуса Христа? Ты отдаешь свою жизнь за Іисуса Христа и въ то же время расхищаешь церковь, за которую умеръ Іисусъ Христосъ». Подобными увѣщаніями онъ много содѣйствовалъ укрощенію страстей раздѣленія въ церкви и наконецъ имѣлъ счастье дожить до того сладостнаго для него момента, когда партіи окончательно примирились и раздѣленіе прекратилось.

Въ такомъ живомъ взаимообщеніи съ своей паствой святой Іоаннъ провелъ лучшіе годы своей жизни. Къ этому времени именно относятся всѣ его главнѣйшія произведенія какъ собесѣдовательныя, такъ и полемическія. Въ своихъ непрерывныхъ бесѣдахъ онъ истолковывалъ не только отдѣльныя мѣста и тексты, но и цѣлыя книги Св. Писанія, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, и эти-то толкованія и составляютъ главную славу его какъ экзегета [1]. Его толкованія отличаются чудесной ясностью, простотой и жизненностью, такъ что составляютъ лучшій образецъ истолковательнаго труда и неизсякаемый источникъ богословскаго знанія и религіознонравственнаго назиданія. Лучшими его толкованіями признаются бесѣды на Евангеліе св. Матѳея и на посланія ап. Павла. Принадлежа къ антіохійской школѣ толковниковъ, ставившей своей задачей, въ противоположность школѣ александрійской, истолкованіе буквальное, чуждое всякой таинственности, св. Іоаннъ Златоустъ въ этомъ отноше-

[1]) Къ антіохійскому періоду его служенія относятся слѣдующія его творенія: Толкованія на отдѣльныя книги Ветхаго завѣта, именно на книгу Бытія, Псалтирь и книгу пророка Исаіи; изъ Новаго завѣта. Толкованія на ев. Матѳея (лучшій его экзегетическій трудъ), на ев. Іоанна, и на посланія ап. Павла—къ Римлянамъ, Коринѳянамъ, Галатамъ, Ефесянамъ, къ Филимону, Титу и Тимоѳею. Кромѣ истолковательныхъ бесѣдъ къ этому времени относится и много другихъ его бесѣдъ на разные случаи и на отдѣльныя мѣста Св. Писанія и среди нихъ видное мѣсто занимаютъ бесѣды «О покаяніи». Изъ полемическихъ произведеній къ этому времени относятся его бесѣды «Противъ аномеевъ».

ніи достигъ высшаго истолковательнаго совершенства. Будучи знакомъ и съ твореніями александрійскихъ толковниковъ и изучивъ знаменитѣйшаго изъ нихъ Оригена, онъ занялъ то именно среднее положеніе, которое составляетъ идеалъ и сущность православной экзегетики. Шагъ за шагомъ слѣдя за священнымъ текстомъ, онъ излагаетъ его самый естественный, прежде всего дающійся уму смыслъ, и сначала выводитъ изъ него догматическое ученіе, а затѣмъ указываетъ и вытекающія изъ него добродѣтели, смотря на послѣднія какъ на ученіе въ его практическомъ приложеніи. И все это излагается съ чудесною простотою, ясно и чрезвычайно отчетливо. У него нѣтъ ничего такого, что было бы простымъ умозрѣніемъ, простою страстью къ учительству, съ неизбѣжными тонкостями и мелочными изысканіями. Все у него льется прямо отъ полноты сердца и направляется къ возвышенію и освященію жизни. Своихъ толкованій онъ не писалъ и не высиживалъ въ кабинетѣ, а обращался съ ними въ живой бесѣдѣ съ народомъ въ церкви. Отсюда та одушевленность и жизненность каждаго его слова, которыя глубоко проникали въ души слушателей,— тотъ огонь, который поистинѣ способенъ былъ зажигать сердца людей.

Въ теченіе своей продолжительной пастырской дѣятельности въ Антіохіи, св. Іоаннъ настолько сжился и сроднился съ своими пасомыми, что всѣ его помыслы сосредоточивались только на одномъ, какъ бы лучше и дѣйственнѣе назидать ихъ, вѣрнѣе охранять отъ заблужденій и полнѣе раскрывать предъ ними ту истину, что вѣра въ Іисуса Христа есть источникъ всякихъ благъ. Выше этой цѣли онъ уже и не ставилъ себѣ ничего, и надѣялся среди нихъ именно закончить и свою жизнь. Правда, бывали времена, когда до крайности утомленный трудами и подавляемый огорченіями вслѣдствіе легкомыслія и безумствъ своего народа, онъ невольно бросалъ тоскливые взгляды къ окружающимъ горамъ, гдѣ онъ когда-то подвизался въ святомъ уединеніи въ годы юности, гдѣ такъ мирно и отрадно жить на лонѣ безмятежной природы въ единеніи съ Богомъ и гдѣ дѣйствительно продолжали вести такую жизнь многіе изъ «земныхъ ангеловъ», какъ онъ любилъ называть отшельниковъ. Иногда онъ даже временно удалялся въ эти горы, чтобы

отдохнуть и освѣжиться отъ истощающихъ трудовъ и шумной суеты городской жизни; но трудовая жизнь пастыря теперь уже настолько овладѣла имъ, что онъ не могъ навсегда порвать съ нею и потому всегда послѣ непродолжительнаго отдыха вновь возвращался къ своей возлюбленной паствѣ, также тосковавшей по своемъ отсутствующемъ пастырѣ, и отъ глубины искренняго сердца говорилъ: «хорошо вижу, что я не могу оставить этого мѣстопребыванія и что мнѣ надлежитъ оставаться здѣсь до конца моихъ дней» [1]). Но Промыслъ Божій судилъ иначе. Великій свѣтильникъ церковный, нѣкогда выведенный изъ подспуднаго уединенія въ пустынѣ и поставленный на свѣщницѣ церковномъ среди многолюднаго города, давалъ вокругъ себя такой сильный и благотворный свѣтъ, что ему мало было и этого города. Свѣту его надлежало возсіять на всю вселенную, и для этого свѣтильникъ нужно было поставить еще выше, въ самомъ средоточіи православнаго христіанскаго міра. И это сбылось. Въ 397 году скончался престарѣлый архіепископъ константинопольскій Нектарій, и такимъ образомъ овдовѣла первенствующая каѳедра восточной вселенской церкви. На эту-то славную каѳедру Промыслъ Божій и возвелъ св. Іоанна, чтобы сдѣлать изъ него не только великаго святителя, но и великаго мученика за правду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Св. Іоаннъ Златоустъ на престолѣ константинопольскомъ (398—404 гг.).

Когда св. Іоаннъ доканчивалъ свою пастырскую дѣятельность въ Антіохіи, въ политическомъ состояніи міра совершилась важная перемѣна. Въ 395 году скончался императоръ Ѳеодосій, который вмѣстѣ съ собою унесъ въ могилу и послѣдніе отблески величія Римской имперіи. У него осталось два сына — Аркадій и Гонорій, и онъ, чтобы не возбуждать непріязни между ними, а главнымъ образомъ не считая ни одного изъ нихъ способнымъ принять на себя все бремя управленія громадной имперіей, притомъ явно

[1]) На посл. къ Колосс. Бес. VII, п. 3.

клонившейся къ упадку, раздѣлилъ между ними имперію, предоставивъ Гонорію западъ, а Аркадію — восточную ея половину. Оба они были еще люди молодые и притомъ недостаточно щедро надѣленные отъ природы для того, чтобы съ достоинствомъ и успѣхомъ проходить возложенное на нихъ трудное служеніе. Неудивительно поэтому, что дѣйствительными правителями государства были не они, а окружающіе ихъ приближенные, среди которыхъ первенствующее мѣсто занимали — на западѣ знаменитый полководецъ Стилихонъ, а на востокѣ не менѣе знаменитый царедворецъ евнухъ Евтропій. Послѣдній, выйдя изъ рабскаго состоянія, благодаря разнымъ случайностямъ и особенно своему природному уму, съумѣлъ заслужить благорасположеніе къ себѣ покойнаго императора Θеодосія, передъ смертью возлагавшаго на него важныя порученія, и послѣ его кончины конечно сдѣлался главнымъ опекуномъ молодого Аркадія и дѣйствительнымъ правителемъ государства. Этотъ евнухъ и былъ тѣмъ орудіемъ, чрезъ которое Промыслъ Божій привелъ св. Іоанна на каѳедру константинопольскую. Когда, по смерти архіепископа Нектарія, возникъ вопросъ о преемникѣ ему, то разрѣшить его было не легко. Положеніе было весьма важное и потому не мало заявлялось притязаній на него. Аркадій не зналъ, что дѣлать и кого предпочесть. Тогда выручилъ его изъ затрудненія Евтропій. Какъ человѣкъ не чуждый религіозности, онъ интересовался церковными дѣлами и въ бытность свою въ Антіохіи не преминулъ послушать знаменитаго антіохійскаго проповѣдника. Іоаннъ произвелъ на него своими проповѣдями сильное впечатлѣніе, и теперь Евтропій и подсказалъ императору, какъ было бы хорошо для церкви столичнаго города его имперіи имѣть во главѣ своей такого знаменитаго пастыря. Аркадій согласился и немедленно областеначальнику востока Астерію дано было тайное порученіе взять и привезть Іоанна въ столицу. Распоряженіе было неожиданное и для Іоанна и для антіохійскаго народа, и исполнить его было нелегко. Антіохійцы ни за что не согласились бы добровольно разстаться съ своимъ возлюбленнымъ пастыремъ, а всякое насиліе повело бы къ мятежу. Поэтому дано было распоряженіе взять Іоанна хитростью, что и сдѣлано было Астеріемъ, который, вызвавъ Іоанна за-городъ, какъ будто

для совмѣстнаго поклоненія мощамъ св. мучениковъ, приказалъ взять его въ колесницу, которая и помчалась въ Константинополь. Смиренный пастырь, узнавъ о дѣйствительной цѣли его вызова за-городъ, конечно погоревалъ, бросая прощальный взглядъ на родную Антіохію, гдѣ онъ такъ много потрудился для блага своего возлюбленнаго народа; но послушный Промыслу Божію вполнѣ примирился съ этимъ обстоятельствомъ и спокойно приближался къ царствующему граду. Императоръ милостиво встрѣтилъ знаменитаго пастыря и, чтобы придать больше торжественности и блеска его хиротоніи, вызвалъ для этого многихъ епископовъ, которые, во главѣ съ патріархомъ александрійскимъ Ѳеофиломъ, и рукоположили Іоанна 26 февраля 398 года въ санъ архіепископа константинопольскаго.

Теперь Іоаннъ не былъ уже простымъ пастыремъ-проповѣдникомъ провинціальнаго города. Онъ былъ архіепископомъ столицы, патріархомъ царствующаго града, возсѣдалъ на престолѣ второго Рима. Положеніе его было весьма высокое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудное. Церковь константинопольская, основанная по преданію св. ап. Андреемъ, пережила много превратностей, и со времени возведенія Византіи на степень столицы восточной имперіи пріобрѣла великое, первенствующее на востокѣ значеніе. Она въ дѣйствительности была средоточіемъ церковнорелигіозной и духовной жизни всего востока. Но вслѣдствіе такого именно положенія она сильнѣе всего и обуревалась различными вѣяніями. Въ столицѣ находили себѣ пріютъ и опору всевозможныя лжеученія, которыя быстро прививались среди легкомысленнаго, преданнаго наслажденіямъ населенія и приверженцы которыхъ умѣли находить себѣ доступъ даже къ императорскому двору. Вслѣдствіе этого бывали времена, когда лжеученіе, особенно аріанство нагло торжествовало свою побѣду въ столицѣ, угрожая совершенно вытѣснить православіе. Такъ именно было еще недавно, при Григоріѣ Богословѣ, который, прибывъ въ Константинополь, съ прискорбіемъ видѣлъ, что всѣ важнѣйшія четырнадцать церквей столицы находились въ рукахъ аріанъ и православіе ютилось только въ одной домовой церкви, которая подъ его благотворнымъ пастырствомъ сдѣлалась источникомъ возстановленія или воскресенія православія. Но хотя православіе было возстановлено, однако вліяніе лжеученія было

такъ велико, что и этому великому архіепископу-богослову трудно было пасти столь распущенную и въ духовномъ и нравственномъ отношеніи паству, и потому онъ вскорѣ по возведеніи его въ санъ архіепископа отрекся отъ этого высокаго сана. Преемникомъ ему былъ избранъ Нектарій—изъ свѣтскихъ придворныхъ сановниковъ. Этотъ іерархъ отличался благочестіемъ, но онъ былъ слишкомъ слабъ для столичной каѳедры, и хотя его правленіе было ровнымъ и спокойнымъ, однако всѣ ясно чувствовали, что на престолѣ столицы требуется иной пастырь, который имѣлъ бы достаточно мужества для того, чтобы не только умолять, но и запрещать, и вообще показывать твердость церковной власти, когда потребуютъ того обстоятельства. У Нектарія не было такого мужества, и потому послѣ него столичная церковь осталась въ довольно неустроенномъ состояніи. Народъ, всецѣло преданный наслажденіямъ и страстямъ, не уважалъ своихъ пастырей, а послѣдніе, не исключая и епископовъ, вели также совершенно мірскую жизнь. Все это глубоко поразило и огорчило Іоанна. Если онъ въ Антіохіи видѣлъ такъ много недостатковъ и пороковъ, съ которыми и велъ непримиримую борьбу, то тамъ это были недостатки неразумной паствы, которая нуждалась во вразумленіи со стороны пастырей; а здѣсь и сами пастыри требовали неменьшаго вразумленія и наказанія. И св. Іоаннъ могъ сразу понять, на какое трудное и отвѣтственное мѣсто поставленъ онъ Промысломъ. Еще въ юности онъ сознавалъ всю высоту и тяжесть епископскаго служенія и потому-то и уклонился отъ него, скрывшись отъ своего друга Василія. Теперь, помимо своей воли оказавшись на каѳедрѣ первенствующей церкви, онъ еще болѣе могъ убѣдиться въ этомъ. Но теперь онъ уже не избѣгалъ тяжести своего служенія. Напротивъ, поставленный на столь высокомъ и трудномъ мѣстѣ, онъ какъ истинный пастырь церкви порѣшилъ показать себя достойнымъ своего званія и мужественно вступилъ въ отправленіе своего многотруднаго служенія.

Первымъ его дѣломъ было показать себя своей новой паствѣ въ качествѣ пастыря-учителя. Этого отъ него ожидалъ болѣе всего и народъ, знавшій о его блистательномъ краснорѣчіи и предвкушавшій великое удовольствіе—послушать знаменитаго проповѣдника. И дѣйствительно первыя

бесѣды св. Іоанна въ Константинополѣ собирали безчисленное множество народа, и архипастырь могъ радоваться такому усердію его паствы къ слушанію слова Божія. Съ боговдохновенною силою изъ устъ его лились золотыя слова назиданія и истолкованія слова Божія, слушатели приходили въ неописанный восторгъ, и своды храма оглашались шумными, часто неистовыми рукоплесканіями и всевозможными знаками одобренія. Подобные знаки одобренія онъ порицалъ еще въ Антіохіи, видя въ нихъ проявленіе суетности человѣческой; не могъ сочувственно относиться къ нимъ и теперь. Но его огорченіе становилось тѣмъ сильнѣе, по мѣрѣ того какъ онъ убѣждался, что эти шумныя одобренія здѣсь были еще менѣе знакомъ проникновенія словъ назиданія въ душу слушателей, чѣмъ среди антіохійскаго народа, и напротивъ это было лишь доказательство крайней суетности его новой паствы, не различавшей церкви отъ театра. Слушателямъ очевидно нравился блескъ краснорѣчія проповѣдника, а не сила назидательности его словъ. Поэтому онъ порѣшилъ выступить еще энергичнѣе чѣмъ въ Антіохіи на борьбу съ подобною распущенностію и въ своихъ бесѣдахъ неоднократно умолялъ своихъ слушателей оставить эту привычку и слушать назиданіе въ тихомъ безмолвіи и сокрушеніи сердца. «Слушайте меня спокойно, говорилъ онъ неоднократно, я умоляю васъ объ этомъ, и если угодно, постановимъ съ сегодня за правило, чтобы никто изъ слушателей не позволялъ себѣ прерывать проповѣдника... Дѣлайте, какъ я прошу васъ, и вы найдете здѣсь источникъ благъ и школу мудрости. Когда даже языческіе философы вели разсужденія предъ своими учениками, то послѣдніе слушали ихъ, не прерывая рукоплесканіями. Проповѣдывали и апостолы, и мы нигдѣ не читаемъ, чтобы ихъ прерывали шумными рукоплесканіями. Іисусъ Христосъ бесѣдовалъ съ народомъ на горѣ, и когда Онъ говорилъ, не раздавалось никакихъ кликовъ. Нѣтъ ничего пристойнѣе для церкви, какъ тишина и скромность. Шумъ и клики пристойны театру, банямъ, общественной площади, свѣтскимъ церемоніямъ. Изложеніе нашихъ догматовъ требуетъ спокойствія, сосредоточенности, этой тихой пристани для защиты отъ бурь. Подумайте объ этомъ, я васъ прошу, я васъ умоляю... Установите такое правило, и

будете дѣлать все лишь для славы Божіей» [1]. Но дурная привычка была такъ сильна въ столичномъ населеніи, что ее трудно было побороть, и св. Іоаннъ, не ограничиваясь учительствомъ, порѣшилъ показать предъ лицемъ этой распущенной паствы примѣръ строгости на самомъ себѣ. Чѣмъ распущеннѣе паства, тѣмъ строже долженъ быть пастырь, и св. Іоаннъ, ревнуя о спасеніи ввѣренныхъ его попеченію душъ, отдался пастырской дѣятельности до полнаго самоотверженія и забвенія о самомъ себѣ. Самое положеніе архіепископа константинопольскаго требовало отъ него широкой общественности, богатаго гостепріимства и постояннаго участія на пиршествахъ по приглашенію знати. Такая жизнь конечно отнимала много времени, которое могло бы пойти на пастырское служеніе, и потому св. Іоаннъ нашелъ необходимымъ сразу поставить себя иначе и, отказываясь отъ всякихъ приглашеній, повелъ жизнь отшельника, который не придавалъ никакого значенія своимъ собственнымъ потребностямъ, принималъ самую скудную пищу и притомъ всегда наединѣ, и всѣ сбереженія, остававшіяся отъ доходовъ, сталъ употреблять на дѣла милосердія и благотворительности. Двери его дома были всегда открыты—но не для тѣхъ праздныхъ честолюбцевъ, которые приглашеніемъ архіепископа на свои пиршества или посягательствомъ на его гостепріимство только тѣшили свою суетность, а для тѣхъ труждающихся и обремененныхъ, которые дѣйствительно нуждались какъ въ духовной, такъ и тѣлесной помощи. Будучи другомъ и попечителемъ бѣдныхъ въ Антіохіи, св. Іоаннъ остался таковымъ и на престолѣ константинопольскомъ. Столица, блистая богатою пышностью своихъ палатъ и дворцовъ, въ дѣйствительности заключала въ себѣ еще больше вопіющей бѣдственности, чѣмъ Антіохія, и архипастырь хотѣлъ помочь этимъ бѣдствующимъ членамъ своей паствы. Архіепископская каѳедра обладала весьма значительными средствами, и эти средства, еще болѣе увеличивъ ихъ своею до крайности скромною жизнью, св. Іоаннъ сталъ обращать на благотворительныя учрежденія. До него на все столичное населеніе было только четыре богоугодныхъ заведенія, которыя притомъ содержались скудно и неисправно. Св.

[1] На Дѣянія, бес. xxx, п. 4.

Іоаннъ, побуждаемый своимъ пастырскимъ попеченіемъ, приведя въ порядокъ и благоустройство прежнія заведенія, сталъ устраивать новыя, и вокругъ церкви Божіей, какъ плоды христіанскаго человѣколюбія, стали быстро возникать всевозможныя богоугодныя заведенія, гдѣ могли находить себѣ пріютъ и убѣжище всѣ больные и немощные, всѣ отверженные, обреченные человѣческимъ жестокосердіемъ на бѣдствія и гибель. И вся дѣятельность св. Іоанна направилась главнымъ образомъ на поддержаніе этихъ богоугодныхъ заведеній. Въ своихъ бесѣдахъ онъ то и дѣло обращался къ своимъ слушателямъ съ призывомъ къ пожертвованіямъ на благотвореніе, и изъ его златословесныхъ устъ раздавались боговдохновенныя рѣчи, въ которыхъ милостыня восхвалялась какъ величайшая добродѣтель, какъ такая, которая болѣе всякой другой открываетъ доступъ къ небу и его райскимъ радостямъ. Слова его не оставались безплодными. Благотворительность весьма оживилась въ Константинополѣ, и было не мало такихъ богатыхъ людей, особенно вдовъ, которыя, жертвуя все свое состояніе на дѣла благотворенія, сами поступали въ богоугодныя заведенія, и служили больной и немощной братіи. Такой успѣхъ весьма радовалъ великаго пастыря и онъ мечталъ даже о томъ славномъ времени, когда всякая бѣдственность прекратится въ его паствѣ и всѣ будутъ жить въ томъ счастливомъ братскомъ взаимообщеніи, въ какомъ жили первенствующіе христіане въ Іерусалимѣ [1]).

Но благотворительность была лишь одною стороною пастырской дѣятельности св. Іоанна Златоуста. Еще болѣе, чѣмъ тѣлесныя нужды, требовали отъ архипастыря попеченія нужды духовныя, нравственныя, безъ удовлетворенія которыхъ не могла приносить надлежащей пользы и сама благотворительность. Какъ Антіохія, такъ еще болѣе Константинополь былъ городомъ, въ которомъ населеніе было чрезвычайно смѣшаннымъ. Хотя христіане преобладали числомъ, но въ обыденной жизни еще сильно давало о себѣ знать язычество, проявлявшееся во всевозможныхъ суевѣріяхъ. Рядомъ съ язычниками жили и евреи, продолжавшіе вести если не открытую, то подпольную борьбу противъ

---

[1]) На ев. Матѳ. бес. LXVI, 3 и 4.

церкви, и наконецъ въ самой церкви постоянно происходили волненія, производимыя различными ересями и расколами. Вся эта смѣсь племенъ и вѣрованій до крайности затрудняла дѣятельность пастыря, а къ этому присоединялись еще и другія, чисто общественныя язвы. Императорскій дворъ далеко не представлялъ собою воплощенія добродѣтелей, которыхъ по преданію привыкли ожидать отъ него въ провинціи. Вмѣсто того, чтобы быть образцомъ и семейныхъ и общественныхъ добродѣтелей, онъ скорѣе былъ источникомъ всякаго нравственнаго тлѣна, который заразительно дѣйствовалъ и на все окружающее общество. Безумная роскошь двора заставляла подражать ей и окружающихъ сановниковъ, которые поэтому предавались самому безстыдному хищничеству, ложившемуся тяжелымъ бременемъ на народъ. Іоаннъ, всецѣло преданный попеченію о бѣдныхъ, былъ глубоко возмущенъ такимъ неразуміемъ и громко вопіялъ противъ него въ своихъ бесѣдахъ. Такая безумная роскошь,говорилъ онъ, непристойна христіанамъ. «Для чего, скажи мнѣ, ты носишь шелковыя одежды, ѣздишь на златосбруйныхъ коняхъ и украшенныхъ лошакахъ? Лошакъ украшается снизу; золото лежитъ и на покрывалѣ его; безсловесные лошаки носятъ драгоцѣнности, имѣя золотую узду; безсловесные лошаки украшаются, а бѣдный, томимый голодомъ, стоитъ при дверяхъ твоихъ, и Христосъ мучится голодомъ! О крайнее безуміе! Какое оправданіе, какое прощеніе получишь ты, когда Христосъ стоитъ предъ дверьми твоими въ видѣ бѣднаго, а ты не трогаешься?» [1]) Наконецъ и богатые и бѣдные были всѣ заражены страстью къ театрамъ и общественнымъ увеселеніямъ, и дѣло доходило до того, что въ случаѣ какихъ либо чрезвычайныхъ представленій церкви пустѣли, а театры переполнялись безумно ликующими толпами. Святитель горько оплакивалъ такое увлеченіе, строго обличалъ неразумныхъ, и находилъ себѣ великое утѣшеніе въ томъ, что его бесѣды нерѣдко производили потрясающее впечатлѣніе, такъ что народъ разскаявался предъ нимъ въ своихъ безумныхъ увлеченіяхъ.

Если великаго святителя огорчали грѣхи и нравствен-

---

[1]) На 17 ст. псалма 48, бес. 1-я, п. 6.

ные недостатки народа, то тѣмъ болѣе онъ скорбѣлъ при видѣ нравственнаго упадка среди тѣхъ самыхъ, кто притязалъ на достоинство избранныхъ членовъ церкви. Если даже иные епископы, какъ сказано было выше, вели жизнь скорѣе приличную свѣтскимъ лицамъ, чѣмъ духовнымъ, то тѣмъ болѣе это было замѣтно среди низшаго духовенства. Оно предано было міру и всѣмъ его прелестямъ и притомъ иногда въ такихъ формахъ, которыя не могли не возмущать нравственнаго чувства. Особенно сильное негодованіе святителя возбуждалъ широко распространенный въ то время обычай сожительства духовныхъ лицъ съ дѣвственницами. Обычай этотъ вытекъ изъ доброй цѣли. Среди духовенства того времени начало распространяться убѣжденіе, что жизнь безбрачная болѣе пригодна для пастырей, давая имъ больше свободы отъ мірскихъ заботъ для пастырской дѣятельности, и дѣйствительно многіе изъ священниковъ и другихъ членовъ духовенства жили безбрачными, преимущественно въ иноческомъ санѣ. Въ видахъ благотворенія многіе принимали къ себѣ въ домъ для воспитанія бѣдныхъ сиротъ, которыя впослѣдствіи также принимали обѣтъ дѣвства. Такъ какъ правильно устроенныхъ женскихъ монастырей еще было очень немного, то эти воспитанницы, и придя въ возрастъ, продолжали жить у своихъ воспитателей, и этотъ обычай мало по малу привелъ къ тому, что и помимо воспитательныхъ цѣлей дѣвственники и дѣвственницы сожительствовали подъ одной кровлей, какъ братья и сестры. При строго нравственномъ настроеніи такое сожительство не могло бы представляться особенно предосудительнымъ, хотя оно уже было предметомъ обсужденія на соборахъ и запрещено было какъ непристойное; но легко представить себѣ, въ какое безобразное явленіе могъ выродиться этотъ обычай въ столицѣ съ ея соблазнами и нравственнымъ тлѣномъ. И дѣйствительно, такое сожительство было явленіемъ крайне непристойнымъ, бросавшимъ весьма нелестный свѣтъ на все духовенство. Нужно было искоренить его, чтобы поднять самое достоинство и вліяніе пастырства, и святитель началъ безпощадно преслѣдовать это незаконное сожительство и написалъ противъ него двѣ большія книги, въ которыхъ съ необычайною яркостью изобразилъ какъ самый обычай, такъ и тѣ непристойности, въ которыя онъ повергаетъ сожительствую-

щихъ [1]). Зло пустило уже глубокій корень и его трудно было искоренить сразу; но святитель не щадилъ усилій и ему удалось въ значительной степени очистить свою церковь отъ этого гнуснаго явленія. Чтобы дать образецъ истинной иноческой жизни въ мірѣ, онъ заботился вмѣстѣ съ тѣмъ о возвышеніи и благоустроеніи женскихъ монастырей. Монастыри существовали и до него, но они не столько были мѣстомъ молитвы и спасенія, сколько просто убѣжищемъ для лицъ, наскучившихъ суетою мірской жизни и искавшихъ себѣ пріятнаго отдыха тамъ, безъ нарушенія связей съ міромъ. Св. Іоаннъ подвергъ монастыри коренному преобразованію. Онъ лично распросилъ всѣхъ проживавшихъ тамъ монахинь, и когда убѣждался, что какія изъ нихъ находились тамъ не для спасенія своей души, а по примѣру своихъ свѣтскихъ подругъ продолжали болѣе помышлять „о баняхъ, благовоніяхъ и нарядахъ, чѣмъ о постѣ и молитвѣ", то онъ совѣтовалъ имъ лучше возвратиться въ міръ, такъ какъ монастыри должны быть исключительно мѣстомъ молитвы, поста и покаянія. Эта строгость привела къ тому, что монастыри дѣйствительно очистились отъ своихъ недостойныхъ членовъ и наполнились лицами, которыя искренно жаждали найти покой своимъ душамъ отъ окружающей мірской суеты и всецѣло посвятить себя на служеніе Богу и ближнимъ. Радость св. Іоанна была тѣмъ большею, когда въ очищенныя и преобразованныя имъ обители стали поступать поистинѣ святыя, избранныя души. На голосъ святителя стали стекаться въ нихъ даже знатныя и богатыя вдовы, которыя посвящали и свою жизнь и все свое состояніе на служеніе немощной братіи. Чтобы имѣть болѣе возможности послужить труждающимся и обремененнымъ членамъ христіанскаго братства, эти знатныя вдовы чаще всего поступали въ должность діакониссъ, на обязанности которыхъ было кромѣ того давать наставленіе оглашаемымъ женскаго пола, приготовлять ихъ къ крещенію, руководить первыми ихъ шагами въ возрожденной жизни, а также нести различныя обязанности и служенія въ церкви преимущественно по отношенію къ женскому полу и дѣтямъ. Служеніе было весьма нелегкое, и тѣмъ больше чести тѣмъ благо-

---

[1]) Объ эти книги см. ниже въ первой книгѣ I-го тома, стр. 245 и 269.

честивымъ женщинамъ, которыя, пренебрегая всѣми трудностями, принимали на себя это служеніе и доблестно несли его до конца своей жизни. Многія изъ діакониссъ прославились своимъ самоотверженіемъ, и изъ нихъ особенно извѣстны были во времена Златоуста: Никарета, весьма знатная дѣвица изъ Никомидіи, посвятившая себя на служеніе Богу съ самой своей юности, Сильвина, благородная отрасль царей мавританскихъ, Пентадія, вдова знаменитаго, но несчастнаго полководца Тимасія, и особенно благородная Олимпіада, которая рано овдовѣвъ, всю свою жизнь и все свое огромное состояніе (на которое неудачно притязалъ императоръ Ѳеодосій) посвятила на служеніе церкви. Эти благочестивыя жены-діакониссы составляли главную опору великаго святителя въ его пастырскихъ попеченіяхъ о духовномъ и маріальномъ благосостояніи его паствы.

Борясь съ нравственными нестроеніями своей церкви, св. Іоаннъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ стоять и на стражѣ православія отъ нападеній раскола и ереси. Въ его время не мало смущали совѣсть народа новаціане, которые съ запада перенесли свое ученіе на востокъ и нашли себѣ убѣжище въ Константинополѣ. Они съ наглостью заявляли притязанія на то, что у нихъ только сохраняется истинное ученіе и чистая жизнь и себя считали исключительно истинной церковью, какъ не терпящей нечистыхъ членовъ. Это дерзкое самовосхваленіе глубоко возмущало святителя и онъ съ пламеннымъ негодованіемъ опровергалъ ихъ. «Какая гордость, говорилъ онъ, какое безуміе! Вы, будучи людьми, выставляете себя безгрѣшными? Скорѣе можно утверждать, что море можетъ быть безъ волнъ; но какъ волны не перестаютъ двигаться на морѣ, такъ и грѣхи не перестаютъ дѣйствовать въ насъ» [1]). Еще болѣе озабочивало Іоанна другое зло — аріанство. Хотя оно въ это время уже не имѣло такой силы, какъ во времена Григорія Богослова, когда всѣ церкви столицы были въ рукахъ аріанъ, однако по окраинамъ столицы аріане были еще сильны и не упускали случая, чтобы заявить о своемъ существованіи. Особенно много смущенія они производили своими торжественными религіозными процессіями, сопровождавшимися громкимъ пѣніемъ бо-

---

[1]) Томъ XII, p. 500 (бесѣда VI Contra Catharos).

гохульственныхъ аріанскихъ гимновъ. Въ этихъ процессіяхъ изъ любопытства или невѣжества принимали участіе и многіе изъ православныхъ, становясь такимъ образомъ участниками аріанскаго нечестія. Это не могло не озабочивать великаго святителя, и онъ, чтобы отвлечь православныхъ отъ участія въ аріанскихъ сборищахъ, нашелъ необходимымъ устроивать подобныя же процессіи съ священными пѣснопѣніями и для православнаго народа. Въ этихъ православныхъ процессіяхъ приняла участіе даже императрица Евдоксія, которая на свой счетъ снабжала народъ свѣчами. Къ несчастію, процессіи эти повели къ безпорядкамъ. Встрѣтившись между собою, православная и аріанская процессіи не могли не возбуждать взаимнаго раздраженія, аріане дерзко бросали въ православныхъ камнями, такъ что въ послѣдовавшемъ смятеніи ранено и даже убито было много народа съ той и другой стороны и одному изъ царедворцевъ императрицы, евнуху Врисону была пробита голова камнемъ. Это печальное обстоятельство вынудило правительство запретить подобныя процессіи по улицамъ. Но святитель, придававшій высокое религіозно - нравственное значеніе духовному пѣнію, какъ одному изъ лучшихъ средствъ для внѣдренія христіанства въ жизнь христіанъ, сталъ чаще устраивать для этого богослужебныя собранія, и особенно ему нравились всенощныя бдѣнія, на подобіе христіанскихъ собраній первыхъ вѣковъ. «Ночь, говоритъ онъ, создана не для того, чтобы всю ее проводить во снѣ и покоѣ: доказательствомъ этого служатъ ремесленники, торговцы и купцы. Церковь Божія встаетъ въ полночь. Вставай и ты и созерцай хоръ звѣздъ, это глубокое безмолвіе, эту безграничную тишину. Преклонись предъ Провидѣніемъ твоего Господа. Во время ночи душа болѣе чиста, болѣе легка, она съ меньшими усиліями поднимается выше; самая тьма и это величавое безмолвіе располагаютъ ее къ созерцательности... Что было цѣлію Спасителя, когда Онъ проводилъ ночи на горѣ, какъ не то, чтобы дать намъ примѣръ для подражанія? Ночью изливаютъ благоуханіе растенія, и душа твоя болѣе ихъ воспринимаетъ небесную росу. Что днемъ сожжено солнцемъ, то освѣжается и оживаетъ ночью» [1]). Такія назиданія имѣли полный успѣхъ

[1]) На Дѣянія бес. XXVI, 3 и 4.

и народъ пріучился къ ночнымъ богослужебнымъ бдѣніямъ и полюбилъ ихъ. Правда, столичное населеніе было изнѣжено и не могло выносить особенно продолжительныхъ служеній, и благостнѣйшій святитель не преминулъ проявить отеческое снисхожденіе къ своей немощной паствѣ и составилъ особую литургію, которая съ того времени сдѣлалась лучшимъ достояніемъ всего православнаго міра и доселѣ совершается въ православной церкви, нося имя своего великаго составителя [1]).

Благоустроивъ внѣшнюю и внутреннюю жизнь константинопольской церкви, святой Іоаннъ затѣмъ направилъ свои усилія къ распространенію истины вѣры Христовой и среди тѣхъ, которые еще сидѣли во тьмѣ и сѣни смертной. Хотя язычество въ сущности было сломлено и съ погибелью Юліана Отступника потеряло послѣднюю свою опору, однако искра жизни въ немъ все еще теплилась и по временамъ даже вспыхивала зловѣщимъ пламенемъ. Послѣдователи Юліана и ученики различныхъ языческихъ софистовъ въ родѣ Ливанія не хотѣли разстаться съ своею мечтою о возстановленіи язычества, и до какой степени была живуча эта мечта, показываетъ то замѣчательное явленіе, что среди язычниковъ широко распространено было убѣжденіе, въ силу котораго старые боги должны были вскорѣ ожить и восторжествовать надъ Христомъ. Языческіе оракулы распространяли среди народа будто бы древнее предсказаніе, что всѣ успѣхи христіанства, какъ происходившіе вслѣдствіе волхвованій св. Петра, главнаго обольстителя міра, должны будутъ закончиться съ четвертымъ вѣкомъ, и 400-й годъ долженъ ознаменоваться постыднымъ паденіемъ христіанства и полнымъ торжествомъ язычества [2]). Темныя массы, склонныя ко всему таинственному, не безъ волненія ожидали конца вѣка. Къ счастью, сыновья Θеодосія были одушевлены религіозною ревностью, и особенно на западѣ Гоноріи своими энергическими мѣрами къ подавленію и искорененію язычества въ значительной степени разсѣялъ нелѣпыя мечты его приверженцевъ. На востокѣ язычество пользовалось

---

[1]) Собственно литургія, извѣстная подъ названіемъ литургіи св. І. Златоуста, не есть совершенно новое произведеніе, а лишь сокращенное изложеніе, примѣнительно къ указанной потребности, литургіи св. Василія Великаго.

[2]) Aug. De civitate Dei XVIII, 53.

большею свободою и въ Сиріи продолжали безпрепятственно совершаться даже сладострастныя и гнусныя празднества маіюмскія, названныя такъ отъ имени одного языческаго капища близъ Газы. Эти празднества, наслѣдіе древнихъ гнусныхъ культовъ Ваала и Астарты, не разъ подвергались запрещенію. Они запрещены были Константиномъ Великимъ, но Юліанъ вновь возстановилъ ихъ; Ѳеодосій опять наложилъ запретъ, но его слабый сынъ Аркадій, убоявшись ропота сирійцевъ, опять дозволилъ ихъ, и эти соблазнительныя торжества стали опять совершаться съ безобразною откровенностью. Св. Іоаннъ Златоустъ возставалъ противъ нихъ, еще будучи пресвитеромъ въ Антіохіи; но теперь, въ качествѣ архіепископа столицы, онъ не преминулъ нанести рѣшительный ударъ этой гнусности, и подъ его несомнѣнно вліяніемъ маіюмскія празднества были запрещены. Этотъ случай далъ поводъ архіепископу обратить вообще вниманіе на Финикію, которая продолжала оставаться однимъ изъ главныхъ оплотовъ язычества. Было печально видѣть, что почти у самаго подножія знаменитыхъ престоловъ Антіохіи и Александріи и притомъ въ предѣлахъ земли Обѣтованной главнымъ образомъ ютилось язычество, уже искорененное въ другихъ мѣстахъ. И святитель снарядилъ особую миссію для искорененія тамъ язычества и не переставалъ глубоко интересоваться этимъ дѣломъ до самой своей кончины.

Но взоръ святителя распространялся еще гораздо дальше и шире. Своимъ глубокопроницательнымъ умомъ онъ понималъ, что хотя язычество и продолжало держаться въ дебряхъ Финикіи, но дни его были сочтены, какъ и дни самого населявшаго ее древняго народа. Это населеніе отживало свой вѣкъ, и на границахъ извѣстнаго тогда цивилизованнаго міра уже двигались громады новыхъ варварскихъ народовъ, которымъ принадлежала дальнѣйшая роль въ исторіи. Поэтому нужно было обратить вниманіе на эти молодые народы и привесть ихъ подъ иго Христово. Эти народы были варварскіе, не знали еще благъ осѣдлой жизни и жилищами ихъ были подвижныя кибитки, съ которыми они то останавливались таборами, то снимаясь вновь двигались цѣлыми ордами, угрожая пограничнымъ областямъ и городамъ. Среди этой хаотической массы варваровъ бродили

тѣ силы, изъ которыхъ долженъ былъ образоваться новый міръ — на смѣну стараго греко-римскаго. Другіе съ ужасомъ смотрѣли на эти дикія орды, видя въ нихъ страшный бичъ человѣчества; но св. Іоаннъ Златоустъ видѣлъ въ нихъ дѣтей природы, которыхъ нужно было сдѣлать сынами Божіими. Его вниманіе особенно обращали скиѳы, эти суровые сыны сѣвера, обитавшіе главнымъ образомъ по берегамъ Дуная и дальше на сѣверо-востокъ, въ предѣлахъ теперешней Россіи. Это были полудикіе кочевники, которыхъ поэтому Златоустъ называетъ «амаксовіями», т. е. живущими въ кибиткахъ, и они дѣйствительно стояли на самой низкой ступени общественной жизни, были варварами изъ варваровъ. Но свирѣпые видомъ и варвары по жизни и обычаямъ, они были добры сердцемъ, и когда до нихъ дошло благовѣстіе о Христѣ, то оно затронуло ихъ дѣвственныя сердца и они обнаружили желаніе принять христіанство. Узнавъ объ этомъ, св. Іоаннъ быстро снарядилъ къ нимъ миссію, тѣмъ болѣе, что можно было опасаться, какъ бы аріанство, широко распространившееся среди готскихъ племенъ, не коснулось и сердца этого простодушнаго, не тронутаго искусственностью народа. Къ его великой радости, миссія имѣла благословенный успѣхъ, и такимъ образомъ, какъ свидѣтельствуетъ патріархъ Фотій, святой Іоаннъ Златоустъ именно первый воздвигъ алтари истинному Богу среди этихъ варваровъ, которые раньше пили кровь человѣческую. Народъ, суровые воины котораго почти не сходили съ коней, теперь началъ преклоняться предъ крестомъ распятаго Христа. Если вѣрно предположеніе историковъ, что скиѳы были одними изъ предковъ русскаго народа, то какое счастіе вѣрить, что первыми сѣменами вѣры Христовой русскій народъ обязанъ былъ именно великому святителю, возлюбленному имъ Златоусту, боговдохновенныя творенія котораго навсегда сдѣлались для него неизсякаемымъ источникомъ духовнаго назиданія и просвѣщенія. — Святитель обращалъ пастырское вниманіе и на другихъ инородцевъ, наприм. готовъ; многіе изъ нихъ жили въ самомъ Константинополѣ, который подобно Риму прибѣгалъ часто къ воинской помощи этихъ полуварваровъ. Большинство ихъ были еще язычники, а другіе — аріане, и святой Іоаннъ заботился о спасеніи тѣхъ и другихъ. Такъ какъ готы не знали грече-

скаго языка, то онъ нашелъ возможность устранить и это препятствіе для проповѣди. Изъ самихъ готовъ выбравъ болѣе достойныхъ лицъ, онъ посвятилъ ихъ въ санъ священниковъ и діаконовъ, и отведя для нихъ особую церковь во имя апостола язычниковъ Павла, велѣлъ имъ совершать богослуженіе для своихъ единоплеменниковъ на ихъ родномъ языкѣ. Святитель такъ заботился объ обращеніи этого народа на путь истины, что нерѣдко и самъ присутствовалъ при ихъ богослуженіи и даже лично преподавалъ имъ наставленія при помощи искусныхъ переводчиковъ.

Всѣ эти архипастырскіе труды святаго Іоанна производили въ высшей степени благотворное дѣйствіе. Столица стала приходить въ благоустроенность въ церковнорелигіозномъ и нравственномъ отношеніи. Зло нестроеній однако проникло такъ глубоко, что недостаточно было однихъ назиданій; необходимы были наказующіе удары правды Божіей, чтобы образумить преданный міру и его прелестямъ народъ. Такіе удары дѣйствительно не разъ постигали Константинополь. Особенно страшно было бѣдствіе, причиненное землетрясеніемъ, происшедшимъ въ первые годы правленія святителя. Отъ землетрясеній вообще много страдали города въ IV вѣкѣ и извѣстіями о нихъ переполнены лѣтописи современныхъ писателей. Но это землетрясеніе было особенно ужаснымъ, какого еще не бывало въ Константинополѣ. Почва всколыхалась какъ море и дома трескались и распадались, погребая подъ своими развалинами несчастныхъ жильцовъ. Вдобавокъ къ этому Босфоръ произвелъ наводненіе, а злоумышленники производили поджоги съ цѣлію скрыть слѣды своего грабежа и хищничества. Всѣ были объяты ужасомъ. Императорская семья спасалась бѣгствомъ и безпорядокъ водворился невообразимый. Среди этого всеобщаго смятенія и ужаса остался непоколебимымъ одинъ архипастырь церкви, своимъ авторитетомъ замѣняя исчезнувшія и растерявшіяся власти. Онъ востановилъ порядокъ въ смятенной столицѣ, ободрилъ пораженныхъ ужасомъ, и когда населеніе понемногу возвратилось въ городъ и успокоилось, онъ возобновилъ свои бесѣды, въ которыхъ огненными красками изображалъ какъ самое бѣдствіе, такъ и то нечестіе, которымъ оно навлечено было. Чтобы еще болѣе ободрить народъ, св. Іоаннъ совершилъ торжественное пе-

ренесеніе мощей св. мучениковъ въ особо устроенный для нихъ храмъ на противоположномъ берегу Босфора, въ девяти миляхъ отъ столицы. Перенесеніе было совершено ночью, и это торжественное шествіе многочисленнаго народа съ зажженными свѣчами, соперничавшими своею яркостью съ небесными свѣтилами, и эти восторженныя пѣснопѣнія, раздававшіяся среди ночной тишины, производили глубоко потрясающее и вмѣстѣ умилительное зрѣлище. Въ процессіи участвовала сама императрица Евдоксія, которой Златоустъ въ своей восторженной проповѣди и воздалъ полную дань чести, восхваляя ея религіозную ревность и благочестіе. Послѣдующія событія показали, что это благочестіе отнюдь не было глубокимъ и не вытекало изъ внутреннихъ потребностей истинно религіознаго сердца; но теперь св. Іоаннъ искренно радовался и этому внѣшнему проявленію набожности царицы, примѣръ которой могъ благотворно вліять и на всѣхъ женщинъ столицы.

Какъ ревнитель славы церкви Божіей, св. Іоаннъ Златоустъ считалъ своимъ долгомъ строго оберегать тѣ права и преимущества, которыя принадлежали ей. Только обладая такими правами, св. церковь и могла съ успѣхомъ совершать свое просвѣтительное и спасительное дѣло въ мірѣ. Между тѣмъ гражданское правительство уже тогда неоднократно заявляло притязанія на нарушеніе или ограниченіе этихъ правъ и преимуществъ, и притомъ чаще всего по соображеніямъ не столько государственнымъ, сколько личнымъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ преимуществъ церкви съ древнѣйшихъ временъ считалось принадлежавшее ей право убѣжища. Это право, ведшее свое начало еще отъ церкви ветхозавѣтной, было чрезвычайно важно въ тѣ времена, когда при господствѣ самоуправства и грубой силы люди часто могли находить себѣ убѣжище отъ человѣческаго насилія только у престола Божія, въ церкви. И святой Іоаннъ, какъ непреклонный защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ, придавалъ праву убѣжища великое значеніе. Между тѣмъ это право все болѣе подвергалось ограниченіямъ, и главнымъ виновникомъ этого былъ всемогущій въ то время евнухъ Евтропій. Опьяненный достигнутымъ имъ всевластіемъ, надменный евнухъ уже дерзко мечталъ современемъ захватить самый престолъ и безпощадно истреблялъ всѣхъ, кого могъ

считать своими противниками и врагами. Такъ какъ многіе искали себѣ спасенія отъ его ярости въ церкви, то Евтропій порѣшилъ покончить съ этимъ учрежденіемъ. Напрасно св. Іоаннъ Златоустъ возставалъ противъ этого посягательства на священное право церкви—укрывать беззащитныхъ отъ злобной ярости людей; евнухъ, считая притомъ святаго Іоанна своимъ ставленникомъ, обязаннымъ ему самымъ своимъ возвышеніемъ на престолъ константинопольской церкви, настоялъ на своемъ, и право убѣжища дѣйствительно было отмѣнено. Вскорѣ однако случилось событіе, которое показало, какъ непрочно человѣческое величіе и какъ необходимо людямъ имѣть себѣ защитницу въ лицѣ церкви. Евтропій своими интригами и дерзкими выходками навлекъ на себя немилость императора и положеніе его поколебалось. А когда онъ, забывшись до крайности, оскорбилъ даже императрицу Евдоксію, которая со слезами на глазахъ и съ своими плачущими малютками на рукахъ явилась къ императору, прося у него защиты отъ оскорбленій дерзкаго царедворца, то судьба его была рѣшена: онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ должностей и ему угрожала смертная казнь. Дотолѣ всевластный царедворецъ, Евтропій теперь оказался самымъ жалкимъ и безпомощнымъ человѣкомъ. Во всемъ мірѣ не было у него человѣка, который бы протянулъ къ нему руку помощи и пожалѣлъ бы о немъ. Напротивъ, всѣ радовались паденію надменнаго евнуха, и вѣсть о его паденіи быстро разнеслась по городу. Пользуясь его безпомощностью, многіе готовы были даже до совершенія законнаго правосудія отомстить ему за всѣ причиненныя имъ неправды и насилія, и онъ былъ въ отчаянномъ положеніи. Тогда, подавивъ въ себѣ гордость, Евтропій обратился къ единственной своей защитѣ, св. церкви и—вопреки состоявшейся по его же настоянію отмѣны права убѣжища, искалъ себѣ спасенія у престола Божія, и онъ не ошибся. Тамъ встрѣтилъ его великій святитель, еще такъ недавно огорченный этимъ самымъ Евтропіемъ, и далъ ему убѣжище, изъ котораго не могла его взять никакая сила. Императрица, пылая мщеніемъ, приказала немедленно взять оскорбившаго ее евнуха и подвергнуть его заслуженной карѣ; но когда посланные явились въ церковь съ цѣлію исполнить это повелѣніе, то не смотря на ихъ требованіе, какъ и на крики разъяренной

толпы, требовавшей также головы ненавистнаго всѣмъ Евтропія, святой Іоаннъ безстрашно и съ сознаніемъ своей власти отказалъ въ исполненіи этого требованія. «Вы убьете Евтропія, произнесъ онъ въ отвѣтъ на крики и требованія воиновъ и толпы, не раньше, какъ умертвивъ меня». Затѣмъ онъ самъ отправился къ императору и тамъ исходатайствовалъ помилованіе злополучному гордецу, судьба котораго представляла поразительное доказательство шаткости человѣческаго величія и грозности правосудія Божія. Все это происходило ночью, и на утро св. Іоаннъ Златоустъ, спасши несчастнаго царедворца отъ угрожавшей ему смерти, произнесъ предъ многочисленнымъ народомъ знаменитую проповѣдь «на Евтропія евнуха» [1]), въ которой огненными красками изображалась вся суетность человѣческая. Евтропій былъ сосланъ, и хотя впослѣдствіи онъ подвергнутъ былъ казни, но въ самый моментъ своего паденія онъ былъ спасенъ отъ кары закона и ярости народа именно всепрощающимъ великодушіемъ Златоуста.

Это необычайное событіе во всемъ блескѣ показало ту духовную властность, которою обладалъ великій святитель константинопольскій. Слава его имени и пастырской ревности далеко распространилась за предѣлы его епархіи, и къ нему стали обращаться за духовною помощью многіе даже изъ другихъ епархій. Вслѣдствіе постоянныхъ смутъ церковная жизнь во многихъ епархіяхъ, особенно въ Малой Азіи, подверглась крайнему разстройству. Во главѣ церквей стояли большею частію недостойные пастыри, и каѳедры занимались лицами, которыя добивались ихъ подкупомъ—очевидно для далеко не пастырскихъ цѣлей. Когда жалобы на эти вопіющія злоупотребленія достигли до Іоанна, то онъ, благоустроивъ дѣла въ своей собственной церкви, порѣшилъ благоустроить и сосѣднія церкви. Съ этою цѣлію онъ въ 401 году самъ отправился въ Малую Азію и, убѣдившись на мѣстѣ въ крайнемъ разстройствѣ церковныхъ дѣлъ, принялъ строгія мѣры, и нѣсколько епископовъ, уличенныхъ въ явной симоніи и недостоинствѣ, были низложены. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ святитель занимался благоустроеніемъ малоазійскихъ церквей и, только уже достигнувъ желанныхъ

[1]) Въ III томѣ изданія Миня (а слѣд. и новаго русскаго изданія).

плодовъ, возвратился въ свою столицу, гдѣ уже давно ожидалъ его преданный народъ, жаждавшій назиданій и поученій отъ своего златословеснаго учителя. Между тѣмъ за время его отсутствія и въ самой столицѣ произошли нѣкоторыя неутѣшительныя событія. Пользуясь отсутствіемъ архіепископа, аріане подняли голову, и дерзость ихъ была тѣмъ сильнѣе, что во главѣ ихъ сталъ извѣстный готскій полководецъ Гайна. Чувствуя, насколько имперія зависѣла отъ его воинской доблести, онъ сталъ предъявлять императору крайне неумѣренныя требованія, и между прочимъ потребовалъ, чтобы аріанамъ отдана была во владѣніе одна изъ церквей въ самой столицѣ. Императоръ, зная неукротимый нравъ варвара, опасался отказать ему, но его выручилъ изъ затрудненія святой Іоаннъ, который смѣло выступилъ противъ заносчиваго гота, убѣдилъ его въ несправедливости его требованія и настолько повліялъ на него своими доводами, что онъ на время отказался отъ своего намѣренія. Вскорѣ однако его вѣроломная натура не выдержала и онъ, возмутившись противъ императорской власти, началъ производить грабежи и опустошенія, угрожая и самому Константинополю. Царь палъ духомъ и не зналъ, что дѣлать. Изъ его царедворцевъ никто не осмѣливался отправиться къ Гайнѣ для переговоровъ и увѣщаній. Тогда опять выступилъ Златоустъ, и пренебрегая всякою личною опасностью, безбоязненно отправился въ лагерь мятежника. Всѣ опасались за жизнь святителя, но духовная сила оказалась могущественнѣе военной. Узнавъ въ лицѣ царскаго посланника знаменитаго константинопольскаго архіепископа, Гайна смирился и даже оказалъ ему необычныя почести. Вскорѣ Гайна закончилъ свою мятежную жизнь и имперія избавилась отъ одного изъ опаснѣйшихъ своихъ враговъ.

Но ревностно повсюду выступая за правду и поборая зло, святитель Іоаннъ тѣмъ самымъ подготовлялъ себѣ множество скорбей, которыя, по непреложному слову Христа Спасителя, составляютъ неизбѣжную земную награду всѣмъ Его истиннымъ ученикамъ и послѣдователямъ. Какъ и естественно было ожидать, его строгія мѣропріятія къ искорененію церковныхъ и нравственно-общественныхъ нестроеній и золъ должны были вызвать раздраженіе и вражду противъ него со стороны тѣхъ, которыхъ особенно коснулись эти

мѣропріятія. И прежде всего недовольны были, конечно, тѣ епископы, которые, какъ незаконно занимавшіе свои каѳедры, были лишены ихъ. Съ крайнимъ озлобленіемъ, къ какому только способны люди, уличенные въ неправдѣ и злоупотребленіяхъ, они начали вести враждебную агитацію противъ константинопольскаго архіепископа, обвиняя его въ незаконномъ вторженіи въ чужія епархіи и въ разныхъ жестокостяхъ. Къ нимъ пристали и другіе епископы, которые просто завидовали Златоусту и его огромному вліянію на народъ. Одинъ изъ нихъ, Северіанъ гавальскій, злоупотребивъ довѣріемъ Златоуста, который во время своего отсутствія изъ столицы по дѣлу малоазіискихъ церквей даже поручилъ ему временное управленіе своей церкви, старался играть въ столицѣ роль второго Златоуста, произнося напыщенныя и искусственно-сплетенныя рѣчи, которыя конечно походили на бесѣды святаго Іоанна не болѣе, чѣмъ кимвалъ бряцающій на живое, разумное слово, и однако нравились многимъ потому, что въ нихъ искусно избѣгались всякіе намеки на грѣхи и злоупотребленія сильныхъ міра сего. Северіанъ, при помощи своихъ друзей, съумѣлъ даже проникнуть ко двору и нашелъ благоволеніе у императрицы, которой болѣе нравились сладкольстивыя рѣчи этого епископа, чѣмъ обличенія Златоуста. По своемъ возвращеніи въ столицу св. Іоаннъ сразу понялъ всю низость и коварство этого епископа и хотѣлъ удалить его изъ столицы, но Евдоксія упросила его не дѣлать этого, и такимъ образомъ у самаго престола остался одинъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ великаго святителя. Не нравился Іоаннъ и другимъ епископамъ и главнымъ образомъ потому, что онъ вопреки установившемуся обычаю не развлекалъ ихъ во время пребыванія ихъ въ столицѣ роскошными обѣдами, а всецѣло занятый важными дѣлами церковно-религіознаго благоустроенія встрѣчалъ ихъ просто и, какъ казалось имъ, сухо и надменно. Одинъ изъ епископовъ, именно Акакій верейскій, былъ такъ недоволенъ такимъ пріемомъ, что прямо пригрозилъ святителю мщеніемъ. Если недовольны были епископы, то тѣмъ менѣе могло быть довольно столичное духовенство. Привыкнувъ при прежнемъ архіепископѣ къ полной нестѣсненности въ жизни, оно стало рѣшительно негодовать, когда св. Іоаннъ, самъ прошедшій всѣ степени священно-церковнаго служенія

6*

и имѣвшій самое высокое понятіе объ обязанностяхъ пастырей, сталъ напоминать ему о долгѣ служенія и искоренять среди него разныя нестроенія и злоупотребленія, въ родѣ позорнаго обычая сожительства съ дѣвственницами. Недовольство среди духовенства перешло въ полное негодованіе, когда преданный Златоусту архидіаконъ, прямодушный, но не сдержанный въ своихъ выраженіяхъ, Серапіонъ, зная столичное духовенство и видя его противодѣйствіе святителю, на одномъ церковномъ собраніи сказалъ ему: «не можешь, владыка, исправить ихъ, если всѣхъ не погонишь однимъ жезломъ». Выраженіе это быстро было подхвачено недовольными, которые стали усердно распространять по городу разныя хулы и злословія на святителя, обвиняя его въ жестокости и человѣконенавистничествѣ. Духовенство особенно недовольно было распоряженіемъ св. Іоанна Златоуста, чтобы благотворители, особенно богатыя вдовы въ родѣ Олимпіады, не особенно расточали свои имѣнія, раздавая ихъ духовнымъ лицамъ, склоннымъ злоупотреблять ими. Это распоряженіе направлено было противъ одного изъ самыхъ вопіющихъ золъ и оно несомнѣнно наносило матеріальный ущербъ тѣмъ, которые привыкли извлекать отсюда значительный для себя доходъ. Недовольные не преминули истолковать это распоряженіе въ томъ смыслѣ, будто архіепископъ изъ алчности хотѣлъ направить всѣ пожертвованія исключительно къ себѣ самому. Недовольны были и многіе монахи, не тѣ истинные подвижники конечно, которые, отрекшись отъ міра, созидали свое спасеніе въ пустынѣ, оплакивая грѣхи свои и своихъ ближнихъ, а тѣ лицемѣры, которые подъ маской монашества хотѣли лишь удобнѣе достигать своихъ далеко не ангельскихъ цѣлей и праздно жительствовали по городамъ и въ самой столицѣ. Такіе ложные иноки всячески поносили архіепископа, называя его тяжелымъ и гордымъ, жестокимъ и высокомѣрнымъ. Злословіе не замедлило выродиться въ клеветничество, и недовольные стали распространять по городу разныя оскорбительныя для архіепископа нелѣпости, утверждая, что если онъ обѣдаетъ постоянно одинъ и никогда не принимаетъ приглашеній на обѣды отъ другихъ, какъ это дѣлали прежніе архіепископы Константинополя, то это все происходитъ отъ его нелюдимости и разныхъ пороковъ. Стоустая молва не

брезговала распространять и эту клевету, хотя всѣмъ было извѣстно, что св. Іоаннъ удалялся отъ общественныхъ пиршествъ просто по слабости своего желудка, разстроеннаго нѣкогда суровымъ подвижничествомъ въ пустынѣ. Если такъ относились къ святителю клирики, то тѣмъ болѣе конечно должны были вторить имъ знатные, развращенные классы столичнаго населенія, которые болѣе всего подвергались обличеніямъ со стороны святителя, не перестававшаго гремѣть противъ нихъ съ церковной каѳедры съ безпощадностью неподкупнаго судіи. Они обвиняли его даже въ возбужденіи низшихъ классовъ народа противъ высшихъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ, и во всякомъ случаѣ имъ совсѣмъ не нравился архіепископъ, который вмѣсто того, чтобы пиршествовать съ богатыми, предпочиталъ общество бѣдныхъ и больныхъ, труждающихся и обремененныхъ. Но болѣе всего недовольны были имъ дамы высшаго столичнаго общества, изысканные наряды которыхъ находили себѣ въ Іоаннѣ неумолимаго обличителя, и это были самые опасные враги. Всякое непріятное имъ слово св. Іоанна они съ чисто женскою способностью преувеличивали и раздували, и когда онъ обличалъ ихъ напр. въ безумной роскоши, для удовлетворенія которой мужья ихъ должны были разорять и грабить народъ, укорялъ ихъ за то, что они искажали образъ Божій, румянясь на подобіе Іезавели и подводя себѣ глаза сурьмой на подобіе египетскихъ идоловъ, то это было больше, чѣмъ онѣ могли стерпѣть, и между ними пошла злонамѣренная молва, что въ этой картинѣ святитель мѣтилъ даже не на нихъ, этихъ знатныхъ дамъ, а гораздо выше — въ саму августѣйшую императрицу Евдоксію, до свѣдѣнія которой и не преминули довести все слышанное въ преувеличенномъ видѣ. Такіе наговоры и клеветы не могли мало по малу не охладить и самой императрицы къ святому Іоанну, тѣмъ болѣе, что она и сама — при своей крайней распущенности, алчности и суетности — не могла не чувствовать, что дѣйствительно рѣчи архіепископа иногда весьма близко обличали и ее саму, такъ какъ она въ дѣйствительности была источникомъ и заразительнымъ примѣромъ той пагубной страсти къ безумной роскоши со всѣми ея печальными послѣдствіями, какою страдало все высшее константинопольское общество.

И вотъ мало по малу вокругъ великаго святителя накоплялись тучи злобы, ненависти и клеветы, которыя рано или поздно должны были разразиться надъ его священною главою. Іоаннъ зналъ объ этомъ, но по своей добротѣ, всецѣло уповая на Промыслъ Божій, не обращалъ никакого вниманія на козни своихъ враговъ. Между тѣмъ они не дремали, и между ними къ несчастью оказался такой вліятельный іерархъ, какъ Ѳеофилъ александрійскій. По своему положенію, онъ былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ іерарховъ во всемъ христіанскомъ мірѣ,—но онъ былъ до крайности гордъ и честолюбивъ и бросалъ завистливые взгляды на престолъ столицы. Когда послѣ смерти Нектарія освободился престолъ константинопольскій, то онъ нечуждъ былъ желанія занять его самъ; но такъ какъ это было неблаговидно, то ему хотѣлось по крайней мѣрѣ занять его кѣмъ нибудь изъ своихъ подручныхъ или подчиненныхъ, чтобы чрезъ него полновластно распоряжаться въ столицѣ. Поэтому онъ возставалъ противъ избранія св. Іоанна и даже не хотѣлъ участвовать въ его хиротоніи. Только уже вынужденный къ тому правительствомъ, онъ согласился на хиротонію Іоанна, но съ того времени сдѣлался его заклятымъ врагомъ и изъ Александріи съ злобною внимательностью слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ Константинополѣ. Блистательные успѣхи св. Іоанна въ дѣлѣ управленія церковію и ея благоустроенія конечно ему не нравились; но онъ былъ весьма доволенъ тѣмъ, когда замѣтилъ, что въ столицѣ все сильнѣе стало подниматься недовольство противъ Іоанна и отношенія его ко двору ухудшались. При своемъ хитромъ и проницательномъ умѣ онъ понималъ, что эти отношенія должны рано или поздно привесть къ катастрофѣ, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея, будучи увѣренъ, что безъ его вмѣшательства дѣло не обойдется. Дѣла дѣйствительно вскорѣ сложились такъ, что Ѳеофилу представился удобный случай излить всю свою затаенную злобу на своемъ ни въ чемъ неповинномъ соперникѣ. Поводомъ къ этому послужила несчастная судьба нѣкоторыхъ благочестивыхъ иноковъ Нитрійской пустыни, которая со времени основанія монашества постоянно была любимымъ мѣстомъ отшельничества и въ ней жило множество иноковъ, подвизавшихся въ молитвѣ и трудѣ. Среди этихъ иноковъ осо-

бенно славились своимъ благочестіемъ и даже ученостью четыре брата, которые по своему необычайному росту прозваны были „долгими братьями“. Сначала самъ Θеофилъ относился къ нимъ съ уваженіемъ и двоихъ изъ нихъ даже принудилъ принять санъ священства для служенія въ самой Александріи. Но когда братья съ чисто отшельническою прямотою сказали ему, что они не могутъ служить въ городѣ, оскверняемомъ пороками самого архіепископа, то Θеофилъ пришелъ въ ярость, разразился противъ нихъ потоками ругательствъ и сталъ обвинять ихъ въ приверженности къ зловреднымъ ученіямъ Оригена. Эти ученія, широко распространенныя въ то время, дѣйствительно требовали большой бдительности со стороны архипастырей и противъ нихъ энергично боролись многіе ревнители православія, какъ напр. св. Епифаній кипрскій, который нарочито ѣздилъ въ Палестину для подавленія тамъ этой ереси. Но Θеофилъ вовсе не былъ такимъ строгимъ ревнителемъ, раньше и самъ придерживался Оригена, и если теперь сталъ преслѣдовать оригенизмъ, то только потому, что это гоненіе давало ему одно лишнее оружіе въ руки для расправы со всѣми своими противниками и врагами, которыхъ онъ своею беззаконною жизнью пріобрѣлъ не мало. Не довольствуясь этой расправой съ «долгими братьями», онъ созвалъ даже соборъ изъ своихъ ставленниковъ и подручныхъ епископовъ, и на немъ «долгіе братья» осуждены были какъ еретики и волхвователи, заразившіе своимъ еретичествомъ всю пустыню. Мало того, чтобы истребить, такъ сказать, самое гнѣздо ненавистной ему ереси, онъ велѣлъ разрушить нитрійскіе скиты и во время этого разгрома многіе иноки подверглись жестокимъ побоямъ и увѣчьямъ, а строенія разрушены и сожжены. Долгіе братья едва спаслись бѣгствомъ въ недоступныя мѣста пустыни, гдѣ вмѣстѣ съ другими спасшимися отъ разгрома могли только со слезами видѣть дымъ, курившійся надъ развалинами ихъ родныхъ обителей. Оказавшись послѣ этого въ крайне безпомощномъ положеніи, разоренные иноки не знали, что имъ дѣлать. Подъ властью Θеофила имъ нельзя было оставаться больше, и потому они партіей отправились сначала въ Іерусалимъ, а затѣмъ добрались и до столицы, думая найти себѣ тамъ защиту у великаго, славившагося своимъ милосердіемъ ко всѣмъ угнетеннымъ

и гонимымъ, архіепископа константинопольскаго, а чрезъ него и у самого царя. Св. Іоаннъ Златоустъ дѣйствительно принялъ ихъ съ свойственною ему добротою и обѣщался походатайствовать за нихъ предъ Θеофиломъ, но въ то же время, соблюдая каноническія правила, запрещавшія одному епископу вторгаться въ область вѣдѣнія другого, дѣйствовалъ осторожно, тѣмъ болѣе, что дѣло касалось обвиненія въ ереси Оригеновой. Прежде чѣмъ стать на сторону гонимыхъ иноковъ, необходимо было выяснить эту сторону дѣла. Поэтому онъ написалъ къ Θеофилу братское письмо, въ которомъ просилъ его какъ-нибудь уладить дѣло съ огорченными иноками. Надменный Θеофилъ даже это письмо счелъ для себя оскорбленіемъ и отвѣтилъ на него «жестоко». Между тѣмъ, «долгіе братья», видя нерѣшительность св. Іоанна, сами обратились съ жалобой на александрійскаго патріарха къ императору и въ своей жалобѣ изложили цѣлый рядъ страшныхъ обвиненій противъ Θеофила, какъ человѣка въ высшей степени жестокаго и преступнаго. Дѣло принимало весьма непріятный для него оборотъ. Ему угрожалъ, судъ и если бы св. Іоаннъ согласился стать во главѣ этого суда, то Θеофилу не избѣгнуть бы кары правосудія. Но онъ, опасаясь смутъ и раскола въ церкви, уклонился отъ этого суда, хотя Θеофилу уже послано было формальное требованіе явиться къ отвѣту. Александрійскій патріархъ быстро понялъ положеніе дѣла и, раньше уже всею душей ненавидя св. Іоанна, теперь порѣшилъ излить на него свою злобу и низвергнуть его, чтобы, на мѣсто его поставивъ кого-нибудь изъ своихъ подручныхъ ставленниковъ, навсегда устранить самую возможность повторенія столь оскорбительныхъ для него требованій къ судебному отвѣту. И у него быстро составился планъ дѣйствія. Если Іоаннъ принялъ подъ свою защиту «долгихъ братьевъ», этихъ проклятыхъ еретиковъ, послѣдователей осужденнаго церковію Оригена, значитъ онъ и самъ оригенистъ, и какъ послѣдователь еретика не достоинъ занимать престола столицы! И вотъ этотъ интриганъ, «умѣвшій хитро составляти лжу», началъ дѣйствовать въ этомъ направленіи съ изумительною ловкостью. Посредствомъ своихъ агентовъ усиливая ряды враговъ Іоанна въ столицѣ, онъ съумѣлъ даже возстановить противъ него такого знаменитаго и всѣми уважаемаго святителя, какъ св. Епифаній

Кипрскій. Зная всю православную ревность этого святителя, который неутомимо боролся съ заблужденіями Оригена, Ѳеофилъ коварно внушилъ ему, что православію грозитъ страшная опасность, такъ какъ зловредная ересь Оригена проникла въ самое сердце церкви и возсѣла на константинопольскомъ престолѣ—въ лицѣ архіепископа Іоанна! Простосердечный старецъ-святитель пришелъ въ ужасъ и, не смотря на свой глубокопреклонный возрастъ, счелъ своею обязанностью отправиться въ Константинополь, чтобы искоренить ересь. Къ несчастью, онъ даже не счелъ нужнымъ подвергнуть дѣло обстоятельному разслѣдованію чрезъ братское собесѣдованіе съ Іоанномъ, а прямо считая его зараженнымъ ересью, даже не вступилъ въ обычное съ нимъ общеніе, отслужилъ литургію въ одной изъ находящихся неподалеку отъ столицы церквей и даже совершилъ рукоположеніе въ діакона, не испросивъ на то соизволенія мѣстнаго епископа, какъ это требовалось каноническими правилами. Принятый съ необычайными почестями при дворѣ со стороны императрицы, Епифаній поселился въ частномъ домѣ и, не сносясь съ Іоанномъ, порѣшилъ сразу при торжественномъ богослуженіи въ соборной церкви архіепископа совершить великое отлученіе надъ всѣми приверженцами Оригена, въ томъ числѣ прикровенно и надъ самимъ Іоанномъ. Видя все это, св. Іоаннъ скорбѣлъ душей и старался всячески успокоить старца, разъясняя ему, какъ неблагоразумно совершать столь великое дѣло, какъ отлученіе, не подвергнувъ тщательному соборному изслѣдованію самой основательности обвиненія. Епифаній дѣйствительно заколебался, тѣмъ болѣе, что отъ весьма многихъ онъ сталъ слышать совершенно иные отзывы объ Іоаннѣ, какъ человѣкѣ глубокой вѣры, великой добродѣтели и безпорочной жизни, и недоумѣвалъ, что же все это значитъ. Тогда на сцену выступила сама императрица и вновь настроила Епифанія противъ непріятнаго ей Іоанна. Уже раньше недовольная архіепископомъ за его безпощадныя обличенія свѣтской пустоты, порочности и алчности высшихъ классовъ столицы, она какъ разъ въ это время была особенно раздражена противъ него по случаю неудавшейся попытки ограбить одну беззащитную вдову. Позавидовавъ ея винограднику, Евдоксія, подобно нечестивой Іезавели, порѣшила овладѣть имъ, и

дѣйствительно уже наложила на него руку; но вдова со слезами обратилась къ защитѣ архіепископа, и онъ, подобно Иліѣ, безстрашно выступилъ противъ алчности царицы, лично явился во дворецъ съ ходатайствомъ за обиженную вдовицу, и когда императрица, не внявъ его ходатайству, даже велѣла грубо удалить его изъ палаты, то святой Іоаннъ запретилъ ей доступъ въ церковь, а самъ произнесъ бесѣду объ Иліѣ и Іезавели. Эта бесѣда произвела громадное впечатлѣніе на народъ, который не преминулъ истолковать ее въ томъ смыслѣ, что подъ Іезавелью разумѣется никто иная, какъ царица Евдоксія, и когда доносчики не преминули довести до свѣдѣнія императрицы, ярости ея не было предѣловъ. Она порѣшила уничтожить ненавистнаго ей Іоанна. Призвавъ къ себѣ Епифанія, она стала и лестью и угрозами убѣждать его, чтобы онъ принялъ какія-нибудь мѣры къ осужденію Іоанна какъ еретика и потому недостойнаго занимать архіепископскій престолъ. Когда Епифаній сталъ возражать ей, что не слѣдуетъ давать волю своему гнѣву и нужно предварительно изслѣдовать дѣло, то Евдоксія, внѣ себя отъ ярости и раздраженія, стала даже угрожать тѣмъ, что если онъ воспрепятствуетъ изгнанію Іоанна, то она сама отречется отъ христіанства, отворитъ всѣ языческія капища, совратитъ многихъ и причинитъ всевозможныя бѣдствія церкви. Епифаній подивился такой злобѣ царицы и, опасаясь, какъ бы она дѣйствительно не надѣлала бѣдъ, счелъ за лучшее уклониться отъ этого дѣла и безъ дальнѣйшаго разслѣдованія предмета отправился въ свою епархію, на пути въ которую и скончался.

За всѣми этими событіями зорко слѣдилъ Ѳеофилъ александрійскій и его агенты подкупомъ и наговорами усиливали и раздували вражду противъ Іоанна. Съ особеннымъ торжествомъ онъ видѣлъ, что во главѣ этой вражды стала сама императрица, которая для достиженія своихъ цѣлей не пренебрегала никакими средствами. Дворецъ ея сдѣлался открытымъ для всѣхъ враговъ и клеветниковъ на святителя и въ ея палатахъ собирались всѣ тѣ великосвѣтскія Іезавели, которыя считали себя оскорбленными Іоанномъ, такъ безпощадно изобличавшимъ ихъ низкое лицемѣріе, наглую хищность, безумную роскошь и нравственную распущенность, и въ ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ строились ковы противъ

святителя и сочинялись самыя оскорбительныя для него клеветы и грязные навѣты. Обо всемъ этомъ зналъ и императоръ Аркадій. Лично онъ уважалъ и любилъ великаго святителя и въ душѣ горевалъ о вздымавшейся противъ него злобѣ. Но онъ былъ слабъ и нерѣшителенъ и, зная злой, неукротимый нравъ царицы, предпочиталъ молчать, какъ будто ничего не зная. Все это было на руку Ѳеофилу, и онъ, наконецъ убѣдившись въ томъ, что почва подготовлена, порѣшилъ отправиться въ Константинополь, но уже не какъ подсудимый, а какъ судія, порѣшившій такъ или иначе погубить ненавистнаго ему архіепископа. Въ этомъ убѣжденіи онъ окончательно утвердился, когда получилъ отъ самой Евдоксіи письмо, въ которомъ она просила его немедленно прибыть въ Константинополь и ничего не бояться. «Я, писала она, упрошу и царя о тебѣ и всѣмъ твоимъ противникамъ загражду уста, только немедленно приходи, собери возможно больше епископовъ, чтобы изгнать врага моего Іоанна». Теперь Ѳеофилъ могъ уже быть вполнѣ спокоенъ за успѣхъ своего дѣла и онъ отправился въ столицу—съ цѣлой флотиліей, нагруженной разными драгоцѣнностями: индійскими ароматами, великолѣпными плодами и овощами, многоцѣнными египетскими матеріями—шелковыми и златотканными,—и все это для того, чтобы блеснуть своимъ богатствомъ въ столицѣ и подарками подкупить въ свою пользу возможно больше вліятельныхъ лицъ. Съ своей флотиліей Ѳеофилъ прибылъ въ Константинополь въ августѣ 403 года и на пристани былъ восторженно встрѣченъ большой сворой своихъ агентовъ и подкупленнаго ими разнаго уличнаго сброда. Императоръ, узнавъ о его прибытіи, не хотѣлъ принять его, смотря на него какъ на подсудимаго; зато Евдоксія разсыпалась предъ нимъ въ знакахъ уваженія и, принимая его тайно въ своихъ палатахъ, торопила поскорѣе приступить къ дѣлу. По ея настоянію, Ѳеофилъ порѣшилъ созвать соборъ—для суда надъ Іоанномъ, и такъ какъ въ столицѣ этотъ беззаконный судъ чинить было неудобно и небезопасно, то мѣстомъ его былъ избранъ Халкидонъ, находившійся по другую сторону пролива, на азіатскомъ берегу, тѣмъ болѣе, что и епископомъ Халкидона былъ нѣкій Киринъ, египтянинъ, соумышленникъ и даже родственникъ Ѳеофила. Такъ какъ у Ѳеофила наготовѣ былъ и необходимый для собора

запасъ епископовъ, отчасти привезенныхъ имъ съ собою изъ Египта, а отчасти захваченныхъ по пути и прельщенныхъ подарками и во всякомъ случаѣ послушныхъ и преданныхъ ему, то дѣйствительно и открытъ былъ соборъ, въ загородномъ помѣщеніи, въ предмѣстьи Халкидона, извѣстномъ подъ названіемъ «При дубѣ».

Соборъ составился изъ 23 епископовъ, и это незаконное сборище, открывшее двери всѣмъ клеветникамъ и недоброжелателямъ Іоанна, начало производить судъ надъ святѣйшимъ архіепископомъ, златословеснымъ учителемъ вселенной! Выслушавъ показанія разныхъ проходимцевъ, отрѣшенныхъ отъ должности діаконовъ и разстриженныхъ монаховъ, изливавшихъ свою злобу на подвергшаго ихъ заслуженной карѣ святителя, соборъ составилъ обвинительный актъ въ 29 пунктовъ и потребовалъ отъ Іоанна, чтобы онъ явился для отвѣта. Іоаннъ съ горечью видѣлъ, что злоба его враговъ начала увѣнчиваться успѣхомъ, и простодушно удивлялся, какъ все это могло случиться и какъ Ѳеофилъ, самъ вызванный въ качествѣ обвиняемаго, успѣлъ такъ скоро измѣнить положеніе дѣла и самъ выступалъ обвинителемъ и судьей. Собравъ вокругъ себя преданныхъ ему епископовъ, въ числѣ сорока, онъ обратился къ нимъ съ трогательною рѣчью. «Молите Бога о мнѣ, братіе, говорилъ онъ, и если любите Христа, не отходите отъ церквей вашихъ; для меня уже приблизилось время бѣдъ, и принявъ много скорбей, я долженъ отойти изъ жизни сей. Вижу, что сатана, не вынося моего ученія, созвалъ уже противъ меня соборище. Но вы не скорбите обо мнѣ, но поминайте меня въ молитвахъ вашихъ». Эта глубокотрогательная рѣчь привела ихъ въ ужасъ и они заплакали. Утѣшивъ ихъ, Іоаннъ выработалъ планъ дѣйствія и полный сознанія своей правоты порѣшилъ не признавать законности и правоспособности придубскаго собора и, не смотря на неоднократный вызовъ его на этотъ соборъ въ качествѣ обвиняемаго, отказался явиться на него. Разъяренные этимъ отказомъ, члены придубскаго собора даже избили посланныхъ имъ съ отвѣтомъ епископовъ и пресвитеровъ, ввергнувъ одного изъ нихъ въ желѣзныя кандалы, уже заготовленныя для Іоанна, и затѣмъ подкрѣпивъ себя новыми лжесвидѣтелями, продолжали заочно судить ни въ чемъ непо-

виннаго и чистаго сердцемъ святителя. А онъ въ то же время, засѣдая съ своимъ соборомъ, съ полнымъ спокойствіемъ смотрѣлъ въ лицо надвигавшейся на него бури бѣдствій и, вполнѣ сознавая свою невинность, говорилъ: «пусть пѣнится и ярится море, но камня оно не можетъ сокрушить; пусть вздымаются волны, но Іисусова корабля не могутъ потопить. Чего намъ бояться? Смерти ли?—Но мнѣ еже жити—Христосъ, и еже умрети—пріобрѣтеніе. Изгнанія ли бояться? — Но Господня есть земля и исполненіе ея! Бояться ли отнятія имѣній?— Но всѣмъ извѣстно, что мы ничего не принесли съ собой въ міръ, какъ ничего не можемъ и взять съ собою. Я ни нищенства не боюсь, ни богатства не желаю, ни смерти не страшусь; молю только объ одномъ, заключилъ онъ, чтобы вы преуспѣвали въ добромъ». Такія рѣчи могли вытекать только изъ сердца праведника, вся жизнь котораго сосредоточивалась во Христѣ, и для него безстрашны были всѣ ковы враговъ. Не имѣя возможности вызвать Іоанна на судъ, незаконное сборище порѣшило осудить его заочно, и дѣйствительно на основаніи всѣхъ выслушанныхъ клеветъ и обвиненій, оформленныхъ въ 32 пунктахъ, Іоаннъ былъ объявленъ достойнымъ низверженія и состоявшееся постановленіе было отправлено на утвержденіе императора. Малодушный императоръ, видя теперь предъ собою не только страшный для него нравъ злорадствующей царицы, но и цѣлое соборное опредѣленіе, и опасаясь, что ему угрожаетъ масса всякихъ хлопотъ и непріятностей въ случаѣ сопротивленія, порѣшилъ лучше пожертвовать святителемъ, и утвердивъ постановленіе, далъ приказъ объ удаленіи Іоанна. Уже отправлены были воины съ наказомъ взять его и отправить въ ссылку. Но лишь только слухъ объ этомъ разнесся по городу, какъ народъ заволновался и массами двинулся на защиту своего любимаго архипастыря. Угрожало кровопролитіе между народомъ и войскомъ. Тогда невинно осужденный праведникъ, желая избѣгнуть безполезнаго смятенія и неповинныхъ жертвъ человѣческихъ страстей, самъ тайкомъ вышелъ изъ своего дома и отдалъ себя въ руки воинамъ, которые немедленно отвели его на пристань, посадили на корабль и отправили въ Пренетъ, близъ Никомидіи.

Все это случилось подъ покровомъ ночи, и когда на утро народъ узналъ, что его возлюбленный святитель, безстраш-

ный проповѣдникъ правды, защитникъ сирыхъ, бѣдныхъ, труждающихся и обремененныхъ, златословесный Іоаннъ уже удаленъ и сосланъ, то въ столицѣ началось страшное смятеніе. По улицамъ начались схватки и буйства, во время которыхъ многіе были изувѣчены и даже убиты и городу угрожали разныя бѣдствія. Народъ заволновался какъ разъяренное море и повсюду—и въ церквахъ и на площадяхъ—только и было рѣчи, что о вопіющей неправдѣ состоявшагося надъ Іоанномъ суда. Среди толпы поднимались даже шумные голоса, требовавшіе, чтобы главный виновникъ этого горестнаго событія, Ѳеофилъ александрійскій былъ побитъ камнями, и это несомнѣнно и случилось бы, если бы онъ, узнавъ объ угрожающей ему опасности, тайно не выѣхалъ изъ столицы. Тогда не имѣя возможности излить свою ярость на Ѳеофила, народъ огромной массой двинулся къ дворцу и тамъ съ криками и рыданіями просилъ, чтобы ему возвращенъ былъ святитель Іоаннъ. Слыша эти угрожающіе крики, Евдоксія испугалась; но продолжала настаивать на своемъ, надѣясь, что пустые народные вопли пронесутся и смолкнутъ какъ вѣтеръ. Тѣмъ не менѣе сердце ея дрогнуло и она въ тайникѣ души уже начала раскаяваться во всемъ совершившемся. Когда она такимъ образомъ колебалась, вдругъ произошло страшное землетрясеніе, и особенно грозный ударъ потрясъ покои самой императрицы. Тогда она объята была ужасомъ и, увѣренная, что это гнѣвъ Божій, карающій ее за причиненное великому святителю оскорбленіе, бросилась въ ноги императору и стала умолять его отмѣнить свой приказъ и возвратить Іоанна. Получивъ согласіе императора, она немедленно собственноручно написала Іоанну письмо, въ которомъ, призывая его возвратиться въ столицу, всячески старалась оправдаться предъ нимъ, увѣряя его, что лично не имѣетъ противъ него ничего и введена была въ заблужденіе коварствомъ негодныхъ людей. Съ этимъ письмомъ и приказомъ императора гонцы поскакали во всѣ стороны и сначала не знали, гдѣ искать святителя. Наконецъ царедворцу Врисону удалось напасть на слѣды его пребыванія въ Пренетѣ и онъ, найдя его тамъ, умолялъ святителя поскорѣе возвратиться въ городъ и успокоить до крайности перепуганную царицу. И великій святитель, забывъ о всѣхъ нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ и

со всепрощеніемъ праведника, возвратился въ городъ, гдѣ уже несмѣтныя массы народа и на берегу пролива, и на многочисленныхъ лодкахъ и судахъ, покрывшихъ весь Босфоръ, приготовились встрѣтить своего возлюбленнаго архипастыря. Іоаннъ сначала не хотѣлъ было вступать въ самый городъ, желая, чтобы предварительно созванъ былъ соборъ епископовъ, который отмѣнилъ бы состоявшееся надъ нимъ осужденіе придубскаго собора. Но народъ не хотѣлъ и слышать объ этихъ формальностяхъ и, почти силою взявъ Іоанна, въ торжественной процессіи, со всевозможными выраженіями радости и восторга, повелъ его прямо въ каѳедральный соборъ и поставилъ на томъ амвонѣ, съ котораго привыкъ услаждаться его златословесными бесѣдами и поученіями, и хотя св. Іоаннъ былъ до крайности утомленъ и подавленъ волновавшими его чувствами, однако произнесъ краткую, но сильную рѣчь, въ которой отъ глубины сердца возблагодарилъ Бога, благодѣющаго всѣмъ, и народъ за его преданность своему пастырю. Народъ ликовалъ и многіе плакали отъ радости, а темная свора его враговъ, видя этотъ неудержимый порывъ народной радости, поспѣшила разсѣяться и укрыться.

Святой Іоаннъ, по милости Божіей возвращенный народною любовію на свой престолъ и оправданный отъ состоявшагося надъ нимъ осужденія новымъ соборомъ изъ 65 епископовъ, началъ попрежнему право править дѣлами церкви Христовой и изъ устъ его попрежнему полились сладостныя для слуха и сердца бесѣды и поученія. Водворился опять миръ, но къ несчастью не надолго. Это было лишь временное затишье передъ новой бурей и еще болѣе яростной. Хотя враги Іоанна присмирѣли, но въ сердцѣ своемъ они затаили еще болѣе смертельную вражду и злобу противъ него и ждали перваго удобнаго случая, чтобы вновь обрушиться на ненавистнаго имъ святителя, который не только своими обличительными бесѣдами, но еще болѣе своею праведною жизнью служилъ нестерпимымъ укоромъ для всякой неправды, злобы и порочности. И первой зачинщицей бури опять выступила императрица Евдоксія, которая, оправившись отъ волненія и страха, вновь начала враждебно относиться къ архіепископу. При необузданности нрава царицы, не терпѣвшей ни малѣйшаго препятствія въ стремленіи къ

ненасытному тщеславію, столкновеніе между нею и святителемъ не заставило себя долго ждать, и оно произошло чрезъ два мѣсяца по возвращеніи Златоуста на свой престолъ по слѣдующему случаю. Чувствуя, что она именно глава государства, а не малодушный и ничтожный Аркадій, Евдоксія заявила притязаніе на небывалую для императрицъ почесть—сооруженіе особой колонны, увѣнчанной серебрянымъ ея изображеніемъ, на самой важной площади столицы, около церкви св. Софіи. Это необузданное честолюбіе Евдоксіи возбудило даже негодованіе на западѣ и Гонорій счелъ своимъ долгомъ предостеречь своего брата Аркадія отъ подобнаго нарушенія древнихъ обычаевъ; но Евдоксія ничего не хотѣла знать, и колонна съ ея серебряной статуей на вершинѣ была поставлена при всевозможныхъ торжествахъ и ликованіяхъ. Вслѣдствіе близости колонны къ церкви, шумъ этихъ непристойныхъ торжествъ съ языческими церемоніями и плясками дѣлалъ невозможнымъ самое богослуженіе, и такъ какъ они продолжались нѣсколько дней, то святителю не могло не показаться все это явнымъ и даже намѣреннымъ оскорбленіемъ святыни. Сначала онъ хотѣлъ чрезъ префекта устранить это кощунство; но когда префектъ не оказалъ ему въ этомъ отношеніи никакого содѣйствія, то онъ произнесъ рѣзкую обличительную бесѣду, которую, по свидѣтельству историковъ, началъ знаменитыми словами: «Опять бѣснуется Иродіада, опять мятется, опять рукоплещетъ и пляшетъ, опять главы Іоанновой ищетъ». Доносчики и враги Іоанна не преминули съ злорадствомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія царицы, истолковавъ эти слова въ томъ смыслѣ, что въ нихъ она сравнивается съ Иродіадой, и Евдоксія пришла въ полное неистовство, съ плачемъ жаловалась царю на нанесенное ей оскорбленіе и требовала, чтобы вновь былъ созванъ соборъ для низверженія невыносимаго для нея еріарха. Къ Ѳеофилу полетѣли отъ нея письма, въ которыхъ она умоляла его вновь пріѣхать въ Константинополь и докончить низверженіе Іоанна. Тотъ, конечно, радъ бы былъ исполнить просьбу царицы, такъ совпадавшую съ его собственнымъ желаніемъ; но полученный имъ раньше урокъ, когда онъ едва не побитъ былъ камнями отъ народа, заставилъ его быть поосторожнѣе, и онъ, не желая вновь подвергать себя опасности, отправилъ вмѣсто себя

трехъ епископовъ — замѣстителей, снабдивъ ихъ необходимыми наставленіями, и между прочимъ канонами, на основаніи которыхъ можно было осудить Іоанна. Эти каноны были аріанскаго происхожденія, составлены были нѣкогда аріанами на Аѳанасія Великаго и слѣдовательно не имѣли силы для православной церкви; но такъ какъ въ нихъ заключалось одно постановленіе, весьма пригодное въ данномъ случаѣ, именно, что епископъ, разъ низвергнутый соборомъ, не можетъ вновь занимать престола безъ отмѣны прежняго постановленія другимъ бóльшимъ соборомъ, то Ѳеофилъ ничтоже сумняся и настаивалъ на примѣненіи этого правила къ Іоанну, который-де вновь занялъ свой престолъ просто по распоряженію царя и воли народа, безъ правильнаго соборнаго опредѣленія. Соборъ дѣйствительно опять составился почти изъ тѣхъ же епископовъ, которые засѣдали и «При дубѣ», и конечно произнесъ новое осужденіе на Іоанна, обвиняя его именно въ нарушеніи указаннаго канона. Осужденіе это было вдвойнѣ незаконно, потому что въ данномъ случаѣ канонъ, составленный еретиками съ явно злонамѣренною цѣлію — погубить великаго поборника православія, былъ непримѣнимъ и потому, что въ дѣйствительности Іоаннъ по возвращеніи изъ ссылки былъ оправданъ отъ осужденія его придубскимъ соборомъ со стороны бóльшаго собора, состоявшаго изъ 65 епископовъ; но злоба враговъ не признавала никакихъ доводовъ, и Іоаннъ былъ объявленъ низвергнутымъ и это постановленіе утверждено императоромъ.

Такимъ образомъ надъ главою многострадальнаго Іоанна опять разразилась громовая туча: онъ опять былъ въ опалѣ и изверженъ изъ своего сана. Наученный горькимъ опытомъ изъ прежняго случая, императоръ однако опасался теперь прибѣгать къ насилію надъ низвергнутымъ святителемъ и хотѣлъ заставить его удалиться добровольно, стараясь при всякомъ случаѣ доказывать ему, что онъ больше не архіепископъ и незаконно занимаетъ престолъ. Такъ въ праздникъ Рождества Христова 403 года императоръ не хотѣлъ принять отъ него св. причастія. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣло оставалось до самой Пасхи. Наконецъ царь, наущаемый Евдоксіей, которая не давала ему покоя, пока еще оставался на своемъ престолѣ ненавистный ей святитель, порѣшилъ къ свѣтлому празднику

Христову совсѣмъ удалить Іоанна и послалъ ему приказъ оставить церковь. Св. Іоаннъ, исполненный сознанія своей правоты и пастырскаго долга, отвѣчалъ, что онъ не оставитъ церкви, которая ввѣрена ему Христомъ Спасителемъ, чтобы не понести отвѣта за самовольное оставленіе ея. Пусть изгонятъ его силою, и тогда на него не падетъ вина эта. Царь заколебался отъ такой стойкости святителя; но видя надъ собою неумолимую тираннію Евдоксіи, порѣшилъ такъ или иначе покончить съ этимъ тяжелымъ дѣломъ. Придворному сановнику Марину поручено было силою удалить Іоанна изъ церкви, гдѣ онъ уже готовился совершить св. крещеніе надъ 3,000 оглашенныхъ. Сановникъ исполнилъ приказъ съ полицейскою точностью, и свѣтлый праздникъ былъ омраченъ безобразными сценами дикаго насилія (16 апр. 404 г.). Силою ворвавшись въ церковь, полуварварскіе воины, подъ начальствомъ язычника Луція, начали безпощадно громить все, предаваясь всякимъ буйствамъ и грабежу. Тѣ, кто пытались защитить святителя, были избиты, духовенство выгнано изъ храма и даже полураздѣтые оглашенные, уже приготовившіеся для крещенія, выгнаны были на улицу, евхаристія осквернена и священные сосуды ограблены. Мерзость запустѣнія водворилась на мѣстѣ святѣ, и до глубины души огорченный святитель былъ заключенъ въ патріаршемъ домѣ, гдѣ онъ и оставался еще два мѣсяца подъ домашнимъ арестомъ. Положеніе его съ каждымъ днемъ становилось все тяжелѣе и онъ находилъ себѣ единственное утѣшеніе въ молитвѣ, да въ обществѣ близкихъ ему лицъ, среди которыхъ истиннымъ ангеломъ хранителемъ для него была благочестивая діаконисса Олимпіада. Ища себѣ защиты отъ злобы враговъ, Іоаннъ въ это время обращался съ письмами къ вліятельнымъ епископамъ запада—къ папѣ Иннокентію I и къ архіепископамъ Венерію медіоланскому и Хроматію аквилейскому. Эти іерархи глубоко сочувствовали константинопольскому святителю, ужасались силѣ злобы его враговъ, но помочь были не въ состояніи. Медлительность дѣла между тѣмъ все болѣе ожесточала его смертельныхъ враговъ, и вокругъ партріаршаго дома стали появляться подозрительныя и темныя личности, которыя прямо покушались на жизнь святителя. У воротъ патріаршаго дома былъ схваченъ вѣрнымъ Іоанну народомъ одинъ

мнимо-бѣсноватый, у котораго оказался спрятаннымъ кинжалъ, припасенный съ преступною цѣлію. Въ другой разъ обратилъ на себя вниманіе какой то рабъ, который въ необычномъ волненіи и торопливо пробирался къ патріаршему дому. Заподозривъ его въ зломъ умыслѣ, кто-то задержалъ его и спросилъ, что онъ такъ торопится, а тотъ ничего не отвѣчая ударилъ его кинжаломъ. При видѣ этого другой вскрикнулъ отъ ужаса, а онъ и его ударилъ кинжаломъ, а потомъ и третьяго, подвернувшагося подъ руку. Поднялись крики и вопли, а рабъ бросился бѣжать, размахивая окровавленнымъ кинжаломъ и отбиваясь отъ гнавшагося за нимъ народа. Въ одномъ мѣстѣ его хотѣлъ перенять человѣкъ, только что вышедшій изъ общественной бани, но былъ замертво пораженъ кинжаломъ. Когда наконецъ этотъ разъяренный звѣрь былъ схваченъ, то сознался, что былъ подкупленъ за пятьдесятъ золотыхъ убить Іоанна. Послѣ этого несчастнаго случая народъ сталъ неотступно охранять домъ своего гонимаго архипастыря и среди него начались волненія, которыя угрожали страшными ужасами и мятежами. Тогда, чтобы предупредить напрасное кровопролитіе, смиренный святитель порѣшилъ, какъ и въ первый разъ, добровольно отдать себя въ руки свѣтской власти. Созвавъ въ послѣдній разъ всѣхъ своихъ приближенныхъ, онъ убѣдилъ ихъ быть твердыми въ православной вѣрѣ и далъ имъ послѣднее цѣлованіе. Прощаніе было глубоко трогательное. Всѣ плакали горькими слезами; плакалъ и самъ святитель. И затѣмъ, положившись на Промыслъ Божій, безъ воли Котораго не падетъ волосъ съ головы, святитель малыми дверьми вышелъ изъ дома и незамѣтно направился къ морю, гдѣ его взяли воины и, посадивъ въ лодку, перевезли въ Виѳинію.

Узнавъ объ этомъ, всѣ враги возликовали, но радость ихъ омрачена была страшными бѣдствіями. Въ самой патріаршей церкви неизвѣстно отъ какой причины вспыхнулъ пожаръ: раздуваемая вѣтромъ, огненная стихія высоко поднялась къ небу и, на подобіе радуги изогнувъ свой всепожирающій исполинскій языкъ, зажгла палату сената. Пожаръ превратился въ огненное море и истребилъ множество лучшихъ зданій столицы. Всѣ объяты были ужасомъ и невольно видѣли въ этомъ бѣдствіи страшный гнѣвъ Божій

въ возмездіе за страданія праведника. Но ожесточенные враги святителя и тутъ нашлись и стали распространять молву, что пожаръ произошелъ отъ злонамѣреннаго поджога единомышленниковъ Іоанна. Многіе изъ близкихъ къ нему лицъ поэтому были арестованы градоначальникомъ, который какъ язычникъ жестоко пыталъ мнимыхъ виновниковъ, такъ что многіе даже умерли подъ пытками, хотя причина пожара такъ и осталась невыясненной. На архіепископскій престолъ возведенъ былъ престарѣлый братъ Нектарія Арсакій, а оставшіеся вѣрными истинному архипастырю заклеймены были кличкой «іоаннитовъ» и подвергались всевозможнымъ гоненіямъ, конфискаціи имѣній и ссылкамъ, пока подобныя жестокости не подавили всѣхъ страхомъ, принудивъ къ покорности и безмолвію.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ заточеніи и его блаженная кончина (404—407 гг.).

Такимъ образомъ неправда восторжествовала, нечестивые гонители праздновали побѣду, а величайшій праведникъ, истинно великій свѣтильникъ для грѣшнаго міра былъ оскорбленъ и изгнанъ. Но торжество это было лишь внѣшнее и призрачное. Дѣйствительной побѣдительницей всегда бываетъ правда, и хотя бы она была гонима и попираема, хотя бы была увѣнчана терновымъ вѣнцомъ и вознесена на позорный крестъ, ея побѣднаго лика не могутъ омрачить никакія мученія и казни и она восторжествуетъ надъ своими мнимыми побѣдителями. „Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное“. А кому принадлежитъ царство небесное, тому принадлежитъ и побѣда, потому что оно только и есть цѣль всѣхъ стремленій и высшихъ домогательствъ человѣческой души. Кто не достоинъ царства небеснаго, тотъ есть несчастнѣйшій изъ несчастныхъ, погубилъ свою земную жизнь, и хотя бы видимо торжествовалъ побѣду, въ дѣйствительности есть побѣжденный, повергнутый въ прахъ и уничтоженный. Все это и оправдалось на послѣдующей судьбѣ какъ самого великаго

угодника Божія Іоанна, такъ и на его жестокихъ гонителяхъ.

Изгнавъ великаго святителя изъ столицы и такимъ образомъ достигнувъ желанной цѣли своихъ злобныхъ домогательствъ, императрица Евдоксія однако еще не успокоилась и старалась о томъ, чтобы поскорѣе уничтожить самые слѣды существованія Іоанна. Даже и въ заточеніи, въ качествѣ безпомощнаго узника, Іоаннъ все еще страшенъ былъ для нея и въ ея преступной совѣсти все еще гремѣли обличительныя слова: «опять бѣснуется Иродіада, опять мятется, опять пляшетъ и рукоплещетъ, опять главы Іоанновой ищетъ». Одно воспоминаніе объ этихъ словахъ приводило ее въ злобное неистовство, и она дѣйствительно продолжала искать главы Іоанновой. Она не преминула дать воинамъ, отправлявшимъ его въ заточеніе, строгій наказъ, чтобы они обращались со своимъ узникомъ возможно жесточе и всячески оскорбляли его, и это съ тою цѣлію, «дабы умеръ скорѣе». Такова сатанинская жестокость этой своенравной женщины! Варварскіе воины конечно были рады стараться и причиняли великому праведнику всевозможныя оскорбленія, стараясь всячески отравлять ему жизнь. Посадивъ его на голую спину лошака, они съ жестокою поспѣшностью гнали животное, дѣлая въ одинъ день такіе переходы, какіе слѣдовало бы сдѣлать только въ два или три дня. Не давая ему ни малѣйшаго отдыха днемъ, они и на ночь останавливались въ грязныхъ гостинницахъ, иногда въ еврейскихъ корчмахъ, а иногда и прямо въ блудныхъ домахъ, совершая при немъ всевозможныя гнусности. Въ церковь нигдѣ не позволяли ему входить, и когда онъ заявлялъ желаніе объ этомъ, то его подвергали всякимъ ругательствамъ и оскорбленіямъ и томили голодомъ, отнимая положенный ему паёкъ. Таковъ-то былъ крестный путь великаго угодника Божія, направлявшагося къ мѣсту своего заточенія. Но оскорбленія ему причиняли не одни только грубые варвары — воины. Когда случалось имъ проходить чрезъ города, гдѣ жили друзья Ѳеофила александрійскаго и слѣдовательно ожесточенные враги Іоанна, то и эти недостойные пастыри всячески старались излить свою злобу на страдальцѣ; нѣкоторые совсѣмъ не впускали его въ городъ, а другіе даже поощряли воиновъ поступать съ нимъ возможно жесточе. Одинъ

изъ его смертельныхъ враговъ, епископъ Кесаріи Каппадокійской, нѣкій Фаретрій, позорившій славную каѳедру Василія Великаго тѣмъ, что его главнымъ занятіемъ была псовая охота на зайцевъ, едва не погубилъ его жизни. Съ притворнымъ гостепріимствомъ отведя для него особый домъ, Фаретрій подговорилъ монаховъ произвесть на этотъ домъ нападеніе, и святитель, спасаясь отъ ярости этихъ негодныхъ людей, долженъ былъ ночью бѣжать изъ города, пробираясь по ухабистымъ горнымъ тропамъ. Мулъ подъ нимъ при этомъ споткнулся и страдалецъ, упавъ съ него, получилъ такой сильный ушибъ, что долго пролежалъ въ опасномъ для жизни обморокѣ. Положеніе страдальца было бы ужаснымъ, если бы онъ не носилъ въ своей собственной душѣ источника той неизреченной радости, которой никто не можетъ отнять въ этомъ мірѣ и которая нерѣдко прорывалась наружу, когда святитель, въ безграничномъ упованіи на всевидящій и благоустрояющій Промыслъ Божій, неоднократно говорилъ: «слава Богу за все». Не малымъ утѣшеніемъ для него было и то, что по мѣстамъ его встрѣчали съ глубочайшимъ сочувствіемъ какъ епископы, такъ и народъ, и проливали о немъ горячія слезы. Особенно трогательно было зрѣлище въ Таврокиликіи, гдѣ на встрѣчу ему вышло множество дѣвственницъ, которыя или слышали когда-то его златословесныя бесѣды или, по крайней мѣрѣ, читали его великія творенія о дѣвствѣ, сдѣлавшіяся вѣчнымъ источникомъ назиданія и ободренія для всѣхъ подвижницъ этого рода. Увидѣвъ великаго святителя, ведомаго въ заточеніе, онѣ огласили воздухъ громкимъ плачемъ и, проливая горькія слезы, вопили: «лучше бы было, дабы солнце угасло, нежели уста Іоанновы умолкли». Это зрѣлище до глубины души тронуло страдальца и онъ плакалъ и самъ, находя себѣ въ то же время великое утѣшеніе въ столь искреннемъ и глубокомъ сочувствіи даже со стороны тѣхъ, которыхъ онъ никогда раньше не видѣлъ и не имѣлъ о нихъ никакого попеченія.

Мѣстомъ ссылки для св. Іоанна назначена была отдаленная и бѣдная деревня Кукузъ въ Малой Арменіи, терявшаяся въ одной изъ глухихъ долинъ дикаго Тавра, гдѣ гнѣздилось разбойничье племя исаврійцевъ, которые то и дѣло совершали набѣги на окружающія селенія, производя

грабежи и убійства. Въ этой живой могилѣ и долженъ былъ проживать бывшій патріархъ столичнаго города. Враги его могли бы наконецъ успокоиться, если бы гнѣвъ Божій и возмущенная совѣсть не явились грозной карой для нихъ за совершенную ими неправду. Слухъ о совершившемся въ Константинополѣ насиліи возмутилъ всѣхъ даже на далекомъ западѣ. Папа Иннокентій I, узнавъ о подробностяхъ дѣла, сообщилъ обо всемъ императору Гонорію и просилъ его ходатайствовать предъ своимъ братомъ, которому съ своей стороны написалъ сильное и трогательное письмо. «Кровь брата моего Іоанна, писалъ онъ, вопіетъ къ Богу на тебя, царь, какъ въ древности кровь Авеля праведнаго вопіяла на братоубійцу Каина, и она будетъ отмщена, потому что ты во время мира воздвигъ гоненіе на церковь Божію, изгналъ ея истиннаго пастыря, изгнавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Христа, а стадо вручилъ не пастырямъ, а наемникамъ». Гонорій съ своей стороны также писалъ брату, укоряя его въ неразумной жестокости, и отправилъ посольство для разслѣдованія дѣла. Но Аркадій, считая уже дѣло непоправимымъ и главнѣе всего опасаясь злого нрава Евдоксіи, перешелъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ слабыми натурами, отъ малодушія къ дерзости, и отнесся къ посольству своего брата съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, хотя въ душѣ и терзался сознаніемъ допущенной имъ неправоты. Между тѣмъ праведный гнѣвъ Божій началъ производить должное воздаяніе всѣмъ совершителямъ зла. Въ сентябрѣ 404 года надъ Константинополемъ разразилась страшная буря съ градомъ чудовищной величины, который въ одинъ мигъ истребилъ жатвы и сады. Вмѣстѣ съ тѣмъ раздавались глухіе подземные удары и мать-земля стонала и колыхалась подъ ногами нечестивцевъ, какъ бы не вынося совершившагося позора. 6 октября того же года отозвана была къ судилищу Бога живаго и сама императрица Евдоксія. Жаждая смерти великаго праведника, она сама скорѣе подверглась смерти и умерла въ мучительныхъ страданіяхъ отъ родовъ. За нею съ изумительною быстротою понесли заслуженную кару и другіе изъ главныхъ злоумышленниковъ и враговъ угодника Божія. Такъ епископъ Киринъ Халкидонскій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей печальнаго собора «При дубѣ», подвергся страшной болѣзни отъ разбереженной ему

мозоли, на которую нечаянно наступилъ епископъ Маруѳа: у него сгнили ноги, и не смотря на то, что неоднократно совершалась ампутація, онъ умеръ отъ Антонова огня. Одинъ изъ враговъ святителя получилъ смертельный ушибъ при паденіи съ лошади, другой умеръ отъ гнойной водянки, третій отъ рака на языкѣ, заставившаго его сознаться въ тяготѣвшемъ на его душѣ мрачномъ преступленіи. Ѳеофилъ александрійскій, временно избѣгнувъ суда человѣческаго, также впослѣдствіи не избѣгъ суда Божія. Отъ крайняго напряженія въ своихъ злобныхъ ухищреніяхъ онъ помѣшался и умеръ скоропостижно—отъ паралича. Если не тѣлесно, то еще болѣе душевно терзался и злополучный императоръ Аркадій, который, освободившись наконецъ отъ невыносимой тиранніи своей злонравной супруги, хотѣлъ найти себѣ облегченіе отъ сердечной туги въ молитвахъ пустынниковъ. Но когда онъ обратился съ просьбою помолиться за него къ знаменитому синайскому отшельнику Нилу, то отшельникъ съ истинною твердостью и дерзновеніемъ древнихъ пророковъ отписалъ ему: «По какому праву желаешь ты, чтобы царствующій градъ избавленъ былъ отъ опустошающихъ его землетрясеній, когда въ немъ совершаются такія преступленія, нечестіе съ неслыханною наглостью возводится въ законъ, и когда изъ него изгнанъ столпъ церкви, свѣтило истины, труба Христова, блаженный епископъ Іоаннъ? Какъ можешь ты желать, чтобы я согласился молиться объ этомъ злосчастномъ городѣ, потрясенномъ всесокрушающимъ гнѣвомъ небесъ, когда я изнываю отъ скорби, потрясенъ духомъ и когда мое сердце разрывается отъ злодѣяній, совершенныхъ на твоихъ глазахъ противъ всѣхъ законовъ» [1])?

Такъ праведный гнѣвъ Божій каралъ дѣлателей зла, и они, думая праздновать свою побѣду, въ дѣйствительности несли страшное пораженіе, терзаясь и душей и тѣломъ. А въ это самое время великій угодникъ Божій, державшійся того христіанскаго убѣжденія, что «Господня земля и исполненіе ея», нашелъ себѣ успокоеніе и даже радость въ самомъ Кукузѣ, который своею удаленностью отъ суеты грѣшнаго міра какъ бы вновь возвратилъ его къ пустынножительству, столь сладостному для его утомленнаго невзгодами духа.

---

[1]) Nilus, Epist., 265. тамъ же 279, 3.

Тамъ у него нашлись и почитатели въ лицѣ мѣстнаго епископа Аделфія и именитаго жителя деревни Діоскора, который предоставилъ въ распоряженіе святителя свой домъ и заботился о всѣхъ его нуждахъ. Не забыли его и старые друзья, и многіе изъ нихъ приходили посѣтить его въ заточеніи даже изъ Константинополя и Антіохіи. Особенно сочувственно отозвались антіохійцы, эти возлюбленнѣйшія его духовныя дѣти, которыхъ онъ болѣе всего любилъ и для блага которыхъ болѣе всего потрудился. Когда слухъ о заточеніи св. Іоанна дошелъ до Антіохіи, то изъ нея потянулись въ Кукузъ цѣлые караваны поклонниковъ и почитателей, такъ что ничтожная армянская деревня сдѣлалась для нихъ какъ бы мѣстомъ благочестиваго паломничества. Не даромъ озлобленные враги святителя съ ярою завистью говорили: «Вся Антіохія въ Кукузѣ!» И самъ святитель не забывалъ своихъ прежнихъ друзей и духовныхъ чадъ. Онъ велъ съ ними оживленную переписку, и особенно съ благочестивой діакониссой Олимпіадой, сохранившіяся до насъ письма къ которой дышатъ глубокохристіанскою любовію святителя и отца церкви, не перестававшаго и въ своемъ заточеніи пещись о духовномъ благѣ своихъ чадъ. Переписывался онъ и со многими епископами какъ восточными, такъ и западными, и въ этихъ письмахъ оставался все тѣмъ же великимъ святителемъ, который, какъ бы забывъ о своемъ собственномъ печальномъ положеніи, продолжалъ заботиться о благѣ и преуспѣяніи церкви Христовой. Мало того, онъ не оставлялъ и своей завѣтной мечты—возможно шире распространять царство Божіе среди сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной. Самъ находясь въ заточеніи, онъ подобно апостолу Павлу, во время его нахожденія въ узахъ, продолжалъ заботиться о спасеніи другихъ, и вновь обращалъ свои взоры къ Финикіи, гдѣ такъ много уже сдѣлалъ для разогнанія языческой тьмы. Онъ заботился о снаряженіи туда новой миссіи, старался утверждать уже ранѣе основанныя тамъ церкви. Неподалеку отъ него находилась Персія, которая первоначально представляла весьма благопріятную почву для распространенія Евангелія, но въ это время христіане стали тамъ подвергаться ожесточеннымъ гоненіямъ, какъ враги государства. Многіе христіане кровію запечатлѣли свою преданность вѣрѣ, и положеніе всѣхъ было угнетенное. И вотъ великій святитель при-

шелъ на помощь и къ этимъ угнетеннымъ христіанамъ и своею апостольскою ревностью поддержалъ христіанство и въ этой странѣ. Но болѣе всего его занимала мысль о просвѣщеніи свѣтомъ евангельской истины полуварварскихъ готовъ, эту молодую силу, которая въ своемъ непросвѣщенномъ состояніи представляла грозу для христіанскаго цивилизованнаго міра, а съ принятіемъ православной вѣры могла бы обновить дряхлѣвшій греко-римскій міръ. Такимъ образомъ ничтожная армянская деревня, о которой раньше едва ли кому было извѣстно, теперь сдѣлалась средоточіемъ апостольства, лучи котораго распространялись далеко—во всѣ страны свѣта, и все это потому, что въ этой деревнѣ заточено было великое духовное свѣтило міра, свѣтившее не заимствованнымъ, а своимъ собственнымъ духовнымъ свѣтомъ.

Когда такимъ образомъ низложенный и униженный всячески патріархъ и въ своемъ далекомъ заточеніи продолжалъ оставаться все тѣмъ же свѣтиломъ міру, какимъ онъ былъ въ Антіохіи и Константинополѣ, и когда жалкая деревня Кукузъ угрожала затьмить самый Константинополь, все это стало до крайности безпокоить тѣхъ, кому возвышеніе Іоанна было равносильно ихъ собственному посрамленію. Всѣ уцѣлѣвшіе отъ праведной кары Божіей и оправившіеся отъ страховъ враги его (а ихъ еще было много) вновь пришли въ движеніе и стали замышлять новые ковы противъ низверженнаго ими святителя. Они думали, что онъ уже умеръ для нихъ, а между тѣмъ онъ оказывался живъ и начиналъ сосредоточивать на себѣ глаза всего христіанскаго міра. «Смотрите, переговаривались они между собой, какъ этотъ мертвецъ становится опаснымъ для живыхъ и своихъ побѣдителей». Имъ уже мерещился страшный призракъ, какъ бы Іоаннъ вновь не возвратился на константинопольскій престолъ, гдѣ онъ, по ихъ мнѣнію, должнымъ образомъ расправился бы съ своими врагами. И это казалось тѣмъ естественнѣе, что слабый преемникъ его Арсакій вскорѣ померъ. Нужно принять мѣры, чтобы поскорѣе похоронить его. И дѣйствительно они приняли всѣ мѣры къ тому. Пущены были въ ходъ всѣ обычныя въ такихъ случаяхъ интриги и подходы для того, чтобы разрушить столь опасное для нихъ гнѣздо, какимъ сдѣлалась деревня Кукузъ. И вотъ они добились того, что приказано было удалить оттуда Іоанна и перевесть

въ новое мѣсто заточенія—въ Пиѳіунтъ. Это былъ самый отдаленный городъ имперіи, лежавшій между Понтомъ и Колхидой, на берегу Чернаго моря, въ странѣ дикой и пустынной, почти всецѣло предоставленной варварамъ. Приказъ былъ данъ внезапно (въ іюнѣ 407 г.), съ запрещеніемъ всякой отсрочки. И вотъ воины грубо схватили великаго святителя и, не давъ ему хорошенько проститься съ жителями сдѣлавшейся дорогой его сердцу деревни Кукузъ, повлекли его вновь въ далекій, трудный и неизвѣстный путь. Святой Іоаннъ былъ уже до крайности ослабленъ невзгодами и болѣзнями, ускорившими для него наступленіе старческой немощи, и потому это новое ужасное путешествіе подъ конвоемъ грубыхъ воиновъ, которымъ было приказано обращаться съ нимъ жестоко и безпощадно, было уже ему не подъ силу. Духомъ онъ попрежнему былъ бодръ, непоколебимъ въ своемъ упованіи на Промыслъ Божій и съ безграничною покорностью волѣ Божіей безъ всякаго опасенія готовъ былъ переселиться и въ новое мѣсто его заточенія—оставаясь все при томъ же убѣжденіи, что «Господня есть земля и исполненіе ея», и никакія страданія не могли исторгнуть какого-либо ропота или жалобы изъ надорванной груди того, уста котораго привыкли повторять: «слава Богу за все»; но тѣло его было уже дряхло и немощно, и потому, когда жестокіе воины, исполняя приказъ своихъ безчеловѣчныхъ начальниковъ, заставляли великаго угодника Божія то съ обнаженной головой идти по каменистой дорогѣ подъ палящими, жгучими лучами солнца, то дрогнуть подъ проливными дождями, страдалецъ не выдержалъ. Силы его стали быстро падать, и когда послѣ трехъ мѣсяцевъ безпрерывнаго пути воины прибыли съ своимъ узникомъ въ Команы, въ Понтѣ, и по своему обычаю, не останавливаясь въ самомъ городѣ, сдѣлали привалъ съ нимъ за городомъ, близъ церкви св. Василиска, то святитель Іоаннъ совсѣмъ ослабѣлъ и не могъ уже двигаться. Ночью ему было видѣніе: явился самъ св. Василискъ (епископъ, замученный при Максиминѣ) и сказалъ ему: «Мужайся, мой братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ!» Съ наступленіемъ утра святитель, чувствуя полное изнеможеніе, просилъ воиновъ, чтобы они хоть на нѣсколько часовъ отложили путешествіе; но они грубо отказали ему въ этомъ и съ жестокостью пово-

локли его дальше, и только уже убѣдившись, что онъ находится при послѣднемъ издыханіи, вернулись назадъ къ церкви св. Василиска. Тогда, напрягнувъ всѣ свои силы, страдалецъ вошелъ въ церковь и, испросивъ себѣ полное церковное одѣяніе, облачился въ него, а дорожныя одежды роздалъ присутствующимъ. Совершивъ бож. литургію, онъ затѣмъ причастился св. Таинъ и потомъ нѣсколько времени молился пламенно и громкимъ голосомъ. Но вотъ голосъ его началъ все болѣе и болѣе ослабѣвать. Съ удивленіемъ и благоговѣніемъ приступили къ нему присутствовавшіе и, поддерживая его клонившееся внизъ тѣло, слышали, какъ уста его едва внятно лепетали: «Слава Богу за все». Осѣнивъ себя затѣмъ крестнымъ знаменіемъ, великій угодникъ Божій простеръ свои ноги и сказавъ: аминь! предалъ духъ свой Богу [1]).

Это было 14 сентября 407 года [2]). Ему было 60 лѣтъ отъ роду—вѣкъ не великій, и изъ него онъ въ теченіе шести съ половиной лѣтъ былъ архіепископомъ, а три года и три мѣсяца провелъ въ заточеніи.

Слава великаго святителя была такъ велика, что вѣсть о его кончинѣ быстро разнеслась по всѣмъ окрестностямъ, и отовсюду собрались во множествѣ и священники, и дѣвственницы, и отшельники, а за ними и несмѣтныя массы народа, и всѣ съ благоговѣніемъ тѣснились ко гробу почившаго владыки, чтобы хоть разъ взглянуть въ ликъ угодника Божія и поклониться его праху. Прахъ его съ торжествомъ погребенъ былъ въ церкви, рядомъ съ мощами священномученика Василиска, наканунѣ призвавшаго его къ себѣ—для пребыванія вмѣстѣ не только подъ сводами земной церкви, но и въ свѣтозарномъ царствѣ славы неизреченной. Когда вѣсть о кончинѣ златословеснаго учителя дошла до Антіохіи и Константинополя, то и тамъ она повергла всѣхъ въ неописанное горе. Народъ громко рыдалъ и проклиналъ тѣхъ, кто погубилъ великаго святителя, и всѣ, близко знавшіе его, восторженно разсказывали о великихъ дѣлахъ его милосердія, о его святой жизни и о его дивномъ, златословесномъ ученіи. Впослѣдствіи, когда злоба смертельныхъ враговъ смолкла предъ гробомъ почившаго святителя, именно

[1]) Dialog. Histor. *Palladii*, cap. XI, p. 38 (т. I Бенед. изд.).
[2]) Сократъ, Церк. Ист. VI, 21.

при императорѣ Θеодосіѣ II, мощи его были торжественно перенесены въ Константинополь (438 г.) и такимъ образомъ прахъ былъ водворенъ въ той самой церкви св. Апостоловъ, изъ которой нѣкогда былъ съ позоромъ изгнанъ живой носитель его — архіепископъ Іоаннъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ жизнь того великаго и вселенскаго учителя церкви, св. Іоанна Златоуста, творенія котораго въ полномъ ихъ собраніи предлагаются благочестивому русскому православному народу. Дивна и необычайна была его жизнь, исполненная подвиговъ и страданій. Въ этомъ отношеніи онъ навсегда сдѣлался блистательнымъ образцомъ христіанскаго самоотверженія, терпѣнія и покорности волѣ Божіей. Тяжелъ и скорбенъ былъ его жизненный путь, но онъ въ то же время озаренъ былъ и лучами той радости неизреченной, которая даже во мракѣ земныхъ невзгодъ и страданій уже предвкушаетъ сладость небеснаго блаженства. Такимъ же тяжелымъ и скорбнымъ бываетъ жизненный путь и всѣхъ истинныхъ христіанъ, которымъ Самъ ихъ Божественный Учитель сказалъ: «въ мірѣ будете имѣть скорбь» [1]). Но всѣмъ имъ открытъ также и доступъ къ источнику той радости неизреченной, которую испытывалъ св. Іоаннъ среди своихъ ужасныхъ страданій. И тайну этого духовнаго счастья онъ раскрылъ въ своихъ дивныхъ твореніяхъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ читая которыя, всякій христіанинъ постигнетъ истинный смыслъ жизни и вмѣстѣ съ нимъ будетъ отъ полноты сердца повторять:

Слава Богу за все. Аминь.

А. Лопухинъ.

---

[1]) Матѳ. X, 24.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ I ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

КЪ ѲЕОДОРУ ПАДШЕМУ

УВѢЩАНІЕ I-е.

Ѳеодоръ, къ которому относятся предлагаемыя Увѣщанія, написанныя около 369 года по Р. Х., былъ сверстникомъ и другомъ Св. Іоанна Златоустаго и вмѣстѣ съ нимъ въ юности посвятилъ себя подвигамъ отшельнической жизни, но вскорѣ оставилъ ихъ для занятій и удовольствій міра. Св. Іоаннъ въ своихъ Увѣщаніяхъ призывалъ его къ раскаянію изображеніемъ гибельности состоянія грѣшниковъ, кратковременности и тщетности настоящихъ благъ, изложеніемъ грозныхъ и утѣшительныхъ истинъ Христіанской вѣры и другими убѣжденіями, которыя подѣйствовали на падшаго Ѳеодора, такъ что онъ возвратился въ общество отшельниковъ и впослѣдствіи былъ возведенъ въ санъ епископа мопсуестскаго.

Кто *дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ* (Іер. ix, 1), благовременно сказать теперь и мнѣ, и гораздо болѣе, нежели тогда пророку; потому что я намѣренъ оплакивать хотя не множество городовъ и не цѣлые народы, но душу, которая стóитъ, а лучше сказать—и дороже множества народовъ. Если даже одинъ исполняющій волю Божію лучше тысящъ беззаконниковъ, то конечно и ты прежде былъ лучше тысящъ іудейскихъ. Посему никто не станетъ теперь порицать меня, если я изложу больше скорбей и изображу сильнѣйшія сѣтованія, нежели какія изложены у пророка. Я оплакиваю не разрушеніе города и не плѣненіе беззаконныхъ мужей, но опустошеніе священной души и разрушеніе и истребленіе христоноснаго храма. Кто, зная хорошо сожженную теперь діаволомъ красоту ума твоего въ то время, когда блистала она, не возстеналъ бы плачемъ пророка,—слыша,

Том. I ст. 277.

что варварскія руки осквернили святое святыхъ, и, подложивъ огонь, сожгли все—херувимовъ, ковчегъ, очистилище, скрижали
278 каменныя, стамну златую? Поистинѣ, это несчастіе востолько кратъ горестнѣе того, восколько кратъ драгоцѣннѣе тѣ символы, которые хранились въ душѣ твоей. Этотъ храмъ святѣе того: потому что онъ блисталъ не золотомъ и серебромъ, а благодатію Духа, и, вмѣсто ковчега и херувимовъ, въ немъ обитали Христосъ, и Его Отецъ, и Утѣшитель. А теперь уже не то; онъ теперь пустъ и лишенъ прежней красоты и благолѣпія, потерялъ божественное и несказанное украшеніе, и лишился всякой безопасности и охраны: нѣтъ у него ни двери, ни запора, и онъ открытъ для всѣхъ душепагубныхъ и постыдныхъ помысловъ. Помыслъ ли гордости, помыслъ ли блуда, помыслъ ли сребролюбія, или еще гнуснѣйшіе помыслы устремятся войти въ него,—никто не помѣшаетъ этому; а прежде, какъ небо недоступно всему этому, такъ (недоступна была) и чистота ума твоего. Можетъ быть, слова мои покажутся невѣроятными нѣкоторымъ изъ тѣхъ, кто видятъ теперь твое запустѣніе и извращеніе; поэтому я и скорблю и сѣтую, и не перестану дѣлать это, доколѣ опять не увижу тебя въ прежнемъ блескѣ. Хотя
279 людямъ и представляется это невозможнымъ, но для Бога все возможно: потому что Онъ есть *воздвизаяй отъ земли нища, и отъ гноища возвышаяй убога: посадити его съ князи, съ князи людей своихъ*. Онъ есть *вселяя неплодовь въ домъ, матерь о чадѣхъ веселящуся* (Пс. cxii, 7—9). Не отчаявайся въ перемѣнѣ на лучшее. Если діаволъ былъ силенъ настолько, что низринулъ тебя съ вершины и высоты добродѣтели до крайностей порока, то гораздо болѣе силенъ будетъ Богъ опять возвести тебя въ прежнюю свободу, и сдѣлать не только такимъ же, но и гораздо блаженнѣйшимъ прежняго. Только не унывай, не теряй добрыхъ надеждъ, не впадай въ страсть нечестивыхъ. Въ отчаяніе обыкновенно ввергаетъ не многочисленность грѣховъ, но нечестивое состояніе души. Посему и Соломонъ не просто сказалъ: „всякій, кто *пріидетъ во глубину золъ, нерадитъ*“, но только одинъ *нечестивый* (Прит. xviii, 3). Только такимъ людямъ свойственна эта страсть, когда они приходятъ во глубину золъ. Она-то не допускаетъ ихъ воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали. Этотъ помыслъ, какъ-бы какое ярмо, лежа на выѣ души и заставляя ее смотрѣть внизъ, препятствуетъ ей возводить взоры къ своему Владыкѣ. Но человѣку мужественному и доблестному свойственно сокрушать это ярмо, прогонять отъ себя палача, который возложилъ его, и произносить слова пророка: *яко очи рабыни въ руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедритъ ны. Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ, яко помногу исполнихомся*

уничиженія (Пс. cxxii, 2. 3) Истинно божественны эти наставленія и внушенія горняго любомудрія. *Исполнихомся*, говоритъ онъ, *уничиженія*, и потерпѣли многочисленныя бѣдствія; однако, не перестанемъ возводить взоры свои къ Богу и просить Его, доколѣ не получимъ просимаго. Мужественной душѣ свойственно—не упадать и не отчаяваться предъ множествомъ постигающихъ бѣдствій, и послѣ многократныхъ и безуспѣшныхъ молитвъ не отступать, но ожидать, *дондеже ущедритъ ны*, какъ говоритъ блаженный Давидъ.

2. Діаволъ для того и ввергаетъ насъ въ помыслы отчаянія, чтобы истребить надежду на Бога,—этотъ безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущемъ къ небу, это спасеніе погибающихъ душъ. *Упованіемъ бо*, говоритъ (апостолъ), *спасохомся* (Рим. viii, 24). Ибо оно, какъ-бы какая крѣпкая цѣпь, свѣшенная съ неба, поддерживаетъ наши души, мало по малу поднимая на высоту тѣхъ, которые крѣпко держатся за нее, и вознося насъ превыше бури житейскихъ золъ. Посему, если кто ослабѣетъ и опуститъ изъ рукъ этотъ священный якорь, тотъ сейчасъ же упадетъ и погибнетъ въ безднѣ порока. Зная это, лукавый, какъ только замѣтитъ, что мы сами тяготимся сознаніемъ 280
злыхъ дѣлъ, пришедши и самъ еще налагаетъ на насъ помыслъ отчаянія, который тяжелѣе свинца; и если мы примемъ его, то увлекаемые тяжестію и оторванные отъ той цѣпи, неизбѣжно тотчасъ низринемся во глубину золъ, гдѣ именно и находишься ты теперь, отвергши повелѣнія кроткаго и смиреннаго Господа и выполняя всѣ приказанія жестокаго, свирѣпаго и неумолимаго врага нашего спасенія, расторгши благое иго и сбросивъ легкое бремя, и вмѣсто нихъ наложивъ на себя цѣпи желѣзныя и повѣсивъ на шею свою *жерновъ осельскій* (Матѳ. xviii, 6). Гдѣ же ты остановишься, и когда перестанешь потоплять бѣдную душу свою, наложивъ на себя такую необходимость—непрестанно уноситься внизъ? Женщина, отыскавшая одну драхму, пригласила сосѣдокъ принять участіе въ ея радости, сказавъ: *радуйтеся со мною* (Лук. xv, 9); а я теперь приглашу всѣхъ друзей и моихъ и твоихъ къ противному, скажу не—„радуйтеся со мною“ но—„плачьте со мною, подымите такой же плачъ, и вопите вмѣстѣ съ нами горькимъ голосомъ. Ибо насъ постигла крайняя бѣда, не столько-то талантовъ золота выпало изъ руки моей и не множество драгоцѣнныхъ камней, но тотъ, кто драгоцѣннѣе всего этого, плывши вмѣстѣ съ нами по этому великому и пространному морю, не знаю какъ, свалился и упалъ въ самую глубину погибели“.

3. Тѣмъ, которые попытались бы удержать меня отъ сѣтованія, я скажу словами пророка: *оставите меня, да горцѣ воспла-*

чуся: не належите утѣшати мя (Ис. XXII, 4). Настоящій плачъ мой не таковъ, чтобы чрезмѣрность сѣтованія навлекла на меня осужденіе, но таковъ, что при немъ не постыдились бы плакать, сѣтовать и отвергать всякое утѣшеніе даже (апостолы) Павелъ и Петръ. Справедливо сталъ бы кто нибудь обличать въ большомъ малодушіи тѣхъ, которые оплакиваютъ обыкновенную смерть. Но когда, вмѣсто тѣла, лежитъ омертвѣвшая душа, пораженная множествомъ ранъ, и въ самой мертвенности являющая прежнее свое благородство, и благообразіе, и красоту погасшую, то можетъ ли кто быть столь жестокимъ и безчувственнымъ, чтобы, вмѣсто плача и сѣтованій, предлагать слова утѣшенія? Какъ тамъ не плакать, такъ здѣсь плакать свойственно любомудрію. Тотъ, кто достигалъ неба, смѣялся надъ суетою жизни, взиралъ на красоты тѣлесныя какъ на каменныя, кто пренебрегалъ золотомъ какъ пылью, а всякимъ удовольствіемъ какъ грязью,—тотъ, неожиданно для насъ, объятый пламенемъ нечистой похоти, потерялъ и здоровье, и мужество, и всякую красоту, и сдѣлался рабомъ наслажденій. О немъ ли не плакать, скажи мнѣ, о немъ ли не сокрушаться, доколѣ опять не будетъ онъ нашимъ? И свойственно ли это человѣческой душѣ? Отмѣны тѣлесной смерти невозможно достигнуть на землѣ, и однако это не удерживаетъ сѣтующихъ отъ плача; а душевную смерть только и можно уничто-
281 жить здѣсь: *во адѣже*, говоритъ (Давидъ), *кто исповѣстся Тебѣ* (Пс. VI, 6)? Посему не будетъ ли великимъ безразсудствомъ съ нашей стороны, если въ то время, какъ оплакивающіе смерть тѣлесную сѣтуютъ о ней съ такою силою, хотя и знаютъ, что слезами не воскресить имъ умершаго,—мы не будемъ выражать ничего подобнаго, хотя знаемъ, что часто бываетъ надежда возвратить погибшую душу къ прежней жизни? Ибо многіе, и нынѣ и во времена нашихъ предковъ, уклонившись отъ прямого положенія и свергнувшись съ тѣснаго пути, опять возстали настолько, что послѣдующимъ покрыли прежнее, получили награду, украсились вѣнцомъ, прославлены съ побѣдителями и причислены къ лику святыхъ. Доколѣ кто остается въ пламени наслажденій, дотолѣ ему, хотя бы онъ имѣлъ множество такихъ примѣровъ, представляется это дѣломъ невозможнымъ; но какъ только онъ немного начнетъ выходить оттуда, то, постоянно идя впередъ, силу огня оставитъ позади себя, а впереди предъ собою почувствуетъ прохладу и великое облегченіе. Только не будемъ отчаяваться, не будемъ отказываться отъ возвращенія: потому что допустившему себя до такого состоянія, хотя бы онъ одаренъ былъ безмѣрною силою и ревностію, онѣ будутъ безполезны. Кто уже затворилъ для себя дверь покаянія и заградилъ входъ на поприще (подвижничества), какъ онъ будетъ въ со-

стояніи, находясь внѣ его, сдѣлать малое или великое добро? Посему-то лукавый предпринимаетъ все, чтобы внушить намъ этотъ помыслъ: послѣ этого уже ненужны будутъ ему усилія и труды для нашего пораженія, когда сами лежащіе и падшіе не хотятъ противиться ему. Кто могъ избѣжать этихъ узъ, тотъ и силу свою сохранитъ и до послѣдняго издыханія не перестанетъ сражаться съ нимъ, и хотя бы испыталъ множество другихъ паденій, опять возстанетъ и сокрушитъ врага. Напротивъ, кто связанъ помыслами отчаянія и обезсилилъ себя, тотъ какъ будетъ въ состояніи побѣдить врага и противостать ему, когда самъ бѣжитъ отъ него?

4. Не говори мнѣ, что такъ бываетъ съ невеликими грѣшниками; нѣтъ, пусть даже человѣкъ будетъ исполненъ всякаго порока и сдѣлаетъ все, что затворяетъ для него входъ въ царствіе, и притомъ не изъ невѣрныхъ отъ начала, но изъ вѣрныхъ и благоугождавшихъ прежде Богу, пусть такой сдѣлается впослѣдствіи блудникомъ, прелюбодѣемъ, сластолюбцемъ, хищникомъ, пьяницею, мужеложникомъ, сквернословцемъ и т. п.: и такого я не похвалю, если онъ будетъ отчаяваться въ себѣ, хотя бы онъ до самой глубокой старости провелъ такую несказанно порочную жизнь. Если бы гнѣвъ Божій былъ страстію, то справедливо иной сталъ бы отчаяваться, какъ неимѣющій возможности погасить пламень, который онъ возжегъ столь многими злодѣяніями; но такъ какъ Божество безстрастно, и наказываетъ ли, поражаетъ ли, дѣлаетъ это не съ гнѣвомъ, но по промышленію и великому человѣколюбію, то надлежитъ имѣть крѣпкое дерзновеніе и уповать на силу покаянія. Богъ не за Себя мститъ тѣмъ, которые согрѣшили противъ Него; ибо никакой вредъ не достигаетъ до существа Его; но при этомъ имѣетъ въ виду нашу пользу, и то, чтобы мы не увеличивали своего развращенія, продолжая оказывать Ему пренебреженіе и презрѣніе. Какъ удаляющійся отъ свѣта не вредитъ нисколько 282
свѣту, а самому себѣ весьма много, погружаясь во мракъ; такъ и привыкшій пренебрегать Всемогущею силою, ей не вредитъ нисколько, а самому себѣ причиняетъ крайній вредъ. Посему Богъ и угрожаетъ намъ наказаніями, и часто посылаетъ ихъ, не для того, чтобы отмстить за Себя, но чтобы насъ привлечь къ Себѣ. Ибо и врачъ не сѣтуетъ и не обижается наносимыми ему отъ больныхъ оскорбленіями, но всячески старается остановить ихъ безчинства, имѣя въ виду не свою, а ихъ пользу; и если они покажутъ хотя немного благоразумія и здравомыслія, онъ радуется и веселится, и тѣмъ сильнѣе употребляетъ лѣкарства, не для того, чтобы отмстить имъ за прежнее, но чтобы доставить больше пользы и довести ихъ до совершеннаго выздоровленія. Такъ и Богъ, когда мы впадемъ въ крайнее безуміе, и говоритъ и дѣлаетъ все не изъ

мести за прежнее, но желая избавить насъ отъ недуга, въ чемъ можно убѣдиться и посредствомъ здраваго смысла.

5. Если же кто и послѣ этого будетъ сомнѣваться, то мы увѣримъ его въ томъ и божественнымъ Писаніемъ. Кто, скажи мнѣ, былъ преступнѣе царя Вавилонскаго? Онъ, послѣ того, какъ уже настолько испыталъ силу Божію, что поклонился пророку Его и приказалъ *дары и благовонія возліяти Ему* (Дан. II, 46), опять предался прежней гордости, и связавши ввергнулъ въ пещь тѣхъ, которые не почтили его больше Бога. И однако этого жестокаго и нечестиваго, и болѣе звѣря, нежели человѣка, (Богъ) призываетъ къ покаянію и доставляетъ ему еще другія побужденія къ исправленію: во-первыхъ, самое чудо, совершившееся въ пещи, а затѣмъ видѣніе, которое видѣлъ царь, а истолковалъ Даніилъ, достаточное для того, чтобы преклонить и каменную душу; а сверхъ того, послѣ увѣщанія дѣлами, и самъ пророкъ далъ ему такой совѣтъ: *сего ради, царю, совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ: негли будетъ долготерпѣливъ грѣхомъ твоимъ Богъ* (Дан. IV, 24). Что говоришь ты, премудрый и блаженный? Ужели возможенъ и послѣ такого отпаденія возвратъ, и послѣ такой болѣзни здравіе, и послѣ такого безумства надежда образумиться? Царь самъ уже отнялъ у себя всякую надежду, тѣмъ, во-первыхъ, что не позналъ Создавшаго его и возведшаго на такую честь, хотя и имѣлъ свѣдѣнія о многихъ доказательствахъ силы и промысла Его и на себѣ самомъ, и на своихъ предкахъ; а послѣ того еще тѣмъ, что, получивъ ясныя свидѣтельства мудрости и предвѣдѣнія Божія, и видѣвъ, какъ ниспровергнуты были и магія, и астрономія, и дѣй-
283 ствія всякаго діавольскаго волхвованія, оказался хуже прежняго. Ибо, чего не могли изъяснить мудрые волхвы, Газарины, и что признали они превышающимъ природу человѣческую, то Богъ изъяснилъ ему чрезъ плѣннаго отрока, и этимъ чудомъ довелъ его до того, что онъ не только самъ увѣровалъ, но и сдѣлался яснымъ проповѣдникомъ и наставникомъ этого вѣрованія для всей вселенной. Такимъ образомъ, если онъ уже и прежде этого знаменія не заслуживалъ прощенія за свое невѣдѣніе о Богѣ, то гораздо болѣе послѣ такого чуда, и послѣ собственнаго исповѣданія, и преподаннаго наставленія другимъ. Если бы онъ не былъ точно увѣренъ, что истинный Богъ—одинъ, то и не оказалъ бы такой чести рабу Его, и другимъ не далъ бы такого же приказанія. И однако, послѣ такого исповѣданія, онъ опять впалъ въ идолослуженіе, и тотъ, кто, падши на лицо, поклонился рабу Божію, дошелъ до такого безумія, что рабовъ Божіихъ, не поклонившихся ему, ввергнулъ въ пещь. Что же? Отмстилъ ли Богъ отступнику, какъ над-

лежало отмстить? Напротивъ, Онъ представилъ ему еще большія доказательства своего могущества, чтобы привесть его, послѣ такого безумства, опять въ прежнее состояніе. И что особенно удивительно: дабы чудныя событія, по чрезмѣрности своей, не показались невѣроятными, Онъ сотворилъ знаменіе не надъ другимъ чѣмъ-либо, а надъ тою пещью, которую разжегъ самъ царь для отроковъ, и въ которую, связавъ, ввергнулъ ихъ. Конечно, чудеснымъ и необычайнымъ было бы и то, если бы только огонь былъ погашенъ. Но Человѣколюбецъ, дабы внушить большій страхъ, произвесть большее изумленіе и совершенно прекратить ослѣпленіе царя, сдѣлалъ большее и необычайнѣйшее чудо. Попустивъ, чтобы огонь разженъ былъ настолько, насколько хотѣлось царю, Онъ являетъ свое могущество въ томъ, что, не уничтожая приготовленій враговъ, дѣлаетъ готовое недѣйствительнымъ. А чтобы кто-нибудь, увидѣвъ отроковъ побѣдившими пламень, не счелъ этого привидѣніемъ, (Богъ) попустилъ быть опаленными ввергнувшимъ ихъ, показывая съ одной стороны то, что видимый пламень былъ дѣйствительно огонь, иначе бы не пожралъ нефть, и смолу, и хворостъ, и столько тѣлъ; а съ другой—то, что нѣтъ ничего сильнѣе Его повелѣнія, но что природа всего сущаго повинуется приведшему ее изъ небытія въ бытіе, — что тогда именно и обнаружилось: ибо огонь, принявъ тѣла тлѣнныя, не коснулся ихъ, какъ нетлѣнныхъ, и возвратилъ жертву въ цѣлости, даже еще въ большемъ блескѣ. Ибо, какъ бы цари изъ чертоговъ царскихъ, вышли изъ пещи эти отроки, такъ что никто уже не хотѣлъ смотрѣть на царя, но взоры всѣхъ обратились отъ него на чудное явленіе; и ни діадима, ни порфира, ни что другое изъ царскаго великолѣпія не привлекало столько къ себѣ толпы невѣрныхъ, сколько видъ этихъ вѣрныхъ, долго пробывшихъ въ огнѣ, но вышедшихъ изъ него такъ, какъ будто это случилось съ ними во снѣ. Даже и волосы, которые по природѣ у насъ удобосожигаемѣе всего, крѣпче адаманта превозмогли тогда всепоѣдающій пламень. И не это одно дивно, что, бывъ ввергнуты въ средину пламени, они нисколько не пострадали, но и то, что они еще непрестанно говорили; между тѣмъ всѣмъ, бывавшимъ при людяхъ сожигаемыхъ, извѣстно, что, пока они держатъ уста сомкнутыми, то хотя на краткое время противятся сож- 284
женію, но лишь случится имъ раскрыть уста, душа тотчасъ же вылетаетъ изъ тѣла. И однако послѣ столь многихъ совершившихся чудесъ, и когда всѣ присутствовавшіе и видѣвшіе пришли въ изумленіе, а отсутствовавшіе извѣщены были объ этомъ письменно,— царь, который училъ другихъ, самъ остался неисправимымъ и опять обратился къ прежнимъ порокамъ. И при всемъ этомъ Богъ не наказалъ его, но еще долго терпѣлъ, вразумляя его и чрезъ

сновидѣнія, и чрезъ пророка. Только когда уже онъ никакимъ изъ этихъ способовъ нимало не исправился, Богъ наконецъ наводитъ на него казнь, не отмщая впрочемъ за прошедшее, но пресѣкая будущее зло, и удерживая порокъ отъ преуспѣянія; притомъ наказалъ не навсегда, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ наказанія опять возвелъ его въ прежнюю честь, такъ что онъ отъ наказанія не потерпѣлъ никакого вреда, а пріобрѣлъ величайшее изъ всѣхъ благъ—утвержденіе въ вѣрѣ въ Бога и раскаяніе въ прежнихъ своихъ грѣхахъ.

6. Таково человѣколюбіе Божіе! никогда Онъ не отвергаетъ искренняго раскаянія; но хотя бы кто дошелъ до самой крайней порочности, а потомъ рѣшился бы возвратиться опять оттуда на путь добродѣтели, и такого Онъ принимаетъ и приближаетъ къ Себѣ, и дѣлаетъ все, чтобы привести его въ прежнее состояніе. И еще болѣе человѣколюбія вотъ въ чемъ: если кто окажетъ не полное раскаяніе, то и краткаго и малаго Онъ не отвергаетъ; даже и за него назначаетъ великую награду. Это видно изъ словъ пророка Исаіи, которыя онъ сказалъ о народѣ іудейскомъ: *за грѣхъ мало что опечалихъ его, и поразихъ его, и отвратихъ лице мое отъ него: и опечалися и пойде дряхлъ, и исцѣлихъ его, и утѣшихъ его* (Иса. LVII, 17. 18). Засвидѣтельствуетъ намъ это и тотъ нечестивѣйшій царь, который женою своею былъ увлеченъ къ преступленіямъ, но какъ только заплакалъ, одѣлся во вретище и раскаялся въ своихъ беззаконіяхъ, то и приклонилъ къ себѣ милость Божію, такъ что избавился отъ всѣхъ угрожавшихъ бѣдствій. *И рече Господь Иліи: видѣлъ ли еси, яко умилися Ахаавъ отъ лица моего? сего ради не наведу зла во днехъ его,* за то, что онъ плакалъ предъ лицемъ Моимъ (3 Цар. XXI, 29). Опять позже, Манассія, который безуміемъ и жестокостію превзошелъ всѣхъ, ниспровергъ законное богослуженіе, затворилъ храмъ, способствовалъ процвѣтанію идольскаго заблужденія, и былъ нечестивѣе всѣхъ предшественниковъ,—когда потомъ раскаялся, былъ причисленъ къ друзьямъ Божіимъ (2 Пар. XXXIII, 13). Если бы онъ, посмотрѣвъ на тяжесть своихъ беззаконій, отчаялся въ своемъ обращеніи и исправленіи, то лишился бы всего, что получилъ послѣ; а теперь, воззрѣвъ, вмѣсто чрезмѣрности своихъ грѣховъ, на безпредѣльность благоутробія Божія, и расторгши узы діавольскія, онъ возсталъ, подвизался и доброе теченіе совершилъ. Впрочемъ, Богъ отсѣкаетъ помыслы отчаянія не только тѣмъ, что было съ этими царями, но и словами пророка: *днесь аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, яко въ прогнѣваніи* (Пс. XCIV, 8). Выраженіе *днесь* можно относить ко всей жизни, даже, если угодно, и къ старости; потому что покаяніе цѣнится не по продолженію

времени, но по душевному расположенію. Такъ для ниневитянъ 285
не было нужды во многихъ дняхъ, чтобы загладить грѣхъ свой, но краткаго дневного срока было достаточно для изглажденія беззаконія ихъ; и разбойникъ не въ теченіе долгаго времени достигъ входа въ рай, но, во столько времени смывъ всѣ грѣхи всей своей жизни, сколько употребляется его на произнесеніе одного слова, получилъ еще прежде апостоловъ награду прославленія. Посмотримъ и на мучениковъ, которые не во многіе годы, но въ нѣсколько дней, а часто и въ одинъ только день, удостоивались свѣтлыхъ вѣнцовъ.

7. Итакъ, намъ всегда нужно имѣть бодрость и великое усердіе, и если такъ настроимъ совѣсть свою, что возненавидимъ прежнюю порочную жизнь и изберемъ противоположный путь съ такою силою, какой хочетъ и требуетъ Богъ; то отъ времени ничего не потеряемъ, такъ какъ многіе, бывъ послѣдними, опередили первыхъ. Тяжко не паденіе, а то, чтобы, упавши, лежать и уже не вставать,—то, чтобы, произвольно дѣлая зло и пребывая въ безпечности, помыслами отчаянія прикрывать слабость воли. Такимъ людямъ и пророкъ, недоумѣвая, говоритъ: *еда падаяй не востаетъ или отвращаяйся не обратится* (Іер. VIII, 4)? Если же ты спросишь насъ о тѣхъ, которые послѣ увѣрованія опять пали, то все сказанное относится и къ нимъ; ибо, кто палъ, тотъ былъ прежде въ числѣ стоявшихъ, а не лежащихъ, иначе какъ бы онъ и палъ? И еще будетъ сказано, отчасти притчами, а отчасти яснѣйшими дѣлами и словами. Такъ овца, которая отдѣлилась отъ девяноста девяти и потомъ опять была приведена назадъ, изображаетъ намъ не иное что, какъ отпаденіе и возвращеніе вѣрныхъ: потому что она была овца, и притомъ не другого какого нибудь стада, но изъ числа прочихъ овецъ, и прежде паслась пастыремъ, и заблудилась не обычнымъ образомъ, но въ горахъ и стремнинахъ, т. е. на пути какомъ-то далекомъ и весьма уклонившемся отъ прямой дороги. Но пастырь оставилъ ли ее блуждать? Никакъ, онъ привелъ ее назадъ, не пригнавъ и не бивъ, но взявъ на рамена свои. Ибо какъ лучшіе врачи одержимымъ продолжительною болѣзнію съ великимъ попеченіемъ возвращаютъ здоровье, не только врачуя ихъ по правиламъ врачеванія, но иногда и доставляя имъ удовольствіе, такъ и Богъ весьма испорченныхъ людей обращаетъ къ добродѣтели не вдругъ и насильственно, но тихо и мало-по-малу, и всегда помогая имъ, чтобы не приключилось еще большаго отчужденія и продолжительнѣйшаго заблужденія. На это указываетъ не только эта притча, но и притча о блудномъ сынѣ. Онъ также былъ не чужой кто-либо, но сынъ и братъ благонравнаго сына, и низринулся не въ маловажный порокъ, а въ самую, можно сказать, крайнюю порочность, — богатый, свободный и благородный сдѣ-

лался несчастнѣе рабовъ и чужихъ людей и наемниковъ. И однако онъ опять возвратился въ первобытное состояніе и получилъ прежнюю честь. А если бы онъ отчаялся въ своей жизни и, павъ духомъ отъ постигшихъ его бѣдъ, остался на чужбинѣ, то не получилъ бы
286 того, что получилъ, а изнуренный голодомъ, погибъ бы самою жалкою смертію. А такъ какъ онъ раскаялся и не впалъ въ отчаяніе, то послѣ такого растлѣнія опять является въ прежнемъ благообразіи, облекается въ прекрасную одежду и получаетъ больше непадшаго брата. Ибо *толико лѣтъ*, говорилъ этотъ, *работаю тебѣ, и николиже заповѣди твоя преступихъ, и мнѣ николиже далъ еси козляте, да со други своими возвеселился быхъ. Егда же сынъ твой сей, изъядый твое имѣніе съ любодѣйцами, пріиде, заклалъ еси ему телца питомаго* (Лук. xv, 29. 30). Такова сила покаянія!

8. Имѣя такіе примѣры, не станемъ коснѣть въ порокахъ и откладывать обращеніе, но скажемъ и мы: *иду ко отцу моему*, и приблизимся къ Богу. Онъ самъ никогда не отвращается отъ насъ, но мы удаляемъ себя отъ Него: *Богъ приближаяйся Азъ есмь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалеча* (Іер. xxiii, 23). И опять чрезъ пророка укоряя іудеевъ, говоритъ: *не грѣси ли ваши разлучаютъ между вами и Мною* (Иса. lix, 2)? Если же это удаляетъ насъ отъ Бога, то разрушимъ эту пагубную преграду, и— ничто не будетъ препятствовать намъ быть близко къ Богу. Послушай, какъ это происходило на самомъ дѣлѣ. У коринѳянъ одинъ знатный человѣкъ совершилъ такой грѣхъ, какого неслышно было и между язычниками. Онъ былъ вѣрный и изъ близкихъ ко Христу, а нѣкоторые говорятъ даже, что онъ былъ изъ числа священнослужителей. Что́ же? Исключилъ ли его Павелъ изъ общества спасаемыхъ? Никакъ: самъ онъ много разъ, и тамъ и здѣсь, укорялъ коринѳянъ за то, что они не привели его въ покаяніе; а желая показать намъ, что нѣтъ грѣха, который бы не могъ быть уврачеванъ, опять объ этомъ человѣкѣ, который согрѣшилъ хуже язычниковъ, сказалъ: *предайте таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. v, 5). Но это еще до покаянія; когда же тотъ покаялся, то *довольно таковому*, говоритъ, *запрещеніе сіе, еже отъ многихъ* (2 Кор. ii, 6)—и предписалъ утѣшить его и принять его покаяніе, дабы не возобладалъ имъ сатана. И цѣлый народъ галатовъ, которые пали послѣ того, какъ уже увѣровали, совершали знаменія и перенесли много искушеній за вѣру во Христа, онъ возстановляетъ опять. Что они творили чудеса, это выразилъ онъ словами: *подаяй убо вамъ духа, и дѣйствуяй силы въ васъ* (Гал. iii, 5); и что они много страдали за вѣру, это выразилъ словами: *толика пострада-*

сте туне? аще точію и туне (ст. 4). Между тѣмъ послѣ такого преспѣянія они совершили грѣхъ, который могъ отчуждать ихъ отъ Христа, и о которомъ самъ (Павелъ) выражается такъ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ, яко, аще обрѣзаетеся, Христосъ вамъ ничтоже пользуетъ* (v, 2); и еще: *иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (ст. 4). И однако, послѣ такого паденія, онъ съ 287
благорасположеніемъ говоритъ имъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (iv, 19), показывая этимъ, что въ насъ, и послѣ крайняго растлѣнія, можетъ опять изобразиться Христосъ, потому что Онъ *не хощетъ смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. xxxiii, 11).

9. Обратимся же, о любезная глава! и будемъ исполнять волю Божію. Онъ для того и создалъ насъ и привелъ въ бытіе, чтобы сдѣлать участниками вѣчныхъ благъ, чтобы даровать царство небесное, а не для того, чтобы ввергнуть въ геенну и предать огню: это не для насъ, а для діавола, для насъ же издревле устроено и уготовано царство. Изъясняя то и другое, Господь говоритъ *сущимъ одесную*: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра; а сущимъ ошуюю: идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный*, не вамъ, но *діаволу и ангеломъ его* (Матѳ. xxv, 34, 41). Итакъ, геенна приготовлена не для насъ, но для него и ангеловъ его; а царство для насъ уготовано еще до созданія міра. Не сдѣлаемъ же себя недостойными входа въ чертогъ: доколѣ мы пребываемъ здѣсь, то, хотя бы совершили множество грѣховъ, есть возможность омыть все, раскаявшись во грѣхахъ; но когда отойдемъ туда, то, хотя бы оказали самое сильное раскаяніе, никакой уже не будетъ пользы, и сколько бы мы ни скрежетали зубами, ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и съ конца перста не подастъ капли намъ, объятымъ пламенемъ, но мы услышимъ тоже, что и извѣстный богачъ,— что *пропасть велика между нами и вами утвердися* (Лук. xvi, 26). Покаемся же здѣсь, увѣщеваю, и познаемъ Господа своего, какъ познать надлежитъ. Тогда только должно будетъ отринуть надежду на покаяніе, когда мы будемъ во адѣ, потому что тамъ только безсильно и безполезно это врачевство; а доколѣ мы здѣсь, оно, если и въ самой старости будетъ употреблено, оказываетъ великую силу. Посему и діаволъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы вкоренить въ насъ помыслъ отчаянія: ибо знаетъ, что, если мы и немного покаемся, это будетъ для насъ не безплодно. Но какъ подавшаго чашу холодной воды ожидаетъ воздаяніе, такъ и покаявшійся въ злыхъ дѣлахъ своихъ, хотя и не окажетъ покаянія соразмѣрнаго съ грѣхами, и за это получитъ воздаяніе. Никакое добро, хотя бы и маловажное, не будетъ пренебрежено Праведнымъ Судіею.

Если грѣхи будутъ изслѣдоваться съ такою строгостію, что мы понесемъ наказаніе и за слова, и за желанія, то гораздо болѣе добрыя дѣла, малы ли будутъ, или велики, вмѣнятся намъ въ то время. Итакъ, если ты даже не въ состояніи будешь возвратиться къ прежней строгой жизни, но хотя бы немного отвлекся отъ настоящаго недуга и невоздержности, то и это не будетъ безпо-
288 лезно; только положи начало дѣлу и приступи къ подвигамъ; а пока будешь оставаться внѣ, дѣйствительно будетъ это казаться тебѣ труднымъ и неудобоисполнимымъ. Прежде опыта, даже весьма легкія и сносныя дѣла обыкновенно представляются намъ весьма трудными; но когда же мы испытаемъ ихъ и примемся за нихъ смѣло, то большая часть трудности исчезаетъ, и бодрость, заступивъ мѣсто опасенія и отчаянія, уменьшаетъ страхъ, увеличиваетъ удобоисполнимость и укрѣпляетъ добрыя надежды. Потому и Іуду лукавый отклонилъ отъ этого, чтобы онъ, сдѣлавъ надлежащее начало, не возвратился чрезъ покаяніе туда, откуда ниспалъ. Подлинно я сказалъ бы,—хотя и странны такія слова,—что и его грѣхъ не выше помощи, получаемой нами отъ покаянія. Посему прошу и умоляю, исторгни изъ души всякую сатанинскую мысль и обратись къ этому спасительному средству. Если бы я совѣтовалъ тебѣ тотчасъ и вдругъ взойти опять на прежнюю высоту, то ты справедливо негодовалъ бы на это, какъ на весьма трудное дѣло; но если теперь я требую только того, чтобы не прибавлять къ настоящимъ грѣхамъ, но возставъ, возвратиться оттуда на противоположный путь, то почему же ты медлишь, и уклоняешься, и сопротивляешься? Не видалъ ли ты, какъ умирали жившіе въ роскоши, пьянствѣ, играхъ и прочихъ удовольствіяхъ жизни? Гдѣ теперь тѣ, которые выступали по торжищу съ великою надменностію и многочисленными спутниками, одѣвались въ шелковыя одежды, издавали отъ себя благовоніе мастей, кормили нахлѣбниковъ и постоянно прикованы были къ зрѣлищамъ? Гдѣ теперь эта пышность ихъ? Пропали огромные расходы на ужины, толпа музыкантовъ, угодничество ласкателей, громкій смѣхъ, безпечность души, разсѣянность мысли, жизнь изнѣженная, праздная и роскошная. Куда теперь улетѣло все это? Чѣмъ стало это тѣло, которое удостоивалось такой заботливости и чистоты? Пойди на могилу, посмотри на пыль, на прахъ, на червей, посмотри на безобразіе этого мѣста, и—горько возстенай. И о если бы наказаніе ограничилось только этимъ прахомъ! Но отъ могилы и этихъ червей теперь перенесись мыслію къ тому червю неумирающему, къ огню неугасимому, къ скрежету зубовъ, ко тьмѣ кромѣшной, къ скорби и сокрушенію, къ притчѣ о Лазарѣ и богатомъ, который, владѣя прежде такимъ богатствомъ и одѣваясь въ порфиру, не могъ

получить и капли воды, и притомъ находился въ такой крайности. Все здѣшнее нисколько не лучше сновидѣній. Ибо какъ работающіе въ рудокопняхъ или несущіе какое-либо другое еще тягчайшее наказаніе, когда, уснувъ послѣ многихъ трудовъ и самой горькой жизни, во снѣ увидятъ себя въ удовольствіи и богатствѣ, проснувшись нисколько нерады бываютъ своимъ снамъ; такъ тоже 289
самое было и съ тѣмъ богачомъ, который, пользуясь богатствомъ въ настоящей жизни какъ бы во снѣ, по отшествіи отсюда потерпѣлъ тяжкое наказаніе. Подумай объ этомъ, и тотъ огонь противопоставь объемлющему тебя теперь пламени вожделѣній, избавься наконецъ отъ этой пещи. Ибо кто хорошо погасилъ здѣшнюю пещь, тотъ не испытаетъ и тамошней; а кто здѣшней не одолѣлъ, тѣмъ, по отшествіи отсюда, сильнѣе овладѣетъ тамошняя. На сколько бы времени хотѣлось тебѣ продлить наслажденіе настоящею жизнію? Я думаю, что тебѣ осталось не болѣе пятидесяти лѣтъ, чтобы достигнуть крайней старости, но и это еще неизвѣстно намъ; потому что тѣ, которые не могутъ быть увѣрены въ продолженіи своей жизни даже до вечера, какъ могутъ поручиться за столько лѣтъ? И не одно это неизвѣстно,—неизвѣстна и перемѣна обстоятельствъ: часто съ жизнію, продолжающеюся много времени, не продолжаются вмѣстѣ и удовольствія, но какъ только появляются, такъ и исчезаютъ. Впрочемъ, если угодно, пусть будетъ такъ, что ты проживешь столько лѣтъ и не испытаешь никакой перемѣны: что же это въ сравненіи съ безконечными вѣками и съ тѣми тяжкими и невыносимыми наказаніями? Здѣсь и хорошее и худое имѣетъ конецъ, и притомъ весьма скорый, а тамъ то и другое продолжается въ безконечные вѣки, а по качеству своему настолько отлично отъ здѣшняго, что и сказать невозможно.

10. Услышавъ объ огнѣ, не подумай, будто тамошній огонь таковъ же, каковъ здѣшній: этотъ, охвативъ что либо, сожигаетъ и погасаетъ; а тотъ, кого однажды захватитъ, жжетъ постоянно, и никогда не перестаетъ, почему и называется неугасимымъ. Ибо и грѣшникамъ надлежитъ облечься безсмертіемъ, не къ славѣ, но чтобы имѣть всегдашняго спутника тамошняго мученія; а сколь это ужасно, того никогда не можетъ представить слово, а только изъ опытнаго ощущенія малыхъ страданій можно получить нѣкоторое слабое понятіе о тѣхъ великихъ мученіяхъ. Когда бываешь въ банѣ, натопленной сильнѣе надлежащаго, то представь себѣ огонь геенскій; и если когда будешь горѣть въ сильной горячкѣ, то перенесись мыслію къ тому пламени: и тогда будешь въ состояніи хорошо понять это различіе. Если даже баня и горячка такъ мучатъ и безпокоятъ насъ, то что мы будемъ чувствовать тогда, когда попадемъ въ ту огненную рѣку, которая будетъ

течь предъ страшнымъ судилищемъ? Будемъ скрежетать зубами отъ страданій и нестерпимыхъ мученій, но никто не поможетъ намъ. Будемъ крѣпко стенать, когда пламень все сильнѣе станетъ охватывать насъ, но не увидимъ никого, кромѣ мучимыхъ вмѣстѣ съ нами и великой пустыни. А что сказать о тѣхъ ужасахъ, которые мракъ будетъ наводить на наши души? Ибо тотъ огонь какъ не истребляетъ, такъ и не освѣщаетъ; иначе не было бы мрака. Вообще одно
290 только то время съ достаточностью можетъ показать имѣющія тогда постигнуть насъ смущеніе и трепетаніе, изнуреніе и изступленіе великое. Многочисленны и разнообразны тамошнія муки, и потоки казней отовсюду объемлютъ душу. Если кто скажетъ: какъ же душа можетъ быть достаточною для такого множества мученій и оставаться въ наказаніяхъ безконечные вѣки?—тотъ пусть представитъ, что бываетъ здѣсь,—какъ часто многіе выдерживали продолжительную и тяжкую болѣзнь. Если они и скончались, то не потому, чтобы душа исчезла, но потому, что тѣло истощилось, такъ что, если бы оно не изнурилось, то душа не перестала бы мучиться. Когда же душа получитъ нетлѣнное и неразрушимое тѣло, тогда ничто не воспрепятствуетъ мученію продлиться въ безконечность. Здѣсь не можетъ быть того и другаго вмѣстѣ, то есть, жестокости и продолжительности мученій, но одно другому противится по причинѣ тлѣнности тѣла и неспособности одновременно переносить то и другое; а когда, наконецъ, наступитъ нетлѣніе, это сопротивленіе прекратится и оба эти страшилища съ великою силою будутъ обнимать насъ въ безконечность. Посему не будемъ разсуждать нынѣ такъ, будто чрезмѣрность мученій истощитъ нашу душу; ибо въ то время и тѣло не можетъ истощиться, но будетъ вмѣстѣ съ душею мучиться вѣчно, и никакого конца не будетъ. Итакъ, сколь же великое наслажденіе и сколь продолжительное время хочешь ты противопоставить этому наказанію и мученію? Хочешь ли сто лѣтъ и дважды столько? Но что это въ сравненіи съ безконечными вѣками? Что сновидѣніе одного дня въ отношеніи къ цѣлой жизни, тоже значитъ наслажденіе здѣшними благами въ отношеніи къ продолжительности будущихъ благъ. Посему найдется ли такой человѣкъ, который для того, чтобы увидѣть пріятный сонъ, рѣшился бы терпѣть наказаніе во всю жизнь? Кто на столько неразуменъ, чтобы рѣшиться на такое вознагражденіе? Впрочемъ, теперь я еще не возстаю противъ наслажденія и не раскрываю заключающейся въ немъ горечи: потому что не теперь время говорить объ этомъ, но когда ты будешь въ состояніи бѣжать отъ него. Теперь же, когда страсть обладаетъ тобою, мы показались бы тебѣ пустословами, если бы наслажденіе назвали горькимъ; когда же ты, по благодати Божіей, освободишься отъ недуга, тогда вѣрно узнаешь и злока-

чественность его. Посему, отложивъ рѣчи объ этомъ до другого времени, теперь скажемъ слѣдующее. Пусть наслажденіе будетъ наслажденіемъ, и удовольствіе—удовольствіемъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего непріятнаго и предосудительнаго: что мы скажемъ касательно уготованнаго наказанія? Что тогда сдѣлаемъ мы, наслаждавшіеся здѣшними благами какъ-бы въ тѣни и изображеніи, а тамъ на самомъ дѣлѣ подвергшіеся вѣчному мученію, и притомъ когда возможно было въ краткое время и избѣгнуть упомянутыхъ мученій, и получить уготованныя блага? Подлинно, и то дѣло человѣколюбія Божія, что подвиги наши простираются не на продолжительное время, но подвизавшись краткое и самое малое, подобное мгновенію ока, время (такова именно настоящая жизнь въ отношеніи къ будущей), будемъ увѣнчаны на безконечные вѣки. Немало и то будетъ печалить тогда души наказуемыхъ, когда они представятъ, что, между тѣмъ какъ въ эти краткіе дни можно было исправить все, они, по своей безпечности, предали себя на вѣчныя муки. Чтобы и намъ не потерпѣть этого, возстанемъ, доколѣ время благопріятно, доколѣ день спасенія, доколѣ ве- 291
лика сила покаянія. Ибо, если мы останемся въ безпечности, то насъ постигнутъ не только сказанныя бѣдствія, но и другія гораздо тягчайшія. Такія и даже горчайшія бѣдствія будутъ въ гееннѣ, а лишеніе благъ причинитъ такую печаль, такую скорбь и муку, что, если бы и никакое наказаніе не ожидало здѣшнихъ грѣшниковъ, оно само по себѣ хуже геенскихъ мукъ будетъ терзать и возмущать наши души.

11. Представь состояніе той жизни, насколько возможно представить его себѣ; ибо вполнѣ изобразить ее по достоинству не въ состояніи никакое слово; но изъ того, что мы слышимъ, какъ-бы изъ какихъ нибудь загадокъ, мы можемъ получить нѣкоторое неясное о ней представленіе. *Отбѣже*, говоритъ (Писаніе), *болѣзнь, и печаль, и воздыханіе* (Иса. XXXV, 10). Что же можетъ быть блаженнѣе такой жизни? Не нужно тамъ бояться ни бѣдности, ни болѣзни; не видно ни обижающаго, ни обижаемаго, ни раздражающаго, ни раздражаемаго, ни гнѣвающагося, ни завидующаго, ни распаляемаго непристойною похотію, ни заботящагося о пріобрѣтеніи необходимаго для жизни, ни мучимаго желаніемъ власти и господства: ибо вся буря нашихъ страстей, затихнувъ, прекратится, и все будетъ въ мирѣ, веселіи и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свѣтъ,—свѣтъ не этотъ нынѣшній, но другой, который настолько свѣтлѣе этого, насколько этотъ блистательнѣе свѣтильничнаго. Свѣтъ тамъ не помрачается ни ночью, ни отъ сгущенія облаковъ; не жжетъ и не палитъ тѣлъ, потому что нѣтъ тамъ ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемѣны временъ, но иное ка-

кое-то состояніе, которое познаютъ одни достойные; нѣтъ тамъ ни старости, ни бѣдствій старости, но все тлѣнное отброшено, такъ какъ повсюду господствуетъ слава нетлѣнная. А что всего важнѣе, это—непрерывное наслажденіе общеніемъ со Христомъ, вмѣстѣ съ ангелами, съ архангелами, съ горними силами. Посмотри теперь на небо, и перейди мыслію къ тому, что выше неба, представь преображеніе всей твари: она уже не останется такою, но будетъ гораздо прекраснѣе и свѣтлѣе, и насколько золото блестящѣе олова, настолько тогдашнее устройство будетъ лучше настоящаго, какъ и блаженный Павелъ говоритъ: *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія* (Рим. VIII, 21). Нынѣ она, какъ причастная тлѣнію, терпитъ многое, что свойственно терпѣть такимъ тѣламъ; но тогда, совлекшись всего этого, она представитъ намъ нетлѣнное благолѣпіе. Такъ какъ она должна принять нетлѣнныя тѣла, то и сама преобразится въ лучшее состояніе. Нигдѣ не будетъ тогда раздора и борьбы, потому что велико согласіе въ ликѣ святыхъ, при всегдашнемъ единомысліи всѣхъ другъ съ другомъ. Не нужно тамъ бояться ни діавола и демонскихъ козней, ни грозы геенской, ни смерти—ни этой нынѣшней, ни той, которая гораздо тяжелѣе этой; но всякій такой страхъ уничтоженъ. Подобно тому, какъ царскій сынъ, первоначально воспитываемый въ уничиженномъ видѣ, подъ страхомъ и угрозами, дабы отъ послабленія онъ не испортился и не сдѣлался недостойнымъ отцовскаго наслѣдія, по достиженіи цар-
292 скаго достоинства вдругъ перемѣняетъ все прежнее, и въ порфирѣ и діадимѣ, среди множества копьеносцевъ, предсѣдательствуетъ съ великимъ дерзновеніемъ, отринувъ отъ души всякое уничиженіе и смиреніе и вмѣсто того воспринявъ другое: такъ будетъ тогда и со всѣми святыми. А чтобы эти слова не показались простымъ краснорѣчіемъ, взойдемъ мыслію на гору, гдѣ преобразился Христосъ; взглянемъ на Него блистающаго, какъ Онъ возсіялъ, хотя и тогда Онъ показалъ намъ не все еще сіяніе будущаго вѣка; изъ самыхъ словъ евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхожденіемъ, а не точнымъ представленіемъ предмета. Ибо что говоритъ онъ? *Просвѣтися яко солнце* (Мат. XVII, 2). Слава нетлѣнныхъ тѣлъ являетъ не такой свѣтъ, какой это тлѣнное тѣло, и не такой, какой доступенъ и смертнымъ очамъ, но такой, для созерцанія котораго нужны нетлѣнныя и безсмертныя очи. А тогда на горѣ Онъ открылъ лишь столько, сколько возможно было видѣть безъ вреда очамъ видѣвшихъ; и при всемъ этомъ они не вынесли, но пали на лице свое. Скажи мнѣ, если бы кто, приведя тебя на какое-либо свѣтлое мѣсто, гдѣ всѣ сидѣли бы облеченные въ золотыя одежды, и посреди этого собранія показалъ бы еще одного человѣка, имѣющаго одежды и вѣнецъ на головѣ изъ однихъ драгоцѣнныхъ камней, потомъ

обѣщалъ бы и тебя ввести въ это общество, то не употреблялъ ли бы ты всѣхъ усилій, чтобы получить обѣщанное? Открой же теперь умственныя очи и посмотри на то зрѣлище, состоящее не изъ простыхъ мужей, но изъ тѣхъ, которые драгоцѣннѣе и золота, и драгоцѣнныхъ камней, и лучей солнечныхъ, и всякаго видимаго блеска, и не только изъ людей, но и изъ гораздо достойнѣйшихъ, нежели они,—изъ ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, господствъ, началъ, властей? А о Царѣ и сказать нельзя, каковъ Онъ: такъ не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, свѣтлость, слава, величіе, великолѣпіе. Такихъ ли благъ лишить намъ себя, скажи мнѣ, для избѣжанія маловременныхъ тягостей? Если бы надлежало каждый день претерпѣвать множество смертей, даже — самую геенну, для того, чтобы увидѣть Христа, грядущаго во славѣ своей, и быть причисленнымъ къ лику святыхъ, то не надлежало ли бы претерпѣть все это? Послушай, что говоритъ блаженный Петръ: *добро есть намъ здѣ быти* (Матѳ. XVII, 4). Если же онъ, увидѣвъ только неясный нѣкоторый образъ будущаго, тотчасъ излилъ все изъ души вслѣдствіе наслажденія, происшедшаго въ душѣ его отъ этого зрѣлища, то что сказать, когда явится самая истина вещей, когда отверзутся царскіе чертоги и можно будетъ созерцать самого Царя уже не въ гаданіи и не въ зерцалѣ, но лицемъ къ лицу, уже не вѣрою, но видѣніемъ?

12. Многіе безразсудные желали бы только избавиться отъ геенны, но я считаю гораздо тягчайшимъ геенны наказаніемъ — не быть въ той славѣ; и тому, кто лишился ея, думаю, должно скорбѣть не столько отъ геенскихъ мученій, сколько о лишеніи небесныхъ благъ: ибо это одно есть тягчайшее изъ всѣхъ наказаній. Нынѣ 293
мы часто, видя царя со множествомъ копьеносцевъ входящимъ въ царскіе чертоги, почитаемъ счастливыми приближенныхъ къ нему и участвующихъ съ нимъ въ разговорѣ, совѣтѣ и прочей чести; даже обладая множествомъ благъ, называемъ себя несчастными и нисколько не цѣнимъ этихъ благъ, взирая на славу окружающихъ царя, хотя и знаемъ, что этотъ блескъ обманчивъ и ненадеженъ по причинѣ войнъ, по причинѣ козней и по причинѣ зависти, и помимо всего этого самъ по себѣ не стоитъ никакого вниманія. А въ отношеніи къ Царю всего, который обладаетъ не частью земли, но всѣмъ кругомъ земли, или, лучше сказать, всю ее объемлетъ дланію и небеса измѣряетъ пядію, носитъ все глаголомъ силы Своей, предъ которымъ всѣ народы, какъ ничто и какъ плюновеніе (Иса. XL, 15),—въ отношеніи къ этому Царю ужели мы не почтемъ крайнимъ наказаніемъ не быть включенными въ тотъ ликъ, который около Него, и рады будемъ, если только избавимся отъ геенны? Что можетъ быть жалче такой

души? Этотъ Царь, не въ запряжкѣ бѣлыхъ муловъ, не на золотой колесницѣ, не въ порфирѣ и діадимѣ, — не такъ грядетъ судить землю, но какъ? Послушай пророковъ, взывающихъ и говорящихъ объ этомъ, какъ людямъ возможно сказать. Одинъ говоритъ: *Богъ явѣ пріидетъ, Богъ нашъ, и не премолчитъ: огнь предъ Нимъ возгорится, и окрестъ Его буря зѣльна: призоветъ небо свыше, и землю разсудити люди своя* (Пс. XLIX, 3. 4). А Исаія присовокупляетъ и самое наказаніе намъ въ слѣдующихъ словахъ: *се день Господень грядетъ неисцѣльный ярости и гнѣва, положити вселенную всю пусту, и грѣшники погубити отъ нея. Звѣзды бо небесныя, и оріонъ, и все украшеніе небесное, свѣта своего не дадятъ, и помрачится солнце возсіявающее, и луна не дастъ свѣта своего. И заповѣмъ всей вселеннѣй злая, и нечестивымъ грѣхи ихъ: и погублю укоризну беззаконныхъ, и укоризну гордыхъ смирю. И будутъ оставшіи честніи паче, нежели злато нежженное: и человѣкъ честенъ будетъ паче, нежели камень, иже отъ Суфира. Разъярится бо небо, и земля потрясется отъ основаній своихъ, за ярость гнѣва Господа Саваоѳа, въ день въ оньже пріидетъ ярость Его* (Иса. XIII, 9 — 13). И еще, *окна*, говоритъ, *съ небесе отверзутся, и потрясутся основанія земная. Мятежемъ возмятется земля, преклоняясь преклонится земля, скудостію оскудѣетъ, колебаніемъ поколеблется земля, аки піянъ и шуменъ: потрясется земля, аки овощное хранилище, падетъ, и не возможетъ востати, преодолѣ бо на ней беззаконіе. И наведетъ Господь на утварь небесную на высотѣ руку Свою въ день той, и на цари земныя. И соберутъ собраніе ея, и затворятъ въ тверди* (Иса. XXIV, 18 — 22). И Малахія согласно съ этимъ говоритъ: *се грядетъ Господь Вседержитель. И кто стерпитъ день пришествія Его? и кто постоитъ въ видѣніи Его? зане той входитъ, яко огнь горнила, и яко мыло перущихъ. И сядетъ разваряя и*
294 *очищая, яко сребро, и яко злато* (Мал. III, 2. 3). И еще, *се*, говоритъ, *день грядетъ Господень, горящь, яко пещь, и попалитъ я, и будутъ вси иноплеменницы, и вси творящіи беззаконная, яко стебліе: и возжжетъ я день грядый, глаголетъ Господь Вседержитель, и не останется отъ нихъ коренъ ниже вѣтвь* (гл. IV. ст. 1). А мужъ желаній говоритъ: *зряхъ, дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде, и одежда Его бѣла, аки снѣгъ, и власы главы Его, аки волна чиста, престолъ Его пламень огненный, колеса Его огнь палящъ. Рѣка огненная течаше исходящи предъ Нимъ: тысяща тысящъ служаху Ему, и тмы темъ предстояху Ему: судище сѣде и книги отверзошася* (Дан. VII, 9. 10). Потомъ немного ниже, *видѣхъ*, говоритъ, *во снѣ нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ, яко сынъ человѣчь идый бяше, и даже*

до Ветхаго денми дойде, и предъ Него приведеся: и тому дадеся власть, и честь, и царство, и вси людіе, племена, и языцы тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не прейдетъ, и царство Его не разсыплется. Вострепета духъ мой въ состояніи моемъ, азъ Даніилъ, и видѣнія главы моея смущаху мя (ст. 13. 15). Тогда разверзутся всѣ врата сводовъ небесныхъ, а лучше сказать, и самое небо истребится. *Ибо свіется*, говоритъ (пророкъ), *небо, аки свитокъ* (Иса. xxxiv, 4), свертываясь какъ-бы кожа и покровъ какой-либо палатки, чтобы измѣниться въ лучшее. Тогда все исполнится изумленія, ужаса и трепета; тогда и самихъ ангеловъ объиметъ великій страхъ, и не только ангеловъ, но и архангеловъ, и престолы, и господства, и начала, и власти: *ибо подвигнутся*, говоритъ (Господь), *Силы небесныя* (Матѳ. xxiv, 29), потому что отъ сослужителей ихъ потребуется отчетъ въ здѣшней жизни. Если тогда, когда одинъ какой городъ бываетъ судимъ земными правителями, трепещутъ всѣ, даже и находящіеся внѣ опасности: то, когда вся вселенная будетъ судима такимъ Судіею, который не нуждается ни въ свидѣтеляхъ, ни въ обличителяхъ, но и безъ нихъ всѣхъ обнаружитъ и дѣла, и слова, и мысли, и все какъ на картинѣ покажетъ и самимъ грѣшникамъ, и незнающимъ,—возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистинѣ, если бы и рѣка огненная не текла, и страшные ангелы не предстояли, а только бы изъ собранныхъ людей одни получали похвалу и прославленіе, а другіе были отгоняемы съ безчестіемъ, чтобы не зрѣть славы Божіей,—ибо *да возмется нечестивый*, говоритъ (пророкъ), *да не видитъ славы Господни* (Иса. xxvi, 10),—и это было бы единственнымъ наказаніемъ; то лишеніе такихъ благъ не мучительнѣе ли всякой геенны терзало бы души отверженныя? Какъ велико это бѣдствіе, нынѣ невозможно изобразить словомъ, а тогда мы ясно узнаемъ на дѣлѣ. Но присоедини теперь и то еще наказаніе,—какъ люди не только терзаются стыдомъ, безъ прикрытія и съ поникшимъ долу
лицомъ, но и влекутся по пути, ведущему въ огонь, какъ они 295
приближаются къ самымъ мѣстамъ мученій и предаются свирѣпымъ силамъ, и терпятъ это въ то время, когда всѣ, дѣлавшіе доброе и достойное вѣчной жизни, увѣнчиваются, прославляются и поставляются предъ престоломъ Царя.

13. Такъ будетъ въ тотъ день, а что послѣдуетъ затѣмъ, какое слово изобразитъ намъ это т. е. происходящую отъ общенія со Христомъ усладу, пользу и радость? Ибо душа, возвративъ себѣ собственное благородство и придя наконецъ въ состояніе возможности съ дерзновеніемъ созерцать своего Господа, нельзя и сказать, какое получаетъ наслажденіе, какую пользу въ томъ, что утѣшается не

только обладаемыми благами, но и увѣренностію, что эти блага никогда не окончатся. Всю эту радость невозможно ни словомъ изобразить, ни умомъ постигнуть. Впрочемъ, попытаюсь представить хотя не ясно и такъ, какъ показываютъ великое посредствомъ малаго. Посмотримъ на тѣхъ, которые въ настоящей жизни пользуются мірскими благами, то есть, богатствомъ, властію и славою,—какъ они, надмеваясь благосостояніемъ, думаютъ, что они уже не на землѣ, хотя пользуются такими благами, которыя и не признаются за блага и не остаются съ ними, но улетаютъ быстрѣе сновидѣнія; если же иногда и остаются на малое время, то приносятъ удовольствіе только въ настоящей жизни, а далѣе не могутъ имъ сопутствовать. Если же даже эти блага приводятъ владѣющихъ ими въ такую радость, то что, думаешь ты, будетъ съ душами, призванными къ безчисленнымъ небеснымъ благамъ, которыя непреходящи и всегда пребываютъ благонадежными? И не этимъ однимъ, но и количествомъ и качествомъ они настолько превосходнѣе настоящихъ благъ, что и на сердце человѣку никогда не всходило. Нынѣ живемъ мы въ этомъ мірѣ, какъ дитя въ утробѣ, терпя стѣсненіе и не будучи въ состояніи видѣть блескъ и свободу грядущаго вѣка; когда же наступитъ время рожденія, и настоящая жизнь всѣхъ воспринятыхъ ею людей изведетъ на день суда; тогда недоношенныя существа изъ мрака перейдутъ въ мракъ и изъ скорби въ тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившіе черты царскаго образа предстанутъ Царю и вступятъ въ то служеніе, которымъ служатъ Богу всѣхъ ангелы и архангелы. Не истреби же, другъ мой, до конца этихъ чертъ нашихъ, но поскорѣе возстановивъ ихъ, приведи въ лучшее состояніе. Тѣлесную красоту Богъ заключилъ въ предѣлахъ природы, но красота души, какъ несравненно лучшая тѣлеснаго благообразія, свободна отъ такой необходимости и подчиненности, и вполнѣ зависитъ отъ насъ и отъ воли Божіей. Человѣколюбивый Владыка нашъ и тѣмъ особенно почтилъ родъ нашъ, что менѣе важное и мало полезное для насъ, потеря чего безразлична, подчинилъ естественной необходимости, а распорядителями истинно добраго сдѣлалъ насъ самихъ. Если бы Онъ сдѣлалъ насъ властными и въ тѣлесной красотѣ, то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на безполезное, и весьма вознерадѣли бы о душѣ. Если и теперь, когда не дано намъ такой власти, мы дѣлаемъ все и употребляемъ
296 всѣ усилія къ тому, и, не имѣя силы на самомъ дѣлѣ, позволяемъ украшать себя цвѣтами, красками, складкою волосъ, убранствомъ одеждъ, расписываніемъ глазъ и множествомъ другихъ хитростей придумываемъ себѣ такую красоту: то стали ли бы мы прилагать какое нибудь попеченіе о душѣ и высокихъ предметахъ, когда бы

имѣли возможность придавать тѣлу дѣйствительно прекрасный видъ? Можетъ быть, если бы это было нашимъ дѣломъ, у насъ и не было бы никакого другого дѣла, но все время мы проводили бы въ томъ, чтобы рабу украшать безчисленными прикрасами, а госпожу ея, хуже всякаго невольника, оставлять въ безобразіи и пренебреженіи. Посему Богъ, освободивъ насъ отъ этой пагубной заботы, вложилъ въ насъ способность къ лучшему дѣлу, такъ что не имѣющій возможности сдѣлать тѣло изъ безобразнаго красивымъ можетъ душу свою, хотя бы она низошла до крайняго безобразія, возвести на самый верхъ красоты, и такимъ образомъ сдѣлать ее достолюбезною и привлекательною, вожделѣнною не только для добрыхъ людей, но и для самого Царя и Бога всѣхъ, какъ и псалмопѣвецъ, разсуждая объ этой красотѣ, сказалъ: *и возжелаетъ Царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 12). Не видишь ли, что и въ зазорныхъ домахъ къ женщинамъ безобразнымъ и безстыднымъ едва ли приблизятся даже единоборцы, бѣглые и борцы со звѣрями; если же какая женщина благообразная, благородная и стыдливая, по какому нибудь обстоятельству, впадетъ въ такую крайность, то иной и изъ весьма знатныхъ и важныхъ людей не постыдится вступить въ бракъ съ нею? Если же у людей бываетъ такая жалость и такое презрѣніе къ славѣ, что они часто и обезчещенныхъ подъ этою кровлею женщинъ избавляютъ отъ неволи и берутъ себѣ въ супруги, то не гораздо ли болѣе возможно это у Бога по отношенію къ душамъ, которыя по насилію діавола низпали изъ первобытнаго благородства въ блудилище настоящей жизни? Множество такихъ примѣровъ ты найдешь у пророковъ, когда они обращаютъ рѣчь къ Іерусалиму, который также впадалъ въ блудодѣяніе, и притомъ въ нѣкоторое новое блудодѣяніе, какъ говоритъ Іезекіиль: *всѣмъ блудницамъ дается наемъ, ты же дала еси наемъ, и бысть въ тебѣ сопротивно прочимъ* (Іез. XVI, 33. 34); и еще другой: *сидѣла еси, ожидая ихъ, аки врана особящаяся* (Іер. III, 2). И такой городъ, столь блудодѣйный, Богъ опять призываетъ къ себѣ. Самый плѣнъ (іудеевъ) былъ не столько для наказанія, сколько для обращенія и исправленія ихъ; потому что, если бы Богъ хотѣлъ рѣшительно наказать ихъ, то не возвратилъ бы въ отечество, не воздвигъ бы еще болѣе великаго и блистательнѣйшаго и города, и храма. *Зане будетъ*, говоритъ (пророкъ), *слава храма сего послѣдняя паче первыя* (Агг. II, 10). Если же Богъ не лишилъ покаянія города, многократно блудодѣйствовавшаго, то гораздо болѣе приметъ твою душу, подвергшуюся первому паденію. По истинѣ, никакой плотолюбецъ, хотя бы крайне распаленный, не пламенѣетъ такъ къ любимой имъ, какъ Богъ желаетъ спасенія нашихъ душъ. Въ этомъ можно убѣдиться какъ

изъ повседневныхъ событій, такъ и изъ божественныхъ Писаній.
297 Смотри у Іереміи въ самомъ началѣ, и во многихъ мѣстахъ у пророковъ, какъ Богъ бывалъ пренебрегаемъ и презираемъ, и какъ Онъ опять приближался и искалъ любви отвращавшихся отъ Него, — что и самъ Онъ въ Евангеліи выразилъ словами: *Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки, и каменіемъ побиваяй посланныя къ тебѣ, коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя подъ крилѣ своя, и не восхотѣсте* (Матѳ. XXIII, 37). И ап. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ сказалъ: *зане Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя себѣ, не вмѣняя имъ согрѣшеній ихъ, и положивъ въ насъ слово примиренія. По Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами: молимъ по Христѣ, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. V, 19. 20). Прими это теперь за сказанное и къ намъ. Ибо не только невѣріе, но и нечистая жизнь можетъ произвести эту прискорбную вражду. *Зане мудрованіе плотское*, говоритъ (Писаніе), *вражда на Бога* (Римл. VIII, 7). Разрушимъ же эту преграду, низпровергнемъ и умертвимъ, дабы достигнуть блаженнаго примиренія, дабы опять сдѣлаться вожделѣнными и любезными Богу.

14. Знаю, что ты теперь восхищаешься красотою Ерміоны и думаешь, что на землѣ нѣтъ ничего подобнаго ея благообразію; но если ты, другъ мой, захочешь, то будешь настолько благолѣпнѣе и прекраснѣе ея, насколько золотыя статуи лучше глиняныхъ. Если красота тѣлесная такъ поражаетъ и увлекаетъ души многихъ, то когда она заблистаетъ въ душѣ, что можетъ сравниться съ такою красотою и благообразіемъ? Тѣлесной красотѣ основаніемъ служитъ не что иное, какъ слизь, кровь, влага, желчь, и сокъ принятой пищи. Этимъ наполняются и глаза, и щеки, и все прочее; и если они не будутъ каждый день получать такого напоенія, истекающаго изъ чрева и печени, то вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ только кожа высохнетъ болѣе надлежащаго и глаза впадутъ, и вся красота лица тотчасъ пропадетъ;—такъ что, если ты представишь себѣ, что̀ именно скрывается внутри прекрасныхъ глазъ, что̀ внутри прямого носа, что̀ внутри устъ и щекъ, то благообразіе тѣла назовешь не инымъ чѣмъ, какъ гробомъ повапленнымъ: такой нечистоты полна внутренность! Далѣе, если ты увидишь тряпку, запачканную чѣмъ-либо изъ такихъ веществъ, напримѣръ слизью или слюною, то не захочешь и концами пальцевъ дотронуться до нея, даже не станешь и смотрѣть на нее; а вмѣстилищами и хранилищами ихъ восхищаешься? А твоя красота была не такова, но (настолько выше ея) насколько небо лучше земли, или, вѣрнѣе сказать, гораздо еще блистательнѣе и превосходнѣе. Конечно, никто никогда не видалъ души самой въ себѣ, безъ тѣла; но я попытаюсь представить тебѣ красоту ея иначе, по

сравненію съ высшими силами. Послушай, какъ ихъ красота поразила мужа желаній; намѣреваясь изобразить ихъ красоту и не могши найти такое тѣло, онъ прибѣгъ къ металлическимъ веществамъ, но не удовольствовавшись и ими одними, взялъ въ примѣръ еще блескъ молніи. Если же тѣ (силы), проявившія существо свое не во всей чистотѣ и обнаженности, но весьма неяснымъ и прикровеннымъ образомъ, были однако столь блистательны, то какими должны онѣ являться безъ всякаго покрова? Нѣчто подобное надлежитъ представлять и о красотѣ души: *будутъ*, говоритъ (Господь), *равни Ангеламъ* (Лук. хх, 36). Даже между тѣлами, тѣ, которыя легче и
тоньше и приближаются къ безтѣлеснымъ предметамъ, гораздо лучше 29
и превосходнѣе другихъ. Небо прекраснѣе земли, огонь—воды, звѣзды—камней; а радугою мы восхищаемся гораздо болѣе, нежели фіалками, розами и всѣми другими цвѣтами земными. Вообще, если бы возможно было увидѣть красоту души тѣлесными очами, ты посмѣялся бы надъ всѣми этими примѣрами тѣлъ,—такъ слабо они представляютъ намъ благолѣпіе души! Не будемъ же нерадѣть о такомъ стяжаніи и такомъ блаженствѣ, тѣмъ болѣе, что возвращеніе къ этой красотѣ для насъ удобно при надеждѣ на будущее. *Еже бо нынѣ*, говоритъ апостолъ, *легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ: несмотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна: невидимая же вѣчна* (2 Кор. IV, 17. 18). Если же скорби, которыя ты знаешь, блаженный Павелъ назвалъ нетяжкими и легкими, такъ какъ не смотрѣлъ на видимое, то тѣмъ легче тебѣ оставить нечистую похоть. Мы теперь зовемъ тебя не на тѣ опасности, не на ежедневныя смерти, непрестанные удары, бичеванія, узы, борьбу со вселенною, вражду отъ домашнихъ, безпрестанныя бдѣнія, продолжительныя путешествія, кораблекрушенія, нападенія разбойниковъ, козни отъ сродниковъ, скорби о друзьяхъ, голодъ, холодъ, наготу, зной, печаль о своихъ и не своихъ. Ничего такого мы не требуемъ теперь; объ одномъ .только просимъ,—освободиться отъ окаяннаго рабства и возвратиться къ прежней свободѣ, представивъ себѣ и наказаніе за похоть и почесть за прежнюю жизнь. Если невѣрующіе ученію о воскресеніи предаются безпечности и никогда не чувствуютъ этого страха, это нисколько неудивительно; а намъ, надѣющимся болѣе на будущія, нежели на здѣшнія блага, проводить столь жалкую и несчастную жизнь, ничего не ощущать при воспоминаніи о первыхъ, но ниспасть до крайней безчувственности,—это было бы весьма безразсудно. Когда мы — вѣрующіе будемъ поступать, какъ невѣрные, или еще станемъ вести себя хуже ихъ (и между ними есть просіявшіе житейскою добродѣтелію), какое наконецъ

будетъ намъ утѣшеніе, какое оправданіе? Изъ купцовъ многіе, потерпѣвъ кораблекрушеніе, не упали духомъ, но опять пошли тѣмъ же путемъ, хотя притомъ потерпѣли это несчастіе не отъ собственной безпечности, но отъ силы вѣтровъ; а мы, которые можемъ надѣяться на счастливый конецъ и вѣрно знаемъ, что безъ нашей воли не постигнетъ насъ ни кораблекрушеніе, ни малое какое-либо несчастіе, мы ли не примемся опять за тоже и не будемъ пріобрѣтать, по прежнему, но станемъ лежать безъ дѣла, сложивъ при себѣ руки? И о, если бы только при себѣ, а не противъ себя,— что означаетъ явное безуміе! Вѣдь если бы кто изъ борцовъ, оставивъ своего противника, обратилъ руки на свою голову и сталъ поражать собственное лице, скажи мнѣ, не причислили бы мы его
299 къ сумасшедшимъ? Діаволъ поборолъ насъ и повергъ; слѣдовательно надобно встать, а не влачиться далѣе и низвергать себя въ пропасть, не прибавлять къ его ударамъ еще своихъ собственныхъ. И блаженный Давидъ палъ такимъ же паденіемъ, какимъ и ты теперь; и не этимъ только, но потомъ и другимъ, то есть, убійствомъ. Что же, остался ли онъ лежащимъ? Напротивъ, не тотчасъ ли съ мужествомъ всталъ, и не ополчился ли на врага? И такъ доблестно поразилъ его, что и по смерти своей сдѣлался покровомъ для своихъ потомковъ. Ибо Соломону, который совершилъ великое беззаконіе и сдѣлался достойнымъ тысячи смертей, Богъ сказалъ, что ради Давида оставляется ему царство въ цѣлости, слѣдующими словами: *раздирая раздеру царство твое изъ руку твоею, и дамъ е рабу твоему. Обаче во дни твоя не сотворю сихъ.* Почему? *Давида ради, отца твоего: отъ руки же сына твоего отъиму е* (3 Цар. XI, 11. 12). И Езекіи, бывшему въ крайней опасности, хотя и праведному, Онъ обѣщалъ помощь ради того же блаженнаго: *защищу*, говоритъ, *градъ сей, еже спасти его Мене ради, и Давида ради, раба Моего* (4 Цар. XIX, 34). Такова сила покаянія! А если бы Давидъ сталъ разсуждать такъ же, какъ и ты теперь,—именно, что уже невозможно умилостивить Бога, и если бы сказалъ самъ въ себѣ: „Богъ почтилъ меня великою честію, причислилъ къ пророкамъ, и вручилъ начальство надъ единоплеменниками, и избавилъ отъ множества опасностей: какъ же я, послѣ столь многихъ благодѣяній, огорчивъ Его и дерзнувъ на крайнія беззаконія, могу опять умилостивить Его?“ Если бы онъ сталъ разсуждать такъ, то не только не сдѣлалъ бы того, что совершилъ впослѣдствіи, но уничтожилъ бы и прежнія свои дѣла.

15. Не только тѣлесныя, но и душевныя раны, будучи оставлены безъ вниманія, причиняютъ смерть. Между тѣмъ мы дошли до такого безумія, что о первыхъ очень заботимся, а этими пренебрегаемъ. И хотя многія тѣлесныя раны часто бываютъ неисцѣльны,

однако мы не отчаяваемся, и слыша часто отъ врачей, что такую-
то болѣзнь невозможно истребить лѣкарствами, мы настойчиво
просимъ придумать хотя малое какое-либо облегченіе; а о душахъ,
въ которыхъ нѣтъ никакой неисцѣльной болѣзни—такъ какъ онѣ
не подлежатъ естественной необходимости, — о нихъ такъ нера-
димъ и отчаяваемся, какъ будто болѣзни ихъ чужія для насъ. Гдѣ
самое свойство болѣзни должно бы повергать насъ въ безнадежность,
тамъ мы, какъ имѣющіе большія надежды, заботимся о здоровьѣ;
а гдѣ нѣтъ ничего, почему бы слѣдовало отчаяваться, тамъ, какъ
отчаявшіеся, отступаемъ и предаемся безпечности. Настолько-то
болѣе мы заботимся о тѣлѣ, нежели о душѣ! Поэтому и тѣла сохра-
нить не можемъ. Вѣдь кто нерадитъ о главномъ, а всю заботу обра-
щаетъ на низшее, тотъ разрушаетъ и губитъ то и другое; а кто
соблюдаетъ порядокъ, охраняя и сберегая главнѣйшее, тотъ, хотя
бы не заботился о второстепенномъ, спасаетъ и это чрезъ храненіе
перваго, что̀ и Христосъ объяснилъ намъ словами: *не убойтеся* 300
*отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити: убойтеся
же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Матѳ. х, 28).
Итакъ, убѣдили ли мы тебя, что никогда не должно отчаяваться
въ душевныхъ болѣзняхъ, какъ бы неисцѣльныхъ, или нужно пред-
ложить еще и другія доказательства? Если бы ты и тысячу разъ
отчаявался въ самомъ себѣ, мы не отчаемся въ тебѣ никогда, и
не допустимъ сами того, за что осуждаемъ другихъ, хотя не одно
и то же—отчаяваться кому-либо въ самомъ себѣ, или другому въ
немъ; потому что отчаявающійся въ другомъ можетъ скоро полу-
чить прощеніе, а отчаявающійся въ самомъ себѣ—никогда. Почему?
Потому, что тотъ не властенъ въ настроеніи и раскаяніи другого,
а этотъ одинъ властенъ надъ самимъ собою. И однако при всемъ
томъ мы не будемъ отчаяваться въ тебѣ, хотя бы ты самъ тысячу
разъ подвергся этому; потому что, можетъ быть, и произойдетъ воз-
вратъ къ добродѣтели и возобновленію прежней жизни. Выслушай же
и слѣдующее. Ниневитяне, услышавъ сильную и ясную угрозу про-
рока: *еще три дни и Ниневія превратится* (Іон. III, 4), и послѣ
этого не упали духомъ, и хотя не были увѣрены, что умолятъ
Бога, а скорѣе могли опасаться противнаго по поводу пророчества
(ибо оно произнесено было не съ какимъ нибудь ограниченіемъ, но
какъ прямое опредѣленіе), при всемъ этомъ оказали раскаяніе и го-
ворили: *кто вѣсть, аще раскается, и умоленъ будетъ Богъ, и обра-
тится отъ гнѣва ярости своея, и не погибнемъ? И видѣ Богъ
дѣла ихъ, яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ: и раскаяся
Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ, и не сотвори* (Іон. III, 9. 10).
Если же люди варварскіе и непросвѣщенные могли быть столь
благоразумными, то гораздо болѣе должно поступать такъ намъ,

которые научены божественнымъ догматамъ и видѣли великое множество такихъ примѣровъ и въ словахъ, и въ дѣлахъ. *Не суть бо совѣти Мои, якоже совѣти ваши, ниже якоже путіе ваши, путіе Мои, глаголетъ Господь. Но якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоятъ помышленія ваша отъ мысли Моея и совѣти Мои отъ совѣтовъ вашихъ* (Иса. LV, 8. 9). Если мы и часто провинившихся слугъ, когда они обѣщаютъ исправиться, принимаемъ и опять удостоиваемъ прежней чести, а нерѣдко оказываемъ имъ еще большее довѣріе, то гораздо болѣе Богъ. Вѣдь, если бы Онъ создалъ насъ для того, чтобы наказывать, то справедливо бы ты сомнѣвался и отчаявался въ своемъ спасеніи; но если Онъ сотворилъ насъ по единой только благости, для того, чтобы мы наслаждались вѣчными благами, и къ этому устрояетъ и направляетъ все отъ перваго дня до настоящаго времени; то что побуждаетъ насъ предаваться сомнѣнію? То ли, что мы сильно прогнѣвали Его, какъ никто другой изъ людей? Но потому-то особенно и должно отстать отъ настоящихъ дѣлъ и раскаяться въ прежнихъ, и показать большую перемѣну. Ибо не столько могутъ раздражать Его
301 содѣланные нами однажды грѣхи, сколько нежеланіе—перемѣниться
Грѣшить еще свойственно человѣку; но коснѣть во грѣхахъ—это уже не человѣческое, а вполнѣ сатанинское дѣло. Смотри, какъ и чрезъ пророка Богъ порицаетъ послѣднее больше перваго: *и рекохъ*, говоритъ, *повнегда прелюбодѣйствовати ему во всѣхъ сихъ: ко мнѣ обратися, и не обратися* (Іер. III, 7). И въ другомъ мѣстѣ, опять желая показать, сколь великое Онъ имѣетъ попеченіе о нашемъ спасеніи, лишь только услышалъ, что (израильтяне) послѣ многихъ беззаконій обѣщали идти правымъ путемъ, сказалъ: *кто дастъ, еже быти тако сердцу ихъ въ нихъ, яко боятися Мене, и хранити заповѣди моя во вся дни, да благо будетъ имъ и сыномъ ихъ во вѣки* (Втор. V, 29). И Моисей, обращаясь къ нимъ, сказалъ: *и нынѣ, Израилю, что проситъ Господь Богъ у тебе, точію еже боятися Господа Бога твоего, и ходити во всѣхъ путехъ Его, и любити Его* (Вор. X, 12)? Итакъ Тотъ, Кто ищетъ быть любимымъ нами и для этого дѣлаетъ все, Кто не пощадилъ даже Единороднаго для нашей любви, и почитаетъ вожделѣннымъ, чтобы мы когда бы то ни было примирились съ Нимъ, какъ не приметъ и не полюбитъ кающихся? Послушай, что говоритъ Онъ чрезъ пророка: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. XLIII, 26). Этого Онъ требуетъ отъ насъ для того, чтобы любовь наша къ Нему была сильною. Когда любящій, получивъ множество оскорбленій отъ любимыхъ, не погаситъ въ себѣ любви, тогда онъ, если и старается обнаружить эти оскорбленія, то не для чего иного, какъ для того, чтобы, показавъ всю силу своей любви,

склонить ихъ къ большей и сильнѣйшей любви. Если же исповѣданіе грѣховъ доставляетъ такое утѣшеніе, то гораздо болѣе очищеніе ихъ дѣлами. Если бы было не такъ, но однажды совратившимся съ прямого пути Богъ препятствовалъ бы возвратиться къ прежнему; то никто, можетъ быть, кромѣ немногихъ и весьма малочисленныхъ, не вошелъ бы въ царство небесное; а теперь встрѣтимъ особенно прославленныхъ и въ средѣ тѣхъ, которые подвергались этимъ паденіямъ. Ибо показавшіе большую силу во злѣ покажутъ такую же и въ добрѣ, сознавая, какими долгами они обременили себя, что̀ и Христосъ изъяснилъ, когда сказалъ Симону о женѣ: *видиши ли сію жену? внидохъ въ домъ твой, воды на нозѣ Мои не далъ еси: сія же слезами облія Ми нозѣ, и власы главы своея отре. Лобзанія Ми не далъ еси: сія же, отнелиже внидохъ, не преста облобызающи Ми нозѣ. Масломъ главы Моея не помазалъ еси: сія же мѵромъ помаза Ми нозѣ. Егоже ради, глаголю ти, отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много: а емуже мало оставляется, менше любитъ. Рече же ей: отпущаются тебѣ грѣси* (Лук. VII, 44—48).

16. Посему и діаволъ, зная, что сдѣлавшіе много зла, когда начнутъ каяться, дѣлаютъ это съ великою ревностію, какъ сознающіе свои согрѣшенія, опасается и боится, чтобы они не начали этого 302
дѣла, потому что, начавъ его, они бываютъ уже неудержимы, и воспламенившись покаяніемъ, какъ-бы огнемъ, содѣлываютъ свои души чище чистаго золота, увлекаемые совѣстію и воспоминаніемъ о прежнихъ грѣхахъ, какъ-бы сильнымъ вѣтромъ, въ пристань добродѣтели. И въ этомъ-то ихъ преимущество передъ тѣми, которые никогда не падали, т. е. они проявляютъ сильнѣйшую ревность, если только, какъ я сказалъ, положатъ начало. Правда, трудно и тяжело — сдѣлать усиліе, чтобы подойти ко входу и, достигнувъ преддверія покаянія, и оттолкнуть и низринуть врага, который тутъ сильно дышетъ и налегаетъ. А послѣ того и онъ будучи однажды побѣжденъ и павши тамъ, гдѣ былъ силенъ, не оказываетъ такого неистовства, и мы уже, имѣя больше ревности, весьма удобно совершимъ этотъ добрый подвигъ. Начнемъ же, наконецъ, возвращеніе, поспѣшимъ во градъ небесный, въ которомъ мы и вписаны, въ которомъ и обитать надлежитъ намъ. Отчаяніе гибельно не только потому, что затворяетъ намъ врата этого града и приводитъ къ великой безпечности и небреженію, но и потому, что ввергаетъ въ сатанинское безуміе; ибо и діаволъ сдѣлался такимъ не отъ чего-либо другого, какъ отъ того, что сперва отчаялся, а потомъ отъ отчаянія впалъ въ безуміе. Такъ и душа, однажды отчаявшись въ своемъ спасеніи, уже не чувствуетъ потомъ, какъ она стремится въ пропасть, рѣшаясь и говорить и дѣлать все противъ своего

спасенія. Какъ сумасшедшіе, разъ лишившись здраваго состоянія, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось имъ попасть въ огонь, или въ море, или въ пропасть; такъ и объятые безуміемъ отчаянія неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнетъ ихъ и не удержитъ отъ этого безумія и стремленія, причиняютъ себѣ множество бѣдъ. Посему умоляю, пока ты не слишкомъ погрузился въ это опьяненіе, отрезвись и пробудись,—отстань отъ сатанинскаго упоенія, если невозможно вдругъ, то постепенно и понемногу. Мнѣ кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись отъ всѣхъ задерживающихъ путъ, перейти въ училище покаянія. Если же это представляется тебѣ труднымъ,— то какъ хочешь, такъ и вступи на путь, ведущій къ лучшему, только вступи и получишь жизнь вѣчную. Такъ, прошу и умоляю во имя прежней доблести, прежней свободы, чтобы намъ опять увидѣть тебя на той же высотѣ и съ тою же бодростію. Пожалѣй о тѣхъ, которые соблазняются о твоей головѣ, падаютъ, дѣлаются безпечнѣе, отчаяваются въ пути добродѣтели. Теперь скорбью объятъ сонмъ братій, а веселіемъ и радостію—общества невѣрныхъ и безпечныхъ юношей. А когда ты возвратишься къ прежней строгой жизни, то
303 будетъ наоборотъ: нашъ стыдъ весь перейдетъ на нихъ, а мы будемъ чувствовать великую отраду, опять видя тебя увѣнчиваемымъ и прославляемымъ съ великимъ блескомъ. Такія побѣды доставляютъ больше чести и радости, потому что ты получишь награду не только за собственныя доблести, но и за утѣшеніе и ободреніе другихъ, представляя имъ собою,—если кто изъ нихъ впадетъ когда-либо въ такое же бѣдствіе,—величайшій примѣръ того, какъ опять возстать и исправиться. Не пренебрегай же такою пользою и не своди въ адъ съ печалію души наши, но дай намъ вздохнуть и разсѣять окружающее насъ облако печали о тебѣ. Мы теперь, оставивъ свои горести, оплакиваемъ твои несчастія; если же ты захочешь отрезвиться и открыть глаза, и присоединиться къ ангельскому воинству, то и отъ этой печали избавишь насъ, и изгладишь большую часть грѣховъ нашихъ. А что обратившимся чрезъ покаяніе можно просіять много и свѣтло, а часто даже и болѣе тѣхъ, которые не падали съ самаго начала, это мы показали и изъ божественныхъ Писаній. Такъ и мытари и блудницы наслѣдуютъ царство небесное; такъ многіе изъ послѣднихъ становятся впереди первыхъ.

17. Разскажу тебѣ о томъ, что случилось при насъ и чему самъ ты можешь быть свидѣтелемъ. Ты знаешь молодого сына Урбанова, Финикса, который остался сиротою въ юности и былъ владѣльцемъ множества денегъ, рабовъ и полей. Прежде всего оставивъ

занятія (науками) въ музеяхъ и сбросивъ съ себя свѣтлую одежду и всю
гордость житейскую, а затѣмъ тотчасъ надѣвъ худую одежду и уда-
лившись въ пустыню на горы, онъ обнаружилъ большое любомудріе,
не только по возрасту, но и въ сравненіи съ великими и дивными
мужами. Послѣ того, удостоившись священнаго участія въ таин-
ствахъ, онъ еще болѣе преуспѣвалъ въ добродѣтели. И всѣ радовались
и славили Бога, что человѣкъ, воспитанный въ богатствѣ, имѣв-
шій знаменитыхъ предковъ, и еще весьма молодой, вдругъ поправъ
всю пышность житейскую, достигъ истинной высоты. Когда онъ
былъ въ такомъ состояніи и возбуждалъ удивленіе, нѣкоторые раз-
вратители, по праву родства имѣвшіе надъ нимъ надзоръ, опять
увлекли его въ прежній круговоротъ. Бросивъ все, онъ скоро сойдя
съ горъ опять появился на торжищѣ, и возсѣдая на конѣ, съ мно-
жествомъ спутниковъ, ѣздилъ по всему городу, и уже не хотѣлъ
любомудрствовать. Пламенѣя великимъ сладострастіемъ, онъ по
необходимости предавался нечистой любви, и не было между близ-
кими къ нему никого, кто бы не отчаявался въ его спасеніи; его
окружала толпа льстецовъ, къ тому же присоединилось сиротство,
молодость и огромное богатство. Люди, склонные легкомысленно по-
рицать все, стали обвинять тѣхъ, которые сначала обратили его на
тотъ (духовный) путь, утверждая, что онъ и въ духовныхъ дѣлахъ
не удался, и къ своимъ дѣламъ будетъ негоденъ, такъ какъ прежде
времени оставивъ занятія науками, не могъ извлечь изъ нихъ ни-
какой пользы. Когда это говорилось и происходилъ великій позоръ,
нѣкоторые святые мужи, часто уловлявшіе такую добычу и по 304
опыту хорошо знавшіе, что вооруженнымъ надеждами на Бога не
слѣдуетъ отчаяваться въ такихъ дѣлахъ, постоянно слѣдили за нимъ
и, завидѣвъ его появлявшимся на торжищѣ, подходили къ нему и
привѣтствовали. Сперва онъ прямо съ лошади разговаривалъ съ
ними, при чемъ они слѣдовали за нимъ по бокамъ: такое без-
стыдство сначала было въ немъ! Но они, сердобольные и чадолю-
бивые, нисколько не стыдились этого, а смотрѣли только на то,
какъ бы отнять у волковъ овцу, чего и достигли терпѣніемъ. Ибо
впослѣдствіи онъ, какъ-бы отъ какого умоизступленія придя въ себя
и устыдившись великой заботливости ихъ, лишь только издали усма-
тривалъ, что они идутъ къ нему, тотчасъ соскакивалъ съ лошади, и
опустивъ взоръ, съ молчаніемъ выслушивалъ отъ нихъ все, и съ
теченіемъ времени все болѣе и болѣе сталъ оказывать имъ уваже-
ніе и почтеніе. Такимъ образомъ они, по милости Божіей, мало-по-
малу освободивъ его отъ всѣхъ этихъ сѣтей, возвратили прежней пу-
стынѣ и любомудрію. И теперь онъ настолько просіялъ, что преж-
няя жизнь его представляется ничѣмъ, по сравненію съ жизнію послѣ
паденія. Хорошо на опытѣ узнавъ искушеніе, онъ все богатство

роздалъ бѣднымъ, и освободившись отъ заботъ о немъ, отнялъ у желающихъ строить козни всякій къ тому предлогъ, и теперь, шествуя по пути къ небу, достигъ уже до вершины добродѣтели. Но этотъ еще въ юности и палъ и возсталъ; а нѣкто другой, послѣ многихъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ пустынножительствѣ, имѣя одного только сожителя, ведя ангельскую жизнь и достигнувъ уже старости, не знаю, какимъ образомъ, по какому-то сатанинскому ухищренію и небольшой безпечности своей, давъ лукавому доступъ къ себѣ, впалъ въ похоть общенія съ женщинами,—человѣкъ, никогда невидавшій женщины съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ монашескую жизнь! Сперва онъ попросилъ сожителя дать ему мяса и вина, и угрожалъ, если не получитъ этого, уйти на торжище. А говорилъ онъ это не столько потому, что хотѣлъ мяса, сколько для того, чтобы имѣть поводъ и предлогъ отправиться въ городъ. Тотъ, недоумѣвая и боясь, чтобы, отказавъ ему въ этомъ, не причинить ему большаго зла, удовлетворяетъ его желанію. Когда же онъ увидѣлъ, что хитрость его не удалась, то уже съ явнымъ безстыдствомъ сбросилъ притворство и сказалъ, что ему непремѣнно надобно сходить въ городъ. Тотъ, не будучи въ состояніи остановить его, наконецъ отпустилъ, и слѣдуя за нимъ издали, наблюдалъ, къ чему клонилось это его путешествіе. Когда же увидѣлъ, что онъ вошелъ въ непотребный домъ, и узналъ, что онъ сообщился съ блудницею, то подождавъ, пока онъ удовлетворилъ нечистую похоть свою и вышелъ оттуда, принялъ его съ распростертыми руками, обнялъ и горячо поцѣловалъ, и нисколько не упрекнувъ за сдѣланное имъ, просилъ только, чтобы онъ, такъ какъ удовлетворилъ уже свою похоть, опять возвратился къ пустынножительству. Этотъ, устыдившись великой кротости его, мгновенно былъ пораженъ въ душѣ, и почувствовавъ сокрушеніе о грѣхѣ, послѣдовалъ за нимъ на гору; и пришедши туда, попросилъ того мужа, чтобы онъ заклю-
305 чивъ его въ другой кельѣ и заперши двери ея, доставлялъ ему хлѣбъ и воду въ извѣстные дни, а спрашивающимъ объ немъ говорилъ, что онъ умеръ. Сказавъ это и убѣдивъ сожителя, онъ заключилъ себя и жилъ тамъ постоянно, постомъ, молитвами и слезами омывая душу отъ грѣховной нечистоты. Спустя немного времени, когда ближайшую страну постигла засуха и всѣ жители ея были въ печали, нѣкто получилъ во снѣ повелѣніе попросить того затворника помолиться о прекращеніи засухи. Взявъ съ собою друзей, онъ отправился туда; но тамъ сперва они нашли одного только сожителя затворника; когда же спросили о послѣднемъ, получили въ отвѣтъ, что онъ умеръ. Подумавъ, что они обмануты, они опять обратились къ молитвамъ, и опять чрезъ такое же видѣніе услышали тоже, что и прежде. Тогда обступивъ того, кто дѣйствительно притвор-

ствовалъ, просили показать имъ этого мужа, утверждая, что онъ не умеръ, но живъ. Тотъ, услышавъ это и видя, что состоявшееся между ними соглашеніе открыто, приводитъ ихъ къ этому святому; и они, разобравъ стѣну (потому что и входъ былъ заложенъ) и вошедши всѣ, поверглись къ ногамъ его, разсказали о случившемся и умоляли его избавить ихъ отъ голода. Сперва онъ отказывалъ имъ, утверждая, что онъ далекъ отъ такого дерзновенія, такъ какъ непрестанно имѣлъ предъ глазами свой грѣхъ, какъ бы сейчасъ только совершенный. Когда же они разсказали ему обо всемъ случившемся, то убѣдили его помолиться, и помолившись, онъ прекратилъ засуху. А о томъ юношѣ, который былъ сперва ученикомъ Іоанна Зеведеева, потомъ долгое время—начальникомъ разбойниковъ, и опять уловленъ святыми руками блаженнаго, и изъ убѣжищъ и пещеръ разбойничьихъ возвратился къ прежней добродѣтели, тебѣ самому не безъизвѣстно и ты точно знаешь все не хуже нашего, потому что я часто слышалъ, какъ ты удивлялся великому снисхожденію (Іоанна), который сначала поцѣловалъ окровавленную правую руку юноши, обнялъ его, и такимъ способомъ привелъ его въ прежнее состояніе.

18. Такъ же (поступилъ) блаж. Павелъ въ отношеніи Онисима, этого негодяя, бѣглеца и вора,—такого-то человѣка онъ не только самъ принимаетъ въ объятія, когда тотъ перемѣнился, но и господина его проситъ оказать покаявшемуся одинаковую съ учителемъ честь, такъ говоря: *молю тя о моемъ чадѣ, егоже родихъ во узахъ моихъ, Онисима: иногда тебѣ непотребнаго, нынѣ же тебѣ и мнѣ благопотребна, егоже возпослахъ тебѣ: ты же его, сирѣчь мою утробу, пріими. Егоже азъ хотѣхъ у себе держати, да вмѣсто тебе послужитъ ми во узахъ благовѣствованія: безъ твоея же воли ничтоже восхотѣхъ сотворити, да не аки по нужди благое твое будетъ, но по воли. Негли бо ради сего разлучися на часъ, да вѣчна того пріимеши: не ктому аки раба, но выше раба, брата возлюбленна, паче же мнѣ, кольми же паче тебѣ и по плоти, и о Господѣ? Аще убо имаши мене общника, пріими сего якоже мене* (Филим. ст. 10—17). И въ посланіи къ Коринѳянамъ, онъ же говоритъ: *да не пришедъ, восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ, и непокаявшихся* (2 Кор. XII, 21); и еще: *прежде рѣхъ* 306
и паки предглаголю, яко аще пріиду паки, не пощажду (гл. XIII, ст. 2). Видишь ли, кого онъ оплакиваетъ, и кого не щадитъ? Не тѣхъ, которые согрѣшили, но—которые не покаялись, и не просто не покаялись, но послѣ одного и двухъ увѣщаній къ раскаянію, не захотѣли послушаться. Выраженія: *прежде рѣхъ и предглаголю, яко быхъ у васъ, второе и отсутствуя пишу*, означаютъ не что иное, какъ это, чего должно опасаться, чтобы и съ нами не слу-

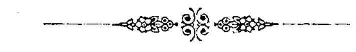
чилось теперь. Ибо хотя нѣтъ при насъ Павла, который угрожалъ коринѳянамъ, но предстоитъ Христосъ, который чрезъ него говорилъ тогда, и если мы не перестанемъ упорствовать, Онъ не пощадитъ насъ, но сильнымъ ударомъ поразитъ и здѣсь и тамъ. *Посему предваримъ лице Его во исповѣданіи, изліемъ предъ Нимъ сердца наши* (Псал. xciv, 2). *Согрѣшилъ ли еси*, говоритъ (Писаніе), *не приложи ктому и о прежнихъ твоихъ помолися* (Сир. xxi, 1). И еще: *праведный себе самаго оглаголникъ въ первословіи* (Притч. xviii, 17). Не будемъ же ждать обличителя, но ранѣе займемъ его мѣсто, и такимъ образомъ, своею откровенностію сдѣлаемъ Судію болѣе милостивымъ. Я хорошо знаю, что ты исповѣдуешь свои грѣхи и чрезмѣрно сокрушаешься; но я хочу не этого только, а желаю убѣдиться, можешь ли ты оправдать себя и дѣломъ. Пока это исповѣданіе ты не сдѣлаешь плодотворнымъ, до тѣхъ поръ, хотя и будешь осуждать себя, не можешь отстать отъ послѣдующихъ грѣховъ. Никто ничего не можетъ дѣлать съ усердіемъ и надлежащимъ образомъ, если напередъ не будетъ убѣжденъ, что это дѣло принесетъ пользу. Такъ сѣятель послѣ посѣва сѣмянъ, если не будетъ ожидать жатвы, никогда не будетъ и жать. Развѣ кто сталъ бы трудиться напрасно, не надѣясь получить ничего добраго отъ своего труда? Такъ и сѣющій слова, слезы и исповѣданіе, если дѣлаетъ это безъ доброй надежды, не можетъ отстать отъ грѣховъ, какъ одержимый еще порокомъ отчаянія; но какъ земледѣлецъ, отчаявшійся въ произрастеніи плодовъ, не станетъ отвращать того, что наноситъ вредъ сѣменамъ: такъ и сѣющій слезное исповѣданіе, но неожидающій отъ него никакой пользы, не будетъ въ состояніи отклонять того, что вредитъ покаянію. А вредитъ покаянію коснѣніе въ однихъ и тѣхъ же грѣхахъ. *Единъ*, говоритъ (Писаніе), *созидаяй, а другій раззоряяй, что успѣетъ болѣе, токмо трудъ? Омываяйся отъ мертвеца, и паки прикасаяйся ему, кая польза ему отъ бани? Тако человѣкъ постяйся о грѣсѣхъ своихъ, и паки ходяй и таяжде творяй, мольбу его кто услышитъ* (Сир. xxxiv, 23. 25. 26)? И еще: *возвращаяся отъ правды на грѣхъ, Господь уготовитъ его на мечъ* (Сир. xxvi, 26). И *якоже песъ, егда возвратится на своя блевотины, и мерзокъ бываетъ, тако безумный своею злобою возвращся на свой грѣхъ* (Притч. xxvi, 11).

19. Итакъ, объявляй грѣхъ свой не только какъ осуждающій самого себя, но и какъ долженствующій оправдаться посредствомъ покаянія: тогда ты и будешь въ состояніи побудить исповѣдую-
307 щуюся душу не впадать болѣе въ тѣ же грѣхи. Ибо сильно осуждать себя и называть грѣшниками есть дѣло общее, такъ сказать, и невѣрнымъ. Многіе и изъ дѣйствующихъ на сценѣ, какъ муж-

чины, такъ и женщины, наиболѣе отличающіеся безстыдствомъ, называютъ себя окаянными, хотя не съ надлежащею цѣлію. Посему я и не назову это исповѣданіемъ, потому что они объявляютъ грѣхи свои не съ душевнымъ сокрушеніемъ, не съ горькимъ плачемъ и не съ перемѣною жизни; но одни изъ нихъ дѣлаютъ это съ тѣмъ, чтобы откровенностію своихъ словъ получить славу у слушающихъ, такъ какъ грѣхи неодинаково кажутся тяжкими, когда другой кто открываетъ ихъ, и когда — самъ согрѣшившій. Иные, вслѣдствіе сильнаго отчаянія впадши въ ожесточеніе и презирая славу человѣческую, съ крайнимъ безстыдствомъ объявляютъ всѣмъ собственные пороки, какъ бы чужіе. Но я желаю, чтобы ты не принадлежалъ къ числу ихъ, чтобы приступалъ къ исповѣданію не съ отчаянія, но съ благою надеждою, и, съ корнемъ вырвавъ отчаяніе, оказалъ противоположную ему ревность. Что же служитъ корнемъ и матерью отчаянія? Безпечность; вѣрнѣе можно назвать ее не только корнемъ, но и питательницею и матерью. Ибо, какъ въ шерсти порча раждаетъ червей, и обратно сама умножается отъ нихъ, такъ и здѣсь, безпечность раждаетъ отчаяніе, и сама обратно питается отчаяніемъ, и такимъ образомъ, оказывая другъ другу это проклятое содѣйствіе, они немало возрастаютъ въ силѣ. Посему, кто истребитъ и искоренитъ одно изъ этихъ золъ, тотъ будетъ въ состояніи побѣдить легко и остальное; кто не предается безпечности, тотъ не впадетъ и въ отчаяніе; кто питается благими надеждами и не отчаявается въ себѣ, тотъ не можетъ впасть и въ безпечность. Расторгни же эту чету и сокруши ярмо, то есть, различные и тяжкіе помыслы; ибо соединяютъ ихъ не одинаковые (помыслы), но разные и всякаго вида. Какіе же? Случается, что иной, покаявшись, совершитъ многія и великія добрыя дѣла, и между тѣмъ опять впадетъ въ грѣхъ, равносильный этимъ добрымъ дѣламъ; и этого бываетъ вполнѣ достаточно, чтобы ввергнуть его въ отчаяніе, какъ будто созданное разрушено и всѣ тѣ труды его были напрасны. Но надобно вникнуть въ это и отогнать тотъ помыслъ, будто, если мы не успѣемъ напередъ запасти добрыхъ дѣлъ въ мѣрѣ, равной совершеннымъ послѣ нихъ грѣхамъ, то ничто не удержитъ насъ отъ сильнаго и полнаго паденія. Напротивъ добрыя дѣла суть какъ-бы крѣпкія латы, которыя не попускаютъ острой и губительной стрѣлѣ сдѣлать свое дѣло, но, бывъ сами разсѣчены ею, защищаютъ тѣло отъ великой опасности. Посему отходящій туда со множествомъ и добрыхъ и злыхъ дѣлъ получитъ нѣкоторое облегченіе и въ наказаніи и тамошнихъ мукахъ; а кто, не имѣя добрыхъ дѣлъ, принесетъ только злыя, тотъ, и сказать нельзя, сколько пострадаетъ, подвергшись вѣчному наказанію. Тамъ будутъ сопоставлены злыя дѣла съ добрыми, и если по-

слѣднія перетянутъ на вѣсахъ, то совершившему ихъ немало послужатъ ко спасенію, и вредъ отъ совершенія злыхъ дѣлъ не будетъ имѣть такой силы, чтобы сдвинуть его съ прежняго мѣста: но если первыя перевѣсятъ, то увлекутъ его въ геенскій огонь; потому что добрыя дѣла не такъ многочисленны, чтобы могли
308 устоять противъ сильнаго перевѣса злыхъ. И это внушаетъ намъ не только наше разсужденіе, но и слово Божіе. Ибо самъ (Господь) говоритъ: *воздастъ комуждо по дѣяніемъ его* (Матѳ. XVI, 27). И не только въ гееннѣ, но и въ самомъ царствѣ находится множество различій: *въ дому Отца Моего*, говоритъ, *обители многи суть* (Іоан. XIV, 2); и: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ* (1 Кор. XV, 41). И удивительно ли, что (апостолъ) сдѣлалъ различіе между этими (свѣтилами), когда онъ говоритъ, что тамъ будетъ и такое различіе, какъ между одною звѣздою и другою? Зная все это, не перестанемъ совершать добрыя дѣла, не откажемся отъ трудовъ, и если не будемъ въ состояніи стать на ряду съ солнцемъ или луною, то не будемъ пренебрегать мѣстомъ со звѣздами. Если мы по крайней мѣрѣ такую покажемъ добродѣтель, то и тогда можемъ быть на небѣ. Если не будемъ ни золотомъ, ни драгоцѣннымъ камнемъ, то, по крайней мѣрѣ, удержимъ качество серебра, и останемся на своемъ основаніи; только бы намъ опять не дойти до качества того вещества, которое легко сожигаетъ огонь, и чтобы, не будучи въ состояніи совершить великихъ дѣлъ, намъ не оказаться и безъ малыхъ: это—крайнее безуміе, чего да не будетъ съ нами. Какъ вещественное богатство умножается тѣмъ, что любители его не пренебрегаютъ и малѣйшими прибылями, такъ тоже и съ духовнымъ. Нелѣпо было бы въ виду того, что Судія не оставляетъ безъ награды и чаши холодной воды, намъ потому только, что не имѣемъ весьма великихъ дѣлъ, не заботиться и о совершеніи малыхъ. Напротивъ кто не пренебрегаетъ меньшими дѣлами, тотъ покажетъ великую ревность и о величайшихъ, а кто пренебрегаетъ первыми, тотъ оставитъ и послѣднія; дабы не было этого, Христосъ и за первыя назначилъ великія награды. Что можетъ быть легче, какъ посѣщать болящихъ? Однако и за это Онъ воздастъ великую награду. Итакъ стремись къ вѣчной жизни, радуйся о Господѣ и молись Ему; возьми опять благое иго, подклонись подъ легкое бремя, приложи къ началу достойный его конецъ; не попусти погибнуть такому богатству. Если ты станешь и впредь раздражать Бога своими дѣлами, то погубишь себя; но если прежде, нежели совершится эта большая потеря и все поле будетъ покрыто водою, ты заградишь каналы нечестія, то будешь въ состояніи и опять пріобрѣсти потерянное и прибавить къ тому другое немалое приращеніе. Обо всемъ этомъ размысливъ, стряхни съ себя

пыль, встань съ земли, и ты будешь страшенъ противнику. Онъ повергъ тебя, думая, что ты уже не встанешь; а когда увидитъ тебя съ поднятыми на него руками, то, пораженный неожиданностію, потеряетъ охоту опять бороться съ тобою, а ты самъ будешь впредь безопаснѣе отъ полученія подобной раны. Поистинѣ, если чужія несчастія способны вразумлять насъ, то гораздо болѣе тѣ, которыя мы потерпѣли сами. Это я надѣюсь скоро увидѣть и на твоей главѣ,—надѣюсь, что ты, при помощи Божіей, будешь и еще свѣтлѣе, и такую покажешь добродѣтель, что станешь тамъ впереди другихъ. Только не отчаявайся, не падай духомъ: это я не перестану повторять тебѣ при всякой бесѣдѣ, гдѣ бы тебя ни увидѣлъ, и чрезъ другихъ; и если ты послушаешься этого, то не будешь нуждаться въ другихъ врачеваніяхъ.



КЪ ТОМУ ЖЕ ѲЕОДОРУ
УВѢЩАНІЕ 2-е.

Если бы можно было изложить письменно слезы и стенанія, 309
то я наполнилъ бы ими письмо и послалъ бы къ тебѣ. Плачу я не о томъ, что ты заботишься объ отцовскихъ дѣлахъ, но о томъ, что ты изгладилъ себя изъ списка братій, что попралъ завѣтъ со Христомъ. Отъ этого я содрогаюсь, объ этомъ сокрушаюсь, этого боюсь и трепещу, зная, что нарушеніе завѣта навлекаетъ великое осужденіе на записавшихся въ доброе воинство и по собственной безпечности оставившихъ строй. Отсюда очевидно, что такимъ угрожаетъ тяжкое наказаніе. Простолюдина никто никогда не станетъ обвинять за непринадлежность къ войску, а кто разъ сталъ воиномъ, тотъ, если уличенъ будетъ въ бѣгствѣ изъ строя, подвергается крайней опасности. Зло не въ томъ, любезный Ѳеодоръ, чтобы сражаясь пасть, а въ томъ, чтобы упавши, такъ и оставаться; не то бѣдственно, чтобы воюя быть раненнымъ, но то, чтобы послѣ пораженія отчаяваться и не заботиться о ранѣ. Никакой купецъ, подвергшись однажды кораблекрушенію и потерявъ грузъ, не оставляетъ мореплаванія, но опять переплываетъ море, и волны, и обширныя бездны, и вновь пріобрѣтаетъ прежнее богатство. И борцовъ мы видимъ увѣнчиваемыми послѣ многократныхъ паденій; также и воинъ, много разъ обращавшійся въ бѣгство, наконецъ является героемъ и побѣждаетъ враговъ. Даже многіе изъ отрекшихся отъ Христа по причинѣ жестокости мученій опять вступали въ борьбу и отходили украшенными вѣнцомъ мученичества. Но если бы каждый изъ нихъ послѣ перваго удара предался отчаянію, то не получилъ бы послѣдующихъ благъ. Такъ теперь и ты, любезный Ѳеодоръ, потому, что врагъ немного

поколебалъ тебя въ твоемъ положеніи, не толкай самъ себя въ
пропасть, но стой бодро и поспѣши возвратиться туда, откуда
отошелъ, и не считай позоромъ этого кратковременнаго пораженія.
Ты не сталъ бы порицать воина, увидѣвъ его съ раною возвра-
щающимся съ войны; ибо позорно бросать оружіе и уклоняться
отъ непріятелей; но доколѣ кто остается въ сраженіи, то, хотя бы
онъ былъ поражаемъ и нѣсколько отступалъ, никто не будетъ
столь неблагоразуменъ и неопытенъ въ воинскомъ дѣлѣ, чтобы
обвинять его за это. Не быть раненными свойственно несражаю-
310 щимся; но тѣмъ, которые съ сильнымъ ревеніемъ устремляются на
враговъ, свойственно быть иногда поражаемыми и падать, какъ это
случилось теперь и съ тобою; ты, устремившись умертвить змія,
тотчасъ былъ самъ уязвленъ имъ. Но ободрись; небольшая нужна тебѣ
бдительность,—и не останется слѣда этой раны; даже, по благо-
дати Божіей, ты сокрушишь голову и самаго лукаваго; пусть не
смущаетъ тебя и то, что ты преткнулся такъ скоро и въ самомъ
началѣ. Увидѣлъ, скоро увидѣлъ лукавый доблесть души твоей, и
изъ многаго догадался, что выростетъ изъ тебя мужественный про-
тивникъ ему: обнаружившій въ самомъ началѣ столь великую и
сильную ревность противъ него, такой человѣкъ, если устоитъ, то
легко,—полагалъ онъ—одержитъ надъ нимъ побѣду. Поэтому онъ
поспѣшилъ, пробудился, возсталъ съ силою на тебя, или лучше,
на свою голову, если ты захочешь стоять мужественно. Ибо кто
не удивлялся твоей быстрой, искренней и пылкой къ добру пе-
ремѣнѣ? Роскошныя яства были презрѣны, драгоцѣнныя одежды
отринуты, всякая пышность попрана, вся ревность о внѣшней муд-
рости быстро обращена на слово Божіе; цѣлые дни проводимы
были въ чтеніи, цѣлыя ночи въ молитвахъ; не воспоминалось
отцовское достоинство, не приходило на умъ богатство; но касаться
колѣнъ и припадать къ ногамъ братій—это ты считалъ выше вся-
каго благородства. Вотъ что опечалило лукаваго, вотъ что возбу-
дило его къ сильной борьбѣ; впрочемъ онъ нанесъ не смертель-
ную рану. Если бы онъ низвергъ тебя послѣ долговременныхъ не-
прерывныхъ постовъ, земныхъ поклоновъ и другихъ подвиговъ, то и
тогда не надлежало бы отчаяваться, хотя иной и назвалъ бы ве-
ликимъ бѣдствіемъ пораженіе, совершившееся послѣ многихъ уси-
лій и трудовъ и побѣдъ; но такъ какъ онъ поборолъ тебя, когда
ты только лишь приготовился къ борьбѣ съ нимъ, то и успѣлъ
въ томъ только, что сдѣлалъ тебя болѣе ревностнымъ къ борьбѣ
съ нимъ. На тебя лишь только начавшаго плаваніе, а не возвра-
щавшагося съ торговли и везшаго полный грузъ, напалъ свирѣ-
пый пиратъ. И подобно тому, какъ устремившійся убить благо-
роднаго льва, только оцарапавъ ему кожу, нисколько не вредитъ

ему, а болѣе раздражаетъ его противъ себя, и дѣлаетъ впредь болѣе осторожнымъ и трудно уловимымъ, такъ и общій всѣхъ врагъ, устремившись нанести глубокую рану, не достигъ этого, а сдѣлалъ (тебя) впредь болѣе бдительнымъ и осторожнымъ.

2. Природа человѣка перемѣнчива: легко обольщается, легко и освобождается отъ обольщенія, скоро падаетъ, и еще скорѣе воз- 311
стаетъ. Такъ и тотъ блаженный мужъ,—разумѣю Давида, избраннаго царя и пророка, — уже сдѣлавъ много добраго, не укрылъ того, что онъ человѣкъ, но воспылалъ нѣкогда похотію къ чужой женѣ, и на этомъ не остановился, но отъ похоти совершилъ прелюбодѣяніе, а отъ прелюбодѣянія совершилъ убійство; однако и получивъ двѣ такія раны, онъ не причинилъ себѣ еще и третью, но тотчасъ притекъ ко Врачу, и употребилъ врачевства — постъ, слезы, плачъ, непрестанныя молитвы, многократное исповѣданіе грѣха; и чрезъ это такъ умилостивилъ Бога, что возвратилъ себѣ прежнее достоинство, такъ что послѣ прелюбодѣянія и убійства память отца могла прикрывать идолопоклонство сына. Ибо его сынъ, — Соломонъ имя ему, — былъ уловленъ тою же сѣтью, какъ и отецъ, и угождая женамъ отступилъ отъ Бога отцевъ. Видишь, какое зло—не воздерживаться отъ сладострастія, но извращать естественное преимущество и, будучи мужемъ, дѣлаться рабомъ женщинъ. Этому самому Соломону, прежде праведному и мудрому, когда онъ былъ въ опасности потерять за грѣхъ все царство, Богъ, за добродѣтели отца, оставилъ во владѣніе шестую часть государства. Такъ, если бы ты усердно занимался внѣшнимъ краснорѣчіемъ и потомъ сталъ нерадѣть о немъ, то я убѣдилъ бы тебя возвратиться къ этимъ занятіямъ, напомнивъ тебѣ о судилищахъ и ораторскомъ сѣдалищѣ, о раздаваемыхъ тамъ вѣнцахъ и свободѣ рѣчи; но такъ какъ мы стремимся къ небесному, а о земномъ у насъ и рѣчи нѣтъ, то я напомню тебѣ о другомъ судилищѣ и сѣдалищѣ страшномъ и ужасномъ. *Всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. v, 10). Судіею же сядетъ тогда Тотъ, Кто теперь пренебрегается тобою. Что же скажемъ мы тогда, скажи мнѣ? Чѣмъ будемъ оправдываться, если станемъ продолжать пренебрегать имъ? Что же мы скажемъ? Укажемъ ли на заботы о дѣлахъ? Но Онъ напередъ сказалъ: *кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Матѳ. xvi, 26)? На то ли, что мы обольщены другими? Но и Адаму не послужило въ оправданіе то, что онъ сослался на жену и сказалъ: *жена, юже далъ еси со мною, та* меня обольстила (Быт. ш, 12); равно какъ и женѣ—змій. Страшно, любезный Ѳеодоръ, это судилище, не нуждающееся въ обличителяхъ, не ожидающее свидѣтелей; ибо *вся нага и объявлена* предъ этимъ

Судіею (Евр. IV. 13); и придется дать отчетъ не только въ дѣлахъ, но и въ помышленіяхъ: ибо этотъ Судія *судителенъ есть помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. IV, 12). Но, можетъ быть, ты укажешь на немощь природы и невозможность понести иго. Но что это за оправданіе—не имѣть силы взять на себя иго благое, не быть въ состояніи понести бремя легкое? Развѣ тяжкое и трудное дѣло отдыхать отъ трудовъ? А къ этому всему и призываетъ насъ Господь, когда говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труж-*
312 *дающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго мое на себе, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Иго бо мое благо и бремя мое легко есть* (Матѳ. XI, 28—30). Что легче, скажи мнѣ, какъ быть свободнымъ отъ ежедневныхъ заботъ и дѣлъ, и страховъ и трудовъ, какъ стоять вдали отъ волнъ житейскихъ и пребывать въ тихой пристани?

3. Что въ мірѣ представляется тебѣ всего блаженнѣе и вожделѣннѣе? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жалче этого, если сравнить съ свободою христіанъ? Властитель находится въ зависимости отъ ярости народной и безсмысленныхъ прихотей толпы, также страха со стороны сильнѣйшихъ властителей, и заботъ о подчиненныхъ. Притомъ, вчера онъ властитель, а сегодня простолюдинъ, такъ какъ настоящая жизнь нисколько не отличается отъ сцены. Какъ здѣсь одинъ исполняетъ роль царя, другой—полководца, иной—воина, а по наступленіи вечера, и царь не царь, и властитель не властитель, и полководецъ не полководецъ, такъ и въ тотъ день, не по лицу, а по дѣламъ каждый получитъ достойное воздаяніе. Но развѣ драгоцѣнна слава, которая пропадаетъ, какъ цвѣтъ травный? Также и богатство, котораго владѣльцы называются жалкими? Ибо *горе*, говоритъ (Господь), *богатымъ* (Лук. VI, 24); и еще: *горе, надѣющіися на силу свою, и о множествѣ богатства своего хвалящіися* (Псал. XLVIII, 7). Христіанинъ никогда не дѣлается—ни изъ начальника простолюдиномъ, ни изъ богатаго бѣднымъ, ни изъ славнаго безславнымъ: напротивъ онъ богатъ, когда бѣденъ, и высокъ, когда старается быть смиреннымъ; и власти, которую имѣетъ онъ—не надъ людьми, но надъ князьями подвластными *міродержителю тмы* (Ефес. VI, 12), никто отнять у него не можетъ. Законное дѣло—бракъ, согласенъ на это и я; ибо сказано: *честна женитва, и ложе не скверно; блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. XIII, 4). Но тебѣ уже невозможно соблюсти законность брака: потому что кто, сочетавшись съ небеснымъ Женихомъ, оставляетъ Его и сочетавается съ женою, тотъ совершаетъ прелюбодѣяніе, хотя бы тысячу разъ ты называлъ это бракомъ; а вѣрнѣе сказать, это хуже и прелюбодѣянія настолько, насколько Богъ превосходнѣе

людей. Никто пусть не обольщаетъ тебя словами: жениться не запретилъ Богъ. Знаю это и я: жениться не запретилъ, но запретилъ прелюбодѣйствовать, что̀ намѣревался ты сдѣлать, чего да не будетъ, чтобы т. е. ты вступилъ когда-нибудь въ бракъ. Что ты удивляешься, если бракъ осуждается, какъ прелюбодѣяніе, когда чрезъ него отвергается Богъ? Убійство бывало оправдываемо, и человѣколюбіе осуждаемо хуже убійства, когда первое совершалось по волѣ Божіей, а второе вопреки ея. Именно, Финеесу вмѣнилось въ правду то, что онъ пронзилъ жену блудницу вмѣстѣ съ блудникомъ; а Саула святый Божій Самуилъ, несмотря на то, что цѣлыя ночи плакалъ, сѣтовалъ и молился, не могъ избавить отъ осужденія, которое Богъ произнесъ на него за то, что онъ противъ воли Божіей пощадилъ иноплеменнаго царя, котораго надлежало умертвить. Если же человѣколюбіе осуждено болѣе убійства за преслушаніе Бога, то что удивительнаго, если бракъ осуждается болѣе прелюбодѣянія за отверженіе Христа? Посему, какъ я сказалъ выше, если бы ты былъ простолюдиномъ, никто не обвинялъ бы тебя за непринадлежность къ войску, а теперь ты уже не господинъ самъ себѣ, сдѣлавшись воиномъ такого Царя. Если жена невластна въ своемъ тѣлѣ, но—мужъ, тѣмъ болѣе живущіе во 313
Христѣ не могутъ быть властны въ тѣлѣ своемъ. Тотъ, Кто пренебреженъ нынѣ, Самъ будетъ и судить тогда; о Немъ помышляй постоянно, равно и о рѣкѣ огненной. *Рѣка огненная*, говоритъ (пророкъ), *течаше предъ Нимъ* (Дан. VII, 10); а кто Имъ преданъ огню, тому не дождаться конца казни. Непристойныя удовольствія этой жизни нисколько не отличаются отъ тѣней и сновидѣній; ибо прежде, чѣмъ окончится грѣховное дѣло, удовольствіе исчезаетъ, а наказанія за него не имѣютъ конца. Сладость кратковременна, а горесть вѣчна. Что, скажи мнѣ, постоянно въ здѣшнемъ мірѣ? Богатство ли, которое часто не остается и до вечера? Слава ли? Но послушай, что говоритъ одинъ праведникъ: *житіе мое есть легчае скоротечца* (Іов. IX, 25). Какъ скороходы не успѣютъ стать, какъ уже уходятъ далѣе, такъ и слава не успѣетъ прійти, какъ уже улетаетъ. Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе души: это небезъизвѣстно и тѣмъ, которые дошли до крайняго безумія. „Душѣ ничто не равноцѣнно“, сказалъ поэтически нѣкто изъ внѣшнихъ. Знаю, что ты сталъ гораздо слабѣе для борьбы съ лукавымъ; знаю, что ты стоишь среди пламени удовольствій; но если скажешь врагу: удовольствіямъ твоимъ не служимъ и корню всѣхъ золъ твоихъ не кланяемся, если возведешь очи горѣ, то Спаситель и нынѣ поборетъ пламень и ввергнувшихъ тебя въ огонь сожжетъ, а тебѣ среди пещи пошлетъ облако и росу и *духъ шумящъ* (Дан. III, 50), такъ что огонь не коснется ни по-

мысловъ твоихъ, ни совѣсти; только ты самъ не сожигай себя. Такъ, часто случалось, что укрѣпленныхъ городовъ не могли разрушить оружія и машины внѣшнихъ непріятелей, а измѣна одного или двоихъ изъ живущихъ въ нихъ гражданъ безъ труда предавала ихъ врагамъ. И теперь, если никакой изъ внутреннихъ помысловъ не предастъ тебя, то хотя бы лукавый придвинулъ извнѣ тысячу машинъ, придвинетъ напрасно.

4. У тебя, по благодати Божіей, имѣется много великихъ мужей, которые соболѣзнуютъ тебѣ, возбуждаютъ тебя, трепещутъ за твою душу: это—святой Божій Валерій, по всему братъ его Флорентій, мудрый Христовою мудростію Порфирій и многіе другіе. Они ежедневно сѣтуютъ и непрестанно молятся; и давно получили бы то, о чемъ молятся, если бы ты захотѣлъ хотя не много освободиться изъ рукъ врага. Какъ же не странно, что другіе доселѣ не отчаялись въ твоемъ спасеніи, но непрестанно молятся о возвращеніи своего члена; а ты, однажды упавъ, не хочешь встать, но лежишь, только что не взывая ко врагу: рази, бей, не щади? *Еда падаяй не востаетъ?* говоритъ пророчество Божіе (Іер. VIII, 4). А ты противишься этому и прекословишь; ибо падшему отчаяться значитъ не иное что говорить, какъ „падаяй не востаетъ.“ Нѣтъ, прошу тебя, не дѣлай себѣ столько зла, не повергай насъ въ такую скорбь. Не говорю о твоемъ настоящемъ, когда тебѣ нѣтъ еще и двадцати лѣтъ; но если бы ты много сдѣлалъ, даже всю жизнь прожилъ во Христѣ и въ крайней старости потерпѣлъ такое несчастіе, то и тогда было бы не хорошо отчаяваться, но надлежало бы имѣть въ умѣ разбойника, оправданнаго на крестѣ, а также начавшихъ трудиться въ одиннадцатомъ часу и получившихъ плату за цѣлый день. Но какъ не хорошо падшимъ въ концѣ жизни
314 отчаяваться, если они будутъ благоразумны, такъ не безопасно и питать себя надеждою и говорить: „теперь пока буду наслаждаться удовольствіями жизни, а послѣ, потрудившись недолго, получу награду за все время“. Я помню, что ты самъ, когда многіе совѣтовали тебѣ ходить въ музеи, часто говаривалъ: „а что, если я въ скоромъ времени худо окончу жизнь?—какъ приду къ Сказавшему: *не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне* (Сир. v, 8)?“ Вспомни эту мысль, и побойся вора: такъ Христосъ называетъ нашъ исходъ отсюда, потому что онъ постигаетъ насъ безъ нашего вѣдома. Представь себѣ житейскія заботы частныя и общественныя, страхи предъ начальниками, зависть гражданъ, многократно угрожающую крайнюю опасность, труды, бѣдствія, раболѣпныя ласкательства, неприличныя даже невольникамъ честнымъ, плодъ трудовъ погибающій еще здѣсь,—что можетъ быть бѣдственнѣе этого? А многимъ не удалось и вкусить плода трудовъ

своихъ; но, проведши первый возрастъ въ трудахъ и опасностяхъ, они въ то время, когда уже надѣялись получить награды, отошли, ничего не имѣя при себѣ. Если даже и на земного царя едва ли кто, и по перенесеніи многихъ опасностей и по окончаніи многихъ войнъ, будетъ взирать съ дерзновеніемъ, то какъ можетъ небеснаго Царя увидѣть тотъ, кто все время жилъ и воинствовалъ для другого?

5. Хочешь ли я изображу и домашнія заботы: о женѣ, о дѣтяхъ, о слугахъ? Худо взять бѣдную жену, худо и богатую: первое вредитъ имуществу, а послѣднее—власти и свободѣ мужа. Прискорбно имѣть дѣтей, а еще прискорбнѣе — не имѣть: если послѣднее, то напрасно было жениться; а если первое, то подвергнешься горькой неволѣ. Заболѣло дитя—страхъ немалый; умерло преждевременно—плачъ неутѣшный; и во всякомъ возрастѣ о нихъ различныя заботы и страхи и многіе труды. Нужно ли говорить о неисправности слугъ? Что же это за жизнь, Ѳеодоръ, настолько дѣлиться одной душѣ, столь многимъ служить, для столь многихъ жить, а для себя никогда? У насъ же нѣтъ ничего такого, любезный, и въ этомъ призываю въ свидѣтели тебя самого. Уже въ то краткое время, въ которое ты захотѣлъ выплыть изъ волнъ (житейскаго моря), знаешь, какою ты наслаждался радостію и веселіемъ. Никто не свободенъ, кромѣ того, кто живетъ для Христа: онъ стоитъ выше всѣхъ бѣдствій, и если онъ самъ не захочетъ сдѣлать себѣ зла, то другой никогда не будетъ въ состояніи сдѣлать ему это. Онъ неприступенъ, не терзается отъ потери имѣнія; потому что знаетъ, что *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, ниже изнести что можемъ* (1 Тим. vi, 7); не уловляется честолюбіемъ или славолюбіемъ, такъ какъ знаетъ, что *наше житіе на небесѣхъ* (Филип. iii, 20); порицающій его не причиняетъ ему скорби, и біющій не приводитъ въ раздраженіе. Одно у христіанина несчастіе—оскорбить Бога, а прочее, какъ-то: потерю имущества, лишеніе отечества, самую крайнюю опасность, онъ и не считаетъ за бѣдствіе; даже то самое, чего всѣ страшатся,—переходъ отсюда туда,—для него пріятнѣе жизни. Какъ если бы 315
кто, взойдя на высокую скалу, смотрѣлъ на море и на плывущихъ по нему, изъ которыхъ одни обливаются волнами, другіе ударяются о подводные камни, иные, стремясь въ одну сторону, напоромъ вѣтра, какъ узники, увлекаются въ другую, многіе уже погрузились въ воду и, вмѣсто корабля и руля, владѣютъ только своими руками, многіе несутся на одной доскѣ или на какомъ-нибудь обломкѣ корабля, а иные плывутъ уже мертвые, представляя многовидное и многоразличное бѣдствіе; такъ и воинствующій для Христа, удалившись отъ бури и волнъ житейскихъ, возсѣдаетъ на безопасномъ и высокомъ мѣстѣ. Что можетъ быть безопаснѣе и выше, какъ имѣть одну лишь заботу—о томъ, *како угождати Богови*

(1 Сол. IV, 1)? Видишь ли, Θеодоръ, кораблекрушенія плавающихъ по этому морю? Посему, умоляю, убѣгай отъ бездны, убѣгай отъ волнъ, и займи высокое мѣсто, откуда невозможно быть увлечену; будетъ воскресеніе, будетъ судъ, страшное судилище ожидаетъ насъ по отшествіи отсюда: *всѣмъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ* (2 Кор. V, 10). Не напрасно угрожаютъ геенною, не тщетно уготовано столько благъ. Тѣнь и даже ничтожнѣе тѣни—житейскія дѣла, сопряженныя со многими страхами, со многими опасностями, съ крайнимъ рабствомъ. Не губи же и того и этого вѣка, когда возможно, если захочешь, съ пользою проводить тотъ и другой. А что живущіе во Христѣ получаютъ пользу и отъ этого вѣка, это утверждаетъ Павелъ, когда говоритъ: *азъ же вы щажду*, и еще: *сіе же на пользу вамъ самѣмъ глаголю* (1 Кор. VII, 28. 35). Видишь ли, что *пекущійся о Господнихъ* и здѣсь выше женившагося? Для отшедшаго туда невозможно покаяться; никакой ратоборецъ по выходѣ изъ ристалища и по закрытіи зрѣлища не можетъ продолжать
316 борьбу. Объ этомъ непрестанно помышляй, и сокруши острый мечъ лукаваго, которымъ онъ умерщвляетъ многихъ. А этотъ мечъ есть отчаяніе, которое у пораженныхъ отсѣкаетъ надежду. Крѣпко это оружіе врага, и плѣненныхъ онъ удерживаетъ не иначе, какъ связавъ этими узами, которыя мы, если захочемъ, скоро можемъ разорвать благодатію Божіею. Знаю, что я преступилъ мѣру письма, но прости; я сдѣлалъ это не произвольно, а вынужденный любовію и скорбію, по которой я и принудилъ себя написать это письмо, тогда какъ многіе удерживали. „Перестань трудиться напрасно и сѣять на камнѣ", говорили мнѣ многіе. Но я никого не послушалъ: есть надежда, говорилъ я самъ себѣ, что письмо, если Богу угодно, произведетъ какое-либо дѣйствіе; если же случится противное нашему желанію, мы по крайней мѣрѣ получимъ себѣ ту пользу, что нельзя будетъ винить насъ въ молчаніи, и что мы не будемъ хуже мореплавателей, которые, когда увидятъ, что люди одного съ ними занятія, по разбитіи корабля вѣтрами и волнами, несутся на доскѣ, опустивъ паруса, бросивъ якори и войдя въ малую ладью, стараются спасти людей имъ незнакомыхъ и только по этому несчастію дѣлающихся знакомыми. Но если бы эти послѣдніе не захотѣли (спастись), то никто не сталъ бы винить въ ихъ погибели тѣхъ, которые старались спасти ихъ. Это съ нашей стороны; но мы вѣруемъ, что и должное отъ тебя послѣдуетъ по благодати Божіей, и мы опять увидимъ тебя доблестнымъ въ паствѣ Христовой. О, если бы намъ, молитвами святыхъ, скорѣе принять тебя, любезная глава, здравствующимъ истиннымъ здравіемъ! Если у тебя есть какое нибудь вниманіе къ намъ и если ты не совсѣмъ изгналъ насъ изъ своей памяти, удостой отписать къ намъ; этимъ ты весьма обрадуешь насъ.

КЪ ВРАЖДУЮЩИМЪ ПРОТИВЪ ТѢХЪ,

которые привлекаютъ къ монашеской жизни.

Три слова подъ этимъ общимъ заглавіемъ, изъ которыхъ второе имѣетъ еще надпись: къ *невѣрующему отцу*, т. е. языческому, а третіе: къ *вѣрующему отцу*, т. е. христіанскому, написаны св. Іоанномъ Златоустымъ въ 375 или 376 году, когда онъ самъ жилъ между отшельниками и когда монашествующіе подвергались жестокому преслѣдованію, а доброжелатели ихъ—разнымъ укоризнамъ, при аріанствующемъ императорѣ Валентѣ.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

КОГДА потомки евреевъ, возвратившись изъ долговременнаго 319
плѣна, хотѣли возстановить іерусалимскій храмъ, многіе годы лежавшій въ развалинахъ (2 Ездр. IV), тогда нѣкоторые грубые и жестокіе люди, не убоявшись и Бога, которому тѣ возстановляли храмъ, не тронувшись и бѣдствіемъ этихъ людей, отъ котораго они недавно и съ трудомъ избавились, не устрашившись и опредѣленнаго отъ Бога наказанія рѣшающимся на такія дѣла, сперва сами старались препятствовать имъ строить храмъ; но такъ какъ ничего не достигли, то, пославъ къ царю своему письмо, въ которомъ городъ тотъ (Іерусалимъ) называли мятежнымъ, заводящимъ новшества и браннолюбивымъ, просили себѣ позволенія остановить постройку. Получивъ отъ него это позволеніе, и напавъ на іудеевъ съ многочисленною конницею, они прервали на время дѣло, весьма гордились этою побѣдою, о которой надлежало плакать, и думали, что злой умыселъ удался имъ (1 Ездр. IV). Но это было только предвѣстіе и начало тѣхъ бѣдствій, которыя имѣли тотчасъ же постигнуть ихъ самихъ: потому что самое дѣло преуспѣвало и получило блистательный конецъ, а они, и чрезъ нихъ всѣ, узнали, что, какъ тогда Митридатъ, такъ и всякій другой, кто бы ни рѣшился вести борьбу противъ людей, предпринимающихъ доброе дѣло, борется не противъ людей, но, прежде нихъ, противъ самого Бога, ими чтимаго. А ведущему борьбу противъ Бога ни-

когда невозможно кончить добромъ: въ началѣ онъ, можетъ быть, и не потерпитъ за свою дерзость никакого зла, если только не потерпитъ, потому что Богъ зоветъ его къ покаянію и даетъ ему придти въ себя какъ бы изъ нѣкоего опьянѣнія; но, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ безуміи и самъ нисколько не воспользуется такимъ снисхожденіемъ, то, по крайней мѣрѣ, другимъ доставитъ величайшую пользу, вразумляя ихъ постигшимъ его наказаніемъ никогда не вступать въ борьбу съ Богомъ, такъ какъ невозможно избѣжать Его неодолимой руки. Такъ и этихъ людей тотчасъ постигли такія бѣдствія, которыя великостію горя затьмили всѣ другія бѣдствія; потому что послѣ безчисленныхъ убійствъ и
320 избіеній, совершенныхъ надъ ними руками іудеевъ, которымъ они тогда препятствовали (строить храмъ), отъ крови убитыхъ земля промокла на значительную глубину и большая грязь образовалась отъ этой крови; а изъ конскихъ и человѣческихъ тѣлъ, перемѣшавшихся вмѣстѣ, и изъ ихъ соприкасающихся ранъ родилось такое множество червей, что и земля закрыта была множествомъ труповъ, и самые опять трупы—множествомъ червей. Увидѣвъ это поле, всякій сказалъ бы, что внизу не трупы лежатъ, но течетъ много источниковъ, со многихъ сторонъ приносящихъ этого рода животныхъ: такъ отъ этой гнили сильнѣе всякаго наводненія разливался потокъ червей! И это продолжалось не десять и не двадцать дней, но много времени. Таковы здѣшнія бѣдствія; а тѣ, которыя постигнутъ ихъ тамъ, еще много тяжелѣе этихъ. Тогда вновь ожившія тѣла ихъ будутъ терпѣть невыразимыя муки и страданія, не тысячу и не десять тысячъ лѣтъ, даже и не вдвое и не втрое противъ этого, но въ безконечные вѣки. О тѣхъ и другихъ (наказаніяхъ) знаетъ блаженный Исаія, знаетъ и созерцатель дивныхъ видѣній Іезекіиль, которые, раздѣливъ между собою, описали наказанія такихъ людей,—одинъ здѣшнія, а другой тамошнія.

2. Объ этомъ вспомнилъ я теперь не безъ причины, а потому, что нѣкто, пришедши къ намъ, сообщилъ вѣсть горькую и тягостную и даже весьма оскорбительную для Бога. Есть (сказалъ онъ) и теперь люди, осмѣливающіеся дѣлать то же, что и тѣ варвары, или даже еще болѣе беззаконное; потому что изгоняютъ отвсюду притекающихъ къ нашему любомудрію и съ великими угрозами запрещаютъ и говорить что-либо о немъ и учить ему кого бы ни было изъ людей. Услышавъ это, я тотчасъ вскрикнулъ, и многократно спрашивалъ разсказывавшаго, не въ шутку ли онъ говоритъ это. А онъ сказалъ: нѣтъ, я никогда не сталъ бы такъ шутить; не только не сказалъ бы и не выдумалъ этого, а напротивъ, много бы далъ и часто молилъ бы, чтобы мнѣ даже не слышать объ этомъ дѣлѣ и теперь, когда оно совершилось. Тогда,

еще горше заплакавъ, я сказалъ: точно, это дѣло настолько нечестивѣе дерзостей Митридата и всѣхъ тѣхъ (иноплеменниковъ), насколько этотъ храмъ (духовный) много досточтимѣе и святѣе того (іерусалимскаго). Но кто, скажи мнѣ, и откуда тѣ, которые отважились на такое дѣло? Для чего, по какой причинѣ и съ какою 321
цѣлію они бросаютъ камни вверхъ, мечутъ стрѣлы на небо, и ведутъ войну съ Богомъ міра? Самей и Фараѳеи, ассирійскіе князья, и всѣ прочіе (1 Ездры IV, 9) были варвары, какъ это можно видѣть и изъ самыхъ именъ ихъ; по образу жизни далеки были отъ іудеевъ и не хотѣли видѣть сопредѣльные имъ народы усиливающимися, полагая, что могущество этихъ (народовъ) затьмитъ наконецъ ихъ собственную силу. А эти изъ-за чего отважились на такое дѣло? Свобода ли ихъ стѣсняется? Безопасность ли ихъ нарушается? Содѣйствуетъ ли имъ кто изъ властителей? Тѣмъ соизволяли въ ихъ предпріятіи персидскіе цари: но наши (цари), я увѣренъ, желаютъ и требуютъ противнаго тому. Поэтому я и весьма изумляюсь, что при благочестивыхъ царяхъ, среди городовъ, какъ ты говоришь, отваживаются на такое дѣло. А что, сказалъ онъ, если ты узнаешь бóльшую еще странность, что дѣлающіе это представляются благочестивыми и называютъ себя христіанами, а многіе изъ нихъ уже и въ числѣ посвященныхъ (въ таинства)? Даже кто-то изъ нихъ, по сильному внушенію діавола, осмѣлился нечистымъ языкомъ своимъ сказать, что онъ готовъ отступить и отъ вѣры и приносить жертву демонамъ, потому что душитъ его (негодованіе) при видѣ того, что люди свободные, благородные и могущіе жить въ удовольствіяхъ, привлекаются къ такой суровой жизни. Услышавъ это, я былъ еще сильнѣе пораженъ, и, соображая, сколько зла произойдетъ отсюда, оплакивалъ всю вселенную и взывалъ къ Богу: „*возьми отъ мене душу мою и отъ нуждъ моихъ изведи мя* (3 Цар. XIX, 4; Пс. XXIV, 17); освободи отъ этой привременной жизни и пересели въ ту страну, гдѣ ничего такого и другой не скажетъ мнѣ, и я не услышу. Знаю, что, по отшествіи отсюда, объиметъ меня кромѣшная тьма, гдѣ сильный плачъ и скрежетъ зубовъ: но мнѣ пріятнѣе слушать скрежетъ зубовъ, чѣмъ произносящихъ такія рѣчи“. Увидѣвъ, что я такъ сильно печалюсь, онъ сказалъ: „теперь не время этому; этими слезами ты никогда не сможешь обратить погибшихъ и погибающихъ; и зло, думаю, не остановится; а надобно позаботиться о томъ, какъ бы намъ погасить этотъ костеръ и остановить заразу; это вотъ наша обязанность; и если ты хочешь послушаться меня, то, прекративъ плачъ, составь увѣщательное слово къ этимъ недужнымъ и безпокойнымъ, во спасеніе какъ имъ, такъ и всѣмъ вообще людямъ; а

я, взявъ эту книжку, положу ее, вмѣсто всякаго лѣкарства, въ руки больныхъ: такъ какъ между этими больными есть много друзей моихъ, то они позволятъ мнѣ придти къ нимъ и разъ, и два, и многократно, и, я увѣренъ, скоро освободятся отъ заразы."—„Ты, сказалъ я, мѣрою своей любви измѣряешь и нашу силу; но у меня нѣтъ силы слова, если же и кажется, что есть, то употребить ее на такой предметъ я стыжусь не кого-либо другого, но всѣхъ
322 язычниковъ, какъ настоящихъ, такъ и послѣдующихъ. Ихъ всегда я осуждалъ сколько за ученіе, столько же и за безпечную жизнь; а теперь вынуждаюсь ознакомить съ нашими пороками. Если нѣкоторые изъ нихъ узнаютъ, что среди христіанъ есть люди, столь враждебные добродѣтели и любомудрію, что не только сами уклоняются отъ такихъ подвиговъ, но не выносятъ и рѣчей въ защиту ихъ, даже и на этомъ не останавливаются въ своемъ безуміи, но, если и другой кто станетъ совѣтовать и говорить объ этомъ, то и его отвсюду изгоняютъ; если услышатъ это (язычники), то боюсь, что они признаютъ насъ не людьми, но звѣрями и чудовищами человѣкообразными и какими-то демонами, губителями и врагами всей природы; и такое сужденіе произнесутъ не только о виновныхъ, но и обо всемъ нашемъ народѣ". На это онъ, разсмѣявшись, сказалъ: „ты шутишь, говоря такъ; а я скажу тебѣ еще прямѣе, если ты боишься, чтобы изъ твоихъ словъ не узнали того, что всѣ давно знаютъ изъ дѣлъ; теперь, какъ будто бы злой какой духъ вселился въ души всѣхъ, только и рѣчей у всѣхъ на языкѣ, что объ этомъ: войдешь ли на площадь, или въ лечебницы, или въ какую бы то ни было часть города, гдѣ обыкновенно собираются люди, ничего не хотящіе дѣлать,—вездѣ увидишь, какой смѣхъ всѣ поднимаютъ; а предметомъ этого смѣха и забавы служатъ разсказы о томъ, что сдѣлано со святыми мужами. Какъ иные воины, побывавъ во многихъ сраженіяхъ и одержавъ побѣды, весело разсказываютъ о своихъ подвигахъ: такъ и эти люди хвастаютъ своими буйствами. Ты услышишь, какъ одинъ говоритъ: „я первый наложилъ руки на такого-то монаха, и нанесъ ему удары"; другой: „я самъ прежде другихъ отыскалъ его келью"; „а я, говоритъ иной, сильнѣе другихъ раздражилъ противъ него судью"; иной хвастаетъ темницею и ужасами темницы, и тѣмъ, что онъ влачилъ тѣхъ святыхъ по площади; иной другимъ чѣмъ-либо. Потомъ всѣ начинаютъ смѣяться надъ этимъ. И это (дѣлается) въ собраніяхъ христіанъ, а язычники смѣются и надъ ними, и надъ тѣми, надъ кѣмъ они издѣваются;—надъ первыми за ихъ дѣла, а надъ послѣдними за ихъ страданія; и вездѣ какая-то междоусобная война, а вѣрнѣе—нѣчто гораздо худшее этой войны. Ведшіе такую войну, когда послѣ вспомнятъ о ней, то проклинаютъ вся-

чески зачинщиковъ ея, и все, что случилось на ней, приписываютъ злому демону, и тѣ изъ нихъ, которые больше другихъ сдѣлали на той войнѣ, больше другихъ и стыдятся; напротивъ, эти люди еще хвалятся своими буйствами. И не только потому эта война нечестивѣе той (междоусобной), что ведется противъ святыхъ и ни въ чемъ невиновныхъ людей, но и потому, что (ведется) противъ такихъ людей, которые даже не умѣютъ никому дѣлать зла, а готовы только терпѣть".

3. „Остановись, сказалъ я, остановись; довольно для насъ и этихъ разсказовъ, чтобы мнѣ не совсѣмъ лишиться дыханія; дай мнѣ уйти хотя съ небольшою силою. Приказаніе твое непремѣнно будетъ исполнено; только не прибавляй намъ никакого другого разсказа, но уйди и молись, чтобы разсѣялось облако моего
унынія и получилъ я отъ Бога, противъ котораго ведется эта 323
война, нѣкоторую помощь къ уврачеванію возстающихъ на Него; а Онъ, конечно, подастъ, какъ человѣколюбивый и не хотящій *смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему*" (Iезек. XXXIII, 11. XVIII, 32). Такимъ образомъ отославъ его, я приступилъ къ этому слову. Конечно, если бы зло состояло только въ томъ, что святые Божіи и дивные мужи бываютъ схватываемы и терзаемы, влекомы на судилища и подвергаемы побоямъ и другимъ страданіямъ, о которыхъ я сейчасъ разсказалъ, а на главу виновниковъ такого буйства не обращалось никакого вреда: то я не только не сталъ бы скорбѣть о случившемся, но еще весьма много и съ удовольствіемъ посмѣялся бы этому. Такъ малыя дѣти, когда безвредно бьютъ матерей, возбуждаютъ большой смѣхъ въ тѣхъ, кого они бьютъ, и чѣмъ съ бо́льшею раздражительностію дѣлаютъ это, тѣмъ болѣе доставляютъ матерямъ удовольствія, такъ что онѣ заливаются и надрываются отъ смѣха; когда же дитя, дѣлая это часто и порывисто, поранитъ себя или булавкою воткнутою въ матерней одеждѣ около пояса, или иголкою на груди матери, задѣвшею за руку дитяти: тогда уже мать, переставъ смѣяться, предается скорби больше самого пораненнаго и то лѣчитъ рану, то съ сильною угрозою запрещаетъ ему дѣлать это впредь, чтобы опять не потерпѣть того же самаго. Такъ же и мы поступили бы, если бы видѣли въ томъ дѣлѣ дѣтскую раздражительность и ударъ младенческій, не причиняющій имъ большого вреда. Но такъ какъ эти люди, хотя теперь, въ пылу гнѣва, не предчувствуютъ, но спустя немного будутъ плакать, стонать и рыдать, не такимъ рыданіемъ, какъ малыя дѣти, но тѣмъ, что во тьмѣ кромѣшней, что въ огнѣ неугасимомъ; то и мы съ своей стороны сдѣлаемъ то же, что—матери, съ тѣмъ только различіемъ отъ нихъ, что не съ угрозою и бранью, какъ онѣ, но съ ласко-

востію и полною кротостію скажемъ этимъ дѣтямъ: „отъ этого святымъ мужамъ нѣтъ никакого вреда, напротивъ еще высшая награда и бо́льшее дерзновеніе; если мы станемъ говорить о будущихъ благахъ, вы, можетъ быть, еще будете много смѣяться, такъ какъ привыкли всегда надъ этимъ смѣяться; а настоящему, хотя бы вы въ тысячу разъ болѣе любили смѣяться, вы непремѣнно повѣрите, потому что не можете не вѣрить, если бы и хотѣли, когда самыя дѣла говорятъ противъ васъ. Вы, конечно, слыхали о Неронѣ (этотъ человѣкъ былъ знаменитъ развратомъ; онъ первый и одинъ при такой своей власти изобрѣлъ какіе-то новые виды безчинства и распутства). Этотъ Неронъ, блаженнаго Павла (который былъ ему современникъ) обвиняя за то же самое, за что и вы—этихъ святыхъ мужей (Павелъ, убѣдивъ самую любимую наложницу его принять ученіе вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдилъ прервать и нечистую съ нимъ связь), обвиняя его за это, и называя и губителемъ, и обманщикомъ, и другими такими же именами, какіе вы даете (отшельникамъ), сперва заключилъ его въ узы, а какъ не могъ заставить его, чтобы онъ пересталъ давать совѣты дѣвицѣ, то предалъ наконецъ смерти. Какой же отсюда произошелъ вредъ страдальцу? И какая польза злодѣю? Напротивъ, какой не
324 было пользы умерщвленному тогда Павлу, и какого не было вреда убійцѣ Нерону? Первый не воспѣвается ли во всей вселенной, какъ ангелъ (говорю пока о настоящемъ), а послѣдній не проклятъ ли всѣми, какъ губитель и свирѣпый демонъ?“

4. „А о томъ, что тамъ, если вы и не повѣрите, необходимо сказать для вѣрующихъ, хотя и вамъ надлежало бы на основаніи здѣшняго вѣрить и тамошнему. Впрочемъ, какъ бы вы ни отнеслись къ этому, мы скажемъ и не скроемъ“. Каково же будетъ тамошнее? Тотъ несчастный и жалкій (Неронъ), объятый горестію и скорбію, покрытый стыдомъ и мракомъ, съ поникшимъ взоромъ, отведенъ будетъ туда, гдѣ червь неумирающій и огонь неугасающій; а блаженный Павелъ, съ великимъ дерзновеніемъ, станетъ предъ самымъ престоломъ Царя, свѣтло блистая и облекшись такою славою, что ни въ чемъ не уступитъ ангеламъ и архангеламъ, и получитъ такую награду, какая слѣдуетъ человѣку, предавшему тѣло и душу свою за велѣнія Божіи. Такъ, великое воздаяніе уготовано дѣлающимъ добро, но оно бываетъ бо́льше и обильнѣе, когда дѣлающіе это добро подвергаются еще опасностямъ и великому безчестію; пусть доброе дѣло будетъ одинаково, какъ у того, кто сдѣлалъ его безъ труда, такъ и у того, кто совершилъ его съ трудами; но почесть и вѣнцы будутъ не одинаковы. Такъ и на войнѣ (всякій) одержавшій побѣду, конечно, награждается, но много болѣе—тотъ, кто можетъ еще показать у

себя и раны, которыми онъ пріобрѣлъ побѣду. Но что говорю я о живыхъ, когда даже тѣ, которые только тѣмъ и заявили себя, что храбро умерли на войнѣ, а ничего болѣе не сдѣлали полезнаго соотечественникамъ, прославляются во всей Греціи, какъ спасители и защитники? Неужели вы и этого не знаете, предаваясь постоянно смѣху и забавѣ? Если же люди языческіе и не имѣющіе ни о чемъ совершенно здравыхъ понятій смогли понять это и великою честію почтили тѣхъ, которые только умерли за нихъ, а больше не сдѣлали ничего; то не гораздо ли болѣе сдѣлаетъ это Христосъ, который страждущимъ за Него всегда даруетъ воздаяніе съ великимъ преизбыткомъ? Подлинно великую награду Онъ назначилъ за перенесеніе не только гоненій, ранъ, узъ, убійства и смерти, но и одного лишь оскорбленія и поносительныхъ словъ. *Блажени*, говоритъ Онъ, *будете, егда возненавидятъ васъ человѣцы, и егда разлучатъ вы, и поносятъ, и пронесутъ имя ваше, яко зло, Сына человѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день, и взыграйте: се бо мзда ваша многа на небеси* (Лук. VI, 22. 23). Итакъ, если перенесеніе страданій и злословій доставляетъ награду страждущимъ и злословимымъ; то препятствующій имъ страдать и слушать злословія доставляетъ пользу не имъ, а тѣмъ, которые говорятъ и дѣлаютъ зло. Имъ, напротивъ, причиняетъ онъ вредъ, лишая ихъ высшей награды и отнимая у нихъ основаніе большей радости и ликованія, такъ что для нихъ надлежало бы (намъ) молчать и дать совершиться тому, что приготовляетъ имъ великое обиліе благъ и наибольшее дерзновеніе. Но такъ какъ мы члены другъ друга, то, хотя бы сами они и отвергали даръ, намъ при такомъ взаимномъ отношеніи не должно, заботясь объ одной части, оставлять безъ вниманія другую. У тѣхъ (отшельниковъ), если они теперь и не пострадаютъ, будетъ иной случай заслужить добрую славу, а эти, если не прекратятъ вражды противъ нихъ, 325
не смогутъ уже спастись. Посему, оставивъ тѣхъ, останавливаюсь на васъ, и прошу и умоляю послѣдовать нашимъ увѣщаніямъ, не направлять болѣе меча на самихъ себя, не идти противъ рожна, и не огорчать, думая оскорблять людей, Святаго Духа Божія. Я знаю и увѣренъ, что вы, если не теперь, то впослѣдствіи одобрите этотъ нашъ совѣтъ; но желаю, чтобы вы сдѣлали это теперь же, дабы послѣ не дѣлать этого напрасно. Такъ и тотъ богачъ (Лук. XVI, 19 и сл.), пока былъ здѣсь, считалъ пророковъ и законъ и ихъ наставленія баснею и пустословіемъ, а послѣ того какъ отошелъ туда, сталъ такъ уважать ихъ увѣщанія, что сознавая, что самъ уже не въ состояніи получить никакой пользы отъ этого уваженія, просилъ патріарха послать кого-нибудь изъ ада съ вѣстію къ живущимъ на землѣ, боясь, чтобы и они не испытали нѣкогда

того же самаго, и, посмѣявшись надъ божественнымъ Писаніемъ, не стали уважать его тогда, когда уже не будетъ имъ никакой пользы отъ этого уваженія. Между тѣмъ этотъ богачъ не сдѣлалъ ничего такого, что вы дѣлаете. Правда, онъ не удѣлялъ изъ своего имѣнія Лазарю; однако другимъ, которые хотѣли подавать, не препятствовалъ и не удерживалъ ихъ, какъ вы теперь. И не этимъ однимъ вы превзошли его въ жестокости, но еще и другимъ; потому что, какъ не все равно—самому ли не дѣлать никакого добра, или и другимъ, желающимъ, препятствовать дѣлать его, такъ не все равно—самому ли терпѣть недостатокъ въ тѣлесной пищѣ, или и одержимому сильнымъ голодомъ любомудрія препятствовать питаться отъ другихъ. Такимъ образомъ, вы вдвойнѣ превзошли того жестокаго богача,—тѣмъ, что препятствуете другимъ утолять голодъ, и тѣмъ, что оказываете такое безчеловѣчіе въ то время, когда гибнетъ душа. Такъ поступали нѣкогда и іудеи. Они запрещали апостоламъ говорить людямъ о томъ, что необходимо для спасенія (Дѣян. IV, 18. V, 40). А вы хуже и ихъ: они все то дѣлали, какъ открытые враги, а вы, надѣвъ личину друзей, поступаете по-непріятельски. Они тогда били, поносили и безславили святыхъ апостоловъ, называя ихъ чародѣями и обманщиками: зато и постигла ихъ такая казнь, что никакое несчастіе не можетъ сравниться съ ихъ бѣдствіями; ибо они первые и одни изъ всѣхъ людей, живущихъ подъ солнцемъ, пострадали такъ, какъ никто другой. Достовѣрный свидѣтель этому Христосъ, который сказалъ: *будетъ скорбь велія, яковаже не была отъ начала міра доселѣ, ниже имать быти* (Матѳ. XXIV, 21). Пересказывать всѣ эти страданія ихъ теперь не время, но изъ многаго немногое сказать необходимо. Впрочемъ скажу не своими словами, но словами іудея, который подробно описалъ ихъ бѣдствія [1]). Что же онъ говоритъ? Разсказавъ о сожженіи храма, и описавъ тѣ необычайныя бѣдствія, онъ говоритъ:

5. „Что до храма, онъ былъ въ такомъ именно положеніи; а по городу валялось несчетное множество умиравшихъ съ голода, и происходили невыразимые ужасы. Въ каждомъ домѣ, гдѣ только показывалась хотя тѣнь пищи, была война, и самые близкіе друзья дрались между собою, чтобы отнять другъ у друга жалкія средства жизни. Не вѣрили даже умирающимъ, что у нихъ нѣтъ пищи; но
326 разбойники обыскивали и издыхающихъ, не притворяется ли кто умирающимъ, держа у себя за пазухою какую-либо пищу. Иные, разинувъ ротъ отъ голода, какъ бѣшеные псы, блуждали и бѣгали туда и сюда, толкаясь въ двери подобно пьянымъ, и съ отчаянія вторгались въ одни и тѣже домы по два и по три раза въ одинъ

[1]) Іосифъ Флавій, О войнѣ іудейской. Кн. VI. гл. III, 3—5.

часъ. Нужда все отдавала зубамъ; собирали и не гнушались ѣсть даже то, что негодно даже для самыхъ нечистыхъ изъ безсловесныхъ животныхъ; не отказывались наконецъ отъ поясовъ и башмаковъ; сдирали и со щитовъ кожи и жевали ихъ. Пищею для иныхъ служили и клочья стараго сѣна; а нѣкоторые собирали пометъ, и самую малую мѣру его продавали за четыре аттика [1]. Но зачѣмъ говорить о безстыдствѣ голодныхъ по отношенію къ вещамъ бездушнымъ? Укажу на такое дѣйствіе ихъ, о какомъ не повѣствуется ни у еллиновъ, ни у варваровъ, о которомъ и сказать страшно, и слушать невѣроятно. Чтобы потомки наши не подумали, будто я выдумываю небывалое, я съ удовольствіемъ умолчалъ бы объ этомъ несчастіи, если бы у меня не было безчисленнаго множества свидѣтелей изъ моихъ современниковъ; съ другой стороны, я оказалъ бы отчизнѣ плохую услугу, опустивъ изъ разсказа то, что она потерпѣла на самомъ дѣлѣ. Одна женщина изъ числа за-іорданскихъ жителей, по имени Марія, дочь Елеазара, изъ селенія Виѳезо, что значитъ домъ иссопа, знатная по происхожденію и богатству, прибывъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ въ Іерусалимъ, подверглась осадѣ. Все имущество ея, какое она взяла съ собою изъ Переи и принесла въ городъ, разграбили тѣ, которые захватили власть надъ городомъ; а остатки запасовъ и все, что заготовляла она себѣ въ пищу, расхищали оруженосцы, которые ежедневно вторгались къ ней. Сильное негодованіе овладѣло женщиною, и она часто своею бранью и проклятіями раздражала противъ себя грабителей. Такъ какъ никто, ни отъ гнѣва, ни изъ жалости, не убивалъ ея и, хотя она и старалась найти что-либо съѣстное въ другихъ мѣстахъ, но нигдѣ уже невозможно было найти, а голодъ терзалъ ея утробу и мозги и еще сильнѣе голода воспламенялъ ее гнѣвъ: то, подъ вліяніемъ раздраженія и крайности, она возстала на природу, и, схвативъ свое дитя (у ней былъ грудной мальчикъ), сказала: несчастное дитя, для кого, во время этой войны, голода и возмущенія, я буду беречь тебя? У римлянъ, если мы и будемъ жить подъ ихъ владычествомъ, (ожидаетъ насъ) рабство, этому рабству предшествуетъ голодъ, а того и другого тяжелѣе бунтовщики: такъ будь же для меня пищею, для бунтовщиковъ фуріею, а для міра баснею, которой только и недостаетъ въ бѣдствіяхъ іудеевъ. И съ этими словами, она убиваетъ сына; потомъ, изжаривъ его, половину съѣдаетъ, а остальное скрыла и сберегала. Вскорѣ пришли бунтовщики и, ощутивъ необычайный запахъ, начали грозить, что тотчасъ убьютъ ее, если не покажетъ имъ, что̀ она приготовила. А она

[1] Аттическая драхма, употреблявшаяся у евреевъ (Матѳ. XVII, 27. Лук. XV, 8) = ¼ статира = около 20 копѣекъ серебромъ.

сказавъ, что сберегла для нихъ прекрасную долю, показала остатки
327 своего сына. Ужасъ и изумленіе тотчасъ объяли ихъ и они окаменѣли при этомъ зрѣлищѣ. Это родное дитя мое, сказала она; это мое произведеніе, ѣшьте, и я уже ѣла; не будьте нѣжнѣе женщины и жалостливѣе матери; если же вы богобоязливы и гнушаетесь моимъ приношеніемъ; то, какъ я уже половину съѣла, такъ мнѣ же пусть достанется и остальное. Послѣ этого они ушли, объятые трепетомъ, въ этомъ одномъ оказавшись робкими и только эту пищу уступивъ матери. Тотчасъ весь городъ исполнился негодованія, и всякій, имѣя предъ глазами такое страшное дѣло, ужасался, какъ будто бы самъ былъ виновникомъ его. Голодавшіе желали смерти и называли счастливыми тѣхъ, кто умеръ ранѣе, не слышавъ и не видѣвъ такихъ бѣдствій. Скоро разгласилось это страшное дѣло и у римлянъ; одни изъ нихъ не вѣрили, другіе жалѣли, большинство же еще сильнѣе возненавидѣло этотъ (іудейскій) народъ".

6. Такія, и гораздо еще болѣе тяжелыя, бѣдствія потерпѣли іудеи, не только за то, что распяли Христа, но и за то, что и впослѣдствіи препятствовали апостоламъ говорить, что нужно для нашего спасенія. Въ этомъ обвинилъ ихъ и блаженный Павелъ и предсказалъ имъ эти бѣдствія, сказавъ: *постиже на нихъ гнѣвъ до конца* (1 Сол. II, 16). Но какъ, скажутъ, это идетъ къ намъ? Мы не отклоняемъ отъ вѣры и проповѣди. А какая, скажи мнѣ, польза отъ вѣры, когда нѣтъ жизни чистой? Но вы и этого, можетъ быть, не знаете, такъ какъ и все наше незнакомо вамъ; посему я приведу вамъ изреченія Христовы, а вы разсмотрите, ужели тогда (въ день суда) вовсе не подвергнется суду жизнь, но опредѣлится наказаніе только за вѣру одну и догматы? Такъ Христосъ, взошедши на гору и увидѣвъ окружающій Его во множествѣ народъ, послѣ другихъ наставленій сказалъ: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное: но творяй волю Отца Моего;* и: *мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: не въ Твое ли имя пророчествовахомъ и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ: отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе, не вѣмъ васъ* (Матѳ. VII, 21—23. Лук. XIII, 27). Далѣе, всякаго, кто слушаетъ, но не исполняетъ словъ Его, Онъ уподобилъ глупому человѣку, который строитъ домъ на пескѣ и дѣлаетъ его удобоазрушимымъ отъ рѣкъ, дождей и вѣтровъ (Матѳ. VII, 26. 27). И въ другомъ мѣстѣ проповѣдуя, Онъ говоритъ: „какъ рыбаки, извлекши сѣть, выбрасываютъ вонъ худую рыбу; такъ будетъ и въ тотъ день, когда ангелы ввергнутъ въ пещь всѣхъ грѣшниковъ" (Матѳ. XIII, 47—50). Также, бесѣдуя о развратныхъ и нечистыхъ людяхъ, Онъ сказалъ, что

они отойдутъ туда, гдѣ червь неумирающій и огнь неугасающій (Марк. IX, 43 и сл.). И еще, *царь*, говоритъ, *сотвори браки сыну своему*, и, увидѣвъ *человѣка, оболчена въ ризы гнусны, рече къ нему: друже, како вшелъ еси сѣмо не имый одѣянія брачна? Онъ же умолча. Тогда глагола слугамъ своимъ: связавше ему руцѣ и нозѣ,* 328
ввергите его во тьму кромѣшнюю (Матѳ. XXII, 2. 11—13. Зах. III, 3). Вотъ чѣмъ Онъ угрожаетъ людямъ развратнымъ и распутнымъ. А дѣвы, не впущенныя въ чертогъ жениха, потерпѣли это за свое немилосердіе и нечеловѣколюбіе. Да и другіе опять, за эту же самую вину, пойдутъ *во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Матѳ. XXV, 41). Осуждаются даже тѣ, которые произносятъ пустыя и праздныя слова: *отъ словесъ бо своихъ*, говоритъ, *оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися* (Матѳ. XII, 37). Ужели же тебѣ кажется, что напрасно мы боимся за жизнь и заботимся съ великимъ усердіемъ о нравственной части любомудрія? Не думаю; развѣ скажешь, что и Христосъ напрасно говорилъ все это и еще многое сверхъ этого: не все здѣсь приведено. А если бы я не затруднялся написать длинное слово, то научилъ бы и изъ пророковъ, и изъ блаженнаго Павла, и изъ другихъ апостоловъ, какое попеченіе Богъ явилъ объ этой части. Впрочемъ, считаю достаточнымъ и это, или лучше, не только это, но и малую часть сказаннаго; потому что, когда говоритъ Богъ, то, хотя бы Онъ сказалъ однажды, должно принимать сказанное такъ, какъ бы оно было сказано многократно.

7. Чтó же, скажутъ, развѣ остающіеся дома не могутъ совершать тѣ добродѣтели, неисполненіе которыхъ приноситъ такое наказаніе? Хотѣлъ бы и я не меньше, а гораздо больше васъ, и часто молилъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ и такой бы насталъ порядокъ добрый въ городахъ, чтобы никому никогда не нужно было убѣгать въ пустыню. Но такъ какъ все пошло вверхъ дномъ, и города, гдѣ судилища и законы, полны великаго беззаконія и неправды, а пустыня произращаетъ обильный плодъ любомудрія, то справедливость требуетъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые желающихъ спастись исторгаютъ изъ этой бури и волненія и руководятъ къ тихой пристани, но тѣхъ, которые каждый городъ дѣлаютъ столь недоступнымъ и непригоднымъ для любомудрія, что желающіе спастись принуждены бываютъ убѣгать въ пустыни. Скажи мнѣ, если бы кто въ полночь, взявъ свѣчу, зажегъ большой и многолюдный домъ, злоумышляя противъ спящихъ тамъ, то кого мы назвали бы злымъ, того ли, кто будитъ спящихъ и выводитъ изъ этого дома, или того, кто сначала подложилъ огонь и поставилъ въ такую крайность какъ живущихъ въ домѣ, такъ и выводящаго ихъ? Также, если бы кто увидѣвъ, что какой-либо городъ находится во власти тирана, пораженъ болѣзнію

и волнуется мятежемъ, убѣдилъ, кого могъ изъ живущихъ въ этомъ
городѣ, бѣжать на вершины горъ, а убѣдивъ вмѣстѣ и помогъ
бы имъ при этомъ удаленіи, то кого сталъ бы ты винить, того ли,
кто обуреваемыхъ среди города людей перевелъ изъ этой бури въ
ту тишину, или того, кто произвелъ такое кораблекрушеніе? И не
думай, будто дѣла человѣческія теперь въ лучшемъ положеніи, не-
жели городъ, утѣсняемый тираномъ; нѣтъ, онѣ въ положеніи, го-
раздо болѣе тяжеломъ; потому что не человѣкъ, а какой-то лука-
вый демонъ, захвативъ, какъ свирѣпый тиранъ, всю вселенную,
вселился со всѣмъ своимъ воинствомъ въ человѣческія души; по-
томъ оттуда, какъ бы изъ какого кремля, ежедневно насылаетъ
всѣмъ нечестивыя и злобныя повелѣнія, не браки только растор-
гаетъ, не деньги приноситъ и уноситъ, не убійства неправедныя
совершаетъ, но, что много тяжелѣе этого, душу, уже сопрягшуюся
съ Богомъ, отлучаетъ отъ общенія съ Нимъ, предаетъ нечистымъ
320 стражамъ своимъ и заставляетъ сообщаться съ ними. А они, разъ
овладѣвши ею, обращаются съ нею такъ гнусно и оскорбительно,
какъ свойственно лукавымъ демонамъ, сильно и страстно желаю-
щимъ нашего позора и погибели. Снявъ съ нея всѣ одежды до-
бродѣтели, одѣвъ ее въ рубища порочныхъ страстей, грязныя, изор-
ванныя и зловонныя, которыя позорятъ ее болѣе, чѣмъ нагота, и
наполнивъ ее еще всякою свойственною имъ нечистотою, они
непрестанно хвастаются наносимыми ей поруганіями. И не знаютъ
никакой сытости въ этомъ гнусномъ и непотребномъ обращеніи съ
нею, но, какъ пьяницы, когда уже сильно напьются, тогда еще
болѣе разгорячаются, такъ и они тогда особенно неистовствуютъ
и сильнѣе и свирѣпѣе нападаютъ на душу, когда наиболѣе повре-
дятъ ей, поражая и уязвляя ее со всѣхъ сторонъ и вливая въ
нее свой ядъ; и отстаютъ не прежде, какъ когда приведутъ ее въ
одинаковое съ собою состояніе, или увидятъ, что она уже отрѣ-
шилась отъ тѣла. Какой же тиранніи, какого плѣна, какого воз-
мущенія, какого рабства, какой войны, какого кораблекрушенія,
какого голода не бѣдственнѣе это состояніе? Кто такъ жестокъ и
суровъ, кто такъ слабоуменъ и безчеловѣченъ, такъ несострадате-
ленъ и безжалостенъ, что не захочетъ душу, терпящую столько
позора и вреда, освободить, по мѣрѣ силъ своихъ, отъ этого окаян-
наго неистовства и насилія, но оставитъ безъ вниманія ея стра-
данія? Если же это свойственно только жестокой и каменной душѣ,
то какъ, скажи мнѣ, мы отнесемся къ тѣмъ, которые, сверхъ та-
кого невниманія, дѣлаютъ еще другое, гораздо бо́льшее зло, ко-
торые людей, готовыхъ броситься въ самую средину опасностей, не
отказывающихся вложить руки свои въ самую пасть звѣря, но
рѣшающихся вытерпѣть и смрадъ и опасности, чтобы вырвать уже

поглощенныя души изъ самыхъ челюстей демона, не только не хвалятъ и не одобряютъ, но еще гонятъ вездѣ и преслѣдуютъ?

8. Что же, скажетъ кто-нибудь, развѣ всѣ живущіе въ городахъ погибаютъ и обуреваются, и должны, оставивъ города безлюдными, переселиться въ пустыню и жить на вершинахъ горъ? Ужели ты повелѣваешь это и узаконяешь?—Нѣтъ; напротивъ я, какъ раньше уже сказалъ, и желалъ и молюсь, чтобы мы наслаждались такимъ миромъ и тираннія этихъ золъ была бы настолько разрушена, чтобы не только живущимъ въ городахъ не было нужды удаляться въ горы, но и обитающіе въ пустыняхъ, какъ долго скрывавшіеся бѣглецы, опять возвратились въ свой городъ. Но что мнѣ дѣлать? Боюсь, чтобы, стараясь возвратить ихъ отчизнѣ, вмѣсто этого не отдать ихъ въ руки лукавыхъ демоновъ, и, желая избавить отъ пустыни и бѣгства, не лишить всякаго любомудрія и спокойствія. Если же ты указаніемъ на многочисленность живущихъ въ городѣ думаешь смутить и устрашить меня, предполагая, что я не рѣшусь осудить (на погибель) всю вселенную; то я возьму изреченіе Христово и съ нимъ стану противъ этого твоего возраженія. И ты, конечно, не рѣшишься на такое дерзкое дѣло, чтобы противорѣчить опредѣленію Того, кто будетъ тогда судить насъ. Что же Онъ 330
говоритъ? *Узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его* (Матѳ. VII, 14). Если же мало обрѣтающихъ, то гораздо менѣе могущихъ пройти этотъ путь до конца. Не всѣ же, кто только вступилъ на начало, имѣли силы остаться на немъ и до конца; но одни потонули въ самомъ началѣ, другіе въ срединѣ, а многіе даже у самой пристани. И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ, что *мнози суть звани, мало же избранныхъ* (Матѳ. XX, 16). Если же Христосъ объявляетъ, что погибающихъ болѣе, а спасеніе ограничивается немногими, то что споришь со мною? Думая заградить намъ уста тѣмъ, что мы не посмѣемъ осудить такое множество, ты дѣлаешь то же самое, какъ если бы, при разговорѣ нашемъ о случившемся во времена Ноя, сталъ изумляться, ужели всѣ погибли, а два или три человѣка только избѣжали такого наказанія. Но мы этимъ не убѣдимся и истинѣ не предпочтемъ многолюдства; потому что и нынѣшнія дѣла нисколько не маловажнѣе тогдашнихъ, но тѣмъ болѣе преступны, что за нихъ уже угрожаютъ геенною, и однакоже зло не пресѣкается. Скажи мнѣ, кто не называетъ брата глупцомъ? А это подвергаетъ огню геенскому. Кто не смотрѣлъ на женщину похотливыми глазами? Но это уже совершенное любодѣяніе, а любодѣй неизбѣжно впадаетъ въ туже геенну. Кто не клялся? А это, конечно, отъ лукаваго; а чтò отъ лукаваго, то несомнѣнно заслуживаетъ наказанія. Кто не завидовалъ когда-нибудь другу? Но это дѣлаетъ насъ худшими

язычниковъ и мытарей; а что худшимъ ихъ не избѣжать наказанія, это для всякаго очевидно. Кто совсѣмъ изгналъ изъ сердца гнѣвъ и простилъ грѣхи всѣмъ противъ него погрѣшившимъ? А что не простившій будетъ неизбѣжно преданъ мученіямъ, этому не станетъ противорѣчить никто изъ слышавшихъ Христа. Кто не служилъ мамонѣ? Но кто сталъ служить ей, тотъ необходимо уже отказался отъ служенія Христу, а отрекшійся отъ этого, необходимо отрекся и отъ собственнаго спасенія. Кто не злословилъ тайно? Но такихъ и Ветхій Завѣтъ повелѣваетъ убивать и лишать жизни. Чѣмъ же утѣшаемся мы въ своемъ несчастномъ положеніи? Тѣмъ, что всѣ какъ бы по уговору какому низринулись въ бездну порока. Но это самое и есть важнѣйшее доказательство усиленія болѣзни, когда намъ доставляетъ утѣшеніе въ несчастіи то, что должно быть причиною большей скорби. Многочисленность сообщниковъ въ грѣхахъ, конечно, не освобождаетъ насъ отъ виновности и наказаній. Если же кто пришелъ уже въ отчаяніе отъ сказаннаго, тотъ пусть подождетъ немного, и тогда впадетъ въ большее отчаяніе, когда мы скажемъ о гораздо болѣе тяжкомъ, напримѣръ, о клятвопреступленіяхъ. Поистинѣ, если клясться—дѣло діавольское, то какому наказанію подвергнетъ насъ преступленіе клятвъ? Если названіе (брата) глупцомъ навлекаетъ геенну, то чего не сдѣлаетъ опозореніе брата, часто ничѣмъ не обидѣвшаго насъ, безчисленными поносными рѣчами? Если одно злопамятованіе достойно наказанія, то какого мученія заслуживаетъ мстительность? Но теперь еще не (время говорить) объ этомъ; пусть сберегается
331 оно для своего мѣста. Не говоря о прочемъ, того самаго, что заставило насъ вести настоящую рѣчь,—этого одного не достаточно ли для обличенія злокачественности нынѣшней болѣзни? Подлинно, если не чувствовать своихъ беззаконій и грѣшить безъ всякой о томъ скорби, есть крайній предѣлъ порочности; то гдѣ поставить намъ этихъ новыхъ законодателей этого необычайнаго и нелѣпѣйшаго закона, которые съ большею дерзостію изгоняютъ учителей добродѣтели, нежели другіе—учителей порока, и желающихъ исправлять (порочныхъ) преслѣдуютъ сильнѣе, нежели согрѣшившихъ; а лучше сказать, къ этимъ не питаютъ и неудовольствія и никогда ихъ не осуждаютъ, а тѣхъ, напротивъ, рады были бы съѣсть, и только что не кричатъ и словами и дѣлами своими, что надобно крѣпко держаться порока и никогда не возвращаться къ добродѣтели, такъ что должно преслѣдовать не только стремящихся къ ней, но и осмѣливающихся подать голосъ за нее?

КЪ НЕВѢРУЮЩЕМУ ОТЦУ.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Довольно и того[1]), чтобы возбудить изумленіе и ужасъ. И если бы кто теперь при этомъ произнесъ пророческое изреченіе: *ужасеся небо о семъ и земля вострепета по премногу зѣло* (Іер. II, 12), и: *ужасъ и страшная содѣяшася на земли* (—V, 30), все это онъ сказалъ бы благовременно. Но вотъ что тяжелѣе этого: негодуютъ и сердятся не только чужіе и нисколько не близкіе къ тѣмъ, кому дается совѣтъ[2]), но стали гнѣваться на это сродники и отцы. Впрочемъ мнѣ не безъизвѣстно, что многіе не очень удивляются тому, что такъ поступаютъ отцы; а задыхаются, по ихъ словамъ, отъ гнѣва, когда видятъ, что не отцы, не друзья, не сродники и не близкіе съ какой-либо другой стороны, а часто даже вовсе незнакомые къ рѣшающимся любомудрствовать относятся точно такъ же, и больше, чѣмъ отцы, досадуютъ, и преслѣдуютъ и обвиняютъ тѣхъ, которые расположили ихъ (къ монашеству). Но мнѣ удивительнымъ кажется противное; потому что нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что неимѣющіе никакого основанія оказывать заботливость и дружбу скорбятъ о чужомъ благополучіи, то увлекаясь завистію, то по своей злобѣ считая,—конечно, безумно и жалости достойно, однакоже считая,—чужую погибель своимъ счастіемъ. Но что тѣ, которые родили (дѣтей), воспитали, каждый день молятся о томъ, чтобы видѣть дѣтей счастливѣе самихъ себя, и для этого дѣлаютъ и терпятъ все,—что и они какъ бы отъ какого опьянѣнія вдругъ перемѣняются и скорбятъ, когда дѣти ихъ обращаются къ любомудрію: вотъ этому болѣе всего я удивляюсь, и это считаю достаточнымъ доказательствомъ всеобщей испорченности. Никто не скажетъ, чтобы это бывало и въ прежнія времена, когда явно господствовало заблужденіе. Случилось, правда, однажды въ греческомъ городѣ, бывшемъ подъ властію тирана,—притомъ не изъ родителей кто, какъ нынѣ, а овладѣвшіе акрополемъ, вѣрнѣе же и эти не всѣ, но преступнѣйшій изъ нихъ, призвавъ Сократа, приказалъ ему не говорить о любомудріи. Но онъ

[1]) О чемъ т. е. сказано въ концѣ перваго слова.

[2]) Посвятить себя монашеской жизни.

дерзнулъ на это, какъ тиранъ, невѣрующій и жестокій, всячески старавшійся ниспровергнуть общественный строй, радовавшійся чужому несчастію и знавшій, что ничто иное такъ не можетъ разстроить самое прекрасное общество, какъ подобное приказаніе. А эти (родители),—вѣрующіе, живущіе въ благоустроенныхъ городахъ и заботящіеся о дѣтяхъ своихъ,—отваживаются говорить
332 тоже самое, чтò тотъ тиранъ о подвластныхъ ему, и—не стыдятся! Вотъ ихъ негодованію надобно удивляться болѣе, нежели (негодованію) другихъ. Посему я, оставивъ другихъ, обращусь къ тѣмъ, которые особенно заботятся о дѣтяхъ, или лучше, должны бы заботиться, но совсѣмъ не заботятся, съ рѣчью тихою и весьма кроткою, и попрошу ихъ не сердиться и не досадовать, если кто скажетъ, что онъ лучше ихъ самихъ знаетъ, чтò полезно ихъ дѣтямъ. Родить сына—мало для того, чтобы родившій уже и научилъ полезному рожденнаго имъ; рожденіе, конечно, много содѣйствуетъ любви къ рожденному; но чтобы точно знать, чтò полезно ему, для этого не достаточно только родить и любить. Если бы это такъ было, то ни одинъ человѣкъ не долженъ бы видѣть лучше отца, чтò полезно его сыну, такъ какъ никто другой не можетъ любить сына больше отца. Между тѣмъ и сами отцы дѣлами своими показываютъ свое невѣжество въ этомъ, когда сами ведутъ дѣтей къ учителямъ, поручаютъ ихъ воспитателямъ, со многими совѣтуются, озабочиваясь избраніемъ рода жизни, какому надобно посвятить сына. И удивительно еще не это, но то, что родители, при такомъ совѣщаніи о своихъ дѣтяхъ, часто отвергаютъ свое собственное мнѣніе и останавливаются на чужомъ. Пусть же они не досадуютъ и на насъ, если скажемъ, что мы лучше знаемъ, чтò полезно для нихъ; и только въ томъ случаѣ, если мы не докажемъ этого въ словѣ, пусть обвиняютъ и укоряютъ насъ, какъ хвастуновъ, губителей и враговъ всей природы.

2. Какимъ же образомъ будетъ это очевидно и откуда мы узнаемъ, кто дѣйствительно видитъ, чтò полезно, и кто только думаетъ, будто видитъ, а между тѣмъ совсѣмъ не видитъ? Такимъ образомъ, если мы, выставивъ мои слова, какъ бы какихъ противниковъ, на испытаніе и состязаніе, сужденіе объ этомъ предоставимъ безпристрастнымъ судьямъ. Хотя законъ борьбы повелѣваетъ имѣть дѣло съ христіаниномъ и только съ нимъ состязаться, а больше ничего не требуетъ отъ насъ: *чтò бо ми и внѣшнихъ судити*, говоритъ блаженный Павелъ (1 Кор. v, 12); но такъ какъ у дѣтей, стремящихся къ небу, часто бываютъ отцы невѣрующіе: то, хотя законъ борьбы и освобождаетъ насъ отъ состязанія съ ними, мы сами добровольно и охотно выйдемъ противъ нихъ первыхъ. И, о если бы
333 у насъ состязаніе было только съ ними, хотя оно и труднѣе, и

больше представляетъ столкновеній! Ибо *душевный человѣкъ не пріемлетъ яже Духа: юродство бо ему есть* (1 Кор. II, 14): и здѣсь можетъ быть тоже, какъ если бы кто сталъ убѣждать возлюбить царство такого человѣка, который не хочетъ еще вѣрить и въ его дѣйствительность. Несмотря однакоже на то, что наше слово такъ стѣснено, я хотѣлъ бы, чтобы это состязаніе у меня было только съ ними одними. Противъ вѣрующаго у насъ, конечно, много доказательствъ, но удовольствіе, доставляемое изобиліемъ доказательствъ, помрачается чрезмѣрностію стыда; потому что я стыжусь, когда вынуждаюсь и съ нимъ состязаться объ этомъ; и боюсь, чтобы язычникъ не сталъ выставлять противъ меня только это одно, какъ справедливое возраженіе, такъ какъ во всемъ остальномъ я, по милости Божіей, легко склоню его на свою сторону, и, если онъ захочетъ быть добросовѣстнымъ, скоро доведу его не только до любви къ этой (монашеской) жизни, но и до самаго расположенія къ догматамъ, въ которомъ жизнь эта имѣетъ свое основаніе. Я такъ мало боюсь состязанія съ нимъ, что напередъ еще болѣе вооружу его моимъ словомъ, и потомъ уже приступлю къ борьбѣ. Предположимъ, что этотъ отецъ не только язычникъ, но и богатъ и знаменитъ болѣе всѣхъ людей, облеченъ великою властію и имѣетъ много полей, много домовъ и тысячи талантовъ золота; пусть онъ происходитъ изъ царственнѣйшаго города и отъ знатнѣйшаго рода; пусть не имѣетъ другихъ дѣтей и больше имѣть ихъ не надѣется, и только объ этомъ одномъ (сынѣ) безпокоится; пусть и самъ сынъ съ блестящими надеждами и скоро надѣется достигнуть такой же власти и даже сдѣлаться знаменитѣе отца и затьмить его во всемъ житейскомъ. Среди такихъ надеждъ пусть затѣмъ придетъ кто-нибудь, побесѣдуетъ съ нимъ о любомудріи и убѣдитъ его, презрѣвъ все это, одѣться въ грубую одежду и, оставивъ городъ, убѣжать въ горы и тамъ садить, поливать, носить воду и исправлять всѣ другія монашескія работы, кажущіяся маловажными и унизительными. Пусть будетъ онъ безъ обуви, спитъ на землѣ, сдѣлается худъ и блѣденъ,—этотъ прекрасный юноша, жившій въ такой роскоши и въ почетѣ и имѣвшій такія надежды,—и пусть будетъ одѣтъ бѣднѣе рабовъ своихъ. Не довольно ли основаній (къ жалобамъ) дали мы обвинителю, и не достаточно ли вооружили противника? Если же не достаточно, то доставимъ ему и другіе предлоги. Пусть послѣ этого (отецъ) употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы переубѣдить сына, и все напрасно, какъ будто сынъ его стоитъ на камнѣ, выше рѣкъ, дождей и вѣтровъ; пусть плачетъ и проливаетъ слезы, чтобы возбудить противъ насъ сильнѣйшее негодованіе, и предъ всѣми постоянно обвиняетъ насъ, такъ: я родилъ, воспиталъ, трудился цѣлую жизнь, дѣлая и терпя

все, что обыкновенно случается при воспитаніи дѣтей, имѣлъ добрыя надежды, совѣтовался съ воспитателями, призывалъ учителей, тратилъ деньги, часто не спалъ ночей отъ заботъ о благоустроеніи и образованіи его, чтобы онъ ни въ чемъ не отсталъ отъ своихъ предковъ, но оказался бы еще славнѣе всѣхъ; ожидалъ, что онъ утѣшитъ меня въ старости; съ теченіемъ времени думалъ объ его женѣ и бракѣ, о начальствѣ и власти. Но вдругъ какъ бы какая гроза
334 или буря откуда-то набѣжала, и богатый корабль, наполненный множествомъ груза, совершившій дальній путь по морю, плывшій подъ благопріятнымъ вѣтромъ и бывшій уже близъ самой пристани, затопила почти при входѣ въ нее; и грозитъ опасность, чтобы буря не обрушила на голову такого богача не только крайнюю бѣдность, но и жалкую смерть и погибель: такъ случилось теперь со мною. Проклятые губители и обольстители (пусть онъ говоритъ и это, мы не обидимся), лишивъ такихъ надеждъ питателя старости моей, какъ бы какіе разбойники, увели въ свои вертепы и такъ очаровали его своими рѣчами, что онъ готовъ лучше идти на мечъ, въ огонь, на звѣрей и на что бы то ни было, нежели возвратиться къ прежней хорошей жизни. А еще тяжелѣе то, что, склонивъ его къ этому, они говорятъ, будто лучше насъ видятъ, что̀ ему полезно. Опустѣли домы, опустѣли поля; исполнились печали и стыда земледѣльцы и слуги; повеселѣли отъ моихъ бѣдъ враги; закрываются отъ печали друзья. Никакая мысль не занимаетъ меня, развѣ подложить огонь и сжечь все—и дома, и поля, и стада воловъ и паствы овецъ. Какая будетъ мнѣ отъ всего этого польза, когда нѣтъ уже того, кто сталъ бы пользоваться этимъ, когда онъ сдѣлался плѣнникомъ и у жестокихъ варваровъ несетъ рабство, тягчайшее всякой смерти? Я одѣлъ всѣхъ слугъ въ черную одежду, посыпалъ головы пепломъ, собралъ толпы женщинъ и приказалъ имъ оплакивать его сильнѣе, нежели когда бы видѣли его умершимъ. Простите меня, что я такъ сдѣлалъ: эта моя печаль болѣе той. Уже тяжелымъ мнѣ кажется свѣтъ, непріятны и самые лучи солнца, когда подумаю о положеніи этого несчастнаго сына, когда увижу его одѣтымъ хуже бѣднѣйшихъ поселянъ и посылаемымъ на самыя унизительныя работы. Когда представлю его непреклонность, то воспламеняюсь, терзаюсь, разрываюсь.

3. Съ этими словами пусть онъ повергается къ ногамъ слушателей, посыпаетъ пепломъ голову, покрываетъ прахомъ лице и умоляетъ всѣхъ подать (ему) руку, пусть рветъ на себѣ сѣдые волосы. Кажется, мы хорошо настроили обвинителя, чтобы воспламенить всѣхъ слушателей и убѣдить ихъ сбросить въ пропасть виновниковъ этого. Для того и довелъ я слово до крайняго предѣла всякихъ обвиненій, чтобы, когда такъ сильно вооруженный

будетъ побѣжденъ нами по благодати Божіей, другіе не могли ничего сказать; потому что, если будутъ заграждены уста у имѣющаго все это вмѣстѣ, то не имѣющій всего этого вмѣстѣ (все же это сойтись вдругъ не можетъ) легко уже уступитъ намъ побѣду. Пусть же онъ говоритъ это и еще больше этого. А я попрошу судей, чтобы они не теперь жалѣли этого старца, но когда мы докажемъ, что онъ горюетъ о сынѣ, который не потерпѣлъ никакого зла, а наслаждается великими благами, такими, выше которыхъ другихъ и найти нельзя. Тогда онъ дѣйствительно будетъ достоинъ жалости и слезъ, потому что онъ не въ состояніи понять счастіе своего сына, и даже такъ далекъ отъ этого, что оплакиваетъ его, какъ бы находящагося въ величайшемъ несчастіи. Съ чего 335
же начнемъ слово къ нему? Съ богатства и денегъ, такъ какъ и онъ самъ больше всего скорбитъ объ этомъ, и всѣмъ кажется самымъ ужаснымъ именно то, если богатые юноши привлекаются къ этой (монашеской) жизни. Скажи мнѣ, кого всѣ мы ублажаемъ и называемъ достоподражаемымъ, того ли, кто постоянно томится жаждою и прежде, чѣмъ выпьетъ первую чашу, чувствуетъ уже нужду въ другой, и въ такомъ состояніи находится всегда, или того, кто стоитъ выше этой потребности, всегда свободенъ отъ жажды и никогда не чувствуетъ нужды въ такомъ питіи? Первый не похожъ ли на больного горячкою, который томится самою жестокою жаждою, хотя и можетъ черпать воду изъ источниковъ, а послѣдній не свободенъ ли истинною свободою, не здравъ ли истиннымъ здоровьемъ, и не выше ли человѣческой природы? Что еще? Если бы кто, любя женщину, постоянно жилъ съ нею, но отъ сожительства только бы сильнѣе воспламенялся къ ней, а другой былъ бы свободенъ отъ этой безумной страсти и даже во снѣ не уловлялся бы похотію: кто изъ нихъ для насъ достоподражаемъ и блаженъ? Не этотъ ли? А кто несчастенъ и жалокъ? Не тотъ ли, который страдаетъ этою тщетною любовію, ничѣмъ неугасимою и отъ придумываемыхъ лѣкарствъ еще болѣе возбуждаемою? Если же, сверхъ сказаннаго, онъ считаетъ себя счастливымъ въ болѣзни и самъ не хочетъ освободиться отъ этой потребности, и даже оплакиваетъ, какъ теперь этотъ (отецъ), свободныхъ отъ этой страсти: въ такомъ случаѣ не болѣе ли еще онъ несчастенъ и жалокъ, потому что не только боленъ, но даже и не знаетъ, что онъ боленъ, а поэтому и самъ не хочетъ освободиться (отъ болѣзни), и свободныхъ отъ ней оплакиваетъ? Поведемъ же рѣчь о страсти къ деньгамъ, и посмотримъ, кто несчастенъ и жалокъ? Эта страсть сильнѣе и неистовѣе тѣхъ и можетъ причинить болѣе скорби, не потому только, что жжетъ сильнѣйшимъ огнемъ, но и потому, что не поддается никакому при-

думываемому облегченію и гораздо упорнѣе тѣхъ. Любящіе вино и плотскія удовольствія, послѣ наслажденія, скорѣе почувствуютъ пресыщеніе, нежели одержимые безумнымъ пристрастіемъ къ богатству. Тѣхъ потому мы и вынуждены были изобразить словомъ, что не скоро можно увидѣть на опытѣ такія явленія, а этой болѣзни много примѣровъ можемъ представить изъ опыта. Такъ по этому ли, скажи мнѣ, ты оплакиваешь сына, что онъ освободился отъ такого безумія и такой опасности, что не предается неизлѣчимой страсти, что сталъ внѣ этой войны и борьбы? Но съ нимъ, скажешь, не случилось бы этого, онъ не сталъ бы желать большаго, но для него довольно было бы пользоваться тѣмъ, что есть? Теперь ты говоришь то, что противно, такъ сказать, природѣ. Но пусть будетъ и такъ; допустимъ на словахъ, что онъ не захочетъ приращать своего имѣнія и не увлечется этою страстію: но и въ такомъ случаѣ я докажу, что онъ наслаждается теперь бо̀льшимъ спокойствіемъ и удовольствіемъ. Что̀ легче, заботиться ли о столь многомъ, быть связаннымъ такою бдительностію и рабствомъ, и страшиться, какъ бы не погибло что нибудь изъ имѣнія, или быть свободнымъ и отъ этихъ узъ? Положимъ, что онъ не пожелаетъ другихъ тяжестей: но гораздо лучше отвергнуть и тѣ, которыя уже наложены; потому что, если не нуждаться въ бо̀льшемъ считается величайшимъ благомъ, то не имѣть нужды и въ томъ, что есть,
336 было бы еще бо̀льшимъ счастіемъ. Доказано уже, что человѣкъ, не мучимый жаждою и любовію (ибо ничто не препятствуетъ обратиться къ прежнимъ примѣрамъ), гораздо блаженнѣе не только тѣхъ, которые постоянно жаждутъ и всегда распаляются любовію, но и тѣхъ, которые хотя не надолго подвергались этому и удовлетворяли похоти, такъ какъ онъ вовсе не испыталъ такой потребности. Опять спрошу тебя: если бы можно было и превосходить всѣхъ богатствомъ, и быть свободнымъ отъ бѣдствій, происходящихъ отъ богатства, то ужели ты не пожелалъ бы тысячу разъ такого счастія, чтобы не страдать ни отъ зависти, ни отъ клеветы, ни отъ заботъ, ни отъ другого чего либо подобнаго? Итакъ, если мы докажемъ, что сынъ твой и это имѣетъ, и что онъ теперь гораздо богаче, перестанешь ли ты наконецъ плакать и жаловаться такъ горько? Противъ того, что онъ освободился отъ заботъ и прочихъ неразлучныхъ съ богатствомъ бѣдствій, и самъ ты спорить не будешь: посему и намъ нѣтъ надобности говорить съ тобою объ этомъ. Но ты хочешь знать, какъ это онъ богаче тебя, у котораго столько имущества? И этому мы научимъ тебя и покажемъ, что ты, думающій о немъ, будто онъ теперь въ крайней бѣдности, самъ таковъ въ сравненіи съ нимъ.

4. Не думай, что мы станемъ говорить о благахъ небесныхъ

и имѣющихъ быть послѣ отшествія отсюда; мы употребимъ въ доказательство пока тѣ блага, которыя у насъ въ рукахъ. Итакъ ты — господинъ только собственнаго твоего имущества, а онъ— всего, что есть во всей вселенной. Если же ты не вѣришь, то мы поведемъ тебя къ нему и убѣдимъ его, чтобы онъ, сошедши съ горы, или лучше, оставаясь тамъ, приказалъ кому-либо изъ очень богатыхъ и благочестивыхъ прислать (къ нему) столько золота, сколько ты хочешь; или, такъ какъ онъ не возьметъ себѣ этого, приказалъ бы лучше отдать золото кому-нибудь нуждающемуся: и ты увидишь, что этотъ богачъ послушается и дастъ съ большею готовностью, чѣмъ кто-нибудь изъ твоихъ домоправителей. Этотъ послѣдній, когда ему приказываютъ истратить что-нибудь, бываетъ скученъ и угрюмъ, а тотъ, напротивъ, когда не тратитъ, тогда и безпокоится, не провинился ли онъ въ чемъ-нибудь, что ему ничего такого не приказываютъ. И я могу указать многихъ, не только изъ знатныхъ, но и изъ простого состоянія,— такихъ, которые имѣютъ столь великую силу. Притомъ же ты, если твои домоправители растратятъ ввѣренное имъ, не можешь вытребовать (отъ нихъ) другого; но отъ ихъ злодѣйства твое богатство тотчасъ превратится въ бѣдность: а сынъ твой не боится этого. Если одинъ обѣднѣетъ, онъ прикажетъ другому; если и съ этимъ случится тоже, онъ обратится къ иному; и скорѣе могутъ изсякнуть источники водъ, нежели тѣ, которые въ этомъ будутъ послушны ему. Если бы ты держался нашего ученія, то я разсказалъ бы тебѣ много подобныхъ великихъ повѣствованій; но такъ какъ ты принадлежишь язычеству, то и отсюда я могу представить примѣръ. Послушай, что говоритъ Критонъ Сократу [1]): „мои деньги принадлежатъ тебѣ, и, я думаю, ихъ довольно; если же, заботясь обо мнѣ, ты не хочешь тратить моихъ денегъ, то иностранцы здѣсь готовы тратить свои; довольно серебра принесъ на это самое Симміасъ ѳивскій, готовъ и Кевисъ, и многіе другіе; итакъ по этому 337
опасенію, какъ я говорилъ, не отказывайся спасти себя; пусть не затрудняетъ тебя и то, что̀ ты говорилъ въ судѣ, т. е. что, по выходѣ отсюда, ты не зналъ бы, что̀ дѣлать съ собою; и во многихъ другихъ мѣстахъ, куда бы ты ни пришелъ, полюбятъ тебя; если же захочешь отправиться въ Ѳессалію, тамъ есть у меня знакомые, которые окажутъ тебѣ великое уваженіе и доставятъ тебѣ безопасность, такъ что у тебя ни въ чемъ не будетъ недостатка въ Ѳессаліи". Что пріятнѣе такого богатства? Впрочемъ это (сказано тебѣ) какъ человѣку мірскому. Если же мы захотимъ разсуждать о богатствѣ съ бо̀льшимъ любомудріемъ, то ты, можетъ быть,

---

[1]) Въ разговорѣ философа Платона: Критонъ, р. 45.

и не въ состояніи слѣдить за (нашимъ) словомъ; мнѣ однакоже необходимо сказать объ этомъ для судей. Богатство добродѣтели такъ велико, настолько пріятнѣе, настолько вожделѣннѣе, что обладающіе имъ никогда не захотятъ взять вмѣсто него и всю землю, хотя бы она была золотою съ горами, и съ моремъ и съ рѣками. И если бы это было возможно, то ты на самомъ опытѣ узналъ бы, что это—не слова только хвастливыя, но что дѣйствительно нашедшіе гораздо бо́льшее и важнѣйшее богатство станутъ презирать все прочее, и никогда не промѣняютъ его на это. И что я говорю: промѣняютъ? Они даже не захотятъ взять этого вмѣстѣ съ нимъ. Вамъ если бы кто давалъ богатство добродѣтели вмѣстѣ съ деньгами, вы взяли бы распростертыми руками: такъ и вы признаете его чѣмъ-то великимъ и дивнымъ. Но тѣ не возьмутъ вашего при своемъ: такъ они увѣрены въ его ничтожествѣ. И это опять я объясню вашими примѣрами. Сколько, думаешь, денегъ далъ бы Александръ Діогену, если бы тотъ захотѣлъ взять? Но тотъ не захотѣлъ; а этотъ усиливался и предпринималъ все, чтобы быть въ состояніи когда-нибудь достигнуть богатства Діогенова.

5. Хочешь ли увидѣть и съ другой стороны свою бѣдность и богатство твоего сына? Такъ ступай, отними у него одежду, которая только одна и есть у него, выведи его изъ кельи, разори его убѣжище, и при этомъ ты не увидишь его недовольнымъ и печальнымъ, но онъ еще будетъ благодарить тебя за то, что ты ведешь его къ бо́льшему любомудрію; а если у тебя кто отниметъ только десять драхмъ, ты никогда не перестанешь плакать и горевать. Кто же богатъ: тотъ ли, кто терзается изъ-за малаго, или—кто презираетъ все? И не только это сдѣлай съ нимъ, но изгони его изъ всей страны; и ты увидишь, что онъ станетъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ дѣтскою игрою. Если бы тебя кто изгналъ только изъ отечества, ты сталъ бы ужасно страдать и не перенесъ бы такого несчастія; а онъ, какъ собственникъ всей земли и моря, такъ легко и безпечально будетъ переходить съ одного мѣста на другое, какъ ты ходишь по своимъ полямъ, и даже еще легче; потому что тебѣ, хотя и можно ходить по своимъ полямъ, необходимо однакоже проходить и по чужимъ, а онъ по всей землѣ пойдетъ, какъ по своей собственной. Питіе ему вездѣ доставляютъ въ изобиліи озера, и рѣки, и источники; а пища для него—овощи, травы, и во
338 многихъ мѣстахъ хлѣбы. Еще не говорю тебѣ о томъ, что онъ презираетъ и всю землю, потому что городъ его—небо. И если должно будетъ ему умереть, онъ веселѣе приметъ смерть, чѣмъ вашу роскошь, и лучше пожелаетъ умереть въ такомъ состояніи, чѣмъ вы въ отечествѣ и на постели; такъ что можно назвать странникомъ, изгнанникомъ и скитальцемъ имѣющаго отечество и жи-

вущаго въ (своемъ) домѣ, а не его, отрѣшившагося отъ всего этого. Даже ты не можешь изгнать его изъ отечества, пока не сгонишь со всей земли; пока такъ пусть будетъ сказано; а говоря по правдѣ, тогда именно и препроводишь его въ отечество, когда сгонишь съ земли. Но это еще не для тебя, не знающаго ничего больше видимаго. Не можешь ты представить его и нагимъ, пока онъ облеченъ одеждами добродѣтели; не изнуришь его голодомъ, доколѣ онъ знаетъ истинную пищу. А богатые подвержены всему этому, такъ что и въ этомъ отношеніи не ошибется тотъ, кто назоветъ ихъ бѣдными и очень бѣдными, а тѣхъ дѣйствительно богатыми. Ибо кто можетъ вездѣ найти въ изобиліи и пищу, и питье, и жилище и отдыхъ, и не только не тяготится, но даже веселѣе живетъ въ этихъ условіяхъ, чѣмъ вы въ своихъ,—тотъ, очевидно, богаче всѣхъ васъ богачей, которые всѣмъ этимъ можете пользоваться только дома. Оттого онъ никогда и не жалуется на бѣдность. Притомъ, это богатство лучше не только по его изобилію и пріятности, но и потому, что оно неистощимо, никогда не обращается въ бѣдность, не подлежитъ неизвѣстности будущаго, не причиняетъ заботъ и не поддается зависти, но пользуется удивленіемъ, и похвалою, и всякою честію; тогда какъ у васъ оказывается противное. Васъ не только не хвалятъ за богатство, но многіе даже ненавидятъ и отвращаются, завидуютъ вамъ и строютъ козни; онъ же, такъ какъ владѣетъ истиннымъ богатствомъ, за это особенно и пользуется удивленіемъ, поэтому и не преслѣдуется ни завистію, ни кознями. А кто крѣпче здоровьемъ? Не владѣющій ли этимъ богатствомъ, какъ пользующійся чистымъ воздухомъ, и здоровыми источниками, цвѣтами и лугами и свѣжимъ благоуханіемъ, цвѣтетъ и крѣпнетъ, подобно полевымъ животнымъ, а тотъ, какъ бы лежащій въ грязи, не слабѣе ли и не больше ли расположенъ къ болѣзнямъ? Если же онъ имѣетъ предъ тѣмъ преимущество въ здоровьѣ, то, очевидно, и въ удовольствіи. Ибо кто, думаешь ты, больше наслаждается удовольствіями? Тотъ ли, кто покоится въ высокой травѣ, у чистаго источника, подъ тѣнію вѣтвистыхъ деревъ, насыщаетъ глазъ созерцаніемъ, имѣетъ душу чище неба и находится вдали отъ шума и смятенія, или тотъ, кто заключенъ въ комнатѣ? Мраморъ, конечно, не чище воздуха, и тѣнь отъ кровли не пріятнѣе тѣни древесной, а полъ каменный не лучше луга, украшеннаго разными цвѣтами. Свидѣтели этому вы, богачи, которые, если бы возможно было вамъ имѣть на кровляхъ деревья и пріятные луга, предпочли бы ихъ золотой кровлѣ и дивнымъ стѣнамъ. Посему вы, когда является желаніе отдохнуть отъ множества трудовъ, оставляете эти (стѣны) и идете къ тѣмъ (лугамъ). Но ты, можетъ быть, скорбишь о той великой 339

и важной славѣ, которой здѣсь совсѣмъ не видно? Сравнивая дворецъ съ пустынею и тамошнія надежды съ здѣшними, ты думаешь, что сынъ твой упалъ съ самаго неба. Такъ напередъ надобно узнать тебѣ, что ни пустыня не дѣлаетъ безчестнымъ, ни дворецъ— славнымъ и знатнымъ; и, прежде нежели приступимъ къ умственнымъ доказательствамъ, я разсѣю твое недоразумѣніе примѣрами, не нашими, а вашими. Слыхалъ ты, конечно, о Діонисіѣ сицилійскомъ; слыхалъ и о Платонѣ, сынѣ Аристоновомъ. Кто же изъ нихъ, скажи мнѣ, былъ знаменитѣе, кто воспѣвается и всегда воспоминается устами многихъ? Не философъ ли, преимущественно предъ тиранномъ? Между тѣмъ этотъ владѣлъ всею Сициліей, проводилъ время въ роскоши и въ теченіе всей жизни былъ окруженъ богатствомъ, копьеносцами и прочимъ блескомъ, а тотъ проводилъ время въ саду Академіи, садилъ и поливалъ деревья, ѣлъ маслины, имѣлъ скудный столъ и былъ чуждъ всего того блеска. И не такъ удивительно еще это, какъ то, что онъ, и сдѣлавшись рабомъ, и бывъ проданъ по волѣ тиранна, не только не оказался вслѣдствіе этого безславнѣе его, но и самому тиранну показался за это достойнымъ уваженія. Такова добродѣтель! Она не только дѣлами, но и страданіями своими не оставляетъ въ темнотѣ и безвѣстности и саму себя и исполняющихъ ее. А что́ учитель его, Сократъ? Насколько онъ былъ знаменитѣе Архелая? Между тѣмъ этотъ былъ царь и жилъ очень богато, а тотъ проводилъ время въ Лицеѣ, не имѣлъ ничего кромѣ одной одежды, въ которой являлся зимою и лѣтомъ и во всѣ времена года, ходилъ всегда безъ обуви, по цѣлому дню оставался безъ пищи, питался однимъ хлѣбомъ, который и замѣнялъ для него всѣ блюда и кушанья, даже и этого стола не имѣлъ дома, а получалъ его отъ другихъ, проживая въ такой крайней бѣдности; однакоже былъ настолько знаменитѣе того царя, что и послѣ многократныхъ приглашеній его къ нему не хотѣлъ оставить Лицей и пойти къ его богатству. Изъ господствующаго нынѣ мнѣнія о нихъ видно и то, что́ было прежде: ихъ имена извѣстны многимъ, а тѣхъ (Діонисія и Архелая) никому. Еще иной философъ синопскій (Діогенъ) настолько былъ богаче многихъ такихъ царей, — хотя и ходилъ въ рубищахъ, — что (Александръ) македонскій сынъ Филиппа, когда велъ войско противъ персовъ, оставивъ все, пошелъ посмотрѣть на него, и спрашивалъ, не нуждается ли онъ въ чемъ и не прикажетъ ли чего; а тотъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ (не нуждается). Не довольно ли тебѣ примѣровъ, или хочешь, чтобы мы напомнили и о другихъ? Эти мужи сдѣлались знаменитѣе не только знатныхъ царедворцевъ, но и самого царя, избравъ частную и мирную жизнь и не захотѣвъ даже приближаться къ дѣламъ общественнымъ. Но и

въ самомъ обществѣ гражданскомъ увидишь прославившимися не тѣхъ, которые жили къ богатствѣ, роскоши и изобиліи, а тѣхъ, которые проводили жизнь въ бѣдности, въ простотѣ и скромности. У аѳинянъ Аристидъ, котораго, по смерти, похоронило на свой счетъ государство, былъ настолько знаменитѣе Алкивіада, отличавшагося и богатствомъ, и происхожденіемъ, и роскошью, и силою слова, и крѣпостію тѣла, и благородствомъ, и всѣмъ другимъ, на- 340
сколько дивный философъ—какого-нибудь простого мальчика. У ѳивянъ Епаминондъ, человѣкъ, который, получивъ приглашеніе въ собраніе, не могъ придти туда, потому что одежда его находилась въ мытьѣ, а другой для перемѣны онъ не имѣлъ, былъ знаменитѣе всѣхъ тамошнихъ военачальниковъ. Такъ не говори же мнѣ ни о пустынѣ, ни о дворцѣ; слава и знатность не въ мѣстахъ, не въ одеждахъ, не въ санѣ и не во власти, но только въ душевной доблести и любомудріи.

6. Но такъ какъ примѣры не имѣютъ (рѣшающей) силы, то поведу рѣчь о самомъ твоемъ сынѣ. Мы найдемъ, что онъ не только сталъ теперь знаменитѣе, но почтеннѣе и по тому самому, за что ты называешь его безчестнымъ и униженнымъ. Убѣдимъ его, если хочешь, сойти съ горы и войти на площадь: и ты увидишь, что весь городъ обратится (къ нему), и всѣ станутъ указывать на него, удивляться ему и изумляться, какъ бы ангелъ какой теперь сошелъ съ неба. Что же еще другое почитаешь ты принадлежностію славы? Подлинно онъ будетъ знаменитѣе не только царедворцевъ, но и самого облекающагося въ діадиму, ради своихъ простыхъ и изношенныхъ одеждъ; потому что онъ не такъ изумлялъ бы всѣхъ, если бы носилъ золотую, или лучше пурпуровую одежду, даже надѣвалъ на голову самый вѣнецъ, сидѣлъ на шелковыхъ коврахъ, ѣздилъ на мулахъ и былъ сопровождаемъ златоносными оруженосцами, какъ теперь, имѣя грязный и неопрятный видъ, нося грубую одежду, шествуя безъ всякихъ спутниковъ и безъ обуви. Ибо царскія принадлежности установлены законами и стали обычными, и поэтому если бы кто сталъ съ удивленіемъ говорить о царѣ, что онъ одѣтъ въ золотую одежду, то мы не только не удивимся, но и посмѣемся этимъ словамъ, какъ не содержащимъ ничего необычнаго; но если о твоемъ сынѣ кто-нибудь пришедши скажетъ, что онъ, презрѣвъ отцовское богатство, отринувъ житейскій блескъ и ставъ выше мірскихъ надеждъ, удалился въ пустыню и одѣлся въ ветхую и худую одежду, то всѣ тотчасъ сбѣгутся, и станутъ удивляться и восхвалять его за величіе души. Притомъ, если цари подвергнутся многимъ нареканіямъ, золотыя одежды нисколько не защитятъ ихъ, тѣмъ болѣе не возбудятъ удивленія къ нимъ; а онъ и одеждами своими подастъ много поводовъ къ удивленію. Такимъ

образомъ самая одежда болѣе царской дѣлаетъ его виднымъ и знаменитымъ, если за эту никто еще не удивлялся царю, а за ту всѣ будутъ изумляться облеченному ею. А что мнѣ, скажешь ты, пользы во мнѣніи и похвалахъ толпы? Но слава и состоитъ не въ другомъ чемъ, а въ этомъ. Я не нуждаюсь въ ней, скажешь ты, а ищу власти и чести? Но восхваляющіе, конечно, будутъ и почитать. Если же ты желаешь власти и начальствованія, то и это не меньше, чѣмъ предыдущее, мы найдемъ преимущественно у здѣшнихъ. Можно бы объяснить это и примѣрами, но, обращаясь къ наиболѣе утѣшительному для тебя способу, поведемъ рѣчь примѣнительно не къ кому-нибудь другому, а къ самому твоему
341 сыну. Что ты считаешь доказательствомъ величайшей силы? Не то ли, чтобы быть въ состояніи мстить причиняющимъ огорченіе и вознаграждать дѣлающихъ добро? Но такой силы вполнѣ нельзя найти даже у царя; потому что и ему причиняютъ огорченіе многіе, которымъ онъ не можетъ воздать тѣмъ же, и дѣлаютъ добро многіе, которыхъ ему не легко вознаградить. Такъ на войнахъ часто врагамъ, причинившимъ множество огорченій и золъ, онъ желалъ бы отмстить, но не могъ; и друзьямъ, оказавшимъ тамъ великія заслуги, не могъ воздать соразмѣрныхъ наградъ, какъ предвосхищеннымъ прежде воздаянія и падшимъ въ самой войнѣ. Что же, если мы покажемъ, что твой сынъ обладаетъ иною силою гораздо бо́льшею той, которою, какъ доказало наше слово, не пользуются и цари? Никто впрочемъ пусть не думаетъ, что мы говоримъ о благахъ небесныхъ, въ которыя ты не вѣруешь; мы не забыли обѣщаній; но мы будемъ заимствовать доказательства изъ того, что бываетъ здѣсь. Если величайшая сила состоитъ въ томъ, чтобы быть въ состояніи мстить оскорбившимъ; то гораздо выше ея—достигнуть такого состоянія жизни, въ которомъ никто, хотя бы и захотѣлъ, не можетъ оскорбить насъ. Что такое (состояніе) выше того, это будетъ намъ ясно и очевидно, когда обратимся къ другому примѣру. Скажи мнѣ, что̀ лучше, быть ли столь искуснымъ въ военныхъ дѣлахъ, чтобы никто изъ ранившихъ насъ не убѣжалъ нераненнымъ, или пріобрѣсти такое тѣло, котораго бы никто, сколько бы ни старался, не могъ поранить? Для всякаго очевидно, что послѣднее могущественнѣе и божественнѣе перваго. И не только одно это, но есть и еще также высшее (могущество). Какое же это? Знаніе лѣкарствъ, которыми вылѣчиваются всѣ раны. Итакъ, изъ трехъ видовъ могущества, перваго—чтобы быть въ состояніи мстить обидѣвшимъ; второго, высшаго,—чтобы и лѣчить собственныя раны, а это конечно не всегда слѣдуетъ за первымъ; и третьяго—чтобы не быть оскорбляемымъ ни отъ кого изъ людей, что̀ конечно выше и природы человѣческой,—сынъ твой, какъ мы доказали, обладаетъ послѣднимъ.

7. Для доказательства, что эти слова не пустой звукъ, мы въ
то самое время, какъ искали этого великаго могущества, нашли
другое, еще высшее и этого. Всякій можетъ увидѣть, что имъ
(отшельникамъ) не только никто не можетъ, но и не захочетъ
сдѣлать зло, такъ что сынъ твой вдвойнѣ пользуется безопасностію.
Что же можетъ быть божественнѣе такой жизни, въ которой ни-
кто и не захочетъ, а если бы и захотѣлъ, то не сможетъ сдѣлать
зло—особенно, когда нехотѣніе происходитъ не отъ безсилія, какъ
бываетъ со многими, но отъ того, что нельзя найти никакой къ
тому причины? Если бы недѣланіе зла зависѣло только отъ без-
силія, то оно было бы не такъ важно: даже ненависть родилась
бы у тѣхъ, которые хотѣли бы, но не могутъ сдѣлать зло. А это
состояніе заключаетъ въ себѣ не мало блаженства. Его мы, если
угодно, и разсмотримъ напередъ.—Кто же, скажи мнѣ, захочетъ
когда-нибудь причинить вредъ тому, у кого нѣтъ ничего общаго
съ людьми, ни договоровъ, ни земли, ни денегъ, ни дѣлъ, ни чего-
либо другого? За какое помѣстье станетъ спорить съ нимъ, за ка-
кихъ рабовъ, за какую честь, по какому опасенію, по какому
оскорбленію? Вредить другимъ побуждаетъ насъ либо зависть, либо
страхъ, либо гнѣвъ. Но этотъ царственнѣйшій человѣкъ выше
всего. Кто позавидуетъ тому, который смѣется надъ всѣмъ тѣмъ,
о чемъ другіе бьются и хлопочутъ? Кто будетъ сердиться, не по- 342
терпѣвъ никакой обиды? Кто станетъ бояться, ничего не подозрѣ-
вая? Итакъ ясно отсюда, что никто не захочетъ вредить ему; такъ
же ясно и то, что не смогутъ, если и захотятъ; потому что нѣтъ
ни случаевъ, ни поводовъ, почему бы кто напалъ на него; но какъ
высоко парящій орелъ никогда не можетъ быть уловленъ сѣтью
(разставленною) для воробьевъ, такъ точно и этотъ человѣкъ. Чѣмъ
можетъ кто повредить ему? Денегъ у него нѣтъ, чтобы угрожать
ему потерею ихъ; родины онъ не имѣетъ, чтобы устрашать его
ссылкою; славы онъ не ищетъ, чтобы обезславить его; остается
одно—смерть; но ею въ особенности никогда и не сможетъ огор-
чить его кто-либо, но еще принесетъ ему величайшую пользу, по-
тому что поведетъ его къ другой жизни, вожделѣнной для него,
для которой онъ все дѣлаетъ и трудится, и которая для него—
прекращеніе трудовъ, не наказаніе, но избавленіе и отдохновеніе
отъ подвиговъ. Хочешь ли узнать и другой видъ его могущества,
еще болѣе свойственный любомудрію? Если кто сдѣлаетъ ему мно-
жество зла, ударитъ его или свяжетъ, то тѣло его естественно
поражается, но душа по любомудрію остается невредимою; она не
увлекается гнѣвомъ, не уловляется ненавистію, не побѣждается
враждою. И это еще не такъ важно; гораздо удивительнѣе этого
вотъ что: онъ любитъ сдѣлавшихъ ему столько зла, какъ благо-

дѣтелей и покровителей, и молится, чтобы у нихъ было всякое благо. Чтó равное этому далъ бы ты ему, если бы тысячу разъ сдѣлалъ его царемъ вселенной и продолжилъ это царствованіе на тысячи лѣтъ? Какой багряницы, какой власти, какой славы не почтеннѣе это пріобрѣтеніе? Чего бы не далъ иной, чтобы получить такую душу? Мнѣ кажется, что и страстные плотоугодники пожелали бы такой жизни. Хочешь ли и съ другой стороны видѣть еще болѣе дивное и пріятнѣйшее могущество этого мужа,— со стороны хотя не возвышенной, но для тебя особенно пріятной? Изъ сказаннаго видно, что онъ неуловимъ и неуязвимъ; но не желаешь ли знать, что онъ еще можетъ покровительствовать другимъ и доставлять имъ совершенную безопасность? Первый видъ покровительства состоитъ въ томъ, чтобы и другихъ довести до той же доблести и такимъ образомъ сдѣлать ихъ крѣпкими; если же они не захотятъ этого, но станутъ проводить жизнь болѣе человѣческую и земную, то и въ ней также ты увидишь его, не имѣющаго ничего, имѣющимъ больше могущества, чѣмъ ты, богачъ, и главнымъ образомъ именно потому, что онъ ничего не имѣетъ. Кто съ бóльшею смѣлостію станетъ бесѣдовать съ царемъ и высказывать укоризны? Ты ли, владѣющій столь многимъ и поэтому отвѣтственный предъ слугами его, опасающійся за все и представляющій ему тысячи случаевъ, если бы онъ разгнѣвавшись захотѣлъ огорчить тебя, или тотъ, стоящій выше рукъ его? Съ царями бесѣдовали съ великою смѣлостію особенно тѣ, которые удалились отъ всего житейскаго. Кому скорѣе уступитъ и окажетъ вниманіе человѣкъ сильный и обращающійся во дворцѣ: тебѣ ли, богачу, котораго онъ подозрѣваетъ, что часто многое дѣлаешь для денегъ, или тому, у кого одно только побужденіе для распоряженій—человѣколюбіе къ другимъ? Кого онъ почтитъ и уважитъ: того ли, кого не можетъ подозрѣвать ни въ чемъ низкомъ, или того, кого считаетъ ниже и слугъ своихъ? Конечно болѣе слушаются этихъ
343 (отшельниковъ), ходатайствуютъ ли они о денежныхъ выдачахъ, или о покровительствѣ.

8. Но, если хочешь, пусть онъ во всемъ успѣваетъ не чрезъ другихъ, но самъ собою: мы приведемъ какого-нибудь страдальца и къ нему и къ тебѣ, или лучше, не къ тебѣ, а къ самому царю; и посмотримъ, кто болѣе будетъ въ силахъ помочь ему. Пусть первымъ подойдетъ пострадавшій болѣе всѣхъ другихъ. Пусть будетъ это отецъ, имѣвшій одного только сына и потерявшій его во цвѣтѣ возраста. Ему ни начальникъ, ни царь, ни другой кто не въ состояніи будетъ помочь, равно какъ и ты; потому что не дашь ему ничего равнаго тому, что онъ потерялъ. А если ты приведешь его къ твоему сыну, то онъ прежде всего скоро ободритъ его видомъ

своимъ, одеждою и жилищемъ, и внушитъ ему считать за ничто все человѣческое; а потомъ и словами легко разсѣетъ облако. Изъ твоего же дома онъ вынесетъ еще больше печали; потому что когда увидитъ онъ, что твой домъ свободенъ отъ бѣдствій, исполненъ великаго благоденствія и имѣетъ наслѣдника, то будетъ еще болѣе мучиться, тогда какъ оттуда выйдетъ болѣе спокойнымъ и болѣе любомудрымъ. Видя, что сынъ твой презрѣлъ такое имущество, такую славу и блескъ, онъ будетъ не такъ сѣтовать объ умершемъ; ибо какъ онъ будетъ сокрушаться о томъ, что у него нѣтъ наслѣдника его имуществъ, когда увидитъ, что другой презираетъ все это? И уроки любомудрія онъ легче выслушаетъ отъ того, кто оправдываетъ ихъ дѣлами. Ты, какъ только осмѣлишься открыть уста, исполнишь его великаго унынія, какъ философствующій о чужихъ бѣдствіяхъ: а сынъ твой, поучая его дѣлами, легко убѣдитъ, что смерть есть не больше, какъ сонъ; онъ не станетъ перечислять многихъ отцовъ, потерпѣвшихъ тоже, что и этотъ, но покажетъ самого себя, каждодневно при жизни въ тѣлѣ помышляющаго о смерти и всегда готоваго къ ней; и укрѣпивъ вѣру въ ученіе о воскресеніи, такимъ образомъ отпуститъ его съ великимъ облегченіемъ скорби; и его слова, подтверждаемыя и дѣлами, гораздо лучше и скорѣе могутъ успокоить страдальца, нежели соучастники въ собраніяхъ и пиршествахъ. Такъ онъ уврачуетъ этого страдальца. Пусть будетъ приведенъ къ нему, если хочешь, и другой, отъ долговременной болѣзни лишившійся зрѣнія. Чѣмъ ты можешь пособить такому? А твой сынъ, доказавъ, что въ этомъ нѣтъ ничего страшнаго, тѣмъ, что самъ заключился въ малой кельѣ, стремясь къ иному свѣту и считая настоящее нисколько не важнымъ въ сравненіи съ тамошнимъ, научитъ мужественно переносить несчастіе. А обижаемымъ можешь ли ты внушить любомудріе? Нисколько; напротивъ, еще больше возмутишь, потому что мы обыкновенно яснѣе видимъ свои бѣдствія при благополучіи ближнихъ; сынъ же твой гораздо легче ободритъ и этихъ. Не говорю уже о молитвенной помощи, которая важнѣе всего этого; не говорю потому, что моя рѣчь теперь обращена къ тебѣ. Если же ты хочешь, чтобы за сына почитали тебя и не презирали (вѣроятно ты и этого желаешь), то не знаю, какимъ бы другимъ образомъ ты лучше достигъ этого, чѣмъ имѣя сына, который стоитъ выше человѣческой природы, является столь славнымъ по всей вселенной и при такой славѣ не имѣетъ ни одного врага. При
томъ (мірскомъ) могуществѣ, онъ былъ бы хотя многими почитаемъ, 344
но многими и ненавидимъ, а здѣсь всѣ почитаютъ его съ удовольствіемъ. Подлинно, если нѣкоторые люди низкіе и низкаго происхожденія, сыновья поселянъ и ремесленниковъ, приступивъ къ

этому любомудрію, сдѣлались столь почтенными для всѣхъ, что никто изъ весьма знатныхъ не стыдился входить въ ихъ жилище и раздѣлять съ ними бесѣду и трапезу, напротивъ чувствовали себя какъ бы получившими нѣкоторыя великія блага, что̀ и на самомъ дѣлѣ бываетъ; тѣмъ болѣе они поступятъ такъ, когда увидятъ, что вступилъ въ эту добродѣтельную жизнь человѣкъ знаменитаго рода, блистательнаго состоянія, имѣвшій столько надеждъ. Такимъ образомъ, о чемъ ты болѣе сѣтуешь т. е., что онъ изъ той жизни перешелъ въ эту (монашескую), это самое больше всего и дѣлаетъ его знаменитымъ и всѣхъ побуждаетъ смотрѣть на него, не какъ на человѣка, но какъ на какого-нибудь ангела. Конечно о немъ не будутъ думать того, въ чемъ подозрѣваютъ другихъ, будто т. е. онъ избралъ такой путь по честолюбію, по страсти къ деньгамъ и по желанію сдѣлаться изъ незнатнаго знатнымъ. Если такія рѣчи и о прочихъ ложны и суть *„словеса лукавствія“* (Псал. CXL, 4), то касательно твоего сына и подозрѣнія не могутъ внушить.

9. Не думай, что это бываетъ только при благочестивыхъ царяхъ; но хотя бы и перемѣнились обстоятельства власти и властители сдѣлались невѣрующими, и тогда состояніе сына твоего будетъ блистательнѣйшимъ. Наши дѣла не таковы, каковы у язычниковъ, не мнѣніямъ властителей слѣдуютъ, но держатся собственною силою, и тогда наиболѣе проявляются, когда подвергаются наибольшимъ нападеніямъ; такъ и воинъ, хотя бываетъ уважаемъ и въ мирное время, однако болѣе будетъ славенъ при наступленіи войны. Такимъ образомъ и при языческихъ властителяхъ тебѣ будетъ столько же и даже больше чести. Ибо тѣ, которые прежде уважали твоего сына, гораздо болѣе станутъ поступать такъ, когда увидятъ его вступающимъ въ борьбу, дѣйствующимъ съ бо́льшею смѣлостію и представляющимъ много поводовъ къ прославленію. Хочешь ли, мы разсмотримъ и отношеніе его къ тебѣ? Или излишне говорить объ этомъ? Тотъ, кто въ отношеніи къ другимъ столь тихъ и кротокъ, что никому не подаетъ повода къ неудовольствію, тѣмъ болѣе будетъ оказывать великое почтеніе отцу и станетъ угождать ему гораздо болѣе теперь, чѣмъ когда бы достигъ мірской власти. Облеченный великою властію, неизвѣстно, не сталъ ли бы онъ презирать и отца, а теперь онъ избралъ такую жизнь, въ которой онъ, хотя бы сталъ царственнѣе и царя, въ отношеніи къ тебѣ будетъ смиреннѣе всѣхъ. Таково наше любомудріе! Оно соединяетъ въ одной душѣ качества, кажущіяся противоположными, смиреніе и высоту. Тогда по пристрастію къ деньгамъ онъ, можетъ быть, даже сталъ бы желать твоей смерти; а теперь онъ молится, чтобы жизнь твоя про-

должилась, такъ что и за это онъ удостоится блистательныхъ вѣнцовъ. Ибо не малая награда ожидаетъ насъ за почтеніе къ родителямъ; намъ заповѣдано чтить ихъ, какъ владыкъ (Сир. III, 7), угождать имъ и словомъ и дѣломъ, если это не будетъ во вредъ благочестію. *Что бо има*, говорится въ Писаніи, *воздаси, якоже они тебѣ* (Сир. VII, 30)? Подумай же, въ сколь превосходной степени можетъ исполнить и эту добродѣтель тотъ, кто во всемъ прочемъ достигъ верха совершенства. Если бы надобно было и умереть за твою голову, онъ не откажется, не только изъ уваженія и угожденія тебѣ по закону природы, но прежде всего ради Бога, для котораго онъ презрѣлъ вообще все прочее. Итакъ, если онъ 345
теперь и почтеннѣе, и богаче, и могущественнѣе, и свободнѣе, и, при такомъ величіи духа, гораздо болѣе покоренъ тебѣ, нежели прежде; то о чемъ, скажи мнѣ, ты скорбишь? Не о томъ ли, что не безпокоишься каждый день, не палъ бы онъ на войнѣ, не прогнѣвалъ бы царя, не подвергся бы ненависти соратниковъ, какъ этого и еще бо̀льшаго боятся отцы дѣтей, возвысившихся предъ другими? Какъ поставившіе дитя на какомъ-нибудь высокомъ мѣстѣ невольно безпокоятся, какъ бы оно не упало: такъ и возводящіе сыновей на высоту власти.—Но имѣетъ нѣкоторую пріятность поясъ, и плащъ, и голосъ глашатая. На сколько же это дней, скажи мнѣ? На тридцать, на сто, или вдвое больше? А что потомъ? Не пройдетъ ли все это, какъ сновидѣніе, какъ басня, какъ тѣнь? А теперь достоинства чести у сына твоего останутся до конца, даже по смерти, и тогда еще больше; и этой власти никто не отниметъ у него, потому что онъ возведенъ на нее не людьми, а самою добродѣтелію. Но ты хотѣлъ бы видѣть его носящимъ дорогія одежды, разъѣзжающимъ на конѣ, имѣющимъ множество слугъ, кормящимъ тунеядцевъ и льстецовъ? Зачѣмъ тебѣ хотѣлось бы этого? Не за тѣмъ ли, чтобы чрезъ все это доставить ему удовольствіе? Но, если ты услышишь изъ устъ его самого (намъ, можетъ быть, ты не повѣришь), что свою жизнь онъ считаетъ настолько пріятнѣйшею жизни людей, пристрастныхъ къ роскоши, распутству, музыкѣ, тунеядцамъ и льстецамъ, и прочей разсѣянности, что предпочелъ бы тысячу смертей, если бы кто приказалъ ему, оставивъ первую пріятную жизнь, перейти къ послѣдней: что̀ скажешь ты на это? Или ты не знаешь, какъ пріятна жизнь, чуждая заботъ? Можетъ быть, и никто другой изъ людей не знаетъ еще, не вкусивъ ея въ ея чистотѣ. Если же присоединится еще знаменитость, и сойдутся вмѣстѣ эти неудобосовмѣстимыя блага—безопасность и слава: то что̀ можетъ быть лучше такой жизни?—Но для чего, скажешь, ты говоришь это мнѣ, стоящему далеко отъ любомудрія?—А для чего ты препятствуешь и сыну приблизиться къ

нему? Довольно, если этотъ недостатокъ останется при тебѣ. Не считаешь ли ты величайшимъ недостаткомъ то, когда вы, не пріобрѣтши ничего добраго въ первомъ возрастѣ, по достиженіи крайней старости ропщете на старость?—Но потому, скажешь, мы и ропщемъ на нее, что юность доставляла намъ великія блага.—Какія великія блага? Укажи старца, у котораго были бы эти великія блага. Если бы они были у него и оставались въ дѣйствительности, то онъ не скорбѣлъ бы такъ, какъ бы не имѣющій ничего такого. Если же они изчезли и пропали, то какія же они великія блага, изчезнувъ такъ скоро? Но сынъ твой не испытаетъ этого; и, если достигнетъ глубокой старости, ты не увидишь его огорченнымъ подобно вамъ, но веселящимся, радующимся и восхищающимся, потому что у него блага тогда еще болѣе будутъ процвѣтать. Ваше богатство, хотя бы доставляло множество благъ, доставляетъ ихъ только въ первомъ возрастѣ; а его богатство не таково, но остается и въ старости, сопутствуетъ и по смерти. Поэтому вы, видя въ старости, что ваше имущество умножается и
346 вамъ представляется много средствъ къ славѣ и роскоши, скорбите, потому что вашъ возрастъ уже не способенъ къ наслажденію ими; поэтому и предъ смертію вы трепещете и называете себя самыми несчастными особенно тогда, когда благоденствуете. Онъ же тогда особенно успокоится, когда состарѣется, такъ какъ скоро достигнетъ пристани и получитъ юность, всегда цвѣтущую и никогда не склоняющуюся къ старости. А ты хотѣлъ бы, чтобы сынъ твой наслаждался такими удовольствіями, въ которыхъ онъ тысячекратно раскаявался бы и скорбѣлъ, достигнувъ старости? Но да не наслаждаются ими никогда и враги ваши! Что я говорю о старости? Эти удовольствія изчезаютъ въ одинъ день, а лучше сказать, не въ день и не въ часъ, но въ краткое и непримѣтное мгновеніе. Ибо въ чемъ состоятъ эти удовольствія? Не въ томъ ли, чтобы чревоугодничать, располагаться за роскошными трапезами и обращаться съ красивыми женщинами, подобно свиньямъ, валяющимся въ грязи?

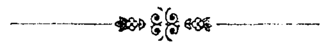
10. Впрочемъ теперь еще не объ этомъ; а пока мы разсмотримъ эти удовольствія, не пусты ли они и ничтожны, и, если угодно, напередъ разсмотримъ кажущееся болѣе другихъ пріятнымъ,—наслажденіе пищею. Покажи мнѣ продолжительность его, сколько времени въ день оно можетъ занимать васъ? Столько, что и примѣтить хорошо нельзя. Ибо какъ только кто насытился, то и лишился удовольствія, и даже прежде насыщенія оно проходитъ быстрѣе потока, изчезаетъ въ самой гортани и не способно идти далѣе вмѣстѣ съ пищею; потому что, лишь только пройдетъ чрезъ языкъ, уже и теряетъ силу. Умалчиваю о прочихъ бѣдахъ и о томъ, какое разстройство бываетъ отъ пресыщенія. Не пресытившійся

не только бываетъ веселѣе, но и легче, и отдыхать будетъ лучше того, кто едва не расторгся отъ пресыщенія: *сонъ здравый*, говорится въ Писаніи, *отъ чрева умѣренна* (Сир. XXXI, 22). Нужно ли говорить о болѣзняхъ, непріятностяхъ, несчастныхъ случайностяхъ и напрасныхъ издержкахъ? Сколько отъ этихъ пировъ возникаетъ ссоръ, сколько козней, сколько обидъ? — А пріятное обращеніе съ развратными женщинами? Какое же можетъ быть удовольствіе въ этомъ позорѣ? Впрочемъ, не будемъ пока говорить здѣсь ни объ этомъ, ни о спорахъ любовниковъ, ни о ссорахъ между соперниками и нареканіяхъ. Положимъ, что кто-нибудь свободно наслаждается этою похотію, и не имѣетъ соперника, и не пренебрегается возлюбленною; сыплетъ деньги какъ бы изъ источниковъ; — хотя и никогда невозможно всему этому сойтись вмѣстѣ, но необходимо не желающему имѣть соперника растратить все свое состояніе, чтобы превзойти щедростію всѣхъ другихъ, а не желающему обѣднѣть, быть презрѣну и отвергнуту блудницею—пусть однако не будетъ ничего этого, но все дѣлается по его желанію: гдѣ же можешь ты показать намъ удовольствіе отъ этого? Его не оказывается даже во время самаго удовлетворенія похоти; удовлетворившій похоть уже лишился удовольствія и удовлетворяющій похоти находится не въ удовольствіи, но въ смущеніи и безпокойствѣ, въ возбужденіи и безуміи и въ великомъ смятеніи и
разстройствѣ. Не таково наше наслажденіе; нѣтъ, оно навсегда 347
оставляетъ душу невозмутимою, не причиняетъ ей никакого смятенія и волненія, но доставляетъ радость, чистую и непорочную, достославную и безконечную,—такую, которая гораздо сильнѣе и живѣе вашей. Наше наслажденіе пріятнѣе и потому, что ваше можетъ быть уничтожено страхомъ; ибо, если бы царь издалъ указъ, угрожающій за это удовольствіе смертію, то большая часть людей отказалась бы отъ него; что же до нашего (наслажденія), то, хотя бы кто угрожалъ тысячью смертей, не только не убѣдитъ насъ пренебрегать имъ, но скорѣе самъ будетъ осмѣянъ; настолько оно сильнѣе и пріятнѣе вашего, и даже не допускаетъ сравненія съ нимъ. Не гнѣвайся же на сына за то, что онъ отъ скоротечныхъ или лучше недѣйствительныхъ благъ перешелъ къ дѣйствительнымъ и постояннымъ; не плачь о немъ, достойномъ быть ублажаемымъ, но о томъ, кто не таковъ и кружится въ настоящей жизни, какъ бы въ Еврипѣ [1]). А главное вотъ что: ты невѣрующій и язычникъ; прими же хотя это слово. Ты, конечно, слыхалъ о рѣкахъ Кокитахъ и Пирифлегеѳонтахъ, о водѣ Стикса и о тартарѣ, столько отстоящемъ отъ земли, сколько она отъ неба, и о многихъ родахъ нака-

[1]) Еврипъ—бурный проливъ у о. Евбеи.

заній. Хотя еллины, руководствовавшіеся своими умствованіями и нашими искаженными преданіями, и не могли поистинѣ сказать объ этомъ, какъ оно есть: однако они получили нѣкоторое образное представленіе о судѣ; и ты найдешь, что и поэты, и философы, и ораторы, и всѣ философствовали объ этихъ предметахъ. Ты слыхалъ также объ Елисейскомъ полѣ, и объ островахъ блаженныхъ, о лугахъ и миртахъ, о нѣжномъ вѣтрѣ и великомъ благоуханіи, о хорахъ тамъ обитающихъ и одѣтыхъ въ бѣлую одежду, ликующихъ и воспѣвающихъ нѣкоторые гимны, и вообще объ ожидающемъ добрыхъ и злыхъ воздаяніи по отшествіи отсюда. Какъ же, ты думаешь, живутъ съ такими мнѣніями добрые и недобрые? Однихъ, когда они думаютъ объ этомъ, хотя бы у нихъ настоящая жизнь протекала безпечально и въ великомъ удовольствіи, не преслѣдуетъ ли, какъ бы какой бичъ, совѣсть и ожиданіе имѣющихъ постигнуть ихъ страданій; а добрые, хотя бы терпѣли тысячи золъ, не питаютъ ли, по словамъ Пиндара, цѣлительной надежды, которая не даетъ имъ ощущать настоящихъ бѣдствій? Такимъ образомъ и отъ этого у послѣднихъ бываетъ больше удовольствія. Ибо гораздо лучше, начавши временными трудами, закончить безконечнымъ успокоеніемъ, нежели, вкусивъ на краткое время мнимыхъ пріятностей, наконецъ впасть въ самыя горькія и тяжкія бѣдствія. А когда при этомъ еще несомнѣнно, что такая жизнь и здѣсь пріятнѣе, то не должно ли теперь дѣлать то, о чемъ я сказалъ въ началѣ, жалѣть тѣхъ, которые оплакиваютъ такія блага? Подлинно, сынъ твой достоинъ не слезъ, но рукоплесканій и вѣнцовъ,
348 какъ пришедшій къ безмятежной жизни и въ тихую пристань.—Но тебя порицаютъ многіе отцы, которыхъ дѣти кружатся въ настоящей жизни; другіе, смотря на тебя, плачутъ, а иные смѣются надъ тобою? Почему же ты еще больше не смѣешься надъ ними и не плачешь? Мы должны смотрѣть не на то, смѣются ли надъ нами, а хорошо ли и справедливо ли это дѣлаютъ; если такъ, то хотя бы и не смѣялись, мы должны плакать; если же дѣлаютъ это несправедливо, то, хотя бы всѣ смѣялись, мы должны ублажать себя, а ихъ оплакивать, какъ самыхъ несчастныхъ и ничѣмъ не отличающихся отъ безумныхъ. Ибо смѣяться надъ тѣмъ, что̀ достойно великихъ похвалъ и вѣнцовъ, свойственно безумнымъ и больнымъ подобно имъ. Не счелъ ли бы ты насмѣшкой, скажи мнѣ, если бы тебя всѣ стали хвалить, превозносить и называть блаженнымъ за то, что сынъ твой пристрастился къ безумному занятію плясуновъ и наѣздниковъ? А что̀, если бы они стали смѣяться и порицать его, когда бы онъ дѣлалъ что-либо благородное и достойное похвалъ, не назвалъ ли бы ты ихъ безумными? Такъ поступимъ и теперь: предоставимъ приговоръ о твоемъ сынѣ не мнѣнію толпы, но тща-

тельному обсужденію дѣла; и ты увидишь, что эти насмѣшники—отцы скорѣе рабовъ, а не свободныхъ, если сравнивать ихъ дѣтей съ твоимъ сыномъ. Теперь ты, омрачаемый скорбію, не можешь вникнуть въ это; когда же немного успокоишься и сынъ твой окажетъ великую добродѣтель, ты уже не будешь нуждаться въ нашихъ словахъ, но самъ станешь другимъ говорить это и еще больше этого. Предсказываю тебѣ это не безъ основанія, но по опыту. У меня былъ другъ, имѣвшій отца невѣрующаго, богатаго, уважаемаго и во всѣхъ отношеніяхъ знаменитаго. Этотъ отецъ сперва дѣйствовалъ чрезъ начальниковъ, и грозилъ узами и, отнявъ у сына все, оставилъ его на чужой землѣ и безъ необходимой пищи, чтобы такимъ образомъ заставить его—возвратиться къ мірской жизни; но когда увидѣлъ, что сынъ ничему этому не уступаетъ, то, побѣжденный, запѣлъ иную пѣсню; и теперь почитаетъ и уважаетъ сына болѣе, чѣмъ (своего) отца, и, хотя имѣетъ много и другихъ дѣтей почтенныхъ, но говоритъ о нихъ, что они негодны даже и въ слуги тому; и самъ чрезъ того сына сдѣлался гораздо знаменитѣе. Это мы увидимъ и на твоемъ сынѣ; и что я не лгу, ты хорошо узнаешь на самомъ дѣлѣ. Поэтому я замолчу наконецъ, и только попрошу тебя, подожди одинъ годъ или еще меньше времени,—для нашей добродѣтели не нужно много дней, потому что она возращается божественною благодатію,—и ты увидишь, что все сказанное исполнится на самомъ дѣлѣ, и не только похвалишь то, что уже сдѣлано, но, если пожелаешь хотя немного возвыситься, скоро и самъ сдѣлаешься подражателемъ ему, имѣя въ сынѣ учителя добродѣтели.



КЪ ВѢРУЮЩЕМУ ОТЦУ.

СЛОВО ТРЕТІЕ.

НАУЧИМЪ теперь и вѣрующаго отца, что не должно враждовать 319
противъ тѣхъ, которые привлекаютъ сына его къ богоугодному. Конечно, можно опасаться, чтобы и это слово наше не оказалось излишнимъ и не вышло противное тому, о чемъ я говорилъ прежде. Тогда я сказалъ, что законъ борьбы не принуждаетъ меня выступать противъ язычника, но что апостолъ Павелъ оставилъ насъ свободными отъ состязанія со внѣшними, повелѣвъ судить только внутреннихъ (1 Кор. v, 12). А теперь, какъ кажется, мы не обязаны и къ этимъ преніямъ; если и прежде ка-

залось постыднымъ бесѣдовать объ этомъ съ христіаниномъ, тѣмъ
болѣе теперь. Ибо какъ не стыдно будетъ вѣрующему нуждаться
въ увѣщаніи касательно того, въ чемъ и невѣрующій ничего не
можетъ сказать противъ насъ? Что же? Ужели мы поэтому за-
молчимъ и ничего не скажемъ? Нѣтъ. Если бы кто нибудь пору-
чился за будущее и сдѣлалъ для насъ очевиднымъ, что впредь
никто не отважится на это, тогда слѣдовало бы и намъ успокоиться
и предать прошедшее забвенію; но такъ какъ мы не имѣемъ ни
одного достовѣрнаго поручителя въ этомъ, то необходимо и сло-
весное увѣщаніе. Если оно найдетъ страждущихъ такою болѣзнію,
то сдѣлаетъ свое; а если никто не впадетъ въ эту слабость, то
желаемое нами исполнилось. И врачамъ, по изготовленіи лѣкарствъ
для больныхъ, слѣдуетъ желать, чтобы больному не было и нужды
въ нихъ: такъ и мы молимся, чтобы никому изъ нашихъ братій
не было нужды въ этомъ увѣщаніи; если же она случится,—чего
да не будетъ,—то, по пословицѣ, не избѣжать имъ второго плава-
нія.—Итакъ, представимъ себѣ и вѣрующаго такимъ же, каковъ
невѣрующій, подобнымъ ему во всемъ, кромѣ понятія о Богѣ;
пусть онъ и плачетъ также, и валяется у всѣхъ въ ногахъ, и ука-
зываетъ на свои сѣдины, и на старость, и на одиночество; пусть
говоритъ все тоже и, сколько хочетъ, возбуждаетъ гнѣвъ въ судьяхъ.
Впрочемъ съ нимъ судъ у насъ уже не предъ людьми, потому
что онъ слышалъ все, что у насъ мужи, исполненные Духа Божія,
любомудрствовали о страшномъ и ужасномъ судилищѣ по отшествіи
отсюда. И прежде всего прочаго ему должно напомнить о томъ днѣ,
объ огнѣ текущемъ рѣкою, о пламени никогда не угасающемъ, о
померкающихъ лучахъ (солнца), о скрывающейся лунѣ, о спадаю-
щихъ звѣздахъ, о свивающихся небесахъ, о колеблющихся силахъ
(небесныхъ), о потрясаемой со всѣхъ сторонъ и мятущейся землѣ,
о страшномъ и непрерывномъ звукѣ трубъ, объ ангелахъ, прохо-
дящихъ по вселенной, о тысячахъ предстоящихъ, о тмахъ служа-
щихъ, о грядущихъ съ самимъ Судіею воинствахъ, о сіяющемъ
250 предъ Нимъ знаменіи, о поставляемомъ престолѣ, о раскрываемыхъ
книгахъ, о неприступной славѣ, о страшномъ и ужасномъ гласѣ
Судіи, однихъ посылающаго въ огонь, уготованный діаволу и анге-
ламъ его, а для другихъ затворяющаго двери и послѣ ихъ великаго
подвига дѣвства; однимъ изъ слугъ Своихъ повелѣвающаго связать
плевелы и ввергнуть въ пещь, а другимъ—сковать нѣкоторымъ ноги
и связать руки, отвести ихъ во тьму кромѣшнюю и предать му-
чительному скрежету зубовъ; предающаго тяжчайшему и жесто-
чайшему наказанію—одного за безстыдные только взгляды, другого
за неумѣстный смѣхъ, иного за то, что безъ изслѣдованія осу-
дилъ ближняго, а другого за то только, что злословилъ (ближняго);

а что и за это положено наказаніе, можно слышать отъ Самого имѣющаго совершить наказаніе въ Его словахъ и угрозахъ. Къ этому Судіи необходимо всѣмъ намъ отойти отсюда и увидѣть тотъ день, въ который будетъ открыто и обнаружено все, т. е., не только дѣла и слова, но и самыя помышленія.

2. Тогда мы дадимъ страшный отвѣтъ и въ томъ, что теперь кажется маловажнымъ; ибо Судія съ одинаковою строгостію требуетъ отъ насъ (попеченія о) спасеніи и нашемъ и нашихъ ближнихъ. Посему Павелъ вездѣ убѣждаетъ, чтобы *кійждо* искалъ не *своего си, но еже ближняго* (1 Кор. x, 24); посему онъ и Коринѳянъ сильно порицаетъ за то, что они не попеклись и не позаботились о впадшемъ въ прелюбодѣяніе, но оставили безъ вниманія опасную рану его (1 Кор. v, 1. 2); и въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *братіе! аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго* (Гал. vi, 1). А еще прежде ихъ онъ убѣждаетъ къ тому же самому и Ѳессалоникійцевъ, словами: *сего ради утѣшайте другъ друга, якоже и творите* (1 Сол. v, 11); и еще: *вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя* (1 Сол. v, 14). Дабы кто-нибудь не сказалъ: „что мнѣ заботиться еще о другихъ?—погибающій пусть погибаетъ, а спасающійся пусть спасается; это нисколько меня не касается; мнѣ повелѣно смотрѣть за собою“,—дабы кто-нибудь не сказалъ этого, Павелъ, желая истребить такую звѣрскую и безчеловѣчную мысль, противопоставилъ ей такіе законы, повелѣвая оставлять безъ вниманія многое изъ своего, чтобы устроивать дѣла ближнихъ, и требуетъ во всемъ такой строгости жизни. Такъ и въ посланіи къ Римлянамъ онъ заповѣдуетъ имѣть великое попеченіе объ этомъ долгѣ, поставляя сильныхъ какъ бы отцами для немощныхъ и убѣждая заботиться объ ихъ спасеніи (Римл. xv, 1). Но здѣсь онъ говоритъ это въ видѣ увѣщанія и совѣта, а въ другомъ мѣстѣ потрясаетъ души слушающихъ съ великою силою, когда говоритъ, что нерадящіе о спасеніи братій грѣшатъ противъ самого Христа и разрушаютъ зданіе Божіе (1 Кор. viii, 12). И это говоритъ онъ не
отъ себя, но по наставленію Учителя. Ибо и Единородный (Сынъ) 351
Божій, желая внушить, какъ обязателенъ этотъ долгъ, и что не желающихъ исполнять его ожидаютъ великія бѣдствія, сказалъ: *иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. xviii, 6). И принесшій талантъ подвергается наказанію не за то, что онъ пренебрегъ чѣмъ-нибудь собственнымъ, но за то, что нерадѣлъ о спасеніи ближнихъ. Такимъ образомъ, хотя бы у насъ все было хорошо устроено въ нашей жизни, нѣтъ намъ никакой пользы, потому что и того грѣха довольно, чтобы вверг-

нуть насъ въ геенскую пучину. Если и тѣхъ, которые не хотѣли помогать ближнему въ тѣлесныхъ нуждахъ, не спасетъ никакое объясненіе, такъ что, хотя бы они и подвигъ дѣвства совершили, будутъ всетаки извержены изъ брачнаго чертога; то опустившій гораздо важнѣйшее (потому что попеченіе о душѣ гораздо важнѣе)—не потерпитъ ли по справедливости всѣ бѣдствія? Богъ создалъ человѣка не для того, чтобы онъ приносилъ пользу только себѣ самому, но—и многимъ другимъ. Посему и Павелъ называетъ вѣрующихъ *свѣтилами* (Филип. II, 15), выражая, что они должны быть полезны и другимъ; ибо свѣтило не было бы и свѣтиломъ, доколѣ освѣщало бы только себя. Поэтому онъ нерадящихъ о ближнихъ называетъ худшими даже язычниковъ въ слѣдующихъ словахъ: *аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ, не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8). Чтò же онъ хочетъ здѣсь означить словомъ: *промышляетъ?* Доставленіе ли необходимаго? Я думаю, что онъ разумѣетъ попеченіе о душѣ: если же ты не согласишься, то и тогда мое мнѣніе будетъ еще болѣе твердымъ. Ибо, если онъ говоритъ это о тѣлѣ, предаетъ такому наказанію и называетъ худшимъ язычниковъ не подающаго этой ежедневной пищи; то гдѣ будетъ мѣсто тому, кто небрежетъ о важнѣйшемъ и необходимѣйшемъ?

3. Разсудимъ же теперь о важности нашего грѣха и, восходя мало по малу, покажемъ, что нерадѣніе о дѣтяхъ больше всѣхъ грѣховъ и доходитъ до самаго верха нечестія. Такъ, первая степень порочности, нечестія и жестокости, есть небреженіе о друзьяхъ. Впрочемъ сведемъ слово еще ниже; не знаю, какъ это я едва не забылъ, что прежній законъ, данный іудеямъ, не позволяетъ пренебрегать и скотами враговъ или упавшими, или заблудившимися, но повелѣваетъ этихъ привести, а тѣхъ поднять (Исх. XXIII, 4, 5). Итакъ первая, снизу идущая, степень порочности и жестокости—оставлять безъ вниманія рабочій и домашній скотъ враговъ, когда онъ страждетъ; а вторая за ней, высшая—нерадѣть о самихъ врагахъ; потому что насколько человѣкъ превосходнѣе безсловеснаго, настолько этотъ грѣхъ больше того; третья за этою (степень)—презирать братій, хотя бы они были и незнакомые; четвертая—нерадѣть о домашнихъ; пятая,—когда небрежемъ не только объ ихъ тѣлѣ, но и о погибающей душѣ; шестая,—когда безпечно смотримъ на гибель не только домашнихъ, но и дѣтей нашихъ; седьмая,—когда не ищемъ и другихъ, кто бы о нихъ позаботился; осьмая,—когда и тѣмъ, которые сами собою хотятъ это дѣлать, препятствуемъ и запрещаемъ; девятая, когда не только препятствуемъ, но и возстаемъ противъ нихъ. Такимъ образомъ, если наказаніе
352 постигнетъ первую, вторую и третью степень этой порочности, то

какой огонь будетъ слѣдовать превзошедшей всѣ прочія, вашей, именно девятой степени? Даже можно безошибочно назвать ее не только девятою, или десятою, но и одиннадцатою. Почему? Потому, что этотъ грѣхъ не только по существу своему гораздо важнѣе прежде исчисленныхъ, но и по времени болѣе тяжекъ. Что же значитъ это *по времени?* То, что если мы теперь будемъ совершать грѣхи одинаковые съ подзаконными, то подвергнемся не одинаковымъ наказаніямъ, но гораздо тягчайшимъ, насколько бо́льшій мы получили даръ, совершеннѣйшее приняли ученіе и большею почтены честію. Итакъ, если этотъ грѣхъ такъ тяжекъ и по существу и по времени, подумай, какое пламя низведетъ онъ на голову дерзающихъ совершить его? И что я такъ разсуждаю не безъ основанія, докажу это дѣйствительнымъ событіемъ, дабы вы знали, что, хотя бы у насъ все наше было благоустроено, мы подвергнемся крайнему наказанію, если нерадимъ о спасеніи дѣтей. Разскажу вамъ не своими словами, но содержащимися въ божественномъ Писаніи. Былъ у іудеевъ одинъ священникъ, человѣкъ скромный и кроткій; имя ему было Илій. Этотъ Илій дѣлается отцомъ двухъ сыновей. Видя, что они предаются нечестію, онъ не удерживалъ ихъ и не останавливалъ, или, вѣрнѣе, онъ удерживалъ и останавливалъ, но дѣлалъ это не съ надлежащимъ усердіемъ. А проступки этихъ сыновей состояли въ любодѣяніи и чревоугодіи. Они, говорится (въ Писаніи), ѣли священныя мяса прежде ихъ освященія и прежде возношенія жертвы Богу (1 Царств. II, 15. 16). Слыша объ этомъ, отецъ не наказывалъ ихъ, а пытался словомъ и убѣжденіемъ отклонить ихъ отъ этого нечестія, и постоянно говорилъ имъ такія слова: *ни, чада, ни, не творите тако: яко не благъ слухъ, егоже азъ слышу о васъ, еже не работати людемъ Богу. Аще согрѣшая согрѣшитъ мужъ мужеви, помолятся о немъ ко Господу: аще же Господеви согрѣшитъ, кто помолится о немъ* (II, 24. 25)? Очень сильныя и поразительныя слова, достаточныя для вразумленія того, у кого есть умъ! Онъ выставлялъ на видъ грѣхъ, показывалъ его ужасъ, объявлялъ и угрожающее за него тяжкое и страшное осужденіе; однакоже, такъ какъ не все сдѣлалъ, что слѣдовало, то и самъ погибъ вмѣстѣ съ ними. Слѣдовало бы и усилить угрозы, и прогнать ихъ съ глазъ своихъ, и наказать бичами, и быть гораздо болѣе строгимъ и суровымъ. А такъ какъ онъ ничего этого не сдѣлалъ, то разгнѣвалъ Бога и противъ себя и противъ нихъ, и, оказавъ неумѣстное снисхожденіе къ своимъ дѣтямъ, вмѣстѣ съ дѣтьми погубилъ и свое спасеніе. Послушай, что Богъ говоритъ ему, или вѣрнѣе—уже не ему, потому что его Онъ призналъ уже недостойнымъ отвѣта; но, какъ тяжко провинившемуся рабу, даетъ ему знать объ угрожающихъ ему бѣд-

ствіяхъ чрезъ другого. Таковъ былъ тогда гнѣвъ Божій! Послушай же, что говоритъ (Богъ) объ учителѣ его ученику; потому что лучше хотѣлъ говорить о его бѣдствіяхъ и ученику, и другому пророку, и всѣмъ, нежели ему, — такъ окончательно отвратился отъ него! Чтò же Онъ говоритъ Самуилу? (Илій) *вѣдяше, яко злословиста Бога сынове его, и не наказа ихъ* (1 Цар. III, 13); не то, чтобы не вразумлялъ: онъ и вразумлялъ, но Богъ говоритъ,
353 что это еще не вразумленіе, и отвергъ его, потому что оно было безъ силы и настойчивости. Такъ, если и мы, хотя печемся о дѣтяхъ, но не столько, сколько нужно, то и наше попеченіе не есть попеченіе, какъ и Иліево вразумленіе. Сказавъ о преступленіи, (Господь) съ великимъ гнѣвомъ налагаетъ и наказаніе: *кляхся*, говоритъ Онъ, *дому Иліину, яко не очистится неправда дому Иліина въ кадилахъ и жертвахъ до вѣка* (1 Цар. III, 14). Видишь, какое сильное негодованіе и наказаніе безъ надежды на пощаду? Неизбѣжно, говоритъ, должно ему погибнуть, и не только ему и сыновьямъ его, но вмѣстѣ съ нимъ и всему дому, и не будетъ никакого врачевства, которое бы исцѣлило эту рану. Между тѣмъ Богъ ни за что другое, кромѣ безпечности о дѣтяхъ, не могъ тогда винить этого старца, дивнаго во всемъ другомъ, котораго все любомудріе можно видѣть не только изъ другихъ, но и изъ самыхъ обстоятельствъ настоящаго несчастія. Такъ, во-первыхъ, когда онъ услышалъ обо всемъ этомъ и увидѣлъ себя на пути къ крайнему наказанію, то не сталъ роптать и негодовать, не сказалъ ничего такого, чтò обыкновенно говорятъ люди: „развѣ я властенъ въ чужой волѣ?—за свои грѣхи я долженъ нести наказаніе, а дѣти сами въ возрастѣ, сами только и должны бы быть наказаны“. Ничего такого онъ и не сказалъ и не подумалъ, но, какъ благонамѣренный рабъ, только то и знающій, чтобы благодушно переносить всё отъ господина, хотя бы и непріятное, произнесъ такія, преисполненныя любомудрія, слова: *Господь самъ, еже благо предъ Нимъ, да сотворитъ* (1 Цар. III, 18). И не отсюда только, но и изъ другого случая можно увидѣть доблесть его. Когда, во время постигшей іудеевъ войны, нѣкто пришелъ и разсказалъ о несчастіяхъ на этой войнѣ, и о томъ, какъ дѣти его постыдно и бѣдственно пали въ сраженіи, онъ выслушалъ это спокойно; когда же тотъ къ (вѣсти объ) этомъ пораженіи присовокупилъ (вѣсть) о взятіи врагами кивота, тогда помрачившійся отъ скорби старецъ *паде съ престола взнакъ близъ дверій, и сокрушися хребетъ его, яко старъ бѣ и тяжекъ*, и знаменитъ, *и той суди Израиля двадесять лѣтъ* (1 Цар. IV, 18). Если же священника,—престарѣлаго, знаменитаго, двадцать лѣтъ безукоризненно начальствовавшаго надъ еврейскимъ народомъ,—жившаго во вре-

мена, не требовавшія великой строгости, ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не могло извинить, но онъ погибъ ужасно и бѣдственно за то, что не заботился о дѣтяхъ съ полнымъ вниманіемъ, и грѣхъ этой слабости, какъ сильная и великая волна, превысилъ все прочее и закрылъ всѣ добрыя дѣла его; то какое осужденіе постигнетъ насъ, которые живемъ во времена, требующія гораздо бо́льшаго любомудрія, но не имѣемъ и его добродѣтели, и не только сами не имѣемъ попеченія о дѣтяхъ, но и противъ желающихъ дѣлать это строимъ козни и возстаемъ, и относимся къ дѣтямъ своимъ хуже всякаго варвара? Ибо жестокость варваровъ доводитъ только до рабства, до опустошенія и плѣненія отечества, и вообще до бѣдствій тѣлесныхъ; а вы порабощаете самую душу, и, связавъ ее какъ какого-нибудь плѣнника, предаете такимъ образомъ лукавымъ и свирѣпымъ демонамъ и ихъ страстямъ. Именно это, а не другое что, дѣлаете вы, когда и сами не внушаете (дѣтямъ) ничего духовнаго, и другимъ дѣлать это не позволяете. Пусть никто
не говоритъ мнѣ, что многіе, больше Илія нерадѣвшіе о своихъ 354
дѣтяхъ, не потерпѣли ничего такого, что̀ Илій: нѣтъ, многократно терпѣли, и многіе, и болѣе того тяжкое, и за такой же грѣхъ. Ибо откуда преждевременныя смерти? Откуда тяжкія и продолжительныя болѣзни, и у насъ, и у нашихъ дѣтей? Откуда потери, откуда несчастія, откуда огорченія, откуда безчисленное множество золъ? Не отъ небреженія ли о порочныхъ дѣтяхъ? Что это не вымыселъ, достаточно могутъ свидѣтельствовать и бѣдствія этого старца; но я скажу вамъ еще слово объ этомъ одного изъ нашихъ мудрецовъ. Онъ, разсуждая о дѣтяхъ, говоритъ такъ: *не веселися о сынѣхъ нечестивыхъ; аще нѣсть страха Господня съ ними, не вѣруй животу ихъ* (Сир. XVI, 1. 2); ты зарыдаешь плачемъ преждевременнымъ, и неожиданно узнаешь объ ихъ погибели. Итакъ многіе, какъ я сказалъ, потерпѣли много подобнаго; если же нѣкоторые и избѣгли, то не до конца избѣгнутъ, но — на зло своей головѣ, потому что понесутъ жесточайшее наказаніе по отшествіи отсюда. Почему же, скажутъ, не здѣсь всѣ наказываются? Потому что Богъ назначилъ день, въ который будетъ Онъ судить вселенную, но этотъ день еще не пришелъ. Съ другой стороны, если бы было такъ, то весь родъ нашъ давно бы уже прекратился и изчезъ. Но чтобы и этого не случилось, и отъ замедленія суда многіе не сдѣлались безпечнѣе, Богъ, избирая нѣкоторыхъ виновныхъ во грѣхахъ и наказывая здѣсь, чрезъ нихъ и прочимъ показываетъ мѣру угрожающихъ имъ наказаній, чтобы они знали, что, если они здѣсь и не потерпятъ наказанія, то, безъ сомнѣнія, понесутъ болѣе тяжкое по отшествіи туда. Не будемъ же безчувственными отъ того, что Богъ теперь не посылаетъ пророка и не предвозвѣщаетъ на-

казанія, какъ было съ Иліемъ, потому что теперь не время пророковъ; впрочемъ, Онъ посылаетъ ихъ и теперь. Откуда это извѣстно намъ? *Имутъ*, говоритъ (Господь), *Моисея и пророки* (Лук. XVI, 29). Сказанное древнимъ сказано также и намъ; и Богъ говоритъ не одному Илію, но, чрезъ него и его страданія, всѣмъ, подобно ему согрѣшающимъ. Богъ нелицепріятенъ, и, если Онъ такъ истребилъ со всѣмъ домомъ менѣе виновнаго, то не оставитъ безъ наказанія совершившихъ болѣе тяжкія прегрѣшенія.

4. Нельзя сказать и того, будто у Него немного попеченія объ этомъ дѣлѣ: нѣтъ, Онъ имѣетъ великое промышленіе о воспитаніи дѣтей. Для того Онъ и вложилъ такое влеченіе въ природу родителей, чтобы поставить ихъ какъ бы въ неизбѣжную необходимость заботиться о дѣтяхъ. А впослѣдствіи въ своихъ изреченіяхъ Онъ преподалъ намъ и законы касательно попеченія о нихъ, и, учреждая праздники, повелѣлъ объяснять дѣтямъ причину (установленія) ихъ. Такъ, сказавъ о пасхѣ, Онъ присовокупилъ: *и возвѣстиши сыну твоему въ день онъ, глаголя: сего ради сотворилъ Богъ мнѣ, егда исхождахъ изъ Египта* (Исх. XIII, 8). Тоже самое дѣлаетъ Онъ и въ законѣ, потому что, сказавъ о перворожденныхъ, опять присовокупляетъ: *аще вопроситъ тя сынъ твой по сихъ, глаголя: что сіе? речеши ему: яко рукою крѣпкою изведе насъ Господь изъ Египта, изъ дому работы. Егда бо ожесточися Фараонъ отпустити насъ, изби* (Господь) *всякаго первенца въ земли египетстѣй, отъ первенца человѣча до первенца скотія: сего ради азъ въ жертву приношу Господу всякое разверзающее ложесна*
355 *мужескъ полъ* (ст. 14. 15). Всѣмъ этимъ Онъ внушаетъ вести дѣтей къ богопознанію. И самимъ дѣтямъ Онъ заповѣдуетъ многое относительно ихъ родителей, награждая послушныхъ, а неблагодарныхъ наказывая, и такимъ образомъ дѣлая ихъ еще болѣе любезными для родителей. Такъ, когда кто сдѣлаетъ насъ властными надъ кѣмъ-либо, то этою честію онъ налагаетъ на насъ сильнѣйшее обязательство заботиться о немъ; потому что и безъ всего другого это одно, что вся судьба того человѣка находится въ нашихъ рукахъ, достаточно для нашего предостереженія и мы нескоро рѣшились бы покинуть того, кто ввѣренъ намъ; если же онъ потомъ станетъ еще гнѣваться и негодовать болѣе самихъ обижаемыхъ и являться строгимъ карателемъ; то этимъ еще болѣе побудитъ насъ (къ исполненію долга). Тоже сдѣлалъ и Богъ. Къ этимъ побужденіямъ Онъ прибавилъ еще третье, состоящее въ природной связи, а если хочешь, то—первое. Дабы родители, получивъ повелѣніе воспитывать дѣтей, не пренебрегали Его повелѣніями, Онъ присоединилъ естественную необходимость. А чтобы эта связь не была ослабляема оскорбленіями со стороны дѣтей и не расторглась,

Онъ оградилъ ее наказаніями и отъ Себя и отъ самихъ родителей, такимъ образомъ и дѣтей весьма строго подчиняя (родителямъ), и въ родителяхъ возбуждая любовь (къ дѣтямъ). И не этимъ только, но и другимъ еще, четвертымъ, способомъ Богъ крѣпко и тѣсно связалъ насъ съ ними. Онъ не только дѣтей злыхъ въ отношеніи къ родителямъ наказываетъ, а къ добрымъ благоволитъ, но точно такъ же поступаетъ и съ родителями, тяжко наказывая нерадящихъ о дѣтяхъ, а попечительныхъ удостоивая почестей и похвалъ. Такъ и того старца (Илія), въ другихъ отношеніяхъ знаменитаго, Онъ наказалъ за одно только нерадѣніе (о дѣтяхъ); а патріарха (Авраама) наградилъ за его попечительность не менѣе, какъ и за другія (добродѣтели). Сказавъ о многихъ и великихъ дарахъ, которые обѣщалъ дать ему, и приводя причину, указалъ на эту (добродѣтель): *вѣмъ бо,* говоритъ, *яко заповѣстъ Авраамъ сыномъ своимъ и дому своему по себѣ: и сохранятъ пути Господа Бога творити правду и судъ* (Быт. XVIII, 19). Это сказано мною теперь для того, чтобы мы знали, что Богъ не будетъ снисходительно переносить нерадѣніе о тѣхъ, о которыхъ самъ Онъ столько печется. Ибо невозможно, чтобы одинъ и тотъ же (Богъ) и столько дѣлалъ Самъ для спасенія этихъ (дѣтей), и оставлялъ безъ вниманія нерадѣніе о нихъ (со стороны родителей). Такъ, Онъ не оставитъ этого безъ вниманія, но будетъ сильно негодовать и гнѣваться, какъ и оказалось на самомъ дѣлѣ. Посему и блаженный Павелъ, настоятельно убѣждая, говоритъ: *отцы, воспитывайте чада въ наказаніи и ученіи Господни* (Еф. VI, 4). Если мы имѣемъ повелѣніе неусыпно заботиться о душахъ ихъ, *яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17), тѣмъ болѣе—отецъ, который родилъ сына, воспиталъ и постоянно живетъ съ нимъ. Какъ не можетъ онъ прибѣгать къ извиненію и оправданію въ своихъ собственныхъ грѣхахъ, такъ точно и въ проступкахъ дѣтей. И это также ясно выразилъ блаженный Павелъ. Заповѣдуя, каковыми должны быть принимающіе начальство надъ другими, онъ, вмѣстѣ со всѣми другими необходимыми для нихъ качествами, требуетъ и попечительности о дѣтяхъ, такъ что нѣтъ намъ извиненія, когда дѣти у насъ развратны (1 Тим. III, 4. 5). И совершенно справедливо! Потому что, если бы порочность въ людяхъ была отъ природы, то иной имѣлъ бы право прибѣгать къ извиненію; но такъ какъ мы бываемъ и худы и хороши по свободной волѣ, то какое благовидное оправданіе можетъ представить допу- 356
стившій до развращенія и порочности (сына) любимаго имъ больше всего? То ли, что не хотѣлъ сдѣлать его честнымъ? Но ни одинъ отецъ не скажетъ этого; потому что сама природа настоятельно и непрерывно побуждаетъ его къ тому. Или то, что не могъ? Но и этого нельзя сказать, потому что многое—и то, что онъ взялъ сына

(на свое попеченіе) еще въ нѣжномъ возрастѣ, и то, что ему первому и одному только вручена власть надъ нимъ, и то, что онъ постоянно имѣлъ его при себѣ,—дѣлаетъ для него воспитаніе (сына) легкимъ и очень удобнымъ. Такимъ образомъ, развращеніе дѣтей происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ безумной привязанности (родителей) къ житейскому: обращая вниманіе только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже нерадятъ о дѣтяхъ съ ихъ душею. О такихъ отцахъ я сказалъ бы (и никто пусть не приписываетъ этихъ словъ гнѣву), что они хуже даже дѣтоубійцъ. Тѣ отдѣляютъ тѣло отъ души, а эти то и другую вмѣстѣ ввергаютъ въ огонь геенскій; той смерти подвергнуться неизбѣжно по естественной необходимости, а этой можно было бы и избѣжать, если бы не довела до нея безпечность отцовъ. При томъ смерть тѣлесную сможетъ уничтожить воскресеніе, какъ скоро наступитъ оно, а погибели души ничто уже не вознаградитъ; за нею слѣдуетъ уже не спасеніе, а необходимость вѣчно страдать. Слѣдовательно, мы не несправедливо сказали бы, что такіе отцы хуже дѣтоубійцъ. Не такъ жестоко изострить мечъ, взять его въ правую руку и вонзить въ самое горло сына, какъ погубить и развратить душу; потому что ничего равнаго ей нѣтъ у насъ.

5. Что же, скажутъ, живущему въ городѣ и имѣющему домъ и жену невозможно спастись? Конечно, не одинъ способъ спасенія, но ихъ много и они разнообразны. Объ этомъ, хотя неопредѣленно, говоритъ и Христосъ, возвѣщая, что *у Отца обители многи суть* (Іоан. xiv, 2); а съ нѣкоторою опредѣленностію говоритъ Павелъ, когда пишетъ такъ: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (1 Кор. xv, 41). Смыслъ словъ его такой: одни будутъ сіять, какъ солнце, другіе, какъ луна, а иные, какъ звѣзды. И на этомъ различіи онъ не остановился, но между самыми звѣздами показываетъ великую разность, такую, какой естественно быть при такомъ множествѣ ихъ: *звѣзда бо*, говоритъ, *отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ*. Представь же, переходя отъ великаго солнца до послѣдней изъ всѣхъ звѣздъ, сколько можно пройти степеней достоинства. Поэтому не странно ли, что ты, если ведешь сына въ царскій дворецъ, то и самъ дѣлаешь и терпишь все, и его убѣждаешь къ тому же, чтобы сдѣлать его близкимъ къ царю, и не обращаешь вниманія рѣшительно ни на что, ни на издержки, ни на опасность, ни на самую смерть: а когда предлагается намъ подумать о воинствѣ небесномъ, то не скорбишь, если (сынъ твой) получитъ тамъ послѣднее мѣсто и станетъ ниже всѣхъ? Впрочемъ, если угодно, посмотримъ еще и на то, возможно ли вращающемуся въ мірѣ получить и это мѣсто. Блаженный Павелъ изъяснилъ это кратко,

сказавъ, что имѣющіе женъ могутъ спастись не иначе, какъ только, если они будутъ имѣть ихъ такъ, какъ не имѣющіе (1 Кор. VII, 29), и не станутъ злоупотреблять міромъ (ст. 31). А мы, если хочешь, распространимъ рѣчь объ этомъ. Итакъ, можешь ли ты сказать, что сынъ твой или во время совѣщанія съ тобою слышалъ, или самъ узналъ когда-нибудь, что клянущійся, хотя бы клялся неложно, оскорбляетъ 357
Бога? Также, что злопамятному спастись невозможно? Ибо *путіе*, говорится (въ Писаніи), *злопомнящихъ въ смерть* (Притч. XII, 28). Или,—что злорѣчиваго Богъ такъ посрамляетъ, что даже устраняетъ его отъ чтенія слова Божія? Также,—что гордаго и дерзкаго Онъ низвергаетъ съ неба и предаетъ геенскому огню? Или,—что взирающаго (на жену) нецѣломудренными очами наказываетъ, какъ дѣйствительнаго прелюбодѣя? А столь обыкновеннаго у всѣхъ грѣха—осужденія ближнихъ, навлекающаго на насъ тягчайшее наказаніе, убѣждалъ ли ты когда-нибудь (сына) избѣгать и читалъ ли ему Христовы заповѣди объ этомъ? Или и самъ ты не знаешь, что есть такія заповѣди? Какъ же сынъ будетъ въ состояніи исполнять то, о чемъ и заповѣдей не знаетъ отецъ, который долженъ бы научить его? И, о если бы было только это зло, что вы не совѣтуете дѣтямъ ничего полезнаго; оно не было бы такъ велико! Но теперь вы увлекаете ихъ еще къ противному. Въ самомъ дѣлѣ, когда отцы убѣждаютъ дѣтей заниматься науками, то въ ихъ разговорѣ съ дѣтьми не слышно ничего другого, кромѣ такихъ словъ: „такой-то человѣкъ низкій и изъ низкаго состоянія, усовершившись въ краснорѣчіи, получилъ весьма высокую должность, пріобрѣлъ большое богатство, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ". Другой говоритъ: „такой-то, изучивъ италійскій языкъ, блистаетъ при дворѣ и всѣмъ тамъ распоряжается". Иной опять указываетъ на другого, и всѣ—на прославившихся на землѣ: а о небесномъ никто ни разу не вспоминаетъ; если же иной попытается напомнить, то онъ прогоняется, какъ человѣкъ, который все разстроиваетъ.

6. Итакъ вы, когда напѣваете это дѣтямъ съ самаго начала, учите ихъ не другому чему, какъ основанію всѣхъ пороковъ, вселяя въ нихъ двѣ самыя сильныя страсти, то есть, корыстолюбіе, и еще болѣе порочную страсть—суетное тщеславіе. Каждая изъ нихъ и порознь можетъ низвратить все; а когда онѣ обѣ вмѣстѣ вторгнутся въ нѣжную душу юноши, то, подобно соединившимся бурнымъ потокамъ, извращаютъ все доброе и наносятъ столько тернія, столько песку, столько сору, что дѣлаютъ душу безплодною и неспособною ни къ чему доброму. Это могутъ засвидѣтельствовать намъ изреченія и внѣшнихъ писателей: такъ изъ этихъ страстей одну, не соединенную съ другою, но саму по себѣ одинъ назвалъ

верхомъ, а другой главою золъ. Если же одно (корыстолюбіе) въ отдѣльности есть верхъ и глава (золъ), то, когда оно соединится съ другимъ гораздо жесточайшимъ и сильнѣйшимъ, т. е. съ безумнымъ тщеславіемъ, и вмѣстѣ съ нимъ вторгнется въ душу юноши, укоренится въ ней и овладѣетъ ею; то кто послѣ въ состояніи будетъ истребить эту болѣзнь, особенно когда и отцы и дѣлаютъ и говорятъ все, чтобы не ослабить эти злыя растенія, но еще укрѣпить ихъ? Кто такъ неразуменъ, что не потеряетъ надежды на спасеніе воспитываемаго такимъ образомъ сына? Желательно, чтобы душа, воспитанная противуположнымъ образомъ, избѣгла по-
358 рочности; когда же наградою за все считаются деньги и для соревнованія предлагаются люди порочные, тогда какая надежда на спасеніе? Пристрастившіеся къ деньгамъ необходимо бываютъ и завистливы, и злонравны, и склонны къ клятвамъ, и вѣроломны, и дерзки, и злорѣчивы, и хищны, и безстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всѣхъ золъ. Достовѣрный свидѣтель этого блаженный Павелъ, сказавшій, что сребролюбіе есть корень всякаго зла въ жизни (1 Тим. vi, 10), и прежде него тоже изъяснилъ Христосъ, возвѣщая, что порабощенный этой страсти не можетъ служить Богу (Матѳ. vi, 24). Итакъ, если юноша будетъ увлеченъ въ это рабство съ самаго начала, то когда онъ будетъ въ состояніи сдѣлаться свободнымъ, какъ можетъ избавиться отъ потопленія, если всѣ толкаютъ его, всѣ погружаютъ и усиленно подвергаютъ необходимости потонуть? Если бы безъ всякаго препятствія, если бы при помощи многихъ, подающихъ ему руку, онъ могъ подняться, осмотрѣться и смыть съ себя пѣну порочности, не было ли бы это вожделѣнно? Не надлежало ли бы хвалить его и тысящекратно украшать вѣнцомъ и тогда, если бы онъ, долговременно слушая божественныя пѣснопѣнія, былъ въ состояніи изгнать изъ себя вторгшіеся недуги? Привычка сильна, способна одолѣвать и увлекать душу, особенно когда ей содѣйствуетъ удовольствіе, а та (добродѣтель), къ которой мы стремимся и стараемся достигнуть, требуетъ отъ насъ много трудовъ. Поэтому и Богъ, когда надлежало потомкамъ евреевъ оставить старую привычку къ злу, т. е. египетскую, взявъ ихъ однихъ въ пустыню и удаливъ отъ развратителей сколько можно далѣе, исправлялъ души ихъ въ пустынѣ, какъ бы въ какомъ монастырѣ, употребляя всѣ способы врачеванія, и болѣе тяжелые и болѣе пріятные, и не опуская совершенно ничего, что̀ только могло послужить къ ихъ исцѣленію. Однако и при этомъ они не избѣгли порочности, но, получая манну, требовали луку и чесноку и всякой мерзости египетской. Такое зло—привычка. Такъ іудеи, пользовавшіеся такимъ попеченіемъ Божіимъ, имѣвшіе такого превосходнаго и доблестнаго вождя, вра-

зумляемые и страхомъ, и угрозами, и благодѣяніями, и наказаніями, и всякимъ образомъ, и видѣвшіе столько чудесъ, не сдѣлались лучшими; какъ же, думаешь ты, сынъ твой въ состояніи будетъ избѣгнуть сѣтей діавола, будучи молодъ, вращаясь среди Египта, или лучше, среди діавольскаго воинства, не слыша ни отъ кого ни одного полезнаго совѣта и видя, что всѣ, а больше всѣхъ родители и воспитатели, ведутъ его къ противному? Какъ? При помощи ли твоихъ увѣщаній? Но ты внушаешь ему противное и, не позволяя ему вспомнить о любомудріи даже во снѣ, напротивъ постоянно занимая его настоящею жизнію и относящимся къ ней, еще болѣе содѣйствуешь его потопленію. Или самъ собою? Нѣтъ, юноша самъ по себѣ недостаточно силенъ къ подвигамъ добродѣтели, а если бы и произвелъ что-либо доблестное, то оно скоро, прежде нежели возрастетъ, заглохнетъ отъ наводненія словъ твоихъ. Какъ тѣло не можетъ прожить даже малое время, если питается не здоровою, но вредною пищею: такъ и душа, получая такія внушенія, не можетъ никогда помыслить о чемъ либо доблестномъ и великомъ; но, подвергаясь такому разстройству и разслабленію, 359
постоянно объемлясь порочностью какъ бы какою заразою, она наконецъ неизбѣжно низвергнется въ геенну и тамъ погибнетъ.

7. Если же скажешь, что это не такъ, но что и живущему въ мірѣ можно совершать всѣ добродѣтели, если не шутя, а обдуманно и дѣйствительно будешь говорить это, то не полѣнись объяснить намъ это новое и странное ученіе; потому что и мнѣ не хотѣлось бы утруждаться напрасно и подвергать себя такимъ лишеніямъ. Впрочемъ я не могу принять такого ученія, и вы сами виной тому, потому что и словами и дѣлами своими противорѣчите этому мнѣнію и учите противному; вы, какъ будто нарочито стараясь погубить дѣтей, позволяете имъ дѣлать все то, дѣлая что̀ невозможно спастись. Посмотри издали. *Горе*, сказано (въ Писаніи), *смѣющимся* (Лук. vi, 25); а вы подаете дѣтямъ множество поводовъ къ смѣху. *Горе богатымъ* (ст. 24); а вы предпринимаете всѣ мѣры, чтобы они разбогатѣли. *Горе, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы* (ст. 26); а вы часто тратите цѣлыя имущества для людской славы. Еще: поносящій брата своего *повиненъ есть геннѣ* (Матѳ. v, 22); а вы считаете слабыми и трусливыми тѣхъ, кто молчаливо переноситъ обиды отъ другихъ. Христосъ повелѣваетъ воздерживаться отъ ссоры и тяжбы, а вы постоянно занимаете дѣтей этими злыми дѣлами. Онъ повелѣлъ во многихъ случаяхъ вырывать око, если оно причиняетъ вредъ (ст. 29); а вы съ тѣми особенно и вступаете въ дружбу, кто можетъ дать денегъ, хотя бы училъ крайнему разврату. Онъ не позволилъ отвергать жену, кромѣ одной только вины—прелюбодѣянія (ст. 32); а вы, когда можно получить деньги, позво-

ляете пренебрегать и этою заповѣдью. Клятву Онъ запретилъ совершенно (ст. 34); а вы даже смѣетесь, когда видите, что это соблюдается. *Любяй душу свою*, говоритъ (Господь), *погубитъ ю* (Іоан. XII, 25); а вы всячески вовлекаете ихъ въ эту любовь. *Аще не отпущаете*, говоритъ Онъ, *человѣкомъ согрѣшенія ихъ*, *ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ* (Матѳ. VI, 15); а вы даже укоряете дѣтей, когда они не хотятъ мстить обидѣвшимъ, и стараетесь скорѣе доставить имъ возможность сдѣлать это. Христосъ сказалъ, что любящіе славу, постятся ли, молятся ли, подаютъ ли милостыню, все это дѣлаютъ безъ пользы (Матѳ. VI, 1); а вы всячески стараетесь, чтобы ваши дѣти достигли ея. Но для чего перечислять все, если уже и сказанные пороки, не только всѣ вмѣстѣ, но и каждый самъ по себѣ, достаточны для приготовленія тысячи гееннъ? А вы, собравъ ихъ всѣ вмѣстѣ и возложивъ (на дѣтей) эту невыносимую тяжесть грѣховъ, съ нею ведете ихъ въ огненную рѣку; какъ же они могутъ спастись, принося столько пищи для огня? И не только то ужасно, что вы внушаете (дѣтямъ) противное заповѣдямъ Христовымъ, но и то еще, что прикрываете порочность благозвучными наименованіями, называя постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрахъ свѣтскостію, обладаніе богатствомъ свободою, славолюбіе великодушіемъ, дерзость откровенностію, расточительность человѣколюбіемъ, несправедливость му-
360 жествомъ. Потомъ, какъ будто мало этого обмана, вы и добродѣтели называете противоположными наименованіями, скромность неучтивостію, кротость трусостію, справедливость слабостію, смиреніе раболѣпствомъ, незлобіе безсиліемъ, какъ будто опасаясь, чтобы дѣти, услышавъ отъ другихъ истинное названіе этихъ (добродѣтелей и пороковъ), не удалились отъ заразы. Ибо названіе пороковъ прямыми и подлинными ихъ наименованіями не мало способствуетъ къ отвращенію отъ нихъ; оно можетъ такъ сильно поражать грѣшниковъ, что часто многіе, отличающіеся безчестнѣйшими дѣлами, не переносятъ равнодушно, когда ихъ называютъ тѣмъ, чтó они есть на самомъ дѣлѣ, но приходятъ въ сильный гнѣвъ и звѣрское раздраженіе, какъ будто терпятъ что-нибудь ужасное. Такъ, если бы кто безчестную женщину и развратнаго юношу назвалъ по этому постыднѣйшему пороку, тотъ сдѣлался бы непримиримымъ врагомъ (ихъ), какъ будто нанесшій величайшую обиду. И не только эти люди, но и сребролюбецъ, и пьяница, и гордецъ, и вообще всѣ, преданные тяжкимъ порокамъ, какъ всякій знаетъ, поражаются и оскорбляются не столько самымъ дѣломъ и мнѣніемъ людскимъ, сколько названіемъ по своимъ дѣламъ. Я знаю много и такихъ, которые этимъ способомъ были образумлены, и отъ рѣзкихъ словъ сдѣлались болѣе скромными. А вы отняли (у дѣтей) и это врачевство

и, что еще тяжелѣе, преподаете имъ недоброе внушеніе не только словами, но и дѣлами: строите великолѣпные домы, покупаете дорогія помѣстья, окружаете ихъ и прочимъ блескомъ, и всѣмъ этимъ, какъ бы какимъ густымъ облакомъ, омрачаете ихъ душу. Чѣмъ же я могу убѣдиться, что имъ возможно спастись, когда вижу, что ихъ склоняютъ къ такимъ дѣламъ, за которыя Христосъ возвѣстилъ неизбѣжную погибель, когда вижу, что вы о душѣ ихъ, какъ бы о чемъ-то ненужномъ, небрежете, а о томъ, что̀ дѣйствительно излишне, заботитесь, какъ о необходимомъ и важнѣйшемъ? Чтобы былъ у сына слуга, чтобы былъ конь, чтобы была самая лучшая одежда, вы дѣлаете все; а чтобы онъ самъ былъ хорошъ, объ этомъ и подумать никогда не хотите; но, простирая до такой степени заботливость о деревахъ и камняхъ, душу не удостоиваете и малѣйшей части такого попеченія. Чтобы на домѣ стояла дивная статуя и кровля была золотая, вы все готовы потерпѣть; а чтобы драгоцѣннѣйшее всего изваяніе—душа была золотая, объ этомъ и помыслить не хотите.

8. Но я еще не сказалъ о вершинѣ золъ, не раскрылъ главнаго въ несчастіи, хотя много разъ приступалъ къ этому со стыдомъ, но много разъ стыдомъ же и удерживался. Что же это такое? Надобно же наконецъ осмѣлиться и сказать это. Было бы большою робостію, если бы желающіе истребить какое нибудь зло, не смѣли и слово сказать о немъ, какъ будто молчаніе само собою исцѣлитъ болѣзнь. Не станемъ же молчать, хотя бы тысячу разъ пришлось намъ стыдиться и краснѣть. И врачъ, когда хочетъ очистить гнилость, не откажется взять въ руки ножъ и вложить пальцы въ самую глубину раны: такъ и мы не откажемся говорить объ этомъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ гнуснѣе эта гниль. Какое же это зло? Какая-то новая и беззаконная страсть вторглась въ нашу жизнь; постигла (насъ) болѣзнь тяжкая и неисцѣльная; поразила язва, жесточайшая изъ всѣхъ язвъ; измышлено какое-то новое и нетерпимое беззаконіе; потому что нарушаются не только писанные, но даже и естественные законы. Для распутства уже мало 361
любодѣянія; и какъ въ болѣзняхъ послѣдующее сильнѣйшее страданіе заглушаетъ ощущеніе предшествовавшей боли, такъ и чрезмѣрность этой язвы дѣлаетъ то, что уже не кажется нетерпимымъ и нетерпимое—развратъ съ женщиною. Хотятъ, кажется, имѣть возможность избѣгать этихъ сѣтей, и женскому полу предстоитъ уже опасность сдѣлаться излишнимъ, такъ какъ его во всемъ замѣняютъ отроки. И не только это ужасно, но и то, что такая мерзость совершается съ полною безопасностію и беззаконіе стало закономъ. Никто уже не опасается и не страшится; никто не стыдится и не краснѣетъ; но еще хвалятся этимъ позоромъ, и цѣломудренные кажутся бе-

зумными, а обличающіе—нездравомыслящими; если они слабы, то подвергаются побоямъ, а если сильны, то терпятъ насмѣшки, поруганія и безчисленныя издѣвательства. Не помогаютъ ни суды, ни законы, ни воспитатели, ни отцы, ни приставники, ни учители: однихъ успѣли развратить деньгами, другіе имѣютъ въ виду только то, чтобы имъ было жалованье; а изъ тѣхъ, которые добросовѣстнѣе и заботятся о спасеніи ввѣренныхъ имъ, одни легко поддаются укрывательству и обманамъ, а другіе боятся силы развратниковъ. Легче спастись заподозрѣнному въ тиранніи, нежели избѣжать рукъ этихъ нечестивцевъ тому, кто попытался бы удалять отъ нихъ (дѣтей); такъ среди городовъ, какъ бы въ великой пустынѣ, *мужіе на мужѣхъ студъ содѣваютъ* (Римл. I, 27). Если же нѣкоторые избѣжали этихъ сѣтей, то не легко имъ избѣгнуть худой славы отъ такихъ развратниковъ; во-первыхъ потому, что ихъ весьма не много, отчего они легко затмеваются множествомъ порочныхъ; во-вторыхъ потому, что сами окаянные и злые демоны, не имѣя возможности иначе мстить презирающимъ ихъ, стараются вредить имъ этимъ способомъ; не имѣя силъ нанести смертельную рану и поразить самую душу, они стараются, по крайней мѣрѣ, повредить ихъ внѣшнему украшенію и лишить всякой доброй славы. Посему многіе, слышалъ я, удивляются, какъ и теперь не низпалъ еще другой огненный дождь, какъ еще не подвергся участи Содома нашъ городъ, достойный наказанія тѣмъ болѣе тяжкаго, что не вразумился и бѣдствіями Содома. Несмотря на то, что та страна уже двѣ тысячи лѣтъ видомъ своимъ сильнѣе, чѣмъ голосомъ, взываетъ къ (людямъ) всей вселенной, чтобы не дерзали на такое дѣло, они не только не воздерживаются отъ этого грѣха, но стали еще безстыднѣе, какъ будто состязуясь съ Богомъ и стараясь показать своими дѣлами, что они тѣмъ болѣе будутъ предаваться этимъ порокамъ, чѣмъ болѣе Онъ будетъ угрожать имъ. Почему же не произошло ничего такого: грѣхи содомскіе совершаются, а содомскихъ наказаній нѣтъ? Потому, что ихъ ожидаетъ другой огонь, болѣе жестокій, и наказаніе безконечное. Такъ и жившіе послѣ потопа дерзали совершать дѣла гораздо болѣе нечестивыя, нежели погибшіе отъ потопа, однако съ того времени не
362 было такого наводненія. И здѣсь опять таже самая причина; иначе почему жившіе въ первыя времена, когда и судовъ не было, и страхъ предъ начальниками не тяготѣлъ, не было ни угрожающаго закона, ни вразумляющаго сонма пророковъ, ни ожиданія геенны, ни надежды царствія, ни другого любомудрія, ни чудесъ, способныхъ оживить даже камни,—почему люди, не имѣвшіе ничего этого, понесли за свои грѣхи такое наказаніе, а получившіе все это и живущіе подъ такимъ страхомъ судовъ божескихъ и человѣческихъ,

донынѣ еще не потерпѣли одного и того же съ тѣми, тогда какъ они достойны болѣе тяжкаго наказанія? Не ясно ли и для младенца, что они сберегаются для строжайшаго осужденія? Если мы такъ гнѣваемся и негодуемъ, то какъ допуститъ безнаказанно совершать такія дѣла Богъ, Который болѣе всего печется о человѣческомъ родѣ и крайне отвращается и ненавидитъ порочность? Этого быть не можетъ, нѣтъ! Онъ непремѣнно наложитъ на нихъ крѣпкую руку, нанесетъ нестерпимый ударъ и подвергнетъ мученіямъ столь жестокимъ, что бѣдствія, постигшія Содомъ, въ сравненіи съ ними покажутся игрушкою. Подлинно, какихъ варваровъ, какую породу звѣрей не превзошли эти люди своею безстыдною похотію? Бываетъ у нѣкоторыхъ безсловесныхъ вожделѣніе сильное и похоть неудержимая, не отличающаяся отъ бѣшенства, но и они не знаютъ этой страсти, а удерживаются въ предѣлахъ природы, и, сколько бы ни раздражались, не нарушаютъ законовъ природы. А эти, одаренные разумомъ, сподобившіеся божественнаго ученія, преподающіе другимъ, что̀ должно дѣлать и чего не должно, и слышавшіе Писанія, низшедшія съ неба, не съ такою наглостью совокупляются съ блудницами, какъ съ отроками. Они съ такимъ неистовствомъ отваживаются на все, какъ будто они не люди, и какъ будто нѣтъ промысла Божія, бодрствующаго и судящаго дѣла, но какъ будто бы все покрыла тьма, и никто не видитъ и не слышитъ этого. А отцы растлѣваемыхъ отроковъ переносятъ это молча, не зарываются въ землю вмѣстѣ съ дѣтьми и не придумываютъ какого-либо средства противъ зла. Между тѣмъ, если бы надобно было отъ этого недуга отправить дѣтей на чужбину, на море, на острова, на необитаемую землю, на самый отдаленный отъ насъ край вселенной, не надлежало ли бы сдѣлать и потерпѣть все, чтобы не было такихъ мерзостей? Когда какое-либо селеніе подвергается болѣзни и заразѣ, то не уводимъ ли мы оттуда дѣтей, хотя бы тамъ предстояло имъ много выгодъ, хотя бы сами они были совершенно здоровы? А теперь, когда все объяла такая зараза, мы не только сами влечемъ ихъ къ этимъ пропастямъ, но и тѣхъ, которые хотятъ избавить ихъ, отгоняемъ, какъ губителей. Какого же гнѣва, какихъ громовъ не достойно это, когда языкъ ихъ мы стараемся очистить помощію внѣшняго образованія, а душу, лежащую въ самой мерзости разврата и постоянно растлѣваемую, не только оставляемъ безъ вниманія, но и препятствуемъ, когда она хочетъ возстать? Ужели же осмѣлится кто-нибудь еще сказать, что живущимъ въ такихъ порокахъ можно спастись? Какимъ образомъ? Иные, конечно, избѣжали неистовства развратниковъ (впрочемъ такихъ немного); но и они не избѣгаютъ тѣхъ жестокихъ и всегубительныхъ страстей,—корыстолюбія и честолюбія; а большая 363

часть заражена и этими самыми страстями, и, въ гораздо большей степени, сладострастіемъ. Далѣе, когда мы хотимъ ознакомить дѣтей съ науками, то не только устраняемъ препятствующее ученію, но и доставляемъ имъ все, содѣйствующее ему,—приставляемъ къ нимъ воспитателей и учителей, издерживаемъ деньги, освобождаемъ ихъ отъ другихъ занятій, и чаще, чѣмъ приставники на олимпійскихъ играхъ, твердимъ имъ о бѣдности отъ неученья и о богатствѣ отъ ученья,—дѣлаемъ и говоримъ все, и сами и чрезъ другихъ, чтобы довести ихъ до окончанія предпринятаго занятія, и при всемъ томъ часто не успѣваемъ. А скромность нравовъ и строгость доблестной жизни неужели, по нашему мнѣнію, придутъ сами собою и притомъ при столь многихъ къ тому препятствіяхъ? Что можетъ быть хуже этого неразумія—на самое легкое обращать столько вниманія и заботъ, какъ будто бы иначе и нельзя успѣть въ этомъ, а о гораздо болѣе трудномъ думать, что оно, какъ бы что-нибудь пустое и ничтожное, сбудется и при нашемъ снѣ? Но любомудріе души настолько труднѣе и тяжелѣе изученія наукъ, насколько дѣятельность труднѣе разглагольствованія и насколько дѣла труднѣе словъ.

9. А для чего, скажешь, нашимъ дѣтямъ нужно это любомудріе и строгій образъ жизни? Вотъ это самое и сгубило все,—что дѣло столь необходимое и поддерживающее нашу жизнь считается излишнимъ и ненужнымъ. Увидѣвъ сына больнымъ по тѣлу, никто не скажетъ: для чего нужно ему доброе и крѣпкое здоровье? Напротивъ всячески постарается привести его въ такое благосостояніе, чтобы болѣзнь болѣе не возвратилась; а когда заболѣваетъ душа, то говорятъ: не нужно имъ никакого лѣченія, и послѣ такихъ словъ осмѣливаются называть себя отцами. Что̀ же, скажешь, неужели всѣмъ намъ любомудрствовать, а житейскимъ дѣламъ погибнуть? Нѣтъ, почтеннѣйшій, не преданность любомудрію, а нелюбомудріе погубило и разстроило все. Кто, скажи мнѣ, разстроиваетъ настоящее положеніе дѣлъ, тѣ ли, которые живутъ воздержно и скромно, или тѣ, которые выдумываютъ новые и беззаконные способы наслажденія? Тѣ ли, которые стараются захватить себѣ все чужое, или тѣ, которые довольствуются своимъ? Тѣ ли, которые имѣютъ толпы слугъ и окружаютъ себя роями льстецовъ, или тѣ, которые считаютъ для себя достаточнымъ только одного слугу (предполагаю еще не высокое любомудріе, но доступное многимъ)? Человѣколюбивые ли, и кроткіе, и не ищущіе похвалы отъ народа, или тѣ, которые требуютъ ея отъ единоплеменниковъ болѣе всего должнаго, и дѣлаютъ тысячу непріятностей тому, кто не встанетъ предъ ними, не скажетъ первый привѣтствія, не поклонится, не выкажетъ раболѣпства? Тѣ ли, которые ста-

раются повиноваться, или тѣ, которые стремятся къ власти или начальству и для этого готовы сдѣлать и перенести все? Тѣ ли, которые считаютъ себя лучше всѣхъ, и поэтому думаютъ, что имъ можно говорить и дѣлать все, или тѣ, которые ставятъ себя въ числѣ послѣднихъ и этимъ укрощаютъ безумное своеволіе страстей? Тѣ ли, которые строятъ великолѣпные домы и предлагаютъ роскошныя трапезы, или тѣ, которые не ищутъ ничего, кромѣ не- 364
обходимаго пропитанія и жилища? Тѣ ли, которые прирѣзываютъ себѣ тысячи десятинъ земли, или тѣ, которые не считаютъ для себя нужнымъ пріобрѣтеніе и одного холма? Тѣ ли, которые прилагаютъ проценты къ процентамъ и гоняются путемъ неправды за всякимъ прибыткомъ, или тѣ, которые раздираютъ неправедныя записи и изъ своей собственности помогаютъ нуждающимся? Тѣ ли, которые признаютъ немощь человѣческой природы, или тѣ, которые не хотятъ и знать этого, но отъ чрезмѣрной гордости даже перестали считать себя людьми? Тѣ ли, которые питаютъ блудницъ и оскверняютъ чужіе браки, или тѣ, которые воздерживаются и отъ своей жены? Первые не тоже ли въ общественной жизни, что опухоли на тѣлѣ и бурные вѣтры на морѣ, своею невоздержностію потопляя и тѣхъ, которые и сами по себѣ могли бы спастись? А послѣдніе, какъ яркія свѣтила среди глубокаго мрака, не призываютъ ли бѣдствующихъ среди моря къ своей безопасности, и, возжегши вдали на высотѣ свѣтильники любомудрія, не руководятъ ли такимъ образомъ желающихъ въ спокойную пристань? Не отъ первыхъ ли возмущенія и войны, и ссоры, и разрушенія городовъ, и угнетенія, и порабощенія, и плѣненія, и убійства, и безчисленныя бѣдствія въ жизни, не только наносимыя людямъ отъ людей, но и всѣ (посылаемыя) съ неба, какъ то: засухи, и наводненія, и землетрясенія, и разрушенія, и потопленія городовъ, и голоды, и язвы, и все прочее, что свыше насылается на насъ?

10. Такъ они извращаютъ общественную жизнь и губятъ общее благо; они причиняютъ безчисленныя бѣдствія и другимъ, безпокоя ищущихъ спокойствія, развлекая и возмущая ихъ со всѣхъ сторонъ; для нихъ и суды, и законы, и взысканія, и различные роды наказаній. Какъ въ домѣ, гдѣ много больныхъ, а здоровыхъ мало, можно найти много и лѣкарствъ и приходящихъ врачей; такъ и во вселенной нѣтъ народа, нѣтъ города, гдѣ бы не было много и законовъ, много и начальниковъ, много и наказаній; потому что лѣкарства сами по себѣ не могутъ возстановить больного, а нужны еще тѣ, которые бы прилагали ихъ; таковы и есть судіи, заставляющіе этихъ больныхъ, волею и неволею, принимать врачеваніе. Однако и при этомъ болѣзнь такъ усилилась, что превзошла самое искусство врачей, и вошла въ самихъ судей; и теперь

происходитъ тоже, какъ если бы кто, страдая горячкою, водянкою и множествомъ другихъ жесточайшихъ болѣзней, и не одолѣвая собственныхъ недуговъ, сталъ усиливаться избавлять другихъ, одержимыхъ тѣми же недугами. Такъ волны пороковъ, подобно стремительному потоку, разрушивъ всѣ преграды, вторглись въ души людей. Но что̀ я говорю объ извращеніи общественной жизни? Эта язва, занесенная нечестивцами, угрожаетъ истребить во многихъ даже самое понятіе о Промыслѣ Божіемъ: такъ она распространяется, возрастаетъ, стремится овладѣть всѣмъ, перевернула все вверхъ
365 дномъ, и наконецъ возстаетъ противъ самаго неба, вооружая языки людей уже не противъ подобныхъ имъ рабовъ, но и противъ самого Господа Вседержителя. Откуда, скажи мнѣ, такъ много рѣчей о судьбѣ? Отчего многіе приписываютъ все происходящее неразумному теченію звѣздъ? Почему нѣкоторые предпочитаютъ счастье и случай? Отчего думаютъ, что все дѣлается безъ причины и безъ цѣли? Отъ тѣхъ ли, которые живутъ скромно и воздержно, или отъ тѣхъ, о которыхъ ты говоришь, будто они поддерживаютъ общественную жизнь, а я доказалъ, что они общая язва вселенной? Очевидно, отъ послѣднихъ. Никто не оскорбляется тѣмъ, что такой-то любомудрствуетъ, или что такой-то кротокъ, воздерженъ, цѣломудренъ и презираетъ настоящее, но тѣмъ, что такой-то богатѣетъ, роскошествуетъ, преданъ корыстолюбію и хищничеству, что онъ при своей злобѣ и безчисленныхъ порокахъ блистаетъ и благоденствуетъ. На это ропщутъ и жалуются невѣрующіе въ Бога, этимъ многіе соблазняются, тогда какъ по поводу живущихъ скромно не только не скажутъ ни одного такого слова, но и стали бы осуждать самихъ себя, если бы склоняли ихъ роптать на промыслъ Божій. Еслибы всѣ, или даже бо̀льшая часть людей, захотѣли такъ жить, то никто и не подумалъ бы о подобныхъ рѣчахъ, и не возникло бы главнѣйшаго изъ этихъ золъ—изслѣдованія о томъ, откуда зло. Если бы зло не существовало и не обнаруживалось, то кто сталъ бы отыскивать причину зла и этимъ изысканіемъ производить безчисленныя ереси? Такъ и Маркіонъ, и Манесъ, и Валентинъ, и большая часть язычниковъ отсюда получили начало. Но если бы всѣ любомудрствовали, то не было бы такого изысканія; напротивъ, если не изъ чего другого, то изъ этого наилучшаго образа жизни всѣ узнали бы, что мы живемъ подъ властію Царя Бога и что Онъ распоряжается и управляетъ нашими дѣлами по Своей премудрости и разуму; это, конечно, совершается и теперь, но не легко усматривается вслѣдствіе великой мглы, которую распространили по всей вселенной, а если бы этого не было, то Промыслъ Божій открылся бы предъ всѣми, какъ въ свѣтлый полдень и въ ясную погоду. Подлинно, если бы не было ни судовъ,

ни обвинителей и клеветниковъ, ни истязаній и пытокъ, ни темницъ и наказаній, ни отнятія имѣній и потерь, ни страховъ и опасностей, ни вражды и козней, ни злословій и ненависти, ни голода и заразъ, ни иного чего изъ перечисленныхъ бѣдствій, но всѣ жили бы съ надлежащею скромностію, тогда кто изъ всѣхъ живущихъ усомнился бы въ Божіемъ Промыслѣ? Никто. А теперь происходитъ тоже, какъ если бы во время бури кормчій дѣлалъ все съ своей стороны и старался бы спасти судно, но его ревностное искусство не было бы замѣчаемо находящимися на суднѣ вслѣдствіе смятенія, и страха, и безпокойства отъ угрожающихъ бѣдствій. Такъ и Богъ управляетъ вселенною и теперь, но многіе не видятъ этого вслѣдствіе смятенія и неустройства въ дѣлахъ, которое эти люди производятъ больше всѣхъ, такъ что не только извращаютъ общественную жизнь, но вредятъ и благочестію; и тотъ не погрѣшилъ бы, кто назвалъ бы общими врагами этихъ людей, которые живутъ во вредъ спасенію другихъ, потопляя своими гнусными ученіями и нечистою жизнію плывущихъ вмѣстѣ съ ними.

11. Ничего такого нельзя видѣть въ монастыряхъ; но хотя 366
бы (въ мірѣ) поднялась буря, (отшельники) одни сидятъ въ пристани въ спокойствіи и великой безопасности, какъ бы съ неба взирая на кораблекрушенія другихъ; потому что они избрали образъ жизни достойный неба, и пребываютъ въ немъ не хуже ангеловъ. Какъ между ангелами нѣтъ никакого нестроенія, нѣтъ того, чтобы одни благоденствовали, а другіе терпѣли крайнія бѣдствія, но всѣ одинаково наслаждаются миромъ, радостію и славою: такъ и здѣсь, никто не жалуется на бѣдность, никто не превозносится богатствомъ; это—твое, а это мое,—такое раздѣленіе, низвращающее и смущающее всѣ дѣла, изгнано отсюда; все у нихъ общее — и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительнаго въ этомъ, когда и самая душа у всѣхъ одна и таже? Всѣ они благородны одинаковымъ благородствомъ, рабы одинаковымъ рабствомъ, свободны одинаковою свободою; одно тамъ у всѣхъ богатство—истинное богатство; одна слава—истинная слава; потому что блага ихъ не въ названіяхъ, а въ дѣлахъ; одно удовольствіе, одно стремленіе, одна надежда у всѣхъ; все у нихъ благоустроено какъ бы по мѣрѣ и вѣсу, и нѣтъ никакой неправильности, но порядокъ, стройность и гармонія, самое точное согласіе и постоянное соблюденіе благодушія. Посему всѣ они и дѣлаютъ и терпятъ все для того, чтобы имъ благодушествовать и радоваться. Только тамъ и можно находить это въ чистомъ видѣ, а въ другомъ мѣстѣ нигдѣ, не оттого только, что у нихъ презирается настоящее, устраненъ всякій поводъ къ несогласію и враждѣ и имѣются свѣтлыя надежды на будущее, но и оттого, что случающіяся съ каждымъ скорби и

радости считаются общими для всѣхъ. И скорбь проходитъ легче, когда всѣ согласно помогаютъ каждому нести бремя; и для благодушія много поводовъ имѣютъ тѣ, которые радуются не своему только благополучію, но и чужому не менѣе, какъ и своему. Такъ и у насъ—какъ пошли бы дѣла, если бы всѣ мы стали подражать имъ? Теперь они пропадаютъ и разстроены отъ тѣхъ, которые далеко уклонились отъ такого образа жизни. А ты, утверждая противное, дѣлаешь тоже, какъ если бы кто хорошо настроенную лиру сталъ охуждать, какъ негодную, а испорченную чрезмѣрнымъ напряженіемъ или ослабленіемъ (струнъ) назвалъ годною и для игры и для увеселенія зрителей. Но какъ по отношенію къ говорящему это мы не стали бы искать другого еще доказательства невѣжества его въ музыкѣ, такъ и по отношенію къ утверждающимъ вышесказанное не нужно другого, яснѣйшаго доказательства ихъ недоброжелательности и ненависти къ людямъ. А что говорятъ отцы болѣе скромные? Пусть, говорятъ они, дѣти прежде займутся науками и, усовершенствовавшись въ краснорѣчіи, потомъ уже и переходятъ къ этому любомудрію: тогда никто не будетъ препятствовать. Но откуда извѣстно, что они непремѣнно достигнутъ мужескаго возраста? Многіе скончались, подвергшись преждевременной смерти. Впрочемъ, пусть это будетъ такъ; положимъ, что они достигнутъ возмужалости возраста: кто поручится за весь предшествующій возрастъ? Не желая спорить, я скажу, что, если бы кто представилъ надежное въ томъ ручательство, то я не вывелъ бы (въ пустыню) пріобрѣвшихъ такое искусство, напротивъ тогда особенно и посовѣтовалъ бы имъ оставаться (въ городѣ) и не похвалилъ бы тѣхъ,
367 которые стали бы склонять ихъ къ бѣгству, но отнесся бы къ нимъ какъ врагамъ общественной жизни, такъ какъ, скрывая свѣтильники и унося свѣтила изъ города въ пустыню, они лишили бы живущихъ тамъ величайшихъ благъ. Но если никто не будетъ обѣщать этого, то какая польза посылать (дѣтей) къ учителямъ, гдѣ они научатся прежде краснорѣчія порокамъ, и, желая пріобрѣсть менѣе важное, потеряютъ важнѣйшее — силу души и все доброе настроеніе. Такъ что́ же? Разрушить намъ, скажутъ, училища? Я не говорю этого, но (говорю) о томъ, какъ бы намъ не разрушить зданія добродѣтели и не заглушить живой души. Когда душа цѣломудренна, тогда не будетъ никакой потери отъ незнанія краснорѣчія; а когда она развращена, тогда бываетъ величайшій вредъ, хотя бы языкъ былъ весьма изощренъ, и тѣмъ большій, чѣмъ больше это искусство; ибо порочность въ соединеніи съ искусствомъ въ словѣ производитъ гораздо худшія бѣды, чѣмъ необразованность. А если, скажешь ты, они, удалившись туда, при необразованности языка, не будутъ имѣть и добродѣтели? А если, скажи мнѣ,

они, оставаясь въ городѣ, при развращеніи души, не пріобрѣтутъ въ школѣ никакого краснорѣчія? Мнѣ позволительнѣе будетъ сказать это, нежели тебѣ твое. Почему? Потому что, хотя то и другое, какъ будущее, не извѣстно, но твое болѣе сомнительно. Какъ и почему? Потому что для надлежащаго занятія краснорѣчіемъ нужна добрая нравственность; а добрая нравственность не нуждается въ пособіи краснорѣчія. Можно быть цѣломудреннымъ и безъ этого знанія, но никто никогда не пріобрѣтетъ силы краснорѣчія безъ добрыхъ нравовъ, проводя все время въ порокахъ и распутствѣ. Такимъ образомъ, чего ты боишься тамъ, того же должно бояться и здѣсь, и здѣсь тѣмъ больше, чѣмъ чаще неудачи и чѣмъ высшему угрожаетъ опасность. Тамъ нужно заниматься только однимъ, а здѣсь предстоитъ овладѣть двумя предметами, такъ какъ невозможно пріобрѣсти одного безъ другого,—безъ благонравности изучить краснорѣчіе. Но, если хочешь, предположимъ невозможное возможнымъ: что̀ будетъ намъ добраго отъ знанія краснорѣчія, когда у насъ будетъ поражено самое существенное? И что худого отъ незнанія, когда у насъ исправно самое важное? И это признано не только у насъ, которые смѣемся надъ внѣшнею мудростію и почитаемъ ее буйствомъ (1 Кор. III, 19), но даже у самихъ внѣшнихъ философовъ. Посему многіе (изъ нихъ) не очень заботились объ этомъ знаніи, а другіе и совсѣмъ пренебрегли имъ и до конца остались неучеными и, посвятивъ всю жизнь нравственной части философіи, сдѣлались весьма знаменитыми и славными. Такъ Анахарсисъ, и Кратисъ, и Діогенъ, нисколько не заботились объ этомъ искусствѣ; а нѣкоторые говорятъ тоже и о Сократѣ, и это можетъ засвидѣтельствовать намъ тотъ, кто болѣе всѣхъ отличался въ этомъ искусствѣ и точнѣе другихъ зналъ дѣла его. Введя Сократа въ судилище для оправданія, въ защитительной рѣчи предъ судьями (Платонъ) представилъ его говорящимъ такъ: „Аѳиняне, вы услышите отъ меня всю правду, клянусь Зевсомъ, а не рѣчи разцвѣченныя и разукрашенныя, подобно рѣчамъ ихъ, отборными
выраженіями и словами; нѣтъ, вы услышите рѣчь, изложенную 368
просто и прямо словами, какія случатся; ибо я увѣренъ въ справедливости того, что̀ говорю, и никто изъ васъ пусть не ожидаетъ чего-нибудь другого; и съ моимъ возрастомъ несообразно было бы явиться предъ вами подобно юношѣ, сочиняющему рѣчи“ [1]). Этими словами онъ показалъ, что не учился краснорѣчію и не пользовался имъ, не по лѣности, но потому, что не считалъ его важнымъ. Итакъ, краснорѣчіе не дѣло философовъ, и вообще мужей,—а предметъ честолюбія для забавляющихся юношей, какъ думаютъ

[1]) Философъ Платонъ въ сочиненіи «Апологія Сократа» р. 17.

и сами философы, не только прочіе, а даже и тотъ, который въ этомъ превзошелъ всѣхъ; и онъ не допускаетъ своему учителю украшаться этимъ искусствомъ, считая такое украшеніе постыднымъ для философа. Эти примѣры справедливо было бы привести для невѣрующаго, но еще болѣе—для вѣрующаго. Не странно ли, что тѣ, которые гоняются за похвалами толпы и не могутъ ничѣмъ другимъ отличиться, какъ только внѣшнею мудростію, считаютъ ее за ничто, а мы такъ восхищаемся и увлекаемся ею, что ради нея пренебрегаемъ самымъ необходимымъ?

12. Итакъ для невѣрующаго довольно этихъ примѣровъ, а для вѣрующаго, кромѣ этихъ, необходимо привесть и наши примѣры. Какіе же? Тѣхъ великихъ и святыхъ мужей, изъ которыхъ у первыхъ не было грамотности, у послѣдующихъ—была грамотность, но еще не было искусства краснорѣчія, а у позднѣйшихъ была и грамотность и искусство краснорѣчія. Первые не знали ни того ни другого, потому что не учились не только краснорѣчію, но и самой грамотѣ: однакоже въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, въ которыхъ особенно необходима, кажется, сила краснорѣчія, они такъ превзошли самыхъ сильныхъ въ немъ, что эти оказались хуже неразумныхъ дѣтей. Если сила убѣжденія заключается въ краснорѣчіи, и однако философы не убѣждаютъ ни одного тирана, а люди некнижные и простые обращаютъ всю вселенную; то, очевидно, торжество мудрости принадлежитъ некнижнымъ и простымъ, а не изучившимъ то и другое искусство. Такъ, истинная мудрость и истинное образованіе есть не что иное, какъ страхъ Божій. И пусть никто не думаетъ, будто я узаконяю, чтобы дѣти оставались невѣждами; нѣтъ, если кто поручится на счетъ самаго необходимаго, я не стану препятствовать, чтобы у нихъ было въ избыткѣ и это искусство. Какъ тогда, когда колеблются основанія и весь домъ и все зданіе находится въ опасности упасть, было бы крайне безсмысленно и безумно—бѣжать къ красильщикамъ, а не къ строителямъ: такъ и тогда, когда стѣны стоятъ твердо и крѣпко, было бы неумѣстнымъ упрямствомъ препятствовать желающему окрасить ихъ. А что я говорю это отъ души, разскажу вамъ теперь то, что̀ я дозналъ на дѣлѣ. Одинъ юноша, очень богатый, поселился нѣкогда въ нашемъ городѣ для изученія латинской и греческой словесности. Этотъ юноша имѣлъ при себѣ воспитателя, у кото-
369 раго было одно только дѣло — образовать его душу. Пришедши къ этому воспитателю (онъ былъ изъ числа живущихъ въ горахъ), я попытался узнать, по какому поводу онъ, посвятившій себя этой мудрости, вступилъ въ жизнь воспитателя. Онъ сказалъ, что ему остается не много времени (провести) въ этомъ занятіи и разсказалъ намъ все предшествовавшее. „У этого юноши, говорилъ

онъ, отецъ суровъ и жестокъ и преданъ житейскимъ дѣламъ; а мать—благонравная, разсудительная, скромная и стремящаяся только къ небу. Отецъ, какъ оказавшій много заслугъ на войнахъ, хочетъ устроить сына въ своемъ званіи, а мать не хочетъ этого и не соглашается и даже сильно противится; она молится и желаетъ видѣть сына сіяющимъ въ монашеской жизни. Но сказать это отцу она не посмѣла, потому что боялась, какъ бы онъ, замѣтивъ это, заранѣе не связалъ сына житейскими узами и, отвлекши его отъ того намѣренія, не облекъ его въ воинскую одежду со всею ея суетностію, и не сдѣлалъ затѣмъ для него невозможною жизнь подвижническую. Посему она придумываетъ другое средство: призвавъ меня къ себѣ въ домъ и сообщивъ все это, она, взявъ правую руку отрока, влагаетъ ее въ мои руки. Когда же я спросилъ, для чего дѣлаетъ это? Она сказала, что намъ остается одно средство къ спасенію сына, если я пожелаю и соглашусь въ качествѣ воспитателя взять отрока и идти сюда; а она убѣдитъ отца, что, если (сынъ) изберетъ и воинскую жизнь, для него однако будетъ полезно изученіе краснорѣчія. Если я, говорила она, успѣю въ этомъ, ты, живя съ нимъ однимъ на чужбинѣ и не встрѣчая противодѣйствія ни отъ отца, ни отъ кого либо изъ родныхъ, будешь имѣть возможность образовать его съ полною свободою, и настроить его жить такъ, какъ бы въ монастырѣ; согласись же и обѣщай содѣйствовать мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Забота у меня не о маловажномъ; я безпокоюсь и опасаюсь за душу моего отрока. Не пренебреги же опаснымъ положеніемъ того, кто для меня любезнѣе всего, но исхить его изъ сѣтей, бури и волненія, которыя уже со всѣхъ сторонъ окружаютъ его. Если же ты не хочешь оказать эту милость, то призываю Бога въ посредники между нами, и свидѣтельствую, что я не опустила ничего надлежащаго для спасенія души его, и чиста отъ крови этого отрока; и если случится ему потерпѣть что-либо, свойственное человѣку молодому, живущему въ роскоши и разсѣянности, то отъ тебя и твоихъ рукъ взыщетъ Богъ въ тотъ день душу этого отрока. Сказавъ это и еще многое другое, и заплакавъ сильно и горько, она убѣдила меня принять на себя этотъ трудъ, и съ такими внушеніями отпустила". И не тщетно было придуманное ею средство: благородный воспитатель въ короткое время такъ настроилъ отрока, и такой возбудилъ въ немъ огонь ревности (къ подвигамъ), что онъ вдругъ бросилъ все и убѣжалъ въ пустыню, и нужна была другая мѣра, чтобы расположить его отъ усиленнаго подвижничества къ умѣренному, потому что была опасность, какъ бы онъ, такою ревностію прежде времени обнаруживъ придуманное дѣло, не возбудилъ жестокой войны противъ матери, и воспита-

теля и всѣхъ монаховъ. Ибо если бы отецъ узналъ о его бѣгствѣ, то не преминулъ бы употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы разогнать святыхъ мужей, не только тѣхъ, которые приняли сына его, но и всѣхъ прочихъ. Встрѣтивъ такого сына и сказавъ ему
370 это и многое другое, я постарался сохранить въ немъ и даже еще болѣе усилилъ расположеніе къ любомудрію, но предложилъ ему жить въ городѣ и заниматься науками, чтобы такимъ образомъ принести величайшую пользу сверстникамъ и укрыться отъ отца. А это я считалъ необходимымъ не только для тѣхъ святыхъ, и для матери, и для воспитателя, но и для самого отрока. Если бы отецъ удержалъ его въ самомъ началѣ, то вѣроятно потрясъ бы въ немъ ростки любомудрія, еще нѣжные, только что насажденные; но когда пройдетъ много времени и они хорошо укоренятся, тогда, — я твердо былъ увѣренъ — что̀ бы ни случилось, отецъ не въ силахъ будетъ повредить сыну: такъ дѣйствительно и произошло, и надежда не обманула меня. Когда отецъ, по прошествіи уже долгаго времени, приступилъ къ нему и нападалъ съ великою силою, то не только не поколебалъ этого зданія, но обнаружилъ въ немъ бо̀льшую крѣпость; и многіе изъ товарищей его получили столько пользы отъ общенія съ нимъ, что сдѣлались его соревнователями. Между тѣмъ онъ, имѣя постоянно при себѣ руководителя, подобно статуѣ тщательно обдѣлываемой рукою художника, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усовершалъ свою душевную красоту. И вотъ что удивительно: являясь внѣ дома, онъ, повидимому, ничѣмъ не отличался отъ другихъ, потому что и въ обращеніи не былъ грубъ и суровъ, и одежды необычной не носилъ, но и по виду, и по взгляду, и по голосу, и по всему прочему былъ таковъ же, какъ и всѣ. Поэтому и могъ онъ многихъ изъ своихъ собесѣдниковъ уловлять въ свои сѣти, скрывая внутри себя великое любомудріе. А если бы кто увидѣлъ его дома, то подумалъ бы, что это—одинъ изъ живущихъ на горахъ (отшельниковъ); потому что и домъ у него устроенъ былъ точно какъ монастырь, не заключая въ себѣ ничего, кромѣ необходимаго. Время у него все употреблялось на чтеніе священныхъ книгъ; быстро усвояя науки, онъ внѣшнему ученію удѣлялъ малую часть дня, а все остальное время занимался непрестанными молитвами и божественными книгами, и по цѣлому дню оставался безъ пищи и даже не по одному и не по два только, но и больше. И ночи были у него свидѣтелями тѣхъ же слезъ и молитвъ и того же чтенія. Все это пересказалъ намъ воспитатель тайно, потому что отрокъ былъ недоволенъ, если узнавалъ, что какой-нибудь изъ подвиговъ его обнаруженъ; притомъ онъ говорилъ, что отрокъ и одежду сдѣлалъ себѣ изъ волосъ, и въ ней спалъ по ночамъ, нашедши въ ней мудрое средство къ

тому, чтобы скорѣе вставать отъ сна. И (все) прочее дѣлалось у него въ точности какъ у монаховъ, и постоянно прославлялъ онъ Бога, даровавшаго ему столь легкія крылья любомудрія. Итакъ, если бы и теперь кто показалъ мнѣ такую душу и представилъ такого воспитателя и обо всемъ прочемъ обѣщалъ столько же позаботиться, я въ тысячу разъ больше самихъ родителей пожелалъ бы, чтобы дѣло слагалось такъ. Уловъ былъ бы у насъ обильнѣе, когда бы подобные люди, и своею жизнію, и возрастомъ, и постояннымъ обращеніемъ уловляли своихъ сверстниковъ. Но нѣтъ никого, кто бы обѣщалъ это и сдѣлалъ; а если нѣтъ, то было бы безмѣрною жестокостью оставить того, кто не можетъ защищать самого 371
себя, но лежитъ пораженный безчисленными ранами и на другихъ наводитъ уныніе, терзаться среди битвы, вмѣсто того, чтобы вынести его оттуда. Такъ и военачальника наказали бы, когда бы онъ способныхъ сражаться выводилъ изъ строя, а раненымъ и лежащимъ, которые и другихъ приводятъ въ смятеніе, приказывалъ постоянно лежать на мѣстѣ.

13. Но такъ какъ многіе изъ отцовъ настоятельно желаютъ видѣть каждый своего сына занимающимся краснорѣчіемъ, какъ бы точно зная, что сынъ непремѣнно достигнетъ совершенства въ краснорѣчіи; то мы не станемъ спорить объ этомъ и говорить, что онъ не будетъ имѣть успѣха, даже уступимъ на словахъ, что онъ непремѣнно окончитъ ученіе и достигнетъ совершенства. Но пусть будутъ намъ предложены на выборъ два дѣла: или пусть сынъ, посѣщая училища, старается изучать науки, или пусть въ пустыняхъ (печется) о душѣ: въ чемъ лучше, скажи мнѣ, успѣвать? Еслибы возможно было въ томъ и другомъ, то этого и я желаю; но если одно изъ двухъ останется недостижимымъ, то лучше избрать превосходнѣйшее. Такъ, скажутъ на это; но откуда намъ извѣстно, что онъ тамъ останется и устоитъ, а не падетъ?—многіе уже пали. А откуда извѣстно, что онъ не останется и не устоитъ? Многіе уже устояли, и такихъ больше, чѣмъ павшихъ, такъ что надобно болѣе надѣяться изъ-за этихъ, нежели бояться изъ-за тѣхъ. А почему ты не боишься того же самаго и по отношенію къ наукѣ, гдѣ въ особенности слѣдовало бы бояться? Между монахами изъ многихъ не достигли цѣли не многіе, а въ занятіяхъ науками изъ многихъ успѣли не многіе. И не поэтому только, а и по многимъ другимъ причинамъ справедливо можно болѣе бояться касательно послѣдняго. Здѣсь неспособность отрока, и неопытность учителей, и небрежность воспитателей, и недосугъ отца, и недостатокъ средствъ на издержки и жалованье, и разность нравовъ, и порочность, и зависть, и ненависть товарищей, и многое другое препятствуетъ дойти до конца. И не только эти, но и по окончаніи еще другія большія (бѣды);

потому что, когда онъ, преодолѣвъ все и не потерпѣвъ пораженія ни отъ одного изъ этихъ препятствій, достигнетъ до самаго верха образованія, опять встрѣчаются другія препоны. Здѣсь и непріязнь начальника, и зависть сослуживцевъ, и неблагопріятныя обстоятельства времени, и недостатокъ друзей, и бѣдность часто удаляютъ отъ цѣли. Но у монаховъ не такъ: имъ нужно только одно,—благородная и добрая ревность; и если это есть, тогда ничто не воспрепятствуетъ достигнуть совершенства въ добродѣтели. Посему не несправедливо ли—тамъ, гдѣ прекрасныя надежды ясны и близки, отчаяваться и бояться, а тамъ, гдѣ ожидается противное, въ отдаленности и съ многочисленными препятствіями, не отчаяваться, а смѣло надѣяться не взирая на бо́льшую очевидность и многочисленность затрудненій?—въ отношеніи къ наукамъ смотрѣть не на случающіяся часто непріятности, но на добрыя, рѣдко бывающія послѣдствія, а въ отношеніи къ монахамъ поступать напротивъ; и тамъ, гдѣ надеждъ на доброе много, устремлять взоръ только на печальное, а тамъ, гдѣ ожидается противное, обра-
372 щать вниманіе только на добрыя послѣдствія? Между тѣмъ тамъ, когда даже сойдутся всѣ благопріятныя обстоятельства, часто преждевременная смерть постигаетъ борца у самой цѣли, и уноситъ его, послѣ безчисленныхъ подвиговъ, неувѣнчаннымъ: а здѣсь, хотя бы (смерть) случилась среди самыхъ подвиговъ, онъ тогда именно и отходитъ особенно славнымъ и увѣнчаннымъ. Итакъ, если ты боишься за будущее, то больше должно бояться въ отношеніи къ наукамъ, гдѣ много препятствій къ достиженію конца; а ты въ этомъ дѣлѣ долгое время остаешься въ ожиданіи, и не смотришь ни на какія встрѣчающіяся препятствія, ни на издержки, ни на трудность занятій, ни на сомнительность успѣха, но только на конецъ; а здѣсь, когда отрокъ не вступилъ еще и въ преддверіе, еще и не коснулся этого прекраснаго любомудрія, ты уже боишься, трепещешь и впадаешь духомъ въ отчаяніе? Между тѣмъ, самъ же ты прежде говорилъ: „что-же, развѣ живущему въ городѣ и имѣющему домъ нельзя спастись?“ Такъ, если можно спастись въ городѣ, имѣя домъ и жену, то гораздо болѣе — безъ жены и безъ прочаго. Непозволительно одному и тому же человѣку — то̀ быть увѣреннымъ, что спасеніе возможно и для того, кто связанъ житейскими дѣлами, то бояться и трепетать за того, кто будетъ свободенъ отъ всего, какъ будто безъ этого невозможно вести доблестную жизнь. Если и живущій въ городѣ могъ бы спастись, какъ ты говоришь, то гораздо болѣе удалившійся въ пустыню. Какъ же ты боишься невозможности здѣсь, а не боишься ея тамъ, гдѣ больше слѣдовало бы бояться ея?

14. Но, скажетъ кто-нибудь, не одно и тоже—погрѣшитъ ли

мірянинъ, или навсегда посвятившій себя Богу; такъ какъ не съ одной высоты падаютъ оба они, то и раны у нихъ не одинаковы. Ты очень заблуждаешься и обманываешься, если думаешь, что иное требуется отъ мірянина, а другое отъ монаха; разность между ними въ томъ, что одинъ вступаетъ въ бракъ, а другой нѣтъ, во всемъ же прочемъ они подлежатъ одинаковой отвѣтственности. Такъ, гнѣвающійся на брата своего напрасно, будетъ ли онъ мірянинъ, или монахъ, одинаково оскорбляетъ Бога; и взирающій на женщину *ко еже вожделѣти ея*, будетъ ли онъ тѣмъ или другимъ, одинаково будетъ наказанъ за это прелюбодѣяніе (Матѳ. v, 22. 28). Если же можно прибавить что-нибудь по соображенію, то—мірянинъ менѣе извинителенъ въ этой страсти; потому что не все равно, тотъ ли прельстится красотою женщины, кто имѣетъ жену и пользуется этою утѣхою, или будетъ уловленъ этимъ грѣхомъ тотъ, кто вовсе не имѣетъ такой помощи (противъ страсти). Также клянущійся, будетъ ли онъ тѣмъ или другимъ, одинаково будетъ осужденъ; потому что Христосъ, когда давалъ касательно этого повелѣніе и законъ, не сдѣлалъ такого различенія и не сказалъ: если клянущійся будетъ монахъ, то клятва его отъ лукаваго; а если не монахъ, то нѣтъ; а просто и вообще всѣмъ сказалъ: *азъ же глаголю вамъ, не клятися всяко* (Матѳ. v, 34). И еще, сказавъ: *горе смѣющимся* (Лук. vi, 25), не прибавилъ: монахамъ, но вообще всѣмъ положилъ это правило; такъ Онъ поступалъ и во всѣхъ прочихъ, великихъ и дивныхъ повелѣніяхъ. Когда напр. Онъ говоритъ: *блажени нищіи духомъ, плачущіи, кротцыи, алчущіи и жаждущіи правды, милостивіи, чистіи сердцемъ, миротворцы, изгнани правды ради*, слышащіе за Него отъ внѣшнихъ (невѣрующихъ) упомянутыя и неупомянутыя поношенія (Матѳ. v, 3—11), то не приводитъ названія ни мірянина, ни монаха; такое 373
различеніе привнесено умомъ человѣческимъ. Писанія же не знаютъ этого, но желаютъ, чтобы всѣ жили жизнью монаховъ, хотя бы и имѣли женъ. Послушай, что́ говоритъ и Павелъ (а когда говорю о Павлѣ, говорю опять о Христѣ). Павелъ же въ посланіи обращаясь къ людямъ, имѣющимъ женъ и воспитывающимъ дѣтей, требуетъ отъ нихъ всей строгости жизни, свойственной монахамъ. Такъ, устраняя всякую роскошь и въ одеждѣ, и въ пищѣ, онъ пишетъ такія слова: *жены во украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными* (1 Тим. ii, 9); и еще: *питающаяся пространно жива умерла* (—v, 6); и еще: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (—vi, 8). Чего еще бо́льше этого можно было бы требовать отъ монашествующихъ? А научая другихъ удерживать языкъ, онъ опять постано-

вляетъ строгія правила, такія, которыя исполнить трудно и монахамъ; потому что устраняетъ не только срамныя и глупыя рѣчи, но и шутовскія; изгоняетъ изъ устъ вѣрныхъ не только ярость, и гнѣвъ, и обиду, но и крикъ: *всяка*, говоритъ, *ярость, и гнѣвъ, и кличъ, и хула, да возмется отъ васъ, со всякою злобою* (Еф. IV, 31). Или мало тебѣ кажется этого? Подожди, и услышишь гораздо больше въ томъ, что Онъ заповѣдуетъ всѣмъ о незлобіи. *Солнце*, говоритъ, *да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Еф. IV, 26); *блюдите, да никтоже зла за зло кому воздастъ: но всегда доброе гоните и другъ ко другу и ко всѣмъ* (1 Сол. V, 15); и еще: *не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое* (Римл. XII, 21). Видишь ли доходящую до самой вершины степень любомудрія и долготерпѣнія? Послушай также, что̀ заповѣдуетъ онъ о любви— главѣ добродѣтелей: поставивъ ее выше всего и сказавъ о ея дѣйствіяхъ, онъ объяснилъ, что отъ міранъ онъ требуетъ той же любви, какой (требовалъ) Христосъ отъ учениковъ. Какъ Спаситель сказалъ, что самая высшая степень любви состоитъ въ томъ, чтобы душу свою полагать за друзей своихъ (Іоан. XV, 13); такъ и Павелъ выразилъ тоже самое, сказавъ: *любы не ищетъ своихъ си* (1 Кор. XIII, 5), и къ такой-то любви заповѣдалъ стремиться, такъ что, если бы только это одно было сказано, было бы достаточно для доказательства, что и отъ міранъ требуется тоже самое, что отъ монаховъ; потому что любовь есть связь и корень многихъ добродѣтелей, а Павелъ излагаетъ ее и по частностямъ. Чего же можно требовать больше этого любомудрія? Когда онъ повелѣваетъ быть выше и гнѣва, и ярости, и крика, и любостяжанія, и чревоугодія, и роскоши, и тщеславія и прочаго житейскаго и не имѣть ничего общаго съ землею; когда заповѣдуетъ *умертвить уды* (Колос. III, 5); то очевидно требуетъ отъ насъ такой же строгой жизни, какой (требовалъ) отъ учениковъ Христосъ, и желаетъ, чтобы мы были такъ же мертвы для грѣховъ, какъ умершіе и погребенные. Посему и говоритъ: *умерый свободися отъ грѣха* (Римл. VI, 7). А въ иныхъ мѣстахъ онъ увѣщаваетъ насъ подражать Христу, а не только ученикамъ Его; такъ, когда убѣждаетъ насъ къ любви, къ незлопамятству и кротости, то приводитъ въ примѣръ Христа. Итакъ, если (Павелъ) повелѣваетъ подражать не
374 монахамъ только и даже не ученикамъ, но самому Христу, и не подражающимъ назначаетъ величайшее наказаніе; то почему ты называешь ихъ высоту бо́льшею? Всѣмъ людямъ должно восходить на одну и туже высоту; то именно и извратило всю вселенную, что мы думаемъ, будто только монашествующему нужна бо́льшая строгость жизни, а прочимъ можно жить безпечно. Нѣтъ, нѣтъ; отъ всѣхъ насъ требуется, говоритъ онъ, одинаковое любо-

мудріе: это весьма хотѣлъ бы я внушить, или лучше, не я, но Самъ тотъ, кто будетъ судить насъ. Если же ты еще удивляешься и недоумѣваешь, то вотъ мы опять почерпнемъ для слуха твоего изъ тѣхъ же источниковъ, чтобы тебѣ совершенно омыться отъ всякой нечистоты невѣрія. Я представлю доказательство отъ наказаній, имѣющихъ быть въ тотъ день (суда). Богачъ не за то много наказанъ, что былъ жестокимъ монахомъ, но—если можно сказать нѣчто для изъясненія,—за то, что, будучи міряниномъ и живя въ богатствѣ и пурпурѣ, презиралъ Лазаря въ крайней бѣдности. Впрочемъ не скажу ни того ни другого, а только то, что онъ былъ жестокъ и за это терпѣлъ тягчайшія муки въ огнѣ. И дѣвы за то, что не имѣли человѣколюбія, были отвержены отъ брачнаго чертога; и, если можно прибавить нѣчто и отъ себя, наказаніе имъ не только не было усилено за дѣвство ихъ, но, можетъ быть, еще смягчено за это; ибо онѣ не услышали: *идите во огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Матѳ. xxv, 41), но только: *не вѣмъ васъ* (—12). Если же кто скажетъ, что то и другое одинаково, — противорѣчить не стану; потому что я стараюсь теперь доказать, что жизнь монаховъ не дѣлаетъ наказаній болѣе тяжкими, но что и міряне подвергаются тѣмъ же самымъ наказаніямъ, если грѣшатъ одинаково съ ними. Такъ и одѣтый въ нечистую одежду (Матѳ. xxii, 1—13), и требовавшій (съ должника) сто динаріевъ (Матѳ. xviii, 23—34), потерпѣли постигшія ихъ бѣды не за то, что были монахи, но первый погибъ за блудодѣяніе, а послѣдній за злопамятство. Если кто посмотритъ и на другихъ, которые будутъ тогда наказаны, то увидитъ, что они подвергаются наказанію только за грѣхи. Это можно замѣтить не только въ наказаніяхъ, но и въ увѣщаніяхъ. Такъ, когда (Господь) говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы; возмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. xi, 28—29); то говоритъ не однимъ только монашествующимъ, но всему человѣческому роду. И когда Онъ повелѣваетъ идти тѣснымъ путемъ (Лук. xiii, 24), то обращаетъ рѣчь не къ нимъ только однимъ, но ко всѣмъ людямъ; одинаково всѣмъ заповѣдалъ Онъ ненавидѣть душу свою въ мірѣ семъ (Іоан. xii, 25), и все прочее тому подобное. Когда же Онъ говоритъ не ко всѣмъ и не законъ преподаетъ, то Самъ же и объясняетъ намъ это. Такъ, говоря о дѣвствѣ, Онъ присовокупилъ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. xix, 12); не сказалъ: *всякъ*, не преподалъ этого въ качествѣ заповѣди. Такъ и Павелъ, который вездѣ является подражающимъ Учителю, коснувшись этого предмета, сказалъ: *о дѣвахъ* 375
же повелѣнія Господня не имамъ (1 Кор. vii, 25). Итакъ впредь,

думаю, и самый склонный къ спорамъ и безстыдный не будетъ отвергать, что и міряннну и монаху должно достигать одинаковой высоты, и что оба они, въ случаѣ паденія, получатъ одинаковыя кары.

15. Ясно доказавъ это, изслѣдуемъ теперь и то, кто легче и скорѣе можетъ пасть; впрочемъ, здѣсь не нужно намъ и изслѣдованія. Хотя сохраненіе цѣломудрія легко для человѣка женатаго, какъ пользующагося великою утѣхою,—въ отношеніи къ прочимъ добродѣтелямъ и для него это оказывается не очень (легкимъ),—однако и здѣсь мы видимъ падающими больше женатыхъ, нежели монаховъ. Не столько выходятъ изъ монастырей для вступленія въ бракъ, сколько отъ брачнаго ложа уходятъ къ блудницамъ. Если же (міряне) такъ часто падаютъ въ томъ, противъ чего имъ легко бороться, то что́ имъ дѣлать съ прочими страстями, которыми они возмущаются болѣе, нежели монахи? На этихъ конечно сильнѣе нападаетъ похоть, такъ какъ они не имѣютъ общенія съ женщинами; но прочія страсти могутъ и не приближаться къ нимъ, тогда какъ мірянъ сильно преслѣдуютъ и поражаютъ въ самую голову. Если же монахи и въ томъ, въ чемъ сильнѣе бываетъ у нихъ борьба, побѣждаютъ легче, нежели люди, не подвергающіеся такой борьбѣ, то они очевидно гораздо легче послѣднихъ устоятъ противъ прочихъ страстей, которыми они не возмущаются. Такъ корыстолюбіе, и страсть къ удовольствіямъ и власти и всему прочему обыкновенно гораздо легче преодолѣваются ими, нежели мірянами. Какъ на войнѣ и въ сраженіи мы называемъ болѣе легкою не ту часть борьбы, гдѣ мертвые падаютъ часто и одинъ за другимъ, но ту, гдѣ падаютъ рѣдко и не многіе: такъ надобно судить и объ этомъ предметѣ. Корыстолюбіе легче преодолѣетъ не тотъ, кто вращается среди міра, но тотъ, кто пребываетъ въ горахъ; первый легко и побѣждается имъ, а побѣжденнаго корыстолюбіемъ надобно причислять къ идолослужителямъ (Колос. III, 5). Послѣдній, если имѣетъ деньги, не захочетъ оставить безъ пособія и родныхъ своихъ, но съ охотою отдастъ имъ все, между тѣмъ какъ первый не только оставитъ ихъ безъ вниманія, но и обидитъ не меньше чужихъ; а это уже другой родъ идолослуженія, болѣе перваго тяжкій. И надобно ли исчислять все прочее, что монашествующими легко побѣждается, а мірянъ низлагаетъ съ великою силою? Какъ же ты не боишься и не трепещешь, вводя (сына) въ такую жизнь, въ которой онъ скоро можетъ быть побѣжденъ пороками? Или тебѣ кажется дѣломъ маловажнымъ служить идоламъ, быть хуже невѣрныхъ, отрицаться дѣлами отъ служенія Богу,—чему всему скорѣе подвергнутся люди привязанные къ міру, нежели монахи? Не видишь ли, что тотъ страхъ твой—пустой предлогъ? Если уже надобно бояться, то не за тѣхъ, кото-

рые избѣгаютъ волненій и поспѣшаютъ къ пристани, но за тѣхъ, которые носятся по волнамъ среди вихря и бури. Здѣсь скорѣе могутъ быть кораблекрушенія, оттого, что и волненій больше, и тѣ, кому предстоитъ бороться, безпечнѣе; а тамъ и волнъ такихъ нѣтъ, и великая тишина, и усердія больше въ тѣхъ, которые должны бороться. Поэтому мы и привлекаемъ (другихъ) въ пустыню, не для того, чтобы они только облеклись въ власяницу, надѣли на себя вериги, и осыпались пепломъ, но чтобы прежде всего другого избѣгли пороковъ и предались добродѣтели. Что же, скажутъ, 376
женатые всѣ погибнутъ? Не это говорю я, но то, что имъ, если захотятъ спастись, предстоитъ больше трудовъ, по неизбѣжной необходимости,—потому что несвязанному легче бѣжать, нежели связанному. Поэтому онъ получитъ и большую награду и блистательнѣйшіе вѣнцы? Нѣтъ; потому что онъ самъ налагаетъ на себя эту необходимость, тогда какъ можно было бы и не налагать. Итакъ, когда у насъ ясно доказано, что мы подлежимъ отвѣтственности одинаковой съ монахами, пойдемъ и сами по удобнѣйшему пути и сыновей поведемъ по нему; а не станемъ, какъ враги и непріятели, потоплять ихъ и увлекать въ бездны порочности. Если бы это дѣлали другіе, было бы не такъ ужасно; но когда родители, испытавшіе все житейское и на самомъ дѣлѣ узнавшіе, какъ пусты настоящія удовольствія, доходятъ до такого безумія, что влекутъ къ нимъ другихъ, такъ какъ имъ самимъ возрастъ уже не позволяетъ (предаваться имъ), и, когда имъ слѣдовало бы укорять самихъ себя за прежнее, ввергаютъ туда же и другихъ, и притомъ находясь уже близъ смерти, суда и тамошнихъ истязаній: то какое останется для нихъ оправданіе, какое прощеніе, какая милость? Они будутъ наказаны не только за свои грѣхи, но и за вліяніе на дѣтей, успѣютъ ли они довести ихъ до паденія, или нѣтъ.

16. Но, можетъ быть, вы хотите видѣть дѣтей отъ дѣтей? Какъ же это, когда вы сами еще не сдѣлались (истинными) отцами? Не рожденіе дѣлаетъ такимъ отцемъ; съ этимъ согласятся и сами родители, которые, видя дѣтей своихъ дошедшими до крайней порочности, отвергаютъ и чуждаются ихъ, какъ бы не своихъ, и ни природа, ни рожденіе и ничто другое, тому подобное, не можетъ удержать ихъ отъ этого. Пусть же они и не считаются отцами тѣхъ, которые далеки отъ любомудрія; но когда родятъ ихъ такимъ образомъ, тогда пусть и ожидаютъ себѣ внуковъ; потому что тогда только и смогутъ они увидѣть ихъ. Дѣти ихъ суть тѣ, *иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. I, 13). Эти дѣти не заставляютъ отцевъ безпокоиться ни о деньгахъ, ни о бракѣ, и ни о чемъ-либо другомъ подобномъ, но оставивъ ихъ свободными отъ всякой заботы, достав-

ляютъ имъ наслажденіе удовольствіемъ, большимъ въ сравненіи съ плотскими отцами. Они и рождаются и воспитываются не такъ, какъ тѣ, но гораздо лучше и блистательнѣе; потому и болѣе радуютъ родителей. Кромѣ того, сказалъ бы я и то, что невѣрующимъ въ воскресеніе естественно плакать о дѣтяхъ, такъ какъ для нихъ и остается одно только это утѣшеніе; но мы, которые смерть почитаемъ сномъ и научены презирать все здѣшнее, удостоимся ли какого-либо прощенія, если станемъ плакать объ нихъ, и будемъ стараться о томъ, чтобы видѣть дѣтей и оставить ихъ здѣсь, откуда сами стремимся удалиться и гдѣ пребывая воздыхаемъ? Впрочемъ это сказано нами для людей болѣе духовныхъ. А тѣмъ, которые любятъ плоть и очень привязаны къ настоящей жизни, я сказалъ бы, что, во-первыхъ, неизвѣстно, бу-
377 дутъ ли непремѣнно дѣти послѣ брака; во-вторыхъ, если и будутъ, то отъ нихъ будетъ горя больше, потому что мы получаемъ не столько радости, сколько скорби отъ ежедневныхъ заботъ, безпокойствъ и опасеній за нихъ. Но кому, скажутъ, оставимъ мы поля, домы, рабовъ и золото (они, какъ я слышу, и объ этомъ плачутъ)? Тому, кто и прежде имѣлъ (право) наслѣдовать ихъ, а теперь тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе надежнымъ будетъ онъ теперь и хранителемъ и обладателемъ ихъ. Тогда многое могло вредить этимъ благамъ: и тля, и долговременность, и разбойники, и клеветники, и завистники, и неизвѣстность будущаго, и непостоянство людей, и наконецъ смерть могла лишить сына и денегъ и этихъ имѣній; а теперь онъ сложилъ свое богатство выше всего этого, нашедши мѣсто безопасное, куда ничто изъ сказаннаго достигнуть не можетъ. Именно небо есть такое мѣсто, которое недоступно никакому нападенію, плодоноснѣе всякой земли, и сложившимъ въ немъ свои богатства даетъ пожинать плоды ихъ въ великомъ изобиліи. Посему не теперь надлежало бы говорить такъ, но когда бы сынъ намѣревался быть человѣкомъ мірскимъ, тогда (надлежало бы) плакать и говорить: кому оставимъ мы свои поля, кому золото, кому прочее имущество? Теперь у него столь много власти надъ богатствомъ, что онъ не лишится обладанія имъ даже и по отшествіи отсюда, но тогда особенно и будетъ наслаждаться выгодами отъ богатства, когда мы отойдемъ отсюда. Если же хочешь еще здѣсь видѣть сына господиномъ имущества, то и этого скорѣе можно ожидать отъ монаха, нежели отъ мірянина. Кто, скажи мнѣ, бываетъ болѣе господиномъ богатства, тотъ ли, кто издерживаетъ и раздаетъ его съ великою щедростью, или тотъ, кто отъ скупости не смѣетъ и прикоснуться къ нему, но зарываетъ его и воздерживается отъ своего, какъ бы отъ чужого? Тотъ ли, кто тратитъ безразсудно и напрасно, или кто дѣлаетъ это надлежащимъ образомъ? Тотъ ли, кто сѣетъ на землѣ, или кто дѣлаетъ это на небѣ? Тотъ

ли, кому не позволяется раздать все свое, кому онъ захочетъ, или кто свободенъ отъ всѣхъ требователей разныхъ поборовъ? Къ земледѣльцу и торговцу многіе приступаютъ со всѣхъ сторонъ, принуждая платить подати и требуя каждый своей части; но кто желаетъ подавать нуждающимся, къ тому никто ни откуда не явится съ подобными требованіями, такъ что онъ и здѣсь болѣе бываетъ господиномъ (своего богатства). Или того, кто расточалъ бы имѣніе на блудницъ, на чревоугодіе, на тунеядцевъ и льстецовъ, позорилъ бы свою честь, терялъ бы спасеніе и дѣлался бы достойнымъ посмѣянія, ты назовешь господиномъ расточаемаго, а того, кто издерживаетъ свое имущество съ великимъ благоразуміемъ, для истинной славы и пользы, и на угодное Богу, ты не назовешь такимъ? Тогда ты сдѣлаешь тоже, какъ если бы, видя кого-нибудь бросающимъ свои имущества въ водосточныя канавы, назвалъ его господиномъ ихъ, а употребляющаго ихъ на необходимыя нужды сталъ бы оплакивать, какъ бы не имѣющаго власти надъ издерживаемымъ. А лучше сказать, тѣхъ людей болѣе надобно сравнивать не съ тѣми, которые просто тратятъ (свое имѣніе), но съ тѣми, которые тратятъ на зло своимъ головамъ, потому что тѣ издержки дѣлаютъ человѣка болѣе знатнымъ, болѣе достаточнымъ и болѣе безопаснымъ, а эти подвергаютъ не только стыду и позору, но и 378
неизбѣжной погибели.

17. Но, скажутъ, развѣ послѣ брака и рожденія дѣтей нельзя посвятить себя любомудрію, достигши самой старости? А кто намъ поручится, во-первыхъ, что мы достигнемъ глубокой старости, и во-вторыхъ, что, достигши ея, непремѣнно сохранимъ это намѣреніе? Мы невластны въ предѣлахъ жизни, чему учитъ и Павелъ, когда говоритъ: *день Господень, якоже тать въ нощи, тако пріидетъ* (1 Сол. v, 2); и наши мысли не остаются всегда въ одинаковомъ настроеніи. Посему и премудрый даетъ такое увѣщаніе: *не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне*, дабы тебѣ не быть сокрушеннымъ, когда медлишь, *и во время мести погибнеши* (Сир. v, 8—9). Но если бы даже и не было такой неизвѣстности, и тогда не слѣдовало бы откладывать дѣла съ сыновьями и опускать изъ вида, сколько отъ этого бываетъ вреда. Подлинно, крайне было бы безразсудно, когда юноша нуждается въ помощи и когда ему угрожаетъ сильный врагъ, приказывать ему погружаться въ житейскія дѣла, такъ что онъ легко можетъ быть побѣжденъ (врагомъ); а когда онъ получитъ тысячи ранъ и не будетъ уже на немъ ни одного здороваго мѣста, тогда вооружать и возбуждать его, уже лежащаго и изнемогшаго. Да, скажутъ, тогда и легка борьба, тогда и удобна битва, когда погаснутъ похоти. Но какая борьба тогда, когда никто не вступаетъ въ

борьбу съ нами? За это не будетъ потомъ и вѣнцовъ свѣтлыхъ; ибо *блаженъ, иже возметъ яремъ отъ юности своея, сядетъ на единѣ и умолкнетъ* (Пл. Іер. III, 27. 28). Тотъ достоинъ безчисленныхъ похвалъ, прославленій и почестей, кто обуздываетъ бѣснующуюся природу и спасаетъ ладью во время самой жестокой бури. Впрочемъ не будемъ спорить объ этомъ; пусть будетъ отсрочена борьба, если хочешь. Но, если бы отъ насъ зависѣло время борьбы, можно было бы намъ ожидать старости; если же надобно человѣку бороться въ теченіе всей настоящей жизни, начиная съ самаго юнаго возраста, или съ десяти лѣтъ (ибо съ этого возраста надлежитъ давать отчетъ за грѣхи, какъ показываетъ примѣръ отроковъ, пожранныхъ медвѣдями за насмѣшки надъ Елиссеемъ), и притомъ бороться съ того возраста, въ которомъ воздвигается противъ насъ сильнѣйшая война, то почему ты назначаешь для подвиговъ время старости? Если бы ты властенъ былъ приказать и діаволу, чтобы онъ не нападалъ и не вступалъ въ борьбу, то этотъ совѣтъ твой имѣлъ бы нѣкоторый смыслъ; но если ему ты предоставляешь дѣйствовать и поражать, а мнѣ повелѣваешь оставаться спокойнымъ, или даже добровольно преклоняться предъ нимъ, что̀ можетъ быть хуже этой обиды — въ то самое время, когда врагъ неистовствуетъ, обезоруживать того, на кого онъ нападаетъ, и такимъ образомъ предавать въ его руки?—Но сынъ молодъ и слабъ? Поэтому онъ и нуждается въ бо̀льшей безопасности, а нуждаясь въ безопасности, имѣетъ нужду и въ бо̀льшемъ попеченіи. Такому человѣку надобно быть всегда въ тишинѣ и спокойствіи, не вмѣшиваться въ (мірскія) дѣла и не вращаться въ той средѣ, гдѣ много шума и смятенія. А ты этихъ самыхъ, для кого борьба особенно тяжела и по ихъ возрасту, и по слабо-
379 сти, и по неопытности, и по разсѣянности среди міра, влечешь въ міръ, какъ будто уже опытныхъ и крѣпкихъ, и не позволяешь имъ уйти подвизаться въ пустынѣ, подобно тому, какъ если бы кто человѣку, который можетъ одержать тысячи побѣдъ, приказывалъ размышлять о дѣлахъ военныхъ въ бездѣйствіи, а неопытнаго, который не можетъ и взглянуть на сраженіе, по этому самому заставлялъ бы быть въ сраженіи, ввергая его въ большія затрудненія въ этомъ неисполнимомъ дѣлѣ. Притомъ надобно знать и то, что по вступленіи въ бракъ нельзя быть господиномъ самого себя, но неизбѣжно одно изъ двухъ: или имѣть постоянное сожительство съ женою, если она захочетъ этого, или, если она пожелаетъ воздерживаться, оставить ее и предаться любодѣянію. Надобно ли говорить о прочихъ затрудненіяхъ, о заботахъ касательно дѣтей и дома, которыя могутъ притупить всякое усердіе (къ благочестію) и произвести въ душѣ великое разслабленіе?

18. Поэтому лучше вооружать (сына) съ юнаго возраста, когда онъ властенъ надъ собою и ничѣмъ не связанъ,—лучше не только по сказаннымъ причинамъ, но не меньше и по тому, что̀ имѣетъ быть сказано. Приступившій къ любомудрію въ концѣ своей жизни употребляетъ все время на то, чтобы посильно омыть грѣхи, содѣланные въ прежнемъ возрастѣ, и на это истощается все его усердіе; но часто онъ не успѣваетъ и въ этомъ, а отходитъ отсюда съ остатками ранъ; а кто съ юныхъ лѣтъ вступилъ въ подвижничество, тотъ не тратитъ времени на это и не сидитъ врачуя свои раны, но съ самаго начала уже получаетъ награды; для перваго желательно избавиться отъ всѣхъ ранъ, а послѣдній съ самаго вступленія на поприще воздвигаетъ трофеи и присоединяетъ побѣды къ побѣдамъ; онъ какъ олимпійскій борецъ, съ юнаго возраста до старости шествуя среди побѣдныхъ восклицаній, отходитъ туда, увѣнчанный безчисленными на головѣ вѣнцами. Съ кѣмъ же ты желаешь быть твоему сыну? Съ тѣми ли, которые по великому дерзновенію могутъ взирать на самихъ архангеловъ, или съ тѣми, которые стоятъ вмѣстѣ со всѣми и занимаютъ послѣднее мѣсто? Такіе, конечно, займутъ послѣднее мѣсто, если даже будутъ въ состояніи преодолѣть всѣ препятствія, какія исчислилъ я теперь: если не постигнетъ ихъ преждевременная смерть, если затѣмъ не воспрепятствуетъ жена, если не получатъ они столько ранъ, что для излѣченія ихъ недостаточно будетъ всей старости, и если навсегда сохранятъ свое расположеніе (къ благочестію) твердымъ и непоколебимымъ. Когда все это сойдется, и тогда они едва займутъ мѣсто между послѣдними. Съ ними ли ты желаешь быть твоему сыну, или въ числѣ тѣхъ, которые блистаютъ въ первомъ ряду воинства (небеснаго)? Кто̀ же, скажутъ, такъ жалокъ, чтобы пожелать своимъ дѣтямъ перваго, а не послѣдняго?—но мы слѣдуемъ привычкѣ и хотимъ, чтобы они были при насъ. Этого и я желаю и не менѣе васъ, родителей, молюсь, чтобы они возвратились въ родительскій домъ, и вознаградили за воспитаніе такъ, что другихъ равныхъ воздаяній и найти было бы невозможно; но не будемъ требовать отъ нихъ этого теперь. Не странно ли, посылая ихъ учиться краснорѣчію, удалять надолго даже изъ отечества, или, когда они намѣреваются изучить какое-нибудь слесарное, или другое еще болѣе низкое ре- 380
месло, не пускать ихъ въ свой домъ, а приказывать и обѣдать и ночевать въ домѣ учителя; когда же они намѣреваются приступить къ изученію не человѣческой науки, но небеснаго любомудрія, тотчасъ отвлекать ихъ отъ этого, прежде нежели исполнится нами желаемое? Иной, учащійся ходить по натянутой веревкѣ, на-долго разстается съ родными; а тѣхъ, которые учатся возлетать отъ земли на небо, мы станемъ удерживать при родителяхъ? Что̀ можетъ

быть хуже такого безразсудства? Не видите ли, что и земледѣльцы, какъ ни сильно желаютъ получить плоды трудовъ своихъ, никогда однакоже не рѣшатся собирать ихъ преждевременно? Такъ не будемъ же и мы прежде времени отклонять сыновей отъ пустыннической жизни, но предоставимъ урокамъ укрѣпиться въ нихъ и сѣменамъ (благочестія) укорениться; не будемъ безпокоиться и скорбѣть, хотя бы должно было имъ воспитываться въ монастырѣ десять или двадцать лѣтъ; потому что, чѣмъ кто болѣе станетъ упражняться въ школѣ, тѣмъ болѣе пріобрѣтетъ силы. А лучше, если угодно, не станемъ назначать срока; но пусть будетъ единственнымъ предѣломъ то время, когда посѣянные въ сынѣ плоды достигнутъ зрѣлости; тогда пусть онъ возвращается изъ пустыни, а прежде—нѣтъ; потому что отъ поспѣшности нашей произойдетъ только то, что онъ никогда не будетъ зрѣлымъ. Кто прежде времени лишается питанія въ корнѣ, тотъ и въ надлежащее время не будетъ уже годенъ; а чтобы этого не случилось (съ нашими дѣтьми), будемъ терпѣливо переносить разлуку, и не только сами не станемъ торопить, но, если и они захотятъ возвратиться преждевременно, не позволимъ. Усовершенствовавшись сынъ будетъ для всѣхъ пріобрѣтеніемъ, и для отца и матери, и для дома и города, и для общества; если же онъ возвратится не достигши цѣли, то будетъ предметомъ посмѣянія и позора, и повредитъ себѣ и другимъ. Не будемъ же дѣлать такого вреда. Отправляя сыновей на чужбину, мы хотимъ увидѣть ихъ тогда, когда они усовершенствуются въ томъ, для чего предприняли путешествіе; если же они возвратятся прежде, то мы не столько получаемъ удовольствія отъ ихъ прибытія, сколько скорби отъ того, что они возвратились безъ пользы. Такъ, не крайне ли безразсудно — о духовномъ не прилагать и такого попеченія, какое мы показываемъ въ отношеніи къ житейскому, но тамъ любомудро переносить разлуку съ дѣтьми, даже съ пожеланіемъ бóльшаго продолженія ея, если это будетъ сколько-нибудь полезно, а здѣсь быть столь нѣжными и чувствительными къ разлукѣ, что отъ этого малодушія погибаютъ величайшія блага, имѣя притомъ здѣсь гораздо больше утѣшеній не только въ томъ, что дѣти посвятили себя важнѣйшимъ занятіямъ и непремѣнно достигнутъ своей цѣли и ничто не разрушитъ ихъ надеждъ, но и въ самой даже разлукѣ? Когда дѣти находятся въ дальнемъ путешествіи, то трудно видѣться съ ними, особенно если родители будутъ въ преклонныхъ лѣтахъ; а здѣсь можно часто приходить къ нимъ. Такъ и станемъ дѣлать: когда дѣтямъ еще нельзя придти къ намъ, будемъ мы приходить къ нимъ для свиданія и собесѣдованія. Отъ этого намъ будетъ много пользы и удовольствія: мы

не только будемъ радоваться при свиданіи съ любимыми дѣтьми, но и возвращаться домой съ великими плодами для насъ самихъ, 381
а нерѣдко и сами останемся съ ними, проникнувшись любовію къ любомудрію. Итакъ станемъ вызывать ихъ тогда, когда они сдѣлаются крѣпкими и способными приносить пользу другимъ; тогда только будемъ выводить ихъ оттуда, чтобы они были свѣтомъ для всѣхъ, чтобы свѣтильникъ стоялъ на свѣщникѣ. Тогда вы увидите, какихъ дѣтей отцы вы, и какихъ—тѣ, кого вы считаете счастливыми; тогда вы узнаете пользу любомудрія, когда (дѣти ваши) станутъ врачевать людей, страдающихъ неизлѣчимыми болѣзнями, когда будутъ прославляться, какъ общіе благодѣтели, покровители и спасители, когда будутъ жить съ людьми на землѣ какъ ангелы, и обращать на себя взоры всѣхъ; или лучше, что́ бы мы ни сказали, намъ не высказать всего того, что́ можно видѣть на опытѣ и на самомъ дѣлѣ. Такъ и законодателямъ надлежало бы поступать, чтобы дѣлалось должное,—не тогда внушать молодымъ людямъ страхъ, когда они сдѣлаются мужами, но наставлять и направлять ихъ въ дѣтствѣ; тогда и впослѣдствіи не было бы нужды въ угрозахъ. А теперь бываетъ тоже самое, какъ если бы какой-либо врачъ начинающему заболѣвать не говорилъ ничего и не указывалъ, чѣмъ ему освободиться отъ болѣзни, а изнуренному и неизлѣчимому сталъ бы преподавать безчисленныя правила. Такъ и законодатели тогда руководятъ насъ, когда мы уже развратились. Но не такъ (поступаетъ) Павелъ; онъ приставляетъ къ дѣтямъ учителей добродѣтели съ начала и съ юнаго ихъ возраста, преграждая порокамъ доступъ къ нимъ. Самое лучшее ученіе не то, когда, допустивъ напередъ порокамъ одержать верхъ, потомъ стараются изгнать ихъ, но то, когда употребляютъ всѣ мѣры, чтобы сдѣлать природу нашу недоступною для нихъ. Посему увѣщеваю не только удерживать другихъ желающихъ поступать такъ, но и самимъ дѣйствовать и спасать ладью (жизни), и стараться, чтобы она плыла при попутномъ вѣтрѣ. Подлинно, если бы мы всѣ усвоили себѣ такой образъ мыслей и прежде всего другого вели дѣтей къ добродѣтели, считая это главнымъ дѣломъ, а все прочее придаточнымъ, то отсюда произошло бы столько благъ, что, перечисляя ихъ теперь, я показался бы преувеличивающимъ дѣло. Если же кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, тотъ хорошо можетъ узнать это изъ самыхъ дѣлъ, и изъявитъ намъ, а прежде насъ Богу, великую благодарность, видя, что на землѣ процвѣтаетъ жизнь небесная, и что вслѣдствіе этого ученіе о будущихъ благахъ и воскресеніи принимаютъ съ вѣрою и сами невѣрные.

19. А что это не самохвальство, видно изъ слѣдующаго: когда

мы говоримъ невѣрнымъ о жизни пустынниковъ, они не могутъ сказать ничего противъ нея, а думаютъ найти опору для возраженій въ малочисленности провождающихъ такую жизнь. Но если бы мы насадили этотъ плодъ въ городахъ, если бы благочиніе стало закономъ и началомъ и если бы мы дѣтей своихъ прежде всего другого наставляли быть друзьями Божіими и учили вмѣсто всѣхъ и прежде всѣхъ прочихъ наукъ духовнымъ, то прекратились бы всѣ скорби, настоящая жизнь избавилась бы отъ безчисленныхъ золъ, и то, что̀ говорится о будущей жизни, т. е. *отбѣже болѣзнь,*
382 *и печаль, и воздыханіе* (Иса. XXXV, 10), всѣ мы имѣли бы и здѣсь. Если бы не было въ насъ пристрастія ни къ деньгамъ ни къ пустой славѣ, если бы мы не боялись ни смерти, ни бѣдности, скорби считали не зломъ, но величайшимъ благомъ, не знали ни вражды, ни ненависти, то не страдали бы ни отъ своихъ, ни отъ чужихъ горестей, но родъ человѣческій приближался бы къ самимъ ангеламъ. Но, скажетъ кто-нибудь, кто изъ людей достигъ такого совершенства? Ты конечно не повѣришь этому, проживая въ городахъ и не читая божественныхъ книгъ; но если бы ты узналъ живущихъ въ пустыняхъ и древнихъ, упоминаемыхъ въ духовныхъ книгахъ, то убѣдился бы, что и монахи, и прежде нихъ апостолы, и прежде этихъ (ветхозавѣтные) праведники, со всею вѣрностію отличались такимъ любомудріемъ. Впрочемъ, чтобы намъ не спорить съ тобою, положимъ, что твой сынъ будетъ на двѣ или на три степени ниже ихъ, но и въ такомъ случаѣ онъ получитъ не мало благъ. Онъ не сравняется съ Петромъ и Павломъ, и даже не будетъ близко къ нимъ: но неужели поэтому лишимъ его и низшей сравнительно съ ними чести? Такъ разсуждая, ты сдѣлалъ бы тоже, какъ если бы сказалъ: если онъ не можетъ быть драгоцѣннымъ камнемъ, то пусть остается желѣзомъ, но не будетъ ни серебромъ, ни золотомъ. Почему же ты не разсуждаешь такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ, но совсѣмъ напротивъ? Посылая сына учиться краснорѣчію, ты хотя и не надѣешься непремѣнно увидѣть его на высотѣ совершенства, однако поэтому не отвлекаешь его отъ этого занятія, а дѣлаешь все съ своей стороны, считая удовлетворительнымъ, если сыну твоему, по успѣхамъ въ краснорѣчіи, удастся быть пятымъ или десятымъ отъ первыхъ. И опредѣляя сыновей на службу царю, вы не ожидаете, что они непремѣнно достигнутъ степени военачальниковъ, однако не приказываете имъ снять съ себя воинскую одежду и не приближаться даже къ порогу дворца, но употребляете всѣ средства, чтобы они не были устранены отъ пребыванія тамъ, считая достаточнымъ видѣть ихъ хотя въ числѣ среднихъ. Почему же вы тамъ, если и нельзя получить большаго, стараетесь и забо-

титесь о меньшемъ, хотя надежда и на это также сомнительна, а здѣсь нерадите и уклоняетесь? Потому, что тѣхъ благъ вы сильно желаете, а этихъ ни мало; а послѣ, стыдясь признаться въ этомъ, придумываете отговорки и предлоги; между тѣмъ, если бы вы истинно желали (этихъ благъ), васъ ничто не отклонило бы отъ нихъ. Это дѣйствительно такъ: кто подлинно любитъ что-нибудь, тотъ, если не можетъ достигнуть всего, или самаго высшаго, постарается по крайней мѣрѣ достигнуть средняго и даже въ тысячу разъ низшаго. Такъ, пристрастный къ вину и напиткамъ, если не можетъ получить вина сладкаго и ароматнаго, не откажется никогда и отъ самаго дурного; и корыстолюбивый, хотя бы кто далъ ему не драгоцѣнные камни и не золото, но серебро, будетъ весьма благодаренъ. Такова страсть: это—нѣчто насильственное и способное принудить всякаго, одержимаго ею, терпѣть и переносить все для чего бы то ни было; почему, если бы ваши слова не были предлогомъ, то надлежало бы содѣйствовать и сотрудничать, потому что желающему осуществленія чего нибудь свойственно не препятствовать этому осуществленію, но всячески содѣйствовать ему. Такъ и выходящіе на олимпійскія игры, хотя знаютъ, что изъ множества (соперни- 383
ковъ) только одному достанется награда за побѣду, однакоже вступаютъ въ борьбу и подвизаются. Между тѣмъ, нѣтъ никакого сравненія между здѣшнимъ и тамошнимъ, не только по цѣли подвиговъ, но и потому, что тамъ увѣнчаннымъ уходитъ непремѣнно только одинъ, а здѣсь преимущество и униженіе не въ томъ, что одинъ уходитъ неувѣнчаннымъ, а другой увѣнчаннымъ, но въ томъ, что одинъ получаетъ болѣе блистательную похвалу, другой менѣе, однако всѣ получаютъ. Вообще, если бы мы захотѣли съ начала настроить дѣтей и передать желающимъ воспитывать ихъ, то не было бы невѣроятнымъ, что они станутъ въ первомъ ряду воинства; потому что Богъ не презрѣлъ бы такого усердія и ревности, но простеръ бы Свою руку и приложилъ бы ее къ этимъ (живымъ) изваяніямъ. А когда дѣйствуетъ рука Его, тогда невозможна безуспѣшность въ чемъ бы то ни было, или лучше, невозможно не дойти до самой высшей степени блеска и славы, только бы при этомъ было и должное съ нашей стороны. Если и жены были въ состояніи умолить Бога, чтобы Онъ помогъ имъ въ воспитаніи дѣтей, тѣмъ болѣе мы могли бы сдѣлать это, если бы захотѣли. Чтобы не удлиннять слова, я умолчу о прочихъ женахъ, хотя и могъ бы сказать о многихъ, а упомяну только объ одной.

20. Была одна іудеянка, Анна. Эта Анна родила одного сына и не надѣялась имѣть другого, потому что и того едва получила послѣ многихъ слезъ, такъ какъ была безплодна. Хотя она видѣла,

что соперница часто укоряетъ ее за это, она однако не поступила такъ, какъ поступаете вы, но, и получивъ этого сына, держала его при себѣ только дотолѣ, пока нужно было питать его молокомъ. А какъ скоро онъ уже не сталъ нуждаться въ этой пищѣ, она, взявъ его, тотчасъ посвятила Богу, не приглашала его приходить въ домъ родительскій, и онъ жилъ постоянно въ храмѣ Божіемъ; и если когда она, какъ мать, хотѣла видѣть его, то не вызывала отрока къ себѣ, но сама съ отцемъ приходила къ нему, обращаясь съ нимъ какъ уже посвященнымъ (Богу). Оттого юноша сдѣлался столь доблестнымъ и великимъ, что, когда Богъ отвратился отъ народа еврейскаго за распространившееся въ немъ нечестіе, не изрекалъ пророчествъ и не открывалъ никакого видѣнія, онъ своею добродѣтелію опять приклонилъ и умолилъ даровать (іудеямъ) тоже, что и прежде, и возвратилъ отлетѣвшій даръ пророчества. И это сдѣлалъ онъ, когда былъ не въ зрѣломъ возрастѣ, но еще малымъ отрокомъ: *не бѣ видѣніе посылаемо*, говоритъ Писаніе, *и глаголъ (Господенъ) бѣ честенъ* (1 Цар. III, 1); между тѣмъ, ему Богъ часто открывалъ Свою волю. Такъ полезно всегда отдавать свои стяжанія Богу и отказываться отъ всего, не только отъ денегъ и имѣній, но и отъ самыхъ дѣтей. Если намъ повелѣно поступать такъ съ душею своею (Матѳ. XVI, 24. 25), тѣмъ болѣе со всѣмъ прочимъ. Такъ поступилъ и патріархъ Авраамъ, или, лучше сказать, гораздо выше: за то и получилъ обратно сына съ бо̀льшею славою. Поистинѣ, мы тогда особенно и остаемся съ дѣтьми своими, когда отдаемъ ихъ Господу. Онъ гораздо лучше (насъ) сохранитъ ихъ, такъ какъ больше и печется о нихъ. Не видите ли,
384 что такъ бываетъ и въ домахъ богачей? И тамъ можно видѣть, что низшіе (слуги), живущіе съ отцами, не такъ замѣтны и не имѣютъ такой силы; а тѣ, которыхъ господа, отнявъ отъ родителей, опредѣляютъ къ себѣ на службу для храненія сокровищъ, пользуются большимъ благоволеніемъ и свободою, и бываютъ настолько славнѣе своихъ сослужителей, насколько господа—рабовъ. Если же люди такъ добры и благосклонны къ своимъ слугамъ, то гораздо болѣе безпредѣльная Благость, т. е. Богъ. Отпустимъ же дѣтей служить (Богу), вводя ихъ не въ храмъ какъ Самуила, но въ самое небо, вмѣстѣ съ ангелами и архангелами. А что посвятившіе себя этому любомудрію дѣйствительно будутъ служить вмѣстѣ съ ними, это очевидно для всякаго. Они будутъ предстательствовать съ великимъ дерзновеніемъ не только за себя самихъ, но и за васъ. Ибо, если нѣкоторые получали (отъ Бога) нѣкоторую милость за отцевъ, тѣмъ болѣе отцы (получатъ) за дѣтей; потому что въ первомъ случаѣ правомъ (на милость) служитъ только единство природы, а въ послѣд-

немъ—и воспитаніе, которое гораздо важнѣе природы. То и другое я могу подтвердить вамъ и божественными писаніями. Такъ Езекію добродѣтельнаго и благочестиваго, но не имѣвшаго по своимъ дѣламъ дерзновенія противостать великой опасности, Богъ спасаетъ, какъ Самъ сказалъ, за добродѣтель отца: *и защищу*, говоритъ Онъ, *градъ сей, еже спасти его Мене ради и Давида ради раба Моего* (4 Цар. XIX, 34). И Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею о родителяхъ сказалъ: *спасутся же чадородія ради, аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тим. II, 15). И Іова Писаніе прославило какъ за то, что онъ *бѣ праведенъ, истиненъ и благочестивъ* (Іов. I, 1), такъ и за попеченіе о дѣтяхъ; а оно состояло не въ собираніи для нихъ богатства, и не въ стараніи сдѣлать ихъ славными и знаменитыми, но въ чемъ? Послушай, что́ говоритъ Писаніе: *егда скончавашася дніе пира ихъ, посылаше Іовъ, и очищаше ихъ, востая заутра, и приношаше о нихъ жертву по числу ихъ, и тельца единаго о грѣсѣ, о душахъ ихъ: глаголаше бо Іовъ въ сердцѣ своемъ, негли когда сынове мои въ мысли своей злая помыслиша противу Бога* (Іов. I, 5). Какое же будемъ имѣть оправданіе мы, дерзающіе на такія дѣла? Если тотъ, кто жилъ прежде благодати и прежде закона, и не слышалъ никакого ученія, имѣлъ столь великое попеченіе о дѣтяхъ, что опасался и за тайные грѣхи ихъ, то кто оправдаетъ насъ, которые живемъ во время благодати, имѣемъ столько учителей, такіе примѣры и такія увѣщанія, и между тѣмъ не только не боимся за тайные, но не обращаемъ вниманія и на явные грѣхи, и не только не обращаемъ вниманія, но и желающихъ исправить ихъ преслѣдуемъ? И Авраамъ, какъ я сказалъ прежде, прославился между прочими и этою добродѣтелію.

21. Итакъ, имѣя столько примѣровъ, будемъ приготовлять Богу доблестныхъ служителей и исполнителей. Если тотъ, кто воспитываетъ борцовъ для городовъ, или обучаетъ воиновъ для царей, удостоивается великой чести, то какой даръ можемъ получить мы, воспитывая для Бога столь доблестныхъ и великихъ мужей, или лучше сказать—ангеловъ? Будемъ же дѣлать все, чтобы оставить имъ богатство благочестія, которое пребываетъ постоянно, сопро- 385
вождаетъ насъ при отшествіи отсюда, и можетъ принести величайшую пользу не только здѣсь, но и тамъ. Богатство житейское не перейдетъ туда вмѣстѣ съ людьми, но еще и здѣсь погибаетъ прежде ихъ, а часто губитъ вмѣстѣ и владѣющихъ имъ; но то богатство и здѣсь и тамъ пребудетъ прочнымъ и стяжавшихъ его сохранитъ въ великой безопасности. Дѣйствительно такъ: кто предпочитаетъ земное духовному, тотъ лишится и того и другого; а

кто стремится къ небесному, тотъ непремѣнно получитъ и земное. Это не мои слова, но самого Господа, имѣющаго подать эти блага: *ищите*, говоритъ Онъ, *царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). Что можетъ сравниться съ этою честію? Заботься, говоритъ Онъ, о духовномъ, а все твое предоставь Мнѣ. Подобно тому, какъ если бы чадолюбивый отецъ принималъ на себя попеченіе о домѣ, управленіе слугами и всѣмъ прочимъ, а сыну совѣтовалъ заниматься однимъ только любомудріемъ; такъ точно (поступаетъ) и Богъ. Будемъ же послушны, станемъ искать царствія Божія; тогда и дѣтей увидимъ вездѣ почтенными, и сами прославимся съ ними, будемъ наслаждаться и настоящими благами, если только возлюбимъ будущія и небесныя. Это доставитъ вамъ послушавшимся великую награду, а противящимся и непослушнымъ—тягчайшее наказаніе; потому что нельзя оправдываться и говорить: никто насъ не училъ этому. Такое оправданіе, еще прежде нашихъ словъ, уже опровергнуто, такъ какъ и (наша) природа имѣетъ способность точно отличать хорошее отъ нехорошаго, и наше любомудріе предлагается повсюду, и случающіяся въ жизни бѣдствія достаточно сильны, чтобы изгонять въ пустыню даже и сильно привязанныхъ къ міру. Такъ, если бы мы и молчали, какъ я сказалъ, оправданіе уже опровергнуто, а тѣмъ болѣе теперь, послѣ этого продолжительнаго разсужденія, послѣ такого вразумленія, предлагаемаго какъ изъ опыта, такъ еще яснѣе изъ бож. Писаній. Даже если бы дѣти, оставаясь дома, не совсѣмъ развратились, но получили спасеніе только на послѣднемъ мѣстѣ, и тогда мы (родители) не избѣгли бы наказанія за то, что воспрепятствовали ихъ желанію вести жизнь болѣе строгую, и удержали при житейскихъ дѣлахъ тѣхъ, которые стремились къ небу; но если и это оказывается невозможнымъ, а напротивъ неизбѣжно предстоитъ имъ погибнуть и угрожаетъ крайняя опасность, то какое будемъ мы имѣть извиненіе, какое оправданіе, навлекши на себя тягчайшую отвѣтственность не только за свои грѣхи, но и за послѣдующіе грѣхи дѣтей? Не столько они, я думаю, будутъ наказаны за то, въ чемъ погрѣшатъ послѣ того, какъ были увлечены въ эти волны (мірской жизни), сколько вы, поставившіе ихъ въ такую крайность. Подлинно, если соблазнившему одного лучше было бы съ жерновымъ камнемъ быть потопленнымъ въ морѣ (Матѳ. XVIII, 6); то какое наказаніе и мученіе будетъ достаточно для тѣхъ, которые оказываютъ такую жестокость и недоброжелательство къ своимъ дѣтямъ? Посему прошу прекратить состязаніе и быть отцами любомудрыхъ дѣтей. Нельзя же говорить и того, чѣмъ многіе, какъ я слышу, отговариваются.
386 Что же это такое? Мы знали, говорятъ, что они не могутъ дойти

до конца, поэтому и остановили ихъ. Но если бы ты даже ясно предвидѣлъ это и если бы это не было только догадкою, — ибо устояли многіе и изъ тѣхъ, о комъ думали, что они падутъ,— если бы, говорю, ты подлинно предузналъ это, и тогда тебѣ не слѣдовало бы отвлекать сына. Если бы мы, напримѣръ, стали подставлять ногу тому, кто уже готовъ упасть, то этого не поставили бы намъ въ оправданіе, напротивъ это именно болѣе всего и послужило бы къ нашему осужденію. Почему ты не далъ паденію совершиться по его собственной безпечности, но предвосхитилъ этотъ грѣхъ и всю вину привлекъ на свою голову? А лучше сказать, не слѣдовало тебѣ и допускать того; почему ты не употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы сынъ твой не палъ? Такъ какъ особенно ты зналъ, что онъ падетъ, то за это особенно ты и достоинъ наказанія. Тому, кто напередъ зналъ это, слѣдовало не содѣйствовать паденію, а подать руку и оказать всевозможное усердіе къ тому, чтобы готовый упасть устоялъ твердо, хотя бы онъ устоялъ, хотя бы нѣтъ. Мы должны исполнять все съ своей стороны, хотя бы другіе не получали отъ насъ никакой пользы. Почему и для чего? Для того, чтобы отчета Богъ потребовалъ уже не отъ насъ, но отъ нихъ. Это и самъ Онъ сказалъ въ осужденіе тому, который ничего не сдѣлалъ со своимъ талантомъ: *подобаше убо тебѣ*, говоритъ, *вдати сребро мое торжникомъ, и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Матѳ. xxv, 27). Послушаемъ же Того, Кто внушаетъ это, чтобы намъ избѣгнуть наказанія. Не можемъ мы обмануть вмѣстѣ съ людьми и Бога, Который испытуетъ сердца, все обнаруживаетъ и вездѣ возлагаетъ на насъ отвѣтственность за спасеніе дѣтей. Если такому наказанію подвергся неотдавшій серебра (торжникамъ), то чему подвергнется тотъ, кто препятствуетъ и (другимъ), желающимъ отдать его? Такъ, не только тогда, если дѣти погрузятся по нашему внушенію въ житейскія дѣла, но и тогда, если мужественно устоятъ противъ нашего нападенія и опять удалятся въ горы, одинаковое наказаніе постигнетъ тѣхъ, которые хотѣли воспрепятствовать имъ. Какъ привлекающій къ любомудрію, убѣдитъ ли онъ, или не убѣдитъ, получитъ полную награду (ибо онъ исполнилъ свое дѣло), такъ и желавшій развратить, успѣетъ ли сдѣлать это, или нѣтъ, потерпитъ одинаковое наказаніе; потому что и онъ исполнилъ свое дѣло. Такимъ образомъ, если вы и не успѣли побороть и искоренить благородныя стремленія дѣтей, вы за одно покушеніе на это подвергнетесь такому же наказанію, какому и отвлекшіе ихъ оттуда. Итакъ, разсудивъ о всемъ этомъ и оставивъ всякія отговорки, постараемся быть отцами доблестныхъ дѣтей, строителями Христоносныхъ храмовъ, попечителями небес-

ныхъ ратоборцевъ, намащая и возбуждая ихъ, и всячески содѣйствовать ихъ пользѣ, чтобы и тамъ быть соучастниками ихъ вѣнцовъ. Если же вы будете сопротивляться, то дѣти, если они доблестны, и противъ вашей воли достигнутъ этого любомудрія и будутъ наслаждаться всѣми благами, а съ вами случится то, что вы навлечете на самихъ себя безмѣрное наказаніе и будете хвалить сказанное нами тогда, когда отъ этихъ похвалъ уже не будетъ вамъ никакой пользы.

СРАВНЕНІЕ

власти, богатства и преимуществъ царскихъ съ истиннымъ и христіанскимъ любомудріемъ монашеской жизни.

Въ словѣ или разсужденіи съ такимъ заглавіемъ, означающимъ его содержаніе, болѣе подробно излагаются мысли, высказанныя въ одномъ изъ предъидущихъ словъ (Слово второе къ невѣрующему отцу, отдѣл. 6 и 7) въ обличеніе нравовъ общества, современнаго Златоустому Святителю.

387 Видя, что многіе изъ людей болѣе любятъ и уважаютъ кажущіяся блага, нежели существенно полезныя и дѣйствительно добрыя, я считаю необходимымъ сказать кратко о тѣхъ и другихъ и противопоставить теперь одни другимъ—блага многими презираемыя и блага весьма желаемыя, чтобы, узнавъ различіе между тѣми и другими, мы цѣнили одни какъ достойныя привязанности и спасительныя, а другія научились презирать, какъ ничего не стоющія. Такъ люди любятъ богатство, власть, первенство и славу, и многіе ублажаютъ властителей народовъ, возимыхъ на блестящихъ колесницахъ и сопровождаемыхъ крикомъ глашатаевъ и большою толпою оруженосцевъ, а презираютъ жизнь любомудрствующихъ и избравшихъ монашескую жизнь; тѣ появляясь обращаютъ на себя взоры народа, а эти появляясь не привлекаютъ на себя взоровъ ничьихъ или очень немногихъ; и послѣднимъ никто не пожелалъ бы уподобиться а тѣмъ—всѣ, между тѣмъ какъ

пріобрѣсти власть и получить господство надъ народомъ трудно и для многихъ невозможно, и стремящимся къ этой власти нужно имѣть много денегъ, а избрать монашескую жизнь и проводить жизнь въ служеніи Богу для всѣхъ одинаково легко и удобно. Притомъ обладаніе властію прекращается съ этою жизнію, или лучше сказать—еще при жизни оставляетъ пристрастныхъ къ ней, и даже нѣкоторыхъ подвергало великой опасности или позору; а монашеская жизнь и теперь обогащаетъ праведниковъ многими благами и по скончаніи жизни приводитъ свѣтлыми и радостными предъ судилище Бога и Отца, когда большая часть начальствовавшихъ явятся получить великое наказаніе за дѣянія своей жизни. По- 388
сему противопоставивъ одни другимъ блага любомудрія и кажущіяся полезными блага владычества и славы въ настоящей жизни, вникнемъ въ различіе тѣхъ и другихъ благъ; потому что при сравненіи они будутъ болѣе ясными, или лучше, если угодно, верховное изъ благъ, т. е. царствованіе, сравнивъ съ любомудріемъ, посмотримъ на плоды того и другого достоянія, тщательно изслѣдовавъ, надъ кѣмъ властвуетъ царь и надъ кѣмъ любомудрый. Такъ царь господствуетъ надъ городами и областями и многими народами, руководствуя своими указаніями и военачальниковъ и градоначальниковъ, и войска и народы и совѣты; а предавшій себя Богу и избравшій монашескую жизнь властвуетъ надъ гнѣвомъ и завистію и сребролюбіемъ, сладострастіемъ и прочими пороками, постоянно имѣя въ виду и заботясь, какъ бы не допустить душу подпасть подъ власть гнусныхъ страстей и не предать разумъ въ рабство этой тяжкой тиранніи, но всегда соблюдать умъ выше всего, поставивъ надъ страстями страхъ Божій. Такое господство и владычество принадлежитъ царю и такое монаху, такъ что справедливѣе иной назвалъ бы послѣдняго царемъ, нежели блистающаго багряницею и вѣнцомъ и сидящаго на золотомъ престолѣ.

2. Такъ, поистинѣ царь есть тотъ, кто побѣждаетъ гнѣвъ и зависть и сладострастіе, подчиняетъ все законамъ Божіимъ, сохраняетъ умъ свой свободнымъ и не позволяетъ возобладать душею страсти къ удовольствіямъ. Такого мужа я желалъ бы видѣть начальствующимъ надъ народами, и землею и моремъ, и городами и областями, и войсками; потому что кто подчинилъ душевныя страсти разуму, тотъ легко управлялъ бы и людьми согласно съ божественными законами, такъ что онъ былъ бы вмѣсто отца для подчиненныхъ, обращаясь съ городами со всякою кротостію. А кто повидимому начальствуетъ надъ людьми, но раболѣпствуетъ гнѣву и честолюбію и удовольствіямъ, тотъ, во-первыхъ, можетъ быть смѣшнымъ для подчиненныхъ, потому что хотя носитъ вѣнецъ, украшенный драго- 389

цѣнными камнями и золотой, но самъ не увѣнчанъ смиренномудріемъ, и хотя все тѣло его блеститъ багряницею, но душа его остается неукрашенною. Потомъ онъ не будетъ знать, какъ распорядиться съ властію, потому что неспособный управлять самимъ собою какъ можетъ подчинять законамъ другихъ? Если хочешь видѣть и войну того и другого, то найдешь одного сражающимся съ демонами, и преодолѣвающимъ, и побѣждающимъ и увѣнчаваемымъ отъ Христа; потому что онъ выходитъ на войну съ божественною помощію, оградившись небеснымъ оружіемъ, отъ чего по необходимости ему и достается побѣда; а царя—сражающимся съ варварами. А чѣмъ демоны страшнѣе людей, тѣмъ побѣждающій первыхъ блистательнѣе побѣждающаго послѣднихъ. Если же захочешь знать и причину той и другой войны, то и въ этомъ найдешь большое неравенство. Тотъ сражается съ демонами за благочестіе и служеніе Богу, или желая исторгнуть изъ заблужденія города и селенія, а этотъ сражается съ варварами за отнятыя мѣстности, или предѣлы, или имущества; или же корыстолюбіе и несправедливое властолюбіе влечетъ его на сраженіе, при чемъ многіе цари, желая большаго, теряли и настоящее. Такимъ образомъ власть и войны показываютъ, сколь отличны другъ отъ друга царь и посвятившій жизнь на служеніе Богу; а еще точнѣе можно узнать ихъ, обративъ вниманіе на жизнь и дневныя занятія того и другого. Окажется, что одинъ поистинѣ обращается съ пророками, украшаетъ душу мудростію Павла и постоянно переходитъ отъ Моисея къ Исаіи, отъ этого къ Іоанну, а отъ него (еще) къ другому (изъ нихъ), царь же постоянно обращается съ военачальниками и, градоначальниками и оруженосцами; а съ какими людьми кто постоянно обращается, тѣмъ и уподобляется нравомъ. Посему монашествующій сообразуетъ свой нравъ съ нравами апостоловъ и пророковъ, а царь — съ нравами военачальниковъ и оруженосцевъ и щитоносцевъ, людей предающихся вину и услаждающихся удовольствіями и большую часть дня проводящихъ въ пиршествѣ, не знающихъ ничего важнаго или добраго вслѣдствіе опьянѣнія. Такъ и поэтому слѣдуетъ ублажать монашескую жизнь болѣе, нежели жизнь съ господствомъ и царствованіемъ и скипетрами.

3. Если мы захотимъ представить и ночное время, то увидимъ монаха отличающимся службою Богу и молитвами, воспѣвающимъ гораздо раньше птицъ, сожительствующимъ съ ангелами, бесѣдующимъ съ Богомъ, наслаждающимся небесными благами, а начальствующаго надъ многими народами, областями и войсками, и обладающаго обширною землею и обширнымъ моремъ—распростертымъ на ложѣ и крѣпко спящимъ; потому что первый питается такими

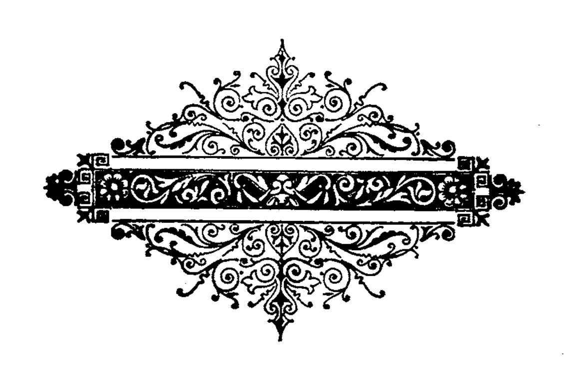
яствами, которыя не потребуютъ отъ монаха глубокаго сна, а по-
слѣдняго усыпляетъ роскошь и питіе, удерживающее на ложѣ
до самаго дня. У монаха и одежда и столъ умѣренны и соучастни-
ками въ яствахъ бываютъ подвизающіеся въ той же добродѣтели,
а царю необходимо украшаться камнями и золотомъ, предлагать 390
блистательный столъ и имѣть соучастниками, если онъ неразуменъ,
достойныхъ собственной его порочности, а если имѣетъ умъ и
смиренномудріе, то можетъ быть честныхъ и справедливыхъ, но
много уступающихъ первымъ въ добродѣтели. Такъ, хотя бы царь
былъ любомудръ, онъ даже и мало не можетъ приблизиться къ
доблестямъ монашествующаго. Онъ въ путешествіяхъ бываетъ обре-
менителенъ для подданныхъ, и живя въ городѣ, и наслаждаясь ми-
ромъ, и участвуя въ войнахъ, и требуя податей, и собирая войска,
и проводя плѣнниковъ, и побѣждая, и подвергаясь пораженію; по-
тому что, подвергаясь пораженію, онъ слагаетъ на подданныхъ соб-
ственныя бѣдствія, а побѣждая становится невыносимымъ, укра-
шаясь трофеями, и тщеславясь, и представляя воинамъ свободу
грабить, расхищать, обижать путниковъ, держать города въ осадѣ,
разорять домы бѣдныхъ, отъ принимающихъ къ себѣ ихъ требо-
вать каждый день того, чего не позволяетъ никакой законъ, подъ
предлогомъ какого-то древняго, беззаконнаго и несправедливаго
обычая. Притомъ богатому царь нисколько не вредитъ такими тя-
гостями, а причиняетъ зло бѣднымъ, какъ бы поистинѣ стѣсняясь
богатыхъ. А монахъ не таковъ, но, какъ только покажется, онъ
является приносящимъ нѣкоторую благодать богатымъ и бѣднымъ,
одинаково тѣмъ и другимъ, облекаясь въ одну одежду цѣлый годъ
и для питья употребляя воду охотнѣе, чѣмъ другіе—чудное вино,
для себя не испрашивая у богатыхъ никакой ни малой ни боль-
шой милости, а для бѣдныхъ (испрашивая) многихъ и постоянныхъ
(милостей), съ пользою для тѣхъ и другихъ, и для дающихъ и имѣю-
щихъ получить. Такимъ образомъ онъ есть общій врачъ, одина-
ково и богатыхъ и бѣдныхъ, первыхъ освобождая отъ грѣховъ доб-
рымъ увѣщаніемъ, а послѣднихъ избавляя отъ бѣдности. Царь, по-
велѣвая облегчить подати, приноситъ пользу больше богатымъ, не-
жели бѣднымъ, и, поступая напротивъ, вредитъ имѣющимъ мало;
потому что богатому немного можетъ повредить тяжесть податей,
а домы бѣдныхъ она какъ потокъ разрушаетъ, наполняя селенія
воплями, и ни старости не жалѣютъ сборщики податей, ни вдов-
ства женъ, ни сиротства дѣтей, но безчинствуютъ во все время,
какъ бы общіе враги страны, требуя отъ земледѣльцевъ того, чего
и земля не производила.

4. Теперь разсмотримъ и то, что̀ монахъ и что̀ царь достав-

ляетъ подданнымъ: этотъ—золото, а тотъ—благодать Духа, этотъ избавляетъ отъ бѣдности, если онъ добръ, а тотъ молитвами освобождаетъ души, одержимыя демонами. И если кому либо случится подвергнуться такимъ несчастіямъ, то онъ проходитъ мимо царя, какъ бы бездушнаго предмета, и поспѣшаетъ въ жилище монаховъ, какъ бы избѣгая волка и прибѣгая къ звѣролову, имѣющему мечъ въ рукѣ; ибо что̀ для звѣролова мечъ, то̀ для монашествующаго молитва. Подлинно, не такъ страшенъ для волковъ мечъ, какъ для
391 демоновъ—молитвы праведниковъ. Посему не только мы въ нуждахъ прибѣгаемъ къ святымъ монахамъ, но и сами цари прибѣгаютъ къ нимъ въ опасныхъ обстоятельствахъ, какъ бѣдные во время голода—къ жилищамъ богатыхъ. Ахавъ, царь іудейскій, во время голода и недостатка хлѣба не полагалъ ли надежду спасенія въ молитвахъ Иліи (3 Цар. XVII)? Езекія, имѣвшій такую же власть и державу, находясь въ болѣзни и ожиданіи кончины, видя наступающую смерть, не прибѣгъ ли къ пророку, какъ сильнѣйшему смерти и подателю жизни (4 Цар. XX)? Также, когда разразилась война и Палестина была въ опасности разориться до самаго основанія, то цари іудейскіе, распустивъ войско, и пѣшихъ воиновъ и стрѣльцовъ и всадниковъ, и военачальниковъ и полководцевъ, прибѣгли къ молитвамъ Елисея, такъ какъ думали, что служитель Божій замѣнитъ для нихъ многія тысячи воиновъ (4 Цар. III). Точно также и царь Езекія, когда наступила персидская война, и городъ съ величайшею опасностію колебался до самаго основанія, и находившіеся на стѣнѣ дрожали, страшились и трепетали какъ бы въ ожиданіи грома или всеколеблющаго землетрясенія, противопоставилъ молитвы Исаіи многимъ тысячамъ персовъ, и не обманулся въ надеждѣ (4 Цар. XIX); ибо, какъ только пророкъ поднялъ руки къ небу, Богъ небесными стрѣлами прекратилъ персидскую войну, внушая царямъ почитать служителей Его общими спасителями земли, дабы они научились, принимая отъ праведниковъ увѣщанія ко всякому доброму и человѣколюбивому дѣлу, уважать эти совѣты и слѣдовать благимъ внушеніямъ. И не изъ этого только можно видѣть различіе того и другого, но, если случится тому и другому пасть, лишиться одному добродѣтели, а другому царства, то первый легко можетъ придти въ себя и, скоро очистивъ грѣхи молитвою и слезами, скорбію и попеченіемъ о бѣдныхъ, опять удобно достигнуть прежней высоты; а ниспавшій царь будетъ нуждаться во многихъ союзникахъ, многихъ воинахъ и всадникахъ, и коняхъ и деньгахъ, (пребывая въ) опасностяхъ; послѣдній всецѣло полагаетъ надежду спасенія въ другихъ, а первый получаетъ спасеніе быстро вслѣдъ за желаніемъ, усердіемъ

и перемѣною нрава; ибо *царствіе* небесное, говорится въ Писаніи, *внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21). Даже смерть для царя страшна, а для любомудрствующаго безпечальна; потому что тому, кто презираетъ богатства, удовольствія и роскошь, для которыхъ 392
многіе желаютъ жить, по необходимости легко переносить и переселеніе отсюда. Если бы случилось тому и другому быть убиваемымъ, то одинъ подвергнется опасностямъ за благочестіе, пріобрѣтая смертію безсмертную и небесную жизнь, а царь встрѣтитъ въ убійцѣ тиранна и искателя власти, представляя послѣ убіенія жалкое и ужасное зрѣлище; а видѣть монаха, убиваемаго за благочестіе,—пріятное и спасительное зрѣлище. Притомъ одинъ будетъ имѣть многихъ соревнователей его доблестей, подражателей и учениковъ, молящихся о томъ, чтобы оказаться подобными ему, а другой много потратитъ словъ въ молитвахъ, умоляя Бога, чтобы не явилось ни одного искателя царства. Даже перваго и убивать никто не осмѣлится, считая нечестіемъ противъ Бога, если убьетъ такого, а на послѣдняго возстаютъ многіе убійцы, искатели тиранніи. Посему этотъ ограждается воинами, а тотъ ограждаетъ города молитвами, не боясь никого; царь же всегда живетъ со страхомъ и въ ожиданіи убійства; потому что онъ имѣетъ при себѣ опасное любостяжаніе, а тотъ—безопасное спасеніе. Итакъ, кажется, довольно сказано мною о дѣлахъ настоящей жизни. Если же мы захотимъ разсмотрѣть и будущее поприще, то увидимъ одного въ блескѣ и славѣ, восхищаемаго на облакахъ во срѣтеніе Господа въ воздухѣ, какъ вождя и наставника спасительной жизни и всякой добродѣтели; а царь, если окажется пользовавшимся властію праведно и человѣколюбиво (но это весьма рѣдко), сподобится меньшаго спасенія и прославленія, потому что они не равны, не равны царь добрый и монахъ живущій въ высокомъ служеніи Богу; а если онъ окажется порочнымъ и дурнымъ, наполнившимъ землю множествомъ зла, то кто можетъ изобразить бѣдствія, которыми онъ будетъ окруженъ, сожигаемый огнемъ, бичуемый, терзаемый, претерпѣвающій такія страданія, какія невыразимы словомъ и непереносимы дѣломъ? Все это представляя и помня, не должно восхищаться богатыми; ибо и владыка ихъ, какъ оказывается, не можетъ нимало приблизиться къ добродѣтели монаха. Итакъ, когда ты увидишь богатаго, украшеннаго одеждою, убраннаго золотомъ, везомаго на колесницахъ, выступающаго въ блистательныхъ выходахъ, не ублажай этого человѣка; потому что богатство временно, и кажущееся прекраснымъ истлѣваетъ съ этою жизнію; а видя монаха идущаго одинокимъ, смиреннымъ и кроткимъ, спокойнымъ и тихимъ, соревнуй этому мужу, окажись подражателемъ его любо-

мудрія, молись о томъ, чтобы сдѣлаться подобнымъ праведнику; ибо *просите*, говоритъ Писаніе, *и дастся вамъ* (Матѳ. VII, 7). Это поистинѣ прекрасно, и спасительно, и благонадежно, по человѣколюбію и промышленію Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.



О СОКРУШЕНІИ.

Два слова о душевномъ сокрушеніи написаны св. Іоанномъ Златоустымъ по просьбѣ благочестивыхъ и близкихъ къ нему лицъ, которыхъ имена поставлены въ заглавіи этихъ словъ, монаха Димитрія и Стелехія, въ концѣ 374 или въ началѣ 375 года по Р. Х., когда онъ самъ, по посвященіи въ церковнаго чтеца св. Мелетіемъ, епископомъ антіохійскимъ, поселился въ обители иноковъ, проводившихъ подвижническую жизнь на смежныхъ съ Антіохіею горахъ, о чемъ ясно говорится въ первомъ словѣ (отдѣл. 6).

СЛОВО ПЕРВОЕ

къ Димитрію монаху.

Видя, что ты, блаженный Димитрій, непрестанно обращаешься 393
къ намъ и съ великимъ усердіемъ просишь отъ насъ словъ о
сокрушеніи, я всегда ублажалъ (тебя) и удивлялся чистотѣ
души твоей; потому что и пожелать такихъ наставленій не-
возможно, не очистившись напередъ совершенно и не возвысившись
надъ всѣмъ житейскимъ. Это легко видѣть на тѣхъ, которые
объемлются такимъ желаніемъ хотя на краткое время: въ нихъ
происходитъ вдругъ такая перемѣна, что они тотчасъ переносятся
на небо; отрѣшивъ душу отъ мірскихъ заботъ, какъ бы отъ тяж-
кихъ узъ, они такимъ образомъ даютъ ей свободу возлетать въ
свое, сродное ей, мѣсто. Но со многими обыкновенно во всю жизнь
это случается рѣдко; а ты, божественная глава, всегда, какъ из- 394
вѣстно мнѣ, объятъ этимъ огнемъ сокрушенія. И свидѣтелями мнѣ
въ этомъ могутъ быть (твои) безсонныя ночи, и потоки слезъ, и
любовь къ пустынѣ, постоянно живущая и процвѣтающая въ душѣ
твоей. Какая же будетъ тебѣ польза отъ нашихъ словъ? Уже то
самое, что ты, достигнувъ самой высоты (добродѣтели), ставишь
себя на ряду съ идущими внизу, окрыленную душу (свою) назы-
ваешь каменною и, непрестанно касаясь правой руки моей, цѣлуешь
и со слезами говоришь: „сокруши ожесточенное сердце мое“,—
уже это самое какую означаетъ богобоязненность, какую пламен-
ную ревность? Итакъ, если ты желаешь пробудить насъ спящихъ,
привлекая насъ къ этому предмету, то одобряю твою великую
мудрость и попеченіе; но если ты дѣйствительно имѣешь въ виду 395

себя самого и думаешь, что ты нуждаешься въ возбудителѣ, то не знаю, какъ бы еще иначе могъ ты убѣдить насъ, что ни въ чемъ нашемъ ты не нуждаешься. Впрочемъ и при этомъ мы уступимъ тебѣ и послушаемся по уваженію всего, и (твоего) дерзновенія къ Богу, и усердія въ просьбѣ, и дружбы къ намъ; а ты воздай намъ за это своими молитвами, чтобы намъ правильно устроить жизнь свою въ будущемъ, и теперь сказать что либо доблестное, способное возстановить лежащія, и подкрѣпить и ободрить ослабѣвшія души. Съ чего же намъ начать это слово? Какое мы положимъ ему основаніе, какую опору? Не очевидно ли, что—слова Христа, въ которыхъ Онъ изрекаетъ горе смѣющимся, а ублажаетъ плачущихъ, говоря такъ: *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Мате. v, 4); и: *горе смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете* (Лук. vi, 25)? И это весьма справедливо, потому что вся настоящая жизнь поистинѣ есть время плача и слезъ; такое несчастіе постигло всю вселенную, такія бѣдствія объяли всѣхъ людей, что, если кто захочетъ распознать ихъ въ точности, если только возможна такая точность, то не перестанетъ скорбѣть и плакать: такъ все извратилось и разстроилось, а добродѣтели и слѣда нѣтъ нигдѣ! А еще тяжелѣе то, что мы и сами не чувствуемъ, и другимъ не даемъ чувствовать постигшихъ насъ бѣдствій, но стали похожи на человѣка, котораго тѣло извнѣ цвѣтетъ, а внутри разрушается сильнымъ огнемъ; и по этой безчувственности мы нисколько не отличаемся отъ умалишенныхъ, которые безъ опасенія и говорятъ и дѣлаютъ много опаснаго и непристойнаго, и не только не стыдятся, но еще хвалятся этимъ, и считаютъ себя здоровѣе здоровыхъ. Такъ и мы, дѣлая все, свойственное больнымъ, не знаемъ и того, что мы больны. Между тѣмъ, если въ тѣлѣ нашемъ случится хотя малая болѣзнь, мы и приглашаемъ врачей, и тратимъ деньги, и оказываемъ терпѣніе, и не перестаемъ дѣлать все, пока не прекратимъ болѣзнь; а о душѣ, которая плотскими страстями ежедневно поражается, терзается, сожигается, низвергается въ пропасть и всячески губитъ себя, нисколько не заботимся. Причиною же этого то, что болѣзнь объяла всѣхъ. Поэтому, какъ больные тѣломъ, если не случится быть при нихъ кому либо изъ здоровыхъ, безпрепятственно могутъ всѣ подвергнуться крайней опасности отъ того, что некому отклонить ихъ отъ безразсудныхъ желаній, такъ и у насъ, отъ того, что нѣтъ никого совершенно здороваго въ вѣрѣ, но всѣ больны, одни болѣе, другіе менѣе, никто не въ состояніи пособить лежащимъ. Такъ, если бы кто со стороны пришелъ къ намъ, и хорошо узналъ и заповѣди Христовы и разстройство нашей жизни, то не знаю, какихъ бы еще могъ онъ представить себѣ другихъ враговъ Христа хуже насъ; потому что мы

идемъ такою дорогою, какъ будто рѣшились идти противъ заповѣдей Его!

2. И чтобы кто не подумалъ, что наши слова преувеличены, я постараюсь представить и доказательство, не отъ чего либо другого, но изъ самыхъ заповѣдей Христовыхъ. Что́ же говоритъ Христосъ? *Речено бысть древнимъ: не убіеши. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду: иже аще речетъ брату своему, рака̀, повиненъ есть сонмищу: а* 396
иже речетъ, уроде, повиненъ есть геенңѣ огненнѣй (Матѳ. v, 21. 22). Это (сказалъ) Христосъ. А мы, хуже невѣрующихъ въ Него, попрали этотъ законъ, каждодневно осыпая братьевъ своихъ множествомъ злословій. И особенно смѣшно то, что, избѣгая названія уродъ, какъ будто только это слово подлежитъ наказанію, мы часто наносимъ (ближнему) другія болѣе тяжкія оскорбленія. А на самомъ дѣлѣ не такъ, но (Господь) далъ такое запрещеніе, угрожая наказаніемъ оскорбителямъ вообще, какъ это видно и изъ слѣдующихъ словъ Павла: *не льстите себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни татіе, ни лихоимцы, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. vi, 9. 10). Если же называющій брата своего уродомъ достоинъ крайняго наказанія, то сколько геенскаго огня приготовитъ себѣ тотъ, кто называетъ его злодѣемъ, и завистливымъ, и безумнымъ, и тщеславнымъ, и многими другими, столь же оскорбительными, словами? Слова *уроде* и *рака́*—гораздо легче сказанныхъ теперь. Посему Христосъ, не упоминая о нихъ, указалъ только на тѣ, чтобы ты зналъ, что, если легчайшее злословіе подвергаетъ сказавшаго гееннѣ, тѣмъ болѣе сдѣлаютъ это болѣе тяжкія и несносныя. Если же нѣкоторые допускаютъ въ сказанномъ преувеличеніе (я знаю, что нѣкоторые испытываютъ расположеніе думать такъ, будто эта угроза сказана только для того, чтобы устрашить), то слѣдуетъ уже освободить отъ упомянутаго наказанія и самыхъ блудниковъ, мужеложниковъ, малакій, идолослужителей. Если (апостолъ) высказалъ угрозу злорѣчивымъ только для страха, то явно, что тоже и остальнымъ; потому что онъ сперва поставилъ всѣхъ вмѣстѣ, а потомъ прибавилъ, что они будутъ лишены царствія. Что же, скажутъ, неужели злорѣчивый станетъ на ряду съ блудникомъ, и малакіей, и лихоимцемъ, и идолослужителемъ? Одинаковому ли онъ подвергнется наказанію, это разсмотримъ въ другое время; а что онъ одинаково съ ними лишится царствія, въ этомъ я вѣрю словамъ Павла, или, лучше сказать, дѣйствовавшаго чрезъ него Христа, т. е что ни тѣ, ни другіе царствія Божія не наслѣдуютъ. И не только касательно этого, но и многихъ другихъ предметовъ, многіе также расположены думать, будто то, о чемъ (въ

Писаніи говорится какъ) имѣющемъ непремѣнно исполниться, сказано преувеличенно. Это—діавольская сѣть. Чтобы въ людяхъ, проникнутыхъ сокрушеніемъ по любви къ Богу, истребить страхъ будущаго наказанія и сдѣлать ихъ менѣе тщательными въ повиновеніи заповѣди, (діаволъ) предложилъ успокоеніе въ мысли о преувеличеніи, которая въ настоящей жизни способна обмануть безпечныя души, но будетъ изобличена въ день суда, когда отъ этого не будетъ никакой пользы. Что пользы, скажи мнѣ, теперь обманутымъ узнать этотъ обманъ тогда, когда и покаяніе нисколько не будетъ полезно, именно при воскресеніи? Не станемъ же тщетно обманывать себя, не будемъ лжеумствовать на зло себѣ, и навлекать на себя еще другое наказаніе—за невѣріе. Жесточайшему наказанію подвергаетъ насъ не только неисполненіе заповѣдей Христовыхъ, но и невѣріе имъ;
397 а невѣріе происходитъ отъ нерадѣнія объ исполненіи заповѣдей. Именно, когда мы не хотимъ пріобрѣсть себѣ спокойствіе повиновеніемъ (волѣ Божіей) и исполнять заповѣданное намъ, то, стараясь отвлечь умъ отъ страха за будущее и отогнать великій страхъ угрожающихъ наказаній, мы, подавляемые и терзаемые совѣстію, ввергаемъ себя въ другую пропасть,—не вѣримъ этимъ наказаніямъ. Какъ одержимые сильною горячкою, если и бросаются въ холодную воду, не ослабляютъ удушающаго ихъ жара, но еще болѣе прибавляютъ себѣ огня: такъ и мы, уязвляемые сознаніемъ своихъ грѣховъ, заставляемъ себя погружаться въ бездну (мысли о) преувеличеніи, чтобы потомъ безбоязненно предаваться всѣмъ грѣхамъ. Мы не только гнѣваемся на присутствующихъ братьевъ, но часто враждебно относимся и къ отсутствующимъ: а это—верхъ звѣрства. Отъ тѣхъ, кто выше и сильнѣе насъ, мы весьма скромно терпимъ и обиды и оскорбленія, потому что боимся ихъ; а къ равнымъ и низшимъ, даже и не причинившимъ намъ никакого огорченія, питаемъ вражду. Такъ страхъ предъ людьми дѣйствуетъ (въ насъ) сильнѣе страха Христова!

3. Какъ же мы можемъ надѣяться на спасеніе, показывая такую безпечность и невнимательность? И отчего это, скажи мнѣ? Что тяжкаго, что труднаго требуетъ отъ насъ Христосъ? Не гнѣвайся, говоритъ Онъ, на брата твоего напрасно. А это гораздо легче, нежели терпѣть напрасный гнѣвъ отъ другого; тамъ уже готово вещество для огня, а здѣсь ты самъ зажигаешь пламя, когда нѣтъ и вещества для него; между тѣмъ не все равно—терпѣть ли и не воспламеняться, когда другой подноситъ свѣчу, или оставаться спокойнымъ и невозмутимымъ, когда никто не возмущаетъ. Кто вытерпитъ въ первомъ случаѣ, тотъ представитъ доказательство величайшаго любомудрія; но кто сдѣлаетъ послѣднее, тотъ не заслужитъ удивленія. Итакъ, когда мы, по страху предъ

людьми дѣлая болѣе трудное, не хотимъ дѣлать менѣе труднаго по страху Божію: то подумай, какому подвергаемъ сами себя наказанію и мученію. Притомъ, почитай братомъ не только равночестнаго тебѣ, не только свободнаго, но и слугу: *о Христѣ бо Іисусѣ*, по апостолу, *нѣсть рабъ, ни свободь* (Гал. III, 28). Такимъ образомъ, мы подвергнемся одинаковому наказанію, если будемъ гнѣваться напрасно и на рабовъ; потому что и рабъ есть братъ и удостоился истинной свободы, имѣя одинъ (съ нами) духъ. Кто же можетъ сказать о своей жизни, что она чиста отъ безразсуднаго и напраснаго злорѣчія и гнѣва? Не указывай мнѣ на того, кто предается этому (пороку) изрѣдка, но покажи такого человѣка, который бы никогда не предавался ему; а пока не представишь намъ этого, до тѣхъ поръ не можешь отклонить (содержащейся въ Писаніи) угрозы подъ тѣмъ предлогомъ, что пороку этому предаются нечасто. Такъ и воръ и блудникъ, хотя бы только однажды совершили грѣхъ, не освобождаются отъ наказанія потому, что совершали этотъ грѣхъ не часто, но наказываются за то, что вообще дерзнули на это. А что за этимъ слѣдуетъ (въ Евангеліи), того кто изъ невѣрующихъ не сочтетъ даже за басню, видя, съ какимъ упорствомъ мы нарушаемъ это (повелѣніе)? Богъ сказалъ: *аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ, принеси даръ твой* (Матѳ. v, 23. 24). А мы приступаемъ къ олтарямъ, враждуя другъ противъ друга и явно и тайно. Богъ столько печется о нашемъ примиреніи, что допускаетъ 398
и жертвоприношенію своему оставаться несовершеннымъ и службѣ прерваться, только бы мы прекратили вражду другъ къ другу и гнѣвъ; а мы такъ мало обращаемъ на это вниманія, что на гибель себѣ питаемъ вражду въ продолженіе многихъ дней. Христосъ наказываетъ не только злопамятныхъ, но и тѣхъ, которые, освободившись отъ этой страсти, небрегутъ объ оскорбленныхъ (ими) братіяхъ. Такъ какъ помнить зло свойственно обиженнымъ, а тотъ, кто обижаетъ, можетъ и не предаваться этой страсти: поэтому (Христосъ) и повелѣваетъ послѣднему идти къ первому, показывая, что бо́льшему противъ перваго наказанію подлежитъ тотъ, кто далъ корень грѣху. А мы и этимъ не вразумляемся, но оскорбляемъ братьевъ и за малости; потомъ, какъ будто бы не было ничего худого, оставляемъ безъ вниманія и забываемъ обиженныхъ нами, и даемъ враждѣ продолжаться долгое время, не сознавая, что понесемъ тѣмъ бо́льшее наказаніе, чѣмъ больше дней попустимъ продолжаться непріязни,—какъ за это самое, такъ и потому, что и примиреніе потомъ становится для насъ болѣе затруднительнымъ.

Какъ тогда, когда дружба связываетъ насъ, ничто не можетъ легко произвести разрыва (между нами) и даже быть принято съ довѣріемъ: такъ тогда, когда вражда овладѣваетъ нашими душами, желающимъ поссорить насъ большею частію легко и удобно успѣть въ этомъ, потому что мы тогда доброму не вѣримъ, а вѣримъ только худому. Посему (Господь) повелѣваетъ намъ, оставивъ даръ предъ олтаремъ, напередъ примириться съ братомъ, дабы мы знали, что если въ это время не слѣдуетъ отлагать примиренія, тѣмъ болѣе въ другія времена. А мы внѣшніе признаки удерживаемъ, отъ самой же истины удалились,—предъ принесеніемъ дара привѣтствуемъ другъ друга, но дѣлаемъ это большею частію только языкомъ и устами. Но Господь хочетъ не этого, а того, чтобы мы давали ближнему лобзаніе отъ души и привѣтствіе отъ сердца. Это и есть истинное привѣтствіе, а то—ложь и притворство: и кто такъ цѣлуетъ (ближняго), тотъ скорѣе прогнѣваетъ, чѣмъ умилостивитъ Бога. Онъ требуетъ отъ насъ искренней и крѣпкой дружбы, а не такой, которая имѣетъ у насъ часто видъ и призракъ (дружбы), а силу вовсе утратила, что̀ самое и служитъ доказательствомъ господствующихъ у насъ беззаконій. *За умноженіе беззаконія*, говоритъ Господь, *изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. xxiv, 12). И это дѣлаемъ мы, люди, которымъ повелѣно не гнѣваться и не имѣть враговъ, а если и случится кого имѣть, то только на день: *солнце*, говоритъ (апостолъ), *да не зайдетъ въ гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. iv, 26). А мы и на этомъ не останавливаемся; но строимъ козни другъ противъ друга, и словами и дѣлами угрызая и поѣдая своихъ сочленовъ, что свойственно явному умоизступленію; ибо по этому особенно узнаемъ мы страждущихъ неисцѣльно бѣснованіемъ и съумасшествіемъ. Что же сказать о законѣ касательно соперника, нечистой похоти, безстыдныхъ взглядовъ, безумной и гибельной любви? Здѣсь правое око и правая рука (Матѳ. v, 25—30) указываютъ намъ не на другое что, какъ на любящихъ насъ со вредомъ (для насъ). А законъ касательно развода съ женами кѣмъ не былъ часто нарушаемъ и попираемъ (Матѳ. v, 32)?

399 4. О законахъ противъ клятвы стыжусь и говорить, потому что не только клянутся, но и нарушаютъ клятвы непрестанно. Если клятва, и въ справедливомъ дѣлѣ, виновна и законопреступна, то куда мы отнесемъ нарушеніе клятвы? Если то, что сверхъ *да* и *нѣтъ*, отъ лукаваго (Матѳ. v, 37), то кому приписать то, что превышаетъ это послѣднее? Далѣе Господь говоритъ: *аще тя кто ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую: и хотящему съ тобою судитися, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу. И аще кто тя пойметъ по силѣ поприще едино: иди съ нимъ два. И просящему у тебе дай: и хотящаго отъ тебе за-*

яти не отврати (Матѳ. v, 39—42). Что можно сказать на это? Относительно всего здѣсь сказаннаго остается только плакать и закрываться (отъ стыда): такъ мы уклонились въ совершенно противоположную сторону, употребляя все время на суды и непріязни, на распри и ссоры, не перенося ни малѣйшаго оскорбленія, ни на дѣлѣ ни на словахъ, но раздражаясь и за мелочи. Если бы ты могъ указать на такихъ людей, которые, истративъ много на бѣдныхъ, послѣ сами по бѣдности подвергаются презрѣнію и терпятъ множество бѣдствій, то такихъ насчиталъ бы немного и даже весьма мало; но и между ними ты не указалъ бы намъ такого любомудра, какой изображенъ здѣсь: эта послѣдняя (предписываемая Христомъ) жизнь гораздо духовнѣе, чѣмъ первая; потому что не все равно, — дать ли добровольно, или перенесть, когда все отнимаютъ у тебя. Что говорю: перенесть? Сказанное Христомъ заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе и этого. Слово Его такъ воспрещаетъ обиженнымъ гнѣваться на обидѣвшихъ, что должно не только не скорбѣть о томъ, что уже взято, но и отдавать добровольно то, что осталось, и показывать готовность терпѣть зло болѣе, нежели сколько есть страсти у враговъ дѣлать намъ зло. Такъ, когда желающій обижать найдетъ, что обижаемый готовъ потерпѣть болѣе, нежели сколько ему хотѣлось, и, удовлетворивъ своей страсти, увидитъ, что оскорбленный съ преизбыткомъ оказываетъ свое великодушіе, то отойдетъ прочь, побѣжденный и посрамленный превосходствомъ терпѣнія; и, хотя бы онъ былъ звѣрь, и даже свирѣпѣе его, сдѣлается потомъ скромнѣе, ясно увидѣвъ изъ сравненія и свою злость и его добродѣтель. Такой жизни я и ищу теперь, какая именно и предложена въ Писаніи, но какой въ другихъ мѣстахъ и на опытѣ (не нахожу) нигдѣ. Не указывай мнѣ на такого, который обиженъ и терпитъ, ибо случается терпѣть и по безсилію; но на такого, который въ отношеніи къ равносильнымъ и къ тѣмъ, кому онъ могъ бы мстить, показалъ бы терпѣніе, хотя и не до такой степени, чтобы превзойти страсть врага и дать ему болѣе, нежели сколько онъ хотѣлъ, и этою добровольною уступкою бóльшаго доказалъ бы свое великодушіе и на счетъ отнятаго насильно. Но, чтó еще выше и этого, и что составляетъ самый верхъ (добродѣтели),—Христосъ повелѣлъ намъ считать друзьями, и друзьями близкими, тѣхъ, которые такъ поступаютъ съ нами и причиняютъ намъ вредъ, и въ деньгахъ, и въ тѣлесномъ здоровьѣ, и во всемъ прочемъ. Не только, говоритъ Онъ, прибавляй хищнику и лихоимцу, но и люби его любовію са- 400
мою крѣпкою и искреннею. Это именно желалъ Онъ выразить, когда сказалъ: *молитеся за творящихъ вамъ напасть* (Матѳ. v, 44. сн. Лук. vi, 28). Это мы, обыкновенно, дѣлаемъ только за тѣхъ, кого весьма любимъ. И чтобы ты опять не счелъ этихъ словъ за пре-

увеличеніе и не подпалъ діавольскому обольщенію. Онъ приводитъ этому доказательство и основательную причину: *аще бо любите любящихъ васъ, кую мзду имате? не и мытари ли тожде творятъ? И аще цѣлуете* цѣлующихъ васъ, *что лишше творите? не и язычницы ли такожде творятъ* (Матѳ. v, 46. 47)? Если же мы въ этомъ нисколько не отличаемся отъ мытарей и язычниковъ, то какъ намъ не плакать и не сокрушаться? И, если бы зло состояло только въ этомъ! Но теперь мы такъ далеки отъ любви къ врагамъ, что отвращаемся и ненавидимъ даже тѣхъ, которые любятъ (насъ); потому что враждовать, завидовать и губить ихъ честь и добрую славу и дѣлами и словами свойственно только тѣмъ, кто сильно ненавидитъ и отвращается. Такимъ образомъ, мы въ этомъ не только ничѣмъ не отличаемся отъ язычниковъ, но еще оказываемся гораздо хуже ихъ. Христосъ повелѣлъ молиться за обижающихъ, а мы строимъ ковы; намъ повелѣно благословлять клянущихъ (Матѳ. v, 44), а мы осыпаемъ тысячью проклятій. Что́ можетъ быть сильнѣе этого противорѣчія и противоборства, какое мы ведемъ противъ Законодателя, поступая вопреки всѣмъ Его повелѣніямъ? Не говорю уже о власти тщеславія, которую Онъ низложилъ послѣдующими словами (Матѳ. vi, 1—8), а мы усилили, распространивъ эту власть его не только на молитвы, посты и милостыни, но и на все прочее, и подчинивъ себя этой безумной страсти хуже всякаго невольника,—не говорю, потому что это ясно для всѣхъ; скажу только, что одни изъ людей, предавшись крайнему нерадѣнію, не соблюдаютъ никакихъ заповѣдей, а другіе, если и захотятъ отчасти покоряться имъ и постараются исполнить нѣкоторыя заповѣди, то и они опять впадаютъ въ тотъ же недостатокъ, не желая сбросить съ себя узы тщеславія. Одинъ совсѣмъ не подаетъ милостыни, а другой хотя и удѣляетъ нуждающимся нѣсколько изъ своего имущества, но дѣлаетъ это съ тщеславіемъ, и потому оказывается ничѣмъ не лучше неподающаго. Такъ діаволъ всѣхъ совершенно опуталъ своими сѣтями! Если же кто сможетъ избѣжать этого недостатка, то по неразумію опять впадетъ въ такой, или еще гораздо большій грѣхъ; и останется не только безъ пользы для себя отъ того, что сдѣлалъ, но и съ причиненіемъ себѣ нѣкотораго зла. Я знаю многихъ, которые помогаютъ нуждающимся не по этимъ только причинамъ, но и по дружбѣ и изъ угожденія и по многимъ другимъ подобнымъ побужденіямъ, а не по страху Божію и не по заповѣди. Итакъ, когда есть столько обстоятельствъ, вредящихъ добрымъ дѣламъ, то кому изъ подверженныхъ этимъ недостаткамъ легко будетъ спастись?

5. А слова: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Матѳ. vi, 12) кто можетъ произнести смѣло?

Мы если и не мстимъ врагамъ, то и не залѣчиваемъ (нанесенной намъ) раны. А Христосъ желаетъ, чтобы мы не только прощали, но и принимали враговъ въ число первыхъ друзей. Поэтому, какъ я сказалъ выше, Онъ и повелѣлъ молиться за нихъ. Если же ты, 401
хотя и не дѣлаешь зла (врагу), однако отвращаешься отъ него, смотришь на него съ неудовольствіемъ, и хранишь въ душѣ рану свою неизцѣльною, то ты еще не исполнилъ заповѣди, которую далъ тебѣ Христосъ. Какъ же ты просишь Бога, чтобы Онъ былъ милостивъ (къ тебѣ), когда самъ ты не милостивъ къ оскорбившимъ тебя? Посмѣваясь этому, одинъ мудрецъ говоритъ: *человѣкъ на человѣка сохраняетъ гнѣвъ, а отъ Господа ищетъ исцѣленія? Надъ человѣкомъ, подобнымъ себѣ, не иматъ милости, а о грѣсѣхъ своихъ молится? Самъ сый плоть, хранитъ гнѣвъ, и кто очиститъ грѣхи его* (Сирах. XXVIII, 3—5)? Хотѣлъ бы я уже замолчать и остановить рѣчь на томъ, что сказано: такъ стыдно и совѣстно продолжать далѣе, потому что дальнѣйшая рѣчь еще яснѣе покажетъ эту борьбу и непримиримую вражду, которую мы оказываемъ противъ заповѣдей Христовыхъ. Но что пользы отъ нашего молчанія, когда дѣла вопіютъ объ этой враждѣ, а еще прежде самыхъ дѣлъ, ясно все знаетъ Тотъ, кто будетъ судить насъ? Заповѣдь— не собирать себѣ *сокровищъ на земли, но на небеси* (Матѳ. VI, 19. 20), хотя не многіе, однакоже находятся исполняющіе вѣрно; прочіе же всѣ, какъ будто услышавъ противоположную заповѣдь, какъ будто имѣя повелѣніе собирать сокровища на землѣ, оставили небо и прилѣпились ко всему земному, съ безумною страстію собираютъ богатство, и, возненавидѣвъ Бога, любятъ мамону. Что же касается до заповѣди: *не пецытеся на утрей* (ст. 34), то я не знаю никого, кто бы слушался и повиновался ей, по маловѣрію нашему. Поэтому, отъ стыда, пройду молчаніемъ эту заповѣдь. Хотя надлежало бы вѣрить Христу и тогда, какъ Онъ просто объявляетъ; но теперь мы не вѣримъ Ему, когда Онъ представилъ и неопровержимыя доказательства, и привелъ примѣры, именно птицъ и травы; напротивъ, подобно язычникамъ и даже съ бóльшимъ, нежели они, малодушіемъ, терзаемся попеченіемъ (о земномъ) и о чемъ даже не получили повелѣнія молиться, на то истощаемъ всю свою заботливость. Посему эту заповѣдь, со стыдомъ, какъ я сказалъ, пройду молчаніемъ, и перейду къ послѣдующему, не найду ли тамъ хотя малое облегченіе своего стыда. Чтó же послѣ этого говоритъ (Христосъ)? *Не судите, да не судими будете* (Матѳ. VII, 1). Здѣсь я думалъ найти облегченіе своего стыда, но вижу приращеніе его не меньше, чѣмъ отъ предъидущаго. Если бы мы не сдѣлали даже никакого другого грѣха, то уже этотъ одинъ можетъ свести насъ въ преисподнюю геенну: такъ мы строго осуждаемъ

чужіе грѣхи, а у себя (въ глазахъ) не видимъ бревенъ (ст. 3); такъ мы тратимъ всю свою жизнь на развѣдываніе и осужденіе чужихъ дѣлъ! И не скоро найдешь, и между мірянами и между монахами и клириками, такого, кто былъ бы свободенъ отъ этого грѣха, не смотря на относящуюся къ нему такую угрозу: *имже бо судомъ судите, судятъ вамъ; и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (ст. 2). И однако, не смотря на то, что этотъ грѣхъ подвергаетъ такому наказанію, а нисколько не доставляетъ удовольствія, мы всѣ бѣжимъ на зло, какъ будто стараясь и соревнуя войти въ геенскую пещь не одною, а многими дорогами. Мы одинаково грѣшимъ не только въ отношеніи къ болѣе труднымъ,
402 но и въ отношеніи къ легчайшимъ (заповѣдямъ), нарушая равно и эти и тѣ, и преступленіемъ легчайшихъ доказываемъ, что мы и труднѣйшихъ не исполняемъ по своему пренебреженію, а не по трудности самыхъ заповѣдей. Такъ, скажи мнѣ, какой трудъ въ томъ, чтобы не развѣдывать о чужихъ дѣлахъ и не осуждать грѣховъ ближняго? Напротивъ, трудъ нуженъ на то, чтобы развѣдывать и судить о другихъ. Кто же, услышавъ это, повѣритъ когда-либо намъ, что мы дошли до нарушенія (заповѣдей) по безпечности, а не съ намѣреніемъ и не по желанію? Когда то, что́ (Господь) повелѣваетъ дѣлать, легко и удобно для желающихъ (исполнять), напротивъ то, что́ Онъ воспрещаетъ, болѣе тяжело и трудно, а мы, опуская повелѣнное, дѣлаемъ запрещенное: не могутъ ли враги сказать, что мы грѣшимъ по желанію сопротивляться Ему? А что заповѣди Христовы не имѣютъ въ себѣ ничего труднаго, это объяснилъ самъ Онъ, въ словахъ: *возмите иго Мое на себе: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Матѳ. XI, 29. 30). Но мы, по неизъяснимой безпечности, дѣлаемъ то, что легкое кажется для многихъ труднымъ. Кто хочетъ ничего не дѣлать, а всегда спать, тому, конечно, кажется труднымъ и ѣсть и пить; напротивъ, люди бдительные и бодрые не уклоняются и отъ весьма дивныхъ и трудныхъ дѣлъ, но приступаютъ къ нимъ съ бо́льшею смѣлостію, чѣмъ безпечные и сонливые къ весьма легкимъ. Нѣтъ, точно нѣтъ ничего легкаго, чего бы великая лѣность не представила намъ весьма тяжелымъ и труднымъ; равно какъ нѣтъ ничего труднаго и тяжкаго, чего бы усердіе и ревность не сдѣлали весьма легкимъ. Что̀, скажи мнѣ, могло бы быть тяжелѣе, какъ всякій день терпѣть опасности, угрожающія смертію? Однако блаженный Павелъ и это назвалъ легкимъ, сказавъ такъ: *еже бо нынѣ легкое печали, по преумноженію въ преспѣяніи тяготу вѣчныя славы содѣлываетъ намъ* (2 Кор. IV, 17). И трудное само по себѣ дѣло становится легкимъ по надеждѣ на будущее; эту (причину) привелъ и самъ (Павелъ), сказавъ: *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (ст. 18).

6. Посмотримъ и дальше. *Не дадите*, говоритъ Христосъ, *святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Матѳ. VII, 6). Христосъ далъ эту заповѣдь какъ повелѣніе, а мы, по тщеславію и неразумному дружелюбію, нарушили и это повелѣніе, допуская къ общенію таинствъ, просто и безъ изслѣдованія, людей развратныхъ, невѣрующихъ и исполненныхъ множества пороковъ; прежде точнаго дознанія ихъ нрава открываемъ имъ все ученіе о догматахъ и вдругъ вводимъ въ святилище тѣхъ, которые еще не могутъ видѣть и преддверія. Поэтому нѣкоторые изъ посвященныхъ такимъ образомъ, скоро сдѣлавшись отступниками, надѣлали множество зла. И даже мы нарушаемъ эту весьма 403
страшную заповѣдь не только по отношенію къ другимъ, но и по отношенію къ самимъ себѣ, когда, имѣя нужду пріобщиться безсмертныхъ таинъ, часто дѣлаемъ это съ присущею намъ нечистотою и съ безстыдствомъ. И не только эти заповѣди всѣми всецѣло нарушаются, но, какъ оказывается, и послѣдующія. Такъ Христосъ сказалъ: *вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Матѳ. VII, 12). А мы дѣлаемъ (другимъ) все, чего сами терпѣть не хотимъ; и, имѣя повелѣніе входить (въ царство небесное) тѣсными вратами (ст. 13), ищемъ вездѣ широкихъ. И что такихъ вратъ желаютъ и домогаются нѣкоторые изъ мірянъ, это не очень удивительно; но что мужи, которые, повидимому, распялись (для міра), ищутъ ихъ болѣе, чѣмъ міряне, это изумительно, даже походитъ на загадку. Отъ всѣхъ почти монаховъ, если пригласишь ихъ на какое либо дѣло, тотчасъ услышишь прежде всего вопросы въ такихъ словахъ: можно ли имъ найти покой, можетъ ли приглашающій успокоить ихъ; постоянно повторяется слово: *покой*. Что говоришь ты, человѣкъ? Тебѣ повелѣно идти тѣснымъ путемъ, а ты спрашиваешь о покоѣ? Тебѣ заповѣдано входить узкими вратами, а ты ищешь широкихъ? Что можетъ быть хуже такого извращенія дѣла? А чтобы ты не подумалъ, будто я теперь говорю это въ осужденіе другихъ, разскажу тебѣ о самомъ себѣ. Когда я недавно рѣшился, оставивъ городъ, уйти въ келліи монаховъ, то много раздумывалъ и безпокоился о томъ, откуда мнѣ будетъ доставляемо необходимое и можно ли будетъ ѣсть хлѣбъ, новоиспеченный въ тотъ же день?—не заставятъ ли меня употреблять одно и тоже масло и въ свѣтильникѣ и въ пищѣ, не принудятъ ли питаться жалкими овощами, не отправятъ ли на тяжелую работу, приказавъ наприм. рубить или носить дрова, таскать воду, и исполнять всѣ прочія такія службы?—и вообще у меня было много заботы о (своемъ) покоѣ. Между тѣмъ люди, принимающіе на себя должности начальниковъ и управленіе общественными дѣлами, нисколько не заботятся объ этомъ (покоѣ), но

только о томъ, будетъ ли дѣло имѣть пользу, пользу временную, и если могутъ надѣяться на это, то уже не думаютъ ни о трудахъ, ни объ опасностяхъ, ни о безславіи, ни объ унизительныхъ работахъ, ни о дальнихъ путешествіяхъ, ни о жизни на чужбинѣ, ни объ огорченіяхъ, ни о мукахъ, ни о перемѣнѣ обстоятельствъ, ни о возможности совершеннаго неисполненія надеждъ, ни о безвременной смерти, ни о разлукѣ съ родными, ни объ одиночествѣ жены и дѣтей, ни о другой какой непріятности; но упоенные страстію къ деньгамъ, переносятъ все, посредствомъ чего только надѣются удовлетворить ее. А мы, которымъ уготованы не деньги и не земля, но небеса и небесныя блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9),—мы спрашиваемъ о покоѣ! Такъ мы болѣе ихъ жалки и слабы! Что говоришь ты, человѣкъ? Ты намѣреваешься идти на небо и получить тамъ царство, и—спрашиваешь, нѣтъ ли какой труд-
404 ности на этомъ пути и въ этомъ путешествіи, не стыдишься, не краснѣешь и не бѣжишь скрыться подъ землею? Хотя бы тамъ были всѣ человѣческія бѣдствія, злословія, обиды, безчестія, клеветы, мечъ, огонь, желѣзо, звѣри, потопленія, голодъ, болѣзнь, и вообще всѣ бѣды, какія случаются въ жизни отъ начала доселѣ, ужели ты не посмѣешься, скажи мнѣ, и не презришь все это? Даже подумаешь ли объ этомъ? Что было бы глупѣе, ниже и жалче такой души? Объятому желаніемъ небеснаго не должно, не говорю—искать покоя (тѣлеснаго), но и наслаждаться имъ, когда онъ имѣется. Не странно ли, что тогда какъ любящіе нечистою любовію такъ всецѣло предаются своимъ возлюбленнымъ, что, кромѣ нихъ и пребыванія съ ними, не находятъ ничего пріятнаго въ другихъ удовольствіяхъ настоящей жизни, какъ ни много ихъ, мы, объятые не какою либо нечистою, но самою возвышенною любовію, не только не пренебрегаемъ покоемъ, когда его имѣемъ, но еще ищемъ, когда его нѣтъ?

7. Никѣмъ еще, возлюбленный, не овладѣло желаніе небесныхъ благъ, какъ слѣдовало бы овладѣть; иначе онъ почелъ бы тѣнію и посмѣшищемъ все то, что (теперь) кажется труднымъ. Такъ, кто увлекается настоящимъ, тотъ никогда не удостоится увидѣть будущія блага; а кто презираетъ здѣшнее и все считаетъ не лучше тѣни и сновидѣнія, тотъ скоро получитъ тѣ великія и духовныя блага. И если у кого дѣйствительно будетъ это благое (настроеніе), то оно окажетъ такую же силу, какъ огонь въ терновникѣ; и хотя бы (такого человѣка) угнетало множество золъ, хотя бы опутывали его многія верви грѣховъ, хотя бы сильно горѣлъ въ немъ пламень похоти и окружало его великое смятеніе житейскихъ дѣлъ, это (желаніе небесныхъ благъ), какъ бы крѣпкимъ бичемъ, совершенно

разсѣетъ все такое и удалитъ отъ души. Какъ легкая пыль не можетъ устоять противъ напора сильнаго вѣтра, такъ и множество нечистыхъ пожеланій не можетъ выдержать устремившейся противъ нихъ силы сокрушенія, но изчезаетъ и разсѣевается скорѣе всякой пыли и дыма. Если плотская любовь такъ порабощаетъ душу, что отвлекаетъ ее отъ всего и подчиняетъ вліянію одной возлюбленной, то чего не сдѣлаетъ любовь ко Христу и страхъ быть отлученнымъ отъ Него? Какъ трудно и даже невозможно смѣшать огонь съ водою, такъ, думаю, невозможно совмѣстить наслажденіе (земными благами) съ сокрушеніемъ; потому что они противоположны и взаимно исключаютъ другъ друга. Одно есть мать слезъ и трезвенности, а другое—смѣха и неумѣренности; одно дѣлаетъ душу легкою и окрыленною, а другое приводитъ ее въ состояніе тяжелѣйшее всякаго свинца. И это я попытаюсь доказать не моими словами, но—того, кто самъ былъ объятъ этою прекрасною любовію. Кто же это такой? Пламенный любитель Христа, Павелъ, который такъ былъ уязвленъ этою любовію, что даже стеналъ о замедленіи и продолжительности здѣшняго странствованія: *ибо сущіи въ тѣлѣ семъ*, говоритъ онъ, *воздыхаемъ* (2 Кор. v, 4); однако готовъ былъ и желалъ еще оставаться здѣсь для Христа: *а еже пребывати мнѣ во плоти*, говоритъ онъ, *нужнѣйше есть васъ ради* (Филип. I, 24), то есть, для того, чтобы распространилась вѣра во Христа. Поэтому онъ переносилъ и голодъ, и жажду, и наготу, и узы, и (опасности) смерти, и морскія путешествія, и кораблекрушенія, и всѣ прочія бѣды, имъ самимъ исчисленныя; и
не только не тяготился ими, но еще радовался, а причиною тому 405
была любовь Христова. Потому онъ и говорилъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (Римл. VIII, 37). И не удивляйся этому: если любовь человѣческая часто побуждала рѣшаться на смерть, то чего не сдѣлаетъ любовь Христова? Какой не облегчитъ трудности? Такъ и ему все было легко, потому что онъ взиралъ только на возлюбленнаго (Христа), и для Него все терпѣть считалъ выше всякаго удовольствія и наслажденія, что и дѣйствительно такъ. Онъ даже и не думалъ, что онъ находится на землѣ, въ настоящей жизни, и обращается съ людьми; но какъ будто уже имѣлъ небесный жребій, обиталъ съ ангелами, получилъ царство, и наслаждался (созерцаніемъ Бога) лицемъ къ лицу, потому презиралъ и радости и горести настоящей жизни, и нисколько не заботился о покоѣ, котораго мы ищемъ постоянно, но восклицалъ такъ: *до нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся, и труждаемся, дѣлающе своими руками: укоряеми, благословляемъ; гоними, терпимъ; хулими, утѣшаемся.* И еще: *якоже отребіе міру быхомъ, всѣмъ попраніе доселѣ* (1 Кор.

IV, 11. 13). Обративъ же очи души на небо и прилѣпившись къ тамошней красотѣ, онъ не хотѣлъ уже опять возвратиться на землю; но какъ бѣднякъ и нищій, все время скрывавшійся въ темной и низкой хижинѣ, увидѣвъ царя, блистающаго золотомъ и лучами камней, не захочетъ уже и подумать о своемъ бѣдномъ жилищѣ, а будетъ всячески стараться о переселеніи въ другое жилище, если это возможно; такъ и блаженный (Павелъ), увидѣвъ небесныя блага, смотрѣлъ съ небреженіемъ на здѣшнюю бѣдность и, по необходимости, тѣлесно обращаясь съ людьми, ни къ чему здѣшнему не прилѣплялся, но всецѣло переселился въ тотъ (небесный) градъ. И что я говорю о горестяхъ настоящей жизни? Любовь Христова такъ одушевила его, что если бы ему предстояло терпѣть для Христа и вѣчныя наказанія, онъ никогда не отказался бы и отъ этого, потому что онъ служилъ Христу не такъ, какъ (служимъ) мы, наемники, страшась геенны и желая царствія. Бывъ объятъ какою-то другою, несравненно лучшею и блаженнѣйшею любовію, онъ и терпѣлъ и дѣлалъ все не для чего иного, какъ для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питалъ ко Христу и которая такъ овладѣла умомъ его, что онъ охотно разстался бы и съ тѣмъ, что для него было дороже всего,— т. е. пребываніемъ со Христомъ,—для чего онъ пренебрегалъ и геенной и царствомъ небеснымъ, рѣшившись для Христа встрѣтить и съ великою готовностью принять, какъ одно изъ вожделеннѣйшихъ благъ, даже и это невыразимое отлученіе (отъ Христа за израильтянъ, Римл. IX, 3).

8. Сказанное мною теперь, можетъ быть, многимъ покажется неяснымъ; а когда я скажу тоже яснѣе, тогда опять покажется невѣроятнымъ для тѣхъ, кому прежде было неясно. И это нисколько не удивительно; самъ блаженный (Павелъ), ожидая, что ему не по-
406 вѣрятъ въ этомъ, предварительно сказалъ: *истину глаголю о Христѣ, не лгу, послушествующей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ* (Римл. IX, 1). Однако, не смотря на то, что онъ присовокупилъ къ своему изреченію такія слова и призвалъ такихъ свидѣтелей своей совѣсти, ему и теперь еще не вѣрятъ. Что́ же именно говоритъ онъ? Послушай. Послѣ рѣчи о бѣдствіяхъ въ этомъ мірѣ, сказавъ: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовой? *скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ* (Римл. VIII, 35), и перечисливъ все, что̀ на землѣ, онъ восходитъ на небо, и желая показать, что пренебрегать для Христа здѣшними наказаніями не великое дѣло, прибавилъ: *яко ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (ст. 38. 39). Смыслъ

словъ его такой: не только люди не будутъ въ состояніи отвлечь меня отъ этой любви, но и ангелы, и даже если соберутся вмѣстѣ всѣ небесныя силы, и онѣ не будутъ въ состояніи сдѣлать этого. Что я говорю? Даже, если бы надлежало для Христа лишиться царствія или низринуться въ геенну, и это мнѣ не страшно. Это, а не другое что, означаютъ слова: высота, и глубина, и жизнь, и смерть. А такъ говорилъ онъ не потому, что ангелы станутъ усиливаться отлучить его отъ Христа; но онъ на словахъ предполагаетъ то, чего и быть никогда не можетъ, чтобы изобразить и объяснить всѣмъ свою великую любовь. Таково свойство любящихъ: они не могутъ молчать о своей любви, но обнаруживаютъ свой пламень предъ всѣми ближними, непрерывною бесѣдою о превосходствѣ любви успокоивая свою душу. Такъ поступилъ и блаженный (Павелъ): обнявъ словомъ все, что есть и что будетъ, что случается и чего никогда не случится, видимое и невидимое, всякое наказаніе и всякую отраду, онъ, какъ будто этого ему было недостаточно для выраженія своего чувства, предположивъ и выразивъ словомъ столько же другихъ несуществующихъ предметовъ (къ этимъ несуществующимъ предметамъ относится выраженіе: *ина тварь*), такимъ образомъ показалъ, что изъ всего сказаннаго ничто не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей, *яже во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ*. На такую высоту поднялъ свою любовь (Павелъ); а мы, получившіе повелѣніе подражать ему (1 Кор. xi, 1), не переносимъ благодушно и здѣшнихъ скорбей, но сѣтуемъ и ропщемъ не менѣе одержимыхъ горячкою. Продолжительная болѣзнь эта, охватившая наши души, отъ продолжительности сдѣлалась, такъ сказать, неизлѣчимою, и мы не можемъ даже подумать о совершенномъ здоровьѣ, котораго возстановленіе намъ кажется уже невозможнымъ. И если услышимъ, что кто-либо указываетъ на апостоловъ и говоритъ объ ихъ подвигахъ, мы вмѣсто того, чтобы тотчасъ заплакать о себѣ, что мы такъ отстали отъ нихъ, не считаемъ и за грѣхъ эту (отсталость), но ведемъ себя такъ, какъ будто и невозможно взойти на такую высоту. А если кто-нибудь спроситъ о причинѣ, мы тотчасъ представляемъ такое неразумное оправданіе: то былъ Павелъ, то былъ Петръ, то Іоаннъ. Что значитъ: то 407
былъ Павелъ, то былъ Петръ? Не ту же ли природу, скажи мнѣ, имѣли и они? Не тѣмъ же ли, какъ и мы, путемъ пришли они въ жизнь? Не тою же ли питались пищею? Не тѣмъ-же ли дышали воздухомъ? Не тѣми-же ли пользовались вещами? Не имѣли ли одни изъ нихъ женъ и дѣтей, другіе—и житейскія ремесла, а иные даже не низвергались ли въ самую бездну зла? Но они, скажетъ кто-нибудь, пользовались великою благодатію Божіею? Такъ, если бы намъ повелѣвалось воскрешать мертвыхъ, или отверзать очи слѣ-

пыхъ, или очищать прокаженныхъ, или исправлять хромыхъ, или изгонять демоновъ, и врачевать другія подобныя болѣзни: тогда умѣстно было бы такое наше оправданіе. Но, если теперь требуется строгость жизни и изъявленіе послушанія (закону Христову), то какъ идетъ къ этому такое оправданіе? И ты при крещеніи получилъ благодать Божію и сталъ причастникомъ Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно имѣть для правильной и благоустроенной жизни; такимъ образомъ наше развращеніе происходитъ единственно отъ нашей безпечности. И Христосъ въ тотъ день (суда) будетъ давать награды не тѣмъ, которые только дѣлали чудеса, но тѣмъ, которые исполняли Его заповѣди. *Пріидите*, скажетъ Онъ, *благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*, не за то, что вы творили чудеса, но за то, что *взалкахся, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя: страненъ бѣхъ, и введосте Мене: нагъ, и одѣясте Мя: боленъ, и посѣтисте Мене: въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ* (Матѳ. xxv, 34—36). И въ ученіи о блаженствахъ Онъ нигдѣ не упоминаетъ о дѣлающихъ чудеса, а только— о ведущихъ жизнь праведную (Матѳ. v, 3—12).

9. Итакъ, хотя благодать нынѣ сократилась, однако это нисколько не можетъ повредить намъ, но не послужитъ и къ нашему оправданію, когда мы будемъ давать отчетъ въ дѣлахъ. И тѣмъ блаженнымъ (апостоламъ) мы удивляемся не за чудеса, потому что чудеса вполнѣ зависѣли отъ силы Божіей, но за то, что они явили жизнь ангельскую; а эта жизнь, при высшей помощи, есть дѣло и ихъ собственнаго усердія. Это не я теперь говорю, но—самъ подражатель Христовъ (Павелъ). Когда онъ въ посланіи къ ученикамъ опровергалъ лжеапостоловъ и хотѣлъ показать различіе между чистымъ и нечистымъ служеніемъ, то указалъ не на чудеса, но на подвиги свои, слѣдующими словами: *служителіе ли Христови суть? не въ мудрости глаголю, паче азъ. Въ трудѣхъ множае, въ темницахъ излиха, въ ранахъ преболѣ, въ смертехъ многащи. Отъ Іудей пятькраты четыредесять развѣ единыя пріяхъ. Трищи палицами біенъ быхъ, единою каменьми пометанъ быхъ, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубинѣ сотворихъ. Въ путныхъ шествіихъ множицею: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи. Въ трудѣ, въ подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ. Кромѣ внѣшнихъ, нападеніе на мя еже по вся дни и попеченіе о всѣхъ церквахъ. Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 23—29)? За это я удивляюсь

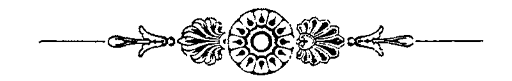
апостоламъ; а безъ этого, получившіе по домостроительству (Божію) 408
власть чудотворенія не только не заслужили бы удивленія, но даже сдѣлались бы отверженными, какъ показываетъ и Христосъ, когда говоритъ: *мнози рекутъ Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И реку имъ: отъидите отъ Мене вси дѣлающіи беззаконіе: николиже знахъ васъ* (Матѳ. VII, 22. 23). Поэтому Онъ и ученикамъ внушалъ: *не радуйтеся, яко бѣси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ* (Лук. x, 20). Жизнь праведная и безъ чудесъ получитъ вѣнцы и ничего тогда не потеряетъ; а жизнь беззаконная и съ чудесами не можетъ избѣгнуть наказанія. Итакъ, сказанное нами оправданіе неумѣстно, и не только неумѣстно, но даже опасно, и для многихъ еретиковъ служитъ предлогомъ. Если апостолы сдѣлались столь дивными не по собственному своему изволенію, а только по благодати Христовой, то что препятствуетъ и всѣмъ сдѣлаться такими же? Благодать, если бы напередъ не требовала зависящаго отъ насъ, вдругъ излилась бы въ души всѣхъ, потому что у Бога нѣтъ лицепріятія; а такъ какъ она требуетъ и зависящаго отъ насъ, то за одними слѣдуетъ и пребываетъ въ нихъ, отъ другихъ удаляется, къ инымъ же и вовсе не приходитъ. А что еще прежде, нежели блаженный (Павелъ) совершилъ что-либо дивное, Богъ, узнавъ напередъ его расположеніе, потомъ уже далъ ему благодать, узнай изъ того, что Онъ говоритъ объ немъ: *сосудъ избранъ Ми есть сей, пронести имя Мое предъ языки и царьми и всѣмъ родомъ израилевымъ* (Дѣян. IX, 15). Такъ Испытующій сердца наши засвидѣтельствовалъ, когда (у Павла) еще не было благодати. Не будемъ же, возлюбленные, обманывать себя и говорить, что никому невозможно быть подобнымъ Павлу. Другого Павла, по благодати и чудесамъ, конечно уже не будетъ никогда, но по строгой жизни можетъ быть такимъ каждый желающій; а если нѣтъ такихъ, то единственно потому, что не хотятъ. Впрочемъ не знаю, какъ я дошелъ до такого неразумія, что ищу между нынѣшними людьми подобныхъ Павлу, когда не могу видѣть и такихъ, которые были бы подобны третьимъ или четвертымъ послѣ него. Объ этомъ должно скорбѣть, и плакать, и рыдать, не одинъ и не два только дня, но во всю жизнь; потому что кто приведетъ себя въ такое состояніе, тотъ впослѣдствіи нескоро будетъ грѣшить. Если не вѣришь этимъ словамъ, то посмотри на плачущихъ, и именно мірскимъ плачемъ, притомъ не изъ числа простыхъ и ведущихъ трудовую жизнь, но изъ числа тѣхъ изнѣженныхъ людей, которые ничего не знаютъ, кромѣ удовольствій. И эти люди, которые преданы пьянству и объяденію,

продолжаютъ обѣды до вечера и ужины до полуночи, отнимаютъ чужое, не щадятъ ни вдовы, ни бѣднаго, ни слабаго, и показываютъ великую жестокость, когда бываютъ объяты сильною скорбію, которая можетъ возмутить и взволновать душу до глубины, отвергаютъ всѣ сладострастныя и преступныя пожеланія и обращаются къ любомудрой жизни, отличаясь строгимъ поведеніемъ, бодростію, земными поклонами, терпѣніемъ, постомъ, молчаніемъ, скром-
409 ностію, смиреніемъ и великимъ человѣколюбіемъ. Тѣ, которые отнимали чужое, въ это время готовы охотно отдать и свое; и хотя бы кто подложилъ огонь подъ ихъ домъ со всѣмъ имуществомъ, они не будутъ сердиться. Я знаю много такихъ, изъ которыхъ одни, послѣ потери возлюбленныхъ, оставивъ городъ и его удобства, поселялись въ деревняхъ, а другіе строили себѣ домы при могилахъ усопшихъ и тамъ оканчивали жизнь. Но объ этомъ послѣ. А у тѣхъ пока печаль находится въ силѣ, то они нисколько не заботятся о настоящемъ, но ту безумную страсть, съ которою они стремились къ сбереженію и скопленію денегъ и пріобрѣтенію власти и славы въ народѣ, попаливъ огнемъ скорби, какъ траву или цвѣтъ травы, изгоняютъ изъ души, и умъ ихъ тогда объемлется такимъ любомудріемъ, что имъ непріятно и говорить объ удовольствіяхъ настоящей жизни; но все, что прежде имъ казалось приносящимъ наслажденіе, уже кажется противнымъ и весьма горькимъ, и никто изъ слугъ и изъ друзей не посмѣетъ тогда и слово сказать о мірскихъ дѣлахъ, даже весьма нужныхъ; все оставляется безъ вниманія и уступаетъ мѣсто бесѣдамъ о любомудріи, потому что тогда скорбію, какъ бы въ какомъ священномъ мѣстѣ, душа научается ничтожеству человѣческой природы, кратковременности настоящей жизни, тлѣнности и непостоянству житейскаго, обманчивости совершающагося на позорищѣ (міра). Тогда (является) великое презрѣніе къ деньгамъ, тогда истребляется гнѣвъ, тогда оставляется честолюбіе, и уже не можетъ ни зависть обитать, ни гордость свирѣпствовать въ сокрушенномъ скорбію, и похоть не разжигаетъ сладострастнаго; но, по удаленіи всего этого оттуда, поселяется въ немъ одинъ помыслъ, представляющій непрестанно образъ умершаго. Онъ (для него) и пища и питіе, и сонъ, и удовольствіе, и покой, и великая отрада; это (для него) и слава, и богатство, и власть, и наслажденіе.

10. Такъ и намъ надлежало бы, — чтобы не сказать чего болѣе,—оплакивать нерадѣніе о своемъ спасеніи; съ такою любовію и готовностію всѣмъ должно бы направлять туда очи души, и постоянно памятовать и представлять его себѣ. Между тѣмъ какъ потерявшіе дѣтей и женъ не занимаютъ своего ума ничѣмъ другимъ, какъ только представленіемъ отшедшихъ отъ нихъ, мы, по-

терявшіе царство небесное, думаемъ обо всемъ больше, чѣмъ о немъ. Изъ тѣхъ никто, хотя бы царскаго былъ рода, не стыдится обычной печали; но и сядетъ на землю, и заплачетъ горько, и перемѣнитъ одежду, и съ великою готовностію подчинится всѣмъ прочимъ требованіямъ такого горя; не станетъ думать ни о своемъ воспитаніи, ни о состояніи тѣла, ни о могущихъ быть впослѣдствіи болѣзняхъ отъ изнуренія, но все перенесетъ весьма легко; такое, и даже бóльшее, терпѣніе выказываютъ не только мужи, но и жены, сколько бы онѣ ни были слабы. А мы, оплакивая не дѣтей, не женъ, но погибель души, души не чужой, но своей собственной, притворно ссылаемся на слабость тѣла и нѣжность воспитанія. И, 410
если бы зло ограничивалось только этимъ! Но теперь мы не дѣлаемъ и того, на что намъ нисколько не нужна сила тѣлесная. Такъ, скажи мнѣ, какая нужда въ силѣ тѣлесной, когда надобно сокрушить сердце, помолиться трезвенно и бодро, подумать о грѣхахъ, низложить гордость и надменность, смирить умъ? Вотъ что умилостивляетъ къ намъ Бога и не требуетъ большого труда; а мы и этого не дѣлаемъ. Плакать (о душѣ) значитъ не то только, чтобы облечься во вретище, заключиться въ кельѣ и сидѣть въ темнотѣ, но постоянно памятовать о своихъ грѣхахъ и мучить совѣсть этими помыслами, непрестанно измѣрять то пространство пути, на какое мы отстоимъ отъ царства небеснаго. Какъ же, скажутъ, этому быть? Какъ? Если мы будемъ всегда имѣть предъ глазами геенну и ангеловъ, которые во время (суда) разойдутся повсюду и соберутъ со всей вселенной имѣющихъ быть отведенными въ геенну; если станемъ размышлять, какое великое, и безъ геенны, наказаніе—лишиться царства. Поистинѣ, если бы даже не угрожалъ намъ тотъ огонь и не ожидали насъ вѣчныя наказанія, то одно отлученіе отъ кроткаго и человѣколюбиваго Христа, за насъ предавшаго Себя на смерть, и претерпѣвшаго все, чтобы избавить отъ того мученія и примирить съ Отцемъ Своимъ насъ, бывшихъ по грѣхамъ врагами Его,—одно это, хотя бы мы и не лишились предлежащихъ неизреченныхъ и вѣчныхъ благъ, больше всякаго наказанія и въ состояніи пробудить души и расположить къ постоянной бдительности. Если мы, только читая примѣръ пяти дѣвъ, которыхъ недостатокъ елея отлучилъ отъ брачнаго чертога (Матѳ. xxv, 8—12), скорбимъ объ ихъ несчастіи наравнѣ съ ними самими и смущаемся, то если подумаемъ, что и мы сами подвергнемся тому же за безпечность, кто [изъ насъ] будетъ настолько каменнымъ, чтобы, постоянно имѣя въ душѣ этотъ примѣръ, предался нерадѣнію? Можно бы распространить слово и болѣе, но, такъ какъ оно сказано нами только изъ послушанія, а не по другой нуждѣ, то и написаннаго больше, чѣмъ требовалось. Мнѣ хорошо

извѣстно, что ты самъ строго содержишь всю добродѣтель сокрушенія, и могъ бы, даже молча, учить ей и другихъ, если бы они пожелали хотя недолго пожить съ твоимъ благочестіемъ и видѣть твою крестную жизнь. Такъ, если нашимъ современникамъ нужно учиться сокрушенію, они должны идти въ твое жилище, а потомки—слушать о твоихъ дѣлахъ; великое, я думаю, руководство къ этому доставитъ одинъ разсказъ о твоей жизни. Посему прошу и умоляю, наконецъ, вознаградить насъ и воздать своими молитвами, чтобы мнѣ не только говорить о сокрушеніи, но и оказывать его дѣлами; потому что учительство безъ дѣлъ не только не доставляетъ никакой пользы, но даже приноситъ великій вредъ и осужденіе тому, кто проводитъ жизнь свою въ такой безпечности. *Не всякъ бо*, говоритъ (Господь), *глаголяй Ми: Господи, Господи, а иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. v, 19; сн. vii, 21).



О СОКРУШЕНІИ

СЛОВО ВТОРОЕ

Къ Стелехію.

411 КАКЪ возможно быть тому, что приказалъ ты, святый Божій человѣкъ, Стелехій? Какъ отъ души, столь слабой и холодной, произойти словамъ о сокрушеніи? Кто намѣренъ сказать объ этомъ предметѣ что-нибудь доброе, тому надобно, я думаю, самому больше и прежде всѣхъ другихъ воспламениться и горѣть такою ревностію, чтобы произносимыя имъ слова объ этомъ, сильнѣе раскаленнаго желѣза, врѣзывались въ душу слушателей. А у насъ нѣтъ этого огня, но все, что внутри,—прахъ и пепелъ. Какъ же, скажи мнѣ, какъ зажечь намъ этотъ пламень, когда у насъ нѣтъ ни искры ни подложеннаго вещества, ни

вѣтра, который бы притекъ и раздулъ этотъ пламень, вслѣдствіе великой мглы, какую распростерло надъ нашею душею множество грѣховъ? Я не знаю. Пусть же будетъ тобою, давшимъ приказаніе, сказано и то, какъ это приказаніе можетъ перейти въ дѣло и получить надлежащее исполненіе. Мы предложимъ въ услуги свой языкъ, а ты моли Исцѣляющаго сокрушенныхъ сердцемъ, Подающаго малодушнымъ долготерпѣніе, Воздвигающаго съ земли бѣднаго, чтобы Онъ возжегъ въ насъ тотъ огонь, который обыкновенно уничтожаетъ всякую немощь человѣческую, истребляетъ всякую сонливость, безпечность и огрубѣлость плотскую, направляетъ полетъ души къ небу, и съ того свода (небеснаго), какъ бы съ какой возвышенной вершины, показываетъ всю суетность и обманчивость настоящей жизни. А кто не можетъ взлетѣть туда и возсѣсть на этой высотѣ, тому невозможно видѣть, какъ слѣдуетъ, ни земли, ни того, что дѣлается на землѣ. Такъ какъ (здѣсь) много есть такого, что омрачаетъ зрѣніе, много такого, что возмущаетъ слухъ и удерживаетъ языкъ; то надобно, уклонившись отъ всякаго шума и дыма, удалиться въ ту пустыню, гдѣ тишина великая и ясность чистая, а шума никакого, гдѣ глаза пристально и неуклонно устремлены къ созерцанію любви Божіей, а слухъ невозмутимо преданъ одному занятію,—слушанію Слова Божія и вниманію къ той стройной и духовной гармоніи, сила которой, однажды плѣнивъ душу, такъ овладѣваетъ ею, что (человѣкъ), увлеченный этою мелодіею, не охотно принимаетъ и пищу, и питіе, и сонъ. Посему этой силы не можетъ ослабить ни смятеніе житейскихъ дѣлъ, ни напоръ многихъ плотскихъ (пожеланій). До этой высоты духовной не достигаетъ поднимающійся шумъ бури, происходящей внизу, но, какъ взошедшіе на вершины горъ не могутъ уже ни слышать, ни видѣть ничего, что дѣлается или говорится въ городѣ, а слышатъ только какой-то неясный и непріят- 412
ный шумъ, который нисколько не лучше жужжанія осъ: такъ и удалившіеся отъ житейскаго и возлетѣвшіе на высоту духовнаго любомудрія, не чувствуютъ ничего нашего; потому что, пока душа вращается на землѣ, тѣло и чувства тѣлесныя облагаютъ ее безчисленными цѣпями, со всѣхъ сторонъ собирая страшную бурю преходящихъ удовольствій; и слухъ, и зрѣніе, и осязаніе, и обоняніе, и языкъ, вносятъ въ нее извнѣ множество золъ. Но когда она воспаряетъ и предается занятію духовными предметами, то заграждаетъ входъ грѣховнымъ мечтаніямъ, не закрывая чувствъ, но направляя ихъ дѣятельность на туже высоту. Какъ грозная и строгая госпожа, начавъ приготовлять разнородную, тяжеловѣсную и драгоцѣнную масть, и нуждаясь для этого во множествѣ рабочихъ рукъ, будитъ своихъ служанокъ и, приведши ихъ къ себѣ,

одной приказываетъ отбирать въ рѣшето еще не приготовленные ароматы, другой взять безмѣнъ и вѣсы и смотрѣть внимательно, чтобы ихъ не вошло меньше или больше надлежащаго и чрезъ это не нарушилась бы соразмѣрность приготовляемаго состава; одной велитъ варить, что̀ нужно, другой тереть, что не хорошо (протерто), а третьей соединять и смѣшивать одни вещества съ другими; одной стоять съ кувшиномъ, другой—съ другимъ сосудомъ, а третьей держать что-либо иное, и такимъ образомъ привязавъ къ дѣлу и умъ, и руки ихъ, не даетъ ничему испортиться, тщательно присматривая за всѣмъ, и не позволяя глазамъ блуждать и развлекаться по внѣшнимъ предметамъ: такъ и душа, приготовляя эту драгоцѣнную масть, то есть, сокрушеніе, обращаетъ чувства къ самой себѣ и останавливаетъ ихъ разсѣянность. И, если случится ей, собравшись въ самой себѣ, размышлять о чемъ либо праведномъ и богоугодномъ, она тотчасъ заставляетъ чувства прекратить свою дѣятельность, чтобы они не ввели въ нее неблаговременно чего либо ненужнаго, и тѣмъ не возмутили внутренней тишины ея. Поэтому, хотя приражаются и звуки къ слуху и видимые предметы къ зрѣнію, но ни одинъ изъ нихъ не проникаетъ внутрь, такъ какъ дѣятельность каждаго изъ этихъ членовъ бываетъ обращена къ душѣ. И что̀ я говорю о звукахъ и видимыхъ предметахъ, когда многіе изъ бывшихъ въ такомъ состояніи не чувствовали не только того, что другіе проходили предъ ихъ глазами, но даже и того, что ударяли ихъ? Такова душевная добродѣтель, что желающему легко, находясь на землѣ, но какъ бы возсѣдая на небѣ, не чувствовать ничего происходящаго на землѣ.

2. Таковъ былъ блаженный Павелъ; обращаясь среди городовъ, онъ былъ столь далекъ отъ всего настоящаго, сколько мы отли-
413 чаемся отъ мертвыхъ тѣлъ. Такъ, когда онъ говоритъ: *мнѣ міръ распяся* (Гал. VI, 14), то разумѣетъ эту нечувствительность (къ земному), и даже не одну эту, но и другую такую же, такъ что она была въ немъ двоякая. Онъ не сказалъ только: *мнѣ міръ распяся*, и—замолчалъ; но послѣдующими словами указалъ и на другую (нечувствительность), сказавъ: *и азъ міру*. Велико любомудріе въ томъ, чтобы міръ почитать мертвымъ; но еще большее и гораздо важнѣйшее въ томъ, чтобы и самому быть какъ бы умершимъ для него. Итакъ изреченіе Павла означаетъ слѣдующее: онъ, по словамъ его, далекъ былъ отъ настоящаго не столько, сколько живые отъ мертвыхъ, но столько, сколько мертвые отъ мертвыхъ. Живой, конечно, не питаетъ пристрастія къ умершему, однако имѣетъ другое какое-либо чувство, — или удивляется еще красотѣ покойнаго или жалѣетъ и плачетъ объ

немъ; а мертвый къ мертвому не питаетъ и такого чувства и
расположенія. Это желая выразить, онъ къ словамъ: *мнѣ міръ
распяся*, прибавилъ: *и азъ міру*. Видишь ли, какъ онъ былъ да-
лекъ отъ вселенной, какъ, шествуя на землѣ, достигъ до самой не-
бесной высоты? Не говори мнѣ о горныхъ вершинахъ, о лѣсахъ,
о долинахъ, и непроходимой пустынѣ; однихъ ихъ недостаточно
для освобожденія души отъ шума (мірскаго), а нуженъ тотъ пла-
мень, который возжегъ Христосъ въ душѣ Павла и поддерживалъ
самъ блаженный духовнымъ помысломъ, и поднялъ до такой вы-
соты, что этотъ пламень, начавшись снизу—съ земли, достигъ до
самаго неба, и до высшаго неба, и еще до высшаго; ибо самъ онъ
былъ восхищенъ до третьяго неба (2 Кор. XII, 2); но его распо-
ложеніе и любовь ко Христу простирались выше не только трехъ,
но и всѣхъ небесъ. По тѣлу онъ былъ малъ и нисколько не пре-
вышалъ насъ; но по расположенію духа чрезмѣрно возвысился надъ
всѣми людьми, существующими на землѣ. И тотъ не погрѣшилъ
бы, кто представилъ бы состояніе этого святого подъ такимъ обра-
зомъ: будто бы какой пламень, обнявши поверхность всей земли и
поднявшись вверхъ, прошелъ со всѣхъ сторонъ небесный сводъ и,
пробѣжавъ сквозь лежащій выше его воздухъ,—воздухъ ли это,
или что другое,—наполнилъ огнемъ средину между двумя небесами,
и здѣсь не остановилъ своего теченія, но, вдругъ устремившись,
поднялся до третьяго неба и сдѣлалъ все однимъ огнищемъ, ко-
тораго широта равняется пространству всей земли, а высота—
разстоянію третьяго неба отъ насъ. Впрочемъ, и такимъ образомъ
я, кажется, не изобразилъ и малѣйшей части любви его. А что
эти слова не преувеличены, всякій точно можетъ узнать, прочи-
тавъ написанное нами объ этомъ предметѣ къ Димитрію. Такъ
должно любить Христа, такъ—отрѣшаться отъ настоящаго. Таковы
были души и у святыхъ пророковъ; потому они и получили дру-
гія очи. Отрѣшиться отъ настоящаго было дѣломъ ихъ собствен-
наго усердія; а что потомъ у нихъ открылись другія очи для со-
зерцанія будущаго, это уже было дѣломъ Божіей благодати. Та-
ковъ былъ Елисей: такъ какъ онъ отдалился отъ всего житейскаго,
возлюбилъ царство небесное и презрѣлъ все настоящее, то есть, 414
царство и власть, и славу и всеобщее уваженіе; то и увидѣлъ ни-
кѣмъ невиданное никогда,—цѣлую гору, покрытую строемъ огнен-
ныхъ коней и такихъ же колесницъ и воиновъ (4 Цар. VI, 17).
Кто прельщается настоящимъ, тотъ никогда не удостоится со-
зерцать будущее; а кто пренебрегаетъ здѣшнимъ и считаетъ его
не лучше тѣни и сновидѣнія, тотъ скоро получитъ великія и ду-
ховныя блага. Такъ и мы богатство, принадлежащее мужамъ,
открываемъ своимъ дѣтямъ тогда, когда увидимъ, что они стали

мужами и пренебрегаютъ всѣмъ дѣтскимъ; но, пока они прельщаются послѣднимъ, мы считаемъ ихъ недостойными перваго. Душа, не пріучившаяся пренебрегать маловажнымъ и житейскимъ, не въ состояніи будетъ созерцать небесное, равно какъ и созерцающая послѣднее не можетъ не посмѣваться первому. Это говорилъ и блаженный Павелъ; хотя слова его и относятся къ догматамъ, однако могутъ быть примѣнены и къ нравамъ и къ дарованіямъ, именно: *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14).

3. Итакъ мы, какъ я сказалъ, должны искать пустынножительства не только въ какихъ-либо мѣстахъ, но и въ самомъ произволеніи, и прежде всего другого—душу свою вести въ самую необитаемую (пустыню). При такомъ расположеніи и блаженный Давидъ, жившій въ городѣ, управлявшій царствомъ и обремененный безчисленными заботами, былъ объятъ любовію Христовою сильнѣе жившихъ въ пустыняхъ. Такихъ слезъ, вздоховъ и рыданій днемъ и ночью едва ли кто увидитъ у кого либо изъ нынѣ распявшихся (для міра), если только такой дѣйствительно найдется. При этомъ мы должны не только обратить вниманіе на слезы, но и вникнуть въ то, кто ихъ проливалъ; потому что не все равно, облеченный ли (царскимъ) достоинствомъ, всѣми почитаемый и неподлежащій ничьимъ обличеніямъ, смиряется, уничижается и изнуряетъ себя, или дѣлаетъ тоже самое не имѣющій ничего такого. Царя многое доводитъ до разслабленія и препятствуетъ ему собраться духомъ. Онъ и отъ ежедневной роскоши разслабѣваетъ и изнѣживается, и властію надмевается и увлекается къ гордости; его воспламеняетъ и любовь къ славѣ, и не меньше того любовь плотская, раждающаяся отъ власти и питаемая роскошью. Кромѣ того, вихри заботъ, устремляющіеся на него со всѣхъ сторонъ, возмущаютъ душу его не меньше тѣхъ страстей, и посему сокрушеніе, встрѣчая столько преградъ, никакъ не можетъ найти доступа (къ нему); ибо и свободная отъ всего этого душа съ трудомъ можетъ насаждать въ себѣ это благо. А частный человѣкъ, если только онъ не крайне развращенъ, чуждъ всего этого смятенія; потому и можетъ предаться (сокрушенію) съ меньшимъ неудобствомъ, нежели пользующійся такимъ могуществомъ, властію и честію. Какъ трудно и даже невозможно смѣшать огонь съ водою: такъ, думаю, невозможно совмѣстить наслажденіе (земными благами) съ сокрушеніемъ, потому что они противоположны и несовмѣстимы между собою. Одно есть мать слезъ и трезвенности, а другое — смѣха и неумѣренности; одно дѣлаетъ душу легкою и окрыленною, а другое приводитъ ее въ состояніе, тяжелѣйшее всякаго свинца. Но я не сказалъ еще самаго важнѣйшаго, того, что (Давидъ) жилъ

въ тѣ времена, когда не требовалось особенной строгости въ образѣ жизни; а мы приступили къ подвигу тогда, когда полагается великое наказаніе не только за другіе грѣхи, но и за смѣхъ, и напротивъ постоянно одобряется плачъ и скорбь. Однако этотъ бла- 415
женный, разрушивъ всѣ препятствія, предавался сокрушенію такъ сильно, какъ будто былъ изъ числа простыхъ людей и никогда не видалъ и во снѣ ни царства, ни царскаго великолѣпія; и въ порфирѣ, въ діадимѣ, и на царскомъ престолѣ показалъ такое же сокрушеніе, какъ сидящій во вретищѣ, на пеплѣ и въ пустынѣ. У кого дѣйствительно есть это благое настроеніе, оно оказываетъ такую же силу, какъ огонь въ терновникѣ; и хотя бы (такого человѣка) угнетало множество золъ, хотя бы опутывали его многія верви грѣховъ, хотя бы сильно горѣлъ въ немъ пламень похоти, и окружало его великое смятеніе житейскихъ дѣлъ, это (сокрушеніе), какъ бы крѣпкимъ бичемъ, совершенно разсѣетъ все такое и удалитъ отъ души. Какъ легкая пыль не можетъ устоять противъ напора сильнаго вѣтра, такъ и множество похотей не можетъ выдержать устремившейся на нихъ силы сокрушенія, но исчезаетъ и разсѣевается скорѣе всякой пыли и дыма. Если плотская любовь такъ порабощаетъ душу, что отвлекаетъ ее отъ всего и подчиняетъ вліянію одной возлюбленной, то чего не сдѣлаетъ любовь ко Христу и страхъ быть отлученнымъ отъ Него? То и другое такъ волновало душу пророка, что онъ иногда говорилъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Псал. XLI, 1); и еще: *душа моя, яко земля безводная Тебѣ* (Псал. CXLII, 6); и: *прилпе душа моя къ Тебѣ* (Псал. LXII, 9); а иногда: *Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене* (Псал. VI, 1).

4. Пусть никто не говоритъ мнѣ, что Давидъ написалъ этотъ (шестой) псаломъ, оплакивая свой грѣхъ. Это не вѣрно; и сдѣланная на верху (псалма) надпись не допускаетъ такого предположенія. Если бы содержанія (псалма) нельзя было указать въ надписи, то можно бы, если угодно, примѣнить этотъ псаломъ и къ обстоятельствамъ того грѣха; но когда извѣстенъ (другой) псаломъ, сказанный по этимъ обстоятельствамъ, а настоящій псаломъ имѣетъ иное содержаніе, то прошу, не станемъ приводить въ безпорядокъ божественное и собственнымъ сужденіямъ придавать болѣе важности, нежели догматамъ, изреченнымъ отъ Духа. Какая же надпись (6-го псалма)? *О осмомъ*, говоритъ (Давидъ). Какой же это осьмый (день), если не тотъ день Господень, великій и славный, подобный пещи горящей, который заставитъ трепетать и горнія силы (*и силы небесныя*, сказано, *подвигнутся*, Матѳ. XXIV, 29), и изведетъ огонь, предтекущій Царю (Христу)? Онъ назвалъ этотъ день осьмымъ, ука-

зывая на перемѣну (настоящаго) состоянія и на обновленіе жизни будущей. Настоящая жизнь не что иное, какъ одна седмица: начинается она первымъ днемъ, а оканчивается седьмымъ; и потомъ опять круговращается въ тѣхъ же предѣлахъ, восходя къ тому же началу и нисходя къ (тому же) концу. Поэтому никто не назвалъ бы дня Господняго (воскреснаго) осьмымъ, но—первымъ; потому что кругъ седьмицы не простирается до осьмеричнаго числа. Когда же
416 все настоящее прекратится и разрушится, тогда наступитъ теченіе осьмаго дня; оно не будетъ возвращаться къ началу, но устремится въ дальнѣйшія пространства. Итакъ пророкъ, отъ сильнаго сокрушенія, имѣлъ всегда въ памяти у себя (послѣдній) судъ, среди такого почета и удовольствій непрестанно видѣлъ предъ собою тотъ день, о которомъ мы едва вспоминаемъ въ скорбяхъ, и, постоянно размышляя о судьбахъ Божіихъ, написалъ этотъ псаломъ. Что же говоритъ онъ? *Господи, да не яростію твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ твоимъ накажеши мене*,—называя яростію и гнѣвомъ великую силу наказанія (онъ зналъ, что Богъ свободенъ отъ всякой страсти), хотя и сознавалъ себя достойнымъ не мученія и наказанія, но почести и вѣнцовъ. Его вѣра, которою онъ низвергъ башню иноплеменниковъ (Голіаѳа) и весь народъ іудейскій исторгъ изъ самыхъ вратъ смерти и благодѣяніе, оказанное имъ и разъ и два и многократно своему гонителю (Саулу), а прежде того приговоръ о немъ, произнесенный Самимъ Богомъ, достаточно показываютъ доблесть этого мужа болѣе самыхъ заслугъ его. Дѣла (человѣческія), какъ бы ни были велики и дивны, могутъ однако быть подозрѣваемы въ порочности, хотя заслуги этого праведника (Давида) по большей части свободны отъ всякаго подозрѣнія. Но когда свидѣтельствуетъ Богъ, тогда приговоръ не подлежитъ никакому подозрѣнію; и если бы Давидъ не представилъ самаго вѣрнаго доказательства своей доблести, то и не получилъ бы небеснаго засвидѣтельствованія. Что же Богъ говоритъ о немъ? *Обрѣтохъ Давида, сына Іессеева, мужа по сердцу моему* (Дѣян. XIII, 22 ср. 1, Цар. XIII, 14). И однако, послѣ такого суда (Божія) и послѣ такихъ подвиговъ (своихъ), онъ произносилъ слова свойственныя осужденнымъ и не имѣющимъ никакого дерзновенія предъ Богомъ, исполняя евангельское (повелѣніе): *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. XVII, 10). Что больше этого сказалъ и тотъ, дѣйствительно исполненный множества грѣховъ мытарь, который не осмѣливался ни взглянуть на небо, ни произнесть много словъ, ни стать вблизи фарисея? Этотъ поносилъ его, говоря: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣи, или якоже сей мытарь* (Лук. XVIII, 11); а тотъ принялъ его слова такъ, какъ будто бы не слыхалъ ничего обиднаго,

и не только не вознегодовалъ, но и почтилъ оскорбителя и гордеца такою честію, что призналъ себя недостойнымъ той земли, которую этотъ попиралъ; не произнесъ ничего, кромѣ исповѣданія своихъ грѣховъ и сильно ударяя себя въ грудь, такимъ образомъ молилъ Бога быть милостивымъ къ нему. Впрочемъ нисколько не удивительно, что онъ такъ поступалъ, потому что множество грѣховъ заставляло его, волею и неволею, преклонять голову; а что праведный и не сознававшій за собою ничего такого приступалъ (къ Богу) съ такимъ же самоосужденіемъ, какъ мытарь, это удивительно и показываетъ душу, истинно сокрушенную. Ибо чѣмъ отличаются отъ словъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 13) слова: *Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене?* Послѣднія даже болѣе выражаютъ, нежели сколько первыя. Мытарь не смѣлъ и взглянуть на небо, а праведный (Давидъ) сдѣлалъ гораздо больше его. Тотъ говорилъ: *милостивъ буди мнѣ*, а этотъ не осмѣлился сказать и этого; не сказалъ: *да не обличиши мене*, но: *да не яростію Твоею;* не сказалъ: *не накажеши мене*, но: *ниже гнѣвомъ Твоимъ;* молилъ не о томъ, чтобы не быть наказаннымъ, но чтобы не тяжко быть наказаннымъ. Такимъ образомъ изъ всего можно видѣть смиреніе души его, и изъ того, что онъ почиталъ себя достойнымъ такого 417
наказанія, и изъ того, что не осмѣливался умолять Бога о совершенномъ прощеніи, а это свойственно крайне осужденнымъ и признающимъ себя грѣшнѣе всѣхъ людей. А еще важнѣе то, что и самаго избавленія отъ тяжкаго наказанія онъ проситъ у милости и человѣколюбія Божія, какъ немощный. *Помилуй мя*, говоритъ, *яко немощенъ есмь* (Псал. VI, 3). Что̀ это? Удостоившійся такого засвидѣтельствованія и незабывающій судебъ Божіихъ (*судьбы твоя*, говорилъ онъ, *не забыхъ* (Псал. CXVIII, 30), сіяющій свѣтлѣе солнца, говоритъ такія слова? Да; это и удивительно, что совершившій столь великія дѣла ничего великаго и не сказалъ и не подумалъ о себѣ, но почиталъ себя послѣднимъ изъ всѣхъ и просилъ себѣ спасенія отъ одного человѣколюбія Божія. Онъ какъ бы такъ говорилъ: я достоинъ неослабнаго наказанія и вѣчныхъ мученій; но, какъ я уже не въ силахъ переносить, то и молю объ избавленіи меня отъ настоящихъ бѣдствій, — подобно рабамъ, сдѣлавшимъ много худого, которые не могутъ сказать, что не согрѣшили, но, такъ какъ боль отъ бичей невыносима, то умоляютъ наконецъ о прекращеніи ударовъ. Но здѣсь, я думаю, Давидъ разумѣлъ еще и другую немощь. Какую же? Немощь, которая въ немъ происходила отъ скорби и воздыханій. Когда постигнетъ насъ съ великою силою чрезмѣрная скорбь, то она пожираетъ всю силу души. Это, я думаю, испыталъ и праведникъ отъ сильнаго самоосужденія и отъ

того, что не увлекался пріятными надеждами, но всегда противоположными. Это ясно выражаетъ онъ и въ дальнѣйшихъ словахъ. Сказавъ: *Господи, да не яростію твоею обличиши мене, помилуй мя*, онъ присовокупилъ: *яко немощенъ есмь: исцѣли мя, Господи, яко смятошася кости моя, и душа моя смятеся зѣло* (Пс. VI, 3. 4). Если же тотъ, у кого совѣсть была такъ чиста, молитъ, чтобы дѣла его не подверглись строгому изслѣдованію: что̀ сдѣлаемъ мы, которые обременены столь многими пороками, такъ далеки отъ его дерзновенія и не оказали даже малѣйшей части его исповѣданія? Почему же этотъ блаженный изрекалъ такое исповѣданіе? Онъ былъ убѣжденъ, что никто не оправдается предъ Богомъ, что и праведный едва спасается; поэтому и умоляетъ (Бога), иногда такъ: *не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ* (Псал. CXLII, 2); а иногда такъ: *помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь* (Пс. VI, 3).

5. Замѣчательно, что Давидъ нигдѣ не упоминаетъ о своихъ добрыхъ дѣлахъ, но предоставляетъ свое спасеніе человѣколюбію Божію. Это свойственно сокрушенной душѣ и смиренному духу; и отсюда произошло то, что совершившій великія добродѣтели боялся и трепеталъ болѣе грѣшниковъ. А что Давидъ такъ трепеталъ и боялся, послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ* (Псал. CXXIX, 3)? Зналъ онъ, ясно зналъ, что мы много должны Богу и что самые маловажные грѣхи достойны великаго наказанія; предвидѣлъ задолго, какія заповѣди дастъ Христосъ по пришествіи своемъ; вѣрилъ, что будутъ строго осуждены не только убійства, но и оскорбленія и злословія, и порочныя мысли, и смѣхъ и празднословіе, и шу-
418 товство, и другіе, еще менѣе важные, пороки. Посему и Павелъ, хотя не зналъ ничего за собою, говорилъ: *ничесоже въ себѣ свѣмъ: но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. IV, 4). Почему? Потому, что онъ, если и не сдѣлалъ ничего худого, какъ и дѣйствительно не сдѣлалъ, то не считалъ себя вполнѣ воздавшимъ подобающую Богу честь. Мы, хотя бы умерли тысячу разъ, хотя бы совершили всякую добродѣтель, и тогда не воздали бы должнаго Богу за дарованныя намъ отъ Него блага. Посмотри: не имѣя никакой нужды въ насъ, но будучи самодоволенъ, Онъ привелъ насъ изъ небытія въ бытіе, вдохнулъ (въ насъ) душу, какой (не далъ) ни одному изъ животныхъ земныхъ; насадилъ рай, распростеръ небо, подъ нимъ положилъ землю, зажегъ блестящія свѣтила; землю украсилъ озерами, источниками, рѣками, цвѣтами и растеніями, а на небѣ поставилъ хоръ разнообразныхъ звѣздъ; сдѣлалъ для насъ ночь полезною не меньше дня, отъ доставляемаго сномъ покоя и укрѣпленія. Сонъ не меньше яствъ питаетъ наши тѣла, какъ видно изъ слѣдующаго: часто, видимъ мы, голодъ переносятъ въ продолженіе многихъ

дней, а безъ сна невозможно пробыть и немного дней. Ночь также прохлаждаетъ и уничтожаетъ въ насъ тотъ жаръ, который скопляется въ теченіе дня частію отъ солнечныхъ лучей, частію отъ дневныхъ трудовъ; и такимъ образомъ возстановляетъ въ насъ опять бодрость на труды, а въ зимнее время своею продолжительностію она еще болѣе доставляетъ намъ покоя и отрады, заставляя насъ быть подъ домашнею кровлей. И темнота сдѣлана принадлежностію этого времени не напрасно и не безъ цѣли, но для большаго успокоенія. Какъ сердобольныя матери, желая усыпить безпокойныхъ дѣтей, берутъ ихъ въ свои объятія и накинувъ на глаза ихъ покрывало, усыпляютъ ихъ: такъ и Богъ, распростерши по вселенной темноту, какъ бы какой покровъ, успокоиваетъ людей отъ трудовъ. Если бы этого не было, то мы всѣ надорвались бы отъ суетливости или чрезмѣрнаго сребролюбія и отъ трудовъ; а теперь насъ поневолѣ (ночь) отрываетъ отъ занятій. И такой законъ (природы) не только тѣла наши возстановляетъ, но и душу не меньше тѣлъ. Говорить ли о тишинѣ и спокойствіи въ это время, какъ тогда все полно молчанія, свободно отъ шума, не слышно ничьего крика, какъ это бываетъ днемъ, когда одни скорбятъ отъ бѣдности, другіе жалуются на обиду, иные оплакиваютъ болѣзнь и поврежденія тѣла, другіе смерть родныхъ, иные потерю денегъ, иные другое какое либо человѣческое несчастіе, которыхъ такъ много? Отъ всѣхъ этихъ несчастій, какъ бы отъ треволненій, ночь избавляетъ родъ человѣческій и успокоиваетъ въ своей пристани. Таковы блага намъ отъ ночи; а блага, доставляемыя днемъ, извѣстны всѣмъ намъ. Что сказать объ удобствѣ сообщеній, которымъ мы пользуемся? Дабы продолжительность путешествія не отвращала насъ отъ сообщенія другъ съ другомъ, Богъ проложилъ по всей землѣ кратчайшій путь для насъ—море, чтобы мы, живя во вселенной, какъ бы въ одномъ домѣ, часто приходили другъ къ другу и каждый, легко сообщая ближнему свое, получалъ обратно находящееся у него, и такимъ образомъ, занимая малую часть земли, наслаждался благами всѣхъ странъ, какъ бы обладатель 419
всей земли; подобно тому, какъ за богатымъ столомъ каждый гость можетъ и самъ предложенное ему подать далеко сидящему, и отъ него получить лежащее передъ нимъ, только протянувъ руку. Если кто станетъ изчислять и прочія всѣ (блага), то найдетъ неизреченное множество ихъ, не исчислитъ и малой части; потому что, какъ можетъ человѣкъ измѣрить безпредѣльную премудрость Божію? Представь себѣ только разные роды растеній плодоносныхъ, безплодныхъ, растущихъ въ пустыняхъ, въ мѣстахъ обитаемыхъ, на горахъ, на равнинахъ; посмотри на разнообразіе въ сѣменахъ, въ травахъ, въ цвѣтахъ, въ животныхъ земныхъ, въ земноводныхъ,

въ морскихъ; вспомни, что все видимое создано для насъ,—небо, земля, море, и все, что въ нихъ. Какъ если бы кто построилъ себѣ блестящій дворецъ, украшенный множествомъ золота и сіяющій яркимъ блескомъ камней, такъ и Богъ, создавъ міръ, ввелъ въ него человѣка, чтобы онъ царствовалъ надъ всѣмъ. И еще болѣе удивительно то, что кровлю этого зданія (Богъ) устроилъ не изъ камней, но составилъ ее изъ другого драгоцѣннѣйшаго вещества, и зажегъ огонь не на золотомъ свѣтильникѣ, но, спустивъ свѣтила сверху, повелѣлъ имъ протекать по кровлѣ этого зданія, чтобы мы получали не только пользу, но и великое удовольствіе; а землю распростеръ въ видѣ богатой трапезы. Все это Богъ далъ человѣку, еще не сдѣлавшему ничего добраго. Хотя человѣкъ, послѣ такого дара, оказался неблагодарнымъ своему Благодѣтелю, однако Богъ не лишилъ его чести, а только изгналъ изъ рая и этимъ наказалъ, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему возрастанію неблагодарности и удержать его отъ стремленія къ худшему. Обо всемъ этомъ помышляя, и, какъ движимый Духомъ Божіимъ, созерцая и многое сверхъ того, и то, что было отъ начала (міра), и что бываетъ каждодневно, и то, что бываетъ съ каждымъ порознь, и что со всѣми вмѣстѣ, и то, что происходитъ явно, и что втайнѣ еще больше явнаго, а также дѣла домостроительства Единороднаго Сына Божія и будущія блага, обозрѣвая вообще все и во всемъ находя и созерцая неизреченную любовь Божію, Апостолъ, какъ бы низвергшись въ неизмѣримую бездну, постигъ, сколь многимъ и великимъ онъ былъ обязанъ (Богу), и не воздалъ Ему и малѣйшей части. Поэтому онъ и сказалъ упомянутыя слова, съ великимъ тщаніемъ изслѣдывалъ и малыя согрѣшенія свои, а добрыя дѣла предавалъ забвенію (1 Кор. IV, 4). А мы не такъ; но о грѣхахъ, сколь они ни многочисленны и ни велики, мы и не говоримъ, и не помнимъ; а если сдѣлаемъ какое-нибудь малое доброе дѣло, то выказываемъ его повсюду и не пе-
420 рестаемъ хвастать и надмеваться дотолѣ, пока не упразднимъ тщеславіемъ и самое малое добро. Имѣя это въ виду, и Давидъ говорилъ: *что есть человѣкъ, яко помниши его* (Псал. VIII, 5)? Кромѣ того, обвиняя человѣка и въ неблагодарности, онъ говорилъ: *человѣкъ, въ чести сый, не разумѣ: приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися имъ* (Псал. XLVIII, 13).

6. Признательному рабу свойственно смотрѣть на благодѣянія, оказанныя всѣмъ вмѣстѣ, какъ на собственныя, и пещись и заботиться такъ, какъ бы самъ былъ должникомъ за все. Такъ сдѣлалъ и Павелъ (хорошо опять вспомнить о немъ), когда сказалъ, что Господь умеръ за него: *еже нынѣ*, говорилъ онъ, *живу во плоти, вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ* (Гал. II, 20). Такъ говорилъ онъ не потому,

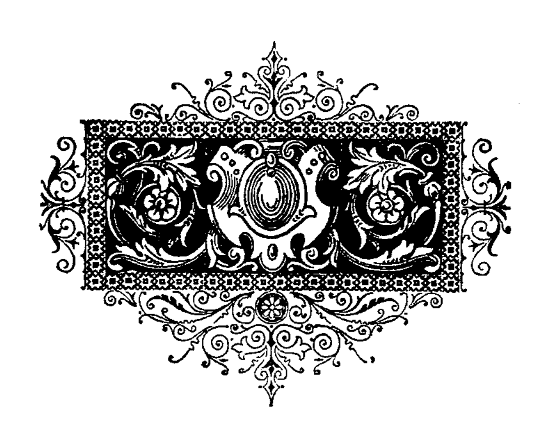
чтобы хотѣлъ сократить даръ Христовъ, но потому, что желалъ представить себя виновнымъ во всемъ и возбудить въ каждомъ такое же расположеніе духа. Если бы Христосъ пришелъ и для одного человѣка, то даръ Его отъ этого не только не уменьшился бы, но явился бы еще большимъ. Почему такъ? Потому, что Онъ показалъ бы такое попеченіе и объ одномъ человѣкѣ, какое—отыскивающій одну (потерявшуюся) овцу; поэтому (Павелъ) и смущался, поэтому и плакалъ. Если взявшіе деньги взаймы и не могущіе уплатить, утопая въ великой безднѣ долговъ, не ѣдятъ и не спятъ отъ мучительной заботы, то чего не претерпитъ праведникъ, видя свой долгъ (предъ Богомъ), состоящій не въ деньгахъ, но въ дѣлахъ? А мы не такъ; но, уплативъ хотя бы мало, ведемъ себя такъ, какъ будто уплатили все, и даже поступаемъ еще хуже: и этого малаго не дѣлаемъ съ пристойною свободнымъ людямъ ревностію, но напередъ развѣдываемъ, есть ли за то награда, велика ли награда, будетъ ли то вмѣнено намъ самимъ, произнося слова людей несвободныхъ и наемниковъ. Что говоришь ты, малодушный и жалкій человѣкъ? Тебѣ надлежитъ сдѣлать нѣчто угодное Богу, а ты стоишь съ заботою о наградѣ? Если бы тебѣ за такое дѣло надлежало впасть въ геенну, то и тогда развѣ слѣдовало бы уклоняться, а не съ великою готовностію приниматься за дѣланіе добра? Ты дѣлаешь пріятное Богу, и ищешь еще другой награды? Истинно не знаешь ты, какое великое благо угодить Богу; потому что, еслибы ты зналъ это, то никакой другой награды не сравнялъ бы (съ этимъ благомъ). Развѣ ты не знаешь, что награда тебѣ будетъ больше, когда ты станешь дѣлать должное, не надѣясь на награды? Развѣ не видишь, что и между людьми всѣ особенно уважаютъ тѣхъ, которые прежде наградъ имѣютъ въ виду угодить (имъ) и объ этомъ стараются больше, чѣмъ о почетѣ отъ нихъ? Такъ, люди столь благородно поступаютъ даже съ подобными себѣ, а ты, столько облагодѣтельствованный Господомъ и столь многихъ ожидающій благъ, когда надобно сдѣлать что-либо полезное для твоего спасенія, прежде дѣла развѣдываешь о наградѣ. Посему мы и бываемъ всегда холодны и жалки и не готовы ни къ какому благородному дѣлу; посему мы и не можемъ быть въ сокрушеніи и хотя немного собраться духомъ. Мы и не помышляемъ внимательно о грѣхахъ своихъ, и не изслѣдуемъ благодѣяній Божіихъ, и не смотримъ на совершившихъ величайшіе подвиги. Мы потому забываемъ о добрыхъ дѣлахъ, что и благополучіемъ пользуемся не умѣренно, и называя себя часто грѣшниками, говоримъ это не
искренно. Это видно изъ того, что, когда услышимъ такое назва- 421
ніе отъ другихъ, мы сердимся и раздражаемся и называемъ это обидою. Такъ во всемъ у насъ лицемѣріе, и мы не подражаемъ

мытарю, который, когда другой укорялъ его во множествѣ грѣховъ, перенесъ эти укоризны и получилъ плодъ отъ дѣлъ своихъ, *сниде оправданъ паче* фарисея (Лук. xviii, 14); а мы не знаемъ даже, что̀ такое исповѣданіе, хотя исполнены безчисленныхъ грѣховъ. Намъ надлежало бы не только убѣдиться, что у насъ множество грѣховъ, но и всѣ грѣхи свои, малые и великіе, начертать на сердцѣ, какъ въ книгѣ, и оплакивать, какъ недавно совершенные. Тогда мы смирили бы и гордость души своей, непрестанно напоминая ей о своихъ порокахъ. Памятованіе о своихъ грѣхахъ есть такое благо, что блаженный Павелъ часто выставлялъ на видъ даже заглаженныя вины свои. Такъ какъ всѣ прежнія вины онъ омылъ крещеніемъ, а послѣ жилъ такъ чисто, что не сознавалъ за собою ничего и не имѣлъ грѣховъ, о которыхъ бы надлежало воздыхать, то вспоминалъ о грѣхахъ, заглаженныхъ до крещенія, и говорилъ: *яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ* (1 Тим. i, 15); и еще: *вѣрна мя* (Христосъ) *непщева, положивъ въ службу, бывша иногда хулника и гонителя и досадителя* (ст. 12, 13), *яко по премногу гонихъ церковь Божію и разрушахъ ю* (Гал. i, 13); и еще: *нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ* (1 Кор. xv, 9). Такіе грѣхи, хотя и освобождаютъ насъ отъ виновности, однако достаточно могутъ возбудить душу и расположить ее сильно возлюбить Бога. Такъ и Симонъ, на вопросъ Господа, *который* изъ двухъ должниковъ *паче возлюбитъ* заимодавца, сказавъ: *мню, яко емуже вящше остави,* услышалъ: *право судилъ еси* (Лук. vii, 42. 43).

7. Когда мы помыслимъ о множествѣ прежнихъ грѣховъ своихъ, тогда познаемъ чрезмѣрность милости Божіей, тогда преклонимъ голову, тогда смиримся; потому что чѣмъ болѣе тяжки грѣхи, въ которыхъ мы виновны, тѣмъ болѣе мы будемъ сокрушаться. Такъ Павелъ вспоминалъ и о прежнихъ грѣхахъ своихъ; а мы не хотимъ вспоминать и о сдѣланныхъ нами послѣ крещенія, угрожающихъ опасностію и подвергающихъ насъ отвѣтственности за нихъ; но если когда и придетъ у насъ мысль о какомъ-либо такомъ грѣхѣ, мы тотчасъ устраняемъ ее и не хотимъ опечалить душу воспоминаніемъ (о немъ) и на краткое время. А отъ этой безполезной нѣжности происходитъ для насъ множество золъ, потому что, находясь въ такомъ состояніи самодовольства и изнѣженности, мы не можемъ и исповѣдаться въ прежнихъ грѣхахъ своихъ (какъ это возможно, когда мы пріучаемъ себя не допускать и воспоминанія о нихъ?), и легко впадаемъ въ послѣдующіе. Если у насъ всегда живо это памятованіе и душу безпокоитъ страхъ, то съ удобствомъ можно искоренить изнѣженность ея и безпечность. Но если снимешь (съ нея) и эту узду, то кто наконецъ удержитъ

ее и не дастъ нестись безбоязненно по стремнинамъ и низринуться въ бездну погибели? Посему праведный (Давидъ) и пред- 422
ставлялъ себѣ будущее наказаніе; посему плакалъ, посему воздыхалъ, и притомъ весьма сильно! Вамъ, великимъ людямъ, для сокрушенія достаточно воспоминать о благодѣяніяхъ Божіихъ, не помнить о своихъ доблестяхъ, съ великимъ тщаніемъ вникать, не случилось ли когда вамъ сдѣлать какой-нибудь малый грѣхъ, взирать на великихъ и весьма благоугодившихъ Богу мужей; послѣ всего этого размышлять о неизвѣстности будущаго, о преклонности (людей) къ паденію и грѣху, чего боялся и Павелъ, и потому говорилъ: боюся, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27); и: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (X, 12). Такъ и Давидъ о всемъ этомъ помышлялъ въ самомъ себѣ, и, разсуждая о благодѣяніяхъ Божіихъ, говорилъ: *что есть человѣкъ, яко помниши его? или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его* (Псал. VIII, 5. 6). А о добрыхъ дѣлахъ своихъ забывалъ такъ, что при безмѣрномъ любомудріи своемъ сказалъ: *кто есмь азъ, Господи мой, Господи? и что домъ отца моего, яко возлюбилъ мя еси даже до сихъ? и мала сія предъ тобою суть, Господи мой, и глаголалъ еси о домѣ раба твоего вдалеко: сей же законъ человѣка у тебе, Господи мой, Господи. И что приложитъ Давидъ еще глаголати къ тебѣ* (2 Цар. VII, 18—20)? Часто помышляя о добродѣтеляхъ предковъ, онъ почиталъ себя за ничто въ сравненіи съ ними. Такъ, сказавъ: *на тя уповаша отцы наши*, о себѣ прибавилъ: *азъ же есмь червь, а не человѣкъ* (Псал. XXI, 5. 7). И неизвѣстность будущаго имѣлъ онъ предъ глазами, такъ что говорилъ: *просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть* (Псал. XII, 4). А себя считалъ виновнымъ въ столь многихъ грѣхахъ, что говорилъ: *очисти грѣхъ мой: многъ бо есть* (Псал. XXIV, 11). Итакъ вамъ, великимъ людямъ, достаточно и этого; а у насъ и при этихъ врачевствахъ остается еще сильное и достаточное основаніе къ истребленію гордости и всякаго высокомѣрія. Какое же это? Множество грѣховъ, злая совѣсть: она, когда овладѣетъ нами, то не допускаетъ насъ и при желаніи нашемъ подниматься на высоту. Посему прошу и умоляю тѣмъ дерзновеніемъ, которое пріобрѣлъ ты предъ Богомъ своими добродѣтелями, подать руку (помощи) намъ, постоянно молящимся, чтобы мы могли и достойно оплакать бремя столь многихъ грѣховъ, и, оплакавъ, вступить на путь благопріятный и ведущій насъ къ небу, чтобы намъ не пострадать вмѣстѣ съ отверженными, сошедши во адъ, гдѣ никто не можетъ исповѣдаться (Псал. VI, 6), и откуда уже никто не освободитъ насъ. Пока мы пребываемъ здѣсь, то и мы можемъ получить отъ васъ великую

пользу, и вы можете весьма облагодѣтельствовать насъ; а когда отойдемъ туда, гдѣ ни другъ, ни братъ, ни отецъ не могутъ ни помочь, ни быть при насъ, во время наказанія, то уже будетъ необходимо въ стѣсненіи и глубокомъ мракѣ и при полномъ отсутствіи утѣшителей терпѣть безконечное наказаніе и быть несожигаемою пищею для всепожирающаго пламени.



КЪ СТАГИРІЮ ПОДВИЖНИКУ,

одержимому демономъ.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Стагирій, происходившій изъ знатнаго и богатаго дома и воспитанный въ правилахъ христіанской вѣры, по благочестивому настроенію своему отказавшись отъ богатства и мірскихъ занятій въ Антіохіи, посвятилъ себя подвижнической жизни отшельниковъ, въ которой вскорѣ, по попущенію Божію, подвергся дѣйствію демона (бѣса или злого духа), страдалъ припадками бѣснованія, причинявшими ему такія мученія и такое душевное уныніе, что онъ покушался даже лишить себя жизни. Св. Іоаннъ Златоустъ, узнавъ о бѣдственномъ состояніи Стагирія, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, желалъ доставить ему духовное утѣшеніе посредствомъ письменныхъ увѣщаній, не имѣя возможности лично посѣтить его по причинѣ собственной болѣзни, постигшей его послѣ подвиговъ въ пустынѣ въ концѣ 380 г. по Р. Х. Въ это время или въ началѣ 381 года и могли быть написаны предлагаемыя три слова Святителя.

НАМЪ слѣдовало бы теперь быть при тебѣ, любезнѣйшій мой Стагирій, и принимать участіе въ твоихъ страданіяхъ и хотя сколько-нибудь, по мѣрѣ нашихъ силъ, облегчать твое уныніе, утѣшая словомъ, помогая дѣломъ и употребляя всѣ другія средства; но такъ какъ тѣлесная слабость и приключившаяся го- 425
ловная боль, принудивъ оставаться дома, лишила насъ возможности послужить въ столь полезномъ дѣлѣ, то не замедлимъ исполнить по нашимъ силамъ то, что еще остается и для твоего утѣшенія и для нашей пользы. Можетъ быть, это поможетъ тебѣ мужественно переносить настоящее бѣдствіе; если же мы не будемъ имѣть успѣха въ этомъ, то, по крайней мѣрѣ, мысль о томъ, что мы съ своей стороны не опустили ничего должнаго, облегчитъ нашу душу. Кто исполнилъ все, чтó считаетъ полезнымъ для прекращенія постигшихъ ближняго страданій, тотъ, если и не успѣетъ въ этомъ, освобождается по крайней мѣрѣ отъ упрековъ совѣсти и, сложивъ съ себя тяжесть этихъ упрековъ, долженъ нести только тяжесть скорби. Если бы я былъ изъ числа тѣхъ, которые благоугодны Богу и могутъ сдѣлать великое, то не переставалъ бы молить и

просить Бога о драгоцѣнномъ для меня человѣкѣ; но такъ какъ множество грѣховъ лишаетъ меня этого дерзновенія и силы, то постараюсь предложить тебѣ словесное утѣшеніе. Такъ бываетъ и съ тѣми, кто страдаетъ тѣлесными болѣзнями: уничтоженіе страданій и прекращеніе болѣзни есть дѣло врачей, но утѣшеніе больныхъ не запрещается и прислуживающимъ имъ рабамъ; они-то особенно и говорятъ много въ пользу своихъ господъ, если благорасположены къ нимъ. Итакъ, если мы скажемъ что-нибудь такое, что можетъ прекратить чрезмѣрную скорбь твою, тогда исполнится то, чего мы желаемъ; если же ничего такого не найдемъ сказать, то конечно одобритъ наше усердіе Тотъ, кто чрезъ блаженнаго Павла повелѣлъ плакать съ плачущими и послѣдовать смиреннымъ (Римл. XII, 15. 16). Причина твоего унынія, повидимому, одна— неистовство лукаваго демона; но можно найти много скорбей, рождающихся потомъ отъ этого корня. Это говорю я теперь не отъ себя, но на основаніи тѣхъ жалобъ, которыя часто слыхалъ отъ тебя, когда ты былъ вмѣстѣ съ нами; и во-первыхъ (ты жаловался) на то, что въ прежнее время, когда ты велъ мірскую жизнь, ты не терпѣлъ ничего подобнаго, а когда распялся міру, тогда и почувствовалъ такую болѣзнь, которая способна смутить и повергнуть въ отчаяніе; во-вторыхъ — на то, что многіе и изъ живущихъ въ удовольствіяхъ, подвергшись одинаковой съ тобою болѣзни, послѣ кратковременныхъ страданій освободились отъ этой болѣзни и совершенно выздоровѣли, такъ что вступили въ бракъ, сдѣлались отцами многихъ дѣтей, наслаждались удовольствіями настоящей жизни, и вновь уже не подвергались подобной болѣзни; а ты проводишь столько времени въ постахъ, всенощныхъ бдѣніяхъ и прочихъ подвигахъ, и между тѣмъ не получаешь освобожденія отъ постигшихъ тебя страданій; въ-третьихъ—на то, что тотъ святой мужъ, который явилъ столь великую силу на другихъ людяхъ, не могъ этого сдѣлать на тебѣ, возлюбленный, и не только онъ, но и бывшіе съ нимъ, которые даже сильнѣе его, всѣ отошли отъ тебя одинаково безуспѣшными. Кромѣ того, по словамъ твоимъ, ты сильно скорбишь и потому еще, что сила унынія такъ овла-
426 дѣла твоею душою, что часто ты едва не бросался въ петлю, или въ рѣку, или въ пропасть. Есть и пятая жалоба, состоящая въ томъ, что ты видишь, какъ твои сверстники и вмѣстѣ съ тобою начавшіе вести подвижническую жизнь благодушествуютъ, а ты еще находишься въ жесточайшей бурѣ и живешь въ самой ужасной темницѣ. По словамъ твоимъ, не столько должно плакать закованнымъ въ желѣзо, сколько связаннымъ этими цѣпями. Затѣмъ, говорилъ ты мнѣ, и еще нѣчто сильно безпокоитъ тебя: ты боишься и трепещешь за отца, какъ бы онъ, узнавъ объ этомъ, не сдѣлалъ

большихъ непріятностей принявшимъ тебя въ началѣ святымъ; потому что, надѣясь на свою силу и богатство и предавшись скорби, онъ отважится противъ нихъ на все и не удержится ни отъ чего, что́ ему вздумается. До настоящаго времени мать могла скрывать отъ него случившееся и отвлекать его, когда онъ искалъ тебя; но съ теченіемъ времени притворство матери откроется, и онъ жестоко поступитъ и съ нею, и съ монахами. Но верхъ несчастія въ томъ, что ты не можешь надѣяться и на будущее и не знаешь точно, прекратится ли и окончится ли когда-нибудь эта болѣзнь, послѣ того, какъ ты столько разъ надѣялся на исцѣленіе и потомъ опять подвергался прежнимъ мученіямъ. Все это, конечно, въ состояніи обезпокоить душу и исполнить великаго смущенія, но душу слабую, неопытную и безпечную. Если же мы захотимъ быть нѣсколько внимательными и благочестиво разсудить, то разсѣемъ эти причины унынія, какъ мелкую пыль. Не подумай, будто я теперь такъ легко обѣщаю тебѣ это потому, что самъ я чуждъ этой скорби и бури. Если слова мои и покажутся инымъ невѣроятными, не смотря на это я буду говорить; а ты самъ конечно не будешь вмѣстѣ съ другими недовѣрять намъ. Когда нечистый демонъ въ первый разъ напалъ на твою душу и повергъ тебя въ то время, какъ ты молился вмѣстѣ со всѣми, то хотя я и не былъ при этомъ (за что̀ благодарю человѣколюбиваго Бога), однако узналъ все въ точности, какъ бы находясь тамъ. Мой и твой другъ, Θеофилъ ефесянинъ, пришедши, подробно разсказалъ мнѣ обо всемъ: о корчахъ въ рукахъ, объ искривленіи глазъ, о пѣнѣ на устахъ, о страшномъ и невнятномъ голосѣ, трясеніи тѣла, продолжительномъ обморокѣ и сновидѣніи, бывшемъ у тебя въ ту ночь; тебѣ представилось,—говорилъ онъ,—будто дикая свинья, испачканная грязью, постоянно бросалась на тебя и боролась съ тобою; и когда спавшій подлѣ тебя, встревоженный этимъ видѣніемъ, проснулся, то увидѣлъ, что тебя опять мучитъ демонъ.

2. Когда онъ разсказалъ объ этомъ, то навелъ на насъ такую мглу, въ какую демонъ повергъ тебя, возлюбленный! Но когда я, спустя долгое время, пришелъ въ себя, то все непріятное въ этомъ мірѣ перестало казаться мнѣ непріятнымъ и все пріятное—пріятнымъ; 427
издавна познавъ всю суету житейскаго, я почувствовалъ ее тогда еще болѣе, и любовь моя къ твоему благочестію сдѣлалась сильнѣе. Таково свойство несчастій: они обыкновенно усиливаютъ дружбу; это видно изъ того, что они легко могутъ прекращать и вражду. И нѣтъ человѣка столь жестокаго и безчувственнаго, который, видя врага своего въ несчастіи, могъ бы еще питать къ нему ненависть. Если же мы жалѣемъ враговъ и поступаемъ съ ними, какъ съ друзьями, когда видимъ ихъ претерпѣвающими какое-либо несча-

стіе, то подумай, что̀ долженъ былъ чувствовать я, видя въ тяжкихъ мукахъ унынія того, кто для меня любезнѣе всѣхъ и кѣмъ я дорожу, какъ своею головою. Не думай же, будто мы чужды твоей скорби, и поэтому не принимай моего утѣшенія съ подозрѣніемъ. Хотя я, по милости Божіей, и свободенъ отъ мученій и нападеній лукаваго демона; но не менѣе твоего чувствую уныніе и скорбь отъ этихъ мученій, въ чемъ повѣритъ мнѣ всякій, кто умѣетъ любить такъ, какъ должно любить. Стряхнемъ же съ себя эту пыль; такъ сносно и легко будетъ это уныніе по свойству своему, если только мы не захотимъ безпечно предоставить этому чувству увлекать насъ въ пропасть, но постараемся воспрянуть духомъ и размыслить, что̀ надобно дѣлать. Многія изъ кажущихся несчастій представляются великими и невыносимыми, пока не будутъ хорошо разсмотрѣны, а кто разсмотритъ ихъ разумно, тотъ найдетъ, что они гораздо легче, чѣмъ о нихъ думали: это, надѣюсь, случится и теперь. Итакъ ободрись, не слѣдуй пустому и неразумному мнѣнію толпы и не дѣлай врага болѣе сильнымъ противъ насъ. Если бы я говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ невѣрныхъ или думающихъ, будто все происходитъ случайно, или приписывающихъ промышленіе о мірѣ лукавымъ демонамъ, то мнѣ предстояло бы много труда, чтобы сначала опровергнуть ложное мнѣніе и внушить убѣжденіе въ истинномъ Промыслѣ о вселенной, а потомъ обратиться къ утѣшенію; но такъ какъ ты, по благодати Божіей, съ дѣтства знаешь священное Писаніе и, принявъ отъ предковъ истинные и спасительные догматы, несомнѣнно вѣруешь, что Богъ промышляетъ обо всемъ и особенно о вѣрующихъ въ Него, то, оставивъ эту часть рѣчи, начнемъ съ другого. Когда Богъ сотворилъ ангеловъ,—или лучше поведемъ рѣчь съ высшаго,—прежде, нежели получили бытіе ангелы и прочія силы небесныя, существовалъ Богъ, не имѣющій начала бытія Своего. Какъ Существо, никогда не имѣющее ни въ чемъ нужды (ибо таково Божество), Онъ сотворилъ ангеловъ, архангеловъ и прочія безтѣлесныя существа; сотворилъ единственно по благости Своей, а не почему-либо иному. Если бы Онъ не былъ высочайше благъ, то и не сотворилъ бы тѣхъ, въ чьемъ служеніи не нуждался. По сотвореніи ихъ, Онъ творитъ, опять по той же самой причинѣ, и человѣка и весь этотъ міръ. Одаривъ человѣка безчисленными благами, Онъ поставилъ это малое и немощное существо владыкою надъ такимъ множествомъ твореній, сдѣлавъ его на землѣ тѣмъ же, что̀ Самъ Онъ на небесахъ. Ибо слова:
428 *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26), означаютъ не что иное, какъ то, что и человѣку дана власть надъ земнымъ. Сотворивъ его и поставивъ въ такой чести, Богъ назначилъ ему, какъ царю, царское, прекраснѣйшее на всей землѣ мѣсто-

пребываніе,—рай. Кромѣ того, желая и другимъ способомъ показать ему, насколько онъ выше прочихъ животныхъ, Богъ приводитъ къ нему всѣхъ и повелѣваетъ дать всѣмъ имъ имена; но ни одного изъ нихъ не даетъ ему въ помощники, представляя и причину: *не обрѣтеся*, говоритъ, *помощникъ подобный ему* (Быт. II, 20). Показавъ этимъ человѣку, что онъ занимаетъ средину между двумя естествами (небеснымъ и земнымъ), что онъ выше всего земного и что изъ множества этихъ твореній ни одно не равно ему, Богъ творитъ потомъ и жену, и этимъ удостоиваетъ его новой чести и ясно показываетъ, что жена создана для него, какъ и Павелъ говоритъ: *ибо не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради* (1 Кор. XI, 9). И не этимъ только Богъ отличилъ человѣка, но и тѣмъ, что ему одному изъ всѣхъ твореній сообщилъ даръ слова, удостоилъ познанія о Себѣ, позволилъ наслаждаться собесѣдованіемъ съ Собою, сколько это было для него возможно, обѣщалъ дать ему безсмертіе, исполнилъ его великою мудростію и даровалъ ему духовную благодать, такъ что онъ изрекалъ нѣкоторыя пророчества. Всѣмъ этимъ Богъ одарилъ человѣка тогда, когда съ его стороны еще не сдѣлано было никакого добраго дѣла. Какъ же поступилъ человѣкъ послѣ столь многихъ и великихъ благодѣяній? Онъ болѣе повѣрилъ врагу, нежели даровавшему все это, и, презрѣвъ заповѣдь Творца, предпочелъ обольщеніе того, кто старался совершенно погубить его и лишить всѣхъ благъ;—предпочелъ не смотря на то, что діаволъ не оказалъ ему никакого, ни великаго ни малаго, благодѣянія, а только сказалъ ему нѣсколько словъ. Но погубилъ ли Богъ человѣка за то, что онъ оказалъ такую неблагодарность въ самомъ началѣ и, такъ сказать, на первомъ шагу своемъ? По справедливости слѣдовало бы погубить и исторгнуть изъ среды живыхъ того, кто, получивъ безчисленныя блага, въ самомъ началѣ жизни заплатилъ за эти блага ослушаніемъ и неблагодарностію. Но Богъ продолжалъ благодѣтельствовать ему не меньше, чѣмъ прежде, показывая, что хотя бы мы тысячу разъ согрѣшили и отступили отъ Него, Онъ никогда не перестанетъ устроять наше спасеніе, и что, если мы обратимся, то спасемся; если же будемъ упорствовать во злѣ, то по крайней мѣрѣ ясно будетъ, что Богъ дѣлаетъ все, отъ Него зависящее. Такъ и изгнаніе изъ рая, и удаленіе отъ древа жизни, и осужденіе на смерть кажется дѣломъ наказующаго и отмщающаго, но на самомъ дѣлѣ есть не меньше прежняго дѣло Промышляющаго (о человѣкѣ). Хотя эти слова и представляются странными, однако они истинны: событія конечно были противоположны одни другимъ, но цѣли тѣхъ и другихъ одинаковы и согласны; то есть, изгнаніе изъ рая, поселеніе въ виду его, запрещеніе (вку-

шать) отъ древа жизни, удаленіе отъ него, осужденіе на смерть, временное отдаленіе этого осужденія, все это такъ же, какъ и
429 прежнія благодѣянія, сдѣлано для спасенія и чести человѣка. О прежнемъ я не буду говорить ничего (потому что это очевидно для всякаго), но о послѣднемъ надобно сказать.

3. Какъ же мы узнаемъ, что и послѣднее сдѣлано для пользы человѣка? (Узнаемъ), если размыслимъ, чему подвергся бы онъ, если бы этого не было. Чему же онъ подвергся бы? Если бы человѣкъ, послѣ обѣщанія діавола—сдѣлать его по преступленіи заповѣди равнымъ Богу, остался въ той же чести, то впалъ бы въ три крайнія бѣдствія. Во-первыхъ, сталъ бы считать Бога недоброжелательнымъ, обольстителемъ и лжецомъ; во-вторыхъ, дѣйствительнаго обольстителя, отца лжи и злобы,—благодѣтелемъ и другомъ; и кромѣ того продолжалъ бы впредь грѣшить безконечно. Но Богъ избавилъ его отъ всего этого, изгнавъ тогда изъ рая. Такъ и врачъ, если не трогаетъ раны, то даетъ ей болѣе загноиться; если же вырѣзываетъ, то останавливаетъ дальнѣйшее распространеніе гнилости язвы. Что же изъ этого?—скажетъ кто-нибудь. Богъ не остановился на этомъ, но еще наложилъ на человѣка подвиги и труды; потому что ничто такъ не малоспособно пользоваться покоемъ, какъ человѣческая природа. Если уже и теперь, когда лежатъ на насъ такіе труды, мы грѣшимъ непрестанно, то на что̀ не дерзнули бы, если бы Богъ оставилъ насъ при удовольствіяхъ еще и въ бездѣйствіи? *Всяцѣй бо злобѣ*, говоритъ Писаніе, *научила праздность* (Сирах. xxxiii, 28). Это изреченіе подтверждаютъ какъ ежедневныя событія, такъ и случившееся съ нашими предками. *И сѣдоша людіе*, говоритъ Писаніе; *ясти и пити, и восташа играти* (Исх. xxxii, 6). И еще: *уты, утолстѣ, разширѣ, и отвержеся возлюбленный* (Втор. xxxii, 15). Согласно съ этимъ говоритъ и блаженный Давидъ: *егда убиваше я, тогда взыскаху его, и обращахуся, и утреневаху* (Псал. lxxvii, 34). И къ Іерусалиму Богъ говоритъ чрезъ Іеремію: *всегда накажешися, Іерусалиме, да не отступитъ душа Моя отъ тебе* (Іер. vi, 7. 8). А что не только злымъ, но и добрымъ людямъ спасительно подвергаться уничиженію и страданію, объ этомъ пророкъ еще говоритъ такъ: *благо мнѣ, Господи, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ* (Псал. cxviii, 71). Послѣ него и Іеремія говоритъ то же самое, хотя не тѣми же словами: *благо есть мужу, егда возметъ яремъ тяжкій отъ юности своея, сядетъ на единѣ и умолкнетъ* (Плач. Іер. iii, 27. 28); и о себѣ самомъ молитъ Бога такъ: *не буди щадяй мя во отчужденіе въ день лютъ* (Іер. xvii, 17). И блаженный Павелъ, который столько просіялъ благодатію и превзошелъ человѣческую природу, имѣлъ однакоже

нужду въ этомъ благотворномъ средствѣ; посему и говорилъ: *дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся. О семъ трикраты Господа молихъ, и рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 7—9). Хотя евангельская проповѣдь могла быть совершена и безъ гоненій, безъ скорбей, безъ трудовъ и подвиговъ, однако Христосъ не восхотѣлъ этого, промышляя о проповѣдникахъ. Поэтому и сказалъ имъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33). И желающимъ войти въ царство небесное Онъ повелѣлъ идти тѣснымъ путемъ, такъ какъ иначе невозможно достигнуть его (Матѳ. VII, 13). Итакъ, скорби, искушенія и всѣ случающіяся съ нами непріятности не менѣе радостей доказываютъ Божіе о насъ попеченіе. И что я говорю о здѣшнихъ скорбяхъ? 430
Самая угроза геенною, не менѣе обѣтованія царства небеснаго, показываетъ Божіе человѣколюбіе. Если бы Онъ не угрожалъ геенною, то не скоро можно бы достигнуть небесныхъ благъ. Одно обѣтованіе благъ не достаточно для побужденія къ добродѣтели, если не имѣющихъ усердія къ ней не поощряетъ и страхъ наказанія. Поэтому Богъ и первозданнаго человѣка въ началѣ изгналъ изъ рая, такъ какъ дарованная ему честь сдѣлала бы его хуже, если бы осталась твердою и непоколебимою послѣ нарушенія заповѣди. И что я говорю объ Адамѣ? Чего не сдѣлалъ бы Каинъ, живя въ раю и наслаждаясь его утѣхами, если онъ, и лишившись этого и имѣя предъ глазами своими наказаніе, постигшее отца, не вразумился, но впалъ въ бо́льшее нечестіе: первый и изобрѣлъ и совершилъ убійство и убійство самое преступное? Онъ не мало по малу и не въ теченіе долгаго времени дошелъ до этого новаго злодѣянія, но внезапно и вдругъ достигъ самой вершины нечестія,— подстерегъ и убилъ того, кто произошелъ изъ одной съ нимъ утробы и не оскорбилъ его ничѣмъ; или можетъ быть Каинъ счелъ за оскорбленіе себѣ, что Авель угодилъ Богу? Впрочемъ, по моему мнѣнію, и здѣсь ты можешь усмотрѣть человѣколюбіе Божіе: когда Каинъ оскорбилъ самого Бога, Онъ вразумляетъ его словами и утѣшаетъ въ скорби; но когда онъ совершилъ преступленіе противъ брата, тогда уже Богъ являетъ гнѣвъ Свой и налагаетъ наказаніе. Между тѣмъ и первое заслуживало такого же, если не болѣе жестокаго наказанія. Если у людей считается проступкомъ и обидою, когда кто-нибудь изъ рабовъ лучшее сбережетъ для себя, а худшее подастъ господину: не тѣмъ ли болѣе это примѣнимо въ отношеніи къ Богу? Но Каинъ совершилъ не только этотъ грѣхъ, но и другой не меньшій,—позавидовалъ чести брата. Если бы онъ раскаялся въ грѣхѣ своемъ, то угодилъ бы Богу этою прекрасною перемѣною; но не отъ раскаянія, а отъ зависти и ненависти про-

исходило его смущеніе, какъ показалъ это конецъ дѣла. Каинъ почти разгнѣвался на Бога за то, что Богъ, оскорбленный имъ, не почтилъ его и не предпочелъ злого доброму; однако Богъ, не смотря на то, что грѣхи Каина требовали тяжкаго наказанія, поступаетъ съ грѣшникомъ гораздо милостивѣе, чѣмъ онъ заслуживалъ, и пытается успокоить раздраженную душу его. Ибо скорбь Каина происходила отъ раздраженія; потому Богъ и говоритъ ему: *умолкни* (Быт. IV, 7). Такъ говорилъ Богъ, хотя и зналъ, до чего дойдетъ злоба Каина; но Онъ хотѣлъ отнять у неблагодарныхъ всякій предлогъ (къ ропоту). Если бы Каинъ наказанъ былъ въ самомъ началѣ, то многіе стали бы говорить такъ: „развѣ нельзя было напередъ внушить словами, вразумить и устрашить, а потомъ и наказать, если бы Каинъ остался при прежнемъ расположеніи? Наказаніе его весьма жестоко и строго“. Поэтому Богъ долго терпитъ наносимыя Ему оскорбленія, чтобы заградить уста такимъ людямъ, и вмѣстѣ показать, что Онъ и отца Каинова наказалъ по Своей благости, и кромѣ того послѣдующихъ людей привести къ покаянію такимъ Своимъ милосердіемъ. Когда же Каинъ по упор-
431 ству своему и нераскаянности сердца *собралъ себѣ гнѣвъ* (Римл. II, 5), тогда Онъ и наказываетъ; если бы Каинъ и послѣ убійства остался ненаказаннымъ, то рѣшился бы и на другое, еще бо́льшее зло. Нельзя сказать и того, что онъ согрѣшилъ по невѣдѣнію: могъ ли онъ не знать того, что зналъ младшій братъ? Впрочемъ, если угодно, положимъ, что первое (преступленіе) произошло отъ невѣдѣнія; но послѣ того, какъ онъ услышалъ: *умолкни*; послѣ того, какъ получилъ прощеніе, неужели по невѣдѣнію онъ рѣшился на убійство, осквернилъ землю и нарушилъ законы природы? Видишь ли, что и первое происходило не отъ невѣдѣнія, а отъ злобы, лукавства и крайняго нечестія? Какое же наказаніе за все это? *Стеня и трясыйся будеши на земли*, говоритъ Богъ (Быт. IV, 12). Наказаніе, повидимому, тяжкое; но оно не будетъ такимъ, если мы размыслимъ о грѣхѣ и внимательно разсмотримъ самое наказаніе. Каинъ послѣ того, какъ неправо принесъ жертву (Быт. IV, 7), обидѣлся на то, что онъ оскорбившій не почтенъ оскорбленнымъ Богомъ, отвергъ Его внушеніе, первый дерзнулъ совершить убійство, или лучше сказать, грѣхъ еще болѣе преступный, чѣмъ убійство, опечалилъ родителей, солгалъ предъ Богомъ. *Еда*, сказалъ онъ, *стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. IV, 9); и за все это наказывается только страхомъ и трепетомъ! Впрочемъ можно сказать, что благость Божія видна здѣсь не изъ того только, что наказаніе легче грѣха, но и изъ того, что въ наказаніи заключается немалая польза. А польза та, что всѣ послѣдующіе люди вразумляются наказаніемъ Каина и становятся лучшими. Поэтому Богъ

не тотчасъ предалъ Каина смерти; потому что не все равно—слышать ли, что какой-то Каинъ, убившій брата, подвергся смерти, или видѣть этого убійцу несущимъ наказаніе. Въ первомъ случаѣ могли бы и не повѣрить разсказу по чрезмѣрности преступленія; а теперь, когда Каинъ былъ видимъ и многіе въ теченіе долгаго времени были свидѣтелями его наказанія, событіе стало очевиднымъ и достовѣрнымъ и для современниковъ и для потомковъ. Но, скажутъ, какая же польза отъ этого ему самому? Весьма большая: Богъ заботился и о его спасеніи, когда словеснымъ вразумленіемъ умѣрялъ его ярость, насколько отъ Него зависѣло. Но если разсмотрѣть и самое наказаніе, то и отъ него окажется великая польза. Если бы Богъ тотчасъ умертвилъ Каина, то не далъ бы ему времени для раскаянія и исправленія. Теперь же онъ, продолжая жизнь въ страхѣ и трепетѣ, могъ бы получить отъ такой жизни большую пользу для себя, если бы не былъ крайне безчувственнымъ и больше звѣремъ, нежели человѣкомъ. Кромѣ того, настоящее наказаніе уменьшало для него тяжесть будущаго мученія; потому что наказаніями или бѣдствіями, которыя посылаетъ на насъ Богъ въ настоящей жизни, устраняется немалая часть тамошнихъ мученій. Свидѣтельства на это можно привести изъ божественныхъ Писаній. Христосъ, бесѣдуя съ учениками и повѣствуя о Лазарѣ, говоритъ, что Авраамъ, когда богачъ просилъ его оросить немного концомъ перста горящій языкъ, сказалъ ему: *чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши* (Лук. xvi, 25). А Павелъ (когда говорю о Павлѣ, то также разумѣю заповѣди Христа; потому что Имъ была движима эта блаженная душа), когда пишетъ къ Коринѳянамъ о блудникѣ, 432
повелѣваетъ предать его сатанѣ *во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. v, 5). И еще, бесѣдуя съ ними же о тѣхъ, которые недостойно пріобщаются таинъ, говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ доволни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. xi, 30—32). Видишь ли неизреченное человѣколюбіе и безпредѣльное богатство благости? Видишь ли, какъ Богъ дѣлаетъ и предпринимаетъ все, чтобы мы, и согрѣшивши, потерпѣли наказаніе легче заслуженнаго, или даже совершенно отъ него избавились?

4. Если же кто скажетъ: почему Богъ не уничтожилъ древняго искусителя, то (отвѣтимъ, что) и это Онъ сдѣлалъ, заботясь о насъ. Если бы лукавый овладѣвалъ нами насильно, то этотъ вопросъ имѣлъ бы нѣкоторую основательность; но такъ какъ онъ не имѣетъ

такой силы, а только старается склонить насъ (между тѣмъ, какъ мы можемъ и не склоняться), то для чего же устранять поводъ къ заслугамъ и отвергать средство къ достиженію вѣнцовъ? Притомъ, если бы Богъ зная, что діаволъ неодолимъ и можетъ всѣхъ покорить себѣ, оставилъ его въ мірѣ, и тогда не слѣдовало бы предлагать подобнаго вопроса: и тогда мы сами были бы виновны, если бы онъ одолѣвалъ и побѣждалъ тѣхъ, которые не противятся ему, но подчиняются добровольно. Однако сказаннаго было бы недостаточно для тѣхъ, кто не хочетъ вразумиться. А если много есть такихъ, которые уже преодолѣли силу діавола, и много еще будетъ такихъ, которые преодолѣютъ, — для чего же имѣющихъ прославиться и одержать блистательную побѣду лишать этой чести? Богъ для того оставилъ діавола, чтобы и тѣ, которые уже побѣждены были имъ, низложили его самого; а это для діавола тяжелѣе всякаго наказанія и можетъ довести его до конечнаго осужденія. Но, скажетъ кто нибудь, не всѣ могутъ преодолѣть его. Что же изъ этого? Гораздо справедливѣе, чтобы доблестные имѣли поводъ къ обнаруженію своей доброй воли, а недоблестные наказывались за собственное нерадѣніе, нежели, чтобы первые терпѣли вредъ за вторыхъ. Теперь порочный, если и терпитъ вредъ, то потому, что его побѣждаетъ не врагъ, а его собственное нерадѣніе, какъ это доказывается тѣмъ, что многіе побѣждаютъ діавола. Тогда же добродѣтельные потерпѣли бы вредъ за порочныхъ, потому что изъ-за нихъ не имѣли бы повода показать свое мужество; и было бы то же, какъ если бы распорядитель при ратоборствѣ, имѣя двухъ борцовъ, изъ которыхъ одинъ готовъ сойтись съ противникомъ, выказать много мужества и получить въ награду вѣнецъ, а другой предпочитаетъ утомительной борьбѣ бездѣйствіе и веселье, удалилъ про-
433 тивника, и ихъ обоихъ отпустилъ безъ дѣла. Здѣсь храбрый потерпѣлъ бы вредъ изъ-за негоднаго; а послѣдній худъ не изъ-за храбраго, а по собственной негодности. Кромѣ того, хотя настоящій вопросъ касается повидимому діавола, но такое умствованіе, простираясь далѣе по связи мыслей, во многихъ отношеніяхъ поведетъ къ обвиненію и порицанію Промысла Божія, и подвергнетъ нареканію все мірозданіе. Такъ оно осудитъ созданіе устъ и глазъ; потому что чрезъ глаза многіе получаютъ пожеланіе того, чего не должно желать и впадаютъ въ прелюбодѣяніе, а устами иные произносятъ богохульства и преподаютъ пагубное ученіе. Неужели же поэтому людямъ надлежало быть безъ языка и безъ глазъ? Такъ отсѣчемъ и ноги, отрубимъ и руки; потому что руки иногда обагряются кровію, а ноги бѣгутъ на грѣхъ. И уши не могли бы избѣжать такого же строгаго осужденія, потому что и они воспринимаютъ тщетную молву и передаютъ душѣ пагубное ученіе; отсѣчемъ же

и ихъ. А если такъ, то и пища, и питье, и небо, и земля, и море, и солнце, и свѣтъ, и луна, и хоръ звѣздъ, и всѣ роды безсловесныхъ животныхъ, —всѣ они на что будутъ полезны, когда тотъ, для кого они созданы, обезображенъ столь жалкимъ образомъ? Видишь ли, до какихъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ мыслей неизбѣжно доводитъ такое умствованіе? Діаволъ золъ для себя, а не для насъ; мы же, если захотимъ, можемъ пріобрѣсть чрезъ него много и добра, конечно, противъ его воли и желанія; въ этомъ и открывается особенное чудо и превосходство человѣколюбія Божія. То, что люди дѣлаются лучшими, само по себѣ уже терзаетъ и мучитъ діавола; а когда мы будетъ достигать этого чрезъ него же, то онъ не въ состояніи будетъ и перенести такого посрамленія. Но какъ это достигается чрезъ него? Когда мы, страшась его жестокости, постоянныхъ навѣтовъ и непрерывныхъ козней, будемъ отгонять отъ себя тяжкій сонъ, бодрствовать и всегда помнить о Господѣ. Это не мои слова, а блаженнаго Павла; послушай, какъ онъ почти тѣми же словами пробуждаетъ спящихъ изъ числа вѣрныхъ. Въ посланіи къ Ефесянамъ онъ говоритъ такъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 12). Такъ говорилъ онъ не съ тѣмъ, чтобы лишить ихъ мужества, но чтобы ободрить. И Петръ говоритъ: *трезвитеся, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити, ему же противитеся тверди вѣрою* (1 Петр. V, 8. 9). Это сказалъ онъ, желая сдѣлать насъ болѣе мужественными и внушить, чтобы мы болѣе прилѣплялись къ Богу. Кто видитъ наступающаго врага, тотъ скорѣе прибѣгаетъ и прилѣпляется къ могущему помочь. Такъ и малыя дѣти, когда увидятъ что-нибудь страшное, бѣгутъ въ объятія матери, хватаются за одежду ея, крѣпко держатся за нее, и не отстаютъ, не смотря на старанія многихъ оттащить ихъ прочь; а когда нѣтъ ничего страшнаго, они не слушаютъ ни ея зова, ни побужденія, отвергаютъ ея приглашенія, отворачиваются, когда она всячески старается приманить ихъ къ
себѣ, и даже не смотрятъ на предложенную пищу. Поэтому многія 434
матери, когда не подѣйствуютъ убѣжденіями, посредствомъ пугалъ и страшилищъ ухищряются возвратить къ себѣ дѣтей и убѣждаютъ ихъ опять прибѣжать къ нимъ. Такъ бываетъ не только съ дѣтьми, но и съ нами. Когда лукавый устрашаетъ и смущаетъ насъ, тогда мы вразумляемся, тогда познаемъ самихъ себя, тогда съ великимъ усердіемъ прибѣгаемъ къ Богу. Но если бы діаволъ былъ уничтоженъ въ самомъ началѣ и не существовалъ, то, можетъ быть, многіе не повѣрили бы тому, что было, т. е. что онъ обольстилъ человѣка и лишилъ его многихъ благъ; а сказали бы, что это сдѣлалъ Богъ по

недоброжелательству и зависти. Если и теперь, послѣ столь ясныхъ доказательствъ его обольщеній, нѣкоторые дерзаютъ говорить это, то чего не сказали бы, чего не наговорили бы, если бы вовсе не испытали злобы его? Впрочемъ, если обратить строгое вниманіе на дѣла, то (можно замѣтить, что) на худое не всегда толкаетъ насъ діаволъ; хотя онъ дѣлаетъ намъ много зла, но много и мы сами вредимъ себѣ, единственно по своей безпечности и нерадѣнію. Обратимся опять къ тому, съ чего начали. Когда діаволъ приступалъ къ Каину и внушалъ ему совершить убійство? Съ матерью его онъ открыто разговаривалъ и соблазнялъ ее, а съ нимъ не дѣлалъ этого; если скажутъ, что онъ вложилъ въ него злые помыслы, то и это зависѣло отъ самого Каина, который принялъ внушеніе, послушался и подалъ діаволу поводъ къ наступленію. Однако Богъ и тогда не оставилъ Каина, но продолжалъ научать и вразумлять его тѣмъ самымъ, чѣмъ, повидимому, наказывалъ его. Но что я говорю о наказаніи Каина, одного человѣка, когда и потопъ, въ которомъ погибло столько людей, можетъ открыть намъ Божіе промышленіе? И во-первыхъ, Богъ не вдругъ и не внезапно навелъ это бѣдствіе, а предсказалъ о немъ, и не за короткое время, но еще за сто двадцать лѣтъ. Потомъ, чтобы люди, по причинѣ отдаленности предсказаннаго, не забыли и не впали въ безпечность, Онъ повелѣлъ строить предъ глазами ихъ ковчегъ, который яснѣе всякихъ словъ говорилъ объ угрозѣ Божіей. Каинъ уже изгладился изъ памяти людей, а этотъ ковчегъ, находившійся предъ ихъ глазами, постоянно напоминалъ объ угрожавшемъ бѣдствіи. Но люди и послѣ этого не вразумились, а продолжали вызывать и навлекать на себя бѣдствіе. Богъ никогда бы не захотѣлъ угрожать потопомъ и наводить его, равно какъ угрожать и геенною; но всему причиною—мы сами. Зная это, премудрый говорилъ: *Богъ смерти не сотвори, ни веселится о погибели живыхъ* (Прем. Сол. I, 13). И Самъ Богъ чрезъ пророка говоритъ такъ: *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. XVIII, 23, ср. XXXIII, 11). Если же мы не обращаемся, то сами навлекаемъ на себя погибель и смерть, а не Богъ, который не хочетъ, чтобы мы погибли, и показываетъ путь, какъ избѣжать діавола. Но это ли
435 только можемъ мы сказать о потопѣ, и не найдемъ ли какой-либо пользы, отъ него происшедшей? Невозможно и сказать, сколько пользы произошло отъ него какъ для самихъ погибшихъ, такъ и для послѣдующихъ людей. Первые были удержаны отъ дальнѣйшихъ преступленій; а послѣдніе получили еще бо́льшую пользу, такъ какъ вмѣстѣ съ самими грѣшниками уничтожена была, такъ сказать, закваска и причина зла. Если люди и безъ примѣровъ легко могутъ изобрѣтать зло, то чего бы они не сдѣлали, если бы

многіе поощряли ихъ къ порочнымъ дѣламъ? Чтобы этого не случилось, чтобы послѣдующіе люди не имѣли столь многихъ учителей зла, Богъ одновременно погубилъ всѣхъ ихъ.

5. Но какъ мудро, или лучше, какъ безумно сужденіе тѣхъ, которые, не желая дѣлать ничего добраго, придумываютъ и говорятъ все, чтобы вину собственныхъ грѣховъ сложить на Бога! Если бы, говорятъ они, Богъ не попустилъ, то діаволъ и не приступилъ бы, и не прельстилъ вначалѣ. Но тогда Адамъ и не узналъ бы, какое имѣлъ онъ благо, и никогда не смирилъ бы своей гордости. Кто такъ высоко думалъ о себѣ, что надѣялся быть богомъ, на что̀ не дерзнулъ бы, если бы не былъ вразумленъ? Предположимъ, что діаволъ не внушилъ бы ничего Евѣ и ни слова не сказалъ бы ей о древѣ: неужели въ такомъ случаѣ прародители не пали бы никогда? Нельзя этого сказать. Кто такъ легко послушался жены, тотъ и безъ діавола, самъ по себѣ, скоро впалъ бы въ грѣхъ, за что̀ подвергся бы еще бо̀льшему наказанію. Притомъ и въ настоящемъ событіи не одно обольщеніе діавола было причиною всего зла, но жена увлеклась и собственною похотію, и пала. На это указало и Писаніе, сказавъ: *и видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти, и красно есть еже разумѣти: и вземши отъ плода его, яде* (Быт. III, 6). Говорю это теперь не съ тѣмъ, чтобы освободить діавола отъ обвиненій въ коварствѣ, но чтобы показать, что если бы первые люди не пали добровольно, то никто не заставилъ бы ихъ пасть. Кто такъ легко принялъ обольщеніе отъ другого, тотъ и прежде обольщенія былъ безпеченъ и невнимателенъ; и діаволъ не имѣлъ бы такого успѣха, если бы вступилъ въ разговоръ съ душею бодрствующею и внимательною. Но есть люди, которые, когда ихъ опровергнутъ съ этой стороны, оставивъ діавола, обращаются къ заповѣди, и, не касаясь согрѣшившаго человѣка, обвиняютъ Бога и говорятъ: для чего Онъ далъ людямъ заповѣдь, когда зналъ, что они согрѣшатъ? И это—слова діавола и измышленія ума нечестиваго. Богъ, давъ заповѣдь, показалъ бо̀льшее попеченіе (о людяхъ), нежели когда бы Онъ не далъ ея; это видно изъ слѣдующаго. Положимъ, что Адамъ, котораго воля была такъ безпечна, какъ показали послѣдствія, не получилъ бы никакой заповѣди, и продолжалъ наслаждаться блаженствомъ: къ худшему или къ лучшему повела бы его безпечность и изнѣженность отъ этихъ наслажденій? Для всякаго очевидно, что онъ, ничѣмъ неозабоченный, дошелъ бы до крайней степени зла. Если онъ, еще неувѣренный въ безсмертіи, только съ сомнительною надеждою на него, дошелъ до такой гордости и безумія, что надѣялся сдѣлаться богомъ, хотя и видѣлъ, что обѣщавшій ему это ни въ какомъ отношеніи не заслуживаетъ довѣрія, то до какого безумія

436 не дошелъ бы онъ, если бы несомнѣнно обладалъ безсмертіемъ? Какого бы не сдѣлалъ грѣха? Сталъ ли бы когда-нибудь повиноваться Богу? Обвиняя Бога, ты поступаешь такъ, какъ тѣ, которые стали бы винить запрещающаго блудодѣяніе за то, что слышавшіе это запрещеніе станутъ блудодѣйствовать. Не крайне ли безумны такія слова? Если бы къ человѣку, не получившему заповѣди, діаволъ приступилъ съ совѣтомъ отступить отъ Бога, то легко склонилъ бы его къ этому; потому что кто по полученіи заповѣди презрѣлъ Давшаго ее, тотъ, если бы вовсе ничего не слыхалъ отъ Него, скоро позабылъ бы даже то, что онъ находится подъ властію Господа. Поэтому Богъ Своею заповѣдію заранѣе научилъ его, что онъ имѣетъ Господина, которому во всемъ долженъ повиноваться. Но, скажутъ, какая польза произошла отъ этого? Если бы даже никакой пользы не было, и это слѣдовало бы ставить въ вину не Богу, преподавшему наставленіе, а человѣку, который не внялъ этому прекрасному внушенію. Между тѣмъ дарованіе заповѣди не осталось безполезнымъ и послѣ ея нарушенія: и то, что первые люди скрылись, и исповѣдали грѣхъ, и старались сложить вину преступленія мужъ на жену, а жена на змія,—все это показываетъ, что они убоялись, вострепетали и признали надъ собою власть Божію. А какъ полезно было отъ сатанинской надежды быть богами перейти къ такому страху, это понятно для всякаго. Тотъ, кто мечталъ о равенствѣ съ Богомъ, такъ смирилъ и уничижилъ себя, что боится наказанія и мученія и признается въ грѣхѣ своемъ! Не грѣшить безсознательно, а скоро замѣчать и сознавать грѣхъ свой есть не маловажное дѣло, но начало и путь, ведущій къ исправленію и перемѣнѣ къ лучшему. Итакъ всю благость Господа къ намъ ни познать ни изъяснить невозможно; я же скажу главное изъ того, что мы знаемъ. Послѣ такого преслушанія, послѣ столь многихъ грѣховъ, когда сила грѣха овладѣла всею вселенною, когда роду человѣческому надлежало потерпѣть самое жестокое наказаніе, совершенно погибнуть и самому имени его изгладиться, тогда Богъ и оказалъ намъ величайшее благодѣяніе; Онъ предалъ на смерть Единороднаго Своего за враговъ, отступившихъ, отвратившихся и ненавидѣвшихъ Его, и чрезъ Него примирилъ насъ съ Собою, и обѣщалъ даровать намъ царство небесное, жизнь вѣчную и безчисленныя блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 9). Что можетъ сравниться съ этою попечительностію, человѣколюбіемъ, благостію? Посему и самъ Онъ говоритъ: *якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ, и помышленія ваши отъ мысли Моея* (Иса. LV, 9). И кротчайшій Давидъ, разсуждая о человѣколюбіи Его, говоритъ: *по высотѣ небеснѣй отъ земли, утвер-*

дилъ есть Господь милость свою на боящихся Его: елико отстоятъ востоцы отъ западъ, удалилъ есть отъ насъ беззаконія наша. Якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его (Псал. сп, 11—13), и даже еще болѣе, чѣмъ отецъ, но мы не знаемъ другого лучшаго примѣра высочайшей любви. Выше этого примѣръ 437
представилъ Исаія, указавъ на мать, которая гораздо больше отца бываетъ привязана къ дѣтямъ. Онъ говоритъ такъ: *еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати изчадія чрева своего? аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Иса. XLIX, 15), показывая этимъ, что милосердіе Божіе выше естественной привязанности. Такъ говорили пророки, а Христосъ, бесѣдуя съ іудеями, сказалъ: *аще убо вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ: колми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящымъ у Него* (Матѳ. VII, 11), выражая этими словами не что иное, какъ то, что насколько отличается добро отъ зла, настолько Божія попечительность отличается отъ родительской. Но не останавливайся на этомъ, а проникай умомъ еще далѣе. Это сказано примѣнительно къ твоему пониманію; между тѣмъ, у Кого премудрость и благость безпредѣльны, у Того и человѣколюбіе таково же. Если же мы не замѣчаемъ Его человѣколюбія въ каждомъ событіи, то и это знакъ его безпредѣльности. Богъ ежедневно устрояетъ для нашего спасенія многое и великое, что̀ извѣстно Ему одному. Такъ какъ Онъ благодѣтельствуетъ роду нашему по благости Своей, не нуждаясь ни въ прославленіи отъ насъ, ни въ какомъ нибудь другомъ возмездіи, то очень многое оставляетъ сокрытымъ отъ насъ; а если иногда и открываетъ, то и это дѣлаетъ для насъ, чтобы мы, проникнувшись чувствомъ благодарности, сподобились еще бо̀льшей помощи Его. Будемъ же благодарить Его не только за то, что̀ знаемъ, но и за то, чего не знаемъ; потому что Онъ благодѣтельствуетъ намъ, не только когда мы желаемъ того, но и когда не желаемъ. Зная это, и Павелъ внушалъ благодарить всегда и за все (Ефес. V, 20). А что Богъ печется не только о всѣхъ вообще, но и о каждомъ въ отдѣльности, это можно слышать отъ Него Самого, когда Онъ говоритъ такъ: *нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Матѳ. XVIII, 14), разумѣя вѣрующихъ въ Него. Онъ желаетъ, чтобы и невѣрующіе въ Него всѣ спаслись, исправившись и увѣровавши въ Него, какъ и Павелъ говоритъ: *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. II, 4); и Самъ Онъ говорилъ іудеямъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. IX, 13); и еще: *милости хощу, а не жертвы* (Матѳ. IX, 13, Ос. VI, 6). Даже, когда люди и при такой попечительности объ нихъ не захотятъ исправиться и познать истину, и

тогда Онъ не оставляетъ ихъ; но такъ какъ они добровольно сами лишаютъ себя небесной жизни, то Онъ доставляетъ имъ, по крайней мѣрѣ, все необходимое для настоящей жизни, повелѣваетъ солнцу сіять на злыхъ и добрыхъ, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ, и подаетъ все прочее для продолженія настоящей жизни (Матѳ. v, 45). Если же Онъ такъ промышляетъ о врагахъ Своихъ, то оставитъ ли когда безъ попеченія вѣрующихъ въ Него и угождающихъ Ему по силамъ своимъ? Нѣтъ, нѣтъ; объ нихъ Онъ болѣе всѣхъ печется: *и власи главы вашея*, говоритъ Онъ, *вси изочтени суть* (Лук. xII, 7).

438 6. Итакъ, когда подумаешь, что ты для Христа оставилъ отца, домъ, друзей, родныхъ, несчетное богатство и великую славу, и терпишь теперь такую скорбь, то не упадай духомъ; отъ чего раждается недоумѣніе, тѣмъ самымъ и разрѣшится наше недоумѣніе. Какъ? Богъ не можетъ солгать; а Онъ тѣмъ, кто оставитъ все это, обѣщалъ вѣчную жизнь. Ты презрѣлъ и оставилъ все: что же тебѣ препятствуетъ надѣяться на это обѣщаніе? Постигшее тебя теперь искушеніе? Но что̀ оно по отношенію къ обѣщанію? Богъ обѣщалъ намъ вѣчную жизнь не здѣсь; а если бы даже и здѣсь надлежало исполниться этому обѣщанію, и тогда не слѣдовало бы скорбѣть; потому что человѣку благочестивому и вѣрующему надобно такъ крѣпко полагаться на обѣтованія Божіи, чтобы, видя и противуположныя имъ событія, не смущаться и не отчаяваться въ ихъ исполненіи. Смотри, какое обѣтованіе получилъ вѣрный Авраамъ, и что̀ повелѣвалось ему дѣлать? Обѣтованіе состояло въ томъ, что потомки его отъ Исаака наполнятъ всю вселенную; а повелѣніе требовало, чтобы онъ заклалъ того самаго Исаака, потомками котораго должна была наполниться вся земля. Что же? Смущало ли это праведника? Нѣтъ; и при такомъ разногласіи и противорѣчіи повелѣнія съ обѣтованіемъ, онъ не смутился, не усумнился и не сказалъ чего-нибудь такого: „Богъ одно обѣщалъ, а другое теперь заставляетъ меня дѣлать; отъ этого сына обѣщалъ мнѣ великое множество потомковъ; а теперь повелѣваетъ заклать его; какъ же то сбудется, если пресѣчется этотъ корень? Вѣрно, Богъ обманулъ меня и посмѣялся надо мною“. Ничего такого Авраамъ не сказалъ, даже и не подумалъ; и весьма справедливо; потому что если обѣщаетъ Богъ, то, хотя бы представлялись тысячи препятствій къ исполненію обѣщаннаго, не должно смущаться и сомнѣваться въ исполненіи. Дѣйствіе силы Божіей въ томъ особенно и состоитъ, чтобы изъ безвыходнаго положенія находить выходъ; такъ разсуждалъ тогда и блаженный Авраамъ. Посему Павелъ изумлялся вѣрѣ его и сказалъ: *вѣрою приведе Авраамъ Исаака искушаемъ, и единороднаго приношаше,*

обѣтованіе пріемый (Евр. XI, 17), указывая и намекая на то самое, о чемъ я теперь сказалъ. И не одинъ Авраамъ, но и правнукъ его Іосифъ, хотя и видѣлъ, что данное ему обѣтованіе остается безъ исполненія въ теченіе долгаго времени и по многимъ обстоятельствамъ, однако остался непреклоннымъ, потому что онъ обращалъ взоры свои только къ обѣщавшему; а если бы онъ предался человѣческимъ разсужденіямъ, то отчаялся бы въ исполненіи обѣтованія. Видѣнный имъ сонъ предвѣщалъ поклоненіе ему братьевъ и родителей, а событія были не таковы, и во многомъ не соотвѣтствовали этому. Во-первыхъ, тѣ самые, которые должны бы кланяться ему, ввергаютъ его въ ровъ и, продавъ иноплеменникамъ, отправляютъ его въ чужую и дальнюю землю; эти событія казались столь противорѣчащими сновидѣнію, что сами эти несчастные насмѣхались надъ нимъ, и говорили: *се сновидецъ оный идетъ: нынѣ убо пріидите, убіемъ его, и ввержимъ его во единъ
отъ рвовъ, и речемъ: звѣрь лютъ снѣде его, и узримъ, что будутъ* 439
сонія его (Быт. XXXVII, 19. 20). Затѣмъ, и купившіе Іосифа опять продаютъ его не какому-либо свободному человѣку, но царскому рабу. И этимъ еще не окончились его несчастія, но, подвергшись клеветѣ госпожи и бывъ осужденъ, онъ много лѣтъ жилъ въ темницѣ, и, тогда какъ другіе выходили оттуда, оставался тамъ еще долгое время. Не смотря на столь многія обстоятельства, которыя могли смутить душу его, онъ остался непоколебимымъ. Таково же и наше положеніе, или вѣрнѣе, оно еще болѣе затруднительно. Намъ Богъ обѣщалъ царство небесное, вѣчную жизнь, безсмертіе и безчисленныя блага; а происходящее и случающееся съ нами теперь,—именно: смерть, тлѣніе, наказаніе, мученіе, и различныя и непрерывныя скорби,—далеко не соотвѣтствуетъ этому. Для чего же Богъ дѣлаетъ это и попускаетъ такія событія, которыя противорѣчатъ обѣтованіямъ? Этимъ Онъ совершаетъ два величайшія дѣла: во-первыхъ, представляетъ намъ несомнѣнное доказательство своей силы, т. е., что Онъ можетъ привесть въ исполненіе обѣтованія, повидимому, самыя невѣроятныя; во-вторыхъ, научаетъ нашу душу вѣрить Ему во всемъ, хотя бы событія казались противорѣчащими предсказаніямъ. Такова сила надежды: она не постыждаетъ того, кто искренно преданъ ей. Если же такъ поступали тѣ, которые получали обѣщанія здѣшнихъ благъ, то гораздо болѣе должно такъ поступать намъ, которые надѣемся на исполненіе благихъ обѣтованій не въ настоящей жизни, но въ другихъ вѣкахъ. Для здѣшней жизни Господь предсказалъ скорбь и тѣсноту. Что же смущаетъ тебя? Почему ты не довѣряешь Божію обѣтованію? Презрѣть для Него весь міръ, и потомъ говорить, что Онъ не печется, можетъ только тотъ, кто не вѣритъ, сомнѣвается и

считаетъ обѣтованіе Божіе обманомъ; а это поистинѣ значитъ бѣсноваться и навлекать на себя огонь геенскій. Однако между людьми, преданными дѣламъ мірскимъ, есть такіе, которые живутъ спокойно? Такъ, и это предсказалъ Христосъ: *аминь аминь глаголю вамъ*, говоритъ Онъ, *яко восплачетеся и возрыдаете вы, а міръ возрадуется* (Іоан. XVI, 20). И между прежними поколѣніями вавилоняне, даже не знавшіе Бога, пользовались богатствомъ, властію и честію, а іудеи жили въ плѣну, въ рабствѣ и въ крайнихъ бѣдствіяхъ. И Лазарь, достойный небесъ и царства небеснаго, лежалъ покрытый ранами, которыя облизывали псы, и постоянно боролся съ голодомъ; а богачъ жилъ въ чести, окруженный обществомъ, въ роскоши и удовольствіяхъ; но все это нисколько не помогло ему въ гееннѣ, какъ и Лазарю голодъ и раны не препятствовали проводить честно настоящую жизнь; напротивъ онъ, какъ мужественный борецъ, подвизающійся въ самый тяжкій зной и жаръ, побѣдилъ и увѣнчанъ. Посему одинъ мудрецъ и сказалъ: *чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое, и потерпи, и не скоръ буди во время наведенія* (Сирах. II, 1—2). И нѣсколько ниже: *яко во огни искушается злато, и человѣцы пріятни въ пещи смиренія* (ст. 5). И еще въ другомъ мѣстѣ говорится: *сыне, не пренебрегай наказанія Господня, ниже ослабѣвай отъ него обличаемый* (Притч. Сол. III, 11). Кто ввергаетъ золото въ пещь, тотъ знаетъ, сколько времени слѣдуетъ ему находиться въ огнѣ, и когда должно оно быть вынуто; посему мудрецъ
440 и говоритъ: *не скоръ буди во время наведенія;* а Соломонъ, научая тому же самому, сказалъ: *ниже ослабѣвай, отъ него обличаемый*. Скорбь—великое дѣло, великое для того, чтобы человѣкъ сталъ доблестнымъ и научился добродѣтели терпѣнія. А что, скажетъ кто-нибудь, если она своею чрезмѣрностію поколеблетъ и преодолѣетъ (человѣка)? *Вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. X, 13). Если наказаніе бываетъ отъ любви, а оставленіе безъ наказанія отъ ненависти (Евр. XII, 7. 8), то невозможно, чтобы одинъ и тотъ же вмѣстѣ и любилъ и ненавидѣлъ одного и того же, наказывалъ и вмѣстѣ оставлялъ его безъ вниманія. Почему же, скажетъ, кто-нибудь, многіе пали? Потому что сами отпали отъ Бога, а не Имъ были оставлены. *Яко се*, говоритъ Писаніе, *удаляющіи себе отъ тебе, погибнутъ* (Псал. LXXII, 27). А отдаляются они тѣмъ, что не переносятъ вразумленій Божіихъ, но гнѣваются и негодуютъ на нихъ. Какъ дурныя дѣти, посылаемыя своими отцами къ учителямъ, если для избѣжанія тамошнихъ трудовъ и малыхъ наказаній убѣгаютъ отъ во-

ровъ родительскихъ, то не получаютъ отъ того никакой пользы, а подвергаются бо̀льшимъ непріятностямъ, подвергаясь необходимости терпѣть на чужбинѣ и голодъ, и безпріютность, и болѣзни, и безчестіе, и рабство, такъ и тѣ, которые не переносятъ съ благодарностію внушенія Божія, а негодуютъ на Него: они не только не получаютъ отъ этого никакой пользы, но подвергаютъ себя еще крайнимъ бѣдствіямъ. Посему намъ и заповѣдано *терпѣть и укрѣплять сердце свое* (Пс. xxvi, 14). Но ты подвергся страданіямъ гораздо тягчайшимъ? Такъ и воспитатели дѣтей не всѣмъ назначаютъ равныя и одинаковыя упражненія, но слабымъ слабыя, а сильнымъ даютъ такихъ же сильныхъ противниковъ; потому что у кого противникъ окажется слабѣе его самого, тотъ не будетъ имѣть надлежащаго упражненія, хотя станетъ бороться съ нимъ цѣлый день. Почему же, скажетъ кто-нибудь, не всѣмъ, посвятившимъ себя одинаковой жизни, Богъ опредѣлилъ нести одинаковые труды? Потому, что у Бога не одинъ видъ упражненій, и люди не всѣ имѣютъ нужду въ одномъ и томъ же, хотя бы они были въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, подобно тому, какъ многіе больные, страдающіе одинаковыми болѣзнями, имѣютъ нужду не въ однихъ и тѣхъ же лѣкарствахъ, но одни въ однихъ, другіе—въ другихъ. Посему и способы страданій различны и разнообразны: одинъ искушается продолжительною болѣзнію, другой крайнею бѣдностію, иной обидами и оскорбленіями, а иной тѣмъ, что постоянно и непрерывно видитъ смерть своихъ дѣтей и родственниковъ, тотъ всеобщимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ, а этотъ обвиненіемъ въ томъ, чего онъ и не знаетъ за собою, и навлеченнымъ на него бременемъ безславія, иной инымъ способомъ, всего въ точности и перечислить невозможно. Каждое изъ этихъ страданій, въ сравненіи съ твоимъ несчастіемъ, тебѣ кажется легкимъ и ничтожнымъ; но если бы ты самъ испыталъ ихъ, то узналъ бы, что твое несчастіе, на которое теперь сѣтуешь, гораздо сноснѣе ихъ. Впрочемъ, если нѣкоторые и меньше насъ наказываются, мы не должны соблазняться этимъ; потому что увеличеніе трудовъ служитъ къ увеличенію наградъ и бываетъ твердымъ оплотомъ противъ вольныхъ или невольныхъ паденій: оно обуздываетъ гордость, прогоняетъ безпечность, дѣлаетъ насъ болѣе благоразум- 441
ными и благочестивыми. Вообще, если кто захочетъ перечислить все, то найдетъ много пользы отъ искушеній; и никто изъ тѣхъ, о комъ много печется Богъ, не бываетъ безъ печали, хотя намъ это не такъ представляется.

7. Если блаженный Павелъ много терпѣлъ, а никого нѣтъ больше его и даже равнаго ему, то какъ можно, чтобы другіе люди не нуждались въ этомъ пособіи? Если же нѣкоторые не вразуми-

лись такими скорбями, то уже не по винѣ пославшаго наказаніе, но по собственному нерадѣнію. Если бы не было приложено къ нимъ врачевство, то можно было бы подумать, что они погибли отъ невнимательности къ нимъ; а теперь сдѣлано не мало для того, чтобы ни въ чемъ не винить врача, а только самихъ больныхъ и ихъ невнимательность. Хотя нѣкоторые, жившіе честно до искушеній, пали послѣ того, какъ подверглись имъ; другіе, предававшіеся всякимъ порокамъ, не испытали никакой скорби; а иные съ перваго возраста до послѣдняго вздоха терпѣли безчисленныя несчастія,— но ничѣмъ такимъ мы не должны смущаться и впадать (въ отчаяніе). Если бы мы могли и обязаны были знать дѣйствія промысла Божія и не познали ихъ, тогда слѣдовало бы намъ унывать и смущаться; но если и тотъ, кто былъ участникомъ неизреченныхъ тайнъ и восходилъ на третье небо, смутился предъ этою бездною и, приникнувъ въ глубину богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія, только изумился и тотчасъ отступилъ, то для чего мы напрасно усиливаемся узнать непостижимое и изслѣдовать неизслѣдимое (Римл. XI, 33)? Мы не станемъ противорѣчить врачу, когда онъ предписываетъ противное тому, что намъ кажется полезнымъ, приказываетъ напр. охладѣвшій членъ опускать въ холодную воду, и дѣлаетъ много другого, повидимому, страннаго, но заранѣе убѣдивъ себя, что онъ дѣлаетъ это по правиламъ своего искусства, охотно повинуемся ему, хотя онъ часто и ошибается. Почему же мы будемъ изслѣдовать (дѣйствія) Бога, Который такъ превосходитъ насъ во всемъ, Который есть сама Премудрость и никогда не ошибается? Тому, у кого слѣдовало бы требовать отчета, будемъ вѣрить безпрекословно; а отъ Того, Кому одному должны вѣрить, будемъ требовать оправданія и отчета въ Его дѣйствіяхъ, и негодовать, что этого не знаемъ? Свойственно ли это душѣ благочестивой? Нѣтъ, прошу и умоляю, не будемъ доходить до такого безумія, но о всемъ, въ чемъ недоумѣваемъ, будемъ говорить: *судьбы Твоя бездна многа* (Псал. XXXV, 7). Ибо и то, что мы не все знаемъ ясно, есть дѣло премудрости Божіей. Если бы мы повиновались Богу потому, что знали бы причины событій, то не велика была бы намъ награда, и наше повиновеніе не было бы выраженіемъ вѣры; когда же мы, не зная ихъ, съ любовію покоряемся всѣмъ Его повелѣніямъ, по истинному послушанію и искренней вѣрѣ, тогда доставляемъ величайшую пользу душамъ нашимъ. Мы должны быть убѣждены въ одномъ только, что Богомъ все посылается для нашей пользы, а самаго способа не изслѣдовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаемъ его. Знать его для насъ и невозможно,
442 и безполезно; первое потому, что мы смертны; второе потому, что мы скоро увлекаемся гордостію. Съ своими дѣтьми мы дѣлаемъ

много такого, что имъ кажется вреднымъ, а на самомъ дѣлѣ полезно для нихъ; однако и они не смѣютъ спрашивать о причинѣ, и мы не убѣждаемъ ихъ предварительно въ пользѣ того, что намѣрены дѣлать съ ними, но только внушаемъ имъ повиноваться приказаніямъ родителей и ни о чемъ болѣе не спрашивать. Если же мы такъ относимся къ родителямъ, которые одной съ нами природы, и не ропщемъ на нихъ, то на Бога, Который превосходитъ насъ настолько, насколько Богъ выше людей, какъ будемъ роптать за то, что мы не все знаемъ? Что можетъ сравниться съ подобнымъ нечестіемъ? Такимъ людямъ блаженный Павелъ съ негодованіемъ говорилъ: *тѣмже убо, о человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови; еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако* (Римл. IX, 20)? Я указалъ на примѣръ дѣтей, а Павелъ привелъ гораздо лучшій примѣръ—горшечника и обдѣлываемой имъ глины. Какъ глина принимаетъ всякій видъ, какой даютъ ей руки обдѣлывающаго ее, такъ и человѣку должно поступать сообразно съ тѣмъ, что̀ повелѣваетъ Богъ, и принимать съ благодарностью то, что Онъ посылаетъ, нисколько не противорѣча и не усиливаясь дознать (причину этого); потому что это непостижимо не для однихъ насъ, но и для мужей святыхъ и дивныхъ, жившихъ прежде насъ. Такъ Іовъ говорилъ: *почто нечестивіи живутъ, обетшаша же въ богатствѣ*, и такъ далѣе (Іов. XXI, 7). И блаженный Давидъ сказалъ: *вмалѣ не пролiяшася стопы моя: яко возревновахъ на беззаконныя, миръ грѣшниковъ зря: яко нѣсть восклоненія въ смерти ихъ и утвержденія въ ранѣ ихъ: въ трудѣхъ человѣческихъ не суть, и съ человѣки не пріимутъ ранъ* (Псал. LXXII, 2—5). Послѣ него Іеремія также говорилъ: *праведенъ еси, Господи: обаче судьбы возглаголю къ тебѣ: что̀ яко путь нечестивыхъ спѣется* (Іерем. XII, 1). Недоумѣвали и спрашивали и они, но не такъ, какъ нечестивые, не ропща на Бога и не обвиняя въ несправедливости за дѣла Его. Напротивъ, одинъ изъ нихъ говорилъ: *правда твоя, яко горы Божія, судьбы твоя бездна многа* (Псал. XXXV, 7); а другой, много страдавшій, *во всѣхъ сихъ приключившихся ему, не даде безумія Богу* (Іов. I, 22); и въ книгѣ своей разсуждая о твореніи и изъясняя непостижимость премудрости и домостроительства Божія, говорилъ: *се, сія части пути Его: и о капли слова услышимъ о Немъ* (Іов. XXVI, 14). А Іеремія, предвидя, что иной можетъ усумниться, предъ вопросомъ своимъ высказываетъ такое сужденіе: *праведенъ еси, Господи*, т. е. я знаю, что все совершается Тобою справедливо, но способа, какимъ это совершается, не постигаю. Что̀ же, узнали ли они что-нибудь больше? Нѣтъ, они не получили даже и отвѣта, какъ изъясняетъ блаженный Давидъ въ словахъ: *и непщевахъ разумѣти:*

сіе трудъ есть предо мною (Псал. LXXII, 16). Они не получили отвѣта съ тѣмъ, чтобы потомки научились и не спрашивать объ этомъ. Они спрашивали только объ одномъ, почему нечестивые
443 наслаждаются благополучіемъ и богатствомъ, но и этого не узнали; а нынѣшніе хотятъ узнать гораздо больше ихъ, потому что нынѣ предлагается гораздо больше вопросовъ, чѣмъ тогда. Пусть же ясное знаніе предоставлено будетъ Тому, Кто знаетъ все прежде, чѣмъ оно совершится.

8. Если же намъ самимъ, на основаніи того, что намъ уже извѣстно, слѣдуетъ представить какое-нибудь рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ, для успокоенія тѣхъ, которымъ очень хочется знать объ этомъ, то скажу, что послѣ того, какъ намъ открыто царствіе небесное и обѣщано воздаяніе въ будущей жизни, уже непристойно изслѣдовать, почему (на землѣ) праведные живутъ въ скорбяхъ, а порочные въ спокойствіи. Если тамъ каждаго ожидаетъ воздаяніе по заслугамъ, то для чего возмущаться здѣшними обстоятельствами, счастливыми или несчастными? Здѣшними бѣдствіями Богъ укрѣпляетъ покорныхъ Ему, какъ мужественныхъ борцовъ, а болѣе слабыхъ, нерадивыхъ и неспособныхъ переносить ничего тяжелаго, предварительно располагаетъ къ готовности на добрыя дѣла. Часто случается и обратное этому, то, что многіе праведные живутъ въ спокойствіи и чести, а порочные въ безчестіи и крайнихъ бѣдствіяхъ; этимъ для насъ прежде всего опровергается предшествующее положеніе, что праведные терпятъ бѣдствія, а нечестивые блаженствуютъ. Если же оно еще нуждается въ объясненіи, то скажу, что Богъ устрояетъ наше благо не одинаковымъ образомъ, но, какъ неистощимый въ средствахъ, пролагаетъ намъ многіе пути ко спасенію. Такъ какъ многіе не хотятъ принять ученія о будущей жизни и воскресеніи, то Онъ еще здѣсь являетъ въ маломъ видѣ образъ (будущаго) суда, когда наказываетъ злыхъ и награждаетъ добрыхъ. Вполнѣ совершится это на томъ судѣ, но отчасти совершается нынѣ и здѣсь, чтобы тѣ, которые въ виду такой отдаленности суда предались грѣху, вразумились по крайней мѣрѣ событіями настоящаго времени. Если бы здѣсь вовсе никто изъ злыхъ не наказывался и никто изъ добрыхъ не получалъ награды, то многіе изъ невѣрующихъ ученію о воскресеніи уклонялись бы отъ добродѣтели, какъ отъ причины зла, а ко грѣху прилѣплялись бы, какъ къ причинѣ добра; съ другой стороны, если бы здѣсь всѣ получали воздаяніе по заслугамъ, то нѣкоторые подумали бы, что ученіе о судѣ излишне и ложно. Итакъ, чтобы и это ученіе не подверглось сомнѣнію, и чтобы большинство невѣжественнаго народа по безпечности не сдѣлалось хуже, Богъ еще здѣсь наказываетъ многихъ изъ грѣшниковъ и награждаетъ

нѣкоторыхъ изъ праведниковъ; тѣмъ, что Онъ поступаетъ такъ не со всѣми, Онъ подтверждаетъ ученіе о судѣ, а тѣмъ, что наказываетъ нѣкоторыхъ еще прежде суда, пробуждаетъ спящихъ глубокимъ сномъ. По поводу наказанія порочныхъ многіе исправляются, боясь, чтобы и имъ не потерпѣть того же самаго; а вслѣдствіе того, что здѣсь не всѣ получаютъ воздаяніе по заслугамъ, многіе невольно приходятъ къ мысли, что оно отложено до нѣкотораго другого времени. Правосудный Богъ, конечно, не допустилъ бы, чтобы столь многіе злые умирали ненаказанными, а добрые терпѣли безчисленныя бѣдствія, если бы Онъ не приготовилъ для тѣхъ и другихъ иного состоянія въ будущемъ вѣкѣ. Посему Онъ и наказываетъ и награждаетъ не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ, какъ 444
напримѣръ, царя персидскаго и Езекію; хотя много было такихъ нечестивыхъ, какъ тотъ ассиріянинъ, и добродѣтельныхъ подобно Езекіи, но Богъ не со всѣми поступилъ такъ, какъ съ ними; причина въ томъ, какъ я сказалъ, что еще не пришло время суда. И что это ученіе не мое, послушай Самого Того, Кто будетъ тогда судить насъ. Когда пришли къ Нему и разсказали о смерти задавленныхъ башнею и о безуміи Пилата, которое онъ выказалъ въ отношеніи къ умершимъ, смѣшавъ кровь ихъ съ жертвами, тогда что Онъ говоритъ? *Мните ли, яко Галилеане сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ Галилеанъ бяху, яко тако пострадаша; ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете. Или они осмьнадесяте, на нихже паде столпъ Силоамскій, и поби ихъ, мните ли, яко тіи должнѣйши бяху, паче всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ; ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII, 2—5). Въ этомъ причина замедленія. Богъ для того не вдругъ наказываетъ всѣхъ, достойныхъ наказанія, чтобы чрезъ несчастія однихъ всѣ прочіе сдѣлались лучшими. Такъ пусть будетъ рѣшенъ у насъ предложенный вопросъ. А ты, можетъ быть, желаешь разрѣшенія и того вопроса, который предложенъ выше и который гораздо труднѣе этого? Впрочемъ я думаю, что когда этотъ по возможности объясненъ нами, то тѣмъ самымъ положено начало рѣшенію и перваго вопроса. Что же приводитъ тебя въ недоумѣніе? То, что многіе отъ перваго возраста до смерти боролись со многими несчастіями. На это такъ же, какъ и на прежнее, скажу, что Богъ наказываетъ ихъ, во-первыхъ, за ихъ собственные пороки; а потомъ для того, чтобы отъ ихъ несчастій получили пользу и другіе. Если же это бываетъ не со всѣми, то потому, что теперь еще не время суда. Почему же, скажешь ты, нѣкоторые, прежде нежели достигнутъ того возраста, когда могутъ различать доброе отъ злого, уже несутъ наказаніе, какъ великіе преступники? На это не одна причина, но много различныхъ. Это можетъ про-

исходить и отъ невоздержности родителей, и отъ нерадѣнія воспитателей, и отъ перемѣнъ въ воздухѣ, и отъ множества другихъ подобныхъ обстоятельствъ. Притомъ, о многихъ изъ нихъ Богъ знаетъ, что они будутъ порочными, и потому напередъ связываетъ ихъ наказаніями, какъ бы какими путами. Развѣ не видишь, что и изъ нищихъ многіе, въ самомъ прискорбномъ положеніи, совершаютъ множество преступленій, не отъ горя и не отъ голода, но единственно по своей порочности? Однажды я слышалъ отъ нѣкоторыхъ людей, что нищіе, схвативъ благородную и красивую женщину, обезчестили ее въ пустынномъ мѣстѣ. Какая нужда, какое горе побудило ихъ къ такому дѣлу? Какого же преступленія не совершили бы они, если бы несчастія не сдерживали ихъ, какъ цѣпи? А кто могъ бы переносить неистовство и необузданность заключенныхъ въ темницѣ? Не лучше ихъ ведутъ себя и одержи-
445 мые демономъ. Не о томъ я говорю, что̀ они дѣлаютъ во время припадковъ бѣснованія, но о томъ, что́ бываетъ по прекращеніи этихъ припадковъ: они предаются обжорству, и воруютъ, и пьянствуютъ, и совершаютъ гораздо гнуснѣйшія дѣла. Посему, какъ судья многихъ преступниковъ оставляетъ на жительство въ темницѣ на долгое время,—а часто они оканчиваютъ тамъ и жизнь,—когда же захочетъ предостеречь народъ, то беретъ одного или двухъ изъ нихъ, садится на возвышенномъ мѣстѣ и при всѣхъ предстоящихъ приказываетъ вести преступника на смерть, не считая нужнымъ дѣлать то же со всѣми преступниками для устрашенія прочихъ; такъ и для Бога, когда Онъ благоволитъ вразумлять насъ, не нужны всѣ злые, но Онъ беретъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, о которыхъ знаетъ, что они неисправимы, и надъ ними являетъ Свою силу и гнѣвъ, а чрезъ это совершаетъ много полезнаго. Этимъ Онъ злыхъ располагаетъ оставить, если они захотятъ, свое нечестіе, и добрыхъ дѣлаетъ болѣе внимательными, и показываетъ Свое долготерпѣніе, и для всѣхъ подтверждаетъ, какъ я выше сказалъ, ученіе о воскресеніи. Но какая польза отъ этого, скажешь ты, тѣмъ, которые весь первый возрастъ свой провели въ несчастіяхъ и умерли прежде, нежели успѣли различать добро и зло? Но какой же и вредъ, скажи мнѣ, терпятъ они, когда еще не сознаютъ своего несчастія, и не умѣютъ ни печалиться ни радоваться? И не только этимъ я разрѣшаю предложенный вопросъ, но и тѣмъ, что подобными несчастіями вразумляются и родители, и братья, и родственники; и не малое бываетъ пріобрѣтеніе, если изъ того, отъ чего одинъ не терпитъ никакого вреда, другой получаетъ величайшую пользу. Впрочемъ на это, можетъ быть, есть и другая какая-нибудь тайная причина, извѣстная одному только нашему Создателю.

9. Остается еще одинъ вопросъ: почему тѣ, которые прежде иску-

шеній жили праведно, послѣ искушеній пали? Но кто вѣрно знаетъ живущихъ праведно, кромѣ *Создавшаго наединѣ сердца наши и разумѣвающаго на вся дѣла наши* (Псал. XXXII, 15)? Многіе изъ тѣхъ, которые кажутся добродѣтельными, часто оказываются порочнѣе всѣхъ. Это обнаруживалось и въ настоящей жизни, но только относительно нѣкоторыхъ, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядетъ судить насъ *испытующій сердца и утробы, живый, дѣйственный и острѣйшій паче всякаго меча обоюду остра, проходящій даже до раздѣленія души же и тѣла, членовъ же и мозговъ, и судительный помышленіемъ и мыслемъ* (Евр. IV, 12), тогда, тогда не нѣкоторыхъ только немногихъ изъ многихъ, но всѣхъ увидишь открыто такими, каковы они дѣйствительно, и ни волка не скроетъ овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты; потому что *нѣсть тварь не явлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. IV, 13); это и Павелъ, объясняя коринѳянамъ, говорилъ: *тѣмже прежде времене ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, иже во свѣтѣ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя* (1 Кор. IV, 5). Впрочемъ, оставивъ лицемѣровъ, скажемъ о живущихъ праведно: откуда извѣстно, что и они, имѣя многія добродѣтели, не пренебрегли главною изъ нихъ—смиреніемъ? Поэтому Богъ и отступилъ отъ нихъ, чтобы они знали, что добрыя дѣла
совершали они не собственною силою, но благодатію Божіею. 446
Если же кто скажетъ, что лучше гордиться дѣлая добро, нежели смиряться согрѣшая, тотъ совсѣмъ не понимаетъ ни вреда отъ гордости, ни пользы отъ смиренія. Ты, конечно, хорошо знаешь, что человѣкъ, дѣлающій добро съ гордостію, если только можно такъ дѣлать добро, скоро дойдетъ до крайней погибели. Кто допустилъ себя до паденія и паденіемъ научился смиренію, тотъ скоро, если захочетъ, встанетъ и исправится; но кто дѣлаетъ кажущееся добро съ гордостію и не терпитъ ничего непріятнаго, тотъ никогда не почувствуетъ своей грѣховности, но еще увеличитъ зло, и незамѣтно для себя самого отойдетъ отсюда безъ добрыхъ дѣлъ, какъ тотъ фарисей, который вошелъ въ храмъ, думая о себѣ, что онъ богатъ всякою добродѣтелью, а вышелъ, узнавши, что онъ бѣднѣе даже мытаря (Лук. XVIII, 10). Есть и другой видъ зла, имѣющій великую силу упразднять добро, собранное съ великими усиліями и трудами,—это вѣтеръ тщеславія. Оно дѣйствительно, какъ ворвавшійся вѣтеръ, развѣваетъ всѣ сокровища добродѣтели. Вотъ открылась намъ и вторая причина паденія живущихъ праведно, какъ ты сказалъ. Многіе, кажущіеся намъ перенесшими и переносящими великіе труды для добродѣтели, за то, что дѣлали все, имѣя въ виду честь у людей, а не у Бога, и по-

пущены впасть въ искушеніе, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпѣли всѣ лишенія, и узнавъ, что она въ сущности нисколько не лучше цвѣта травного, прилѣпились наконецъ къ одному Богу и дѣлали все для Него. Кромѣ того есть на это очень много и другихъ причинъ, но онѣ, какъ я сказалъ, сокрыты отъ насъ, а извѣстны Создателю нашему Богу. Не будемъ же роптать на Него за происходящее съ нами, но будемъ благодарить: это свойственно признательнымъ рабамъ. Ты удивляешься, что нечистый (духъ) напалъ на тебя не въ прежнее время, когда ты роскошествовалъ и окружалъ себя мірскимъ блескомъ, но теперь, когда ты бросилъ все это, и всецѣло предалъ себя Богу; это подобно тому, какъ если бы ты удивлялся, почему зрителей никто не безпокоитъ, а на того, кто записался въ борцы, приготовился и вышелъ на мѣсто борьбы, на этого одного изъ всѣхъ нападаетъ противникъ, поражаетъ его въ голову и бьетъ по лицу. Не то удивительно и достойно сожалѣнія, что демонъ огорчаетъ, тѣснитъ и безпокоитъ рѣшившихся на борьбу,—ибо таковъ законъ борьбы,—но если онъ побораетъ, и низвергаетъ и лишаетъ награды,—вотъ это ужасно! А пока онъ не въ состояніи сдѣлать это, то не только не нанесетъ намъ никакого вреда, но еще доставитъ величайшую пользу, сильною борьбою съ нами доставивъ намъ болѣе чести. Такъ и между воинами лучше всѣхъ тотъ, кто можетъ показать у себя больше ранъ и кто вступалъ въ единоборство съ сильнѣйшими изъ противниковъ; и изъ борцовъ мы особенно удивляемся тѣмъ, которые вступаютъ въ борьбу съ непобѣдимыми (такъ называютъ храбрѣйшихъ изъ противниковъ); и изъ охотниковъ тотъ считается сильнѣйшимъ,
447 кто выходитъ на самыхъ дикихъ звѣрей. Твой демонъ безстыденъ и безстрашенъ? Но потому я и не перестаю изумляться и удивляться тебѣ, что ты, получивъ такого противника, не палъ, не выдалъ себя, но остался непреклоннымъ и не уступилъ ему ни въ чемъ.

10. А что я теперь говорю тебѣ это безъ лести, что дѣйствительно ты получилъ величайшую пользу отъ своей скорби, позволь намъ говорить прямо; потому что иначе я не могу доказать тебѣ это. Ты знаешь и помнишь свою прежнюю жизнь, т. е. жизнь прежде искушенія; разсмотри же ее внимательно и сравни съ настоящею жизнію послѣ искушенія, и ты увидишь, какая польза произошла для тебя отъ этого бѣдствія. Теперь у тебя великое усердіе и къ постамъ и къ нощнымъ бдѣніямъ, и къ занятію чтеніемъ и къ упражненію въ молитвахъ; также и терпѣніе и смиреніе достигли у тебя высшей степени; а прежде ты вовсе и не думалъ о книгахъ, и всѣ свои заботы и труды употреблялъ на

уходъ за садовыми деревьями. Многіе, какъ я слышалъ, упрекали тебя даже въ гордости, и объясняли ее знаменитостію рода, славою отца и твоимъ воспитаніемъ въ большомъ богатствѣ. Насколько ты былъ лѣнивъ въ ночныхъ бдѣніяхъ, это самъ ты хорошо знаешь. Часто, когда другіе въ глубокую ночь поспѣшно вставали, ты оставался погруженнымъ въ глубокій сонъ и сердился на тѣхъ, кто будилъ тебя. А теперь, съ тѣхъ поръ, какъ ты вступилъ въ эту борьбу и ратоборство, все это прекратилось и перемѣнилось на лучшее. Если же спросишь меня, почему Богъ не попустилъ демону напасть на тебя, когда ты жилъ въ роскоши и былъ привязанъ къ дѣламъ мірскимъ, то я скажу въ отвѣтъ, что и это было дѣломъ промышленія Его; Онъ зналъ, что тогда врагъ скоро погубилъ бы тебя, нашедши легко побѣдимымъ. Посему Богъ вызвалъ тебя на эту борьбу не тотчасъ, какъ только вступилъ ты въ монашескую жизнь, но предоставилъ тебѣ упражняться въ теченіе долгаго времени, и потомъ, когда ты укрѣпился, вывелъ тебя на это трудное поприще. Еще ты упоминаешь о живущихъ въ мірѣ и указываешь на своего слугу; ибо его, я думаю, ты разумѣешь, когда говоришь, что многіе изъ мірскихъ людей, подвергшись той же болѣзни, получили весьма скоро совершенное 448
исцѣленіе. Но, любезнѣйшій, слуга твой и другіе, которые подверглись одинаковому съ нимъ бѣдствію, испытывали это не съ тою цѣлію, съ какою ты теперь: на него и на другихъ Богъ попускалъ этого звѣря для того, чтобы только устрашить ихъ и посредствомъ страха сдѣлать лучшими, а на тебя для того, чтобы ты мужественно боролся, славно побѣдилъ и получилъ вѣнецъ за терпѣніе. А побѣда состоитъ не въ томъ, когда ратоборецъ еще во время зрѣлища уклоняется отъ борьбы съ противникомъ, но когда онъ во всякое время остается готовымъ на борьбу; тогда противникъ и уныніемъ не будетъ въ состояніи довести его до какихъ-либо негодныхъ помысловъ. И что это дѣйствительно такъ, я прямо заключаю изъ слѣдующаго. Всѣмъ извѣстно,—хотя самъ ты и уничижаешь себя,—насколько твоя жизнь лучше жизни твоего слуги. Потому и Богъ промышляетъ и печется о тебѣ болѣе, нежели о немъ. Если же это ясно, то также очевидно и то, что, если бы Божіе попущеніе было дѣломъ Его гнѣва, Онъ не сталъ бы такъ долго подвергать этому того, кого болѣе любитъ, между тѣмъ какъ скоро избавилъ отъ демона другого, который гораздо хуже тебя. Это я могу подтвердить не только вышесказаннымъ, но и на основаніи того, изъ чего ты заключаешь, что Богъ оставилъ тебя, постараюсь доказать, что Онъ особенно о тебѣ заботится. Если бы ты не оказалъ большаго усердія и не совершилъ далекихъ путешествій для собесѣдованія съ мужами святыми и

имѣющими силу разрѣшать эти узы, то иной изъ обыкновенныхъ людей могъ бы придти въ недоумѣніе, такъ какъ не очень ясна была бы причина, почему Богъ попустилъ (тебѣ страдать) столько времени. Но такъ какъ ты посѣтилъ мѣста мучениковъ, гдѣ получали исцѣленіе многіе даже изъ тѣхъ, которые (въ бѣснованіи) кусали людей, долгое время прожилъ съ мужами дивными, доблестными и всегда успѣвавшими (исцѣлять больныхъ), и не опустилъ рѣшительно ничего, что могло бы освободить тебя отъ страданія, и однако возвратился опять съ тѣмъ же врагомъ; то ты принесъ ясное и вразумительное даже для весьма невнимательныхъ людей доказательство Божія промышленія о тебѣ. Богъ, конечно, не лишилъ бы тебя Своей благодати, и не допустилъ бы посрамленія рабовъ Своихъ, если бы не видѣлъ отъ этого великой славы и большей пользы для тебя. Такимъ образомъ то, что повидимому служитъ знакомъ оставленія тебя Богомъ, есть знакъ великой Его любви и благоволенія къ тебѣ.

КЪ ТОМУ ЖЕ СТАГИРІЮ

о томъ, что уныніе хуже демона.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Въ ПРЕДЪИДУЩЕМЪ (словѣ) сказано нами о Промыслѣ Божіемъ и о томъ, что Богъ испытываетъ тебя извѣстнымъ образомъ не по отвращенію и не по ненависти, а по особенной любви. Но такъ какъ ты, по словамъ твоимъ, очень сѣтуешь и по другой причинѣ, именно потому, что демонъ часто внушаетъ тебѣ мысль погубить себя въ морѣ или пропасти, или прекратить настоящую жизнь какимъ-либо другимъ способомъ, то я хочу немного побесѣдовать и объ этихъ помыслахъ. Такое внушеніе происходитъ не отъ него только одного, но и отъ твоего унынія, и даже больше отъ послѣдняго, чѣмъ отъ перваго, а можетъ быть, и отъ одного унынія. Это видно изъ того, что многіе и изъ тѣхъ, которые не одержимы демономъ, замышляютъ тоже только отъ печали. Отвергни же ее и изгони изъ души, тогда и демонъ не будетъ имѣть силы не только на то, чтобы склонить къ такому дѣлу, но и на то, чтобы приступить къ внушенію. Какъ воры при наступленіи ночи, погасивъ огонь, очень легко могутъ и похитить

имущество и умертвить владѣльцевъ его, такъ теперь и демонъ, 419
вмѣсто ночи и мрака наведши уныніе, старается похитить всѣ охраняющіе помыслы, чтобы напасть на душу лишенную ихъ и безпомощную, и нанести ей безчисленныя раны. Когда же кто, разсѣявъ этотъ мракъ надеждою на Бога и обратившись къ солнцу правды, поспѣшитъ принять лучи его въ свою душу, тогда смятеніе отъ этихъ помысловъ перейдетъ на самого разбойника; потому что и эти преступники, когда кто поймаетъ ихъ и внесетъ огонь, дрожатъ, робѣютъ, смущаются. Какъ же, скажешь ты, освободиться отъ этой печали, не освободившись напередъ отъ причиняющаго ее демона? Не демонъ причиняетъ уныніе, но оно дѣлаетъ демона сильнымъ и внушаетъ худые помыслы. Это можетъ засвидѣтельствовать намъ блаженный Павелъ; и онъ боялся не какого-нибудь демона, но чрезмѣрной скорби, когда писалъ къ Коринѳянамъ, чтобы они простили наконецъ грѣшнику грѣхъ его: *да не како многою скорбію*, говоритъ онъ, *пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. II, 7). Но предположимъ, если хочешь, что демонъ нападаетъ на тебя, а уныніе изгнано изъ твоей души: какой отъ этого будетъ вредъ? Какое зло, большое или малое, можетъ причинить намъ демонъ самъ по себѣ? Уныніе же и безъ него можетъ сдѣлать много зла, и большая часть изъ тѣхъ, которые наложили на себя петлю, или закололись мечомъ, или утопились въ рѣкахъ, или погубили себя какъ нибудь иначе, увлечены были къ такой насильственной смерти уныніемъ; если же въ числѣ этихъ людей окажутся нѣкоторые и изъ одержимыхъ демономъ, то и ихъ погибель должно приписать не демону, но вліянію и силѣ унынія. Какъ же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнувъ мнѣнія толпы объ этомъ предметѣ, будешь помышлять о горнемъ. Теперь твое положеніе кажется тебѣ ужаснымъ, потому что толпа считаетъ его такимъ; но если ты захочешь съ точностію разсмотрѣть его само по себѣ, отрѣшившись отъ пустого и ошибочнаго предубѣжденія, то найдешь, что оно не представляетъ никакого повода къ унынію, какъ это уже многократно и доказано нами. Касательно же твоихъ сверстниковъ (которыхъ благодушіе и дерзновеніе предъ братіями ты видишь и отъ того, я думаю, смущаешься и падаешь духомъ) я скажу, что если бы ты, тогда какъ они проводятъ жизнь въ воздержаніи, скромности и прочихъ добродѣтеляхъ любомудрой жизни, тратилъ все время въ непотребныхъ домахъ, въ играхъ и пирушкахъ, уныніе твое имѣло бы причину; но если ты идешь по одному съ ними пути, то отъ чего тебѣ печалиться? Если бы я говорилъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, изъ числа тѣхъ, которые легко увлекаются гордостію, то я умолчалъ бы о томъ, что намѣренъ теперь сказать тебѣ. Но такъ какъ я вполнѣ увѣренъ, что ты никогда не пере-

станешь быть скромнымъ, а всегда будешь считать себя между по-
слѣдними, хотя бы тебя безмѣрно хвалили и превозносили, то скажу
все, нисколько не притворствуя. Ты, я слышу, такъ успѣлъ въ
своей благочестивой жизни, что не уступаешь уже не только тѣмъ
юношамъ, но и великимъ и дивнымъ мужамъ. И отъ этихъ, гово-
450 рятъ, ты не отстаешь ни въ чемъ, ни въ постѣ (и возможно ли
это, когда ты питаешься только водой и хлѣбомъ, и то черезъ
день?), ни въ продолжительности нощныхъ бдѣній, но подобно имъ
проводишь безъ сна много ночей сряду. А въ препровожденіи дня,
говорятъ, ты многихъ изъ нихъ уже и превзошелъ; отъ приходя-
щихъ оттуда я слышу разсказы, что у тебя все время употреб-
ляется на молитвы и слезы; и какъ подвизающіеся въ молчальни-
чествѣ, или заключившіе себя уединенно въ кельѣ, ни съ кѣмъ ни
о чемъ не разговариваютъ, такъ, говорятъ, поступаешь и ты, живя
среди такого многолюдства. О твоемъ же сердечномъ сокрушеніи,
о скорби и сѣтованіи они разсказываютъ даже съ изумленіемъ, и
этими разсказами о твоихъ подвигахъ здѣсь привели многихъ въ
сокрушеніе. Не смотритъ онъ, говорятъ они, ни на кого изъ при-
ходящихъ туда и не даетъ себѣ отдыха отъ постоянныхъ трудовъ;
часто боялись мы, чтобы онъ не ослѣпилъ глазъ своихъ слезами,
чтобы не повредилъ головнаго мозга чрезмѣрностію бодрствованія
и неослабнымъ и безпрерывнымъ упражненіемъ въ чтеніи.

2. Итакъ тебя печалитъ и смущаетъ то, что ты настолько опередилъ сверстниковъ, что, имѣя сильнаго и дерзкаго противника, далеко оставилъ за собою подвизающихся вмѣстѣ съ тобою! Не правду ли говорилъ я, что твое уныніе есть только слѣдствіе предубѣжденія, а по внимательномъ разсмотрѣніи доставитъ намъ много побужденій даже къ благодушію? Скажи мнѣ, какая польза не быть бѣсноватымъ, если при этомъ жизнь будетъ оставлена въ пренебреженіи? И какой вредъ отъ бѣснованія, если при этомъ образъ жизни будетъ строгъ и благоустроенъ? Но ты, можетъ быть, стыдишься и краснѣешь, когда демонъ низвергаетъ тебя въ чьемъ либо присутствіи? Это происходитъ отъ той же причины, что ты судишь о дѣлѣ по мнѣнію толпы, а не по благоразумію. Низпаденіе не въ томъ состоитъ, что̀ по твоимъ словамъ случается съ тобою, но въ подпаденіи грѣху; при такомъ паденіи слѣдуетъ стыдиться и сѣтовать. А теперь мы стыдимся того, что̀ не имѣетъ въ себѣ ничего постыднаго; напротивъ, дѣлая то, что въ самомъ дѣлѣ постыдно и достойно осмѣянія и тяжкаго наказанія, думаемъ, что съ нами не случилось ничего худого; если душа каждый день падаетъ подъ тяжестію грѣховъ, то никто не плачетъ; а если случится что-либо такое съ тѣломъ, это кажется тяжкимъ и невыносимымъ. Не въ этомъ ли и состоитъ бѣснованіе, когда душа на-

ходится въ такомъ состояніи и такъ ошибочно судитъ о вещахъ? Если бы твои припадки происходили отъ пьянства, тебѣ слѣдовало бы стыдиться и унывать; тогда вина была бы произвольная; но если они происходятъ отъ насилія другого, то стыдиться должно не тому, кто терпитъ, но тому, кто дѣлаетъ обиду и насиліе. Такъ и на площади, если во время ссоры одинъ толкнетъ другого и повергнетъ на землю, мы всѣ обвиняемъ толкнувшаго, а не упавшаго. Хорошо стыдиться, но—тогда, когда мы дѣлаемъ что-нибудь, навлекающее на насъ наказаніе отъ Того, Кто будетъ нѣкогда судить насъ; а пока мы не знаемъ за собою ничего такого, зачѣмъ намъ стыдиться? Если бы кто, напавъ на тебя одного, сталъ бить тебя или повергать на землю безъ всякаго съ твоей стороны повода или вины, а ты все перенесъ бы съ кротостію и удалился, то твой поступокъ былъ бы не постыднымъ, но любомудрымъ и весьма похвальнымъ. Итакъ, если похвально перено- 451
сить обиду, причиняемую людьми, то зачѣмъ будетъ стыдиться, какъ бы какого предосудительнаго дѣла, тотъ, кто благодушно переноситъ бѣшенство злѣйшаго демона, совершающаго то же самое? Что можетъ быть несообразнѣе такого противорѣчія? Если бы ты, вставъ послѣ своего припадка, сталъ дѣлать или говорить что-либо непристойное, тогда и я не сталъ бы препятствовать тебѣ сокрушаться и сѣтовать объ этомъ; а если ты все переносишь съ благодареніемъ и тотчасъ обращаешься къ молитвамъ, то чего здѣсь стыдиться? Можетъ быть, тебя огорчаютъ укоризны отъ другихъ. Но что̀ можетъ быть предосудительнѣе людей, которые не знаютъ даже того, что заслуживаетъ укоризны? Эти люди и суть поистинѣ безумные и бѣсноватые,—они, которые не умѣютъ смотрѣть на вещи, каковы онѣ въ сущности, и ругаютъ достойное похвалъ, а предосудительное считаютъ похвальнымъ. Сумасшедшіе говорятъ окружающимъ много худого, но слушающіе ихъ не думаютъ обижаться. Такъ и ты, слушая этихъ безумныхъ, не считай случающагося съ тобою позоромъ и вредомъ, чтобы тебѣ въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться достойнымъ осужденія, прогнѣвавъ Бога. Если ты будешь считать позорнымъ то, что Богъ посылаетъ для вразумленія и пользы, то смотри, къ чему ведетъ это зло.

3. Если ты хочешь видѣть людей дѣйствительно достойныхъ стыда и осужденія, то я попытаюсь изъ множества такихъ указать тебѣ на нѣкоторыхъ. Посмотри на прельщающихся женскою красотою, на пристрастныхъ къ деньгамъ, на любящихъ власть и славу и для этого готовыхъ дѣлать и терпѣть все, на изнуряемыхъ завистію, на злоумышляющихъ противъ тѣхъ, кто ничѣмъ ихъ не обидѣлъ, на предающихся унынію безъ всякой причины, на людей, которые постоянно увлекаются суетами житейскими; вотъ

эти и подобныя имъ дѣла безумны и достойны наказанія, заслуживаютъ осужденія, и стыда, и осмѣянія. А кто, подвергаясь нападенію демона, не смотря на то оказываетъ въ своей жизни великое любомудріе, тотъ заслуживаетъ, чтобы всѣ не только не осуждали его, но и удивлялись ему и украшали его вѣнцами за то, что онъ съ такими узами совершаетъ столь трудное шествіе и восходитъ по крутому и тѣсному пути добродѣтели. Однако, я едва не забылъ еще нѣчто, въ чемъ ты имѣешь преимущество предъ братіями; — именно то, что ты легко можешь, если погрѣшилъ въ чемъ нибудь, загладить эти грѣхи настоящимъ несчастіемъ. Это извѣстно намъ изъ того, что сказалъ я выше, когда говорилъ о Лазарѣ и о блудникѣ коринѳскомъ. Но боюсь за отца, говоришь ты; свои скорби я смогу спокойно перенести, но легко ли будетъ намъ перенести его смущеніе и негодованіе, если онъ когда нибудь узнаетъ что-либо изъ этого? Однако до сихъ поръ онъ не узналъ; а унывать и мучиться изъ-за того, что случится когда-нибудь послѣ, а можетъ быть никогда не случится, весьма малодушно. И откуда извѣстно намъ, что онъ узнаетъ? Впрочемъ пусть будетъ это намъ извѣстно; допустимъ, если хочешь, что онъ и узнаетъ и сдѣлаетъ много зла; хвалю тебя за то,
452 что ты скорбишь объ его горестяхъ, но не одобряю того, что дѣлаешь это со вредомъ для себя; тѣмъ, которые помышляютъ о горнемъ, а не о земномъ, должно преодолѣвать не только гнѣвъ и похоть и прочія страсти, но и уныніе; потому что оно можетъ причинить намъ больше зла, чѣмъ эти страсти, и съ нимъ должно мужественно бороться тѣмъ, кто не хочетъ совсѣмъ погибнуть. Если бы тебѣ самому предстояло быть виновникомъ горестей твоего отца, тогда дѣйствительно слѣдовало бы тебѣ бояться и трепетать, какъ виновнику такого бѣдствія; но если онъ самъ захочетъ подвергать себя крайнимъ огорченіямъ, тебѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла; остается только соболѣзновать отцу. Притомъ мы не знаемъ, какъ онъ приметъ это извѣстіе; часто многое случалось противоположно ожиданіямъ; хотя это бываетъ не такъ обыкновенно и рѣдко; но въ данномъ случаѣ это и естественно и очень возможно. Откуда же это видно? Твой отецъ много заботится о побочныхъ дѣтяхъ, и такая любовь къ нимъ можетъ затьмить его печаль о тебѣ; не мучь же ты себя напрасными тревогами. Если же нужно сѣтовать объ отцѣ, то по поводу его безумной расточительности, пировъ, гордости, жестокости, теперешней блудной жизни. Неужели малое зло, по твоему мнѣнію,—при жизни жены, вашей матери, имѣть связь съ другою женщиною и рождать дѣтей отъ беззаконнаго сожитія? Вотъ это явное, приводящее къ худому концу дѣло, это достойно сѣтованія и слезъ; а что̀ случится

изъ-за тебя, то, можетъ быть, будетъ худо, а, можетъ быть, и не худо; терпѣть вѣрную муку въ виду неизвѣстнаго будущаго—весьма безразсудно. Положимъ даже, что вѣсть о тебѣ принята будетъ (отцомъ) съ великимъ негодованіемъ; но оно окончится весьма скоро и погаснетъ раньше, чѣмъ хорошо разгорится; потому что человѣкъ, столь преданный наслажденіямъ, озабоченный многими дѣлами, питающій нахлѣбниковъ и льстецовъ и пламенѣющій такою страстію къ женщинѣ, отъ которой имѣетъ полуродныхъ вамъ братьевъ, если и обратитъ вниманіе на тебя, то недолгое и незначительное. Объ этомъ я заключаю не только изъ того, что мною сказано, но и изъ того, что прежде было; я знаю, хорошо знаю, что отецъ твой прежде крѣпко любилъ тебя и считалъ твою голову дороже всего; но когда ты вступилъ въ монашескую жизнь, онъ погасилъ всю эту любовь, призналъ поступокъ твой постыднымъ и недостойнымъ знаменитости предковъ и говорилъ, что ты посрамилъ честь его; даже, если бы не удерживала его сила природы, онъ, можетъ быть, и отрекся бы отъ тебя. Такимъ образомъ—если слова эти не будутъ очень необдуманными — я полагаю, что онъ даже радъ случившемуся съ тобою, считая тебя потерпѣвшимъ наказаніе за то, что ты рѣшительно не принялъ совѣта его, хотя онъ часто увѣщавалъ тебя и хотѣлъ отвлечь отъ этой строгой жизни.

4. Вотъ что я могу сказать объ отцѣ и о твоемъ опасеніи за него; и этого, я думаю, достаточно для того, чтобы разсѣять весь твой страхъ по этому поводу. Но ты говорилъ, что главная бѣда въ томъ, что ты не можешь надѣяться и на будущее и не знаешь, 453
будетъ ли конецъ твоему страданію, или вступившій съ тобою въ эту борьбу захочетъ бороться съ тобою до смерти. Относительно этого и я не могу сказать ничего вѣрнаго, и не могу ручаться за будущее; однако я вѣрно знаю, и тебѣ желаю также убѣдиться въ томъ, что все, что бы ни случилось, будетъ намъ на пользу; и если ты будешь имѣть такое убѣжденіе, то скоро отгонишь отъ себя и то, что называешь верхомъ своихъ несчастій. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду и то, что время наградъ и вѣнцовъ есть вѣкъ будущій, а настоящій,—время борьбы и подвиговъ. Это желалъ намъ объяснить блаженный Павелъ, говоря: *тако теку, не яко безвѣстно; тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй; но умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 26. 27). Когда же онъ приблизился къ кончинѣ, тогда произнесъ слѣдующее блаженное изреченіе: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ, прочее соблюдается ми вѣнецъ правды* (2 Тим. IV, 7), изъясняя, что вся наша жизнь должна быть проводима въ борьбѣ и трудахъ,

если мы хотимъ наслаждаться вѣчнымъ покоемъ и безчисленными благами. Если же кто изъ безпечныхъ захочетъ наслаждаться и здѣшними удовольствіями и тамошними наградами, уготованными трудящимся, тотъ самъ себя обманываетъ и обольщаетъ. Какъ между борцами тотъ, кто во время борьбы ищетъ покоя, находитъ себѣ навсегда позоръ и безславіе, а тотъ, кто на мѣстѣ борьбы мужественно переноситъ всѣ трудности, получаетъ отъ зрителей вѣнцы, славу и похвалу, и во время борьбы, и по окончаніи ея, такъ и у насъ. Кто время трудовъ дѣлаетъ временемъ покоя, тотъ будетъ стонать, скрежетать зубами и терпѣть крайнія муки тогда, когда нужно будетъ успокоиться вѣчнымъ покоемъ; а кто здѣсь переноситъ скорби благодушно, тотъ и здѣсь и тамъ будетъ блистать и наслаждаться славою безсмертною и истинною. Если въ житейскихъ дѣлахъ человѣкъ, дѣлающій что-либо неблаговременно, не достигаетъ того, что имѣлъ въ виду, и подвергаетъ себя безчисленнымъ бѣдствіямъ, то тѣмъ болѣе испытаетъ это на себѣ тотъ, кто не знаетъ установленныхъ временъ въ дѣлахъ духовныхъ. Христосъ сказалъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33). Блаженный Павелъ сказалъ: *и вси, хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ* (2 Тимоѳ. III, 12), разумѣя не только гоненія отъ людей, но и козни демоновъ. Іовъ сказалъ: *искушеніе есть житіе человѣку на земли* (Іов. VII, 1). Чтó же ты сѣтуешь, претерпѣвая скорби во время скорбей? Сѣтовать нужно было бы въ томъ случаѣ, если бы мы время, которое Христосъ назвалъ временемъ скорби, дѣлали временемъ наслажденія и покоя; если бы въ то время, когда намъ заповѣдано подвизаться и трудиться, мы предавались праздности; если бы мы шли по пространному пути, тогда какъ Онъ повелѣлъ итти по тѣсному. За это намъ неизбѣжно слѣдовало бы терпѣть наказаніе въ томъ вѣкѣ. Но что сказалъ бы ты, говоришь, о тѣхъ, которые и здѣсь идутъ широкимъ путемъ и тамъ будутъ покоиться? Кто же эти люди? Я вѣрю только слову Христа, который говоритъ, что *узокъ*
454 *и тѣсенъ путь, вводяй въ животъ* (Матѳ. VII, 14). А что по тѣсному пути никогда нельзя итти, какъ по широкому, это, конечно, всякому ясно. Если на мірскихъ ратоборствахъ никто не получалъ вѣнца безъ трудовъ, имѣя притомъ своими противниками такихъ же людей, то какъ намъ, противъ которыхъ ратуютъ лукавыя силы, можно побѣдить ихъ бѣшенство безъ скорби и стѣсненія?

5. Впрочемъ, зачѣмъ намъ доказывать это умозаключеніями, когда можно прибѣгнуть къ блаженнымъ и доблестнымъ подвижникамъ, жившимъ въ прежнія времена? Припомни всѣхъ, прославившихся въ тѣ времена, и увидишь, что всѣ они скорбями достигли дерзновенія предъ Богомъ. Прежде всего, если хочешь, обратимся къ

сыну первозданнаго, агнцу Христову, Авелю, который не сдѣлалъ никакого зла, и однако потерпѣлъ то, чему подвергаются тягчайшіе грѣшники. Мы терпимъ искушенія въ наказаніе за грѣхи; а этотъ праведникъ страдалъ не за что-либо другое, а за то, что былъ праведенъ. Пока онъ не отличался ничѣмъ великимъ, братъ былъ благосклоненъ къ нему, а когда прославился своею жертвою, то Каинъ, ослѣпленный завистію, не посмотрѣлъ и на природу. Почему же ты знаешь, не эта ли причина и теперь возбудила противъ тебя діавола, и не слава ли твоей жизни вызвала его на эту борьбу? Если ты смѣешься надъ этими моими словами,—хвалю тебя за смиренномудріе; однако не перестану такъ думать. Если Авель, принесши тукъ, угодилъ Богу, тѣмъ болѣе посвятившій Богу не внѣшнее что-либо, но всего себя, могъ вооружить противъ себя врага. Богъ же попустилъ ему напасть на тебя, какъ и тогда Онъ не воспрепятствовалъ совершиться убійству, но попустилъ праведнику впасть въ руки убійцы, и не избавилъ того, кто потерпѣлъ смерть ради Его и Его славы; Онъ не хотѣлъ уменьшенія вѣнцовъ Авеля, посему и попустилъ ему дойти до конца. Но, скажешь ты, какое наказаніе—смерть? О, если бы и мнѣ теперь потерпѣть такое наказаніе! Это, возлюбленный, говоришь ты теперь, а прежде смерть казалась тягостнѣе всего и мучительнѣе всякаго наказанія. Потому и по Закону Моисееву сдѣлавшіе величайшій и непростительный грѣхъ подвергались этому наказанію. И по законамъ внѣшнихъ (языческихъ) законодателей еще и теперь не иначе наказываются всѣ, уличенные въ самыхъ гнусныхъ злодѣяніяхъ; между тѣмъ этотъ праведникъ пострадалъ одинаково съ беззаконниками, или даже гораздо тяжелѣе, такъ какъ получилъ ударъ отъ руки брата. А что Ной? И онъ былъ праведенъ и совершенъ, и среди всеобщаго развращенія одинъ угодилъ Богу, тогда какъ всѣ прочіе оскорбляли Его. И однако онъ претерпѣлъ безчисленное множество скорбей, и—тяжкихъ. Онъ не умеръ такъ скоро, какъ Авель, и не подвергся тому, что тебѣ представляется легкимъ, но переносилъ долгую жизнь, и въ теченіе многихъ лѣтъ жилъ нисколько не лучше тѣхъ, которые носятъ тяжести и постоянно изнуряются тягчайшимъ бременемъ. Я сейчасъ вполнѣ объясню тебѣ это, сказавъ предварительно слѣдующее. Цѣлый годъ Ной жилъ въ темницѣ, въ темницѣ необыкновенной и страшной. Не буду говорить о множествѣ звѣрей и пресмыкающихся, съ которыми вмѣстѣ жилъ онъ столько времени,
заключенный въ такой тѣснотѣ; что́, думаешь, терпѣлъ онъ отъ 455
треска громовъ, отъ шума дождей? Бездна нижняя разверзалась, верхняя низвергалась; а внутри ковчега сидѣлъ онъ одинъ съ сыновьями. Хотя онъ могъ быть увѣреннымъ, что потопъ кончится,

но по чрезвычайности событія впередъ умиралъ отъ страха. Если мы, имѣя дома, крѣпко построенные на землѣ, и живя въ городахъ, упадаемъ духомъ и смущаемся, когда увидимъ, что дождь льетъ нѣсколько сильнѣе обыкновеннаго, то чего не вытерпѣлъ онъ, находясь одинъ внутри ковчега и видя ужаснѣйшую бездну и различные роды погибшихъ въ ней? Душа можетъ притти въ ужасъ, когда и одинъ городъ или даже одинъ домъ во время наводненія погибаетъ въ волнахъ; а когда потерпѣла это вся вселенная, то и сказать нельзя, въ какомъ состояніи находился носившійся среди такого наводненія. И цѣлый годъ онъ былъ въ такомъ страхѣ. Когда же потопъ прекратился, то страхъ его уменьшился, но увеличилась у него печаль. Лишь вышедши изъ ковчега, онъ встрѣтилъ другую бурю, не меньше первой, увидѣвъ великую пустыню, насильственную смерть, тѣла погибшихъ, смѣшанныя съ иломъ и грязью, и всѣхъ вмѣстѣ—и людей, и ословъ, и болѣе низшихъ животныхъ зарытыми въ одной самой жалкой могилѣ. Хотя погибшіе въ потопѣ были великіе грѣшники, однако Ной былъ человѣкъ и сострадалъ имѣвшимъ одинаковую съ нимъ природу. Такъ и Іезекіиль, хотя былъ праведенъ, и зналъ, что израильтяне порочнѣе всѣхъ, однако, когда видѣлъ ихъ поражаемыми и падающими, также сострадалъ и плакалъ; между тѣмъ Богъ напередъ открылъ ему все ихъ нечестіе и далъ ему возможность видѣть это собственными глазами, для того, чтобы онъ, когда увидитъ ихъ наказываемыми, мужественно перенесъ это несчастіе; и однако, послѣ доставленнаго ему такого облегченія, онъ жаловался и падши взывалъ такъ: *о лютѣ мнѣ, Господи!, еда потребляеши Ты останки Израилевы* (Іезек. IX, 8)? И это случилось съ нимъ не однажды только, но и въ другой разъ, когда онъ видѣлъ умерщвленіе Іехоніи. Такъ и Ной, хотя зналъ о безчисленныхъ преступленіяхъ современниковъ, но не былъ мужественнѣе ни Іезекіиля, ни Моисея. И Моисей много разъ страдалъ одинаково съ пророкомъ, и видя, что согрѣшающимъ надлежало потерпѣть наказаніе, сѣтовалъ и скорбѣлъ болѣе самихъ наказываемыхъ. Но при Ноѣ и несчастіе было ужаснѣе; ибо такая смерть, какая случилась при немъ, была единственною. Затѣмъ, когда Ной былъ удручаемъ столь великими бѣдствіями,—одиночествомъ, состраданіемъ къ единоплеменникамъ, множествомъ погибшихъ, способомъ смерти ихъ, запустѣніемъ земли,—и когда печаль его со всѣхъ сторонъ сильно увеличивалась и возрастала, тогда же наносится ему еще оскорбленіе и отъ сына,—оскорбленіе невыносимое, весьма позорное и весьма прискорбное. Во сколько разъ оскорбленія отъ друзей тяжелѣе оскорбленій отъ враговъ, во столько оскорбленія отъ дѣтей нестерпимѣе оскорбленій отъ друзей. Такъ,

когда отецъ увидитъ, что тотъ, котораго онъ родилъ, котораго воспиталъ, котораго образовалъ, для котораго перенесъ мно- 456
жество скорбей, трудовъ и заботъ, обходится съ нимъ обиднѣе всѣхъ, когда онъ испытаетъ это, то не въ силахъ будетъ перенести великой скорби душевной. Обида для человѣка свободнаго и сама по себѣ несносна; когда же она нанесена собственными дѣтьми, то можетъ довести обиженнаго даже до изступленія; до того она тяжела! Притомъ имѣй въ виду не одно только это оскорбленіе, но по нему заключай и о томъ, какъ оскорбитель обращался съ Ноемъ и во все прежнее время. Если Хамъ, еще имѣя предъ собою страшное событіе, лишь только освободившись изъ такой темницы и еще видя бѣдствія вселенной, не вразумился этимъ, но оскорбилъ того, кого оскорблять всего меньше слѣдовало; если онъ не исправился ни смертію такого множества людей, ни опустошеніемъ земли, ни гнѣвомъ Божіимъ, ни другимъ какимъ либо изъ тогдашнихъ событій, то каковъ онъ былъ прежде потопа, когда было много увлекавшихъ его къ порокамъ? Да, тогда изъ-за этого (сына) и прочихъ людей праведникъ вытерпѣлъ болѣе жестокую бурю, чѣмъ та, которая была во время самаго потопа. Во время потопа окружало его только множество воды; а до потопа онъ со всѣхъ сторонъ былъ объятъ бездною пороковъ и козни злыхъ людей безпокоили его сильнѣе волнъ. Оставшись одинъ среди такого множества беззаконниковъ и нечестивцевъ, онъ, хотя не терпѣлъ отъ нихъ никакого вреда, но перенесъ много насмѣшекъ и издѣвательствъ, если не прежде, то тогда, когда говорилъ имъ о ковчегѣ и будущихъ бѣдствіяхъ. А какъ такія насмѣшки могутъ возмутить душу, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать намъ тотъ, кто былъ освященъ отъ чрева матерняго и хотѣлъ изъ-за этого даже отказаться отъ пророчества; *и рекохъ*, говоритъ (Іеремія), *не возглаголю ктому* (Іер. xx, 9). Кромѣ того, сколько огорченія, сколько печали причиняло Ною одно то, что не было никого одинаковаго съ нимъ ни по душѣ, ни по жизни! Мало этого; онъ терпѣлъ много скорбей и отъ соболѣзнованія о своихъ современникахъ. Развѣ праведники скорбятъ тогда только, когда они видятъ грѣшниковъ умирающими, а когда видятъ ихъ согрѣшающими, развѣ не сокрушаются? Нѣтъ, въ послѣднемъ случаѣ они огорчаются гораздо болѣе, нежели въ первомъ. И это можно хорошо узнать отъ пророковъ. Одинъ изъ нихъ горько взывалъ: *у, лютѣ мнѣ, душе, яко погибе благочестивый отъ земли и исправляющаго въ человѣцѣхъ нѣсть* (Мих. vii, 2). А другой говорилъ къ Богу: *вскую мнѣ показалъ еси труды и болѣзни смотрѣти* (Аввак. i, 3)? И сильно сокрушаясь объ угнетаемыхъ, плакалъ такъ: *сотвориши человѣки, яко рыбы морскія, не имущія*

старѣйшины (14). Если же такъ было тогда, когда существовали и законы, и начальники, и судилища, и священники, и пророки, и наказанія, то представь, до какой крайности простирались всѣ пороки при Ноѣ, когда ничто подобное не удерживало людей. Притомъ, при пророкахъ жизнь человѣческая продолжалась недолго, лѣтъ семьдесятъ—восемьдесятъ; а тогда она простиралась до ше-
457 стисотъ лѣтъ и болѣе. Кромѣ всего вышесказаннаго, сколько трудовъ онъ долженъ былъ понести, проходя такой долгій путь и стараясь въ такое продолжительное время нимало не совратиться, при многихъ встрѣчающихся препятствіяхъ? Что я говорю: многихъ, когда весь совершенно путь былъ таковъ, весь отъ края до края земли былъ исполненъ скалъ и терній, дикихъ звѣрей и зловонія, заразы и холода, и злодѣевъ? Подлинно, удобнѣе итти въ самую глубокую ночь по узкой тропинкѣ, чѣмъ по пути добродѣтели въ тѣ времена: сколько было людей, которые усиливались совратить Ноя съ его пути! Когда всѣ могутъ дѣлать все, что захотятъ, и только одинъ идетъ по противоположному имъ пути,—какъ онъ можетъ дойти до конца, если всѣ тѣснятъ и увлекаютъ его назадъ? А какъ трудно вести жизнь добродѣтельную среди многолюдства, это доказываютъ поселившіеся въ пустыняхъ въ настоящее время, когда, по благодати Божіей, вездѣ можно видѣть добрую жизнь, единодушіе и немалую любовь другъ къ другу. Тогда же ничего этого не было, но всѣ относились къ Ною свирѣпѣе даже дикихъ звѣрей.

6. Что можетъ быть прискорбнѣе, что бѣдственнѣе такой жизни? Я обѣщалъ показать, что состояніе Ноя было ничѣмъ не лучше состоянія тѣхъ, которые постоянно носятъ тяжести и никогда не имѣютъ отдыха; но мое слово сдѣлало гораздо больше, открывъ намъ, что состояніе Ноя было не только ничѣмъ не лучше, но гораздо тяжелѣе ихъ состоянія. Многимъ кажется, что Авраамъ благодушно прожилъ все время, почему и привыкли сравнивать съ нимъ благоденствующихъ и счастливыхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Разсмотримъ же, что было съ нимъ. По моему мнѣнію онъ гораздо и Ноя и Авеля... но лучше не скажу ничего, пока не дастъ намъ рѣшенія самое разсмотрѣніе событій. Что было съ нимъ въ Персіи, и случилось ли съ нимъ что-либо горестное до семидесяти лѣтъ его жизни, этого никто не можетъ точно знать. И блаженный Моисей не написалъ намъ исторіи этого времени, но, опустивъ всѣ эти годы его жизни, началъ повѣствованіе уже съ послѣдующихъ лѣтъ. А что, вѣроятно, и Авраамъ страдалъ одинаково съ Ноемъ, когда одинъ хотѣлъ жить благочестиво среди столь многихъ нечестивцевъ и иноплеменниковъ, это не такъ безъизвѣстно, какъ остальное, и даже весьма неразумные

люди легко могутъ понять это. Впрочемъ, оставимъ пока и это; начнемъ рѣчь съ переселенія Авраама, разсмотрѣвъ прежде всего то, какъ далеко земля Халдеевъ отстояла отъ Палестины, каково было состояніе дорогъ, каковы были взаимныя отношенія людей, каково было общественное устройство. По тому, что праведникъ легко послушался, не должно считать теперь и самаго дѣла легкимъ, и по тому, что Моисей разсказалъ о событіи сжато и кратко, не надобно думать, будто и самое дѣло такъ же кратко, какъ слова; сказать и описать это—легко; но сдѣлать не такъ легко, напротивъ очень трудно. Итакъ, о длинѣ пути и о томъ, какъ велико разстояніе между этими странами, могли бы съ точностію сказать тѣ, которые пришли бы къ намъ оттуда, если только есть
такіе. Но мы ни съ кѣмъ изъ нихъ не видѣлись, а встрѣтившись 458
съ однимъ изъ бывшихъ въ сосѣдней странѣ, и спросивъ, сколько времени онъ долженъ былъ провести въ пути, мы услышали, что — тридцать пять дней; впрочемъ, сказалъ онъ, Вавилона онъ не видалъ, а слышалъ отъ бывшихъ тамъ, что есть оттуда еще другой столь же длинный путь. Таково разстояніе было тогда, таково оно и теперь; но тогдашнее состояніе дорогъ было не таково, какъ нынѣшнее. Нынѣ на дорогѣ часто расположены гостинницы, города и селенія, и путешественникъ можетъ встрѣчаться со многими путниками, а это важно въ отношеніи безопасности не меньше гостинницы, города и селенія. Притомъ градоначальники, избравъ изъ страны мужей, отличающихся отъ другихъ тѣлесною силою и способныхъ дѣйствовать дротикомъ и пращею такъ же, какъ стрѣлки стрѣлами и копьеносцы копьями, и поставивъ надъ ними начальниковъ, освободили ихъ отъ всякаго другого дѣла и ввѣрили имъ только охраненіе путей. А затѣмъ придумали еще и другую, болѣе этой надежную, мѣру безопасности: устроивъ при дорогѣ жилища на разстояніи тысячи шаговъ одно отъ другого, помѣстили въ нихъ ночныхъ сторожей, которыхъ бдительность и надзоръ служатъ большимъ препятствіемъ для нападеній злодѣевъ. А при Авраамѣ ничего этого не было: ни частыхъ селеній, ни городовъ, ни гостинницъ; нескоро можно было увидѣть постоялый дворъ или спутника, или что-нибудь другое подобное; не говорю уже теперь о неровности дороги и непостоянствѣ вѣтровъ, хотя и эти неудобства, даже безъ тѣхъ, могутъ причинить довольно непріятностей путникамъ. Это могутъ засвидѣтельствовать тѣ, которые, имѣя повозки и упряжныхъ животныхъ, не осмѣливаются и на нихъ отправляться по обыкновенной дорогѣ, если напередъ не вымостятъ ея камнями, и, заваливъ рытвины отъ потоковъ, не уровняютъ такимъ образомъ дороги. Тогда же дорога была пустыннѣе мѣстъ необитаемыхъ, непроходимѣе горъ,

опаснѣе рвовъ и скалъ. Но я не сказалъ еще о самомъ важномъ неудобствѣ, о томъ, каковы были взаимныя отношенія людей, причинявшія имъ гораздо больше тяжелыхъ затрудненій, чѣмъ самая дорога, такъ какъ всѣ были раздѣлены по народамъ, или даже по городамъ. Тогда не такъ было, какъ теперь, когда одна власть простирается на большую часть вселенной, и всѣ повинуются одному человѣку и управляются одними законами; но какъ одно тѣло, разсѣченное на многія части, такъ раздѣленъ былъ тогда и родъ человѣческій; праведникъ долженъ былъ перемѣнять однихъ враговъ на другихъ, и, прежде чѣмъ убѣгалъ отъ однихъ, всегда попадалъ на другихъ; потому что въ одномъ мѣстѣ было многоначаліе, въ другомъ безначаліе. Что же тяжелѣе такой жизни? Притомъ, Авраамъ боялся и трепеталъ не за себя только, но и за отца, и за жену, и за племянника. Не малая также была у него забота о слугахъ, когда они были даже и дома, а тѣмъ болѣе, когда имъ приходилось часто быть на чужбинѣ. И если бы онъ точно зналъ, гдѣ кончится для него странствованіе, то заботы его не были бы такъ несносны; а теперь, услышавъ просто и не-
459 опредѣленно о землѣ, не о той или другой, но *юже ти покажу* (Быт. XII, 1), онъ мысленно обходилъ всѣ страны и испытывалъ въ душѣ великое смущеніе, потому что нигдѣ не могъ остановиться мыслію, но долженъ былъ о многомъ сомнѣваться и безпокоиться. Могъ онъ думать, что пойдетъ до самыхъ предѣловъ вселенной и до самаго океана, такъ что, хотя и не прошелъ всей земли, но безпокойство о такомъ путешествіи вытерпѣлъ. Въ душѣ онъ готовъ былъ не только дойти до Палестины, но слѣдовать всюду, хотя бы ему повелѣно было пройти всю вселенную или даже идти на острова, находящіеся внѣ ея. Если же неопредѣленность повелѣнія заставляла ожидать и того и совершенно противоположнаго, то и это было тяжело. Кому предстоитъ терпѣть что-либо тяжкое, тому гораздо легче знать ясно, чему онъ подвергнется и къ чему онъ долженъ готовиться, чѣмъ носиться мыслію повсюду и ждать то благопріятнаго, то неблагопріятнаго, и ни на что твердо не надѣяться, но одинаково не довѣрять тому и другому.

7. Это происходило съ Авраамомъ до прибытія его въ обѣтованную землю; когда же онъ достигъ Палестины и надѣялся наконецъ успокоиться, тогда въ самой пристани нашелъ еще бóльшую бурю. А не легко, напротивъ весьма тяжело бываетъ, когда, кто-нибудь подумавъ, что скорбь его кончилась, и что онъ уже свободенъ отъ нея, поэтому отложивъ всякую заботу и попеченіе, вдругъ долженъ будетъ снова начать борьбу съ непріятностями. Кто ожидаетъ бѣдствій, тотъ легче можетъ вынести ихъ наступленіе; а кто успокоился и отрѣшился отъ заботъ, тотъ, если опять

случится съ нимъ что-либо подобное прежнему, возмущается и легче поддается скорби по двумъ причинамъ: по неожиданности бѣдствія и потому, что онъ отложилъ всякую заботу и предосторожность. Итакъ, какая же буря постигла Авраама? Тогда въ Палестинѣ былъ столь сильный голодъ, что Авраамъ тотчасъ поднялся оттуда и пошелъ въ Египетъ. Пришедши туда въ надеждѣ найти избавленіе отъ бѣдствія, онъ былъ постигнутъ опять несчастіемъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ голодъ, подвергшись крайней опасности. Онъ впалъ тогда въ такой страхъ, что рѣшился даже на то, что для всѣхъ мужей несноснѣе всего; это — поруганіе ихъ женъ. Онъ дошелъ тогда до такой крайности, что прибѣгъ даже къ лицемѣрію; а что можетъ быть тяжелѣе этого? Каково, думаешь ты, было у него на душѣ, когда онъ принужденъ былъ совѣтовать женѣ своей слѣдующее: *вѣмъ азъ, яко жена добролична еси. Будетъ убо, егда увидятъ тя Египтяне, рекутъ, яко жена его есть сія; и убіютъ мя, тебе же снабдятъ. Рцы убо, яко сестра ему есмь, да добро мнѣ будетъ тебе ради, и будетъ жива душа моя тебе ради* (Быт. XII, 12. 13)? Эти слова произнесъ тотъ, кто для Бога оставилъ и отечество, и домъ, и друзей, и сродниковъ, и все прочее въ домѣ, и перенесъ такую скорбь и столько труда въ продолжительное время своего путешествія. Однако онъ не сказалъ тогда ничего подобнаго слѣдующему: „Богъ оставилъ меня, отвратился, и лишилъ своего промышленія“; нѣтъ, онъ все перенесъ мужественно и съ вѣрою; и кому слѣдовало бы больше всѣхъ гнѣваться, когда жена его въ великой крайности подвергалась поруганію, тотъ всячески старался, чтобы поруганіе не сдѣлалось явнымъ. А съ какимъ это соединено уныніемъ и огорченіемъ, того невозможно выразить словомъ, но то знаютъ имѣвшіе женъ и впадав- 460
шіе въ безпокойство ревности. Свидѣтельствуетъ объ этой страсти и Соломонъ, когда говоритъ такъ: *исполнена бо ревности ярость мужа ея; не пощадитъ въ день суда; не измѣнитъ ни единою цѣною вражды, ниже разрѣшится многими дарми* (Притч. VI, 34); и еще: *крѣпка, яко смерть, любы, жестока, яко адъ, ревность* (Пѣсн. пѣсн. VIII, 6). Если же такъ воспламеняется ревнующій, то не злополучнѣе ли всякаго тотъ, кто впалъ въ такое несчастіе, что принужденъ даже льстить оскорбителю и всячески стараться о томъ, чтобы прелюбодѣй, которому слѣдовало бы мстить, удобно воспользовался его женою? Когда окончились и эти бѣдствія, то опять появились другія трудности; за голодомъ послѣдовала война. Не говорю теперь о ссорѣ пастуховъ и разлукѣ съ племянникомъ, хотя и это, если сопоставить съ прочими обстоятельствами могло причинять (Аврааму) великое уныніе. Когда Лотъ, спасенный имъ и получившій столько добра, обязанный поэтому уступить ему во

всемъ и наказать своихъ пастуховъ,—когда этотъ человѣкъ, пользуясь предоставленнымъ ему выборомъ, беретъ себѣ плодоноснѣйшія страны, а ему оставляетъ болѣе пустынныя мѣста, кто могъ бы легко перенести это? Говорю не объ убыткѣ, но о томъ, что оказавшій уваженіе, самъ подвергается неуваженію и получаетъ худшую часть, что̀ представляется тяжелѣе всякаго убытка. Впрочемъ все это я опускаю теперь, потому что рѣчь у насъ о патріархѣ, а не о комъ-либо изъ обыкновенныхъ людей.

8. Итакъ за голодомъ послѣдовала война съ персами, и Авраамъ вынуждается итти противъ нихъ, не въ самомъ началѣ, когда обѣ стороны были еще въ силахъ, но когда союзники всѣ были уже обращены въ бѣгство, побѣда осталась за непріятелями, и никто уже не могъ сопротивляться имъ, такъ какъ одни были совершенно разбиты, другіе скрылись, а нѣкоторые были порабощены ими. Однако ничто не удержало Авраама дома, но, удрученный сильною скорбію о случившемся, онъ пошелъ раздѣлить съ побѣжденными несчастіе, подвергая себя явной смерти; ибо выходить на бой съ такимъ многочисленнымъ войскомъ, имѣя у себя триста съ небольшимъ домочадцевъ, можно было не иначе, какъ разсчитывая и рѣшившись на плѣненіе, истязаніе и безчисленныя смерти. Итакъ онъ пошелъ съ готовностію испытать лютость варваровъ; но, когда былъ спасенъ Божіимъ человѣколюбіемъ и возвратился съ добычею и родственникомъ, то опять долженъ былъ оплакивать собственное горе, — разумѣю безчадіе и то, что онъ не имѣлъ у себя наслѣдника. Если ты только теперь слышишь, какъ онъ жалуется предъ Богомъ и говоритъ: *что ми даси? Азъ же отпущаюся безчаденъ* (Быт. xv, 2), то не подумай, будто онъ теперь только и почувствовалъ это горе; нѣтъ, эта забота и безпокойство вошли въ домъ праведника вмѣстѣ съ молодою его супругою, или даже прежде самой супруги. Обыкновенно всѣ мы, какъ только начнемъ совѣщаться и говорить о бракѣ, тревожимся всѣми соединенными съ нимъ заботами, изъ которыхъ главнѣйшая— о дѣтяхъ; и опасеніе (безчадія) съ того самаго дня возмущаетъ
46 наши души. Если случится, что послѣ брака пройдетъ одинъ годъ, или два, или даже три (безъ дѣтей), то уныніе усиливается, а надежды на лучшее слабѣютъ; когда же пройдетъ такъ еще болѣе времени, тогда надежды совсѣмъ оставляютъ насъ, а овладѣваетъ душею уныніе, помрачающее всѣ удовольствія жизни и не позволяющее наслаждаться ничѣмъ. Такимъ образомъ, если бы съ Авраамомъ не случилось ни одного изъ столь многочисленныхъ бѣдствій, но все было бы по его желанію, одно уныніе отъ безчадія, сопутствовавшее всѣмъ событіямъ его жизни, было въ состояніи помрачить и уничтожить всякое благодушіе. Обѣтованіе Божіе по-

слѣдовало уже въ глубокой его старости, когда природа не подавала уже надежды (на чадородіе); а все предшествовавшее столь долгое время онъ проводилъ въ печали и горести; и чѣмъ болѣе видѣлъ умножающимся свое богатство, тѣмъ болѣе скорбѣлъ, не имѣя наслѣдника. Что, думаешь ты, претерпѣлъ онъ, когда услышалъ: *пресельно будетъ сѣмя твое въ земли не своей; и поработятъ я, и озлобятъ лѣтъ четыриста* (Быт. xv, 13)? А жена, которая то совѣтуетъ Аврааму взять служанку ея, то, когда онъ взялъ, упрекаетъ и жалуется, призывая на него Бога, и принуждаетъ изгнать ту же служанку, раздѣлявшую съ нимъ ложе и готовившуюся родить ему сына, кого не повергла бы въ крайнее уныніе? Кому это кажется маловажнымъ, тотъ пусть вспомнитъ, что отъ этого разстраивались цѣлые домы, и подивится праведнику. Онъ хотя и мужественно переносилъ все по страху Божію, однако былъ человѣкъ и отъ всего этого страдалъ и скорбѣлъ. Потомъ служанка возвращается въ домъ господина и рождаетъ ему побочнаго сына, и Авраамъ дѣлается отцомъ послѣ такого продолжительнаго времени; это событіе доставило ему нѣкоторое удовольствіе, но еще большее уныніе. Побочный сынъ напоминалъ ему о законномъ, и возбуждалъ сильнѣйшее желаніе такого сына. Онъ думалъ, что слова: *не будетъ сей* (домочадецъ) *наслѣдникъ твой, но иже изыдетъ изъ тебе* (Быт. xv, 4), были сказаны объ Измаилѣ, потому что еще ничего не было сказано о Саррѣ. Когда же наконецъ онъ получилъ яснѣйшее обѣтованіе объ Исаакѣ и назначено было время его рожденія, то прежде чѣмъ успѣлъ онъ насладиться этою надеждою, бѣдствія содомлянъ навели на него великое облако печали. А что эти бѣдствія не мало возмутили праведника, это для всякаго очевидно изъ самыхъ словъ его и изъ молитвы, которую вознесъ онъ къ Богу за содомлянъ; а когда онъ увидѣлъ, какъ полился тотъ ужаснѣйшій дождь и все вдругъ обратилось въ прахъ и пепелъ, то былъ уже внѣ себя. Если мы, издали видя горящіе дома, тревожимся и падаемъ духомъ отъ печали и страха; то чего не потерпѣлъ онъ, видя, какъ цѣлые города и селенія, вмѣстѣ съ жителями, сожигались не обыкновеннымъ, но страннымъ и ужаснымъ пожаромъ? Такъ не были ли эти страданія праведника подобными волнамъ на морѣ, непрерывно слѣдующимъ одна за другою? Какъ тамъ, когда однѣ волны еще не исчезли, поднимаются другія, такъ было и во всей жизни этого праведника. Едва совершились бѣдствія Содома, какъ царь герарскій пытался нанести Саррѣ такое же безчестіе, какъ и фараонъ; и опять жена принуждена была прибѣгнуть къ прискорб- 462
ному лицемѣрію, и безчестіе дѣйствительно было бы ей нанесено, если бы опять не воспрепятствовалъ Богъ. А лишь только и сынъ

отъ рабыни, и жена, и весь домъ начали радоваться рожденію законнаго сына, одинъ праведникъ, среди такой радости, долженъ былъ печалиться и сѣтовать, бывъ вынужденъ изгнать наложницу вмѣстѣ съ сыномъ ея; ибо, хотя Измаилъ былъ и побочный сынъ, и отъ служанки, но его незаконность нисколько не уменьшала въ Авраамѣ природнаго расположенія къ нему, и низкій родъ матери не ослаблялъ неизбѣжнаго чувства въ отеческомъ сердцѣ. Это можно узнать изъ самой Библіи. Мужъ твердый и мужественный, который рѣшался собственными руками заклать единороднаго (сына), скорбѣлъ, когда жена потребовала отъ него изгнанія; и онъ не уступилъ бы и не послушался бы Сарры, хотя бы она имѣла тогда еще больше смѣлости и (настойчивѣе) говорила ему, если бы не побудилъ его къ тому страхъ Божій. Итакъ, когда услышишь, что Авраамъ, по повелѣнію Божію, выслалъ служанку съ сыномъ, не думай, что скорбь его прекратилась (это было невозможно), но подивись той великой покорности, по которой онъ, хотя и терзаясь состраданіемъ, не противорѣчилъ Богу, но выслалъ дитя съ матерью, не зная даже, куда пойдутъ они; онъ переносилъ и терпѣлъ со скорбію, потому что не былъ выше природы.

9. Тоже претерпѣлъ Авраамъ и изъ-за сына законнаго. Пусть никто не говоритъ, что онъ не скорбѣлъ и не страдалъ по-отечески, и пусть не лишаетъ его самой высшей похвалы, желая сверхъ мѣры показать его любомудріе. Мы смущаемся и скорбимъ, а часто и плачемъ, когда видимъ, что по площади ведутъ на смерть людей, уличенныхъ въ постыдныхъ дѣлахъ, и долгое время проводившихъ такую жизнь, и притомъ незнакомыхъ и никогда не виданныхъ нами; какъ же могъ не чувствовать человѣческой скорби тотъ, кому повелѣно было сына своего, законнаго, единственнаго, рожденнаго сверхъ чаянія по истеченіи столь долгаго времени и въ самой глубокой старости (отъ чего любовь сильнѣе воспламеняется), этого сына, еще юнаго, заклать собственными руками и принесть во всесожженіе? Что можетъ быть смѣшнѣе возражающихъ противъ этого? Если бы онъ былъ камнемъ, или желѣзомъ, или адамантомъ, и тогда могъ ли онъ не сокрушаться и не трогаться красотою сына (который былъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ), разумностію словъ его и благочестіемъ души? Онъ спросилъ отца: *се огнь и дрова, гдѣ есть овча?* и услышалъ, что *Богъ узритъ себѣ овча во всесожженіе, чадо* (Быт. XXII, 7), а болѣе ни о чемъ не спрашивалъ; видѣлъ, что отецъ связываетъ его, и не противился; положенъ былъ на дрова, и не соскочилъ; видѣлъ ножъ заносимый на него, и не смутился! Что можетъ быть благочестивѣе этой души? Кто же осмѣлится еще сказать, что Авраамъ отъ всего этого не страдалъ нисколько? Если бы ему предстояло принести въ жертву врага и непріятеля,

если бы онъ былъ звѣремъ, и тогда могъ ли онъ сдѣлать это безъ скорби? Нѣтъ, нѣтъ; не приписывай праведнику такой жестокости: онъ сѣтовалъ и сокрушался. *Богъ*, говорилъ онъ, *узритъ себѣ овча, во всесожженіе, чадо*. Видишь ли, какая жалость заключается 463
въ этихъ словахъ? Однако онъ удерживалъ и подавлялъ скорбь, и дѣлалъ все съ такою готовностію, съ какою дѣлали бы люди не встрѣчающіе ничего удерживающаго ихъ. Итакъ принесши своего сына въ жертву (ибо онъ заклалъ его въ своемъ намѣреніи), онъ возвращаетъ его матери здравымъ и невредимымъ; а она, принявъ сына и не успѣвъ довольно нарадоваться на него, оставляетъ жизнь. И это не мало опечалило Авраама. Хотя она жила съ нимъ долгое время, однако это нисколько не помогало ему легче перенести несчастіе, напротивъ причиняло тѣмъ бóльшее уныніе; потому что мы особенно привязываемся къ тѣмъ, которые долго жили съ нами и представили намъ много доказательствъ своей дружбы и добродѣтели. И что это дѣйствительно такъ, доказалъ самъ патріархъ своимъ сѣтованіемъ и плачемъ о Саррѣ. А чтò сказать о заботахъ его относительно сына, жены его и братьевъ его и всего прочаго? Если бы кто желалъ вникнуть въ подробности этого, тотъ увидѣлъ бы, что жизнь праведника была гораздо бѣдственнѣе и была исполнена бóльшихъ заботъ, чѣмъ какъ изображена теперь. Писаніе сказало только о главнѣйшемъ, а все прочее, чтò обыкновенно бываетъ каждый день въ домѣ, гдѣ множество слугъ, и мужъ, и жена, и дѣти, и забота о многихъ дѣлахъ, предоставило нашему соображенію. Такъ, скажешь ты; но при каждомъ изъ этихъ огорченій величайшую отраду приносило Аврааму то, что онъ терпѣлъ все это для Бога. Тоже можетъ служить утѣшеніемъ и для тебя; искушеніе постигло и тебя не по чьему-либо иному попущенію, а по Божьему. Если злые демоны, безъ Его позволенія, не осмѣливались нѣкогда напасть на свиней, то тѣмъ болѣе на твою драгоцѣнную душу (Матѳ. VIII, 30 и дал.). Посему, какъ Аврааму великую награду доставило то, что онъ переносилъ все мужественно и съ благодарностію, такъ тоже доставитъ награду и тебѣ; только бы ты не унывалъ и не роптала, но за все благодарилъ человѣколюбиваго Бога. Такъ и блаженный Іовъ претерпѣлъ все, чтò онъ претерпѣлъ, по попущенію Божію; но вѣнцы доставило ему не то одно, что онъ претерпѣлъ, но и то, что мужественно устоялъ противъ всѣхъ бѣдствій; и всѣ мы удивляемся ему не потому, что діаволъ лишилъ его всего, но потому, что Іовъ *во всѣхъ сихъ не согрѣши ниже устнама своима* (Іов. I, 22).

10. Вспомнивъ объ Іовѣ, я хотѣлъ изложить въ своемъ словѣ и его долговременныя скорби, и чрезвычайность страданій; но, чтобы не сдѣлать рѣчи слишкомъ длинною, перехожу къ Исааку.

А ты, если хочешь въ точности узнать о случившемся съ Іовомъ, возьми въ руки его книгу и вникни въ бездну его несчастій: и въ нихъ найдешь великое утѣшеніе въ своихъ. Хотя этотъ праведникъ и гораздо лучше насъ, но онъ и боролся съ гораздо бо́льшею силою; потому что лукавый тогда сильнѣе возсталъ противъ него. Впрочемъ подвиги опредѣляются не мѣрою искушеній, но значительностію дѣяній. Такимъ образомъ, хотя нынѣшній подвигъ твой и меньше, но это нисколько не можетъ уменьшить твоихъ вѣнцовъ. Такъ и принесшій два таланта принесъ не менѣе представившаго пять талантовъ. Почему? Потому что, хотя прибыль
464 была и не одинакова, но усердіе одинаково, почему и тотъ и другой получили одинаковую честь, услышавъ: *вниди въ радость Господа твоего* (Матѳ. xxv, 21). Что же Исаакъ? Онъ не былъ посылаемъ въ дальнее путешествіе, какъ отецъ, и не былъ принужденъ оставить свою землю, какъ тотъ; однако и онъ вытерпѣлъ главнѣйшее изъ золъ—страхъ безчадія. Когда же онъ молитвою прекратилъ это зло, его постигъ другой страхъ, бо́льшій прежняго; такъ какъ не все равно—страшиться ли за безчадіе, или за самый корень дѣторожденія; жена его такъ мучилась родами, что для нея жизнь была горче всякой смерти. Объ этомъ послушай, какъ она сама говоритъ: *аще тако ми хощетъ быти, почто ми жити* (Быт. xxv, 22)? Но голодъ испыталъ и Исаакъ; и хотя въ Египетъ онъ не ходилъ, но и онъ испыталъ то, чего едва не потерпѣлъ тамъ отецъ его, подвергшись опасности за свою жену. Притомъ, отца его всѣ сосѣди уважали, а его гнали, какъ врага и непріятеля, и не давали ему насладиться плодами собственныхъ его трудовъ; они, сильно стѣснивъ его, сами пользовались его трудами. Когда же онъ пріобрѣлъ себѣ друзей и увидѣлъ дѣтей своихъ въ полномъ возрастѣ, когда надѣялся найти въ нихъ великое утѣшеніе и имѣть хорошихъ помощниковъ въ старости, тогда, тогда именно онъ и впалъ въ крайнее уныніе. Во-первыхъ, старшій сынъ взялъ себѣ жену иноплеменницу, вопреки желанію отца, при чемъ внесъ въ домъ несогласіе и ссору, и этимъ самымъ сильно опечалилъ его. Сыновнія жены причиняли Исааку и Ревеккѣ множество непріятностей, которыхъ всѣхъ Писаніе не перечислило, но указало на нихъ однимъ словомъ, сказавъ, что *быша противящеся Ревекцѣ* (Быт. xxvi, 35), предоставивъ понять сказанное тѣмъ, у кого есть дома̀ и дѣти, уже вступившія въ бракъ. Такіе люди больше и лучше всѣхъ знаютъ, сколько зла происходитъ, когда свекровь и невѣстка ссорятся между собою, и особенно, когда обѣ живутъ въ одномъ домѣ. Это было постоянное зло. Къ тому же приключилась слѣпота глазъ; а какъ велико это несчастіе знаютъ только тѣ, которые сами страдаютъ ею. Затѣмъ

послѣдовало недоразумѣніе въ благословеніи сына, чѣмъ Исаакъ такъ былъ пораженъ въ душѣ, что воскликнулъ горестнѣе, чѣмъ самъ потерпѣвшій отъ подмѣна, и оправдывался предъ нимъ и говорилъ, что сдѣлалъ эту несправедливость не добровольно, но бывъ введенъ въ обманъ. А дальнѣйшія событія ихъ походили на трагедію театральную и представляли драму изъ жизни ѳивскихъ юношей [1]). И здѣсь старшій братъ, не смотря на старость и слѣпоту отца, изгналъ изъ дома младшаго, и если не совершилъ убійства, какъ тотъ (сынъ Эдипа), то этому воспрепятсвовала мудрость матери. Исавъ также угрожалъ Іакову убійствомъ и ожидалъ только смерти отца; но мать, узнавши объ этомъ и разсказавъ отцу, спасла младшаго отъ рукъ старшаго и (родители) должны были понудить къ бѣгству того, кто былъ послушенъ и почтителенъ къ нимъ, а злого и дѣлавшаго для нихъ жизнь нестерпимою (это го- 465
воритъ сама Ревекка) постоянно удерживали при себѣ. Итакъ, когда удалился тотъ, который всегда жилъ дома (*бысть не лукавъ*, сказано объ Іаковѣ, *живый въ дому*, Быт. xxv, 27) и большею частію находился при матери, сколько должна была Ревекка горевать и плакать, вспоминая всегда о сынѣ и смотря на мужа, который былъ ничѣмъ не лучше мертвеца, и по старости, и по болѣзни? Какою скорбію удручаемъ былъ и старецъ, который долженъ былъ оплакивать и несчастія жены, вмѣстѣ съ своими собственными? Когда Ревекка приблизилась къ смерти, то не видя сына стоящимъ при ней и плачущимъ, закрывающимъ глаза и сжимающимъ уста, одѣвающимъ ее и заботящимся обо всемъ прочемъ,—что для родителей кажется горестнѣе самой смерти,—чего не говорила она, чего не произносила такого, что въ состояніи смягчить и камень? А Исаакъ, видя ее умирающею въ такомъ состояніи, какъ могъ чувствовать себя въ душѣ и тогда и послѣ ея кончины?

11. Такимъ оказался тотъ, который казался намъ счастливѣе многихъ. А жизнь Іакова нѣтъ нужды разсматривать подробно; ее достаточно изображаютъ слова самого Іакова; бесѣдуя съ фараономъ, онъ сказалъ: *малы и злы быша дніе лѣтъ житія моего; не достигоша во дни лѣтъ житія отецъ моихъ* (Быт. xlvii, 9), т. е. я провелъ жизнь и весьма краткую, и весьма бѣдственную. Даже безъ этихъ словъ его несчастія такъ извѣстны, что едва-ли кто и изъ простыхъ людей не знаетъ ихъ. Дѣдъ его, хотя и совершилъ дальнее путешествіе, но по повелѣнію Божію, что̀ доставляло ему величайшее утѣшеніе; а Іаковъ (оставилъ родину), убѣгая отъ

[1]) Т. е. двухъ сыновей ѳивскаго царя Эдипа, которыхъ дѣйствія драматически изображены въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла.

брата, который строилъ противъ него козни и замышлялъ убійство. Авраамъ никогда не терпѣлъ недостатка въ необходимыхъ потребностяхъ; а Іаковъ считалъ за благо и счастіе — имѣть только одежду и хлѣбъ. Когда же онъ спасся (отъ брата), освободился отъ бѣдствій путешествія и пришелъ къ своимъ родственникамъ, то принужденъ былъ работать, хотя былъ воспитанъ среди такого изобилія. Ты знаешь, что рабство горько вездѣ; но когда кто принужденъ быть рабомъ у равныхъ себѣ, и притомъ никогда не испытавъ ничего подобнаго и проведши всѣ прежніе годы жизни на свободѣ и въ довольствѣ, тогда это несчастіе дѣлается невыносимымъ. Однако Іаковъ все переносилъ мужественно. Послушай, какъ самъ онъ разсказываетъ о бѣдствіяхъ своей пастушеской жизни; *азъ воздаяхъ*, говоритъ онъ, *отъ мене самаго татбины денныя и татбины нощныя*; *быхъ во дни жегомъ зноемъ и студенію въ нощи, и отхождаше сонъ отъ очію моею: се мнѣ двадесять лѣтъ* (Быт. XXXI, 39, 40). Это терпѣлъ тотъ, кто велъ не скитальческую жизнь, оставаясь всегда дома; а послѣ такихъ трудовъ и лишеній, и по истеченіи такого долгаго времени, онъ подвергся прискорбному обману при женитьбѣ. Если бы онъ и не работалъ семь лѣтъ, если бы и не потерпѣлъ того, на что жаловался тестю, если бы даже не любилъ его дочери, уже одно то, что ему была обѣщана лучшая, а вмѣсто нея дана худшая, сколько причинило этому блаженному печали, сколько безпокойства, сколько
466 огорченія? Другой на мѣстѣ его не такъ легко перенесъ бы эту обиду, но разрушилъ бы весь домъ тестя, закололъ бы самого себя вмѣстѣ съ нимъ или погубилъ бы какимъ-либо другимъ способомъ; а Іаковъ, какъ незлопамятный и долготерпѣливый, не сдѣлалъ этого, и даже не замышлялъ приступить къ этому; но, получивъ приказаніе работать еще другія семь лѣтъ, охотно послушался: такъ былъ онъ кротокъ и скроменъ. Если скажешь, что любовь къ дѣвицѣ способствовала кротости его нрава, то этимъ согласно со мною опять выразишь чрезмѣрность его скорби. Представь, какую скорбь терпѣлъ онъ, когда былъ лишенъ столь любимой дѣвицы и, надѣясь уже получить ее, принужденъ былъ ждать еще семь лѣтъ, среди холода и зноя, и бдѣній и непрерывныхъ лишеній! Получивъ наконецъ ее и ведя у тестя жизнь бѣдственную и тяжкую, онъ притомъ подвергался зависти, и вторично потерпѣлъ обманъ при полученіи награды, въ чемъ самъ и обличилъ (тестя), сказавъ: *и преобидѣлъ еси мзду мою десятію агнцами* (Быт. XXXI, 41). Вмѣстѣ съ тестемъ и братья его женъ также возставали противъ него, даже больше самого тестя. Но всего тягостнѣе было то, что любимая жена, для которой онъ рѣшился работать дважды семь лѣтъ, предавалась крайнему унынію, видя, что сестра ея рождала, а

сама она не имѣла даже надежды на это, и отъ этого унынія приходила въ такое изступленіе, что упрекала и укоряла мужа, и призывала смерть на саму себя, если не родитъ: *даждь ми чада*, говорила она, *аще же ни, умру азъ* (Быт. ххх, 1). Что же могло радовать его, когда столь любимая имъ (жена) такъ скорбѣла, а братья ея злоумышляли противъ него и всячески старались довести его до крайней бѣдности? Если великую скорбь причиняетъ и то, когда отнимаютъ полученное безъ трудовъ приданое за женами, то подвергающійся опасности лишиться пріобрѣтеннаго собственными трудами, можетъ ли кротко перенести такую потерю? Поэтому Іаковъ, видя, что его подозрѣвали и подсматривали за нимъ, тайно ушелъ, какъ бѣглецъ. Что̀ можетъ быть прискорбнѣе этого? Такъ онъ, удаляясь со страхомъ и опасностію и изъ родительскаго и изъ чужого дома, въ томъ и другомъ случаѣ неизбѣжно впадалъ въ одинаковую пропасть. Убѣжавъ отъ брата, онъ пришелъ къ тестю; а подвергшись опять гоненію отъ этого, принужденъ былъ сойтись съ братомъ; и исполнилось надъ нимъ пророческое изреченіе, которое Амосъ сказалъ о днѣ Господнемъ: *якоже аще убѣжитъ человѣкъ отъ лица льва, и нападетъ нань медвѣдица, и вскочитъ въ домъ (свой), и опрется руками своими о стѣну, и уязвитъ его змія* (Амос. v, 19). А что сказать о страхѣ, которому подвергся онъ, когда былъ настигнутъ Лаваномъ, и о скорбяхъ во время путешествія, когда за нимъ слѣдовало столько стадъ и дѣтей? Когда же ему предстояло увидѣть лицо брата, то не чувствовалъ ли онъ того же, что чувствуютъ, по словамъ поэтовъ, взирающіе на вымышленную ими же голову Горгоны [1]? Не былъ ли онъ совершенно въ такомъ состояніи, какъ бы приближался къ смерти? Выслушай слова его, и узнай, какое пламя было въ душѣ его: *изми мя*, говоритъ онъ, *Боже, отъ руки брата моего, отъ руки Исава: яко боюся азъ его, да не когда пришедъ убіетъ мя, и матерь съ чады. Ты же реклъ еси: благо тебѣ сотворю* (Быт. xxxii, 11). Какой радости не изгналъ бы этотъ страхъ, если бы даже Іаковъ все прежнее время провелъ въ благодушіи? Между тѣмъ у него вся жизнь, съ того самаго дня, 467
въ который онъ, готовясь принять благословеніе, напередъ умиралъ отъ страха, сплеталась изъ несчастій и опасностей. Тогда объялъ его такой страхъ, что даже и послѣ встрѣчи съ братомъ, который обошелся съ нимъ ласково и человѣколюбиво, онъ не имѣлъ смѣлости и не переставалъ безпокоиться. Когда Исавъ убѣждалъ его пойти вмѣстѣ съ нимъ, онъ, какъ бы желая осво-

[1] Горго или Горгона — баснословное чудовище, представляемое греческими поэтами съ головою, покрытою змѣями вмѣсто волосъ, и приводившее въ окаменeніе всякаго, кто видѣлъ ее.

бодиться отъ какого-нибудь звѣря, колебался и просилъ брата удалиться отъ него: *господинъ мой вѣсть*, говорилъ онъ, *яко дѣти мои юны, овцы же и говяда бременны у мене: аще убо пожену я единъ день, измретъ весь скотъ. Да предъидетъ господинъ мой предъ рабомъ своимъ; азъ же укрѣплюся на пути умедленіемъ шествія моего, еже предо мною; и якоже возмогутъ ити дѣти, дондеже пріиду къ господину моему въ Сіиръ* (Быт. xxxiii, 13. 14). Немного успокоившись отъ этихъ опасностей, онъ потомъ опять подвергся другому страху, гораздо бо́льшему. Когда похищена была дочь его, онъ сначала скорбѣлъ объ оскорбленіи этой дочери; а когда царскій сынъ облегчилъ эту скорбь, давъ обѣщаніе вступить съ Диною въ законный бракъ, и Іаковъ одобрилъ это намѣреніе, тогда Левій съ сообщиками своими нарушилъ договоръ и истребивъ въ городѣ всѣхъ мужчинъ, привелъ своего родителя въ такой страхъ, что онъ даже переселился оттуда, вслѣдствіе того, что всѣ вооружились на него. *Рече же Іаковъ*, говоритъ Писаніе, *къ Симеону и Левіи: ненавистна мя сотвористе, яко злу мнѣ быти всѣмъ живущимъ на земли, въ Хананеяхъ и Ферезеяхъ; азъ же малъ есмь числомъ; и собравшеся на мя изсѣкутъ мя, и истребленъ буду азъ и домъ мой* (Быт. xxxiv, 30). И дѣйствительно сосѣди рѣшительно истребили бы ихъ всѣхъ, если бы человѣколюбіе Божіе не обуздало ихъ ярости и не положило конца этимъ бѣдствіямъ. *Бысть*, говорится въ Писаніи, *страхъ Божій на (всѣхъ) градѣхъ, иже окрестъ ихъ, и не гнаша вслѣдъ сыновъ израилевыхъ* (Быт. xxxv, 5). Что́ же по прекращеніи этихъ бѣдствій? Успокоился ли Іаковъ? Тогда постигло его величайшее изъ несчастій — смерть любимой жены, преждевременная и вмѣстѣ насильственная. *Роди*, говорится въ Писаніи, *Рахиль, и возбѣдствова въ рожденіи. Бысть же внегда жестоко ей родити, рече ей баба: дерзай, ибо сей тебѣ есть сынъ. Бысть же, егда оставляше ю душа, умираше бо, прозва имя ему: сынъ болѣзни моея* (Быт. xxxv, 16—18). И когда эта скорбь была еще въ силѣ, Рувимъ увеличилъ скорбь, опозоривъ ложе отца; это такъ было тяжело для отца, что онъ даже при смерти, когда родители бываютъ особенно снисходительны къ дѣтямъ, проклиналъ сына, который притомъ былъ первенцемъ между всѣми другими, что немало имѣетъ значенія для любви родительской. Сила скорби превозмогла всѣ эти побужденія, и Іаковъ, призвавъ его къ себѣ, сказалъ: *Рувимъ первенецъ мой, ты крѣпость моя и начало чадъ моихъ; жестокъ терпѣти и жестокъ упорникъ. Досадилъ еси яко вода, да не возкипиши; возшелъ еси на ложе отца твоего; тогда осквернилъ еси постелю, идѣже возшелъ еси* (Быт. xlix, 3. 4). Когда же пришелъ въ возрастъ сынъ любимой жены, и Іаковъ надѣялся

имѣть въ немъ утѣшеніе въ своей печали объ ней, тогда въ этомъ самомъ сынѣ и готовились ему многообразныя огорченія. Братья, 468
омочивъ одежду Іосифа кровію и показавъ отцу, причинили ему много скорбей. Онъ плакалъ не только о смерти сына, но и о томъ, какъ она произошла; и много было причинъ, возмущавшихъ душу его: это былъ сынъ любимой жены, лучшій изъ всѣхъ прочихъ, особенно любимый имъ, бывшій въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ; посланный имъ самимъ, умершій не въ домѣ, не на одрѣ, и не въ присутствіи отца, не сказавши и услышавши что-нибудь, не общею всѣмъ смертію, но при жизни растерзанный лютыми звѣрями, такъ что отецъ не могъ даже собрать останки его и предать землѣ, и потерпѣлъ это не въ юности, когда могъ бы перенести, но въ самой глубокой старости. Это было самое жалкое зрѣлище — видѣть сѣдину, посыпанную пепломъ, старческую грудь обнаженную по раздраніи одежды, и плачъ неутѣшный: *растерза Іаковъ,* говорится въ Писаніи, *ризы своя, и возложи вретище на чресла своя и плакашеся сына своего дни многи. Собрашася же вси сынове его и дщери, и пріидоша утѣшити его; и не хотяше утѣшитися, глаголя: яко сниду къ сыну моему сѣтуя во адъ* (Быт. XXXVII, 34. 35). И какъ будто душѣ его никогда не надлежало быть свободною отъ печали, когда эта рана начала излечиваться, его сильно опечалилъ сперва голодъ, постигшій всю землю; а потомъ, когда сыновья, возвратившись изъ Египта, принесли облегченіе отъ этого бѣдствія, они же вмѣстѣ съ тѣмъ принесли другую печаль, и радость объ избавленіи отъ голода была помрачена разлукою съ сыномъ Сѵмеономъ. Мало этого: отъ него требовали и Веніамина, въ которомъ одномъ имѣлъ онъ утѣшеніе и по умершей женѣ и по сынѣ, пожранномъ звѣрями. И не только это располагало его удерживать при себѣ Веніамина, но и возрастъ его и воспитаніе. *Не пойдетъ,* говорилъ Іаковъ, *сынъ мой съ вами; яко братъ его умре и той единъ оста; и случится ему зло на пути, въ онь же аще пойдете, и сведете старость мою съ печалію во адъ* (Быт. XLII, 38). По всѣмъ этимъ причинамъ сначала онъ отказывалъ и говорилъ, что не дастъ Веніамина; когда же наступилъ сильный голодъ и почувствовалась большая крайность, тогда онъ, хотя и очень сѣтовалъ, говоря: *почто зло сотвористе ми, повѣдавше мужу, яко есть вамъ братъ* (Быт. XLIII, 6);—хотя и тягчайшимъ образомъ страдалъ, произнося горестныя слова: *Іосифа нѣсть, Сѵмеона нѣсть, и Веніамина ли поймете? На мя быша сія вся* (Быт. XLII, 36); — хотя и плакалъ о томъ, что послѣ Іосифа и Сѵмеона хотѣли отнять у него и Веніамина, и объявлялъ, что онъ скорѣе претерпитъ все, чѣмъ отпуститъ этого сына; — однако наконецъ былъ побѣжденъ, и самъ

своими руками отдалъ его, сказавъ: *и брата своего поимите: и возставше, идите къ мужу. Богъ же мой да дастъ вамъ благодать предъ мужемъ, и отпуститъ брата вашего единаго и Веніамина: азъ же якоже обезчадѣхъ, обезчадѣхъ* (Быт. XLIII, 13. 14). Такъ сильно одолѣвали Іакова его многочисленныя бѣдствія, что, хотя
469 внутренности его терзались и число дѣтей его мало по малу сокращалось, но онъ переносилъ все, по чрезмѣрности (новыхъ) еще бóльшихъ бѣдствій; ибо объяла его бóльшая скорбь о Сумеонѣ и Веніаминѣ, чѣмъ скорбь объ Іосифѣ. Такъ несчастіе, которое поправить нѣтъ надежды, хотя причиняетъ намъ сильныя скорби, но скоро и забывается, повергая душу въ безнадежность; а когда оно еще виситъ надъ нами, тогда не даетъ душѣ успокоиться, неизвѣстностію будущаго постоянно усиливая и обновляя въ насъ томленіе. Это всякій можетъ хорошо узнать отъ блаженнаго Давида, который плакалъ о сынѣ, пока онъ былъ еще живъ, а когда онъ умеръ, то Давидъ пересталъ скорбѣть; и, когда слуги недоумѣвали и спрашивали его о причинѣ, то онъ высказалъ ту же мысль, какую я теперь (2 Цар. XII, 15 и дал.). Такъ естественно и Іаковъ больше опасался и страшился за Сумеона и Веніамина. Потомъ вожделѣнное свиданіе и лицезрѣніе Іосифа доставило ему отраду. Но что пользы въ томъ? Какъ членамъ, сильно обожженнымъ огнемъ, сколько ни охлаждай ихъ, ничто не приноситъ пользы; такъ и душу Іакова, угнетенную скорбями и сильно опаленную пламенемъ печали, ничто не могло оживить, особенно въ такія лѣта, когда чувства уже не бываютъ бодры. Это говорилъ и Верзеллій, извиняясь предъ Давидомъ: *колицы дни лѣтъ житія моего, яко да взыду съ Царемъ во Іерусалимъ? Сынъ осмидесяти лѣтъ азъ днесь есмь: еда уразумѣю посредѣ блага и посредѣ лукава? Или уразумѣетъ еще рабъ твой, еже ямъ, или еже пію, или услышу гласъ еще поющихъ и воспѣвающихъ? И вскую еще будетъ рабъ твой въ тягость господину моему царю* (2 Царств. XIX, 34, 35)? Впрочемъ для чего объяснять это примѣрами другихъ, когда можно то же услышать отъ самаго страдальца? Послѣ свиданія съ сыномъ Іаковъ на вопросъ фараона о жизни его, сказалъ: *малы и злы быша дніе лѣтъ житія моего, и не достигоша во дни лѣтъ житія отецъ моихъ* (Быт. XLVII, 9). Такъ живо было всегда въ душѣ его воспоминаніе о прошедшемъ!

12. А этотъ знаменитый и славный сынъ, Іосифъ, кого не превзошелъ своими несчастіями? Противъ отца его злоумышлялъ только одинъ братъ, а противъ него очень многіе; тотъ въ продолженіе всего перваго возраста воспитывался среди великаго довольства и спокойствія, а этотъ на чужбинѣ и еще въ отрочествѣ принужденъ былъ нести тягости путешествія. У Іакова была мать,

которая охраняла его отъ злоумышленій, а Іосифъ еще въ юности, когда особенно нуждался въ матери, былъ лишенъ ея помощи. Притомъ Исавъ опечалилъ Іакова только угрозою, а братья Іосифа привели свой умыселъ въ исполненіе, и прежде этого умысла постоянно ненавидѣли его и клеветали на него; а что́ можетъ быть тягостнѣе, какъ имѣть врагами своихъ сожителей? Они же *и клевету нанесоша на него злу, и видѣвше, яко любитъ его отецъ паче всѣхъ сыновъ своихъ, возненавидѣша его и не можаху глаголати къ нему ничтоже мирно* (Быт. xxxvii, 2. 4). Въ сравненіи съ этимъ, я не назвалъ бы столь же великимъ бѣдствіемъ пребываніе его ни подъ властію купцовъ, ни подъ властію евнуха; потому что эти обходились съ нимъ гораздо человѣколюбивѣе, нежели братья. Впрочемъ и послѣ этого буря несчастій не сдѣлалась тише, 470
но наступило еще сильнѣйшее волненіе, которое едва не потопило его. Можетъ быть, кто-либо подумаетъ, что я буду теперь говорить о зломъ умыслѣ госпожи; но прежде этой бури я скажу о другой, болѣе жестокой. Конечно, тяжко, поистинѣ тяжко быть оклеветаннымъ въ такомъ преступленіи, подвергнуться осужденію и жить столь долго въ темницѣ—юношѣ свободному, благородному, и не испытавшему такого бѣдствія; но гораздо тяжелѣе всего этого, я думаю, была для него буря, зависѣвшая отъ его юношескаго возраста. Если бы онъ отвергъ любовь госпожи своей, нисколько не волнуясь похотію, я не сталъ бы превозносить его и удивляться ему, послѣдуя ученію Христа; Христосъ говоритъ, что не скопцы отъ природы, но сдѣлавшіе сами себя скопцами удостоиваются царствія небеснаго (Матѳ. xix, 12); а если бы этого не было, то какую побѣду одержалъ бы Іосифъ? Противъ кого сражаясь, получилъ бы онъ вѣнецъ? Кого преодолѣвши, былъ бы провозглашенъ побѣдителемъ, если бы никто не боролся съ нимъ и не усиливался низвергнуть его? Мы не превозносимъ цѣломудрія тѣхъ, которые не совокупляются съ безсловесными, потому что и въ природѣ нѣтъ стремленія къ такому смѣшенію. Такъ, если бы и блаженнаго Іосифа не волновалъ этотъ пламень, почему мы стали бы превозносить его цѣломудріе? Но если безстыдная женщина увлекала юношу тогда, когда этотъ пламень поднимается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другіе возрасты (ему былъ тогда двадцатый годъ), и когда сила этого пламени бываетъ непреодолима, хотя бы ничто ее не увеличивало, и если женщина придавала этому пламени своими чарами и украшеніями еще столько же силы, сколько оно имѣло по самой природѣ, то кто могъ бы изобразить бурю, смятеніе и томленіе души юноши, когда внутри волновали его природа и возрастъ, а извнѣ соблазняли ухищренія египтянки, и притомъ не одинъ или два дня, но въ теченіе долгаго времени? Я думаю, что онъ

тогда не за себя только страшился, но скорбѣлъ и объ этой женщинѣ, стремившейся въ такую пропасть; это для насъ очевидно изъ того, что̀ онъ отвѣчалъ ей съ великою кротостію. Онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, говорить съ нею и оскорбительнѣе и смѣлѣе, потому что она, изъ любви, легко перенесла бы все; но онъ ничего такого и не сказалъ, и не подумалъ; но, высказавъ благочестивыя мысли и только то, чѣмъ надѣялся образумить ее, больше ничего не прибавилъ. *Вотъ*, сказалъ онъ, *господинъ мой не вѣсть мене ради ничтоже въ дому своемъ, и вся, елика суть ему, вдаде въ руцѣ мои. И ничто есть выше мене въ дому семъ, ниже изъято бысть отъ мене что либо, кромѣ тебе, понеже ты жена ему еси: и како сотворю глаголъ злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ* (Быт. xxxix, 8. 9)? И при такой скромности, послѣ такого опыта цѣломудрія, онъ былъ оклеветанъ, и Богъ попустилъ это! Онъ былъ связанъ и при этомъ не обличилъ женщины въ зломъ умыслѣ и несправедливой клеветѣ; ему предстояли награды большія и вѣнцы блистательнѣйшіе, потому и послѣ освобожденія царскихъ рабовъ онъ еще оставался въ темницѣ. Не говори мнѣ о человѣ-
471 колюбіи темничнаго стража; но вникни въ слова самого (Іосифа), и увидишь скорбь души его. Истолковавъ сонъ, онъ говорилъ виночерпію: *но помяни мя тобою, егда благо ти будетъ; и сотвориши надо мною милость; и да помянеши о мнѣ Фараону и изведеши мя отъ твердыни сея: яко татьбою украденъ быхъ изъ земли Еврейскія, и здѣ ничто зло сотворихъ, но ввергоша мя въ домъ рва сего* (Быт. xl, 14. 15). Если онъ легко переносилъ самое заключеніе, то сожительство съ такими людьми,—гробокопателями, ворами, отцеубійцами, прелюбодѣями, убійцами,—(ибо вообще такими и подобными людьми было наполнено это жилище), для него было тягостнѣе всего. И не это одно печалило и огорчало его, но и то, что онъ видѣлъ много томившихся тамъ невинно и напрасно. Между тѣмъ рабъ, на что́ и ты теперь жалуешься, избавлялся отъ узъ, а свободный продолжалъ томиться. Если же кто станетъ говорить о послѣдующемъ величіи Іосифа, тотъ опять напомнитъ мнѣ о множествѣ заботъ, безсонныхъ ночей и безчисленныхъ занятій, которыя вообще не очень пріятны для любящихъ тихую и спокойную жизнь. Кромѣ того, хотя съ упомянутыми святыми и случалось нѣчто пріятное, но тогда еще не было открыто имъ ни царство небесное, ни обѣтованіе будущихъ благъ. А теперь, когда предстоитъ столько благъ и для всѣхъ это ясно, кто, скажи мнѣ, станетъ сѣтовать, если въ настоящей жизни не будетъ наслаждаться ничѣмъ пріятнымъ, и даже вообще считать что-нибудь изъ здѣшняго пріятнымъ, зная о будущихъ благахъ? Что́ было бы ниже такой души, которая, надѣясь по прошествіи малаго

времени переселиться на небо, искала бы здѣшнихъ удобствъ и благополучія, нисколько не отличающихся отъ тѣни? *Суета суетствій*, говоритъ Соломонъ, *и всяческая суета* (Еккл. I, 2). Если же тотъ, кто больше всѣхъ людей испыталъ удовольствія жизни, произнесъ объ нихъ такой приговоръ, то гораздо болѣе должно такъ чувствовать и мыслить намъ, у которыхъ нѣтъ ничего общаго съ землею, которые вписаны въ горній градъ и получили повелѣніе обращаться туда всѣмъ умомъ своимъ.

КЪ ТОМУ ЖЕ СТАГИРІЮ

объ уныніи.

СЛОВО ТРЕТІЕ.

ВЫШЕ сказанное можетъ потушить пламень унынія и расположить къ благодушію; но чтобы утѣшеніе было полнѣе, я рѣшился прибавить тебѣ и это слово, напередъ предложивъ тебѣ слѣдующій вопросъ: скажи мнѣ, если бы кто призвалъ тебя на царство земное, и между тѣмъ тебѣ предстояло бы, прежде чѣмъ войдешь въ городъ и надѣнешь на себя вѣнецъ, остановиться въ гостинницѣ, въ которой и грязь, и дымъ, и шумъ отъ путешественниковъ и опасности отъ разбойниковъ, и тѣснота, и безпорядокъ великій, неужели ты обратилъ бы вниманіе на эти непріятности, а не пренебрегъ всѣми ими, какъ ничтожными? Такъ не странно ли, что надѣющійся обладать землею не смущается никакими встрѣчающимися трудностями, одушевляясь надеждами царствованія, а призываемый на небеса падаетъ духомъ и смущается при каждой изъ случающихся съ нами въ этой гостинницѣ непріятностей? Состояніе здѣшней жизни нисколько не разнится отъ гостинницы и пребыванія въ постояломъ домѣ; это и желали выразить святые, называя себя странниками и пришельцами, и такими словами научая насъ пренебрегать и удовольствіями и непріятностями настоящей жизни и, отрѣшившись отъ земли, всею душою прилѣпляться къ небу. Обратимся же къ самимъ святымъ, и отъ Іосифа перейдемъ къ Моисею. Этотъ кротчайшій изъ всѣхъ бывшихъ на землѣ, рождается въ то время, когда соотечественники его находились въ бѣдственномъ положеніи; бывъ отчужденъ 472

отъ родившихъ его и не зная своихъ родителей, онъ въ продолженіе всего перваго возраста своего воспитывается иноплеменниками; что могло быть тягостнѣе этого для еврея юнаго и разумнаго, хотя бы онъ тысячу разъ считался сыномъ царскимъ? Но тогда для него тягостно было не только это, но и то, что онъ видѣлъ всѣхъ соотечественниковъ своихъ въ крайнихъ несчастіяхъ. Могъ ли онъ, не хотѣвшій ни жить, ни быть вписаннымъ въ книгу Божію безъ ихъ спасенія (Исх. XXXII, 38), наслаждаться благами при царскомъ дворѣ, видя всѣхъ ихъ среди такой бури? Если и насъ, родившихся спустя столько времени послѣ этихъ событій и не имѣющихъ подобной причины сострадать іудеямъ, объемлетъ такая жалость при мысли о тогдашнемъ избіеніи ихъ дѣтей, то чего не претерпѣлъ этотъ блаженный, привязанный великою любовію ко всему народу, видѣвшій своими глазами его бѣдствія, и тѣхъ, которые причиняли эти бѣдствія, принужденный называть своими родителями? Я думаю, что объ этихъ бѣдныхъ дѣтяхъ онъ скорбѣлъ тогда больше самихъ родителей, какъ видно изъ того, что сдѣлалъ онъ впослѣдствіи. Такъ, не могши ни убѣдить, ни принудить мнимаго отца своего отмѣнить звѣрское и убійственное повелѣніе, онъ самъ, наконецъ, рѣшился раздѣлить съ ними бѣдствія. Впрочемъ, я не столько удивляюсь этому, сколько изумляюсь тому пламени скорби, которое Моисей носилъ въ себѣ въ предъидущее время и о которомъ я заключаю по (совершенному имъ) убійству. Кто доведенъ былъ скорбію до убійства, тотъ чрезъ послѣднее обнаружилъ силу первой. Онъ конечно не сталъ бы мстить египтянамъ такъ жестоко, если бы не сокрушался болѣе самихъ родителей о бѣдствіяхъ дѣтей ихъ. Что же, послѣ того, какъ онъ отмстилъ и нѣсколько облегчилъ душу свою отъ такой скорби, успѣлъ
473 ли онъ вполнѣ насладиться отрадою, доставленною ему этимъ мщеніемъ? Едва наступилъ второй день, какъ этого блаженнаго постигла другая скорбь, тяжелѣе прежней, и объялъ такой страхъ, который заставилъ его совсѣмъ удалиться изъ Египта. Тяжело слышать дурное и отъ кого бы то ни было; но, когда будетъ говорить дурное кто-нибудь изъ облагодѣтельствованныхъ, станетъ поносить за благодѣянія, ему оказанныя, и укорять такъ: *еда убити мя ты хощеши, имже образомъ убилъ еси вчера Египтянина?* (Исх. II, 14), тогда, тогда обида бываетъ невыносимою, и можетъ даже вывесть оскорбляемаго изъ терпѣнія; такое производитъ она раздраженіе вмѣстѣ съ печалію! Но у Моисея къ этому присоединилось еще третіе,—боязнь царя, которая такъ овладѣла душою праведника, что даже изгнала его изъ всей тамошней страны. Такъ становится бѣглецомъ—сынъ царскій! Если кто считаетъ счастіемъ для него воспитаніе при царскомъ дворѣ, то пусть теперь вспомнитъ

о придворномъ довольствѣ и увидитъ, что и оно сдѣлалось для праведника причиною множества скорбей и неудобствъ, потому что не все равно, тому ли выносить долгое скитальничество и терпѣть бѣдствія на чужбинѣ, кто воспитанъ въ простомъ домѣ и испыталъ много заботъ, много странствованій и трудностей, или подвергнуться такимъ страданіямъ тому, кто никогда и на короткое время не испытывалъ этого, но жилъ всегда въ довольствѣ; послѣдній, конечно, съ болѣе тяжелымъ чувствомъ, чѣмъ первый, обратится въ бѣгство, если ему случится дойти до такой крайности; что̀ тогда и случилось съ Моисеемъ. Сдѣлавшись бѣглецомъ, онъ приходитъ къ человѣку, который былъ идолослужителемъ и иноплеменникомъ; а пользоваться столь долгое время гостепріимствомъ человѣка, посвятившаго себя на служеніе демонамъ, это не маловажная причина для скорби. Здѣсь Моисей, принявъ въ свое завѣдываніе стада того человѣка, въ такомъ занятіи провелъ сорокъ лѣтъ. Если это кому-либо представляется нисколько не тяжелымъ, то вспомнимъ о тѣхъ, которые уходятъ съ родины и скрываются не по страху и боязни, но оставляютъ домъ добровольно на малое время, какъ они томятся, какъ грустятъ, за какое благо считаютъ возвращеніе на родину! Когда же къ этому присоединяется еще страхъ и бѣдственная жизнь, при чемъ однако самыя тягости и скорби представляются болѣе легкими, нежели желанное возвращеніе на родину, то вообрази картину бѣдствій Моисея! Не просто выслушивай сказанное, что Моисей *бяше пасый* (Исх. III, 1), но припомни при этомъ слова Іакова, которыми онъ высказывалъ жалобу предъ тестемъ: *азъ воздаяхъ тебѣ отъ мене самаго татбины дневныя и татбины нощныя; быхъ во дни жегомъ зноемъ и студенію въ нощи*; *и отхождаше сонъ отъ очію моею* (Быт. XXXI, 39). Все это, конечно, было и съ Моисеемъ, притомъ въ теченіе еще бо̀льшаго числа лѣтъ и въ бо̀льшей степени, такъ какъ и страна (мадіамская) была пустыннѣе страны (месопотамской). Если Моисей не жаловался на это, то и тотъ блаженный не сказалъ бы такихъ словъ, если бы не былъ доведенъ до великой крайности и не былъ вынужденъ къ тому неблагодарностью тестя. Такъ чужбина и сама по себѣ можетъ угнетать человѣка, если даже онъ оставилъ отчизну только по необходимости. *Ибо якоже птица*, говоритъ премудрый, *егда отлетитъ отъ гнѣзда своего, тако человѣкъ порабощается, егда устранится отъ своихъ мѣстъ* (Притч. XXVII, 8). 474
Притомъ Моисей тогда не могъ быть увѣренъ даже въ собственной безопасности; но какъ слуга, убѣжавшій отъ жестокаго господина, постоянно страшится и опасается, чтобы его не поймали, такъ и блаженный Моисей жилъ въ постоянномъ страхѣ. Это видно изъ того, что онъ даже и тогда, когда Богъ послѣ столь

долгаго времени повелѣваетъ ему возвратиться въ Египетъ, отказывается и медлитъ, хотя и слышалъ, что умеръ *искавшій души его* (Исх. IV, 19).

2. Когда же онъ послушался и пошелъ въ Египетъ, бывъ принужденъ оставить жену и дѣтей, тогда опять начинаются укоризны, и оскорбленія, и угрозы отъ тогдашняго царя египетскаго, и жалобы и проклятія отъ получающихъ благодѣянія. Тотъ говоритъ: *вскую Моисей и Ааронъ развращаете люди отъ дѣлъ ихъ? Идите кійждо васъ на дѣла своя*. А израильтяне говорятъ: *да видитъ Богъ и судитъ вамъ, яко огнусисте духъ нашъ предъ Фараономъ и предъ рабы его дати мечь въ руки его убити насъ* (Исх. V, 4. 21). Прискорбно и тягостно это; но всего тяжелѣе было то, что онъ, пришедшій и обѣщавшій евреямъ множество благъ, свободу, избавленіе отъ тяготѣвшихъ надъ ними бѣдствій, показался имъ обманщикомъ, потому что тяжесть угнетавшаго ихъ рабства не только не облегчилась, но увеличилась еще больше, и тотъ, кто подалъ надежду быть избавителемъ всего народа и обѣщалъ это, оказался повидимому виновникомъ мученій и побоевъ, злоумышленникомъ и губителемъ. Кто не впалъ бы въ уныніе, когда, обѣщавъ прекратить столь великія бѣдствія, послѣ обѣщанія самъ же увидѣлъ прибавленіе другихъ, еще болѣе тяжкихъ бѣдствій? Моисей унывалъ, какъ естественно унывать тому, кто слышитъ и видитъ подобное; однако онъ не упалъ подъ тяжестью этой скорби; но остался непреклоннымъ, хотя событія не только не соотвѣтствовали, но даже противорѣчили его обѣщаніямъ. Обратившись къ Богу и говоря объ этомъ, онъ много плакалъ и сказалъ: *Господи! почто озлобилъ еси люди Твоя? И вскую послалъ еси мя? И отнелѣже внидохъ къ Фараону, глаголати Твоимъ именемъ, онъ озлоби люди сія и не избавилъ еси людей Твоихъ* (Исх. V, 22. 23). Проливши слезы и снова услышавъ отъ Бога такое же повелѣніе, какое и прежде, онъ опять возвѣщаетъ объ этомъ израильтянамъ; но они не внимаютъ ему, потому что души ихъ были угнетены скорбію и уныніемъ. *И не послушаша*, говорится въ Писаніи, *Моисея отъ малодушія и отъ дѣлъ жестокихъ* (VI, 9). А это немало огорчало его. Когда же наступили чудеса, и фараонъ многократно смѣялся надъ нимъ, онъ и эти насмѣшки перенесъ мужественно. Когда наконецъ онъ вышелъ изъ Египта и вмѣстѣ съ іудеями сталъ уже надѣяться на освобожденіе, то не успѣлъ еще вполнѣ отдохнуть, какъ объялъ его прежній или даже гораздо бóльшій страхъ. Не прошло и трехъ дней, какъ израильтяне увидѣли вблизи всѣхъ варваровъ вооруженными, и испытали тоже, что испытываютъ какіе-нибудь бѣглые рабы, когда на чужбинѣ внезапно окажутся предъ глазами своихъ господъ, или чтò испы-

тали бы сами они, если бы случилось имъ въ пріятномъ сновидѣніи увидѣть себя на свободѣ, а, пробудившись, опять оказаться въ Египтѣ и въ тѣхъ же самыхъ бѣдствіяхъ. Впрочемъ я не знаю, что можно назвать сновидѣніемъ ихъ, три ли дня свободы, или представившееся имъ теперь страшное и ужасное зрѣлище; такая мгла унынія покрыла взоры всѣхъ ихъ. А Моисей объятъ былъ
еще бо́льшимъ мракомъ: онъ боялся не египтянъ только, какъ 475
прочіе израильтяне, но и послѣднихъ вмѣстѣ съ первыми. Тѣ и другіе теперь смотрѣли на него, какъ на обманщика и обольстителя, одни—съ насмѣшками и готовностію сдѣлать нападеніе, а другіе—съ озлобленіемъ и печалію. Впрочемъ для чего по догадкамъ судить объ унынiи этого мужа, когда скорбь его можно вполнѣ понять изъ словъ, низшедшихъ свыше? Когда онъ молчалъ и не дерзалъ даже отверзть уста, Богъ говоритъ ему: *что вопіеши ко мнѣ* (Исх. XIV, 15)? — однимъ этимъ словомъ объясняя намъ смущеніе души его.

3. Когда прошелъ и этотъ страхъ, тогда опять поднялись еще бо́льшія бѣды. Предводимые Моисеемъ и получившіе чрезъ него множество благъ, въ продолженіе всего пути поступали съ нимъ хуже египтянъ и фараона. Вопервыхъ, они приступали съ великою настойчивостію, требуя отъ него мяса египетскаго; не благодарили за настоящее, но хотѣли прежняго; это было всего тяжелѣе. Потерпѣлъ ли бы онъ болѣе непріятностей, если бы поручено было ему начальство надъ бѣснующимися и сумасшедшими? Однако все это блаженный перенесъ мужественно, и если бы онъ не питалъ къ нимъ любви, то это горе было бы сносно, и ему предстояло бы сѣтовать только о своемъ собственномъ положеніи; но такъ какъ онъ любилъ ихъ больше, чѣмъ родители, то въ самой заботливости объ нихъ имѣлъ другой поводъ къ скорби—объ ихъ развращеніи и нечестіи. Не такъ огорчало его то, что его оскорбляютъ, какъ то, что они—оскорбители. Преступно и то, что они были неблагодарны прежде ниспосланія чудесной пищи; но они и среди чудесъ оказывали свое нечестіе, беззаконіе и жадность при собираніи пищи, и, прошедши немного впередъ, опять роптали, опять выражали недовольство благодѣяніями Божіими; и при каждомъ такомъ случаѣ блаженный сокрушался и скорбѣлъ болѣе самихъ грѣшившихъ. Такъ, когда они сдѣлали тельца, то сами они играли и веселились, а Моисей сѣтовалъ и скорбѣлъ, и на себя самого призывалъ страшное проклятіе; и однако ничто не могло заставить его подавить въ себѣ состраданіе къ нимъ. Итакъ видя, что столь любимые имъ постоянно поступаютъ хуже и хуже, въ какой онъ былъ горести, какими обливался слезами? Если иной, имѣя одного сына, не могъ бы жить, узнавъ, что сынъ его предался порокамъ,

хотя бы самъ былъ порочнѣе всѣхъ, то Моисей, который столько тысячъ людей считалъ своими дѣтьми, или лучше сказать, любилъ ихъ больше, чѣмъ дѣтей,—ибо никакой отецъ не пожелалъ бы, подобно ему, погибнуть вмѣстѣ съ сыномъ, не сдѣлавъ самъ никакого грѣха,—который имѣлъ столько дѣтей, притомъ ненавидѣлъ зло и любилъ добро, сколько, думаешь ты, страдалъ, видя, что всѣ они, какъ бы согласившись, устремились въ пропасть порока? Если бы мгла такой печали крайне не омрачила его и не потрясла до самой глубины души, то конечно онъ не бросилъ бы скрижалей изъ рукъ и не разбилъ бы ихъ, хотя онъ скоро исправилъ это несчастіе. Но что́, скажи, сдѣлалъ онъ для этого? Самый способъ врачеванія, хотя и помогъ дѣлу, однако былъ исполненъ многихъ слезъ; и не бывало такого каменнаго человѣка, который нисколько
476 не страдалъ бы при видѣ, какъ его братья и сродники побивали другъ друга, подвергнувъ этому прискорбному избіенію до трехъ тысячъ человѣкъ (Исх. XXXII, 28). И мы, когда застаемъ дѣтей своихъ за какимъ-нибудь худымъ дѣломъ, конечно наказываемъ и сѣчемъ ихъ, но дѣлаемъ это не безъ сожалѣнія, а напротивъ скорбимъ не меньше самихъ терпящихъ наказаніе.

4. Во время тогдашней великой скорби Моисея и ополченія (евреевъ), постигла ихъ еще новая печаль. Богъ угрожалъ, что Самъ Онъ уже не будетъ предводительствовать ими, но оставитъ ихъ и предводительство ими передастъ Ангелу; это для Моисея было всего невыносимѣе. Послушай, что говоритъ онъ къ Богу: *аще самъ Ты не идеши со мною, да не изведеши мя отсюду* (Исх. XXXIII, 15). Видишь ли, какъ страхъ смѣнялся страхомъ, и печаль печалію? Но бѣдствіе не остановилось и на этомъ: когда Моисей преклонилъ Бога, и Человѣколюбивый умилостивился и даровалъ благодать,—евреи опять повергли Моисея въ новыя скорби, прогнѣвляя умилосердившагося Бога и подвергая самихъ себя крайнимъ несчастіямъ. Послѣ многоплачевнаго избіенія они опять такъ разгнѣвали Бога, что вызвали на себя огонь, который истребилъ бы почти всѣхъ ихъ, если бы и при этомъ Богъ не оказалъ великаго человѣколюбія. А Моисею при всемъ этомъ приходилось испытывать двоякую печаль—и отъ того, что израильтяне погибали, и отъ того, что оставшіеся въ живыхъ не исправлялись и не получали никакой пользы отъ гибели братьевъ. Избіеніе еще не кончилось, а оставшіеся въ живыхъ вспомнили уже о лукѣ и, не довольствуясь тѣмъ, что у нихъ было, говорили: *кто ны напитаетъ мясы? Помянухомъ рыбы, яже ядохомъ въ Египтѣ, и огурцы и дыни, лукъ, и червленый лукъ и чеснокъ. Нынѣ же душа наша изсохла, ничтоже точію манна предъ очима нашима* (Числ. XI, 6). Тогда Моисей, уже не перенося ихъ неблагодарности и изнемогши

отъ скорби, отказывается отъ начальства и желаетъ себѣ смерти вмѣсто такой горькой жизни. Выслушай собственныя слова его: *и рече Моисей*, говорится въ Писаніи, *ко Господу: вскую озлобилъ еси раба твоего? И почто не обрѣтохъ благодати предъ Тобою, еже возложити устремленіе людей сихъ на мя? Еда азъ во утробѣ зачахъ вся люди сія? Или азъ родихъ я? яко глаголеши ми: возьми ихъ въ нѣдра твоя, якоже доилица носитъ доимыя, въ землю, еюже клялся еси отцемъ ихъ. Откуду мнѣ мяса дати всѣмъ людемъ симъ? Яко плачутъ на мя глаголюще: даждь намъ мяса, да ядимъ. Не возмогу азъ единъ водити людей сихъ, яко тяжко мнѣ есть слово сіе. Аще же тако Ты (не) твориши мнѣ, то убій мя убіеніемъ, аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою* (Числ. xi, 11). Это говорилъ тотъ, кто нѣкогда сказалъ: *и нынѣ убо, аще оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави; аще же ни, изгладu мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. xxxii, 32). Такъ измѣнила его печаль! Тоже часто бываетъ и съ родителями, когда они огорчены поступками дѣтей. Впрочемъ Моисей, и послѣ этихъ словъ, не пересталъ 477
сострадать израильтянамъ, какъ видно изъ того, что сдѣлалъ онъ впослѣдствіи. Когда, послѣ покушенія ихъ умертвить соглядатаевъ и забросать его камнями, онъ спасся отъ рукъ ихъ, то опять обратился къ молитвѣ за нихъ и умолялъ Бога быть милостивымъ къ тѣмъ, которые хотѣли умертвить его (Числ. xiv, 10—20); такъ любовь его была сильнѣе даже естественной привязанности! Потомъ, когда соглядатаи умерли и не прошло еще время бывшаго плача, израильтяне опять причинили ему новую печаль, во-первыхъ тѣмъ, что не послушались его запрещенія воевать, и во-вторыхъ тѣмъ, что были поражены амаликитянами (ст. 41—45); и еще прежде этой войны многіе погибли отъ жадности и объяденія (Числ. xi, 33). *Уби*, говорится въ Писаніи, *множайшія ихъ, еще брашну сущу во устѣхъ ихъ* (Псал. lxxvii, 30. 31). Послѣ зрѣлища этой великой смертности, когда печаль по поводу ея еще не прекратилась, Моисей опять былъ поверженъ въ другую скорбь и поставленъ въ такую крайность, что молился, чтобы вожделѣнные и возлюбленные его израильтяне окончили жизнь неестественною и необычайною смертію; тогда одни были сожжены внезапно возгорѣвшимся огнемъ, а другіе поглощены разсѣвшеюся землею; и пострадали такимъ образомъ не немногіе, но больше пятнадцати тысячъ мужей. Какъ же послѣ этого относились къ Моисею родственники и друзья погибшихъ? Въ какомъ расположеніи былъ самъ Моисей, видя, что отъ этого несчастія и дѣти сдѣлались сиротами, и жены вдовами, что и сестра и братъ его умерли, и сыновья послѣдняго сожжены за нѣкоторое беззаконіе? Каждое изъ этихъ событій можетъ опечалить и такую душу, которая еще нисколько не страдала, а тѣмъ болѣе

душу, претерпѣвшую столь много бѣдствій. Когда же іудеи побѣдили хананея и сдѣлали длинный обходъ, то опять возроптали и опять стали гибнуть, не отъ болѣзни, какъ раньше, и не отъ огня и разсѣвшейся земли, какъ прежде, но отъ укушенія ядовитыхъ змѣй, которыя погубили бы всѣхъ ихъ, если бы опять Моисей не предсталъ Богу и не умолилъ Его. Когда же они избавились и отъ этой гибели и избѣгли проклятій волхва, то опять устремились въ самыя гибельныя пропасти: послѣ благословеній Валаамовыхъ, или, лучше сказать, Божіихъ (ибо слова Валаама зависѣли не отъ его воли, но отъ дѣйствовавшей въ немъ силы), они стали прелюбодѣйствовать съ дочерьми иноплеменниковъ и служить Веельфегору. Моисей, видя такой стыдъ и позоръ, опять повелѣлъ имъ умерщвлять другъ друга, сказавъ: *избійте кійждо ужика своего, служившаго Веельфегору* (Числ. xxv, 5), подобно тому, какъ при ранѣ тѣлесной, которая не заживаетъ послѣ многократныхъ вскрытій и прижиганій, приказываютъ снова рѣзать и прижигать и то, что осталось. Впрочемъ, слыша объ этихъ трудностяхъ, не думай, будто онѣ только и были; и я опустилъ немало изъ упомянутыхъ (въ Писаніи): войны, сопротивленія враговъ, длинныя путешествія, оскорбленіе отъ сестры, ея наказаніе, о которомъ въ особенности сѣтовалъ кротчайшій Моисей; но, хотя бы я тщательно собралъ все, и тогда описанное не составило бы тысячной части того, что было
478 на дѣлѣ. Если управляющій немногими слугами въ домѣ встрѣчаетъ множество поводовъ къ огорченіямъ и къ печали, то обязанный управлять столькими тысячами въ продолженіе сорока лѣтъ и въ пустынѣ, гдѣ не было ни (здороваго) воздуха, ни воды, сколько долженъ былъ имѣть каждодневно дѣлъ, сколько заботъ, сколько печалей, и при жизни и по смерти ихъ? Онъ видѣлъ умершими всѣхъ, которыхъ вывелъ изъ Египта, кромѣ двухъ только мужей; и потомковъ ихъ также не удостоился ввести въ землю обѣтованную, но только увидѣлъ ее съ вершины горы Нававъ и хорошо изучилъ природу ея, а насладиться ею вмѣстѣ съ прочими израильтянами не былъ допущенъ, остался внѣ ея, и умеръ, о чемъ и самъ онъ сѣтовалъ предъ израильтянами въ такихъ словахъ: *и Господь Богъ разгнѣвася на мя о словесѣхъ вашихъ и клятся, да не прейду Іордана сего, и да не вниду въ землю, юже Господь Богъ твой даетъ тебѣ въ наслѣдіе. Азъ бо умру въ сей земли, и не прейду Іордана сего, вы же прейдете и наслѣдите землю благую сію* (Втор. iv, 21). А всего тяжелѣе то, что Богъ свелъ его и во гробъ съ печалію, такъ какъ Моисей напередъ узналъ, какія бѣдствія постигнутъ іудеевъ: идолопоклонство, плѣнъ, невыразимыя несчастія, почему и сокрушался душою не о томъ только, что самъ видѣлъ и что уже было но и о томъ чего еще не случилось. Такъ,

начавъ скорбѣть и горевать съ ранняго возраста, онъ съ тѣмъ же унынiемъ и окончилъ жизнь.

5. А преемникъ его Іисусъ вмѣстѣ съ нимъ вкушалъ, такъ сказать, все горькое; если же онъ по молодости и избѣжалъ чего-нибудь, то восполнилъ это по смерти Моисея. Онъ не только при жизни Моисея разрывалъ одежды свои и посыпалъ пепломъ голову, но и по смерти его опять поставляемъ былъ въ такую же, или даже въ бо́льшую крайность, такъ что не короткое время, но цѣлый день лежалъ повергшись на землѣ. Выслушай слова его и сѣтованія: *и растерза*, говорится въ Писаніи, *Іисусъ ризы своя, и паде на земли на лице свое предъ Господемъ даже до вечера, самъ и старцы Израилевы; и посыпаша персть на главы своя. И рече Іисусъ: молюся, Господи, вскую преведе рабъ твой люди сія чрезъ Іорданъ, предати ихъ Аморреомъ на погубленіе? О да быхомъ пребыли и вселилися у Іордана. И что реку? Понеже отврати Израиль выю свою предъ враги своими. И услышавъ, Хананей и вси живущіи на земли обыдутъ насъ, и потребятъ насъ отъ земли* (Іис. VII, 6). Услышавъ это, Богъ открылъ ему виновника пораженія; и Іисусъ, узнавъ это, истребилъ всѣхъ, не только согрѣшившаго, но и его родственниковъ и домашнихъ и множество скота (Іис. VIII, 24—26); а это не мало возмутило душу его. Если мы не можемъ смотрѣть, когда наказываютъ чужихъ, то чего не претерпѣлъ онъ, подвергая такимъ бѣдствіямъ соотечественниковъ и соратниковъ своихъ? А какъ (огорчали его) обманъ гаваонитянъ и подозрѣніе, павшее на тѣ колѣна, которыя поселились по ту сторону Іордана? Какъ тяжело было постоянное пребываніе на 479
войнѣ и въ сраженіяхъ? Какая душа могла при этомъ оставаться спокойною? Если онъ и одерживалъ побѣды, то удовольствіе отъ полученія трофеевъ омрачалось заботами о предстоявшихъ еще войнахъ. Раздѣлъ участковъ также доставилъ ему много труда и много безпокойства; знаютъ это тѣ, кому былъ поручаемъ раздѣлъ хотя небольшого имущества между братьями или другими наслѣдниками послѣ кого-нибудь. О послѣдующихъ несчастіяхъ народа еврейскаго не считаю нужнымъ говорить; потому что рѣчь теперь не о томъ, проводилъ ли кто-либо скорбную жизнь, но о томъ, кто изъ благоугодившихъ Богу (проводилъ такую жизнь).

6. Посему, если угодно, опустимъ Илія, который оскорбилъ Бога нечестіемъ дѣтей, или лучше сказать, своею безпечностію. Онъ былъ наказанъ не за то, что имѣлъ порочныхъ дѣтей, но за то, что щадилъ ихъ больше надлежащаго и не наказывалъ за нарушеніе законовъ Божіихъ; сознавая это, и самъ онъ, послѣ сильной угрозы Божіей, говорилъ: *Господь самъ, еже благо предъ нимъ, да сотворитъ* (1 Цар. III, 18). Итакъ, оставивъ его, перейдемъ къ

Самуилу, который съ дѣтства воспитывался въ храмѣ, всегда отличался благочестіемъ предъ Богомъ и съ ранняго возраста оказался столь добродѣтельнымъ, что, не успѣвъ еще возмужать, былъ причисленъ къ дивнымъ пророкамъ, и притомъ въ такое время, когда оскудѣло пророчество: *не бѣ*, говорится въ Писаніи, *видѣніе посылаемо, и глаголъ бѣ честенъ* (1 Цар. III, 1). Этотъ Самуилъ, рожденный послѣ многихъ слезъ, былъ прежде всего опечаленъ и смущенъ, какъ признательный и любящій ученикъ, видя своего учителя пораженнымъ бѣдственною смертію; а потомъ онъ долженъ былъ постоянно оплакивать и несчастія іудеевъ. Сыновья же его, нечестивые и злые и крайне преданные порокамъ, опечаливали его какъ своею жизнью, такъ и тѣмъ, что не могли наслѣдовать дарованной ему чести (1 Цар. VIII, 3). За этою печалію послѣдовало, или лучше сказать, не послѣдовало,—такъ какъ она не прекращалась,—но къ ней присоединилось еще беззаконное требованіе израильтянъ, при чемъ Самуилъ такъ упалъ духомъ, что нуждался въ великомъ утѣшеніи. Послушай, что говоритъ ему Богъ: *не тебе уничижиша, но Мене* (1 Царств. VIII, 7). Впрочемъ и послѣ этого Самуилъ такъ заботился о нихъ, что говорилъ къ нимъ: *да никакоже ми согрѣшити, еже оставити молитися о васъ* (1 Цар. XII, 23). Поэтому, когда онъ видѣлъ ихъ, столь имъ любимыхъ, бѣдствующими, поражаемыми на войнахъ, прогнѣвляющими Бога, могъ ли онъ чувствовать какое-либо удовольствіе, могъ ли когда-нибудь оставаться безъ печали и слезъ? А когда онъ поставилъ царемъ Саула, то опять послѣдовали для него скорби непрерывно одна за другою. Такъ, когда Саулъ принесъ жертву вопреки волѣ Божіей, когда онъ, побѣдивъ амаликитянъ, пощадилъ царя ихъ, опять вопреки повелѣнію, Самуилъ былъ такъ пораженъ въ душѣ, что болѣе не видѣлъ этого человѣка, но съ того времени до послѣдняго дня сѣтовалъ и плакалъ объ немъ, хотя и укоряемъ былъ за чрезмѣрную скорбь. Богъ говорилъ ему: *доколѣ ты плачеши о Саулѣ? азъ же уничижихъ его* (1 Цар. XVI, 1). Если же онъ плакалъ при этихъ событіяхъ, то что было съ нимъ, когда Саулъ избилъ столько священниковъ напрасно и безъ вины?—когда въ другой разъ пошелъ умертвить своего благодѣтеля, который не сдѣлалъ ему никакого зла?—когда
480 онъ увидѣлъ Саула нагого пророчествующимъ и лежащимъ на землѣ?—когда слушалъ многочисленныя сѣтованія и жалобы Давида на Саула?

7. Вспомнивъ о Давидѣ, я не знаю, что мнѣ дѣлать: изложить ли теперь продолжительныя сѣтованія его, описанныя въ псалмахъ, или, предоставивъ тебѣ прочитать ихъ на досугѣ, самому разсказать его несчастія. Такъ, Давидъ потерпѣлъ много бѣдствій, когда

пасъ стада, отражая нападенія и непостоянныхъ стихій, и дикихъ звѣрей; первое видно изъ того, чтò говорилъ Іаковъ; а послѣднее изъ того, что самъ онъ говорилъ Саулу о львѣ и медвѣдѣ. Когда же онъ рано оставивъ эту жизнь, приступилъ къ дѣламъ военнымъ—опускаю зависть братьевъ, хотя и она была для него весьма тягостна,—когда, вступивъ въ единоборство, одержалъ блистательную и чудную побѣду, то въ облагодѣтельствованномъ Саулѣ нашелъ себѣ врага сильнѣе низложеннаго Голіаѳа; потому что Саулъ не открыто вооружался противъ него, но принявъ видъ друга и притворившись почитателемъ и попечителемъ его, поступалъ съ нимъ враждебно. А какъ прискорбно за добро получать зло, о томъ послушай блаженнаго пророка, который постоянно плакалъ, сѣтовалъ и говорилъ: *еда воздаются мнѣ злая за благая* (Iер. XVIII, 20)? Даже безъ всякой другой непріятности, одно то причиняетъ великую скорбь военачальнику, что онъ находится въ подозрѣніи у царя, который смотритъ на него съ неудовольствіемъ. Чтò я говорю—военачальнику у царя? Намъ непріятно, если и слуги такъ относятся къ намъ; когда же притомъ строятся козни противъ жизни ненавидимаго, то какая жизнь можетъ быть горестнѣе этой? Однако Давидъ все переносилъ и терпѣлъ; жилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто замышлялъ убить его, и участвовалъ въ его войнахъ. Когда же онъ удалился и устранился отъ войны, то хотя самое удаленіе и обнаруженіе вражды (Сауловой) посодѣйствовало нѣсколько безопасности (Давида), но такъ какъ онъ долженъ былъ съ четырьмя стами мужей защищаться противъ многочисленнаго Саулова войска, то трепеталъ болѣе, чѣмъ прежде. Подумай, въ какомъ онъ былъ положеніи, когда не имѣлъ ни города, ни крѣпости, ни союзниковъ, ни доходовъ, и долженъ былъ воевать съ тѣмъ, который имѣлъ все это, между тѣмъ какъ самъ онъ не могъ, кромѣ пустыни и пещеръ, найти и мѣста, куда бы убѣжать. Взявъ городъ, такъ называемый Кеиль, онъ тотчасъ вышелъ изъ него, когда священникъ сказалъ, что Богъ не избавитъ его изъ рукъ Саула, если онъ останется тамъ. А этотъ священникъ былъ тотъ самый, который избѣжалъ рукъ Саула и возвѣстилъ царю о бывшемъ въ Номвѣ печальномъ происшествіи, причемъ (Давидъ) произнесъ прискорбныя слова: *азъ есмь виновенъ о душахъ всего дому отца твоего* (1 Цар. XXII, 22). Такимъ образомъ этотъ священникъ, постоянно находясь съ Давидомъ, служилъ только напоминаніемъ о томъ печальномъ событіи; взирая на него, Давидъ постоянно вспоминалъ о погибели священниковъ, а вспоминая объ этой погибели, и обвиняя самого себя 481
въ этомъ избіеніи онъ жилъ бѣдственнѣе всякаго приговореннаго къ казни. Если бы и ничто другое не тревожило его, то одной мысли, что онъ самъ былъ виновникомъ избіенія столь многихъ священ-

никовъ, достаточно было для того, чтобы уязвлять и сокрушать душу его. Между тѣмъ онъ, сокрушаясь этою мыслію, которая и ночью и днемъ хуже моли терзала душу его, получалъ еще потомъ и другія раны, непрерывно одну за другою. Такъ, когда Навалъ оскорбилъ его въ лицѣ его слугъ, и назвалъ его бѣглецомъ, изгнанникомъ и неблагодарнымъ рабомъ, онъ не безъ скорби перенесъ такія слова; также, когда, пришедши къ Анхусу, онъ притворялся безумнымъ, падалъ на землю, искажалъ свое лицо и испускалъ изъ устъ своихъ много пѣны, онъ болѣе дѣйствительныхъ бѣсноватыхъ терзался мыслію о томъ, до какой крайности довелъ его Саулъ, столь облагодѣтельствованный имъ. Когда же Давидъ нѣсколько отдохнулъ, живя у иноплеменниковъ, то долженъ былъ итти воевать съ ихъ врагами; но военачальники, завидуя ему и желая оклеветать его предъ царемъ, удалили его изъ войска, какъ бы человѣка безполезнаго, коварнаго и вѣроломнаго: *прискорбни быша*, говорится въ Писаніи, *о немъ воеводы иноплеменничи и глаголаша ему: возврати мужа, и да возвратится на мѣсто свое, идѣже поставилъ еси его тамо, и да не идетъ съ нами на брань, и да не будетъ навѣтникъ въ полцѣхъ. И чимъ примирится сей господину своему? Не главами ли мужей сихъ* (1 Цар. xxix, 4)? Давидъ, пораженный этими словами, удалился съ великимъ огорченіемъ и уныніемъ. Но прибывши домой, онъ нашелъ столько бѣдствій, что едва не умеръ отъ печали. Случившіяся тогда бѣдствія могли бы омрачить его душу, если бы даже были имъ предусмотрѣны; а такъ какъ они случились нечаянно и неожиданно, то казались вдвое болѣе тяжкими, и были уже невыносимы. Онъ отправился домой, чтобы отдохнуть и найти облегченіе прежней скорби своей въ дѣтяхъ и женахъ; но прибывши, внезапно услышалъ, что онѣ въ неволѣ у враговъ, и увидѣлъ огонь, и дымъ, и кровь, и мертвецовъ, и прежде нежели онъ оплакалъ убитыхъ и окончилъ сѣтованіе о плѣненныхъ, на него напали свирѣпѣе звѣрей жители города, и каждый изъ нихъ хотѣлъ найти облегченіе своихъ горестей въ его смерти. Какъ при столкновеніи на морѣ противныхъ вѣтровъ, отъ ихъ борьбы происходитъ великая и свирѣпая буря; такъ и тогда уныніе и страхъ терзали душу праведника, въ которой происходило великое волненіе и смущеніе отъ этихъ чувствованій, непрерывно то преодолѣвающихъ, то преодолѣваемыхъ одно другимъ. Когда же онъ избавился отъ этихъ бѣдствій и возвратилъ женъ и всѣхъ плѣнныхъ, то прежде, нежели насладился этою побѣдой, опять былъ пораженъ горестною вѣстію о смерти Іонаѳана, которая такъ поразила душу его, какъ можно видѣть изъ его плача: *нападе на мя любовь твоя,* говорилъ онъ, *паче любве женскія* (2 Цар. i, 26). Что я

говорю объ этотъ плачѣ? Тотъ, кто столько плакалъ объ отцѣ Іонаѳана, своемъ врагѣ и зложелателѣ, тысячекратно искавшемъ его погибели, чтó могъ чувствовать, когда узналъ, что раздѣлявшій съ нимъ опасности, многократно избавлявшій его отъ козней отца, участвовавшій въ его тайнахъ и заключавшій съ нимъ много 482
договоровъ, что этотъ человѣкъ лишился жизни въ то время, когда Давидъ могъ воздать ему должное за прежнія благодѣянія?

8. Когда эта скорбь была еще въ полной силѣ, опять въ новую печаль повергаетъ его военачальникъ (Іоавъ), не давшій Авениру исполнить обѣщаннаго, коварно убивъ того, который обѣщалъ легко и безъ всякаго труда предать Давиду все войско. Давидъ былъ такъ огорченъ этимъ убійствомъ, что тогда же проклялъ Іоава, и во время кончины своей поручилъ своему сыну отмстить ему за это безчестное убійство. Самыя слова, которыми Давидъ громко оплакивалъ Авенира, достаточно изображаютъ намъ страданіе души его: *и воздвиже*, говорится въ Писаніи, *царь гласъ свой, и плакася надъ гробомъ Авенира и рече: еда смертію Навала умре Авениръ? Руцѣ твои не связаны; нозѣ твои не во оковахъ; не приступилъ еси, якоже Навалъ; предъ сыномъ неправды палъ еси* (2 Цар. III, 32—34). Что же послѣ этого? Коварно умерщвляется Мемфивосѳей [1]) и къ печали Давида о немъ (ибо и о немъ Давидъ скорбѣлъ такъ, что даже умертвилъ убійцъ его), присоединилось противодѣйствіе хромыхъ и увѣчныхъ, которое сильно возмутило его. Одолѣвъ и этихъ и другихъ враговъ, онъ съ великою радостію переноситъ кивотъ, но въ то самое время, когда переносили ковчегъ и всѣ радовались, среди веселія случилось событіе, которое омрачило всеобщую радость и повергло душу царя въ уныніе и великій страхъ. Гнѣвъ Божій внезапно поразилъ и умертвилъ Озу, который хотѣлъ поддержать падавшій кивотъ; и страхъ отъ этого такъ сильно потрясъ душу Давида, что онъ тогда только рѣшился перенести кивотъ къ себѣ, когда узналъ, какое благополучіе было отъ него Аведдару, который тогда принялъ его (2 Цар. VI, 8—12). Потомъ, когда умеръ царь аммонитскій, Давидъ, какъ мужъ добрый и человѣколюбивый, отправилъ пословъ утѣшать сына его и убѣждать его мужественно переносить смерть отца; а тотъ, за такую честь постыдно оскорбивъ пословъ, отослалъ ихъ обратно къ царю. Неужели, по твоему мнѣнію, этого мало, чтобы поразить и опечалить душу? Не доказываетъ ли этого и самая война, которая не имѣла никакого другого предлога и дошла до такого ожесточенія, что подвергла Давида безчисленнымъ бѣдствіямъ (2 Цар. гл. X)? Этихъ бѣдствій,

[1]) Разумѣется, вѣроятно, Іевосѳей. См. 2 Цар. IV, 7.

хотя бы кто примѣшалъ къ нимъ тысячу удовольствій, достаточно для того, чтобы жизнь Давида признать скорбною; но послѣдующія бѣдствія его таковы, что до нихъ какъ бы еще и не начинались истинныя скорби. Подлинно страданія этого царя превзошли всякую басню и всякую трагедію; на домъ его обрушились такія необычайныя и непрерывныя бѣдствія, какъ будто у него одно зло постоянно старалось помогать другому злу. Такъ посмотри: Амнонъ полюбилъ сестру свою; полюбивъ, обезчестилъ ее; обезчестивъ, возненавидѣлъ и допустилъ разгласиться какъ безчестію, такъ и кровосмѣшенію, приказавъ одному изъ слугъ тотчасъ изгнать ее изъ дому противъ воли и отправить чрезъ площадь, между
483 тѣмъ какъ она кричала и плакала (2 Цар. гл. XIII). Авессаломъ, узнавъ объ этомъ и созвавъ на пиръ всѣхъ братьевъ, между которыми былъ и этотъ оскорбитель, умерщвляетъ его при посредствѣ слугъ, когда тотъ ѣлъ и пилъ. Потомъ нѣкто, отлучившись оттуда и въ смятеніи не разузнавъ точно случившагося, возвѣстилъ царю, что всѣ сыновья его умерли. Тогда Давидъ сидя плакалъ о мнимомъ убіеніи всѣхъ сыновей своихъ; когда же въ точности узналъ о случившемся, то грозилъ сыну и говорилъ, что умертвитъ его; и на убѣжавшаго (Авессалома) въ чужую страну, гдѣ онъ провелъ три года, царь во все время продолжалъ гнѣваться; и по прошествіи этого времени не призвалъ бы его къ себѣ, если бы умный военачальникъ противъ его воли не склонилъ его на такое дѣло. Но и призвавъ сына, онъ еще не закрылъ сердечной раны, но удалилъ его отъ лица своего еще на два года, и только послѣ столь долгаго времени, по просьбѣ военачальника, далъ сыну позволеніе явиться къ себѣ. Но сынъ, злопамятуя о прежнемъ или притомъ стремясь къ власти, возсталъ на отца и довелъ его опять до скитальчества и бѣгства, которымъ онъ подвергался при Саулѣ, и даже сдѣлалъ его жизнь гораздо тяжелѣе прежней. Тогдашнія скорби Давидъ терпѣлъ, бывъ военачальникомъ; а теперь онъ принужденъ былъ скитаться послѣ многихъ лѣтъ царствованія и послѣ побѣды, можно сказать, надъ всѣми врагами. И доведшій его до этого былъ не чужой и не непріятель, но *изшедый изъ чреслъ его*, какъ самъ онъ говорилъ съ жалобою (2 Цар. XVI, 11). Тогда онъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ и могъ все переносить мужественно; а теперь, въ то время, когда ему слѣдовало въ этомъ негодномъ сынѣ имѣть утѣху своей старости, въ немъ встрѣтилъ злоумышленника и врага. И вышелъ царь изъ Іерусалима вмѣстѣ съ немногими, босой, закрываясь и проливая слезы. Эта война причинила ему не только скорбь, но и стыдъ. Сынъ поступилъ тогда съ блаженнымъ оскорбительнѣе, чѣмъ Саулъ, обезчестилъ и наложницъ отца, и притомъ не скрытно, но на кровлѣ дома предъ

взорами всѣхъ; въ бѣшенствѣ противъ отца нарушилъ и уставы природы, и законы обращенія съ женщинами, и въ безумномъ упоеніи, когда война еще продолжалась, отважился сдѣлать то, чтò обыкновенно дѣлаютъ уже по одержаніи побѣды и по взятіи враговъ въ плѣнъ. Между тѣмъ Сива, встрѣтивъ Давида въ такой печали и страхѣ, еще болѣе возмутилъ его, налгавъ на своего господина и сказавъ, будто (Мемфивосѳей) замышляетъ овладѣть царствомъ (2 Цар. XVI, 3).

9. Послѣ Сивы является Семей, человѣкъ злой и неблагодарный, и направляетъ противъ Давида множество злословій, бросая въ него камнями съ такими словами: *изыди, мужу кровей и мужу беззаконный. Возврати на тя Господь вся крови дому Сауля, понеже воцарился еси вмѣсто его, и даде Господь царство въ руцѣ Авессалома сына твоего; показа тебѣ злобу твою, яко мужъ кровей ты* (2 Цар. XVI, 7). Слыша и претерпѣвая это, Давидъ сокрушался, какъ видно изъ самаго плача его, но не рѣшился ничего сдѣлать и далъ Семею уйти живымъ, сказавъ: *оставите его проклинати мя, яко рече ему Господь. Негли призритъ Господь на смиреніе мое и возвратитъ ми благая, вмѣсто клятвы его во днешній день* (ст. 12); а самъ съ безпокойствомъ и страхомъ ожидалъ, чѣмъ кончится предпріятіе Хусія. Когда же и это сдѣлалось извѣстнымъ, 484
то началась война, самая необыкновенная изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ войнъ, и даже похожая на загадку. Того, кто былъ виновникомъ такихъ бѣдствій и подалъ всѣ поводы къ такой войнѣ, съ чьимъ паденіемъ уничтожались всѣ эти бѣдствія,—того самаго тщательно беречь и щадить убѣждалъ Давидъ полководцевъ своихъ, повторяя: *пощадите ми отрока Авессалома* (2 Цар. XVIII, 5). Чтò могло быть хуже этого неудобнаго положенія? Чтò прискорбнѣе этого затрудненія? Давидъ вынужденъ былъ начать войну, въ которой равно было тягостно для него и побѣдить и быть побѣжденнымъ. Онъ не хотѣлъ ни быть побѣжденнымъ, иначе не выслалъ бы такого войска, ни одержать побѣды, иначе не запрещалъ бы умертвить того, кто началъ и повелъ войну противъ него. Когда же война была рѣшена и кончилась, какъ хотѣлъ того Богъ, когда отцеубійца палъ, тогда всѣ прочіе были въ веселіи и радости, одинъ только Давидъ горевалъ и плакалъ, и запершись, звалъ умершаго и скорбѣлъ о томъ, что самъ не умеръ вмѣсто его: *кто дастъ смерть мнѣ*, говорилъ онъ, *вмѣсто тебе, Авессаломе сыне мой* (2 Цар. XVIII, 33)? Слыхано ли что-нибудь ужаснѣе этого несчастія? Когда Авессаломъ умертвилъ своего брата, Давидъ хотѣлъ умертвить его; когда же Авессаломъ съ неистовствомъ возсталъ на него самого, тогда онъ щадитъ этого сына. И долго не переcталъ бы онъ плакать объ умершемъ, если бы не пришелъ Іоавъ

и не объяснилъ неумѣстность этой печали, если бы сильною рѣчью не возбудилъ въ немъ бодрости и не склонилъ его принять войско съ надлежащимъ достоинствомъ. Впрочемъ, его бѣдствія еще не кончились этимъ; но, во-первыхъ, воины возмутились и раздѣлились между собою; потомъ, едва только они покорились царю, и притомъ послѣ многихъ ласковыхъ увѣщаній, какъ опять отложились отъ него, и присоединились къ Савею; тогда опять началась другая война, между тѣмъ какъ и прежняя еще не совсѣмъ окончилась. Возмущенный этимъ Давидъ, собравъ своихъ воиновъ, выслалъ ихъ съ военачальниками противъ непріятелей; но Іоавъ, одержавшій побѣду и въ этой войнѣ, не преминулъ омрачить радость о побѣдѣ печалію. Въ изступленіи зависти, онъ безъ причины и совершенно безвинно злодѣйски умертвилъ равнаго ему военачальника, который привелъ подъ власть Давида весь народъ; и это убійство такъ встревожило и возмутило царя, что онъ и при смерти своей завѣщалъ сыну и просилъ не оставить убитаго Амессая не отмщеннымъ. А еще тяжелѣе то, что Давидъ, находясь въ такомъ расположеніи духа, не рѣшался даже высказать причины своей скорби, потому что уже былъ угнетенъ безчисленными бѣдствіями. Послѣ этихъ войнъ постигъ всю страну голодъ и Давидъ, для прекращенія этого зла, принужденъ былъ выдать дѣтей Саула на смерть. Такъ повелѣвало опредѣленіе (Божіе): *на Саула, и на домъ его неправда сія, понеже умертви Гаваониты* (2 Цар. XXI, 1). А кто вспомнитъ, какъ Давидъ оплакивалъ Саула, тотъ пойметъ, какъ страдалъ онъ и въ это время, выдавая дѣтей его гаваонитянамъ; однако и это онъ перенесъ; а между тѣмъ опять послѣдовали дальнѣйшія несчастія. Послѣ голода настала язва и въ теченіе полудня падаетъ семьдесятъ тысячъ мужей, при-
485 чемъ царь, увидѣвъ ангела, простершаго мечъ, и произнося скорбныя слова, сказалъ: *се азъ, пастырь, согрѣшихъ и азъ, пастырь, зло сотворихъ, а сіи, стадо, что̀ сотвориша? Да будетъ рука твоя на мнѣ и на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). Впрочемъ намъ невозможно съ точностію пересказать всѣ его печали; не всѣ онѣ изложены и въ Писаніи; но по его плачевнымъ пѣснямъ и жалобамъ можно догадываться о тяжести и тѣхъ скорбей его, о которыхъ не упомянуто, и о томъ, что этотъ праведникъ никогда не переставалъ скорбѣть и сѣтовать. Ибо что онъ говоритъ? *Дніе лѣтъ нашихъ, въ нихъ же седмьдесятъ лѣтъ; аще же въ силахъ, осмдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (Псал. LXXXIX, 10). Если же ты скажешь, что онъ здѣсь изобразилъ жизнь человѣческую вообще, а не свою только, то скажешь больше того, что я самъ хочу сказать, и избавишь насъ отъ многорѣчія, самъ признавая, что не только въ жизни Давида, но и въ жизни вся-

каго другого человѣка гораздо больше скорбей, чѣмъ удовольствій. Дѣйствительно, какъ и самъ ты правильно говоришь, Давидъ произнесъ такой приговоръ, имѣя въ виду не только свою жизнь, но и другихъ, и выразилъ то же самое, что и патріархъ, только съ бо́льшею силою; что́ тотъ сказалъ о части, то́ этотъ послѣ о цѣломъ. Тотъ говорилъ: *малы и злы дніе мои* (Быт. XLVII, 9); а этотъ: *дніе лѣтъ нашихъ*, т. е. дни всѣхъ людей, *въ нихъ же седмдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь.*

10. Но это, какъ я сказалъ, предоставляю тебѣ изслѣдовать со всею точностію на досугѣ, а самъ перейду къ прочимъ пророкамъ. Хотя они нигдѣ не оставили намъ описанія своей жизни, встрѣтивъ впрочемъ и для этого затрудненіе въ чрезмѣрности угнетавшихъ ихъ бѣдствій, но я думаю, что однимъ словомъ можно назвать всю жизнь ихъ прискорбною. И во первыхъ, что́ было общимъ у всѣхъ ихъ, они въ теченіе жизни своей были мучимы пытками, бичуемы, перепиливаемы, побиваемы камнями, заключаемы въ темницы, умирали отъ меча, скитались въ овечьихъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, бѣдствія, озлобленія (Евр. XI, 36—38). Къ этому присоединялась у нихъ и другая печаль, еще болѣе тяжкая, отъ того, что они видѣли, какъ возрастало нечестіе причинявшихъ имъ бѣдствія; этимъ они терзались больше, чѣмъ собственными скорбями. Такъ одинъ изъ нихъ говорилъ: *клятва, и лжа, и убійство, и татьба, и прелюбодѣяніе разліяся по земли, и кровь съ кровьми мѣшаютъ* (Ос. IV, 2), показывая намъ и безнаказанность, и разнообразіе, и распространеніе нечестія. Другой взывалъ такъ: *у лютѣ мнѣ! понеже быхъ, аки собираяй сламу на жатвѣ, и яко (собираяй) пародокъ во обиманіи винограда, не сущу гроздію* (Мих. VII, 1), оплакивая этими словами малочисленность людей добродѣтельныхъ. Иные еще жаловались на другое что-либо подобное. Пастырь козъ (Амосъ) не только сѣтовалъ о грѣхахъ іудеевъ, но и плакалъ объ ихъ несчастіяхъ болѣе, чѣмъ о собственныхъ искушеніяхъ, и молился Богу такъ: *милостивъ буди, Господи: кто возставитъ Іакова? яко малъ есть. Раскайся о семъ, Господи* (Ам. VII, 2). Но не смотря на это онъ не получилъ просимаго, какъ сказано: *и сіе не будетъ, глаголетъ Господь* (ст. 6). А Исаія, услышавъ, что вся земля будетъ опустошена, не хотѣлъ утѣшиться, но постоянно плакалъ и говорилъ: *оставите мене, да горцѣ вос-* 486
плачуся; не належите утѣшати мя (Иса. XXII, 4), потому что такой родъ смерти выше всякаго несчастія. Кто въ состояніи читать безъ слезъ плачевныя пѣсни Іереміи о городѣ и объ немъ самомъ, какъ написанныя особо, такъ и разсѣянныя по всей его пророческой книгѣ? Иногда говорилъ онъ: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ? И плачуся день и нощь о*

народъ семъ? Иногда: *кто дастъ мнѣ въ пустынѣ виталище послѣднее, и оставлю люди моя, и отъиду отъ нихъ, понеже вси любодѣйствуютъ* (Iер. IX, 1. 2). А иногда жалобно взывалъ: *горе мнѣ! мати моя, вскую мя родила мужа прителнаго и судимаго по всей земли* (Iер. XV, 10); иногда же проклиналъ и день рожденія своего: *проклятъ день*, говорилъ онъ, *въ оньже родихся* (Iер. XX, 14). А грязный ровъ, скорби отъ узъ, бичеванія и клеветы и постоянныя насмѣшки привели его въ такое состояніе, что онъ даже сталъ отчаяваться. Что̀ испыталъ онъ, когда по взятіи города встрѣтилъ заботливость и почтеніе къ себѣ со стороны иноплеменниковъ? Радовался ли онъ этому? Напротивъ, тогда-то онъ и написалъ горькій плачъ объ умершихъ, и увидѣлъ бѣдствія не меньшія прежнихъ отъ того, что оставшіеся въ живыхъ послѣ войны раздражали Бога. Обѣщавъ повиноваться Ему во всемъ и ни въ чемъ не противиться, они однако ушли опять въ Египетъ, тогда какъ повелѣніе (Божіе) требовало совершенно иного, и пророка увели вмѣстѣ съ собою, и своею неблагодарностію вынуждали его предсказывать имъ бѣды, тягчайшія прежнихъ. А что Iезекіиль? А что Даніилъ? Не въ плѣну ли провели они всю жизнь? Притомъ, первый изъ нихъ за чужіе грѣхи былъ наказанъ голодомъ и жаждою; когда же умерла жена его, ему повелѣно было переносить такое несчастіе безъ слезъ; а что можетъ быть тягостнѣе того, когда не позволяется оплакивать и собственныя бѣдствія? Не говорю теперь о томъ, что онъ принужденъ былъ ѣсть хлѣбъ свой на кучѣ навозной, лежать на одномъ боку сто девяносто дней, и терпѣть все прочее, что повелѣвалось ему. Если бы и не случилось съ нимъ ни одной изъ горестей, какъ опущенныхъ нами, такъ и упомянутыхъ теперь, то самое пребываніе среди враговъ, иноплеменниковъ и людей нечистыхъ, для праведнаго и чистаго было тяжелѣе всякаго наказанія. А Даніилъ, повидимому, наслаждался великою честію и жилъ какъ бы не въ плѣну, пребывая при царскомъ дворѣ и имѣя власть; но если кто прислушается къ его молитвѣ, обратитъ вниманіе на его постъ, измѣненіе лица и непрестанныя мольбы, и точно узнаетъ, для чего онъ дѣлалъ это, тотъ увидитъ, что этотъ пророкъ болѣе всѣхъ скорбѣлъ и унывалъ. Мучили его не только настоящія бѣдствія, но возмущали и будущія, такъ какъ онъ удостоился видѣть пророческими очами и то, чего еще не было; взирая на іудеевъ, еще не освободившихся отъ прежняго рабства, онъ долженъ былъ предвидѣть другое ихъ плѣненіе; городъ, кото-
487 рый еще не былъ возстановленъ, онъ видѣлъ уже разрушеннымъ, а храмъ—оскверненнымъ (нечистыми) жертвами и опустошеннымъ, и всю святыню ниспровергнутою. Посему онъ скорбѣлъ и плакалъ и говорилъ: *намъ стыдѣніе лица, и царемъ нашимъ, и княземъ*

нашимъ, и отцемъ нашимъ, иже согрѣшихомъ тебѣ, Господу (Дан. IX, 8).

11. Не знаю, какъ между пророками я пропустилъ одну небесную душу, — того, кто на землѣ жилъ какъ на небѣ, у котораго не было ничего, кромѣ милоти. Что же этотъ великій и дивный человѣкъ, если только можно назвать его человѣкомъ? Послѣ смѣлой рѣчи предъ Ахавомъ, послѣ низведенія огня, послѣ убіенія жрецовъ, послѣ того, какъ онъ заключилъ и отверзъ небо во время, назначенное по его желанію, послѣ столь многихъ и столь великихъ подвиговъ, онъ подвергся такому страху и такому чрезмѣрному унынію, что сказалъ такія слова: *возми душу мою отъ мене, яко нѣсмь азъ лучшій отецъ моихъ* (3 Цар. XIX, 4). Это говорилъ тотъ, кто и теперь еще не умеръ. Мало этого; онъ удалился въ пустыню, и спалъ тамъ, изнемогши отъ тяжкаго унынія. А ученикъ его получилъ не только сугубый духъ учителя, но и скорби гораздо болѣе тяжкія. Изображая этихъ пророковъ для насъ и перечисляя ихъ бѣдствія, блаженный Павелъ нѣсколько раньше сказалъ: *ихже не бѣ достоинъ міръ* (Евр. XI, 38). Благовременно пришелъ намъ на память и этотъ блаженный. Если онъ, явившись одинъ, можетъ доставить намъ достаточное утѣшеніе, то какого унынія и какой печали не уничтожитъ онъ, представши послѣ другихъ? Не считаю нужнымъ говорить о голодѣ, жаждѣ и наготѣ, о кораблекрушеніяхъ и пребываніи въ пустыняхъ, о страхахъ и опасностяхъ, о клеветахъ и темницахъ, ранахъ и бдѣніяхъ, о безчисленныхъ смертяхъ и о всемъ прочемъ, что претерпѣлъ онъ за проповѣдь. Все это, хотя и причиняло нѣкоторыя скорби, но доставляло ему и удовольствія. Когда же отверглись отъ него всѣ асійскіе вѣрующіе, когда уклонились отъ вѣры галаты — цѣлый знаменитый народъ; когда коринѳяне раздѣлили свою церковь на многія части, и, оказавъ послабленіе блуднику, довели его до безстыдства, тогда что, думаешь ты, чувствовалъ Павелъ? Какимъ мракомъ объята была душа его? Впрочемъ для чего намъ дѣлать умозаключенія, когда можно слышать собственныя слова его? Такъ, въ посланіи къ коринѳянамъ, онъ говорилъ: *отъ печали многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами* (2 Кор. II, 4); и еще: *да не паки пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшихъ, и непокаявшихся* (2 Кор. XII, 21). А къ галатамъ говорилъ: *чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV, 19). На азійцевъ же онъ жалуется своему ученику. И не только это мучило его, но и данный ему пакостникъ (плоти) такъ сокрушалъ и безпокоилъ его, что онъ многократно молилъ Бога объ освобожденіи отъ него; ибо слово *трикраты* значитъ здѣсь многократно (2 Кор. XII, 8). Вообще

могъ ли когда-нибудь быть спокойнымъ тотъ, кто сокрушался даже объ отсутствіи брата? *Не обрѣтшу ми Тита, брата моего*, говоритъ онъ, *не имѣхъ покоя* (2 Кор. II, 13). И по случаю болѣзни
488 другого брата, онъ опять страдалъ точно также: *Богъ помилова его*, говорилъ онъ филиппійцамъ объ Епафрасѣ, *не его же токмо, но и мене, да не скорбь на скорбь пріиму* (Фил. II, 27). Также сильно скорбя по поводу обольстителей и своихъ противниковъ, онъ въ посланіи къ Тимоѳею говорилъ: *Александръ ковачъ многа ми зла сотвори; да воздастъ ему Господь по дѣломъ его* (2 Тим. IV, 14). Итакъ могъ ли онъ имѣть хотя малое отдохновеніе отъ унынія и скорби? Кромѣ вышесказанныхъ бѣдствій, тяготившихъ душу его, были и другія, которыя причиняли ему постоянную скорбь. И это опять самъ онъ открылъ, сказавъ: *кромѣ внѣшнихъ, нападеніе мое еже по вся дни, и попеченіе всѣхъ церквей. Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 28. 29)? Если же онъ за каждаго изъ соблазнявшихся самъ воспламенялся, то этому воспламененію и невозможно было погасать въ душѣ его: потому что никогда не было недостатка въ соблазнявшихся и доставлявшихъ пищу этому пламени. Когда отпадали города, а часто и цѣлые народы, то тѣмъ болѣе это могло непрестанно случаться съ тѣмъ или другимъ (вѣрующимъ) изъ столь многихъ церквей во вселенной. Но предположимъ на словахъ, если угодно, что никто никогда и не соблазнялся и не отдѣлялся отъ Павла, и никакой другой подобной непріятности не случалось съ нимъ,—и въ такомъ случаѣ я не могу признать его свободнымъ отъ унынія; на это опять мнѣ не нужно никакого другого свидѣтеля, кромѣ самого страдальца. Что же онъ говоритъ? *Молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, иже суть Израилите* (Римл. IX, 3). А это означаетъ слѣдующее: желательнѣе было бы для меня впасть въ геенну, нежели видѣть израильтянъ невѣрующими. Это именно значатъ слова: *молилбыхся отлученъ быти;* если же онъ готовъ былъ потерпѣть геенскія мученія для того, чтобы имѣть возможность привести (къ вѣрѣ) всѣхъ іудеевъ, то очевидно, что, не достигши этого, онъ велъ жизнь болѣе тягостную, чѣмъ мучимые въ геённѣ, потому что для него было желательно послѣднее, болѣе, нежели первое.

12. Въ каждомъ изъ упомянутыхъ бѣдствій ты обрати вниманіе не только на причину, отъ которой рождалось у тѣхъ мужей уныніе, но и на степень печали; и увидишь, что ихъ печаль гораздо больше твоей скорби. Изслѣдуемъ же теперь, сильнѣе ли они скорбѣли, чѣмъ ты, а степень унынія обыкновенно опредѣляется не только причиною, отъ которой оно произошло, но и

словами и дѣлами (страждущихъ). Многіе, потерявъ только деньги, сѣтовали больше, чѣмъ ты; такъ что иные бросились въ море, другіе повѣсились, не вынесши этой потери; а нѣкоторые отъ чрезмѣрной печали потеряли даже зрѣніе: хотя потерять деньги, кажется легче, нежели терпѣть мученіе отъ демона, однако многіе перенесли послѣднее, а первымъ были поражены. Не суди объ этомъ
по своей душѣ и не думай, что если ты смѣешься надъ потерею 489
денегъ, то и другіе относятся къ нимъ такъ же; потеря денегъ довела многихъ до безумія и крайняго разстройства. Конечно, благородной души ни одна изъ этихъ скорбей не можетъ сокрушить; но душа слабая и привязанная къ міру болѣе терзается потерею денегъ, нежели мученіемъ отъ демона. Почему? Потому, что не одно и тоже—бояться ли голода постоянно, или выносить мученія отъ демона только по нѣкоторымъ днямъ: въ послѣднемъ бѣдствіи сильное мученіе продолжается немного времени, подобно какъ въ горячкѣ, или въ лихорадкѣ, или при другомъ какомъ-либо періодическомъ припадкѣ; и даже гораздо меньше продолжается, чѣмъ въ этихъ болѣзняхъ. Если же (скажешь, что) болѣзнь бѣснованія превосходитъ эти болѣзни силою, то я могу указать тебѣ на многихъ изъ одержимыхъ горячкою такихъ, которые, когда охватываетъ ихъ этотъ огонь, приходятъ въ большее изступленіе, чѣмъ бѣсноватые. А при бѣдности опасеніе терпѣть недостатокъ въ необходимомъ, какъ неистребимая моль, гнѣздится въ душѣ бѣдныхъ, и точитъ ее непрестанно. Чтó я говорю о бѣдности? Если мы захотимъ перечислять всѣ несчастія человѣческія, то не только мы, но, можетъ быть, и самъ ты станешь смѣяться надъ своимъ плачемъ и стенаніями. Но намъ невозможно изобразить всѣхъ, даже малѣйшей части этихъ несчастій; мы не знаемъ ихъ, а если бы и знали, то намъ не достало бы цѣлой жизни для повѣствованія о нихъ. Поэтому выбравъ изъ многихъ только нѣкоторыя, предоставлю тебѣ по нимъ заключать, по возможности, и о тѣхъ, которыя будутъ опущены. Такъ, вспомни о томъ любезнѣйшемъ старцѣ, Демофилѣ, изъ великаго и знатнаго дома. Вотъ уже пятнадцатый годъ, какъ онъ ничего не въ состояніи дѣлать, подобно мертвымъ, отличаясь отъ нихъ только тѣмъ, что постоянно трясется, кричитъ, и ясно сознаетъ свое несчастіе; онъ живетъ въ крайней бѣдности, и имѣетъ одного слугу, юношу, хотя и добраго и привязаннаго къ своему господину, но не способнаго облегчить его несчастіе, потому что слуга не можетъ ни избавить отъ бѣдности господина, ни прекратить трясенія его отъ разслабленія; а можетъ только вложить кусокъ въ уста господина (свои руки не служатъ послѣднему и въ этомъ), подать ему чашу и очистить носъ; кромѣ этого онъ не въ состояніи оказать никакой помощи. Такъ бѣд-

ствуетъ этотъ старецъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ я сказалъ; при этомъ я припоминаю и того разслабленнаго, который страдалъ этимъ недугомъ тридцать восемь лѣтъ (Іоан. v, 5). Кромѣ этихъ несчастныхъ, представь еще Аристоксена виѳинскаго, который хотя не разслабленъ тѣломъ, какъ тотъ старецъ, но одержимъ такою болѣзнію, которая гораздо тягостнѣе разслабленія. Какія-то судороги въ желудкѣ и боли, несноснѣйшія всякой пытки, то пронзаютъ его хуже вертеловъ, то пожираютъ сильнѣе огня, и мучатъ каждый день и каждую ночь, такъ что незнающіе его болѣзни считаютъ его за сумасшедшаго: такъ судороги искривляютъ у него зрачки, стягиваютъ руки съ ногами, и дѣлаютъ его безгласнымъ! А крики его и стоны (онъ часто послѣ онѣменія начинаетъ кричать) бываютъ сильнѣе стоновъ женщинъ, мучащихся родами; и нерѣдко живущіе вдали, у которыхъ есть больные, страдающіе отъ долгой безсонницы, присылали съ жалобою на то, что ихъ
490 больнымъ становилось хуже отъ этихъ криковъ. Это бываетъ съ нимъ не чрезъ долгіе промежутки времени, но по нѣскольку разъ днемъ и по нѣскольку разъ ночью; и вотъ уже шестой годъ, какъ онъ преданъ этому злому недугу; нѣтъ у него ни слуги, который бы ухаживалъ за нимъ, ни врача, который бы облегчалъ его страданія; перваго по бѣдности, а второго потому, что врачебное искусство оказалось у нихъ безсильнымъ предъ этою болѣзнію; многіе врачи долго трудились надъ нимъ (такъ какъ у него прежде много было денегъ), и нисколько не помогли ему. А что всего тяжелѣе,—никто изъ друзей уже не хочетъ видѣть его, но всѣ оставили его, даже тѣ, которые прежде много были облагодѣтельствованы имъ. Если же кто-нибудь и войдетъ къ нему, то тотчасъ же убѣгаетъ: такимъ зловоніемъ наполнена комната его, потому что никто не убираетъ ея. При немъ сидитъ одна только служанка, которая дѣлаетъ не больше, чѣмъ сколько можетъ сдѣлать одна женщина, притомъ такая, которая пріобрѣтаетъ себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Сколькихъ же демоновъ мучительнѣе его бѣдствія? Если бы самыя эти бѣдствія не мучили его, то чего не претерпѣлъ бы онъ отъ мысли о томъ, какъ много времени лежитъ онъ на одрѣ, о большихъ издержкахъ, доведшихъ его до крайней бѣдности, о презрѣніи отъ друзей, о неимѣніи слугъ, и отъ невѣдѣнія о томъ, прекратятся ли когда-нибудь бѣдствія,—о чемъ и ты всегда скорбишь,—или лучше сказать, отъ совершенной увѣренности, что они никогда не прекратятся, пока онъ будетъ жить и дышать? Такъ заставляетъ думать жестокость болѣзни и то, что бѣдственное положеніе его съ каждымъ днемъ ухудшается.

13. Но чтобы мнѣ не утомить слушателей, перечисляя каждаго изъ всѣхъ подобныхъ страдальцевъ, ты отправься къ смотрителю

страннопріемнаго дома и попроси его ввести тебя къ лежащимъ тамъ, чтобы увидѣть всякаго рода страданія, странные виды недуговъ и разнообразныя причины унынія. Оттуда поди въ темницу и, узнавъ все встрѣчающееся въ этомъ жилищѣ, ступай въ преддверія баней, гдѣ нѣкоторые лежатъ нагими, употребляя вмѣсто одеждъ и жилищъ навозъ и солому, постоянно терзаясь холодомъ, болѣзнію и голодомъ, умоляя прохожихъ однимъ своимъ видомъ, трясеніемъ тѣла и скрежетомъ сжимаемыхъ зубовъ, и не имѣя возможности ни подать голоса, ни протянуть рукъ отъ крайняго изнуренія такими страданіями. И здѣсь не останавливайся, но сходи еще въ убѣжище бѣдныхъ, находящееся за городомъ, и тогда ясно увидишь, что терзающее тебя теперь уныніе есть тихая пристань. Чтò сказать о мужчинахъ, мало по малу разрушаемыхъ проказою, о женщинахъ, страдающихъ ракомъ? Обѣ эти болѣзни и продолжительны и неизлѣчимы; та и другая одержимыхъ ими изгоняютъ даже изъ города, такъ какъ этимъ больнымъ не позволяется быть ни въ банѣ, ни на рынкѣ, ни въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ внутри города. И не только это бѣдственно, но и то, что они не могутъ быть спокойны и относительно средствъ къ пропитанію. А каково положеніе осужденныхъ жить въ рудникахъ, часто безъ вины и напрасно? Всѣ они терпятъ гораздо бóльше 491
горя, чѣмъ одержимые демономъ. Если ты не вѣришь, это нисколько не удивительно; потому что мы обыкновенно судимъ о своихъ и о чужихъ бѣдствіяхъ не одинаково, но послѣднія узнаемъ только изъ словъ и по виду страдающихъ, а первыя — собственнымъ опытомъ и чувствомъ, и изъ пристрастія къ самимъ себѣ думаемъ, что послѣднія несноснѣе первыхъ, хотя бы они на самомъ дѣлѣ были очень легки и сносны. Если же кто, отрѣшившись отъ всякаго пристрастія, узнàетъ свойство чужихъ несчастій, и вникнетъ въ положеніе подвергшихся имъ, тотъ дастъ намъ о нихъ вѣрное сужденіе. Можетъ быть, ты скажешь, что всѣ тѣ болѣзни относятся только къ тѣлу, а твоя болѣзнь касается души, и тяжелѣе всѣхъ ихъ. Но по этому самому особенно и оказывается она легче тѣхъ: она не разрушаетъ тѣла, какъ тѣ, и душу безпокоитъ только на короткое время; между тѣмъ указанныя выше болѣзни, зарождаясь въ тѣлѣ, не останавливаютъ на немъ вредныхъ своихъ дѣйствій, а простираютъ ихъ и на душу, постоянно муча ее и сокрушая скорбію и великимъ уныніемъ. *Якоже бо*, говоритъ Писаніе, *оцетъ не полезенъ вреду*, *тако припадшая страсть въ тѣлеси сердце оскорбляетъ* (Причт. xxv, 20). Итакъ не о томъ только говори, что какая-нибудь болѣзнь гнѣздится въ тѣлѣ, но докажи, что она не простираетъ своего гибельнаго и разрушительнаго вліянія на душу. Такъ и зараза рождается не въ самыхъ

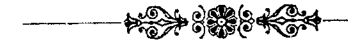
тѣлахъ, а губитъ тѣла; и ядъ змѣй выходитъ изъ нихъ, а вредитъ намъ. Тоже и съ тѣми болѣзнями: рождаются онѣ въ тѣлѣ, а ядъ своей злокачественности переливаютъ въ нашу душу. Итакъ чрезмѣрное уныніе вреднѣе всякаго демонскаго дѣйствія; потому что и демонъ, если въ комъ властвуетъ, то властвуетъ чрезъ уныніе; а если уничтожишь уныніе, то и отъ демона не потерпишь никакого вреда. Но какъ, скажешь ты, можно не унывать? А я тебя спрошу, какъ невозможно не унывать? Если бы ты совершилъ блудъ, убійство или какой-либо другой изъ грѣховъ, лишающихъ царствія небеснаго, то унывай и сѣтуй: никто не будетъ препятствовать; если же ты, по благодати Божіей, стоишь далеко отъ всѣхъ этихъ грѣховъ, то для чего напрасно мучишь себя?

14. Богъ вложилъ уныніе въ нашу природу не для того, чтобы мы предавались ему неразумно, неблаговременно и при всякихъ обстоятельствахъ, и не для того, чтобы губили самихъ себя, но чтобы получали отъ него величайшую пользу. Какъ же мы можемъ получить отъ него пользу? Если будемъ предаваться ему въ надлежащее время; а время унынія не то, когда мы терпимъ зло, но когда дѣлаемъ зло. Мы же извратили порядокъ и перемѣшали времена; дѣлая множество зла, мы не сокрушаемся и на короткое время, а если отъ кого-либо потерпимъ хотя малое зло, падаемъ духомъ, безумствуемъ, спѣшимъ отказаться и избавиться отъ жизни. Поэтому такое состояніе (унынія) и кажется намъ несноснымъ и тяжкимъ, равно какъ и гнѣвъ и похоть, на которыя также жаловались тѣ, которые пользовались ими не хорошо и не надле-
492 жащимъ образомъ. Здѣсь бываетъ то же, что и съ лѣкарствами, которыя даются врачами; и они не только избавляютъ больного отъ мученій, но еще болѣе усиливаютъ болѣзнь, когда употребляются при болѣзняхъ не соотвѣтствующихъ имъ и не тѣхъ, для которыхъ они приготовлены, но при совершенно другихъ. Точно такъ же дѣйствуетъ и уныніе, и это естественно. Какъ врачевство сильное, разъѣдающее и, такъ сказать, очищающее нашу порочность, оно, когда прилагается къ душѣ праздной, изнѣженной и имѣющей въ себѣ великую тяжесть грѣховъ, весьма много помогаетъ принявшему его; а когда прилагается къ душѣ дѣятельной, подвизающейся, трудящейся, заботливой и подвергающейся бѣдствіямъ, то не только не приноситъ никакой пользы, но и причиняетъ великій вредъ, дѣлая ее слабѣйшею и удобопоражаемою. Посему и Павелъ, обращаясь къ стоявшимъ и подвизавшимся, говорилъ: *радуйтеся о Господѣ всегда, и паки реку радуйтеся* (Фил. IV, 4); а къ разслабленнымъ душою и одержимымъ сильною страстію писалъ: *и вы разгордѣсте, и не паче плакасте* (1 Кор. V, 2). Кто тучнѣетъ тукомъ грѣховъ, тотъ пусть утончаетъ и изсушаетъ себя этимъ

врачевствомъ, а здоровому и соблюдающему себя въ надлежащемъ благосостояніи, для чего губить свое благополучіе уныніемъ? Оно—такое сильное врачевство, что когда и къ нуждающимся въ немъ было прилагаемо дольше надлежащаго времени, причиняло много зла. Опасаясь этого, и блаженный Павелъ повелѣвалъ устранять его тотчасъ послѣ того, какъ оно сдѣлаетъ свое дѣло, и на это представилъ ту же причину, которую я высказываю теперь: *да не како*, говорилъ онъ, *многою скорбію пожертъ будетъ таковый* (2 Кор. II, 7). Если же оно, приражаясь сверхъ мѣры, губитъ и тѣхъ, кто имѣетъ въ немъ нужду, то чего не сдѣлаетъ оно съ тѣми, которые совсѣмъ не имѣютъ въ немъ нужды, если они предадутся ему въ великой степени? Такъ, скажешь ты, знаю это и я; но, какъ мнѣ устранить и удалить уныніе изъ души своей,—не знаю. Какая же въ этомъ трудность, другъ мой? Если бы это была какая-нибудь похоть и безумная плотская любовь, или сильное тщеславіе,—это неудобоистребляемое зло, или какая-либо другая подобная страсть, то ты имѣлъ бы основаніе затрудняться освобожденіемъ отъ нихъ, такъ какъ плѣненнымъ ими, хотя и не невозможно, однако трудно избавиться отъ этихъ сѣтей. Почему? Потому, что имъ содѣйствуетъ и помогаетъ удовольствіе: оно какъ бы канатами со всѣхъ сторонъ опутываетъ предавшихся страстямъ, и трудность исправленія прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы душа склонилась пожелать и рѣшиться на освобожденіе отъ нихъ; подобно тому, какъ если бы человѣкъ, нуждающійся въ исцѣленіи отъ коросты или чесотки, находилъ удовольстіе въ этой болѣзни, и самъ себя ввергалъ въ недугъ. А для освобожденія отъ скорби не мало способствуетъ намъ то, что мы не находимъ въ ней удовольствія; кто тяготится чѣмъ-нибудь, тотъ скоро постарается и освободиться отъ этого. Но что, если онъ, хотя и постарается, но не успѣетъ? Пусть не перестаетъ стараться, и скоро будетъ имѣть успѣхъ. Имѣй въ виду, что для христіанина, если онъ когда-нибудь скорбитъ, должны быть только два повода къ унынію, — когда или самъ онъ, или ближній его оскорбитъ
Бога; а такъ какъ твоя скорбь не основывается ни на одномъ 493
изъ этихъ поводовъ, то напрасно ты мучишь себя. А откуда извѣстно, скажешь ты, что этою скорбію мы не наказываемся за грѣхи? Это хорошо извѣстно, но пока я не стану утверждать этого. Если же ты хочешь, то пусть будетъ не только не неизвѣстно, какъ ты сказалъ, но даже хорошо извѣстно, что эта скорбь есть возмездіе за грѣхи; неужели же, скажи мнѣ, ты по этому сѣтуешь? Но надобно благодушествовать отъ того, что ты еще здѣсь освободился отъ грѣховъ, и не будешь осужденъ вмѣстѣ съ міромъ. Сѣтующему должно сѣтовать не о томъ, что онъ наказывается, но о грѣ-

хахъ, которыми онъ оскорбляетъ Бога; грѣхи удаляютъ насъ отъ Бога и дѣлаютъ врагами Его, наказанія же примиряютъ Его съ нами и дѣлаютъ милостивымъ и близкимъ къ намъ. А что твой подвигъ и трудъ не есть возмездіе за грѣхи, но подготовленіе къ вѣнцамъ и наградамъ, это видно изъ слѣдующаго. Если бы ты прежде жилъ постыдно и распутно, а потомъ перешелъ бы къ монашеской жизни, и въ такомъ случаѣ мысль о наказаніи за грѣхи была бы неумѣстна. Если Богъ посылаетъ наказанія для того, чтобы грѣшниковъ обратить къ покаянію, то когда принесено покаяніе, наказаніе по этому самому излишне. Богъ столь далекъ отъ желанія наказывать насъ, что часто даже тогда, какъ мы дѣлаемъ достойное наказанія и нуждаемся въ сильномъ вразумленіи, Онъ вразумляетъ насъ только угрозою и устрашающими словами. Это ты можешь видѣть на примѣрѣ израильтянъ и города ниневитянъ: Богъ не только не навелъ на нихъ наказанія, когда они принесли покаяніе, но тотчасъ прекратилъ и угрозу. Онъ гораздо болѣе насъ самихъ желаетъ, чтобы мы не терпѣли никакого зла, и никто изъ насъ не щадитъ себя такъ, какъ Богъ щадитъ всѣхъ насъ. Неужели же Тотъ, Кто часто и согрѣшившихъ устрашаетъ только словами, но не наказываетъ, а покаявшихся освобождаетъ и отъ самаго опасенія, тебя, оказавшаго такое благочестіе и такую добродѣтель, не только не избавилъ отъ угрозы, но и предалъ дѣйствительному наказанію? Какъ можно повѣрить этому? Если бы прежняя жизнь твоя была, какъ я сказалъ, развратна и порочна, это могло еще притти кому-нибудь на мысль; но такъ какъ она была скромна и исполнена великой честности, хотя и
494 ниже теперешней, то изъ всего этого намъ ясно, что твои подвиги ведутъ къ вѣнцамъ и высшему воздаянію. Поэтому, какъ я сказалъ, должно возбуждать въ себѣ такія и подобныя мысли; а вмѣстѣ съ этимъ, или еще прежде этого, должно разсѣявать этотъ мракъ унынія молитвами и моленіями. Такъ и блаженный Давидъ, столь дивный и великій мужъ, постоянно пользовался этими врачевствами, и избавлялся ими отъ тяжести скорбей, то молясь такъ: *скорби сердца моего умножишася, отъ нуждъ моихъ изведи мя* (Псал. XXIV, 17); то возбуждая въ себѣ благочестивыя мысли: *вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповѣмся Ему* (Псал. XLII, 5); и еще говорилъ, отъ размышленій обращаясь къ молитвамъ: *ослаби ми, да почію, прежде даже не отъиду, и ктому не буду* (Псал. XXXVIII, 14), и отъ молитвъ къ размышленіямъ: *что бо ми есть на небеси? и отъ Тебе, что восхотѣхъ на земли?* (Псал. LXXII, 25). Такъ и Іовъ размышленіями возражалъ женѣ, внушавшей ему произнести сатанинскія слова, и укоряя ее, говорилъ: *вскую яко едина отъ*

безумныхъ женъ возглаголала еси? Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ (Іова II, 10)? А предъ Богомъ онъ прибѣгалъ къ молитвамъ. И блаженный Павелъ обоими этими средствами помогалъ впадавшимъ въ скорби и искушенія; иногда онъ говорилъ: *аще же безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчищи есте, а не сынове. Который бо есть сынъ, его же не наказуетъ отецъ* (Евр. XII, 8)?—а иногда съ молитвою говорилъ: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете* (1 Кор. X, 13); и еще: *аще убо праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ, а вамъ оскорбляемымъ отраду* (2 Сол. I, 6). Итакъ, если и ты захочешь воспользоваться тѣмъ и другимъ оружіемъ и крѣпко оградишь себя со всѣхъ сторонъ, размышленіями заграждая унынію доступъ къ себѣ, а молитвами, какъ своими, такъ и чужими, устроя эту крѣпкую ограду, то скоро увидишь плоды такихъ усилій. Ты пріобрѣтешь не только ту пользу, что станешь мужественно переносить настоящія страданія, но, хорошо укрѣпившись ими, будешь и впредь неодолимъ никакими житейскими горестями.



СЛОВО

КЪ ЖИВШИМЪ ВМѢСТѢ СЪ ДѢВСТВЕННИЦАМИ.

Нижеслѣдующія два Слова или разсужденія, не соединенныя общимъ заглавіемъ, связаны между собою одинаковымъ содержаніемъ, направленнымъ въ первомъ Словѣ противъ мужчинъ, имѣвшихъ своими сожительницами дѣвственницъ, а во второмъ противъ дѣвственницъ, жившихъ вмѣстѣ съ мужчинами, такъ что самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ второго Слова (отд. 4) ссылается на содержаніе своего перваго Слова. Посему можно полагать, что эти два произведенія написаны св. Іоанномъ Златоустымъ одновременно, непосредственно одно за другимъ; но въ какое время его жизни, во время ли его діаконства въ Антіохіи, какъ свидѣтельствуетъ церковный историкъ Сократъ (кн. VI, гл. 3), или во время его епископства въ Константинополѣ, какъ свидѣтельствуетъ жизнеописатель его епископъ Палладій (Разгов. отд. 5), это достовѣрно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ оба Слова представляются плодами истинно-пастырской ревности святителя о нравственной чистотѣ лицъ, посвятившихъ себя преимущественно на служеніе Богу, но позволявшихъ себѣ сожительство съ посторонними лицами другого пола, которое было запрещено 1-мъ вселенскимъ Никейскимъ соборомъ (прав. 3) и осуждено св. Василіемъ Великимъ (посл. къ Григорію пресвитеру).

У ПРЕДКОВЪ нашихъ были двѣ причины, по которымъ женщины 495
жили вмѣстѣ съ мужчинами; одна заключается въ бракѣ,— причина и древняя, и справедливая, и основательная, какъ происшедшая отъ законодателя Бога: *сего ради*, говоритъ Онъ, *оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину* (Быт. II, 24); а другая заключается въ прелюбодѣяніи,—причина и новѣйшая въ сравненіи съ той, и несправедливая, и беззаконная, какъ происшедшая отъ лукавыхъ демоновъ. А въ нашъ вѣкъ выдуманъ еще нѣкоторый третій образъ жизни, новый и странный, и приводящій въ великое затрудненіе желающихъ найти ему причину. Есть такіе люди, которые принимаютъ къ себѣ безбрачныхъ отроковицъ, не вступая въ бракъ и не сочетаваясь съ ними, оставляютъ ихъ навсегда въ своемъ домѣ и держатъ ихъ при себѣ до глубокой старости, не для рожденія дѣтей, — ибо не сочетаются съ ними, какъ они говорятъ, — и не изъ распутства, ибо сохраняютъ ихъ невинными, какъ они утверждаютъ; а если кто-нибудь спроситъ о причинѣ, то хотя они представляютъ и измышляютъ много при-

чинъ, но основательной и уважительной, по моему мнѣнію, не имѣютъ ни одной. Впрочемъ, о тѣхъ или другихъ предлогахъ ихъ мы пока говорить не будемъ, а укажемъ ту причину, какую мы сами особенно подозрѣваемъ. Какая же эта причина? Во всякомъ случаѣ, если я уклонюсь отъ цѣли, желающіе изъ васъ могутъ удержать меня. Итакъ какая эта причина? Мнѣ кажется, что для нихъ есть нѣкоторое удовольствіе жить вмѣстѣ съ женщинами не только по закону брака, но и безъ брака и сочетанія. Если же я думаю неправильно, то не имѣю ничего и противъ этого; я высказываю вамъ пока собственное мое мнѣніе, и, можетъ быть, не только мое, но и ихъ самихъ; а что и имъ такъ же кажется, видно изъ слѣдующаго. Они, конечно, не оставляли бы безъ вниманія столь великой молвы и столь великихъ соблазновъ, если бы удовольствіе отъ этого сожительства не дѣйствовало на нихъ сильно и властно. Если же кто-нибудь былъ бы не доволенъ такими нашими словами, то я попрошу простить насъ и не гнѣваться; ибо добровольно и необдуманно я не рѣшился бы навлечь на себя негодованіе. Я не такъ жалокъ и несчастенъ, чтобы желать напрасно оскорблять всѣхъ; но я весьма жалѣю и скорблю, видя, какъ и слава Божія унижается и спасеніе многихъ мало по малу погибаетъ изъ-за этого удовольствія. Что такое сожительство пріятно для нихъ и сопровождается сильнѣйшею любовію, нежели сожительство по закону брака, слыша объ этомъ теперь, вы можетъ быть смущаетесь, но послѣ доказательства и сами согласитесь. Съ законною женою со-
496 вокупленіе, какъ безпрепятственное, ослабляетъ страсть, и часто производитъ въ мужѣ пресыщеніе и укрощаетъ неумѣренную похоть. Кромѣ того болѣзни чревоношенія и рожденія, рожденіе и воспитаніе дѣтей, и слѣдующія за ними частыя болѣзни, изнуряющія тѣло и измождающія цвѣтъ юности, ослабляютъ дѣйствіе удовольствія. А съ дѣвственницами не бываетъ ничего подобнаго; нѣтъ ни совокупленія, которое можетъ укротить и подавить естественную похоть, ни болѣзни рожденія и воспитаніе дѣтей не изнуряютъ плоти, но долго сохраняютъ онѣ себя цвѣтущими, оставаясь непричастными ничему подобному. У брачныхъ послѣ родовъ и воспитанія дѣтей тѣла дѣлаются болѣе слабыми; а тѣ и до сорокового года остаются сходными съ юными дѣвами; посему у живущихъ вмѣстѣ съ ними возбуждается похоть вдвойнѣ, и отъ того, что не дозволяется подавлять страсть совокупленіемъ, и отъ того, что причина, возбуждающая страсть, долго остается очень сильною. Такой я подозрѣваю предлогъ къ этому сожительству. Впрочемъ, не будемъ негодовать на нихъ и гнѣваться; потому что никто, желая возстановить больного, не дѣлаетъ этого съ гнѣвомъ и истязаніемъ, но подаетъ лѣкарство съ заботливостію и увѣщаніемъ. Если бы

намъ предлежало наказывать и мы занимали бы положеніе судей, то должно было бы и выражать негодованіе; но если, оставивъ это, мы принимаемъ положеніе врачей и попечителей, то слѣдуетъ увѣщевать и просить и, когда нужно, касаться самыхъ колѣнъ (больного), чтобы достигнуть желаемаго. Посему, какъ врачи, желая отклонить больныхъ отъ вредныхъ, хотя и доставляющихъ удовольствіе, или яствъ, или питій, прежде всего убѣждаютъ ихъ, что эти предметы производятъ вмѣстѣ съ вредомъ и великую непріятность; такъ и мы поступимъ, внушая имъ, что это пріятнѣйшее для нихъ сожительство причиняетъ великую гибель и—нисколько не лучше ядовитыхъ веществъ. И хотя, повидимому, оно доставляетъ нѣкоторую сладость, но вливаетъ въ услаждающуюся душу великую прикровенную непріятность и горечь; и такое убѣжденіе посодѣйствуетъ удаленію отъ этого. Кто разлучается съ любимою женщиною по страху и необходимости, тотъ дѣлается еще болѣе страстнымъ любителемъ и, можетъ быть, опять возвратится къ тому же; а кто узнаетъ предметъ и удалится отъ него, какъ отъ вреднаго и горькаго, тотъ не возвратится къ нему опять, такъ какъ приговоръ собственнаго его мнѣнія подѣйствуетъ на него сильнѣе всякой необходимости. Какъ же мы убѣдимъ ихъ, что это дѣло не только вредное, но и горькое? Какъ же иначе, если не свойствомъ самыхъ предметовъ? Итакъ спросимъ ихъ: если бы кто-нибудь, приготовивъ роскошную трапезу, наполнен- 197
ную множествомъ пріятнѣйшихъ явствъ, съ великою угрозою запретилъ касаться чего-либо изъ предложеннаго, то неужели рѣшился бы кто-нибудь сидѣть подлѣ такой трапезы и мучиться? Я не думаю; ибо не столько удовольствія онъ получилъ бы отъ созерцанія, сколько непріятности потерпѣлъ бы отъ запрещенія. И что, если бы кто-нибудь, показавъ жаждущему и мучимому жаромъ чистый и свѣтлый источникъ, не позволилъ не только вкусить отъ него, но и коснуться концами пальцевъ, могло ли бы что-нибудь быть непріятнѣе такого наказанія?

2. Здѣсь, я думаю, никто не станетъ противорѣчить мнѣ. Это зло столь велико, что и изъ внѣшнихъ (язычниковъ) тѣ, которые особенно искусны были разсуждать объ этомъ, т. е., о свойствахъ удовольствія и печали, пожелавъ представить кого-либо сильно наказываемымъ, представляли не иначе, какъ слѣдующимъ образомъ: составивъ басню, они выводили въ этой баснѣ человѣка [1]), которому слѣдовало подвергнуться крайнему наказанію, и, не дѣлая съ нимъ ничего другого, предлагали ему всякія явства и показывали мимотекущую воду, не позволяя однако пользоваться ничѣмъ изъ этого:

[1]) Тантала, упоминаемаго въ греческомъ баснословіи. См. Одисс. XI, 582—592.

какъ только онъ протягивалъ руку, все видимое имъ удалялось; и это происходило постоянно. Таковъ былъ способъ наказанія по баснѣ язычниковъ. И одинъ изъ философовъ [1]), увидѣвъ, какъ нѣкто изъ жившихъ вмѣстѣ съ нимъ поцѣловалъ красиваго мальчика, съ удивленіемъ сказалъ: этотъ и въ огонь легко бросился бы, рѣшившись воспламенить въ самомъ себѣ поцѣлуемъ такую пещь. Впрочемъ, я не могу утверждать, что тѣ люди цѣлуютъ или обнимаютъ своихъ сожительницъ; если же нѣкоторые стали бы обвинять ихъ въ этомъ, то я постараюсь показать, что, если они доходятъ и до этого, то навлекаютъ на себя мученіе еще тягчайшее вышесказаннаго. Если одно только созерцаніе производитъ такую скорбь, то когда вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ и прикосновеніе, т. е., наслажденіе гораздо болѣе ощутительное, чѣмъ производимое зрѣніемъ, то оно поднимаетъ бо́льшій пламень, производитъ тягчайшее томленіе и сильнѣе разъяряетъ (внутренняго) звѣря. Ибо, чѣмъ болѣе мы усиливаемъ похоть и чѣмъ больше доставляемъ ей пищи, тѣмъ болѣе усиливается въ насъ и томленіе. Какъ сидящій подлѣ трапезы и источника мучится не столько при созерцаніи ихъ, сколько тогда, когда, имѣя позволеніе и касаться ихъ рукою, не имѣетъ возможности вкушать ихъ; такъ точно и тѣ, имѣя возможность касаться тѣлъ дѣвственницъ, мучатся отъ этого прикосновенія болѣе, нежели отъ созерцанія, испытывая непріятнѣйшее томленіе отъ несочетанія съ ними. Но нужно ли доказывать это внѣшними примѣрами? Есть опредѣленіе Божіе, которое сильнѣе всѣхъ ихъ доказываетъ, что это дѣйствительно такъ. Богъ, желая наказать Адама, поселилъ его не далеко отъ рая, но близъ него самаго, чтобы онъ имѣлъ постояннымъ наказаніемъ—созерцаніе вожделѣннаго мѣста, непрестанно взирая на него, но не имѣя дозволенія пользоваться имъ. Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: если это дѣло по свойству своему столь непріятно, то почему же многіе съ такимъ рвеніемъ предаются ему? На это я могъ бы сказать, что это самое и служитъ величайшимъ доказательствомъ крайней ихъ болѣзни. Обыкновенно больные позволяютъ себѣ какое либо пустое и кратковременное удовольствіе и чрезъ это навлекаютъ на себя продолжительное страданіе. Это можно видѣть на больныхъ горячкою, которые, не желая потерпѣть немного, при кратковремен-
498 номъ облегченіи вкушаютъ запрещенныя питія и яства и дѣлаютъ болѣзнь свою долговременною и жесточайшею. А здоровымъ должно не отъ больныхъ заимствовать мнѣнія о вещахъ; ибо, если мы будемъ слѣдовать имъ, то будемъ осуждены и врачебной наукой и философіей. И не только въ горячкѣ и въ отношеніи къ женщи-

[1]) Философъ Сократъ, по сказанію историка Ксенофонта. См. Достопамятности Сократа, Кн. 1, гл. 3, отд. 9 -13.

намъ испытываютъ это, но и въ отношеніи къ деньгамъ и ко всему прочему бываютъ такіе больные. Такъ, привязанные къ деньгамъ, хотя знаютъ, что удѣляющіе здѣсь эти маловажные предметы нуждающимся получатъ тамъ безчисленныя блага, однако удерживаютъ ихъ и зарываютъ, и предпочитаютъ лучше лишиться всѣхъ благъ за свое пустое и кратковременное удовольствіе, нежели избавиться отъ вѣчнаго мученія и пріобрѣсти безсмертную жизнь за временное ихъ презрѣніе. Точно въ такой же болѣзни находятся и тѣ: не рѣшаясь немного воздержаться отъ малой похоти очей, они навлекаютъ на себя нестерпимый огонь; и чѣмъ болѣе думаютъ получать удовольствія, тѣмъ болѣе запутываются въ злѣ, по коварству діавола, производящаго это для продолженія и усиленія пламени, такъ что пламенѣя они и услаждаются и мучатся, производя какое-то странное смѣшеніе чувствъ въ душахъ своихъ.

3. Если же кто будетъ обвинять насъ въ невоздержности за эти слова,—мужи доблестные, и живя съ женщинами, будто бы ничего худого отъ этого не терпятъ,—то я ублажаю такихъ людей и самъ хотѣлъ бы имѣть столько же силы; я вѣрю, что могутъ быть даже такіе люди; но я хотѣлъ бы, чтобы обвиняющіе насъ могли доказать, что молодой человѣкъ, цвѣтущій тѣломъ, живя вмѣстѣ съ юною дѣвою, вмѣстѣ сидя и обѣдая, и бесѣдуя съ нею цѣлый день,—не распространяюсь ни о чемъ прочемъ, неприличномъ смѣхѣ и хохотѣ, и нѣжныхъ выраженіяхъ, и о прочемъ, о чемъ даже и говорить, можетъ быть, неприлично,—что онъ, живя съ нею въ одномъ и томъ же домѣ, раздѣляя съ нею трапезу и бесѣды и съ великою свободою многое принимая отъ ней и самъ сообщая ей, не испытываетъ ничего человѣческаго, но остается чистымъ отъ порочнаго пожеланія и удовольствія; я хотѣлъ бы, чтобы обвиняющіе насъ могли убѣдить насъ въ этомъ, но они и сами не хотятъ убѣждаться, и насъ, обличающихъ это, провозглашаютъ безстыдными, больными одною и тою же съ ними болѣзнію и прикрывающими собственную порочность. Какое, говорятъ они, намъ дѣло до этого? Мы не виновны въ безуміи другихъ, и, если кто безразсудно соблазняется, мы не заслуживаемъ наказанія за его безуміе. Но Павелъ не такъ говорилъ, а заповѣдалъ обращать вниманіе, хотя бы кто соблазнялся безъ вины (соблазняющихъ), хотя бы по немощи. Мы тогда только освобождаемся отъ наказанія, назначеннаго соблазняющимъ, когда отъ соблазна происходитъ другая польза, бо̀льшая вреда, причиняемаго соблазномъ; если же этого нѣтъ, а происходитъ одинъ только соблазнъ для другихъ, основательно ли будутъ они соблазняться, или не основательно, или по немощи, то кровь ихъ падаетъ на нашу голову и отъ нашихъ рукъ Богъ взыщетъ души ихъ. Посему, чтобы мы и не всегда

заботились о соблазняющихся, и не всегда презирали ихъ, Христосъ постановилъ для насъ нѣкоторыя ограниченія и правила, и
499 Самъ соблюдалъ то и другое въ надлежащее время. Такъ, когда Онъ бесѣдовалъ о свойствѣ яствъ и объяснялъ, что они по природѣ своей чисты, и освобождалъ отъ іудейской разборчивости въ нихъ, и когда Петръ пришелъ и сказалъ: *соблазнишася*, то Онъ отвѣчалъ: *остави ихъ*, и не только презрѣлъ ихъ, но и осудилъ, сказавъ: *всякъ садъ, егоже не насади Отецъ мой небесный, искоренится* (Матѳ. xv, 12—14). Такимъ образомъ Онъ отмѣнилъ законъ о яствахъ. Когда же требовавшіе дидрахмы, приступивъ къ Петру, говорили: *учитель твой не дастъ ли дидрахмы*, то Онъ не поступилъ такъ же, какъ въ отношеніи къ первымъ, но принимаетъ во вниманіе соблазнъ и говоритъ: *но да не соблазнимъ ихъ, шедъ на море, верзи удицу, и, юже прежде имеши рыбу, возми, и отверзъ уста ей, обрящеши статиръ: той вземъ даждь (имъ) за мя и за ся* (Матѳ. xvii, 24—27). Видишь ли, какъ Онъ и заботился и не заботился о соблазняющихся? Здѣсь не было неотложной нужды открыть славу Единороднаго; какъ (могло быть) это, когда Онъ еще старался прикрывать ее и заповѣдывалъ не говорить народу, что Онъ—Христосъ? Отъ уплаты дидрахмы не было никакого вреда, а отъ неуплаты ея произошло бы великое зло; ибо тогда стали бы отвращаться отъ Него, какъ властолюбца, возмутителя, врага всего государства, и подвергающаго другихъ крайнимъ опасностямъ. Посему и отъ тѣхъ, которые сами хотѣли взять и сдѣлать Его царемъ, Онъ отошелъ далеко, желая отклонить отъ этой мысли окружавшій Его народъ. А тамъ совершалось необходимое дѣло; посему Онъ съ пользою и благовременно ради бо̀льшаго блага не обратилъ вниманія на соблазнъ. Тогда уже благовременно было—стремившихся восходить къ высочайшему любомудрію не останавливать изъ угожденія іудеямъ, но направлять къ душевной чистотѣ, такъ какъ время призывало къ этому, не задерживать соблюденіемъ заповѣдей касательно тѣла, но освободить отъ этой неважной заботы. Такъ и Павелъ иногда не обращаетъ вниманія на соблазняющихся, а иногда обращаетъ, слѣдуя Учителю, и говоритъ: *азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся* (і Кор. x, 33). Если же Павелъ презиралъ собственную пользу, чтобы оказать пользу другимъ, то какого не будемъ достойны наказанія мы, не желая даже отстать отъ вреднаго намъ самимъ для доставленія пользы другимъ, но охотно погубляя вмѣстѣ съ собою и другихъ, тогда какъ можно было бы спасти и себя и другихъ? Посему онъ, когда видѣлъ великую пользу, превышающую вредъ отъ соблазна, то не обращалъ вниманія на соблазняющихся; а когда не было никакой пользы,

но могъ произойти одинъ только соблазнъ, то рѣшался дѣлать, и терпѣть все, чтобы не произошелъ этотъ соблазнъ. Не разсуждалъ онъ такъ, какъ мы, и не говорилъ: почему они немощны, почему безразсудно впадаютъ въ соблазнъ?—но по тому самому особенно и щадилъ ихъ, что они безразсудно впадаютъ въ соблазнъ, что они—немощные.

4. Какую, скажи мнѣ, основательную причину можетъ представить соблазняющійся тѣмъ, кто ѣстъ мясо и пьетъ вино, тогда какъ это издревле дозволено закономъ Божіимъ? И однако, когда кто-нибудь соблазнялся этимъ, то Павелъ воздерживался и отъ этого: *не имамъ ясти мяса* и пить вина, говорилъ онъ, *да не соблазню брата моего* (I Кор. VIII, 13). Онъ не говорилъ того, 500
что говоримъ мы: развѣ я буду виновенъ въ неразуміи другихъ?— и: если кому угодно соблазняться напрасно, то развѣ я долженъ терпѣть наказаніе? Между тѣмъ, если бы онъ и сказалъ это, то сказалъ бы съ большею справедливостію, нежели мы; ибо соблазняющійся этимъ весьма безразсуденъ и безуменъ; а соблазняющійся тѣмъ могъ бы представить много справедливыхъ и основательныхъ причинъ; однако Павелъ, который могъ сказать это справедливѣе насъ, не сказалъ, но взиралъ только на одно, на спасеніе ближняго. И посмотри на его превосходство; онъ не сказалъ: однажды, или дважды, или столько-то и столько-то времени, но: *во вѣки*, говоритъ, *не имамъ ясти*, если другой соблазняется. А чтобы ты не подумалъ, что онъ ограничивался этимъ, онъ прибавилъ и еще нѣчто больше того; сказавъ: *добро не ясти мясъ, ниже пити вина*, онъ прибавилъ: *ни о немже братъ твой претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ* (Римл. XIV, 21). И еще посмотри на мудрость учителя: оставивъ немощнаго, онъ прежде того исправляетъ сильнаго; потому что послѣдній бываетъ причиною немощи перваго, имѣя возможность исцѣлить болѣзнь и не дѣлая этого. Но что я говорю о немощныхъ братіяхъ? Даже объ іудеяхъ и язычникахъ онъ заповѣдуетъ имѣть такую же заботливость; *безпреткновени*, говоритъ, *бывайте Іудеемъ и Еллиномъ и Церкви Божіей* (I Кор. X, 32). Итакъ, чѣмъ сильнѣйшимъ ты считаешь себя и нисколько не испытывающимъ вреда отъ такого сожительства, тѣмъ болѣе ты дѣлаешь себя обязаннымъ расторгнуть эту связь. Чѣмъ ты сильнѣе, тѣмъ справедливѣе было бы тебѣ поддержать слабѣйшаго. И такъ, если самъ ты слабъ, то перестань дѣлать это для себя самого; а если ты очень силенъ, то — для слабаго; ибо сильному должно быть сильнымъ не только для себя, но и для другихъ. Если же ты, считая себя сильнымъ, презираешь немощь другого, то ты подвергнешься двойному наказанію; и за то, что ты не предохранилъ его, и за то, что для предохраненія

его имѣлъ великую силу; ибо каждый изъ насъ отвѣтствуетъ за
спасеніе ближняго. Посему намъ и заповѣдано *не своего искать,
но еже ближняго* (I Кор. x, 24), потому что мы *куплени цѣною*
(I Кор. vi, 20); а Искупившій насъ заповѣдалъ это для общей
всѣмъ намъ пользы. Эта польза бываетъ не тогда, когда мы спа-
саемъ только собственные члены, но когда поставляемъ и другихъ
въ большую безопасность. Итакъ, сколько бы ты ни разсуждалъ,
но самыми дѣлами обличаешься, что получаешь немаловажный
вредъ отъ такого сожительства. Когда я вижу, что ты не отстаешь
отъ этого, пренебрегаешь множествомъ претерпѣваемаго вреда и не
обращаешь вниманія на многихъ осуждающихъ тебя, но и собствен-
ную славу попираешь ногами, и общество церковное подвергаешь ве-
ликой укоризнѣ, и уста невѣрныхъ отверзаешь, и на всѣхъ навлекаешь
дурную молву,—столько вобще отъ такого сожительства золъ, а блага
для васъ никакого, отъ разлуки же прекратилось бы все это зло
и было бы пріобрѣтено много другихъ благъ, и однако ты не хо-
чешь разлучиться!—то какъ я буду въ состояніи убѣдить осуждаю-
щихъ, что ты свободенъ отъ всякаго пристрастія и чистъ отъ по-
рочнаго пожеланія? Впрочемъ не буду спорить объ этомъ; даже
допустимъ, что ты остаешься чистымъ и при сожительствѣ; однако,
и блаженный Іовъ не осмѣливался приписать себѣ такого могу-
301 щества и любомудрія, но и онъ, отличавшійся всякими добродѣ-
телями, избавлявшійся отъ всѣхъ сѣтей діавола, первый и одинъ
только оказавшій такое терпѣніе, превзошедшій всякое желѣзо и
адамантъ твердостію души своей, и низложившій силу діавола, такъ
боялся той борьбы и считалъ столь невозможнымъ живущему вмѣ-
стѣ съ дѣвицею оставаться невредженнымъ и чистымъ, что дер-
жалъ себя весьма далеко не только отъ такого сожительства, но
и отъ простого и случайнаго лицезрѣнія, и *завѣтъ положилъ* очамъ
своимъ, чтобы просто не смотрѣть *на дѣвицу;* ибо онъ зналъ, хо-
рошо зналъ, что не только живущему вмѣстѣ, но и пристально
взирающему на лице дѣвицы трудно, а можетъ быть и невозможно—
избѣжать проистекающаго отсюда вреда; посему и говорилъ: *да
не помышлю на дѣвицу* (Іов. xxxi, 1).

5. Если же Іовъ кажется тебѣ малымъ для твоего соревнованія,
хотя мы недостойны и гноища его, если ты считаешь этотъ при-
мѣръ ниже величія души своей, то представь велегласнѣйшаго
проповѣдника истины—Павла, который прошелъ всю вселенную и
могъ сказать такія, исполненныя великой мудрости, слова: *живу
же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20), и:
мнѣ міръ распяся, и азъ міру (Гал. vi, 14), и: *по вся дни умираю*
(I Кор. xv, 31), и однако, послѣ такой благодати Духа и совер-
шенія такихъ подвиговъ, послѣ невыразимыхъ опасностей и по

достиженіи любомудрія, для внушенія намъ и объясненія, что, доколѣ мы дышемъ и облечены этою плотію, намъ нужны подвиги и труды, и что безъ трудовъ никогда нельзя сохранить цѣломудріе, но для этой побѣды нужно намъ много старанія и усилій, говорилъ такъ: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27). Въ этихъ словахъ онъ указываетъ на возмущеніе плоти и раздраженіе похоти, на постоянную борьбу и подвижническую жизнь свою. Посему и Христосъ, объясняя трудность этого дѣла, не просто запрещалъ взирать на лица женщинъ, но и угрожалъ наказывать взирающихъ наказаніемъ прелюбодѣевъ. Когда же Петръ сказалъ: *лучше есть не женитися*, то Онъ не заповѣдалъ не жениться, но, выражая тяжесть этого дѣла, сказалъ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. XIX, 10—12). И въ наше время мы слышимъ, что многіе, обложившіе все тѣло свое желѣзомъ и одѣвшіеся во вретище и ушедшіе на вершины горъ, и постоянно живущіе въ постѣ и всенощныхъ и неусыпныхъ бдѣніяхъ, и оказывающіе всякую строгость въ жизни, и не позволяющіе никому изъ женщинъ входить въ свои хижины и пещеры, и такимъ образомъ соблюдающіе самихъ себя, едва преодолѣваютъ неистовство похоти. А ты говоришь, что, когда видишь живущаго вмѣстѣ съ дѣвственницею и привязаннаго къ ней, и забавляющагося съ нею, и готоваго скорѣе отдать свою душу, нежели сожительницу, и потерпѣть и сдѣлать все, нежели разлучиться съ возлюбленною, ты не вѣришь ничему дурному и считаешь это не дѣломъ похоти, а благоговѣнія. Но, удивительный человѣкъ, такое состояніе свойственно не существамъ, облеченнымъ тѣлами, а имѣющимъ жизнь одинаковую съ камнями. Ты не вѣришь, можетъ быть, по своему великому цѣломудрію; а я слышалъ отъ нѣкоторыхъ разсказывавшихъ, что многіе чувствовали нѣкоторую страсть и къ изваяніямъ и камнямъ. Если же иногда грубое 502
изваяніе и одно изображеніе имѣетъ такую силу, то, когда вмѣстѣ съ изображеніемъ будетъ предстоять и нѣжное тѣло, какого не произведетъ оно неистовства? Какъ же не думать, что осуждающіе говорятъ справедливѣе, нежели вы, защищающіеся? Что правдоподобнѣе, скажи мнѣ: чувствуетъ ли мужчина похоть къ женщинѣ, или не чувствуетъ? Конечно, чувствуетъ, скажемъ мы. Еще: когда множество основательныхъ причинъ побуждаетъ разлучиться, а онъ не исполняетъ этого, но подвергаетъ себя не чему-либо доброму, а безчисленнымъ укоризнамъ и непріятностямъ отъ своихъ и чужихъ, то что вѣроятнѣе, съ добрымъ ли намѣреніемъ онъ терпитъ это, или съ дурнымъ? Конечно, скорѣе съ дурнымъ, скажетъ всякій. Впрочемъ не будемъ спорить объ этомъ, но допустимъ, что соблазняющіеся соблазняются неосновательно и не-

справедливо, а тщетно и напрасно; для чего, скажи мнѣ, ты живешь вмѣстѣ съ дѣвственницею? Конечно, такое сожительство вошло въ обычай не почему-либо иному, какъ по любви и пристрастію: отними это, и прекратится потребность такого дѣла; ибо какой мужчина безъ этой потребности рѣшился бы переносить женскую изнѣженность и обидчивость, и другіе недостатки этого пола? Посему и Богъ въ началѣ вооружилъ женщину этою особою силою, зная, что она подверглась бы великому презрѣнію, не оказывая такого вліянія, и что никто, оставаясь чистымъ отъ похоти, не рѣшился бы жить вмѣстѣ съ нею. Если и теперь, при такой потребности и многихъ другихъ пользахъ (ибо онѣ и рождаютъ дѣтей, и берегутъ домъ, и оказываютъ много другихъ важнѣйшихъ услугъ), если и теперь онѣ, оказывая столько и такихъ услугъ мужчинамъ, часто бываютъ презираемы и изгоняемы изъ дома, то какъ онѣ могли бы для насъ быть вожделѣнными безъ похоти, притомъ подвергая насъ столь многимъ укоризнамъ? Итакъ, или скажите причину сожительства, или необходимо—подозрѣвать не иную какую-нибудь, а именно порочную похоть и предосудительное удовольствіе.

6. А что, если мы въ состояніи будемъ, скажете вы, представить основательную и справедливую причину, тогда не окажется ли, что ты напрасно сказалъ это о насъ? Безъ сомнѣнія, вы не представите ни одной такой; впрочемъ, я желалъ бы узнать, не можете ли вы представить хотя нѣкоторую тѣнь основательной причины. Эта дѣвственница, говорите вы, беззащитна, не имѣетъ ни мужа, ни попечителя, часто даже ни отца, ни брата, и нуждается въ томъ, кто бы оказывалъ ей помощь, утѣшалъ ее въ одиночествѣ, вездѣ защищалъ и поставлялъ въ совершенной безопасности и въ пристани. Въ какой безопасности и въ какой пристани? Я вижу здѣсь подводный камень не укрощающій, а воздымающій волны, и пристань не утишающую бури, но производящую и не существовавшія треволненія. Какъ же вы не стыдитесь, не закрываетесь, представляя такое оправданіе? Если бы даже не происходило отъ этой услужливости никакого ни осужденія, ни вреда, ни соблазна, но можно было дѣлать это безъ дурной молвы, и тогда не были ли бы вы жалки, умножая ея богатство, упражняя ее въ любостяжаніи, вовлекая ее въ разныя дѣла, и располагая ее къ мірскимъ заботамъ, исправляя для ней должность экономовъ, опекуновъ и какихъ-то торговцевъ? Очень жалки; потому что вы не будете въ состояніи бесѣдовать о нелюбостяжательности и внушать презрѣніе къ имуществу, употребляя всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранилось и умножилось имущество и прибывали доходы къ доходамъ, сдѣлавшись для этихъ женщинъ какъ бы прикащиками и повѣренными, хотя и безполезными. Не

благородны ваши надежды, когда вы, получившіе заповѣдь нести 503
крестъ и слѣдовать Христу, отвергнувъ крестъ, какъ изнѣженные воины (бросаютъ) щиты, сидите около прялки и корзинки, другимъ постыднѣйшимъ образомъ начавъ проводить настоящую жизнь; ибо не такъ постыдно вступившимъ въ бракъ заниматься этимъ, какъ постыдно вамъ, когда вы, притворяясь, будто отказались отъ настоящихъ благъ, подъ другимъ именемъ опять предаетесь тому же. Потому насъ повсюду и считаютъ сластолюбцами и тунеядцами, льстецами и женскими угодниками, что мы, отвергнувъ все благородство, данное намъ свыше, мѣняемъ его на земное раболѣпство и униженіе. Нѣкогда доблестные мужи (апостолы) не принимали на себя обязанности раздавать деньги вдовицамъ, хотя тогда былъ такой ропотъ изъ-за неимѣнія никакого распорядителя, но, считая это дѣло ниже своего любомудрія, поручили его другимъ; а мы не стыдимся умножать чужое богатство ко вреду владѣющихъ имъ, оказываясь нисколько не лучше евнуховъ, занимающихся этимъ, тогда какъ мы должны каждый день охранять кровь и души (свои) отъ сильнаго оружія (враговъ). Что же, скажете, неужели не нужно обращать вниманія, когда все имущество дѣвственницы расхищается, уносится и увозится родственниками и слугами, чужими и своими? Хорошее же дадимъ мы дѣвственницѣ вознагражденіе за то, что она не вступила въ бракъ и не возлюбила настоящаго міра, но вмѣсто всего избрала Христа, допустивъ ее преклоняться предъ желающими лишить ее имущества!—Но не лучше ли было бы ей вступить въ бракъ и предоставить супругу своему распоряжаться такими дѣлами, нежели, оставаясь безбрачною, попирать обѣты, данные Богу, оскорблять столь честное и почтенное дѣло, увлекать и другихъ въ круговоротъ собственныхъ золъ? Какъ же ты говоришь, что она вмѣсто всего избрала Христа, когда Христосъ взываетъ и говоритъ: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. VI, 24)? Какъ ты (говоришь о томъ), чтобы возненавидѣть міръ и настоящія блага, убѣждая предаваться мірскимъ пожеланіямъ? Кого и изъ замужнихъ ты будешь въ состояніи убѣждать къ презрѣнію имущества, собирая богатство для дѣвственницы? А ей самой оставишь ли возможность постоянно и непрерывно предстоять предъ Господомъ, употребляя всю жизнь и ревность на дѣла ея? Когда будетъ въ состояніи дѣвственница любомудрствовать, видя, какъ ты, мужчина, являешься негодующимъ, если расхищаются ея деньги? Какъ она будетъ терпѣливо взирать на потери, видя, что ты и дѣлаешь и терпишь все для того, чтобы умножить для нея настоящее богатство? Не такое освобожденіе отъ дѣлъ заповѣдуетъ намъ Богъ, но соединенное съ презрѣніемъ богатства, съ отреченіемъ отъ всего житейскаго. А вы не допускаете

и не дозволяете дѣйствовать этому закону Божію. Что же, скажете вы, если она имѣетъ нужду въ покровительствѣ другихъ и терпитъ много непристойнаго, неужели такое покровительство недостойно дѣвственницы? Ничто такъ не недостойно дѣвственницы, какъ обогащаться и развлекаться множествомъ дѣлъ. А что (скажете), если она станетъ приказывать что-нибудь другое, напримѣръ, отдавать золото въ ростъ, и, пригласивъ насъ и не получивъ нашего согласія, обратится поэтому къ другимъ, — не будемъ ли мы виновны? Что, если она станетъ предпринимать какія-нибудь другія рабскія и непристойныя торговыя дѣла и потомъ, не получивъ нашего согласія на содѣйствіе, прибѣгнетъ къ
504 помощи кого-либо другого, не будемъ ли мы достойны осужденія? Нѣтъ, но будете еще достойны похвалы; ибо противоположное было бы достойно осужденія и порицанія, т. е., согласіе на эти дѣла и содѣйствіе имъ. Хочешь ли, чтобы деньги ея не были уносимы и расхищаемы? Убѣди ее сложить ихъ тамъ, гдѣ она не будетъ нуждаться въ мужчинѣ для ихъ охраненія и гдѣ они останутся навсегда нерастраченными. Если же она захочетъ заниматься (житейскими) дѣлами, то для чего шутить предметами нешуточными? Подлинно, если дѣвственница станетъ заниматься такими дѣлами, то это значитъ играть въ игру, приносящую не удовольствіе, а смерть. Когда, обрекши себя на такіе подвиги, она и послѣ того станетъ заниматься всѣмъ, недостойнымъ такого обѣта, то ее постигнетъ большее наказаніе, тягчайшее мученіе. Развѣ ты не слышалъ, какой законъ постановилъ для ней Павелъ, или лучше, говорившій чрезъ него Христосъ: *раздѣлися жена и дѣва: непосягшая печется о Господнихъ, да будетъ свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII, 33—34)? А вы не допускаете этого, выслушивая всѣ ихъ желанія скорѣе наемныхъ невольниковъ. Такъ, скажете; но что, если она борется съ крайнею бѣдностію? О богатыхъ это хорошо сказано тобою; а поддерживать тѣхъ, которыя находятся въ бѣдности и великой безпомощности, неужели предосудительно? Если бы вы не приводили и не ввергали ихъ въ пропасть погибели, то это было бы и желательно; но, если ты дѣлаешь это изъ повиновенія Повелѣвшему помогать бѣднымъ, то имѣешь для этого множество братьевъ; тамъ прояви эту добрую дѣятельность, гдѣ не будетъ ничего соблазнительнаго; а здѣсь милостыня хуже всякой жестокости и безчеловѣчія. Ибо какая польза, когда ты тѣло будешь питать, а душу изнуришь, когда дашь одежду, а возбудишь подозрѣніе, постыднѣйшее наготы, когда въ тѣлесномъ доставишь пользу, а во всемъ духовномъ причинишь вредъ, когда, доставивъ ей благополучіе на землѣ, лишишь ее небесъ? Какая же милостыня, когда унижается слава Божія, когда бываетъ безчестіе

и посрамленіе, осмѣяніе и порицаніе и самой получающей милостыню, и многихъ другихъ, соблазняющихся ею? Это—дѣло не милосердной, а безчеловѣчной и жестокой души. Ибо, если бы это было дѣломъ милосердія и человѣколюбія, то надлежало бы совершать это въ отношеніи къ мужчинамъ.

7. Но женщины, скажете вы, нуждаются въ большемъ покровительствѣ; мужчины же имѣютъ отъ природы много удобствъ. Однако, и между мужчинами есть много такихъ, которые слабѣе женщинъ и по преклонной старости, и по болѣзни, и по убожеству тѣлесному, и по жестокимъ недугамъ, и по нѣкоторымъ другимъ подобнымъ причинамъ; но такъ какъ вы особенно печетесь о женщинахъ какъ слабѣйшемъ полѣ, и весьма милостивы и сострадательны къ нимъ, то теперь мы не оставимъ безъ вниманія и эту причину, и укажемъ вамъ на такія предпріятія, которыя и свободны отъ всякаго осужденія, и доставятъ вамъ бóльшую награду. Есть женщины, однѣ—ослабѣвшія отъ старости, другія—лишившіяся рукъ, иныя—убогія глазами, иныя—подвергшіяся другимъ различнымъ и разнообразнымъ страданіямъ и тягчайшему изъ страданій—бѣдности; ибо бѣдность и совершенная скудость усиливаетъ у нихъ болѣзни тѣлесныя; а съ другой стороны, и самая бѣдность дѣлается отъ нихъ болѣе тяжелою и болѣе несносною. Выходи же на уловленіе этихъ (бѣдныхъ) и собирай ихъ; или лучше, тебѣ не нужно и трудиться надъ собираніемъ ихъ; онѣ предстоятъ въ готовности предъ всѣми, желающими простирать 505
руку помощи. Если ты имѣешь деньги, издерживай на нихъ; если ты силенъ, здѣсь подавай помощь силами тѣлесными; много и здѣсь ты увидишь нуждъ, требующихъ и тѣлесной помощи, и траты денегъ и хлопотъ; ибо нужно и жилища доставить имъ, и лѣкарства приготовить, и постелю и одежды купить, и годную пищу и все прочее пріобрѣсти, хотя бы такихъ больныхъ было только десять женщинъ; а теперь нашъ городъ наполненъ ими и найдешь ихъ тысячу и вдвое больше того. Вотъ нуждающіяся въ покровительствѣ, вотъ—одинокія, а вотъ—поверженныя на землю; вотъ это—милостыня, это—человѣколюбіе, это—служитъ къ славѣ Божіей и доставляетъ пользу и взирающимъ, и страдающимъ, и благодѣтельствующимъ. Подлинно справедливѣе было бы оказывать помощь болѣе слабымъ, нежели сильнымъ, престарѣлымъ, нежели молодымъ, не имѣющимъ необходимаго пропитанія, нежели имѣющимъ достаточное состояніе, ненавидимымъ многими по причинѣ несносныхъ страданій, нежели любимымъ многими, имѣющимъ возможность отогнать и нанесенное огорченіе и доставить добрую славу, нежели причиняющимъ огорченія. Покажи же, что ты дѣлаешь это для Бога, и позаботься объ этихъ людяхъ. Но если ты не хочешь такихъ даже

видѣть во снѣ, а красивыхъ и молодыхъ вездѣ отыскиваешь и, руководясь одною непростительною причиною этой непристойной ловитвы, представляешь другую, кажущуюся благопристойною, т. е., покровительство, то, хотя бы ты обманулъ людей, не обманешь неподкупнаго судилища, дѣлая это по одной причинѣ, а представляя другую. Вы говорите, что дѣлаете все для Бога, а дѣлаете то, что свойственно врагамъ Божіимъ; ибо дѣлать то, чрезъ что имя Его злословится и хулится, свойственно врагамъ Божіимъ. Впрочемъ. я сдѣлаю и другое соображеніе. Положимъ, что говорящій это говоритъ правду и что онъ чистъ отъ всякой похоти и принимаетъ на себя такое покровительство не по чему-либо иному, а по одному только благочестію; но и при этомъ мы найдемъ, что онъ не избавится отъ наказанія. Если бы не было другихъ случаевъ, въ которыхъ слѣдовало бы показать и свое благочестіе и сдѣлать это безъ соблазна для душъ другихъ, и тогда не надлежало бы дѣлать то, отъ чего бываетъ больше вреда, нежели пользы. Развѣ безразличное дѣло, скажи мнѣ, покровительствуя одной или двумъ дѣвственницамъ въ нуждахъ тѣлесныхъ, соблазнять безчисленное множество душъ? Впрочемъ, это еще не столь тяжкая вина; но когда ты можешь найти безчисленное множество путей, чуждыхъ нареканія и свободныхъ отъ соблазновъ и представляющихъ больше пользы, то для чего ты самъ себя запутываешь въ эти дѣла тщетно и напрасно, и теряешь пользу и дѣйствуешь съ опасностію и безчестіемъ, тогда какъ можно—съ безопасностію и великою славою? Развѣ ты не знаешь, что жизнь христіанина повсюду должна сіять свѣтло, и кто посрамилъ свою честь, тотъ уже во всемъ будетъ безполезенъ и себѣ не можетъ пріобрѣсти ни въ чемъ великой пользы, хотя бы онъ иногда и совершалъ великія дѣла? *Аще соль обуяетъ*, говоритъ Господь, *чимъ осолится* (Матѳ. v, 13)? Богъ желаетъ, чтобы мы были солію, свѣтомъ и закваскою, такъ чтобы и другіе могли получать отъ насъ пользу. Если люди, живущіе безукоризненно, едва могутъ вразумлять безпечныхъ, то, если мы
506 будемъ подавать имъ поводъ (ко грѣху), не будемъ ли мы во всѣхъ отношеніяхъ виноваты въ ихъ погибели? Подлинно, какъ живущему развратно никогда невозможно спастись, такъ и навлекшему на себя дурную славу невозможно избѣжать наказанія. Даже,—если можно сказать нѣчто дивное,—кто совершитъ великіе грѣхи, но сдѣлаетъ это незамѣтно и никого не соблазнитъ, тотъ подвергнется меньшему наказанію, нежели согрѣшившій легче, но съ дерзостію и съ соблазномъ для многихъ.

8. Чтобы ты не удивлялся сказанному и не считалъ этого слова преувеличеніемъ, мы приведемъ тебѣ такое же изреченіе съ неба и представимъ такой же законъ оттуда. Такъ, блаженному Моисею,

кротчайшему изъ всѣхъ людей на землѣ, другу Божію и большему изъ пророковъ (ибо съ другими Богъ бесѣдовалъ въ притчахъ, а съ нимъ, какъ другъ съ другомъ), такому и столь великому мужу, терпѣвшему безчисленныя бѣдствія въ пустынѣ столько лѣтъ, часто подвергавшемуся крайнимъ опасностямъ и отъ египтянъ за іудеевъ, и отъ іудеевъ по ихъ неблагодарности, не другое что-либо воспрепятствовало послѣ тѣхъ многихъ бѣдствій и безчисленныхъ подвиговъ получить обѣтованное, какъ соблазнъ, произведенный имъ на бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ при изведеніи воды. Это давая разумѣть, Богъ говорилъ: *понеже не вѣровасте освятити Мя предъ сынми исраилтескими, сего ради не введете вы сонма сего въ землю, юже дахъ имъ* (Числ. xx, 12). Хотя онъ и прежде того оказывалъ нѣкоторое непослушаніе (ибо онъ однажды и дважды противорѣчилъ Богу, бывъ посылаемъ въ Египетъ, и послѣ этого въ пустынѣ оказалъ невѣріе, когда говорилъ: *шесть сотъ тысящъ пѣшихъ людей, и ты реклъ еси: мяса имъ дамъ* (*ясти*), *и будутъ ясти мѣсяцъ дней: еда овцы и волы заколются имъ, или вся рыбы морскія соберутся имъ, и доволно будетъ имъ* (Числ. xi, 21. 22), и послѣ того опять противился и отказывался отъ управленія народомъ), однако ничто изъ всего этого не могло лишить его предстоявшихъ наградъ, а только одинъ случай при изведеніи воды; потому что этотъ поступокъ, хотя по существу своему былъ маловажнѣе тѣхъ, но по вреду для другихъ былъ гораздо важнѣе ихъ. Тѣ происходили наединѣ и тайно, а этотъ грѣхъ былъ совершенъ явно и при всемъ народѣ. Посему и Богъ, обличая, выразилъ это въ словахъ: *понеже не вѣровасте освятити Мя предъ сынми исраилтескими,* раскрывая сущность этого грѣха его и объясняя, почему онъ былъ непростительнымъ. Если же это подвергло паденію такого мужа, то насъ, червей и существъ ничтожныхъ, какъ не низвергнетъ это и не погубитъ? Ничто такъ не оскорбляетъ Бога, какъ то, когда хулится имя Его. И іудеевъ Онъ за это непрестанно обличалъ: *яко Мое имя оскверняется* (Иса. xlviii, 11); и еще: *вы скверните ѐ* (Малах. i, 12); и еще: *васъ ради имя Мое хулится во языцѣхъ* (Иса. lii, 5); и таково было Его попеченіе, чтобы этого не было, что Онъ часто спасалъ и недостойныхъ, чтобы того не случилось. *Сотворихъ,* говоритъ Онъ, *да имя Мое не осквернится;* и еще: *не вамъ Азъ творю, доме исраилевъ, но да имя Мое не осквернится* (Іезек. xx, 9. xxxvi, 22). И Павелъ желалъ быть отлученнымъ (отъ Христа) для славы Божіей, и самъ Моисей просилъ изгладить его изъ книги для славы имени Божія; а вы не только не хотите ничего потерпѣть, чтобы отстранить
богохульство, но дѣлаете все, чѣмъ еще умножаете его и увели- 507
чиваете каждый день. Кто же оправдаетъ васъ? Кто проститъ

васъ? Никто. А такое попеченіе Бога и святыхъ о томъ, чтобы не хулилось имя Его, оказывается не потому, чтобы Богъ имѣлъ нужду въ прославленіи отъ насъ (ибо Онъ вседоволенъ и совершенъ), но потому, что отъ такой хулы происходитъ великій вредъ для людей. Когда предъ ними хулится имя Божіе и слава Его, то оно уже не приноситъ имъ никакой пользы; если же Богъ хулимый не доставляетъ имъ никакой пользы, то гораздо болѣе—мы.

9. Итакъ, будемъ всячески стараться, чтобы не подавать никакого повода къ соблазну; но, если станутъ порицать насъ несправедливо, будемъ убѣжденіями опровергать обвиненія, и подражать святымъ, которые оказывали такую ревность о славѣ Божіей, что презирали собственную славу для Божіей. Не будемъ думать, безразсудно оставивъ и презрѣвъ все, будто для оправданія нашего достаточно, если мы скажемъ, что мы купили для дѣвственницы одежду и обувь и хорошо устроили все прочее, относящееся къ тѣлесному ея спокойствію. А кто, скажете, будетъ заниматься нашими домашними дѣлами, кто будетъ смотрѣть за имуществомъ, кто будетъ распоряжаться, когда мы находимся внѣ дома, а жены въ немъ нѣтъ? Ибо и это говорятъ, хотя вопреки прежнему и болѣе постыдно, не заботятся ни о чемъ и не стыдятся, говоря все безъ разбора, подобно пьянымъ. Посему и мы не станемъ тяготиться,—хотя слова ихъ таковы, что не заслуживаютъ никакого отвѣта,—не станемъ тяготиться отвѣтомъ, и кротко будемъ говорить съ ними, пока не избавимъ ихъ отъ этого опьянѣнія, сколько возможно для насъ. Я стыжусь и краснѣю, начиная опровергать тѣ возраженія, которыя они не стыдятся говорить; однако, надобно перенести этотъ стыдъ для пользы не стыдящихся; ибо нелѣпо было бы, осуждая ихъ за презрѣніе къ соблазняющимся братіямъ, самимъ намъ по стыду оставлять безъ вниманія ихъ исцѣленіе. О какихъ, скажи мнѣ, говорится домашнихъ дѣлахъ, для наблюденія за которыми считаются необходимыми услуги дѣвственницы? Развѣ есть у тебя множество иноземныхъ и недавно купленныхъ рабынь, которыхъ нужно руководить и пріучать къ пряжѣ и къ другимъ работамъ? Или есть у тебя хранилища множества денегъ и драгоцѣнныхъ одеждъ и нужно, чтобы въ домѣ постоянно сидѣлъ сторожъ и глаза дѣвственницы берегли ихъ отъ злонамѣренныхъ слугъ? Или часто даются обѣды и пиршества, и нужно, чтобы домъ былъ украшаемъ, а повара и служащіе при трапезѣ находились подъ надзоромъ дѣвственницы? Или бываютъ разнообразныя и непрестанныя издержки, и нужно кому-нибудь постоянно наблюдать, чтобы одно тщательно сохранялось, а другое не исчезало изъ дома напрасно? Ничего такого не говорится, но только то, чтобы для себя она наблюдала за шкатулкою, одеждою и прочимъ.

скуднымъ имуществомъ, чтобы накрывала на столъ, постилала постелю, зажигала огонь, омывала ноги и доставляла всякія другія удобства. И за такія малыя и незначительныя удобства мы будемъ переносить такое безчестіе, будемъ подвергаться такимъ укоризнамъ? Не гораздо ли лучше и легче исполнилъ бы эту службу братъ? Мужчина отъ природы сильнѣе женщины, и въ нуждахъ удобнѣе для насъ, и не столько требуетъ издержекъ. Женщина, принадлежа къ болѣе нѣжному полу, имѣетъ нужду въ болѣе мягкой постели и въ болѣе тонкой одеждѣ, и, можетъ быть, также въ служанкѣ для ней самой, и не столько услугъ доставляетъ намъ, сколько сама требуетъ отъ насъ; а братъ свободенъ отъ всего 508
этого; если же и будетъ нуждаться въ чемъ-нибудь, то будетъ нуждаться въ одномъ и томъ же съ нами; а это не маловажное удобство, когда живущіе вмѣстѣ пользуются не различными вещами, но однѣми и тѣми же, чего при дѣвственницѣ не можетъ быть. Такъ, во-первыхъ, когда нужно мыться или случится тѣлесная болѣзнь, тогда ни братъ не можетъ служить ей при этомъ, если не будетъ весьма безстыденъ, ни сама она не позволитъ помогать себѣ; если же братья будутъ жить вмѣстѣ, то они могутъ взаимно оказывать другъ другу эти услуги. Также, когда нужно спать, то если дѣвственница находится въ домѣ, нужно имѣть два ложа, двѣ постели и два одѣяла, и даже, если они благоразумны, двѣ комнаты; а при братьяхъ эти нужды уменьшаются, какъ одинаковыя для нихъ, ибо и комната одна, и изголовье одно, и ложе одно, и одѣяла одни и тѣже достаточны будутъ для обоихъ; и вообще, если разобрать всѣ потребности, то здѣсь найдешь великое удобство, а тамъ—неудобство. Я не распространяюсь о непристойностяхъ въ домѣ, когда напр. вошедшій въ домъ одинокаго мужчины можетъ увидѣть развѣшенными женскіе башмаки и поясы, и головныя повязки, и корзиночки, и прялку, и веретено, и гребни, и подножку, и многое другое, чего нельзя исчислить порознь. Если же при этомъ представишь богатую дѣвственницу, то будетъ еще больше смѣха. Во первыхъ, сожитель обращается среди толпы служанокъ, какъ подпѣвающій пляшущимъ распорядитель оркестра въ хорѣ женщинъ; а что можетъ быть постыднѣе и безчестнѣе этого? Затѣмъ онъ терзается цѣлый день, гнѣваясь на слугъ за вещи, принадлежащія этой женщинѣ; ибо онъ или долженъ молчать и, не обращая ни на что вниманія, получать отъ нея выговоры, или, разговаривая и бранясь, позорить себя. И посмотри, что происходитъ. Тотъ, кому заповѣдано даже не приближаться къ житейскимъ дѣламъ, вмѣшивается не только въ житейскія, но и въ женскія дѣла; онъ, конечно, не откажется и женскія принадлежности относить, и часто будетъ навѣдываться у серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, спрашивая, готово ли зеркало

госпожи, сдѣлали ли они фляжку, возвратили ли стклянку; ибо все дошло до такого развращенія, что многія изъ дѣвственницъ больше мірскихъ занимаются этими принадлежностями. Оттуда опять онъ бѣжитъ къ мvроварителю поговорить объ ароматахъ госпожи, а часто изъ излишняго усердія при этомъ не преминетъ и обидѣть бѣднаго; ибо дѣвственницы употребляютъ и ароматы различные и драгоцѣнные. Потомъ отъ мvроварителя онъ идетъ къ продавцу полотенъ, а отъ него еще къ дѣлателю навѣсовъ; ибо онѣ не стыдятся поручать и эти мелочи, видя, что мужчины вполнѣ слушаются ихъ и бываютъ благодарны имъ за приказанія болѣе, нежели другимъ за услуги. Затѣмъ опять, если нужно приготовить что-нибудь для переноснаго навѣса, они безъ обѣда дожидаются до самаго вечера, оставаясь въ мастерскихъ. И не только этимъ страннымъ они занимаются, но бываютъ обременительны и для несчастныхъ слугъ, и много причиняютъ имъ оскорбленій съ негодованіемъ и крикомъ. Представь же, сколько бываетъ отсюда нареканій; потому что слуга оскорбленный, и особенно за такія вещи, не находя никакого другого способа отмстить оскорбившему, дѣлаетъ это языкомъ и тайнымъ порицаніемъ, не щадя никого, кто можетъ подпасть его гнѣву, но предается этому мщенію съ такою крайностію, какая именно свойственна слугѣ, такъ оскорбленному и на-
509 ходящему въ томъ единственное утѣшеніе въ своей злобѣ на оскорбившаго. Но живущій вмѣстѣ съ бѣдною, скажете, не станетъ обращаться къ серебряныхъ дѣлъ мастерамъ (ибо не позволитъ бѣдность), не будетъ ходить къ продавцамъ ароматовъ. Однако, онъ часто будетъ посѣщать башмачниковъ, ткачей, портныхъ и красильщиковъ. И нужно ли излагать все безобразіе, напримѣръ, когда такіе люди входятъ въ домы для покупки прялки и пряжи, когда ходятъ по площади, отыскивая того же самаго? Это бываетъ въ домахъ; а на площадяхъ они подвергаются еще гораздо большему осмѣянію.

10. А какой бываетъ срамъ въ церкви, этого и сказать невозможно. Какъ будто для того, чтобы никакое мѣсто не оставалось незнающимъ ихъ безчестія и рабской услужливости, они и въ этомъ святомъ и страшномъ мѣстѣ обнаруживаютъ все свое невоздержаніе; и, что всего прискорбнѣе, они еще восхищаются тѣмъ, чего слѣдовало бы стыдиться. Встрѣчая своихъ дѣвственницъ у дверей и замѣняя для нихъ евнуховъ, они расталкиваютъ другихъ и, шествуя впереди, величаются передъ глазами всѣхъ и не стыдятся, но еще хвалятся этимъ; и въ самое время приношенія страшныхъ таинъ они изъ угодливости оказываютъ имъ много услугъ, подавая многимъ видящимъ поводъ къ соблазну. А тѣ, бѣдныя и несчастныя, вмѣсто того, чтобы удерживать ихъ отъ такой угодли-

вости, еще услаждаются и величаются этимъ. Подлинно, если бы кто захотѣлъ произнести противъ этихъ женщинъ или ихъ угодниковъ обвиненіе, то могъ ли бы найти тягчайшее того, что они обнаруживаютъ свое невоздержаніе предъ множествомъ свидѣтелей и поступаютъ непристойно предъ глазами всѣхъ? Нужно ли говорить о томъ, сколько въ самыхъ церквахъ происходитъ безпорядковъ изъ угожденія этимъ женщинамъ, сколько дѣлъ Божіихъ пренебрегается многими, чтобы онѣ не оскорбились? И что я говорю: не оскорбились? Если кто-нибудь только посмотритъ на нихъ угрюмо и непріятно, то (ихъ угодники) скорѣе готовы перенести все, нежели допустить ихъ терпѣть это. Впрочемъ, доколѣ и мы будемъ заниматься непристойнымъ, разсказывая всѣ дѣла ихъ? Не это мы предположили себѣ; и нужно было бы намъ много и долго говорить, чтобы разсказать все; или лучше, разсказать все невозможно, хотя бы мы и хотѣли; но, избравъ немногое изъ многаго, мы и такъ уже достаточно распространили рѣчь. Мы стремились не къ этому, но и объ этомъ упомянули невольно, чтобы хотя немного удержать тѣхъ изъ слушателей, которые имѣютъ умъ; а теперь нужно предложить увѣщаніе и молитву. Итакъ, прошу и увѣщеваю и припадаю къ колѣнамъ вашимъ, и всячески умоляю: убѣдитесь, отстанемъ отъ этого опьянѣнія, будемъ владѣть сами собой и сознавать честь, какую Богъ даровалъ намъ, и послушаемъ Павла, который взываетъ: *не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. VII, 23), и перестанемъ раболѣпствовать женщинамъ къ общей всѣхъ насъ погибели. Христосъ желаетъ, чтобы мы были доблестными воинами и подвижниками. Онъ вооружилъ насъ духовнымъ оружіемъ не для того, чтобы мы услуживали недостойнымъ дѣвамъ, чтобы обращались около пряжи, ткани и подобныхъ рукодѣлій, чтобы сидѣли близъ прядущихъ и ткущихъ женщинъ, чтобы проводили весь день, внѣдряя въ свою душу женскіе нравы и рѣчи, но чтобы мы отражали враждебныя намъ невидимыя силы, чтобы поражали предводителя ихъ діавола, чтобы прогоняли свирѣпые полки демоновъ, чтобы разрушали ихъ укрѣпленія, чтобы, связавъ *власти міродержителя тьмы* (Ефес. VI, 12), отводили ихъ 510
въ плѣнъ, чтобы обращали въ бѣгство духовныя силы зла, чтобы дышали (противъ нихъ) огнемъ, чтобы были готовы и приготовлены на ежедневную смерть. Для этого Онъ облекъ насъ въ *броню правды*, для этого опоясалъ насъ поясомъ *истины*, для этого возложилъ на насъ *шлемъ спасенія*, для этого обулъ ноги наши *во уготованіе благовѣствованія мира* и вручилъ намъ *мечъ духовный*, для этого воспламенилъ огонь въ душахъ нашихъ (Ефес. VI, 14—17). Итакъ, скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ, что кто-нибудь изъ воиновъ, одѣвшись въ шлемъ, поножи, броню, взявъ мечъ, копье, щитъ,

лукъ, стрѣлы, колчанъ, когда труба уже громко трубитъ и вызываетъ всѣхъ впередъ и когда враги дышутъ сильною яростію и готовы разрушить городъ до основанія, бѣжитъ не впередъ къ воинскому строю, а уходитъ домой и садится съ этимъ оружіемъ около женщины, то не пронзилъ ли бы ты его мечемъ, если бы можно было, не говоря съ нимъ ни слова? Если же ты исполнился бы такого гнѣва, то какими, думаешь ты, оказываются предъ Богомъ дѣла, гораздо непристойнѣйшія этихъ? Ибо тѣ дѣла столько постыднѣе и непристойнѣе этихъ, сколько наша война тяжелѣе, и враги сильнѣе, и награды за войну больше, и вообще все столько отличнѣе, сколько истина отличается отъ тѣни. Не будемъ же разслаблять свою крѣпость и разрушать свои силы такими бесѣдами; ибо отсюда происходитъ невыразимое и великое зло для душъ нашихъ. А что (сказать), если мы даже не чувствуемъ этого, опьяняемые пристрастіемъ? Это ужаснѣе всего, что мы даже и не сознаемъ, какъ мы разслабѣваемъ и дѣлаемся мягче всякаго воска. Какъ тотъ, кто, поймавъ льва, взирающаго гордо и грозно, отрѣжетъ у него гриву, вырветъ зубы и остриж етъ ногти, дѣлаетъ презрѣннымъ, смѣшнымъ и даже для дѣтей преодолимымъ того, кто былъ страшенъ и непреодолимъ и потрясалъ все однимъ рычаніемъ; такъ точно и эти женщины всѣхъ, кого привлекутъ къ себѣ, дѣлаютъ удоболовимыми для діавола, изнѣженными, раздражительными, безстыдными, безразсудными, гнѣвливыми, дерзкими, непристойными, низкими, неблагородными, безчеловѣчными, раболѣпными, подлыми, наглыми, болтливыми, и вообще всѣ женскіе дурные нравы передаютъ и внѣдряютъ въ ихъ души.

11. Невозможно, чтобы живущій съ женщинами такъ пристрастно и занимающійся бесѣдами съ ними не былъ какимъ-нибудь сплетникомъ и болтуномъ и легкомысленнымъ. Станетъ ли онъ говорить о чемъ-нибудь, онъ говоритъ все о пряжахъ и тканяхъ, такъ какъ языкъ его зараженъ свойствомъ женскихъ рѣчей; станетъ ли дѣлать что-нибудь, дѣлаетъ съ великимъ раболѣпствомъ, такъ какъ онъ далеко уклонился отъ свойственной христіанамъ свободы и сдѣлался неспособнымъ ни къ какому великому дѣлу. Если же такой человѣкъ неспособенъ къ житейскимъ и гражданскимъ дѣламъ, то гораздо болѣе—къ великимъ духовнымъ, которыя требуютъ столь доблестныхъ мужей, что намѣревающіеся приступить къ нимъ не могутъ и касаться ихъ, если не сдѣлались изъ людей ангелами. И не только сами они впадаютъ въ такое зло, но и для сожительницъ своихъ служатъ причиною развращенія нравовъ. Какъ сами старающіеся угождать дѣвственницамъ
511 не занимаются надлежащею дѣятельностію; такъ и тѣ изъ-за нихъ уклоняются отъ своего надлежащаго пути, воздавая имъ это злое

и пагубное возмездіе. Онѣ и тщательнѣе украшают себя, и много заботятся объ изящной одеждѣ и походкѣ, и весь день болтаютъ о пустыхъ предметахъ; ибо, видя, что (сожители ихъ) услаждаются этими непристойными нравами и рѣчами, онѣ стараются дѣлать все, чѣмъ можно было бы удержать ихъ плѣнниками. Но если мы, немного воздержавшись, обуздаемъ самихъ себя, то принесемъ пользу и имъ, и себѣ самимъ, и всѣмъ другимъ; и какъ теперь мы дѣлаемся виновными въ погибели многихъ, такъ тогда получимъ награду за спасеніе всѣхъ, и чѣмъ теперь пользуемся постыднымъ образомъ, тѣмъ тогда будемъ пользоваться съ великою честію. Для чего, скажи мнѣ, ты хочешь быть почитаемымъ отъ женщинъ? Весьма недостойно духовнаго мужа желаніе такой чести; между тѣмъ и она будетъ достигнута тогда, когда мы не станемъ искать ея. Обыкновенно человѣкъ презираетъ угождающихъ ему, а уважаетъ тѣхъ, которые не льстятъ ему; такое настроеніе особенно свойственно женскому полу. Женщина бываетъ недовольна, когда льстятъ ей, а больше всѣхъ уважаетъ тѣхъ, которые не хотятъ преклоняться и покоряться неумѣстнымъ ея желаніямъ: въ этомъ вы можете быть мнѣ свидѣтелями. Теперь не только посторонніе, но и сами сожительницы смѣются надъ вами, если не явно, то въ своей совѣсти, и хвалятся этою жестокою властію (надъ вами); а тогда онѣ будутъ уважать всѣхъ васъ и удивляться вашей свободѣ. Если же не вѣрите словамъ нашимъ, то спросите ихъ самихъ, кого онѣ больше хвалятъ и одобряютъ: раболѣпствующихъ имъ, или господствующихъ надъ ними, покаряющихся и все дѣлающихъ и терпящихъ изъ угожденія имъ, или не допускающихъ ничего такого, но стыдящихся повиноваться дурнымъ ихъ приказаніямъ?—и, если онѣ захотятъ сказать правду, то, конечно, скажутъ, что—послѣднихъ; или лучше, здѣсь не нужно и отвѣта, когда дѣла говорятъ это. Но, скажете, сожительствующій для удовольствія переноситъ все это, услаждаясь лицезрѣніемъ дѣвственницъ. Даже если бы и было такъ, по этому самому и слѣдовало бы ему удаляться; вамъ теперь достаточно доказано, что не въ этомъ удовольствіе, а въ противномъ, въ томъ, чтобы не наслаждаться такимъ лицезрѣніемъ; присоедини еще и утѣшеніе совѣсти: обыкновенно ничто такъ не утѣшаетъ насъ, какъ добрая совѣсть и благія надежды. Но ты ищешь въ этомъ спокойствія? Однако доказано, что и оно легче достигается, когда будетъ жить вмѣстѣ съ тобою братъ. Теперь ты нисколько не отличаешься отъ раба и, ища спокойствія, находишь жесточайшее рабство; а тогда ты станешь внѣ этого рабства и будешь въ числѣ повелѣвающихъ, а не покаряющихся. Итакъ, если тамъ бываетъ вмѣсто удовольствія скорбь, вмѣсто славы стыдъ, вмѣсто свободы рабство, вмѣсто

спокойствія трудъ, и кромѣ того оскорбленіе Бога, погибель, соблазны, вѣчное наказаніе и лишеніе безчисленныхъ благъ; здѣсь же—все противоположное, слава, честь, удовольствіе, дерзновеніе, свобода, спасеніе душъ, наслѣдіе царства и избавленіе отъ наказанія, то почему намъ не предпочесть послѣднее первому? Я не знаю, если только кто не желаетъ рѣшительно погубить самъ себя; потому
512 что послѣ уже не будетъ намъ ни оправданія, ни прощенія. Если и безъ всего этого намъ слѣдовало бы переносить все для славы Божіей, то, когда можно получить и здѣшнія блага и сподобиться будущихъ благъ, а мы, подавая поводъ къ богохульству, вмѣстѣ съ тѣмъ губимъ и самихъ себя, кто спасетъ и избавитъ насъ отъ назначеннаго за это наказанія? Никто.

12. Итакъ, представляя себѣ все это, обратимся хотя теперь наконецъ къ спасенію душъ нашихъ. Если же отстать отъ долговременной привычки кажется нѣсколько труднымъ, то предоставимъ все дѣло силѣ разсудка вмѣстѣ съ благодатію Божіею, и, убѣдившись, что, если мы положимъ только начало дѣлу, то не увидимъ потомъ никакой трудности, такимъ образомъ и возстанемъ противъ этой привычки. Ибо, если ты воздержишься десять дней, то нотомъ легче перенесешь двадцать дней, а затѣмъ вдвое столько; потомъ, простираясь впередъ, ты, наконецъ, не будешь и чувствовать трудности, бывшей въ началѣ, но весьма трудное дѣло найдешь весьма легкимъ и пріобрѣтешь себѣ другую привычку, и признаешь такую перемѣну удобною не только по (новой) привычкѣ, но и по благимъ надеждамъ. Тогда и дѣвственницы будутъ больше уважать тебя, и Богъ еще прежде нихъ одобритъ, и всѣ люди прославятъ, и ты будешь жить жизнію, исполненною великой свободы и великаго удовольствія; ибо что можетъ быть пріятнѣе, какъ освободиться отъ угрызеній совѣсти, прекратить постоянную борьбу съ похотію, съ великою легкостію сплетать прекрасный вѣнецъ цѣломудрія, свободными очами взирать на небо и чистымъ голосомъ и сердцемъ призывать Владыку всѣхъ? Ни одинъ узникъ, освободившись отъ узъ, смрада и прочихъ бѣдствій темницы, или лучше, ни одинъ слѣпой, прозрѣвъ и увидѣвъ этотъ пріятный свѣтъ, не радуется, не веселится и не восхищается столько, сколько тотъ, кто могъ освободиться отъ этого рабства. Подлинно, гораздо пріятнѣе свѣта освобожденіе отъ этого подчиненія и несноснѣе всякаго мрака страданіе отъ этого рабства и этихъ узъ. Впрочемъ, для чего распространяться о свойствахъ той и другой жизни, изъ которыхъ одна исполнена униженія, скорби, вреда и великаго разслабленія, а другая — свободы, удовольствія, пользы и великаго цѣломудрія? Никакое слово не можетъ изобразить ихъ, а (можетъ показать) одно только испытаніе на дѣлѣ. Тогда вы хорошо узнаете,

отъ какихъ вы избавились золъ, какую пріобрѣли жизнь, когда захотите убѣдиться въ словахъ нашихъ на дѣлѣ; тогда и убѣдитесь, когда провѣрите сказанное самыми дѣлами. Если же вы еще не довольствуетесь этимъ и не вѣрите словамъ нашимъ, то спросите тѣхъ, которые нѣкогда находились въ этомъ рабствѣ, но потомъ вдругъ избавились и достигли прекрасной свободы, и тогда вы узнаете пользу этого увѣщанія. Такъ и Соломонъ, когда пристрастился къ житейскимъ вещамъ, считалъ ихъ великими и дивными и весьма заботился о нихъ, созидая великолѣпные домы, пріобрѣтая безчисленное множество золота, собирая отовсюду сонмы музыкантовъ и разнообразныя толпы поваровъ и служащихъ при трапезѣ, обильно доставляя своей страсти пріятность отъ дубравъ и удовольствіе отъ красивыхъ тѣлъ, и пролагая себѣ, такъ сказать, всѣ пути къ веселію и наслажденію; но когда онъ немного вос- 513
прянулъ отъ этого и, какъ бы изъ какой-нибудь мрачной пропасти, воззрѣлъ на свѣтъ любомудрія, тогда произнесъ это высокое и достойное небесъ изреченіе: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. I, 2). Такой и еще высшій приговоръ объ этомъ непристойномъ удовольствіи произнесете и вы, если захотите, когда немного отстанете отъ дурной привычки. Притомъ Соломонъ, жившій въ древнія времена, и не былъ обязанъ къ весьма строгому любомудрію; ибо древній законъ не запрещалъ роскошествовать и наслажденіе прочими удовольствіями не называлъ излишнимъ и тщетнымъ; однако, и при всемъ этомъ онъ увидѣлъ ихъ безполезность и познялъ великую ихъ суетность. А мы призваны къ лучшему образу жизни, стремимся къ высшему совершенству и обрекли себя на важнѣйшіе подвиги; ибо что иное заповѣдано намъ, какъ не то, чтобы жить подобно горнимъ силамъ, духовнымъ и безтѣлеснымъ? Посему не стыдно ли и не достойно ли великаго наказанія—оказываться гораздо хуже его и не только не возвышаться надъ дозволенными (удовольствіями), какъ онъ, но и предаваться запрещеннымъ и навлекающимъ на насъ невыносимое мученіе? Подлинно, питать въ душѣ порочную любовь, съ вожделѣніемъ смотрѣть на женщину, любоваться чужою красотою, срамить себя самого, а болѣе немощнымъ вредить и подавать много поводовъ (къ укоризнѣ) язычникамъ и іудеямъ, соблазнять своихъ и чужихъ, содѣйствовать великому униженію славы Божіей и принимать на себя раболѣпное служеніе, вмѣшиваться въ суету житейскихъ дѣлъ, дарованную намъ свободу предавать діаволу и вмѣсто нея подвергаться тягчайшему подчиненію, дѣлаться предметомъ смѣха для друзей и предметомъ порицанія для враговъ, навлекать дурную молву на общество церковное, посрамлять почтенное достоинство дѣвства, доставлять множество предлоговъ склоннымъ къ рас-

путству и причинять еще больше этого другихъ золъ (ибо невозможно усмотрѣть и изобразить словомъ все, чему подвергаются такіе люди на самомъ дѣлѣ),—это принадлежитъ къ числу дѣлъ строго запрещенныхъ и навлекающихъ невыносимое наказаніе. Такимъ образомъ, если въ томъ и есть какое-нибудь малое удовольствіе, мы, противопоставляя ему все это, осмѣяніе, стыдъ, подозрѣніе отъ многихъ, осужденіе, насмѣшки, порицанія, червь не умирающій, тьму кромѣшную, огонь неугасающій, скорбь, воздыханіе, скрежетъ зубовъ, узы неразрѣшимыя, и положивъ это какъ бы на чашку вѣсовъ и сравнивъ одно съ другимъ, устранимся хотя теперь наконецъ отъ такой тягчайшей и гибельной заразы, чтобы намъ отойти туда съ свѣтлыми вѣнцами и получить возможность свободными устами сказать Христу: „для Тебя и Твоей славы мы презрѣли свою привычку, преодолѣли удовольствіе, привели въ сокрушеніе свою душу и, отвергнувъ всякое пристрастіе и предубѣжденіе, Тебя и любовь къ Тебѣ предпочли всему". Такимъ обзомъ, мы принесемъ пользу себѣ самимъ, принесемъ пользу и жалкимъ сожительницамъ, принесемъ пользу и соблазняющимся, станемъ близъ самыхъ мучениковъ и получимъ первое мѣсто; ибо не ниже подвизавшихся величайшими подвигами и переносившихъ жестокія мученія ставлю я того человѣка, который, бывъ преданъ давней похоти и привержен къ какой-либо пріятнѣйшей и застарѣлой привычкѣ, потомъ по страху Божію расторгаетъ эти узы и прибѣгаетъ къ волѣ Божіей. Подлинно, одно изъ труднѣйшихъ дѣлъ—отвергнуть пристрастіе и старую привязанность, расторгнуть многосложные соблазны, окрылиться и вознестись до сводовъ небесныхъ. Какъ у мучениковъ тяжелъ подвигъ, такъ и у этихъ бываетъ продолжительна скорбь. Потому и вѣнцы ихъ одинаковы, что и подвиги ихъ подобны. Если *изведшій честное отъ недостойнаго, яко уста Божія будетъ* (Іер. xv, 19), то и освободившій самого себя и избавившій весьма многихъ другихъ отъ осужденія, представь, какую получитъ награду, и, окрыляясь надеждою воздаяній, презри дурную привычку, чтобы тебѣ, протекши настоящую жизнь согласно съ волею Божіею, съ чистою совѣстію увидѣть тамъ свою (возлюбленную) и насладиться святѣйшимъ собесѣдованіемъ съ нею; ибо по истребленіи тѣлесныхъ страстей и угашеніи гибельной похоти тамъ не будетъ никакого препятствія мужчинамъ и женщинамъ быть вмѣстѣ, когда прекратится всякое порочное воззрѣніе и всѣ, вводимые въ царство небесное, будутъ въ состояніи вести жизнь ангеловъ, этихъ духовныхъ силъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

КЪ ДѢВСТВЕННИЦАМЪ, ЖИВШИМЪ ВМѢСТѢ СЪ МУЖЧИНАМИ.

Увы! ЛЮТѢ *мнѣ, душе* (Мих. VII, 2),—благовременно и мнѣ вмѣ- 514
стѣ съ пророкомъ сказать это теперь, и не однажды, и не дважды, а много разъ: *у лютѣ мнѣ, душе*, какое погибаетъ дѣло, какого исполненное любомудрія! Дѣвство оскорблено, отдѣляющая его отъ брака завѣса уничтожена, бывъ расторгнута безстыдными руками, святое святыхъ попрано, почтенное и достоуважаемое сдѣлалось презрѣннымъ и пренебрегаемымъ всѣми, и званіе, столь честнѣйшее брака, унижено и низложено такъ, что болѣе ублажаются вступившія въ бракъ. Всегда дѣвство въ сравненіи съ бракомъ имѣло первенство и всѣ преимущества; нынѣ же оно не можетъ оставаться и на второмъ мѣстѣ, а низведено далеко, даже до послѣдняго мѣста; и, что всего тяжелѣе, не враги какіе-нибудь и недруги, но тѣ самыя, которыя повидимому особенно охраняли его, такъ низвели его, и тѣ самыя, которыя больше всѣхъ доставляли намъ возможность смѣло говорить противъ невѣрныхъ, больше всѣхъ заградили намъ уста и покрыли насъ великимъ стыдомъ. Въ отношеніи къ богатству язычники могли бы указать у себя нѣкоторыхъ любомудрыхъ, хотя немногихъ; также гнѣвъ нѣкоторые у нихъ преодолѣвали; но цвѣта дѣвства у нихъ никогда не было, и всегда они уступали намъ первенство здѣсь, признавая это дѣло превышающимъ природу и не человѣческимъ. Въ этомъ весьма удивлялись намъ всѣ народы, а нынѣ уже не удивляются, но смѣются и издѣ-
ваются. Потому и діаволъ такъ напалъ на это стадо, что видѣлъ, какъ 515
воинство Христово особенно украшается этимъ сонмомъ, и рѣшился такъ посрамить его, что даже лучше было бы, если бы вовсе не было дѣвственницъ, такимъ образомъ посвящающихъ себя дѣвству. Причиною же всѣхъ золъ то, что это дѣло остается только по названію и все ограничивается только (словами) на устахъ, въ чемъ состоитъ малѣйшая часть дѣвства; а необходимѣйшее и особенно отличающее его пренебрежено, и нѣтъ у нихъ рѣчи ни о благопристойной одеждѣ, ни о спокойствіи, приличномъ дѣвственницамъ, ни о сокрушеніи, и ни о чемъ другомъ подобномъ; но и говорятъ онѣ о всемъ легкомысленно, и смѣются неблаговременно,

и тревожатся, и предаются удовольствіямъ болѣе женщинъ, услаждающихся въ (непотребномъ) убѣжищѣ, всячески прельщая взирающихъ своими ухищреніями, и стараются усвоить себѣ безстыдство блудницъ, какъ бы соревнуя съ ними и усиливаясь пріобрѣсть первенство въ дурной о себѣ молвѣ. Какъ же, скажи мнѣ, мы будемъ въ состояніи исключить такую дѣвственницу изъ числа и общества этихъ женщинъ, когда она дѣлаетъ тоже, что и тѣ, обольщая сердца юношей, когда она такъ же легкомысленна и невоздержна, когда она производитъ тѣ же зелья, наполняетъ тѣ же чаши и приготовляетъ тотъ же ядъ? Правда, она не говоритъ: *пріиди и поваляемся въ похоти*; или: *шафраномъ посыпахъ ложе мое и одръ мой корицею* (Притч. VII, 16—18), и—о если бы ложе и одръ, а не одежды и тѣло! Тѣ скрываютъ ядъ свой дома, а ты вездѣ носишь сѣть и, носясь на крыльяхъ наслажденія, ходишь по площади. Хотя ты не говорила и не произносила тѣхъ словъ блудницы: *пріиди и поваляемся въ похоти*, не произносила языкомъ, но говорила видомъ, не произносила устами, но говорила походкою, не приглашала голосомъ, но приглашала яснѣе голоса глазами. Хотя, пригласивъ, ты не предала саму себя; но и ты не свободна отъ грѣха; ибо и это—особый видъ прелюбодѣянія; ты осталась чистою отъ растлѣнія, но тѣлеснаго, а не душевнаго; и у тебя совершенъ грѣхъ вполнѣ, если и не чрезъ совокупленіе, то чрезъ зрѣніе. Для чего же, скажи мнѣ, ты приглашаешь проходящихъ? Для чего воспламеняешь этотъ огонь? Какъ ты думаешь быть чистою отъ грѣха, совершивъ его вполнѣ? Ты сдѣлала совершеннымъ прелюбодѣемъ того, кто прельстился этимъ твоимъ видомъ; какъ же ты можешь не быть блудницею, когда дѣло твое оказывается прелюбодѣяніемъ? Ибо его неистовство есть твое дѣло; и всякому извѣстно, что дѣлающая другихъ прелюбодѣями никогда не можетъ избѣжать наказанія за прелюбодѣяніе. Ты изощрила мечъ, ты вооружила десницу, ты вооруженную десницу направила въ несчастную душу; какъ же ты можешь избавиться отъ наказанія за это убійство? Скажи мнѣ: кого мы ненавидимъ и отвращаемся? Кого наказываютъ законодатели и судіи? Пьющихъ ли ядовитыя вещества, или вливающихъ ихъ въ чашу и приготовляющихъ ихъ и своимъ искусствомъ погубляющихъ (другихъ)? Пьющихъ не жалѣемъ ли мы, какъ потерпѣвшихъ вредъ, а тѣхъ не осуждаемъ ли единогласно? И недостаточно для нихъ сказать въ свое оправданіе: я не причинилъ вреда самому себѣ, а погубилъ другого; но за это самое они и подвергаются болѣе жестокому
516 наказанію. А ты, несчастная и жалкая, приготовивъ такую гибельную чашу, предложивъ и подавъ это зелье, когда тотъ уже выпилъ и погибъ, думаешь оправдываться тѣмъ, что ты не сама вы-

пила, но предложила ядъ другому? Притомъ, вы настолько тягчайшее въ сравненіи съ тѣми продавцами яда потерпите наказаніе, насколько и смерть здѣсь тяжелѣе. Вы умерщвляете не тѣло только, но и душу; и тѣ часто дѣлаютъ это или по враждѣ, или по гнѣву, или по нуждѣ въ деньгахъ; а вы не можете прибѣгнуть и къ этому предлогу; ибо не съ врагами и не съ обидѣвшими васъ, и не нуждаясь въ деньгахъ, вы такъ поступаете, но изъ одного только тщеславія шутите чужими душами, находя въ смерти другихъ собственное наслажденіе.

2. Впрочемъ, я не знаю, какъ я сталъ говорить объ этомъ, имѣя въ виду другое; посему надобно возвратиться къ тому, съ чего я началъ. Какъ будто вышесказаннаго не довольно для посрамленія всего (женскаго) пола, онѣ выдумали еще нѣчто больше того. Но пусть никто не думаетъ, что это сказано обо всѣхъ; я не такъ жалокъ, чтобы все смѣшивать и сливать. То, что̀ было говорено и что̀ будетъ сказано затѣмъ, относится къ виновнымъ. Какъ будто вышесказаннаго не довольно было для вреда, онѣ еще, принимая къ себѣ нѣкоторыхъ мужчинъ, вовсе имъ незнакомыхъ, поселяютъ ихъ вмѣстѣ съ собою и живутъ вмѣстѣ съ ними все время, какъ бы показывая и чрезъ это, и чрезъ вышесказанное, что онѣ приняли дѣвство противъ своей воли, уступивъ крайнему насилію, почему и утѣшаютъ себя за это насиліе и принужденіе. И даже, при случаѣ, не говорятъ ли о нихъ еще хуже ихъ друзья и родственники? Какъ могутъ такія еще жить или дышать, а не расторгаются пополамъ, или не погребаются живыми вмѣстѣ съ самими сожителями? Такъ между многимъ прочимъ всѣ говорятъ и то, будто въ домы дѣвственницъ каждый день уже приходятъ и повивальныя бабки, какъ бы къ раждающимъ, если не для того, чтобы ходить за родильницею (а бывало съ нѣкоторыми и это), то для того, чтобы развѣдать, какъ бы о продаваемыхъ служанкахъ, которая изъ нихъ растлѣнная и которая не растлѣнная; при этомъ будто одна легко соглашается на осмотръ, а другая не соглашается и такимъ образомъ остается посрамленною, хотя она и не растлѣнная; одна обличается въ этомъ, а другая не обличается, но и эта не меньше той подвергается стыду, потому что не могла по образу своей жизни оказаться достойною довѣрія, а имѣла нужду въ свидѣтельствѣ послѣ осмотра. Какихъ это не достойно слезъ? Какихъ не достойно смертей? Кто будетъ столь каменнымъ и безчувственнымъ, чтобы не возмутиться и не воспламениться ревностію Финееса? Онъ, если бы въ то время увидѣлъ такой срамъ, то не пощадилъ бы ихъ, а совершилъ бы то же самое, что сдѣлалъ тогда съ мадіанитянкою (Числ. xxv, 8—14); а мы (которымъ не позволено извлекать мечъ и пронзать копьемъ такихъ

грѣшниковъ), хотя чувствуемъ то же, что чувствовалъ и этотъ святой мужъ, но не дѣлаемъ того же, а облегчаемъ скорбь иначе—воздыханіями и слезами. Придите же, плачьте и воздыхайте вмѣстѣ со мною всѣ вы, которыя чужды этого срама; ибо тѣ жалкія и несчастныя, можетъ быть, страдаютъ между прочими болѣзнями и безчувственностію. А вы, ведущія такую (добродѣтельную) жизнь и удостоившіяся быть въ брачномъ чертогѣ съ Женихомъ, имѣющія горящіе свѣтильники и украшающіяся досточтимымъ вѣнцемъ дѣвства лучше всякой царской діадимы, плачьте вмѣстѣ съ нами и горько воздыхайте; это—не малое врачевство и къ исправленію тяжко больныхъ, и къ утѣшенію оплакивающихъ ихъ болѣзни; это сдѣлалъ нѣкогда и Женихъ вашъ. Такъ, взглянувъ на Іерусалимъ, ниспадшій до крайней степени погибели и уже не имѣвшій возможности возстать отъ болѣзни, Онъ заплакалъ (Лук. XIX, 41); и при Виѳсаидѣ Онъ уже не предлагалъ ни увѣщаній, ни знаменій, но только выражалъ сожалѣніе, неоднократно повторяя *горе* этимъ
517 городамъ, какъ мы поступаемъ при умирающихъ (Лук. X, 13). И блаженный Павелъ, подражая своему Учителю, во всю жизнь не переставалъ оплакивать падшихъ и остававшихся въ этомъ паденіи и не хотѣвшихъ возстать, и такъ горько, что даже съ нѣкоторыми сильнѣйшими выраженіями говорилъ объ этомъ въ посланіи къ Римлянамъ: *яко скорбь ми есть велія, и непрестающая болѣзнь сердцу моему: молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, иже суть Исраилите* (Римл. IX, 2—4). Видишь ли, какъ разительны эти слова, какую представляютъ они болѣзнь сердца? Храмлющихъ и бѣдствующихъ изъ вѣрныхъ онъ оплакивалъ такъ, какъ бы самъ находился въ такихъ же бѣдствіяхъ. *Кто изнемогаетъ*, говорилъ онъ, *и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Не сказалъ: скорблю, но: *разжизаюся*, желая выразить словомъ *разжизаніе* нестерпимость и чрезвычайность скорби. Будемъ же и мы подражать и нашему Владыкѣ, и подобному намъ рабу. Не малая будетъ намъ награда за эти воздыханія и слезы, равно какъ не малое осужденіе отъ Бога будетъ тѣмъ, которые безъ сожалѣнія смотрятъ на бѣдствія собственныхъ членовъ. Первое можно узнать отъ терпѣливѣйшаго мужа Іезекіиля, а второе отъ блаженнаго Михея. Такъ, первый говоритъ, что, когда іудеи достигли крайняго нечестія и уклонились къ идолопоклонству, то Богъ повелѣлъ *дать знаменія на лица стенящихъ и болѣзнующихъ о бывающихъ* (Іезек. IX, 4); ибо не только нужно воздыхать, но и болѣзновать; и хотя они ничего не сказали и не сдѣлали для исправленія совершавшихся грѣховъ, но когда они только оказали должное съ своей стороны, то и были почтены такою честію отъ че-

ловѣколюбиваго Бога, что удостоились и безопасности, и великой славы. А Михей *) между прочими грѣхами, какъ то: чревоугодіемъ, пьянствомъ, пристрастіемъ къ намащенію ароматами, привелъ и этотъ грѣхъ—несостраданіе, сказавъ такъ: *не страдаху ничесоже въ сокрушеніи Іосифовѣ* (Амос. VI, 6). И жителей города Енана пророкъ за тоже осудилъ говоря: *не изыде плакатися дому сущаго близъ него* (Мих. I, 11). Если же тогда, когда гнѣвается Богъ, не сострадающій наказуемымъ осуждается, то не сожалѣющій о впадающихъ въ нечестіе какого удостоится прощенія? И не удивляйся, что намъ должно сожалѣть о наказуемыхъ, когда наказываетъ ихъ Богъ; ибо и самъ наказующій Богъ не желаетъ дѣлать это: *хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника*, говоритъ Онъ (Іезек. XVIII, 23). Итакъ, если наказующій не хочетъ наказывать, то гораздо болѣе намъ нужно сострадать наказуемымъ; можетъ быть, такимъ образомъ мы обратимъ ихъ; можетъ быть еще спасемъ ихъ. Даже если бы они и погибали, мы всетаки будемъ употреблять имѣющееся у насъ врачевство, будемъ плакать и воздыхать, не собирая сонмы женщинъ, а каждый наединѣ и самъ по себѣ безъ нихъ.
Если хотите, я и начну съ вами эту плачевную пѣснь: я не сты- 518
жусь дѣлать это вмѣстѣ съ Іереміею, Исаіею, Павломъ и прежде всѣхъ ихъ съ Господомъ. Начнемъ же, какъ начиналъ Христосъ, и скажемъ: *горе* тебѣ, душа; къ какой ты призвана чести человѣколюбіемъ Божіимъ и какое получишь мѣсто за свое нерадѣніе? Горе тебѣ; потому что Онъ привлекалъ тебя въ духовный брачный чертогъ, а ты, отринувъ эту славу, низверглась въ огонь діавола и въ нестерпимыя мученія, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ, гдѣ нѣтъ утѣшающаго и простирающаго руку помощи, но все—мракъ, стѣсненіе, смущеніе и страданія, не имѣющія ни облегченія, ни конца; все это причинила тебѣ любовь къ міру, предпочтеніе земли небу и нежеланіе — слушаться голоса Жениха, непрестанно убѣждающаго насъ не имѣть ничего общаго съ настоящими дѣлами. Кто тебя, жалкая и несчастная, будетъ жалѣть тогда? Ибо, хотя бы ты увидѣла самого Ноя, спасшаго весь домъ свой при общемъ потопленіи вселенной и устоявшаго при такомъ гнѣвѣ (Божіемъ), хотя бы Іова и Даніила, и вмѣстѣ съ ними Моисея и Самуила, хотя бы патріарха Авраама, никто не подастъ тебѣ тогда руки помощи; и хотя бы ты была ихъ родственницею, хотя бы дочерью, хотя бы сестрою, хотя бы возносила моленія, подобно тому богачу, все это будетъ тщетно и напрасно. *Како спала съ небесе* ты, не *денница*, *восходящая за*

*) Приводимыя ниже мѣста св. Писанія, принадлежащія двумъ пророкамъ, св. Іоаннъ приводитъ подъ именемъ одного пророка Михея.

утра (Иса. XIV, 12), но имѣвшая возможность сіять свѣтлѣе самыхъ лучей солнечныхъ? Какъ ты осталась одинокою? И не погрѣшилъ бы тотъ, кто бо́льшую часть сѣтованій, произнесенныхъ о городѣ Іерусалимѣ, отнесъ бы къ этой плѣнной душѣ, плѣненной хуже того города.

3. Впрочемъ, можетъ быть, довольно и этихъ сѣтованій, довольно того, что (сказано) въ Писаніи и въ (нашей) книгѣ; иначе намъ недостало бы времени, чтобы по надлежащему оплакать душу, страждущую такою болѣзнію. Ибо что прежде всего оплакивать? То ли, что досточтимое, святое и великое имя Божіе чрезъ васъ хулится у язычниковъ и слава Его унижается? Или то, что столь почтенное и великое дѣло подвергается презрѣнію? Или то, что многія души падаютъ отъ такихъ соблазновъ? Или то, что и здравая часть вашего сонма очерняется нечистою молвою о васъ? Или то, что вы воспламеняете неугасимый огонь и для себя самихъ, и для своихъ сожителей? Но откуда все это слѣдуетъ, скажете вы, когда мы можемъ доказать, что у насъ тѣло нерастлѣнно и не подвергалось блудодѣянію? Такое доказательство будетъ ясно не теперь, а особенно тогда, въ послѣдній день. Знаніе и искусство повивальной бабки можетъ видѣть только то, подвергалось ли тѣло совокупленію съ мужчиною; но чисто ли оно отъ постыднаго прикосновенія и отъ прелюбодѣянія и растлѣнія посредствомъ лобзаній и объятій, это обнаружится въ тотъ день, когда живое Слово Божіе, открывающее сокровенныя помышленія человѣческія и присущее при совершаемомъ тайно, представитъ все обнаженнымъ и открытымъ предъ взорами всѣхъ (Евр. IV, 12. 13); тогда мы хорошо узнаемъ, чисто ли отъ этого тѣло твое и вполнѣ ли нерастлѣнно.
519 Впрочемъ, не будемъ спорить и состязаться объ этомъ, но положимъ, что оно выше всѣхъ тѣхъ сѣтей и чисто во всѣхъ отношеніяхъ, и свободно отъ всякаго поврежденія, и пусть дѣвственница будетъ дѣвою; какъ же это относится къ сказанному нами? Ибо всего ужаснѣе и достойно множества слезъ то, что она, тщательно соблюдая свое тѣло во всѣхъ отношеніяхъ, перенесла столько труда, и весь трудъ свой сдѣлала тщетнымъ и старанія свои напрасными, подавъ поводъ къ хулѣ на Христа; и щадя свою плоть, она не охранила славы Божіей, но для того, чтобы тѣло ея осталось неприкосновеннымъ, она употребила всѣ мѣры, а о томъ, чтобы Онъ не былъ оскорбляемъ и посрамляемъ многими, нисколько не заботилась; и—о если бы она не все дѣлала и предпринимала, чѣмъ унижается слава Божія! Но какъ же, скажешь, я дѣлаю это? Поселяя мужчинъ вмѣстѣ съ собою въ домѣ и постоянно держа ихъ при себѣ. Если ты желаешь имѣть сожителями своими мужчинъ, то тебѣ слѣдовало не дѣвство избрать, а вступить въ бракъ; ибо

гораздо лучше для этого вступить въ бракъ, нежели дѣвствовать такимъ образомъ. Брака ни Богъ не осуждаетъ, ни люди не укоряютъ; ибо это—дѣло честное, никого не оскорбляющее и не поражающее; а такое дѣвство при сожительствѣ съ мужчинами осуждается всѣми больше прелюбодѣянія; потерявъ свое значеніе, оно упало низко, и даже ниже самой пропасти прелюбодѣянія; ибо заботящуюся не о Господнемъ, но дѣлающую многихъ людей прелюбодѣями, никто не станетъ считать ни между дѣвами, ни между замужними. Эта заботится о томъ, чтобы угодить одному мужу, а ты — весьма многимъ, и притомъ близкимъ къ тебѣ не по закону брака, а нѣкоторымъ другимъ образомъ, порицаемымъ и осуждаемымъ всѣми. Посему я боюсь, чтобы ты, бывъ отвергнута тою и другою стороной, не оказалась причисленною къ безчестнымъ женщинамъ. И по самому названію твоему, если бы кто захотѣлъ опредѣлить это состояніе, мы также не въ состояніи были бы возразить что-нибудь. Ибо, когда въ собраніи на площади или дома зайдетъ рѣчь о такихъ (дѣвственницахъ), то разговаривающіе объ этомъ непристойномъ сожительствѣ, желая указать принадлежащую такому-то, называютъ ее не матерью его,—ибо она не родила его, — и не сестрою, — ибо они не произошли изъ одного чрева,—и не супругою,—ибо она живетъ съ нимъ не по закону брака,—и не другимъ какимъ-нибудь названіемъ родства изъ дозволенныхъ и установленныхъ по закону, а названіемъ постыднымъ и смѣшнымъ. Я не хотѣлъ бы произноситъ его; такъ я ненавижу самое это названіе и отвращаюсь отъ него; такъ противно мнѣ даже самое наименованіе этого сожительства. Но ты не рождала и не испытала болѣзней рожденія. Что постыднѣе такого оправданія? Что достойнѣе сожалѣнія того, когда дѣвственница хочетъ доказывать свое дѣвство тѣмъ, къ чему могутъ прибѣгать и многія женщины изъ блудницъ? Но тѣ развратницы, скажешь, отличаются другими признаками. Какими, скажи мнѣ, другими?—Внѣшнимъ видомъ, взорами, походкою, любовниками, которыхъ привлекаютъ къ себѣ.—Хорошо ты изобразила намъ черты блудницы; но посмотри, не коснулась ли ты прежде нея самой себя этими чертами и признаками; потому что и ты привлекаешь къ себѣ многихъ такихъ же поклонниковъ и такими же сѣтями. Хотя ты и не стоишь около дома, зазывая проходящихъ, но ты постоянно держишь мужчинъ у себя въ домѣ, — что гораздо хуже, — не для чего иного, какъ для того, чтобы доставить непристойное удовольствіе имъ и 520
себѣ, хотя и не посредствомъ совокупленія. Какое же въ этомъ преимущество, когда и взаимное лицезрѣніе производитъ тоже самое? А если этого нѣтъ и если вы не совершаете такого прелюбодѣянія, то для чего ты держишь его дома? Какую скажешь намъ

справедливую и основательную причину? Замужняя можетъ указать на бракъ, блудница—на любодѣяніе; а ты, дѣвственница, какой представишь намъ благовидный и справедливый предлогъ?

4. Но, скажутъ, чего ты домогаешься, когда сожители и не спятъ, и не совокупляются съ нами, какъ бываетъ съ тѣми? И на это особенно указываютъ многія. Но не на свою ли голову онѣ говорятъ это? И—только ли на свою голову, это мы изслѣдуемъ послѣ. Уже ясно было доказано, когда мы говорили къ мужчинамъ, что не только злословящіе, но и представляющіе пустые предлоги достойны наказанія, положеннаго за злословіе; впрочемъ, это еще мы объяснимъ въ другой разъ; а теперь я спрошу тебя о причинѣ такого сожительства, если можешь какую-нибудь представить.—Я немощна, скажешь, я—женщина, и не могу одна удовлетворять своимъ нуждамъ. Между тѣмъ, когда мы обличали сожителей вашихъ, то слышали отъ нихъ противное, т. е. что они держатъ васъ для услугъ имъ. Отчего же вы, имѣя силу съ избыткомъ оказывать услуги даже мужчинамъ, не могли бы помогать самимъ себѣ, женщинамъ, а нуждались бы въ другихъ? Какъ мужчинѣ съ мужчиною, такъ и женщинѣ съ женщиною легче и удобнѣе было бы жить вмѣстѣ; но если вы бываете полезны и для служенія мужчинамъ, то гораздо болѣе—вамъ самимъ. Въ чемъ же, скажи мнѣ, можетъ быть полезно и необходимо сожительство мужчины? Какія онъ можетъ доставлять вамъ услуги, которыхъ женщина не могла бы доставить женщинѣ? Ткать основу вмѣстѣ съ тобою и сплетать нитки и пряжу—неужели онъ сможетъ лучше женщины? Напротивъ. Онъ, хотя бы и хотѣлъ, не съумѣетъ приняться за что-нибудь подобное, если только и этому теперь не научили вы ихъ; это дѣло одной только женщины. Или вымыть одежду, зажечь огонь, и согрѣть горшокъ? Конечно, и это не хуже, но еще лучше мужчины можетъ сдѣлать женщина. Въ чемъ же, скажи мнѣ, полезенъ для тебя мужчина? Когда вообще нужно продать что-нибудь или купить? Но и здѣсь женщина полезна не меньше мужчины; объ этомъ можетъ свидѣтельствовать и торжище, и всѣ, кто желаетъ купить одежду, покупающіе ее большею частію отъ женщинъ. Если же дѣвственницѣ стыдно стоять на площади для такой торговли, какъ и дѣйствительно стыдно, то не гораздо ли стыднѣе жить вмѣстѣ съ мужчинами? Впрочемъ, и перваго, менѣе постыднаго, нежели послѣднее, можно избѣгнуть; я предложилъ бы поручать все или молодой прислужницѣ, или способнымъ на это старушкамъ; отсюда видно, что вышесказанное есть предлогъ и отговорка, и прикрытіе слабости. Какой, скажешь, слабости прикрытіе? Если бы я пожелала имѣть мужа и вступить въ бракъ и вести такой образъ жизни, то кто воспрепятствовалъ бы

мнѣ? Развѣ не позволительно сдѣлать это свободно и не оскорбляя Бога, и не подвергаясь осужденію и укоризнамъ отъ людей? Это и я говорю, и это не столько твои, сколько мои слова. Но теперь надобно сказать, въ чемъ тебѣ можетъ быть необходима помощь мужчины; или, если не можешь объяснить этого, изгнать непри-
стойнаго сожителя; ибо иначе тебѣ не возможно избавиться отъ 521
позора; а то, что ты сказала, не столько твои слова, сколько тѣхъ, которые жалѣютъ о твоей неблагопристойности. Итакъ, хотя бы тысящекратно полезно было для тебя служеніе мужчины, и тогда не слѣдовало допускать его съ такимъ позоромъ; ибо, когда унижается слава Божія, то не должно быть никакого предлога столь внушительнаго, чтобы оставить безъ вниманія такое зло. Даже, если бы предстояло умереть тысячу разъ въ день для того, чтобы этого не было, слѣдовало бы подвергнуться тому съ великою радостію, а не только не оставлять безъ вниманія такое зло для своего спокойствія и мірской пользы. Послушай, какъ Павелъ трепеталъ и сильно боялся этого: *добрѣе бо мнѣ*, говоритъ онъ, *паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. IX, 15). Для того, чтобы не уничтожилась похвала его, онъ рѣшался умереть; а мы для того, чтобы отклонить соблазны, не хотимъ презрѣть и малое удовольствіе? Какъ же мы можемъ когда нибудь спастись? Притомъ не равное дѣло и даже нисколько не близкое— лишиться похвалы и подвергнуться осужденію. Онъ не оскорбилъ бы Бога, если бы и такъ случилось; потому что Самъ Богъ повелѣлъ ему *отъ благовѣстія жити* (1 Кор. IX, 14); и однако, онъ предпочиталъ лучше умереть, нежели сдѣлать тщетнымъ свое доблестное дѣло; а мы, вездѣ нарушая установленное и зная, что потерпимъ за это величайшее наказаніе, не хотимъ оставить даже неумѣстной и пустой привычки? Какое же будетъ намъ прощеніе? Хотя бы для многихъ нуждъ требовался только мужчина, но отъ этого происходилъ бы такой позоръ, то надлежало бы, какъ я выше сказалъ, рѣшиться лучше умереть, нежели допускать это; а если еще удобнѣе и легче исполнить все посредствомъ женщины, то какое будетъ прощеніе вамъ, столь изнѣженнымъ и небрегущимъ о своемъ спасеніи? Скажи же мнѣ: когда онъ оказываетъ тебѣ услуги, то не станешь ли и ты сама въ чемъ нибудь услуживать ему? Это для всякаго очевидно. Но не гораздо ли было бы лучше—не воздавать ему тѣмъ же и не принимать отъ него услугъ, и то время трудовъ, которое ты тратишь для доставленія ему спокойствія, лучше употреблять на успокоеніе самой себя, нежели, принимая на себя тяжкіе труды, еще срамить свою честь? Но (скажешь), ты не оказываешь ему никакихъ услугъ. Тогда нужно думать, что онъ самъ себѣ служитъ во всемъ, и постилаетъ постелю, и варитъ,

и зажигаетъ огонь, и исполняетъ другія подобныя дѣла; но такъ служить не согласится и рабъ, ничего не получающій себѣ отъ господина. Но онъ, скажешь, переноситъ все по страху Божію и ради назначенной за такое служеніе награды и съ благодарностію уничижается, не получая себѣ отъ насъ никакой пользы. Чѣмъ же, наконецъ, мы заградимъ уста безстыдныхъ? Хотя ты приписываешь ему такое благочестіе и хотя онъ такъ страшится и боится повелѣній Божіихъ, что смотритъ на себя смиреннѣе всякаго раба и доставляетъ тебѣ все, не получая самъ отъ тебя ничего, но прежде всего этого ему надлежало позаботиться о чести и славѣ Божіей; теперь же странно—одной и той же душѣ и въ одно и тоже время оказывать и уваженіе, и презрѣніе къ повелѣніямъ Божіимъ, и то страшиться ихъ, то не обращать никакого вниманія на оскорбленіе самого Законодателя. Оставаться чуждымъ удовольствія и не чувствовать совершенно ничего человѣческаго, и
522 при этомъ трудиться, изнуряться, уничижать себя и своими трудами доставлять спокойствіе другимъ, свойственно душѣ весьма любомудрой и возвышенной; а не унижать славы Божіей и не дѣлать того, за что Онъ хулился бы многими, это доступно для многихъ и не весьма великихъ (душъ). Какъ же мы повѣримъ тебѣ, что ты для Бога и по усердію къ подвижничеству дѣлаешь то, для чего требуется великая и бодрая душа, тогда какъ не хочешь отстать отъ того, отъ чего можетъ отстать душа низшая и обыкновенная? Ты не хочешь отстать отъ того, чѣмъ оскорбляется Богъ и будто бы отдаешь и тѣло и все за то, что—неугодно Ему. Кто же можетъ повѣрить этому? Впрочемъ, не знаю, какъ я перешелъ отъ дѣвственницъ къ ихъ сожителямъ; посему опять намъ нужно обратиться къ дѣвственницамъ.

5. Итакъ, какимъ образомъ мы будемъ въ состояніи убѣдить высказывающихъ такія возраженія и разсужденія? Не нужно, скажешь, и убѣждать ихъ. Но свойственно ли это душѣ благочестивой? Тогда слѣдуетъ оставлять безъ вниманія говорящихъ худо, когда мы не подаемъ имъ къ тому поводовъ; даже и тогда не должно, если мы можемъ заградить имъ уста; если же все дѣло зависитъ отъ насъ, то и весь огонь обращается на нашу голову. Ибо *тако*, говоритъ апостолъ, *согрѣшающе въ братію, и біюще ихъ совѣсть немощну сущу, во Христа согрѣшаете* (I Кор. VIII, 12). Онъ зналъ, точно зналъ, что немощь соблазняющихся не только недостаточна для нашего оправданія, но она особенно и служитъ къ нашему осужденію; ибо, чѣмъ болѣе мы чисты отъ соблазнительнаго дѣла, тѣмъ болѣе намъ слѣдовало бы щадить немощь ихъ. Я не утверждаю, что они соблазняются не безъ причины; но положимъ даже, что они соблазняются неосновательно, и тогда не нужно презирать

ихъ. Этому научилъ насъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, сказавъ такъ: *не брашна ради разоряй дѣло Божіе* (Римл. XIV, 20). Хотя бы кто соблазнялся неосновательно, однако онъ осуждаетъ не соблазняющагося, а производящаго такой соблазнъ. Какъ я и прежде говорилъ, такъ и теперь скажу: когда можетъ произойти какая-нибудь великая польза, и притомъ превосходящая соблазнъ, то не нужно обращать вниманія на соблазняющихся; а когда не можетъ быть ничего больше, кромѣ соблазна немощныхъ, то, хотя бы они соблазнялись тысячу разъ неосновательно, надобно щадить ихъ; ибо и Богъ осуждаетъ на наказаніе тѣхъ, которые соблазняютъ и подвергаютъ паденію, потому что соблазнять другого безъ всякой пользы—дѣло крайне нечестивое. И мы, видя, что кто-нибудь сдѣлался раздражительнымъ отъ продолжительной болѣзни, скорѣе удаляемъ изъ дому тѣхъ, кто безвременно раздражаетъ его, даже не изслѣдуемъ, справедливо или несправедливо они дѣлаютъ это, и не принимаемъ отъ нихъ никакого оправданія, а жалѣя больного вполнѣ прощаемъ его по причинѣ немощи, хотя бы онъ и несправедливо раздражался. Если же мы оказываемъ такое попеченіе и о рабахъ, и о дѣтяхъ, даже часто наказывая и сына виновнаго въ этомъ, то тѣмъ болѣе Богъ, благій и милосердый, и снисходительный, сдѣлаетъ это. Что говоришь ты? Соблазняющійся немощенъ? Поэтому онъ и достоинъ пощады, а не пораженія. Онъ имѣетъ раны? Поэтому мы и не станемъ растравлять ихъ, а лечить. Онъ подозрѣваетъ злобно и безразсудно? Поэтому мы и будемъ устранять подозрѣніе, а не усиливать; ибо, дѣлая вопреки этому, ты грѣ- 523
шишь противъ Самого Христа. Или ты не слышишь, какъ часто въ Ветхомъ Завѣтѣ Моисей говоритъ, что Богъ есть *ревнитель* (Исход. XX, 5), и Самъ Онъ говоритъ: *ревновахъ по Іерусалиму* (Захар. I, 14); а въ Новомъ Завѣтѣ Павелъ взываетъ: *ревную бо по васъ Божіею ревностію* (II Кор. XI, 2)? Этого одного, безъ всего прочаго, достаточно было бы для того, чтобы тронуть душу не слишкомъ недужную и отчаянную; это такъ страшно, или вѣрнѣе—болѣе утѣшительно, нежели страшно. Ибо ревности не было бы, если бы не предшествовала ей горячая и пламенная любовь, такъ что она служитъ знакомъ сильной и пламенной любви Божіей и расположенности. Ревность въ Богѣ не есть страсть, но, желая выразить свою неизреченную любовь, Онъ часто употребляетъ такое названіе. Мы же, при великой безчувственности своей, впадаемъ въ человѣческія страсти, и такъ сильно любящаго насъ (Бога) оскорбляемъ, а тѣмъ, которые не могутъ доставить никакой пользы, всячески угождаемъ. Можетъ ли тебѣ, жалкая, принести столько же пользы это непристойное сожительство, сколькихъ оно лишаетъ тебя сокровищъ? Смотри: оно низводитъ тебя съ небесъ, изгоняетъ изъ

духовнаго брачнаго чертога, отлучаетъ тебя отъ небеснаго Жениха, навлекаетъ на тебя вѣчное наказаніе и мученія, не имѣющія конца. Хотя бы тысячи рудниковъ золота предлагалъ тебѣ живущій съ тобою, хотя бы подчинялся тебѣ болѣе купленныхъ рабовъ, хотя бы доставлялъ тебѣ и чести и спокойствія больше, чѣмъ самой царицѣ, при всемъ томъ не слѣдовало ли бы тебѣ чуждаться и отвращаться отъ него, какъ отъ заразы и врага, которой больше отнимаетъ, нежели сколько даетъ? Тебѣ надлежитъ помышлять о благахъ небесныхъ, о тамошнемъ царствѣ, о безсмертной жизни, о неизреченной славѣ; а ты помышляешь о земныхъ предметахъ, и тому, кто въ отношеніи къ нимъ представляется полезнымъ, угождаешь, какъ Владыкѣ, и не скрываешься, и не молишься, чтобы подъ тобою разверзлась земля и такимъ образомъ ты отошла отсюда? Ты указываешь мнѣ на слабость женскаго пола, на исправленіе человѣческихъ нуждъ и на домашнее спокойствіе, изобрѣтая и составляя недѣйствительные предлоги. Но этимъ не обманешь имѣющихъ умъ; потому что нѣтъ, нѣтъ такого спокойствія, которое дѣлало бы необходимою такую непристойность. Женщина, если захочетъ, можетъ удовлетворительно служить не только себѣ, но и многимъ другимъ; и въ началѣ, когда мужчина получилъ въ удѣлъ общественныя дѣла, она получила въ удѣлъ—исправлять и устроять все внутри дома. Такимъ образомъ не по нуждѣ въ спокойствіи вы привлекаете къ себѣ въ домъ мужчинъ. Но развѣ, скажете, для прелюбодѣянія и распутства? Я не могу сказать этого, — да не будетъ, — и даже говорящихъ это не перестаю укорять; но, о если бы возможно было разубѣдить ихъ! Какая же, скажете, причина дѣлаетъ это сожительство вожделѣннымъ для насъ? Страсть тщеславія. И какъ мужчинъ пустое и жалкое удовольствіе, такъ женщинъ страсть тщеславія влечетъ къ этому сожительству. Весь родъ человѣческій, можно сказать, тщеславенъ, но особенно — женскій полъ; ибо, если онѣ и въ спокойствіи не нуждаются, какъ доказано, и не предаются распутству вмѣстѣ съ ними, то вполнѣ очевидно, что остается подозрѣвать только это одно.

6. Итакъ, нашедши самый корень зла, оставимъ, наконецъ, обличеніе и станемъ увѣщевать и убѣждать. Какъ изъ мужчинъ живущіе вмѣстѣ съ дѣвственницами думаютъ находить въ этомъ удо-
524 вольствіе, а испытываютъ тягчайшее мученіе (ибо единственно чистымъ и прочнымъ удовольствіемъ была бы разлука съ ними), такъ и онѣ. Кажется, онѣ думаютъ, что отсюда происходитъ нѣкоторая слава и знаменитость; но если изслѣдовать тщательно, то онѣ навлекаютъ на себя осмѣяніе, стыдъ, порицанія и крайнее безславіе. Объ этомъ мы уже сказали кратко и въ началѣ, но скажемъ и теперь. Пусть будетъ, если хочешь, сожитель не изъ простолюди-

новъ и не изъ презрѣнныхъ людей, но изъ имѣющихъ великую силу въ церкви, пусть будетъ предметомъ удивленія у всѣхъ и по знатности своего рода, и по силѣ краснорѣчія, и по благочестію, и во всѣхъ отношеніяхъ пусть будетъ знаменитымъ; и однако, при всемъ томъ онъ не можетъ сдѣлать сожительницу знаменитою и почтенною. Ибо тому, кто хочетъ пріобрѣсти себѣ славу отъ дружбы съ кѣмъ-нибудь, должно прежде всего охранять славу доставляющаго прославленіе; если же она будетъ посрамлена, то тѣмъ болѣе самъ онъ унизится. Какъ отъ испорченнаго источника и текущіе около него потоки заимствуютъ испорченность и отъ гнилого корня плодъ еще болѣе бываетъ зараженъ гнилостію, такъ и теперь, когда тотъ, отъ котораго дѣвственница ожидаетъ себѣ славы, сдѣлается смѣшнымъ вслѣдствіе сожительства съ нею, то и она прежде него и вмѣстѣ съ нимъ подвергнется осмѣянію; и если о женщинѣ прежде у многихъ была хорошая молва, то онъ, поступивъ къ ней, лишитъ домъ ея этой молвы, а никакъ не доставитъ ей другую лучшую; также если и онъ пользовался такимъ о себѣ мнѣніемъ, то и съ нимъ будетъ то же. Такимъ образомъ это сожительство не увеличиваетъ хорошую молву о васъ, но лишаетъ васъ и той, какая была, и навлекаетъ на обоихъ дурную молву, которой не было. И благовременно теперь сказать то, что пророкъ сказалъ объ іудеяхъ: *аще премѣнитъ еѳіоплянинъ кожу свою, и рысь пестроты своя* (Іер. XIII, 23); такъ и эти сожители очистятся-ли когда-нибудь отъ срамоты своей, которая, какъ нѣкая язва на тѣлѣ, пятнаетъ общественное мнѣніе о нихъ обоихъ, затемняя всѣ добрыя ихъ качества? Но, можетъ быть, онѣ считаютъ славою для себя самое господство надъ мужчинами? Однако, это весьма смѣшно, и этимъ особенно отличаются однѣ только блудницы; женщинамъ же благороднымъ и цѣломудреннымъ несвойственно восхищаться такими сѣтями. Въ этомъ заключается даже еще особая причина безчестія, такъ какъ чѣмъ болѣе онѣ господствуютъ надъ мужчинами и чѣмъ сильнѣе подчиняютъ ихъ себѣ, тѣмъ болѣе посрамляютъ самихъ себя вмѣстѣ съ ними; ибо не порабощающая мужчинъ женщина, но уважающая ихъ бываетъ у всѣхъ и почтенна, и славна. Если же онѣ не послушаютъ нашихъ словъ, то можетъ заградить имъ уста законъ Божій, который говоритъ такъ: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 16); ибо *глава женѣ мужъ* (I Кор. XI, 3). И во многихъ другихъ мѣстахъ можно найти такое постановленіе и такой, издревле существующій, порядокъ; и великій бываетъ срамъ, когда верхнее дѣлается нижнимъ, глава становится внизу, а тѣло вверху. Если же это постыдно и въ брачномъ состояніи, то гораздо болѣе въ такомъ сожительствѣ, въ которомъ уже дурно не только то, что нарушается законъ Бо-

жественный, но и то, что навлекается очень дурная молва и на мужчину, и на женщину. Если самое сожительство постыдно, то гораздо болѣе — порабощеніе сожительницѣ. Господство не всегда доставляетъ похвалу, но бываетъ, что и не господствующій удостоивается чести и господствующій подвергается посрамленію. Итакъ, если ты хочешь быть уважаемою отъ мужчинъ, то не имѣй съ ними общенія, удаляйся отъ ихъ сообщества, лицезрѣнія и сожительства. Тогда и женщины бу-
525 дутъ восхищаться тобой, и всѣ мужчины будутъ уважать тебя, какъ дѣйствительную дѣвственницу, неотлучно пребывающую при Женихѣ; тогда не только домашніе, но и язычники, и іудеи, и весь родъ человѣческій будетъ одобрять тебя. Посему, если ты ищешь славы, то иди этимъ путемъ, а не противоположнымъ; тогда тебя уже не станутъ называть принадлежащею такому-то и такому-то, а Христовою; другого, равнаго этому, отличія никогда не можетъ быть тебѣ ни отъ кого. Развѣ это маловажно, скажи мнѣ, когда каждый день станутъ возглашать и повторять и на торжищѣ, и въ домахъ, и въ другихъ городахъ, что такая-то дѣвица, очень молодая и весьма благообразная, имѣвшая возможность, если бы захотѣла, пріобрѣсти себѣ многихъ покровителей, не пожелала этого, но рѣшилась лучше потерпѣть и перенести все, нежели измѣнить любви ко Христу и помрачить цвѣтъ цѣломудрія? Блаженна она и дважды, и трижды, и многократно; какихъ удостоится она благъ, какой получитъ вѣнецъ, какой сподобится награды, соревнуя самимъ безтѣлеснымъ силамъ! Это и подобное тому всѣ станутъ говорить о ней и представлять ее въ примѣръ для подражанія дочерямъ своимъ; захочетъ ли кто ободрить живущую благопристойно, или вразумить распутную, всѣ опять будутъ выставлять похвальныя ея качества; и не только при этихъ случаяхъ, но и тогда, когда просто зайдетъ рѣчь о дѣвствѣ, всѣ такъ будутъ хвалить ее, и не только живущіе благопристойно, но и тѣ, которые старались и употребляли всѣ мѣры, чтобы увлечь ее, но потомъ были презрѣны ею и оставлены безъ вниманія. Столь великою и еще гораздо большею сказанной будетъ пользоваться она славою; а имѣющая сожителей— совершенно напротивъ. И во-первыхъ, когда какіе-нибудь нечестивцы станутъ порицать дѣвство, то обѣ онѣ придутъ на память въ такихъ разговорахъ, но первая — отверзая уста защищающимъ, а послѣдняя—порицающимъ. Потомъ, когда нужно кого-нибудь вразумить или исправить, то первая выставляется, какъ бы врачевство, утоляющее боль и способное истребить гнилость, и украшаетъ рѣчь учителя; а послѣдняя ставится на ряду съ постыдною женщиною, и хотя бы она и не присутствовала при этомъ, ее подвергаютъ осужденію и посрамленію; ибо при (упоминаніи) о каждой

согрѣшающей, необходимо и она опять осуждается и посрамляется. И гдѣ бы ни зашла рѣчь объ этомъ предметѣ, вездѣ первая называется блаженною, а послѣдняя—жалкою и несчастною и тому подобными названіями, и какъ ту не только знающіе, но и не знающіе и не получавшіе отъ нея никакого благодѣянія прославляютъ и восхваляютъ, такъ эту и знающіе и не знающіе и не потерпѣвшіе отъ нея никакого зла охуждаютъ и поносятъ; ибо праведно живущихъ хвалятъ и прославляютъ не только знакомые, но и незнакомые, и даже самые враги, а распутныхъ и дурныхъ охуждаютъ и друзья. Это — дѣло промышленія Божія. Господь внѣдрилъ въ насъ такое расположеніе къ добродѣтели и такое отвращеніе отъ порока, что ее одобряютъ всѣ и непричастные къ ней, а порокъ осуждаютъ и отвращающіеся отъ него, и предающіеся ему. Отсюда видно, что нерадивыхъ дѣвственницъ отвращаются не только знающіе, но и не знающіе ихъ, а больше всѣхъ сами сожители ихъ. Подлинно, хотя бы они сильно увѣряли, что любятъ и уважаютъ васъ, хотя бы изъявляли благодарность за удовольствіе, которое
вы доставляете имъ, но въ совѣсти своей они ненавидятъ васъ, когда, 526
немного опомнившись, поймутъ, въ какой сѣти они находятся. Таково зло—этотъ порокъ; даже тѣ самые, которымъ вы угождаете больше всѣхъ, осуждаютъ васъ больше всѣхъ, потому что, бывъ допущены во внутреннѣйшія убѣжища и проникая во всѣ ваши тайны, больше всѣхъ знаютъ ваши дѣла. А что они ненавидятъ васъ, видно изъ слѣдующаго: они тысячекратно хотѣли бы избавиться отъ этой страсти и тяжкой болѣзни, но препятствуетъ привычка и нѣкоторое кажущееся удовольствіе; бываетъ такая болѣзнь, отъ которой желаютъ избавиться и ненавидятъ ее всѣ, имѣющіе ее, но находятъ удовольствіе и въ ней; такъ бываетъ и съ этой. Какъ бы кто ни былъ жалокъ и несчастенъ, онъ не можетъ быть столь отчаяннымъ и склоннымъ къ посрамленію собственной чести, чтобы пожелать жить въ безчестіи, быть на устахъ у всѣхъ предметомъ осужденія, осмѣянія и порицаній, и общаго зрѣлища на торжищѣ, гдѣ всѣ, какъ скоро онъ является, пальцами указывали бы ближнимъ на него, какъ на постыднѣйшаго. Такъ не малое огорченіе получаютъ они отъ этой подозрительности, которое постоянно тревожитъ ихъ совѣсть и упорнѣе всякаго червя терзаетъ ихъ душу. Если же тогда, когда посрамленіе происходитъ отъ людей, явно ничего не говорящихъ, но осуждающихъ дома и между собою, бываетъ такое огорченіе, то, когда мы отойдемъ къ самому Жениху оскорбленному, когда и тайное сдѣлается явнымъ, когда откроются и сердца, и рѣчи, и расположенія, и взгляды и помышленія (не говорю о болѣе постыдномъ), когда вообще все откроется и обнажится предъ всею вселенною, тогда мы какому подвергнемся без-

честію и наказанію, и мученію? Тогда, если наша душа не предстанетъ сіяющею такъ, какъ слѣдуетъ преданной этому Жениху, если не будетъ чиста отъ всякой нечистоты, скверны и порока, то погибнетъ и подвергнется крайнимъ бѣдствіямъ; потому что, если и незначительное пятно можетъ извергнуть ее вонъ, то, когда будетъ великая нечистота и такое зловоніе, и тысячи ранъ со всѣхъ сторонъ, кто избавитъ ее отъ того наказанія и мученія? Если здѣсь такъ для всѣхъ гнусна и непріятна жизнь ея, что всѣ отвращаются отъ нея, и друзья и враги, то какъ она сможетъ войти въ царское преддверіе, оскверненная такою грязью? Не видишь ли ты, что и въ домъ человѣка простого и не знатнаго никто не впуститъ свиньи, запачканной грязью, но всѣ отгоняютъ ее и преслѣдуютъ, и затворяютъ двери, и уходятъ отъ нея далеко? Если же и безсловеснаго животнаго, и притомъ привыкшаго къ грязи, люди не позволяютъ впускать въ домъ съ нечистотою, то какъ въ небесныя обители, гдѣ такой блескъ, гдѣ все свѣтло, гдѣ неприступный свѣтъ, гдѣ находятся дѣвы, сіяющія свѣтлѣе всякой молніи, какъ сможетъ кто-нибудь войти столь оскверненнымъ? Дѣвы, не имѣвшія елея, были удалены отъ брачнаго чертога; какъ же вы надѣетесь войти въ тѣ неприступныя обители? А вашъ грѣхъ еще тяжелѣе ихъ грѣха; ибо не одно и тоже—не подавать тѣлесной пищи и губить многія души. Тѣ не обижали бѣдныхъ; но такъ какъ онѣ не давали имъ своего и не
527 избавляли ихъ отъ бѣдности, то и потерпѣли это; а ты и обидѣла, и отогнала (отъ чертога), и не только не оказала никакой пользы, но и причинила величайшій вредъ. Если же не принесшія пользы потерпѣли такое наказаніе, и притомъ сохранивъ дѣвство свое неповрежденнымъ; то тѣ, которыя при безполезности своей причинили еще величайшій вредъ и себѣ самимъ, и сожителямъ, и соблазнившимся, и, важнѣе того, оскорбили имя Жениха, какому подвергнутся наказанію? Развѣ вы не знаете, какое вы приняли на себя дѣло, на какой выступили подвигъ, какую избрали часть борьбы, какое наслѣдовали мѣсто въ воинствѣ? Вы стоите около самаго военачальника, или лучше—около самаго Царя, и сражаетесь. Какъ на сраженіяхъ все войско занимаетъ не одно мѣсто, но одни помѣщаются на крыльяхъ строя, другіе въ срединѣ, иные позади, иные украшаютъ переднюю часть отряда, а иные вездѣ, гдѣ является царь, вмѣстѣ съ нимъ появляются и двигаются, такъ точно и сонмъ дѣвственницъ, когда онъ дѣйствительно составляетъ сонмъ дѣвъ, занимаетъ не другое какое-либо, а именно это послѣднее мѣсто. Не столько тѣ, которые носятъ золотыя одежды и ѣздятъ на украшенныхъ золотомъ коняхъ, и носятъ золотые и осыпанные камнями щиты, должны предвѣщать пришествіе царя,

сколько дѣвственница—пришествіе Христово; ибо тѣ появляются при царской колесницѣ царя; а она сама бываетъ, если захочетъ, и царскою колесницею, какъ херувимы, и предстоитъ Ему, какъ серафимы.

7. Итакъ она, выходя на площадь, должна бы являться образцомъ всякаго любомудрія и изумлять всѣхъ, какъ бы ангелъ, нынѣ сошедшій съ неба; и если бы кто-нибудь изъ самихъ херувимовъ явился на землѣ, то онъ привлекъ бы къ себѣ всѣхъ людей; такъ и дѣвственница должна располагать всѣхъ, взирающихъ на нее, къ изумленію и удивленію ея святости. Когда она идетъ, то идетъ какъ бы по пустынѣ, въ церкви сидитъ въ глубочайшемъ молчаніи, не обращаетъ взоровъ ни на кого изъ проходящихъ, ни женщинъ, ни мужчинъ, а только—на своего Жениха, какъ бы присутствующаго и видимаго; когда она пойдетъ домой, то опять бесѣдуетъ съ Нимъ въ молитвахъ и слышитъ только Его голосъ чрезъ Писанія; находясь же въ домѣ, она помышляетъ только о Немъ, своемъ возлюбленномъ, оставаясь какъ бы странницею и пришелицею и гостьею, и дѣлаетъ все такъ, какъ слѣдуетъ дѣлать чуждой всего здѣшняго; избѣгаетъ не только взоровъ мужчинъ, но и общества мірскихъ женщинъ, и о тѣлѣ своемъ заботится столько, сколько требуетъ лишь необходимость, а все попеченіе свое обращаетъ на душу. Кто же не будетъ удивляться, кто не станетъ изумляться, видя въ женщинѣ ангельскій образъ жизни? Кто осмѣлится приступить къ ней? Кто изъ людей рѣшится коснуться столь пламенной души? Посему всѣ волею и неволею станутъ отступать отъ нея, всѣ будутъ изумляться, видя какъ бы раскаленное и блистающее золото. Золото и по природѣ своей имѣетъ великій блескъ; а когда оно получаетъ еще блескъ отъ огня, то зрѣлище бываетъ еще величественнѣе и поразительнѣе. Если такъ бываетъ съ веществомъ, то, когда это произойдетъ съ золотою душею, тогда будетъ зрѣлище вожделѣнное не только для людей, но и для ангеловъ. Для чего же ты украшаешь себя одеждами, имѣя украшеніе отъ этого пламени? Одежды даны намъ не для того, чтобы мы украшали себя, но чтобы прикрывали стыдъ наготы, не для того, чтобы мы облекались въ то, что можетъ посрамить насъ хуже наготы. Посему и Богъ одѣлъ Адама и жену его въ *ризы кожаны* (Быт. III, 21), 528
хотя Онъ могъ бы, если бы хотѣлъ, одѣть ихъ въ прекрасныя одежды; но Онъ издревле и чрезъ это внушаетъ намъ, что теперь время не роскоши, а воздыханія и сокрушенія. Если же самая нужда въ одѣяніи есть стыдъ и срамъ и происходитъ отъ грѣха, то для чего ты увеличиваешь этотъ знакъ осужденія? Не достаточнымъ ли доказательствомъ нашего паденія служитъ самая нужда въ одѣяніи? Для чего же ты дѣлаешь это униженіе еще бо́льшимъ?

Для чего увеличиваешь осужденіе, умножая эту нужду? Слѣдовало бы плакать и воздыхать, и изнурять самое тѣло, по ученію Павла (1 Кор. IX, 27); а мы стараемся украшать покровы его, подобно тому, какъ если бы кто, имѣя опухоль на глазу и бывъ поставленъ въ необходимость покрывать ее, сталъ еще украшать эти покрывала. Посему Илія и Іоаннъ имѣли простое одѣяніе, облекаясь въ кожаные хитоны и волосяныя одежды; ибо они старались и стремились получить одежду нетлѣнія. А ты превосходишь и зрѣлищныхъ женщинъ изысканностію одеждъ, прельщая ими разсѣянныхъ юношей. Не такого украшенія и убранства твоего желаетъ Женихъ, но Онъ заповѣдалъ, чтобы все прославленіе Его было въ душѣ твоей; а ты, пренебрегая этимъ, разнообразно украшаешь грязь и пепелъ и привлекаешь невоздержныхъ любителей и, такъ сказать, дѣлаешь прелюбодѣями всѣхъ, взирающихъ на тебя. Что такимъ образомъ ты обрекаешь себя великому пламени, этому и сама ты, я думаю, не станешь противорѣчить; а что за тѣмъ слѣдуетъ и безчестіе, и осужденіе, это я постараюсь показать, обративъ вниманіе на самихъ любителей. Когда украшающая свою душу имѣетъ любителемъ красоты ея Бога, а ты—людей, или лучше—не людей, а свиней и собакъ или какое либо еще худшее изъ безсловесныхъ животныхъ, то кто будетъ такъ безразсуденъ, чтобы считать тебя украшенною лучше той, которая привлекаетъ любовь Божію своимъ внутреннимъ благообразіемъ? Итакъ, чѣмъ болѣе ты увеличиваешь изысканность (въ одеждѣ), тѣмъ становишься отвратительнѣе, удаляя отъ себя Бога и привлекая такихъ людей, и чрезъ это оказываясь болѣе постыдною и безобразною; ибо не безобразна ли та, которая не можетъ привлечь къ себѣ Бога? Если же такъ непріятна украшающаяся, то представь, какъ увеличиваетъ свою отвратительность еще имѣющая у себя сожителя.

8. Но, если угодно, мы не упомянемъ только о сожительствѣ, а раскроемъ его, чтобы оно оказалось еще болѣе постыднымъ. Такъ какъ они не боятся недремлющаго Ока, а остерегаются только людскихъ взоровъ, то лишимъ ихъ и этого утѣшенія, выставивъ на видъ то, что скрываютъ и затѣняютъ стѣны, и откроемъ двери для желающихъ видѣть, прежде всего поднявъ ихъ съ постели. Но лучше, если угодно, изложимъ напередъ происходящее въ ихъ домѣ, и положимъ, что сожительствующіе раздѣляются стѣнами и спятъ въ разныхъ комнатахъ; ибо я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, хотя бы и склонный къ великой непристойности, до такой степени сталъ срамить себя, что и спалъ бы въ одной комнатѣ. Итакъ, пусть они раздѣлены стѣнами. И что же? Этого недостаточно для того, чтобы избавить ихъ отъ подозрѣнія; впро-

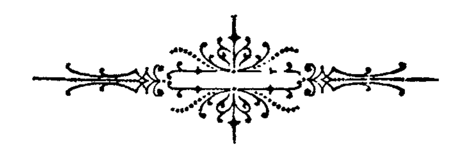
чемъ, не станемъ теперь говорить о подозрѣніи, хотя бы вмѣстѣ съ мужчиною жило множество служанокъ; а изложимъ пока другого рода непристойность. Случается, что они, проснувшись въ одно и тоже время, не для всенощныхъ бдѣній (ибо ничего благочестиваго отъ такихъ душъ никогда не можетъ быть), идутъ одинъ къ другому еще лежащему и разговариваютъ между собою ночью; что можетъ быть постыднѣе этого? Если же случится сожительницѣ и заболѣть внезапно, тогда уже и стѣны безполезны; быстро 529
вставъ прежде другихъ, такъ какъ служанки часто медлятъ, онъ входитъ къ лежащей дѣвственницѣ, оправдываясь ея болѣзнію, садится около нея, и исполняетъ разныя услуги, которыя пристойно исполнять иногда только женщинамъ, и она не стыдится, но еще утѣшается этимъ, и онъ не только не совѣстится, но еще очень радуется, и тѣмъ болѣе, чѣмъ постыднѣе то служеніе, которое исправляетъ; тогда и оправдывается апостольское изреченіе: *слава въ студѣ ихъ* (Филип. III, 19). Когда же встанутъ и служанки, то срамъ бываетъ еще хуже; онѣ съ непокрытою головою, въ одной нижней одеждѣ и съ обнаженными руками, какъ встревоженныя и пробужденныя ночью, бѣгаютъ въ его присутствіи, или лучше—онъ обращается и бѣгаетъ среди ихъ, тогда какъ онѣ исполняютъ всѣ нужды; этого что можетъ быть постыднѣе? Когда прибудетъ и повивальная бабка, и тогда онъ не стыдится, а еще хвалится въ присутствіи даже постороннихъ дѣвицъ; ибо имѣетъ въ виду только то одно, какъ бы оказать больной свои услуги, не сознавая, что чѣмъ болѣе онъ оказываетъ ихъ, тѣмъ болѣе срамитъ и ее и себя. И что удивительнаго въ томъ, если онъ не стыдится пришедшей? Часто и въ полночь онъ не лѣнится исполнять дѣло низкихъ служанокъ, даже бѣжать къ повивальной бабкѣ; когда же та придетъ, его то выгоняютъ противъ воли, если онъ слишкомъ безстыденъ, то позволяютъ ему войти и сидѣть; впрочемъ, кто могъ бы, даже употребивъ много усилій для посрамленія его, изобразить его такимъ, какимъ онъ дѣлаетъ самъ себя? Когда же наступитъ день и нужно будетъ обоимъ вставать съ постели, то начинаются предосторожности и опасенія; ибо и она не можетъ безопасно выйти изъ своей комнаты, такъ какъ часто, входя, быть можетъ, встрѣчала неодѣтаго мужчину; и онъ, опасаясь того же самаго, иногда входитъ предвозвѣстивъ о себѣ, а иногда — безъ предосторожности, за что подвергается великому осмѣянію; но я не стану говорить ничего болѣе. Все это, хотя и маловажное, обыкновенно производитъ великій огонь невоздержанія. Это и еще больше того бываетъ въ домѣ; когда же онъ, отправившись на торжище, возвратится назадъ, то опять бываетъ бо́льшая непристойность. Входя въ домъ, какъ въ свой, и не считая нужнымъ

предупредить объ этомъ, онъ, находя сидящихъ у ней женщинъ, стыдитъ ее; и она часто испытываетъ тоже самое. Такъ у нихъ женщина считаетъ постыднымъ принимать къ себѣ женщинъ, и мужчина мужчинъ; а сами они не отказываются жить вмѣстѣ другъ съ другомъ, отказываясь принимать къ себѣ людей одного съ собою пола. Что можетъ быть хуже этого? Случалось, что его находили и сидящимъ около мотающей нитки въ клубокъ или держащей прялку. А кто можетъ изобразить огорченія и ежедневныя ссоры? Хотя бы между ними была великая дружба, можетъ случаться и это. Я слыхалъ о нѣкоторыхъ, что они испытываютъ даже ревность; ибо, гдѣ нѣтъ духовной любви, тамъ необходимо бываетъ и это. Отсюда непрестанныя паденія, отсюда развращеніе, отъ этого дѣвственницы дѣлаются неблагородными и безстыдными и бываютъ, хотя не растлѣнны тѣломъ, но растлѣнны нравами; потому что, когда она привыкаетъ свободно разговаривать съ мужчиною, и сидѣть вмѣстѣ съ нимъ, и смотрѣть на него, и смѣяться въ его присутствіи, и дѣлать многія другія непристойности, нисколько не считая этого дурнымъ, то срывается
530 завѣса дѣвства и попирается цвѣтъ его. Поэтому онѣ ни отъ чего не устраняются и ни отъ чего не отказываются, но бываютъ и свахами и зачинщицами брака, и исполнительницами другихъ дѣлъ, и многимъ женщинамъ, желающимъ остаться во вдовствѣ, препятствуютъ, думая найти въ этомъ оправданіе своихъ пороковъ; посему онѣ и презираются всѣми; посему и сами замужнія женщины не стыдятся предъ ними, какъ поступающія во всемъ лучше ихъ. Подлинно, гораздо лучше вступать въ первый и во второй бракъ, нежели дѣлать такія непристойности и считаться у всѣхъ сводницами и безстыдницами, лишаясь удовольствій брака и возлагая на себя бремена брака; ибо что можетъ быть тяжелѣе, какъ имѣть у себя мужчину и заботиться объ его дѣлахъ? Богъ освободилъ тебя отъ этого бремени; отъ повелѣнія: *къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ* (Быт. III, 16), избавило тебя дѣвство; для чего же ты опять навлекаешь на себя рабство? Христосъ сдѣлалъ тебя свободною, а ты сама себѣ умножаешь труды; Онъ сдѣлалъ тебя чуждою заботъ, а ты вымышляешь себѣ заботы.

9. Такъ какъ я упомянулъ о заботахъ, то благовременно мнѣ, говорящему объ этомъ, припоминается апостольское изреченіе. Если бы самое сожительство женщинъ съ мужчинами и мужчинъ съ женщинами освобождало отъ заботъ, то Павелъ, призывая къ воздержанію, не сказалъ бы: *хощу же васъ безпечальныхъ быти* (1 Кор. VII, 32), какъ бы желая и этимъ побудить насъ къ тому. Чего хотите вы говоритъ онъ,—спокойствія и свободы? А развѣ

вы не видите, что отъ сожительства съ мужчинами происходитъ противное,—рабство и труды и многія бѣды? Поэтому многія, лишившись мужей, часто и не вступали снова въ бракъ, чтобы не быть опять подъ игомъ рабства. Вообще, хотя бы тебѣ пришлось жить въ бѣдности и оставаться безъ всякихъ покровителей, ты веди жизнь добродѣтельную и не имѣй ничего общаго съ мужчиною, но входи въ общеніе съ женщинами, живущими благопристойно, и не потеряешь вѣнца своего и будешь наслаждаться полною безопасностію. Если же это общеніе представляется тебѣ трудно достижимымъ, поищи его тщательно, и несомнѣнно найдешь, или лучше, и искать не нужно. Какъ всѣ мы прибѣгаемъ къ свѣту, такъ и къ тебѣ, если будутъ блистать лучи твоей жизни, прибѣгнутъ всѣ женщины, каждая съ любовію предлагая тебѣ себя вмѣсто служанки, и будутъ считать тебя опорою своего дома, и украшеніемъ и вѣнцемъ своей жизни, по слову Христову: *ищите*, говоритъ Онъ, *царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). А теперь мы, нерадя о небесномъ, по собственной винѣ лишаемся и житейскаго. Когда я говорю *мы*, то разумѣю не только мужчинъ, но и васъ, женщинъ, и притомъ васъ болѣе, нежели мужчинъ, такъ какъ и въ началѣ жена получила тягчайшее наказаніе потому, что она преимущественно содѣйствовала обольщенію; за это Богъ и наказалъ обольстившую больше обольщеннаго. Тоже будетъ и нынѣ, если вы не захотите исправиться и возвратить свое благородство. Когда жена была обвиняема въ томъ, что дала мужу отъ плода, она не осмѣлилась сказать, что ему, какъ мужчинѣ, слѣдовало бы не соглашаться и не обольщаться, но, умолчавъ объ этомъ оправданіи, какъ ничего не значущемъ, обратилась къ оправданію другому, хотя также слабому, однако имѣющему значеніе больше того. Отсюда видно, что скорѣе обольщенные могутъ слагать вину на обольстителей, нежели послѣдніе на обольщенныхъ. Блудница приглашаетъ растлѣвающаго ея тѣло и, преспавъ съ 531
нимъ, потомъ отпускаетъ его; а ты, пригласивъ повреждающаго и растлѣвающаго твою душу, держишь его постоянно въ своемъ домѣ и не позволяешь уйти, налагая на него тяжкія узы ласкательствомъ, угодливостію и другими дѣйствіями, и думая, что прославляешься, посрамляешь саму себя. Развѣ ты не понимаешь, скажи мнѣ, какъ кратка настоящая жизнь, какъ подобна она сновидѣніямъ, увядающимъ цвѣтамъ и скоропреходящей тѣни? Для чего же ты хочешь, насладившись теперь въ сновидѣніи, тогда терпѣть наказаніе въ дѣйствительности? Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ и наслажденія; ибо какое наслажденіе тамъ, гдѣ осужденіе, порицаніе, насмѣшки и соблазны? Даже если бы и было наслажденіе, то что значитъ малая капля воды въ сравненіи съ безпредѣльнымъ мо-

ремъ? *Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея* (Псал. XLIV, 11. 12), взывалъ нѣкогда Давидъ къ вселенной, находящейся въ худомъ состояніи. Это и мы провозгласимъ тебѣ, измѣнивъ немного слова пророка, и скажемъ вмѣстѣ съ пророкомъ: *слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди* дурную привычку свою и живущихъ съ тобою ко вреду твоему, *и возжелаетъ царь доброты твоея.* Чего тебѣ больше этого? Что другое можемъ мы сказать равное тому, когда ты пріобрѣтешь любовь Владыки небесъ и земли, ангеловъ и архангеловъ и высшихъ силъ, освободившись отъ этихъ низкихъ, подобныхъ тебѣ рабовъ, посрамляющихъ твое благородство? Посему здѣсь и прилично окончить рѣчь; ибо мы не можемъ сказать ничего, равнаго этой
532 чести. Если имѣющая женихомъ своимъ царя земного считаетъ себя счастливѣе всѣхъ, то ты (имѣя Женихомъ своимъ) не царя земного и не подобнаго себѣ раба, но Царя небеснаго, превышающаго всякое начальство и власть, и силу, и всякое именуемое названіе (Ефес. I, 21), сѣдящаго выше херувимовъ, потрясающаго землю, распростершаго небо, страшнаго для херувимовъ, неприступнаго для серафимовъ, и не только Женихомъ, но и любящимъ тебя, и любящимъ сильнѣе всякаго человѣка, какъ не оставишь все здѣшнее, хотя бы даже надлежало отдать самую душу? Итакъ, если этого одного слова достаточно для того, чтобы исправить человѣка, хотя бы онъ былъ грубѣе всякаго свинца, и устремить его къ горнимъ обителямъ, то мы, здѣсь оканчивая (свое слово), увѣщеваемъ тебя—воспѣвать это изреченіе, какъ бы нѣкоторую божественную пѣснь, и дома и на торжищѣ, днемъ и ночью, на пути и въ горницѣ, голосомъ и мыслію, и непрестанно повторять душѣ: *слыши,* душа моя, *и виждь, и приклони ухо твое, и забуди* дурную привычку свою, *и возжелаетъ царь доброты твоея;* и если ты будешь постоянно повторять эти слова, то сдѣлаешь душу чистѣйшею всякаго золота, такъ какъ это изреченіе сильнѣе огня воспламеняетъ душевные помыслы и очищаетъ всякую нечистоту, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.



КНИГА О ДѢВСТВѢ.

Разсужденіе о дѣвствѣ принадлежитъ къ раннимъ произведеніямъ св. Іоанна Златоустаго, но достовѣрно неизвѣстно, тогда ли оно написано, когда онъ былъ діакономъ или пресвитеромъ антіохійской церкви (380—398 г. по Р. X.), или когда еще подвизался въ пустынѣ (374—380). Несомнѣнно только то, что это произведеніе сдѣлалось извѣстнымъ прежде Бесѣдъ его на 1-е посланіе ап. Павла къ Коринѳянамъ, сказанныхъ въ Антіохіи, такъ какъ въ концѣ 19-й Бесѣды на это посланіе самъ святитель ссылается на свою *книгу* о дѣвствѣ, въ которой тщательно изъясняется христіанское ученіе о дѣвствѣ и его отношеніе къ ученію о законномъ бракѣ вопреки унижавшимъ бракъ еретикамъ, противъ которыхъ въ началѣ разсужденія святитель и направляетъ свою вдохновенную рѣчь.

КРАСОТУ дѣвства іудеи презираютъ, и это нисколько не удиви- 533
тельно, если они не почтили Самого Христа, родившагося отъ Дѣвы; а язычники восхищаются и поражаются ею; но ревнуетъ о ней одна только Церковь Божія. Дѣвъ еретическихъ я никогда не назову дѣвственницами, — во первыхъ потому, что онѣ нечисты, такъ какъ не обручены одному мужу, какъ желаетъ блаженный другъ Жениха—Христа, когда говоритъ: *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2). Хотя это сказано о всей полнотѣ Церкви, но подъ этими словами разумѣются и дѣвственницы. Какъ же могутъ быть чистыми тѣ, которыя не питаютъ любви къ одному Мужу, а присоединяютъ къ Нему другого несуществующаго бога? Итакъ, онѣ не могутъ быть дѣвственницами во первыхъ по этой причинѣ; а во вторыхъ потому, что онѣ, признавъ бракъ безчестнымъ, стали воздерживаться отъ брака. Принявъ же за правило считать бракъ порочнымъ дѣломъ, онѣ заранѣе лишили себя наградъ, принадлежащихъ дѣвству; ибо справедливость требуетъ, чтобы воздерживающіеся отъ злыхъ дѣлъ не вѣнцы получали, а только не подвергались наказанію. И такое установленіе можно видѣть не только въ нашихъ, но и внѣшнихъ (языческихъ) законахъ. Убійца, гласятъ (законы), пусть будетъ казненъ смертію; но не прибавляютъ: не убивающій пусть получитъ почести. Воръ, гласятъ (законы), пусть будетъ наказанъ; но не повелѣваютъ, чтобы удостоивался дара

тотъ, кто не похищаетъ чужого; и подвергая смерти прелюбодѣя, они не удостоиваютъ никакой награды того, кто не вредитъ чужимъ бракамъ. Это и весьма справедливо. Надобно воздавать похвалу и
534 удивляться тѣмъ, которые преуспѣваютъ въ добрѣ, а не тѣмъ, которые (только) избѣгаютъ зла; для послѣднихъ довольно и той чести, если они не терпятъ ничего худого. Посему и Господь нашъ угрожалъ геенною тому, кто безъ причины и напрасно будетъ гнѣваться на брата своего и назоветъ его уродомъ (Матѳ. V, 22), но не обѣщалъ царствія небеснаго тѣмъ, которые не гнѣваются напрасно и воздерживаются отъ злословія, а потребовалъ еще другого, большаго и важнѣйшаго, сказавъ: *любите враги ваша* (Матѳ. V, 44). И желая показать, какъ маловажно, незначительно и недостойно никакой чести только воздерживаться отъ ненависти къ братьямъ, Онъ, заповѣдавъ нѣчто гораздо большее, т. е. любить ихъ и быть въ дружествѣ съ ними, сказалъ, что и этого недостаточно для того, чтобы намъ удостоиться какой нибудь чести; ибо какъ это возможно, когда мы въ этомъ отношеніи нисколько не превосходимъ язычниковъ? Посему у насъ должно быть приложено къ этому нѣчто другое болѣе важное, если мы желаемъ требовать награды. Если, говоритъ (Христосъ), Я не осуждаю на геенну тебя, воздерживающагося отъ злословія и гнѣва на брата, то по одному этому ты не считай себя достойнымъ вѣнцовъ; потому что Я требую не такой только мѣры благорасположенія; но, хотя бы ты къ незлословію прибавилъ, что и любишь его, ты еще вращаешься долу и ставишь себя въ ряду мытарей; если же ты желаешь быть совершеннымъ и достойнымъ небесъ, то не останавливайся только на этомъ, но взойди выше и усвой себѣ по-
535 мыслъ, превосходящій самую природу, то есть, — любовь ко врагамъ. Итакъ, когда всѣ согласны съ нами въ этомъ, то пусть перестанутъ еретики напрасно утруждать самихъ себя; они не получатъ никакой награды, не потому, чтобы Господь былъ не правосуденъ—да не будетъ!,—но потому, что они сами несмысленны и лукавы. Какъ это? Выше доказано, что за одно воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ не полагается никакой награды; а они избѣгаютъ брака потому, что считаютъ его худымъ дѣломъ: какъ же они могутъ требовать награды за уклоненіе отъ худого? Какъ мы не удостоимся вѣнцовъ за то, что не прелюбодѣйствуемъ, такъ они— за то, что не вступаютъ въ бракъ. Имъ въ тотъ день скажетъ Имѣющій судить насъ: Я уготовалъ почести не для тѣхъ, которые только воздерживались отъ злыхъ дѣлъ (это для Меня маловажно), но тѣхъ, которые исполнили всякую добродѣтель, Я ввожу въ нетлѣнное небесное наслѣдіе. Какъ же вы, признавъ бракъ дѣломъ нечистымъ и сквернымъ, за свое воздержаніе отъ сквернаго тре-

буете наградъ, уготованныхъ дѣлающимъ доброе? И агнцевъ поставляетъ Онъ одесную, и благословляетъ, и вводитъ въ царство, не за то, что они не похищали чужого, но за то, что и свое собственное раздѣляли съ другими; и того, которому вручено было пять талантовъ, Онъ одобряетъ не потому, что онъ не уменьшилъ числа ихъ, но потому, что еще умножилъ данное и возвратилъ залогъ сугубымъ. Доколѣ же вы не перестанете бѣгать напрасно, трудиться тщетно, всуе подвизаться и бить воздухъ (1 Кор. IX, 26; Филип. II, 16)? И, о если бы только напрасно! — хотя для трудившихся много и ожидавшихъ наградъ еще большихъ, чѣмъ труды, и то не малымъ послужитъ наказаніемъ, что они во время почестей окажутся между неполучившими ихъ.

2. Но не въ этомъ только состоитъ ихъ несчастіе, и не тѣмъ только ограничится страданіе ихъ, что они ничего не пріобрѣли; но послѣдуютъ другія, еще гораздо болѣе тяжкія наказанія, — огонь неугасающій, червь неумирающій, тьма кромѣшная, скорбь, тѣснота. Посему намъ нужны безчисленныя уста и ангельская сила, чтобы мы могли воздать Богу достойную благодарность за Его попеченіе о насъ; или лучше—и тогда это невозможно. Почему? Хотя стараніе о дѣвствѣ и у насъ и у еретиковъ одинаково, а можетъ быть у нихъ и гораздо большее; но плодъ этихъ трудовъ не одинаковъ: для нихъ (готовятся) узы, слезы, скорби и вѣчныя мученія, а для насъ — участь ангельская, блистательные свѣтильники и главнѣйшее изъ всѣхъ благъ — общеніе съ Женихомъ. Отчего же такъ, — за одни и тѣ же труды возмездіе противоположное? Оттого, что они (еретики) избрали дѣвство, чтобы поставить законъ противный Богу; а мы это дѣлаемъ, чтобы исполнить Его волю. Богъ хочетъ, чтобы всѣ люди воздерживались отъ брака, по свидѣтельству того, чрезъ котораго Христосъ говоритъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ якоже и азъ* (1 Кор. VII, 7), т. е. въ воздержаніи. Но Спаситель, щадя насъ и зная, что *духъ бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. XXVI, 41), не поставилъ этого дѣла въ непремѣнную заповѣдь, но предоставилъ избраніе его нашимъ душамъ. Если бы это было повелѣніемъ и закономъ, то исполняющіе его не получили бы награды, но услышали бы: *еже должни бѣсте сотворити, сотвористе* (Лук. XVII, 10); равно какъ и пре- 536
ступившіе не получили бы прощенія, но подверглись бы наказанію, какъ нарушители закона; теперь же, сказавъ: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Матѳ. XIX, 12), (Спаситель), съ одной стороны, не осудилъ немогущихъ, а съ другой—могущимъ открылъ великій и чрезвычайный подвигъ. Посему и Павелъ, шествуя по слѣдамъ Учителя, говоритъ: *о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ: совѣтъ же даю* (1 Кор. VII, 25).

3. Но ни Маркіонъ, ни Валентинъ, ни Манесъ *) не удержались въ (предѣлахъ) такой умѣренности; ибо въ нихъ говорилъ не Христосъ, щадящій овецъ Своихъ и полагавшій за нихъ душу Свою, но человѣкоубійца, отецъ лжи (Іоан. x, 11; viii, 44). Посему они погубили и всѣхъ повѣрившихъ имъ, здѣсь обременивъ ихъ безполезными и невыносимыми трудами, а тамъ увлекши вмѣстѣ съ собою въ уготованный для нихъ огонь.

4. О, вы болѣе несчастны, чѣмъ даже язычники! Хотя язычниковъ ожидаютъ мученія геенны, но они по крайней мѣрѣ здѣсь пользуются удовольствіями, вступая въ браки, наслаждаясь богатствомъ и другими житейскими пріятностями; вамъ же и здѣсь и тамъ предстоитъ терпѣть мученія и скорби, здѣсь добровольно, а тамъ невольно. И язычникамъ за постъ и дѣвство награды никто не дастъ и не предлежитъ наказаніе; а вы подвергнетесь крайнему осужденію за то самое, за что ожидали безчисленныхъ похвалъ, и вмѣстѣ съ другими услышите: *идите отъ Мене во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Матѳ. xxv, 41)—за то, что вы постились, за то, что вы дѣвствовали. Сами по себѣ постъ и дѣвство ни добро, ни зло, но бываютъ тѣмъ или другимъ отъ намѣренія упражняющихся въ нихъ. Для язычниковъ такая добродѣтель безплодна; потому что они удаляютъ отъ себя награду тѣмъ, что не по страху Божію преуспѣваютъ въ ней; а вы, возставая противъ Бога и клевеща на Его созданія, не только удаляете отъ себя награду, но даже будете за то наказаны. За догматы вы будете поставлены на ряду съ язычниками; потому что, подобно имъ, отвергши истиннаго Бога, вы ввели многобожіе; а по жизни они будутъ лучше васъ. Ихъ бѣда ограничивается тѣмъ, что они не получатъ никакого блага, вамъ же предстоитъ кромѣ того терпѣть еще и зло; но имъ пришлось насладиться всѣмъ въ настоящей жизни, а вы лишили себя и того и другого. Получить мученія въ воздаяніе за труды и усилія—можетъ ли какое нибудь наказаніе быть тяжелѣе этого? Прелюбодѣй, любостяжатель, пользующійся чужимъ, обкрадывающій ближняго имѣютъ нѣкоторое утѣшеніе, хотя маловажное, однако имѣютъ,—въ томъ, что они наказываются за здѣшнія наслажденія. Но и сказать нельзя, какая скорбь постигнетъ того, кто добровольно принялъ нищету, дабы тамъ обогатиться, и рѣшился на подвиги дѣвства, дабы тамъ ликовать вмѣстѣ съ ангелами, и вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, будетъ наказываться за то самое, за что надѣялся получить безчисленныя блага. Я думаю, что совѣсть будетъ терзать его такъ же, какъ

*) Ересеначальники сектъ, извѣстныхъ подъ именами маркіонитовъ, валентиніанъ и манихеевъ, во 2 и 3 вѣкахъ по Р. Х.

огонь, когда онъ представитъ, что тѣ, которые одинаково съ нимъ трудились, пребываютъ со Христомъ, а онъ за то же самое, за что они наслаждаются неизреченными благами, терпитъ крайнее наказаніе, и, хотя велъ строгую жизнь, страдаетъ даже болѣе людей распутныхъ и сладострастныхъ.

5. Подлинно, цѣломудріе еретиковъ хуже всякаго распутства. 537
Послѣднее причиняетъ обиду людямъ, а первое возстаетъ противъ Бога и оскорбляетъ безконечную премудрость; такія сѣти разставляетъ діаволъ своимъ служителямъ. А что дѣвство еретиковъ дѣйствительно есть изобрѣтеніе его лукавства, это говорю не я, а Тотъ, Кому не безъизвѣстны его замыслы. Что же Онъ говоритъ? *Духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе* (1 Тим. IV, 1—3). Какъ же можетъ быть дѣвственницею та, которая отступила отъ вѣры, слушается обольстителей, довѣряется демонамъ, почитаетъ ложь? Какъ можетъ быть дѣвственницею та, у которой сожжена совѣсть? Дѣвственница должна быть чиста не тѣломъ только, но и душею, если желаетъ принять святаго Жениха; а та (дѣва еретическая) какъ можетъ быть чистою, имѣя столько пятенъ? Если надобно устранять даже житейскія попеченія отъ этого брачнаго чертога, какъ несовмѣстныя съ его благообразіемъ, то какъ будетъ въ состояніи сохранить красоту дѣвства та, внутри которой обитаетъ нечестивый помыслъ?

6. Хотя тѣло ея и остается нерастлѣннымъ, но растлѣлась лучшая часть ея—душевные помыслы; а что пользы въ томъ, что остаются ограды, когда храмъ разрушенъ? Или какая польза отъ того, что мѣсто престола остается чистымъ, если самый престолъ оскверненъ? А лучше сказать, и тѣло ея не свободно отъ оскверненія. Богохульство и злорѣчіе хотя рождаются внутри, но не остаются въ душѣ, а бывъ произнесены устами, оскверняютъ какъ языкъ (говорящаго), такъ и слухъ внемлющаго, и подобно ядовитымъ зельямъ, проникая въ самую душу, переѣдаютъ корень (существа человѣческаго) хуже всякаго червя, а съ нимъ вмѣстѣ губятъ затѣмъ и все тѣло. Итакъ, если сущность дѣвства состоитъ въ святости тѣла и духа, а (дѣва еретическая) осквернена и нечиста въ томъ и другомъ отношеніи: то какъ можетъ она быть дѣвственницею? Но она указываетъ мнѣ на блѣдность (своего лица), на изнуренные члены (тѣла), на убогую одежду, на смиренный взоръ. А что пользы въ этомъ, когда внутренній взоръ ея безстыденъ? Что можетъ быть безстыднѣе того взора, который

располагаетъ и внѣшніе глаза—смотрѣть на созданія Божіи, какъ на зло? *Вся слава дщере царевы внутрь* (Псал. XLIV, 14); а она извратила стройность этого изреченія, извнѣ облекшись въ славу, а внутри имѣя всякое безчестіе. Въ томъ и бѣда, что предъ людьми она выказываетъ великое благоприличіе, а предъ создавшимъ ее Богомъ позволяетъ себѣ великое безуміе; и та, которая остерегается взглянуть на мужчину, — если только есть такія (дѣвы) между еретиками,—безстыдными очами взираетъ на Владыку людей и изрекаетъ хулу на небо: поблѣднѣло у нихъ лице и уподобилось мертвому. Потому онѣ и достойны слезъ и многихъ сѣтованій, что приняли на себя такой трудъ не только напрасно, но и на погибель своей головы.

7. Одежда ихъ убога? Но не въ одеждахъ и не въ цвѣтѣ одеждъ заключается дѣвство, а въ тѣлѣ и душѣ. Если мы о философѣ судимъ не по волосамъ, не по трости и не по хи-
538 тону, но по нравамъ и душѣ, и о воинѣ—не по плащу и поясу, но по силѣ и мужеству: то не нелѣпо ли было бы такъ просто и легкомысленно полагать всю доблесть дѣвственницы,—этого дивнаго и превосходящаго все человѣческое явленія, — въ неубранныхъ волосахъ, въ поникшемъ лицѣ и въ сѣрой одеждѣ, не вникнувъ въ ея душу и не изслѣдовавъ тщательно ея внутренняго настроенія? Но этого не допускаетъ тотъ, кто постановилъ законы такого подвижничества. Онъ повелѣваетъ не по одеждамъ судить о посвятившихъ себя на этотъ подвигъ, но по вѣрованіямъ и по душѣ. *Подвизаяйся бо*, говоритъ онъ, *отъ всѣхъ воздержится* (1 Кор. IX, 25), отъ всего вреднаго для здравія души; и: *никто не вѣнчается, аще не законно будетъ подвизатися* (2 Тим. II, 5). Какіе же законы этого подвижничества? Послушай, что еще онъ говоритъ, или лучше, чрезъ него Самъ Подвигоположникъ Христосъ: *честна женитва, и ложе не скверно* (Евр. XIII, 4).

8. Но что мнѣ до этого, скажешь ты, когда я совершенно отказалась отъ брака? Вотъ это,—о несчастная!—это и погубило тебя, что ты думаешь, будто это ученіе не имѣетъ никакого къ тебѣ отношенія. Оттого ты, увлекшись непомѣрнымъ презрѣніемъ къ этому предмету, и оскорбила Божію премудрость и оклеветала все созданіе. Если бракосочетаніе—дѣло нечистое, то нечисты и всѣ рождающіеся отъ него, нечисты и вы, чего я не сказалъ бы о природѣ человѣческой. Какъ же нечистая будетъ дѣвственницею? Вами придуманъ этотъ второй, или—лучше—третій родъ оскверненія и нечистоты; вы, избѣгая брака, какъ нечистаго, чрезъ это самое удаленіе стали сквернѣе всѣхъ, изобрѣтши дѣвство, которое гнуснѣе прелюбодѣянія. Съ кѣмъ же мы поставимъ васъ на ряду? Съ іудеями? Но они не потерпятъ этого, потому что почитаютъ бракъ и восхи-

щаются созданіемъ Божіемъ. Съ нами? Но вы не захотѣли послушать Христа, говорящаго чрезъ Павла: *честна женитва, и ложе нескверно* (Евр. XIII, 4). Остается (наконецъ) поставить васъ на ряду съ язычниками; но и они также оттолкнутъ васъ, такъ какъ вы нечестивѣе ихъ. Платонъ говоритъ, что благъ былъ устроившій все это, и что въ благомъ не бываетъ зависти ни къ кому и ни въ чемъ [1]; а ты называешь Его злымъ и виновникомъ злыхъ дѣлъ. Но не пугайся: общниками въ такомъ ученіи ты имѣешь діавола и ангеловъ его, или—лучше—и не ихъ; ибо, хотя они и внушили тебѣ такое безразсудство, не думай, чтобы они и сами такъ разсуждали. Они знаютъ, что Богъ благъ. Послушай, какъ они сами говорятъ, то взывая: *вѣмы Тя, кто еси святый Божій* (Марк. I, 24), то такими словами: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ вамъ путь спасенія* (Дѣян. XVI, 17). Неужели еще вы будете упоминать о своемъ дѣвствѣ и хвалиться имъ, вмѣсто того, чтобы удалившись плакать о самихъ себѣ и рыдать о безуміи, которымъ діаволъ связалъ васъ, какъ плѣнницъ, и увлекъ въ геенскій огонь? Ты не вступала въ бракъ? Но это еще не дѣвство. Я могу называть дѣвственницею только такую женщину, которая, бывъ властна вступить въ бракъ, однако не вступила; а когда ты говоришь, что бракъ принадлежитъ къ
числу запрещенныхъ дѣлъ, то твой подвигъ становится уже не 539
подвигомъ произволенія, но требованіемъ закона. Посему мы удивляемся тѣмъ изъ персовъ, которые не женились на своихъ матеряхъ, но не удивляемся тому же у римлянъ; потому что у послѣднихъ такое дѣло представлялось омерзительнымъ для всякаго, а у персовъ безнаказанность дерзавшихъ на это дѣлала достойными похвалы тѣхъ, которые воздерживались отъ подобныхъ кровосмѣшеній. Такъ же надобно разсуждать и о бракѣ. У насъ онъ позволяется всѣмъ и посему мы справедливо удивляемся безбрачнымъ; а вы, поставившіе бракъ на ряду съ худшими дѣлами, уже не можете ожидать похвалъ за безбрачіе; ибо воздержаніе отъ запрещеннаго еще не есть признакъ доблестной и бодрой души. Совершенство добродѣтели состоитъ не въ томъ, чтобы не дѣлать того, за что мы у всѣхъ стали бы считаться худыми, но въ томъ, чтобы блистать такими дѣлами, которыя и не совершившихъ не подвергаютъ за это осужденію, и совершившихъ и отличившихся ими не только освобождаютъ отъ славы дурныхъ людей, но и поставляютъ въ ряду добродѣтельныхъ. Какъ никто не будетъ хвалить за дѣвство евнуховъ, не вступающихъ въ бракъ, такъ и васъ. Что у нихъ происходитъ по необходимости естества, то у васъ

[1]) Философъ Платонъ въ разговорѣ: Тимей, Отд. 29.

дѣлается по предубѣжденію лукавой совѣсти; и какъ евнуховъ тѣлесный недостатокъ лишаетъ уваженія за это дѣло, такъ и васъ, хотя и остающихся съ естествомъ неповрежденнымъ, лишивъ здравыхъ мыслей и поставивъ въ необходимость быть безбрачными, діаволъ съ одной стороны изнуряетъ трудами, а съ другой—не допускаетъ получить почести. Ты препятствуешь вступать въ бракъ? Поэтому за безбрачіе тебѣ и предстоитъ не награда, а наказаніе и мученіе.

9. А ты, скажетъ кто-нибудь, развѣ не препятствуешь браку?—
Отойди отъ меня, чтобы и мнѣ не впасть въ безуміе вмѣстѣ съ тобою.—
Почему же, скажешь, ты увѣщеваешь не вступать въ бракъ? Потому,
что дѣвство я считаю гораздо досточтимѣе брака; и однако чрезъ это
я не поставляю брака въ числѣ худыхъ дѣлъ, но даже очень хвалю
его. Онъ есть пристань цѣломудрія для желающихъ хорошо пользо-
ваться имъ, не позволяя неистовствовать природѣ. Выставляя за-
конное совокупленіе, какъ оплотъ, и такимъ образомъ удержи-
вая волны похоти, онъ поставляетъ и сохраняетъ насъ въ вели-
комъ спокойствіи. Но есть люди, которые не нуждаются въ та-
комъ огражденіи, и вмѣсто того укрощаютъ ярость естества по-
стами, бдѣніями, земными поклонами и другими суровостями жизни;
такимъ людямъ я совѣтую не вступать въ бракъ, но не запрещаю
брака. Между совѣтомъ и запрещеніемъ великое различіе, такое,
какое между произволеніемъ и необходимостію. Совѣтующій пре-
доставляетъ слушателю власть въ избраніи того, что онъ совѣ-
туетъ; а запрещающій отнимаетъ у него эту власть. Притомъ я
совѣтуя не охуждаю брака и не виню того, кто не послушается
меня; а ты, отвергая бракъ и признавая его дурнымъ дѣломъ, и
присвоивая себѣ право законодателя, а не совѣтника, естествен-
но ненавидишь тѣхъ, кто не слушается тебя. Не такъ я (по-
ступаю); но съ одной стороны удивляюсь выступившимъ на этотъ
подвигъ, а съ другой не виню и тѣхъ, которые остаются внѣ
этого подвига. Осужденіе тогда только было бы справедливо, если
бы кто стремился къ признанному всѣми злу; тотъ же, кто имѣетъ
меньшее благо и не достигъ бо́льшаго, хотя лишается похвалъ
и удивленія за это, но по справедливости не можетъ быть осуж-
даемъ. Какъ же я препятствую вступать въ бракъ, когда не осуж-
540 даю брачущихся? Запрещаю я блудъ и прелюбодѣяніе, но бракъ
никогда. И дерзающихъ на первое я наказываю и отлучаю отъ
церковнаго общества, а избравшихъ послѣднее, если они соблю-
даютъ цѣломудріе, я непрестанно хвалю. Такимъ образомъ отсюда
происходятъ двѣ выгоды: одна та, что не осуждается установле-
ніе Божіе, а другая та, что не только не унижается достоинство
дѣвства, но даже оказывается гораздо болѣе почтеннымъ.

10. Такъ, кто охуждаетъ бракъ, тотъ сокращаетъ славу и дѣвства; а кто одобряетъ бракъ, тотъ еще болѣе возвышаетъ дѣвство и дѣлаетъ его болѣе дивнымъ и свѣтлымъ. Что является добромъ въ сравненіи лишь со зломъ, то не есть еще великое добро; а что лучше всякаго общепризнаннаго добра, то есть добро по преимуществу; такимъ добромъ мы и представляемъ дѣвство. Посему какъ тѣ, которые охуждаютъ бракъ, лишаютъ чрезъ то похвалъ дѣвство, такъ не порицающій брака восхваляетъ не столько бракъ, сколько дѣвство. И изъ тѣлъ мы называемъ красивыми не тѣ, которыя лучше изуродованныхъ, но тѣ, которыя лучше цѣлыхъ и не имѣющихъ никакого поврежденія. Бракъ — добро; и дѣвство потому достойно удивленія, что оно лучше добра, и столько лучше, сколько кормчій превосходнѣе гребцовъ и полководецъ—воиновъ. Но какъ, отнявъ у корабля гребцовъ, ты потопишь корабль, и удаливъ изъ сраженія воиновъ, предашь въ плѣнъ врагамъ самого полководца; такъ и здѣсь, если ты низведешь бракъ съ его высокой степени, то уронишь славу дѣвства и низведешь его до послѣдней степени зла. Дѣвство—добро: утверждаю это и я; оно лучше брака: и съ этимъ соглашаюсь. И если угодно, я прибавлю, насколько оно лучше,—именно настолько, насколько небо лучше земли, и ангелы — людей, а сильнѣе сказать, то и этого больше. Ангелы, хотя также не женятся и не посягаютъ (Марк. XII, 25), но не имѣютъ плоти и крови, живутъ не на землѣ, не тревожатся множествомъ вожделѣній, не нуждаются въ пищѣ и питіи, не разслабляются пріятною пѣснію, не соблазняются красивымъ лицомъ и не испытываютъ ничего другого подобнаго; а какъ въ ясный полдень небо представляется чистымъ, не затмѣваясь ни какимъ облакомъ, такъ и ихъ природа необходимо пребываетъ свѣтлою и блистательною, не омрачаясь никакою похотію.

11. Родъ же человѣческій, по природѣ своей уступая этимъ блаженнымъ существамъ, напрягаетъ свои силы и тщательно старается, по возможности, сравниться съ ними. Какимъ образомъ? Ангелы ни женятся, ни посягаютъ; не дѣлаетъ этого и дѣвственница. Тѣ непрестанно предстоятъ и служатъ Богу: тоже дѣлаетъ и дѣвственница. Посему и Павелъ освободилъ дѣвственницъ отъ всѣхъ другихъ заботъ, для непрестаннаго и неразвлекаемаго служенія Богу (1 Кор. VII, 35 и дал.). Хотя онѣ пока еще не могутъ восходить на небо, какъ ангелы, потому что плоть удерживаетъ ихъ, но и здѣсь онѣ имѣютъ великое утѣшеніе, принимая самого Владыку небесъ, если будутъ святы тѣломъ и духомъ. Видишь ли достоинство дѣвства, какъ оно способствуетъ пребывающимъ на землѣ проводить жизнь подобно небожителямъ, облеченнымъ плотію не позволяетъ уступать силамъ безплотнымъ, людей

ведетъ къ соревнованію съ самими ангелами? Но все это не относится къ вамъ, искажающимъ такое дѣло, клевещущимъ на Владыку, называющимъ Его злымъ. Васъ ожидаетъ наказаніе лукаваго
541 раба, а дѣвственницамъ Церкви предлежатъ многія и великія блага, превосходящія и зрѣніе, и слухъ и мысль человѣческую. Посему, оставивъ еретиковъ (такъ какъ для нихъ довольно уже сказано), обратимъ рѣчь затѣмъ къ чадамъ Церкви.

12. Съ чего же прилично начать слово? Съ тѣхъ самыхъ словъ Господа, которыя Онъ вѣщаетъ чрезъ блаженнаго Павла; ибо надобно вѣровать, что совѣтъ апостола есть совѣтъ Господа. Такъ словами: *оженившымся завѣщаваю не азъ, но Господь* (1 Кор. VII, 10), и еще: *прочимъ же азъ глаголю, а не Господь* (ст. 12), апостолъ не то хочетъ сказать, что одно изъ этихъ (завѣщаній) принадлежитъ ему самому, а другое Господу. Какъ рѣшился бы сказать, или помыслить что-нибудь не угодное Христу, и притомъ въ видѣ узаконенія, тотъ, кто имѣлъ въ себѣ говорящаго Христа, кто для того только старался и жить, чтобы жилъ въ немъ Христосъ, у кого и царство и жизнь, и ангелы и силы, и всякое другое твореніе и вообще все занимаетъ второстепенное мѣсто послѣ любви къ Нему? Итакъ, что же значатъ слова апостола: *азъ* и *не азъ?* То, что одни изъ законовъ и догматовъ преподалъ намъ Христосъ Самъ непосредственно, а другіе чрезъ апостоловъ. А что Самъ Онъ не всѣ (законы и догматы) постановилъ непосредственно, объ этомъ, послушай, что говоритъ Онъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI, 12). Такимъ образомъ, *женѣ отъ мужа не разлучатися* (1 Кор. VII, 10) Христосъ еще прежде постановилъ, когда былъ на землѣ во плоти, и потому апостолъ говоритъ: *а оженившымся завѣщаваю не азъ, но Господь.* Но касательно невѣрныхъ Онъ ничего не сказалъ намъ Самъ непосредственно, а далъ законъ, подвигнувъ къ тому душу Павла. Посему и сказалъ апостолъ: *не Господь, но азъ*, желая выразить не то, что сказанное имъ есть ученіе человѣческое (какъ это возможно?), но что Господь преподалъ эту заповѣдь не тогда, когда обращался съ учениками, а послѣ—чрезъ него. Какъ слова: *Господь, не азъ*—не то означаютъ, будто онъ не соглашается съ повелѣніемъ Христа; такъ и слова: *азъ, не Господь*—означаютъ не то, будто апостолъ говоритъ что нибудь особенное, неугодное Богу, но только то, что эта заповѣдь теперь преподается чрезъ него. Такъ и бесѣдуя о вдовицѣ, онъ говоритъ: *блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ по моему совѣту* (1 Кор. VII, 40). Потомъ, дабы ты, услышавъ слова: *по моему совѣту*, не подумалъ, будто это сужденіе человѣческое, онъ, устраняя недоразумѣніе, прибавилъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти.* Какъ то, что онъ

вѣщаетъ отъ Духа и называетъ своимъ мнѣніемъ, мы поэтому не назовемъ изреченіемъ человѣческимъ, такъ и здѣсь, когда онъ говоритъ: *азъ глаголю, не Господь*, не думай, будто это—слово Павлово; ибо онъ имѣлъ въ себѣ говорящаго Христа, и не дерзнулъ бы изречь такого ученія, если бы не принялъ отъ Него для насъ этого закона. Иначе кто-нибудь сказалъ бы ему: я, какъ вѣрный, не могу жить съ невѣрною, чистый съ нечистою; ты же самъ предварительно сказалъ, что это говоришь ты, а не Господь; гдѣ же я найду безопасную и надежную опору? А Павелъ сказалъ бы ему: не бойся; для того я и сказалъ, что имѣю въ себѣ говорящаго Христа и что *мнюся Духа Божія имѣти*, 542
чтобы ты въ словахъ моихъ не подозрѣвалъ ничего человѣческаго; если бы это было не такъ, то я не приписалъ бы такой силы своимъ сужденіямъ. *Помышленія бо смертныхъ боязлива, и погрѣшителна умышленія ихъ* (Премуд. IX, 14). И вся вселенская Церковь подтверждаетъ силу этого закона, въ точности соблюдая его; а она не соблюдала бы, если бы не была вполнѣ убѣждена, что это изреченіе есть повелѣніе Христово. Итакъ, что же Павелъ говоритъ по внушенію Господа? *А о нихже писасте ми, добро человѣку женѣ не прикасатися* (1 Кор. VII, 1). Здѣсь можно бы похвалить коринѳянъ за то, что они, не получивъ отъ учителя никакого совѣта касательно дѣвства, сами предупредили его своимъ вопросомъ. Отсюда уже открывается преуспѣяніе ихъ въ благодати, такъ какъ въ ветхомъ завѣтѣ этотъ предметъ не подвергался недоумѣнію; ибо не только всѣ прочіе, но и левиты и священники, и самъ великій архіерей придавали великую важность браку.

13. Почему же коринѳяне пришли къ такому вопросу? Они ясно и хорошо понимали, что для нихъ потребна высшая добродѣтель, такъ какъ они удостоены и бо́льшаго дара. Достойно вниманія и то, почему апостолъ прежде никогда не предлагалъ имъ такого совѣта; если бы они слышали что-нибудь подобное прежде, то конечно не написали бы снова, спрашивая опять о томъ же. Подлинно, и здѣсь можно видѣть глубину мудрости Павла. Не безъ причины и не напрасно онъ прежде не давалъ совѣта касательно этого дѣла, но ожидалъ, чтобы напередъ сами они пожелали и получили нѣкоторое понятіе о немъ, чтобы, имѣя предъ собою души уже расположенныя къ дѣвству, съ пользою сѣять слово, когда самое расположеніе слушателей къ этой добродѣтели много способствовало бы къ принятію увѣщанія; а съ другой стороны онъ показалъ этимъ величіе и большую важность самаго дѣла. Въ противномъ случаѣ, онъ конечно не ожидалъ бы ихъ готовности, но самъ предварительно предложилъ бы это если не въ видѣ повелѣнія и заповѣди, то въ видѣ увѣщанія и совѣта. Не

начиная самъ дѣлать этого прежде, онъ ясно внушилъ намъ, что дѣвство требуетъ многихъ усилій и великихъ подвиговъ; и поступилъ такъ, подражая и здѣсь общему нашему Владыкѣ, Который тогда сталъ бесѣдовать о дѣвствѣ, когда спросили Его о томъ ученики. Такъ, когда они говорили: *аще тако есть вина человѣку съ женою, лучше есть не женитися*, тогда Онъ сказалъ: *суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго* (Матѳ. xix, 10. 12). Когда требуемое дѣло велико, и потому не можетъ быть поставлено въ необходимую заповѣдь, тогда надобно ожидать готовности намѣревающихся исполнять его, возбуждая въ нихъ напередъ хотѣніе и желаніе другимъ какимъ-нибудь образомъ и незамѣтно для нихъ. Такъ и поступилъ Христосъ. Не бесѣдами о дѣвствѣ Онъ возбудилъ въ нихъ желаніе дѣвства, но бесѣдуя только о бракѣ и показывая его тяжесть и не простирая рѣчи далѣе этого, Онъ такъ мудро устроилъ, что неслышавшіе еще ничего о безбрачіи сами отъ себя сказали: *лучше есть не женитися*. Посему и Павелъ, подражатель Христовъ, говорилъ: *о нихже писасте ми*, какъ бы оправдываясь предъ коринѳянами и говоря
543 такъ: я не рѣшался возводить васъ на такую необыкновенную высоту по причинѣ трудности этого дѣла; но когда вы сами предварительно написали мнѣ объ этомъ, то я смѣло даю вамъ совѣтъ. Почему онъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не сдѣлалъ подобнаго прибавленія, хотя они о многомъ писали къ нему? Не почему-либо другому, какъ потому, о чемъ я теперь сказалъ: т. е. чтобы кто нибудь не огорчился такимъ увѣщаніемъ, онъ напоминаетъ имъ о письмахъ, которыя они прислали ему, и притомъ предлагаетъ увѣщаніе не строго, хотя имѣлъ поводъ къ тому, но весьма снисходительно, подражая и въ этомъ Христу; ибо и Спаситель, окончивъ рѣчь о дѣвствѣ, присовокупилъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ* (Матѳ. xix, 12). Что же говоритъ апостолъ? *О нихже писасте ми: добро человѣку женѣ не прикасатися* (1 Кор. vii, 1).

14. Но, можетъ быть, кто нибудь скажетъ: если *добро человѣку женѣ не прикасатися*, то для чего установился въ жизни бракъ? Какая будетъ намъ нужда въ женщинѣ, если она не будетъ приносить намъ пользы ни въ бракѣ, ни въ дѣторожденіи? И что воспрепятствуетъ уничтоженію всего рода человѣческаго, когда смерть каждодневно убавляетъ и поражаетъ его, а это ученіе не позволяетъ возстановлять другихъ на мѣсто падшихъ? Если бы мы всѣ стали ревновать объ этомъ благѣ и не прикасались бы къ женщинамъ, то исчезло бы все, и города и домы, и нивы и искусства, и животныя и растенія; потому что, какъ съ паденіемъ военачальника необходимо разстроивается весь порядокъ войска, такъ и съ уничтоженіемъ, отъ безбрачія, царствующаго надъ всѣмъ

земнымъ человѣка, ничто остальное не останется въ прежнемъ устройствѣ и порядкѣ, и такимъ образомъ эта добрая заповѣдь исполнитъ вселенную безчисленныхъ золъ. Если бы такъ говорили только враги и невѣрные, то я призналъ бы слова ихъ маловажными; но такъ какъ и многіе, повидимому, принадлежащіе къ Церкви говорятъ это, съ одной стороны, по слабости воли оставивъ дѣвственные подвиги, а съ другой—желая охужденіемъ и пренебреженіемъ дѣвства прикрыть свое нерадѣніе, чтобы имѣть поводъ уклоняться отъ этихъ подвиговъ не по небрежности, а по здравому сужденію ума, то мы теперь, оставивъ враговъ (*душевенъ бо человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія, юродство бо ему есть* 1 Кор. II, 14), научимъ выдающихъ себя за нашихъ тому и другому, т. е. что дѣвство не только не излишне, но и очень полезно и необходимо, и что такое сужденіе не останется для нихъ безнаказаннымъ, но навлечетъ на нихъ столько бѣдъ, сколько подвизающіеся въ дѣвствѣ получатъ наградъ и похвалъ. Когда сотворенъ былъ весь этотъ міръ и устроено все необходимое для нашего наслажденія и употребленія, то Богъ создалъ человѣка, для котораго и сотворилъ міръ. Первозданный жилъ въ раю, а о бракѣ и рѣчи не было. Понадобился ему помощникъ,— и онъ явился; и при этомъ бракъ еще не представлялся необходимымъ. Его не было бы и доселѣ, и люди оставались бы безъ него живя въ раю, какъ на небѣ, и наслаждаясь бесѣдою съ Богомъ; плотская похоть, зачатіе, болѣзни чадородія и всякая вообще тлѣнность не имѣли бы доступа къ ихъ душѣ, но, подобно свѣтлому ручью, текущему изъ чистаго источника, люди пребывали бы въ томъ жилищѣ, украшаясь дѣвствомъ. На всей землѣ 544
не было тогда людей, чего теперь боятся тѣ попечители вселенной, которые тщательно заботятся о чужихъ дѣлахъ, а не хотятъ помышлять о своихъ, которые опасаются, какъ бы не прекратился весь родъ человѣческій, а нерадятъ каждый о собственной душѣ такъ, какъ бы о чужой, хотя о ней потребуется отъ нихъ точный отчетъ даже въ малѣйшихъ предметахъ, между тѣмъ какъ за уменьшеніе людей они не будутъ подлежать ни малѣйшей отвѣтственности. Не было тогда ни городовъ, ни искусствъ, ни домовъ, о чемъ вы также не мало заботитесь; не было тогда ничего этого, однако ничто не возмущало и не извращало той жизни блаженной и гораздо лучшей чѣмъ настоящая. Когда же (первозданные) преслушались Бога и сдѣлались землею и пепломъ, то вмѣстѣ съ тою блаженною жизнію утратили и красоту дѣвства; и оно, вмѣстѣ съ Богомъ, оставило ихъ и удалилось. Пока они не были уловлены діаволомъ и почитали своего Владыку, дотолѣ и дѣвство продолжало украшать ихъ болѣе, нежели царей украшаютъ діадима

и золотыя одежды; а когда они, сдѣлавшись плѣнниками, сняли съ себя это царское одѣяніе и сложили это небесное украшеніе, и приняли смертное тлѣніе, проклятіе, скорбь и многотрудную жизнь, тогда вмѣстѣ съ этимъ привзошелъ и бракъ—эта смертная и рабская одежда. *Оженивыйся бо*, говоритъ (апостолъ), *печется о мірскихъ* (1 Кор. VII, 33). Видишь ли, откуда получилъ свое начало бракъ и отчего онъ оказался необходимымъ? Отъ преслушанія, отъ проклятія, отъ смерти. Гдѣ смерть, тамъ и бракъ; не будь первой, не было бы и послѣдняго. Но дѣвство не имѣетъ такой связи (съ смертію); оно всегда полезно, всегда прекрасно и блаженно, и прежде смерти, и послѣ смерти, и прежде брака и послѣ брака. Какой бракъ, скажи мнѣ, породилъ Адама, какія болѣзни чадородія произвели Еву? Ты ничего не можешь сказать на это. Для чего же напрасно боишься и опасаешься, какъ бы съ прекращеніемъ брака не прекратился и родъ человѣческій? Тмы темъ ангеловъ служатъ Богу и тысячи тысячъ архангеловъ предстоятъ Ему (Дан. VII, 10), и ни одинъ изъ нихъ не произошелъ по преемству, отъ родовъ, болѣзней чадородія и зачатія. Такимъ образомъ Богъ тѣмъ болѣе могъ бы безъ брака создать людей, какъ создалъ Онъ и первыхъ, отъ которыхъ произошли всѣ люди.

15. И теперь не сила брака умножаетъ родъ нашъ, но слово Господне, сказанное въ началѣ: *раститеся и множитеся, и наполняйте землю* (Быт. I, 28). Помогъ ли, скажи мнѣ, бракъ Аврааму въ дѣторожденіи? Не послѣ ли столь многихъ лѣтъ брачнаго состоянія онъ сказалъ: *Господи, что ми даси? Азъ же отпущаюся безчаденъ* (Быт. XV, 2)? Посему, какъ тогда въ омертвѣлыхъ тѣлахъ (Авраама и Сарры) Богъ устроилъ источникъ и корень столь многихъ тысячъ людей, такъ и въ началѣ, если бы Адамъ и Ева, повинуясь заповѣдямъ Его, удержались отъ наслажденія древомъ (познанія добра и зла), не оказалось бы недостатка въ способѣ, какъ размножить родъ человѣческій. Ни бракъ, безъ соизволенія Божія, не можетъ умножить числа существующихъ людей, ни дѣвство не можетъ повредить размноженію ихъ, когда Онъ желаетъ, чтобы ихъ было много; но Богъ соизволилъ такъ, какъ говоритъ (Писаніе), изъ-за насъ и вслѣдствіе нашего непослушанія. Иначе почему бракъ не явился прежде обольщенія? Почему въ раю не было соитія? Почему прежде проклятія не было болѣзней чадородія? Потому, что тогда это было излишнимъ,
545 а послѣ стало необходимымъ, по причинѣ нашей немощи, какъ это, такъ и все прочее: города, искусства, одежды и множество остальныхъ нуждъ. Все это привлекла и привнесла смерть вмѣстѣ съ собою. Итакъ, что̀ допущено по причинѣ твоей немощи, того не предпочитай дѣвству или, лучше сказать, и не равняй съ нимъ;

иначе, продолжая эту рѣчь, ты скажешь, что и двухъ женъ имѣть лучше, нежели довольствоваться одною, такъ какъ и это дозволено въ законѣ Моѵсеевомъ; а затѣмъ ты предпочтешь также богатство произвольной нищетѣ, пресыщеніе воздержанію и мщеніе великодушному перенесенію обидъ.

16. Ты же, скажетъ кто-нибудь, охуждаешь все это.—Нисколько не охуждаю, потому что это позволено Богомъ и въ свое время было полезно; но я утверждаю, что это маловажно и составляетъ занятіе болѣе дѣтей, нежели мужей. Посему и Христосъ, желая сдѣлать насъ совершенными, повелѣлъ отлагать это, какъ одежды дѣтскія и неспособныя ни прикрыть человѣка взрослаго, ни украсить *мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. IV, 13), а повелѣлъ облекаться въ одежды болѣе благообразныя и совершенныя, не противорѣча себѣ, но вполнѣ послѣдовательно. Хотя послѣднее повелѣніе больше перваго, но цѣль Законодателя одна и таже. Какая же эта цѣль? Пресѣчь порочность нашей души и возвести ее къ совершенной добродѣтели. Если бы Онъ заботился не о томъ, чтобы поставить законъ высшій въ сравненіи съ прежнимъ, но о томъ, чтобы оставить все въ одномъ и томъ же видѣ навсегда и никогда не освобождать отъ прежней недостаточности, то это было бы дѣломъ того, кто весьма противорѣчитъ самому себѣ. И какъ, если бы Онъ узаконилъ такой строгій образъ жизни въ началѣ, когда родъ человѣческій былъ еще въ дѣтствѣ, мы никогда не получили бы соразмѣрнаго (узаконенія) и отъ такой несоразмѣрности разстроилось бы все дѣло нашего спасенія; такъ, и если бы Онъ послѣ долгаго времени оставилъ въ силѣ на землѣ руководительство закона, когда время уже призывало къ небесному любомудрію, мы не получили бы никакой пользы отъ Его пришествія, ибо совершенство, для котораго совершилось это пришествіе, не касалось бы насъ.

17. А теперь произошло подобное тому, что бываетъ съ птенцами. Когда мать вскормитъ ихъ, то выводитъ изъ гнѣзда; если же замѣтитъ, что они еще слабы, падаютъ и имѣютъ нужду оставаться внутри гнѣзда, то оставляетъ ихъ тамъ еще на нѣсколько дней, не съ тѣмъ, чтобы они навсегда тамъ остались, но чтобы впослѣдствіи, когда у нихъ хорошо окрѣпнутъ крылья и когда прибудетъ сила, они могли летать безопасно. Такъ и Господь нашъ искони влекъ насъ къ небу и указывалъ намъ путь, ведущій туда, не незная, а вполнѣ зная, что мы были неспособны къ такому паренію, но желая показать намъ, что наше паденіе бываетъ не по Его волѣ, а по нашей немощи. Показавъ это, Онъ потомъ оставилъ насъ на долгое время воспитываться въ этомъ мірѣ и бракѣ, какъ бы въ гнѣздѣ. Когда же у насъ въ теченіе долгаго

времени выросли крылья добродѣтели, то Онъ пришедши сталъ тихо и мало-по-малу выводить насъ изъ здѣшняго жилища, научая парить въ горнія. Такимъ образомъ, тогда какъ нѣкоторые, оставаясь нерадивыми и почивая глубокимъ сномъ, пребываютъ еще въ гнѣздѣ, прилѣпившись къ мірскому, другіе, поистинѣ благородные, любящіе свѣтъ, съ великою легкостію покинувъ это
546 гнѣздо, возлетаютъ на высоту и достигаютъ небесъ, отказавшись отъ всего земного, отъ брака, имущества, заботъ, вообще отъ всего, что обыкновенно привлекаетъ насъ къ землѣ. Посему мы не должны думать, что сначала дозволенный бракъ сдѣлался впослѣдствіи такою необходимостію, которая препятствуетъ уклоняться отъ брака. Что Господь желаетъ, чтобы мы уклонялись отъ брака, о томъ послушай, какъ Онъ говоритъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ* (Матѳ. xix, 12). Если же Онъ сначала не узаконилъ этого, не удивляйся: и врачъ больнымъ не предписываетъ всего вдругъ и въ одно и тоже время, но пока они одержимы горячкою, онъ удерживаетъ ихъ отъ твердой пищи, а когда горячка и происшедшая отъ нея слабость въ тѣлѣ пройдетъ, тогда онъ, наконецъ, избавивъ ихъ отъ непріятныхъ яствъ, предлагаетъ имъ обычную пищу. Какъ въ тѣлахъ стихіи, перемѣшавшись одни съ другими, вслѣдствіе своего избытка или недостатка, производятъ болѣзнь: такъ и въ душѣ неумѣренные порывы страстей разстроиваютъ ея здоровье; и весьма нужно во время, соотвѣтствующее появившимся страстямъ, имѣть еще заповѣдь (противъ нихъ), такъ какъ безъ того и другого законъ самъ по себѣ не въ состояніи исправить происшедшее въ душѣ нестроеніе, подобно тому, какъ естественныя свойства лѣкарствъ сами по себѣ никогда не могутъ уничтожить рану, а что́ для ранъ—лѣкарства, то̀ для грѣховъ—законы. Врача, производящаго то вырѣзываніе, то прижиганіе, а иногда недѣлающаго ни того ни другого при однихъ и тѣхъ же ранахъ, и притомъ часто не достигающаго своей цѣли, ты не разспрашиваешь; почему же ты, человѣкъ, испытываешь Бога, никогда не погрѣшающаго, но все устрояющаго достойно свойственной Ему премудрости, требуешь отъ Него отчета въ заповѣдяхъ и не хочешь уступить безконечной премудрости? Не крайнее ли это безуміе? Онъ сказалъ: *раститеся и множитеся* (Быт. I, 28) потому, что этого требовало время, когда природа неистовствовала и не могла выдерживать напора страстей, и не имѣла при такой бурѣ никакой другой пристани для прибѣжища. И что другое слѣдовало бы заповѣдать? Проводить жизнь въ воздержаніи и дѣвствѣ? Но отъ этого произошло бы тягчайшее паденіе и болѣе усилилось бы пламя (страстей). Если бы дѣтей, имѣющихъ нужду въ одномъ только молокѣ, кто-нибудь лишилъ

этой пищи и принудилъ принимать другую, пригодную для взрослыхъ, то ничто не избавило бы ихъ отъ скорой смерти. Такъ вредна безвременность. Посему и дѣвство не преподано въ началѣ: или лучше сказать, дѣвство явилось намъ въ началѣ и прежде брака, а послѣ по изъясненнымъ причинамъ привзошелъ бракъ и сталъ считаться необходимымъ, хотя въ немъ и не было бы нужды, если бы Адамъ пребылъ послушнымъ. Какимъ же образомъ, скажешь, произошло бы столько тысячъ людей? Если тебя продолжаетъ очень безпокоить это опасеніе, то я опять спрошу тебя: какъ произошелъ Адамъ, какъ Ева, безъ посредства брака? Неужели, скажешь, такимъ образомъ стали бы происходить всѣ люди? Такимъ или другимъ, объ этомъ я не стану говорить, потому что теперь объясняется то, что Богъ не имѣлъ нужды въ бракѣ для размноженія людей на землѣ.

18. А что не дѣвствомъ причиняется уменьшеніе человѣческаго рода, а грѣхомъ и распутствомъ, это показала бывшая при Ноѣ погибель людей и скотовъ и вообще всего живущаго на землѣ. Если бы сыны Божіи устояли тогда противъ порочной похоти и почтили дѣвство, если бы они не взирали нечестивыми очами на дщерей человѣческихъ, то ихъ не постигла бы такая погибель. 547
Впрочемъ, пусть никто не думаетъ, будто причиною ихъ погибели я считаю бракъ; не объ этомъ я говорю теперь, но о томъ, что родъ нашъ погибаетъ и истребляется не отъ дѣвства, а отъ грѣха.

19. Бракъ данъ для дѣторожденія, а еще болѣе для погашенія естественнаго пламени. Свидѣтель этому Павелъ, который говоритъ: *блудодѣянія ради* (въ избѣжаніе блуда) *кійждо свою жену да имать* (1 Кор. VII, 2). Не сказалъ: для дѣторожденія. И затѣмъ *собиратъся вкупѣ* (ст. 5) повелѣваетъ онъ не для того, чтобы сдѣлаться родителями многихъ дѣтей, а для чего? *Да не искушаетъ*, говоритъ, *васъ сатана*. И продолжая рѣчь, не сказалъ: если желаютъ имѣть дѣтей, а что? *Аще ли не удержатся, да посягаютъ* (ст. 9). Въ началѣ бракъ имѣлъ, какъ я сказалъ, двѣ вышеупомянутыя цѣли, но впослѣдствіи, когда наполнились и земля, и море, и вся вселенная, осталось одно только его назначеніе — искорененіе невоздержанія и распутства; ибо для людей, которые и теперь еще предаются этимъ страстямъ, хотятъ вести жизнь свиней и растлѣваться въ непотребныхъ убѣжищахъ, бракъ не мало полезенъ, освобождая ихъ отъ нечистоты и такой потребности и сохраняя ихъ въ святости и честности. Впрочемъ, доколѣ я буду сражаться съ тѣнями? Сами вы, говорящіе это, не хуже насъ знаете превосходство дѣвства, и все, что вами сказано, суть только вымыслы, предлоги и прикрытія невоздержанія.

20. Если бы даже можно было безнаказанно говорить это, и

тогда надобно было бы воздержаться отъ порицанія (дѣвства). Кто держится своего мнѣнія противъ чего либо хорошаго, тотъ, кромѣ другого вреда, своимъ превратнымъ и несправедливымъ отзывомъ представляетъ всѣмъ немалое свидѣтельство собственнаго непотребства; посему, если не по другой какой причинѣ, то по крайней мѣрѣ во избѣжаніе столь дурного о себѣ мнѣнія, слѣдовало бы удерживать языкъ, помня, что тотъ, кто удивляется людямъ, прославившимся величайшими подвигами, хотя бы самъ и не могъ достигнуть того же, получитъ прощеніе отъ всѣхъ, а тотъ, кто, кромѣ того, что самъ не подвизается, еще и охуждаетъ достойное многихъ вѣнцовъ, справедливо будетъ всѣми ненавидимъ, какъ врагъ и противникъ добродѣтели и находящійся въ худшемъ состояніи, чѣмъ сумасшедшіе. Эти люди не сознаютъ того, что дѣлаютъ, и невольно подвергаются страданіямъ, а потому, когда даже оскорбляютъ властителей, не только не наказываются, но и возбуждаютъ жалость къ себѣ въ самихъ обиженныхъ. Если же кто самовольно дерзнетъ на то, что тѣ дѣлаютъ невольно, то справедливо будетъ осужденъ единогласно всѣми, какъ врагъ нашей природы.

21. Такимъ образомъ, какъ я сказалъ, отъ порицанія (дѣвства) слѣдовало бы воздерживаться и тогда, когда бы такое порицаніе было безопасно. Но между тѣмъ съ этимъ сопряжена еще великая опасность; ибо не тотъ только, кто *сѣдя на брата клевещетъ и на сына матере полагаетъ соблазнъ* (Псал. XLIX, 20), будетъ наказанъ, но и тотъ, кто дерзаетъ порицать то, что̀ предъ очами Божіими прекрасно. Послушай, что говоритъ другой пророкъ, разсуждая о томъ же самомъ: *горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое; полагающимъ тму свѣтъ и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое* (Иса. v, 20). А что сладостнѣе, прекраснѣе и свѣтлѣе дѣвства? Оно издаетъ лучи свѣтлѣе
548 самыхъ лучей солнечныхъ, отрѣшая насъ отъ всего житейскаго и приготовляя взирать чистыми очами прямо на Солнце правды. Это возглашалъ Исаія о тѣхъ (изъ іудеевъ), которые имѣли у себя превратныя сужденія; а послушай, что̀ говоритъ другой пророкъ о произносящихъ противъ другихъ такія пагубныя слова, начиная рѣчь тѣмъ же самымъ восклицаніемъ: *горе напояющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ* (Аввак. II, 15). *Горе* здѣсь не пустое слово, но угроза, предвѣщающая намъ невыразимое и безпощадное мученіе; ибо въ Писаніяхъ это междометіе употребляется о тѣхъ, которые уже не могутъ избѣгнуть будущаго наказанія. И еще другой пророкъ, укоряя іудеевъ, говоритъ: *напаясте освященныя віномъ* (Амос. II, 12). Если же такому наказанію подвергнется напаяющій назореевъ виномъ, то какой казни не будетъ достоинъ тотъ, кто вливаетъ *мутное развращеніе* въ простыя души?

Если подрывающій малую часть законнаго подвижничества неизбѣжно подвергается мученію, то какое осужденіе постигнетъ того, кто дерзаетъ потрясать всю эту святыню? *Иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ*, говоритъ (Господь), *уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. XVIII, 6). Что же скажутъ тѣ, которые соблазняютъ своими словами не одного малаго, но многихъ? Если называющій брата уродомъ будетъ прямо вверженъ въ геенскій огонь, то какой гнѣвъ навлечетъ на свою голову тотъ, кто порицаетъ этотъ равноангельскій образъ жизни? Посмѣялась нѣкогда Маріамъ надъ Моѵсеемъ, не такъ впрочемъ, какъ вы теперь — надъ дѣвствомъ, а гораздо меньше и умѣреннѣе, ибо она не унижала его и не осмѣивала доблести этого ублажаемаго тогда мужа, но и очень уважала его, а сказала только, что и она достигла того же, чего достигъ онъ; и однако этимъ навлекла на себя такой гнѣвъ Божій, что нисколько не помогли даже усиленныя молитвы самаго обиженнаго, но наказаніе ея продлилось долѣе, нежели какъ онъ думалъ.

22. Что я говорю о Маріами? Даже дѣти, игравшія подлѣ Виѳлеема, когда сказали Елисею только: *гряди плѣшиве* (4 Цар. II, 23—25), такъ прогнѣвали Бога, что при этихъ словахъ медвѣдицы напали на ихъ толпу (ихъ было сорокъ два), и всѣ они тогда были растерзаны этими звѣрями: ни возрастъ, ни многочисленность, ни то, что они говорили это въ шутку,—ничто не спасло отроковъ; и весьма справедливо. Если принявшіе на себя такіе подвиги будутъ осмѣиваться и дѣтьми и взрослыми, то кто изъ слабѣйшихъ рѣшится принять на себя подвиги, преслѣдуемые насмѣшками и глумленіемъ? Кто изъ народа будетъ ревновать о добродѣтели, видя ее въ такомъ посмѣяніи? Если теперь, когда ей всѣ вездѣ удивляются, не только тѣ, которые упражняются въ ней, но и тѣ, которые отпали отъ нея,—многіе не рѣшаются и уклоняются отъ этихъ подвиговъ, то скоро ли кто-нибудь захотѣлъ бы избрать ее, если бы видѣлъ, что всѣ люди, кромѣ того, что не восхищаются ею, но еще клевещутъ на нее? Мужи очень крѣпкіе и какъ бы уже переселившіеся на небо, конечно, нисколько не нуждаются въ ободреніи отъ толпы: для ихъ ободренія вполнѣ достаточно похвалы отъ Бога; но слабѣйшіе и не- 549
давно приступившіе къ этому подвигу получаютъ не малое подкрѣпленіе отъ мнѣнія народа, пока, руководимые всѣми, они мало по малу достигнутъ того, что не станутъ нуждаться въ такомъ руководствѣ. И не для нихъ только бываетъ это, но и для спасенія самихъ издѣвающихся, чтобы они не преуспѣвали больше въ своей порочности отъ того, что не получили никакого наказанія за преж-

нее. При этихъ словахъ мнѣ пришло еще на память случившееся при Иліѣ (4 Цар. I, 9 и сл.). Что за Елисея потерпѣли дѣти отъ медвѣдицъ, тоже за учителя его потерпѣли два пятидесятка мужей (царя Охозіи) вмѣстѣ съ начальниками ихъ отъ огня восвоспламенившагося свыше. Когда они, съ великою насмѣшкою подойдя (къ горѣ, гдѣ сидѣлъ Илія), звали праведника и приказывали ему сойти къ нимъ, то нисшедшій вмѣсто него огонь поглотилъ всѣхъ ихъ, подобно тѣмъ звѣрямъ. Итакъ всѣ вы, враги дѣвства, размысливъ объ этомъ, приложите двери и запоры къ устамъ своимъ, чтобы и вамъ въ день суда, когда вы увидите тамъ блистающихъ дѣвствомъ, не пришлось говорить: *сіи бѣша, ихже имѣхомъ нѣкогда въ посмѣхъ и въ притчу поношенія. Безумніи житіе ихъ вмѣнихомъ неистово и кончину ихъ безчестну. Како вмѣнишася въ сынѣхъ Божіихъ, и въ святыхъ жребій ихъ есть? Убо заблудихомъ отъ пути истиннаго, и правды свѣтъ не облиста намъ* (Премудр. V, 3—6). Но что пользы отъ этихъ словъ въ то время, когда уже покаяніе будетъ безсильно?

23. Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ скажетъ: неужели съ тѣхъ поръ никто не поносилъ святыхъ мужей? Поносили многіе и повсюду на землѣ. Почему же, скажетъ, они не подверглись такому же наказанію? Подвергались, и мы знаемъ многихъ изъ такихъ; если же нѣкоторые и избѣгли его, то не избѣгнутъ до конца; ибо, по свидѣтельству блаженнаго Павла, *нѣкихъ грѣси предъявлени суть, предваряюще на судъ: нѣкимъ же и послѣдствуютъ* (1 Тим. V, 24). Какъ законодатели оставляютъ отмѣченными въ записяхъ наказанія преступниковъ, такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, наказавъ того или другого изъ грѣшниковъ и отмѣтивъ ихъ наказанія какъ бы на мѣдномъ столпѣ и въ письменахъ, посредствомъ случившагося съ ними внушаетъ всѣмъ, что хотя въ настоящее время не наказываются другіе, согрѣшившіе одинаково съ наказанными, но они въ будущее время подвергнутся тягчайшему наказанію.

24. Итакъ мы, если безмѣрно согрѣшая не терпимъ никакого зла, должны не восхищаться этимъ, а сильнѣе бояться. Если мы здѣсь не подвергнемся суду Божію, то тамъ со всѣмъ міромъ будемъ осуждены. Это опять не мой приговоръ, но Христа, вѣщающаго чрезъ Павла. Бесѣдуя о тѣхъ, которые недостойно пріобщаются Таинъ, онъ говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ довольни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 30—32). Есть такіе люди, которые нуждаются только въ здѣшнемъ наказаніи, когда ихъ грѣхи умѣренны, и они, будучи наказаны, уже не возвращаются

къ прежнему, подобно псу, возвращающемуся къ своей блевотинѣ; есть и такіе, которые за чрезмѣрность пороковъ понесутъ наказаніе и здѣсь и тамъ; а иные, превзошедшіе всѣхъ своими злодѣяніями, тамъ подвергнутся мученію, не удостоившись *пріять* 550
раны вмѣстѣ съ другими людьми. *И съ человѣки*, говорится (въ Писаніи), *не пріимутъ ранъ* (Псал. LXXII, 5), какъ соблюдаемые на казнь вмѣстѣ съ бѣсами: *идите отъ Мене*, скажетъ (Господь), *во тму кромѣшнюю, уготованную діаволу и ангеломъ его* (Матѳ. XXV, 41). Многіе восхитили священство посредствомъ денегъ, но не имѣли обличителя и не услышали того, что нѣкогда Симонъ волхвъ услышалъ отъ Петра (Дѣян. гл. VIII); но чрезъ это они не избѣжали наказанія, а подвергнутся гораздо тягчайшему, нежели то, какое они должны бы потерпѣть здѣсь, за то, что не вразумились этимъ примѣромъ. Многіе отваживались на дѣла Корея, и не пострадали, какъ Корей (Числ. гл. XVI); но впослѣдствіи они потерпятъ бо́льшее наказаніе. Многіе, соревновавшіе нечестію фараона, не были потоплены въ морѣ подобно ему; но ихъ ожидаетъ пучина геенская. И называвшіе братьевъ своихъ *уродами* еще не подверглись наказанію, потому что для нихъ казнь уготована тамъ. Итакъ не думайте, будто опредѣленія Божіи суть только слова: для того Онъ и исполнилъ нѣкоторыя изъ нихъ самымъ дѣломъ, напримѣръ, на Сапфирѣ, на Ахарѣ, на Ааронѣ и многихъ другихъ, чтобы невѣрующіе словамъ Его, удостовѣрившись изъ дѣлъ, перестали, наконецъ, обольщать себя мыслію, что они не будутъ наказаны, и убѣдились, что Богу по благости Его свойственно давать время грѣшникамъ (на покаяніе), а не вовсе оставлять безъ наказанія пребывающихъ во грѣхахъ. Можно бы и больше сказать въ доказательство того, какой огонь уготовляютъ себѣ тѣ, которые унижаютъ красоту дѣвства; но для здравомыслящихъ довольно и этого; неисправимыхъ же и безумствующихъ и гораздо пространнѣйшая рѣчь не можетъ удержать отъ безумія. Посему, оставивъ эту часть рѣчи, все слѣдующее скажемъ для здравомыслящихъ, возвратившись опять къ блаженному Павлу. *А о нихже писасте ми*, говоритъ онъ, *добро человѣку женѣ не прикасатися* (1 Кор. VII, 1). Пусть устыдятся теперь тѣ и другіе, и охуждающіе бракъ и превозносящіе его не по его достоинству; тѣмъ и другимъ блаженный Павелъ заграждаетъ уста, какъ посредствомъ этихъ, такъ и слѣдующихъ затѣмъ словъ.

25. Бракъ есть добро, потому что сохраняетъ мужа въ цѣломудріи и не допускаетъ погибнуть уклоняющемуся въ прелюбодѣяніе. Посему не охуждай брака; онъ приноситъ большую пользу, не дозволяя членамъ Христовымъ сдѣлаться членами блудницы,

не попуская святому храму быть оскверненнымъ и нечистымъ. Онъ есть добро, потому что укрѣпляетъ и исправляетъ готоваго пасть. Но на что онъ тому, кто стоитъ твердо и не нуждается въ его помощи? Здѣсь онъ уже не полезенъ и не необходимъ, но даже служитъ препятствіемъ для добродѣтели, не только тѣмъ, что причиняетъ много неудобствъ, но и тѣмъ, что уменьшаетъ большую часть похвалъ.

26. Кто облекаетъ въ оружіе такого человѣка, который можетъ сражаться и побѣждать безъ оружія, тотъ не только не приноситъ ему пользы, но и причиняетъ крайнюю обиду, лишая его прославленія и свѣтлыхъ вѣнцовъ; потому что не допускаетъ его проявить всю свою силу и трофею его быть самымъ блистательнымъ. А при бракѣ бываетъ еще большій вредъ; потому что онъ ли-
551 шаетъ не только похвалы отъ народа, но и наградъ, уготованныхъ дѣвству. Посему *добро человѣку женѣ не прикасатися*. Для чего же ты дозволяешь прикасаться? *Блудодѣянія ради*, говоритъ апостолъ; я боюсь возводить тебя на высоту дѣвства, чтобы ты не ниспалъ въ пропасть прелюбодѣянія; у тебя еще не такъ легки крылья, чтобы я сталъ поднимать тебя на такую высоту. Но они сами рѣшились бы на эти подвиги и устремились бы къ красотѣ дѣвства; почему же боишься и опасаешься ты, блаженный Павелъ? Потому, можетъ быть, сказалъ бы онъ, что они, не зная этого подвига, показываютъ такую готовность; а меня самое дѣло и уже испытанная мною борьба располагаетъ осторожнѣе совѣтовать это состояніе другимъ.

27. Я знаю трудность этого состоянія, знаю силу этихъ подвиговъ, знаю тяжесть этой борьбы. Для этого требуется душа ревностная, мужественная, неподчиняющаяся похотямъ; здѣсь надобно итти по раскаленнымъ угольямъ и не обжечься (Притч. vi, 28), выступать противъ меча и не быть раненымъ; ибо сила похоти такъ велика, какъ сила огня и желѣза; и если душа выступитъ не приготовленною и не будетъ противиться ея влеченіямъ, то скоро погубитъ себя. Посему намъ нужно имѣть адамантовый умъ, неусыпное зрѣніе, великое терпѣніе, крѣпкія стѣны съ огражденіями и запорами, бдительныхъ и доблестныхъ стражей, а прежде всего этого помощь свыше; ибо *аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣша стрегущіи его* (Псал. cxxvi, 1). Какъ же мы можемъ пріобрѣсть эту помощь? Если мы приложимъ все съ своей стороны, здравые помыслы, великое усердіе къ посту и бдѣнію, строгое исполненіе закона, соблюденіе заповѣдей и, что всего главнѣе, не будемъ самонадѣянны. Если бы мы успѣли совершить даже великіе подвиги, мы всегда должны говорить самимъ себѣ: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи его* (Псал. cxxvi, 1); *яко*

нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ (Ефес. VI, 12); день и ночь у насъ помыслы должны пребывать вооруженными и быть страшными для постыдныхъ похотей; такъ какъ, если они немного ослабѣютъ, діаволъ приступитъ съ огнемъ въ рукахъ, чтобы поджечь и испепелить храмъ Божій. Посему мы должны оградить себя со всѣхъ сторонъ. У насъ борьба съ потребностію природы, подражаніе жизни ангеловъ, соревнованіе съ безплотными силами; земля и пепелъ старается сравняться съ небожителями, и тлѣніе вступаетъ въ соперничество съ нетлѣніемъ. Неужели теперь, скажи мнѣ, кто нибудь дерзнетъ равнять съ такимъ дѣломъ бракъ и удовольствіе? Не весьма ли это безумно? Зная все это, Павелъ говорилъ: *кійждо свою жену да имать* (1 Кор. VII, 2). Поэтому онъ уклонялся, поэтому не рѣшался съ самаго начала говорить коринѳянамъ о дѣвствѣ, но продолжалъ рѣчь о бракѣ, желая мало по малу отвлечь ихъ отъ брака, и въ эту длинную рѣчь вставилъ краткія слова о воздер-
жаніи, чтобы слухъ ихъ не былъ пораженъ строгостію этого увѣ- 552
щанія. Кто составляетъ всю рѣчь свою всецѣло изъ предметовъ тяжелыхъ, тотъ бываетъ несносенъ для слушателя и часто вынуждаетъ душу, не переносящую тяжести его словъ, отвращаться отъ нихъ; а кто разнообразитъ рѣчь и составляетъ ее больше изъ легкихъ, чѣмъ трудныхъ предметовъ, тотъ прикрываетъ тяжесть предмета и, успокоивъ слушателя, такимъ образомъ успѣшнѣе убѣждаетъ и привлекаетъ его, какъ поступилъ и блаженный Павелъ. Сказавъ: *добро человѣку женѣ не прикасатися*, онъ тотчасъ перешелъ къ браку; *кійждо*, говоритъ, *свою жену да имать*. (Дѣвство) онъ только похвалилъ, сказавъ: *добро человѣку женѣ не прикасатися*, и остановился; а касательно брака даетъ совѣтъ и заповѣдь и приводитъ причину въ словахъ: *блудодѣянія ради*. Повидимому, онъ доказываетъ позволительность брака; а на самомъ дѣлѣ въ словахъ о бракѣ незамѣтно превозноситъ похвалами воздержаніе, не высказывая этого явно, но предоставляя совѣсти слушателей. Кто пойметъ, что ему совѣтуется вступить въ бракъ не потому, чтобы бракъ былъ верхомъ добродѣтели, но потому, что въ немъ самомъ Павелъ осуждаетъ такую похотливость, отъ которой ему не возможно удержаться безъ брака, тотъ, устыдившись и покраснѣвъ, тотчасъ постарается избрать дѣвство и уклониться отъ такого безчестія.

28. Что же потомъ говоритъ (апостолъ)? *Женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ, такожде и жена мужу* (1 Кор. VII, 3). Затѣмъ, истолковывая и изъясняя тоже самое, онъ присовокупляетъ: *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ: такожде и мужъ*

своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена (ст. 4). И это, повидимому, онъ говоритъ о бракѣ, а на самомъ дѣлѣ, какъ бы прикрывъ обычной приманкой крючекъ, закидываетъ его въ уши учениковъ, желая самыми словами о бракѣ отвлечь ихъ отъ брака. Кто услышитъ, что послѣ брака онъ не будетъ господиномъ самого себя, но будетъ находиться во власти жены, тотъ тотчасъ постарается освободиться отъ этого горьчайшаго рабства, или лучше, и не начнетъ подчиненія этому игу; такъ какъ подчинившемуся однажды необходимо потомъ раболѣпствовать до тѣхъ поръ, пока это угодно будетъ женѣ. А что я не по догадкѣ только высказываю мысль Павла, въ этомъ легко убѣдиться примѣромъ учениковъ (Христовыхъ). И они не прежде признали бракъ тягостнымъ и обременительнымъ, какъ выслушавъ Господа, доведшаго ихъ до такой же необходимости, до какой и Павелъ доводилъ тогда коринѳянъ; ибо то изреченіе: *иже отпуститъ жену свою, развѣ словесе любодѣйна, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѳ. v, 32), и это: *мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ* (1 Кор. vii, 4), выражаютъ одну и ту же мысль, только разными словами. Если же кто точнѣе вникнетъ въ изреченіе Павла, то (увидитъ, что) оно еще болѣе увеличиваетъ власть (жены) и дѣлаетъ рабство (мужа) еще болѣе тяжелымъ. Господь не предоставляетъ мужу власти изгонять жену изъ дома; а Павелъ лишаетъ его власти и надъ собственнымъ тѣломъ, передавая всю власть надъ нимъ женѣ и подчиняя его больше купленнаго раба. Рабу часто можно бываетъ получить совершенную свободу, если онъ будетъ въ состояніи, собравъ довольно серебра, внести за себя плату господину; а мужъ, хотя бы имѣлъ жену несноснѣйшую изъ всѣхъ, обязанъ переносить рабство и никакъ не можетъ найти освобожденія отъ него и выхода изъ этого подчиненія.

553 29. Сказавъ, что *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ,* апостолъ продолжаетъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времене, да пребываете въ постѣ и молитвѣ, и паки вкупѣ собирайтеся* (1 Кор. vii, 4, 5). Я думаю, что при этихъ словахъ многіе изъ посвятившихъ себя дѣвству краснѣютъ и стыдятся за такую снисходительность Павла; но не смущайтесь и не предавайтесь какому-нибудь непристойному чувству. Повидимому, и эти слова сказаны въ угожденіе вступающимъ въ бракъ; но если кто тщательно вникнетъ въ нихъ, то найдетъ въ нихъ мысль одинаковую съ предъидущими. Если кто станетъ разсматривать ихъ просто, безъ отношенія къ вышеизложенной причинѣ, тому они покажутся скорѣе словами свахи, нежели апостола; но если онъ вполнѣ изслѣдуетъ цѣль ихъ, то найдетъ и это увѣщаніе совершенно соотвѣтствующимъ апостольскому достоинству. Для чего онъ пространнѣе излагаетъ свою рѣчь? Развѣ не довольно было сказать

благопристойное увѣщаніе предъидущими словами и остановиться на этомъ? Заключается ли въ словахъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію до времене*, что нибудь больше, чѣмъ въ словахъ: *женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ*, и: *мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ?* Ничего больше; а только, что̀ тамъ выражено кратко и неясно, здѣсь изложено пространнѣе и яснѣе. Это дѣлаетъ апостолъ по подражанію святому Божію Самуилу. Какъ Самуилъ со всею точностію излагалъ простолюдинамъ законы о царствѣ не для того, чтобы они приняли ихъ, но чтобы не принимали, и повидимому это было наставленіемъ, а на самомъ дѣлѣ было нѣкоторымъ отклоненіемъ ихъ отъ неблаговременнаго желанія (имѣть царя): такъ и Павелъ многократно и весьма ясно распространяется о подчиненіи въ бракѣ, желая этими словами отклонить слушателей отъ брака. Сказавъ: *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ*, онъ продолжаетъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію, да пребываете въ постѣ и молитвѣ.* Видишь ли, какъ незамѣтно и неукоризненно онъ располагаетъ пребывающихъ въ бракѣ къ упражненію въ воздержаніи? Сначала онъ просто похвалилъ это дѣло, сказавъ: *добро человѣку женѣ не прикасатися*; а здѣсь присовокупилъ и увѣщаніе, сказавъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію.* Почему же онъ то̀, что̀ хотѣлъ установить, предложилъ въ видѣ увѣщанія, а не въ видѣ повелѣнія? Онъ не сказалъ: лишайте себя другъ друга, по согласію; а что?—*не лишайте себе другъ друга, (развѣ) точію по согласію;* потому что чрезъ это рѣчь становилась пріятнѣе, выражая мысль учителя, требующую этого не съ настойчивостію, отъ чего и исполненіе бываетъ скорѣе и съ великою признательностію. И не этимъ только онъ утѣшаетъ слушателя, но и тѣмъ, что, изложивъ тягостное краткими словами, еще прежде чѣмъ слушатель опечалился, онъ переходитъ къ болѣе пріятному, и на этомъ останавливается долѣе.

30. Заслуживаетъ изслѣдованія и слѣдующее: *если честна женитва и ложе нескверно* (Евр. XIII, 4), то почему (апостолъ) не допускаетъ ихъ во время поста и молитвы? Потому, что весьма странно было бы: если даже іудеи, у которыхъ все имѣло отпечатокъ плотской, которымъ позволялось даже имѣть по двѣ жены, однихъ изгонять, а другихъ брать, такъ предохраняли себя въ этомъ дѣлѣ, что, приготовляясь слушать Слово Божіе, воздерживались отъ законнаго соитія, притомъ не одинъ день и не два, а нѣсколько дней (Исх. XIX), то было бы странно, если бы мы, получившіе такую бла- 554
годать, принявшіе Духа, умершіе и спогребшіеся Христу, удостоившіеся усыновленія, возведенные въ такую почесть, послѣ столь многихъ и столь великихъ благъ, не прилагали усердія одинако-

ваго съ этими дѣтьми. Если же кто сталъ бы опять спрашивать, почему самъ Моѵсей отклонялъ іудеевъ отъ брачнаго общенія, я сказалъ бы, что бракъ, хотя и честенъ, но можетъ достигать только того, что не оскверняетъ живущаго въ немъ, а сообщать еще святость одинъ онъ не въ состояніи,—это уже дѣло не его силы, но дѣвства. И не Моѵсей только и Павелъ возвѣщали это; послушай, что говоритъ Іоиль: *освятите постъ, проповѣдите цѣльбу, соберите (люди, освятите) церковь, изберите старѣйшины* (Іоил. II, 15. 16). Но, можетъ быть, ты желаешь знать, гдѣ онъ совѣтовалъ воздерживаться отъ жены? *Да изыдетъ*, говоритъ онъ, *женихъ отъ ложа своего, и невѣста отъ чертога своего* (ст. 16). Это даже больше Моѵсеева повелѣнія. Если жениху и невѣстѣ, у которыхъ страсти кипятъ, юность цвѣтетъ, похоть бываетъ неудержима, не слѣдуетъ сообщаться во время поста и молитвы, то не гораздо ли болѣе тѣмъ, для которыхъ нѣтъ такой необходимости сообщенія? Тотъ, кто молится и постится, какъ слѣдуетъ, долженъ отказаться отъ всякой житейской похоти, отъ всякой заботы и разсѣянности, и вполнѣ сосредочившись въ самомъ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ, въ такомъ состояніи приступать къ Богу. Потому постъ и есть добро, что онъ устраняетъ заботы души и, прекращая угнетающую умъ дремоту, обращаетъ всѣ помыслы къ ней самой. На это и Павелъ намекаетъ, когда отклоняетъ отъ совокупленія, и употребляетъ выраженіе весьма точное. Онъ не сказалъ: да не оскверняетесь, но: *да пребываете, т. е. упражняетесь, въ постѣ и молитвѣ;* такъ какъ сообщеніе съ женою ведетъ не къ нечистотѣ, но къ неупражненію (въ этихъ дѣлахъ).

31. Если теперь послѣ такой предосторожности діаволъ старается препятствовать намъ во время молитвы, то, застигнувъ душу разслабленною и изнѣженною отъ пристрастія къ женѣ, чего не сдѣлаетъ онъ, развлекая туда и сюда наши мысленныя очи? Чтобы намъ не потерпѣть этого и не обращаться къ Богу съ напрасною молитвою, особенно когда мы стараемся преклонить Его на милость къ намъ, апостолъ и повелѣваетъ удаляться тогда отъ (брачнаго) ложа.

32. Если приходящіе къ царямъ,—что я говорю—къ царямъ?—даже къ низшимъ начальникамъ, и рабы, прибѣгающіе къ господамъ, потерпѣвъ ли обиду отъ другихъ, или нуждаясь въ какомъ-нибудь благодѣяніи, или поспѣшая укротить возбудившійся противъ нихъ гнѣвъ, приступаютъ къ объясненію съ этими лицами, устремивъ на нихъ глаза и всѣ мысли свои, а при малѣйшей разсѣянности не только не достигаютъ желаемаго, но и уходятъ, получивъ какую-нибудь непріятность; если желающіе утишить гнѣвъ людей поступаютъ съ такою тщательностію, то что будетъ съ нами,

несчастными, если мы будемъ приступать съ небрежностію къ Владыкѣ всѣхъ Богу, подвергшись притомъ гораздо большему гнѣву Его? Ни слуга не станетъ раздражать господина, ни подданный царя такъ, какъ мы ежедневно прогнѣвляемъ Бога. Объясняя это и Христосъ назвалъ грѣхи по отношенію къ ближнему динаріями, а грѣхи по отношенію къ Богу — *тмою талантъ* (Матѳ. XVIII, 23. 24). Посему, когда мы въ молитвахъ прибѣгаемъ къ Нему 555
съ намѣреніемъ утишить такой гнѣвъ и умилостивить Его, такъ прогнѣвляемаго нами каждый день, (апостолъ) справедливо отклоняетъ насъ отъ упомянутаго наслажденія и какъ бы такъ говоритъ: „возлюбленные, рѣчь идетъ у насъ о душѣ, опасность предстоитъ крайняя; нужно трепетать, страшиться и сокрушаться; мы приступаемъ къ грозному Владыкѣ, многократно оскорбленному нами, имѣющему противъ насъ великія обвиненія и за великіе грѣхи; теперь не время объятій или наслажденій, но слезъ и горькихъ стенаній, колѣнопреклоненій, тщательнаго исповѣданія, прилежнаго сокрушенія, многихъ молитвъ“. Благо будетъ тому, кто, съ такимъ усердіемъ приступивъ и припадши къ Богу, смягчитъ гнѣвъ Его, не потому, чтобы Господь нашъ былъ жестокъ и непреклоненъ,—напротивъ, Онъ очень кротокъ и человѣколюбивъ,—но чрезмѣрность нашихъ грѣховъ не попускаетъ даже и благому, кроткому и многомилостивому скоро прощать насъ. Посему и говоритъ (апостолъ): *да пребываете въ постѣ и молитвѣ.* Что же можетъ быть прискорбнѣе того рабства? Я хотѣлъ бы преуспѣвать въ добродѣтели, возноситься на небо, постояннымъ упражненіемъ въ постахъ и молитвахъ омыть нечистоту души; а между тѣмъ, если жена не хочетъ склониться на это мое намѣреніе, я принужденъ рабски подчиняться ея невоздержанію. Поэтому сначала онъ и сказалъ: *добро человѣку женѣ не прикасатися.* Поэтому и ученики говорили Господу: *аще тако есть вина человѣку съ женою, лучше есть не женитися* (Матѳ. XIX, 10). Разсудивъ, что (въ бракѣ) та и другая сторона необходимо терпитъ стѣсненіе, они, вынужденные этими мыслями, и произнесли такое изреченіе.

33. Павелъ потому и обращается многократно къ одному и тому же предмету, чтобы внушить коринѳянамъ туже мысль: *кійждо свою жену да иматъ;—женѣ мужъ должную любовь да воздаетъ;—жена своимъ тѣломъ не владѣетъ;—не лишайте себе другъ друга;—вкупѣ собирайтеся.* И блаженные ученики (Христовы) не тотчасъ послѣ перваго внушенія разсудили такъ, но тогда, когда во второй разъ услышали объ этомъ, сознали необходимость такой заповѣди. Христосъ бесѣдовалъ объ этомъ и въ то время, какъ возсѣдалъ на горѣ, и послѣ многихъ другихъ наставленій опять говорилъ, возбуждая въ нихъ любовь къ воздержанію (Матѳ. V); потому что

одни и тѣ же наставленія, чѣмъ чаще повторяются, тѣмъ больше имѣютъ силы. Такъ и здѣсь ученикъ, подражая Учителю, многократно говоритъ объ одномъ и томъ же, а послабленія нигдѣ не дѣлаетъ просто, но съ приведеніемъ причины: *блудодѣянія ради*, говоритъ, во избѣжаніе сатанинскихъ искушеній и невоздержанія; и такимъ образомъ въ словахъ о бракѣ незамѣтно воздаетъ похвалу дѣвству.

34. Если онъ и за людей живущихъ въ бракѣ опасался, чтобы въ случаѣ продолжительнаго ихъ разлученія діаволъ не нашелъ къ нимъ доступъ; то какихъ вѣнцовъ будутъ достойны тѣ, которыя съ самаго начала не имѣли нужды въ такомъ пособіи и до конца остались неуловимыми? Притомъ же и козни діавола бываютъ неодинаковы противъ тѣхъ и другихъ. Первыхъ, по моему мнѣнію, онъ не слишкомъ безпокоитъ, зная, что прибѣжище у нихъ близко, и, если они почувствуютъ довольно сильное нападеніе, тотчасъ могутъ уйти въ пристань; почему и блаженный Павелъ не дозволяетъ имъ плыть далѣе, но совѣтуетъ немедленно возвращаться назадъ, если они утомятся, позволяя опять *вкупѣ собиратися*. А дѣвственница необходимо должна постоянно пребывать на морѣ и плавать по океану, не имѣя пристани; и хотя бы поднялась
556 жесточайшая буря, ей нельзя причалить своей ладьи и отдохнуть. Посему, какъ морскіе разбойники не нападаютъ на мореплавателей вблизи города, гавани или пристани (ибо это значило бы напрасно подвергать себя опасности), но, застигнувъ корабль на срединѣ моря и въ поощреніе своей дерзости пользуясь отсутствіемъ помощи (этому кораблю), тамъ употребляютъ всѣ усилія, и не прежде отстаютъ, какъ или потопивъ плывущихъ, или сами потерпѣвъ тоже; такъ и этотъ страшный разбойникъ воздвигаетъ противъ дѣвственницы великую бурю, жестокій вихрь и невыносимыя треволненія, все переворачивая вверхъ дномъ, чтобы съ силою и быстротою опрокинуть ладью; ибо онъ слышалъ, что дѣвственницѣ не дозволяется *вкупѣ собиратися*, но ей необходимо весь вѣкъ бороться, постоянно сражаться съ духами злобы, пока она не достигнетъ тихой пристани (на небѣ). Поставивъ дѣвственницу, какъ доблестнаго воина, внѣ стѣнъ, Павелъ не дозволяетъ ей отворять ворота (убѣжища), хотя бы врагъ сильно нападалъ на нее и хотя бы онъ приходилъ въ бо́льшее неистовство отъ того самаго, что его противнику не дозволяется имѣть отдыхъ. И не діаволъ только, но и сила (естественнаго) вожделѣнія еще болѣе безпокоитъ не вступающихъ въ бракъ; и это всякому извѣстно. Къ тому, чѣмъ мы пользуемся, мы не такъ скоро влечемся пожеланіемъ, такъ какъ безпрепятственность (къ наслажденію) располагаетъ душу къ медленности. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ и пословица, хотя простонародная, но весьма справедливая. „Что

всегда во власти нашей,—говоритъ она,—того не такъ сильно хочется". Если же мы встрѣчаемъ препятствія къ тому, что прежде было въ нашей власти, то бываетъ противное, и то самое, чѣмъ мы пренебрегали вслѣдствіе обладанія имъ, дѣлается предметомъ сильнѣйшаго нашего пожеланія. Итакъ, во-первыхъ, по этой причинѣ у вступившихъ въ бракъ больше спокойствія; а во-вторыхъ потому, что если у нихъ когда-нибудь высоко поднимется пламень (страсти), то послѣдующее совокупленіе скоро погашаетъ его. А дѣвственница, не имѣя средства погасить этотъ пламень, хотя видитъ, что онъ разгорается и поднимается вверхъ, и будучи не въ силахъ погасить его, старается только о томъ, чтобы въ борьбѣ съ огнемъ не сгорѣть ей самой. Что можетъ быть удивительнѣе этого—носить цѣлый очагъ внутри себя и не сгарать, питать пламень въ тайникахъ души и сохранять умъ неприкосновеннымъ? Ей не позволяется выбросить вонъ эти горящіе уголья, и она принуждена переносить въ душѣ то, чего, по словамъ писателя Притчей, не возможно вытерпѣть тѣлесной природѣ. Что же онъ говоритъ? *Ходити кто будетъ на угліяхъ огненныхъ, ногъ же не сожжетъ ли* (Притч. VI, 28)? Но вотъ она ходитъ и переноситъ пытку. *Вяжетъ ли кто огнь въ нѣдра, ризъ же не сожжетъ ли* (ст. 27)? А она, нося яростный и бурный пламень не въ одеждахъ, но внутри себя, должна сдерживать и скрывать его. Кто же дерзнетъ, скажи мнѣ, равнять бракъ съ дѣвствомъ или взирать съ пренебреженіемъ на это послѣднее? Этого не допускаетъ блаженный Павелъ, показавъ великое различіе между тѣмъ и другимъ: не посягшая, говоритъ онъ, *печется о Господнихъ, а* посягшая *печется о мірскихъ* (1 Кор. VII, 34). Дозволивъ брачнымъ *вкупѣ собиратися*, и этимъ доставивъ имъ удовольствіе, послушай, какъ онъ далѣе не одобряетъ ихъ. *Вкупѣ* говоритъ, *собирайтеся, да не искушаетъ васъ сатана*. Желая показать, что не все зависитъ здѣсь отъ сатанинскаго искушенія, но еще больше отъ нашей испорченности, онъ привелъ главнѣйшую причину, сказавъ: *невоздержаніемъ вашимъ* (ст. 5). Кто не 557
устыдится, слыша это? Кто не постарается избѣжать упрека въ невоздержаніи? Это увѣщаніе относится не ко всѣмъ, а къ весьма похотливымъ. Если, говоритъ онъ, ты такой рабъ наслажденій, если ты такъ разслабленъ, что безпрестанно распаляешься и стремишься къ совокупленію, то сообщайся съ женою. Такимъ образомъ это дозволеніе есть не одобреніе или похвала, но посмѣяніе и осужденіе. Если бы онъ хотѣлъ не очень сильно касаться души сластолюбцевъ, то не употребилъ бы слова *невоздержаніе*, весьма выразительнаго и содержащаго великій упрекъ. Почему онъ не сказалъ: *немощію вашею?* Потому, что это больше означало бы

извиненіе съ его стороны, а словомъ *невоздержаніе* онъ выразилъ чрезмѣрность ихъ безпечности. Итакъ невоздержанію свойственно— не имѣть силы для удаленія отъ прелюбодѣянія, если кто не будетъ постоянно имѣть подлѣ себя жену и наслаждаться совокупленіемъ. Что же скажутъ теперь тѣ, которые считаютъ дѣвство излишнимъ? Оно чѣмъ строже соблюдается, тѣмъ больше заслуживаетъ похвалы; а бракъ тогда особенно и лишается всякой похвалы, когда кто-нибудь пользуется имъ до пресыщенія. *Сіе*, говоритъ (апостолъ), *глаголю по совѣту* (по снисхожденію), *а не по повелѣнію* (ст. 6); а гдѣ снисхожденіе, тамъ не можетъ быть мѣста похвалѣ. И бесѣдуя *о дѣвахъ*, онъ сказалъ: *повелѣнія Господня не имамъ* (ст. 25); такъ не сравнялъ ли онъ то и другое? Нѣтъ: о дѣвствѣ онъ даетъ свое мнѣніе, а здѣсь—снисхожденіе. Не повелѣваетъ онъ ни того, ни другаго, не по одной и той же причинѣ; но тамъ потому, чтобы кто-нибудь, желая преодолѣть невоздержаніе, не встрѣтилъ препятствія къ тому въ обязательномъ повелѣніи, а здѣсь потому, чтобы кто-нибудь, не имѣющій силъ достигнуть дѣвства, не былъ осужденъ, какъ преступившій повелѣніе. Я не повелѣваю, говоритъ онъ, оставаться въ дѣвствѣ, потому что боюсь трудности этого дѣла; не повелѣваю и безпрестанно сообщаться съ женою, потому что не хочу быть законодателемъ невоздержанія. Я сказалъ: *собирайтеся*—удерживая отъ ниспаденія ниже, но не препятствуя усердному восхожденію выше. Итакъ, не онъ преимущественно желаетъ, чтобы (брачные) постоянно сообщались съ женою, но такъ установлено невоздержаніемъ людей безпечнѣйшихъ. Если ты хочешь узнать собственное желаніе Павла, то послушай, каково оно: *хощу*, говоритъ онъ, *да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ* (ст. 7), т. е. въ воздержаніи. Итакъ ты, (апостолъ), желаешь, чтобы всѣ соблюдали воздержаніе, желаешь, чтобы никто не былъ въ бракѣ?—Такъ, но впрочемъ этимъ я не препятствую желающимъ (вступать въ бракъ) и не обвиняю ихъ, но молюсь и желаю, *да вси будутъ якоже и азъ*, а бракъ я дозволяю—*блудодѣянія ради;* посему и въ началѣ я сказалъ: *добро человѣку женѣ не прикасатися*, потому что этого я болѣе желаю.

35. А для чего онъ здѣсь упоминаетъ о самомъ себѣ въ словахъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, яко же и азъ?* Если бы этого не было прибавлено, то онъ избѣжалъ бы рѣчи о самомъ себѣ. Для чего же онъ присовокупилъ: *яко же и азъ?* Не для того, чтобы превозносить самого себя; онъ, хотя превзошелъ (другихъ) апостоловъ въ трудахъ проповѣди, но считалъ себя недостойнымъ даже апостольскаго наименованія. *Азъ есмь мній апостоловъ*, говоритъ онъ; и, какъ будто сказалъ что нибудь превышающее его достоинство, тотчасъ поправляется и прибавляетъ: *иже нѣсмь до-*

стоинъ нарещися апостолъ (1 Кор. XV, 9). Зачѣмъ же здѣсь при увѣщаніи онъ выставляетъ себя? Не просто и не напрасно, но онъ зналъ, что ученики тогда особенно одушевляются ревностію 558
къ добру, когда имѣютъ примѣры учителей. Какъ тотъ, кто любомудрствуетъ только на словахъ, безъ дѣлъ, не приноситъ великой пользы слушателю, такъ напротивъ тотъ, кто можетъ предложить совѣтъ, напередъ исполненный имъ самимъ, этимъ больше всего увлекаетъ слушателя. Притомъ онъ представляетъ себя чистымъ и отъ зависти и отъ гордости; ибо желаетъ, чтобы такая превосходная добродѣтель была общею у учениковъ, не домогаясь имѣть что нибудь больше ихъ, но во всемъ уравнивая ихъ съ самимъ собою. Могу привести и третью причину. Какую же? — (Пребываніе въ дѣвствѣ) казалось труднымъ и неудобнымъ для многихъ; посему, желая представить его весьма легкимъ, апостолъ выставляетъ на видъ успѣвшаго въ этомъ, чтобы они не считали его очень тягостнымъ, но, взирая на путеводителя, и сами смѣло вступали на тотъ же путь. Тоже дѣлаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ. Бесѣдуя съ галатами и стараясь освободить ихъ отъ страха предъ закономъ, подъ вліяніемъ котораго они привязывались къ древнему обычаю и соблюдали многое относящееся къ нему, что говоритъ онъ? *Будите, яко же азъ, зане и азъ, яко же вы* (Гал. IV, 12). Это изреченіе означаетъ слѣдующее: вы не можете, говоритъ онъ, сказать мнѣ: ты потому безопасно любомудрствуешь съ нами о всемъ этомъ, что нынѣ обратился изъ язычниковъ и не знаешь страха, происходящаго отъ преступленія закона; нѣтъ, говоритъ онъ, и я подобно вамъ находился нѣкогда въ этомъ рабствѣ, былъ подъ велѣніями закона, хранилъ и соблюдалъ заповѣди; но когда явилась благодать, то я всецѣло перешелъ отъ закона къ ней (Гал. I, 13); и нѣтъ преступленія въ томъ, что мы перешли къ *мужу иному* (Iерем. III, 1); посему никто не можетъ сказать, что я дѣлаю одно, а совѣтую другое, или что я, заботясь о собственной безопасности, ввергъ васъ въ опасность; если бы это дѣло было опасно, то я не предалъ бы самого себя, и не пренебрегъ бы собственнымъ спасеніемъ. Такимъ образомъ какъ здѣсь, поставивъ себя въ примѣръ, онъ освободилъ (галатовъ) отъ страха, такъ и тамъ, выставляя себя на видъ, онъ устраняетъ безпокойство коринѳянъ.

36. *Но кійждо,* говоритъ онъ, *свое дарованіе иматъ, овъ убо сице, овъ же сице* (1 Кор. VII, 7). Смотри, какъ отличительный признакъ его апостольскаго смиренномудрія нигдѣ не скрывается, но повсюду ясно выражается: свою заслугу онъ называетъ дарованіемъ Божіимъ, и на что̀ онъ употребилъ много трудовъ, то всецѣло приписываетъ Господу. И что удивительнаго, если онъ

такъ поступаетъ, говоря о воздержаніи, когда онъ такимъ же образомъ разсуждаетъ и о проповѣди, для которой понесъ безчисленные труды, безпрестанныя скорби, невыразимыя бѣдствія, ежедневныя смерти? Что же говоритъ онъ объ этомъ? *Паче всѣхъ ихъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. xv, 10); не говоритъ, что одно принадлежитъ ему, а другое Богу; но все (приписываетъ) Богу. Такъ признательному рабу свойственно не считать ничего собственнымъ, но все господскимъ, ничего не усвоять себѣ, но все господину. То же онъ дѣлаетъ и въ другомъ мѣстѣ. Сказавъ: *имуще дарованія, по благодати даннѣй намъ различна* (Римл. xii, 6), далѣе онъ исчислилъ начальственныя должности, милостыни и подаянія, бывшія между римлянами; а что все это заслуги, а не дарованія, это ясно для всякаго. Я сказалъ объ этомъ для того, чтобы ты, услышавъ слова его: *кійждо свое дарованіе иматъ*, не палъ духомъ и не сказалъ въ самомъ себѣ: „дѣвство не зависитъ отъ моего усердія; Павелъ назвалъ его дарованіемъ". Онъ говоритъ это по смиренію, а не потому, чтобы
559 хотѣлъ поставить воздержаніе въ числѣ дарованій. Такимъ образомъ онъ не противорѣчитъ ни самому себѣ, ни Христу; не противорѣчитъ Христу, который сказалъ: *суть скопцы, иже исказиша сами себя, царствія ради небеснаго* (Матѳ. xix, 12), и присовокупилъ: *могій вмѣстити да вмѣститъ*; не противорѣчитъ и самому себѣ, такъ какъ онъ осуждаетъ тѣхъ, которыя, избравъ вдовство, не хотѣли устоять въ своемъ намѣреніи; иначе, если это даръ, для чего онъ угрожаетъ (вдовицамъ) въ словахъ: *имутъ грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася* (1 Тим. v, 12)? Христосъ никогда не осуждалъ на наказаніе тѣхъ, которые не имѣютъ дарованій, но всегда тѣхъ, которые не оказываютъ праведной жизни. Для Него особенно желательны отличная жизнь и безукоризненныя дѣла; а раздѣленіе дарованій зависитъ не отъ воли получающаго, но отъ воли дающаго. Посему Христосъ нигдѣ не восхваляетъ творящихъ чудеса, и учениковъ, восхищавшихся этимъ, отклоняетъ отъ такой радости: *не радуйтеся*, говоритъ Онъ, *яко дуси вамъ повинуются* (Лук. x, 20); а вездѣ Имъ ублажаются милостивые, смиренные, кроткіе, чистые сердцемъ, миротворцы, совершающіе все это и тому подобное. И самъ Павелъ, перечисляя свои заслуги, упомянулъ между ними и о воздержаніи. Сказавъ: *въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ трудѣхъ, въ нестроеніихъ, въ бдѣніихъ, въ пощеніихъ*, онъ присовокупилъ: *во очищеніи* (2 Кор. vi, 4—6). Онъ не поступилъ бы такъ, если бы эта чистота была дарованіемъ. И почему онъ упрекаетъ тѣхъ, которые не имѣютъ ея, называя ихъ невоздержными? Почему (по словамъ его) *не вдаяй браку свою*

дѣву лучше творитъ (1 Кор. VII, 38)? Почему *блаженнѣйша есть* вдова, *аще тако пребудетъ* (ст. 40)? Потому что, какъ я выше сказалъ, ублажаются не за чудеса, а за дѣла, равно какъ и наказываются. И почему онъ неоднократно повторяетъ увѣщаніе къ одному и тому же, если это дѣло не зависитъ отъ насъ, и послѣ благодати Божіей не требуетъ нашего усердія? Сказавъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, яко же азъ,* т. е. въ воздержаніи, онъ говоритъ еще: *глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудутъ, яко же и азъ* (ст. 7. 8). Опять приводитъ (въ примѣръ) самого себя по той же причинѣ, чтобы, имѣя примѣръ вблизи и у себя, (коринѳяне) скорѣе рѣшились на подвиги дѣвства. А что онъ и выше при словахъ: *хощу, да вси будутъ яко же и азъ,* и здѣсь: *добро имъ, аще пребудутъ, яко же и азъ,* нигдѣ не приводитъ причины, не удивляйся этому; онъ поступаетъ такъ не по тщеславію, но считая достаточною причиною свое мнѣніе, оправданное имъ на дѣлѣ.

37. Если же кто хочетъ слышать сужденія и объ этомъ (бракѣ овдовѣвшихъ), то пусть сначала приметъ во вниманіе мнѣніе о томъ всѣхъ людей, и потомъ все, что бываетъ сопряжено съ этимъ дѣломъ. Хотя законодатели не наказываютъ за такіе браки, даже дозволяютъ и извиняютъ ихъ, но многіе и въ домахъ, и на площади много говорятъ о брачныхъ дѣлахъ съ насмѣшками, укоризнами и отвращеніемъ. Всѣ уклоняются отъ такихъ людей не менѣе, какъ отъ клятвопреступниковъ, такъ сказать, не смѣя ни вступать съ ними въ дружбу, ни заключать съ ними договоровъ, ни довѣрять имъ въ чемъ нибудь другомъ. Кто увидитъ, что они такъ легко изгладили изъ своей души такую привычку и дружбу, и сожительство, и общеніе, у того дѣлается отъ этихъ мыслей нѣкоторое оцѣпенѣніе и онъ уже не можетъ со всею искренностію приближаться къ нимъ, какъ къ людямъ легкомысленнымъ и переметчивымъ. И не по этому только отвращаются отъ нихъ, но и по самой непріятности того, что̀ происходитъ у нихъ. Что можетъ быть, скажи мнѣ, несноснѣе того, какъ послѣ великаго плача, воплей и слезъ, растрепанныхъ волосъ и черной одежды вдругъ 560
видѣть рукоплесканія и брачные чертоги и смятеніе, все въ противоположность предшествовавшему, какъ будто бы актеры на сценѣ разыгрывали то одну роль, то другую? Какъ тамъ ты можешь видѣть одного и того же то царемъ, то послѣднимъ бѣднякомъ; такъ и здѣсь то̀тъ, кто недавно простирался подлѣ могилы, вдругъ дѣлается женихомъ, кто растрепывалъ свои волосы, снова носитъ на той же головѣ вѣнецъ, кто съ поникшимъ и печальнымъ взоромъ, а часто и со слезами высказывалъ утѣшавшимъ его много похвалъ отшедшей (женѣ), и говорилъ, что ему жизнь не жизнь,

и негодовалъ на удерживавшихъ его отъ сѣтованія, тотъ и часто передъ тѣми же самыми лицами снова украшается и наряжается, и какъ прежде со слезами на глазахъ, такъ теперь съ улыбкой смотритъ на тѣхъ же самыхъ людей и дружелюбно привѣтствуетъ всѣхъ тѣми же устами, которыми прежде проклиналъ всѣ подобныя радости. А что всего прискорбнѣе, съ этимъ вмѣстѣ вносятся раздоры между дѣтьми; подлѣ дочерей появляется львица: ибо такова обыкновенно бываетъ мачиха. Отсюда ежедневныя пререканія и ссоры, отсюда странная и ни съ чѣмъ несообразная непріязнь къ той, которая уже никого не безпокоитъ. Обыкновенно, живые преслѣдуютъ и преслѣдуются завистію, а съ умершими и враги примиряются; но не такъ бываетъ здѣсь: прахъ и пепелъ становится предметомъ непріязни, невыразимая ненависть направляется противъ погребенной, злословія, порицанія и клеветы на разложившуюся въ землѣ, непримиримая вражда къ непричиняющей никому никакого огорченія. Что можетъ быть хуже такого неразумія, такой жестокости? Нисколько не обиженная умершею—что я говорю—не обиженная?—пользующаяся ея трудами и наслаждающаяся ея добромъ, не перестаетъ сражаться съ ея тѣнію, и не причинившую никакого огорченія, а часто и не виданную никогда, ежедневно осыпаетъ множествомъ порицаній, мститъ несуществующей чрезъ дѣтей ея, а часто вооружаетъ противъ нихъ и мужа, если сама не имѣетъ успѣха. И однако все это людямъ представляется легкимъ и сноснымъ, чтобы только имъ не было нужды переносить влеченіе похоти. А дѣвственница не страшится этого противоборства, не избѣгаетъ этой борьбы, кажущейся для многихъ столь невыносимою, но доблестно становится и вступаетъ въ борьбу съ природою. Можно ли же надивиться ей по ея достоинству, когда другіе нуждаются даже во второмъ бракѣ, чтобы не воспламеняться, а она, не испытавъ ни одного, всегда остается святою и невредженною? Поэтому и прежде всего, въ виду уготованныхъ вдовству наградъ на небесахъ, (апостолъ), имѣя въ себѣ говорящаго Христа, сказалъ: *добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ*. Ты не могла взойти на самую высшую степень (совершенства)? По крайней мѣрѣ не ниспади съ той, которая слѣдуетъ послѣ нея; пусть дѣвственница имѣетъ предъ тобою только то преимущество, что похоть ни разу не преодолѣла ея, а тебя, прежде преодолѣвъ, не могла навсегда удержать въ своей власти; и ты послѣ пораженія побѣдила, а та имѣетъ побѣду, чистую отъ всякаго пораженія; соприкасаясь съ тобою въ концѣ, она превосходитъ тебя только по началу.

38. Итакъ вступившимъ въ бракъ (апостолъ) преподаетъ много утѣшеній, такъ какъ и не лишаетъ ихъ другъ друга безъ взаим-

наго ихъ согласія, и это лишеніе по согласію не простираетъ на долгое время, и еще позволяетъ имъ второй бракъ, если пожелаютъ, чтобы не воспламеняться. А дѣвствующимъ онъ не преподалъ никакого подобнаго утѣшенія; но первыхъ послѣ такого 561
воздержанія опять освобождаетъ отъ него, а дѣвственницу, безъ малѣйшаго облегченія, оставляетъ во всю жизнь сражаться, стоять неуклонно и смущаться вожделѣніями, и не даетъ ей ни малѣйшаго отдыха. Почему и ей онъ не сказалъ: *аще же не удержится, да посягаетъ* (1 Кор. VII, 9)? Потому, что и борцу, когда онъ уже снялъ одежду, намастился, вышелъ на поприще и покрылся пылью, никто не сказалъ бы: „отстань и убѣги отъ противника"; но необходимо уже каждому изъ нихъ выйти или увѣнчаннымъ или падшимъ и посрамленнымъ. Въ дѣтской игрѣ и въ гимнастической школѣ, гдѣ упражняются съ близкими людьми и борятся съ друзьями, какъ бы съ врагами, всякій самъ властенъ и подвизаться и не подвизаться; но когда кто уже обязался, и театръ собрался, и распорядитель состязаній явился, и зрители усѣлись, и соперникъ выведенъ и противопоставленъ, тогда законъ состязаній отнимаетъ у борца власть. Такъ и дѣвѣ, пока она еще не рѣшила, вступать ли ей въ бракъ или не вступать, бракъ дозволяется безпрепятственно, но когда она избрала и обрекла себя (на дѣвство), то она уже вывела себя на поприще. Кто же осмѣлится въ то время, какъ зрѣлище открыто, когда свыше взираютъ ангелы и подвигоположникъ Христосъ, когда діаволъ неистовствуетъ и скрежещетъ, стоитъ на виду и устремляется на борьбу, выступить на средину и сказать: „бѣги отъ врага, оставь труды, удержись отъ столкновенія, не повергай и не преодолѣвай соперника, но уступи ему побѣду?" Что я говорю о дѣвахъ? Даже и вдовицамъ никто не осмѣлился бы сказать такія слова, а вмѣсто ихъ сказалъ бы слѣдующія, страшныя: *егда разсвирѣпѣютъ противу Христа, посягати хотятъ, имущыя грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася* (1 Тим. V, 11. 12).

39. Между тѣмъ самъ (апостолъ) говоритъ: *глаголю безбрачнымъ и вдовицамъ, добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ; аще ли не удержатся, да посягаютъ*, и еще: *аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за негоже хощетъ посягнути, точію о Господѣ* (1 Кор. VII, 8, 9, 39); почему же ту, которой даетъ свободу, онъ опять подвергаетъ наказанію, и тотъ бракъ, о которомъ говоритъ, что онъ бываетъ *о Господѣ*, осуждаетъ, какъ дѣло беззаконное? Не смущайся; это не тотъ же самый бракъ, а другой. Какъ въ словахъ: *аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть* (ст. 28), онъ разсуждаетъ не о той дѣвѣ, которая отреклась отъ брака, — очевидно для всякаго, что такая дѣва чрезъ это согрѣшила бы и грѣ-

хомъ тяжкимъ,—но о той, которая еще не испытала брака и еще не рѣшилась ни на то, ни на другое, а находится въ колебаніи между этими двумя помыслами; такъ и тамъ онъ говоритъ о вдовицѣ, просто не имѣющей мужа и еще не связавшей себя рѣшеніемъ собственной воли, но свободной избрать и то и другое; тамъ же и о той, которая уже не властна опять сообщаться съ другимъ женихомъ, а приступила къ подвигамъ воздержанія; ибо можно быть вдовою, и не быть въ ряду имѣющихъ достоинство вдовицъ, если она еще не получила его. Посему онъ и говоритъ: *вдовица да причитается не меньши лѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена* (1 Тим. v, 9). Простой вдовѣ онъ дозволяетъ вступить въ бракъ, если она пожелаетъ; а давшую Богу обѣтъ всегдашняго вдовства, и потомъ вступившую въ бракъ онъ сильно осуждаетъ за то, что она попрала завѣтъ съ Богомъ.
562 Такимъ образомъ къ первымъ, а не къ послѣднимъ онъ говоритъ: *аще ли не удержатся, да посягаютъ; лучше бо есть женитися, нежели разжизатися* (1 Кор. vii, 9). Видишь ли, что бракъ самъ по себѣ нигдѣ имъ не прославляется, но (дозволяется) въ избѣжаніе прелюбодѣянія, искушеній, невоздержанія? Все это онъ говоритъ выше, а здѣсь, произнесши противъ нихъ сильныя укоризны, онъ снова говоритъ о томъ же въ болѣе благосклонныхъ выраженіяхъ, называя ихъ состояніе разжиганіемъ и распаленіемъ. Однако и здѣсь онъ не оставилъ слушателя безъ укоризны. Не сказалъ: „если чувствуютъ какой либо порывъ страсти, если вынуждаются, если не могутъ (воздержаться“), и ничего такого, что̀ свойственно страдающимъ и достойно снисхожденія, но что? *Аще же не удержатся*, что̀ свойственно не желающимъ дѣйствовать по безпечности. Онъ показываетъ, что того дѣла, которое находится въ ихъ власти, они не исполняютъ потому, что не хотятъ трудиться. Впрочемъ и при этомъ онъ не наказываетъ ихъ и не осуждаетъ на мученіе, но, только лишивъ похвалъ, ограничиваетъ свое неудовольствіе словесными укоризнами, нигдѣ не упоминая о дѣторожденіи, этой благовидной и честной причинѣ брака, а только о разжиганіи, невоздержаніи, прелюбодѣяніи и сатанинскомъ искушеніи, и во избѣжаніе этого дозволяя бракъ. Что же, скажутъ, если онъ избавитъ насъ отъ наказанія, мы благодушно перенесемъ всякое осужденіе и всякія укоризны, только было бы дозволено наслаждаться и постоянно удовлетворять похоть. А что, почтеннѣйшій, если не дозволено наслаждаться, и мы пожнемъ только укоризну? Какъ, скажешь, развѣ не дозволяется наслаждаться, когда Павелъ говоритъ: *аще не удержатся, да посягаютъ?* Но выслушай, что̀ слѣдуетъ за этимъ. Ты узналъ, что лучше вступать въ бракъ, нежели разжигаться, ты принимаешь пріятное, одобряешь

дозволеніе, удивляешься снисхожденію апостола; но не останавливайся на этомъ, а прими и послѣдующее; то и другое повелѣніе принадлежитъ одному и тому же (апостолу). Что же онъ говоритъ послѣ того? *А оженившимся завѣщаваю не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися. Аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ: и мужу жены не отпущати* (1 Кор. VII, 10. 11).

40. А что, если мужъ будетъ кротокъ, жена же своенравна, злорѣчива, болтлива, расточительна,—это общій всѣхъ ихъ недугъ,— и преисполнена многихъ другихъ дурныхъ качествъ? Какъ онъ, несчастный, будетъ переносить такую каждодневную непріятность, гордость, безстыдство? Что, если, наоборотъ, она будетъ скромна и тиха, а онъ дерзокъ, подозрителенъ, гнѣвливъ, весьма надмѣненъ богатствомъ или властію, будетъ обращаться съ нею свободною какъ съ рабою, и будетъ расположенъ къ ней нисколько не лучше, какъ и къ служанкамъ? Какъ она перенесетъ такое униженіе и притѣсненіе? Что, если онъ постоянно отворачивается отъ нея и дѣлаетъ это непрестанно? Терпи, говоритъ (апостолъ), все это рабство: ибо только тогда ты будешь свободна, когда онъ умретъ; а при жизни его необходимо одно изъ двухъ,—или весьма тщательно вразумлять его и исправлять или, если это не возможно, мужественно переносить непрестанную и непримиримую вражду. Выше онъ говорилъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію*; а здѣсь разлучившейся повелѣваетъ воздерживаться, хотя уже по неволѣ: *да пребываетъ*, говоритъ, *безбрачна или да смирится съ мужемъ своимъ*. Видишь, какъ она находится между двухъ бѣдъ?
Она должна или терпѣть насиліе отъ похоти, или, если этого не 563
хочетъ, угождать своему обидчику и быть готовою на все, чего бы онъ ни захотѣлъ, наносить ли побои, или осыпать злословіями, или подвергать презрѣнію слугъ, и прочее тому подобное; такъ какъ мужьями придумано много средствъ, когда они захотятъ наказать своихъ женъ. Если же она не потерпитъ этого, то должна пребывать въ безплодномъ воздержаніи; безплодномъ, говорю, потому что къ нему не относится данное обѣтованіе, такъ какъ оно происходитъ не отъ стремленія къ святости, а отъ гнѣва на мужа. *Да пребываетъ*, говоритъ, *безбрачна или да смирится съ мужемъ*. А что, скажешь, если онъ не захочетъ помириться? У тебя есть другая возможность избавиться и освободиться. Какая же? Ожидай его смерти. Какъ дѣвственницѣ никогда не позволительно вступать въ бракъ, потому что Женихъ ея всегда живъ и безсмертенъ, такъ и вступившей въ бракъ тогда только можно (получить свободу), когда умретъ ея мужъ. Если бы и при жизни его можно было ей переходить отъ него къ другому, и отъ этого опять къ иному; то

для чего и браки, когда мужья стали бы безразлично пользоваться женами другъ друга и всѣ просто смѣшивались бы со всѣми? Не исчезло ли бы и взаимное расположеніе, если бы сегодня одинъ, завтра другой, а потомъ третій сталъ жить съ женою кого-либо изъ сожителей? Справедливо Господь назвалъ это прелюбодѣяніемъ.

41. Для чего же Онъ позволилъ это іудеямъ? Для того, чтобы они не враждовали другъ съ другомъ, чтобы родственною кровію не наполняли своихъ жилищъ. Что лучше было, скажи мнѣ, для сдѣлавшейся ненавистною — быть ли изгнанною вонъ, или быть убитою внутри дома? А послѣднее они сдѣлали бы, если бы имъ не дозволено было изгонять. Посему (Господь) и говоритъ: *аще возненавидиши, отпусти* (Втор. XXIV, 1—3). Когда же Онъ бесѣдуетъ съ кроткими и такими, которымъ не позволяетъ даже гнѣваться, то говоритъ: *аще ли же разлучится, да пребываетъ безбрачна* (1 Кор. VII, 11). Видишь ли стѣсненіе, неизбѣжное рабство, связывающія обоихъ узы? Поистинѣ бракъ есть узы, не только по причинѣ множества заботъ и ежедневныхъ неудовольствій, но и потому, что подчиняетъ супруговъ другъ другу хуже всякаго раба. *Обладати будетъ*, говоритъ (Господь), мужъ женою (Быт. III, 16). А какая польза отъ этого обладанія? Оно также и его дѣлаетъ рабомъ обладаемой, составляя нѣкоторое новое и необыкновенное воздаяніе посредствомъ рабства; какъ ноги бѣглецовъ, бывъ связаны и сами по себѣ, и еще привязаны однѣ къ другимъ какою-нибудь небольшою цѣпью, прикрѣпленною обоими концами къ оковамъ, не могутъ ступать свободно, потому что каждый изъ нихъ принужденъ слѣдовать за другимъ; такъ и души супруговъ, имѣя и свои особыя заботы, имѣютъ и другое стѣсненіе, происходящее отъ союза другъ съ другомъ, сдерживающее ихъ хуже всякой цѣпи и отнимающее свободу у обоихъ тѣмъ, что не предоставляетъ начальство кому-нибудь одному изъ нихъ, но раздѣляетъ власть между обоими. И такъ гдѣ тѣ, которые за наслажденіе удовольствіемъ готовы переносить всякое осужденіе? Не малая часть удовольствія сокращается отъ взаимныхъ огорченій и распрей, часто продолжающихся въ теченіе долгаго времени. И самое рабство, заставляющее одного невольно переносить своенравность другого, въ состояніи помрачить всякое наслажденіе. Посему и блаженный (Павелъ) сначала укоризненными словами удерживалъ стремленіе къ сладострастію: *блудодѣянія ради*, для избѣжанія невоздержанія и разжженія; но зная, что эти слова осужденія для многихъ малозначительны, потомъ для обузданія ихъ прибавляетъ болѣе сильныя
564 выраженія. Посему и ученики (Христовы) нашли нужнымъ сказать: *лучше есть не женитися* (Матѳ. XIX, 10), въ виду того, что

ни который изъ супруговъ не властенъ надъ самимъ собою. И это предлагается уже не какъ увѣщаніе или совѣтъ, но какъ обязательное повелѣніе и заповѣдь. Только вступать, или не вступать въ бракъ зависитъ отъ насъ; а то, что послѣдуетъ за бракомъ, уже не въ нашей власти, но волею или неволею нужно переносить рабство. Почему? Потому, что мы не по невѣдѣнію избираемъ это подчиненіе, но, очень хорошо зная его права и законы, добровольно подвергаемъ себя этому игу. Затѣмъ сказавши о живущихъ съ невѣрными женами, изложивъ подробно всѣ законы о бракѣ, вставивъ рѣчь и о рабахъ и достаточно утѣшивъ ихъ тѣмъ, что этимъ рабствомъ не унижается ихъ духовное благородство, онъ переходитъ наконецъ къ словамъ о дѣвствѣ, которыя и прежде соблюдалъ въ себѣ и старался посѣять, а теперь открылъ, хотя не утерпѣвъ, не умолчалъ объ этомъ и въ словахъ о бракѣ; ибо кратко и въ разныхъ мѣстахъ онъ помѣстилъ слова (о дѣвствѣ) и въ этомъ послѣднемъ увѣщаніи, и такимъ прекраснымъ способомъ приготовивъ нашъ слухъ и предрасположивъ умъ, сдѣлалъ превосходное введеніе къ рѣчи (о дѣвствѣ). Послѣ увѣщанія рабамъ, — *цѣною*, говоритъ онъ, *куплени есте, не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. VII, 23),—напомнивъ о благодѣяніи намъ Господа, и этимъ воскресивъ и вознесши на небо умы всѣхъ, онъ потомъ и излагаетъ ученіе о дѣвствѣ, выражаясь такими словами: *о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ, совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа вѣренъ быти* (1 Кор. VII, 25). Хотя онъ также не имѣлъ повелѣнія относительно вѣрныхъ, сопрягающихся съ невѣрными, однако о нихъ съ великою властію даетъ законъ и пишетъ такъ: *прочимъ же азъ глаголю, а не Господь: аще который братъ жену иматъ невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея* (ст. 12). Почему же и относительно дѣвъ ты не объявляешь того же? Потому, что Христосъ относительно этого далъ ясное постановленіе, запрещая вводить дѣвство, какъ обязательную заповѣдь; ибо слова Его: „*могій вмѣстити да вмѣститъ*“ предоставляютъ слушателю власть выбора. Бесѣдуя о воздержаніи, апостолъ говоритъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, якоже азъ*, въ воздержаніи; и еще: *глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудутъ, якоже и азъ* (1 Кор. VII, 7—8); говоря же о дѣвствѣ, онъ нигдѣ не упоминаетъ о самомъ себѣ. Потому онъ и говоритъ весьма скромно и съ великою осторожностію, что самъ не совершалъ этого подвига. *Повелѣнія*, говоритъ онъ, *не имамъ*. Сперва предоставивъ выборъ и хорошо настроивъ слушателя, онъ потомъ и преподаетъ совѣтъ. Такъ какъ самое названіе дѣвства тотчасъ указываетъ на великій подвигъ, то онъ не тотчасъ переходитъ къ этому увѣщанію, но привлекши

къ себѣ ученика сначала посредствомъ выбора и приготовивъ душу его къ послушанію и покорности, онъ потомъ уже дѣлаетъ предложеніе. Ты слышалъ, что дѣвство есть названіе многихъ трудовъ и подвиговъ, но не бойся; оно не есть повелѣніе и не вводится какъ обязательная заповѣдь, но тѣмъ, которые принимаютъ его на себя добровольно и по избранію, оно воздаетъ соб-
565 ственными благами, возлагая на голову ихъ блестящій и доброцвѣтный вѣнецъ; тѣхъ же, которые отказываются и не желаютъ принять его, оно не наказываетъ и не принуждаетъ къ тому противъ воли. И не только этимъ онъ сдѣлалъ слово свое необременительнымъ и пріятнымъ, но и указаніемъ на то, что благодать этого подвига дается не отъ него, но отъ Христа. Онъ не сказалъ о дѣвахъ: я не повелѣваю, но: *повелѣнія не имамъ;* и какъ бы такъ говорилъ: если бы я предлагалъ такое увѣщаніе, руководясь человѣческими разсужденіями, то не слѣдовало бы рѣшаться на это; но такъ какъ это угодно Богу, то залогъ безопасности надеженъ; я же лишенъ власти давать подобныя повелѣнія; но если вы хотите выслушать меня, какъ равнаго вамъ раба, то *совѣтъ даю, яко помилованъ отъ Господа вѣренъ быти* (1 Кор. VII, 25). Здѣсь достойно удивленія великое искусство и благоразуміе блаженнаго (Павла), какъ онъ, находясь среди двухъ необходимостей и противоположностей, — представить собственную личность, для того, чтобы совѣтъ сталъ удобопріемлемымъ и не сказать о себѣ ничего лишняго, — такъ какъ самъ онъ не имѣлъ этой добродѣтели,—въ краткихъ словахъ достигъ того и другого; ибо словами: *яко помилованъ* онъ какъ бы выставляетъ самого себя, а тѣмъ, что не выставляетъ себя съ болѣе блистательной стороны, уничижаетъ и смиряетъ себя.

42. Онъ не сказалъ: даю совѣтъ, какъ человѣкъ, которому ввѣрено благовѣстіе, какъ удостоенный быть проповѣдникомъ язычниковъ, какъ такой, кому вручено начальство надъ вами, какъ учитель и руководитель; но какъ?—*Яко помилованъ*, говоритъ онъ, утверждая меньшее; ибо *быть* только *вѣрнымъ* менѣе, нежели быть учителемъ вѣрныхъ. Онъ даже прибавляетъ еще другое уничиженіе. Какое? Не говоритъ: какъ сдѣлавшійся вѣрнымъ; но *яко помилованъ вѣренъ быти*. Не думайте, что только апостольство, проповѣдничество и учительство суть дары Божіи, но даже самая вѣра произошла у меня по Его милости. Не потому, что я былъ достоинъ, я удостоился вѣры, говоритъ онъ, но только потому, что я былъ помилованъ; а милость—по благодати, а не по заслугѣ; такъ что если бы Богъ не былъ въ высшей степени милосердъ, то я никогда не могъ бы сдѣлаться не только апостоломъ, но и вѣрнымъ. Видишь ли признательность и сокрушенное сердце раба, который

не приписываетъ себѣ никакого преимущества предъ прочими, но даже о томъ, что было общимъ у него съ учениками, о вѣрѣ, говоритъ, что она не его, а даръ милости и благодати Божіей, выражая этими словами какъ бы слѣдующее: не считайте недостойнымъ принять отъ меня совѣтъ, ибо и Богъ не призналъ меня недостойнымъ Своей милости; впрочемъ, это только совѣтъ, а не повелѣніе; я совѣтую, а не узаконяю; никакой законъ не запрещаетъ представлять и предлагать что нибудь полезное для каждаго, въ особенности, если это дѣлается по просьбѣ слушателей, какъ, напр., теперь по вашей; *мню убо*, говоритъ, *сіе добро быти* (ст. 26). Видишь, какая скромная и чуждая всякой власти рѣчь. Можно было бы сказать такъ: если Господь не заповѣдалъ дѣвства, то и я (не заповѣдаю), но совѣтую и увѣщеваю васъ стремиться къ этому, ибо я вашъ апостолъ;—подобно тому, какъ онъ сказалъ имъ дальше: *аще инымъ и нѣсмь апостолъ, но обаче вамъ есмь* (1 Кор. IX, 2). Здѣсь же не говоритъ онъ ничего такого, но употребляетъ слова съ большою скромностію, вмѣсто: совѣтую—*совѣтъ даю*, вмѣсто: какъ учитель,—*яко помилованъ отъ Господа вѣренъ быти*; и какъ будто этого было недостаточно, чтобы сдѣлать рѣчь смиренною, онъ, начавъ съ совѣта, снова умаляетъ 566
власть, не просто предлагая его, но и приводя причину: *ибо*, говоритъ, *мню сіе добро быти за настоящую нужду* (1 Кор. VII, 26). Когда онъ говорилъ о воздержаніи, то не сказалъ: *мню*, и не привелъ никакой причины, а просто сказалъ: *добро имъ есть, аще пребудутъ якоже и азъ;* здѣсь же: *мню добро быти*. Это онъ дѣлаетъ не потому, чтобы сомнѣвался относительно этого предмета,—нѣтъ,—но потому, что желаетъ все предоставить суду слушателей; ибо совѣтникъ не тотъ, кто рѣшаетъ своими словами, но тотъ, кто все предоставляетъ суду слушателей.

43. О какой же нуждѣ онъ говоритъ здѣсь? Объ естественной ли? Нѣтъ; потому что во-первыхъ, если бы онъ говорилъ объ этой нуждѣ, то, упомянувъ о ней, онъ сдѣлалъ бы противное тому, чего хотѣлъ; ибо желающіе вступить въ бракъ непрестанно ссылаются на нее; во-вторыхъ, онъ не назвалъ бы ея *настоящею:* она не теперь только, но издревле прирождена роду человѣческому, и была прежде болѣе тяжелою и необузданною, но по пришествіи Христа и съ преуспѣяніемъ добродѣтели сдѣлалась удобопреодолѣваемою. Итакъ не о ней онъ говоритъ, но подразумѣваетъ другую (нужду) разнообразную и разнородную. Какая же это? Извращеніе дѣлъ житейскихъ. Наступаетъ такое смятеніе, такая тяжесть заботъ, такое множество обстоятельствъ (въ жизни), что вступившіе въ бракъ противъ воли весьма часто принуждены грѣшить и заблуждаться.

44. Сначала была предложена не такая степень добродѣтели,

но было позволено и отмщать обидѣвшему, и отвѣчать порицаніемъ порицающему, и заботиться о богатствѣ, и давать неложную клятву, и выкалывать око за око, и ненавидѣть врага, и не запрещалось ни наслаждаться, ни гнѣваться, ни разводиться съ женой и жениться на другой. Мало этого, законъ позволялъ даже имѣть двухъ женъ въ одно время, и вообще было большое снисхожденіе въ этомъ и во всемъ другомъ. Но послѣ пришествія Христова путь сдѣлался гораздо тѣснѣе не только потому, что отъ нашей власти была отнята эта невыразимая и великая свобода во всемъ вышесказанномъ, но и потому, что даже такую жену, которая часто уговариваетъ и принуждаетъ насъ противъ воли ко многимъ грѣхамъ, нужно имѣть всегда при себѣ, а разводиться желающій можетъ тогда, когда она будетъ обличена въ прелюбодѣяніи. И не только поэтому добродѣтель трудно исполнима для насъ, но и потому, что, если живущая съ нами имѣетъ сносный характеръ, множество заботъ о ней и о дѣтяхъ не позволяетъ намъ даже на малое время взглянуть на небо, производя какъ бы постоянное головокруженіе, возмущающее и потопляющее нашу душу. Смотри: мужъ желаетъ вести частную, безопасную и спокойную жизнь; но видя, что окружающія его дѣти и жена требуютъ многихъ издержекъ, онъ противъ воли бросается въ омутъ общественныхъ дѣлъ. Какъ только онъ попадетъ въ него, то нельзя сказать, сколько представится ему поводовъ грѣшить: гнѣваться, клясться, браниться, мстить, притворяться, многое дѣлать изъ лести, многое—изъ ненависти. Какъ же можно вращающемуся въ такомъ омутѣ и желающему отличиться въ немъ не запятнать себя грязью многихъ
567 грѣховъ? Если кто обратитъ вниманіе и на домашнія дѣла, то найдетъ такія же и еще большія затрудненія отъ жены; здѣсь нужно заботиться о многомъ, въ чемъ мужъ самъ по себѣ не нуждается: это въ томъ случаѣ, когда жена скромна и тиха; если же она своенравна, упряма и невыносима, то это мы назовемъ уже не только затрудненіемъ, но наказаніемъ и мученіемъ. Какъ же будетъ въ состояніи итти путемъ къ небу, требующимъ ногъ свободныхъ и легкихъ и души бодрой и благоукрашенной, тотъ, кто имѣетъ столь тяжелое бремя, связанъ такими узами и постоянно влечется внизъ этою цѣпью, т. е. злобой жены?

45. Но какое (можетъ быть) благовидное возраженіе многихъ, когда мы изложили все это? Слѣдовательно, скажутъ, будетъ удостоинъ большей чести тотъ, кто будетъ добродѣтеленъ при такихъ затрудненіяхъ. Какой, почтеннѣйшій, и за что? За то, скажешь, что онъ въ бракѣ подвергается большему бремени. Но кто принуждалъ его принимать на себя такую тяжесть? Если бы онъ вступилъ въ бракъ во исполненіе заповѣди и невступленіе въ бракъ

было нарушеніемъ закона, то это возраженіе было бы благовидно; если же онъ, имѣя власть не подвергаться игу брака, добровольно, безъ всякаго принужденія, пожелалъ навлечь на себя такія затрудненія, что подвигъ добродѣтели сталъ для него весьма тягостнымъ, то это нисколько не касается Подвигоположника; ибо Онъ заповѣдалъ успѣвать только въ одномъ, въ борьбѣ съ діаволомъ и достигать побѣды надъ зломъ; а успѣваетъ ли кто въ этомъ женясь, наслаждаясь и имѣя много заботъ, или подвизаясь и бѣдствуя и ни о чемъ другомъ не заботясь, Ему до этого нѣтъ дѣла. Онъ говоритъ, что способъ побѣды и путь, ведущій къ побѣдѣ, долженъ быть свободнымъ отъ всего житейскаго; если же ты хочешь воинствовать и бороться, имѣя жену, дѣтей и всѣ связанныя съ этимъ дѣла, надѣясь имѣть успѣхъ одинаковый съ тѣми, которые не связаны ничѣмъ подобнымъ, и чрезъ это удостоиться бо́льшаго удивленія, то мы,—хотя бы ты упрекнулъ насъ въ большой гордости,—теперь сказали бы тебѣ, что тебѣ невозможно достигнуть высоты, одинаковой съ тѣми; а конецъ и время раздачи вѣнцовъ хорошо убѣдятъ тебя тогда, что безопасность гораздо лучше пустого честолюбія, и лучше повиноваться Христу, нежели суетѣ собственныхъ сужденій. Христосъ говоритъ, что для добродѣтели недостаточно намъ отказаться отъ всей собственности, если мы и себя самихъ не возненавидимъ; а ты говоришь, что можешь одержать побѣду, привязавшись ко всему этому. Но, какъ я сказалъ, тогда ты хорошо узнаешь, какимъ препятствіемъ для добродѣтели бываетъ жена и заботы о женѣ.

46. Почему же, скажутъ, служащую препятствіемъ Богъ назвалъ помощницею (мужа)? *Сотворимъ ему*, говоритъ Онъ, *помощника по нему* (Быт. II, 18). Но и я тебя спрошу: какая же помощница та, которая лишила мужа такого благополучія, извергла его изъ дивнаго пребыванія въ раю и ввергла въ смятеніе настоящей жизни? Это свойственно не помощнику, а только злоумышленнику. *Отъ жены*, говорится (въ Писаніи), *начало грѣха, и тою умираемъ вси* (Сирах. XXV, 27); и блаженный Павелъ говоритъ: *и Адамъ не прелстися: жена же прелстившися, въ преступленіи бысть* (1 Тим. II, 14). Какая же помощница та, которая подвергла мужа смерти? Какая помощница та, чрезъ которую сыны Божіи, или лучше всѣ тогдашніе обитатели земли, вмѣстѣ съ звѣрями, птицами и всѣми прочими живыми существами погибли въ потопѣ? Развѣ не она намѣревалась погубить праведнаго Іова, если бы онъ не былъ крѣпкимъ мужемъ (Іов. II)? Развѣ не она погубила Сампсона (Суд. XVI)? Развѣ не она устрояла, чтобы весь народъ еврейскій служилъ Ваал-Фегору и былъ пораженъ руками своихъ братьевъ (Чис. XXV)? Кто въ особенности предалъ

діаволу Ахава (3 Цар. XXI, 25), а еще раньше—Соломона со всею его мудростію и славою (XI, 4)? И доселѣ часто (жены) не склоняютъ ли своихъ мужей къ оскорбленію Бога? Не поэтому ли мудрый мужъ говоритъ: *мала есть всяка злоба противу злобѣ женстѣй* (Сирах. XXV, 21)? Но почему же, скажутъ, Богъ изрекъ: *сотворимъ ему помощника по нему?* Слово Бога, конечно, не ложно. И я не скажу этого,—нѣтъ,—она создана для этого и по этому, но не пожелала остаться при собственномъ достоинствѣ, равно какъ и мужъ ея. Богъ сотворилъ его по образу и по подобію Своему; *сотворимъ*, говоритъ Онъ, *человѣка по образу Нашему и по подобію* (Быт. I, 26), такъ же, какъ сказалъ: *сотворимъ ему помощника;* но по сотвореніи человѣкъ вскорѣ погубилъ и то и другое. Онъ не сохранилъ *подобія* (ибо, какъ могъ сохранить, предавшись постыдной страсти, склонившись на обольщеніе и не побѣдивъ въ себѣ желаніе наслажденія?), а потому невольно былъ лишенъ и достоянія *образа*; ибо Богъ не малой части господства лишилъ того, который былъ страшенъ для всѣхъ какъ владыка, и сталъ непризнательнымъ рабомъ послѣ оскорбленія Господа, сдѣлавъ его презрѣннымъ для подобныхъ ему рабовъ. Сначала онъ былъ страшенъ для всѣхъ звѣрей: Богъ привелъ къ нему всѣхъ ихъ, и ни одинъ не посмѣлъ причинить ему зла или козни, видя блистающій въ немъ царскій образъ; когда же онъ помрачилъ грѣхомъ эти черты, то Богъ лишилъ его и этого господства. Какъ чрезъ то, что человѣкъ не господствуетъ надъ всѣмъ земнымъ, а нѣкоторыхъ даже боится и страшится, не дѣлается ложнымъ изреченіе Божіе: *и обладайте звѣрми земными* (Быт. I, 28) (ибо сокращеніе власти произошло не отъ давшаго ее, но получившаго): такъ и козни женъ въ отношеніи къ мужьямъ не ослабляютъ словъ: *сотворимъ ему помощника по нему*; — она произошла для этого, но не осталась при этомъ. Кромѣ того можно сказать и то, что она оказываетъ свою помощь къ устроенію настоящей жизни, къ рожденію дѣтей и къ обузданію естественной похоти; но когда уже не будетъ времени ни для настоящей жизни, ни для дѣторожденія, ни для похоти, то для чего напрасно ты здѣсь упоминаешь о помощницѣ? Если ту, которая въ состояніи содѣйствовать только въ малыхъ дѣлахъ, станетъ кто-либо имѣть сотрудницей въ дѣлахъ великихъ, то не только не получитъ никакой пользы, но свяжетъ самого себя заботами.

47. Что же мы, спросятъ, скажемъ Павлу, который говоритъ: *что вѣси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16) и слѣдовательно признаетъ ея помощь необходимою и въ духовныхъ дѣлахъ?
569 И я съ этимъ согласенъ: я не отстраняю ея совершенно отъ содѣйствія въ духовномъ;—да не будетъ! — но я говорю, что она

совершаетъ это тогда, когда не занимается брачными дѣлами, а, оставаясь женщиною по природѣ, достигаетъ добродѣтели блаженныхъ мужей. Она можетъ помогать мужу не украшеніями своими, не роскошью, не просьбами къ мужу о выдачѣ денегъ, не пышностію и расточительностію, но когда, ставъ выше всего настоящаго и отпечатлѣвъ въ себѣ жизнь апостольскую, будетъ оказывать большую кротость, большую скромность, большое презрѣніе къ деньгамъ и терпѣливость; тогда она будетъ въ состояніи поддержать его, когда скажетъ: *имѣюще же пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. VI, 8), когда будетъ оправдывать такое любомудріе дѣлами и, посмѣваясь надъ смертію тѣлесною, считать за ничто настоящую жизнь, когда всю славу этой жизни будетъ признавать, согласно съ пророкомъ, за *цвѣтъ травный* (Иса. XL, 6). Такимъ образомъ, жена можетъ спасти мужа не тѣмъ, что сопрягается съ нимъ, какъ жена, но своею евангельскою жизнію, чтò дѣлали многія женщины и безъ брака. Такъ Прискилла, принявъ Аполлоса, говорится (въ Писаніи), руководила его по всему пути истины (Дѣян. XVIII, 26). Хотя теперь это невозможно, но женщины могутъ оказывать такое же усердіе и пожинать такіе же плоды. Женщина, какъ я сказалъ выше, обращаетъ мужчину не потому, что она жена его,—иначе ничто не препятствовало бы тому, чтобы никто изъ имѣющихъ вѣрующую жену не оставался невѣрующимъ, если сообщество и сожительство устрояютъ это дѣло. Но бываетъ не такъ, вовсе не такъ: напротивъ должно оказывать великое любомудріе и терпѣніе, посмѣваться надъ брачными дѣлами и поступать такъ постоянно, вотъ чтó содѣйствуетъ спасенію души сожителя; если же жена будетъ непрестанно заниматься женскими дѣлами, то она не только не принесетъ ему никакой пользы, но и повредитъ. Даже и въ такомъ случаѣ это—одно изъ весьма трудныхъ дѣлъ. Послушай, что говоритъ (апостолъ): *что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16)? Такой видъ вопроса мы обыкновенно употребляемъ въ рѣчи о томъ, что рѣдко случается. Что же онъ говоритъ дальше? *Привязался ли еси женѣ? не ищи разрѣшенія. Отрѣшился ли еси жены? не ищи жены* (ст. 27). Видишь ли, какъ онъ постоянно дѣлаетъ переходы и въ своемъ увѣщаніи часто совмѣщаетъ оба предмета? Какъ въ словахъ о бракѣ онъ вставилъ слова о воздержаніи, возбуждая по временамъ слушателя, такъ и здѣсь онъ снова вставляетъ слова о бракѣ, давая слушателю отдыхъ. Онъ началъ съ дѣвства, но прежде чѣмъ сказать что-нибудь о немъ, тотчасъ перешелъ къ рѣчи о бракѣ; ибо слова: *повелѣнія не имамъ*,—суть слова позволяющаго и вводящаго бракъ. Потомъ перейдя къ дѣвству и сказавъ: *мню сіе добро быти*, и замѣтивъ,

что постоянное повтореніе его названія производитъ нелегкое впечатлѣніе на нѣжный слухъ, онъ не говоритъ о немъ непрерывно; но, приведши достаточную причину облегченія подвиговъ дѣвства, т. е. *настоящую нужду*, не рѣшается и теперь опять назвать *дѣвство*, а что? *Добро человѣку тако быти*, говоритъ и не про-
570 должаетъ рѣчи объ этомъ, но прервавъ и остановивъ ее, прежде чѣмъ открылась трудность (дѣвства), снова вставляетъ слова о бракѣ и говоритъ: *привязался ли еси женѣ? не ищи разрѣшенія.* Если бы это было не такъ, если бы онъ не хотѣлъ предложить здѣсь утѣшеніе, то было бы излишне совѣтующему дѣвство разсуждать о бракѣ. Потомъ онъ снова переходитъ къ дѣвству, но и здѣсь не называетъ его собственнымъ именемъ, а что? *Отрѣшился ли еси жены?* говоритъ, *не ищи жены.* Впрочемъ не бойся: онъ не опредѣлилъ и не узаконилъ этого; слово о бракѣ опять стоитъ близко, отклоняя этотъ страхъ и вѣщая: *аще ли же и оженишися, не согрѣшилъ еси* (1 Кор. VII, 28). Но и не падай теперь; Онъ снова привлекаетъ тебя къ дѣвству, о чемъ и хочетъ сказать въ словахъ, поучающихъ, что вступившіе въ бракъ будутъ имѣть великую *скорбь плоти.* Какъ лучшіе и добрые врачи, намѣреваясь дать горькое лѣкарство, или сдѣлать отсѣченіе, или прижиганіе, или что-либо подобное, не дѣлаютъ всего вдругъ, но, всегда давая въ промежуткахъ отдыхъ больному, такимъ образомъ исполняютъ остальное; такъ и блаженный Павелъ не изложилъ совѣта о дѣвствѣ безъ остановки, цѣлостно и непрерывно, но постоянно прерывая его словами о бракѣ и прикрывая трудность его, сдѣлалъ свою рѣчь кроткою и удобопріемлемою. Для этого и допущено разнообразное смѣшеніе словъ. Достойны разсмотрѣнія и слѣдующія слова: *привязался ли еси женѣ? не ищи разрѣшенія.* Это не столько совѣтъ, сколько указаніе на затруднительность и безвыходность изъ этихъ узъ. Почему онъ не сказалъ: имѣешь ли жену?—не оставляй ея; живешь ли вмѣстѣ?—не разставайся, а назвалъ сожительство узами? Онъ указываетъ этимъ на трудность дѣла. Такъ какъ всѣ прибѣгаютъ къ браку, какъ легкому дѣлу, то онъ показываетъ, что вступившіе въ бракъ нисколько не отличаются отъ связанныхъ (узами); ибо и здѣсь куда влечетъ одинъ, туда необходимо слѣдовать и другому, или если возмутится одинъ, то вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ и другой. А что, скажетъ (жена), если мужъ склоненъ къ слабостямъ, а я хотѣла бы воздерживаться? Тебѣ необходимо слѣдовать за нимъ: пріятная цѣпь брака, наложенная на васъ, принуждаетъ тебя поступать такъ и противъ воли привлекаетъ къ тому, который изначала связанъ съ тобою; если же ты будешь противиться и уклоняться, то не только не освободишься отъ узъ, но и подвергнешься крайнему наказанію.

48. Та, которая воздерживается противъ воли мужа, не только лишится награды за воздержаніе, но и дастъ отвѣтъ за его прелюбодѣяніе, и отвѣтъ болѣе строгій, чѣмъ онъ самъ. Почему? Потому, что она, лишая его законнаго совокупленія, низвергаетъ его въ бездну распутства. Если она не имѣетъ права дѣлать это и на короткое время безъ его согласія, то какое прощеніе можетъ получить она, постоянно лишая его этого утѣшенія? Но что, скажешь, можетъ быть тяжелѣе этой необходимости и угрозы? И я говорю тоже самое. Для чего же ты подвергаешь себя такой необходимости? Это должно было обдумать до брака, а не послѣ брака. Посему и Павелъ, сказавъ о необходимости вслѣдствіе узъ, говоритъ объ освобожденіи. Послѣ словъ: *привязался ли еси женѣ? Не ищи разрѣшенія*, онъ прибавляетъ: *отрѣшился ли еси жены? Не ищи жены*. Онъ дѣлаетъ это для того, чтобы ты, напередъ 571
ясно разсмотрѣвъ и узнавъ тягость супружества, легче принялъ слово о безбрачіи. *Аще ли же и оженишися, не согрѣшилъ еси: и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть* (1 Кор. VII, 28). Вотъ чѣмъ ограничивается великая заслуга брака: тѣмъ, что за него не осуждаются, а не прославляются; послѣднее принадлежитъ дѣвству, а вступившій въ бракъ долженъ довольствоваться свѣдѣніемъ, что онъ не согрѣшилъ. Почему же, скажутъ, ты совѣтуешь не искать жены? Потому, что однажды связанному (бракомъ) не слѣдуетъ разрывать его, ибо это влечетъ за собою много скорбей. Итакъ, скажи мнѣ, неужели отъ дѣвства мы получимъ только ту пользу, что избѣжимъ здѣшней скорби? Кто же рѣшится принять на себя такой подвигъ, ожидая за такіе труды получить одно только это воздаяніе?

49. Что говоришь ты? Призывая меня сражаться съ демонами (*яко нѣсть наша брань къ крови и плоти*—Еф. VI, 12), повелѣвая противостоять естественному неистовству, убѣждая совершать подвиги съ плотію и кровію наравнѣ съ безплотными силами, ты упоминаешь только о земныхъ благахъ и о томъ, что мы не будемъ имѣть скорби, происходящей отъ браковъ? Въ самомъ дѣлѣ, почему апостолъ не сказалъ такъ: если дѣва и вступитъ въ бракъ, то не согрѣшитъ, но лишитъ себя вѣнцовъ за дѣвство, многихъ и неизреченныхъ даровъ? Почему онъ не перечислилъ благъ, предлежащихъ имъ послѣ борьбы, какъ онѣ пойдутъ во срѣтеніе Жениха, какъ получатъ блестящіе свѣтильники, какъ съ большою славою и смѣлостію войдутъ въ брачный чертогъ вмѣстѣ съ Царемъ, какъ будутъ блистать больше всѣхъ близъ Его престола и сѣдалищъ царскихъ? Объ этомъ онъ не сдѣлалъ и краткаго упоминанія, но какъ выше, такъ и ниже упоминаетъ объ освобожденіи отъ житейскихъ непріятностей. *Мню*, говоритъ онъ, *сіе добро*

быти, и вмѣсто того, чтобы сказать: въ виду будущихъ благъ, говоритъ: *за настоящую нужду*. Далѣе опять сказавъ: *и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть* и умолчавъ о небесныхъ дарахъ, которыхъ она лишила себя, говоритъ: *скорбь плоти имѣти будутъ таковіи*. И это онъ дѣлаетъ не только доселѣ, но и до конца, и опуская указаніе на будущія блага, снова приводитъ ту же причину: *время*, говоритъ, *прекращено есть*, и вмѣсто того, чтобы сказать: „я желаю, чтобы вы блистали на небесахъ и явились гораздо славнѣе вступившихъ въ бракъ“, онъ и здѣсь продолжаетъ говорить: *хощу же васъ безпечалныхъ быти* (1 Кор. VII, 32). Такъ поступаетъ онъ не только въ этомъ мѣстѣ, но и бесѣдуя о перенесеніи обидъ, употребляетъ тотъ же способъ увѣщанія. Сказавъ: *аще алчетъ врагъ твой, ухлѣби его; аще ли жаждетъ, напой его* (Римл. XII, 20), заповѣдавъ такое дѣло, повелѣвъ преодолѣвать потребность природы и бороться съ такимъ невыносимымъ пламенемъ, онъ въ словахъ о наградахъ умолчалъ о небѣ и небесномъ, и указалъ воздаяніе за это во вредѣ для оскорбителя: *сіе бо творя*, говоритъ, *угліе огненное собираеши на главу его* (Римл. XII, 20). Для чего же онъ употребляетъ такой способъ увѣщанія? Не по невѣдѣнію и незнанію, какъ можно склонить и убѣдить слушателя, но потому, что онъ больше всѣхъ людей отличался этою добродѣтелію, т. е. способностію убѣждать. Откуда это видно? Изъ сказаннаго имъ. Гдѣ и какимъ образомъ? Онъ бесѣдовалъ съ кориѳянами (мы сначала разберемъ сказанное имъ о дѣвствѣ), въ которыхъ онъ *не судилъ вѣдѣти что, точію Іисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. II, 2), съ
572 которыми онъ не могъ говорить, какъ съ людьми духовными, и питалъ ихъ еще молокомъ, ибо они были плотскими, за что и упрекалъ ихъ въ этомъ посланіи: *но ниже еще можете нынѣ*, говорилъ онъ, *еще бо плотстіи есте и по человѣку ходите* (1 Кор. III, 2. 3). Посему онъ побуждаетъ ихъ къ дѣвству и отклоняетъ отъ брака земными благами, видимыми и осязательными. Онъ хорошо зналъ, что людей малодушныхъ, низменныхъ и приверженныхъ еще къ землѣ, можно скорѣе привлечь и поощрить земными (благами). Почему, скажи мнѣ, многіе изъ людей невѣжественныхъ и грубыхъ и въ маловажномъ и въ важномъ дѣлѣ безъ страха клянутся Богомъ и нарушаютъ клятву, а не рѣшатся начать клятву головою своихъ дѣтей? Хотя нарушеніе той клятвы и наказаніе за нее гораздо больше, чѣмъ за послѣднюю, но они все-таки скорѣе употребляютъ первую клятву, чѣмъ вторую. Такъ и относительно помощи бѣднымъ на нихъ не столько дѣйствуютъ слова о царствѣ небесномъ, хотя бы часто повторяемыя, сколько надежда на что-нибудь полезное въ здѣшней жизни или для ихъ дѣтей или

для нихъ самихъ. Они тогда особенно склонны къ такому попечительству, когда надѣются получить облегченіе отъ продолжительной болѣзни, избѣжать опасности, достигнуть какой-либо власти и начальства. И вообще оказывается, что большинство людей скорѣе убѣждается тѣмъ, что близко предъ ними. Что больше дѣйствуетъ на ихъ чувства, то скорѣе побуждаетъ ихъ къ добрымъ дѣламъ и сильнѣе устрашаетъ въ дурныхъ. Посему и (Павелъ) такъ говорилъ коринѳянамъ, и римлянъ побуждалъ къ перенесенію обидъ настоящими (благами). Слабая и оскорбленная душа не такъ легко отброситъ ядъ гнѣва, если услышитъ о царствѣ (небесномъ) и получитъ отдаленныя надежды, какъ тогда, когда будетъ ожидать наказанія обидѣвшему. Итакъ, желая пресѣчь корень злопамятности и пока успокоить гнѣвъ, онъ приводитъ то, что было дѣйствительнѣе для утѣшенія обиженнаго, не лишая его назначенной награды въ будущемъ времени, но стараясь пока вывести его какимъ бы то ни было образомъ на путь любомудрія и открыть двери къ примиренію, ибо самое трудное дѣло—приступить къ началу подвига, а по вступленіи трудъ бываетъ уже не такъ великъ. Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ не такъ поступаетъ, бесѣдуя какъ о дѣвствѣ, такъ и о перенесеніи обидъ: бесѣдуя о первомъ, Онъ указываетъ на царство небесное: *и суть скопцы*, говоритъ онъ, *иже исказиша сами себе, царствія ради небеснаго* (Мѳ. XIX, 12); когда же Онъ увѣщеваетъ молиться за враговъ, то, не сказавъ ничего о вредѣ для обидѣвшихъ и не упомянувъ о горящихъ угольяхъ, но, предоставивъ говорить все это къ людямъ малодушнымъ и низменнымъ, побуждаетъ къ этому высшими (благами). Какими же? *Да будете*, говоритъ, *сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. V, 45). Смотри, сколь великая награда, потому что слушателями Его были Петръ, Іаковъ, Іоаннъ и сонмъ прочихъ апостоловъ; посему Онъ и побуждалъ ихъ духовными наградами. И Павелъ сдѣлалъ бы тоже самое, если бы рѣчь его относилась къ подобнымъ людямъ; но такъ какъ (онъ говорилъ) коринѳянамъ, весьма несовершеннымъ, то онъ и указываетъ имъ на ближайшіе плоды трудовъ, чтобы они охотнѣе приступили къ упражненію въ добродѣтели. Посему и Богъ награждалъ іудеевъ, не упоминая о царствѣ небесномъ, земными благами; а за дурныя дѣла угрожалъ не геенною, но несчастіями въ этомъ вѣкѣ: голодомъ, язвою, болѣзнями, войнами, плѣномъ и тому 573
подобнымъ; ибо люди плотскіе скорѣе этимъ удерживаются, и этого болѣе боятся, и менѣе заботятся о невидимомъ и ненастоящемъ. Поэтому и Павелъ останавливался больше на томъ, что особенно могло подѣйствовать на ихъ грубость. Кромѣ того, онъ хотѣлъ показать и то, что нѣкоторыя другія добродѣтели, возлагая на насъ много трудовъ, всѣ плоды собираютъ въ будущемъ вре-

мени, а дѣвство, при самомъ подвижничествѣ въ немъ, доставляетъ намъ не малое воздаяніе, освобождая насъ отъ такихъ трудовъ и заботъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ еще нѣчто третье. Что же? То, что это дѣло должно считаться въ числѣ не невозможныхъ, но весьма возможныхъ. Онъ дѣлаетъ это, очень пространно объясняя, что бракъ имѣетъ весьма много неудобствъ, какъ бы такъ обращаясь къ кому-нибудь: это дѣло тебѣ кажется обременительнымъ и труднымъ; но я потому самому и предлагаю тебѣ приняться за него, что оно весьма легко, такъ какъ доставляетъ намъ гораздо менѣе заботъ, нежели бракъ; *азъ же вы щажду*, говоритъ онъ, и не хочу, чтобы вы имѣли скорби, потому и не желаю, чтобы вы вступали въ бракъ. Какую же скорбь?—можетъ быть, скажетъ кто-нибудь; напротивъ, мы находимъ, что бракъ доставляетъ большое удовольствіе и наслажденіе; и во-первыхъ, удовлетвореніе страсти со всею свободою, безъ причиненія какого-либо насилія природѣ не мало служитъ къ облегченію; а потомъ и остальная жизнь освобождается отъ унынія и нечистоты и бываетъ полна пріятностей, веселія и радости; ибо люди, угождающіе плоти роскошнымъ столомъ, нѣжными одеждами, мягкою постелью, постоянными омовеніями, благовоніями, виномъ, нисколько неуступающимъ благовоніямъ, и многими другими и различными излишествами, вслѣдствіе брака доставляютъ ей большое наслажденіе.

50. Все это непозволительно; бракъ же обыкновенно доставляетъ намъ только свободу совокупленія, а не наслажденіе. Свидѣтель этого блаженный Павелъ, который говоритъ такъ: *питающаяся же пространно, жива умерла* (1 Тим. v, 6). Такъ онъ говоритъ о вдовахъ; послушай же, что онъ говоритъ и о вступившихъ въ бракъ. *Жены во украшеніи лѣпотномъ со (всякимъ) стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но (яко) подобаетъ женамъ обѣщавающимся благочестію, дѣлы благими* (1 Тим. II, 9. 10). И не только здѣсь, но и въ другихъ мѣстахъ, какъ можетъ всякій видѣть, онъ много говоритъ о томъ, чтобы у насъ совершенно не было заботы ни о чемъ подобномъ. Но что я говорю о Павлѣ? Онъ говорилъ это тогда, когда было время высшаго любомудрія и была великая благодать Духа. И Амосъ, обращаясь съ рѣчью къ младенцамъ — іудеямъ, у которыхъ позволялось и наслажденіе, и роскошь, и, такъ сказать, все излишнее, послушай, какъ сильно укоряетъ предающихся наслажденію: *горе, приходящіи въ день золъ, приближающіися и прикасающіися субботамъ лживымъ, спящіи на одрѣхъ отъ костей слоновыхъ, и ласкосердствующіи на постеляхъ своихъ, ядущіи козлища отъ паствъ, и телцы млекомъ питаеми отъ среды стадъ; плещущіи ко гласу пища-*

лей, аки стояща мнѣша, а не яко бѣжаща; піющіи процѣженое вино, и первыми вонями мажущіися (Амос. VI, 3—6). 574

51. Итакъ, какъ я сказалъ выше, наслаждаться совершенно не дозволяется; но, если бы даже ничего такого не запрещалось, а все дозволялось, есть такъ много другого, равнаго этому по своей печали и скорби, и даже многочисленнѣе и больше въ такой степени, что мы нисколько не чувствуемъ пріятности (брака) и всякое наслажденіе отъ него исчезаетъ.

52. Если кто по природѣ ревнивъ или предался этой страсти по какому-нибудь несправедливому предлогу, то, скажи мнѣ, что можетъ быть злосчастнѣе такой души? Сравнивая войну и бурю съ такой семьей, ты можешь найти здѣсь вѣрное подобіе: все полно печали, подозрѣнія, несогласія и смятенія. Одержимый этимъ неистовствомъ нисколько не лучше бѣсноватыхъ или больныхъ сумасшествіемъ: такъ часто онъ бросается, отступаетъ и раздражается на всѣхъ, и безпрерывно вымѣщаетъ свой гнѣвъ на людяхъ, просто присутствующихъ и ни въ чемъ неповинныхъ, будетъ ли то рабъ, или сынъ, или кто другой. Всякое удовольствіе исчезаетъ и все наполняется уныніемъ, скорбію и неудовольствіемъ; остается ли онъ дома, идетъ ли на площадь, отправляется ли путешествовать, повсюду это горе сопровождаетъ его, возбуждая и раздражая его душу хуже всякаго рожна и не давая покоя; ибо эта болѣзнь обыкновенно производитъ не только уныніе, но и невыносимое раздраженіе. Каждое изъ нихъ уже само по себѣ достаточно для погубленія одержимаго имъ; если же они вмѣстѣ нападутъ на него, удручая его постоянно и не давая отдыха даже на короткое время, то сколькихъ смертей это тяжелѣе? Назоветъ ли кто крайнюю бѣдность, неизлѣчимую болѣзнь, огонь, желѣзо, онъ не укажетъ ничего равнаго этому. Только тѣ, которые сами испытали, хорошо знаютъ это, а никакими словами невозможно выразить чрезмѣрность этого горя. Когда кто вынуждается постоянно подозрѣвать ту, которую любитъ больше всего и за которую съ удовольствіемъ готовъ отдать душу свою, то какое утѣшеніе можетъ облегчить его? Нужно ли ему идти ко сну, или взяться за пищу и питіе, — столъ покажется ему наполненнымъ больше ядовитыми веществами, нежели яствами; на постели же онъ не будетъ имѣть покоя ни на малое время, но будетъ безпокоиться и вертѣться, какъ бы на горячихъ угольяхъ. Ни общество друзей, ни забота о дѣлахъ, ни страхъ опасностей, ни избытокъ удовольствій, ни что либо другое не можетъ отвлечь его отъ этой бури; но сильнѣе всѣхъ радостей и печалей эта буря овладѣваетъ его душею. Имѣя въ виду это, Соломонъ говоритъ: *жестока яко адъ ревность* (Пѣсн. Пѣсн. VIII, 6), и еще: *исполнена бо ревности ярость мужа ея, не пощадитъ въ*

день суда, и не измѣнитъ ни единою цѣною вражды, ниже разрѣшится многими дармu (Притч. vi, 34, 35). Неистовство этой болѣзни таково, что скорбь отъ нея не проходитъ даже послѣ отмщенія причинившему ее; часто многіе, уничтоживъ прелюбодѣя, не въ силахъ были уничтожить своего гнѣва и унынія; а есть и такіе, которые, убивъ своихъ женъ, продолжали горѣть въ этомъ огнѣ такъ же или даже болѣе. Въ такихъ бѣдствіяхъ проводитъ жизнь мужъ, когда даже нѣтъ вѣрнаго повода; а жалкая и несчастная жена мучится больше мужа. Когда она видитъ, что тотъ, кто долженъ быть утѣшеніемъ среди всѣхъ скорбей и отъ кого надлежало ожидать покровительства, относится къ ней звѣрски и враждебнѣе всѣхъ, то куда она можетъ обратиться, къ кому прибѣгнуть, гдѣ найти избавленіе отъ золъ, когда гавань для нея за-
575 крыта и полна тысячью утесовъ? Тогда рабы и служанки обращаются съ нею оскорбительнѣе мужа; этотъ родъ людей вообще склоненъ къ подозрѣнію и неблагодарности; когда же они получатъ болѣе смѣлости и увидятъ, что господа ихъ несогласны между собою, то находятъ въ ихъ враждѣ не мало поводовъ къ своему безстыдству. Тогда имъ можно со всею смѣлостію выдумывать и сочинять все, что̀ захотятъ, и увеличивать подозрѣніе своими клеветами. Душа, разъ уже зараженная этою злою болѣзнью, легко вѣритъ всему и, равно открывая свой слухъ для всѣхъ, не можетъ отличить клеветниковъ отъ неклеветниковъ, и даже ей кажутся болѣе достовѣрными слова тѣхъ, которые увеличиваютъ подозрѣніе, нежели тѣхъ, которые стараются уничтожить его. Отъ этого наконецъ женѣ бываетъ необходимо бояться и опасаться рабовъ и ихъ женъ не менѣе, чѣмъ своего супруга и, уступивъ имъ свое мѣсто, самой занять ихъ положеніе. Когда же она можетъ не проливать слезъ? Какую ночь, какой день, какой праздникъ она можетъ проводить безъ стенаній, сѣтованій и рыданій? Угрозы, оскорбленія и злословія (преслѣдуютъ ее) постоянно то отъ мнимооскорбленнаго мужа, то отъ гнусныхъ рабовъ; осторожности, предосторожности и все исполнено страха и трепета. Подсматриваются не только ея входы и выходы, но и слова, и взгляды и стоны развѣдываются съ большою тщательностію, такъ что ей необходимо или быть неподвижнѣе камней и все переносить молчаливо и постоянно сидѣть въ своей комнатѣ хуже узника, или, если желаетъ, говорить, плакать и выходить, и за все подвергаться отчету и суду этихъ негодныхъ судей, т. е. служанокъ и множества рабовъ. Пусть будетъ, если угодно, среди этихъ золъ несчетное богатство, роскошный столъ, толпы рабовъ, знатность происхожденія, величіе власти, большая слава, знаменитость предковъ; вообще, не опусти ничего изъ того, что, повидимому, дѣлаетъ настоящую жизнь за-

видною, но тщательно собравъ все, противопоставь этой печали,— и ты даже не увидишь проявленія какого-либо удовольствія отъ всего этого, но оно исчезнетъ, какъ обыкновенно угасаетъ малая искра, попавъ въ огромное море. Такъ бываетъ, когда ревнуетъ мужъ; если же эта страсть овладѣетъ женою (что̀ бываетъ нерѣдко), то ему будетъ легче, нежели женѣ, а на эту несчастную падетъ еще больше горя; потому что она не можетъ пользоваться тѣмъ же оружіемъ противъ подозрѣваемаго. Кто согласится, по приказанію жены, сидѣть постоянно дома? Кто изъ слугъ осмѣлится наблюдать за господиномъ, не опасаясь тотчасъ быть вверженнымъ въ пропасть? Итакъ, она не можетъ ни утѣшать себя этими средствами, ни высказывать свой гнѣвъ словами, но однажды или дважды, можетъ быть, мужъ перенесетъ ея негодованіе; если же она будетъ постоянно продолжать свои упреки, то онъ скоро научитъ ее, что лучше молча переносить все и страдать. Все это бываетъ при подозрѣніяхъ; если же дѣйствительно случится такое горе, то никто не исхититъ жены изъ рукъ оскорбленнаго (мужа), и онъ, при помощи благопріятствующихъ ему законовъ, приведетъ свою возлюбленную въ судилище и погубитъ; мужъ же по законамъ избѣгаетъ наказанія, которое предоставляется высшему и Божественному суду. Но этого недостаточно для утѣшенія несчастной; ей предстоитъ подвергнуться медленной и жалкой смерти 576
отъ чаръ или отравъ, которыя приготовляютъ распутныя женщины. Бывали и такіе случаи, когда не было надобности и въ этихъ отравахъ для огорченныхъ женщинъ, но сами онѣ предупреждали и погибали отъ сильнаго горя. Такимъ образомъ, если бы даже всѣ мужчины прибѣгали къ браку, женщинамъ не надлежало искать его; ибо онѣ не могутъ сказать, что у нихъ бываетъ такая сила похоти, а бо̀льшую часть бѣдствій отъ брака пожинаютъ онѣ, какъ то доказала эта рѣчь. Что же, скажутъ, развѣ это бываетъ во всѣхъ бракахъ? Не во всѣхъ бываетъ, а отъ дѣвства всякаго далеко и очень далеко. Вступившая въ бракъ, если и не впадетъ въ несчастіе, то подвергнется ожиданію этого несчастія; намѣревающаяся вступить въ общеніе съ мужемъ не можетъ вмѣстѣ съ этимъ общеніемъ не ожидать и не опасаться бѣдъ; дѣвственница же избавлена не только отъ этихъ горестей, но и опасенія. Это бываетъ, (скажутъ), не во всѣхъ бракахъ. Я и не говорю этого, но если не бываетъ этого, то бываетъ многое другое; если кто избѣгнетъ и послѣдняго, то не можетъ избѣгнуть всего вообще. Но подобно тому, какъ бываетъ съ терніями, приставшими къ одеждамъ проходящаго около терновничныхъ оградъ, когда онъ повернется, чтобы отцѣпить одни, то покрывается многими другими: такъ и въ брачныхъ дѣлахъ—избѣжавшій одного вновь поражается

другимъ, уклонившійся отъ этого попадаетъ на третье, и вообще невозможно найти брака, свободнаго отъ всякаго неудовольствія.

53. Но, если угодно, оставивъ непріятности, представимъ и разберемъ теперь то, что въ бракѣ кажется вожделѣннымъ, и что многіе часто, или лучше сказать, всѣ желаютъ получить. Что это? То, чтобы бѣдному, низкому и презрѣнному, взять жену отъ людей великихъ, сильныхъ и владѣющихъ большимъ богатствомъ. Но мы найдемъ, что и это завидное состояніе сопряжено съ несчастіями не меньшими, какъ и то непріятное. Родъ человѣческій вообще склоненъ къ надменности, а женщины настолько болѣе, насколько онѣ слабѣе; поэтому онѣ больше предаются этой страсти; а когда есть много поводовъ къ надменности, то уже ничто не можетъ удержать ихъ; какъ пламень, охватившій какое нибудь вещество, такъ и онѣ поднимаются на невыразимую высоту, извращаютъ порядокъ и ниспровергаютъ все. Такая жена не позволяетъ мужу оставаться на мѣстѣ главы, но, по своему высокомѣрію и безумію свергнувъ его съ этого мѣста и низведши на принадлежащее ей—на мѣсто подчиненнаго, сама дѣлается главою и повелительницею. Что можетъ быть хуже этого безпорядка? Я умалчиваю объ укоризнахъ, оскорбленіяхъ и непріятностяхъ, которыя несноснѣе всего.

54. Если же кто скажетъ (я слышалъ многихъ говорившихъ это, когда происходили подобные разговоры): была бы только она богата и зажиточна, а переносить и укрощать ея высокомѣріе нисколько не трудно. Если кто такъ говоритъ, то, во-первыхъ, онъ не знаетъ, что это весьма трудно; во-вторыхъ, если это случится, то принесетъ не малый вредъ; потому что подчиненіе ея мужу по необходимости, со страхомъ и съ насиліемъ, тяжелѣе и непріятнѣе, нежели подчиненіе его полной ея власти. Почему? Потому что это насиліе изгоняетъ всякую дружбу и удовольствіе; если же не будетъ дружбы и любви, а вмѣсто этого страхъ и принужденіе, то какое значеніе будетъ имѣть бракъ?

55. Все это бываетъ тогда, когда жена богата; если же случится, что она ничего не имѣетъ, а мужъ богатъ, то она будетъ
577 служанкою, а не женою, свободная сдѣлается рабою, и потерявъ принадлежащую ей свободу, станетъ въ положеніе нисколько не лучше купленныхъ рабовъ; но захочетъ ли мужъ распутствовать, или пьянствовать, или привести на самое ложе ея множество распутныхъ женщинъ, она должна все терпѣть и допускать, или уйти изъ дома. И не только это ужасно, но и то, что при такомъ расположеніи мужа, она не можетъ свободно приказывать ни рабамъ, ни служанкамъ, но принуждена дѣлать и терпѣть все такъ, какъ бы живя среди чужихъ, пользуясь не принадлежащимъ ей и сожительствуя скорѣе съ господиномъ, чѣмъ съ мужемъ.

Если же кто захочетъ взять жену изъ равныхъ себѣ, то опять равночестность нарушается закономъ подчиненія, тогда какъ равномѣрность имуществъ располагаетъ ее равняться съ мужемъ. Что же можно сдѣлать, когда всюду такія неудобства? Не выставляй на видъ тѣ очень немногіе и рѣдкіе браки, которые избѣжали этого; о вещахъ нужно судить не по рѣдкимъ исключеніямъ, а по всегдашнимъ явленіямъ. Въ дѣвствѣ трудно быть этому, или лучше сказать, невозможно, а въ бракахъ трудно не быть этому.

56. Если въ счастливыхъ, повидимому, бракахъ происходятъ такія непріятности и несчастія, то что сказать о такихъ, которые признаются несчастными? Жена боится не одной только своей смерти, хотя она должна однажды умереть, и заботится не объ одной душѣ, хотя имѣетъ одну душу, но боится за мужа, боится за дѣтей, боится за ихъ женъ и опять за дѣтей, и чѣмъ больше корень пускаетъ вѣтвей, тѣмъ больше умножаются ея заботы; если у каждаго изъ нихъ случится или недостатокъ въ деньгахъ, или тѣлесная болѣзнь, или что-нибудь другое нежелательное, то ей нужно мучиться и печалиться не меньше самихъ страждущихъ. Если они всѣ умрутъ прежде нея, то для ней невыносимое страданіе; если одни останутся, а другіе скончаются преждевременною смертію, и тогда для ней не будетъ чистаго утѣшенія; потому что страхъ за живыхъ, постоянно потрясающій душу, бываетъ не легче печали объ умершихъ и даже, если можно сказать нѣчто удивительное, еще тяжелѣе. Время смягчаетъ скорбь объ умершихъ, а заботы о живыхъ неизбѣжно остаются всегда, или прекращаются только смертію. Если же мы не имѣемъ силъ для перенесенія собственныхъ страданій, то какую жизнь проводить будемъ мы, поставленные въ необходимость оплакивать несчастія другихъ? Многія, нерѣдко происходящія отъ знаменитыхъ родителей и воспитавшіяся въ большой роскоши, были выдаваемы за кого-нибудь изъ весьма знатныхъ мужей, а потомъ вдругъ, прежде наслажденія счастіемъ, отъ какой-нибудь опасности, какъ бы отъ бури или налетѣвшаго вѣтра, погибали, подвергшись ужасамъ кораблекрушенія, и тѣ, которыя наслаждались до замужества безчисленными благами, вслѣдствіе брака впадали въ крайнее несчастіе. Но это, скажутъ, бываетъ не со всѣми и не всегда. Отъ всѣхъ это недалеко (повторяю опять то же), но одни испытали это на себѣ, а тѣ, которые избѣжали такого опыта, страдали отъ ожиданія того же. Между тѣмъ всякая дѣвственница выше такого и испытанія и ожиданія.

57. Впрочемъ, оставивъ это, если угодно, теперь разсмотримъ то, что естественно сопряжено съ бракомъ и чего никто волею или неволею не можетъ избѣжать. Что же это? Муки чревоноше-

нія и рожденія и воспитаніе дѣтей. Или лучше, начнемъ рѣчь выше и изложимъ тò, чтò предшествуетъ браку, по возможности,
578 ибо въ точности знаютъ только тѣ, которые испытали это. Настало время сватовства, и тотчасъ являются безпрерывныя и разнообразныя заботы: какого (дочь) получитъ мужа, не низкаго ли по происхожденію, или безчестнаго, или самолюбиваго, или лживаго, или гордаго, или дерзкаго, или ревниваго, или мелочнаго, или глупаго, или порочнаго, или грубаго, или слабаго. Хотя не со всѣми выходящими замужъ необходимо случается все это, но необходимо подумать и позаботиться обо всемъ; такъ какъ суженый еще неизвѣстенъ, и надежда еще сомнительна, то душа всего боится и опасается и размышляетъ обо всемъ этомъ. Если же кто скажетъ, что она можетъ радоваться, ожидая противнаго, то пусть знаетъ, что насъ не столько утѣшаютъ надежды на лучшее, сколько печалятъ ожиданія худшаго. Радость бываетъ только тогда, когда кто навѣрно ожидаетъ добраго; а дурное, хотя бы только было воображаемо, тотчасъ смущаетъ и безпокоитъ душу. Какъ у невольниковъ душа не можетъ быть спокойною отъ неизвѣстности о будущихъ господахъ, такъ и у дѣвицъ во все время сватовства душа уподобляется обуреваемому кораблю, пока родители ежедневно однихъ принимаютъ, другимъ отказываютъ; вчера одержавшаго верхъ сегодня перебиваетъ другой женихъ, а этого опять вытѣсняетъ иной. Случается, что предъ самыми дверьми брака обнадеженный женихъ уходитъ съ пустыми руками, а неожиданному родители отдаютъ свою дочь. И не только женщины, но и мужчины имѣютъ тогда тяжкія заботы. О послѣднихъ можно и развѣдать все, а какъ узнать нравы и наружность той, которая постоянно держится внутри дома? Это во время сватовства; а когда настаетъ время брака, то безпокойство увеличивается, и удовольствіе преодолѣвается опасеніемъ, какъ бы въ этотъ же вечеръ она не оказалась непріятною и съ бóльшими противъ ожиданія недостатками. Для той, которая сначала нравилась, сносно быть впослѣдствіи презираемою; а которая съ самаго, такъ сказать, перваго шага покажется непріятною, та когда потомъ можетъ понравиться? Не говори мнѣ: а что, если она окажется благообразною? Даже и въ этомъ случаѣ она не избавляется отъ заботы. Многія, весьма блиставшія тѣлесною красотою, не могли привлечь къ себѣ своихъ мужей, которые, оставивъ ихъ, предавались другимъ, гораздо худшимъ ихъ. Когда окончилась и эта забота, тогда является другое неудовольствіе при отдачѣ приданаго; тесть не съ охотою отдаетъ то, что назначилъ въ приданое; женихъ, хотя спѣшитъ получить все, но принужденъ требовать уплату съ почтеніемъ, а жена, пристыженная отсрочкою уплаты, краснѣетъ предъ мужемъ

болѣе всякаго неисправнаго должника. Но оставляю это теперь. Когда окончилась и эта забота, тотчасъ является опасеніе безчадія, и напротивъ того—забота о многочадіи; но такъ какъ ничего такого еще не видно, то съ самаго начала они тревожатся заботами о томъ и другомъ. Если она тотчасъ сдѣлается беременною, то опять—радость со страхомъ (ибо ни одно изъ удовольствій брака не бываетъ безъ страха), со страхомъ того, чтобы отъ преждевременныхъ родовъ зачатое не потерпѣло вреда, а зачавшая не подверглась крайней опасности. Въ теченіе продолжительной беременности женщина бываетъ несмѣлой, какъ виновница рожденія. Когда же наступитъ время родовъ, тогда чрево, столько времени обремененное, разверзаютъ и какъ бы расторгаютъ муки рожденія, 579
которыя одни могутъ достаточно затьмить всѣ удовольствія брака. Вмѣстѣ съ тѣмъ ее безпокоятъ и другія заботы. Жалкая и скорбная женщина, хотя уже сильно измученная прежними страданіями, не менѣе того боится, чтобы ребенокъ не вышелъ поврежденнымъ и уродливымъ вмѣсто правильнаго и здороваго, и чтобы не былъ женскаго пола вмѣсто мужескаго. Это томленіе возмущаетъ женщинъ тогда не менѣе мукъ рожденія; ибо не только за то, чего онѣ бываютъ причиною, но и за то, въ чемъ они не служатъ причиною, онѣ боятся мужей, и за послѣднее не меньше, чѣмъ за первое, и не обращая вниманія въ этой бурѣ на собственную безопасность, безпокоятся, чтобы не произошло чего-нибудь непріятнаго для мужа. Когда дитя явилось на землю и произнесло первый крикъ, то слѣдуютъ новыя заботы, о сохраненіи и воспитаніи его. Если оно будетъ съ хорошими природными качествами и склонно къ добродѣтели, то родителямъ опять безпокойство, чтобы дитя не потерпѣло какого-нибудь зла, чтобы не умерло преждевременною смертію, чтобы не впало въ какой-нибудь порокъ. Ибо не только изъ дурныхъ дѣлаются хорошими, но и изъ хорошихъ дѣлаются дурными и порочными. Если случится что-нибудь неожиданное, то печаль родителей будетъ невыносимѣе, чѣмъ если бы это произошло съ самаго начала; если же все хорошее будетъ поставлено прочно, то у нихъ всегда остается опасеніе перемѣны, потрясая ихъ душу и лишая значительной части удовольствія. Но, (скажешь), не у всѣхъ брачныхъ бываютъ дѣти. Этимъ ты указываешь еще и на другую причину унынія. Итакъ, если (брачные) всегда, — есть ли у нихъ дѣти, или нѣтъ, хороши ли они, или дурны, — бываютъ удручены разными печалями и заботами, то можно ли назвать брачную жизнь наиболѣе пріятною? Далѣе: если супруги живутъ во взаимномъ согласіи, (является) опасеніе, чтобы наступившая смерть не разрушила ихъ удовольствія; а лучше сказать, это уже не только страхъ и ожидаемое бѣдствіе, но неизбѣж-

ная необходимость. Никто не можетъ указать, чтобы оба (супруги), умирали когда-либо въ одинъ день; если же этого не бываетъ, то оставшемуся необходимо переносить жизнь, которая гораздо хуже смерти, жили ли они вмѣстѣ долго, или мало. Тотъ, чѣмъ больше испыталъ, тѣмъ больше имѣетъ горя, ибо большая привычка дѣлаетъ разлуку невыносимою, а этотъ, прежде чѣмъ вкусить и насладиться любовію, лишился ея въ самомъ разгарѣ страсти, почему испытываетъ тѣмъ болѣе скорби, и такимъ образомъ оба, по противоположнымъ причинамъ, подвергаются одинаково тяжкимъ скорбямъ. А что сказать о случающихся иногда разлукахъ, о далекихъ путешествіяхъ, о происходящихъ отъ этого томленіяхъ, о болѣзняхъ? Но какъ, скажутъ, это относится къ браку? И отъ этой причины весьма часто многія (жены) заболѣвали; огорчившись и раздражившись то отъ гнѣва, то отъ унынія, онѣ получали сильныя горячки. Если въ присутствіи (мужа) онѣ не терпятъ ничего такого, но постоянно наслаждаются его ласками, то вслѣдствіе его отсутствія подвергаются этимъ страданіямъ. Впрочемъ, оставимъ все это, и ни въ чемъ не будемъ обвинять бракъ, и однако мы не можемъ защитить его отъ одной вины. Отъ какой же? Отъ той, что онъ здороваго человѣка повергаетъ въ состояніе нисколько не лучшее больного и причиняетъ ему уныніе такое же, какъ лежащему въ болѣзни.

58. Не будемъ, если угодно, говорить обо всемъ этомъ и пред-
580 положимъ на словахъ невозможное; допустимъ, что бракъ имѣетъ всѣ вообще блага: многочадіе, добрыхъ дѣтей, богатство, у жены цѣломудріе, красоту, благоразуміе, согласіе, жизнь до глубокой старости; пусть будетъ при этомъ и знатность происхожденія и величіе власти и не тревожитъ общая естественная слабость—опасеніе перемѣны всего этого, пусть будетъ удалена всякая причина унынія, всякій поводъ къ заботѣ и безпокойству, и ни другая какая-либо причина, ни преждевременная смерть не расторгаетъ брака, но пусть оба они умираютъ въ одинъ день, или, чтó гораздо пріятнѣе, пусть останутся у нихъ наслѣдниками дѣти, и похоронятъ обоихъ родителей вмѣстѣ въ глубокой старости. Какой же будетъ конецъ? Съ какою пользою отъ этихъ многихъ удовольствій они отойдутъ туда? Оставить много дѣтей, наслаждаться съ хорошею женою роскошью и всѣми другими благами, которыя я сейчасъ исчислилъ, и достигнуть глубокой старости, какую все это можетъ намъ принести пользу на томъ судилищѣ въ виду вѣчныхъ и истинныхъ благъ? Никакой. Все это тѣнь и сновидѣніе. Если же отъ этого мы не можемъ получить никакой пользы въ ожидающихъ насъ и не имѣющихъ конца вѣкахъ, и никакого имѣть утѣшенія, то наслаждавшійся этимъ долженъ будетъ стать наравнѣ съ тѣми, которые не

наслаждались. Такъ, если бы кто въ продолженіе тысячи лѣтъ въ одну только ночь увидѣлъ пріятное сновидѣніе, то и о немъ мы не сказали бы, что онъ имѣетъ какое-либо преимущество предъ тѣмъ, кто не наслаждался такимъ видѣніемъ. Впрочемъ, этимъ я еще не выразилъ всего, что̀ хотѣлъ; ибо здѣшнія блага не столько отличаются отъ тамошнихъ, сколько сновидѣнія отъ дѣйствительности, но гораздо больше; и не такъ настоящій вѣкъ относится къ будущему, какъ одна ночь къ тысячи лѣтъ, но и здѣсь разница гораздо больше. Дѣла же дѣвственницы не таковы, но она отходитъ туда съ великимъ богатствомъ; впрочемъ, начнемъ изслѣдованіе объ этомъ выше.

59. Нѣтъ ей нужды развѣдывать о женихѣ, не боится она и какого-нибудь обмана. Богъ—не человѣкъ, Владыка—не рабъ. Такова разница между женихами; посмотри еще, на какихъ условіяхъ здѣсь вступаютъ въ бракъ. Ни невольники, ни десятины земли, ни столько-то и столько-то талантовъ золота, но небеса и небесныя блага—подарки такой невѣстѣ. Притомъ другая вступившая въ бракъ боится смерти, какъ по инымъ причинамъ, такъ и потому, что смерть разлучаетъ ее съ супругомъ, а дѣвственница даже желаетъ смерти и тяготится жизнію, поспѣшая видѣть Жениха лицомъ къ лицу и насладиться тою славою.

60. Не можетъ причинить ей вреда ни житейская бѣдность, какъ это бываетъ въ другомъ бракѣ, но дѣлаетъ ее еще болѣе любезною для Жениха, какъ претерпѣвающую эту бѣдность добровольно, ни происхожденіе отъ незнатныхъ родителей, ни недостатокъ тѣлесной красоты, ни другое что-либо подобное. Что я говорю объ этомъ? Если даже она будетъ не свободною, и это не можетъ повредить ей при сватовствѣ: достаточно имѣть прекрасную душу, чтобы получить первенство. Ей не предстоитъ бояться ревности, не предстоитъ мучиться завистію къ другой женщинѣ, какъ сопрягающейся съ болѣе славнымъ мужемъ; потому что нѣтъ никого, не только подобнаго или равнаго ея Жениху, но даже хотя мало приближающагося къ Нему; въ другомъ же бракѣ, если которая будетъ имѣть и очень богатаго и весьма знатнаго мужа, всегда можетъ найтись другая, имѣющая еще болѣе знатнаго, а превосходство большаго не мало уменьшаетъ удовольствіе обладанія 581
менѣе превосходнымъ. Но (скажутъ) большая роскошь и обиліе золота, одеждъ, столовыхъ и другихъ вещей можетъ прельщать и привлекать душу. А много ли женщинъ наслаждаются этимъ? Большая часть людей живетъ въ бѣдности, горестяхъ и трудахъ; если же нѣкоторыя пользуются такими благами, то очень немногія и рѣдкія, и тѣ противъ воли Божіей: какъ мы доказали въ вышесказанномъ, Онъ никому не дозволяетъ наслаждаться этимъ.

61. Впрочемъ, предположимъ на словахъ, что роскошь дозволяется и что ни пророкъ, ни Павелъ не осуждаютъ украшающихся женщинъ. Какая польза отъ множества золотыхъ вещей? Ничего иного, кромѣ зависти, заботы и немалаго страха; ибо владѣющія ими тревожатся заботами не только тогда, когда эти вещи положены въ ящичекъ или когда наступаетъ ночь, но и когда надѣваютъ ихъ въ дневное время, онѣ также испытываютъ безпокойство и даже худшее. И въ баняхъ, и въ церквахъ являются женщины, которыя похищаютъ ихъ; а часто и безъ послѣднихъ носящія золотыя вещи, подвергаясь стѣсненію и толчкамъ отъ толпы, не замѣчаютъ, какъ теряется какая нибудь изъ ихъ золотыхъ вещей. Такимъ образомъ многія женщины не только такихъ вещей, но даже болѣе цѣнныхъ ожерелій, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, лишались просто вслѣдствіе того, что эти вещи оторвавшись терялись.

62. Но пусть не будетъ и этого опасенія; пусть устранена будетъ и эта забота; какая отъ того польза? Другой, скажутъ, увидитъ и будетъ восхищаться. Но не тою, которая украшена, а самыми украшеніями, ее же часто и осудитъ за это, какъ украшающуюся ими не по достоинству. Если она красива, то вредитъ природной красотѣ; ибо множество украшеній не даетъ ей выказаться вполнѣ, закрывая большую часть ея самой; если же она некрасива и безобразна, то покажетъ себя еще болѣе отвратительною. Безобразіе, всегда являющееся въ своемъ видѣ, оказывается только такимъ, каково оно есть; а когда его окружаетъ блескъ камней или красота какого-нибудь другого вещества, то безобразіе достигаетъ большей степени. Чернота тѣла кажется чернѣе въ сравненіи съ блескомъ жемчужины, сверкающей какъ бы во мракѣ; уродливость лица представляется гораздо хуже отъ цвѣтной одежды, которая не допускаетъ зрителей смотрѣть на лицо въ собственномъ его видѣ, но въ сравненіи съ изящною красотою издѣлій, отъ чего оно еще болѣе посрамляется. Золото, разсыпанное по одеждѣ, пестрота разныхъ издѣлій и всякія прочія украшенія, подобно доблестному, сильному и здоровому ратоборцу, повергающему больного, изнуреннаго и голоднаго, побѣждая наружность лица увѣшанной ими, привлекаютъ вниманіе зрителей къ себѣ самимъ и заставляютъ больше надъ ней смѣяться, а имъ оказывать большее удивленіе.

63. Не таково украшеніе дѣвства. Оно не безобразитъ облекающуюся въ него; потому что все оно не тѣлесное, а духовное; и потому, если она некрасива, оно тотчасъ измѣняетъ безобразіе въ изящную красоту; если же она красива и блестяща, то при-
582 даетъ ей еще болѣе блеска. Ни камни и золото, ни драгоцѣнность одеждъ и дорогіе разнообразные цвѣта красокъ, и ничто иное изъ подобныхъ тлѣнныхъ вещей не украшаетъ душъ, но вмѣсто этого—

посты, священныя всенощныя бдѣнія, кротость, скромность, бѣдность, мужество, смиренномудріе, терпѣніе, презрѣніе всѣхъ вообще предметовъ настоящей жизни. Взоръ дѣвственницы такъ прекрасенъ и привлекателенъ, что на него съ любовію взираютъ безплотныя силы и Господь ихъ,—такъ чистъ и проницателенъ, что можетъ созерцать, вмѣсто тѣлесныхъ, безтѣлесныя красоты, — такъ незлобивъ и кротокъ, что не озлобляется и не враждуетъ даже противъ непрестанно обижающихъ и оскорбляющихъ, но и на нихъ смотритъ пріятно и ласково. Ее облекаетъ такая благопристойность, что даже распутные стыдятся, краснѣютъ и сдерживаютъ свое безстыдство, когда пристально посмотрятъ на нее. Какъ служанка, служащая порядочной женщинѣ, необходимо и сама дѣлается такою же, хотя бы и не желала этого; такъ и плоть такой любомудрой души необходимо сообразуетъ и собственные порывы съ ея движеніями. У нея и глазъ, и языкъ, и осанка, и походка и вообще все имѣетъ отпечатокъ внутренняго благоустройства; и какъ драгоцѣнное мѵро, хотя бы заключено было въ сосудѣ, наполняя воздухъ своимъ благовоніемъ, доставляетъ удовольствіе не только стоящимъ въ томъ же мѣстѣ и вблизи, но и всѣмъ стоящимъ поодаль, такъ и благоуханіе дѣвственной души, разливаясь по ея чувствамъ, проявляетъ находящуюся внутри ея добродѣтель, которая, налагая на всѣ чувства золотую узду благопристойности, удерживаетъ всѣхъ этихъ коней въ полной исправности и не дозволяетъ ни языку говорить что-нибудь неблагозвучное и нестройное, ни глазу смотрѣть безстыдно и подозрительно, ни слуху воспринимать какія-нибудь непристойныя пѣсни. Она заботится и о ногахъ, чтобы онѣ не выступали безпорядочно и неестественно, но имѣли походку неизысканную и безъискусственную; отвергнувъ украшенія въ одеждахъ, она постоянно располагаетъ и лице не расплываться отъ смѣха, и даже слегка не улыбаться, но всегда являться степеннымъ и строгимъ, всегда готовымъ къ слезамъ и никогда—къ смѣху.

64. Услышавъ о слезахъ, не подразумѣвай здѣсь какого-нибудь огорченія; эти слезы доставляютъ такое удовольствіе, какого не имѣетъ смѣхъ здѣшняго міра. Если не вѣришь, то послушай Луку, который говоритъ, что апостолы, принявъ побои, *идяху радующеся отъ лица собора* (Дѣян. v, 40, 41), хотя не таковы естественныя послѣдствія побоевъ; ибо обыкновенно они производятъ не удовольствіе и радость, а скорбь и страданія. Не таково естественное дѣйствіе побоевъ, но вѣра во Христа такова, что она побѣждаетъ даже природу вещей. Если побои за Христа доставили удовольствіе, то что удивительнаго, если производятъ тоже и слезы за Него? Посему Онъ тотъ самый путь, который назвалъ тѣснымъ

и скорбнымъ, потомъ называетъ игомъ благимъ и бременемъ легкимъ (Матѳ. VII, 13. XI, 30). Этотъ подвигъ по свойству своему столь труденъ, но по ревности и благимъ надеждамъ совершающихъ его онъ дѣлается весьма легкимъ. Посему можно видѣть, что по узкому и скорбному пути избравшіе его идутъ съ большею бодростію, нежели по широкому и пространному, не потому, чтобы они не встрѣчали скорбей, но потому, что они выше этихъ скорбей, и не терпятъ отъ нихъ ничего такого, что́ обыкновенно терпятъ другіе. И эта жизнь (дѣвственницъ) имѣетъ печали, но въ сравне-
583 ніи съ брачными, ихъ нельзя и назвать печалями.

65. Скажи мнѣ, испытываетъ ли дѣвственница во всю свою жизнь что-нибудь подобное тому, что испытываетъ, такъ сказать, ежегодно, вступившая въ бракъ, терзаясь муками и воплями при родахъ? Сила этихъ мукъ такова, что, когда божественное Писаніе желаетъ иносказательно выразить плѣнъ, голодъ, язву и невыносимыя бѣдствія, то называетъ все это муками рожденія. Это самое и Богъ назначилъ женѣ вмѣсто наказанія и проклятія, то есть, не самое рожденіе, но рожденіе съ такими трудами и муками. *Въ болѣзнехъ*, сказалъ Онъ, *родиши чада* (Быт. III, 16). Дѣвственница же стоитъ выше этихъ мукъ и проклятія; Тотъ, кто освободилъ (насъ) *отъ клятвы законныя* (Гал. III, 13), освободилъ и ее отъ этого.

66. Но (скажутъ) пріятно нестись по площади на лошакахъ. Это—только одно лишнее тщеславіе, не приносящее никакого удовольствія; какъ мракъ не лучше свѣта, какъ быть связаннымъ не лучше, чѣмъ развязаннымъ, какъ нуждаться во многомъ не лучше, чѣмъ не нуждаться ни въ чемъ, такъ и не пользующаяся собственными ногами не лучше (пользующихся). Я опускаю тѣ затрудненія, которыя неизбѣжно испытываются при этомъ. Ей можно выходить изъ дома не тогда, когда она захочетъ, но часто, когда настоятельная нужда требуетъ выхода, она принуждена оставаться дома, подобно нищимъ, у которыхъ отсѣчены ноги и которые не могутъ двигаться. Если мужъ дастъ лошакамъ другое назначеніе, тогда является уныніе, ссора и упорное молчаніе; если же сама она, не предвидя будущаго, сдѣлаетъ тоже самое, забывъ о мужѣ, то навлекаетъ его гнѣвъ на себя и постоянно терзается укоризнами отъ него. Сколько лучше было бы, пользуясь своими ногами (на это ихъ намъ и далъ Богъ), не подвергаться такимъ непріятностямъ, чѣмъ, по склонности къ роскоши, имѣть столько мученій, скорби и унынія! И не однѣ эти причины удерживаютъ ее дома, но если случится болѣзнь ногъ, у обоихъ ли лошаковъ или у одного изъ нихъ, бываетъ тоже самое; также, когда случится отправить ихъ на пастбище (а это бываетъ ежегодно и на много дней),

то опять ей необходимо оставаться дома, какъ связанной, и не выходить изъ дома, хотя бы даже была необходимая надобность. Если же кто скажетъ, что она чрезъ это избавляется отъ множества встрѣчныхъ и не бываетъ обязана показываться и стыдиться предъ каждымъ изъ знакомыхъ, тотъ, мнѣ кажется, совершенно не знаетъ, чтó устраняетъ и чтó навлекаетъ на женскій полъ стыдъ. Это зависитъ не отъ того, показывается ли она или скрывается, но послѣднее отъ внутренней душевной гордости, а первое отъ цѣломудрія и скромности. Посему многія, не имѣя этой ограды и ходя среди толпы по площади, не только не навлекли на себя осужденій, но даже возбуждали во многихъ удивленіе ихъ цѣломудрію, и своею осанкою, и походкою, и простотою одежды обнаруживая свѣтъ внутренней благопристойности; а многія, и сидя внутри, навлекли на себя дурную славу; потому что можно и скрывшейся, болѣе показывающихся, обнаружить для желающихъ свою гордость и надменность.

67. Но, можетъ быть, пріятна толпа служанокъ? Ничего нѣтъ хуже этого удовольствія, сопряженнаго съ такими заботами; о каждой изъ нихъ, въ случаѣ ея болѣзни или смерти, нужно безпокоиться и скорбѣть. Но если это можетъ быть сносно, то гораздо непріятнѣе тревожиться ежедневно, исправляя ихъ нерадивость, прекращая неисправность, пресѣкая неблагодарность и оста- 584
навливая всякіе другіе ихъ пороки; а всего хуже то,—что обыкновенно случается при множествѣ прислуги—если въ толпѣ этихъ служанокъ окажется благообразная. Это непремѣнно должно случиться при множествѣ ихъ; потому что богачи стараются имѣть не только многихъ, но также и красивыхъ служанокъ. Если какая-нибудь изъ нихъ будетъ блистать (красотой), то привлечетъ ли она къ себѣ господина любовію, или будетъ не больше, какъ предметомъ восхищенія, для госпожи одинаково бываетъ прискорбно уступать ей если не въ любви, то въ тѣлесной красотѣ и вниманіи другихъ. Итакъ, если то, чтó у нихъ считается славнымъ и радостнымъ, причиняетъ такія скорби, то что сказать о печальномъ?

68. Дѣвственница же не испытываетъ ничего такого; жилище ея свободно отъ безпорядка, и всякій шумъ далекъ отъ него; внутри его, какъ въ тихой пристани, господствуетъ молчаніе, и еще важнѣе молчанія—безмятежность въ ея душѣ, которая не занимается ничѣмъ человѣческимъ, но постоянно бесѣдуетъ съ Богомъ и неуклонно взираетъ на Него. Кто измѣритъ это удовольствіе? Какое слово изобразитъ радость души, такъ настроенной? Никакое; одни только тѣ, которые полагаютъ свою радость въ Господѣ, знаютъ, какъ велика эта радость и насколько она превосходитъ всякое сравненіе. Большое количество серебра (ска-

жутъ), всюду видимое, доставляетъ глазамъ большое наслажденіе. Но не гораздо ли лучше взирать на небо и оттуда почерпать гораздо большее удовольствіе? Насколько золото лучше олова и свинца, настолько небо свѣтлѣе и блестящѣе золота и серебра и всякаго другого вещества; притомъ это созерцаніе свободно отъ заботъ, а то соединено съ великимъ безпокойствомъ, что всегда причиняетъ большой вредъ вожделѣніямъ. Но ты не хочешь взирать на небо? Тебѣ дозволительно смотрѣть на серебро, находящееся на площади. *Къ сраму вамъ глаголю* (1 Кор. VI, 5), словами блаженнаго Павла, что вы такъ преданы страсти къ деньгамъ! Не знаю, что и сказать: меня при этомъ очень затрудняетъ недоумѣніе, и я не могу понять, почему весь, такъ сказать, родъ человѣческій, имѣя возможность наслаждаться чѣмъ-нибудь легко и свободно, не находитъ въ томъ удовольствія, а утѣшается больше всего заботами, безпокойствами и хлопотами? Почему людей не такъ радуетъ серебро, лежащее на рынкѣ, какъ лежащее дома? Между тѣмъ первое и блеститъ свѣтлѣе и избавляетъ душу отъ всякой заботы. Потому, скажешь, что то не мое, а это мое. Слѣдовательно, удовольствіе доставляется корыстолюбіемъ, а не самымъ серебромъ; если бы было послѣднее, то одинаково можно было бы имъ наслаждаться и тамъ. Если же ты скажешь, (что оно пріятно) по своей пользѣ, то стекло гораздо полезнѣе; это могутъ сказать и сами богачи, большею частію приготовляющіе чаши изъ этого вещества; хотя они, увлекаясь роскошью, употребляютъ на это и серебро, но напередъ влагаютъ внутрь стекло, а потомъ снаружи окружаютъ его серебромъ, показывая этимъ, что первое пріятнѣе и пригоднѣе для питья, а второе служитъ только гордости и излишнему тщеславію. Что же вообще значитъ „мое“ и „не мое“? Когда я тщательно вникаю въ эти слова, то усматриваю, что это только пустыя слова. Многіе еще при жизни не могли удержать это серебро, ускользнувшее изъ ихъ власти, а тѣ, у кого оно оставалось до конца, при смерти волею-неволею лишились обладанія имъ. Что слова: „мое и не мое“ только пустые звуки, это можно сказать не только по отношенію къ серебру и золоту,
585 но и къ банямъ, и къ садамъ, и къ домамъ. Пользуются ими всѣ вообще, а считающіеся владѣльцами ихъ имѣютъ только то преимущество предъ другими, что заботятся объ нихъ. Одни только пользуются ими, а другіе послѣ многихъ заботъ получаютъ тоже самое, что́ тѣ—безъ заботъ.

69. Если же кто восхищается большою роскошью, напримѣръ, множествомъ битаго мяса, избыткомъ выпиваемаго вина, изысканностію печеній, искусствомъ трапезниковъ и поваровъ, толпою сотрапезниковъ и гостей, тотъ пусть знаетъ, что состояніе богачей

при этомъ нисколько не лучше состоянія самихъ поваровъ. Какъ послѣдніе боятся господъ, такъ господа боятся званыхъ (гостей), чтобы не быть осужденными за что-нибудь изъ приготовленнаго ими съ большимъ трудомъ и издержками. Въ этомъ они равняются съ поварами, а въ другомъ даже превышаютъ ихъ; потому что боятся не только хулителей, но и завистниковъ. Часто у многихъ отъ такихъ пировъ зараждалась зависть, которая успокоивалась не прежде, какъ подвергнувъ ихъ крайнимъ опасностямъ. Но (скажутъ) пріятно кушать много и часто. Нѣтъ, отъ этой роскоши происходятъ головныя боли, разстройство желудка, одышка, затмѣніе въ глазахъ, обмороки, умопомраченіе и другія худшія болѣзни. И о если бы эта неумѣренность и вредъ отъ нея ограничивались только однодневными непріятностями! Нѣтъ, большая часть неизлечимыхъ болѣзней начинается отъ этихъ пиршествъ; подагра, чахотка, истощеніе, параличъ и многія другія еще тягчайшія болѣзни, внѣдрившись въ тѣлѣ, удручаютъ его до послѣдняго издыханія. Какое же можно найти удовольствіе, вознаграждающее за всѣ эти бѣдствія? Какую суровую жизнь не предпочтетъ каждый, чтобы избѣжать всего этого?

70. Не такова умѣренность, но она далека отъ всѣхъ этихъ золъ, и способствуетъ здоровью и благополучію. Если даже кто ищетъ удовольствія, то при ней онъ получитъ его больше, чѣмъ при роскоши; и во-первыхъ отъ того, что она доставляетъ здоровье и избавляетъ отъ всѣхъ тѣхъ болѣзней, изъ которыхъ каждая сама по себѣ способна затмить и даже совершенно уничтожить всякое удовольствіе, а во-вторыхъ—отъ самой пищи. Какимъ образомъ? Причиною удовольствія бываетъ аппетитъ; а аппетитъ возбуждается не пресыщеніемъ и избыткомъ, но нуждою и недостаткомъ (пищи). Онъ всегда бываетъ не на пирахъ богачей, но у бѣдныхъ, лучше всякаго трапезника и повара прибавляя къ приготовленной пищѣ много меда. Богатые ѣдятъ, не чувствуя голода, и пьютъ, не имѣя жажды, и ложатся спать прежде, нежели придетъ къ нимъ сильная нужда во снѣ; бѣдные же не прежде приступаютъ ко всему этому, какъ настанетъ потребность, чѣмъ болѣе всего возвышается удовольствіе. Почему, скажи мнѣ, Соломонъ называетъ сонъ раба сладкимъ, говоря такъ: *сонъ сладокъ работающему, аще мало или много снѣстъ* (Екк. v, 11)? Потому ли, что ложе его мягко? Но рабы большею частью спятъ на землѣ или на соломѣ. Или отъ свободы? Но они не владѣютъ ни малѣйшею частію времени. Или отъ досуга? Но они находятся постоянно въ трудахъ и заботахъ. 586
Что же дѣлаетъ для нихъ сонъ пріятнымъ, какъ не то, что они прежде почувствуютъ нужду въ немъ и потомъ предаются ему? А богатые, если ночь не застанетъ ихъ погрузившимися въ сонъ

отъ опьянѣнія, по необходимости постоянно страдаютъ безсонницею, вертятся и томятся, лежа на мягкихъ постеляхъ.

71. Можно было бы еще показать на непріятность, и вредъ, и срамъ въ тѣхъ болѣзняхъ, которыя происходятъ (отъ роскоши) въ душѣ гораздо болѣе и хуже, чѣмъ въ тѣлѣ. Она дѣлаетъ людей изнѣженными, женоподобными, дерзкими, тщеславными, невоздержными, надменными, безстыдными, раздражительными, жестокими, подлыми, корыстолюбивыми, низкими, и вообще неспособными ни къ чему полезному и необходимому; умѣренность же производитъ все противоположное этому. Но теперь надобно обратить рѣчь на другой предметъ; прибавивъ это одно, потомъ мы опять займемся апостольскими словами. Если кажущееся радостнымъ исполнено такихъ золъ, и навлекаетъ такой потокъ болѣзней на душу и тѣло, то что сказать о печальномъ, напримѣръ о страхѣ предъ начальниками, о нападеніяхъ народа, о козняхъ клеветниковъ и завистниковъ, что̀ въ особенности окружаетъ богачей, отъ чего и жены еще больше должны страдать, не имѣя силъ переносить такихъ превратностей мужественно?

72. Что я говорю о женахъ? И сами мужья жалкимъ образомъ страдаютъ отъ этого. Кто живетъ умѣренно, тотъ не боится никакой перемѣны; а кто роскошествуетъ въ этой невоздержной и разсѣянной жизни, тотъ, если ему придется по какому-нибудь несчастію или принужденію, подвергнуться бѣдности, скорѣе умретъ, нежели вынесетъ такую перемѣну, какъ не приготовленный и не привыкшій къ этому. Посему блаженный Павелъ и говорилъ: *скорбь же плоти имѣти будутъ таковые, азъ же вы щажду*. За тѣмъ далѣе онъ говоритъ: *время прекращено есть прочее* (1 Кор. VII, 28. 29).

73. Какъ это,—можетъ быть, скажетъ кто-нибудь,—относится къ браку? Даже очень относится къ нему. Если онъ ограничивается настоящею жизнію, а въ будущей *ни женятся, ни посягаютъ* (Марк. XII, 25); настоящій же вѣкъ приходитъ къ концу и воскресеніе уже при дверяхъ, то теперь время не браковъ и не пріобрѣтеній, но скудости и всякаго любомудрія, которое будетъ намъ полезно тамъ. Какъ дѣва, пока остается дома съ матерью, много заботится о дѣтскихъ вещахъ и о лежащемъ въ ящичкѣ, поставленномъ ею въ кладовой, и ключъ сама держитъ при себѣ и всѣмъ распоряжается, и столько заботится о сохраненіи малыхъ и пустыхъ вещей, сколько управляющіе великими дѣлами; а когда нужно выходить замужъ, и время брака заставляетъ ее оставить родительскій домъ, тогда она, отрѣшившись отъ малаго и ничтожнаго, по необходимости начинаетъ заботиться объ управленіи домомъ и множествомъ имущества и рабовъ, объ угожденіи мужу и

о другомъ важномъ болѣе прежняго: такъ и намъ, достигающимъ совершеннаго и мужескаго возраста, должно оставить все земное, эти поистинѣ дѣтскія игрушки, и помышлять о небѣ, блескѣ и всей славѣ тамошней жизни. Ибо и мы обручены Жениху, Который желаетъ отъ насъ такой любви, чтобы мы для Него отказались, если нужно, не только отъ малозначительныхъ и ничтожныхъ земныхъ благъ, но и отъ самой души. Итакъ, если намъ должно отправляться туда, отрѣшимся отъ этихъ ничтожныхъ заботъ;
и переходя изъ бѣднаго дома въ царскій чертогъ, мы не стали бы 587
заботиться о глиняныхъ сосудахъ, дровахъ, рухляди и другихъ бѣдныхъ домашнихъ вещахъ. Перестанемъ же теперь заботиться о земномъ; время уже призываетъ насъ къ небу, какъ и говорилъ блаженный Павелъ въ посланіи къ римлянамъ: *нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ. Нощь прейде, а день приближися* (Римл. XIII, 11, 12). И еще: *время прекращено есть прочее, да имущіи жены, якоже не имущіи будутъ* (1 Кор. VII, 29). Къ чему же бракъ для тѣхъ, которые не будутъ наслаждаться бракомъ, но будутъ наравнѣ съ безбрачными? Къ чему деньги? Къ чему имущества? Къ чему все житейское, когда пользованіе имъ уже не благовременно и несвоевременно? Если тѣ, которые должны явиться въ наше судилище и подвергнуться отвѣтственности за свои преступленія, при приближеніи назначеннаго дня отказываются не только отъ жены, но и отъ пищи, и питья, и всякой заботы, а думаютъ объ одномъ только оправданіи; то тѣмъ болѣе намъ, имѣющимъ предстать не предъ какимъ нибудь земнымъ судилищемъ, но предъ небеснымъ престоломъ, чтобы отдать отчетъ въ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ, должно отрѣшиться отъ всего, и отъ радости, и отъ печали по настоящимъ благамъ, и заботиться только о томъ страшномъ днѣ. *Аще кто*, говоритъ (Господь), *грядетъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ. И иже не носитъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. XIV, 26. 27); а ты безпечно предаешься привязанности къ женѣ, смѣху, наслажденію и роскоши? *Господь близъ: ни о чемже пецытеся* (Филип. IV, 6); а ты безпокоишься и печешься о деньгахъ? Наступило небесное царство; а ты занимаешься домомъ, пиршествами и другими удовольствіями? *Преходитъ образъ міра сего* (1 Кор. VII, 31); для чего же ты мучишься мірскими дѣлами, не постоянными, но скоро преходящими, не заботясь о постоянномъ и неизмѣнномъ? Не будетъ ни брака, ни мукъ рожденія, ни удовольствія и совокупленія, ни изобилія денегъ, ни заботы о пріобрѣтеніи, ни пищи, ни одежды, ни земле-

дѣлія и мореплаванія, ни искусствъ и домостроительства, ни городовъ и домовъ, но—нѣкоторое иное состояніе и иная жизнь. Все это немного спустя погибнетъ. Это означаютъ слова: *преходитъ образъ міра сего*. Зачѣмъ же мы, какъ бы намѣреваясь оставаться здѣсь на всѣ вѣки, съ такимъ усердіемъ заботимся о дѣлахъ, которыя мы часто должны оставлять раньше наступленія вечера? Зачѣмъ мы избираемъ тягостную жизнь, когда Христосъ призываетъ насъ къ спокойной? *Хощу же васъ*, говоритъ (апостолъ), *безпечалныхъ быти. Не оженивыйся печется* о *Господнихъ* (1 Кор. VII, 32).

74. Почему же ты, желая, чтобы мы были безъ заботъ, самъ налагаешь на насъ новую заботу? Это — не забота, равно какъ и скорбь о Христѣ не есть скорбь, не потому, чтобы здѣсь измѣнялась природа вещей, но потому, что добровольность переносящихъ все это съ удовольствіемъ побѣждаетъ самую природу. Кто заботится о томъ, чѣмъ онъ не можетъ наслаждаться долгое, а часто и короткое время, тотъ справедливо можетъ назваться заботящимся; а тотъ, кто можетъ собрать плодовъ больше своихъ заботъ, совершенно справедливо можетъ считаться въ числѣ не заботящихся. Кромѣ того, между тою и другою заботами такое различіе, что послѣдняя въ сравненіи съ первой даже не можетъ считаться заботою: столько она легче и удобнѣе той. Все это мы выразили предъидущими словами: *не оженивыйся печется о Господнихъ, а оженивыйся печется о мірскихъ* (1 Кор. VII, 32. 33); но послѣдній проходитъ, а первый остается. Развѣ это одно не достаточно показываетъ превосходство дѣвства? Насколько Богъ выше міра, на-
588 столько забота о Немъ лучше мірской. Почему же (апостолъ) дозволяетъ бракъ, который связываетъ насъ заботами и отвлекаетъ отъ духовнаго? Потому, говоритъ онъ, я и сказалъ: *да имущіи жены якоже неимущіи будутъ*, чтобы уже связанные или имѣющіе быть связанными, какимъ-либо другимъ образомъ ослабили свои узы. Если нельзя разорвать уже надѣтыя узы, то сдѣлай ихъ болѣе сносными; ибо возможно, если мы захотимъ, освободиться отъ всего излишняго и не навлекать на себя по собственной безпечности заботъ еще больше, чѣмъ сколько ихъ приноситъ самое дѣло.

75. Если же кто хочетъ яснѣе знать, что значитъ, *имъя жену не имъть ея*, то пусть посмотритъ на неимѣющихъ ничего и распявшихся (для міра), какъ они живутъ. Какъ же они живутъ? Они не нуждаются покупать ни множества служанокъ, ни золотыхъ вещей и ожерелій, ни свѣтлыхъ и большихъ домовъ, ни такого-то и такого-то количества десятинъ земли, но, оставивъ все это, заботятся только объ одной одеждѣ и пищѣ своей. И имѣющій жену можетъ вести себя согласно такому любомудрію. Сказанное выше

не лишайте себе другъ друга (1 Кор. VII, 5), сказано только о совокупленіи; въ этомъ онъ повелѣваетъ слѣдовать другъ за другомъ и не оставляетъ имъ власти надъ собою; а въ чемъ должно держаться другого любомудрія, напр. въ одеждѣ, въ пищѣ и во всемъ прочемъ, въ томъ одинъ не подчиненъ другому, но мужьямъ можно,—хотя бы жена и не хотѣла,—отказаться отъ всякой роскоши и удручающаго множества заботъ; и женѣ также нѣтъ никакой необходимости противъ воли украшаться, тщеславиться и заботиться объ излишнемъ. Это и справедливо; потому что та похоть естественна и поэтому простительна и одинъ (изъ супруговъ) не властенъ лишать въ этомъ другого безъ его воли; а страсть къ роскоши, расточительности и безполезнымъ заботамъ не зависитъ отъ природы, но происходитъ отъ безпечности и высокомѣрія. Посему (апостолъ) и не повелѣваетъ вступившимъ въ бракъ подчиняться другъ другу въ этихъ дѣлахъ, какъ въ тѣхъ. Такимъ образомъ слова: *имѣя жену не имѣть ея*, означаютъ то, чтобы мы не принимали на себя излишнихъ заботъ, происходящихъ отъ капризовъ и изнѣженности женъ, но прилагали столько заботъ, сколько требуется для одной преданной намъ души и притомъ расположенной жить любомудро и скромно. А что онъ хочетъ сказать именно это, онъ самъ объяснилъ, присовокупивъ: *и плачущіися якоже неплачущіи и радующіися* о пріобрѣтеніяхъ, *якоже нерадующіися* (1 Кор. VII, 30); ибо не радующіеся не будутъ заботиться и о пріобрѣтеніи и не плачущіе не станутъ бояться бѣдности и отвращаться отъ умѣренности. Таково значеніе словъ: *имѣя жену не имѣть ея*, т. е. пользоваться міромъ, но не злоупотреблять имъ. *А оженивыйся печется о мірскихъ* (1 Коринѳ. VII, 33). Хотя забота бываетъ и тамъ и здѣсь, но здѣсь она суетна и напрасна, или лучше сказать ведетъ къ печали и скорби [*скорбь же плоти имѣти будутъ таковіи* (1 Кор. VII, 28)], а тамъ—къ неизреченнымъ благамъ; почему же намъ не избрать лучше первой заботы, которая не только получаетъ столь многія и великія воздаянія, но и по свойству своему легче послѣдней? О чемъ заботится незамужняя? О деньгахъ ли, слугахъ, домоправителяхъ, поляхъ и прочемъ? За поварами ли она наблюдаетъ, за ткачами и прочею 589
прислугою? Нѣтъ; ничто изъ этого не приходитъ ей на умъ, но только объ одномъ она заботится, чтобы благоустроить свою душу, украсить этотъ святый храмъ (1 Кор. III, 17), не плетеніемъ волосъ, или золотомъ, или жемчугомъ (1 Тим. II, 9), не притираніями и раскрашиваніями, или другими трудными и обременительными способами, но—святостью по тѣлу и духу. *А посягшая*, говоритъ (апостолъ), *печется како угодити мужу* (1 Кор. VII, 34). Весьма мудро онъ не сталъ перечислять самыя дѣла и не сказалъ,

что̀ переносятъ жены для угожденія мужьямъ, и тѣломъ и душею, тѣло притирая, посыпая пылью и подвергая другимъ мученіямъ, а душу наполняя низостію, лестію, притворствомъ, малодушіемъ и другими излишними и безполезными заботами, но, намекнувъ на все это однимъ словомъ, предоставилъ подумать объ этомъ совѣсти слушателей. Показавъ такимъ образомъ преимущество дѣвства и превознесши его до самаго неба, онъ опять возвращается къ рѣчи о дозволенности брака, постоянно опасаясь, чтобы кто-нибудь не сталъ считать это повелѣніемъ. Посему онъ не удовольствовался прежними увѣщаніями, но сказавъ: *повелѣнія Господня не имамъ; и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть*, опять здѣсь говоритъ: *не да силò вамъ наложу* (1 Кор. VII, 25. 28. 35).

76. Кто-нибудь можетъ при этомъ справедливо придти въ недоумѣніе, почему апостолъ, выше назвавъ дѣвство освобожденіемъ отъ узъ и сказавъ, что онъ совѣтуетъ его для нашей пользы, чтобы мы не имѣли скорбей и были безъ заботъ, такъ какъ онъ щадитъ насъ, и всѣмъ этимъ показавъ легкость и удобоносимость его, вдругъ говоритъ: *не да силò вамъ наложу* (1 Кор. VII, 35). Что же это значитъ? Не дѣвство онъ назвалъ петлею,—нѣтъ, но принятіе этого блага съ насиліемъ и принужденіемъ. И на самомъ дѣлѣ такъ. Все, что принимаетъ кто-либо по принужденію и противъ воли, хотя бы оно было весьма легкимъ, бываетъ несноснѣе всего и давитъ нашу душу мучительнѣе петли. Посему онъ и сказалъ: *не да силò вамъ наложу*; то есть: я предложилъ и показалъ всѣ блага дѣвства, но и послѣ всего этого предоставляю вамъ избраніе его и не влеку къ добродѣтели противъ вашей воли; я посовѣтовалъ это, не желая причинить вамъ скорбь, но—чтобы благопристойное служеніе (Богу) не нарушалось житейскими дѣлами. Посмотри и здѣсь на мудрость Павла, какъ онъ съ просьбами соединяетъ увѣщанія и съ позволеніемъ—совѣтъ. Сказавъ: не принуждаю, но увѣщеваю, онъ прибавляетъ: *къ благообразію и благоприступанію* (1 Кор. VII, 35), показывая этимъ превосходство дѣвства и ту пользу, какая происходитъ отъ него для насъ въ богоугодной жизни. Ибо женѣ, опутанной житейскими заботами и всюду развлекаемой, нельзя быть благоприступающею (къ Господу), такъ какъ весь ея трудъ и досугъ раздробляется на многое, т. е. на мужа, заботы по дому и все прочее, что̀ обыкновенно влечетъ за собою бракъ.

77. А что, скажешь, если и дѣвственница станетъ заниматься многимъ и имѣть житейскія заботы? Нѣтъ, этимъ ты исключилъ бы ее изъ сонма дѣвственницъ, потому что недостаточно только не вступать въ бракъ, чтобы быть дѣвственницею, но необходима и чистота душевная; подъ чистотою же я разумѣю не только воз-

держаніе отъ порочной и постыдной похоти, украшеній и раз- 590
сѣянности, но и свободу отъ житейскихъ заботъ; если же этого нѣтъ, то какая польза въ чистотѣ тѣлесной? Какъ ничего не можетъ быть постыднѣе воина, бросившаго оружіе и проводящаго время въ пьянствѣ, такъ ничего не можетъ быть непристойнѣе дѣвственницъ, связанныхъ житейскими заботами. Такъ и тѣ пять дѣвъ имѣли свѣтильники и подвизались въ дѣвствѣ, но не получили отъ того никакой пользы, а остались внѣ дверей затворенныхъ и погибли. Дѣвство потому и хорошо, что оно отклоняетъ всякій поводъ къ излишней заботѣ и доставляетъ полный досугъ для богоугодныхъ дѣлъ; такъ что, если этого нѣтъ, оно бываетъ гораздо хуже брака, нося въ душѣ терніе и заглушая чистое и небесное сѣмя.

78. *Аще ли же кто безобразити о дѣвѣ своей непщуетъ, аще есть превозрастна и тако должна есть быти: еже хощетъ да творитъ: не согрѣшаетъ, аще посягнетъ*, говоритъ (апостолъ) (1 Кор. VII, 36). Что говоришь ты: *еже хощетъ, да творитъ?* Какъ ты не исправляешь извращеннаго понятія, но дозволяешь вступать въ бракъ? Почему ты не сказалъ: кто находитъ непристойнымъ для своей дѣвицы (оставаться такъ), тотъ жалокъ и несчастенъ, считая укоризненнымъ столь дивное дѣло? Почему ты, оставивъ это предположеніе, не посовѣтовалъ ему удерживать свою дочь отъ брака? Потому что, говоритъ онъ, эти души были слишкомъ слабы и привязаны къ землѣ; а при такомъ настроеніи ихъ нельзя было вдругъ внушать имъ ученіе о дѣвствѣ. Кто до такой степени привязанъ къ мірскимъ дѣламъ и восхищается настоящею жизнію, что даже послѣ такого увѣщанія считаетъ постыднымъ то, что̀ достойно небесъ и уподобляется ангельской жизни, тотъ какъ могъ бы принять совѣтъ, привлекающій его къ этому? И удивительно ли, что Павелъ такъ поступилъ касательно дѣла позволеннаго, когда онъ дѣлаетъ тоже самое касательно запрещеннаго и противозаконнаго? Укажу на примѣръ. Имѣть осторожность въ пищѣ, принимать одну и отвергать другую, было свойственно слабости іудеевъ; однако и между римлянами были подверженные этой слабости; онъ же не только не обвиняетъ ихъ со строгостію, но дѣлаетъ еще нѣчто, болѣе того; оставивъ согрѣшавшихъ, онъ укоряетъ тѣхъ, которые хотѣли препятствовать имъ: *ты же почто осуждаеши брата твоего* (Римл. XIV, 10)? Между тѣмъ онъ не сдѣлалъ того же, когда писалъ колоссянамъ, но съ великою властію обращается къ нимъ и любомудрствуетъ такъ: *да никтоже убо васъ осуждаетъ о ядeніи, или о питіи*, и еще: *аще умросте со Христомъ отъ стихій міра, почто аки живуще въ мірѣ стязаетеся; не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи; яже суть вся во истлѣніе употребленіемъ* (Колос. II, 16. 20. 21. 22). Почему же

онъ такъ поступаетъ? Потому что эти были сильны, а римляне еще нуждались въ большой снисходительности, и онъ ожидалъ, пока вѣра окрѣпнетъ въ ихъ душахъ, опасаясь, чтобы съ преждевременнымъ истребленіемъ плевелъ не вырвать съ корнями и растеній здраваго ученія. Поэтому онъ и не осуждаетъ ихъ прямо, и не оставляетъ безъ осужденія, но касается ихъ незамѣтно и прикровенно, въ осужденіи другихъ; ибо словами: *своему Господеви стоитъ или падаетъ* (Римл. XIV, 4), онъ повидимому заграждаетъ уста укоряющему (другого), но на самомъ дѣлѣ вліяетъ на душу этого послѣдняго, показывая, что предпочитать то или другое (изъ пищи) свойственно не твердымъ и не стоящимъ непоколебимо, но еще колеблющимся, находящимся въ опасности пасть, если не устоятъ. Такимъ же образомъ онъ поступаетъ и здѣсь вслѣдствіе
591 великой слабости укоряемыхъ. Онъ не явно нападаетъ (на обличаемаго), но похвалами тому, кто соблюдаетъ свою дѣвицу, наноситъ ему сильный ударъ. Что же говоритъ онъ? *А иже стоитъ твердо сердцемъ своимъ* (1 Кор. VII, 37). Это сказано для противопоставленія съ тѣмъ, кто легко и скоро колеблется, не умѣя ходить твердо и стоять мужественно. Потомъ замѣтивъ, что этого слова достаточно для вліянія на душу такого человѣка, смотри, какъ онъ опять прикрываетъ рѣчь, приводя причину не слишкомъ достойную порицанія. Сказавъ: *а иже стоитъ твердо сердцемъ своимъ*, онъ присовокупилъ: *не имый нужды, власть же имать*, хотя послѣдовательнѣе было бы сказать: кто стоитъ твердо и не находитъ этого дѣла непристойнымъ. Такъ какъ это было бы слишкомъ разительно, то вмѣсто этого онъ употребляетъ другое выраженіе въ его утѣшеніе, предоставляя ему лучше ссылаться на такую причину. Не такъ тяжело удерживать кого-нибудь отъ дѣла нуждою, какъ стыдомъ; первое — касается души слабой и жалкой, а послѣднее — испорченной и неумѣющей правильно судить о качествѣ дѣлъ. Впрочемъ говорить это еще было не время: даже по настоятельной нуждѣ не слѣдуетъ препятствовать желающей быть дѣвственницей, но должно мужественно стоять противъ всего, что̀ препятствуетъ этому прекрасному стремленію, какъ говоритъ Христосъ: *иже любитъ отца или матеръ паче Мене нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. X, 37). Когда мы принимаемъ что-либо благоугодное Богу, то всякій, препятствующій этому, есть врагъ и непріятель, кто бы онъ ни былъ, отецъ или мать. Павелъ же, снисходя къ несовершенству слушателей, написалъ слѣдующее: *а иже стоитъ твердо, не имый нужды* (1 Кор. VII, 37); и не остановился на этомъ, —хотя *не имый нужды*, и *власть имѣяй* означаютъ одно и тоже,—но обширною рѣчью и безпрестаннымъ повтореніемъ позволеній утѣшаетъ слабый и низменный

умъ, присоединяя далѣе и другую причину: *иже разсудилъ есть въ сердцѣ своемъ* (1 Кор. VII, 37). Ибо недостаточно быть свободнымъ, чтобы только за это не подлежать отвѣтственности, но когда кто избралъ и разсудилъ, тогда онъ поступаетъ хорошо. Потомъ, чтобы ты не заключилъ изъ такой великой снисходительности, что нѣтъ никакого различія (между тѣмъ и другимъ дѣломъ), онъ опять излагаетъ различіе между ними, хотя съ осторожностью, излагаетъ въ (ясныхъ) словахъ: *тѣмже и вдаяй браку* (*свою дѣву*) *добрѣ творитъ, и не вдаяй, лучше творитъ* (1 Кор. VII, 38). А на сколько лучше, онъ не объяснилъ опять по той же причинѣ; если же ты хочешь знать, то послушай Христа, Который говоритъ: *ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели Божіи на небеси суть* (Матѳ. XXII, 30). Видишь ли различіе, на какую высоту дѣвство вдругъ возноситъ смертнаго, когда оно есть истинное дѣвство?

79. Чѣмъ, скажи мнѣ, отличались отъ ангеловъ Илія, Елисей и Іоаннъ, эти истинные любители дѣвства? Ничѣмъ, кромѣ того, что они были облечены смертною природою; а во всемъ прочемъ, если точно изслѣдовать это, они окажутся нисколько не хуже тѣхъ; даже и этотъ самый кажущійся недостатокъ много служитъ къ похвалѣ ихъ. Какое мужество, какое любомудріе было у тѣхъ, которые, живя на землѣ и подчиняясь необходимости смертной природы, могли достигнуть такой добродѣтели! А что ихъ сдѣлало такими дѣвство, ясно изъ слѣдующаго: если бы они имѣли женъ и дѣтей, то не такъ легко поселились бы въ пустынѣ, не стали бы презирать домовъ и всего житейскаго; а теперь, освободившись отъ всѣхъ этихъ оковъ, они жили на землѣ, какъ на небѣ; не 592
нуждались ни въ стѣнахъ, ни въ кровлѣ, ни въ постели, ни въ трапезѣ, ни въ чемъ иномъ подобномъ, но вмѣсто кровли имъ было небо, вмѣсто постели — земля, вмѣсто трапезы — пустыня; и то, что для другихъ кажется причиною голода, безплодіе пустыни, это самое тѣмъ святымъ доставляло изобиліе. Они не нуждались ни въ виноградныхъ лозахъ, ни въ точилахъ, ни въ посѣвахъ, ни въ жатвѣ, но источники, рѣки и озера доставляли имъ обильное и пріятное питье, а трапезу одному изъ нихъ приготовлялъ ангелъ, чудесную и необыкновенную и болѣе обильную, чѣмъ обычно у людей: одного хлѣба, говорится (въ Писаніи), было достаточно на *четыредесять дней* (3 Цар. XIX, 6—8); а другого часто питала чудотворная благодать Духа, и не только его одного, но чрезъ него и другихъ (1 Цар. IV, 41—44). Іоаннъ же, *лишше пророка*, больше котораго *не воста въ рожденныхъ женами* (Матѳ. XI, 3), не нуждался даже въ человѣческой пищѣ: не хлѣбъ, вино и масло поддерживали жизнь его тѣла, но акриды и дикій медъ. Видишь ли ангеловъ на землѣ? Видишь ли силу дѣвства? Оно

устроило, что облеченные плотію и кровію, ходившіе по землѣ, подчиненные необходимости смертной природы, во всемъ поступали такъ, какъ безплотные, какъ уже достигшіе неба, какъ получившіе безсмертіе.

80. Для нихъ все было излишнимъ, не только то, что дѣйствительно излишне: роскошь, богатство, власть, слава и рядъ прочихъ подобныхъ сновидѣній, но и то, что кажется необходимымъ: жилища, города и искусства; вотъ что значитъ *благообразіе и благоприступаніе* (1 Кор. VII, 35), вотъ добродѣтель дѣвства! Удивительно и многихъ вѣнцовъ достойно—преодолѣвать ярость страстей, сдерживать бѣснующуюся природу; но поистинѣ удивительнымъ это бываетъ тогда, когда притомъ будетъ такая жизнь; само по себѣ это слабо и недостаточно для спасенія достигшихъ этого. Свидѣтелями намъ могутъ служить тѣ, которыя и нынѣ упражняются въ подвигѣ дѣвства: онѣ настолько отстоятъ отъ Иліи, Елисея и Іоанна, насколько земля отъ неба. Какъ устранивъ *благообразіе и благоприступаніе*, ты подорвешь самую силу дѣвства, такъ соединяя его съ превосходною жизнію, ты будешь имѣть корень и основаніе благъ. Какъ тучная и плодоносная земля питаетъ корень, такъ превосходная жизнь возращаетъ плоды дѣвства, или лучше сказать, крестная жизнь есть и корень и плодъ дѣвства. Она умащала тѣхъ доблестныхъ мужей на дивные подвиги, разсѣкая всѣ узы ихъ, и дѣлая ихъ способными на свободныхъ и легкихъ ногахъ, какъ бы на крыльяхъ, возлетать на небо. Гдѣ нѣтъ ни угожденія женѣ, ни заботы о дѣтяхъ, тамъ очень легко является нестяжательность; а нестяжательность приближаетъ къ небесамъ, освобождая насъ не только отъ страха, заботъ и опасностей, но и отъ прочихъ неудобствъ.

81. Тотъ, кто не имѣетъ ничего, презираетъ все, какъ бы обладая всѣмъ, и имѣетъ великое дерзновеніе предъ начальствующими, властителями и даже самимъ украшеннымъ діадимою. Кто презираетъ богатство, тотъ, простираясь далѣе, будетъ легко презирать и смерть; а ставъ выше этого, онъ будетъ дерзновенно говорить со всѣми, не опасаясь и не страшась никого. А тотъ, кто занятъ богатствомъ, есть рабъ не только богатства, но и славы и почестей настоящей жизни, и всего вообще житейскаго. Поэтому Па-
593 велъ и назвалъ сребролюбіе корнемъ всѣхъ золъ (1 Тим. VI, 10). Дѣвство же имѣетъ достаточную силу изсушить этотъ корень и вложить въ насъ другой лучшій, производящій все доброе: свободу, дерзновеніе, мужество, пылкую ревность, горячую любовь къ небесному, презрѣніе всего земнаго. Такъ раждается: *благообразіе и благоприступаніе*.

82. Но что умничаютъ многіе? Патріархъ Авраамъ, говорятъ,

и жену имѣлъ, и дѣтей, и богатство, и стада, и пастбища, а при всемъ этомъ, Іоаннъ, какъ Креститель, такъ и евангелистъ, тотъ и другой дѣвственники, и Павелъ и Петръ, отличавшіеся воздержаніемъ, желали быть въ лонѣ его. Кто сказалъ это тебѣ, почтеннѣйшій, какой пророкъ, какой евангелистъ? Самъ, говорятъ, Христосъ. Видя великую вѣру сотника, Онъ сказалъ: *яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ* (Матѳ. VIII, 11). Вмѣстѣ съ нимъ блаженствовавшаго и Лазаря видѣлъ богатый (Лук. XVI). Но какое отношеніе имѣетъ это къ Павлу, Петру и Іоанну? Лазарь не Павелъ и не Іоаннъ, и *мнози отъ востокъ и западъ* не составляютъ сонма апостоловъ, такъ что эти ваши слова излишни и напрасны. Если же ты хочешь точно знать награды апостоламъ, то послушай, что говоритъ Самъ имѣющій даровать ихъ: *сядете на двоюнадесять престолу, судяще объманадесяте колѣнома Израилевома* (Матѳ. XIX, 28). Здѣсь нѣтъ ни Авраама, ни сына его, ни внука его, ни лежащаго на лонѣ его, но гораздо высшее достоинство; послѣдніе сядутъ судить потомство первыхъ. И не въ одномъ этомъ видно различіе, но и въ томъ, что участи Авраама сподобятся многіе; *мнози*, говоритъ (Господь), *отъ востокъ и западъ пріидутъ и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ и Іаковомъ;* а этихъ престоловъ не получитъ никто, кромѣ одного сонма святыхъ апостоловъ. Еще ли, скажите мнѣ, вы будете воспоминать о стадахъ, пастбищахъ, бракахъ и дѣтяхъ? Что же, говорятъ, если многія изъ дѣвственницъ послѣ многихъ подвиговъ желаютъ переселиться туда? Я скажу еще больше: многія изъ дѣвственницъ не достигнутъ ни того лона, ни меньшаго, но пойдутъ въ самую геенну. Это показываютъ дѣвы, оставшіяся внѣ брачнаго чертога (Матѳ. XXV, 12). Отсюда не слѣдуетъ ли, что бракъ равенъ дѣвству, или даже дѣвство хуже его? Твой примѣръ представляетъ дѣвство хуже (брака). Авраамъ, жившій въ бракѣ, находится въ покоѣ и наслажденіи, а дѣвственницы—въ гееннѣ; по вашимъ словамъ остается сдѣлать такое заключеніе. Но это не такъ; нѣтъ: дѣвство не только не хуже, но гораздо лучше брака. Почему? Потому, что не бракъ сдѣлалъ такимъ Авраама, и не дѣвство погубило тѣхъ несчастныхъ (дѣвъ); но другія добродѣтели души прославили патріарха, и другіе пороки жизни предали дѣвъ огню. Тотъ и въ брачной жизни старался совершать добрыя дѣла дѣвства, т. е. *благообразіе и благоприступаніе;* а онѣ, и избравъ 594
дѣвство, ниспали въ круговоротъ жизни и въ заботы, свойственныя браку. Что же, скажутъ, препятствуетъ и нынѣ вмѣстѣ съ бракомъ, дѣтьми, богатствомъ и всѣмъ прочимъ сохранить это *благоприступаніе?* Во-первыхъ то, что нынѣ уже нѣтъ равнаго Аврааму, и даже хотя мало приближающагося къ нему; онъ, имѣя богатство и

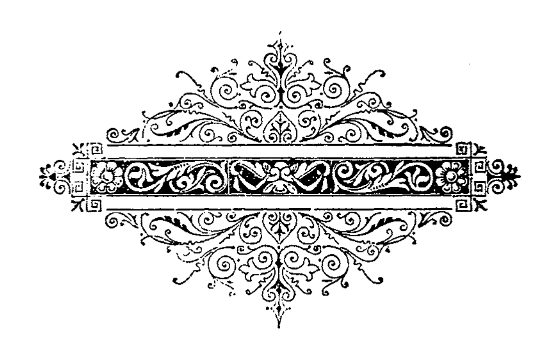
жену, больше подвизающихся въ нестяжательности презиралъ богатство и больше дѣвственниковъ воздерживался отъ удовольствій. Эти каждый день пламенѣютъ страстію, а онъ такъ погашалъ этотъ огонь и не предавался никакому пристрастію, что не только удержался отъ наложницы, но и отпустилъ ее изъ дома, чтобы уничтожить всякій поводъ къ ссорѣ и несогласію: теперь не очень легко это найти.

83. Кромѣ этого,—я и теперь скажу то, что́ говорилъ вначалѣ: отъ насъ требуется не такая степень добродѣтели, какъ отъ нихъ. Теперь нельзя быть совершеннымъ, не продавъ всего, не отказавшись отъ всего, не только отъ денегъ и дома, но даже отъ души своей (Матѳ. xi), а тогда еще не была указана такая строгость. Что же, скажутъ, развѣ мы теперь живемъ строже, чѣмъ патріархъ? Мы должны (такъ жить), и это заповѣдано намъ, но мы не живемъ, и потому далеко отстаемъ отъ того праведника; а что намъ предлежатъ большіе подвиги, это всякому извѣстно. Посему и Ноя Писаніе не просто прославляетъ, но съ нѣкоторымъ прибавленіемъ: *Ное*, говоритъ, *человѣкъ праведенъ совершенъ сый въ родѣ своемъ, Богу угоди* (Быт. vi, 9), не просто совершенный, но въ то время; ибо много видовъ совершенства, которые опредѣляются различными временами. Съ теченіемъ времени бывшее нѣкогда совершеннымъ, потомъ становится несовершеннымъ. Напримѣръ, нѣкогда былъ совершенъ тотъ, кто жилъ по закону: *сотворивый та*, сказано (въ Писаніи), *живъ будетъ въ нихъ* (Лев. xviii, 5); а Христосъ, пришедши, показалъ, что это совершенное—несовершенно; *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. v, 20). Тогда только убійство считалось жестокимъ, а теперь и одинъ гнѣвъ и злословіе могутъ вовлечь въ геенну; тогда наказывалось только прелюбодѣяніе, а теперь даже безстыдный взглядъ на жену не освобожденъ отъ наказанія; тогда только клятвопреступленіе было отъ лукаваго, а теперь и клятва: *лишше же сего отъ непріязни есть*, говорится (въ Писаніи) (Матѳ. v, 37); отъ людей того времени не требовалось ничего больше, какъ любить любящихъ, а теперь это великое и дивное дѣло такъ несовершенно, что, по исполненіи его, мы ничѣмъ не превосходимъ мытарей.

84. Почему же неодинаковая предстоитъ награда за однѣ и тѣже добродѣтели для насъ и для ветхозавѣтныхъ, но мы, если желаемъ получить одинаковое съ ними, должны оказать бо́льшую добродѣтель? Потому, что теперь излилась великая благодать Духа и великій даръ пришествія Христова; благодать сдѣлала (людей) изъ младенцевъ мужами совершенными. Какъ мы отъ нашихъ дѣтей, когда
595 они сдѣлаются юношами, требуемъ гораздо большихъ доблестей, и

за что въ дѣтскомъ возрастѣ мы прежде хвалили ихъ, мы уже не восхищаемся тѣмъ же, когда они станутъ мужами, но требуемъ отъ нихъ другого, гораздо большаго; такъ и Богъ въ первыя времена требовалъ не великихъ дѣлъ отъ человѣческаго рода, какъ находившагося въ младенческомъ состояніи. Когда же онъ услышалъ пророковъ и апостоловъ и получилъ благодать Духа, то Богъ возвысилъ степень добродѣтелей, и это справедливо. Онъ назначилъ и большія воздаянія и гораздо болѣе свѣтлыя награды; уже не земля и земныя блага, но небо и блага, превосходящія умъ, предстоятъ праведникамъ. Итакъ не безразсудно ли возмужавшимъ оставаться при прежнемъ младенчествѣ? Тогда природа человѣческая раздѣлялась сама въ себѣ, и была непримиримая борьба; разсуждая о ней, Павелъ такъ говоритъ: *вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ противу воюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ сущимъ во удѣхъ моихъ* (Римл. VII, 23). А теперь этого нѣтъ; *немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти* (Римл. VIII, 3). За это, воздавая благодарность, Павелъ говоритъ: *окаяненъ азъ человѣкъ! Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея? Благодарю Бога Іисусомъ Христомъ* (Римл. VII, 24. 25). Посему мы справедливо наказываемся за то, что, сдѣлавшись свободными, не хотимъ идти наравнѣ со связанными; или лучше сказать, если мы будемъ поступать одинаково съ ними, и тогда не освобождаемся отъ наказанія. Тѣмъ, которые наслаждаются глубокимъ миромъ, должно достигать гораздо большихъ и славнѣйшихъ трофеевъ, нежели тѣмъ, которые сильно удручены войною. Если мы будемъ вращаться около денегъ, роскоши и женъ и заботиться о дѣлахъ,
то когда же мы будемъ (совершенными) мужами, когда будемъ 596
жить духовно, когда будемъ заботиться о Господнемъ? Неужели по исходѣ отсюда? Но тогда уже время не трудовъ и подвиговъ, а вѣнцовъ и наказаній. Тогда и дѣвственница, если не будетъ имѣть масла въ свѣтильникахъ, не сможетъ получить его отъ другихъ, но останется внѣ чертога (Мѳ. XXV); и если кто явится одѣтымъ въ грязное одѣяніе, не сможетъ вышедши перемѣнить одежду, но будетъ вверженъ въ огонь геенскій (Мѳ. XXII); если даже будетъ просить самого Авраама (Лук. XVI), уже не достигнетъ никакого успѣха. Когда наступитъ опредѣленный день (суда), поставлено будетъ сѣдалище, возсядетъ Судія, потечетъ рѣка огненная (Дан. VII, 10) и потребуется отчетъ въ дѣлахъ нашихъ, тогда уже нельзя будетъ намъ получить разрѣшеніе грѣховъ, но волею-неволею мы будемъ привлечены къ должному наказанію за нихъ. И тогда никто не можетъ умолить за насъ, но если бы даже кто-либо имѣющій дерзновеніе, равное съ великими и дивными мужами, какъ Ной, Іовъ.

Даніилъ, сталъ умолять хотя бы за сыновей и дочерей своихъ, не достигнетъ успѣха; грѣшникамъ необходимо будетъ подвергнуться вѣчному наказанію, равно какъ праведникамъ удостоиться наградъ. А что ни тѣмъ, ни другимъ не будетъ конца, это объявилъ Христосъ, сказавъ, что какъ жизнь будетъ вѣчною, такъ вѣчнымъ будетъ и наказаніе. Когда Онъ одобрилъ стоявшихъ по правую сторону и осудилъ стоявшихъ по лѣвую, то прибавилъ: *идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Матѳ. xxv, 46). Посему всячески нужно все благоустроять здѣсь, и имѣющему жену быть какъ не имѣющему, а дѣйствительно не имѣющему вмѣстѣ съ дѣвствомъ упражняться и во всякой другой добродѣтели, чтобы по исходѣ отсюда не рыдать намъ тщетно.



КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Предлагаемыя два Слова написаны св. Іоанномъ Златоустымъ къ молодой вдовѣ, которой мужъ, по имени Ѳирасій, былъ знатный и благочестивый человѣкъ и умеръ въ цвѣтущемъ возрастѣ послѣ пяти лѣтъ супружества. Преподавая вдовѣ христіанскія утѣшенія и увѣщанія, святитель касается нѣкоторыхъ историческихъ лицъ и событій, по которымъ можно заключать о времени написанія этихъ словъ. Такъ въ 4-мъ отдѣленіи перваго Слова, гдѣ тогдашній римскій императоръ представляется воюющимъ съ варварами, говорится о Ѳеодосіѣ Вел., который со времени провозглашенія своего императоромъ въ 379 г. велъ почти непрерывную войну съ готами до рѣшительнаго пораженія ихъ въ 382 г. Посему можно заключать, что первое Слово написано не ранѣе 380 и не позже 382 г. Второе же Слово, конечно, послѣдовало вскорѣ за первымъ.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

ВСѢ будутъ согласны съ тобою и никто даже изъ весьма лю- 599
бомудрыхъ не станетъ противорѣчить тому, что ты получила тяжкій ударъ и что посланная свыше стрѣла поразила тебя въ самое роковое мѣсто; но такъ какъ раненные должны не въ плачѣ и слезахъ проводить все время, а тщательно заботиться и объ уврачеваніи ранъ, чтобы онѣ, бывъ оставлены безъ вниманія, не причинили бóльшихъ слезъ и не усилили пламени скорби: то полезно и тебѣ принять словесное утѣшеніе, и остановивъ нѣсколько потоки слезъ, хотя на краткое время предать себя тѣмъ, которые намѣреваются утѣшить тебя. Поэтому и мы не безпокоили тебя во время самой сильной скорби, когда эта молнія лишь только упала (на тебя); но, переждавъ этотъ промежутокъ времени и предоставивъ тебѣ насытиться рыданіями, когда наконецъ ты получила возможность проглянуть нѣсколько изъ этой мглы и открыть слухъ тѣмъ, которые стараются утѣшить тебя, и мы теперь, послѣ (утѣшительныхъ) рѣчей служанокъ, предлагаемъ и свою. Кто сталъ бы убѣждать (тебя) отложить печаль тогда, когда еще буря была велика и горе весьма сильно, тотъ болѣе усилилъ бы твои рыданія, и своими словами придалъ бы много пищи огню (печали), а на себя навлекъ бы неудовольствіе и мнѣніе, какъ о человѣкѣ не-

добромъ и безразсудномъ; когда же буря, наконецъ, начала утихать и Богъ усмирилъ ярость волнъ, то мы свободно распустимъ паруса слова. Во время умѣренной непогоды искусство, можетъ быть, въ состояніи будетъ сдѣлать свое дѣло; а когда бываетъ непреодолимый напоръ вѣтра, тогда и опытность не приноситъ никакой пользы. По всѣмъ этимъ причинамъ мы во все предшествовавшее время молчали, и даже теперь едва рѣшились открыть уста, когда услышали отъ твоего дяди, что можно, наконецъ, осмѣлиться на это, что уже осмѣливаются вести съ тобою длинныя рѣчи объ этомъ и почетныя служанки, и посторонніе женщины, и родственницы, и другія близкія (къ тебѣ). Если ихъ слова ты принимаешь, то мы вполнѣ надѣемся и убѣждены, что не отвергнешь и нашихъ, но выслушаешь ихъ съ возможнымъ спокойствіемъ и благодушіемъ. Женщины и всегда очень чувствительны къ несчастію; когда же присоединится еще молодость, и преждевременное вдов-
600 ство и неопытность въ дѣлахъ, и великое множество заботъ, между тѣмъ какъ все прежнее время было проведено въ удовольствіяхъ, въ довольствѣ и богатствѣ, то горе въ нѣсколько кратъ увеличивается, и если подвергшаяся ему не получитъ помощи свыше, то и случайная какая нибудь мысль можетъ поразить ее. Въ этомъ я и нахожу первое и величайшее доказательство великаго Божескаго попеченія о тебѣ; ибо при внезапномъ стеченіи стольких бѣдствій не притти въ отчаяніе отъ печали и не лишиться естественнаго состоянія своего разума, это было дѣломъ не человѣческой помощи, но Десницы всемогущей, того Разума, которому нѣтъ числа, той Премудрости, которая неизслѣдима, Отца щедротъ и Бога всякаго утѣшенія. *Яко той поби ны*, говоритъ (пророкъ), *и исцѣлитъ ны, уязвитъ, и уврачуетъ ны, и исцѣлитъ ны* (Ос. VI, 2). Доколѣ жилъ съ тобою блаженный мужъ твой, ты пользовалась почетомъ, внимательностію и заботами, пользовалась столько, сколько можно было получать отъ человѣка; а когда Богъ взялъ его къ Себѣ, то Онъ Самъ заступилъ его мѣсто для тебя. И это не моя мысль, но блаженнаго пророка Давида, который говоритъ: *сира и вдову пріиметъ* (Господь, Псал. CXLXIX, 9); и въ другомъ мѣстѣ называетъ Его Отцемъ сирыхъ и Судіею вдовицъ (Псал. LXVII, 6); и часто ты можешь видѣть такое великое попеченіе Его объ этихъ людяхъ.

2. Но чтобы самое названіе (вдовы), часто произносимое, не огорчало твоей души и не смущало тебя мыслію о томъ, что оно пришло къ тебѣ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, я хочу напередъ сказать объ этомъ и объяснить, что названіе вдовства есть названіе не несчастія, но почести, и почести величайшей. Не приводи мнѣ въ свидѣтельство ложнаго мнѣнія толпы, но (выслушай) законоположеніе блаженнаго Павла, или лучше, Христа; ибо что

говорилъ Павелъ, то чрезъ него говорилъ Христосъ, какъ и самъ онъ сказалъ: *понеже искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа* (2 Кор. XIII, 3). Что́ же онъ говоритъ? *Вдовица же да причитается не меньши лѣтъ шестидесятихъ* (1 Тим. V, 9); и еще: *юныхъ же вдовицъ отрицайся* (ст. 11); тѣми и другими словами онъ желаетъ показать намъ величіе этого состоянія (вдовства). Когда онъ даетъ постановленія объ епископахъ, то нигдѣ не опредѣляетъ числа лѣтъ, а здѣсь дѣлаетъ это съ великою точностію. Почему? Не потому, чтобы вдовство было больше священства, но потому, что эти (вдовы) встрѣчаютъ больше трудностей, нежели тѣ (епископы), такъ какъ ихъ съ разныхъ сторонъ окружаетъ множество дѣлъ, общественныхъ и частныхъ. Какъ городъ, не огражденный стѣною, бываетъ открытъ для всѣхъ, желающихъ вторгнуться въ него для расхищенія, такъ и юная вдова бываетъ окружена отовсюду множествомъ коварныхъ людей, не только домогающихся ея имущества, но и готовыхъ растлить ея цѣломудріе.
И не только эти, но и другіе мы можемъ указать случающіеся 601
поводы къ ея паденію. Такъ неуваженіе отъ домашнихъ, запутанность дѣлъ, лишеніе прежняго почета, видимое благополучіе сверстницъ, а часто и желаніе удовольствій располагаютъ вдовъ вступать во второй бракъ. Бываютъ между ними и такія, которыя не хотятъ вступать въ законный бракъ съ мужчинами, но (живутъ съ ними) тайно и скрытно; и это дѣлаютъ для того, чтобы получать похвалы за вдовство; такъ это состояніе не только не поносно, но и считается у людей достойнымъ удивленія и почтенія; не только у насъ вѣрныхъ, но и у самихъ невѣрныхъ. Когда я былъ еще молодъ, помню, какъ учитель мой (а онъ былъ суевѣрнѣйшій изъ всѣхъ людей) при многихъ удивлялся моей матери. Желая узнать, по обыкновенію, отъ окружавшихъ его, кто я таковъ, и услышавъ отъ кого-то, что я сынъ вдовы, онъ спросилъ меня о возрастѣ моей матери и о времени ея вдовства. И когда я сказалъ, что ей сорокъ лѣтъ отъ роду и что двадцать лѣтъ уже прошло, какъ она лишилась моего отца, онъ изумился, громко воскликнулъ и обратившись къ присутствовавшимъ сказалъ: „ахъ! какія у христіанъ есть женщины!" Такимъ удивленіемъ и такою похвалою пользуется это состояніе (вдовства), не только у насъ, но и у внѣшнихъ (язычниковъ)! Зная все это, блаженный Павелъ сказалъ: *вдовица же да причитается не меньши лѣтъ шестидесятихъ* (1 Тим. V, 9). Впрочемъ, не по этому только свидѣтельству годовъ позволяетъ онъ причислять ее къ священному лику (вдовицъ), но присовокупляетъ и другія качества: *въ дѣлѣхъ добрыхъ*, говоритъ, *свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть, аще странныя пріятъ, аще святыхъ нозѣ умы, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще вся-*

кому дѣлу благу послѣдовала есть (ст. 10). Какое вниманіе и испытаніе! Какихъ добродѣтелей онъ требуетъ отъ вдовицы и съ какою точностію исчисляетъ ихъ! Этого онъ не сдѣлалъ бы, если бы не хотѣлъ ввѣрить ей дѣло почтенное и достоуважаемое. *Юныхъ же*, говоритъ онъ, *вдовицъ отрицайся*. Потомъ присовокупляетъ и причину: *егда бо разсвирѣпѣютъ о Христѣ, посягати хотятъ* (ст. 11). Этими словами (апостолъ) внушаетъ намъ, что жены, лишившіяся мужей, вмѣсто нихъ соединяются со Христомъ. Замѣть, какъ онъ этими словами показываетъ, что такой союзъ легокъ и пріятенъ; именно въ словахъ: *егда бо разсвирѣпѣютъ о Христѣ, посягати хотятъ*, (онъ говоритъ о Христѣ), какъ бы о какомъ кроткомъ мужѣ, который не поступаетъ съ ними самовластно, но позволяетъ имъ жить на свободѣ. И на этомъ онъ не остановилъ рѣчи, но показалъ великую заботливость о вдовицѣ еще въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *питающаяся же пространно, жива умерла* (1 Тим. v, 6). *А сущая истинная вдовица и уединена уповаетъ на Бога, и пре-*
602 *бываетъ въ молитвахъ и моленіихъ день и нощь* (ст. 5). И въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ: *блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ* (1 Кор. vII, 40). Видишь ли, какія похвалы (воздаются) вдовству, и притомъ въ Новомъ Завѣтѣ, когда уже просіяла и красота дѣвства? Однако и въ это время блескъ дѣвства не могъ помрачить свѣтлости вдовства, но оно и теперь сіяетъ, имѣя собственное достоинство. Итакъ, когда мы упоминаемъ о вдовствѣ, ты не падай духомъ и не считай этого состоянія позорнымъ; ибо если оно позорно, то тѣмъ болѣе дѣвство. Но нѣтъ, нѣтъ; да не будетъ! Если всѣ мы почитаемъ и уважаемъ тѣхъ женъ, которыя живутъ воздержно еще при жизни своихъ мужей, то какъ не почитать и не хвалить тѣхъ, которыя, и по смерти своихъ мужей, оказываютъ прежнее къ нимъ благорасположеніе? Пока ты жила вмѣстѣ съ блаженнымъ Ѳирасіемъ, то, какъ я сказалъ, ты пользовалась и почетомъ и вниманіемъ, какія можно получать отъ человѣка; теперь же, вмѣсто него, ты имѣешь Владыку всѣхъ—Бога, который и прежде хранилъ тебя, а теперь еще больше и съ особенною заботливостію будетъ пещись о тебѣ; и немалое доказательство Своего великаго промышленія о тебѣ, какъ я выше сказалъ, Онъ уже показалъ намъ тѣмъ, что сохранилъ тебя здравою и невредимою среди такого пламени заботъ и печали, и не попустилъ тебѣ потерпѣть ничего нежелательнаго. Если же Онъ не попустилъ быть кораблекрушенію во время такой бури, то тѣмъ болѣе сохранитъ твою душу во время тишины, и облегчитъ для тебя тяжесть какъ вдовства, такъ и представляющихся въ немъ бѣдствій.

3. Если же тебя смущаетъ не названіе вдовы, а потеря такого мужа, то согласно съ тобою и я признаю, что на всей землѣ

между свѣтскими людьми немного бывало такихъ любезныхъ, кроткихъ, смиренныхъ, искреннихъ, разумныхъ и благочестивыхъ. Но, если бы онъ совершенно разрушился и обратился въ ничто, тогда слѣдовало бы скорбѣть и сокрушаться; если же онъ приплылъ въ тихую пристань и переселился къ своему истинному Царю, то объ этомъ должно не плакать, а радоваться. Эта смерть не смерть, но нѣкоторое переселеніе и перемѣщеніе изъ худшаго (состоянія) въ лучшее, съ земли на небо, отъ людей къ ангеламъ и архангеламъ, къ Владыкѣ ангеловъ и архангеловъ. Здѣсь на землѣ, когда онъ служилъ царю, ему можно было ожидать опасностей и многихъ козней отъ завистниковъ; ибо по мѣрѣ того, какъ возрастала его знаменитость, умножались и козни враговъ; а по отшествіи туда, ему уже не нужно опасаться ничего такого. Поэтому, сколько ты скорбишь о томъ, что Богъ взялъ къ себѣ столь полезнаго и добродѣтельнаго человѣка, столько же должна и радоваться, что онъ переселился отсюда въ великою безопасностію и славою, и, избавившись отъ смятеній настоящей непостоянной жизни, пребываетъ въ совершенномъ мирѣ и спокойствіи. Подлинно, не странно ли признавать небо гораздо лучшимъ земли, а переселившихся отсюда туда—оплакивать? Если бы покойный жилъ порочно и вопреки волѣ Божіей, то слѣдовало бы сокру- 603
шаться и рыдать объ немъ не только по смерти, но и при жизни его; а такъ какъ и онъ принадлежалъ къ числу возлюбленныхъ Божіихъ, то одинаково должно радоваться, живъ ли онъ, или умеръ. И что такъ должно поступать, объ этомъ ты конечно слышала отъ блаженнаго Павла, который говоритъ: *разрѣшитися и со Христомъ быти много паче лучше* (Филип. і, 23). Но ты, можетъ быть, хочешь слышать слова мужа и наслаждаться дружбою съ нимъ, желаешь по прежнему обращаться съ нимъ, и пользоваться бывшею при немъ славою, блескомъ, почетомъ и спокойствіемъ, и потеря всего этого смущаетъ и омрачаетъ тебя? Любовь къ нему ты можешь сохранять и теперь такъ же, какъ и прежде; сила любви такова, что она объемлетъ, совокупляетъ и соединяетъ не только тѣхъ, которые находятся при насъ, или близко къ намъ, и которыхъ мы видимъ, но и тѣхъ, которые удалены отъ насъ; ни продолжительность времени, ни дальность разстоянія, и ничто другое подобное не можетъ прервать и прекратить душевную дружбу. Если же ты желаешь и видѣть его лицемъ къ лицу (я знаю, что ты весьма желаешь этого), то соблюди ложе его недоступнымъ для другого мужа, постарайся сравняться съ нимъ по жизни, и ты конечно отойдешь отсюда въ одинъ и тотъ же съ нимъ ликъ, и будешь жить вмѣстѣ съ нимъ не пять лѣтъ, какъ здѣсь, не двадцать или сто, даже не тысячу или двѣ, не десять тысячъ или нѣ-

сколько десятитысячелѣтій, но безпредѣльные и безконечные вѣки. Наслѣдованіе тѣми мѣстами упокоенія получается не по тѣлесному родству, но по одинаковому образу жизни. Если одинаковость жизни привела и Лазаря, незнакомаго Аврааму, въ самыя нѣдра его и удостоиваетъ къ возлежанію съ нимъ многихъ отъ востока и запада, то и ты займешь мѣсто упокоенія вмѣстѣ съ прекраснымъ Ѳирасіемъ, если захочешь жить такъ же, какъ онъ жилъ; тогда ты опять увидишь его, но не въ этой красотѣ тѣлесной, съ которой онъ умеръ, а въ нѣкоторомъ иномъ блескѣ и сіяніи, которое гораздо свѣтлѣе лучей солнечныхъ. Настоящее тѣло, какой бы великой высоты ни достигло, тлѣнно; но тѣла благоугодившихъ Богу облекутся такою славою, на которую и смотрѣть невозможно этими глазами. Нѣкоторые знаки и неясные слѣды этого Богъ показалъ намъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ. Тогда лице Моѵсея сіяло такою славою, что израильтяне не могли смотрѣть на него; а въ Новомъ Завѣтѣ гораздо больше просіяло лице Христово. Скажи мнѣ: если бы кто обѣщалъ сдѣлать его (Ѳирасія) царемъ всей земли, и для этого повелѣлъ разстаться съ тобою на двадцать лѣтъ, а послѣ того обѣщалъ бы возвратить его къ тебѣ въ діадимѣ и багряницѣ и тебя также сдѣлать участницею его славы, уже-ли ты не перенесла бы такой
604 разлуки благодушно и съ надлежащимъ благоразуміемъ? Ужели не обрадовалась бы такому дару и не сочла бы его вожделѣннымъ? Переноси же эту разлуку и теперь, не для земнаго царства, но для небеснаго, не для того, чтобы опять увидѣть мужа въ золотой одеждѣ, но—въ безсмертіи и славѣ, какая свойственна небеснымъ жителямъ. Если же тебя очень тяготитъ продолжительность времени (разлуки), то онъ, вѣроятно, иногда является тебѣ въ сновидѣніяхъ, по прежнему разговариваетъ съ тобою, и показываетъ тебѣ вожделѣнное лице свое; это пусть будетъ утѣшеніемъ для тебя вмѣсто писемъ, или лучше, даже яснѣе писемъ. Тамъ видны однѣ только буквы, а здѣсь можно увидѣть и образъ лица, и кроткую улыбку, и осанку, и походку, можно услышать и звукъ и узнать любезнѣйшій голосъ.

4. Если же ты жалѣешь еще о томъ спокойствіи, какимъ прежде наслаждалась при немъ, а можетъ быть и о тѣхъ надеждахъ, какія представлялись ему еще на бóльшія почести (я слышалъ, что онъ скоро могъ достигнуть высокаго мѣста градоначальника; а это больше всего, думаю, мучитъ и смущаетъ душу твою), то представь себѣ тѣхъ, которые были на высшей, чѣмъ онъ, степени достоинства, и кончили жизнь весьма жалкимъ образомъ. Напомню тебѣ о нихъ. Ты, можетъ быть, слышала о Ѳеодорѣ сицилійскомъ: онъ былъ изъ числа очень знаменитыхъ мужей; превосходя всѣхъ красотою, ве-

личественнымъ видомъ и дерзновеніемъ предъ царемъ, и имѣя столько силы, сколько никто изъ приближенныхъ (къ царю), онъ не перенесъ скромно этого благополучія, но, замысливъ зло противъ царя *) и бывъ уличенъ въ этомъ, былъ казненъ весьма жалкимъ образомъ; а жена его, нисколько не уступавшая твоему благородству ни по воспитанію, ни по происхожденію, ни во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, вдругъ лишилась всего своего имущества и даже свободы, была включена въ число домашней прислуги и принуждена была жить хуже всякой служанки, имѣя то преимущество предъ другими, что своимъ чрезвычайнымъ несчастіемъ возбуждала слезы у всѣхъ видѣвшихъ ее. Разсказываютъ и объ Артемизіи, женѣ очень знатнаго человѣка; за то, что и онъ сталъ домогаться верховной власти, она доведена была до такой же бѣдности и ослѣпла; потому что частію великость печали, частію множество слезъ помрачили ея зрѣніе, и она теперь нуждается въ сторонней помощи, чтобы дойти до чужихъ дверей и такимъ образомъ получить необходимую пищу. Могъ бы я указать и на многія другія семейства, потерпѣвшія такое униженіе, если бы не зналъ благочестія и благоразумія твоей души, которая утѣшенія въ своемъ несчастіи не желаетъ искать въ чужихъ бѣдствіяхъ. И упомянутые примѣры представилъ я теперь только для того, чтобы ты убѣдилась, что дѣла человѣческія ничтожны, и что по-истинѣ, какъ сказалъ пророкъ, *всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный* (Иса. XL, 6). Чѣмъ выше человѣкъ поднимется и чѣмъ больше пріобрѣтетъ блеска, тѣмъ глубже бываетъ его паденіе; и это бываетъ не только съ подчиненными, но и съ самими царствующими (особами). Нельзя найти частный домъ, который былъ бы исполненъ такихъ несчастій, какими
бѣдствіями бываютъ исполнены царскіе чертоги: и преждевремен- 605
ное сиротство, и вдовство, и насильственная смертъ, убійства, гораздо беззаконнѣйшія и тягчайшія тѣхъ, о которыхъ разсказывается въ трагедіяхъ, особенно поражаютъ облеченныхъ этою властію. Оставивъ древніе примѣры, скажу, что изъ царствовавшихъ въ нашъ вѣкъ (всѣхъ ихъ было девять) **) только двое окончили жизнь обыкновенною смертію ***); изъ прочихъ же одинъ погибъ отъ мятежника, другой на войнѣ, третій отъ козней своихъ тѣлохранителей, четвертый отъ самаго того, кто избралъ его и облекъ багряницею; а жены ихъ умерли, какъ говорятъ, однѣ отъ яда, другія отъ самой печали. Изъ остающихся доселѣ въ живыхъ одна, у которой есть дитя сирота, дрожитъ отъ страха, чтобы кто-нибудь

*) Аммiана Марцелл. Истор. Книг. XXIX.

**) Констанцій Хлоръ, Константинъ, Констанцій, Константъ, Галлъ, Юліанъ, Іовіанъ, Валентиніанъ и Валентъ (304—378 г. по Р. Х.).

***) Константинъ и Констанцій.

изъ властителей не погубилъ его изъ опасенія касательно будущаго; а другая едва по ходатайству многихъ возвратилась изъ ссылки, въ которую раньше отправилъ ее властитель. Изъ женъ нынѣ царствующихъ особъ одна, освободившись отъ прежнихъ несчастій, вмѣстѣ съ этою радостію испытываетъ и большое горе потому, что властитель еще очень молодъ и неопытенъ и окруженъ множествомъ зложелателей *); а другая совсѣмъ истомилась отъ страха и живетъ хуже осужденныхъ на смерть отъ того, что мужъ ея съ того самого времени, какъ облекся діадимою, доселѣ проводитъ время на войнахъ и въ сраженіяхъ **), и больше, чѣмъ отъ несчастій, страдаетъ отъ стыда и всеобщихъ укоризнъ. Ибо никогда прежде не бывало того, что случилось теперь, чтобы варвары, вышедши изъ своей страны, проникли на тысячу и даже на нѣсколько тысячъ стадій въ нашу землю; сожигая селенія и разрушая города, они и не думаютъ возвращаться домой, но, какъ будто забавляясь игрою, а не воюя, издѣваются надъ всѣми нашими; а кто-то изъ ихъ царей, говорятъ, сказалъ, что онъ изумляется безстыдству нашихъ воиновъ, которыхъ рѣжутъ болѣе, чѣмъ овецъ, а они еще надѣются побѣдить и не хотятъ выйти изъ своей мѣстности; самъ я, говорилъ онъ, уже пресытился, часто поражая ихъ. Каково, думаешь, на душѣ у царя и его супруги, когда они слышатъ такія слова?

5. Когда я вспомнилъ объ этой войнѣ, то мнѣ представился великій рядъ вдовъ, которыя прежде весьма блистали знаменитостью своихъ мужей, а теперь вдругъ всѣ облекшись въ печальную и черную одежду, проводятъ все время въ слезахъ. Съ ними не то было, что съ твоею почтенною главою. Ты, почтеннѣйшая, видѣла своего прекраснаго мужа лежащимъ на одрѣ, слышала послѣднія слова его, получила отъ него наставленіе, какъ вести домашнія дѣла, и узнала завѣщаніе, которымъ онъ совершенно оградилъ тебя отъ людей корыстолюбивыхъ и коварныхъ. Кромѣ того, ты часто припадала къ нему, когда онъ лежалъ уже мертвымъ, цѣловала глаза его, обнимала и оплакивала его, видѣла, съ какою честію онъ былъ провожаемъ, сама приготовила все, нужное для приличнаго
606 его погребенія, и доселѣ получаешь немалое утѣшеніе въ скорби, часто посѣщая могилу его. А тѣ были лишены всего этого; онѣ всѣ, отправивъ своихъ мужей на войну въ надеждѣ ихъ возвращенія, вмѣсто мужей получили печальную вѣсть объ ихъ смерти; пришедшіе къ нимъ не тѣла убитыхъ (мужей) принесли имъ, но только разсказы объ образѣ ихъ смерти. А есть такія, которыя не

*) Императоръ Граціанъ.
**) Императоръ Θеодосій Вел.

удостоились и такого повѣствованія и не могли узнать, какъ пали (мужья ихъ), которые были завалены множествомъ убитыхъ. И удивительно ли, что такъ погибли многіе изъ военачальниковъ, когда и самъ царь, скрывшись съ немногими воинами въ одномъ селеніи, не рѣшился выйти изъ него и противостать нападающимъ, но, оставаясь тамъ, былъ подожженъ ими и сгорѣлъ со всѣми бывшими тамъ, не только людьми, но и лошадьми, оружіемъ, стѣнами, такъ что все это обратилось въ пепелъ? *) Такую вѣсть о царѣ, вмѣсто него самого, принесли женѣ его отправившіеся съ нимъ на сраженіе. Подлинно, мірской блескъ нисколько, нисколько не отличается отъ представленій на зрѣлищѣ и отъ красоты весеннихъ цвѣтовъ; и во-первыхъ, онъ исчезаетъ прежде самаго появленія; потомъ, если когда и остается на малое время, тотчасъ оказывается тлѣннымъ. Что ничтожнѣе чести и славы народной? Какой она приноситъ плодъ, какую пользу? Къ какому приводитъ она благому концу? И, о если бы при ней было только это горе! А теперь, преданный этой жесточайшей госпожѣ (страсти къ славѣ), не только не пріобрѣтаетъ ничего хорошаго, но еще принужденъ бываетъ постоянно терпѣть много непріятнаго и вреднаго. Она господствуетъ надъ тѣми, которые предаются ей, и чѣмъ больше получаетъ угожденій отъ этихъ рабовъ, тѣмъ больше надмевается надъ ними и тѣмъ тягчайшими изнуряетъ ихъ повелѣніями; а тѣмъ, которые отвергаютъ и презираютъ ее, она не можетъ мстить. Такимъ образомъ она свирѣпѣе и тирана, и всякаго звѣря; потому что отъ ласковаго обращенія часто дѣлаются кроткими и тиранъ и звѣрь, а эта страсть тогда особенно и свирѣпствуетъ, когда ей больше повинуются и, если найдетъ кого послушнымъ себѣ и готовымъ на все, то не откажется ни отъ какихъ приказаній ему. Она имѣетъ своею сотрудницею еще и другую (страсть), которую безошибочно можно назвать ея дочерью. Когда сама она, бывъ воспитана и возращена, уже крѣпко укоренится въ насъ, тогда пораждаетъ гордость, которая не меньше ея самой можетъ низвергнуть въ пропасть душу предавшихся ей.

6. Итакъ, скажи мнѣ, неужели ты плачешь о томъ, что Богъ избавилъ тебя отъ столь жестокаго рабства, что совершенно заградилъ доступъ (къ тебѣ) этимъ губительнымъ недугамъ? При жизни твоего мужа онѣ не переставали часто вторгаться въ твои душевные помыслы; а когда онъ умеръ, то уже не могутъ съ какой-либо стороны напасть на умъ твой. Затѣмъ тебѣ остается не плакать объ ихъ удаленіи и не допускать несноснаго ихъ владычества; потому что, гдѣ онѣ станутъ дѣйствовать сильно, тамъ все

*) Императоръ Валентъ.

ниспровергаютъ и разрушаютъ до основанія; и какъ многія изъ
607 распутныхъ женщинъ, безобразныя и отвратительныя отъ природы, притираніями и прикрасами обольщаютъ еще неопытныя души юношей, и, когда подчинятъ ихъ своей власти, обращаются съ ними хуже, чѣмъ со всякимъ невольникомъ, такъ и эти страсти, тщеславіе и гордость, оскверняютъ человѣческія души хуже всякой язвы. Поэтому и богатство многимъ казалось благомъ, а безъ этихъ страстей и оно не будетъ привлекательно. Тѣ, которые успѣли пріобрѣсти славу въ народѣ бѣдностію, не только уже не старались богатѣть, но и отвергали золото, предлагаемое имъ въ большомъ количествѣ. Ты не нуждаешься, чтобы я указалъ тебѣ на такихъ людей, но сама лучше насъ знаешь Епаминонда, Сократа, Аристида, Діогена, Кратиса, который отдалъ свое поле на пастбище для овецъ *). Другіе, у которыхъ не было богатства, видя, что бѣдность можетъ доставить имъ славу, тотчасъ обратились къ ней; а этотъ (Кратисъ) бросилъ и то, что́ имѣлъ: съ такимъ неистовствомъ всѣ старались пріобрѣсть этого свирѣпаго звѣря (славу)! Не будемъ же плакать, что Богъ избавилъ насъ отъ гнуснаго, смѣшнаго и весьма постыднаго рабства этой властительницѣ; у ней только имя блистательно, а на дѣлѣ она приводитъ преданныхъ ей въ состояніе противоложное этому названію, и нѣтъ никого, кто бы не смѣялся надъ дѣлающимъ что-нибудь для славы. Тотъ только можетъ сдѣлаться знаменитымъ и славнымъ, кто не домогается этого; а кто народную славу считаетъ за нѣчто великое и для пріобрѣтенія ея переноситъ и дѣлаетъ все, тотъ особенно и не достигаетъ и не получаетъ ея, но удостоивается всего противоположнаго: осмѣянія, осужденія, злословій, вражды и ненависти. И это, обыкновенно, бываетъ не только съ мужчинами, но и съ вами, женщинами, и въ особенности съ вами. Той, которая соблюдаетъ простоту и во внѣшнемъ видѣ, и въ походкѣ, и въ одеждѣ, и ни отъ кого не домогается чести, всѣ (женщины) удивляются, восхищаются ею, ублажаютъ ее и желаютъ ей всего хорошаго; а отъ тщеславной отвращаются съ ненавистію, убѣгаютъ, какъ бы отъ какого дикаго звѣря, и осыпаютъ ее тысячами проклятій и злословій. Не гоняясь за людскою славою, мы не только избѣгаемъ этихъ золъ, но сверхъ выше сказаннаго пріобрѣтаемъ то́, что̀ важнѣе всего, пріучаясь мало по малу облегчать себя, возноситься къ небу и презирать все земное. Не ищущій почестей отъ людей, что́ ни дѣлаетъ хорошаго, дѣлаетъ все это спокойно, и, будутъ ли прискорбны или благопріятны обстоятель-

*) Епаминондъ—өивскій полководецъ; Сократъ—философъ; Аристидъ—аөинскій правитель; Діогенъ Синопскій—философъ-циникъ; Кратисъ Өивскій—ученикъ Діогена.

ства его жизни, не потерпитъ никакого вреда: первыя не въ состояніи поразить его и повергнуть (въ уныніе), а послѣднія сдѣлать его гордымъ и надменнымъ, но среди всѣхъ перемѣнъ и замѣшательствъ самъ онъ остается внѣ всякой перемѣны. Это, надѣюсь, скоро будетъ и съ твоею душою, и ты, отрѣшившись отъ всего житейскаго, явишь намъ образъ жизни небесной, 608
и, недолго спустя, будешь смѣяться надъ этою славою, о которой плачешь теперь, увидѣвъ, какъ пуста и суетна внѣшность ея. Если же ты желаешь имѣть спокойствіе, какое было у тебя при мужѣ, сохранить имущество и не подвергаться никакимъ кознямъ пользующихся чужими несчастіями; то *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Пс. LIV, 23). *Воззрите*, говоритъ (премудрый), *на древнія роды, и видите, кто вѣрова Господеви, и постыдѣся, или кто пребысть въ страсѣ его, и оставися; или кто призва его, и презрѣ и* (Сирах. II, 10). Тотъ, кто помогъ тебѣ перенести столь невыносимое несчастіе и успокоилъ тебя теперь, Тотъ и впредь оградитъ тебя отъ бѣдъ; а что больше этого несчастія ты уже не испытаешь другого, въ этомъ и сама ты согласишься съ нами. Если же ты такъ мужественно перенесла настоящее бѣдствіе, будучи притомъ неопытна, то гораздо легче перенесешь, если—чего да не будетъ!—случится съ тобою впослѣдствіи что-нибудь нежелательное. Итакъ ищи неба и всего того, что ведетъ къ тамошней жизни, и тогда ничто здѣшнее не можетъ повредить тебѣ, даже и самъ *міродержитель тмы* (Ефес. VI, 12), только бы мы не причиняли вреда самимъ себѣ. Хотя бы кто отнялъ у насъ имущество, хотя бы изрѣзалъ (наше) тѣло, все это для насъ ничто, когда душа у насъ остается здравою.

7. Вообще, если ты желаешь, чтобы и имущество твое было въ безопасности и даже умножилось, я покажу тебѣ и способъ къ этому и мѣсто, куда невозможно проникнуть никому изъ людей злонамѣренныхъ. Какое же это мѣсто? Небо. Отправь его къ своему прекрасному мужу, и ни воръ, ни злоумышленникъ, и ничто другое вредное не можетъ прикоснуться къ нему. Если ты сложишь это имущество тамъ, то получишь отъ него большую прибыль; ибо все, насаждаемое нами на небесахъ, приноситъ больщій и лучшій плодъ, такой, какой свойственно приносить растеніямъ небеснымъ. Если такъ поступишь, то смотри, какія получишь блага: во-первыхъ, вѣчную жизнь и обѣщанныя любящимъ Бога блага, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша* (1 Кор. II, 2); потомъ,—постоянное жительство съ прекраснымъ твоимъ (Ѳирасіемъ); и избавишься отъ здѣшнихъ заботъ, опасеній, опасностей, козней, вражды и ненависти. Пока ты будешь держать имущество при себѣ, то, можетъ быть, най-

дутся люди, которые присвоятъ его себѣ; а если переложишь его на небо, то будешь вести жизнь безопасную, спокойную и безмятежную, наслаждаясь благодушіемъ вмѣстѣ съ благочестіемъ. Подлинно, весьма безразсудно, что, желая купить поле, ищутъ земли плодоносной, а когда предлагается вмѣсто земли небо и можно пріобрѣсти мѣсто тамъ, остаются на землѣ и терпятъ на ней горести, потому что надежды (земныя) часто обманываютъ насъ. Если твою душу сильно возмущаетъ и тревожитъ то, что мужъ твой неоднократно имѣлъ надежду получить достоинство градоначальника и восхищенъ прежде полученія этой власти, то во-пер-
609 выхъ, обрати вниманіе на то, что, хотя эта надежда была и весьма очевидна, однако она была надежда человѣческая, которая часто не сбывается; много мы видимъ въ жизни такихъ случаевъ, когда самыя, повидимому, несомнѣнныя надежды оставались безъ исполненія, и напротивъ, часто сбывалось то, что̀ и на умъ намъ не приходило, и это, какъ мы видимъ, непрестанно бываетъ и съ властями, и съ царствами, и съ наслѣдствами, и съ браками, и со всѣмъ; такъ что, хотя бы и очень близко было время (достиженія такой надежды), однако, по пословицѣ, „отъ чаши до верхней губы— большое разстояніе". И Писаніе говоритъ: *отъ утра до вечера измѣняется время* (Сир. XVIII, 26). Такъ иной сегодня царствуетъ, а завтра умираетъ. И еще, объясняя намъ невѣрность надеждъ, тотъ же премудрый говоритъ: *мнози мучители сѣдоша на земли, нечаемый же увязеся вѣнцемъ* (Сир. XI, 5). Такъ (и о твоемъ мужѣ) несовсѣмъ извѣстно было, что онъ при жизни достигъ бы этой власти, въ чемъ заставляютъ насъ сомнѣваться и неизвѣстность будущаго и другія обстоятельства. Изъ чего видно, что онъ, если бы остался живъ, достигъ бы этой власти, что съ нимъ не случилось бы даже противное, что онъ не потерялъ бы и то достоинство, какое имѣлъ, подвергшись болѣзни, или потерпѣвъ отъ зависти и злобы людей, хотѣвшихъ повредить ему, или испытавъ какое нибудь другое несчастіе? Впрочемъ примемъ, если угодно, за несомнѣнное, что онъ при жизни непремѣнно достигъ бы такой высоты; но, чѣмъ выше достоинство, тѣмъ большими оно необходимо сопровождается опасностями, заботами и кознями. Пусть даже не будетъ и этого; пусть онъ переплывалъ бы это море безопасно и очень спокойно: какой же, скажи мнѣ, былъ бы конецъ? Не такой же ли, какой и теперь? Даже, можетъ быть, и не такой, а другой непріятный и нежелательный. Во-первыхъ, онъ позже увидѣлъ бы небо и все небесное, а это немалая потеря для вѣрующихъ въ будущее; потомъ, хотя бы онъ жилъ очень чисто, но вслѣдствіе продолжительности жизни и неизбѣжныхъ въ томъ званіи обстоятельствъ, не могъ бы отойти такъ же чистымъ, какъ теперь. Не-

извѣстно, не испыталъ ли бы онъ много перемѣнъ и не впалъ ли бы въ крайнюю безпечность, въ которой и умеръ бы. Теперь мы убѣждены, что, по милости Божіей, онъ отлетѣлъ въ страну упокоенія, потому что не сдѣлалъ ничего, что лишаетъ царства небеснаго; а тогда, проведя долгое время въ общественныхъ дѣлахъ, онъ, можетъ быть, покрылъ бы себя многими пятнами; ибо обращаться среди столь многихъ золъ и прожить хорошо—это большая рѣдкость; а грѣшить волею или неволею—это дѣло обыкновенное и непрестанно случающееся. Но теперь мы избавлены отъ такого опасенія и очень увѣрены, что онъ въ день суда явится въ великомъ блескѣ, сіяя близъ Царя, вмѣстѣ съ ангелами предшествуя Христу, облекшись въ неизреченную славу, предстоя Судіи—Царю и служа Ему на первомъ мѣстѣ. Посему, оставивъ слезы и рыданія, старайся жить такъ же, какъ онъ жилъ, или еще лучше его, чтобы, сравнявшись съ нимъ по добродѣтели, тебѣ поселиться въ одной съ нимъ обители, и опять соединиться съ нимъ на безконечные вѣки, не этимъ союзомъ брака, но другимъ, гораздо превосходнѣйшимъ; ибо этотъ (бракъ) есть только союзъ тѣлъ, а тогда будетъ соединеніе души съ душою, гораздо тѣснѣйшее, пріятнѣйшее и превосходнѣйшее.

КЪ ТОЙ ЖЕ ВДОВѢ

СЛОВО ВТОРОЕ.

О воздержаніи отъ второго брака.

1. Нѣтъ ничего удивительнаго, что желаютъ выйти замужъ 610
женщины, не испытавшія замужней жизни, мукъ дѣторожденія и всего прочаго, что бракъ вноситъ съ собою въ домы людей; и «война», это столь трудное дѣло, по пословицѣ, «пріятна для неопытныхъ»; но когда женщины, которыя перенесли тысячи горестей и часто тяжкимъ опытомъ вынуждались считать блаженными свободныхъ отъ мірскихъ дѣлъ, и тысячу разъ проклинать и самихъ себя, и своихъ свахъ, и тотъ день, въ который онѣ вошли въ брачные чертоги, когда эти женщины, послѣ такихъ огорченій, опять домогаются того же состоянія, — это приводитъ меня въ крайнее удивленіе и недоумѣніе, и заставляетъ изслѣдовать причину, почему онѣ того состоянія, которое прежде считали несноснымъ, когда находились въ немъ, теперь, когда освободились отъ него, опять домогаются, какъ вожделѣннаго. Разсматривая съ

разныхъ сторонъ множество своихъ мыслей объ этомъ дѣлѣ, я едва наконецъ, какъ полагаю, нашелъ причину его; а лучше сказать, не одна причина тому и не двѣ только, но гораздо больше. Однѣ (изъ вдовъ), по давности времени забывъ о прошломъ и заботясь только о настоящемъ, вступаютъ въ бракъ для освобожденія отъ бѣдствій вдовства, но находятъ въ немъ другія, горяздо тягчайшія бѣдствія, такъ что повторяютъ прежнія жалобы. Другія, опять предаваясь мірскимъ дѣламъ и стремясь къ славѣ настоящей жизни, и считая состояніе вдовства предосудительнымъ, для суетной славы и пустой важности принимаютъ на себя тягости брачной жизни. А есть и такія, которыя снова вступаютъ въ прежнее состояніе не по этимъ причинамъ, но единственно по невоздержанію, хотя и стараются прикрыть истинную причину вышесказанными предлогами. Впрочемъ, какъ самъ я не смѣю упрекать и осуждать ихъ за этотъ бракъ, такъ и другимъ не совѣтую; потому что иначе судитъ объ этомъ и блаженный Павелъ, или лучше, Духъ Святый, сказавъ: *жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ ея, свободна есть, за негоже хощетъ посягнути, точію о Господѣ* (1 Кор. VII, 39), и дозволивъ вдовѣ, если она пожелаетъ, опять вступить въ бракъ;
611 и потомъ сказавъ: *блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ* (ст. 40), чтобы кто-нибудь не подумалъ, что это человѣческое повелѣніе, онъ присовокупилъ: *мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти*, и тѣмъ показалъ, что онъ написалъ это по внушенію Духа. Итакъ, пусть никто не думаетъ, будто въ порицаніе или осужденіе вступающихъ въ бракъ я говорю то, что теперь скажу. Было бы крайне надменно и безразсудно, если бы мы стали нещадно осуждать тѣхъ, которыхъ не осудилъ, но пощадилъ блаженный апостолъ, когда притомъ мы сами обременены множествомъ грѣховъ. Если намъ повелѣвается *не судить*, чтобы самимъ не быть осужденными въ той же мѣрѣ (Матѳ. VII, 1, 2), и быть не строгими, но снисходительными и кроткими судіями чужихъ грѣховъ, то ты, порицая такое дѣло, которое не составляетъ и грѣха, и осуждая другихъ, тѣмъ лишишь самого себя всякаго прощенія, своими поступками съ ближнимъ сдѣлавъ судію болѣе строгимъ къ тебѣ самому. Итакъ, я приступилъ теперь къ этому предмету не для того, чтобы упрекать и осуждать этихъ (вдовъ); что́ можетъ совершаться о Господѣ, то не подлежитъ никакому осужденію; *точію*, говоритъ апостолъ, было бы *о Господѣ*. Какъ, говоря о дѣвствѣ, мы превозносимъ его (похвалами), не для того, чтобы унизить бракъ: такъ, и бесѣдуя о вдовствѣ, совѣтуемъ довольствоваться первымъ бракомъ, не потому, чтобы считали второй бракъ запрещеннымъ, но допускаемъ, что и второй бракъ

есть дѣло законное, и однако первый гораздо лучше второго. Посему пусть никто не считаетъ порокомъ того, что̀, по сравненію съ высшимъ, оказывается низшимъ. Мы не для того дѣлаемъ это сравненіе, чтобы второй бракъ поставить въ разрядъ порочныхъ дѣлъ; но, признавая его законнымъ и предоставленнымъ волѣ (вдовы), однакожъ предпочитаемъ ему и уважаемъ первый бракъ, какъ гораздо лучшій. Почему? Потому что не все равно, — быть женою одного мужа, и одной и той же быть женою другого. Та, которая удовольствовалась первымъ бракомъ, показала, что она не вступила бы прежде и въ этотъ бракъ, если бы по опыту хорошо знала это состояніе; а та, которая на брачное ложе перваго мужа приводитъ другого, представляетъ не малое доказательство великой любви своей къ міру и привязанности къ земному. Первая и при жизни мужа не была склонна ни къ кому другому; а послѣдняя, хотя при жизни мужа и не грѣшила съ другими, но занималась многими другими больше, чѣмъ имъ.

2. Но, не осуждая догадками прошедшую жизнь, разсмотримъ самое дѣло. Какъ дѣвство лучше брака, такъ первый бракъ лучше второго. Вдова, только по началу ставши ниже дѣвственницы, при концѣ опять равняется и дѣлается одинаковою съ нею; а второй бракъ ниже дѣвства съ той и другой стороны. Кромѣ того та, которая легко переноситъ вдовство, конечно, часто воз- 612
держивается и при жизни мужа; а та, которая считаетъ это состояніе невыносимымъ, готова жить не только съ двумя или тремя, но и съ гораздо большимъ числомъ мужей, и только съ наступленіемъ старости едва дѣлается воздержною. Посему, какъ тотъ бракъ есть доказательство великой честности и цѣломудрія: такъ этотъ есть знакъ — не скажу, сладострастія; нѣтъ, — но души слабой и весьма плотяной, привязанной къ землѣ и неспособной никогда помыслить ничего великаго и высокаго. Если же кто скажетъ, что доброе дѣло остается добрымъ, случится ли оно однажды, или дважды, или нѣсколько разъ (ибо оно будетъ одинаково добрымъ; а кто часто дѣлаетъ добро, тотъ по справедливости болѣе восхваляется; такъ что, если и бракъ есть дѣло доброе, то часто пользующійся имъ похвальнѣе и почтеннѣе того, кто пользуется имъ рѣдко), то мы отвѣтимъ, что такое умствованіе можетъ увлечь простодушныхъ, но разсудительные легко могутъ понять его лживость. Бракъ называется бракомъ не по (тѣлесному) соитію, — иначе и прелюбодѣяніе было бы бракомъ, — но потому, что вступающая въ бракъ привязывается къ одному мужу, и этимъ благородная и цѣломудренная женщина отличается отъ распутной. Если она постоянно будетъ довольствоваться однимъ мужемъ, то бракъ справедливо будетъ называться этимъ именемъ; но, если она,

вмѣсто одного, вводитъ многихъ мужей въ домъ свой, то, хотя и не смѣю назвать это прелюбодѣяніемъ, однако сказалъ бы, что она много уступаетъ той, которая, кромѣ одного, не знала другого мужа. Та вняла словамъ Господа: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь: и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину* (Матѳ. xix, 5); прилѣпилась къ мужу, какъ къ собственной своей плоти, и не забыла однажды данной ей главы; а эта не считаетъ собственною плотію ни перваго, ни второго мужа; ибо первый изгнанъ вторымъ, а второй первымъ; и она уже не можетъ хорошо помнить перваго мужа, привязавшись послѣ него къ другому, и на послѣдняго не можетъ смотрѣть съ надлежащею любовію, такъ какъ умъ ея обращается и къ покойному. Такимъ образомъ, наконецъ, оказывается, что оба, и тотъ и другой, лишены женою чести и любви подобающей мужу! Съ какимъ же, по ея мнѣнію, расположеніемъ духа второй мужъ вступаетъ въ брачный чертогъ перваго, восходитъ на его ложе, и смотритъ на жену, которая надъ всѣмъ этимъ смѣется и забавляется? Онъ, конечно, сильно возмущается и не съ особенною любовію приближается къ ней; даже если бы онъ былъ тверже всѣхъ людей, однако не можетъ быть столь грубымъ, чтобы не имѣть человѣческихъ чувствъ, хотя бы она облекла и себя и домъ свой безчисленными украшеніями. Печаль, уже постигшая домъ (послѣ перваго мужа), не допускаетъ быть чистою радости (при второмъ), но. подобно тому, какъ на стѣнахъ, у которыхъ какая-нибудь часть сильно обгорѣла, а потомъ нѣсколько подкрашена, рѣзкая и глубокая чернота портитъ бѣлизну окраски, и видъ бываетъ непріятный; такъ и здѣсь, хотя бы (жена) придумала много блеска, въ немъ проглядываетъ уныніе и какая-то непріятная смѣсь того и другого. И домочадцы, и служанки, и работники, и жильцы, и сосѣди, и род-
613 ственники покойнаго смотрятъ на это дѣло съ прискорбіемъ и сожалѣніемъ. А если еще останутся и сироты, то малолѣтніе возбуждаютъ сильное нерасположеніе къ матери въ тѣхъ, кто можетъ понимать дѣло, а взрослые дѣлаютъ ей непріятностей больше всѣхъ. Сознавая все это, и законодатели, желая и утѣшить сѣтующихъ (вдовъ) и въ оправданіе себя показать, что они установили второй бракъ не по убѣжденію своему или по какому нибудь предубѣжденію, но изъ опасенія бóльшаго зла, лишили этотъ бракъ всякаго блеска, такъ что вечера его не украшаютъ ни флейты, ни рукоплесканія, ни пѣсни, ни пляски, ни брачные вѣнцы, ни другое что-либо подобное; устраняя все это, они приводятъ мужа къ вдовой женѣ неувѣнчаннымъ, какъ бы выражая этимъ, что все остальное они допускаютъ по снисхожденію, а не какъ достойное похвалъ, рукоплесканій и вѣнцовъ.

3. Почему же, скажутъ, Павелъ запретилъ молодымъ оставаться вдовами, хотя бы онѣ и хотѣли этого, написавъ такъ: *юныхъ же вдовицъ отрицайся* (1 Тим. v, 11)?—Не Павелъ запретилъ вдовство желающимъ, но сами онѣ вынудили его, противъ его воли, дать имъ такой законъ. А если хочешь узнать собственное желаніе Павла, послушай, что онъ говоритъ: *хощу бо, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ*, въ воздержаніи (1 Кор. vii, 7). Блаженный апостолъ не возстаетъ противъ самого себя, не впадаетъ въ противорѣчіе и не запрещаетъ вдовства желающимъ, когда самъ желаетъ, чтобы всѣ люди соблюдали воздержаніе. Почему же онъ говоритъ: *юныхъ же вдовицъ отрицайся* (1 Тим. v, 11)? Скажи: отчего и для чего? Онъ не просто сказалъ такъ, но привелъ и причину: *егда бо*, говоритъ, *разсвирѣпѣютъ о Христѣ, посягати хотятъ*. Видишь, что онъ запрещаетъ оставаться вдовами и принадлежать къ этому священному сонму не тѣмъ, которыя желаютъ вдовствовать, но тѣмъ, которыя, овдовѣвши, снова намѣреваются вступить въ бракъ; и дѣлаетъ это весьма мудро. Если ты намѣреваешься, говоритъ онъ, вступить во второй бракъ, то и не давай обѣта вдовства; потому что дать обѣтъ и не исполнить его гораздо хуже, чѣмъ вовсе не обѣщать. Какъ частыя сообщенія онъ позволилъ (мужу и женѣ) не въ видѣ закона, но изъ снисхожденія къ нимъ; *сіе же*, говоритъ онъ, *глаголю по совѣту, а не по повелѣнію, по невоздержанію вашему* (1 Кор. vii, 5. 6),—такъ и здѣсь дозволилъ второй бракъ во избѣжаніе другого бóльшаго зла, чѣмъ и показалъ, что и это сдѣлалъ онъ по снисхожденію, примѣнительно къ слабости многихъ; слабость же разумѣю, не силы, но воли. Какъ дѣвственница, растлившаяся послѣ обѣта дѣвства, грѣшитъ хуже прелюбодѣянія; такъ и вдова, однажды давшая обѣтъ (вдовства), а потомъ поправшая завѣтъ съ Богомъ, впадаетъ въ такой же грѣхъ, и подлежитъ такому же наказанію, и даже, если можно сказать нѣчто удивительное, можетъ быть гораздо бóльшему; потому что, какъ и вначалѣ я сказалъ, не все равно, неопытная ли, или уже опытная опять впадаетъ въ одинаковыя искушенія. И не здѣсь только, но и въ вышеприведенномъ мѣстѣ (1 Тим. v, 11) и послѣ словъ: *хощу убо юнымъ вдовицамъ посягати, чада раждати, домъ строити*, апостолъ приводитъ причину, почему онъ желаетъ этого. Какая же это причина? *Ни едины же*, говоритъ, *вины даяти противному хулы ради* (1 Тим. v, 14). Такъ 614
какъ тогда, вѣроятно, многія вдовы, освободившись отъ замужней жизни, какъ отъ какой неволи и рабства, пользовались послѣдующею жизнію очень свободно и самовольно, и такимъ безстыдствомъ навлекали на себя дурную молву, то онъ, для отклоненія ихъ отъ этой гибельной свободы, опять подчиняетъ ихъ прежнему

игу. Если, говоритъ, какая-нибудь вдова вздумаетъ тайно прелюбодѣйствовать и безчестить себя; то гораздо лучше ей вступить въ бракъ, и *ни едины же вины даяти противному хулы ради.* Такимъ образомъ, онъ повелѣлъ (вдовамъ) вступать въ бракъ для того, чтобы онѣ не подавали поводовъ къ злословію, и не вели постыдной и распутной жизни; именно, послушай, въ чемъ онъ обличаетъ ихъ. Вмѣсто того, чтобы проводить все время въ молитвахъ и моленіяхъ, *онѣ*, говоритъ, *праздны учатся обходити домы: не точію же праздны, но и блядивы и любопытны, глаголющыя, яже не подобаетъ* (1 Тим. v, 13). А онъ хочетъ не этого, но чтобы вдова непрестанно упражнялась въ духовныхъ дѣлахъ: *питающаяся же*, говоритъ, *пространно, жива умерла есть* (ст. 6). Такъ и отъ дѣвственницы апостолъ требуетъ, чтобы она не ограничивала этой добродѣтели (дѣвства) чистотою тѣла, но все свободное время употребляла на служеніе Богу: *сіе же*, говоритъ, *на пользу вамъ самѣмъ глаголю: не да силð вамъ наложу, но къ благообразію и благоприступанію Господеви безмолвну* (1 Кор. vII, 35); онъ желаетъ, чтобы дѣвственница не дѣлилась, но всецѣло посвящала себя духовному и небесному, и пеклась о Господнемъ. Къ такой жизни онъ увѣщеваетъ и вдову: *а сущая*, говоритъ, *истинная вдовица и уединена, уповаетъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ и моленіихъ день и нощь* (1 Тим. v, 3). А если вдовы то время, которое слѣдуетъ употреблять на евангельскія дѣла, тратятъ во всю жизнь на занятія не только излишнія и безполезныя, но и весьма вредныя, то онъ справедливо уже располагаетъ ихъ къ браку. И какъ іудеямъ Богъ далъ субботу, не для того, чтобы они просто бездѣйствовали (въ этотъ день), но чтобы воздерживались отъ порочныхъ дѣлъ: такъ и вдова и дѣвственница избираютъ этотъ образъ жизни не для того, чтобы только не жить съ мужьями, но чтобы пещись о Господнемъ, чтобы всецѣло посвящать себя на служеніе Богу.

4. Такъ, скажешь; но нестерпимое будетъ бѣдствіе для женщины, неопытной въ дѣлахъ, если она будетъ вынуждена нести мужскія обязанности; она не въ состояніи будетъ распорядиться, какъ мужчина, и не достигнетъ ничего, кромѣ огорченій и потери всего имущества. Неужели же всѣ, не вступившія во второй бракъ, потеряли все свое имущество и лишились всего и нельзя указать ни на одну вдовую женщину, управляющую дѣлами? Все это притворство и предлогъ и прикрытіе собственной слабости. Многія
615 женщины лучше мужей и управляли домомъ, и воспитывали дѣтей—сиротъ, и доставшееся имъ имущество однѣ изъ нихъ увеличили, другія не уменьшили. И Богъ вначалѣ не все ввѣрилъ мужчинамъ и не во всемъ поставилъ житейскія дѣла въ зависи-

мость только отъ нихъ; иначе женщина подверглась бы презрѣнію, какъ нисколько не содѣйствующая намъ въ жизни. Зная это, Богъ предоставилъ ей не меньшую часть (дѣлъ), что и выразилъ издревле въ словахъ: *сотворимъ ему помощника* (Быт. II, 18). Чтобы мужъ на томъ основаніи, что онъ созданъ первымъ и что жена сотворена для него, не сталъ превозноситься предъ нею, Богъ этими словами смирилъ гордость его и показалъ, что жена, не менѣе мужа, необходима для мірскихъ дѣлъ. Какія же эти дѣла и въ чемъ она помогаетъ намъ къ устройству жизни? Такъ какъ настоящее благосостояніе зависитъ отъ семейныхъ дѣлъ не менѣе, чѣмъ отъ общественныхъ, то Богъ раздѣлилъ ихъ, и общественныя всѣ предоставилъ мужчинамъ, а домашнія женщинамъ; и если измѣнить этотъ порядокъ, то все разстроится и погибнетъ; такъ каждый изъ нихъ (мужъ и жена) въ своемъ дѣлѣ гораздо полезнѣе другого. Итакъ, если домашнія дѣла зависятъ отъ женскаго благоразумія, и если жена въ этомъ отношеніи столько же превосходитъ мужа, сколько художники въ своемъ искусствѣ превосходятъ невѣждъ: то къ чему у насъ такое напрасное опасеніе? Пріумножать имущество и собирать извнѣ свойственно только мужчинамъ, а женщинѣ заботиться о прибыли непристойно; но хранить и беречь пріобрѣтенное—свойственно только ей. Хотя и кажется, что пріобрѣтать важнѣе, чѣмъ сберегать, однако и первое безъ послѣдняго бываетъ безполезно и напрасно; часто даже первое и при послѣднемъ не только не приноситъ пользы, но и губитъ все. Такъ какъ трудно, чтобы мужъ, пріобрѣтая выгоды отвнѣ, всегда пріобрѣталъ ихъ справедливымъ способомъ (ибо мужчины часто извлекаютъ прибыль изъ несчастій другихъ людей); то доставшіяся въ руки жены неправедныя и насильственныя пріобрѣтенія часто вредятъ ея искусству и хозяйству. Посему, хотя пріобрѣтать и важнѣе, чѣмъ сохранять, однако и первое оказывается хуже послѣдняго въ другомъ отношеніи, когда не только не содѣйствуетъ умноженію имущества, но и губитъ собранное. Почему же вдова будетъ опасаться, чтобы безъ мужа не пошли хуже домашнія дѣла, о которыхъ и при жизни его она сама имѣла попеченіе? Онъ, скажешь, легче можетъ распоряжаться, такъ какъ изъ страха предъ нимъ никто не станетъ противодѣйствовать и производить затрудненія; тогда и слуги, и домоправители, и повѣренные, и всѣ, боясь его, слушаются съ полною готовностію, и никто не противорѣчитъ; а когда умретъ тотъ, кого боялись, всѣ нападаютъ на вдову, оскорбляютъ ее, дѣлаются дерзкими, все приводятъ въ безпорядокъ и разстройство; если же она станетъ противиться и расправляться, подвергая (непокорныхъ) истязаніямъ и побоямъ, и заключая въ темницу, то будутъ пересуды, злословія, укоризны отъ мно-

гихъ. Но, если она нарушитъ вѣрность къ покойному и забудетъ любовь его, и тотъ вечеръ, въ который онъ впервые соединился съ нею, и рукоплесканія, и пѣсни, и брачные свѣтильники, и пер-
616 выя объятія, и трапезы и прочее, въ чемъ она всегда принимала участіе, и рѣчи, которыя обыкновенно жена слышитъ отъ мужа; если все это вдругъ отброситъ, какъ будто этого и не было, отворивъ двери дома своего другому, и привлечетъ его къ ложу покойнаго—этому свидѣтелю всего прошлаго,—если она сдѣлаетъ это, неужели никто не будетъ укорять и осуждать ее? Неужели никто не возненавидитъ, и не назоветъ жестокою, невѣрною, клятвопреступною и всѣми подобными названіями?

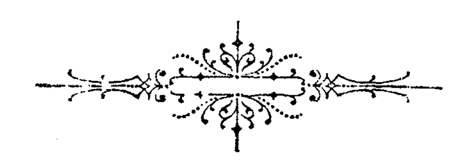
5. Не думай, будто потому, что блаженный Павелъ дозволилъ второй бракъ, онъ уже достоинъ и похвалъ и не осуждается многими. Хотя онъ не подлежитъ взысканію и наказанію, но не можетъ пользоваться похвалами, и прославленіями. Такъ похотливость и сладострастіе (мужа) и невоздержаніе отъ жены во время поста, или въ какое-либо другое время, также избѣгаетъ наказанія, но не удостаивается похвалъ; самое это снисхожденіе есть не что иное, какъ обличеніе его великой слабости и небрежности. Если ты опасаешься, чтобы не прослыть жестокою за строгость къ слугамъ, то прежде этого тебѣ должно опасаться, чтобы не прослыть сладострастною и невоздержною. Кромѣ того вдовѣ можно будетъ лучше устроить свои дѣла такъ, чтобы и все имущество ея было въ безопасности, и ее саму не только не поносили, но и хвалили всѣ, а прежде этого, чтобы ей получить божественныя блага. Если она захочетъ сложить свое имущество на небѣ и сокрыть его въ этомъ безопасномъ мѣстѣ, то оно не только не уменьшится, но еще больше увеличится; ибо таково свойство этого сѣянія. Если она не возвысилась до исполненія этой заповѣди и не хочетъ все вдругъ сложить туда, то пусть подумаетъ и о томъ, что, вышедши замужъ, она не непремѣнно найдетъ въ немъ такого человѣка, который увеличитъ ея имущество; если же онъ и будетъ таковъ, то пусть она помыслитъ не объ умноженіи только имущества, но и о томъ, что она можетъ быть вовлечена во многія дѣла, противныя и Богу и людямъ. Если мужъ будетъ изъ числа людей сильныхъ и могущественныхъ, то можетъ случиться, что онъ заставитъ ее многое и дѣлать и терпѣть противъ ея желанія и такимъ образомъ она теперь неизбѣжнѣе подвергнется тому, чего боялась во вдовствѣ, и не только этому, но можетъ испытать самую быструю перемѣну. Оставаясь вдовою, она, если и потерпитъ какой-нибудь ущербъ въ имуществѣ, за то остальнымъ можетъ пользоваться съ великою безопасностію, но сочетавшись съ мужемъ сильнымъ, управляющимъ общественными дѣлами, или

имѣющимъ какую-нибудь другую заботу, она можетъ вдругъ потерять все; потому что въ несчастіяхъ мужей необходимо участвуютъ и жены ихъ. Но, если и не случится ничего такого, какое пріобрѣтеніе, скажи мнѣ, промѣнять свободу на рабство? Какая польза отъ большаго богатства, когда нельзя употреблять его, на что хочется? Не гораздо ли лучше владѣть свободно немногимъ, нежели богатствами всей вселенной, а самой вмѣстѣ съ ними быть подъ властію другого? Не говорю теперь о заботахъ, обидахъ, злословіяхъ, ревности и напрасныхъ подозрѣніяхъ, болѣзняхъ дѣ- 617
торожденія и о всемъ прочемъ. Кто бесѣдуетъ съ дѣвицею, тотъ и объ этомъ можетъ сказать ей, какъ неопытной и незнающей этихъ дѣлъ. Но кто сталъ бы говорить объ этомъ вдовѣ, тотъ сдѣлалъ бы ей непріятность; потому что напрасно пытаться словами учить ее тому, что она лучше узнала по опыту. Впрочемъ полезно прибавить, что дѣвица, вышедши замужъ, будетъ съ нимъ жить съ бóльшею увѣренностію и свободою, нежели вдова. Эту мужъ хотя будетъ любить, какъ свою жену, но не такъ, какъ ту, которую взялъ дѣвицею; а что любовь къ такимъ женамъ (изъ дѣвицъ) гораздо сильнѣе и пламеннѣе, нежели къ тѣмъ (изъ вдовъ), это всякому извѣстно; вдову же онъ будетъ обнимать и любить не отъ всей души, какъ уже познавшую другого мужа. Мы всѣ, такъ сказать, привыкли изъ ревности ли, или по тщеславію, или, не знаю, по какой другой причинѣ, любить больше всего тѣ предметы, которыми и владѣемъ и пользуемся не послѣ другихъ, но распоряжаемся сами одни и первые. Такъ, можно видѣть это, бываетъ у насъ съ одеждами: намъ не столько нравятся одежды, перешедшія въ наше владѣніе отъ другихъ, сколько тѣ, которыхъ никто не носилъ. Тоже и съ домами и сосудами: мы не столько любимъ домъ, доставшійся намъ отъ другого, сколько тотъ, который мы сами построили; и изъ сосудовъ мы съ особенною бережливостію и тщательностію хранимъ тѣ, которые недавно сдѣланы и получили у насъ первое употребленіе, а перешедшими къ намъ отъ другихъ не очень дорожимъ и даже иногда гнушаемся, такъ что и передѣлываемъ ихъ. Если же у насъ бываетъ такое чувство по отношенію къ домамъ, одеждамъ и сосудамъ, то представь, съ какою силою оно должно пробуждаться въ отношеніи къ женѣ, дороже которой ничего нѣтъ для мужа? Тѣ вещи мы можемъ и передать желающимъ, а жену—непозволительно; такъ что скорѣе мы разстанемся съ душою, нежели допустимъ себя до этого. Итакъ къ дѣвицѣ, какъ я сказалъ, мужъ относится со всѣмъ расположеніемъ, какъ неприкосновенной и принадлежащей собственно ему и никому другому, а на вдову, бывшую прежде въ супружествѣ съ другимъ, будетъ смотрѣть не съ такою любовію и расположенностію.

6. Не говори мнѣ о томъ, что бывало изрѣдка и можетъ быть однажды, но о томъ, что постоянно происходитъ на опытѣ. Дѣвица будетъ жить съ бóльшею увѣренностію не только по сказаннымъ причинамъ, но и по многимъ другимъ. Мужъ вдовы легко можетъ и упрекнуть ее въ томъ, что она пренебрегаетъ имъ, и въ доказательство такого пренебреженія сослаться на ея невѣрность первому мужу, и заставитъ ее молчать какъ относительно прошедшаго, такъ и того, чего можетъ быть и не будетъ: пренебреженіе, оказанное покойному, расположитъ и живого ожидать себѣ того же, хотя бы этого и не случилось. И не одинъ мужъ будетъ обременять ее такими упреками, но и слуги, и служанки, если не явно, то тайно будутъ укорять ее и осыпать безчисленными насмѣшками. А если еще случится, что останутся малолѣтнія дѣти послѣ умершаго, то какъ она будетъ воспитывать ихъ, какъ заботиться о нихъ?
618 Не будутъ ли они проводить жизнь несчастнѣе всякихъ сиротъ, видя въ рукахъ другого все имущество своего отца, и прислугу, и домъ, и поля, и главное—жену его? Могутъ ли они относиться къ ней, какъ къ матери? Можетъ ли и она относиться, какъ къ дѣтямъ, къ тѣмъ, которыхъ принуждена бываетъ стыдиться и краснѣть, и которымъ не можетъ оказывать всей материнской любви, потому что душа ея дѣлится между ними и дѣтьми послѣдняго мужа? А что̀, скажетъ кто-нибудь, если она очень молода и не долго жила съ мужемъ? Все это и сказано мною не къ старымъ, а къ молодымъ вдовамъ; со старыми, поступающими такъ, я и говорить не стану; потому что, если уже не убѣдило ихъ воздержаться отъ второго брака ни продолжительное время, ни возрастъ и ничто другое, то тѣмъ менѣе можемъ убѣдить ихъ мы своимъ словомъ. Вся моя рѣчь къ молодымъ. Что̀, скажутъ, если она молода и, проживъ только одинъ годъ въ супружествѣ съ первымъ мужемъ, вступаетъ во второй бракъ? Почему ты обращаешься къ ней предпочтительно предъ той, которая прожила въ бракѣ двадцать или тридцать лѣтъ? Не я, но блаженный Павелъ, который говоритъ: *блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ* (1 Кор. v, 40). Что намъ до той, которая, хотя и долго жила съ мужемъ, но съ однимъ только, съ однимъ и тѣмъ же, съ которымъ сочеталась вначалѣ? А эта отдалась двоимъ, и притомъ въ короткое время. Но она, скажешь, (сдѣлала это) по неволѣ; если бы живъ былъ первый мужъ, она при немъ не полюбила бы другого; а такъ какъ онъ умеръ преждевременно, то она, по необходимости, опять сочеталась съ другимъ. По какой необходимости? Я вижу другую необходимость, бóльшую той, о которой ты говоришь, такую, которая достаточна для удержанія ея при покойномъ, именно испытаніе горестей мірской жизни. Та, которая проводила такую жизнь долго и довольно насладилась ею,

можетъ опять обратиться къ подобной жизни въ надеждѣ найти тѣже удовольствія; но та, которая въ самомъ началѣ (супружеской жизни) испытала такія огорченія, по какому побужденію и съ какою надеждою пойдетъ на встрѣчу тѣмъ же непріятностямъ? И желающій торговать, если, не получивъ еще никакой прибыли, при самомъ выходѣ изъ пристани, потерпитъ кораблекрушеніе, неохотно потомъ возьмется за торговлю. Такъ и эта вдова, которая ожидала (отъ брака) много удовольствій и, не успѣвъ хорошо извѣдать ихъ, испытала такую горесть, конечно не полюбитъ мірской жизни, если не будетъ весьма невоздержною, или лучше сказать, хотя бы она имѣла пламенное расположеніе и сильное пристрастіе къ этой жизни: непріятное начало достаточно можетъ погасить страсть ея. Мы обыкновенно держимся весьма крѣпко своихъ предпріятій, когда хорошо начали ихъ; когда же съ самаго начала и, такъ сказать, съ перваго шага встрѣтимъ непріятности и неудобства, тогда скоро отказываемся отъ своего намѣренія, охладѣвающаго въ насъ. Такъ и овдовѣвшія рано сами должны бы отказываться отъ второго брака, чтобы опять не потерпѣть того же. Остающаяся во вдовствѣ можетъ жить спокойно и не опасаться опять такого же горя, а вступившая во второй бракъ необходимо будетъ ожидать того же несчастія. Кромѣ того, хотя состояніе вдовства одинаково, но не всѣ
вдовы получатъ одинаковыя за него награды, но однѣ большія, а другія 619
меньшія; принявшія это иго въ молодости удостоятся большей чести и награды, нежели овдовѣвшія въ самой старости. Почему? Потому, что первая (вдова), не смотря на множество препятствій, все перенесла по страху Божію, а послѣдняя не понесла и малаго подвига и труда; ибо какой трудъ тамъ, гдѣ нѣтъ ничего требующаго усилій? Посему, какъ вышедшая за другого меньше имѣвшей одного мужа, такъ остающаяся во вдовствѣ съ самой юности много можетъ превзойти потерявшую мужа въ старости; хотя у обѣихъ было по одному только мужу, но одна изъ нихъ прошла (цѣлое) поприще чистоты, другая же далеко отстала позади. Итакъ, смотри не на трудъ только, но и на награду. Многія добрыя дѣла кажутся намъ такъ трудными потому, что, обращая постоянно вниманіе на трудность и тяжесть ихъ, мы не представляемъ въ умѣ уготованныхъ за нихъ наградъ. Не такъ должно поступать, но принимать во вниманіе все вмѣстѣ, съ трудами и награды, и тогда труды покажутся намъ легкими, какъ и дѣйствительно они легки. Такъ доблестный воинъ, когда идетъ на войну, представляетъ себѣ не только раны, пораженіе и смерть, но и трофеи, и побѣды, и всѣ другія почести; и земледѣлецъ, принимаясь за работу, имѣетъ въ виду не только паханье и трудъ копанія земли, но и гумно и точило. Такъ и мы тягость вдовства

будемъ облегчать благими надеждами, и гораздо болѣе, чѣмъ названные люди, потому что исполненію ихъ ожиданія часто препятствуютъ многія независящія отъ нихъ обстоятельства, а нашихъ надеждъ никто не посрамитъ, если мы сами того не пожелаемъ. Не будемъ же имѣть такого желанія, но, имѣя въ виду, что вдова немного уступаетъ дѣвственницѣ (иногда же и превосходитъ ее, когда дѣвственница вмѣшивается въ мірскія дѣла, а вдовица, по словамъ Павла, *уединена уповаетъ на Бога и пребываетъ въ молитвахъ и моленіяхъ*—1 Тим. v, 5—и воздерживается отъ житейскихъ дѣлъ), примемъ на себя этотъ подвигъ, чтобы удостоиться за него вѣнцовъ. Это сказано вамъ не для принужденія и не для того, какъ я сказалъ, мы предложили это увѣщаніе, чтобы осуждать нежелающихъ оставаться вдовами, но чтобы расположить и убѣдить ихъ не слишкомъ привязываться къ землѣ, и однажды отрѣшившись (отъ узъ брака), оставаться свободными, стремиться къ небу, образъ жизни вести тамошній, и соединившись со Христомъ, все дѣлать такъ, какъ слѣдуетъ имѣющимъ такого Жениха; ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Отцемъ и животворящимъ и Святымъ Его Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.



ОБЪ ИЗДАНІИ
Полнаго собранія твореній Св. Іоанна Златоуста.

Съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Палладія, Митрополита С.-Петербургскаго, редакція журналовъ **«Церковный Вѣстникъ»** и **«Христіанское Чтеніе»**, издаваемыхъ при С.-Петербургской Духовной Академіи, съ 1895 года приступила къ изданію **«Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста»** въ русскомъ переводѣ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ изданіе войдутъ *всѣ* дошедшія до насъ подлинныя творенія св. отца церкви въ той послѣдовательности, въ какой они расположены въ извѣстной патрологіи Миня (съ обозначеніемъ страницъ подлинника).

2) Ежегодно будетъ издаваться большой томъ до 60 и болѣе печатныхъ листовъ (болѣе 900 страницъ убористаго, но четкаго шрифта), пока не исчерпано будетъ все изданіе Миня.

3) Цѣна каждаго тома въ отдѣльной продажѣ *три* (3) рубля.

4) Но чтобы облегчить пріобрѣтеніе этого цѣннаго изданія, редакція духовно-академическихъ журналовъ, разсматривая его какъ особое приложеніе къ послѣднимъ, находитъ возможнымъ предоставить своимъ подписчикамъ слѣдующія *льготныя условія:* а) подписчики на **оба журнала** получаютъ каждый томъ вмѣсто *трехъ* рублей **за одинъ рубль** (7+1=8 р.) и подписчики на одинъ изъ нихъ—**за 1 руб. 50 коп.** (5+1 р. 50 к.=6 р. 50 к.), считая въ томъ и пересылку.

При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность, при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ, пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Условія подписки.

Годовая цѣна въ Россіи: а) *За оба журнала* **7** (семь) руб., съ приложеніемъ **Твореній св. Іоанна Златоуста—8** (восемь) руб. съ пересылкою.

б) *Отдѣльно* за «Церковный Вѣстникъ» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній св. Іоанна Златоуста—6** р. **50** к.; за «Христіанское Чтеніе» **5** (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.**

За границей, для всѣхъ мѣстъ: *За оба журнала* **9** (девять) руб., съ приложеніемъ **Твореній св. Іоанна Златоуста—10** р. **50** к., за каждый *отдѣльно* **7** (семь) руб., съ приложеніемъ **Твореній св. Іоанна Златоуста—9** рублей.

За изящный англійскій **переплетъ** «Твореній» прилагается по **50** коп. за томъ.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: **«Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ.**

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи *(Пески, уголъ 7-й ул. и Дегтярной, д. № 26—30, кв. № 8)*, гдѣ можно получать также и другія изданія редакціи.

Редакторъ проф. ***А. Лопухинъ.***

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.
Св. І. Златоустъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

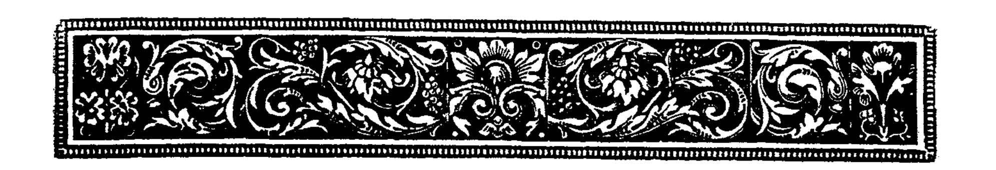
КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1895.

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 17 марта 1895 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Никандръ*.

Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», Невскій, 132.
(Бывшая типографія А. Л. Катанскаго и К°).



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

О СВЯЩЕНСТВѢ

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Слова о Священствѣ написаны св. Іоанномъ Златоустымъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ: въ 374 году по Р. Х., когда онъ жилъ вмѣстѣ съ другомъ и сверстникомъ своимъ Василіемъ вдали отъ мірскихъ дѣлъ, собравшіеся въ Антіохіи епископы вознамѣрились поставить ихъ обоихъ епископами, о чемъ молва дошла и до нихъ; св. Іоаннъ, представляя высокую важность пресвитерскаго и епископскаго служенія и считая себя неприготовленнымъ къ надлежащему исполненію обязанностей пастыря Христовой церкви, скрылся тайно отъ всѣхъ и даже отъ своего сожителя, который и былъ возведенъ въ санъ епископа (вѣроятно, Рафаны Сирійской, близъ Антіохіи); но вскорѣ затѣмъ, увидѣвшись съ св. Іоанномъ, высказалъ ему свои дружескіе упреки за уклоненіе отъ священнаго сана, на которые и служатъ блистательнымъ отвѣтомъ предлагаемыя шесть словъ о Священствѣ. Такимъ образомъ написаніе этихъ словъ должно быть отнесено къ годамъ послѣ 374-го, но не позже 386 года, въ которомъ св. Іоаннъ уже былъ рукоположенъ во пресвитера.

МНОГО было у меня друзей, искреннихъ и вѣрныхъ, знавшихъ и строго соблюдавшихъ законы дружбы; но изъ многихъ одинъ превосходилъ всѣхъ другихъ любовію ко мнѣ и столько успѣлъ въ этомъ опередить ихъ, сколько они—людей равнодушныхъ ко мнѣ. Онъ всегда былъ неразлучнымъ спутникомъ моимъ: мы учились однѣмъ и тѣмъ же наукамъ и имѣли однихъ и тѣхъ же учителей; съ одинаковою охотою и ревностію занимались краснорѣчіемъ и одинаковыя имѣли желанія, проистекавшія отъ однихъ и тѣхъ же занятій. И не только въ то время, когда мы ходили къ учителямъ, но и по выходѣ изъ училища, когда надлежало совѣщаться, какой намъ лучше избрать путь жизни, и тогда мы оказались согласными въ своихъ мысляхъ.

Томъ I. ст. 623.

2. Кромѣ этихъ и другія причины сохраняли единодушіе наше неразрывнымъ и твердымъ; ибо мы не могли превозноситься одинъ предъ другимъ знаменитостію отечества; не было и того, чтобы я изобиловалъ богатствомъ, а онъ жилъ въ крайней бѣдности, но мѣра нашего имущества столь же была равна, какъ и наши чувствованія. И происхожденіе было у насъ равночестное, и все содѣйствовало нашему согласію.

3. Но когда надлежало ему, блаженному, приступить къ монашеской жизни и къ истинному любомудрію, тогда у насъ нарушилось равновѣсіе; его чаша, какъ болѣе легкая, возвысилась, а я, еще связанный мірскими стремленіями, унизилъ свою чашу и склонилъ
624 внизъ, отяготивъ ее юношескими мечтами. Хотя при этомъ дружба наша и оставалась столь же крѣпкою, какъ и прежде, но общежитіе расторглось; потому что не возможно было жить вмѣстѣ занимающимся не однимъ и тѣмъ же. Когда же и я нѣсколько освободился отъ житейской бури, то онъ принялъ меня къ себѣ съ распростертыми руками; но и тогда мы не могли соблюсти прежняго равенства; опередивъ меня и временемъ и оказавъ великую ревность, онъ опять стоялъ выше меня и достигалъ великой высоты.

4. Впрочемъ, какъ человѣкъ добрый и дорого цѣнившій нашу дружбу, онъ, отказавшись отъ всѣхъ другихъ, раздѣлялъ со мною все время, чего и прежде желалъ, но встрѣчалъ препятствіе къ тому въ моей безпечности. Кто былъ привязанъ къ судилищу и гонялся за сценическими увеселеніями, тотъ не могъ часто проводить время съ человѣкомъ, который былъ привязанъ къ книгамъ и никогда не выходилъ на площадь. Но когда, послѣ прежнихъ препятствій, онъ привлекъ меня къ одинаковой съ нимъ жизни, тогда и выразилъ желаніе, которое давно хранилъ въ себѣ, и уже не оставлялъ меня ни на малѣйшую часть дня, не переставая убѣждать, чтобы каждый изъ насъ оставилъ свой домъ и мы оба имѣли одно общее жилище, въ чемъ и убѣдилъ меня, и это даже уже было близко къ исполненію.

5. Но непрестанныя увѣщанія матери воспрепятствовали мнѣ доставить ему это удовольствіе, или лучше, принять отъ него этотъ даръ. Когда мое намѣреніе сдѣлалось ей извѣстнымъ, тогда она, взявъ меня за руку и введя во внутреннее свое жилище, посадила у одра, на которомъ родила меня, и стала проливать источники слезъ и высказывать слова, горестнѣйшія самыхъ слезъ. Рыдая, она говорила мнѣ такъ: „сынъ мой, я сподобилась не долго наслаждаться сожительствомъ съ добродѣтельнымъ отцемъ твоимъ; такъ угодно было Богу *). Смерть его, послѣдовавшая

*) Анѳуса, мать св. Іоанна Златоустаго, овдовѣла на двадцатомъ году своей жизни.

вскорѣ за болѣзнями твоего рожденія, принесла тебѣ сиротство, а мнѣ преждевременное вдовство и горести вдовства, которыя могутъ хорошо знать только испытавшія ихъ. Никакими словами невозможно изобразить той бури и того волненія, которымъ подвергается дѣвица, недавно вышедшая изъ отеческаго дома, еще неопытная въ дѣлахъ и вдругъ пораженная невыносимою скорбію и принужденная принять на себя заботы, превышающія и возрастъ и природу ея. Она, конечно, должна исправлять нерадѣніе слугъ, замѣчать ихъ проступки, разрушать козни родственниковъ, мужественно переносить притѣсненія собирающихъ общественныя повинности и строгія требованія ихъ при взносѣ податей. Если еще
послѣ смерти супругъ оставитъ дитя, то, хотя бы это была дочь, 625
и она причинитъ много заботъ матери, впрочемъ не соединенныхъ съ издержками и страхомъ, а сынъ подвергаетъ ее безчисленнымъ опасеніямъ каждый день и еще большимъ заботамъ. Я не говорю о тѣхъ денежныхъ издержкахъ, которыя она должна употребить, если желаетъ дать ему хорошее воспитаніе. Однако же ничто изъ всего этого не заставило меня вступить во второй бракъ, и ввести другого супруга въ домъ отца твоего; но среди смятеній и безпокойствъ я терпѣла и не убѣжала изъ жестокой пещи вдовства; меня, во-первыхъ, подкрѣпляла вышняя помощь, а затѣмъ немалое утѣшеніе въ этихъ горестяхъ мнѣ доставляло то, что я постоянно взирала на твое лице и видѣла въ немъ живой и вѣрнѣйшій образъ умершаго. Поэтому, бывъ еще младенцемъ и едва умѣя лепетать, когда дѣти особенно бываютъ пріятны родителямъ, ты приносилъ мнѣ много отрады. Ты не можешь сказать и укорять меня и за то, что я, мужественно перенося вдовство, растратила на нужды вдовства твое отцовское имущество, какъ потерпѣли, я знаю, многіе несчастные сироты. Я сохранила въ цѣлости все это имущество и вмѣстѣ не жалѣла издержекъ, требовавшихся для наилучшаго твоего воспитанія, употребляя на это собственныя деньги, съ которыми я вышла изъ отеческаго дома. Не подумай, что я говорю теперь это въ укоризну тебѣ; но за все это я прошу у тебя одной милости: не подвергай меня второму вдовству и скорби, уже успокоившейся не воспламеняй снова; подожди моей кончины. Можетъ быть, спустя немного времени, я умру. Молодые надѣются достигнуть глубокой старости, а мы состарившіеся ничего другого не ожидаемъ, кромѣ смерти. Когда предашь меня землѣ и присоединишь къ костямъ отца твоего, тогда предпринимай далекія путешествія и переплывай моря, какія хочешь; тогда никто не будетъ препятствовать; а пока я еще дышу, потерпи сожительство со мною; не прогнѣвляй Бога тщетно и напрасно, подвергая такимъ бѣдствіямъ меня, не сдѣлавшую тебѣ никакого зла. Если

ты можешь обвинять меня въ томъ, что я вовлекаю тебя въ житейскія заботы и заставляю пещись о твоихъ дѣлахъ, то бѣги отъ меня какъ отъ недоброжелателей и враговъ, не стыдясь ни законовъ природы, ни воспитанія, ни привычки, и ничего другого; если же я дѣлаю все, чтобы доставить тебѣ полное спокойствіе въ теченіе жизни, то, если не что другое, по крайней мѣрѣ эти узы пусть удержатъ тебя при мнѣ. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не доставитъ тебѣ такого спокойствія; потому что нѣтъ никого, кто бы заботился о твоемъ благополучіи столько, сколько—я".

6. Это и еще больше этого говорила мнѣ мать, а я передалъ благородному другу; но онъ не только не убѣдился этими словами, а еще съ большимъ усиліемъ убѣждалъ меня исполнить прежнее намѣреніе. Когда мы были въ такомъ состояніи, и часто онъ упрашивалъ, а я не соглашался, вдругъ возникшая молва возмутила обоихъ насъ; пронесся слухъ, будто намѣреваются возвести насъ въ санъ епископства. Какъ скоро я услышалъ эту вѣсть, страхъ и недоумѣніе объяли меня: страхъ того, чтобы не взяли меня противу моей воли;
626 недоумѣніе потому, что, часто размышляя, откуда у людей явилось подобное предположеніе обо мнѣ, и углубляясь въ себя самого, я не находилъ въ себѣ ничего достойнаго такой чести. А благородный (другъ мой), пришедши ко мнѣ и наединѣ сообщивъ эту вѣсть мнѣ, какъ бы не слышавшему ея, просилъ меня и въ настоящемъ случаѣ, какъ и прежде, дѣйствовать и мыслить одинаково, увѣряя, что онъ съ своей стороны готовъ слѣдовать за мною, какой бы я ни избралъ путь, убѣжать ли, или быть избраннымъ. Тогда я, увидѣвъ готовность его и думая, что я нанесу вредъ всему обществу церковному, если, по своей немощи, лишу стадо Христово юноши столь прекраснаго и способнаго къ предстоятельству надъ народомъ, не открылъ ему своего мнѣнія объ этомъ, хотя прежде никогда не скрывалъ отъ него ни одной моей мысли; но сказавъ, что совѣщаніе объ этомъ должно отложить до другого времени, такъ какъ теперь нѣтъ необходимости спѣшить, скоро убѣдилъ его не заботиться объ этомъ и твердо надѣяться на меня, какъ единодушнаго съ нимъ, если дѣйствительно случится съ нами что нибудь такое. По прошествіи нѣкотораго времени, когда прибылъ тотъ, кто имѣлъ рукоположить насъ, а я между тѣмъ скрылся, другъ мой, не знавшій ничего этого, отводится подъ нѣкоторымъ другимъ предлогомъ и принимаетъ это иго, надѣясь по моимъ ему обѣщаніямъ, что и я непремѣнно послѣдую за нимъ, или лучше, думая, что онъ слѣдуетъ за мною. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тамъ, видя его сѣтующимъ на то, что взяли его, усилили недоумѣніе, взывая: „несправедливо будетъ, когда тотъ,

кого всѣ считали человѣкомъ болѣе смѣлымъ,—разумѣя меня,—съ великимъ смиреніемъ покорился суду отцевъ, этотъ болѣе благоразумный и скромный станетъ противиться и тщеславиться, упорствовать, отказываться и противорѣчить". Онъ послушался этихъ словъ; когда же услышалъ, что я убѣжалъ, то пришелъ ко мнѣ съ великою скорбію, сѣлъ возлѣ меня и хотѣлъ что-то сказать, но отъ душевнаго волненія не могши выразить словами испытываемой скорби, какъ только порывался говорить, останавливался; потому что печаль прерывала его рѣчь прежде, чѣмъ она вырывалась изъ устъ. Видя его въ слезахъ и въ сильномъ смущеніи, и зная тому причину, я выражалъ смѣхомъ свое великое удовольствіе и, взявъ его руку, спѣшилъ облобызать его, и славилъ Бога, что моя хитрость достигла конца благого и такого, какого я всегда желалъ. Онъ же, видя мое удовольствіе и восхищеніе и узнавъ, что еще прежде съ моей стороны была употреблена съ нимъ эта хитрость, еще болѣе смущался и горевалъ.

7. Когда волненіе души его немного утихло, онъ сказалъ: если уже ты презрѣлъ меня, и не обращаешь на меня никакого вниманія,—не знаю, впрочемъ, за что,—по крайней мѣрѣ тебѣ надлежало бы позаботиться о твоей чести; а теперь ты открылъ всѣмъ уста; всѣ говорятъ, что ты изъ тщеславія отказался отъ этого служенія, и нѣтъ никого, кто бы защитилъ тебя отъ такого обвиненія. А мнѣ нельзя даже выдти на площадь: столь многіе подходятъ ко мнѣ и укоряютъ каждый день. Знакомые, увидѣвъ меня гдѣ нибудь въ городѣ, отводятъ въ сторону и большею частію осыпаютъ меня укоризнами. „Ты, говорятъ они, зная его мысли,— 627
ибо онъ не таилъ отъ тебя ничего, что до него касалось,—не долженъ бы скрывать ихъ, а сообщилъ бы намъ, и конечно мы приняли бы мѣры къ его уловленію". Но я краснѣю и стыжусь сказать имъ, что мнѣ не извѣстно было твое давнее намѣреніе, чтобы не подумали, что дружба наша была лицемѣрною. Если это такъ,—какъ и на самомъ дѣлѣ такъ, отъ чего и ты не отречешься послѣ настоящаго твоего поступка со мною,—то отъ постороннихъ людей, сколько-нибудь знающихъ насъ, нужно скрыть наше недоброе отношеніе. Сказать имъ правду, какъ было дѣло между нами, я не рѣшаюсь; поэтому принужденъ молчать, потуплять глаза свои въ землю, уклоняться и избѣгать встрѣчныхъ. Если даже я избѣгну перваго нареканія (въ неискренности дружбы), то непремѣнно будутъ укорять меня за ложь. Они никогда не согласятся повѣрить мнѣ въ томъ, чтобы ты и Василія сравнилъ съ другими, которымъ не слѣдуетъ знать твои тайны. Впрочемъ я и не забочусь много объ этомъ: такъ тебѣ было угодно; но какъ перенесемъ позоръ другихъ обвиненій? Одни приписываютъ тебѣ

гордость, другіе—честолюбіе; а тѣ изъ обвинителей, которые еще безжалостнѣе, осуждаютъ насъ за то и другое вмѣстѣ и прибавляютъ, что мы оскорбили самихъ избирателей, о которыхъ говорятъ: „справедливо они потерпѣли это, хотя бы и большему подверглись безчестію отъ насъ, за то, что оставивъ столь многихъ и столь почтенныхъ мужей, избрали юношей, которые, такъ сказать, вчера еще были погружены въ житейскія заботы и на короткое время приняли степенный видъ, надѣли сѣрое платье и притворились смиренными, и вдругъ возвели ихъ въ такое достоинство, о которомъ они и во снѣ не мечтали. Тѣ, которые отъ самаго перваго возраста до глубокой старости продолжаютъ свое подвижничество, остаются въ числѣ подчиненныхъ; а ими управляютъ ихъ дѣти, даже не слыхавшіе о тѣхъ законахъ, которыми должно руководствоваться въ управленіи". Съ такими и еще большими укоризнами они постоянно пристаютъ ко мнѣ, а я не знаю, чѣмъ мнѣ защищаться противъ этого; прошу тебя, скажи мнѣ. Думаю, что ты не просто и не безъ причины обратился въ бѣгство и открыто объявилъ вражду столь великимъ мужамъ, но конечно рѣшился на это съ какою нибудь обдуманною и опредѣленною цѣлію; изъ этого я заключаю, что у тебя готова рѣчь и для оправданія. Скажи же, какую справедливую причину мы можемъ представить нашимъ обвинителямъ. А что ты несправедливо поступилъ со мною, за это я не виню тебя, ни за твой обманъ, ни за твою измѣну, ни за то расположеніе, которымъ ты пользовался отъ меня во все прежнее время. Я душу свою, такъ сказать, принесъ и отдалъ въ твои руки, а ты такъ хитро поступилъ со мною, какъ будто тебѣ надлежало остерегаться какихъ нибудь непріятелей. Если ты признавалъ полезнымъ это намѣреніе (избранія въ епископа), то тебѣ не слѣдовало лишать себя пользы отъ него; а если вреднымъ, то слѣдовало предохранить отъ вреда и меня, котораго, по твоимъ словамъ, ты всегда предпочиталъ всѣмъ. А ты сдѣлалъ все, чтобы я попался, и не опустилъ никакого коварства и лицемѣрія про-
628 тивъ того, кто привыкъ говорить и поступать съ тобою просто и безъ коварства. Впрочемъ я, какъ уже сказалъ, нисколько не виню тебя за это, и не укоряю за одиночество, въ которомъ ты меня оставилъ, прервавъ тѣ совѣщанія, отъ которыхъ мы часто получали и удовольствіе и немаловажную пользу; но все это я оставляю и переношу молчаливо и кротко, не потому впрочемъ, чтобы поступокъ твой со мной былъ кротокъ, но потому, что съ того самаго дня, когда вступилъ въ дружбу съ тобою, я поставилъ себѣ правиломъ—никогда не доводить тебя до необходимости оправдываться въ томъ, чѣмъ ты захотѣлъ бы огорчить меня. Что ты нанесъ мнѣ не малый вредъ, это знаешь и самъ ты, если помнишь, что всегда говорили

посторонніе о насъ и мы сами о себѣ, именно, что весьма полезно для насъ быть единодушными и ограждать себя взаимною любовію. Прочіе всѣ даже говорили, что наше единодушіе принесетъ не малую пользу и многимъ другимъ, хотя я съ своей стороны никогда не думалъ, чтобы могъ доставить пользу другимъ, но говорилъ, что отъ этого по крайней мѣрѣ мы получимъ ту немалую пользу, что будемъ неприступными для желающихъ нападать на насъ. Объ этомъ я никогда не переставалъ напоминать тебѣ. Теперь трудное время; зложелателей много; искренняя любовь исчезла; мѣсто ея заступила пагубная ненависть; мы ходимъ *посредѣ сѣтей*, и шествуемъ *по забраламъ града* (Сирах. IX, 18); людей, готовыхъ радоваться постигающимъ насъ несчастіямъ, много; они отовсюду окружаютъ насъ; а соболѣзнующихъ—нѣтъ никого, или очень мало. Смотри, чтобы намъ, разлучившись, когда нибудь не навлечь на себя великаго осмѣянія и еще большаго вреда. *Братъ отъ брата помогаемъ яко градъ твердъ, и якоже основаное царство* (Притч. XVIII, 19). Не разрывай же этого единенія, не разрушай этого оплота. Непрестанно я говорилъ тебѣ это и больше того, ничего не подозрѣвая и считая тебя совершенно здравымъ въ отношеніи ко мнѣ, и только отъ избытка чувствъ желая предложить врачеваніе здравствующему; но я не зналъ, какъ оказывается, что давалъ лѣкарство больному; и такимъ образомъ я несчастный ничего не достигъ, и не произошло для меня никакой пользы отъ такой заботливости. Ты вдругъ отвергъ все это и не подумалъ, что пустилъ меня, какъ ненагруженный корабль, въ безпредѣльное море, и не представилъ себѣ тѣхъ свирѣпыхъ волнъ, съ которыми должно мнѣ бороться. Если случится, что откуда нибудь нападетъ на меня клевета или осмѣяніе или другая какая обида и непріязнь (а это нерѣдко должно случаться), то къ кому я тогда прибѣгну? Кому сообщу свое уныніе? Кто захочетъ помочь мнѣ, отразитъ оскорбителей и заставитъ ихъ не оскорблять болѣе, а меня утѣшитъ и подкрѣпитъ переносить непристойности другихъ? Нѣтъ никого, такъ какъ ты сталъ далеко отъ этой жестокой борьбы и не можешь даже услышать моего голоса. Знаешь ли ты, сколь великое сдѣлалъ ты зло? Признаешь ли, по крайней мѣрѣ послѣ пораженія, какой смертельный ударъ ты нанесъ мнѣ? Но оставимъ это; сдѣланнаго уже невозможно исправить, и изъ безвыходнаго положенія—найти выходъ. Но что мы скажемъ постороннимъ? Чѣмъ будемъ защищаться противъ ихъ обвиненій?

8. *Златоустъ*. Будь спокоенъ,—отвѣчалъ я,—не только въ этомъ 629
я готовъ дать отчетъ, но и въ томъ, въ чемъ ты прощаешь меня, постараюсь оправдаться, сколько могу. И если угодно, съ этого прежде всего начну свою защиту. Я былъ бы весьма безразсуденъ

и не благодаренъ, если бы, заботясь о мнѣніи людей посторонних и принимая всѣ мѣры къ прекращенію ихъ укоризнъ намъ, не могъ увѣрить въ невинности моей того, кто для меня любезнѣе всѣхъ, и кто столько щадитъ меня, что не желаетъ обвинять даже за то, въ чемъ, по его словамъ, я виновенъ предъ нимъ, и не заботясь о себѣ, еще продолжаетъ пещись о мнѣ, — если бы показалъ болѣе невниманія въ отношеніи къ такому человѣку, нежели сколько онъ показалъ заботливости о мнѣ. Итакъ, чѣмъ я оскорбилъ тебя? Отсюда я намѣренъ пуститься въ море защиты. Тѣмъ ли, что употребилъ хитрость предъ тобою и скрылъ мое намѣреніе? Но это служило къ пользѣ и твоей, когда ты обманулся, и тѣхъ, которымъ посредствомъ укрывательства я выдалъ тебя. Если укрывательство во всѣхъ отношеніяхъ есть зло и никогда нельзя употреблять его даже на пользу, то я готовъ принять наказаніе, какое тебѣ угодно, или лучше, такъ какъ ты никогда не согласишься наказать меня, я самъ себя накажу такъ, какъ наказываютъ судіи преступниковъ, обличенныхъ обвинителями. Если же оно не всегда бываетъ вредно, но дѣлается худымъ или хорошимъ по намѣренію дѣйствующихъ, то оставь обвинять за то, что ты обманулся, а докажи, что эта хитрость употреблена была на зло; а пока это не будетъ доказано, не только не должно укорять и обвинять, но справедливо было бы, если бы желающіе быть признательными даже хвалили употребившаго хитрость. Хитрость благовременная и сдѣланная съ добрымъ намѣреніемъ приноситъ такую пользу, что многіе часто подвергались наказанію за то, что не воспользовались ею. Припомни, если хочешь, отличнѣйшихъ изъ военачальниковъ, начиная съ глубокой древности, и ты увидишь, что ихъ трофеи большею частію были слѣдствіемъ хитрости, и такіе болѣе прославляются, чѣмъ тѣ, которые побѣждали открытою силою. Послѣдніе одерживаютъ верхъ съ великою тратою денегъ и людей, такъ что никакой выгоды не остается имъ отъ побѣды, но побѣдители бѣдствуютъ нисколько не меньше побѣжденныхъ и отъ истребленія войска и отъ истощенія казнохранилища; притомъ они не могутъ наслаждаться вполнѣ и славою побѣды, ибо не малая часть ея принадлежитъ иногда и побѣжденнымъ, которые побѣждаются только тѣлами, преодолѣвая душами, и если бы возможно было имъ не падать отъ ударовъ и постигшая смерть не сразила ихъ, они никогда не потеряли бы мужества. А побѣдившій хитростію подвергаетъ непріятелей не только бѣдствію, но и посмѣянію. Тамъ оба (и побѣдители и побѣжденные) равно получаютъ похвалы за мужество; а здѣсь—относительно благоразумія не такъ, но трофей всецѣло принадлежитъ побѣдителямъ и, что не менѣе важно, они приносятъ въ городъ радость о побѣдѣ безукоризнен-

ную. Изобиліе денегъ и множество людей не то, что благоразуміе души; тѣ истрачиваются, когда кто непрестанно пользуется ими на войнѣ, и пользовавшіеся лишаются ихъ; а благоразуміе, чѣмъ болѣе кто употребляетъ его въ дѣло, тѣмъ болѣе обыкновенно 630
увеличивается. И не на войнѣ только, но и въ мирное время можно находить великую и необходимую пользу отъ хитрости, и не только въ дѣлахъ общественныхъ, но и въ домашнихъ, у мужа въ отношеніи къ женѣ и у жены къ мужу, у отца къ сыну и у друга къ другу и даже у дѣтей къ отцу. Такъ дочь Саула не могла бы иначе исхитить мужа своего изъ рукъ Саула, если бы не употребила хитрости въ отношеніи къ отцу, и братъ ея (Іонаѳанъ), желая спасеннаго ею спасти отъ новой опасности, воспользовался тамъ же самымъ средствомъ, какимъ и жена (Давидова) (1 Цар. гл. XIX и XX).

Василій сказалъ: все это не относится ко мнѣ; я не врагъ и непріятель и не изъ числа желающихъ причинить обиду, но совершенно напротивъ; повѣряя всегда твоему усмотрѣнію всѣ мои мысли, я поступалъ такъ, какъ ты приказывалъ.

9. *Златоустъ*. Но, почтеннѣйшій и добрѣйшій, для того я и сказалъ предварительно, что не только на войнѣ и противъ враговъ, но и во время мира и въ отношеніи къ любезнѣйшимъ полезно употреблять хитрость. Что дѣйствительно это бываетъ полезно не только употребляющимъ хитрость, но и тѣмъ, въ отношеніи къ которымъ она употребляется, для этого подойди къ кому-нибудь изъ врачей и спроси, какъ они излѣчиваютъ больныхъ, и ты услышишь отъ нихъ, что они не всегда довольствуются однимъ искусствомъ своимъ, но иногда употребляютъ и хитрость и при ея помощи возстановляютъ здоровье больныхъ. Когда упрямство больныхъ и жестокость самой болѣзни дѣлаютъ недѣйствительными совѣты врачей; тогда, по необходимости, врачи прибѣгаютъ къ хитрости, чтобы, какъ на сценѣ, можно было скрыть истину. Если хочешь, я разскажу тебѣ одну хитрость изъ многихъ, которыя, какъ я слышалъ, устрояютъ врачи. Къ одному человѣку пристала вдругъ сильная горячка и жаръ увеличивался; всѣ средства, которыя могли бы утушить огонь, больной отвергалъ, а желалъ и усильно настаивалъ, умоляя всѣхъ приходящихъ къ нему, принести ему много вина и дать ему утолить мучительную жажду. Но кто согласился бы доставить ему это удовольствіе, тотъ не только усилилъ бы горячку, но и привелъ бы несчастнаго въ умопомѣшательство. Тогда, когда искусство было безсильно и не имѣло болѣе средствъ, но совершенно было отвергнуто, употребленная хитрость показала такую силу, какъ тотчасъ услышишь отъ меня. Врачъ беретъ глиняной сосудъ, лишь только вы-

нутый изъ печи, погружаетъ его въ вино, и потомъ, вынувъ его пустымъ, наполняетъ его водою; комнату, въ которой лежалъ больной, приказываетъ сдѣлать темною посредствомъ многихъ занавѣсокъ, дабы свѣтъ не изобличилъ хитрости, и даетъ больному пить изъ сосуда, какъ бы наполненнаго виномъ. Тотъ, прежде нежели взялъ сосудъ въ руки, вдругъ обольщенный запахомъ вина, не хотѣлъ и разбирать того, что было дано ему; но, увѣряемый обоняніемъ, обманываемый темнотою и побуждаемый сильнымъ желаніемъ, выпилъ данное ему съ великою охотою; и, насытившись, тотчасъ получилъ облегченіе отъ жара и избѣгъ угрожавшей опасности. Видишь ли пользу хитрости? Но если бы исчислять всѣ хитрости врачей, то не было бы и конца слову. И можно указать, что не только врачующіе тѣла, но и пекущіеся объ исцѣленіи душевныхъ болѣзней, часто пользуются такимъ врачевствомъ. Такъ блаженный (Павелъ) привелъ ко Христу многія тысячи іудеевъ
331 (Дѣян. XXI, 20—26). Съ этимъ намѣреніемъ онъ обрѣзалъ Тимоѳея, тогда какъ къ Галатамъ писалъ, что *Христосъ ничтоже пользуетъ обрѣзывающимся* (Дѣян. XVI, 3. Гал. V, 2). Для того онъ былъ подъ закономъ, хотя считалъ *тщетою* оправданіе отъ закона при вѣрѣ во Христа (Филип. III, 7—9). Велика сила такой хитрости, только бы она употреблялась не съ злонамѣренною цѣлію; или лучше сказать, ее должно называть не хитростію, но нѣкоторою предусмотрительностію, благоразуміемъ и искусствомъ, способствующимъ находить много выходовъ въ безвыходныхъ положеніяхъ и исправлять душевные недостатки. Такъ я не назову Финееса убійцею, хотя онъ однимъ ударомъ пронзилъ двухъ человѣкъ (Числ. XXV, 8); также и Илію—за сто (убитыхъ) воиновъ съ ихъ военачальниками, и за обильный потокъ крови, пролитой имъ при убіеніи жрецовъ демонскихъ (4 Цар. I; 3 Цар. XVIII). Если же мы опустимъ это изъ виду, и если кто будетъ смотрѣть на одни дѣла, не принимая во вниманіе намѣренія дѣйствовавшихъ, тотъ можетъ и Авраама обвинить въ дѣтоубійствѣ, а внука и потомка его обвинитъ въ злодѣяніи и коварствѣ; потому что одинъ (Іаковъ) овладѣлъ первородствомъ (брата своего), а другой (Моисей) перенесъ египетскія сокровища въ израильское войско (Быт. XXVII. Исх.; XII, 35, 36). Но нѣтъ, нѣтъ; не допустимъ такой дерзости! Мы не только не винимъ ихъ, но и прославляемъ ихъ за это; потому что самъ Богъ восхвалилъ ихъ за это. Обманщикомъ справедливо долженъ называться тотъ, кто пользуется этимъ средствомъ злонамѣренно, а не тотъ, кто поступаетъ такъ съ здравымъ смысломъ. Часто нужно бываетъ употребить хитрость, чтобы достигнуть этимъ искусствомъ вели-

чайшей пользы; а стремящійся по прямому пути нерѣдко наноситъ великій вредъ тому, отъ кого не скрылъ своего намѣренія.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Что позволительно употреблять силу хитрости на добро и что даже нельзя и называть ее хитростію, а нѣкоторою похвальною предусмотрительностію, объ этомъ можно было бы говорить еще больше; но такъ какъ для доказательства достаточно сказаннаго, то было бы обременительно и скучно безъ нужды распространять рѣчь объ этомъ. Остается тебѣ самому подтвердить: дѣйствительно ли послужилъ къ твоей пользѣ совершенный мною поступокъ? 632

Василій сказалъ: какая же произошла для меня польза изъ этой предусмотрительности, или благоразумія, или какъ иначе угодно тебѣ назвать это, по которой я убѣдился бы, что я не обманутъ тобою?

Іоаннъ. А можетъ ли что быть, сказалъ я, важнѣе той пользы, какъ оказаться исполняющимъ то, что служитъ доказательствомъ любви ко Христу, по словамъ самого Христа? Обращаясь къ верховному изъ апостоловъ Онъ говоритъ: *Петръ, любиши ли Мя?*, и когда тотъ исповѣдалъ любовь свою, Онъ прибавляетъ: если любишь Меня, *паси овцы Моя* (Іоан. XXI, 15. 16). Учитель спрашиваетъ ученика, любимъ ли Онъ имъ, не для того, чтобы Самому узнать это (ибо можетъ ли не знать Испытующій сердца всѣхъ?), но чтобы научить насъ, какъ Онъ печется о пасеніи этого стада. Если же это очевидно, то будетъ также ясно и то, что великая и неизъяснимая уготована награда принимающему на себя тотъ трудъ, который дорого цѣнится Христомъ. Если и мы, видя людей, пекущихся о нашихъ слугахъ или стадахъ, принимаемъ такое попеченіе ихъ за знакъ ихъ любви къ намъ, хотя все это пріобрѣтается за деньги, то Стяжавшій себѣ это стадо не деньгами и не другимъ чѣмъ, но собственною смертію, и вмѣсто цѣны давшій за него кровь Свою, какимъ даромъ вознаградитъ пасущихъ его? Посему, когда ученикъ отвѣчалъ: *Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя*, и призвалъ самаго Любимаго въ свидѣтели своей любви, то Спаситель не остановился на этомъ, но указалъ и самый знакъ любви. Ибо Онъ хотѣлъ показать тогда не то, сколько Петръ любилъ Его,—это уже изъ многаго было извѣстно намъ,—но сколько Онъ самъ любитъ Церковь свою, и благоволилъ научить и Петра и всѣхъ насъ, чтобы и мы прилагали великое о ней попеченіе.

Для чего Богъ не пощадилъ и Единороднаго Сына своего, но предалъ Его (Римл. VIII, 32; Іоан. III, 16)? Для того, чтобы примирить съ Собою людей, находившихся съ Нимъ во враждѣ, и сдѣлать ихъ *народомъ избраннымъ* (Тит. II, 14). Для чего (Сынъ Божій) пролилъ кровь свою? Для того, чтобы пріобрѣсти тѣхъ овецъ, которыхъ Онъ ввѣрилъ Петру и его преемникамъ. Не безъ причины Христосъ говорилъ: *кто убо есть вѣрный рабъ и мудрый, егоже поставитъ господинъ его надъ домомъ своимъ* (Матѳ. XXIV, 45)? Опять слова имѣютъ видъ недоумѣнія, но Произносившій ихъ не имѣлъ недоумѣнія; какъ спрашивая Петра, любимъ ли Онъ имъ, Онъ спрашивалъ не потому, чтобы имѣлъ нужду узнать любовь ученика, но чтобы показать чрезмѣрность Своей любви; такъ и здѣсь слова: *кто вѣрный рабъ и мудрый*, Онъ сказалъ не потому, что не зналъ вѣрнаго и мудраго раба, но желая показать, какъ рѣдки такіе рабы и какъ важно это управленіе. Смотри, какова и награда: *надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его* (ст. 47).

633 2. Еще ли будешь подозрѣвать меня въ томъ, будто употреблена недобрая хитрость съ тобою, имѣющимъ блюсти все достояніе Божіе и совершать то, за исполненіе чего, какъ сказалъ Христосъ, Петръ могъ превзойти прочихъ апостоловъ? Петръ, говоритъ Христосъ, *любиши ли Мя паче сихъ? Паси овцы Моя.* Онъ могъ бы сказать ему: если любишь Меня, подвизайся въ постѣ, спи на голой землѣ, бодрствуй непрестанно, защищай притѣсняемыхъ, будь сиротамъ вмѣсто отца и матери ихъ вмѣсто мужа; но теперь, оставивъ все это, что говоритъ Онъ? *Паси овцы Моя.* То, что выше я сказалъ, легко могли бы исполнить многіе и изъ пасомыхъ, не только мужи, но и жены; а когда нужно предстоятельствовать въ Церкви и взять на себя попеченіе о столь многихъ душахъ, то весь женскій полъ и большая часть мужскаго должны устраниться отъ этого великаго дѣла, а выступить тѣ, которые много превосходятъ всѣхъ и столько превышаютъ прочихъ душевною добродѣтелію, сколько Саулъ (превосходилъ) весь народъ еврейскій высотою тѣла (1 Цар. X, 23), или еще гораздо болѣе; ибо здѣсь не мѣра только тѣлесной величины должна приниматься во вниманіе, но сколько одаренные разумомъ люди отличаются отъ безсловесныхъ, такое же должно быть различіе между пастыремъ и пасомыми, даже можно сказать и болѣе, такъ какъ находится въ опасности гораздо важнѣйшее. Кто погубитъ овецъ, которыхъ или волки расхитятъ, или разбойники разграбятъ, зараза или другой какой несчастный случай истребитъ, тотъ, можетъ быть, получитъ себѣ нѣкоторую пощаду отъ господина стада; если же и потребуется отъ него отчетъ, то ущербъ будетъ только въ деньгахъ; но кому ввѣрены люди, это разумное стадо Христово, тотъ во-пер-

выхъ погибелью такихъ овецъ наноситъ ущербъ не имуществу, а душѣ своей; а за тѣмъ и подвигъ предстоитъ ему гораздо важнѣйшій и труднѣйшій. Онъ борется не съ волками, страшится не разбойниковъ и заботится не о томъ, чтобы отвратить заразу отъ стада, но съ кѣмъ у него война и съ кѣмъ борьба? Послушай блаженнаго Павла, который говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 12). Видишь ли страшное множество враговъ и свирѣпыя полчища, вооруженныя не желѣзомъ, но имѣющія достаточную силу въ самомъ существѣ своемъ вмѣсто всякаго оружія? Хочешь ли видѣть и другое войско, дерзкое и жестокое, которое нападаетъ на это стадо? Можешь увидѣть и его съ той же самой высоты (св. Писанія). Тотъ же, кто сказалъ намъ о первыхъ, указываетъ намъ и этихъ враговъ въ слѣдующихъ словахъ; *явлена суть дѣла плотская, яже суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣянія, вражды, рвенія, завиды, ярости, распри, клеветы, шептанія, киченія, нестроенія* (Галат. V, 19, 20. 2 Кор. XII, 20), и другія многочисленнѣйшія; ибо не все онъ исчислилъ, но предоставилъ по этому заключать и о прочемъ. Притомъ у пастыря безсловесныхъ намѣревающіеся разграбить стадо, когда увидятъ, что стражъ обратился въ бѣгство, оставляютъ борьбу съ нимъ и довольствуются расхищеніемъ стада; а здѣсь враги хотя бы захватили все стадо, и тогда не отстаютъ отъ пастыря, но сильнѣе наступаютъ и болѣе свирѣпствуютъ, и не прежде прекращаютъ борьбу, пока или его одолѣютъ, или сами будутъ побѣждены. Кромѣ того, болѣзни у овецъ бываютъ явны, голодъ ли то, зараза ли, 634
рана или что другое, причиняющее вредъ; а это не мало способствуетъ къ излеченію болѣзни. Есть нѣчто и другое важнѣйшее, что ускоряетъ здѣсь исцѣленіе отъ болѣзни. Что же именно? Пасущіе овецъ могутъ съ полною властію заставить ихъ принять врачевство, если онѣ добровольно не хотятъ этого; когда нужно прижечь и отсѣчь, то легко могутъ и связать ихъ и не выпускать долгое время, если это полезно, и дать пищу одну вмѣсто другой, и удержать отъ питья, и все прочее, что только найдутъ полезнымъ для здоровья животныхъ, они могутъ употребить съ великимъ удобствомъ.

3. Но болѣзни человѣческія, во-первыхъ, не легко видѣть человѣку; ибо никто *отъ человѣкъ не вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. II, 11). Какъ же можно употребить лѣкарство противъ болѣзни, не зная ея свойства, а часто не зная и того, боленъ ли кто, или нѣтъ? Если же болѣзнь открыта, тогда врачу еще болѣе предстоитъ трудности; потому

что онъ не можетъ съ такою же властію лѣчить всѣхъ людей, съ какою пастухъ овцу. И здѣсь бываетъ нужно связывать и удерживать отъ пищи, прижигать и отсѣкать; но чтобы принято было врачеваніе, въ этомъ властенъ не тотъ, кто предлагаетъ врачевство, а кто страдаетъ болѣзнію. Зная это, и тотъ дивный мужъ (Павелъ) говорилъ Коринѳянамъ: *не яко обладаемъ вѣрою вашею, но яко споспѣшницы есмы вашей радости* (2 Кор. I, 24). Христіанамъ преимущественно предъ всѣми запрещается — насиліемъ исправлять впадающихъ во грѣхи. Внѣшніе (языческіе) судьи, подвергая преступниковъ суду по законамъ, показываютъ большую власть надъ ними, и противъ воли удерживаютъ ихъ отъ ихъ навыковъ; а здѣсь должно исправлять грѣшника не насиліемъ, а убѣжденіемъ. И законами намъ не дана такая власть къ удержанію грѣшниковъ; и даже если бы и была дана, мы не могли бы воспользоваться этою силою, такъ какъ Богъ награждаетъ тѣхъ, которые воздерживаются отъ пороковъ по доброй волѣ, а не по принужденію. Посему требуется много искусства для того, чтобы страждущіе убѣдились добровольно подвергнуться врачеванію отъ священниковъ, и даже чтобы благодарили ихъ за врачеваніе. Если связанный освободитъ себя отъ узъ (ибо онъ властенъ на это), то увеличитъ свое бѣдствіе; и если презритъ слова, разсѣкающія подобно желѣзу, то этимъ пренебреженіемъ прибавитъ себѣ новую рану, и средство врачеванія сдѣлается причиною тягчайшей болѣзни; ибо съ принужденіемъ и противъ желанія больнаго никто не можетъ лѣчить его.

4. Что же дѣлать? Если легко поступить съ тѣмъ, кто нуждается въ сильномъ врачеваніи, и не глубоко разрѣзать рану тому, кто имѣетъ нужду въ этомъ, то рану частію уврачуешь, а частію
635 нѣтъ; если же безъ пощады произведешь надлежащее разсѣченіе, то больной иногда можетъ, не вытерпѣвъ мученія, вдругъ отвергнуть все, и лѣкарство и перевязку, и устремиться въ пропасть, сбросивъ иго и разорвавъ узы. Я могу указать на многихъ, дошедшихъ до крайней степени зла, потому что на нихъ было наложено наказаніе, соотвѣтствующее ихъ грѣхамъ. Опредѣлять наказаніе по мѣрѣ грѣховъ должно не просто, но соображаясь съ расположеніемъ грѣшниковъ, чтобы, зашивая разрывъ, не сдѣлать большей прорѣхи, и стараясь поднять падшаго, не причинить еще бо̀льшаго паденія. Немощные и разслабленные и наиболѣе преданные удовольствіямъ міра, и притомъ превозносящіеся своимъ происхожденіемъ и властію, если будутъ отклоняемы отъ грѣховъ своихъ постепенно и мало по малу, могутъ хотя и не совершенно, то по крайней мѣрѣ отчасти освободиться отъ обладающихъ ими пороковъ; а если кто вдругъ предложитъ имъ вразум-

леніе, тотъ лишитъ ихъ и малѣйшаго исправленія. Душа, если принужденіемъ хотя разъ будетъ приведена въ стыдъ, впадаетъ въ нечувствительность, и послѣ того уже не слушается и кроткихъ словъ, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодѣяніями, но бываетъ гораздо хуже того города, который порицая пророкъ говорилъ: *лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ* (Iерем. III, 3). Посему пастырю надобно имѣть много благоразумія и много очей, чтобы со всѣхъ сторонъ наблюдать состояніе души. Какъ многіе приходятъ въ ожесточеніе и предаются отчаянію въ своемъ спасеніи потому, что не могутъ переносить жестокаго врачеванія; такъ, напротивъ, есть и такіе, которые, не получивъ наказанія соотвѣтственнаго грѣхамъ, предаются безпечности, становятся гораздо хуже и рѣшаются грѣшить еще больше. Итакъ, долгъ священника—ничего такого не оставлять безъ испытанія, но, по строгомъ изслѣдованіи всего, употреблять соотвѣтственныя мѣры съ своей стороны, чтобы усердіе его не осталось тщетнымъ. И не въ этомъ только можно видѣть трудность его дѣятельности, но и въ присоединеніи къ церкви отдѣлившихся отъ нея членовъ. Стадо идетъ въ слѣдъ своего пастыря, куда онъ поведетъ его; если же какія овцы уклонятся отъ прямого пути и, удалившись отъ хорошей пажити, будутъ блуждать по неплоднымъ и утесистымъ мѣстамъ, то ему слѣдуетъ только закричать сильнѣе, чтобы опять собрать отдѣлившихся и присоединить къ стаду; а если человѣкъ совратится съ пути правой вѣры, то пастырю предстоитъ много трудовъ, усилій, терпѣнія. Человѣка нельзя ни силою влечь, ни страхомъ принуждать, но должно убѣжденіемъ опять приводить къ истинѣ, отъ которой онъ раньше отпалъ. Посему нужна душа мужественная, чтобы не ослабѣть, чтобы не отчаяться въ спасеніи заблуждающихся, чтобы непрестанно и мыслить и говорить: *еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнутъ отъ діаволскія сѣти* (2 Тим. II, 25. 26). Посему и Господь, бесѣдуя съ учениками, сказалъ: *кто убо вѣрный рабъ и мудрый* (Матѳ. XXIV, 45)? Подвизающійся самъ по себѣ приноситъ пользу одному себѣ, а польза отъ пастырской дѣятельности простирается на весь народъ. Раздающій деньги нуждающимся, или какимъ-либо другимъ образомъ помогающій притѣсняемымъ приноситъ нѣкоторую пользу ближнимъ, но на столько меньше священника, на сколько тѣло ниже души. Поэтому справедливо Господь сказалъ, что попеченіе 636
о Его стадѣ есть знакъ любви къ Нему самому.

Василій. А ты развѣ не любишь Христа?

Златоустъ. Люблю, и никогда не перестану любить, но боюсь, чтобы не оскорбить Любимаго мною.

Василій сказалъ: можетъ ли что быть темнѣе этой загадки? Христосъ повелѣлъ любящему Его пасти овецъ Его; а ты отрекаешься пасти потому, что любишь Повелѣвшаго это.

Златоустъ. Никакой нѣтъ загадки въ словахъ моихъ,—сказалъ я,—напротивъ они весьма ясны и просты. Если бы я, имѣя возможность исполнять эту должность такъ, какъ хотѣлъ Христосъ, уклонялся отъ нея, то слѣдовало бы недоумѣвать при словахъ моихъ; но если душевная немощь дѣлаетъ меня неполезнымъ для этого служенія, то требуютъ ли поясненія слова мои? Я боюсь, чтобы, принявъ стадо Христово здравымъ и крѣпкимъ и потомъ по невнимательности причинивъ ему вредъ, мнѣ не прогнѣвать противъ себя Бога, Который такъ возлюбилъ его, что для искупленія и спасенія его предалъ Самого Себя.

Василій сказалъ: это говоришь ты въ шутку; а если не въ шутку, то я не знаю, чѣмъ другимъ ты лучше могъ бы доказать, что я справедливо скорблю, какъ не этими словами, которыми ты старался разсѣять мое уныніе. Я и прежде сознавалъ, что ты хитрилъ и выдавалъ меня, но теперь, когда ты усиливался освободиться отъ обвиненій, я еще болѣе увѣрился въ томъ и ясно вижу, до какихъ бѣдъ ты довелъ меня. Если ты устранилъ себя отъ этого служенія по сознанію, что душа твоя не достаточно сильна для тяжести этого дѣла, то напередъ нужно бы устранить меня, хотя бы даже я сильно стремился къ тому, тѣмъ болѣе, что я сообщилъ тебѣ всѣ мои намѣренія касательно этого; а теперь ты, заботясь только о себѣ, забылъ меня,—и о, если бы только забылъ, и это было бы вожделѣнно;—но ты нарочито устроилъ, чтобы искавшіе удобнѣе могли взять меня. Ты не можешь прибѣгнуть и къ тому оправданію, будто людское мнѣніе увлекло тебя и расположило подозрѣвать во мнѣ нѣчто великое и дивное. Я не принадлежу къ людямъ, пріобрѣтшимъ удивленіе и славу, а если бы это и было такъ, и тогда не слѣдовало бы людскую молву предпочитать истинѣ. Если бы мы съ тобою никогда не жили въ близкомъ общеніи другъ съ другомъ, то ты имѣлъ бы нѣкоторую благовидную причину судить о мнѣ по людской молвѣ; если же никто такъ не зналъ меня, какъ ты, и душа моя была извѣстна тебѣ болѣе, нежели самимъ родителямъ и воспитателямъ моимъ, то какія убѣдительныя слова могутъ увѣрить кого-нибудь въ томъ, что ты не съ намѣреніемъ ввергнулъ меня въ такую опасность? Но оставимъ теперь это; я не принуждаю тебя оправдываться въ этомъ; скажи, что мы будемъ отвѣчать обвинителямъ?

Златоустъ. Я не приступлю къ этому до тѣхъ поръ,—сказалъ я,—пока не оправдаюсь предъ тобою, хотя бы ты самъ тысячекратно извинялъ меня. Ты сказалъ, что если бы я, не зная тебя,

довелъ тебя до настоящаго положенія, то невѣдѣніе доставило бы мнѣ оправданіе, освободивъ меня отъ всякаго обвиненія; а такъ какъ я предалъ тебя не по невѣдѣнію, но совершенно зная тебя, поэтому нѣтъ у меня никакой благовидной и справедливой причины къ моему оправданію. Но я говорю совсѣмъ противное; потому что въ этихъ дѣлахъ требуется строгое испытаніе, и тотъ, кто намѣренъ представить способнаго къ священству, не долженъ довольствоваться только людскою молвою, но вмѣстѣ съ тѣмъ 637
болѣе всѣхъ и прежде всѣхъ самъ долженъ удостовѣриться въ его способностяхъ. Блаженный Павелъ, сказавъ: *подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ* (1 Тим. III, 7), этимъ не отвергаетъ нужды въ строгомъ и вѣрномъ испытаніи и не поставляетъ этого свидѣтельства главнѣйшимъ признакомъ достоинства такихъ лицъ. Предварительно сказавъ о многомъ, онъ послѣ присовокупилъ и это, показывая тѣмъ, что въ избраніи не должно довольствоваться этимъ однимъ признакомъ, но вмѣстѣ съ другими принимать во вниманіе и этотъ. Молва людская часто бываетъ обманчива; а послѣ предварительнаго строгаго испытанія нельзя отъ нея опасаться никакой опасности. Посему, послѣ прочаго онъ упоминаетъ и о свидѣтельствѣ *отъ внѣшнихъ*. Онъ не просто сказалъ: *подобаетъ же ему свидѣтельство добро имѣти*, но прибавилъ: *и отъ внѣшнихъ*, желая изъяснить, что свидѣтельству внѣшнихъ должно предшествовать строгое испытаніе. А такъ какъ я самъ зналъ тебя лучше родителей твоихъ, какъ ты засвидѣтельствовалъ, то, по справедливости, я могу быть свободнымъ отъ всякой вины.

Василій сказалъ: по этой самой причинѣ ты и не могъ бы оправдаться, если бы кто захотѣлъ обвинять тебя. Или не помнишь того, о чемъ и я многократно говорилъ тебѣ и что ты видѣлъ на самомъ дѣлѣ, какъ немощна душа моя? Не потому ли ты постоянно смѣялся надъ моимъ малодушіемъ, что при малѣйшихъ заботахъ я скоро падалъ духомъ?

5. *Златоустъ*. Помню,—сказалъ я,—что часто слышалъ отъ тебя такія слова, и не отрекусь. Если же я когда-нибудь смѣялся, то дѣлалъ это въ шутку, а не по правдѣ. Впрочемъ, теперь я не буду спорить объ этомъ; но прошу и тебя быть искреннимъ предо мною, когда я стану припоминать о нѣкоторыхъ изъ присущихъ тебѣ добродѣтелей. Если ты вздумаешь обличать меня въ неправдѣ, то я не пощажу тебя, но докажу, что ты возражаешь болѣе по скромности, чѣмъ по справедливости; и приведу во свидѣтельство истины словъ моихъ не что другое, а твои же слова и дѣла. Во-первыхъ, я хочу спросить тебя: знаешь ли ты, какова сила любви? Христосъ, не упоминая о всѣхъ чудесахъ, которыя

имѣли быть совершены апостолами, сказалъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35); а Павелъ говоритъ, что любовь есть *исполненіе закона* (Римл. XIII, 10), и что безъ нея и дарованія не приносятъ никакой пользы (1 Кор. XIII, 1. 2). Это-то превосходное сокровище, отличительное свойство учениковъ Христовыхъ, превышающее дарованія, я видѣлъ крѣпко насажденнымъ въ душѣ твоей и приносящимъ обильные плоды.

Василій сказалъ: сознаюсь, что я много забочусь объ этомъ и очень стараюсь соблюдать эту заповѣдь; но что еще и въ половину не исполнилъ ея, это и самъ ты засвидѣтельствуешь, если, оставивъ лесть, захочешь говорить истину.

Златоустъ. Итакъ я обращусь къ доказательствамъ,—сказалъ
638 я,—и чѣмъ угрожалъ, то теперь и сдѣлаю, именно докажу, что ты хочешь быть болѣе скромнымъ, чѣмъ справедливымъ. Разскажу одно событіе, недавно случившееся, не упоминая о прежнемъ, дабы кто не подумалъ, что я стараюсь давностію времени затемнить истину; здѣсь самая близость времени не позволитъ мнѣ прикрыть что-нибудь льстивыми словами.

6. Когда одинъ изъ нашихъ друзей, оклеветанный въ проступкахъ дерзости и гордости, подвергался крайней опасности, и тогда, какъ никто не призывалъ тебя и самъ обвиняемый не просилъ, ты самъ себя ввергнулъ въ опасности. Такъ было дѣло; но чтобы обличить тебя и словами твоими, припомню и сказанное тобою. Когда такую ревность твою одни порицали, другіе хвалили и превозносили, ты сказалъ порицателямъ: „что дѣлать?—иначе не умѣю любить, какъ жертвуя душею моею, когда нужно спасти кого-либо изъ друзей, находящагося въ опасности“, повторивъ, хотя другими словами, но въ томъ же смыслѣ, слова Христовы, которыя Онъ сказалъ ученикамъ, опредѣляя совершенную любовь: *больши сея любве*, говоритъ Онъ, *никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Такимъ образомъ, если нѣтъ высшей степени любви, ты успѣлъ дойти до конца: и дѣлами и словами своими достигъ самой вершины ея. Посему я и предалъ тебя, посему и придумалъ такую хитрость. Теперь убѣдилъ ли я тебя, что не изъ зложелательства и не съ намѣреніемъ ввергнуть въ опасность, но предвидя пользу, я привлекъ тебя на это поприще?

Василій сказалъ: итакъ ты думаешь, что для исправленія ближнихъ достаточно силы любви?

Златоустъ. Большею частію,—сказалъ я,—она весьма можетъ содѣйствовать этой цѣли; если же ты желаешь, чтобы я привелъ доказательства и твоего благоразумія, то приступлю и къ этому, и докажу, что ты благоразуменъ болѣе, нежели сколько любвеобиленъ.

Василій, при этомъ покраснѣвъ отъ стыда, сказалъ: касающееся меня оставимъ теперь; я и вначалѣ не требовалъ отъ тебя рѣчи объ этомъ; если же ты можешь сказать что-нибудь справедливое для *внѣшнихъ*, то я съ удовольствіемъ буду слушать. Посему, оставивъ этотъ пустой споръ, скажи, чѣмъ мы оправдаемся предъ прочими, какъ удостоившими тебя чести, такъ и предъ тѣми, которые съ сожалѣніемъ смотрятъ на нихъ, какъ бы на оскорбленныхъ?

7. *Златоустъ*. Я и самъ,—сказалъ я,—спѣшу перейти къ этому. Такъ какъ съ тобою я кончилъ рѣчь, то обращусь и къ этой части защиты. Какое же ихъ обвиненіе, и какія вины? Говорятъ, будто избиратели оскорблены и унижены тѣмъ, что я не принялъ чести, которою они хотѣли почтить меня. Но во-первыхъ скажу, что не должно думать объ оскорбленіи, наносимомъ людямъ, когда уваженіемъ къ нимъ мы поставляемся въ необходимость оскорбить Бога. И для самихъ огорченныхъ оскорбляться этимъ, я полагаю, не только не безопасно, но и весьма вредно. Людямъ, посвятившимъ себя Богу и взирающимъ на Него одного, по моему мнѣнію, должно быть столь благочестивыми, чтобы и не считать оскорбленіемъ, хотя бы имъ тысячу разъ пришлось испытать это огорченіе. А что такая или другая какая-нибудь дерзость не приходила мнѣ и на мысль, это видно изъ слѣдующаго. Если бы я дошелъ до этого по гордости и честолюбію,—какъ нѣкоторые клевещутъ, о чемъ ты неоднократно говорилъ,—и тѣмъ подтвердилъ бы мнѣніе обвинителей, то я былъ бы весьма несправедливъ, презрѣвъ людей 639
достоуважаемыхъ и великихъ и притомъ благодѣтелей моихъ. Если оскорбленіе, нанесенное тѣмъ, которые не сдѣлали никакой несправедливости, достойно наказанія, то люди, добровольно желавшіе оказать почесть, какого не заслуживаютъ почтенія? Никто не можетъ сказать и того, будто они, получивъ отъ меня малое или великое добро, сдѣлали воздаяніе за эти благодѣянія. Какого же заслуживало бы наказанія воздаяніе противнымъ тому? Если же это никогда и на умъ мнѣ не приходило, но съ другимъ намѣреніемъ я отклонилъ отъ себя тяжелое бремя, то вмѣсто того, чтобы извинить, если не хотятъ оправдать, почему обвиняютъ меня въ томъ, что я пощадилъ душу свою? Я такъ мало былъ расположенъ оскорблять этихъ мужей, что и самымъ отказомъ, думаю, почтилъ ихъ. Не удивляйся, если слова мои странны; я скоро объясню ихъ.

8. Если бы я былъ рукоположенъ, тогда, если не всѣ, то считающіе за удовольствіе разносить худую молву могли бы подозрѣвать и говорить многое и о мнѣ и объ избравшихъ меня; напримѣръ: что избиратели смотрятъ на богатство, что предпочитаютъ

знаменитость рода, что возвели меня на эту степень за мою лесть и даже не знаю, не сталъ ли бы кто-нибудь подозрѣвать, что они подкуплены отъ меня деньгами; сказали бы, что Христосъ призывалъ на эту должность рыбарей, дѣлателей шатровъ и мытарей; а они отвергаютъ людей, питающихся отъ дневной работы, а того, кто занимается мірскими науками и проводитъ праздную жизнь, принимаютъ и превозносятъ; почему они пренебрегли мужей, много потрудившихся въ дѣлахъ церкви, а того, кто никогда и не прикасался къ этимъ трудамъ, но всю жизнь свою истратилъ па суетное занятіе мірскими науками, вдругъ возвели на такую почесть? Такъ и еще больше того могли бы сказать, когда бы я принялъ эту должность. Но теперь нѣтъ; всякій предлогъ къ злословію отнятъ; ни меня въ ласкательствѣ, ни избирателей въ мздоимствѣ не могутъ обвинять, развѣ кто захотѣлъ бы просто безумствовать. Какъ можетъ употребляющій лесть и истрачивающій деньги для того, чтобы получить почесть, уступить ее другимъ, когда слѣдовало самому получить? Это было бы похоже на то, если бы кто, много потрудившись надъ землею, чтобы жатва его изобиловала плодами и точила были преисполнены виномъ, послѣ многихъ трудовъ и большихъ издержекъ, когда нужно пожинать плоды и собирать виноградъ, предоставилъ другимъ воспользоваться этимъ плодородіемъ. Видишь ли, что хотя бы такія слова были и далеки отъ истины, однако желающіе имѣли бы предлогъ клеветать на избирателей и говорить, что они сдѣлали избраніе не по здравому разсужденію? А теперь мы не позволимъ имъ и слова сказать, и даже просто устъ открыть. Это, и еще больше того было бы говорено вначалѣ. А послѣ, по вступленіи въ самое служеніе, у меня недостало бы силъ каждый день оправдываться предъ обвинителями, хотя бы всѣ поступки мои были безукоризненны, развѣ пришлось бы въ чемъ-нибудь погрѣшить по неопытности и по незрѣлому возрасту. Теперь я избавилъ избирателей и отъ этого обвиненія, а тогда подвергъ бы ихъ безчисленнымъ укоризнамъ. Чего не сказали бы? Несмысленнымъ дѣтямъ они поручили столь досточтимыя и великія дѣла, погубили стадо Божіе, забавою и посмѣшищемъ сдѣлали христіанство. Но теперь *всякое беззаконіе заградитъ уста своя* (Псал. CVI, 42). Хотя тоже могутъ сказать и о тебѣ, но ты дѣлами своими скоро докажешь, что не должно судить о благоразуміи по возрасту, и отличать старца по сѣдинѣ, и не всякаго юнаго отстранять отъ этого служенія, но юнаго по вѣрѣ (новокрещеннаго); между тѣмъ и другимъ—большая разность.

СЛОВО ТРЕТІЕ.

Что я уклонился отъ чести (епископства) не для оскорбленія 640
желавшихъ почтить меня и не для того, чтобы подвергнуть ихъ стыду, въ доказательство этого достаточно сказать и то, что уже сказано; а что я поступилъ такъ не по внушенію гордости, постараюсь и это теперь объяснить тебѣ по силамъ моимъ. Если бы мнѣ предстояло избраніе въ начальника войска или страны, и если бы я отнесся къ этому съ такимъ же расположеніемъ, то иной справедливо могъ бы подозрѣвать во мнѣ гордость, или никто не сталъ бы винить меня и въ гордости, а всѣ назвали бы без-
разсуднымъ; но когда предстояло священство, которое столько выше 641
(всякой) власти, сколько духъ превосходнѣе плоти, тогда кто осмѣлится обвинять меня въ гордости? И не странно ли—отказывающихся отъ маловажнаго обвинять въ неразуміи, а уклоняющихся отъ превосходнѣйшаго освобождать отъ обвиненія въ неразуміи, но обвинять въ надменности? Это подобно тому, какъ если бы кто пренебрежительно относящагося къ стаду воловъ и не желающаго быть пастухомъ сталъ обвинять не въ надменности, но въ безразсудствѣ, а того, кто отказывается отъ владычества надъ всею вселенною и отъ начальствованія надъ всемірнымъ войскомъ, назвалъ бы не безумнымъ, а гордымъ. Нѣтъ, нѣтъ, не меня, а скорѣе самихъ себя обвиняютъ говорящіе это. Ибо одна мысль о томъ, что возможно человѣку презирать такое достоинство (священства), служитъ доказательствомъ, какое мнѣніе объ этомъ предметѣ имѣютъ сами высказывающіе ее. Если бы они не считали его маловажнымъ и обыкновеннымъ, то имъ не пришло бы и на умъ такое подозрѣніе. Почему никто никогда не осмѣлился подумать что-нибудь подобное о достоинствѣ ангеловъ, и сказать, что есть такая душа человѣческая, которая по гордости не желала бы достигнуть достоинства ангельскаго естества? Это потому, что мы имѣемъ высокое понятіе о силахъ небесныхъ, и оно не позволяетъ намъ вѣрить, чтобы человѣкъ могъ представить себѣ что-нибудь выше этого достоинства. Такимъ образомъ справедливѣе было бы обвинять въ гордости самихъ тѣхъ, которые меня обвиняютъ въ этомъ. Они никогда не стали бы подозрѣвать въ этомъ другихъ, если бы напередъ сами не признали этого предмета ничтожнымъ. Если же они говорятъ, что я поступилъ такъ изъ честолюбія, то

они окажутся противорѣчущими и явно сражающимися съ самими собою; ибо, я не знаю, какія другія кромѣ этихъ они придумали бы рѣчи, если бы освободили меня отъ обвиненій въ тщеславіи.

2. Если бы во мнѣ было это тщеславіе, то мнѣ нужно бы скорѣе принять (избраніе), чѣмъ бѣжать. Почему? Потому что оно принесло бы мнѣ великую славу. Находящемуся въ такомъ возрастѣ и недавно отставшему отъ житейскихъ заботъ, вдругъ оказаться для всѣхъ столь дивнымъ, что быть предпочтеннымъ предъ людьми, проведшими всю жизнь въ такихъ трудахъ, и получить избирательныхъ голосовъ больше всѣхъ ихъ—это внушило бы всѣмъ удивительныя и великія мысли о мнѣ и сдѣлало бы меня почтеннымъ и знаменитымъ. А теперь, кромѣ немногихъ, большая часть церкви не знаетъ меня и по имени; даже не всѣмъ будетъ извѣстно, что я отказался (отъ призванія), а только нѣкоторымъ немногимъ, изъ которыхъ, я думаю, не всѣ знаютъ объ этомъ точнымъ образомъ, а вѣроятно многіе и изъ нихъ думаютъ, что я или вовсе не былъ избранъ, или по избраніи былъ отвергнутъ, какъ оказавшійся неспособнымъ, а не самъ убѣжалъ добровольно.

3. *Василій.* Но знающіе истину будутъ удивляться.

Златоустъ. А ты же сказалъ, что они обвиняютъ меня въ тщеславіи и надменности. Отъ кого же ожидать похвалы? Отъ народа? Но онъ не знаетъ дѣла въ точности. Отъ немногихъ? Но
642 и у нихъ превратно понято мое дѣло. Для того ты теперь и пришелъ сюда, чтобы узнать, чѣмъ можно оправдаться предъ ними. Но для чего объ этомъ теперь распространять рѣчь? Хотя бы всѣ знали истину, и тогда не слѣдовало бы обвинять меня въ гордости или честолюбіи; потерпи немного, и ты ясно увидишь это. При этомъ еще узнаешь и то, что не малая угрожаетъ опасность не только тѣмъ, которые съ такимъ дерзновеніемъ осмѣливаются (принимать священство), если только есть такіе люди,—чему я не вѣрю,—но и тѣмъ, которые подозрѣваютъ въ этомъ другихъ.

4. Священнослуженіе совершается на землѣ, но по чиноположенію небесному; и весьма справедливо; потому что не человѣкъ, не ангелъ, не архангелъ, не другая какая-либо сотворенная сила, но самъ Утѣшитель учредилъ это чинопослѣдованіе, и людей, еще облеченныхъ плотію, содѣлалъ представителями ангельскаго служенія. Посему священнодѣйствующему нужно быть столь чистымъ, какъ бы онъ стоялъ на самыхъ небесахъ посреди тамошнихъ Силъ. Страшны и величественны были принадлежности (богослуженія) и прежде благодати, какъ то: звонки, яблоки, драгоцѣнные камни на наперсникѣ и нарамникѣ, митра, кидаръ, подиръ, златая дщица, Святое Святыхъ, глубокая тишина внутри (Исх. гл. XXVIII). Но если кто разсмотритъ свойства служенія бла-

тодатнаго, то найдетъ, что тѣ страшныя и величественныя принадлежности незначительны (въ сравненіи съ послѣдними), и здѣсь признаетъ истиннымъ сказанное о законѣ: *яко не прославися прославленное въ части сей, за превосходящую славу* (2 Кор. III, 10). Когда ты видишь Господа закланнаго и предложеннаго, священника предстоящаго этой Жертвѣ и молящагося, и всѣхъ окропляемыхъ этою драгоцѣнною кровію, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на землѣ, а не переносишься ли тотчасъ на небеса и, отвергнувъ всѣ плотскія помышленія души, свѣтлою душею и чистымъ умомъ не созерцаешь ли небесное? О чудо, о человѣколюбіе Божіе! Сѣдящій горѣ съ Отцемъ въ этотъ часъ объемлется руками всѣхъ и даетъ Себя осязать и воспринимать всѣмъ желающимъ. Это и дѣлаютъ всѣ очами вѣры. Ужели все это тебѣ кажется достойнымъ презрѣнія, или такимъ, надъ чѣмъ кто-нибудь могъ бы выказать свое высокомѣріе? Хочешь ли видѣть и изъ другого чуда превосходство этой Святыни? Представь предъ очами своими Илію, и стоящее вокругъ безчисленное множество народа, и лежащую на камняхъ жертву; всѣ другіе соблюдаютъ тишину и глубокое молчаніе, одинъ только пророкъ молится, и за тѣмъ внезапно пламень низпадаетъ съ небесъ на жертву (3 Цар. XVIII, 30—38); все это дивно и исполнено ужаса. Теперь перейди отсюда къ совершаемому нынѣ и ты увидишь не только дивное, но и превосходящее всякій ужасъ. Предстоитъ священникъ, низводя не огнь, но Святаго Духа; совершаетъ продолжительное моленіе не о томъ, чтобы огонь низпалъ свыше и попалилъ предложенное, но чтобы Благодать, низшедши на Жертву, воспламенила чрезъ нее души всѣхъ и содѣлала ихъ свѣтлѣйшими очищеннаго огнемъ серебра. Кто же, кромѣ человѣка совершенно изступленнаго или безумнаго, можетъ презирать такое страшнѣйшее таинство? Или ты не знаешь, что души человѣческія никогда не 643 могли бы перенести огня этой жертвы, но всѣ совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати?

5. Кто размыслитъ, какъ важно то, что человѣкъ, еще облеченный плотію и кровію, можетъ присутствовать близъ блаженнаго и безсмертнаго Естества, тотъ ясно увидитъ, какой чести удостоила священниковъ благодать Духа. Ими совершаются эти священнодѣйствія и другія, не менѣе важныя для совершенства и спасенія нашего. Люди, живущіе на землѣ и еще обращающіеся на ней, поставлены распоряжаться небеснымъ, и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ; ибо не имъ сказано: *елико аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небе-*

сѣхъ (Матѳ. XVIII, 18). Земные властители имѣютъ власть связывать, но только тѣло; а эти узы связываютъ самую душу и проникаютъ въ небеса; что священники совершаютъ на землѣ, то Богъ довершаетъ на небѣ, и мнѣніе рабовъ утверждаетъ Владыка. Не значитъ ли это, что Онъ далъ имъ всю небесную власть? *Имже*, говоритъ (Господь), *отпустите грѣхи, отпустятся: и имже держите, держатся* (Іоан. XX, 23). Какая власть можетъ быть больше этой? *Отецъ судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22); а я вижу, что Сынъ весь этотъ судъ вручилъ священникамъ. Они возведены на такую степень власти, какъ бы уже переселились на небеса, превзошли человѣческую природу и освободились отъ нашихъ страстей. Если бы царь предоставилъ кому-нибудь изъ своихъ подданныхъ власть заключать въ темницу и опять освобождать, кого онъ захочетъ, такой подданный у всѣхъ былъ бы славенъ и знаменитъ; а о томъ, кто получаетъ отъ Бога власть настолько превосходнѣйшую этой, сколько небо превосходнѣе земли и души тѣлъ, нѣкоторые думаютъ, что онъ получаетъ маловажную честь, и будто бы возможно представить, что кто нибудь изъ получившихъ этотъ даръ будетъ не уважать его. Отвергнемъ такое безуміе! Дѣйствительно безумно не уважать такую власть, безъ которой намъ невозможно получить спасенія и обѣтованныхъ благъ. Если никто не можетъ войти въ царствіе небесное, *аще не родится водою и Духомъ* (Іоан. III ,5), и не ядущій *плоти* Господа и не піющій *крове Его* лишается вѣчной жизни (VI, 53), а все это совершается ни кѣмъ инымъ, какъ только этими священными руками, т. е. руками священника, то какъ безъ посредства ихъ можно будетъ комунибудь избѣжать геенскаго огня, или получить уготованные вѣнцы?

6. Священники для насъ суть тѣ мужи, которымъ вручено рожденіе духовное и возрожденіе крещеніемъ; чрезъ нихъ мы облекаемся во Христа, и погребаемся вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ, и содѣлываемся членами этой блаженной Главы. Посему справедливо мы должны не только страшиться ихъ болѣе властителей и царей, но и почитать болѣе отцевъ своихъ; эти родили насъ *отъ крове и отъ похоти плотскія* (Іоан. I, 13), а тѣ суть виновники нашего рожденія отъ Бога, блаженнаго *пакибытія*, истинной свободы и
644 благодатнаго усыновленія. Священники іудейскіе имѣли власть очищать тѣло отъ проказы, или лучше, не очищать, а только свидѣтельствовать очищенныхъ (Лев. гл. XIV); и ты знаешь, какъ завидно было тогда достоинство священническое. А наши (священники) получили власть не свидѣтельствовать только очищеніе, но совершенно очищать,—не проказу тѣлесную, но нечистоту душевную. Посему не уважающіе ихъ гораздо преступнѣе Даѳана и его сообщниковъ, и достойны большаго наказанія; потому что эти домо-

гались не принадлежащей имъ власти (Числ. гл. XVI), однако имѣли высокое мнѣніе о ней и доказали это тѣмъ самымъ, что домогались ея съ великимъ усиліемъ; а теперь, когда священство украсилось гораздо болѣе и возвысилось до такой степени, не уважать его — значитъ отваживаться на гораздо большую дерзость; ибо не одно и то же: домогаться непринадлежащей себѣ чести, и презирать такія блага; послѣднее настолько тяжелѣе перваго, насколько различны между собою презрѣніе и уваженіе. Есть ли такая несчастная душа, которая презирала бы столь великія блага? Я не могу представить ни одного такого человѣка, развѣ кто пришелъ въ демонское неистовство. Впрочемъ возвращусь опять къ тому, о чемъ шла рѣчь. Богъ далъ священникамъ больше силы, нежели плотскимъ родителямъ, не только для наказаній, но и для благодѣяній; тѣ и другіе столько различаются между собою, сколько жизнь настоящая отъ будущей. Одни раждаютъ для настоящей жизни, другіе для будущей; тѣ не могутъ избавить дѣтей своихъ отъ тѣлесной смерти и даже защитить отъ вторгшейся болѣзни, а эти часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то употребляя кроткое наказаніе, то удерживая отъ паденія при самомъ началѣ, не только ученіемъ и внушеніемъ, но и помощію молитвъ. Они не только возрождаютъ насъ (крещеніемъ), но имѣютъ власть разрѣшать и отъ послѣдующихъ грѣховъ: *болитъ ли кто въ васъ*, говорится (въ Писаніи), *да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне. И молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. V, 14. 15). Кромѣ того плотскіе родители не могутъ оказать никакой помощи дѣтямъ, когда они оскорбятъ кого-нибудь изъ знатныхъ и сильныхъ людей, а священники часто примиряли вѣрующихъ не съ вельможами и не съ царями, но съ самимъ Богомъ, разгнѣваннымъ ими. Кто послѣ этого осмѣлится обвинять меня въ гордости? Напротивъ я думаю, что сказанное мною возбудитъ въ душахъ слышателей такое благоговѣніе, что они будутъ обвинять въ гордости и дерзости не убѣгающихъ, но тѣхъ, которые сами приходятъ и стараются пріобрѣсти себѣ это достоинство. Если начальники городовъ, когда они не очень благоразумны и дѣятельны, подвергая города раззоренію, губятъ и себя самихъ, то обязавшійся украшать Невѣсту Христову, сколько, думаешь ты, долженъ имѣть силы и собственной и свыше низпосылаемой, чтобы не погрѣшить?

7. Никто не любилъ Христа болѣе Павла, никто болѣе его не 645
показалъ ревности, никто не былъ удостоенъ большей благодати; но и при такихъ преимуществахъ онъ еще боится и трепещетъ

какъ за свою власть, такъ и за подвластныхъ ему. *Боюся же, да не како, якоже змій Еву прелсти, лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы вашя отъ простоты, яже о Христѣ*; и еще: *въ страсѣ и трепетѣ мнозѣ быхъ въ васъ* (2 Кор. XI, 3. 1 Кор. II, 3), говоритъ человѣкъ, восхищенный до третьяго неба, содѣлавшійся причастникомъ таинъ Божіихъ, претерпѣвшій столько смертей, сколько по увѣрованіи жилъ дней, и не желавшій пользоваться данною ему отъ Христа властію, чтобы кто изъ вѣрующихъ не соблазнился (1 Кор. гл. X). Если онъ, исполнившій болѣе того, что повелѣно Богомъ, и искавшій во всемъ не своей пользы, но пользы подвластныхъ ему, всегда былъ исполненъ такого страха, взирая на величіе этой власти, то что будемъ чувствовать мы, часто ищущіе своей пользы, не только не исполняющіе болѣе того, что заповѣдано Христомъ, но большею частію преступающіе Его заповѣди? *Кто изнемогаетъ*, говорилъ онъ, *и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Таковъ долженъ быть священникъ, или лучше, не только таковъ; это мало и незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, что я намѣреваюсь сказать. Что же это? *Молилбыхся*, говоритъ онъ, *самъ азъ, отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Римл. IX, 3). Кто можетъ произнести такія слова, чья душа возвысилась до такого желанія, тотъ справедливо можетъ быть осуждаемъ, когда убѣгаетъ (священства); а кто такъ чуждъ этой добродѣтели, какъ я, тотъ заслуживаетъ порицанія не тогда, когда убѣгаетъ, но когда принимаетъ его. Если бы при избраніи въ достоинство военачальника имѣющіе власть дать это достоинство, представивъ мѣдника, или кожевника, или кого-нибудь изъ подобныхъ ремесленниковъ, поручали ему войско, то я не похвалилъ бы того несчастнаго, который не убѣжалъ бы и не сдѣлалъ всего, чтобы не ввергнуть себя въ предстоящую гибель. Если бы достаточно было только называться пастыремъ и исполнять это дѣло, какъ случится, и отъ этого не было никакой опасности, то всякій желающій пусть обвиняетъ меня въ тщеславіи; если же принимающему на себя такую заботу должно имѣть великое благоразуміе, и еще прежде благоразумія великую благодать Божію, правоту нравовъ, чистоту жизни, и добродѣтель болѣе нежели человѣческую, то не отказывай мнѣ въ прощеніи, что я не хотѣлъ погибать тщетно и напрасно. Если бы кто-нибудь, отправляя большое судно, наполненное гребцами и нагруженное дорогими товарами, вручалъ мнѣ кормило его, и приказывалъ переплыть Эгейское или Тирренское море *), то я при первыхъ словахъ его обратился

*) Эгейское море между Греціей и Малою Азіею и Тирренское между Италіею и Сициліею извѣстны своею бурностію и опасностями для мореплавателей.

бы въ бѣгство; и если бы кто спросилъ, почему?—я отвѣчалъ бы: чтобы мнѣ не потопить корабля. Если же тогда, когда ущербъ состоитъ въ деньгахъ, и опасность простирается до смерти тѣлесной, никто не будетъ осуждать людей за предусмотрительность, то здѣсь, гдѣ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе предстоитъ впасть не въ это море, а въ бездну огненную, и ожидаетъ ихъ смерть, не душу отъ тѣла отдѣляющая, но душу съ тѣломъ отправляющая на вѣчное мученіе, почему вы будете гнѣваться и негодовать, что я легкомысленно не ввергъ себя въ такое бѣдствіе?

8. Не дѣлайте этого, прошу и умоляю. Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служенія, и великую 646
трудность этого дѣла. Душу священника обуреваютъ волны, большія тѣхъ, какія бываютъ отъ вѣтровъ, возмущающихъ море.

9. И во-первыхъ, является тщеславіе, какъ бы скала ужаснѣйшая и гораздо опаснѣйшая скалы Сиренъ, которую вымыслили баснописцы *); многіе могли проплыть мимо этой скалы безвредно; но для меня это такъ трудно, что даже и теперь, когда никакая нужда не влечетъ меня къ этой пропасти, я не могу избавиться отъ опасности. А если кто вручитъ мнѣ эту власть, тотъ какъ бы свяжетъ мнѣ назадъ обѣ руки и предастъ меня чудовищамъ, живущимъ въ этой скалѣ, чтобы они каждый день терзали меня. Какія же это чудовища?—Гнѣвъ, уныніе, зависть, вражда, клеветы, осужденія, обманъ, лицемѣріе, козни, негодованіе на людей невинныхъ, удовольствіе при неблагополучіи служащихъ, печаль при ихъ благосостояніи, желаніе похвалъ, пристрастіе къ почестямъ (оно болѣе всего вредитъ душѣ человѣческой), ученіе съ угожденіемъ, неблагородное ласкательство, низкое человѣкоугодіе, презрѣніе бѣдныхъ, услужливость богатымъ, предпочтенія неразумныя и вредныя, милости опасныя какъ для приносящихъ, такъ и для принимающихъ ихъ, страхъ рабскій, приличный только презрѣннѣйшимъ невольникамъ, недостатокъ дерзновенія, степенный видъ смиренномудрія, но безъ истиннаго смиренія, уклончивыя обличенія и наказанія, или лучше сказать, предъ незначительными людьми—чрезмѣрныя, а предъ сильными—безмолвныя. Столько и еще больше чудовищъ вмѣщаетъ въ себѣ эта скала, и тѣ, которые однажды захвачены ими, необходимо доходятъ до такого рабства, что даже въ угодность женщинамъ дѣлаютъ много такого, о чемъ и говорить непристойно. Законъ Божественный удалилъ женщинъ отъ этого служенія, а онѣ стараются вторгнуться въ него; но такъ какъ сами по себѣ не имѣютъ власти, то дѣлаютъ все чрезъ другихъ, и такую присвоиваютъ себѣ силу, что и избираютъ, и от-

*) Одисс. XII, 39—110.

вергаютъ священниковъ по своему произволу; пословица: „къ верху дномъ“ сбывается здѣсь на дѣлѣ. Начальниками управляютъ подначальные, и пусть бы мужчины, но—тѣ, которымъ не позволено и *учити* (1 Тим. II, 12). Что говорю учить?—которымъ блаженный Павелъ запретилъ и *глаголати* въ церкви (1 Кор. XIV, 34). Я слышалъ отъ одного человѣка, будто ихъ допустили до такой дерзости, что онѣ даже дѣлаютъ выговоры предстоятелямъ церквей и обращаются съ ними суровѣе, нежели господа съ своими слугами.

10. Пусть никто не думаетъ, что обвиненія мои относятся ко всѣмъ; есть, много есть такихъ (священниковъ), которые избѣгли этихъ сѣтей, и ихъ гораздо болѣе, чѣмъ уловленныхъ. И самое священство я не виню въ этихъ бѣдствіяхъ; не желаю дойти до такого безумія. Не мечъ обвиняютъ за убійство, не вино за пьянство, не силу за оскорбленіе, не мужество за безразсудную дерзость, но всѣ благоразумные люди обвиняютъ и наказываютъ употребляющихъ
547 во зло дары Божіи. Такъ само священство справедливо осудитъ насъ, распоряжающихся имъ неправильно. Не оно причиною изложенныхъ мною золъ, а мы сами чернимъ его, сколько можемъ, безъ разбора ввѣряя его такимъ людямъ, которые, не узнавъ напередъ собственныхъ душъ и не посмотрѣвъ на трудность этого дѣла, охотно принимаютъ предлагаемое, а когда приступятъ къ дѣлу, тогда по неопытности сами пребываютъ во мракѣ и на ввѣренный имъ народъ навлекаютъ множество золъ. Это самое едва не случилось и со мною, если бы Богъ скоро не избавилъ меня отъ этихъ опасностей, охраняя свою церковь и щадя мою душу. Отъ чего, скажи мнѣ, по твоему мнѣнію, происходятъ такія смятенія въ церквахъ? Я думаю, не отъ чего иного, какъ отъ того, что избранія и назначенія предстоятелей совершаются безъ разбора и какъ случится. Глава должна быть крѣпкою, чтобы она могла располагать и приводить въ надлежащее состояніе вредныя испаренія, поднимающіяся изъ прочихъ частей тѣла; а когда она сама по себѣ слаба и не можетъ отклонять болѣзненныхъ вліяній, то и сама дѣлается еще слабѣе и вмѣстѣ съ собою губитъ все тѣло. Чтобы не случилось того же и теперь, Богъ оставилъ меня въ положеніи ногъ (церковнаго тѣла), въ которомъ я и былъ съ самаго начала. Кромѣ сказаннаго много есть, Василій, много другаго, что нужно имѣть священнику, и чего я не имѣю; и прежде всего у него душа должна быть совершенно чистою отъ стремленія къ этому дѣлу; если онъ будетъ имѣть пристрастное расположеніе къ нему, то по полученіи его загорится сильнѣйшимъ пламенемъ, и если будетъ взятъ насильно, то для утвержденія его за собою потерпитъ множество бѣдъ, когда нужно будетъ льстить, или допустить что нибудь неблагородное и недо-

стойное, или тратить много денегъ. Что нѣкоторые домогаясь этой власти, даже наполняли церкви убійствами и производили возмущенія въ городахъ, объ этомъ я умалчиваю теперь, чтобы кто не подумалъ, что говорю невѣроятное. По моему мнѣнію, должно съ такимъ благоговѣніемъ относиться къ этому дѣлу, чтобы убѣгать отъ тяжести этой власти, а по полученія ея не ожидать сужденій отъ другихъ, когда случится совершить грѣхъ, заслуживающій низверженіе, но ранѣе самому отречься отъ этой власти. Такимъ образомъ еще возможно будетъ получить помилованіе отъ Бога; удерживать же себя въ этомъ достоинствѣ вопреки благопристойности — значитъ лишать себя всякаго прощенія и еще болѣе воспламенять гнѣвъ Божій, прилагая къ одному другое тягчайшее преступленіе.

11. Но никто не осмѣлится на это; потому что бѣдственно, поистинѣ бѣдственно домогаться этой чести. Говорю это, не противорѣча блаженному Павлу, но совершенно согласно съ его словами. Что же онъ говоритъ? *Аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ* (1 Тим. III, 1). И я назвалъ бѣдственнымъ желаніе не самаго дѣла, а первенства и власти. Это желаніе, по моему мнѣнію, должно тщательно изгонять изъ души и даже не позволять ему въ самомъ началѣ овладѣвать ею, чтобы можно было дѣйствовать во всемъ свободно. Кто не желаетъ ве- 648
личаться этою властію, тотъ не боится и лишиться ея; а не боясь этого можетъ дѣлать все со свойственною христіанамъ свободою; напротивъ, опасающіеся и боящіеся низверженія претерпѣваютъ жалкое рабство, соединенное съ многими бѣдствіями, и часто принуждены бываютъ оскорблять и людей и Бога. Не таково должно быть настроеніе души; но какъ на сраженіяхъ мы видимъ доблестныхъ воиновъ и сражающимися усердно и падающими мужественно, такъ и вступающіе въ это служеніе должны и священствовать и принимать низверженіе съ этой власти такъ, какъ надлежитъ христіанскимъ мужамъ, знающимъ, что такое низверженіе доставляетъ не меньшій вѣнецъ, какъ и самая власть. Кто подвергается ему, не сдѣлавъ ничего непристойнаго и противнаго этому достоинству, тотъ уготовляетъ несправедливо низложившимъ его наказаніе, а себѣ большую награду: *блажени есте*, говоритъ (Господь), *егда поносятъ вамъ, и иждену̀тъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мат. V, 11. 12). Это бываетъ тогда, когда кто нибудь низвергается сослужащими или по зависти, или изъ угожденія другимъ, или по враждѣ, или по какой-либо другой несправедливой причинѣ; когда же случится кому потерпѣть это отъ враговъ, то, я думаю, не нужно и доказывать, какую

пользу они доставляютъ ему своею злобою. Итакъ, нужно всюду вникать и тщательно наблюдать, не скрывается ли какая-нибудь тлѣющая искра такого желанія. Счастливы тѣ, которые съ самаго начала были чисты отъ этой страсти и могли избѣгнуть ея по достиженіи власти. Если же кто еще прежде достиженія этой чести питаетъ въ себѣ этого страшнаго и лютаго звѣря, то нельзя и выразить, въ какую пещь ввергаетъ онъ себя по достиженіи власти. У меня также (не подумай, что я изъ скромности хочу сказать тебѣ нѣчто ложное) есть это желаніе въ сильной степени, но оно не менѣе всего другого и устрашило меня и обратило въ бѣгство. Какъ страдающіе плотскою любовію, пока находятся близъ любимыхъ, чувствуютъ жесточайшее мученіе страсти, а когда удалятся какъ можно дальше отъ любимыхъ, укрощаютъ ея неистовство, такъ и стремящіеся къ этой власти, когда приближаются къ ней, терпятъ невыносимое мученіе, а когда теряютъ надежду получить ее, то вмѣстѣ съ надеждою погашаютъ и желаніе.

12. Не маловажна и одна эта причина; если бы она была единственною, то сама по себѣ была бы достаточна для того, чтобы отклонить меня отъ этого достоинства; но теперь къ ней присоединилась другая, не меньшая той. Какая же? Священникъ долженъ быть бодрствующемъ и осмотрительнымъ, и имѣть множество глазъ со всѣхъ сторонъ, какъ живущій не для себя одного, а для множества людей (1 Тим. III, 2). А я небреженъ и слабъ, и едва могу пещись о собственномъ спасеніи, какъ ты и самъ согласишься, хотя и стараешься, изъ любви ко мнѣ, болѣе всѣхъ скрывать мои слабости. Не говори мнѣ здѣсь ни о постѣ, ни о ночномъ бодрствованіи, ни о возлежаніи на землѣ, ни о другихъ тѣлесныхъ изнуреніяхъ; ты знаешь, какъ я еще не совершенъ и въ этомъ.
649 Если бы даже я со всею строгостію исполнялъ это, и тогда при моей настоящей слабости это не могло бы принести мнѣ никакой пользы въ предстоятельствѣ. Это можетъ быть весьма полезно человѣку, заключившемуся въ какой-нибудь келліи, и заботящемуся только о своихъ дѣлахъ; а кто раздѣляется на такое множество народа, и имѣетъ особенныя заботы о каждомъ изъ подчиненныхъ, у того какую вѣроятную пользу это можетъ принести для ихъ преспѣянія, если онъ не будетъ имѣть души крѣпкой и весьма мужественной?

13. Не удивляйся, если вмѣстѣ съ этою строгостію жизни я требую еще опытовъ душевнаго мужества. Пренебрегать яствами, напитками и мягкимъ ложемъ для многихъ, какъ мы видимъ, не составляетъ труда, особенно для людей грубыхъ, и воспитанныхъ такъ съ малолѣтства, и для многихъ другихъ, у которыхъ сложеніе тѣла и привычка смягчаютъ суровость такихъ подвиговъ; но

переносить оскорбленіе, клевету, язвительное слово, насмѣшки отъ низшихъ необдуманныя и обдуманныя, напрасныя и тщетныя укоризны отъ начальниковъ и подчиненныхъ могутъ не многіе, а одинъ или два; и можно видѣть, что люди крѣпкіе въ тѣхъ подвигахъ такъ возмущаются этими непріятностями, что свирѣпствуютъ хуже дикихъ звѣрей. Такихъ особенно нужно удалять отъ обители священства. Если предстоятель не изнуряетъ себя голодомъ и не ходитъ босыми ногами, это нисколько не вредитъ церковному обществу; а свирѣпый гнѣвъ причиняетъ великія несчастія, какъ самому преданному этой страсти, такъ и ближнимъ. Несоблюдающимъ перваго Богъ ничѣмъ не угрожаетъ, а гнѣвающимся напрасно—угрожаетъ геенною и огнемъ геенскимъ (Матѳ. v, 22). Какъ преданный тщеславію, получивъ власть надъ народомъ, доставляетъ больше пищи огню (этой страсти), такъ и тотъ, кто, живя уединенно и обращаясь съ немногими, не могъ удерживать гнѣва, но легко воспламенялся, когда получитъ въ управленіе цѣлый народъ, подобно звѣрю, уязвляемому отвсюду и всѣми, и самъ не можетъ быть никогда спокоенъ, и ввѣренныхъ ему подвергаетъ безчисленнымъ бѣдствіямъ.

14. Ничто такъ не помрачаетъ чистоту души и ясность мыслей, какъ гнѣвъ необузданный и выражающійся съ великою силою. *Гнѣвъ губитъ и разумныя*, говоритъ Премудрый (Прич. xv, 1). Помраченное имъ око души, какъ бы въ ночномъ сраженіи, не можетъ отличать друзей отъ непріятелей и честныхъ отъ безчестныхъ, но относится ко всѣмъ одинаково и, хотя бы предстояло потерпѣть какой-нибудь вредъ, скоро рѣшается на все, чтобы доставить удовольствіе душѣ; ибо пылкость гнѣва заключаетъ въ себѣ нѣкоторое удовольствіе, и даже сильнѣе всякаго удовольствія овладѣваетъ душею, низвращая все ея здравое состояніе. Онъ производитъ гордость, несправедливыя вражды, безразсудную ненависть часто принуждаетъ безъ разбора и безъ причины наносить оскорбленія и заставляетъ говорить и дѣлать много другого подобнаго, такъ какъ душа увлекается сильнымъ напоромъ страсти и не можетъ собраться съ своими силами, чтобы противостать ея стремленію.

Василій сказалъ: но я не потерплю болѣе, чтобы ты притво- 605
рялся; кто не знаетъ, какъ ты далекъ отъ этого недуга?

Златоустъ. Что же, почтеннѣйшій, — сказалъ я,—ты хочешь поставить меня близъ костра, раздражить покоющагося звѣря? Или ты не знаешь, что я и сдерживалъ эту страсть не силою воли, но любовію къ спокойствію? А кто такъ настроенъ, тотъ можетъ избѣжать этого пламени, оставаясь съ самимъ собою или имѣя общеніе не болѣе, какъ съ однимъ или двумя друзьями,

но не повергаясь въ бездну такихъ заботъ? Въ противномъ случаѣ онъ не себя одного, но и другихъ многихъ увлекаетъ вмѣстѣ съ собою въ бездну погибели, и дѣлаетъ ихъ болѣе безпечными въ соблюденіи скромности. Подчиненный народъ большею частію привыкъ смотрѣть на поведеніе своихъ начальниковъ, какъ на нѣкоторый образецъ и подражать имъ. Какъ же можетъ укротить надменность другихъ тотъ, кто самъ надмѣвается. Кто изъ народа пожелаетъ быть кроткимъ, видя начальника гнѣвливымъ? Нельзя, нельзя священникамъ скрыть свои недостатки; и малые изъ нихъ скоро дѣлаются извѣстными. Ратоборецъ, пока остается дома и ни съ кѣмъ не вступаетъ въ борьбу, можетъ скрываться, хотя бы онъ былъ слабѣйшимъ; но когда выступитъ на подвиги, тотчасъ изобличается. Такъ и люди, ведущіе частную и недѣятельную жизнь, уединеніемъ прикрываютъ свои грѣхи; но бывъ выставлены на видъ, бываютъ принуждены сбросить съ себя одиночество, какъ бы одежду, и обнаружить для всѣхъ души свои посредствомъ внѣшнихъ движеній. Какъ добрыя дѣла ихъ приносятъ пользу, побуждая многихъ къ соревнованію, такъ и проступки ихъ дѣлаютъ болѣе нерадивыми о дѣлахъ добродѣтели и располагаютъ къ уклоненію отъ похвальныхъ трудовъ. Посему душа священника должна со всѣхъ сторонъ блистать красотою, дабы она могла и радовать и просвѣщать души взирающихъ на него. Грѣхи людей незначительныхъ, совершаемые какъ бы во мракѣ, губятъ однихъ только согрѣшающихъ; а грѣхи человѣка значительнаго и многимъ извѣстнаго наносятъ всѣмъ общій вредъ, дѣлая падшихъ болѣе нерадивыми о добрыхъ подвигахъ, а внимательныхъ къ себѣ располагая къ гордости. Кромѣ того, проступки простолюдиновъ, хотя бы и обнаружились, никому не наносятъ значительной бѣды; а (проступки) стоящихъ на высотѣ священническаго достоинства, во первыхъ, у всѣхъ на виду; затѣмъ, хотя бы они сдѣлали малѣйшую погрѣшность, другимъ она представляется уже великою, потому что всѣ измѣряютъ грѣхъ не важностію самаго дѣйствія, но достоинствомъ погрѣшающаго. Поэтому священникъ долженъ со всѣхъ сторонъ оградить себя, какъ бы какимъ адамантовымъ оружіемъ, тщательною бдительностію и постояннымъ бодрствованіемъ надъ своею жизнію, всюду наблюдая, чтобы кто-нибудь не нашелъ открытаго и необерегаемаго мѣста и не нанесъ смертельнаго удара; ибо всѣ окружающіе готовы уязвлять и поражать его,—не только враги и непріятели, но многіе и изъ тѣхъ, которые притворяются друзьями. Итакъ (для священства) должны быть избираемы такія души, какими по благодати Божіей оказались нѣкогда тѣла святыхъ отроковъ въ пещи вавилонской (Дан. III, 22—46). Здѣсь не
651 хворостъ, смола и ленъ служатъ пищею огню, но нѣчто гораздо

опаснѣйшее, такъ какъ здѣсь и огонь не вещественный, но всепожирающій пламень зависти окружаетъ священниковъ, поднимаясь со всѣхъ сторонъ, устремляясь на нихъ, и проникая въ жизнь ихъ упорнѣе, чѣмъ тогда огонь въ тѣла отроковъ. Если онъ найдетъ хотя малые слѣды соломы, тотчасъ пристаетъ къ ней, и сожегши эту гнилую часть, и всѣ прочія части, хотя бы онѣ были свѣтлѣе солнечныхъ лучей, опаляетъ и очерняетъ дымомъ. Пока жизнь священника хорошо устроена во всѣхъ отношеніяхъ, дотолѣ онъ остается неприступнымъ для навѣтовъ; но если онъ не досмотритъ чего-нибудь малаго, какъ свойственно человѣку, и притомъ переплывающему многомятежное море настоящей жизни, то прочія добрыя дѣла его нисколько не помогутъ ему заградить уста обвинителей; но этотъ малый проступокъ затемняетъ все прочее. Всѣ начинаютъ судить о немъ не какъ о существѣ, облеченномъ плотію и имѣющемъ человѣческую природу, но какъ объ ангелѣ непричастномъ никакимъ слабостямъ. Какъ тиранна, пока онъ владычествуетъ, всѣ боятся и льстятъ ему, потому что не могутъ низложить его; но когда замѣтятъ, что дѣла его начинаютъ перемѣняться, тогда, оставивъ притворную лесть, недавніе друзья вдругъ дѣлаются врагами и непріятелями и, узнавъ всѣ его слабости, стараются лишить его власти; такъ тоже самое бываетъ и съ священникомъ: тѣ, которые недавно, когда онъ былъ въ силѣ, почитали его и угождали ему, воспользовавшись незначительнымъ поводомъ, сильно вооружаются на него, и стараются низвергнуть его, не какъ тиранна только, но какъ еще худшаго человѣка. Какъ тираннъ боится своихъ тѣлохранителей, такъ и священникъ опасается своихъ близкихъ и сослужащихъ болѣе всѣхъ; потому что никто столько не домогается его власти и никто лучше всѣхъ другихъ не знаетъ дѣлъ его, какъ они; находясь близъ него, они прежде другихъ узнаютъ случившееся съ нимъ, и легко могутъ встрѣтить довѣріе даже клеветамъ своимъ и, представляя малое великимъ, повредить оклеветанному. Тогда оправдывается въ обратномъ смыслѣ апостольское изреченіе: *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди* (1 Кор. XII, 26). Развѣ только тотъ, кто стяжалъ великое благочестіе, можетъ выдержать все это. На такую войну ты посылаешь меня? И думаешь, что душа моя способна къ столь разнородной и разнообразной борьбѣ? Какъ и отъ кого ты узналъ это? Если Богъ открылъ, покажи Его опредѣленіе, и я повинуюсь; если же не можешь этого сдѣлать и произносишь приговоръ по людской молвѣ, то перестань обманываться. Относительно нашего состоянія должно вѣрить болѣе намъ самимъ, нежели другимъ; потому что *яже въ человѣцѣ, никто же вѣсть, то-*

чію духъ человѣка, живущій въ немъ (1 Кор. II, 11). Если не прежде, то теперь настоящими словами, я думаю, ты убѣдился, что я, принявъ эту власть, подвергъ бы осмѣянію и себя самого и избирателей, и съ великимъ вредомъ возвратился бы въ то состояніе жизни, въ которомъ нахожусь теперь. Не зависть только,
652 но что гораздо сильнѣе и зависти, желаніе этой власти обыкновенно вооружаетъ многихъ противъ того, кто имѣетъ ее. Какъ корыстолюбивыя дѣти тяготятся старостію родителей, такъ нѣкоторые и изъ этихъ людей, видя чье-нибудь священство продлившимся долгое время и умерщвленіе такого священника считая дѣломъ беззаконнымъ, спѣшатъ лишить его власти, желая всѣ поступить на его мѣсто и каждый надѣясь, что эта власть достанется ему самому.

15. Хочешь ли, я покажу тебѣ и другой видъ этой борьбы, исполненной тысячи опасностей? Иди и посмотри на народныя празднества, гдѣ большею частію и положено производить избраніе на церковныя должности, и ты увидишь, что на священника сыплется такъ много порицаній, какъ велико число подчиненныхъ. Всѣ, имѣющіе право предоставлять эту честь, раздѣляются тогда на многія части, и въ собраніи пресвитеровъ не увидишь согласія ихъ ни между самими собою, ни съ епископомъ, но каждый стоитъ самъ по себѣ, избирая одинъ одного, другой другого. Причина въ томъ, что не всѣ смотрятъ на то, на что единственно нужно бы смотрѣть, на добродѣтель души; но бываютъ и другія побужденія къ предоставленію этой чести: напримѣръ, говорятъ: такой-то долженъ быть избранъ, потому что онъ происходитъ изъ знатнаго рода; другой — потому, что владѣетъ великимъ богатствомъ и не будетъ имѣть нужды содержаться на счетъ церковныхъ доходовъ; третій—потому, что добровольно перешелъ къ намъ отъ противниковъ нашихъ; и стараются предпочесть другимъ одинъ своего пріятеля, другой—родственника, а иной—даже льстеца; но никто не хочетъ смотрѣть на способнаго и сколько нибудь узнать душевныя качества. Я же такъ далекъ отъ того, чтобы упомянутыя причины считать достаточными свидѣтельствами достоинства священниковъ, что даже и того, кто отличался бы великимъ благочестіемъ, не мало полезнымъ для этой власти, и его не осмѣлюсь тотчасъ избрать, если онъ не окажется имѣющимъ вмѣстѣ съ благочестіемъ и великое благоразуміе. Я знаю многихъ изъ проведшихъ всю жизнь свою въ затворничествѣ и изнурявшихъ себя постомъ, которые, пока пребывали въ уединеніи и пеклись только о себѣ, были угодны Богу и каждый день болѣе болѣе преуспѣвали въ этомъ любомудріи, а когда явились къ народу и должны были исправлять невѣжество людей, тогда одни

изъ нихъ съ самаго начала оказались неспособными къ такому дѣлу, а другіе, хотя по нуждѣ и продолжали служеніе, но, оставивъ прежнюю строгость жизни, причинили величайшій вредъ самимъ себѣ и не принесли никакой пользы другимъ. Даже если бы кто оставался всю жизнь свою на низшей степени служенія и достигъ глубокой старости, и того я не возвелъ бы на высшую степень по уваженію къ одному только возрасту его. Что будетъ, если онъ и въ такомъ возрастѣ окажется неспособнымъ? Говорю это теперь, не желая унизить сѣдины или узаконить, чтобы принадлежащіе къ лику монашествующихъ вовсе были устраняемы отъ этого предстоятельства,—ибо случалось, что многіе и изъ числа ихъ прославлялись на этой должности,—но стараюсь доказать, что если ни благочестіе само по себѣ, ни глубокая старость не могутъ дѣлать владѣющаго ими достойнымъ священства, то тѣмъ менѣе сдѣлали бы это вышесказанныя причины. Нѣкоторые представляютъ еще другія безразсуднѣйшія побужденія; такъ одни избираются въ составъ клира изъ опасенія, чтобы не предались на сторону противниковъ, другіе—за свою злобу, чтобы они, бывъ обойдены, не сдѣлали много золъ. Что можетъ быть беззаконнѣе этого, когда люди негодные и исполненные множества пороковъ получаютъ честь за то, за что надлежало бы наказывать ихъ, и за что не слѣдовало бы позволять имъ переступать порога церковнаго, за то самое они возводятся въ священническое достоинство? Еще ли мы будемъ искать, скажи мнѣ, причины гнѣва Божія, позволяя людямъ порочнымъ и ничего не заслуживающимъ губить 653
дѣла столь святыя и страшныя? Когда управленіе дѣлами ввѣряется или тѣмъ, кому они вовсе не свойственны, или тѣмъ, силы которыхъ много превышаются ими, тогда церковь становится нисколько не отличною отъ Еврипа *). Прежде я смѣялся надъ мірскими начальниками за то, что при раздаяніи почестей они обращаютъ вниманіе не на добродѣтель душевную, а на богатство, преклонность лѣтъ и покровительство людей; но уже не сталъ считать это такъ страннымъ, когда услышалъ, что такое неразуміе проникло и въ наши дѣла. Удивительно ли, что такъ погрѣшаютъ люди мірскіе, ищущіе славы отъ народа, и дѣлающіе все для денегъ, когда и выдающіе себя за отрекшихся отъ всего поступаютъ нисколько не лучше тѣхъ и, препираясь о небесномъ, какъ бы совѣщаясь о десятинахъ земли или о чемъ другомъ подобномъ, берутъ ничтожныхъ людей и поставляютъ ихъ надъ тѣми дѣлами, для которыхъ Единородный Сынъ Божій не отрекся уничижить

*) Еврипъ—узкій проливъ, отдѣляющій о. Еввею отъ Віотіи и Аттики, въ которомъ, вода, по сказанію грековъ, прибываетъ и убываетъ семь разъ въ день и семь разъ ночью.

славу Свою, содѣлаться человѣкомъ, принять образъ раба, претерпѣть заплеванія и заушенія, и умереть по плоти поносною смертію (Филип. II, 7. Матѳ. XXVI, 67)? И на этотъ одномъ они не останавливаются, а прибавляютъ и другое болѣе безразсудное: не только избираютъ недостойныхъ, но и отвергаютъ способныхъ. Какъ будто нужно съ обѣихъ сторонъ разрушать крѣпость церкви, или какъ будто недостаточно одной причины къ воспламененію гнѣва Божія, они прибавляютъ другую, не менѣе тяжкую. По моему мнѣнію, равно преступно отдалять людей полезныхъ и допускать безполезныхъ; и это дѣлается для того, чтобы стадо Христово ни въ чемъ не могло находить утѣшенія и отрады. Не достойно ли это тысячи молній и геенны ужаснѣйшей, нежели та, какая угрожаетъ намъ? Однако переноситъ и терпитъ такія злыя дѣла *не хотящій смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Іезек. XXXIII, 11). Кто не удивится человѣколюбію Его? Кто не изумится милосердію Его? Христіане губятъ принадлежащее Христу болѣе враговъ и непріятелей, а Онъ, Благій, еще милосердствуетъ и призываетъ къ покаянію. Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! Какая бездна человѣколюбія у Тебя! Какое богатство долготерпѣнія! Тѣ, которые именемъ Твоимъ изъ простыхъ и незнатныхъ сдѣлались почтенными и знатными, обращаютъ эту честь противъ Почтившаго ихъ, дерзаютъ на недоступное дерзновенно, оскорбляютъ святыню, устраняя и отвергая доблестныхъ для того, чтобы при великомъ оскудѣніи и съ крайнею свободою порочные низвращали все по своему произволу. Если желаешь узнать причины и этого зла, то найдешь, что они одинаковы съ прежними; потому что корень и, такъ сказать, матерь ихъ одна — зависть; но онѣ имѣютъ не одинъ видъ, а различаются между собою. Говорятъ: этотъ долженъ быть отвергнутъ потому, что молодъ; другой потому, что не умѣетъ льстить; третій потому, что поссорился съ такимъ-то; четвертый, чтобы такой-то не оскорбился, увидѣвъ, что предложенный имъ отвергнутъ, а избранъ этотъ; пятый потому, что добръ и скроменъ; шестый потому, что слишкомъ страшенъ для согрѣшающихъ; седьмый—по другой подобной причинѣ. Вообще, не затрудняются приводить столько предлоговъ, сколько захотятъ; если же не найдутъ ничего другого, то поставляютъ на видъ и богатство, и то, что не должно возводить въ эту честь вдругъ,
654 а постепенно и мало по малу, и другія причины могутъ найти, какія захотятъ. Теперь я желалъ бы спросить: что должно дѣлать епископу въ борьбѣ съ такими вѣтрами? Какъ ему устоять противъ такихъ волнъ? Какъ ему отразить всѣ эти нападенія? Если онъ будетъ руководствоваться въ дѣлахъ здравымъ разсудкомъ, то и ему и избраннымъ всѣ становятся врагами и непріятелями, дѣлаютъ все

вопреки ему, каждый день производятъ раздоры и преслѣдуютъ избранныхъ безчисленными насмѣшками, пока не низвергнутъ ихъ или не возведутъ своихъ приверженцевъ. И бываетъ подобное тому, какъ если бы внутри плывущаго корабля кормчій имѣлъ своими спутниками морскихъ разбойниковъ, которые и ему, и гребцамъ, и плавателямъ постоянно и ежечасно причиняли бы козни. Если же епископъ предпочтетъ угожденіе этимъ людямъ собственному спасенію, принявъ тѣхъ, кого не слѣдовало, то вмѣсто нихъ будетъ имѣть врагомъ своимъ—Бога; что можетъ быть ужаснѣе этого? И положеніе его въ отношеніи къ нимъ будетъ труднѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ всѣ они, содѣйствуя другъ другу, чрезъ то самое болѣе усиливаются. Какъ отъ сильныхъ вѣтровъ, встрѣтившихся съ противныхъ сторонъ, дотолѣ спокойное море вдругъ начинаетъ свирѣпствовать, воздымаетъ волны и губитъ плавателей, такъ и церковная тишина, по принятіи вредныхъ людей, возмущается и претерпѣваетъ много кораблекрушеній.

16. Представь же, какимъ долженъ быть тотъ, кому предстоитъ выдерживать такую бурю и отвращать такія препятствія общему благу? Онъ долженъ быть важнымъ и негордымъ, суровымъ и благосклоннымъ, властнымъ и общительнымъ, безпристрастнымъ и услужливымъ, смиреннымъ и нераболѣпнымъ, строгимъ и кроткимъ, чтобы онъ могъ удобно противустоять всѣмъ препятствіямъ; онъ долженъ съ полною властію принимать человѣка способнаго, хотя бы всѣ тому противились, а неспособнаго съ такою же властію отвергать, хотя бы всѣ дѣйствовали въ его пользу, имѣть въ виду только одно благосостояніе церкви и ничего не дѣлать по враждѣ или изъ угожденія кому-нибудь. Итакъ, ясно ли для тебя, что я не напрасно отказался отъ этого служенія? Впрочемъ, я не все еще изъяснилъ тебѣ; есть и другое, о чемъ могу сказать, а ты не потяготись выслушать искренняго друга, желающаго оправдаться предъ тобою въ томъ, за что укоряешь его; это не только будетъ полезно тебѣ для защиты меня предъ другими, но, можетъ быть, принесетъ не малую пользу для самого распоряженія этимъ дѣломъ. Необходимо, чтобы намѣревающійся вступить на этотъ путь жизни, напередъ хорошо развѣдалъ все, относящееся къ этому служенію, и потомъ приступалъ къ нему. Почему? Если не по чему другому, то по крайней мѣрѣ потому, что, хорошо зная все, онъ не будетъ приходить въ смущеніе отъ новости предметовъ, когда они представятся. Желаешь ли, чтобы я началъ рѣчь съ призрѣнія вдовицъ, или съ попеченія о дѣвственницахъ, или съ трудностей судебнаго дѣла? Каждое изъ этихъ дѣлъ сопряжено съ различными заботами и еще больше заботъ—со страхомъ. И во-первыхъ,—начнемъ съ того, которое кажется легче другихъ,—призрѣніе вдовицъ, повидимому,

представляетъ пекущимся о нихъ заботу, ограничивающуюся денежными издержками (1 Тим. v, 16); но бываетъ не такъ: требуется тщательное изслѣдованіе и тогда, когда нужно принимать
655 ихъ, такъ какъ включеніе ихъ въ списокъ просто и безъ разбора причиняло множество бѣдъ. Онѣ и разстроивали домы, и расторгали браки, и часто были уличаемы въ кражѣ, нетрезвости и другихъ подобныхъ поступкахъ. Содержаніе такихъ вдовицъ на счетъ церкви навлекаетъ и наказаніе отъ Бога, и крайнее осужденіе отъ людей, и самихъ благодѣтелей дѣлаетъ менѣе расположенными къ благотворительности. Кто рѣшится когда нибудь на то, чтобы имущество, которое ему заповѣдано жертвовать для Христа, тратить на тѣхъ, которыя поносятъ имя Христово? Поэтому нужно дѣлать тщательное и строгое изслѣдованіе, чтобы не только такія вдовицы, но и тѣ, которыя въ состояніи сами себя пропитывать, не истребляли трапезы бѣднѣйшихъ. За этимъ разборомъ слѣдуетъ другая не малая забота о томъ, чтобы жизненные припасы для нихъ притекали обильно, какъ бы изъ источниковъ, и никогда не оскудѣвали. Непроизвольная бѣдность дурна тѣмъ, что бываетъ ненасытна, взыскательна и неблагодарна. Требуется много благоразумія и много старанія, чтобы заграждать имъ уста, пользующіяся всякимъ предлогомъ къ осужденію. Народъ какъ скоро увидитъ кого-нибудь непристрастнаго къ богатству, тотчасъ объявляетъ его способнымъ къ распоряженію этимъ дѣломъ. Но я думаю, что для него недостаточно одного этого великодушія, но, хотя оно прежде всего необходимо, такъ какъ безъ этого онъ будетъ болѣе губителемъ, нежели покровителемъ, и волкомъ, а не пастыремъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно ему имѣть и другое качество. Это—терпѣніе, причина всѣхъ благъ для людей; оно приводитъ и вселяетъ душу какъ бы въ какую тихую пристань. Вдовицы и по своей бѣдности и по возрасту и по свойству своего пола позволяютъ себѣ нѣкоторую неумѣренную дерзость, такъ сказать; онѣ кричатъ безвременно, обвиняютъ напрасно, жалуются на то, за что надлежало бы благодарить, и порицаютъ за то, за что надлежало бы хвалить. Все это предстоятелю надобно переносить мужественно и не раздражаться ни безвременными требованіями, ни безразсудными укоризнами. Этотъ полъ должно щадить въ несчастіи, а не оскорблять; такъ какъ быть безжалостнымъ къ ихъ несчастіямъ и прибавлять къ скорби отъ бѣдности еще скорбь отъ обиды было бы крайне жестоко. Посему одинъ премудрый мужъ, видя своекорыстіе и надменность человѣческой природы, и зная свойство бѣдности, которая способна унизить и доблестнѣйшую душу и часто располагать къ безстыдному повторенію однѣхъ и тѣхъ же просьбъ, въ наставленіе, чтобы кто на просьбы бѣдныхъ не гнѣвался и отъ раздра-

женія на непрестанную ихъ настойчивость не сдѣлался вмѣсто помощника гонителемъ, увѣщеваетъ его быть снисходительнымъ и доступнымъ для нуждающагося: *приклони*, говоритъ онъ, *ухо твое къ нищему* безъ огорченія, *и отвѣщай ему мирная въ кротости* (Сирах. IV, 8). Оставивъ человѣка раздражительнаго (ибо что можно сказать больному?), онъ обращается къ тому, кто можетъ перенести слабость бѣднаго, и увѣщеваетъ прежде подаянія ободрять его кроткимъ взоромъ и ласковымъ словомъ. Если кто хотя и не беретъ себѣ достоянія вдовицъ, но осыпаетъ ихъ множествомъ укоризнъ и оскорбляетъ ихъ и раздражается противъ нихъ, тотъ
не только не облегчаетъ ихъ унынія отъ бѣдности подаяніемъ, а 656
еще увеличиваетъ ея тяжесть своими порицаніями. Хотя по требованію чрева онѣ и бываютъ принуждены забывать стыдъ, однако онѣ сѣтуютъ на это принужденіе. Такимъ образомъ, когда нужда отъ голода заставляетъ ихъ просить, и въ просьбахъ пренебрегать стыдъ, а за безстыдство онѣ опять подвергаются огорченіямъ, то на душу ихъ нападаетъ разнообразная и производящая густой мракъ сила унынія. Пекущійся о нихъ долженъ быть столь великодушнымъ, чтобы не только не увеличивать ихъ унынія укоризнами, но по возможности облегчать ихъ состояніе утѣшеніемъ. Какъ тотъ, что потерпѣлъ обиду, при большомъ изобиліи не чувствуетъ пользы отъ богатства по причинѣ нанесенія обиды, такъ и тотъ, кто слышалъ ласковое слово, и принялъ поданное съ утѣшеніемъ, болѣе веселится и радуется, и самый даръ бываетъ вдвое большимъ отъ такого способа даянія. Говорю это не отъ себя, но со словъ того, кто и выше предложилъ увѣщаніе. *Чадо*, говоритъ онъ, *во благихъ не даждь порока, и во всякомъ даяніи печали словесъ. Не устудитъ ли зноя роса? Тако лучше слово, нежели даяніе. Не се ли слово паче даянія блага? Обоя же у мужа благодатна* (Сирах. XVIII, 15—17). Попечитель ихъ долженъ быть не только кроткимъ и незлобливымъ, но не менѣе того и бережливымъ; въ противномъ случаѣ, имущество бѣдныхъ подвергается одинаковому ущербу. Такъ нѣкто, принявъ на себя это служеніе и собравъ много золота, хотя не издержалъ его на себя, но не раздавалъ и бѣднымъ, кромѣ малой части, а большую часть зарывъ въ землю, хранилъ до тѣхъ поръ, какъ наставшее тяжелое время предало это имущество въ руки враговъ. Посему нужна великая предусмотрительность, чтобы ни умножать до чрезмѣрности, ни доводить до оскудѣнія церковное имущество, но все собранное немедленно раздавать бѣднымъ, изъ добровольныхъ же приношеній народа собирать церковныя сокровища. Также для принятія странныхъ и врачеванія больныхъ сколько, думаешь ты, требуется денежныхъ издержекъ, сколько старанія и благоразумія попечителей?

Здѣсь нужны расходы нисколько не меньшіе упомянутыхъ, а часто и большіе, и попечитель долженъ собирать средства съ кротостію и благоразуміемъ, чтобы располагать богатыхъ дѣлать свои пожертвованія съ охотою и безъ сожалѣнія, дабы, заботясь о призрѣніи немощныхъ, не огорчить душъ жертвователей. Усердія же и ревности здѣсь нужно оказывать гораздо больше, потому что больные по свойству своему раздражительны и безпечны; и если не прилагать во всемъ великой попечительности и заботливости, то довольно и малаго какого нибудь опущенія, чтобы причинить великое зло больному.

17. При попеченіи же о дѣвственницахъ бываетъ тѣмъ болѣе страха, чѣмъ это сокровище драгоцѣннѣе и чѣмъ этотъ сонмъ выше другихъ; потому что и въ ликъ этихъ святыхъ вторглись многія, исполненныя множества золъ и произвели здѣсь большое горе. Какъ не все равно, свободная ли дѣва согрѣшитъ, или ея служанка, такъ нельзя (въ этомъ отношеніи сравнивать) дѣвственницу со вдовицею. Для вдовицъ празднословить, ссориться между собою, льстить, забывать стыдъ, всюду являться и ходить по площади считается безразличнымъ; а дѣвственница обрекла себя на высшій подвигъ и посвятила себя высшему любомудрію, обѣщаетъ
657 вести на землѣ жизнь ангельскую и стремится съ этою плотію уподобиться безплотнымъ силамъ. Ей не слѣдуетъ излишне и часто отлучаться изъ дома и не позволяется вести пустые и безполезные разговоры, а злословій и ласкательствъ она не должна знать и по названію. Посему она имѣетъ нужду въ строжайшемъ охраненіи и большей помощи. Врагъ святости непрестанно и наиболѣе возстаетъ на дѣвственницъ и осаждаетъ своими кознями, готовый поглотить ту, которая ослабѣетъ и падетъ; также (дѣйствуютъ противъ нея) и многіе злонамѣренные люди, и вмѣстѣ со всѣми ими неистовство природы человѣческой; вообще она должна выдерживать двоякую борьбу съ непріятелями, отвнѣ нападающими, и врагомъ, внутри ея воюющимъ. Поэтому попечителю ея предстоитъ много страха, а еще больше опасности и скорби, если случится что-нибудь нежелательное, чего да не будетъ! Если *дщерь отцу сокровенно бдѣніе, и попеченіе о ней отгоняетъ сонъ* (Сирах. XLII, 9), если отецъ такъ боится, чтобы дочь его не осталась безплодною, или не вышла изъ цвѣтущаго возраста, или не была ненавидима мужемъ, то что перенесетъ пекущійся не объ этомъ, но о другомъ гораздо болѣе важномъ? Здѣсь отвращается не мужъ, но Самъ Христосъ; неплодство подвергается не поношеніямъ только, но оканчивается погибелью души: *всяко убо древо,* говоритъ (Господь), *не творящее плода добра, посѣкается, и во огнь вметается* (Лук. III, 9); и ненавидимой Женихомъ не достаточно взять раз-

водное письмо и отойти, но за гнѣвъ Его она наказывается вѣчнымъ мученіемъ. Плотской отецъ имѣетъ много удобствъ для храненія своей дочери: и мать, и воспитательница, и множество служанокъ и безопасность жилища способствуютъ родителю къ сбереженію дѣвицы. Онъ не позволяетъ ей часто выходить на площадь города; и она, когда выходитъ, не имѣетъ нужды показываться кому-нибудь изъ встрѣчающихся; и вечерній мракъ не менѣе стѣнъ дома скрываетъ не желающую показываться. Кромѣ того никакія причины не заставляютъ ее являться когда-нибудь предъ взорами мужчинъ; ни забота о домашнихъ потребностяхъ, ни притѣсненія обижающихъ, и ни что другое подобное не поставляетъ ея въ необходимость такой встрѣчи, такъ какъ о всемъ этомъ печется ея отецъ. Сама же она имѣетъ только одну заботу о томъ, чтобы не дѣлать и не говорить ничего непристойнаго свойственной ей скромности. А здѣсь отечески пекущемуся многое дѣлаетъ труднымъ и даже невозможнымъ надзоръ за дѣвственницею; онъ не можетъ имѣть ее въ своемъ домѣ, потому что не пристойно и не безопасно такое сожительство. Хотя бы отъ этого и не происходило для нихъ никакого вреда, и хотя бы они постоянно соблюдали святость неприкосновенною, но они дадутъ отвѣтъ за души, которыхъ подвергли соблазну, не меньшій, какъ если бы они согрѣшили между собою. Такъ какъ сожительство не возможно, то нѣтъ способа наблюдать за движеніями души и безпорядочныя обуздывать, а правильныя и стройныя поощрять и улучшать; также неудобно наблюдать за выходами ея изъ дома. Бѣдность и одиночество ея не позволяютъ попечителю строго слѣдить за свойственною ей благопристойностію. Такъ какъ она принуждена во всемъ служить сама себѣ, то, если захочетъ жить своевольно, можетъ найти много предлоговъ къ отлучкамъ. Кто сталъ бы застав- 658
лять ее всегда оставаться дома, тому нужно было бы устранить и эти предлоги, доставить ей довольство въ необходимомъ и для услугъ приставить къ ней служанку; слѣдовало бы удерживать ее и отъ похоронъ и паннихидъ. Умѣетъ, подлинно умѣетъ тотъ хитрый змій и чрезъ добрыя дѣла посѣвать ядъ свой! Дѣвственница должна быть ограждена отвсюду и выходить изъ дома немного разъ въ продолженіе цѣлаго года, когда понуждаютъ неотложныя и необходимыя причины. Если же кто скажетъ, что нѣтъ надобности поручать эти дѣла епископу, тотъ пусть знаетъ, что заботы и причины случающагося съ каждою изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ нему. А для него гораздо полезнѣе завѣдывать всѣмъ самому и избавиться отъ обвиненій, которымъ онъ необходимо подвергается за погрѣшности другихъ, нежели отказаться отъ этого служенія и страшиться отвѣтственности за дѣла другихъ.

Притомъ дѣлающій это самъ собою исполняетъ все съ великимъ удобствомъ; а принужденный дѣлать это съ участіемъ мнѣнія другихъ, не столько имѣетъ отдыха вслѣдствіе освобожденія отъ собственной дѣятельности, сколько хлопотъ и непріятностей отъ людей недовольныхъ и противящихся его сужденіямъ. Но я не въ состояніи исчислить всѣхъ заботъ о дѣвственницахъ. Даже когда нужно внести ихъ въ списокъ, и тогда немалыя затрудненія онѣ причиняютъ тому, на кого возложена эта обязанность.

Судебная часть (служенія епископа также) сопряжена со множествомъ непріятностей, большими хлопотами и такими трудностями, какихъ не переносятъ и мірскіе судьи; не легко найти правду; трудно и найденную сохранить неизвращенною. Здѣсь не только хлопоты и трудности, но бываетъ и опасность немалая. Нѣкоторые изъ болѣе слабыхъ, подвергшись суду и не нашедши защиты, отпали отъ вѣры. Многіе изъ обиженныхъ, ненавидя обидчиковъ, ненавидятъ столько же и тѣхъ, которые не оказываютъ имъ помощи, не хотятъ принимать во вниманіе ни сложности дѣлъ, ни трудности обстоятельствъ, ни ограниченности священнической власти, и ничего другого подобнаго, но являются неумолимыми судьями, принимая въ оправданіе только одно—освобожденіе отъ угнетающихъ ихъ бѣдъ. А кто не можетъ этого сдѣлать, тотъ, хотя бы представлялъ тысячи оправданій, никогда не избѣжитъ ихъ осужденія. Упомянувъ о защитѣ, я открою тебѣ и другой поводъ къ укоризнамъ. Если епископъ не будетъ ежедневно посѣщать домовъ, болѣе городскихъ смотрителей, то отсюда происходятъ невыразимыя неудовольствія; ибо не только больные, но и здоровые желаютъ посѣщеній его,—не по побужденію благочестія, но многіе скорѣе домогаясь себѣ чести и уваженія. Если же случится, что какая-нибудь нужда заставитъ его, для общаго блага церкви, чаще видѣться съ кѣмъ-нибудь изъ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ людей, этимъ онъ тотчасъ навлекаетъ на себя упрекъ въ угодливости и лести. Но что я говорю о защитѣ и посѣщеніяхъ? За одинъ разговоръ свой онъ подвергается такому множеству нареканій, что часто, обремененный ихъ тяжестію, падаетъ отъ унынія: его судятъ и за взглядъ; самыя про-
659 стыя дѣйствія его многіе строго разбираютъ, примѣчая и тонъ голоса, и положеніе лица, и мѣру смѣха. Съ тѣмъ-то, говорятъ, онъ громко смѣялся, обращался съ веселымъ лицемъ и разговаривалъ возвышеннымъ голосомъ, а со мною мало и небрежно. И если въ многолюдномъ собраніи онъ обращаетъ глаза во время разговора не во всѣ стороны, то также считаютъ это обидою для себя. Кто же, не имѣя великаго мужества, можетъ такъ дѣйствовать, чтобы или совершенно не подвергаться сужденіямъ столь многихъ

обвинителей, или подвергшись—оправдаться? Нужно или вовсе не имѣть обвинителей, или, если это не возможно, опровергать ихъ обвиненія; если же и это не удобно—есть, люди находящіе удовольствіевъ томъ, чтобы обвинять безъ причины и напрасно,—то нужно мужественно переносить непріятность этихъ укоризнъ. Справедливо обвиняемый легко можетъ перенести обвиненіе; потому что нѣтъ обвинителя жесточе совѣсти и оттого, испытавъ напередъ упреки этого жесточайшаго обвинителя, мы легко переносимъ внѣшнія обвиненія, какъ болѣе кроткія. Но если несознающій за собою ничего худого обвиняется напрасно, то онъ скоро воспламеняется гнѣвомъ и легко впадаетъ въ уныніе, если прежде не научился переносить невѣжество народа. Нѣтъ, невозможно, чтобы оклеветанный напрасно и осуждаемый не возмущался и не чувствовалъ никакой скорби отъ такой несправедливости. А что сказать о тѣхъ скорбяхъ, которыя (пастыри) чувствуютъ тогда, когда должно отлучить кого нибудь отъ церковнаго общества? И о, если бы это бѣдствіе ограничивалось только скорбію! Но здѣсь предстоитъ и немалая бѣда. Опасно, чтобы наказанный сверхъ мѣры не потерпѣлъ того, что сказано блаженнымъ Павломъ: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ* (2 Кор. II, 7). Посему и здѣсь требуется величайшая внимательность, чтобы то самое, что дѣлается для пользы, не причинило ему большого вреда; ибо за каждый изъ тѣхъ грѣховъ, которые онъ совершитъ послѣ такого врачеванія, вмѣстѣ съ нимъ подлежитъ наказанію и врачъ, нехорошо лечившій рану. Какихъ же наказаній долженъ ожидать тотъ, который отдастъ отчетъ не только за грѣхи, совершенные имъ самимъ, но подвергнется крайней опасности и за грѣхи другихъ? Если мы, помышляя объ отчетѣ за собственныя прегрѣшенія, трепещемъ, не надѣясь избѣжать вѣчнаго огня; то какое мучительное ожиданіе должно быть у того, кто будетъ отвѣчать за столь многихъ? А что это справедливо, выслушай блаженнаго Павла, или лучше, говорящаго въ немъ Христа: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Развѣ малъ ужасъ такой угрозы? Нельзя сказать этого. Впрочемъ, всего этого достаточно для убѣжденія самыхъ недовѣрчивыхъ и суровыхъ людей въ томъ, что я не по гордости и честолюбію, но единственно устрашась за себя и представивъ трудность дѣла (пастырскаго), обратился въ бѣгство.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

360 Василій, выслушавъ это и немного помедливъ, сказалъ: если бы ты самъ старался пріобрѣсти эту власть, то страхъ твой былъ бы основателенъ. Кто своимъ домогательствомъ получить ее призналъ себя способнымъ къ исполненію этого дѣла, тому, по полученіи ея, нельзя прибѣгать къ неопытности для оправданія своихъ погрѣшностей. Онъ заранѣе самъ лишилъ себя этого оправданія тѣмъ, что стремился и похитилъ это служеніе и, какъ добровольно и по собственному желанію приступившій къ нему, уже не можетъ сказать: я невольно погрѣшилъ въ томъ-то и невольно погубилъ такого-то. Тотъ, кто тогда будетъ судить его за это, скажетъ ему: „почему же ты, сознавая въ себѣ такую неопытность и не имѣя достаточно ума" для безошибочнаго исполненія этой обязанности, стремился и осмѣлился принять на себя дѣла, превышающія твои силы? Кто принуждалъ? Кто насильно влекъ тебя, если ты уклонялся и убѣгалъ"? Но ты никогда не услышишь ничего такого: ты и самъ не можешь упрекать себя въ чемъ-либо подобномъ; и всѣмъ извѣстно, что ты ни сколько не домогался этой чести, но все сдѣлано другими; и то, что лишаетъ другихъ прощенія за погрѣшности, тебѣ доставляетъ важное основаніе къ оправданію.

Златоустъ. Послѣ этого я, покачавъ головою и немного улыбнувшись, подивился его простодушію и сказалъ ему: я и самъ желалъ бы, чтобы дѣло было такъ, какъ ты сказалъ, добрѣйшій изъ всѣхъ, не для того впрочемъ, чтобы я могъ принять то, отъ чего убѣжалъ. Хотя бы мнѣ не предстояло никакого наказанія за мое небрежное и неопытное попеченіе о стадѣ Христовомъ, но если бы мнѣ ввѣрены были такія великія дѣла, для меня тяжелѣе всякаго наказанія было бы то, что я оказался столь недостойнымъ предъ лицемъ ввѣрившаго ихъ мнѣ. Для чего же я сталъ бы желать, чтобы мнѣніе твое не было тщетнымъ? Для того развѣ, чтобы этимъ жалкимъ и несчастнымъ (такъ должно назвать тѣхъ, которые не умѣли хорошо управлять этимъ дѣломъ, хотя бы ты тысячекратно говорилъ, что они были привлечены насильно и грѣшили по невѣдѣнію) можно было избѣжать огня неугасимаго, тьмы кромѣш-

ней, червя неумирающаго, разсѣченія и погибели вмѣстѣ съ лицемѣрами. Что же сказать тебѣ? Нѣтъ, это не такъ. И если хочешь, я представлю тебѣ доказательства вѣрности словъ моихъ, начавъ съ царствованія, за которое отвѣтственность предъ Богомъ не такова, какова за священство. Саулъ, сынъ Кисовъ, не по собственному домогательству сдѣлался царемъ; онъ пошелъ искать 661
ослицъ и пришелъ спросить объ нихъ пророка, а тотъ сталъ говорить ему о царствѣ; и хотя онъ слышалъ объ этомъ отъ пророка, но не стремился, а отказывался и отрицался, сказавъ: *кто азъ есть и какой домъ отца моего* (1 Цар. IX, 20, 21)? И что же? Такъ какъ онъ злоупотреблялъ данною ему отъ Бога честію, то могъ ли онъ этими словами своими избавиться отъ гнѣва Воцарившаго его? Между тѣмъ онъ могѣ бы сказать обвинявшему его Самуилу: развѣ я самъ стремился къ царствованію? Развѣ я искалъ этой власти? Я желалъ вести жизнь частныхъ людей, безмятежную и спокойную, а ты привлекъ меня къ этому достоинству: оставаясь въ уничиженномъ состояніи, я легко могъ бы уклониться отъ преткновеній; находясь въ числѣ простыхъ и незнатныхъ людей, я не былъ бы посланъ на такое дѣло и Богъ не поручилъ бы мнѣ войны съ амаликитянами; а безъ этого порученія я не совершилъ бы такого грѣха. Но все это слабо для оправданія и не только слабо, но и опасно и еще болѣе воспламеняетъ гнѣвъ Божій. Кто почтенъ выше своего достоинства, тотъ не долженъ представлять въ оправданіе своихъ погрѣшностей величіе этой чести, но великое о немъ попеченіе Божіе долженъ обращать въ побужденіе къ большему преспѣянію въ добрѣ. Получившій высокое достоинство, и поэтому считающій дозволительнымъ для себя грѣшить, дѣлаетъ не что иное, какъ старается представить человѣколюбіе Божіе причиною грѣховъ своихъ, что̀ говорить всегда свойственно людямъ нечестивымъ и безпечно ведущимъ жизнь свою. Мы же не должны такъ думать и впадать въ одинаковое съ ними безуміе, но во всемъ стараться по силамъ своимъ исполнять зависящее отъ насъ самихъ и имѣть и языкъ и умъ благоговѣйный. И Илій (отъ царствованія мы перейдемъ теперь къ священству, о которомъ идетъ у насъ рѣчь) также не старался пріобрѣсти эту власть. А какую пользу онъ получилъ отъ этого, когда согрѣшилъ? Но что я говорю: не старался? Онъ даже не могъ, хотя бы и желалъ, избѣжать ея по требованію закона; потому что онъ происходилъ изъ колѣна Левіина и долженъ былъ принять эту власть, низходящую по родовому преемству. Однако и онъ потерпѣлъ немалое наказаніе за своеволіе дѣтей своихъ (1 Цар. гл. IV). Такъ и бывшій первымъ священникомъ іудейскимъ, о которомъ такъ много говорилъ Богъ Моисею, за то, что не могъ

одинъ противустать безумію такого множества народа, не былъ ли почти у самой погибели, если бы предстательство брата не удержало гнѣва Божія (Исход. XXXII)? Такъ какъ я упомянулъ о Моисеѣ, то благовременно подтвердить истину моихъ словъ и случившимися съ нимъ событіями. Самъ блаженный Моисей такъ далекъ былъ отъ того, чтобы домогаться начальства надъ іудеями, что даже отказывался отъ предлагаемаго, не соглашался на повелѣніе Божіе и разгнѣвалъ Повелѣвавшаго (Исход. IV, 13). И не только тогда, но и послѣ, уже по принятіи власти, онъ охотно желалъ умереть, чтобы освободиться отъ нея: *убій мя*, говорилъ онъ, *аще тако твориши мнѣ* (Числ. XI, 15). И что же? Такъ какъ онъ согрѣшилъ при изведеніи воды (Числ. XX, 12), то непрестанные его отказы могли ли защитить его и склонить Бога къ дарованію ему прощенія? Не за другое ли что-нибудь онъ былъ лишенъ обѣтованной земли? Не за другое что, какъ извѣстно всѣмъ
662 намъ, а именно за этотъ грѣхъ такой дивный мужъ не могъ достигнуть того, чего достигли подвластные ему, но послѣ многихъ подвиговъ и изнуреній, послѣ такого необычайнаго странствованія, послѣ сраженій и побѣдъ, умеръ внѣ той земли, для которой подъялъ столько трудовъ и, претерпѣвъ бѣдствія мореплаванія, не насладился благами пристани. Видишь, что не только похищающіе (священство), но и тѣ, которые получаютъ его по старанію другихъ, не могутъ ничѣмъ оправдываться въ своихъ проступкахъ. Если тѣ, которые многократно отказывались, когда Самъ Богъ избиралъ ихъ, подверглись такому наказанію, и ничто не могло избавить отъ этой опасности ни Аарона, ни Илія, ни того блаженнаго мужа, святаго, пророка, дивнаго, *кроткаго паче всѣхъ человѣкъ, сущихъ на земли* (Числ. XII, 3), который бесѣдовалъ съ Богомъ какъ другъ (Исх. XXXIII, 11), то намъ, которые столь далеки отъ его совершенства, едва ли послужитъ къ достаточному оправданію наше сознаніе, что мы нисколько не искали себѣ этой власти, особенно когда многія изъ этихъ избраній бываютъ не по божественной благодати, но по старанію людей. Богъ избралъ Іуду, и включилъ его въ святый ликъ учениковъ Христовыхъ и даровалъ ему вмѣстѣ съ прочими апостольское достоинство и даже предоставилъ ему нѣчто большее предъ другими—распоряженіе деньгами. И что же? Когда онъ и тѣмъ и другимъ злоупотребилъ,—Того, Кого долженъ былъ проповѣдывать, предалъ, и изъ того, чѣмъ поручено ему распоряжаться ко благу, сдѣлалъ худое употребленіе, то избѣжалъ ли наказанія? Этимъ самымъ онъ еще увеличилъ для себя наказаніе, и весьма справедливо, потому что даруемыя Богомъ преимущества должно употреблять не на оскорбленіе Бога, но на большее Ему угожденіе. Тотъ, кто думаетъ избѣжать заслуженнаго имъ наказанія за то,

что получилъ большія предъ другими почести, поступаетъ подобно тому, какъ еслибы кто изъ невѣрующихъ іудеевъ, услышавъ слова Христовы: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли;* также: *аще дѣлъ не быхъ сотворилъ въ нихъ, ихже инъ никтоже сотвори, грѣха не быша имѣли* (Іоан. XV, 22. 24), сталъ обвинять Спасителя и Благодѣтеля, и говорить: для чего же Ты пришелъ и глаголалъ? Для чего творилъ знаменія? Для того ли, чтобы больше наказать насъ? Но это—слова неистовства и крайняго безумія. Врачъ пришелъ не для того, чтобы судить тебя, но для того, чтобы врачевать, не для того, чтобы презрѣть тебя болящаго, но чтобы совершенно освободить тебя отъ болѣзни, а ты добровольно уклонился отъ рукъ его; за это прими жесточайшее наказаніе. Если бы ты принялъ врачеваніе, то очистился бы отъ прежнихъ болѣзней; а такъ какъ ты, видя пришедшаго врача, убѣжалъ отъ него, то уже не можешь очиститься отъ нихъ; если же не можешь, то будешь наказанъ за нихъ и вмѣстѣ за то, что попеченіе его о тебѣ сдѣлалъ тщетнымъ, сколько это отъ тебя зависѣло. Поэтому мы не одинаковому подвергаемся истязанію до принятія или послѣ принятія почестей отъ Бога, но въ послѣднемъ случаѣ гораздо строжайшему. Кого не исправляютъ благодѣянія, тотъ достоинъ большаго наказанія. Итакъ, если это оправданіе слабо, какъ доказано нами, и если оно не только не спасаетъ прибѣгающихъ къ нему, но еще большей подвергаетъ опасности, то намъ надобно искать другой защиты.

Василій сказалъ: Какой же? Я теперь даже самъ себя не чувствую: въ такой страхъ и ужасъ ты привелъ меня этими словами.

Златоустъ. Нѣтъ,—сказалъ я,—прошу и умоляю, не предавайся такому страху. Есть, есть защита: для насъ немощныхъ—никогда не вступать (въ эту должность), а для васъ крѣпкихъ—по полученіи благодати Божіей полагать надежды спасенія не въ 663
другомъ чемъ, а въ томъ, чтобы не дѣлать ничего недостойнаго этого дара и Бога, его давшаго. Величайшее наказаніе заслужатъ тѣ, которые, достигнувъ этой власти собственными усиліями, будутъ худо исполнять это служеніе или по нерадѣнію, или по нечестію, или по неопытности. Но за это не будетъ прощенія и тѣмъ, которые не домогались власти; и они не имѣютъ никакого оправданія. По моему мнѣнію, хотя бы тысячи людей призывали и принуждали, должно не на нихъ смотрѣть, но напередъ испытывать свою душу и изслѣдовать все тщательно, и потомъ уступать принуждающимъ. Если построить домъ не обѣщается никто изъ незнающихъ строительнаго искусства, и къ леченію больныхъ тѣломъ не приступитъ никто изъ незнающихъ врачебнаго искусства, и хотя бы многіе насильно влекли ихъ, они откажутся и не

будутъ стыдиться своего незнанія, то неужели тотъ, кому имѣетъ быть ввѣрено попеченіе о столь многихъ душахъ, не испытаетъ напередъ самого себя; но, хотя бы онъ былъ неопытнѣйшимъ изъ всѣхъ, приметъ это служеніе потому, что такой-то приказываетъ, такой-то принуждаетъ и чтобы не огорчить такого-то? Не ввергаетъ-ли онъ себя вмѣстѣ съ ними въ явную бѣду? Тогда какъ ему можно было спасать самого себя, онъ губитъ съ собою и другихъ. Откуда же можно ожидать спасенія? Откуда получить прощеніе? Кто будетъ защищать насъ тогда (на будущемъ судѣ)? Можетъ быть тѣ, которые теперь принуждаютъ и влекутъ силою? Но кто спасетъ ихъ самихъ въ то время? Они сами будутъ нуждаться въ другихъ, чтобы избѣжать огня. А что я теперь говорю это не съ тѣмъ, чтобы устрашить тебя, но чтобы показать истинное положеніе дѣла, послушай, что говоритъ блаженный Павелъ ученику своему Тимоѳею, истинному и возлюбленному сыну: *руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ* (1 Тим. v, 22). Видишь ли, отъ какого не только осужденія, но и наказанія я съ своей стороны избавилъ тѣхъ, которые намѣревались возвести меня въ это достоинство?

2. Какъ для избранныхъ не довольно сказать въ свое оправданіе: я не самъ вызвался, я не предвидѣлъ и потому не уклонился; такъ и избирающимъ нисколько не можетъ помочь то, если они скажутъ, что не знали избраннаго; но поэтому самому вина и становится бóльшею, что они приняли того, кого не знали, и кажущееся оправданіе служитъ къ увеличенію осужденія. Если желающіе купить невольника показываютъ его врачамъ и требуютъ поручителя за продаваемаго, и распрашиваютъ сосѣдей и послѣ всего этого не рѣшаются купить, но требуютъ еще долгаго времени для испытанія, то не безразсудно ли, что намѣревающіеся назначить кого-нибудь на такое служеніе свидѣтельствуютъ и присуждаютъ просто и какъ случится, какъ покажется кому-нибудь, въ угожденіе, или по враждѣ къ другимъ, не дѣлая никакого другого испытанія? Кто будетъ защищать насъ тогда, когда и тѣ, которые должны бы защищать, сами будутъ нуждаться въ защитникахъ? Итакъ, и намѣревающійся избрать долженъ дѣлать большое испытаніе, а еще гораздо больше — избираемый. Хотя избиратели вмѣстѣ съ нимъ подвергаются наказанію за его погрѣшности, однако и онъ, не освобождаясь отъ наказанія, даже подвергается еще бóльшему, если только избиратели по какому-либо человѣческому побужденію не поступили вопреки требованію справедливости. Если же они будутъ обличены въ томъ, что по какому
664 нибудь предлогу завѣдомо приняли недостойнаго, то они подвергнутся равному съ нимъ наказанію, а избравшіе неспособнаго — можетъ

быть и бóльшему. Кто вручитъ власть человѣку вредному для церкви, тотъ будетъ виновенъ въ дерзкихъ его поступкахъ. Если же онъ ни въ чемъ такомъ не будетъ виновенъ, но скажетъ, что онъ обманутъ мнѣніемъ народа, и тогда онъ не останется безъ наказанія, а только будетъ наказанъ немного менѣе избраннаго. Почему? Потому, что избиратели дѣйствительно могутъ сдѣлать это, обманувшись ложнымъ мнѣніемъ; а избранный никакъ не можетъ сказать, что не зналъ самого себя, какъ не знали его другіе. Посему, чѣмъ онъ тяжелѣе принявшихъ его имѣетъ быть наказанъ, тѣмъ строже ихъ долженъ испытывать самого себя; и если бы они по невѣдѣнію стали привлекать его, онъ долженъ придти и точно объяснить причины, которыми остановилъ бы обманутыхъ и, объявивъ себя недостойнымъ испытанія, избѣжалъ тяжести столь великихъ дѣлъ. Почему тогда, когда идетъ совѣщаніе о дѣлѣ воинскомъ, о торговлѣ, о земледѣліи и другихъ житейскихъ занятіяхъ, ни земледѣлецъ не рѣшится плыть по морю, ни воинъ обработывать землю, ни кормчій сдѣлаться воиномъ, хотя бы кто угрожалъ имъ тысячію смертей? Очевидно потому, что каждый изъ нихъ предвидитъ опасность отъ своей неопытности. Если же тамъ, гдѣ ущербъ маловаженъ, мы дѣйствуемъ съ такою осмотрительностію и противимся требованію принуждающихъ, то здѣсь, гдѣ за предоставленіе священства несвѣдущимъ предстоитъ вѣчное мученіе, какъ мы безъ разсужденія и безъ разбора будемъ подвергать себя такой опасности, ссылаясь на насиліе другихъ? Но имѣющій судить насъ тогда не приметъ такого оправданія. Слѣдовало бы соблюдать осторожность въ дѣлахъ духовныхъ гораздо болѣе, чѣмъ плотскихъ; а теперь мы оказываемся не соблюдающими и одинаковой осторожности. Скажи мнѣ: если бы мы, считая какого-нибудь человѣка знающимъ строительное искусство, тогда какъ онъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ его, пригласили бы на эту работу, и онъ согласился бы и потомъ, взявъ приготовленный для строенія матеріалъ, растратилъ бы и дерева и камни, и построилъ такой домъ, который тотчасъ разрушился бы, неужели достаточно было бы къ оправданію его то, что онъ не самъ вызвался строить, а другіе принудили его? Нѣтъ; и весьма основательно и справедливо. Ему слѣдовало отказаться, когда и другіе приглашали его. Если же растратившему дерева и камни не будетъ никакой возможности избѣжать наказанія, то погубляющій души и назидающій ихъ безпечно какъ можетъ думать, что принужденіе отъ другихъ поможетъ ему избѣгнуть наказанія? Не крайне ли это безразсудно? Я еще не прибавляю того, что никто не можетъ принудить кого-нибудь противу воли. Но положимъ, что кто-нибудь подвергся тысячи насилій и много-

различнымъ хитростямъ, такъ что принужденъ будетъ уступить, и это избавитъ ли его отъ наказанія? Нѣтъ. Увѣщеваю, не будемъ столько обольщать себя, и притворяться незнающими того, что ясно и для малолѣтнихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что при отчетѣ въ дѣлахъ такое притворное незнаніе не можетъ принести намъ пользы. Ты самъ не домогался пріобрѣсти эту власть, сознавая свою немощь? Хорошо и честно. Съ такимъ же сознаніемъ слѣдовало отказаться и тогда, когда другіе приглашали. Или тогда, когда никто не приглашалъ, ты былъ немощенъ и неспособенъ; а какъ скоро нашлись люди, вознамѣрившіеся предоставить тебѣ эту честь, ты вдругъ сдѣлался сильнымъ? Это смѣшно, и лживо, и достойно крайняго наказанія. Посему и Господь увѣщеваетъ
665 желающаго построить башню не полагать основанія прежде, нежели онъ сообразитъ свою состоятельность, чтобы не подать присутствующимъ тысячи поводовъ къ осмѣянію его (Лук. xiv, 28. 29). Но для него бѣда ограничивается смѣхомъ, а здѣсь наказаніемъ будетъ огнь неугасимый, червь неумирающій, скрежетъ зубовъ, тьма кромѣшняя, разсѣченіе и погибель вмѣстѣ съ лицемѣрами (Иса. xxvi, 24. Мате. xxv, 30). Обвинители же мои не хотятъ знать ничего этого; иначе они перестали бы укорять того, кто не хочетъ погибнуть напрасно. Настоящее наше разсужденіе касается не распоряженія пшеницею или житомъ, волами и овцами, или чѣмъ-либо другимъ подобнымъ, но самаго тѣла Христова. Ибо церковь Христова, по словамъ блаженнаго Павла, есть тѣло Христово (Кол. i, 18); и тотъ, кому оно ввѣрено, долженъ содержать его въ великомъ благосостояніи и превосходной красотѣ, всюду наблюдать, чтобы какая-нибудь *скверна, или порокъ, или нѣчто отъ таковыхъ* пятенъ не повредили ея доброты и благолѣпія (Ефес. v, 27). Не долженъ ли онъ представлять это тѣло достойнымъ нетлѣнной и блаженной его Главы по мѣрѣ силъ человѣческихъ? Если заботящіеся о благосостояніи ратоборцевъ имѣютъ нужду и во врачахъ, и руководителяхъ, и строгомъ образѣ жизни, и непрестанномъ упражненіи и множествѣ другихъ предосторожностей (ибо и какая-нибудь малость, оставленная у нихъ безъ вниманія, разрушаетъ и ниспровергаетъ все); то принявшіе на себя попеченіе объ этомъ тѣлѣ, ведущемъ борьбу не съ тѣлами, но съ невидимыми силами, какъ могутъ сохранить его невредимымъ и здравымъ, если не будутъ имѣть добродѣтель, гораздо болѣе человѣческой и знать всякое врачевство, полезное для души?

3. Или ты не знаешь, что это тѣло (церкви) подвержено бо́льшимъ болѣзнямъ и напастямъ, нежели плоть наша; скорѣе ея повреждается и медленнѣе выздоравливаетъ? Врачами тѣлесными изобрѣтены разныя лѣкарства и разнообразныя орудія, и роды

пищи, приспособленные къ больнымъ; часто одно свойство воздуха было достаточно для выздоровленія больныхъ; даже иногда благовременный сонъ освобождалъ врача отъ всякаго труда. А здѣсь ничего такого придумать нельзя; но послѣ примѣра дѣлъ предоставленъ одинъ видъ и способъ врачеванія—ученіе *словомъ*. Вотъ орудіе, вотъ пища, вотъ превосходное раствореніе воздуха! Это вмѣсто лѣкарства, это вмѣсто огня, это вмѣсто желѣза; нужно ли прижечь или отсѣчь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подѣйствуетъ, то все прочее напрасно. Имъ мы возставляемъ падшую и укрощаемъ волнующуюся душу, отсѣкаемъ излишнее, восполняемъ недостающее и совершаемъ все прочее, что служитъ у насъ къ здравію души. Наилучшему устроенію жизни можетъ содѣйствовать жизнь другого, располагая къ соревнованію; но когда душа страждетъ болѣзнію, состоящею въ *неправыхъ догматахъ*, тогда весьма полезно слово, не только для огражденія своихъ, но и для борьбы съ посторонними. Если бы кто имѣлъ мечъ духовный и щитъ вѣры такой, что могъ бы совершать чудеса и посредствомъ чудесъ заграждать уста безстыднымъ, тотъ не имѣлъ бы нужды въ помощи слова; или лучше, оно по свойству своему и 666
тогда было бы не безполезно, но даже весьма необходимо. Такъ и блаженный Павелъ дѣйствовалъ словомъ, хотя повсюду славился знаменіями. И другой изъ лика апостольскаго увѣщеваетъ заботиться о силѣ слова: *готови* будьте, говоритъ онъ, *ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вашемъ упованіи* (1 Петр. III, 15). И всѣ они тогда не по другой какой либо причинѣ предоставили Стефану и его сотрудникамъ попеченіе о вдовицахъ, но для того, чтобы сами безпрепятственно могли заниматься *служеніемъ слова* (Дѣян. VI, 4). Если бы мы имѣли силу знаменій, то не стали бы такъ много заботиться о словѣ; но если не осталось и слѣда той силы, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ и непрестанно наступаютъ непріятели, то уже необходимо намъ ограждаться словомъ, чтобы намъ не поражаться стрѣлами враговъ, и чтобы лучше намъ поражать ихъ.

4. Посему должно тщательно стараться, *да слово Христово вселяется въ насъ богатно* (Кол. III, 16). Мы готовимся не къ одному роду борьбы; но эта война разнообразна и производится различными врагами. Не всѣ они дѣйствуютъ однимъ и тѣмъ же оружіемъ и стараются нападать на насъ не одинаковымъ образомъ. Поэтому кто намѣревается вести войну со всѣми, тотъ долженъ знать способы дѣйствія всѣхъ ихъ, быть и стрѣльцомъ и пращникомъ, предводителемъ полка и начальникомъ отряда, воиномъ и военачальникомъ, пѣшимъ и всадникомъ, сражающимся на морѣ и подъ стѣнами. Въ военныхъ сраженіяхъ, какое кому на-

значено дѣло, такъ онъ и отражаетъ наступающихъ враговъ; а здѣсь этого нѣтъ; если намѣревающійся побѣждать не будетъ свѣдущъ во всѣхъ частяхъ этого искусства, то діаволъ и чрезъ одну какую-нибудь часть, если она останется въ пренебреженіи, съумѣетъ провести своихъ грабителей и расхититъ овецъ; но онъ не будетъ (такъ смѣлъ), когда увидитъ пастыря выступающаго съ полнымъ знаніемъ и хорошо свѣдущаго во всѣхъ его козняхъ. Итакъ, нужно хорошо ограждаться во всѣхъ частяхъ. Пока городъ огражденъ со всѣхъ сторонъ, до тѣхъ поръ, находясь въ совершенной безопасности, онъ смѣется надъ осаждающими его; но если кто разрушитъ стѣну его, хотя только въ мѣру воротъ, то для него уже нѣтъ пользы отъ окружности стѣны, хотя бы прочія части ея оставались твердыми. Такъ и городъ Божій, когда его отвсюду ограждаетъ вмѣсто стѣны прозорливость и благоразуміе пастыря, всѣ покушенія враговъ обращаетъ къ ихъ стыду и посмѣянію, а живущіе внутри города остаются невредимыми; если же кто успѣетъ разрушить какую нибудь часть его, хотя всего и не разрушитъ, то отъ этой части, такъ сказать, заражается и все прочее. Что пользы, если онъ хорошо борется съ язычниками, а его опустошаютъ іудеи? Или онъ преодолѣваетъ тѣхъ и другихъ, а его расхищаютъ манихеи? Или послѣ побѣды надъ этими—распространяющіе ученіе о судьбѣ станутъ убивать овецъ, находящихся внутри его? Но для чего исчислять всѣ діавольскія ереси? Если пастырь не умѣетъ хорошо отражать всѣ эти ереси, то волкъ можетъ и посредствомъ одной пожрать множество овецъ. Въ воинскомъ дѣлѣ отъ противустоящихъ и сражающихся воиновъ всегда должно ожидать и побѣды и пораженія; а здѣсь совершенно иначе. Часто битва съ одними доставляетъ побѣду такимъ врагамъ, которые вначалѣ не ополчались и нисколько не трудились, а оставались спокойно сидящими; и
667 не имѣющій въ этихъ дѣлахъ большой опытности, поразивъ себя собственнымъ мечемъ, дѣлается смѣшнымъ и для друзей и для враговъ. Напримѣръ (я постараюсь объяснить тебѣ сказанное примѣромъ), послѣдователи лжеученія Валентина и Маркіона, и одержимые одинаковыми съ ними болѣзнями, исключаютъ изъ числа книгъ Божественнаго Писанія законъ, данный Богомъ Моисею; іудеи же такъ почитаютъ его, что и теперь, когда уже время не позволяетъ, стараются вполнѣ соблюдать его вопреки волѣ Божіей. А церковь Божія, избѣгая крайностей тѣхъ и другихъ, идетъ среднимъ путемъ,—и не соглашается подчиняться игу закона, и не допускаетъ хулить его, но хвалитъ его и по прекращеніи его за то, что онъ былъ полезенъ въ свое время. Поэтому тотъ, кто намѣревается бороться съ тѣми и другими, долженъ соблюдать это

равновѣсіе. Если онъ, желая научить іудеевъ, что они не благовременно держатся древняго законодательства, начнетъ безъ пощады порицать его, то подастъ немалый поводъ желающимъ изъ еретиковъ хулить его; а если, стараясь заградить уста этимъ еретикамъ, станетъ неумѣренно превозносить законъ и выхвалять его, какъ необходимый въ настоящее время, то откроетъ уста іудеямъ. Также, одержимые неистовствомъ Савеллія и бѣснованіемъ Арія, тѣ и другіе по неумѣренности отпали отъ здравой вѣры; и хотя тѣ и другіе удерживаютъ имя христіанъ, но если кто изслѣдуетъ ученіе ихъ, тотъ найдетъ, что одни нисколько не лучше іудеевъ и развѣ только различаются названіями, а ученіе другихъ имѣетъ большое сходство съ ересію Павла Самосатскаго, но что и тѣ и другіе далеки отъ истины *). Здѣсь предстоитъ большая опасность, узкій и тѣсный путь, окруженный съ обѣихъ сторонъ утесами, и немалый страхъ, чтобы кто-нибудь, намѣреваясь поразить одного, не былъ раненъ другимъ. Такъ, если кто скажетъ, что Божество едино, то Савеллій тотчасъ обратитъ это слово въ пользу своего безумнаго ученія; если же покажетъ различіе, называя одного Отцомъ, другого Сыномъ, третьяго Духомъ Святымъ, то выступитъ Арій и станетъ относить разность лицъ къ различію въ существѣ. Между тѣмъ должно отвращаться и убѣгать какъ нечестиваго смѣшенія Савелліева, такъ и безумнаго раздѣленія Аріева, и исповѣдывать единое Божество Отца и Сына и Святаго Духа, но притомъ въ трехъ Лицахъ; такимъ образомъ мы можемъ заградить входъ тому и другому. Можно бы привести тебѣ и многія другія затрудненія, съ которыми если кто не будетъ бороться мужественно и тщательно, тотъ самъ останется со множествомъ ранъ.

5. А что сказать о распряхъ своихъ ближнихъ? Онѣ не меньше внѣшнихъ нападеній, но еще болѣе представляютъ труда для наставника. Одни изъ любопытства тщетно и напрасно хотятъ изслѣдовать такіе предметы, которые и знать было бы безполезно и познать невозможно; другіе требуютъ отъ Бога отчета въ судьбахъ Его, и усиливаются измѣрить эту великую бездну; ибо *судъбы Твоя*, говорится въ Писаніи, *бездна многа* (Псал. xxxv, 7). Пекущихся о вѣрѣ и жизни найдется немного; а гораздо болѣе такихъ, которые изслѣдуютъ и изыскиваютъ то, чего найти не возможно, и изысканіе чего оскорбляетъ Бога. Когда мы усиливаемся познать то, чего Богъ не хотѣлъ открыть намъ, то мы и не узнаемъ этого 668
(ибо какъ можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любо-

*) Валентиніанъ и Маркіонъ—ересеначальники сектъ, извѣстныхъ подъ именами Валентиніанъ и Маркіонитовъ—2 вѣка; Савеллій и Павелъ Самосатскій — ересеначальники Савелліанъ и Павліанъ (Самосаситовъ)—3-го вѣка; Арій—ересеначальникъ Аріанъ—4-го вѣка по Р. Х.

пытство свое только подвергнемся опасности. Между тѣмъ, и при такомъ положеніи дѣла, кто со властію станетъ заграждать уста изслѣдующимъ недоступные предметы, тотъ навлечетъ на себя упрекъ въ гордости и невѣжествѣ. Поэтому и здѣсь предстоятелю нужно дѣйствовать съ великимъ благоразуміемъ, чтобы и отклонять другихъ отъ нелѣпыхъ вопросовъ, и самому избѣгнуть сказанныхъ обвиненій. Для всего этого не дано ничего другого, кромѣ одной только помощи слова; и если кто не имѣетъ этой силы, то души подчиненныхъ ему людей постоянно будутъ находиться въ состояніи нисколько не лучше обуреваемыхъ кораблей; я говорю о людяхъ слабѣйшихъ и любопытнѣйшихъ. Посему священникъ долженъ употреблять всѣ мѣры, чтобы пріобрѣсти эту силу.

Василій сказалъ: почему же Павелъ не старался пріобрѣсти эту силу, и даже не стыдится скудости своего слова, но прямо признаетъ себя *невѣждою,* и притомъ въ посланіи къ коринѳянамъ, которые славились краснорѣчіемъ и весьма хвалились имъ (2 Кор. xi, 6)?

6. *Златоустъ.* Отъ этого самаго, — сказалъ я,—многіе и погибли и сдѣлались менѣе ревностными къ истинному ученію. Такъ какъ они не могли въ точности постигнуть глубину мыслей апостола и уразумѣть смыслъ словъ его, то и проводили все время въ дремотѣ и сонливости, хваля невѣжество, не то, которое приписывалъ себѣ Павелъ, но отъ котораго онъ такъ былъ далекъ, какъ ни одинъ человѣкъ, живущій подъ небомъ. Впрочемъ, оставимъ этотъ предметъ до другого времени, а теперь я скажу слѣдующее: положимъ, что Павелъ былъ невѣждою въ томъ смыслѣ, какого они желаютъ; какъ это относится къ нынѣшнимъ людямъ? Онъ имѣлъ силу, гораздо высшую слова и способную совершать гораздо большія дѣйствія; при одномъ появленіи своемъ и при молчаніи онъ былъ страшенъ для демоновъ; а нынѣшніе всѣ, собравшись вмѣстѣ, съ безчисленными молитвами и слезами своими не могли бы сдѣлать того, что нѣкогда могли совершать полотенца Павловы (Дѣян. xix, 12). Павелъ молитвою воскрешалъ мертвыхъ и совершалъ другія чудеса такія, что язычники принимали его за Бога (Дѣян. xiv, 11); и еще прежде переселенія изъ здѣшней жизни онъ удостоился быть восхищеннымъ до третьяго неба и слышать такія слова, которыхъ не можетъ слышать человѣческая природа (2 Кор. ii, 2—4). А нынѣшніе люди (впрочемъ я не намѣренъ говорить ничего непріятнаго и тяжелаго, и это теперь говорю, не укоряя ихъ, но изумляясь) какъ не страшатся сравнивать себя съ такимъ мужемъ? Если мы, оставивъ чудеса, перейдемъ къ жизни этого блаженнаго и посмотримъ на ангельскую его дѣятельность, то увидимъ и въ ней еще болѣе, чѣмъ въ зна-

меніяхъ, превосходство этого ратоборца Христова. Кто можетъ изобразить его ревность, кротость, постоянныя опасности, непрерывныя заботы, непрестанныя безпокойства о церквахъ, сострадание къ немощнымъ, многія скорби, многократныя гоненія, каждодневныя смерти (2 Кор. XII, 24—28. 1 Кор. IX, 22)? Какое мѣсто во вселенной, какая земля, какое море не знаютъ подвиговъ этого праведника? Его знала и пустыня, часто принимавшая его во время его опасностей. Онъ претерпѣлъ всѣ роды козней и одержалъ всякаго рода побѣды; никогда не переставалъ и подвизаться 56
и получать вѣнцы. Впрочемъ я не знаю, какъ я увлекся до того, что сталъ оскорблять этого мужа; доблести его превышаютъ всякое слово, а мое—столько, сколько превышаютъ меня искуснѣйшіе въ краснорѣчіи. Но, не смотря на это (блаженный будетъ судить меня не за выполненіе дѣла, а за намѣреніе), я не перестану, пока не скажу того, что̀ выше сказаннаго столько, сколько онъ выше всѣхъ людей. Что же это такое? Послѣ такихъ подвиговъ, послѣ безчисленныхъ вѣнцовъ онъ желалъ низойти въ геенну и быть преданнымъ вѣчному мученію для того, чтобы іудеи, которые часто бросали въ него камни и готовы были убить его, спаслись и обратились ко Христу (Римл. IX, 3). Кто такъ любилъ Христа, если можно назвать это любовію, а не чѣмъ либо другимъ высшимъ любви? Еще ли мы будемъ сравнивать себя съ нимъ, послѣ такой благодати, какую онъ получилъ свыше, и послѣ такихъ добродѣтелей, какія онъ оказалъ съ своей стороны? Можетъ ли быть что нибудь дерзновеннѣе этого? А что при всемъ томъ онъ не былъ невѣждою, какъ тѣ называютъ его, теперь и это постараюсь доказать. Они называютъ невѣждою не только того, кто не упражнялся въ искусствѣ свѣтскаго краснорѣчія, но и того, кто не умѣетъ защищать истиннаго ученія; и справедливо такъ разсуждаютъ. Но Павелъ назвалъ себя невѣждою не въ томъ и другомъ, а только въ одномъ; и въ подтвержденіе этого онъ сдѣлалъ точное разграниченіе, сказавъ, что онъ *невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. XI, 6). Если-бы я требовалъ (отъ пастыря церкви) изящества рѣчи Исократа, силы Димосѳена, важности Ѳукидида и высоты Платона, то слѣдовало бы указать на это свидѣтельство Павла *); но теперь я оставляю все это и изысканныя внѣшнія украшенія, и не думаю ни о выраженіи, ни о произношеніи рѣчи. Пусть кто нибудь будетъ скуденъ въ словахъ и составъ рѣчи его простъ и неискусенъ, только пусть онъ не будетъ невѣждою въ познаніи и вѣрномъ разумѣніи догматовъ, и, для прикрытія своего

*) Исократъ и Димосѳенъ—ораторы, Ѳукидидъ историкъ и Платонъ философъ—аттическіе писатели, жившіе въ V и IV вѣкахъ до Р. Х.

нерадѣнія, не отнимаетъ у этого блаженнаго мужа величайшаго изъ его достоинствъ и главной изъ его заслугъ.

7. Какъ онъ, скажи мнѣ, приводилъ въ замѣшательство іудеевъ, живущихъ въ Дамаскѣ, когда еще и не начиналъ совершать знаменій? Какъ преодолѣлъ еллинистовъ? Почему былъ препровожденъ въ Тарсъ? Не потому ли, что сильно побѣждалъ словомъ и до того довелъ ихъ, что они, не вытерпѣвъ пораженія, раздражились и рѣшились убить его (Дѣян. гл. IX)? Тогда онъ еще не начиналъ творить чудесъ; и никто не можетъ сказать, что народъ удивлялся ему по молвѣ объ его чудотвореніяхъ и что боровшіеся съ нимъ уступали по причинѣ такого мнѣнія объ этомъ мужѣ; доселѣ онъ побѣждалъ только словомъ своимъ. А какъ онъ боролся и состязался съ тѣми, которые въ Антіохіи намѣревались жить по-іудейски (Гал. гл. II)? И членъ ареопага, житель суевѣрнѣйшаго города, не отъ одной ли проповѣди его сдѣлался его послѣдователемъ вмѣстѣ съ женою (Дѣян. XVII, 34)? И отъ чего Евтихъ упалъ съ окна? Не отъ того ли, что до глубокой ночи занятъ былъ слушаніемъ поученія Павлова (Дѣян. XX, 9)? А что въ Солунѣ и въ Коринѳѣ? Что въ
670 Ефесѣ и въ самомъ Римѣ? Не цѣлые ли дни и ночи сряду онъ проводилъ въ изъясненіи писаній? Что сказать о состязаніяхъ съ епикурейцами и стоиками (Дѣян. XVII, 18)? Если-бы мы захотѣли исчислять все, то рѣчь наша была бы слишкомъ обширна. Итакъ, если оказывается, что и прежде знаменій и при нихъ Павелъ часто дѣйствовалъ словомъ, то какъ еще осмѣлятся называть невѣждою того, кому за бесѣду и проповѣдь въ особенности всѣ удивлялись? Почему ликаонцы приняли его за Меркурія? Что ихъ (Павла и Варнаву) приняли за боговъ, причиною тому были чудеса; а что Павла приняли за Меркурія, причиною тому уже не чудеса, а слово (Дѣян. XIV, 12). Чѣмъ этотъ блаженный превзошелъ прочихъ апостоловъ? Почему по всей вселенной имя его наиболѣе обращается въ устахъ всѣхъ? Почему онъ прославляется болѣе всѣхъ не только у насъ, но и у іудеевъ и язычниковъ? Не за достоинство ли своихъ посланій, которыми онъ принесъ пользу не только тогдашнимъ вѣрнымъ, но и жившимъ съ того времени до нынѣ, будетъ приносить пользу имѣющимъ существовать до послѣдняго пришествія Христова и не престанетъ дѣлать это, пока продолжится родъ человѣческій? Его писанія ограждаютъ церкви во всей вселенной подобно стѣнѣ, построенной изъ адаманта. Онъ и нынѣ стоитъ посреди, какъ мужественнѣйшій ратоборецъ, *плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово, и низлагающе помышленія и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 4, 5). Все это онъ производитъ оставленными намъ посланіями своими, удивительными и исполненными боже-

ственной мудрости. Его писанія полезны намъ не только для низпроверженія ложныхъ ученій и защиты истиннаго, но весьма немало служатъ и къ преуспѣянію въ благочестивой жизни. Предстоятели церкви, пользуясь ими, еще и нынѣ устрояютъ, совершенствуютъ и доводятъ до духовной красоты чистую дѣву, которую онъ обручилъ Христу (2 Кор. XI, 2). Ими они отражаютъ приключающіяся ей болѣзни и охраняютъ присущее ей здравіе. Такія врачевства оставилъ намъ этотъ *невѣжда*, имѣющія такую силу, которую хорошо знаютъ часто пользующіеся ими на самомъ дѣлѣ. Отсюда видно, что Павелъ оказалъ великую ревность въ этомъ дѣлѣ.

8. Послушай еще, что онъ говоритъ въ посланіи къ ученику: *внемли чтенію, утѣшенію, ученію.* Потомъ говоритъ и о плодахъ этого: *сія бо творя, и самъ спасешися и послушающіи тебе* (1 Тим, IV, 13, 16). И еще: *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учителну, незлобиву.* И далѣе говоритъ: *ты же пребывай, въ нихже наученъ еси, и яже ввѣрена суть тебѣ, вѣдый отъ кого научился еси: и яко изъ млада священная писанія умѣеши, могущая тя умудрити во спасеніе.* И еще: *всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ* (2 Тим. II, 24; III, 14—16). Послушай, что онъ пишетъ къ Титу, бесѣдуя о поставленіи епископовъ: *подобаетъ бо*, говоритъ, *епископу быти держащемуся вѣрнаго сло-* 67в
весе по ученію, да силенъ будетъ и противящіяся обличати (Тит. I, 5, 9). Какъ же кто-нибудь, оставаясь невѣждою, какъ тѣ говорятъ, можетъ обличать противящихся и заграждать имъ уста? И какая нужда заниматься чтеніемъ и писаніями, если должно оставаться въ такомъ невѣжествѣ? Все это вымыслы и предлоги и прикрытіе безпечности и лѣности. Но это, скажутъ, предписывается священникамъ; ибо у насъ теперь идетъ рѣчь о священникахъ. Что это относится и къ находящимся подъ ихъ властію, о томъ послушай, какъ онъ еще въ другомъ посланіи увѣщеваетъ другихъ: *слово Христово да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости*; и еще: *слово ваше да бываетъ всегда во благодати, солію растворено, вѣдѣти, како подобаетъ единому комуждо отвѣщавати* (Колос. III, 16. IV, 6). И слова: *готови* будьте *ко отвѣту*, сказаны всѣмъ (1 Петр. III, 15). И въ посланіи къ Өессалоникійцамъ (Павелъ) говоритъ: *созидайте кійждо ближняго, якоже и творите* (1 Солун. V, 11). А когда онъ бесѣдуетъ о священникахъ, то говоритъ: *прилѣжащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются: паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1 Тим. V, 17). Это—совершеннѣйшій способъ ученія, когда и дѣ-

лами и словами приводятъ поучаемыхъ къ той блаженной жизни, которую предписалъ Христосъ; ибо однихъ дѣлъ недостаточно для наученія. Это не мои слова, а Самого Спасителя: *иже*, говоритъ Онъ, *сотворитъ и научитъ, сей велій наречется* (Матѳ. v, 19). Если бы *творить* значило *учить*, то напрасно было бы прибавлено второе слово; довольно было бы сказать только: *иже сотворитъ;* а теперь раздѣленіемъ того и другого Онъ показываетъ, что иное зависитъ отъ дѣлъ, а иное отъ слова, и каждая изъ этихъ двухъ частей имѣетъ нужду одна въ другой, чтобы зданіе было совершенно. Слышишь ли, что говоритъ пресвитерамъ ефесскимъ избранный сосудъ Христовъ: *сего ради бдите, поминающе, яко три лѣта нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ* (Дѣян. xx, 31)? Какая нужда въ слезахъ или въ словесномъ ученіи, когда такъ ярко сіяла его жизнь апостольская? Жизнь (его) могла много содѣйствовать намъ къ исполненію заповѣдей; но не скажу, чтобы и въ этомъ отношеніи она одна совершала все.

9. Когда возникнетъ споръ о догматахъ и всѣ будутъ бороться на основаніи однихъ и тѣхъ же писаній, тогда какую силу можетъ оказать жизнь? Какая польза отъ многихъ подвиговъ, когда кто-нибудь послѣ этихъ подвиговъ по великой неопытности своей впадетъ въ ересь, и отдѣлится отъ тѣла церкви? Я знаю многихъ, съ которыми это случилось. Какая ему польза отъ терпѣнія? Никакой; равно какъ (нѣтъ пользы) и отъ здравой вѣры при развращенной жизни. Поэтому тотъ, кто поставленъ учить другихъ, долженъ быть опытнѣе всѣхъ въ такихъ спорахъ. Хотя бы самъ онъ оставался въ безопасности, не потерпѣвъ никакого вреда отъ противниковъ, но множество простыхъ людей, находящихся подъ его руководствомъ, когда увидитъ, что вождь ихъ побѣжденъ и не можетъ ничего сказать противникамъ, будетъ винить въ этомъ пораженіи не его слабость, а нетвердость самаго ученія; по неопытности одного много людей подвергнется крайней гибели. Если они и не перейдутъ совершенно на сторону противниковъ, то принуждены бываютъ сомнѣваться въ томъ, въ чемъ были увѣрены; и къ чему приступали съ твердою вѣрою, тому уже не могутъ внимать съ такою же твердостію; и поднимается такая буря въ душахъ ихъ отъ пораженія учителя, что бѣдствіе оканчивается кораблекрушеніемъ. А какая гибель и какой огонь собирается на несчастную главу его за каждаго изъ этихъ погибающихъ, объ этомъ мнѣ нѣтъ нужды говорить тебѣ: все это ты самъ хорошо знаешь. Итакъ отъ гордости ли, отъ тщеславія ли происходитъ мое нежеланіе быть виновникомъ погибели столь многихъ людей, и на себя самого навлечь наказаніе большее того, какое теперь ожидаетъ меня тамъ? Кто можетъ сказать это? Никто, развѣ

кто захотѣлъ бы укорять напрасно и предаваться разсужденіямъ при чужихъ несчастіяхъ.

СЛОВО ПЯТОЕ.

ДОВОЛЬНО сказано мною о томъ, какую опытность долженъ 672
имѣть наставникъ въ борьбѣ за истину; кромѣ этого я хочу сказать о другомъ предметѣ, который бываетъ причиною множества опасностей, или лучше сказать, не онъ бываетъ причиною, а тѣ, которые не умѣютъ хорошо пользоваться имъ; а само это дѣло можетъ доставить спасеніе и многія блага, когда имъ будутъ заниматься мужи ревностные и способные. Что же это? Великій трудъ, состоящій въ бесѣдахъ предъ народомъ въ общихъ собраніяхъ. Во-первыхъ, пасомые большею частію не хотятъ относиться къ говорящимъ, какъ къ наставникамъ, а поднимаясь выше положенія учениковъ, принимаютъ положеніе зрителей, присутствующихъ на мірскихъ зрѣлищахъ. Какъ тамъ народъ раздѣляется, и одни принимаютъ сторону одного, а другіе другого: такъ и здѣсь раздѣлившись, одни принимаютъ сторону одного, а другіе другого, и слушаютъ говорящихъ, сообразуясь съ своимъ благопріятнымъ или враждебнымъ расположеніемъ. И не въ этомъ только состоитъ трудность, но не меньше того и въ другомъ. Если случится кому изъ говорящихъ прибавить къ своимъ словамъ какую нибудь часть чужихъ 673
трудовъ, то онъ подвергается большимъ укоризнамъ, чѣмъ похитители чужого имущества; а часто терпитъ такое обвиненіе и тотъ, кто только подозрѣвается въ этомъ, хотя ни у кого ничего не заимствовалъ. Но что я говорю о чужихъ трудахъ? Часто онъ не можетъ пользоваться и своими сочиненіями. Люди большею частью привыкли слушать не для пользы, а для удовольствія, представляя себя какъ бы судьями трагиковъ или игроковъ на киѳарѣ; и то искусство слова, которое мы теперь признали излишнимъ, здѣсь такъ одобряется, какъ у софистовъ, когда они вынуждаются спорить другъ съ другомъ.

2. Итакъ, и здѣсь нуженъ человѣкъ съ душею мужественною, много превосходящею нашу немощь, чтобы онъ могъ отвлекать народъ отъ этого непристойнаго и безполезнаго удовольствія и пріучать его къ слушанію болѣе полезнаго такъ, чтобы народъ ему слѣдовалъ и повиновался, а не онъ руководился прихотями народа. Но этого нельзя достигнуть иначе, какъ двумя способами: *презрѣніемъ похвалъ* и *силою слова*. Если не будетъ одного изъ нихъ, то и

остальной по отдѣленіи отъ перваго, будетъ безполезенъ. Если презирающій похвалы не преподаетъ ученія, *растворенпаго благодатію и солію* (Кол. IV, 6), то онъ лишается уваженія у народа, не получая никакой пользы отъ своего великодушія; а если исправный по этой части будетъ прельщаться славою рукоплесканій, то произойдетъ одинаковый вредъ и для народа и для него самого, какъ старающагося по пристрастію къ похваламъ говорить болѣе для удовольствія, нежели для пользы слушателей. И какъ тотъ, кто не имѣетъ пристрастія къ похваламъ и не умѣетъ говорить, хотя не угождаетъ народу, но не можетъ приносить ему и какой либо значительной пользы отъ того, что не можетъ ничего сказать; такъ и увлекающійся страстью къ похваламъ, хотя можетъ вести бесѣды назидательныя для народа, но вмѣсто нихъ предлагаетъ то, что болѣе услаждаетъ слухъ, пріобрѣтая этимъ себѣ шумъ рукоплесканій.

3. Итакъ, отличный руководитель долженъ быть силенъ въ томъ и другомъ, чтобы недостатокъ одного не уничтожилъ и другого. Когда онъ, выступивъ среди народа, станетъ говорить обличенія живущимъ безпечно, но потомъ смѣшается и станетъ запинаться и по скудости рѣчи принужденъ будетъ краснѣть, тотчасъ исчезаетъ вся позьза отъ сказаннаго. Обличаемые, негодуя на сказанное и не имѣя другого средства отмстить ему, осыпаютъ его насмѣшками за его неумѣніе, надѣясь этимъ прикрыть свои недостатки. Посему нужно ему, какъ бы какому отличному возницѣ, хорошо владѣть обоими этими совершенствами, чтобы можно было надлежащимъ образомъ дѣйствовать тѣмъ и другимъ. Когда онъ окажется неукоризненнымъ во всемъ, тогда, съ какою угодно властію, можетъ и наказывать и освобождать всѣхъ ввѣренныхъ его руководству; а безъ этого трудно пріобрѣсти такую власть. Впрочемъ,
674 великодушіе не должно ограничиваться однимъ только презрѣніемъ похвалъ, но и простираться далѣе, чтобы польза опять не осталась несовершенною.

4. Отъ чего же еще должно воздерживаться? Отъ ненависти и зависти. Полезно ни чрезмѣрно опасаться и бояться несправедливыхъ обвиненій (а предстоятелю неизбѣжно подвергаться безразсуднымъ укоризнамъ), ни совершенно пренебрегать ими; но хотя бы онѣ были ложны, хотя бы взводимы были на насъ людьми неважными, надобно стараться скорѣе погашать ихъ. Ничто такъ не увеличиваетъ славы худой и доброй, какъ неразсудительный народъ; привыкнувъ и слушать и говорить необдуманно, онъ повторяетъ безъ разбора все приключившееся, нисколько не заботясь объ истинѣ. Посему не должно пренебрегать народомъ, но возникающія худыя подозрѣнія тотчасъ истреблять, убѣждая обвинителей, хотя бы они были безсмысленнѣйшіе изъ всѣхъ людей, и не опуская ничего изъ

всего того, что можетъ уничтожить недобрую славу; если же и послѣ того, какъ мы сдѣлаемъ съ своей стороны все, обвинители не захотятъ вразумиться, тогда отнестись къ нимъ съ презрѣніемъ. Кто упадетъ духомъ отъ такихъ непріятностей, тотъ никогда не будетъ въ состояніи совершить что-нибудь доблестное и достохвальное; уныніе и непрестанныя безпокойства могутъ сокрушить силу души и довести до крайняго изнеможенія. Священникъ долженъ относиться къ пасомымъ такъ, какъ-бы отецъ относился къ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ; какъ отъ этихъ мы не отвращаемся, когда они оскорбляютъ, или ударяютъ, или плачутъ, и даже, когда они смѣются и ласкаются къ намъ, не очень заботимся объ этомъ, такъ и священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаніями, если онѣ будутъ неосновательны. Трудно это, блаженный, а можетъ быть, я думаю, и не возможно. Слышать себѣ похвалы и не радоваться, не знаю, случалось ли когда нибудь кому либо изъ людей: а кто радуется этому, тотъ конечно и желаетъ получать ихъ; желающій же получать ихъ непремѣнно будетъ печалиться и унывать и скучать и досадовать, когда лишается этихъ похвалъ. Какъ богачи, пока богаты, веселятся, а обѣднѣвъ сѣтуютъ и, привыкнувъ къ роскоши, не могутъ переносить жизни бѣдной, такъ и пристрастные къ похваламъ не только тогда, когда ихъ порицаютъ напрасно, но если ихъ и не часто хвалятъ, терзаются въ душѣ какъ бы какимъ голодомъ, если они привыкли къ похваламъ или услышатъ, что другіе удостоиваются похвалъ. Сколько же трудовъ и сколько огорченій, думаешь ты, предстоитъ вышедшему на подвигъ ученія съ такою страстію? Невозможно, чтобы море когда-нибудь не волновалось; невозможно, чтобы и душа такого человѣка оставалась безъ заботъ и скорби.

5. Кто владѣетъ великою силою слова (а ее у немногихъ можно найти), даже и тотъ не бываетъ свободенъ отъ непрестанныхъ трудовъ. Такъ какъ сила слова не дается природою, но пріобрѣтается образованіемъ, то хотя бы кто довелъ ее до высшаго совершенства, и тогда онъ можетъ потерять ее, если постояннымъ усердіемъ и упражненіемъ не будетъ развивать этой силы. Такимъ образомъ образованнѣйшіе должны болѣе трудиться, нежели менѣе образованные; ибо нерадѣніе тѣхъ и другихъ сопровождается не одина- 675
ковымъ ущербомъ, но у первыхъ онъ столько важнѣе, сколько различія между тѣмъ, чѣмъ владѣютъ тѣ и другіе. Послѣднихъ никто не будетъ укорять, если они не произносятъ ничего отличнаго; а первые, если не всегда будутъ предлагать бесѣды, превышающія то мнѣніе, которое всѣ имѣютъ о нихъ, то подвергаются отъ всѣхъ великимъ укоризнамъ. Притомъ послѣдніе и за малое

могутъ получать великіе похвалы; а первые, если слова ихъ не будутъ сильно удивлять и поражать, не только не удостоиваются похвалъ, но и находятъ многихъ порицателей. Слушатели сидятъ и судятъ о проповѣди не по ея содержанію, а по мнѣнію о проповѣдующихъ. Потому, кто превосходитъ всѣхъ краснорѣчіемъ, тому болѣе всѣхъ нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тѣмъ общимъ недостаткомъ природы человѣческой, что невозможно успѣвать во всемъ; но если бесѣды его не вполнѣ будутъ соотвѣтствовать высокому мнѣнію о немъ, то онѣ сопровождаются множествомъ насмѣшекъ и порицаній отъ народа. Никто самъ въ себѣ не разсуждаетъ о томъ, что приключившееся уныніе, безпокойство, забота, а часто и гнѣвъ, помрачаютъ чистоту ума и не позволяютъ произведеніямъ его являться свѣтлыми, и что вообще человѣку невозможно всегда быть одинаковымъ и во всемъ успѣвать; но естественно иногда и погрѣшить и оказаться слабѣе собственной силы. Ни о чемъ этомъ, какъ я сказалъ, не хотятъ подумать, но винятъ проповѣдника, судя о немъ, какъ объ ангелѣ. И вообще человѣкъ таковъ, что на заслуги ближняго и многочисленныя и великія не обращаетъ вниманія; а если откроется какой нибудь недостатокъ,— хотя бы незначительный, хотя бы давно случившійся,—тотчасъ узнаетъ его, немедленно привязывается къ нему, и всегда помнитъ его: и это малое и незначительное часто уменьшаетъ славу многихъ и великихъ мужей.

6. Видишь, почтенный, что сильному въ словѣ нужно имѣть особенно большую ревность, а вмѣстѣ съ ревностію и такое терпѣніе, въ какомъ нуждаются не всѣ изъ вышеупомянутыхъ мною. Многіе непрестанно безпокоятъ его напрасно и безъ причины, и не имѣя, въ чемъ обвинять его, враждуютъ противъ него за то, что онъ всѣми уважается. Нужно мужественно переносить гнусную ихъ ненависть. Не желая скрывать этой проклятой ненависти, питаемой ими безъ всякой причины, они злословятъ и порицаютъ, клевещутъ тайно и враждуютъ явно. Если душа при всякой такой непріятности станетъ безпокоиться и раздражаться, то она не можетъ быть бодрою, изнемогая отъ печали. И не только сами они мстятъ ему, но стараются дѣлать это и чрезъ другихъ; часто, выбравъ кого-нибудь, не умѣющаго ничего сказать, они превозносятъ его похвалами и удивляются ему выше его достоинства; одни дѣлаютъ это по безумію, другіе и по невѣжеству и по зависти, чтобы унизить славу достойнаго, а не для того, чтобы прославить недостойнаго. Но не только съ ними бываетъ борьба у доблестнаго мужа, но часто и съ невѣжествомъ цѣлаго народа. Такъ какъ невозможно, чтобы весь собравшійся народъ состоялъ изъ людей образованныхъ, но иногда большую часть собранія со-

ставляютъ люди простые; прочіе же хотя и разумнѣе этихъ по- 676
слѣднихъ, но въ сравненіи съ людьми, способными судить о красноречіи, гораздо болѣе несвѣдущи, чѣмъ всѣ другіе въ сравненіи съ ними; а найдется едва одинъ или два человѣка, имѣющихъ такую способность, неизбѣжно происходитъ то, что говорившій лучше получаетъ менѣе рукоплесканій, а иногда остается и безъ всякихъ похвалъ. Нужно вооружаться мужествомъ противъ такихъ несправедливостей, и тѣхъ, которые поступаютъ такъ по невѣжеству, прощать, а тѣхъ, которые дѣлаютъ это по зависти, оплакивать какъ несчастныхъ и жалкихъ, и быть увѣреннымъ, что собственная сила ни отъ тѣхъ ни отъ другихъ не умаляется. Такъ и живописецъ отличный и превышающій всѣхъ въ своемъ искусствѣ, видя, что люди несвѣдущіе въ этомъ искусствѣ осмѣиваютъ картину, написанную имъ съ большою тщательностію, не долженъ падать духомъ и считать картину худою, по суду невѣждъ, равно какъ и считать удивительною и прекрасною дѣйствительно худую картину потому только, что ею восхищаются невѣжды.

7. Отличный художникъ долженъ быть самъ и судьею своихъ произведеній; хорошими или худыми они должны считаться тогда, когда произведшій ихъ умъ произнесетъ о нихъ тотъ или другой приговоръ; а о мнѣніи постороннихъ, невѣрномъ и неопытномъ, никогда и думать не нужно. Такъ и принявшій на себя подвигъ учительства долженъ не внимать похваламъ постороннихъ людей, и не ослабѣвать своею душею безъ нихъ; но составляя поученія такъ, чтобы угодить Богу (ибо это должно быть у него правиломъ и единственною цѣлію тщательнѣйшаго составленія поученій, а не рукоплесканія и похвалы), если будетъ хвалимъ людьми, пусть не отвергаетъ похвалъ, если же не получаетъ ихъ отъ слушателей, пусть не ищетъ и не сѣтуетъ; потому что для него достаточное и наилучшее утѣшеніе въ трудахъ есть то, если онъ можетъ сознавать въ самомъ себѣ, что онъ составлялъ и направлялъ свои поученія на благоугожденіе Богу.

8. Подлинно, кто предается страсти къ безразсуднымъ похваламъ, тотъ не получитъ никакой пользы ни отъ многихъ трудовъ своихъ, ни отъ силы своего слова; потому что душа, не умѣющая переносить неразумныхъ осужденій народа, слабѣетъ и теряетъ охоту къ упражненію въ словѣ. Посему больше всего нужно пріучаться презирать похвалы; потому что безъ этого недостаточно одного умѣнья говорить для сохраненія въ себѣ этой силы. Даже если кто захочетъ обратить тщательное вниманіе на того, у кого недостаетъ этой способности, то найдетъ, что и онъ не меньше того имѣетъ нужду въ презрѣніи похвалъ. Не достигая славы отъ народа, онъ неизбѣжно впадетъ во множество грѣховъ. Такъ, не

имѣя силъ сравняться съ отличающимися способностію краснорѣчія, онъ не удержится отъ вражды къ нимъ, и зависти, и напрасныхъ порицаній, и многихъ подобныхъ непристойностей; но рѣшится на все, хотя бы предстояло погубить свою душу, только бы пріобрѣсти славу ихъ скудостію своихъ способностей. Кромѣ того, онъ утратитъ и ревность къ этимъ трудамъ, такъ какъ нѣкоторое разслабленіе постигнетъ душу его. Много трудиться, а получать мало похвалъ—это дѣйствительно можетъ изнурить и погрузить въ глубокій сонъ не умѣющаго презирать похвалы. Такъ и земледѣлецъ, вынужденный трудиться надъ неплоднымъ полемъ и воздѣлывать
677 каменистую землю, скоро оставляетъ труды свои, если не имѣетъ большой склонности къ работѣ и не опасается голода. Если же способные говорить съ великою властію, имѣютъ нужду въ постоянномъ упражненіи для сохраненія этой способности, то нисколько не приготовившійся ранѣе и принужденный думать объ этомъ во время самыхъ подвиговъ какія встрѣтитъ трудности, какое безпокойство, какое смущеніе, чтобы съ великимъ трудомъ пріобрѣсть какой-нибудь малый успѣхъ! А если кто-нибудь изъ поставленныхъ послѣ него и занимающихъ низшее положеніе успѣетъ болѣе его прославиться по этой части, тогда нужна душа какъ бы божественная, чтобы не предаться ненависти и не впасть въ уныніе. Стоять на высшей степени достоинства и быть превзойденнымъ низшими, и переносить это мужественно, это свойственно не обыкновенной и не моей душѣ, но какъ бы адамантовой. Эта непріятность бываетъ еще сносною, когда превзошедшій скроменъ и весьма умѣренъ; но если онъ будетъ дерзокъ, и гордъ, и честолюбивъ, тогда тому нужно каждый день желать себѣ смерти; до такой степени горькою для того жизнь сдѣлаетъ онъ, превозносясь надъ нимъ явно, насмѣхаясь тайно, отнимая отъ него власть болѣе и болѣе, стремясь замѣнить его во всемъ, и во всѣхъ этихъ случаяхъ находя себѣ важную опору въ свободѣ рѣчи, расположенности къ нему народа и приверженности всѣхъ пасомыхъ. Развѣ ты не знаешь, какая нынѣ развилась въ душахъ христіанъ любовь къ краснорѣчію и что занимающіеся имъ больше всѣхъ уважаются не только у внѣшнихъ (язычниковъ), но и у *присныхъ въ вѣрѣ* (Гал. VI, 10)? Кто же можетъ перенести такой стыдъ. когда во время его бесѣды всѣ молчатъ, и тяготятся и ожидаютъ окончанія слова какъ бы какого отдыха отъ трудовъ, а другого, хотя и долго говорящаго, слушаютъ съ долготерпѣніемъ, досадуютъ, когда онъ хочетъ остановиться, и гнѣваются, когда онъ намѣревается замолчать? Все это теперь кажется тебѣ маловажнымъ и не заслуживающимъ вниманія, какъ не испытанное, но можетъ погасить ревность и ослабить душевную силу, развѣ кто, отрѣшившись отъ

всѣхъ человѣческихъ страстей, потщится уподобиться безплотнымъ Силамъ, не подверженнымъ ни зависти, ни славолюбію, ни другой какой-нибудь подобной слабости. Если найдется такой человѣкъ, который можетъ попрать этого неуловимаго, неодолимаго и дикаго звѣря, т. е. народную славу, и отсѣчь многочисленныя его головы, или лучше не допуститъ этой славѣ и зараждаться въ началѣ, тотъ будетъ въ состояніи удобно отражать всѣ эти нападенія, и остаться спокойнымъ, какъ бы въ тихой пристани; а кто не освободился отъ нея, тотъ обременяетъ свою душу, какъ бы разнообразною борьбою, постояннымъ смятеніемъ, и уныніемъ и множествомъ другихъ страстей. Нужно ли исчислять и прочія затрудненія, о которыхъ не можетъ и говорить и знать тотъ, кто не испыталъ ихъ на самомъ дѣлѣ?

СЛОВО ШЕСТОЕ.

ТАКЪ бываетъ въ здѣшней жизни, какъ о томъ ты слышалъ; а
какъ мы перенесемъ имѣющее быть тогда, когда должны бу- 678
демъ отдать отчетъ за каждаго изъ ввѣренныхъ намъ? Тамъ наказаніе не ограничится стыдомъ, но предстоитъ вѣчное мученіе. *Повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17); объ этомъ хотя я и прежде говорилъ, но и теперь не умолчу; страхъ такой угрозы постоянно потрясаетъ мою душу. Если соблазняющему только одного и притомъ малѣйшаго *уне есть, да обѣсится жерновъ оселскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй,* и если всѣ уязвляющіе совѣсть братьевъ, согрѣшаютъ противъ Самого Христа (Матѳ. XVIII, 6. 1 Кор. VIII, 12); то что нѣкогда потерпятъ и какому подвергнутся наказанію тѣ, которые погубили не одного, двухъ или трехъ, но такое множество? Имъ нельзя оправдываться неопытностію, прибѣгать къ невѣдѣнію, извиняться необходимостію и принужденіемъ; къ такой защитѣ, если бы было позволено, скорѣе могъ бы прибѣгнуть кто-нибудь изъ подчиненныхъ для оправданія себя въ собственныхъ грѣхахъ, чѣмъ предстоятели—для оправданія въ грѣхахъ другихъ людей. Почему? Потому, что поставленный исправлять невѣжество другихъ и предварять о наступающей борьбѣ съ діаволомъ, не можетъ оправдываться невѣдѣніемъ и говорить: я не слышалъ трубы, я не предвидѣлъ войны. Онъ, какъ говоритъ Іезекіиль, для того и посаженъ,

чтобы трубить для другихъ и предвозвѣщать объ угрожающихъ бѣдствіяхъ; почему неминуемо постигнетъ его наказаніе, хотя бы погибъ только одинъ человѣкъ. *Стражъ*, говоритъ онъ, *аще увидитъ мечъ грядущъ, и не вострубитъ людемъ и не проповѣстъ, и нашедъ мечъ возметъ душу: та убо беззаконія ради своего взяся, а крове ея отъ руки стража взыщу* (Іезек. XXXIII, 6). Перестань же вовлекать меня въ столь неизбѣжную отвѣтственность. Мы го-
679 воримъ не о предводительствѣ войскомъ и не о царствованіи (земномъ), но о дѣлѣ, требующемъ ангельскихъ добродѣтелей.

2. Священникъ долженъ имѣть душу чище самыхъ лучей солнечныхъ, чтобы никогда не оставлялъ его безъ себя Духъ Святый, и чтобы онъ могъ сказать: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II. 20). Если живущіе въ пустынѣ, удалившіеся отъ города, рынка и тамошняго шума, и всегда находящіеся какъ бы въ пристани и наслаждающіеся тишиною, не рѣшаются полагаться на безопасность своей жизни, но принимаютъ множество и другихъ предосторожностей, ограждая себя со всѣхъ сторонъ, стараясь говорить и дѣлать все съ великою осмотрительностію, чтобы они могли съ дерзновеніемъ и истинною чистотою приступать къ Богу, сколько позволяютъ силы человѣческія; то какую, думаешь ты, долженъ имѣть силу и твердость священникъ, чтобы онъ могъ охранять душу свою отъ всякой нечистоты и соблюдать неповрежденною духовную красоту? Ему нужна гораздо большая чистота, чѣмъ тѣмъ, а кому нужна большая чистота, тому болѣе предстоитъ случаевъ очерниться, если онъ постояннымъ бодрствованіемъ и великимъ напряженіемъ силъ не сдѣлаетъ душу свою неприступною для этого. Благообразіе лица, пріятность тѣлодвиженій, стройность походки, нѣжность голоса, подкрашиваніе глазъ, расписываніе щекъ, сплетеніе кудрей, намащеніе волосъ, драгоцѣнность одеждъ, разнообразіе золотыхъ вещей, красота драгоцѣнныхъ камней, благоуханіе мастей, и все другое, чѣмъ увлекается женскій полъ, можетъ привести душу въ смятеніе, если она не будетъ крѣпко ограждена строгимъ цѣломудріемъ. Впрочемъ приходить въ смятеніе отъ всего этого нисколько неудивительно; а то, что діаволъ можетъ поражать и уязвлять души человѣческія предметами противоположными этимъ, возбуждаетъ великое изумленіе и недоумѣніе. Нѣкоторые, избѣгнувъ этихъ сѣтей, впали въ другія, весьма отличныя отъ нихъ. Небрежное лице, неприбранные волосы, грязная одежда, неопрятная наружность, грубое обращеніе, несвязная рѣчь, нестройная походка, непріятный голосъ, бѣдная жизнь, презрѣнный видъ, беззащитность и одиночество, это сначала возбуждаетъ жалость въ зрителѣ, а потомъ доводитъ до крайней погибели.

3. Многіе, избѣжавъ первыхъ сѣтей, состоящихъ изъ золотыхъ вещей, мастей, одеждъ и прочаго, о чемъ я сказалъ, легко впадали въ другія, столь отличныя отъ нихъ, и погибали. Если же и бѣдность и богатство, и красивый видъ и простая наружность, обращеніе благоприличное и небрежное, и вообще все то, что я исчислилъ, может возбуждать борьбу въ душѣ зрителя и окружать его напастями со всѣхъ сторонъ, то какъ онъ можетъ успокоиться среди столь многихъ сѣтей? Гдѣ найдетъ убѣжище, не скажу—для того, чтобы не быть увлечену насильно (отъ этого избавиться не очень трудно), но чтобы сохранить душу свою отъ возмущенія нечистыми помыслами? Не говорю о почестяхъ—причинѣ безчислен- 680
ныхъ золъ. Почести, оказываемыя женщинами, хотя и ослабляются силою цѣломудрія, однако часто и низвергаютъ того, кто не научился постоянно бодрствовать противъ такихъ козней; а отъ почестей, оказываемыхъ мужчинами, если кто будетъ принимать ихъ не съ великимъ равнодушіемъ, тотъ впадаетъ въ двѣ противоположныя страсти—рабское угожденіе и безумное высокомѣріе, съ одной стороны вынуждаясь унижаться предъ льстецами своими, а съ другой—воздаваемыми отъ нихъ почестями надмѣваясь предъ низшими и низвергаясь въ пропасть безумія. Объ этомъ уже было сказано мною; а какой отсюда происходитъ вредъ, этого никто не можетъ хорошо знать безъ собственнаго опыта. И не только этимъ, но и гораздо большимъ опасностямъ неизбѣжно подвергается обращающійся среди людей. А возлюбившій пустыню свободенъ отъ всего этого; если же иногда грѣховный помыслъ и представляетъ ему что-нибудь подобное, то представленіе бываетъ слабо и скоро можетъ погаснуть, потому что зрѣніе не доставляетъ извнѣ пищи для пламени. Монахъ боится только за себя одного; если же и вынуждается заботиться о другихъ, то о весьма немногихъ; а хотя бы ихъ было и много, однако число ихъ всегда менѣе принадлежащихъ къ церквамъ, и заботы о нихъ гораздо легче для настоятеля, не только по малочисленности ихъ, но и потому, что всѣ они свободны отъ мірскихъ дѣлъ и не имѣютъ надобности пещись ни о дѣтяхъ, ни о женѣ, ни о другомъ чемъ-либо подобномъ. А это дѣлаетъ ихъ весьма послушными настоятелямъ и позволяетъ имъ имѣть общее жилище, гдѣ погрѣшности ихъ тщательно могутъ быть замѣчаемы и исправляемы; такой постоянный надзоръ наставниковъ немало способствуетъ къ преспѣянію въ добродѣтели.

4. Напротивъ большая часть изъ подвѣдомыхъ священнику стѣснена житейскими заботами, которыя дѣлаютъ ихъ менѣе расположенными къ дѣламъ духовнымъ. Поэтому учитель долженъ, такъ сказать, сѣять ежедневно, чтобы слово ученія по крайней мѣрѣ непрерывностію своею могло укрѣпиться въ слушателяхъ. Чрез-

мѣрное богатство, величіе власти, безпечность, происходящая отъ роскоши, и кромѣ того многое другое подавляетъ посѣянныя сѣмена; а часто густота этихъ терній не допускаетъ пасть сѣменамъ даже на поверхность почвы. Съ другой стороны, чрезмѣрная скорбь, нужды бѣдности, непрестанныя огорченія и другія причины, противоположныя вышесказаннымъ, препятствуютъ заниматься божественными предметами; что же касается до грѣховъ, то и малѣйшая часть ихъ не можетъ быть извѣстна священнику; какъ онъ можетъ знать ихъ, когда большей части людей онъ и въ лице не знаетъ? Такія неудобства сопряжены съ обязанностями его въ отношеніи къ народу; если же кто разсмотритъ обязанности его въ отношеніи къ Богу, то найдетъ, что тѣ обязанности ничтожны: столь большей и тщательнѣйшей ревности требуютъ эти послѣднія. Тотъ, кто молится за весь городъ,—что я говорю за городъ?—за всю вселенную, и умилостивляетъ Бога за грѣхи всѣхъ, не только живыхъ, но и умершихъ, тотъ какимъ самъ долженъ быть? Даже
681 дерзновеніе Моисея и Иліи я почитаю недостаточнымъ для такой молитвы. Онъ такъ приступаетъ къ Богу, какъ бы ему ввѣренъ былъ весь міръ и самъ онъ былъ отцемъ всѣхъ, прося и умоляя о прекращеніи повсюду войнъ и усмиреніи мятежей, о мирѣ и благоденствіи, о скоромъ избавленіи отъ всѣхъ тяготѣющихъ надъ каждымъ бѣдствій частныхъ и общественныхъ. Посему онъ самъ долженъ столько во всемъ превосходить всѣхъ, за кого онъ молится, сколько предстоятелю слѣдуетъ превосходить находящихся подъ его покровительствомъ. А когда онъ призываетъ Святаго Духа и совершаетъ страшную жертву и часто прикасается къ общему всѣмъ Владыкѣ; тогда, скажи мнѣ, съ кѣмъ на ряду мы поставимъ его? Какой потребуемъ отъ него чистоты и какого благочестія? Подумай, какими должны быть руки, совершающія эту службу, какимъ долженъ быть языкъ, произносящій такія слова, кого чище и святѣе должна быть душа, пріемлющая такую благодать Духа? Тогда и ангелы предстоятъ священнику, и цѣлый сонмъ небесныхъ силъ взываетъ, и мѣсто вокругъ жертвенника наполняется ими въ честь Возлежащаго на немъ. Въ этомъ достаточно удостовѣряютъ самыя дѣйствія, совершаемыя тогда. Я нѣкогда слышалъ такой разсказъ одного человѣка: нѣкоторый пресвитеръ, мужъ дивный и неоднократно видѣвшій откровенія, говорилъ ему, что онъ нѣкогда былъ удостоенъ такого видѣнія, именно во время службы вдругъ увидѣлъ, сколько то было ему возможно, множество ангеловъ, одѣтыхъ въ свѣтлыя одежды, окружавшихъ жертвенникъ и поникшихъ главами, подобно воинамъ, стоявшимъ въ присутствіи царя. И я вѣрю этому. Также нѣкто другой разсказывалъ мнѣ, не отъ другого узнавши, но удостоившись самъ видѣть и слышать, что гото-

вящихся отойти отсюда, если они причастятся Таинъ съ чистою совѣстію, при послѣднемъ дыханіи окружаютъ ангелы и препровождаютъ ихъ отсюда ради принятыхъ ими Таинъ. А ты не трепещешь, привлекая мою душу къ столь священному таинству, и возводя въ священническое достоинство одѣтаго въ нечистыя одежды, какого Христосъ изгналъ изъ общества прочихъ собесѣдниковъ (Матѳ. XXII, 13)? Душа священника должна сіять подобно свѣту, озаряющему вселенную; а мою душу окружаетъ такой мракъ отъ нечистой совѣсти, что она, всегда погруженная во мракъ, не можетъ никогда съ дерзновеніемъ воззрѣть на своего Владыку. Священники—*соль земли* (Матѳ. v, 13); а мое неразуміе и неопытность во всемъ можетъ ли кто легко перенести, кромѣ тебя, привыкшаго чрезмѣрно любить меня? Священникъ долженъ быть не только чистъ такъ, какъ удостоившійся столь великаго служенія, но и весьма благоразуменъ и опытенъ во многомъ, знать все житейское не менѣе обращающихся въ мірѣ, и быть свободнымъ отъ всего болѣе монаховъ, живущихъ въ горахъ. Такъ какъ ему нужно обращаться съ мужами, имѣющими женъ, воспитывающими дѣтей, владѣющими слугами, окруженными большимъ богатствомъ, исполняющими общественныя дѣла и облеченными властію, то онъ дол- 682
женъ быть многостороннимъ; говорю—многостороннимъ, но не лукавымъ, не льстецомъ, не лицемѣромъ, но исполненнымъ великой свободы и смѣлости и однако умѣющимъ и уступать съ пользою, когда потребуетъ этого положеніе дѣлъ, быть кроткимъ и вмѣстѣ строгимъ. Нельзя со всѣми подвластными обращаться одинаковымъ образомъ, также какъ врачамъ нельзя лечить всѣхъ больныхъ однимъ способомъ, и кормчему — знать одно только средство для борьбы съ вѣтрами. И корабль церкви волнуютъ постоянныя бури; эти бури не только вторгаются извнѣ, но зараждаются и внутри, и требуютъ отъ священника великой внимательности и тщательности.

5. Всѣ эти разнообразныя дѣйствія направляются къ одной цѣли—къ славѣ Божіей, къ созиданію церкви. Великъ подвигъ и великъ трудъ монаховъ. Но если кто сравнитъ труды ихъ съ священствомъ, хорошо исправляемымъ, тотъ найдетъ между ними такое различіе, какое между простолюдиномъ и царемъ. У тѣхъ хотя и великъ трудъ, но въ подвигѣ участвуютъ и душа и тѣло, или лучше сказать, большая часть его совершается посредствомъ тѣла; и если оно не будетъ крѣпко, то ревность и остается только ревностію, не имѣя возможности выразиться на дѣлѣ. Напряженный постъ, возлежаніе на землѣ, бодрствованіе, неумовеніе, тяжелый трудъ и прочее, способствующее изнуренію тѣла,—все это оставляется, если не крѣпко тѣло подлежащее изможденію. А здѣсь—чистая дѣятельность души, и нѣтъ нужды въ здоровомъ тѣлѣ,

чтобы проявить ея добродѣтель. Содѣйствуетъ ли намъ крѣпость тѣлесная въ томъ, чтобы не быть гордыми, гнѣвливыми, дерзкими, а быть трезвенными, цѣломудренными, скромными, и имѣть всѣ прочія качества, которыя блаженный Павелъ исчислилъ при изображеніи превосходнаго священника (1 Тим. III, 2)? Но этого нельзя сказать о добродѣтели монашествующаго. Какъ представляющимъ зрѣлища нужны многія орудія—колеса, веревки и мечи,—а у философа вся дѣятельность заключается въ душѣ его, такъ что онъ не нуждается ни въ чемъ внѣшнемъ; такъ и здѣсь. Монахи имѣютъ нужду въ благосостояніи тѣлесномъ и въ мѣстахъ, удобныхъ для жительства, чтобы не быть очень удаленными отъ общенія съ людьми, и имѣть тишину пустыни, а также не лишаться и благораствореннаго воздуха; потому что для изнуряющаго себя постами нѣтъ ничего вреднѣе, какъ неблагорастворенность воздуха.

6. Я не стану теперь говорить о томъ, сколько они принуждены бываютъ имѣть заботъ о приготовленіи одеждъ и пропитанія, стараясь дѣлать все сами для себя. А священникъ не имѣетъ нужды ни въ чемъ этомъ для своего употребленія, но живетъ безъ заботъ о себѣ и въ общеніи (съ пасомыми) во всемъ, что не приноситъ вреда, слагая всѣ познанія въ сокровищницѣ своей души. Если же кто станетъ превозносить уединеніе внутри самого себя
683 и удаленіе отъ общенія съ народомъ, то, хотя и самъ я назвалъ бы это знакомъ терпѣнія, но это не служитъ достаточнымъ доказательствомъ полнаго душевнаго мужества. Управляющій рулемъ внутри пристани еще не представляетъ точнаго доказательства своего искусства; но того, кто среди моря и во время бури могъ спасти корабль, никто не можетъ не назвать превосходнымъ кормчимъ.

7. Итакъ, мы не должны чрезмѣрно удивляться тому, что монахъ, пребывая въ уединеніи съ самимъ собою, не возмущается и не совершаетъ многихъ и тяжкихъ грѣховъ; онъ удаленъ отъ всего, раздражающаго и возмущающаго душу. Но если посвятившій себя на служеніе цѣлому народу и обязанный нести грѣхи многихъ остается непоколебимымъ и твердымъ, въ бурное время управляя душею, какъ бы во время тишины, то онъ по справедливости достоинъ рукоплесканій и удивленія всѣхъ; потому что Онъ представилъ ясное доказательство своего мужества. Посему и ты не удивляйся тому, что я, избѣгая площади и общенія съ людьми, не имѣю противъ себя многихъ обвинителей; и не слѣдовало удивляться, если я во время сна не грѣшилъ, не ратоборствуя не падалъ, не сражаясь не былъ раненъ. Кто же, скажи, кто станетъ обличать и открывать мою порочность? Эта кровля и эта келья? Но онѣ не могутъ говорить. Мать, которая болѣе всѣхъ знаетъ мои качества? Но съ нею особенно у меня нѣтъ ничего общаго и ни-

когда у насъ не было распри. А если бы это и случалось, то нѣтъ никакой матери столь жестокой и нечадолюбивой, которая бы безъ всякой побудительной причины и безъ всякаго принужденія стала хулить и позорить предъ всѣми того, кого носила, родила и воспитала. Если бы кто захотѣлъ тщательно испытать мою душу, то нашелъ бы въ ней много слабостей, какъ знаешь и самъ ты, привыкшій больше всѣхъ превозносить меня похвалами предъ всѣми. Что я говорю это не по скромности, припомни, сколько разъ я говорилъ тебѣ,—когда у насъ бывала рѣчь объ этомъ,—что, если бы кто предложилъ мнѣ на выборъ: гдѣ я болѣе желалъ бы заслужить доброе о себѣ мнѣніе, въ предстоятельствѣ ли церковномъ, или въ жизни монашеской, я тысячекратно избралъ бы первое. Я никогда не переставалъ ублажать предъ тобою тѣхъ, которые могли хорошо исправлять это служеніе; и никто не будетъ спорить, что я не убѣжалъ бы отъ того, что́ самъ ублажалъ, если бы былъ способенъ исполнять это. Но что мнѣ дѣлать? Ничто такъ не безполезно для предстоятельства церковнаго, какъ эта праздность и безпечность, которую иные называютъ какимъ-то дивнымъ подвижничествомъ; а я нахожу въ ней какъ бы завѣсу собственной негодности, прикрывая ею множество моихъ недостатковъ, и не допуская ихъ обнаружиться. Кто привыкъ находиться въ такомъ бездѣйствіи и жить въ великомъ спокойствіи, тотъ хотя бы имѣлъ большія способности, отъ недѣятельности тревожится и смущается, и не малую часть собственной силы ослабляетъ, оставляя ее безъ упражненія. А если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ еще слабъ умомъ и неопытенъ въ краснорѣчіи и состязаніяхъ— въ какомъ положеніи я и нахожусь,—то, принявъ управленіе, онъ нисколько не будетъ отличаться отъ каменныхъ (истукановъ). Поэтому немногіе изъ этого подвижничества переходятъ на подвиги 684
священства; и изъ нихъ большая часть оказываются неспособными, падаютъ духомъ и испытываютъ непріятныя и тяжелыя послѣдствія. И это нисколько не удивительно; если подвиги и упражненія не одинаковы, то подвизающійся въ однихъ нисколько не отличается отъ неупражнявшихся въ другихъ подвигахъ. Выходящій на поприще священства въ особенности долженъ презирать славу, преодолѣвать гнѣвъ, быть исполненъ великаго благоразумія. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода въ упражненію въ этомъ. При немъ нѣтъ людей, которые бы раздражали его, чтобы онъ привыкъ укрощать силу гнѣва; нѣтъ людей, восхваляющихъ и рукоплещущихъ, чтобы онъ научился пренебрегать похвалами народа; не много заботы у нихъ и о благоразуміи, потребномъ въ церковныхъ дѣлахъ. Посему, когда они приступаютъ къ подвигамъ, которыхъ не испытывали,

то недоумѣваютъ, затрудняются и приходятъ въ замѣшательство, и кромѣ того, что не преуспѣваютъ въ добродѣтели, часто многіе теряютъ и то, съ чѣмъ пришли.

8. *Василій* сказалъ: Что же? Неужели поставлять на управленіе церковію людей, обращающихся въ мірѣ, пекущихся о житейскихъ дѣлахъ, упражняющихся въ распряхъ и ссорахъ, исполненныхъ множества несправедливостей и привыкшихъ къ роскоши?

Златоустъ. Успокойся, блаженный,—сказалъ я. О такихъ и думать не должно при избраніи священниковъ; но о такихъ, кто, живя и обращаясь со всѣми, могъ бы болѣе самихъ иноковъ соблюсти цѣлыми и ненарушимыми чистоту, спокойствіе, благочестіе, терпѣніе, трезвенность и прочія добрыя качества, свойственныя монахамъ. А кто имѣетъ много слабостей, но въ одиночествѣ можетъ скрывать ихъ, и безъ общенія съ людьми оставлять ихъ неприложимыми къ дѣлу, тотъ, выступивъ предъ всѣми, не достигнетъ ничего другого, кромѣ того, что сдѣлается смѣшнымъ и подвергнется большей опасности; чего едва не потерпѣлъ и я, если бы провидѣніе Божіе скоро не отклонило этого огня отъ главы моей. Когда такой человѣкъ будетъ поставленъ на виду, то онъ не можетъ укрыться, но всегда обличается; какъ огонь испытываетъ металлическія вещества, такъ и клиръ испытываетъ человѣческія души и распознаетъ, гнѣвливъ ли кто, или малодушенъ, или честолюбивъ, или гордъ, или имѣетъ какой-либо другой порокъ, открываетъ и скоро обнаруживаетъ всѣ слабости, и не только обнаруживаетъ, но и дѣлаетъ ихъ тягчайшими и упорнѣйшими. Какъ тѣлесныя раны, бывъ растравляемы, дѣлаются неудобоисцѣлимыми; такъ и страсти душевныя, бывъ возбуждаемы и раздражаемы, обыкновенно болѣе ожесточаются и принуждаютъ преданныхъ имъ болѣе грѣшить; человѣка невнимательнаго къ себѣ онѣ склоняютъ къ славолюбію, къ надменности и къ корыстолюбію, вовлекаютъ въ роскошь, разслабленіе и безпечность и мало по малу въ дальнѣйшіе, рождающіеся отъ нихъ, пороки. Среди людей многое можетъ ослабить ревность души и остановить ея стремленіе къ Богу; и прежде всего обращеніе съ женщинами.
685 Нельзя предстоятелю, пасущему все стадо, пещись объ одной части его—о мужчинахъ, а другую оставить въ пренебреженіи, т. е. женщинъ, которыя особенно нуждаются въ большей заботливости, по причинѣ удобопреклонности къ грѣхамъ; но принявшій епископство долженъ заботиться и объ ихъ здоровьи, если не въ большей, то въ равной мѣрѣ; обязанъ навѣщать ихъ, когда онѣ больны, утѣшать, когда скорбятъ, укорять предающихся безпечности, помогать бѣдствующимъ. А при исполненіи этого лукавый найдетъ много путей къ нападенію, если кто не оградитъ себя тщатель-

нымъ охраненіемъ. Взоръ не только невоздержной, но и цѣломудренной женщины поражаетъ и смущаетъ душу, ласки обольщаютъ, почести порабощаютъ, и пламенная любовь—эта причина всѣхъ благъ—дѣлается причиною безчисленныхъ золъ для тѣхъ, которые неправильно пользуются ею. Также и непрестанныя заботы притупляютъ остроту ума и способнаго возноситься подобно птицѣ дѣлаютъ тяжелѣе свинца; и гнѣвъ, овладѣвая душею, омрачаетъ всю ея внутренность, подобно дыму. Кто можетъ исчислить прочія вредныя дѣйствія—обиды, порицанія, укоризны отъ высшихъ и отъ низшихъ, отъ разумныхъ и отъ неразумныхъ?

9. Особенно люди, неспособные къ правому сужденію, бываютъ взыскательны и не скоро принимаютъ оправданіе. Доброму предстоятелю нельзя презирать и этихъ людей, но должно отвѣчать на обвиненія всѣхъ ихъ съ великою кротостію и съ готовностію—лучше прощать имъ неразумныя укоризны, нежели досадовать и гнѣваться. Если блаженный Павелъ, опасаясь со стороны учениковъ подозрѣнія въ хищеніи, допустилъ и другихъ къ распоряженію деньгами,—*да не кто насъ*, говоритъ, *поречетъ во обиліи семъ, служимѣмъ нами* (2 Кор. VIII, 20),—то не должны ли мы дѣлать все, чтобы уничтожить худыя подозрѣнія, хотя бы онѣ были ложны, хотя бы безразсудны и весьма несообразны съ нашею славою? Ни отъ какого грѣха столько не далеки мы, какъ Павелъ отъ хищенія; и однако онъ, столь далекій отъ этого худого дѣла, не пренебрегъ подозрѣніемъ народа, хотя весьма безсмысленнымъ и безумнымъ; ибо дѣйствительно безумно было подозрѣвать въ чемъ либо подобномъ эту блаженную и дивную главу. Не смотря на то, что это подозрѣніе было такъ безразсудно и могло быть развѣ у какого-нибудь сумасшедшаго человѣка, тѣмъ не менѣе Павелъ заранѣе устраняетъ причины его; онъ не презрѣлъ безразсудности народа, и не сказалъ: кому можетъ придти на мысль подозрѣвать меня въ этомъ, когда и чудеса и скромность жизни пріобрѣли мнѣ отъ всѣхъ уваженіе и удивленіе? Совершенно напротивъ, онъ предвидѣлъ и предполагалъ это дурное подозрѣніе, и вырвалъ его съ корнемъ, или лучше, не допустилъ появиться и началу его. Почему? Потому, что *промышляемъ добрая*, говоритъ онъ, *не токмо предъ Богомъ, но и предъ человѣки* (ст. 21). Столько и даже еще болѣе надобно стараться о томъ, чтобы не только 686 истреблять и останавливать возникающую худую молву, но и предвидѣть издалека, откуда она могла бы произойти, напередъ уничтожать причины, отъ которыхъ она происходитъ, и не ждать, пока она составится и распространится въ устахъ народа; потому что тогда уже не легко истребить ее, но весьма трудно, и можетъ быть даже не возможно, и притомъ будетъ опасно, чтобы не про-

изошелъ вредъ для народа. Впрочемъ доколѣ я не остановлюсь, преслѣдуя недостижимое? Исчислять всѣ здѣшнія трудности значитъ не что иное, какъ измѣрять море. Если и тотъ, кто чистъ отъ всякой страсти, что впрочемъ не возможно,—неизбѣжно подвергается безчисленнымъ горестямъ для исправленія погрѣшностей другихъ, то при собственныхъ слабостяхъ, представь, какую бездну трудовъ и заботъ и какія страданія долженъ перенести желающій преодолѣть и свои и чужіе пороки!

10. *Василій* сказалъ: А ты теперь не подвизаешься въ этихъ трудахъ и не имѣешь заботъ, живя одинокимъ?

Златоустъ. Имѣю и теперь, сказалъ я;—какъ можно человѣку, проводящему эту многотрудную жизнь, быть свободнымъ отъ заботъ и подвиговъ? Но не одно и тоже пуститься въ безпредѣльное море, и переплывать рѣку; таково различіе между тѣми и этими заботами. Если бы я могъ быть полезнымъ для другихъ, я и самъ теперь пожелалъ бы, и это было бы предметомъ моей усердной молитвы; а такъ какъ я не могу принести пользы другому, то удовольствуюсь тѣмъ, если по крайней мѣрѣ успѣю спасти и исхитить изъ бури самого себя.

Василій сказалъ: Неужели ты считаешь это великимъ дѣломъ, и вообще неужели думаешь спастись, не бывъ полезнымъ никому другому?

Златоустъ. Хорошо и справедливо ты сказалъ,—отвѣчалъ я;—и самъ я не вѣрю, чтобы можно было спастись тому, кто ничего не дѣлаетъ для спасенія ближняго. Несчастному рабу нисколько не помогло то, что онъ не уменьшилъ таланта, но погубило его то, что онъ не умножилъ и не принесъ вдвое больше (Матѳ. xxv, 24—30). Впрочемъ я думаю, что мнѣ будетъ болѣе легкое наказаніе, когда буду обвиняемъ за то, почему я не спасъ другихъ, нежели когда бы погубилъ и другихъ и себя, сдѣлавшись худшимъ по принятіи такой почести. Я увѣренъ, что теперь ожидаетъ меня такое наказаніе, какого требуетъ тяжесть грѣховъ моихъ, а по принятіи власти—не двойное и не тройное, но многократное за соблазнъ многихъ и за оскорбленіе Бога, удостоившаго меня большей чести.

11. Поэтому и израильтянъ Богъ весьма сильно обличалъ, показывая имъ, что они достойны большаго наказанія за грѣхи, совершенные послѣ дарованныхъ имъ отъ Него преимуществъ. Иногда Онъ говорилъ: *васъ точію познахъ отъ всѣхъ племенъ на земли, сего ради отмщу на васъ вся грѣхи ваша*; а иногда: *пояхъ отъ сыновъ вашихъ во пророки, и отъ юнотъ вашихъ во освященіе* (Амос. III, 2. и II, 11). И еще прежде пророковъ, при установленіи жертвъ желая показать, что грѣхи священниковъ подлежатъ

гораздо большему наказанію, нежели грѣхи простолюдиновъ. Онъ
повелѣваетъ приносить за священника такую жертву, какая (была 687
приносима) за весь народъ (Лев. гл. IV). Этимъ онъ выражаетъ не
что иное, какъ то, что раны священника нуждаются въ большей
помощи и такой, въ какой—раны всего вообще народа; а онѣ не
нуждались бы въ большей помощи, если бы не были тягчайшими;
тягчайшими же онѣ бываютъ не по своей природѣ, но по достоинству священника, который совершаетъ эти грѣхи. Но что я говорю о мужахъ, проходящихъ это служеніе? Дочери священниковъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ священству, по причинѣ достоинства отцовъ своихъ за одни и тѣ же грѣхи подвергаются гораздо строжайшему наказанію. Преступленіе бываетъ одинаково какъ у нихъ, такъ и у дочерей простолюдиновъ, напримѣръ: любодѣяніе у тѣхъ и другихъ,—но первыя подвергаются наказанію гораздо тягчайшему, нежели послѣднія (Лев. XXI, 9; Второз. XXII, 21).

12. Видишь ли, съ какою силою Богъ внушаетъ тебѣ, что начальникъ заслуживаетъ гораздо большаго наказанія, нежели подчиненные? Наказывающій дочь священника болѣе другихъ дочерей за отца ея, подвергнетъ не равному съ другими наказанію того, кто бываетъ виновникомъ такого увеличенія наказаній ея, но гораздо большему; и весьма справедливо; потому что вредъ не ограничивается только самимъ начальникомъ, но губитъ и души слабѣйшихъ и взирающихъ на него людей. И пророкъ Іезекіиль, желая внушить это, различаетъ одинъ отъ другого суды надъ овнами и надъ овцами (Іезек. XXXIV, 17). Ясно ли теперь для тебя, что я имѣлъ причины устрашиться? Прибавлю къ сказанному слѣдующее: хотя теперь мнѣ нужно много трудиться, чтобы не одолѣли меня совершенно страсти душевныя, однако я переношу этотъ трудъ и не убѣгаю отъ подвига. Такъ тщеславіе и теперь овладѣваетъ мною, но я часто и вооружаюсь противъ него, и сознаю, что нахожусь въ рабствѣ; а случается, что и укоряю поработившуюся душу. И теперь нападаютъ на меня худыя пожеланія, но не столь сильный возжигаютъ пламень; потому что глаза не могутъ получать извнѣ вещества для этого огня; а чтобы кто нибудь говорилъ худое, а я слушалъ говорящаго, отъ этого я совершенно свободенъ, такъ какъ нѣтъ разговаривающихъ; стѣны же, конечно, не могутъ говорить. Равнымъ образомъ нельзя избѣжать и гнѣва, хотя и нѣтъ при мнѣ людей, которые бы досаждали. Часто воспоминаніе о непристойныхъ людяхъ и ихъ поступкахъ воспламеняетъ мое сердце, но не вполнѣ: я скоро укрощаю пламень его, и успокоиваю его, убѣждая, что весьма несообразно и крайне бѣдственно, оставивъ свои пороки, заниматься пороками ближнихъ. Но вступивъ въ народъ и предавшись без-

численнымъ безпокойствамъ, я буду не въ состояніи дѣлать себѣ такихъ увѣщаній и находить руководственные при этомъ помыслы; но, какъ увлекаемые по скаламъ какимъ-нибудь потокомъ или чѣмъ либо инымъ, хотя могутъ предвидѣть гибель, въ которой они несутся, а придумать какой либо помощи для себя не могутъ, такъ и я, впадши въ великую бурю страстей, хотя въ состояніи буду
688 видѣть наказаніе, съ каждымъ днемъ увеличивающееся для меня, но углубляться въ себя, какъ теперь, и удерживать со всѣхъ сторонъ эти яростные порывы мнѣ уже будетъ не такъ удобно, какъ прежде. У меня душа слабая и невеликая и легко доступная не только для этихъ страстей, но и худшей изъ всѣхъ — зависти, и не умѣетъ спокойно переносить ни оскорбленій, ни почестей, но послѣднія чрезвычайно надмеваютъ ее, а первыя приводятъ въ уныніе. Лютые звѣри, когда они здоровы и крѣпки, одолѣваютъ борющихся съ ними, въ особенности слабыхъ и неопытныхъ; а если кто изнуритъ ихъ голодомъ, то и усмиритъ ихъ ярость, и отниметъ у нихъ большую часть силы, такъ что и не весьма храбрый человѣкъ можетъ вступить въ бой и сраженіе съ ними; такъ бываетъ и со страстями душевными: кто ослабляетъ ихъ, тотъ дѣлаетъ ихъ покорными здравому разсудку, а кто усердно питаетъ ихъ, тотъ готовитъ себѣ борьбу съ ними труднѣйшую и дѣлаетъ ихъ столь страшными для себя, что всю жизнь свою проводитъ въ рабствѣ и страхѣ. А какая пища для этихъ звѣрей? Для тщеславія—почести и похвалы, для гордости—власть и величіе господства, для зависти—прославленіе ближнихъ, для сребролюбія—щедрость дающихъ, для невоздержанія—роскошь и частыя встрѣчи съ женщинами, и для другихъ—другое. Всѣ эти звѣри сильно нападутъ на меня, когда я выступлю на средину, и будутъ терзать душу мою и приводить меня въ страхъ, и отражать ихъ будетъ для меня весьма трудно. А когда я останусь здѣсь, то хотя тогда потребуются большія усилія, чтобы побороть ихъ, однако они подчинятся по благодати Божіей, и до меня будетъ достигать только ревъ ихъ. Поэтому я и остаюсь въ этой келліи недоступнымъ, необщительнымъ, нелюдимымъ, и терпѣливо слушаю множество другихъ подобныхъ порицаній, которыя охотно желалъ бы отклонить, но, не имѣя возможности сдѣлать это, сокрушаюсь и скорблю. Невозможно мнѣ быть общительнымъ и вмѣстѣ оставаться въ настоящей безопасности. Поэтому я и тебя прошу — лучше пожалѣть, чѣмъ обвинять того, кто поставленъ въ такое затруднительное положеніе. Но я еще не убѣдилъ тебя. Посему уже время сказать тебѣ и то, что одно оставалось не открытымъ. Можетъ быть, многимъ это покажется невѣроятнымъ, но при всемъ томъ я не устыжусь открыть это. Хотя слова мои обнаружатъ худую совѣсть и

множество грѣховъ моихъ, но такъ какъ всевѣдущій Богъ будетъ судить меня строго, то что еще можетъ быть мнѣ отъ незнанія людей? Что же осталось неоткрытымъ? Съ того дня, въ который ты сообщилъ мнѣ объ этомъ намѣреніи (избранія въ епископа), часто я былъ въ опасности совершенно разслабѣть тѣломъ; такой страхъ, такое уныніе овладѣвали моею душею! Представляя себѣ славу Невѣсты Христовой, ея святость, духовную красоту, мудрость, благолѣпіе, и размышляя о своихъ слабостяхъ, я не переставалъ оплакивать ее и называть себя несчастнымъ, часто вздыхать и съ недоумѣніемъ говорить самому себѣ: кто это присовѣтовалъ? Чѣмъ столько согрѣшила Церковь Божія? Чѣмъ такъ прогнѣвала Владыку своего, чтобы ей быть предоставленною мнѣ, презрѣннѣйшему изъ всѣхъ, и подвергнуться такому посрамленію?
Часто размышляя такимъ образомъ съ самимъ собою, и не могши 689
перенести мысли о такой несообразности, я падалъ въ изнеможеніи подобно разслабленнымъ и ничего не могъ ни видѣть, ни слышать. Когда проходило такое оцѣпенѣніе (иногда оно и прекращалось), то смѣняли его слезы и уныніе, а послѣ продолжительныхъ слезъ опять наступалъ страхъ, который смущалъ, разстраивалъ и потрясалъ мой умъ. Въ такой бурѣ я проводилъ прошедшее время; а ты не зналъ и думалъ, что я живу въ тишинѣ. Но теперь я открою тебѣ бурю души моей: можетъ быть ты за это простишь меня, прекративъ обвиненія. Какъ же, какъ открою тебѣ это? Если бы ты захотѣлъ видѣть ясно, то нужно бы обнажить тебѣ мое сердце; но такъ какъ это не возможно, то постараюсь, какъ могу, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ тусккомъ изображеніи представить тебѣ мракъ моего унынія; а ты по этому изображенію суди о самомъ унынія. Представимъ, что дочь царя, обладающаго всею вселенною, сдѣлалась невѣстою, и что она отличается необыкновенною красотою, превышающею природу человѣческую и много превосходящею всѣхъ женщинъ, и такою душевною добродѣтелью, что даже всѣхъ мужчинъ, бывшихъ и имѣющихъ быть, далеко оставляетъ позади себя, благонравіемъ своимъ превышаетъ всѣ требованія любомудрія, а благообразіемъ своего лица помрачаетъ всякую красоту тѣлесную; представимъ затѣмъ, что женихъ ея не только за это пылаетъ любовію къ этой дѣвицѣ, но и кромѣ того чувствуетъ къ ней нѣчто особенное, и силою своей привязанности превосходитъ самыхъ страстныхъ изъ бывшихъ когда-либо поклонниковъ; потомъ (представимъ, что) этотъ пламенѣющій любовію откуда-то услышалъ, что съ дивною его возлюбленною намѣревается вступить въ бракъ кто-то изъ ничтожныхъ и презрѣнныхъ людей, низкій по происхожденію и уродливый по тѣлу, и негоднѣйшій изъ всѣхъ. Довольно ли я выразилъ тебѣ скорбь мою? И нужно ли далѣе про-

должать это изображеніе. Для выраженія моего унынія, я думаю, достаточно; для этого только я и привелъ этотъ примѣръ; а чтобы показать тебѣ мѣру моего страха и изумленія, перейду къ другому изображенію. Пусть будетъ войско, состоящее изъ пѣшихъ, конныхъ и морскихъ воиновъ; пусть множество кораблей покроетъ море, а отряды пѣхоты и конницы займутъ пространства полей и вершины горъ; пусть блистаетъ на солнцѣ мѣдное оружіе, и лучи его пусть отражаютъ свѣтъ отъ шлемовъ и щитовъ, а стукъ копій и ржаніе коней доносятся до самаго неба; пусть не видно будетъ ни моря, ни земли, а повсюду мѣдь и желѣзо; пусть выстроятся противъ нихъ и непріятели—люди дикіе и неукротимые; пусть настанетъ уже и время сраженія; потомъ пусть кто нибудь, взявъ отрока, воспитаннаго въ деревнѣ и не знающаго ничего, кромѣ свирѣли и
690 посоха, облечетъ его въ мѣдные доспѣхи, проведетъ по всему войску и покажетъ ему отряды съ ихъ начальниками, стрѣлковъ, пращниковъ, полководцевъ, военачальниковъ, тяжело вооруженныхъ воиновъ, всадниковъ, копьеносцевъ, корабли съ ихъ начальниками, посаженныхъ тамъ воиновъ и множество сложенныхъ въ корабляхъ орудій; пусть покажетъ ему и всѣ ряды непріятелей, свирѣпыя ихъ лица, разнообразные снаряды и безчисленное множество оружія, глубокіе рвы, крутые утесы и недоступныя горы; пусть покажетъ еще у непріятелей коней, какъ бы силою волшебства летающихъ, и оруженосцевъ какъ бы несущихся по воздуху, всю силу и всѣ виды чародѣйства; пусть исчислитъ ему и ужасы войны—облака копій, тучи стрѣлъ, великую мглу, темноту и мрачнѣйшую ночь, которую производитъ множество метаемыхъ стрѣлъ, густотою своею затѣняющихъ солнечные лучи, пыль, потемняющую глаза не менѣе мрака, потоки крови, стоны падающихъ, вопли стоящихъ, груды лежащихъ, колеса обагренныя кровію, коней вмѣстѣ съ всадниками стремглавъ низвергающихся отъ множества лежащихъ труповъ, землю, на которой все смѣшано—кровь, луки и стрѣлы, копыта лошадей и вмѣстѣ съ ними лежащія головы людей, рука и шея, голень и разсѣченная грудь, мозги приставшіе къ мечамъ и изломанное остріе стрѣлы, вонзившейся въ глазъ; пусть исчислитъ и бѣдствія морского сраженія—корабли, то сожигаемые среди воды, то потопляемые съ находящимися на нихъ воинами, шумъ волнъ, крикъ корабельщиковъ, вопль воиновъ, пѣну смѣшанную изъ волнъ и крови и ударяющуюся о корабли, — трупы, лежащіе на палубахъ, утопающіе, плывущіе, выбрасываемые на берега, качающіеся въ волнахъ и заграждающіе путь кораблямъ; ясно показавъ ему ужасы воинскіе, пусть еще прибавитъ и бѣдствія плѣна, и рабство, тягчайшее всякой смерти, и сказавъ все это, пусть прикажетъ ему тотчасъ сѣсть на коня и принять начальство надъ

всѣмъ этимъ войскомъ. Думаешь ли ты, что этотъ отрокъ въ состояніи будетъ даже выслушать такой разсказъ, а не тотчасъ, съ перваго взгляда, испуститъ духъ?

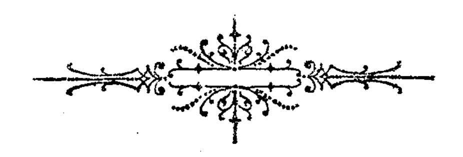
13. Не думай, что я словами своими преувеличиваю дѣло; (такъ кажется) потому, что мы, заключенные въ тѣлѣ какъ бы въ какой темницѣ, не можемъ видѣть ничего невидимаго; а ты не считай сказаннаго за преувеличеніе. Если бы ты могъ когда нибудь увидѣть глазами своими мрачнѣйшее ополченіе и яростное нападеніе діавола, то увидѣлъ бы гораздо большую и ужаснѣйшую битву, нежели изображаемая мною. Здѣсь не мѣдь и желѣзо, не кони, колесницы и колеса, не огонь и стрѣлы и не подобные видимые предметы, но другіе снаряды, гораздо страшнѣйшіе этихъ. Такимъ врагамъ не нужно ни панцыря, ни щита, ни мечей и копій, но одного вида этого проклятаго войска достаточно, чтобы поразить душу, если она не будетъ весьма мужественною и еще прежде своего мужества не будетъ укрѣпляема Промысломъ Божіимъ. Если бы возможно было, сложивъ съ себя это тѣло, или и съ тѣломъ, чисто и безъ страха собственными глазами видѣть все ополченіе діавола и его битву съ нами; то ты увидѣлъ бы не потоки 691
крови и мертвыя тѣла, но такое избіеніе душъ и такія тяжелыя раны, что все изображеніе войны, которое я сейчасъ представилъ тебѣ, ты почелъ бы дѣтскою игрою и скорѣе забавою, нежели войною: такъ много поражаемыхъ каждый день! И раны эти причиняютъ смерть не такую, какую раны тѣлесныя; но сколько душа различается отъ тѣла, столько же различается та и другая смерть. Когда душа получитъ рану и падетъ, то она не лежитъ безчувственною подобно тѣлу, но мучится здѣсь отъ угрызеній злой совѣсти, а по отшествіи отсюда во время суда предается вѣчному мученію. Если же кто не чувствуетъ боли отъ ранъ, наносимыхъ діаволомъ, тотъ нечувствительностію своею навлекаетъ на себя еще бо́льшее бѣдствіе; потому что, кто не пострадалъ отъ первой раны, тотъ скоро получаетъ и вторую, а послѣ второй и третью. Нечистый, видя душу человѣка безпечною и пренебрегающею прежними ранами, не перестаетъ поражать его до послѣдняго издыханія. Если хочешь узнать и способы его нападенія, то увидишь, что они весьма сильны и разнообразны. Никто не знаетъ столько видовъ обмана и коварства, сколько этотъ нечистый чѣмъ онъ и пріобрѣтаетъ большую силу; и никто не можетъ имѣть столь непримиримой вражды къ самымъ злѣйшимъ врагамъ своимъ, какую имѣетъ этотъ лукавый демонъ къ человѣческому роду. Если еще посмотрѣть на ревность, съ какою онъ ведетъ борьбу, то въ этомъ отношеніи смѣшно и сравнивать его съ людьми; пусть кто нибудь изберетъ самыхъ лютыхъ и свирѣпыхъ звѣрей и противопоставитъ

его неистовству, тотъ найдетъ, что они весьма кротки и тихи въ сравненіи съ нимъ; такою онъ дышетъ яростію противъ нашихъ душъ! Притомъ и время тамошняго сраженія кратко, и при краткости его бываетъ много отдыховъ. И наступившая ночь, и утомленіе отъ сраженія, и время принятія пищи, и многое другое обыкновенно даетъ воину отдохновеніе, такъ что онъ можетъ снять съ себя оружіе, нѣсколько ободриться, оживиться пищею и питіемъ, и другими многими средствами возстановить прежнюю силу. А въ борьбѣ съ лукавымъ никогда нельзя ни сложить оружія, ни предаться сну для того, кто желаетъ всегда оставаться нераненымъ. Необходимо избрать одно изъ двухъ: или, снявъ оружіе, пасть и
692 погибнуть, или всегда вооруженнымъ стоять и бодрствовать. Этотъ врагъ всегда стоитъ съ своимъ ополченіемъ, наблюдая за нашею безпечностію и гораздо болѣе заботясь о нашей погибели, нежели мы—о своемъ спасеніи. Особенно трудною борьбу съ нимъ дѣлаетъ для не постоянно бодрствующихъ то, что онъ невидимъ намъ и нападаетъ внезапно (это наиболѣе причиняетъ множество золъ). И ты желалъ, чтобы въ этой войнѣ я предводительствовалъ воинами Христовыми? Но это значило бы—предводительствовать для діавола. Если обязанный распоряжаться и управлять другими будетъ неопытнѣе и слабѣе всѣхъ, то, по неопытности предавая ввѣренныхъ ему, онъ будетъ предводительствовать болѣе для діавола, нежели для Христа. Но зачѣмъ вздыхаешь? Зачѣмъ плачешь? Не плача достойно то, что теперь случилось со мною, но веселія и радости.

Василій сказалъ: но не мое положеніе; напротивъ, оно достойно безмѣрныхъ рыданій; потому что теперь едва я могъ понять, въ какія бѣды ты ввергнулъ меня. Я пришелъ къ тебѣ узнать, что мнѣ говорить въ твое оправданіе обвинителямъ; а ты отпускаешь меня, наложивъ на меня новую заботу вмѣсто прежней. Я не о томъ уже забочусь, что мнѣ сказать имъ за тебя, но о томъ, какъ мнѣ отвѣчать за себя и за свои грѣхи предъ Богомъ? Но прошу и умоляю тебя: если ты имѣешь какое нибудь попеченіе о мнѣ, *аще кое утѣшеніе о Христѣ, аще кая утѣха любве, аще кое милосердіе и щедроты* (Филип. II, 1), (ибо ты знаешь, что самъ ты болѣе всѣхъ подвергъ меня этой опасности), подай руку помощи, говори и дѣлай все, что можетъ ободрить меня; не позволяй себѣ оставлять меня и на кратчайшее время, но устрой, чтобы мнѣ вмѣстѣ съ тобою теперь еще дружнѣе, чѣмъ прежде, проводить жизнь.

Златоустъ. На это я съ улыбкою сказалъ: чѣмъ же я могу помочь, какую принести пользу тебѣ при такомъ бремени заботъ? Но если это тебѣ угодно, не унывай, любезная глава. Время,

въ которое тебѣ можно будетъ отдохнуть отъ заботъ, я буду проводить съ тобою, буду утѣшать и не опущу ничего, что будетъ по моимъ силамъ. При этомъ, заплакавъ еще болѣе, онъ всталъ; а я, обнявъ его и поцѣловавъ его голову, проводилъ его, увѣщевая мужественно переносить случившееся. Вѣрю, говорилъ я, Христу, призвавшему тебя и предоставившему тебѣ овецъ своихъ, что отъ этого служенія ты пріобрѣтешь такое дерзновеніе, что и меня, находящагося въ опасности, въ тотъ день примешь въ вѣчную свою обитель.



БЕСѢДА

ПО РУКОПОЛОЖЕНІИ ВО ПРЕСВИТЕРА.

Произнесена св. Іоанномъ въ Антіохіи по рукоположеніи его во пресвитера Флавіаномъ, епископомъ антіохійскимъ, въ началѣ 386 г. по Р. Х. Въ заглавіи называется *первою*, т. е. изъ всѣхъ, произнесенныхъ съ церковной каѳедры, бесѣдою «о себѣ, и объ епископѣ, и о множествѣ народа».

693 Неужели истинно то, что случилось со мною? Дѣйствительно ли совершилось то, что совершилось, и я не обманываюсь? Неужели настоящее не ночь и сновидѣніе, но дѣйствительно день, и мы всѣ бодрствуемъ? Кто повѣрилъ бы тому, что днемъ, когда люди не спали и бодрствовали, смиренный и презрѣнный юноша вознесенъ на такую высоту власти? Ночью нисколько не странно бы этому случиться. Тогда иные, уродливые тѣломъ и не имѣющіе даже необходимой пищи, уснувши, видали себя стройными и красивыми и наслаждающимися царскою трапезою, но эти представленія были—сонъ и обманъ сновидѣній. Таково свойство сновидѣній: они изобрѣтательны и причудливы и потѣшаются странными забавами. Но днемъ и на самомъ дѣлѣ никто не увидитъ этого такъ легко случившимся. А нынѣ случилось, сбылось и свершилось, какъ видите, все такое, что невѣроятнѣе сновидѣній: и городъ, столь великій и многолюдный, и народъ чудный и великій устремился къ моему смиренію, какъ бы надѣясь услышать отъ меня что-либо великое и важное. Но, хотя бы я текъ подобно рѣкамъ неизсякающимъ, и въ устахъ моихъ содержались источники рѣчей, и тогда, при такомъ множествѣ стекшихся для слушанія, потокъ, отъ страха, тотчасъ остановился бы у меня и устремилъ воды свои назадъ; а когда я не имѣю не только рѣкъ и источниковъ, но и скудной капли, то какъ не опасаться, чтобы и этотъ малый потокъ не изсякъ, засохши отъ страха, и чтобы не было того же, что обыкновенно случается съ тѣлами? Что же бываетъ съ тѣлами? Часто держа въ рукѣ много вещей и сжимая ихъ своими пальцами, мы испугавшись роняемъ все, отъ разслабленія нашихъ нервовъ и упадка тѣлесныхъ силъ. Это же, боюсь, не случилось бы сегодня и съ моею душею, и съ великимъ трудомъ собранныя мною для васъ мысли, хотя малыя и скудныя, отъ страха пришедши въ забвеніе, не исчезли бы и не

улетѣли бы, оставивъ умъ мой пустымъ. Поэтому прошу всѣхъ
вас вообще, начальствующихъ и подчиненныхъ, чтобы вы, сколько 694
навели на меня страха прибытіемъ для слушанія, столько же вдохнули въ меня смѣлости усердіемъ въ молитвахъ, и умолили *Дающаго глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Пс. LXVII, 12) дать и мнѣ *слово во отверзеніе устъ* моихъ (Еф. VI, 19). Для васъ, столь многихъ и великихъ, конечно не трудно опять укрѣпить разслабленную страхомъ душу одного юноши; и справедливо было бы, если бы вы исполнили эту просьбу мою, такъ какъ для васъ же я рѣшился принять этотъ жребій, для васъ и вашей любви, которой нѣтъ ничего сильнѣе и властительнѣе, которая и меня, не очень опытнаго въ краснорѣчіи, убѣдила говорить и заставила выйти на поприще ученія, хотя я никогда прежде не выступалъ на такое поприще, но всегда былъ въ ряду слушателей и наслаждался спокойнымъ молчаніемъ. Но кто такъ суровъ и необщителенъ, что пройдетъ молчаніемъ ваше собраніе, и, нашедши пламенно желающихъ слушать, не скажетъ имъ ничего, хотя бы онъ былъ безгласнѣе всѣхъ людей? Итакъ, намѣреваясь въ первый разъ говорить въ церкви, я хотѣлъ начатки вступленія посвятить Богу, давшему намъ этотъ языкъ; такъ бы и слѣдовало; потому что не только начатки гумна и точила, но и начатки словъ надлежитъ посвящать Слову, даже начатки словъ гораздо болѣе, нежели начатки сноповъ. Притомъ, этотъ плодъ и намъ свойственнѣе, и самому чтимому Богу пріятнѣе. Грозды и колосья произращаютъ нѣдра земли, питаютъ потоки дождей и обработываютъ руки земледѣльцевъ: а священную пѣснь рождаетъ благочестіе души, воспитываетъ добрая совѣсть, и въ сокровищницы небесныя принимаетъ Богъ. Но насколько душа лучше земли, настолько и это произрастеніе лучше того. Посему и нѣкто изъ пророковъ, мужъ чудный и великій,—Осія имя ему,—внушаетъ оскорбившимъ Бога и желающимъ умилостивить Его, чтобы они приносили въ жертву не стада воловъ и не муки столько-то и столько-то мѣръ, не горлицу и голубя и не что-либо другое подобное, но что? *Возмите*, говоритъ, *съ собою словеса* (Ос. XIV, 3). Что за жертва слово?,—можетъ быть, скажетъ кто-нибудь. Величайшая, возлюбленный, и драгоцѣннѣйшая, и лучшая всѣхъ другихъ. Кто говоритъ это? Тотъ, кто вѣрно и лучше всѣхъ знаетъ это, доблестный и великій Давидъ. Принося нѣкогда благодарственную жертву за побѣду, одержанную на войнѣ,
онъ такъ говорилъ: *восхвалю имя Бога моего съ пѣснію: возвеличу* 695
Его во хваленіи (Пс. LXVIII, 31). Потомъ, показывая намъ превосходство этой жертвы, присовокупилъ: *и угодно будетъ Богу паче тельца юна, роги износяща и пазнокти* (ст. 32). Такъ, хотѣлъ и я сегодня принести эти жертвы и обагрить кровію этихъ при-

ношеній духовный жертвенникъ; но что мнѣ дѣлать? Одинъ премудрый мужъ заграждаетъ мнѣ уста и устрашаетъ меня словами: *не красна похвала во устѣхъ грѣшника* (Сир. XV, 9). Какъ въ вѣнкахъ должны быть чисты не только цвѣты, но и свивающая ихъ рука; такъ и въ священныхъ пѣсняхъ должны быть благочестивы не только слова, но и сплетающая ихъ душа. А у меня она не чиста, не имѣетъ дерзновенія и исполнена многихъ грѣховъ. Но людямъ такого свойства заграждаетъ уста не только этотъ законъ, но и другой, древнѣйшій и прежде него постановленный. И этотъ законъ ввелъ, сейчасъ бесѣдовавшій съ нами о жертвахъ, Давидъ; ибо, сказавъ: *хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ*, и немного послѣ еще сказавъ: *хвалите Господа отъ земли* (Пс. CXLVIII, 1. 7), и призвавъ ту и другую тварь, горнюю и дольнюю, чувственную и умственную, видимую и невидимую, находящуюся выше неба и подъ небомъ, и изъ той и другой составивъ одинъ хоръ, и такъ повелѣвъ хвалить Царя всѣхъ, онъ нигдѣ не призывалъ грѣшника, но и здѣсь затворилъ предъ нимъ двери.

2. А чтобы слова мои были яснѣе для васъ, я прочитаю вамъ сначала самый псаломъ. *Хвалите Господа съ небесъ*, говоритъ онъ, *хвалите Его въ вышнихъ: хвалите Его вси Ангели Его, хвалите Его вся Силы Его* (ст. 1, 2). Видишь ли хвалящихъ ангеловъ, видишь ли архангеловъ, видишь ли херувимовъ и серафимовъ,—эти вышнія силы? Ибо, когда онъ говоритъ: *вся Силы Его*, то разумѣетъ весь горній сонмъ. Но видишь ли здѣсь грѣшника? Какъ же, скажешь, можно ему явиться на небѣ? Пойдемъ же, сведемъ тебя на землю, переставивъ въ другую часть хора; и здѣсь опять не увидишь его. *Хвалите Господа отъ земли, зміеве и вся бездны: звѣріе и вси скоти, гади и птицы пернаты* (ст. 7. 10). Не напрасно и не безъ причины при этихъ словахъ я замолчалъ; смутились мысли въ умѣ моемъ и пришлось горько заплакать и тяжко вздохнуть. Что можетъ быть, скажи мнѣ, достойнѣе жалости? Скорпіоны, и змѣи, и драконы призываются къ хваленію Создавшаго ихъ; одинъ грѣшникъ исключается изъ этого священнаго хора; и справедливо. Грѣхъ есть злой и свирѣпый звѣрь, не только выказывающій злость къ сослужебнымъ ему существамъ, но изливающій ядъ злобы и на славу Господню: *васъ ради*, говоритъ Господь, *имя мое хулится во языцѣхъ* (Ис. LII, 5. Римл. II, 24). Посему пророкъ и изгналъ грѣшника изъ вселенной, какъ бы изъ священнаго отечества, и отправилъ въ ссылку. Такъ и отличный музыкантъ отсѣкаетъ отъ стройной киѳары разногласящую
696 струну, чтобы она не разстроивала согласія прочихъ звуковъ; такъ и искусный врачъ отсѣкаетъ загнившійся членъ, чтобы зараза отъ

него не перешла на прочіе здоровые члены. Такъ сдѣлалъ и пророкъ, отсѣкши грѣшника отъ цѣлаго тѣла тварей какъ бы разногласящую струну и какъ бы загнившій членъ. Что же мнѣ дѣлать? Такъ какъ я отринутъ и отсѣченъ, то, конечно, надобно молчать. Итакъ, скажите, ужели замолчать мнѣ? Ужели никто не разрѣшитъ мнѣ восхвалить нашего Владыку, и я напрасно просилъ вашихъ молитвъ, напрасно прибѣгалъ къ вашему покровительству? Нѣтъ, не напрасно. Я нашелъ, нашелъ и другой способъ славословія, по вашимъ же молитвамъ, которыя среди этого недоумѣнія заблистали, какъ молніи во мракѣ: я буду хвалить сослужителей. Можно хвалить и сослужителей; а когда они будутъ хвалимы, то прославленіе, конечно, перейдетъ и на Владыку. А что Онъ и такимъ образомъ прославляется, это показываетъ Самъ Христосъ въ словахъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. v, 16). Вотъ и другой способъ славословія, который можно и грѣшнику употребить и не нарушить закона!

3. Итакъ кого, кого изъ сослушателей восхвалить мнѣ? Кого же другого, какъ не общаго учителя отечества [1]), а чрезъ отечество и всей вселенной? Какъ онъ васъ научилъ стоять за истину до смерти, такъ вы другихъ людей научили скорѣе разставаться съ жизнію, нежели съ благочестіемъ. Хотите ли, сплетемъ ему изъ этого вѣнцы похвалъ? Хотѣлъ бы и я; но вижу неизмѣримую бездну подвиговъ, и боюсь, чтобы слово, опустившись въ глубину, не оказалось безсильнымъ возвратиться наверхъ. Нужно было бы исчислить древніе подвиги,—путешествія, бдѣнія, заботы, совѣты, борьбы, трофеи за трофеями и побѣды за побѣдами, дѣянія, превосходящія не только мой, но и всякій человѣческій языкъ, требующія апостольскаго голоса, движимаго Духомъ, который можетъ о всемъ сказать и научить. Но, минуя эту область, обратимся къ другой, болѣе безопасной, которую можно переплыть и на малой ладьѣ. Поведемъ рѣчь о воздержаніи и скажемъ, какъ онъ поработилъ чрево, какъ презрѣлъ роскошь, какъ отвергъ богатую трапезу, и притомъ бывъ воспитанъ въ знатномъ домѣ. Нисколько неудивительно, когда къ такой убогой и суровой жизни приступаетъ жившій въ бѣдности; онъ имѣетъ въ самой бѣдности спутницу и сообщницу, ежедневно облегчающую ему это бремя; но кто владѣлъ богатствомъ, тому нелегко вырваться изъ оковъ его; такое множество недуговъ объемлетъ его душу, т. е. страстей, которыя какъ-бы густое и темное облако, заграждая взоры ума, не 697
попускаютъ взирать на небо, но заставляютъ преклоняться внизъ и

[1]) Флавіана, епископа антіохійскаго.

смотрѣть въ землю. Нѣтъ, нѣтъ ничего другого, что̀ столь препятствовало бы шествію на небеса, какъ богатство и происходящія отъ богатства бѣды. Не мое это слово, но приговоръ, произнесенный Самимъ Христомъ, Который сказалъ: *удобѣе есть вельбуду сквозѣ иглины ушы проити, неже богату въ царствіе небесное* (Матѳ. xix, 23, 24). Но вотъ это неудобное, а лучше сказать, невозможное стало возможнымъ; и о чемъ нѣкогда Петръ недоумѣвалъ предъ Учителемъ и хотѣлъ узнать, это мы всѣ познали на самомъ дѣлѣ, и даже болѣе того; ибо этотъ мужъ не только самъ восшелъ на небо, но и вводитъ туда столько народа, хотя имѣлъ кромѣ богатства и другія, не меньшія препятствія,—молодость и преждевременное сиротство, которыя еще болѣе могутъ омрачить всякую человѣческую душу: такое имѣютъ они обаяніе, такую представляютъ отраву! Онъ же и надъ ними восторжествовалъ, и устремился къ небесамъ, и прилѣпился къ тамошнему любомудрію, не подумалъ о блескѣ настоящей жизни и не посмотрѣлъ на знаменитость предковъ, а лучше сказать, посмотрѣлъ на знаменитость предковъ, — не тѣхъ, которые связаны съ нимъ по естественной необходимости, но тѣхъ, которые близки къ нему по благочестивому настроенію. Посему онъ и сдѣлался такимъ. Онъ посмотрѣлъ на патріарха Авраама, посмотрѣлъ на великаго Моисея, который былъ воспитанъ въ царскомъ домѣ, наслаждался роскошною трапезою и вращался среди шума египетскаго (а вы знаете, каковы варвары, какой исполнены они гордости и тщеславія), но, пренебрегши всѣмъ этимъ, добровольно перешелъ къ глинѣ и плинѳодѣланію,—царь и сынъ царскій пожелалъ быть въ числѣ рабовъ и плѣнниковъ. Поэтому онъ и возвратился въ блистательнѣйшемъ видѣ, нежели какой прежде имѣлъ и отвергъ. Послѣ бѣгства и служенія у тестя и послѣ бѣдствій на чужбинѣ, онъ возвратился властителемъ царя, или лучше, богомъ царя: *дахъ тя*, говоритъ Господь, *бога фараону* (Исх. vii, 1). И былъ онъ славнѣе царя, не имѣя діадимы, не облекаясь въ багряницу и не выѣзжая на золотой колесницѣ, но поправъ всю эту пышность; ибо *вся слава*, говорится (въ Писаніи), *дщере царевы внутрь* (Пс. xliv, 14). Онъ возвратился со скипетромъ, которымъ повелѣвалъ не только людямъ, но небу, и землѣ, и морю, и естеству воздуха и воды, озерамъ, источникамъ и рѣкамъ; ибо стихіи дѣлались всѣмъ тѣмъ, чего хотѣлъ Моисей; въ рукахъ его тварь преобразовывалась, и, какъ бы какая покорная рабыня, увидѣвшая пришедшаго друга своего господина, во всемъ слушалась и повиновалась ему, какъ самому Владыкѣ. На него взирая и этотъ мужъ сдѣлался такимъ, и притомъ будучи юнымъ, если только онъ былъ когда-либо юнымъ; я не вѣрю этому;—такой старческій умъ былъ у него отъ самыхъ

пеленъ. Но и будучи юнымъ по возрасту онъ объялъ все любомудріе и познавъ, что наша природа подобна полю, заросшему лѣсомъ, легко отсѣкалъ душевные недуги словомъ благочестія, какъ бы какимъ серпомъ, представляя земледѣльцу чистую ниву для 698
посѣва сѣмянъ, и, принимая всѣ эти сѣмена, внѣдрялъ ихъ въ глубину, чтобы они, укоренившись снизу, не страдали отъ жара солнечныхъ лучей и не были подавляемы терніемъ. Такъ онъ воздѣлывалъ свою душу, а похотѣнія плоти укрощалъ врачевствами воздержанія, возлагая на тѣло, какъ бы на какого непослушнаго коня, узду поста, и до того сдерживалъ его, что самыя уста похотей обагрялъ кровію, съ надлежащею впрочемъ умѣренностію; ибо и не напрягалъ тѣла слишкомъ сильно, чтобы связанный путами конь не оказался негоднымъ ему для службы, и не попускалъ ему впасть въ чрезмѣрную тучность, чтобы оно, сдѣлавшись слишкомъ плотянымъ, не возстало на правящій имъ умъ, но заботился вмѣстѣ и о здоровьи его и о благопристойности. И не въ юности только онъ былъ такимъ, но, и миновавъ этотъ возрастъ, не прекратилъ такой заботливости; напротивъ и теперь, когда находится въ старости, какъ бы въ тихой пристани, продолжаетъ соблюдать туже попечительность. Подлинно юность, возлюбленные, подобна яростному морю, исполненному свирѣпыхъ волнъ и бурныхъ вѣтровъ; а сѣдина вводитъ души состарѣвшихся какъ бы въ безмятежную пристань, предоставляя имъ наслаждаться свойственною этому возрасту безопасностію. Ею наслаждаясь теперь и находясь, какъ я выше сказалъ, въ пристани, этотъ мужъ не менѣе того безпокоится и о тѣхъ, которые обуреваются среди моря; такой болзни онъ научился у Павла, который и послѣ того, какъ восходилъ на небо и, перешедши слѣдующее за нимъ, достигалъ даже до третьяго неба, говорилъ: боюсь, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. ix, 27). Посему и этотъ мужъ держитъ себя въ постоянномъ страхѣ, чтобы постоянно быть въ безопасномъ состояніи, и сидитъ при кормилѣ, наблюдая не восхожденія звѣздъ, не подводные камни и скалы, но нападенія демоновъ и козни діавола, и возстанія помысловъ, и, обходя вокругъ своего воинства, соблюдаетъ всѣхъ въ безопасности. Онъ не только смотритъ за тѣмъ, чтобы ладья не потонула, но принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы и никто изъ плывущихъ не испыталъ какого нибудь безпокойства. Благодаря ему и его мудрости мы всѣ и плывемъ благополучно, распустивъ вполнѣ паруса корабля.

4. Когда мы потеряли прежняго отца [1]), который родилъ намъ

---

[1]) Св. Мелетія, предшественника Флавіанова на епископской каѳедрѣ въ Антіохіи.

и этого, то наше положеніе было затруднительно. Поэтому и плакали мы горько, какъ бы не надѣясь, что этотъ престолъ получитъ другого такого мужа. Но когда явился этотъ мужъ и сталъ посреди, то разогналъ все наше уныніе, какъ облако, и разсѣялъ всѣ печали, прекративъ нашъ плачъ, не постепенно, а вдругъ такъ, какъ будто бы тотъ блаженный самъ, вставши изъ гроба, опять взошелъ на этотъ престолъ. Впрочемъ, увлекшись подвигами нашего отца, я незамѣтно продолжилъ бесѣду сверхъ мѣры, не сверхъ мѣры его подвиговъ,—о нихъ я еще и не начиналъ говорить,— но сверхъ мѣры, какая прилична моей юности. Остановимъ же
699 бесѣду, какъ бы въ пристани, молчаніемъ. Хотя она не хочетъ остановиться, а съ ропотомъ и негодованіемъ желаетъ вполнѣ насладиться цвѣтами (краснорѣчія); но, дѣти, это невозможно. Перестанемъ же гнаться за недостижимымъ; для нашего утѣшенія довольно и сказаннаго. Такъ бываетъ и съ драгоцѣнными мастями: онѣ не только тогда, когда кто-либо прольетъ ихъ изъ сосуда, но и когда пальцами коснется крайней поверхности его, растворяются въ воздухѣ и всѣхъ присутствующихъ обдаютъ благоуханіемъ; тоже произошло и теперь не силою моихъ словъ, но доблестію подвиговъ этого мужа. Отойдемъ же, отойдемъ, обратившись къ молитвамъ: помолимся о томъ, чтобы общая наша матерь (церковь) пребывала непоколебимою и неподвижною, и чтобы этотъ отецъ, учитель, пастырь, кормчій, жилъ долгія лѣта. Если вы удостоиваете какого-нибудь вниманія и меня (ибо я не осмѣливаюсь ставить себя на ряду со священниками, какъ *извергов*ъ нельзя считать на-равнѣ съ совершенно-рожденными),—если вы вообще удостоивате какого-нибудь вниманія и меня, хотя бы какъ нѣкоего *изверга* (1 Кор. xv, 8), то помолитесь о ниспосланіи мнѣ великой помощи свыше. Я нуждался въ защитѣ и прежде, когда жилъ самъ по себѣ покойною жизнію; когда же я выведенъ на средину,—не говорю какъ, человѣческимъ ли содѣйствіемъ или Божественною благодатію; не разсуждаю съ вами объ этомъ, чтобы не сказалъ кто нибудь, будто говорю притворно,—но когда я выведенъ и принялъ на себя это крѣпкое и тяжкое иго, то мнѣ нужно много рукъ помощи, нужны безчисленныя молитвы, чтобы я могъ въ цѣлости возвратить залогъ давшему его Владыкѣ въ тотъ день, когда получившіе таланты будутъ позваны и приведены и должны будутъ отдать въ нихъ отчетъ. Итакъ помолитесь, чтобы мнѣ быть не въ числѣ связанныхъ и ввергаемыхъ во тьму (кромѣшнюю), но въ числѣ имѣющихъ получить хотя малое снисхожденіе, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава, и держава, и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРОТИВЪ АНОМЕЕВЪ.

Двѣнадцать словъ подъ заглавіемъ «противъ Аномеевъ» направлены противъ чистыхъ аріанъ, которые не признавали Сына Божія І. Христа не только единосущнымъ Богу-Отцу, но и подобнымъ Ему по существу, и между прочимъ приписывали себѣ знаніе самаго существа Божія. Не прекращавшееся во времена св. Іоанна Златоустаго лжеученіе этихъ еретиковъ, которыхъ нарицательное названіе (ἀνόμοιοι) тогда обратилось въ собственное имя, подало поводъ святителю составить противъ нихъ слова о «непостижимомъ» существѣ Божіемъ и «единосущіи» Сына Божія съ Богомъ-Отцемъ и произнести первыя десять словъ въ Антіохіи въ 386 и 387 годахъ не непрерывно, но съ нѣкоторыми промежутками времени, а послѣднія въ Константинополѣ въ 398 году. Каждое изъ этихъ словъ въ подлинникѣ имѣетъ болѣе подробное заглавіе, соотвѣтствующее его содержанію. Такъ, полное заглавіе 1-го слова слѣдующее: «о непостижимомъ, въ отсутствіи епископа, противъ Аномеевъ».

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Что это? Пастырь отсутствуетъ [1]), а овцы стоятъ весьма 701
благочинно. И въ этомъ заслуга пастыря, что пасомые не только въ присутствіи его, но и въ отсутствіи показываютъ полное усердіе. Съ безсловесными животными бываетъ такъ: когда нѣтъ человѣка, выгоняющаго овецъ на пастбище, они по необходимости остаются въ загонахъ, или, если вырвутся изъ загона безъ пастуха, долго блуждаютъ; здѣсь же не случилось ничего такого, но и въ отсутствіи пастыря вы стеклись на обычныя пастбища съ великимъ благочиніемъ; или, лучше сказать, и пастырь здѣсь присутствуетъ, если не тѣломъ, то произволеніемъ, если не присутствіемъ тѣлеснымъ, то благочиніемъ паствы. Поэтому особенно я удивляюсь и ублажаю его, что онъ могъ внушить вамъ такую ревность. И военачальнику мы въ особенности удивляемся тогда, когда даже въ его отсутствіи войско соблюдаетъ порядокъ. Этого и Павелъ требовалъ отъ учениковъ: *тѣмже*, говоритъ онъ, *возлюбленніи мои, якоже всегда послушасте мене, не якоже въ пришествіи моемъ точію, но много паче во отшествіи моемъ*

---

[1]) Епископъ антіохійскій Флавіанъ.

(Филип. II, 12). Почему: *много паче во отшествіи моемъ?* Потому, что въ присутствіи пастыря, хотя бы и пришелъ къ стаду волкъ, онъ легко прогоняется отъ овецъ; когда же пастырь отсутствуетъ, пасомые по необходимости бываютъ въ большемъ безпокойствѣ, такъ какъ никто не защищаетъ ихъ. Притомъ, если пастырь присутствуетъ, онъ раздѣляетъ съ пасомыми награды за усердіе, а не присутствуя онъ даетъ возможность ясно обнаружиться собственной ихъ заслугѣ. Это говоритъ и учитель нашъ, сказавшій вамъ, что, гдѣ бы онъ ни находился, онъ представляетъ себѣ и нынѣшнее ваше собраніе и взираетъ не столько на тѣхъ, которые теперь находятся и присутствуютъ при немъ, сколько на васъ отсутствующихъ. Я знаю его любовь кипящую, пламенѣющую, горячую и непреодолимую, которую онъ укоренилъ въ самой глубинѣ души и хранитъ съ великимъ усердіемъ. Онъ совершенно
702 знаетъ, что любовь есть глава, корень, источникъ и мать всѣхъ благъ, и что безъ нея все прочее не приноситъ намъ никакой пользы; она есть знакъ учениковъ Господа, отличительное свойство рабовъ Божіихъ, признакъ апостоловъ. *О семъ разумѣютъ вси*, говоритъ (I. Христосъ), *яко Мои ученицы есте* (Іоан. XIII, 35). Что же, скажи мнѣ, значитъ—*о семъ?* О воскрешеніи ли мертвыхъ, или очищеніи прокаженныхъ, или изгнаніи бѣсовъ? Нѣтъ, говоритъ Онъ; и умалчивая о всемъ этомъ, присовокупляетъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*. Такія дѣла суть дары одной вышней благодати, а любовь есть добродѣтель, зависящая и отъ человѣческаго усердія. Человѣка доблестнаго обыкновенно отличаютъ не столько дары, посылаемые свыше, сколько заслуги собственныхъ его трудовъ. Потому Христосъ и говоритъ, что Его ученики узнаются не по знаменіямъ, а по любви. Когда есть любовь, то стяжавшій ее не имѣетъ недостатка ни въ какой части любомудрія, но обладаетъ всецѣлою, всесовершенною и полною добродѣтелію; равно какъ безъ нея онъ лишается всѣхъ благъ. Поэтому и Павелъ восхваляетъ и превозноситъ ее, или вѣрнѣе сказать, сколько бы онъ ни говорилъ, никогда не въ состояніи вполнѣ выразить ея достоинства.

2. Что можетъ сравниться съ тою, которая заключаетъ въ себѣ пророковъ и весь законъ и безъ которой ни вѣра, ни знаніе, ни вѣдѣніе тайнъ, ни самое мученичество и ничто другое не можетъ спасти того, кто достигъ всего этого? *Аще предамъ тѣло мое*, говоритъ апостолъ, *во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3). И еще въ другомъ мѣстѣ объясняя, что любовь больше всего и есть глава всѣхъ благъ, онъ сказалъ: *аще же пророчествія упразднятся, аще ли языцы умолкнутъ, аще разумъ испразднится, пребываютъ вѣра, надежда,*

любы, три сія: больши же сихъ любы (1 Кор. XIII, 8, 13). Впрочемъ рѣчь о любви привела насъ къ немаловажному вопросу. Что *пророчествія упразднятся и языцы умолкнутъ,* это не тяжко; потому что эти дарованія принесли намъ въ свое время пользу и прекратившись не могутъ нисколько повредить ученію; такъ, напримѣръ, теперь нѣтъ ни пророчества, ни дара языковъ, и однако ученіе благочестія не встрѣчаетъ никакого препятствія; а что и знаніе прекратится, это требуетъ изслѣдованія. Сказавъ: *аще пророчествія упразднятся, аще ли языцы умолкнутъ,* апостолъ присовокупилъ: *аще разумъ испразднится.* Если же прекратится знаніе, то дѣло будетъ клониться у насъ не къ лучшему, а къ худшему; потому что безъ знанія мы совершенно перестанемъ 703
быть людьми: *Бога бойся,* говоритъ (премудрый), *и заповѣди Его храни, яко сіе всякъ человѣкъ* (Еккл. XII, 13). Если быть человѣкомъ значитъ бояться Бога, а страхъ Божій происходитъ отъ знанія, знаніе же *испразднится,* какъ говоритъ Павелъ, то мы, когда не будетъ знанія, совершенно погибнемъ, все у насъ исчезнетъ, и мы будемъ нисколько не лучше безсловесныхъ, но еще гораздо хуже; потому что мы превосходимъ ихъ разумомъ, а во всемъ прочемъ тѣлесномъ много уступаемъ имъ. Итакъ что значитъ и о чемъ говоритъ Павелъ въ словахъ: *разумъ испразднится?* Не о всецѣломъ знаніи, а о части знанія онъ говоритъ это, называя упраздненіемъ переходъ къ лучшему, такъ что частное, по его упраздненіи, будетъ уже не частнымъ, а совершеннымъ. Какъ возрастъ дитяти упраздняется не уничтоженіемъ его существованія, но возрастаніемъ и переходомъ его въ возрастъ совершеннаго мужа, такъ бываетъ и съ знаніемъ. Это малое, говоритъ онъ, уже не будетъ малымъ, когда сдѣлается впослѣдствіи великимъ; вотъ что значитъ: *испразднится;* это яснѣе намъ онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ. Чтобы кто-нибудь, услышавъ объ упраздненіи, не подумалъ, что оно есть совершенное уничтоженіе, но зналъ, что это только нѣкоторое возрастаніе и переходъ къ лучшему, онъ, сказавъ: *испразднится,* присовокупилъ: *отъ части бо разумѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ: егда же пріидетъ совершенное, тогда еже отъ части упразднится* (1 Кор. XIII, 9. 10), такъ что знаніе будетъ уже не отчасти, но совершеннымъ. Несовершенство его упразднится тѣмъ, что оно будетъ уже не несовершеннымъ, а совершеннымъ. Такимъ образомъ это упраздненіе есть восполненіе и переходъ къ лучшему.

3. И посмотри на мудрость Павла; онъ не сказалъ: часть мы разумѣваемъ, но: *отъ части разумѣваемъ,* выражая, что мы обладаемъ частію части. Можетъ быть, вы желаете слышать, какою частію мы обладаемъ и какой намъ недостаетъ, и большею ли мы

обладаемъ, или меньшею? Чтобы ты зналъ, что обладаешь меньшею частію, и не просто меньшею, но, можно сказать, сотою или тысячною, выслушай слѣдующее. Впрочемъ, прежде прочтенія вамъ апостольскаго изреченія, я приведу примѣръ, который, сколько возможно для примѣра, можетъ показать вамъ, какой части недостаетъ намъ и какою мы нынѣ обладаемъ. Какое же различіе между знаніемъ, которое будетъ дано намъ, и настоящимъ? Такое различіе, какое между мужемъ совершеннымъ и груднымъ младенцемъ; такъ велико превосходство будущаго знанія въ сравненіи съ настоящимъ. А что это истинно, и что первое дѣйствительно настолько выше послѣдняго, объ этомъ пусть опять скажетъ самъ Павелъ. Сказавъ: *отъ части разумѣваемъ*, и желая показать, отъ какой части и что мы именно обладаемъ нынѣ малѣйшею частію, онъ присовокупилъ: *егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (1 Кор. XIII, 11), причемъ сравнилъ настоящее знаніе съ состояніемъ младенца, а будущее
704 знаніе съ состояніемъ совершеннаго мужа. И не сказалъ: когда я былъ отрокомъ,—ибо отрокомъ называется и двѣнадцатилѣтній,— но: *егда бѣхъ младенецъ*, представляя намъ младенца груднаго, еще питающагося молокомъ и сосущаго грудь. А что Писаніе такого именно называетъ младенцемъ, выслушай слова псалма: *Господи, Господь нашъ, яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятся великолѣпіе Твое превыше небесъ: изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Псал. VIII, 1. 2). Видишь ли, что младенцемъ вездѣ (Писаніе) называетъ грудное дитя? Потомъ, провидя духомъ безстыдство будущихъ людей, апостолъ не удовольствовался однимъ только этимъ примѣромъ, но и вторымъ и третьимъ подтвердилъ намъ тоже. Какъ Моисей, посылаемый къ іудеямъ, получилъ въ удостовѣреніе три знаменія, дабы, если они не повѣрятъ первому,послушались голоса втораго, а если пренебрегутъ и этимъ, то устыдились бы третьяго и приняли пророка (Исх. гл. IV), такъ и Павелъ приводитъ три примѣра: одинъ—младенца, когда говоритъ: *егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ мудрствовахъ;* второй — зеркала, и третій — гаданія. Сказавъ: *егда бѣхъ младенецъ*, онъ присовокупилъ: *видимъ нынѣ зерцаломъ въ гаданіи* (1 Кор. XIII, 12). Вотъ второй примѣръ нынѣшней нашей немощи и того, что наше знаніе несовершенно; третій еще: *въ гаданіи*. И младенецъ видитъ, слышитъ и говоритъ многое, но ясно ничего не видитъ, не слышитъ и не говоритъ; онъ и мыслитъ, но ни о чемъ не мыслитъ раздѣльно; такъ и я, хотя знаю многое, но не разумѣю способа существованія предметовъ. Я знаю, что Богъ существуетъ вездѣ, и то знаю, что Онъ вездѣ

существуетъ всецѣло; но какимъ образомъ, этого не знаю; знаю, что Онъ безначаленъ, нерожденъ, вѣченъ; но какъ, этого не знаю, потому что умъ не можетъ постигнуть, какъ можетъ быть существо, не имѣющее начала бытія своего ни отъ себя самого, ни отъ другого. Я знаю, что Онъ родилъ Сына, но какъ, этого не разумѣю; знаю, что Духъ изъ Него; но какъ изъ Него, этого не постигаю; я вкушаю яствы, но какъ онѣ обращаются въ мокроту, въ кровь, въ соки, въ желчь, не знаю. Того, чтò мы каждый день видимъ и вкушаемъ, мы не разумѣемъ; какъ же мы хотимъ изслѣдовать существо Божіе?

4. Итакъ гдѣ тѣ, которые говорятъ, что они получили все знаніе, а между тѣмъ впали въ бездну невѣдѣнія? Ибо они, утверждая, что постигли все въ настоящее время, въ будущемъ лишаютъ себя всецѣлаго знанія. Когда я говорю, что знаю только отчасти, и затѣмъ утверждаю, что это знаніе упразднится, то я ожидаю лучшаго и совершеннѣйшаго, такъ какъ частное упразднится и наступитъ совершеннѣйшее; а тотъ, кто говоритъ, что онъ обладаетъ полнымъ, всецѣлымъ и совершеннымъ знаніемъ, и потомъ признаетъ, что оно въ будущемъ упразднится, объявляетъ себя лишеннымъ знанія, такъ какъ это знаніе упразднится, а другое совершеннѣйшее не наступитъ, если настоящее, по ихъ мнѣнію, есть совершенное. Видите ли, какъ они, усиливаясь здѣсь имѣть все, и здѣшняго не имѣютъ, и тамъ лишаютъ себя всего? Таково зло— 705
не оставаться въ предѣлахъ, которые отъ начала назначилъ намъ Богъ! Такъ и Адамъ, въ надеждѣ на бóльшую честь, лишился и той, какая была; такъ бываетъ и съ сребролюбцами: многіе, желая большаго, часто теряютъ и настоящее; такъ и эти люди, надѣясь здѣсь имѣть все, лишились и части. Посему увѣщеваю избѣгать ихъ безумія; ибо крайнее безуміе—присвоять себѣ знаніе того, чтò есть Богъ по существу. А дабы убѣдиться, что это крайне безумно, я объясню вамъ это изъ пророковъ. Пророки, какъ видно, не только не знали, чтò есть Богъ по существу, но и о премудрости Его недоумѣвали, какъ она велика, хотя не существо зависитъ отъ премудрости, а премудрость отъ существа. Если же пророки не могли постигнуть съ точностію даже этого (свойства Божія), то какъ безумно было бы думать, что собственными сужденіями можно опредѣлить самое существо Божіе? Итакъ выслушаемъ, чтò говоритъ пророкъ о премудрости Божіей: *удивися разумъ Твой отъ мене* (Псал. CXXXVIII, 6). Впрочемъ начнемъ рѣчь съ другого мѣста: *исповѣмся Тебѣ, яко страшно удивился еси* (ст. 14). Что значитъ: *страшно?* Многому мы удивляемся теперь, но не со страхомъ; напримѣръ—красотѣ колоннъ, произведеніямъ живописи, цвѣтамъ тѣлъ; удивляемся и величію моря, также и не-

измѣримой безднѣ, но со страхомъ тогда, когда въ эту бездну будемъ погружаться. Такъ и пророкъ, углубившись въ безпредѣльное и неизмѣримое море премудрости Божіей, изумился и въ удивленіи съ великимъ страхомъ отступилъ, взывая такъ: *исповѣмся Тебѣ, яко страшно удивился еси: чудна дѣла Твоя*; и еще: *удивися разумъ Твой отъ мене, утвердися, не возмогу къ нему* (Псал. CXXXVIII, 14, 6). Посмотри на признательность раба: благодарю Тебя, говоритъ онъ, за то, что я имѣю непостижимаго Владыку; говоритъ здѣсь не о существѣ Его;—это онъ оставляетъ, какъ уже признанное непостижимымъ;—но говоритъ здѣсь о вездѣсущіи Божіемъ, выражая, что онъ не знаетъ и того, какъ Богъ вездѣ присутствуетъ. А что онъ именно объ этомъ говоритъ, выслушай слѣдующее: *аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси* (ст. 8). Видишь ли, какъ Богъ вездѣ присутствуетъ? И однако пророкъ не знаетъ, но изумляется, недоумѣваетъ и ужасается при одной только мысли объ этомъ. Итакъ не крайне ли безумны тѣ, которые, будучи столь далеки отъ благодати пророка, усиливаются постигнуть самое существо Божіе? Тотъ же пророкъ говоритъ: *безвѣстная и тайная премудрости Твоея явилъ ми еси* (Псал. L, 8); и однако, познавъ безвѣстное и тайное премудрости Его, о ней самой онъ говоритъ, что она безпредѣльна и непостижима. *Велій Господь*, говоритъ онъ, *и велія крѣпость Его, и разума Его нѣсть числа*, т. е. нѣтъ возможности постигнуть его (Псал. CXLVI, 5). Что же ты говоришь? Для пророка премудрость (Божія) непостижима, а для насъ постижимо и существо Его? Не явное ли это безуміе? Величіе Его не имѣетъ предѣла, а ты ограничиваешь существо Его?

5. Размышляя объ этомъ, и Исаія сказалъ: *родъ Его кто исповѣсть* (Иса. LIII, 8)? Не сказалъ: кто исповѣдываетъ, но: *кто*
706 *исповѣсть*, устранивъ возможность этого и въ будущемъ. Давидъ говоритъ: *удивися разумъ Твой отъ мене* (Пс. CXXXVIII, 6); а Исаія говоритъ, что не ему только, но и всему человѣческому роду недоступно это исповѣданіе. Впрочемъ посмотримъ, не зналъ ли этого Павелъ, такъ какъ ему дана была большая благодать; но онъ самъ говоритъ: *отъ части разумѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ* (1 Кор. XIII, 9),—и не только здѣсь, но и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ разсуждаетъ не о существѣ (Божіемъ), но о премудрости, видимой въ промышленіи, и притомъ изслѣдуетъ не всецѣлую премудрость Божію, по которой Онъ промышляетъ объ ангелахъ, архангелахъ и вышнихъ силахъ, а только ту часть промысла (Божія), по которой Онъ промышляетъ о людяхъ на землѣ, и даже только часть этого промысла. Онъ изслѣдуетъ не всю премудрость, по которой Богъ совершаетъ восходъ солнца, по которой вдыхаетъ

души, по которой образуетъ тѣла, по которой питаетъ людей на землѣ, по которой содержитъ міръ, по которой даетъ ежегодную пищу; но, оставивъ все это и изслѣдуя нѣкоторую малую часть промысла Божія, по которой Онъ отвергъ іудеевъ и принялъ язычниковъ, и при взглядѣ на эту самую малую часть, какъ на безпредѣльное море, онъ изумился и, увидѣвъ неизмѣримую бездну, тотчасъ отступилъ и громко воскликнулъ: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко неиспытани судове Его* (Римл. XI, 33); не сказалъ: непостижимы, но: *неиспытани*; если же невозможно испытать ихъ, то тѣмъ болѣе невозможно постигнуть. *И неизслѣдовани путіе Его*. Скажи мнѣ: если пути Его неизслѣдимы, неужели самъ Онъ постижимъ? Но что я говорю о путяхъ? Даже ожидающія насъ награды непостижимы; ибо *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготови Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9). И даръ Его невыразимъ: *благодареніе же Богови*, говоритъ апостолъ, *о неисповѣдимомъ Его дарѣ* (2 Кор. IX, 15). *И миръ Его превосходитъ всякъ умъ* (Филип. IV, 7). Что же ты говоришь? Судьбы Его непостижимы, пути Его неизслѣдимы, миръ превосходитъ всякій умъ, даръ невыразимъ, уготованное Богомъ любящимъ Его не приходило на сердце человѣку, величіе не имѣетъ предѣла, разумъ безъ числа, все непостижимо, а самъ Онъ постижимъ? Не крайняя ли это степень безумія? Удержи еретика; не дозволяй ему удалиться; спроси, что говоритъ Павелъ въ словахъ: *отъ части разумѣваемъ*? Можетъ быть, онъ скажетъ, что Павелъ говоритъ здѣсь не о существѣ (Божіемъ), а о дѣлахъ домостроительства. Тѣмъ лучше, если у него была рѣчь и о дѣлахъ домостроительства, то еще больше наша побѣда; ибо, если дѣла домостроительства Божія непостижимы, то гораздо больше—Онъ самъ. А что здѣсь апостолъ говоритъ не о дѣлахъ домостроительства, но о самомъ Богѣ, выслушай слѣдующее. Сказавъ: *отъ части разумѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ*, онъ присовокупилъ: *нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. XIII, 9. 12). Отъ кого же онъ познанъ былъ: отъ Бога, или отъ дѣлъ домостроительства? Очевидно, отъ Бога; слѣдовательно, Его онъ и *разумѣетъ отъ части*. *Отъ части*, сказалъ онъ не въ томъ смыслѣ, будто одну часть Его существа онъ знаетъ, а другой не знаетъ (Богъ— существо простое), но онъ знаетъ, что Богъ существуетъ, а того, 707
что̀ Онъ есть по существу, не знаетъ; знаетъ, что Онъ премудръ, а насколько премудръ, не знаетъ; не незнаетъ, что Онъ великъ, а насколько великъ, или каково величіе Его, этого не знаетъ; знаетъ, что Онъ вездѣ присутствуетъ, а какъ это, не знаетъ; не незнаетъ, что Онъ промышляетъ, содержитъ все и сохраняетъ въ цѣлости,

но какимъ образомъ Онъ дѣлаетъ это, не знаетъ. Посему онъ и сказалъ: *отъ части разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ*.

6. Но, если угодно, оставимъ Павла и пророковъ и взойдемъ на небеса, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь знающаго, что̀ есть Богъ по существу. Конечно, хотя бы тамъ и нашлись знающіе, у нихъ нѣтъ ничего общаго съ нами; ибо велико различіе между ангелами и людьми; однако, чтобы ты сильнѣе убѣдился, что и тамъ ни одна созданная сила не знаетъ этого, послушаемъ ангеловъ. Что же? О существѣ ли Божіемъ они бесѣдуютъ тамъ и вопрошаютъ другъ друга? Нѣтъ, но что? Они прославляютъ, покланяются, непрестанно съ великимъ трепетомъ возсылаютъ хвалебныя и таинственныя пѣснопѣнія; и одни говорятъ: *слава въ вышнихъ Богу* (Лук. II, 14); серафимы взываютъ: *святъ, святъ, святъ* (Иса. VI, 3), и отвращаютъ очи свои, не имѣя силъ сносить даже снисхожденія Божія; а херувимы восклицаютъ: *благословена слава Господня отъ мѣста Его* (Iезек. III, 12), не потому, чтобы было мѣсто у Бога,—да не будетъ,—но какъ мы сказали бы, выражаясь по-человѣчески: гдѣ бы Онъ ни былъ, или какъ бы Онъ ни былъ,—если только и это безопасно сказать о Богѣ, такъ какъ нашъ языкъ — человѣческій. Видишь ли, какой страхъ вверху, и какое пренебреженіе внизу? Тѣ прославляютъ, а эти изслѣдуютъ; тѣ славословятъ, а эти испытываютъ; тѣ закрываютъ лица, а эти усиливаются безстыдно взирать на неизреченную славу. Кто не будетъ воздыхать, кто не будетъ оплакивать ихъ безсмысленность и такое крайнее безуміе? Я желалъ бы еще продолжить рѣчь, но такъ какъ я теперь въ первый разъ вступилъ въ эти состязанія, то, думаю, для васъ полезно будетъ пока удовольствоваться сказаннымъ, чтобы множество предметовъ, о которыхъ будетъ сказано, смѣняясь съ великою стремительностію, не изгладило и этого изъ памяти; но непремѣнно, если Богъ допуститъ, мы еще много будемъ заниматься этимъ предметомъ. Я давно питалъ желаніе вести съ вами рѣчь объ этомъ, но медлилъ и отлагалъ, видя, что многіе изъ зараженныхъ этою болѣзнію съ удовольствіемъ слушаютъ насъ; не желая отгонять добычу, я до сихъ поръ удерживалъ языкъ отъ этихъ состязаній, чтобы, сильнѣе привлекши ихъ, потомъ и выступить на борьбу; а такъ какъ, по благодати Божіей, они сами, какъ я слышалъ, приглашаютъ и вызываютъ меня на эти состязанія, то я уже смѣло выступилъ на борьбу и взялъ *оружія*, помышленія *низлагающе и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 4, 5). Впрочемъ я взялъ это оружіе не для того, чтобы низложить противниковъ, но чтобы возстановить лежащихъ; сила этого оружія такова, что любящихъ споры оно можетъ поражать, а благонамѣренныхъ слушателей исцѣ-

лять съ великимъ успѣхомъ; оно не наноситъ ранъ, но исцѣляетъ раны. 708

7. Итакъ не будемъ сердиться и гнѣвно относиться къ нимъ, но будемъ кротко бесѣдовать съ ними; ибо нѣтъ ничего сильнѣе скромности и кротости. Посему и Павелъ повелѣлъ тщательно придерживаться этого, сказавъ: *рабу же Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ* (2 Тим. II, 24); не сказалъ: къ братіямъ только, но: *ко всѣмъ*. И еще: *кротость ваша разумна да будетъ*,—не сказалъ: братіямъ, но—*всѣмъ человѣкомъ* (Филип. IV, 5). Ибо что пользы, говоритъ (Господь), *аще любите любящихъ васъ* (Матѳ. V, 46)? Если дружба съ кѣмъ-нибудь вредитъ и влечетъ къ участію въ нечестіи, то, хотя бы то были родители, удались отъ нихъ; хотя бы то былъ глазъ, исторгни его. *Аще*, говоритъ Господь, *око твое десное соблажняетъ тя, изми е* (Матѳ. V, 29); Онъ говоритъ не о тѣлѣ: какъ это можетъ быть? Если бы Онъ говорилъ о тѣлесной природѣ, то вина падала бы на Создателя природы; притомъ надобно было бы исторгнуть не одинъ глазъ; потому что, если останется лѣвый, то онъ также можетъ соблазнять владѣющаго имъ. Но чтобы ты зналъ, что здѣсь рѣчь не о глазѣ, Господь прибавилъ: *десное*, указывая на то, что хотя бы кто былъ для тебя такъ дорогъ, какъ правый глазъ, вырви его и расторгни свою дружбу съ нимъ, если онъ соблазняетъ тебя. Что пользы имѣть глазъ, если погибнетъ цѣлое тѣло? Итакъ, если дружба, какъ я сказалъ, причиняетъ вредъ, то будемъ избѣгать ея и удаляться; а если она нисколько не вредитъ нашему благочестію, то будемъ привлекать и привязывать къ себѣ друзей; если же самъ ты не приносишь пользы другу, а отъ него получаешь вредъ, то предпочитай оставаться невредимымъ въ разлукѣ съ нимъ, и избѣгай дружескихъ связей, если онѣ вредятъ,—только избѣгай, а не ссорься и не враждуй. Такъ увѣщеваетъ и Павелъ слѣдующими словами: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (Римл. XII, 18). Ты—рабъ Бога мира; Онъ, изгонявшій бѣсовъ и совершавшій множество добрыхъ дѣлъ, когда называли Его бѣснующимся, не ниспослалъ молніи, не поразилъ поносителей, не сжегъ языка столь безстыднаго и неблагодарнаго, хотя могъ сдѣлать все это, а только отклонилъ укоризну, сказавъ: *Азъ бѣса не имамъ, но чту пославшаго Мя* (Іоан. VIII, 49). А когда рабъ первосвященника ударилъ Его, что сказалъ Онъ? *Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. XVIII, 23)? Если же Владыка ангеловъ отвѣчаетъ и оправдывается предъ рабомъ, то нѣтъ нужды говорить болѣе. Храни только эти слова въ умѣ, часто повторяй ихъ и говори: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши?* Представляй себѣ,

Кто говоритъ это, кому говоритъ и почему, и будутъ для тебя эти слова нѣкоторымъ божественнымъ и непрестаннымъ припѣвомъ, который въ состояніи будетъ утишить всякое раздраженіе; представляй достоинство Оскорбленнаго, ничтожество оскорбившаго, чрезмѣрность оскорбленія. Рабъ не только поносилъ, но и ударилъ, и не просто ударилъ, но въ ланиту; нѣтъ ничего поноснѣе такого удара; однако Господь все перенесъ, чтобы ты наилучшимъ образомъ научился смиренномудрію. Объ этомъ не только
709 будемъ разсуждать теперь, но вспомнимъ и тогда, когда придетъ время. Вы похвалили сказанное, но выразите мнѣ эту похвалу дѣлами. Ратоборецъ упражняется въ своей школѣ для того, чтобы при ратоборствѣ показать пользу этихъ упражненій; такъ и ты, когда разгнѣваешься, покажи пользу здѣшняго слушанія, и непрестанно повторяй эти слова: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши?* Начертайте это въ своемъ умѣ; для того я непрестанно и повторяю вамъ эти слова, чтобы все сказанное внѣдрилось въ вашей душѣ, чтобы осталось неизгладимымъ въ вашей памяти, и отъ этого памятованія была польза. Если мы будемъ имѣть эти слова ясно начертанными въ нашемъ умѣ, то никто не будетъ столь каменнымъ, непризнательнымъ и безчувственнымъ, чтобы когда-нибудь увлечься гнѣвомъ; эти слова, лучше всякой узды и всякихъ удилъ, могутъ удержать нашъ языкъ, выходящій изъ предѣловъ умѣренности и благопристойности, успокоить возбужденный умъ, расположить къ постоянной скромности и водворить въ насъ полный миръ, которымъ да сподобимся мы наслаждаться всегда, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава и поклоненіе, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Въ заглавіи этого слова сказано: (св. Іоанна Златоустаго) за много дней прежде говорившаго противъ аномеевъ, потомъ противъ іудеевъ, потомъ не говорившаго по причинѣ присутствія епископовъ и совершавшихся воспоминаній о многихъ мученикахъ, теперь опять (слово) противъ аномеевъ, о непостижимомъ.

710 Выступимъ опять противъ невѣрныхъ аномеевъ; если они негодуютъ, получая названіе невѣрныхъ, то пусть они избѣгаютъ самаго дѣла, и я не буду употреблять этого названія; пусть они оставятъ невѣрныя мысли, и я оставлю оскорбительное названіе. Если же они, безчестя вѣру дѣлами и подвергая

себя посрамленію, не стыдятся; то почему негодуютъ на меня, укоряющаго ихъ словами въ томъ, что они сами показываютъ дѣлами? Когда я недавно, какъ вы помните, началъ разсужденія о нихъ и даже вступилъ въ борьбу съ ними, тотчасъ заняли меня состязанія съ іудеями, ибо не безопасно было оставить безъ вниманія собственные заболѣвшіе члены. Для разсужденій противъ аномеевъ всегда есть время; а тогда, если бы я предварительно и скоро не спасъ отъ іудейскаго пожара больныхъ нашихъ братій, зараженныхъ іудейскими мнѣніями, не послѣдовало бы никакой пользы отъ нашего увѣщанія, такъ какъ у нихъ распространялся грѣхъ касательно поста. Послѣ же состязаній съ іудеями меня опять заняло прибытіе многихъ духовныхъ отцевъ, собравшихся сюда изъ многихъ мѣстъ, и мнѣ неблаговременно было продолжать свои разсужденія, когда всѣ они стеклись, какъ бы рѣки въ это духовное море; а по отбытіи ихъ непрестанно слѣдовали одни за другими воспоминанія о мученикахъ, и должно было не пренебрегать прославленіемъ этихъ подвижниковъ. Говорю это и перечисляю для того, чтобы вы не подумали, будто замедленіе состязаній съ аномеями произошло у меня отъ лѣности и нерадѣнія. Теперь же, когда я уже освободился отъ борьбы съ іудеями, и отцы возвратились въ свои отечества, и довольно насладились мы славословіемъ мучениковъ, я приступлю къ удовлетворенію давняго вашего желанія слушать меня. Я хорошо знаю, что каждый изъ васъ желаетъ слушать разсужденія объ этомъ не менѣе того, сколько я желаю говорить; а причина та, что городъ нашъ издавна христолюбивъ и такое вы получили наслѣдіе отъ предковъ, чтобы не пренебрегать искаженіемъ благочестивыхъ догматовъ. Откуда это видно? Нѣкогда, при вашихъ предкахъ, пришли *нѣцыи отъ Іудеи* (Дѣян. xv, 1), искажая чистые догматы апостольскаго ученія и повелѣвая обрѣзываться и соблюдать законъ Моисеевъ. Тогдашніе жители вашего города не потерпѣли этого нововведенія и не смолчали; но подобно тому, какъ поступаютъ вѣрные псы, увидѣвъ волковъ, нападающихъ и повреждающихъ все стадо, они возстали противъ нихъ и перестали выгонять ихъ отвсюду и преслѣдовать не прежде, какъ сдѣлали то, что по всей вселенной разосланы были апостолами догматы, полагающіе преграду такому нападенію на вѣрныхъ какъ этимъ людямъ, такъ и всѣмъ послѣ нихъ.

2. Съ чего же начать намъ разсужденія противъ аномеевъ? Съ чего иного, какъ не съ обличенія ихъ въ невѣріи? Они дѣлаютъ и предпринимаютъ все, чтобы исторгнуть изъ души слушателей вѣру; а какая вина больше этой можетъ быть доказательствомъ нечестія? Когда Богъ объявляетъ что-нибудь, то сказанное должно принимать съ вѣрою, а не изслѣдовать дерзко. Пусть, кому

изъ нихъ угодно, называютъ меня невѣрнымъ: я не досадую. Почему? Потому, что я дѣлами показываю, какъ называть меня. Что я говорю: пусть называютъ невѣрнымъ? Пусть называютъ меня даже безумнымъ о Христѣ; и этимъ названіемъ я восхищаюсь, какъ вѣнцемъ; потому что раздѣляю это названіе съ Павломъ, который говоритъ: *мы буи Христа ради* (1 Кор. IV, 10). Это безуміе разумнѣе всякой мудрости; потому что чего не могла достигнуть внѣшняя (языческая) мудрость, то совершено буйствомъ о Христѣ; оно разогнало мракъ вселенной, оно принесло свѣтъ вѣдѣнія. Но что такое *буйство* о Христѣ? То, когда мы укрощаемъ собственные помыслы, мятущіеся безвременно, когда освобождаемъ и очищаемъ свой умъ отъ внѣшняго ученія, чтобы, когда нужно принимать Христово ученіе, онъ былъ у насъ свободенъ и очищенъ для принятія божественныхъ вѣщаній. Когда Богъ объявляетъ что-нибудь такое, чего не должно изслѣдовать, то надлежитъ принимать вѣрою. Изслѣдовать причины этого, требовать отчета и допытываться способа осуществленія, свойственно душѣ самой дерзкой и отчаянной. Это я постараюсь доказать также изъ самыхъ Писаній. Нѣкто Захарія былъ мужъ дивный и великій, почтенный
711 первосвященствомъ, получившій отъ Бога право предстательствовать за весь народъ. Этотъ Захарія, вошедши во Святое Святыхъ, въ мѣсто самое недоступное, которое видѣть тогда позволялось только ему одному изъ всѣхъ людей (замѣть, онъ былъ равносиленъ цѣлому народу, такъ что могъ возносить къ Богу молитвы за весь народъ и умилостивлять Владыку за рабовъ; видишь ли величіе дерзновенія его, какъ бы нѣкотораго посредника между Богомъ и людьми?), увидѣлъ ангела, стоявшаго внутри; и такъ какъ видъ его устрашалъ человѣка, то ангелъ сказалъ: *не бойся, Захаріе, зане услышана бысть молитва твоя*, и вотъ ты родишь сына (Лук. I, 13). Какая же здѣсь послѣдовательность? Тотъ просилъ за народъ, молился за грѣхи, испрашивалъ прощенія подобнымъ себѣ рабамъ, а (ангелъ) говоритъ: *не бойся, Захаріе, зане услышана бысть молитва твоя*, и въ доказательство того, что она услышана, возвѣщаетъ, что у него родится сынъ Іоаннъ? Весьма правильная послѣдовательность; такъ какъ Захарія молился за грѣхи народа, а имѣлъ родить сына, который взывалъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I, 29); то ангелъ справедливо говоритъ: *услышана бысть молитва твоя*, и ты родишь сына. Что же Захарія? Рѣчь у насъ о томъ, что допытываться способовъ исполненія вѣщаній божественныхъ непростительно, что нужно принимать эти опредѣленія вѣрою. А Захарія зналъ свой возрастъ, сѣдины, ослабѣвшее тѣло, зналъ неплодство жены, и не повѣрилъ, пожелалъ узнать способъ исполненія и сказалъ: *по чесому разу-*

мњю сіе (Лук. I, 18)? Какъ, говоритъ онъ, это исполнится? Вотъ *азъ есмь старъ* и посѣдѣлъ, *и жена моя* безплодна, *заматорѣвши во днехъ своихъ*; возрастъ поздній, природа неспособная; какъ исполнится обѣщанное? Я—сѣятель слабый, нива неплодна. Не кажется ли кому-нибудь, что онъ достоинъ извиненія, спрашивая объ исполненіи дѣла, и повидимому не справедливо ли онъ говоритъ? Но предъ Богомъ онъ не оказался достойнымъ извиненія; и весьма справедливо. Когда Богъ объявляетъ что-нибудь, то не должно поднимать сужденій и указывать на послѣдовательность дѣлъ, или требованіе природы, и на что-либо другое подобное; потому что сила опредѣленія (Божія) выше всего этого и не останавливается никакимъ препятствіемъ. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Богъ обѣщаетъ, а ты указываешь на возрастъ и ссылаешься на старость. Неужели старость сильнѣе обѣтованія Божія? Неужели природа могущественнѣе Творца природы? Развѣ ты не знаешь, что крѣпки дѣла словъ Его? Словомъ Его утверждено небо, слово Его произвело тварь, слово Его сотворило ангеловъ, а ты сомнѣваешься въ рожденіи? Поэтому ангелъ и разгнѣвался и не простилъ Захаріи даже ради его священства; напротивъ, по этому самому онъ былъ больше наказанъ. Тотъ, кто былъ почтенъ болѣе другихъ, долженъ былъ превосходить другихъ и вѣрою. Какой же способъ наказанія? *Се будеши молча и не могій проглаголати* (Лук. I, 20). Языкъ твой, говоритъ онъ, послужилъ къ произне- 712
сенію словъ невѣрія; онъ же получитъ и наказаніе за невѣріе: *се будеши молча и не могій проглаголати, до него же дне будутъ сія*. Представь человѣколюбіе Господа: ты не вѣришь мнѣ, говоритъ Онъ,—прими же теперь наказаніе; а когда я оправдаю это самыми дѣлами, тогда прекращу гнѣвъ; когда узнаешь, что ты справедливо наказанъ, тогда освобожу тебя отъ наказанія. Пусть послушаютъ аномеи, какъ гнѣвается Богъ, когда Онъ подвергается изслѣдованію. Если же Захарія наказывается за то, что не повѣрилъ смертному рожденію, то, скажи мнѣ, какъ избѣгнешь наказанія ты, изслѣдуя неизреченное и вышнее? Захарія не утверждалъ чего нибудь, а только желалъ узнать, и однако не получилъ прощенія; какое же будешь имѣть оправданіе ты, утверждающій, что знаешь даже невидимое и непостижимое для всѣхъ, какого не навлечешь на себя наказанія?

3. Впрочемъ, разсужденія о рожденіи пусть останутся до удобнаго времени; а теперь приступимъ къ прежнему предмету, котораго я прежде не докончилъ, стараясь вырвать гибельный корень, мать всѣхъ золъ, отъ котораго и произошли у нихъ такія мнѣнія. Какой же это корень всѣхъ золъ? Повѣрьте, ужасъ объемлетъ меня, когда я намѣреваюсь назвать его; не рѣшаюсь языкомъ про-

изнести то̀, что̀ они постоянно держатъ въ умѣ. Какой же корень этихъ золъ? Человѣкъ дерзнулъ сказать: я знаю Бога такъ, какъ самъ Богъ знаетъ себя. Нужно ли обличать это? Нужно ли доказывать? Не довольно ли только произнести такія слова, чтобы показать все ихъ нечестіе? Это—явное безуміе, непростительное безразсудство, новѣйшій видъ нечестія; никто никогда не дерзалъ ни помыслить, ни произнести языкомъ ничего подобнаго. Подумай, несчастный и жалкій, кто ты и Кого изслѣдуешь? Ты—человѣкъ, а изслѣдуешь Бога? Достаточно однихъ этихъ названій, чтобы выразить крайность безумія: человѣкъ—земля и пепелъ, плоть и кровь, трава и цвѣтъ травы, тѣнь, и дымъ, и тщета, и все, что̀ только есть негоднѣе и немощнѣе этого. Не подумайте, что это сказано къ осужденію природы (человѣческой); не я говорю это, но пророки такъ разсуждаютъ, не къ безчестію нашего рода, но для усмиренія надменности безумныхъ, не для униженія нашей природы, но для низложенія гордости неистовствующихъ. Если послѣ такихъ и столь многихъ изреченій пророковъ нашлись люди, превзошедшіе дерзостію самаго діавола, то скажи мнѣ, до какого безумія дошли бы они, если бы ничего такого не было сказано? Если они страдаютъ недугомъ (безумія), имѣя предъ собою врачевство, то какою гордостію и высокомѣріемъ не надмевались бы они, если бы пророки не произнесли такихъ и столь многихъ выраженій о
713 природѣ человѣческой? Послушай, что говоритъ праведный патріархъ о себѣ самомъ: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. xviii, 27). Съ Богомъ бесѣдовалъ онъ, и однако это достоинство не произвело въ немъ гордости; напротивъ оно именно и научило его быть смиреннымъ. А эти люди, недостойные и тѣни его, считаютъ себя больше самихъ ангеловъ, что̀ и служитъ доказательствомъ ихъ крайняго безумія. Неужели, скажи мнѣ, ты изслѣдуешь Бога, безначальнаго, неизмѣняемаго, безтѣлеснаго, нетлѣннаго, вездѣсущаго, превосходящаго все и превышающаго всякую тварь? Послушай, что̀ говорятъ о Немъ пророки, и убойся. *Призираяй на землю и творяй ю трястися* (Псал. ciii, 32); Онъ воззрѣлъ только и поколебалъ столь великую землю. *Прикасаяйся горамъ и дымятся* (Пс. ciii, 32); *трясый поднебесную изъ основаній, столпи же ея колеблются* (Іов. ix, 6); угрожающій морю и изсушающій его; *глаголяй безднѣ: опустѣеши* (Исх. xliv, 27); *море видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять, горы взыграшася яко овни, и холми яко агнцы овчіи* (Псал. cxiii, 3. 4). Вся тварь колеблется, страшится, трепещетъ; только они одни пренебрегаютъ, презираютъ, уничижаютъ собственное спасеніе, не хочу сказать—Владыку всѣхъ. Прежде я вразумлялъ ихъ примѣромъ вышнихъ силъ, ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, теперь же—

примѣромъ безчувственныхъ тварей, но они и этимъ не вразумляются. Не видишь ли это небо, какъ оно прекрасно, какъ величественно, какъ увѣнчано разнообразнымъ сонмомъ звѣздъ? Сколько лѣтъ продолжаетъ оно существовать? Пять тысячъ слишкомъ лѣтъ стоитъ оно, и такое долгое время не состарило его; но какъ юное и здоровое тѣло сохраняетъ цвѣтъ и силу, свойственныя его возрасту, такъ и небо сохранило красоту, которую получило сначала, и нисколько не сдѣлалось дряхлѣе отъ времени. Но это небо прекрасное, величественное, свѣтлое, украшенное звѣздами, крѣпкое, устоявшее въ теченіе столь долгаго времени, создалъ тотъ Богъ, Котораго ты изслѣдуешь и заключаешь въ предѣлы собственныхъ сужденій, создалъ съ такою легкостію, съ какою кто-нибудь шутя дѣлалъ бы палатку. Изображая это, Исаія говорилъ: *поставивый небо яко камару, и простеръ е, яко скинію обитати на земли* (Иса. xl, 22). Хочешь ли взглянуть и на землю? Онъ и ее сотворилъ, какъ ничто. О небѣ (пророкъ) говоритъ: *поставивый небо яко камару, и простеръ е, яко скинію обитати на земли*; а о землѣ: *содержай кругъ земли, землю аки ничтоже сотвори* (Иса. xl, 22. 23). Видишь ли, какъ онъ назвалъ *ничѣмъ* столь великую землю?

4. Представь, какую тяжесть горъ, сколько племенъ людей, сколько высокихъ и разнообразныхъ растеній, сколько городовъ, сколько огромныхъ зданій, какое множество четвероногихъ, звѣрей, пресмыкающихся и разныхъ животныхъ земля носитъ на раменахъ своихъ. И однако такую громаду Богъ создалъ такъ легко, что пророкъ не могъ найти даже подобія этой легкости, а сказалъ, что Онъ создалъ землю, какъ *ничто*. Такъ какъ величіе и красота видимаго недостаточны для изображенія могущества Создателя, но весьма далеко отстоятъ отъ величія и всего могущества Создавшаго ихъ, то пророки нашли другой способъ, посредствомъ котораго по силамъ своимъ могли нѣсколько полнѣе выразить могущество Божіе. Какой же это способъ? Они не только изображаютъ величіе тварей, но указываютъ и на способъ созданія, чтобы изъ того и другого, изъ величія тварей и изъ легкости созданія, мы могли получить, по силамъ своимъ, достойное понятіе о могуществѣ Божіемъ. Итакъ, принимай во вниманіе не только величіе 714
тварей, но и легкость, съ какою Богъ создалъ ихъ. Это объясненіе относится не только къ землѣ, но и къ самой природѣ человѣческой: ибо (пророкъ) говоритъ: *содержай кругъ земли и живущыя на ней аки пруги* (Иса. xl, 22); и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *аки капля отъ кади вси языцы предъ Нимъ* (ст. 15). Не принимай этихъ словъ поверхностно, но вникни въ нихъ и изслѣдуй: перечисли всѣ народы, сирійцевъ, киликіянъ, каппадокіянъ,

виѳинянъ, жителей Евксинскаго Понта, Фракіи, Македоніи, всей Греціи, живущихъ на островахъ, въ Италіи, за нашею областію, на островахъ британскихъ, савроматовъ, индійцевъ, населяющихъ землю персидскую, и другіе безчисленные народы и племена, которыхъ и по именамъ мы не знаемъ; всѣ эти народы, говоритъ (пророкъ), *аки капля отъ кади предъ Нимъ*. Какую же, скажи мнѣ, часть этой капли составляешь ты, испытующій Бога, предъ Которымъ всѣ народы, *аки капля отъ кади?* Но для чего говорить о небѣ, землѣ, морѣ и природѣ человѣческой? Взойдемъ мыслію на небо и обратимся къ ангеламъ. Вы конечно знаете, что одинъ только ангелъ равносиленъ этой видимой твари, или даже гораздо важнѣе ея. Если весь міръ не достоинъ праведнаго человѣка, какъ говоритъ Павелъ: *ихъ же не бѣ достоинъ сей міръ* (Евр. XI, 38); то тѣмъ болѣе онъ не можетъ быть достойнымъ ангела, потому что ангелы гораздо выше праведниковъ. И однако существуютъ миріады миріадъ ангеловъ, существуютъ и тысячи тысячъ архангеловъ, престолы, господства, начала, власти, безчисленные сонмы безтѣлесныхъ силъ и неисповѣдимые роды ихъ, и всѣ эти силы (Богъ) сотворилъ съ такою легкостію, которой не можетъ выразить никакое слово. Для всего этого Ему достаточно было только захотѣть, и какъ для насъ хотѣніе не составляетъ труда, такъ для Него—созданіе столь многихъ и столь великихъ силъ. Выражая это, пророкъ сказалъ: *вся, елика восхотѣ, сотвори на небеси и на земли* (Пс. CXXXIV, 6). Видишь ли, что не только для созданія живущихъ на землѣ, но и для сотворенія вышнихъ силъ Ему достаточно было одного хотѣнія? Слыша это, скажи мнѣ, какъ не оплакиваешь себя и не скрываешься въ землю ты, дошедшій до такой степени безумія, что Бога, Которому слѣдовало бы только воздавать славословіе и поклоняться, ты усиливаешься изслѣдовать и испытывать, какъ что-нибудь изъ предметовъ самыхъ маловажныхъ? Посему и Павелъ, исполненный великой мудрости, созерцая несравненное превосходство Божіе и немощь природы человѣческой, негодуетъ на испытующихъ дѣла домостроительства Его и, съ великою силою укоряя ихъ, говоритъ: *тѣмже убо, человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови* (Рим. IX, 20)? Кто ты? Вникни прежде въ свою природу; невозможно найти названія, которое могло бы выразить твою немощь.

5. Но ты скажешь: я человѣкъ, почтенный свободою. Ты почтенъ не для того, чтобы употреблять свободу на прекословіе, а для того, чтобы употреблять эту честь на послушаніе Почтившему. Богъ почтилъ тебя не для того, чтобы ты оскорблялъ Его, но чтобы
715 прославлялъ; оскорбляетъ же Бога тотъ, кто изслѣдуетъ существо Его. Если не изслѣдовать обѣщаній Его—значитъ прославлять Его,

то испытывать и изслѣдовать не изреченія только, но самого Изрекшаго, значитъ безчестить Его. А что не изслѣдовать обѣщаній Его— значитъ прославлять Его, видно изъ словъ Павла, который говоритъ объ Авраамѣ, его послушаніи и вѣрѣ во всемъ: *усмотри своея плоти уже умерщвленныя, и мертвости ложеснъ Сарриныхъ: во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою* (Римл. IV, 19. 20). Природа и возрастъ, говоритъ онъ, повергали его въ отчаяніе, но вѣра поддержала благія надежды. *Но возможе вѣрою, давъ славу Богови, и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити* (ст. 21). Видишь ли, какъ Авраамъ, увѣренный въ томъ, что̀ обѣщаетъ Богъ, воздаетъ славу Богу? Итакъ, если тотъ, кто вѣритъ Богу, воздаетъ Ему славу, то тотъ, кто не вѣритъ Ему, обращаетъ безчестіе Его на свою собственную голову. *Ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови* (Римл. IX, 20)? Потомъ, желая показать различіе между человѣкомъ и Богомъ, апостолъ показалъ это, хотя не столько, сколько слѣдовало бы, но такъ, что изъ приведеннаго подобія можно получить понятіе и о гораздо большемъ ихъ различіи. Что говоритъ онъ? *Еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако; или не иматъ власти скуделникъ на брѣніи, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (Римл. IX, 20. 21)? Что говоришь ты? Неужели я долженъ быть подвластнымъ Богу такъ, какъ бреніе скудельнику? Да, говоритъ онъ; такое различіе между человѣкомъ и Богомъ, какое между бреніемъ и скудельникомъ, или лучше сказать, не такое различіе, но гораздо большее. У бренія и скудельника одно естество, какъ и у Іова сказано: не говорю о *живущихъ въ бренныхъ храминахъ, отъ нихже и мы сами отъ тогожде бренія есмы* (Іов. IV, 19). Если же человѣкъ кажется лучше и благообразнѣе бренія, то это различіе произошло не отъ разности въ существѣ ихъ, но отъ мудрости Художника, такъ какъ (въ сущности) ты ничѣмъ не отличаешься отъ бренія. Если же не вѣришь, то пусть убѣдятъ тебя могилы и гробницы; подошедши къ гробамъ предковъ, ты убѣдишься, что это дѣйствительно такъ. Между бреніемъ и скудельникомъ нѣтъ различія; а между Богомъ и людьми такое различіе по существу, какого ни слово представить, ни умъ измѣрить не можетъ. Поэтому, какъ бреніе слѣдуетъ за руками скудельника, куда бы онъ ни направилъ и ни подвинулъ его, такъ и ты, подобно бренію, будь безгласенъ, когда Богъ желаетъ устроить что-нибудь. Впрочемъ Павелъ сказалъ это не для того, чтобы отнять у насъ свободу и унизить нашу самостоятельность (да не будетъ!); но для того, чтобы съ большею силою обуздать нашу самонадѣянность; если угодно, разсмотримъ и это. Что̀ желали нѣкогда узнать тѣ, которымъ Павелъ столь сильно

заградилъ уста? Существо ли Божіе они изслѣдовали? Нѣтъ; на это никто никогда не дерзалъ; но они желали знать гораздо меньшее—дѣла домостроительства Божія; напримѣръ, почему такой-то наказывается, а такой-то получаетъ помилованіе; почему такой-то освобождается отъ наказанія, а другой страдаетъ, одинъ получаетъ прощеніе, а другой не получаетъ, —это и подобное тому они желали знать. Откуда это видно? Изъ предыдущихъ словъ Павла; онъ сначала сказалъ: *тѣмже убо егоже хощетъ, милуетъ, а егоже хощетъ, ожесточаетъ: речеши убо ми: чесо ради еще укоряетъ;*
716 *воли бо Его кто противитися можетъ;* а потомъ присовокупилъ: *тѣмже убо, о человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови* (Римл. IX, 18—20)? Итакъ Павелъ заграждаетъ уста людей, хотѣвшихъ изслѣдовать дѣла домостроительства Божія. Онъ не позволяетъ имъ даже этого; а ты, изслѣдуя блаженное всеустрояющее Существо, не считаешь себя достойнымъ тысячи молній? Не крайнее ли это безуміе? Послушай, что говоритъ пророкъ, или лучше, Богъ чрезъ него: *аще отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя; и аще Господь есмь Азъ, то гдѣ есть страхъ Мой* (Мал. I, 6)? Кто страшится, тотъ не изслѣдуетъ, но покланяется, не испытываетъ, но славословитъ и прославляетъ. Пусть научатъ тебя этому и вышнія силы и блаженный Павелъ; укоряя другихъ, онъ и самъ не имѣлъ противоположнаго настроенія. Послушай, что̀ говоритъ онъ Филиппійцамъ; объясняя, что онъ имѣетъ частное знаніе, а еще не всецѣлое, какъ онъ говорилъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *отъ части разумѣваемъ* (1 Кор. XIII, 9), онъ и теперь повторяетъ: *братіе, азъ себе не у помышляю достигша* (Фил. III, 13). Что яснѣе этихъ словъ? Громче трубы онъ провозгласилъ, научая всю вселенную довольствоваться данною мѣрою знанія, и любить ее, и не думать—когда-нибудь постигнуть все. Что, скажи мнѣ, говоришь ты? Ты имѣешь Христа, вѣщающаго въ тебѣ, и говоришь: *азъ себе не у помышляю достигша?* Потому, отвѣчаетъ онъ, я и сказалъ это, что я имѣю Христа, вѣщающаго во мнѣ; Онъ самъ научилъ меня этому. Такъ и эти люди, если бы не были совершенно лишены помощи Духа и не отклонили отъ души своей всякое Его дѣйствіе, то, слыша слова Павла: *не у помышляю себе достигша*, не думали бы, что они сами постигли все.

6. Откуда, скажутъ, видно, что Павелъ говоритъ это о вѣрѣ и знаніи и догматахъ, а не о жизни и поведеніи, и что его слова не значатъ: я считаю себя несовершеннымъ въ жизни и поведеніи? Это особенно онъ объяснилъ словами: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. IV, 7. 8). Надѣющійся получить вѣнецъ и окончившій шествіе не сказалъ бы: *не у помышляю*

себе достигша. Притомъ никому изъ людей не безъизвѣстно, что должно и чего не должно дѣлать, но это извѣстно и вѣдомо всѣмъ, и варварамъ, и персамъ, и всему роду человѣческому. Впрочемъ, дабы яснѣе представить то, чтò я говорю, прочту этотъ отдѣлъ посланія по порядку. Сказавъ: *блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей* (Фил. III, 2), и предложивъ многое о тѣхъ, которые неблаговременно вводили іудейское ученіе, Павелъ продолжаетъ: *яже ми бяху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету: но убо вмѣняю вся тщету быти, да обрящуся не имый правды, яже отъ закона, но яже вѣрою Іисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду* (ст. 7—9). Потомъ объясняетъ, какою вѣрою: *еже разумѣти Его и силу воскресенія Его, и сообщеніе страстей Его* (ст. 10). Что значитъ: *силу воскресенія Его?* Показанъ нѣкоторый новый образъ воскресенія, говоритъ онъ; ибо многіе 717
мертвые воскресали и прежде Христа, но такъ, какъ Онъ, не воскресъ ни одинъ. Всѣ другіе воскресавшіе опять возвращались въ землю, и, освободившись на время отъ владычества смерти, опять подвергались ея власти; а тѣло Господа по воскресеніи не возвратилось въ землю, но вознеслось на небеса, разрушило всю власть врага, воскресило вмѣстѣ съ собою всю вселенную и нынѣ сидитъ на царскомъ престолѣ. Представляя все это и объясняя, что никакой умъ не можетъ постигнуть столь многихъ и столь великихъ чудесъ, а одна только вѣра можетъ познать и ясно представить ихъ, Павелъ сказалъ: *вѣрою разумѣти силу воскресенія Его*. Если умъ не можетъ постигнуть и простого воскресенія (такъ какъ оно выше человѣческой природы и порядка вещей), то какой умъ въ состояніи будетъ постигнуть воскресеніе, столько отличающееся отъ другихъ воскресеній? Никакой; но намъ нужна одна вѣра, которою мы могли бы убѣдиться, что умершее тѣло и воскресло, и перешло въ жизнь безсмертную, не имѣющую ни предѣла, ни конца; это Павелъ выражаетъ и въ другомъ мѣстѣ: *Христосъ*, говоритъ онъ, *воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ, смерть имъ ктому не обладаетъ* (Римл. VI, 9). Здѣсь двойное чудо: воскреснуть и воскреснуть такимъ именно образомъ. Посему Павелъ и сказалъ: *вѣрою разумѣти силу воскресенія Его*. Если же воскресенія невозможно постигнуть умомъ, то не тѣмъ ли болѣе—вышняго рожденія? Разсуждая объ этомъ, бесѣдуя и о крестѣ и страданіи, Павелъ отнесъ и это къ силѣ вѣры; потомъ, окончивъ рѣчь объ этомъ, онъ далѣе сказалъ: *братіе, азъ себе не у помышляю достигша* (Фил. III, 13). Не сказалъ: *азъ себе не у помышляю познавша*, но: *достигша*; не приписалъ себѣ ни совершеннаго невѣдѣнія, ни совершеннаго знанія. Сказавъ: *не у помышляю себе достигша*, онъ выразилъ, что находится еще на

пути, идетъ и подвигается впередъ, а конца еще не достигъ. Тоже совѣтуетъ онъ и другимъ и говоритъ такъ: *елицы совершенни, сіе да мудрствуимъ, и еже аще ино что мыслите, и сіе Богъ вамъ открыетъ* (Фил. III, 15). Не умъ научитъ, говоритъ онъ, но Богъ откроетъ. Видишь ли, что рѣчь идетъ не о жизни и поведеніи, а о догматахъ и вѣрѣ? Не поведеніе и жизнь имѣютъ нужду въ откровеніи, а догматы и знаніе. И въ другомъ мѣстѣ объясняя тоже самое, онъ сказалъ: *аще кто мнится вѣдѣти что, не у что разумѣ;* не сказалъ просто: *не у что разумѣ*, но прибавилъ: *якоже подобаетъ разумѣти* (1 Кор. VIII, 2); т. е. хотя онъ и имѣетъ знаніе, но неточное и несовершенное.

7. А чтобы тебѣ убѣдиться, что это истинно, не будемъ болѣе разсуждать о вышнемъ, но, если угодно, поведемъ рѣчь о видимой твари внизу. Видишь ли это небо? Мы знаемъ, что оно имѣетъ видъ свода, и это мы узнали не по соображеніямъ ума, но изъ божественнаго Писанія (Иса. XL, 22); знаемъ и то, что оно объемлетъ всю землю, слышавъ объ этомъ также изъ Писанія; а каково оно по существу своему, не знаемъ. Если же кто будетъ опровергать и спорить, тотъ пусть скажетъ, что такое небо по существу своему: кристаллъ ли затвердѣлый, облако ли сгустившееся, или
718 воздухъ плотнѣйшій? Никто не можетъ сказать объ этомъ ясно. Итакъ, скажи мнѣ, нужны ли еще доказательства, чтобы убѣдиться въ безуміи тѣхъ, которые говорятъ, что они познали Бога? Ты ничего не можешь сказать о природѣ неба, видимаго ежедневно, а утверждаешь, будто въ точности позналъ существо невидимаго Бога? Кто столь нечувствителенъ, чтобы не осуждать крайняго безумія говорящихъ это? Посему увѣщеваю всѣхъ васъ стараться по силамъ вашимъ врачевать ихъ, какъ впадшихъ въ болѣзнь сумасшествія и безумствующихъ, бесѣдуя съ ними снисходительно и кротко. Ихъ ученіе произошло у нихъ отъ безумія, и велика надменность ума ихъ; а воспалившіяся раны не выносятъ наложенія руки и не терпятъ крѣпкаго прикосновенія. Посему благоразумные врачи отираютъ такія раны какою-нибудь мягкою губкою. Итакъ, если и въ душѣ этихъ людей есть воспалившаяся рана, то мы, собравъ все сказанное, какъ бы напоивъ какую-нибудь нѣжную губку пріятною и полезною водою, постараемся успокоить ихъ воспаленіе и уничтожить всю надменность; и хотя бы они оскорбляли, хотя бы отталкивали, хотя бы плевали, и что ни дѣлали бы, ты, возлюбленный, не прекращай врачеванія. Врачующимъ человѣка сумасшедшаго необходимо терпѣть много подобнаго; и не смотря на все это отступать не слѣдуетъ, но поэтому особенно и нужно сокрушаться о нихъ и плакать, что таковъ родъ ихъ болѣзни. Это говорю я тѣмъ, которые болѣе сильны и тверды и не могутъ по-

лучить никакого вреда отъ сообщенія съ больными; а кто болѣе слабъ, тотъ пусть избѣгаетъ ихъ сообщества, пусть удаляется отъ разговоровъ съ ними, чтобы дружественное отношеніе не послужило поводомъ къ нечестію. Такъ поступалъ и Павелъ; самъ обращался съ больными и говорилъ: *быхъ Іудеемъ, яко Іудей, беззаконнымъ, яко беззаконенъ* (1 Кор. IX, 20. 21); а учениковъ и болѣе слабыхъ отклонялъ отъ этого, увѣщевая и научая такъ: *тлятъ обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. XV, 33); и еще: *изыдите отъ среды ихъ и отлучитеся, глаголетъ Господь* (2 Кор. VI, 17). Если врачъ приходитъ къ больному, то часто приноситъ пользу и ему и самому себѣ; а несвѣдущій, обращаясь съ больными, вредитъ и самому себѣ и больному; больному онъ не можетъ доставить никакой пользы, а самому себѣ причинитъ большой вредъ отъ болѣзни. Чему подвергаются тѣ, которые смотрятъ на больныхъ глазами, заражаясь отъ нихъ этою болѣзнію, тоже испытываютъ и вступающіе въ общеніе съ богохульниками: если сами они слабы, то могутъ усвоить себѣ великую часть ихъ нечестія. Итакъ, чтобы намъ не причинить себѣ величайшаго вреда, будемъ избѣгать ихъ сообщества, будемъ только молить и просить человѣколюбиваго Бога, *иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. II, 4); да избавитъ ихъ отъ заблужденія и діавольской сѣти и приведетъ къ свѣту познанія, къ Богу и Отцу Господа нашего Іисуса Христа, съ животворящимъ и всесвятымъ Духомъ, Которому слава и держава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРЕТІЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «о непостижимомъ и о томъ, что даже снисхожденіе Божіе невыносимо для серафимовъ».

ТРУДОЛЮБИВЫЕ земледѣльцы, видя безплодное и негодное 719
дерево, препятствующее трудамъ ихъ и вредящее нѣжнымъ растеніямъ и твердостію корня и густотою, старательно вырубаютъ его. Часто и вѣтеръ, подувшій откуда-нибудь, помогаетъ имъ въ этой работѣ; устремляясь на вѣтви дерева и сильно потрясая его, онъ сокрушаетъ и повергаетъ его на землю, и такимъ образомъ много облегчаетъ трудъ земледѣльцевъ. Такъ какъ и мы посѣкаемъ дерево дикое и негодное—ересь аномеевъ, то помолимся Богу о ниспосланіи намъ благодати Духа, чтобы она, устремившись сильнѣе всякаго вѣтра, исторгла съ корнемъ эту ересь, и тѣмъ облегчила трудъ нашъ. Какъ земля, запущенная и не воз-

дѣлываемая руками земледѣльцевъ, часто произращаетъ изъ нѣдръ своихъ дурныя травы, множество тернія и дикія деревья, такъ и душа аномеевъ, пустая и незанятая упражненіемъ въ Писаніяхъ, сама по себѣ и изъ себя произрастила дикую и негодную ересь. Этого дерева ни Павелъ не насаждалъ, ни Аполлосъ не напоялъ, ни Богъ не возращалъ, а насадила его неумѣстная пытливость умствованій, напоила горделивая надменность и возрастила страсть тщеславія. Намъ нуженъ пламень Духа, чтобы не только исторгнуть, но и сжечь этотъ злой корень. Призовемъ же Бога, ими хулимаго, а нами прославляемаго, и помолимся, чтобы Онъ и языку моему даровалъ бо́льшую силу, и умъ мой разверзъ для яснѣйшаго раскрытія предмета рѣчи. Весь трудъ нашъ для Него и для Его славы, или лучше, для собственнаго нашего спасенія. Богу никто не можетъ ни порицаніемъ повредить, ни славословіемъ доставить бо́льшую славу, но Онъ всегда остается въ своей славѣ, не возвеличиваясь отъ славословій и не умаляясь отъ хуленій; и тѣ изъ людей, которые прославляютъ Его по достоинству,—впрочемъ никто не можетъ прославлять Его по достоинству, а только по своей силѣ, — получаютъ себѣ пользу отъ этого славословія; тѣ же, которые хулятъ и уничижаютъ Его, вредятъ собственному спасенію. Изреченіе: *вергаяй камень на высоту, на главу свою вергаетъ*, сказалъ нѣкто о богохульникахъ (Сир. XXVII, 28). Какъ тотъ, кто бросаетъ въ высоту камень, не можетъ пронзить вещества неба и даже докинуть до высоты его, но принимаетъ ударъ на собственную голову, потому что камень обратно летитъ на бросившаго; такъ точно и тотъ, кто хулитъ блаженное Существо Божіе, никогда не можетъ нисколько повредить Ему,—ибо Оно столь велико и высоко,
720 что не доступно ни для какого вреда,—но самъ изощряетъ мечъ на свою душу, оказываясь неблагодарнымъ Благодѣтелю. Призовемъ же самого Бога неизреченнаго, неуразумѣваемаго, невидимаго, непостижимаго, побѣждающаго силу человѣческаго языка, превосходящаго понятіе смертнаго ума, неизслѣдимаго для ангеловъ, незримаго для серафимовъ, непостижимаго для херувимовъ, невидимаго для началъ, властей, силъ и вообще для всякой твари, а познаваемаго только Сыномъ и Святымъ Духомъ. Знаю, что будутъ осуждать слова мои за дерзновеніе, съ которымъ я сказалъ, что Онъ непостижимъ и для вышнихъ силъ; а я при этомъ буду осуждать ихъ великое безуміе и гордость. Дерзко — не то, когда говорятъ, что Создатель выше разумѣнія всѣхъ тварей, но когда утверждаютъ, что Непостижимаго для вышнихъ силъ могутъ изъяснить и обнять своими слабыми умами тѣ, которые пресмыкаются внизу и столь далеко отстоятъ отъ тѣхъ существъ. Впрочемъ, если я не докажу того, что обѣщалъ, то по справедливости могу

подвергнуться обвиненію въ дерзости; но если вы и послѣ того, какъ я докажу, что Богъ непостижимъ для вышнихъ силъ, еще будете спорить и утверждать, будто вы познали Его, то какихъ пропастей, какихъ стремнинъ будете достойны вы, хвалящіеся точнымъ знаніемъ Незримаго для всѣхъ безтѣлесныхъ силъ?

2. Итакъ, приступимъ теперь къ самымъ доказательствамъ, обратившись предъ рѣчью опять къ молитвѣ; потому что самое упражненіе въ молитвѣ можетъ доставить намъ доказательство въ пользу искомаго. Призовемъ же Царя царствующихъ и Господа господствующихъ, единаго имѣющаго безсмертіе и живущаго во свѣтѣ неприступномъ, *Его же никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ, Ему же честь и держава вѣчная, аминь* (1 Тим. VI, 15. 16). Это не мои слова, а Павловы; ты же обрати вниманіе на благочестіе души его и укоренившуюся въ ней любовь. Вспомнивъ о Богѣ, онъ позволилъ себѣ приступить къ изложенію ученія не прежде, какъ воздалъ Ему должное, заключивъ рѣчь славословіемъ. Если *память праведнаго съ похвалами* (Притч. X, 7), то тѣмъ болѣе воспоминаніе о Богѣ — съ благохваленіемъ. Тоже Павелъ дѣлаетъ и въ началѣ посланій; часто, начиная посланіе и вспомнивъ о Богѣ, онъ не прежде приступаетъ къ ученію, какъ воздавъ Ему должное славословіе. Послушай, какъ говоритъ онъ въ посланіи къ Галатамъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога отца нашего и Господа Іисуса Христа, давшаго себе по грѣсѣхъ нашихъ, яко да избавитъ насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго, по воли Бога и Отца, Ему же слава во вѣки, аминь* (Гал. I, 3—5). И еще въ другомъ мѣстѣ: *Царю же вѣковъ нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во вѣки, аминь* (1 Тим. I, 17). Но, 721 можетъ быть, онъ дѣлаетъ такъ только въ отношеніи къ Отцу, а въ отношеніи къ Сыну не такъ? Послушай, какъ онъ и въ отношеніи къ Единородному дѣлаетъ то же самое; сказавъ: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти*, онъ присовокупилъ: *ихже всыновленіе и завѣти, и законоположеніе, и служенія, и обѣтованія, отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, аминь* (Римл. IX, 3—5). Какъ Отцу, такъ и Единородному онъ сначала воздалъ славословіе, а потомъ и приступилъ къ продолженію рѣчи; потому что слышалъ слова Христа: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. V, 23). А чтобы вы убѣдились, что самая молитва можетъ доставить намъ доказательство, теперь и представимъ это. *Царь царствующихъ*, говоритъ онъ, *и Господь господствующихъ, единъ имѣяй безсмертіе и во свѣтѣ живый неприступнѣмъ* (1 Тим. VI, 15. 16). Здѣсь остановись и спроси

еретика, что значитъ: *во свѣтѣ живый неприступнѣмъ*, и обрати вниманіе на точность выраженій Павла. Не сказалъ онъ: сущій свѣтомъ неприступнымъ, но: *во свѣтѣ живый неприступнѣмъ*, дабы ты зналъ, что если жилище неприступно, то гораздо болѣе живущій въ немъ Богъ. Это сказалъ онъ не для того, чтобы ты подразумѣвалъ жилище и мѣсто у Бога, но чтобы ты съ бóльшимъ убѣжденіемъ призналъ непостижимость Его. Притомъ не сказалъ: *во свѣтѣ живый* непостижимомъ, но: *неприступнѣмъ*, что̀ гораздо больше непостижимости. Непостижимымъ называется то, что хотя изслѣдовано и найдено, но остается непонятнымъ для ищущихъ его; а неприступное—то, что не допускаетъ и начала изслѣдованія и къ чему никто не можетъ приблизиться. Напримѣръ, непостижимымъ называется то море, въ которомъ погружаясь водолазы, даже спускающіеся въ далекую глубину, не могутъ достигнуть конца; а неприступнымъ называется то, чего и въ началѣ невозможно ни искать, ни изслѣдовать.

3. Что ты скажешь на это? Для людей, скажешь, Онъ непостижимъ, но не для ангеловъ, не для вышнихъ силъ. Итакъ ты ангелъ, скажи мнѣ, и принадлежишь къ сонму безтѣлесныхъ силъ? Развѣ ты не человѣкъ и не одной со мною природы, или ты забылъ и о своей природѣ? Положимъ, что Богъ неприступенъ только для людей, хотя этого не прибавлено, и не сказалъ Павелъ: для людей *во свѣтѣ живый неприступнѣмъ*, а для ангеловъ не въ неприступномъ; однако, если угодно, допустимъ это; но ты самъ развѣ не человѣкъ? Хотя бы Онъ и не былъ неприступнымъ для ангеловъ, ка̀къ это относится къ тебѣ, который состязаешься, изслѣдуешь и утверждаешь, что Его существо постижимо для человѣческой природы? А чтобы ты убѣдился, что Онъ неприступенъ не только для людей, но и для вышнихъ силъ, послушай, что говоритъ Исаія; когда же я называю Исаію, то привожу изреченіе Духа; ибо пророкъ вѣщаетъ все по внушенію Духа. *И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и серафими стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому и шесть крилъ другому, и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя* (Иса. vi, 1.
722 2). Почему, скажи мнѣ, они покрываютъ лица и ограждаются крыльями? По чему же иному, какъ не потому, что не могутъ выносить блеска и лучей, исходящихъ отъ престола? Между тѣмъ они созерцали еще не самый свѣтъ безпримѣсный и не самую сущность чистую, но созерцаемое ими было только *снисхожденіемъ*. Что такое *снисхожденіе?* То, когда Богъ является не такъ, какъ Онъ есть, но показываетъ Себя столько, сколько имѣющій созерцать Его способенъ къ этому, приспособляя явленіе лица къ немощи созер-

щающихъ. А что это было снисхожденіе, видно изъ самыхъ словъ: *видѣхъ*, говоритъ пророкъ, *Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ*; но Богъ не сидитъ, потому что это положеніе свойственно только тѣламъ; и *на престолѣ*; но Богъ не объемлется престоломъ, потому что Божество неограниченно. Однако серафимы не могли сносить и снисхожденія, хотя стояли близко: *серафимы стояху окрестъ Его*. Потому самому они и не могли взирать, что были близко; впрочемъ словомъ *окрестъ* не мѣсто означается, но этимъ словомъ Духъ Святый благоволилъ показать, что хотя серафимы находятся ближе насъ къ существу Божію, однако и они не могутъ созерцать Его; поэтому пророкъ и говоритъ: *и серафими стояху окрестъ Его*, означая этимъ не мѣсто, но близостію по мѣсту выражая, что они ближе насъ къ Богу; ибо мы не такъ знаемъ непостижимое, какъ небесныя силы, насколько онѣ чище и мудрѣе и прозорливѣе человѣческой природы. Какъ нестерпимость солнечныхъ лучей не столько извѣстна слѣпому, сколько зрячему, такъ и непостижимость Божію не столько знаемъ мы, сколько онѣ; ибо какъ велико отличіе слѣпого отъ зрячаго, таково же различіе между нами и ими. Такимъ образомъ, слыша слова пророка: *видѣхъ Господа*, не предполагай, что онъ видѣлъ самое существо Его, но только снисхожденіе, и притомъ темнѣе, нежели вышнія силы, такъ какъ онъ не могъ видѣть столько, сколько херувимы.

4. Но что я говорю объ этомъ блаженномъ Существѣ, когда для человѣка невозможно безъ страха взирать и на существо ангельское? Чтобы вы убѣдились въ справедливости этого, я представлю вамъ человѣка, друга Божія, имѣвшаго великое дерзновеніе по мудрости и праведности и прославившагося многими другими совершенствами, святого Даніила. Когда я скажу, какъ онъ изнемогалъ, ослабѣвалъ и падалъ при появленіи ангела, то никто пусть не думаетъ, будто онъ испытывалъ это по причинѣ своей грѣховности и нечистой совѣсти; но, если несомнѣнно душевное его дерзновеніе, то ясно обнаруживается въ томъ немощь природы. Даніилъ постился три седмицы дней, *хлѣба вождельннаго не ѣлъ, и мясо и вино и сикера не входили въ уста его, и мастію не мазался* (Дан. х, 3). Когда же душа его, сдѣлавшись посредствомъ поста легче и духовнѣе, стала болѣе способною къ принятію явленія, тогда онъ и увидѣлъ видѣніе. Что же говоритъ онъ? *Воздвигохъ очи мои, и видѣхъ, и се мужъ облеченъ въ ризу льняну*, т. е. въ одежду священную, *и чресла его препоясана златомъ свѣтлымъ, тѣло же его аки ѳарсисъ, лице же его аки зрѣніе молніи, очи же его аки свѣщы огнены, и мышцы его и голени аки* 723
зракъ мѣди блещащіяся, гласъ же словесъ его аки гласъ народа.

И видѣхъ азъ единъ явленіе, а мужи иже со мною не видѣша, но ужасъ великій нападе на нихъ, и отбѣгнуша въ страсѣ, и не оста во мнѣ крѣпость, и слава моя обратися въ разсыпаніе (Дан. х, 5—8). Что значитъ: *слава моя обратися въ разсыпаніе?* Даніилъ былъ благообразный юноша; но страхъ при появленіи ангела такъ измѣнилъ его, какъ измѣняются обмирающіе, произвелъ великую блѣдность и уничтожилъ здоровый цвѣтъ и всю свѣжесть лица его; почему онъ и говоритъ: *обратися слава моя въ разсыпаніе.* Когда возница испугается и выпуститъ вожжи, то всѣ лошади несутся стремглавъ, и самая колесница опрокидывается; такъ обыкновенно бываетъ и съ душею, когда ею овладѣваетъ страхъ и ужасъ; испугавшись и какъ бы опустивъ вожжи своего вліянія на каждое изъ тѣлесныхъ чувствъ, она оставляетъ эти члены свободными, и они, не сдерживаемые ея силою, падаютъ и изнемогаютъ, какъ случилось тогда и съ Даніиломъ. Что же ангелъ? Онъ поднялъ его и сказалъ: *Даніиле, мужу желаній, разумѣй въ словесѣхъ сихъ, яже азъ глаголю къ тебѣ, и стани на стояніи своемъ, яко нынѣ посланъ есмь къ тебѣ* (Дан. х, 11). Онъ всталъ въ трепетѣ. Когда же опять ангелъ сталъ говорить ему и сказалъ: *отъ дне, въ оньже подалъ еси сердце твое еже трудитися предъ Богомъ, услышана быша словеса твоя, азъ же пріидохъ въ словесѣхъ твоихъ* (ст. 12), то онъ снова упалъ на землю, какъ случается съ обмирающими. Обмершіе, пробудившись, пришедши въ себя и увидѣвъ, что мы держимъ ихъ и окропляемъ лице ихъ холодною водою, часто опять обмираютъ на рукахъ нашихъ; такъ случилось и съ пророкомъ. Душа его отъ страха не могла снести даже вида явившагося (небеснаго) сослужителя своего и вынесть этого свѣта, смутилась и порывалась освободиться отъ узъ плоти, какъ бы отъ какихъ оковъ; но онъ еще удержалъ ее. Пусть выслушаютъ это тѣ, которые изслѣдуютъ Владыку ангеловъ. Даніилъ, который смущалъ глаза львовъ и въ человѣческомъ тѣлѣ имѣлъ силу выше человѣческой, не вынесъ присутствія небожителя, но повергся бездыханнымъ: *обратися,* говоритъ онъ, *утроба моя въ видѣніи моемъ, и дыханіе не оста во мнѣ* (ст. 16. 17). А тѣ, которые столь далеки отъ добродѣтели этого праведника, хвалятся, что они со всею точностію познали самое Существо высочайшее, начальное и сотворившее миріады этихъ ангеловъ, изъ которыхъ даже одного созерцать Даніилъ не имѣлъ силы.

5. Но обратимъ рѣчь къ прежнему предмету и покажемъ, что Богъ недоступенъ взорамъ и вышнихъ силъ, даже и въ своемъ снисхожденіи. Почему, скажи мнѣ, серафимы ограждаются крыльями? Этимъ своимъ дѣйствіемъ они возвѣщаютъ апостольское изреченіе: *во свѣтѣ живый неприступнѣмъ* (1 Тим. VI, 16), и не

только они, но и высшіе ихъ—херувимы. Серафимы стоятъ вблизи, а херувимы служатъ Богу престолами; это сказано о херувимахъ не потому, чтобы Богъ нуждался въ престолѣ, а чтобы отсюда ты 724
уразумѣлъ достоинство этихъ силъ. Послушай, что́ говоритъ о нихъ и другой пророкъ: *и бысть слово Господне ко Іезекіилю, сыну Вузіеву, при рѣцѣ Ховаръ* (Іезек. I, 3). Іезекіиль стоялъ тогда при рѣкѣ Ховаръ, а Даніилъ при рѣкѣ Тигрѣ. Когда Богъ намѣревается показать рабамъ своимъ какое-нибудь дивное видѣніе, то выводитъ ихъ изъ городовъ на мѣсто удаленное отъ шума, чтобы душа не развлекалась ничѣмъ, ни видимымъ, ни слышимымъ, но, наслаждаясь спокойствіемъ, вся занялась созерцаніемъ видѣнія. Что же видѣлъ онъ? *Се облакъ*, говоритъ онъ, *грядяше отъ сѣвера, и свѣтъ окрестъ, и огнь блистаяйся, и посредѣ его яко видѣніе илектра, и свѣтъ въ немъ, и посредѣ подобіе четырехъ животныхъ: сіе видѣніе ихъ, подобіе человѣка въ нихъ. И четыри лица единому, и четыри крила единому. И высота бяше имъ*, и страшны были, *и плещы ихъ исполнены очесъ, окрестъ четыремъ, и подобіе надъ главою ихъ яко твердь, яко видѣніе кристалла* страшное, *простертое надъ* главою *ихъ свыше, и крила ихъ комуждо два, прикрывающе тѣлеса ихъ. И надъ твердію яко видѣніе камене сапфира, и подобіе престола на немъ, и на подобіи престола подобіе якоже видъ человѣчь сверху. И видѣхъ яко видѣніе илектра, отъ видѣнія чреслъ и выше и отъ видѣнія чреслъ даже до долу, видѣніе огня, и свѣтъ его яко видѣніе дуги, егда есть на облацѣхъ въ день дождя* (Іезек. I, 4—6. 18—28). И послѣ всего этого пророкъ, желая показать, что ни онъ самъ, ни небесныя силы не приближались къ чистому Существу, говоритъ: *сіе видѣніе подобіе славы Господни* (Іез. II, 1). Видишь ли и тамъ и здѣсь снисхожденіе? Однако и эти силы закрываютъ себя крыльями по той же причинѣ, хотя онѣ суть мудрѣйшія, разумнѣйшія и чистѣйшія силы. Откуда это видно? Изъ самыхъ названій ихъ. Какъ ангелъ называется такъ потому, что возвѣщаетъ людямъ повелѣнія Божіи, и архангелъ называется такъ потому, что начальствуетъ надъ ангелами, такъ и тѣ небесныя силы носятъ названія, показывающія намъ ихъ мудрость и чистоту; и какъ вообще крылья показываютъ высоту естества,—Гавріилъ представляется летящимъ не потому, чтобы у ангела были крылья, но чтобы ты зналъ, что онъ является человѣческому роду изъ высочайшихъ мѣстъ и вышнихъ обителей,—такъ и у нихъ крылья означаютъ не что иное, какъ высоту естества ихъ. Итакъ, крылья означаютъ высоту естества, престолъ—то, что на нихъ почиваетъ Богъ, глаза—прозорливость, присутствіе близъ престола и непрестанное славословіе Бога — неусыпность и бодрость; точно также и названія однихъ

означаютъ мудрость, а другихъ—чистоту. Что значитъ: херувимъ? Полное вѣдѣніе. А что—серафимъ? Пламенныя уста. Видишь ли, какъ названія выражаютъ и чистоту и мудрость? Если же тѣ, которые обладаютъ полнымъ вѣдѣніемъ, не могутъ ясно созерцать даже снисхожденія Божія, а имѣютъ частное знаніе, какъ говоритъ Павелъ: *отъ части разумѣваемъ*, и *зерцаломъ*, и *въ гаданіи* (1 Кор. XIII, 12); то какое было бы безуміе — считать для себя извѣстнымъ и явнымъ то́, что́ и для нихъ незримо?

725 6. Я желалъ бы теперь доказать, что Богъ непостижимъ не только для херувимовъ и серафимовъ, но и для началъ, и властей и всякой сотворенной силы; но умъ нашъ утомился, не отъ обилія, но отъ страшнаго содержанія предметовъ рѣчи. Душа трепещетъ и ужасается, долго занимаясь вышними созерцаніями. Низведемъ же съ небесъ и успокоимъ ее, объятую ужасомъ, обратившись къ обычному утѣшенію. Въ чемъ это утѣшеніе? Въ молитвѣ о томъ, чтобы страждущіе этою болѣзнію когда-нибудь выздоровѣли. Если намъ повелѣно умолять Бога о больныхъ, о находящихся въ рудникахъ и въ тяжкомъ рабствѣ и одержимыхъ (демонами), то не гораздо ли болѣе (нужно молиться) о такихъ людяхъ? Нечестіе хуже демона; неистовство бѣсноватыхъ можетъ быть прощено, а эта болѣзнь не имѣетъ никакого оправданія. Вспомнивъ о молитвѣ за бѣсноватыхъ, я хочу сказать нѣчто вамъ, возлюбленные, для искорененія тяжкой болѣзни въ церкви; странно было бы, — врачуя постороннихъ съ такимъ усердіемъ, оставить безъ вниманія собственные члены. Какая же эта болѣзнь? Невыразимое множество народа собралось теперь и съ такимъ вниманіемъ слушаетъ рѣчь, а въ самый страшный часъ я часто ищу его и не вижу и сильно воздыхаю, что, когда бесѣдуетъ сослужитель вашъ, вы показываете великое усердіе и напряженную ревность, тѣснитесь другъ предъ другомъ и остаетесь до конца; когда же предстоитъ явиться Христу въ священныхъ таинствахъ, то церковь бываетъ пуста и безлюдна. Достойно ли это прощенія? Чрезъ такое нерадѣніе вы лишаетесь всѣхъ похвалъ, заслуженныхъ ревностію къ слушанію. Кто изъ васъ не осудитъ и меня, видя, что плодъ слушанія такъ скоро у васъ пропадаетъ? Если бы вы усердно внимали сказанному, то доказывали бы свою ревность дѣлами; а если по выслушаніи тотчасъ уходите, это служитъ доказательствомъ того, что не усвоили ничего изъ сказаннаго и не приложили къ сердцу; ибо, если бы сказанное было внѣдрено въ душахъ, то оно конечно удержало бы васъ въ церкви и возбудило бы въ васъ большее благоговѣніе къ страшнымъ таинствамъ. А теперь, какъ бы выслушавъ какого-нибудь игрока на киѳарѣ, вы удаляетесь безъ всякой пользы, какъ только умолкъ говорящій. Но какое слышится отъ многихъ холод-

ное оправданіе? Молиться, говорятъ, могу я и дома, а слушать бесѣду и ученіе дома невозможно. Ошибаешься ты, человѣкъ; молиться конечно можно и дома, но молиться такъ, какъ въ церкви, гдѣ такое множество отцевъ, гдѣ единодушно возсылается пѣснь къ Богу, дома невозможно. Ты не будешь такъ скоро услышанъ, молясь Владыкѣ у себя, какъ молясь съ своими братьями. Здѣсь есть нѣчто большее, какъ то: единодушіе и согласіе, союзъ любви и молитвы священниковъ. Для того и предстоятъ священники, чтобы молитвы народа, какъ слабѣйшія, соединясь съ ихъ молитвами сильнѣйшими, вмѣстѣ съ ними восходили на небо. Съ другой стороны какая можетъ быть польза отъ бесѣды, когда съ нею не соединяется молитва? Прежде молитва, а потомъ слово: такъ говорятъ и апостолы: *мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (Дѣян. VI, 4). Такъ и Павелъ поступаетъ, въ началѣ посланій совершая молитву, чтобы свѣтъ молитвы предшествовалъ 726
ученію, какъ свѣтъ свѣтильника. Если ты пріучишь себя молиться съ усердіемъ, то не будешь имѣть нужды въ наставленіи сослужителей твоихъ, такъ какъ Самъ Богъ безъ всякаго посредника будетъ озарять умъ твой. Если же молитва одного имѣетъ такую силу, то гораздо болѣе—молитва съ народомъ; у послѣдней больше силы и гораздо больше дерзновенія, нежели у молитвы, совершаемой дома и наединѣ. Откуда это видно? Послушай, что̀ говоритъ самъ Павелъ: *иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть, и избавляетъ, нанъ же и уповахомъ, яко и еще избавитъ, споспѣшествующымъ и вамъ по насъ молитвою, да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о насъ* (2 Кор. I, 10. 11). Такъ и Петръ избѣжалъ темницы: *молитва же бѣ прилежна бываемая отъ Церкве къ Богу о немъ* (Дѣян. XII, 5). Если же Петру помогла молитва церкви и извела изъ темницы этотъ столпъ (церкви), то какъ ты, скажи мнѣ, пренебрегаешь ея силою и какое можешь имѣть оправданіе? Послушай и самого Бога, Который говоритъ, что Его умилостивляютъ благоговѣйныя молитвы многихъ. Такъ, оправдываясь предъ Іоною по поводу тыквеннаго растенія, Онъ говоритъ: *ты оскорбился еси о тыквѣ, о ней же не трудился еси, не воскормилъ еси ея: Азъ же не пощажду ли Ниневіи, града великаго, въ немже живутъ множайшіи, нежели дванадесять тьмъ человѣкъ* (Іон. IV, 10, 11)? Не напрасно Онъ ссылается на множество жителей, но чтобы внушить тебѣ, что единодушная молитва имѣетъ великую силу. Это я хочу объяснить вамъ и изъ человѣческой исторіи.

7. Лѣтъ десять тому назадъ нѣкоторые, какъ вы знаете, были обличены въ стремленіи къ тиранніи. Одинъ изъ вельможъ, обвиненный въ этомъ преступленіи, съ веревкою въ устахъ былъ

веденъ на смерть *). Тогда весь городъ сбѣжался на конское ристалище, вывели и рабочихъ изъ мастерскихъ, и весь народъ, сошедшись вмѣстѣ, избавилъ отъ царскаго гнѣва человѣка осужденнаго и недостойнаго никакого помилованія. Такъ, желая смягчить гнѣвъ земного царя, вы всѣ стеклись съ дѣтьми и женами; а намѣреваясь умилостивить Царя небеснаго и избавить отъ Его гнѣва не одного человѣка, какъ тогда, и не двоихъ, троихъ или сто, но всѣхъ грѣшниковъ вселенной и освободить одержимыхъ демономъ изъ сѣтей діавола, неужели вы будете оставаться внѣ церкви и не стечетесь всѣ вмѣстѣ, чтобы Богъ, воззрѣвъ на ваше единодушіе, и тѣхъ освободилъ отъ наказанія и вамъ простилъ грѣхи? Если въ это время ты будешь находиться на рынкѣ, или дома, или въ необходимыхъ занятіяхъ, то неужели не разорвешь всѣ эти узы сильнѣе всякаго льва, и не придешь къ общей молитвѣ? Какую же, скажи мнѣ, возлюбленный, ты будешь имѣть въ такомъ случаѣ надежду на спасеніе? Не люди только одни здѣсь страшно взываютъ, но и ангелы припадаютъ къ Владыкѣ и архангелы молятся. Самое время благопріятствуетъ имъ, самое жертвоприношеніе содѣйствуетъ. Какъ люди, взявъ масличныя вѣтви, потрясаютъ ихъ предъ царями, напоминая имъ этими вѣтвями о милости и человѣколюбіи; такъ точно и ангелы, представляя вмѣсто масличныхъ вѣтвей самое тѣло Господне, умоляютъ Вла-
727 дыку за родъ человѣческій, и какъ бы такъ говорятъ: мы молимся за тѣхъ, которыхъ Самъ Ты нѣкогда удостоилъ такой любви Своей, что предалъ за нихъ собственную Свою душу; мы изливаемъ моленія за тѣхъ, за которыхъ Самъ Ты пролилъ кровь; мы просимъ за тѣхъ, за которыхъ Ты принесъ въ жертву Свое тѣло. Въ это время діаконъ вводитъ и одержимыхъ (демонами), повелѣвая имъ только наклонить голову и такимъ положеніемъ тѣла совершать моленіе, такъ какъ имъ не позволительно молиться вмѣстѣ съ общимъ собраніемъ братій. Поэтому онъ и вводитъ ихъ, чтобы ты, сжалившись надъ ними, надъ ихъ несчастіемъ и безгласностію, по собственному дерзновенію ходатайствовалъ за нихъ (предъ Богомъ). Итакъ, зная все это, будемъ стекаться въ этотъ часъ, чтобы привлечь милость и обрѣсти благодать и благовременную помощь. Вы похвалили сказанное, приняли увѣщаніе съ великимъ шумомъ и рукоплесканіемъ; но чтобы вамъ выразить эти похвалы мнѣ и дѣлами, вотъ наступаетъ время для выраженія послушанія: послѣ увѣщанія послѣдуетъ молитва. Такой я ищу похвалы, такого рукоплесканія—посредствомъ самыхъ дѣлъ.

*) Вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ Ѳеодоровъ, которыхъ императоръ Валентъ съ 374 г. преслѣдовалъ по подозрѣнію въ домогательствѣ верховной власти. Созомена, Церк. Ист. Кн. VI, гл. 35.

Убѣждайте же другъ друга стоять такъ, какъ стоите; а кто уклонится отъ порядка, того старайтесь удержать, чтобы, получивъ двойную награду, и за собственное усердіе и за попеченіе о братьяхъ, вы могли съ большимъ дерзновеніемъ изливать моленія, и умилостивить Бога, и получить здѣшнія и будущія блага, благодатью и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

О непостижимомъ.

ДОКАЗАВЪ раньше, что Богъ непостижимъ для людей, и 728
даже для херувимовъ и серафимовъ, можно было бы оставить этотъ предметъ и не продолжать болѣе; но такъ какъ наша ревность и заботливость клонится не къ тому только, чтобы заградить уста противниковъ, но и къ тому, чтобы болѣе научить васъ, возлюбленные, то коснемся опять того же предмета и продолжимъ рѣчь. Занятіе этимъ предметомъ и вамъ сообщитъ болѣе познаній, и намъ доставитъ славнѣйшую побѣду, истребивъ остатокъ (ереси), какой могъ еще удержаться. Такъ и вредныя растенія надобно не только срѣзывать сверху (иначе они снова выростаютъ отъ корней, находящихся внизу), но и вырывать ихъ изъ самыхъ внутреннихъ нѣдръ земли и выбрасывать открытыми на солнечный зной, чтобы они скорѣе засохли. Итакъ, я словомъ возведу васъ опять на небо, не для того, чтобы испытать и изслѣдовать (небесное), но чтобы уничтожить неумѣстную любознательность тѣхъ, которые не знаютъ самихъ себя и не хотятъ знать предѣловъ человѣческой природы. Для этого я весьма обстоятельно показалъ вамъ, какъ для праведника было невыносимо явленіе не только Бога, но и ангеловъ; излагая вамъ всю эту исторію, я неоднократно замѣчалъ, какъ блаженный Даніилъ блѣднѣлъ, трепепеталъ и находился въ состояніи, не лучшемъ состоянія обмирающихъ, когда душа порывается расторгнуть узы плоти. Какъ ручной и смирный голубь, живущій въ какомъ-нибудь домикѣ и испуганный чѣмъ-нибудь, въ страхѣ взлетаетъ къ потолку и старается вылетѣть чрезъ окна, чтобы освободиться отъ испуга, такъ точно и душа этого блаженнаго мужа старалась выйти изъ тѣла, всячески порывалась вонъ и вышла бы, отлетѣла бы и оставила бы тѣло бездушнымъ, если бы ангелъ не поспѣшилъ тотчасъ же изба-

вить ее отъ смущенія и не возвратилъ опять въ собственное ея жилище. Это я говорилъ тогда для того, чтобы эти люди, узнавъ, какъ велико различіе между ангеломъ и человѣкомъ, и вразумившись превосходствомъ небожителя, отстали отъ своего безумія въ отношеніи къ Господу. Праведникъ, имѣвшій такое дерзновеніе, не могъ смотрѣть на ангела; а они, столь далекіе отъ его добродѣтели, изслѣдуютъ не ангела, но Самого Владыку ангеловъ. Даніилъ укротилъ ярость львовъ, а мы не можемъ одолѣвать даже лисицъ; тотъ расторгъ пополамъ дракона и дерзновеніемъ предъ Богомъ побѣдилъ природу звѣря, а мы боимся и малѣйшихъ пресмыкающихся; тотъ остановилъ царя, свирѣпствовавшаго подобно льву, и явившись укротилъ гнѣвъ Навуходоносора, устремившійся противъ толпы иноплеменниковъ сильнѣе всякаго пламени, и озарилъ свѣтомъ все сокровенное. Но и этотъ просвѣтитель, увидѣвъ пришедшаго къ нему ангела, былъ объятъ ужаснымъ мракомъ. Какое же оправданіе будутъ имѣть тѣ, которые усиливаются постигнуть блаженное естество Божіе? Но на этомъ я не остановилъ тогда своей бесѣды, а возвелъ рѣчь и къ мудрымъ силамъ, сказавъ о томъ, какъ онѣ отвращаютъ свои взоры, закрываются крыльями, выпрямляютъ свои голени, непрестанно славословятъ, равно какъ и о томъ, что всѣмъ этимъ безтѣлесныя силы обнаруживаютъ свое изумленіе и ужасъ. Чѣмъ онѣ мудрѣе, чѣмъ ближе насъ къ неизреченному и блаженному Существу, тѣмъ болѣе насъ знаютъ непостижимость Его; потому что высшая степень мудрости производитъ высшую степень благоговѣнія. Я сказалъ вамъ, что̀ такое неприступное, сказалъ, что оно значитъ гораздо болѣе, чѣмъ непостижимое, присовокупилъ и причину, состоящую въ томъ, что непостижимое оказывается непостижимымъ послѣ изслѣдованія, а неприступное не допускаетъ и приближенія и начала изслѣдованія, приведши примѣръ моря. Замѣтилъ я, что Павелъ не сказалъ о Богѣ: будучи свѣтомъ неприступнымъ, но: *во свѣтѣ живый неприступнѣмъ* (1 Тим. vi, 15); а если жилище неприступно, то тѣмъ болѣе—живущій въ немъ
729 Богъ. Это говорилъ Павелъ не для того, чтобы ограничить Бога мѣстомъ, но чтобы точнѣе выразить непостижимость и неприступность Его. Указалъ я и на другія силы, на херувимовъ, и сказалъ, какъ надъ ними являлась твердь, кристалловый камень, подобіе престола, видъ человѣка, илектръ, огонь, дуга; и послѣ всего этого пророкъ сказалъ: *сіе видѣніе подобіе славы Господни* (Іезек. ii, 1). Во всемъ этомъ я показалъ вамъ снисхожденіе Божіе, которое однако невыносимо и для вышнихъ силъ.

2. Не напрасно я повторяю это, но потому, что считаю себя вашимъ должникомъ въ томъ, что обѣщалъ вамъ, и хочу узнать

съ точностію, чтò я заплатилъ и что еще осталось. Такъ поступаютъ и должники при уплатѣ займа: взявъ росписку, гдѣ записанъ весь счетъ, и показавъ своимъ заимодавцамъ, они уплачиваютъ остальное. Посему и я, раскрывъ память вашей души, какъ бы книгу, и указавъ словомъ, какъ бы перстомъ, на преподанное, перехожу теперь къ остальному. Что же осталось? Осталось доказать, что ни начала, ни власти, ни господства, ни какая-либо другая сотворенная сила не имѣетъ точнаго понятія о Богѣ. Есть и другія силы, которыхъ мы не знаемъ и по именамъ. Представьте же безуміе еретиковъ: мы не знаемъ даже именъ рабовъ, а они изслѣдуютъ самое существо Владыки. Есть ангелы и архангелы, престолы и господства, начала и власти; но не одни эти сонмы существуютъ на небесахъ, а безконечныя полчища и неизчислимыя племена, которыхъ не можетъ изобразить никакое слово. Откуда же извѣстно, что кромѣ этихъ силъ есть много другихъ, которыхъ мы не знаемъ и по именамъ? Павелъ, сказавъ о первыхъ, упоминаетъ и о вторыхъ, выражаясь о Христѣ такъ: посадилъ Его *превыше всякаго начальства и власти и силы и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ* (Ефес. I, 21). Видите ли, что есть нѣкоторыя имена, которыя будутъ извѣстны тамъ, а теперь неизвѣстны? Поэтому Павелъ и сказалъ: *не точію въ вѣцѣ семъ именуемыя, но и во грядущемъ.* И удивительно ли, что они не имѣютъ точнаго понятія о существѣ (Божіемъ)? Это доказать нисколько не трудно; такъ такъ и о многихъ изъ дѣлъ домостроительства Божія не знаютъ вышнія силы, начала, власти, господства. А это я докажу словами апостола, что нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ съ нами узнали о дѣлахъ домостроительства Его, о которыхъ раньше насъ не знали, и не только узнали вмѣстѣ съ нами, но и чрезъ насъ. *Во иныхъ родѣхъ не сказася,* говоритъ апостолъ, *якоже нынѣ открыся святымъ Его апостоломъ и пророкомъ, быти языкомъ снаслѣдникомъ и стѣлесникомъ и спричастникомъ обѣтованія Его,*—а обѣтованія даны были іудеямъ,—*благовѣствованіемъ, ему же быхъ азъ Павелъ служитель* (Ефес. III, 5—7). Откуда же видно, что вышнія силы узнали объ этомъ только нынѣ? Приведенныя слова относятся къ людямъ. Послушай. *Мнѣ меншему всѣхъ святыхъ,* говоритъ апостолъ, *дана бысть благодать сія, во языцѣхъ благовѣстити неизслѣдованное богатство Христово* (ст. 8). Что значитъ: *неизслѣдованное?* То, чтó не можетъ быть найдено, и не только не можетъ быть найдено, но даже и изслѣдываемо. Пусть эти (еретики) опять послушаютъ, какъ часто и непрерывно онъ бросаетъ 730
въ нихъ стрѣлы. Если *богатство неизслѣдимо,* то какъ можетъ быть не неизслѣдимымъ Податель богатства? *И просвѣтити всѣхъ,*

что есть смотрѣніе тайны сокровенныя въ Бозѣ, да скажется нынѣ началомъ и властемъ церковію многоразличная премудрость Божія (ст. 9, 10). Слышишь ли, что небесныя силы узнали все это теперь, а не прежде? Что замышляетъ царь, того не знаетъ щитоносецъ. *Да скажется нынѣ началомъ и властемъ церковію многоразличная премудрость Божія.* Посмотри, какая честь оказана человѣческому роду: вмѣстѣ съ нами и чрезъ насъ вышнія силы узнали тайны Царя. Но откуда видно, что апостолъ говоритъ здѣсь о небесныхъ силахъ? Началами и властями онъ называетъ иногда и демоновъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего* (Еф. VI, 12). Не о демонахъ ли и здѣсь говоритъ онъ, что они тогда узнали объ этомъ? Нѣтъ, онъ говоритъ о вышнихъ силахъ; сказавъ: *началомъ и властемъ,* онъ присовокупилъ: *на небесныхъ.* Эти начала и власти—небесныя, а тѣ начала и власти поднебесныя; поэтому онъ называетъ послѣднихъ и *міродержителями,* выражая, что небо для нихъ недоступно и что всю свою власть они обнаруживаютъ въ здѣшнемъ мірѣ.

3. Видишь ли, что небесныя силы узнали это вмѣстѣ съ нами и чрезъ насъ? Но теперь я поведу рѣчь въ уплату долга и покажу, что существа Божія не знаютъ ни начала, ни власти. Кто говоритъ объ этомъ? Уже не Павелъ, не Исаія, не Іезекіиль, но другой святой сосудъ, самъ сынъ грома, возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ, возлежавшій на персяхъ Господнихъ и почерпавшій изъ нихъ божественныя струи. Что же говоритъ онъ? *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. I, 18). По истинѣ — сынъ грома: издалъ голосъ громче трубы, который можетъ пристыдить всѣхъ прекословящихъ. Однако обратимъ вниманіе и на то, что, повидимому, противорѣчитъ этому. Что, скажи мнѣ, вѣщаешь ты, Іоаннъ? *Бога никтоже видѣ нигдѣже?* Что же намъ думать, когда пророки говорятъ, что они видѣли Бога? Такъ Исаія говоритъ: *видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ* (Иса. VI, 1); также и Даніилъ: *зряхъ, дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде* (Дан. VII, 9); и Михей: *видѣхъ Господа Бога Израилева, сѣдящаго на престолѣ своемъ* (3 Цар. XXII, 19); и еще другой пророкъ: *видѣхъ Господа, стояща на жертвенницѣ, и рече (ми): порази очистилище* (Амос. IX, 1). И много можно собрать такихъ свидѣтельствъ. Какъ же Іоаннъ говоритъ, что *Бога никтоже видѣ нигдѣже?* Нужно знать, что онъ говоритъ о точномъ понятіи и ясномъ вѣдѣніи. А все, видѣнное пророками, было снисхожденіемъ, и никто изъ нихъ не созерцалъ чистаго существа Божія, какъ видно изъ того, что каждый изъ нихъ созерцалъ Бога различнымъ образомъ. Богъ есть существо простое, не сложное и не

имѣющее образа; а они всѣ видѣли Его подъ различными образами. Это также объявляетъ Богъ чрезъ другого пророка, и удостовѣряя, что пророки видѣли не чистую сущность, говоритъ: *Азъ видѣнія умножихъ и въ рукахъ пророческихъ уподобихся* (Ос. XII, 10); не самую сущность Мою показывалъ Я, говоритъ Онъ, но снисходилъ приспособительно къ немощи созерцавшихъ. Притомъ Іоаннъ говоритъ не о людяхъ только, что *Бога никтоже видѣ нигдѣже;* это извѣстно было и изъ вышесказаннаго, т. е. изъ пророческаго изреченія, въ которомъ говорится: *Азъ видѣнія умножихъ и въ рукахъ пророческихъ уподобихся*, и изъ отвѣта, даннаго Моисею; именно, когда Моисей желалъ видѣть Бога лицемъ къ лицу, то Онъ сказалъ ему: *не узритъ человѣкъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исход. XXXIII, 20). Такимъ образомъ это уже было извѣстно намъ и не подлежало сомнѣнію. Итакъ, не объ одномъ нашемъ родѣ, но и о вышнихъ силахъ говоритъ Іоаннъ: что *Бога никтоже видѣ нигдѣже;* поэтому онъ и указываетъ на Единороднаго, какъ на учителя этого догмата. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: откуда это извѣстно? — онъ присовокупляетъ: *Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. I, 18), приводя достовѣрнаго свидѣтеля и учителя этого догмата. Если бы онъ хотѣлъ объяснить намъ изреченіе Моисеево, то излишне было бы говорить, что Единородный исповѣдалъ это; не сказалъ бы онъ: *Единородный, той исповѣда,* потому что еще прежде, нежели произнесъ это Іоаннъ, наученный Единороднымъ, возвѣстилъ намъ о томъ же пророкъ, наученный Богомъ. А такъ какъ Іоаннъ хотѣлъ открыть намъ нѣчто большее сказаннаго прежде, именно то, что и вышнія силы не видятъ Бога, то онъ и приводитъ учителемъ Единороднаго. Подъ *видѣніемъ* же здѣсь разумѣй знаніе; у безтѣлесныхъ силъ нѣтъ ни зрачковъ, ни глазъ, ни рѣсницъ; но что у насъ видѣніе, то у нихъ знаніе. Такимъ образомъ, когда ты слышишь, что *Бога никтоже видѣ нигдѣже*, разумѣй то, что никто не позналъ Бога по существу, во всей точности. И когда услышишь о серафимахъ, что они закрывали глаза и отвращали взоры, и о херувимахъ, что они дѣлали то же самое, не думай, что у нихъ есть глаза или зрачки:—это принадлежности тѣлъ; — но вѣруй, что чрезъ это пророкъ указываетъ на ихъ знаніе. Когда пророкъ говоритъ, что они не могли видѣть снисходящаго Бога, то разумѣетъ не что иное, какъ то, что они не могутъ воспринять яснаго знанія о Немъ и точнаго постиженія, и не дерзаютъ пристально смотрѣть не только на чистое и совершеннѣйшее существо, но и на самое снисхожденіе Его. А пристально смотрѣть значитъ знать. Поэтому Евангелистъ, признавая, что человѣческой природѣ несвойственно знать это, и что Богъ непостижимъ

даже для вышнихъ силъ, выставляетъ намъ учителемъ этого догмата Самого сѣдящаго одесную Бога и знающаго это въ точности. Притомъ онъ не просто сказалъ: *Сынъ*, хотя и этого слова было бы достаточно для того, чтобы заградить уста безстыдныхъ; ибо какъ много называвшихся христами, но истинный Христосъ одинъ, и много называвшихся господами, но Господь одинъ, и много называвшихся богами, но Богъ одинъ; такъ многіе называются и сынами, но Сынъ одинъ, и прибавка члена (ὁ) достаточно можетъ показать преимущество Единороднаго. Однако евангелистъ не удовольствовался этимъ, но сказавъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже*, присовокупилъ: *Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда*. Сначала онъ сказалъ: *Единородный*, а потомъ: *Сынъ*; потому что многіе по общности этого названія уничижаютъ Его славу,
332 почитая Его однимъ изъ многихъ (сыновъ), такъ какъ названіе *Сынъ* есть общее всѣмъ. Посему апостолъ сначала поставилъ названіе: *Единородный*, какъ принадлежащее Ему исключительно, собственно, и несвойственное никому другому, чтобы ты былъ увѣренъ, что и то общее названіе (Сынъ) не есть общее, но Его собственное, исключительное и никому другому не свойственное такъ, какъ Ему.

4. Чтобы пояснить сказанное мною, я раскрою то же самое полнѣе. Названіе *сынъ* принадлежитъ и людямъ, принадлежитъ и Христу, но намъ не собственно, а Ему собственно; названіе же *единородный* принадлежитъ только Ему, и никому другому не принадлежитъ даже и несобственно. Итакъ, чтобы изъ названія, не принадлежащаго никому, кромѣ Его одного, ты заключилъ, что и другое названіе, принадлежащее многимъ, есть Его собственное, апостолъ сначала сказалъ: *Единородный*, а потомъ: *Сынъ*. Если же для тебя недостаточно и этого, говоритъ онъ, то я приведу еще третье (понятіе), хотя простое и человѣческое, однако такое, которое можетъ и пресмыкающихся по землѣ возвести къ мысли о славѣ Единороднаго. Какое же это? *Сый въ лонѣ Отчи*. Выраженіе простое, но достаточное для означенія близости, если мы будемъ понимать его богоприлично. Какъ слыша о престолѣ и сидѣніи одесную, ты представляешь не престолъ, не мѣсто и не очертаніе, но подъ названіемъ престола и общеніемъ въ сидѣніи разумѣешь одинаковость и равенство чести; такъ и слыша о лонѣ, представляй не лоно и не мѣсто, но подъ названіемъ лона разумѣй близость и дерзновеніе Сына въ отношеніи къ Родившему. Пребываніе въ лонѣ гораздо яснѣе, нежели сидѣніе одесную, открываетъ и изображаетъ намъ близость Его къ Родившему; потому что ни Отецъ не могъ бы имѣть Сына въ своемъ лонѣ, если бы Онъ былъ не одного и того же съ Нимъ существа, ни Сынъ не перенесъ бы

пребыванія въ лонѣ Отчемъ, если бы существо Его было ниже. Посему, такъ какъ Сынъ и Единородный, пребывающій въ лонѣ Отчемъ, въ точности знаетъ все Отчее, то Евангелистъ и употребилъ эти слова, чтобы представить точное знаніе Сына объ Отцѣ; потому что рѣчь была о знаніи; а если это не такъ, то для чего упомянуто лоно? Если Богъ не есть существо тѣлесное, какъ и дѣйствительно Онъ не таковъ, и если приведенное выраженіе не указываетъ ни на сродство, ни на близость къ Родившему, то оно поставлено безъ причины и напрасно, не доставляя намъ никакой пользы. Но оно поставлено не напрасно, — нѣтъ, Духъ ничего не вѣщаетъ напрасно, а показываетъ близость Сына къ Отцу. Евангелистъ, изрекая ту великую истину, что и вышнія твари не видятъ Бога, т. е. не знаютъ Его въ точности, и желая представить достовѣрнаго учителя этой истины, употребляетъ приведенныя слова, чтобы ты вѣрилъ во всемъ Ему, какъ Сыну, какъ Единородному и какъ пребывающему въ лонѣ Отчемъ, и ни въ чемъ уже не сомнѣвался. Если бы никто не оказался столь безстыднымъ, чтобы спорить, то я сказалъ бы, что это слово доказываетъ и вѣчность. Какъ въ словахъ, сказанныхъ Моисею: *Азъ есмь сый* (Исход. III, 14), мы разумѣемъ вѣчность; такъ и въ этомъ изреченіи: *Сый въ лонѣ Отчи*, можно разумѣть вѣчное существованіе Сына въ лонѣ Отца. Итакъ, всѣмъ этимъ у насъ доказано, что существо Божіе непостижимо для всякой твари; затѣмъ остается доказать, что только 733
Сынъ и Духъ Святый знаютъ Его со всею точностію. Но, отлагая это до другой бесѣды, чтобы множествомъ сказаннаго не обременить памяти, я опять предложу обычное увѣщаніе. Какое же у насъ было обычное увѣщаніе? Пребывать въ непрестанной молитвѣ трезвеннымъ умомъ и бодрственною душою. Бесѣдуя и прежде объ этомъ, я видѣлъ во всѣхъ готовность къ послушанію; посему странно было бы, обличая безпечныхъ, не хвалить исправныхъ. Итакъ, я хочу сегодня похвалить васъ и воздать вамъ благодарность за послушаніе. А эта благодарность будетъ состоять въ томъ, что я объясню вамъ, почему та молитва бываетъ прежде прочихъ, и для чего діаконъ повелѣваетъ тогда вводить бѣсноватыхъ и одержимыхъ злымъ неистовствомъ и наклонять имъ головы. Для чего же онъ дѣлаетъ это? Демонское обладаніе составляетъ узы тяжкія и мучительныя, узы крѣпчайшія всякаго желѣза. Какъ въ то время, когда выходитъ судья и намѣревается сѣсть на возвышенномъ мѣстѣ, темничные стражи выводятъ изъ зданія всѣхъ содержимыхъ въ темницѣ и помѣщаютъ ихъ за рѣшетками и занавѣсами судилища, неопрятныхъ, нечистыхъ, обросшихъ волосами, одѣтыхъ въ рубища; такъ точно, по установленію отцовъ, въ то время, когда Христосъ имѣетъ явиться въ таинствахъ и какъ бы сѣсть на воз-

вышенномъ мѣстѣ, приводятся бѣсноватые, какъ бы какіе узники, не для того, чтобы они отдали отчетъ въ преступленіяхъ, какъ тѣ узники, и подверглись наказанію и мученію, но чтобы въ присутствіи народа и всего города внутри (храма) совершались о нихъ общія молитвы, чтобы всѣ единодушно умоляли о нихъ общаго Владыку и съ сильнымъ воплемъ просили помиловать ихъ.

5. Прежде я обличалъ тѣхъ, которые не остаются на такую молитву и проводятъ это время внѣ храма; теперь же я хочу обличить находящихся внутри храма, не за то, что они находятся внутри, но за то, что они, оставаясь здѣсь, бываютъ нисколько не лучше пребывающихъ внѣ, разговаривая между собою въ столь страшное время. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Видишь, сколько твоихъ братьевъ какъ бы въ узахъ стоятъ около тебя, и разговариваешь о предметахъ постороннихъ? Неужели одного вида ихъ недостаточно, чтобы поразить тебя и расположить къ состраданію? Братъ твой — въ узахъ, а ты — въ безпечности? Какое же, скажи мнѣ, можетъ быть прощеніе тебѣ, столь безчувственному, столь безчеловѣчному, столь жестокому? Какъ ты не боишься, чтобы въ то время, когда ты разговариваешь, предаешься безпечности и разсѣянности, какой-нибудь демонъ, выскочивъ оттуда и нашедши твою душу праздною и пустою, не вошелъ безпрепятственно въ домъ твой, увидѣвъ его оставленнымъ безъ дверей? Не слѣдуетъ ли въ этотъ часъ всѣмъ вмѣстѣ проливать источники слезъ, всѣмъ смотрѣть плачущими глазами и во всей церкви происходить сѣтованіямъ и воздыханіямъ? Послѣ пріобщенія таинствъ, послѣ принятія бани возрожденія, послѣ сочетанія со Христомъ, этихъ агнцевъ волкъ успѣлъ похитить изъ стада и удержать ихъ у себя; а ты, видя такое несчастіе, не плачешь? Достойно ли это прощенія? Ты не хочешь сострадать брату? По крайней мѣрѣ страшись за себя самого и бодрствуй. Если бы ты увидѣлъ горящимъ домъ своего сосѣда, то скажи мнѣ, хотя бы этотъ сосѣдъ былъ злѣйшимъ изъ всѣхъ твоихъ враговъ, не побѣжалъ ли бы ты гасить пожаръ, опасаясь, чтобы огонь, распространяясь далѣе, не дошелъ и до твоихъ дверей? Точно также разсуждай и о бѣсно-
734 ватыхъ; демонское обладаніе есть жестокій пламень и пожаръ. Смотри, чтобы демонъ, пролагая себѣ дорогу, не занялъ и твоей души, и, когда замѣтишь его присутствіе, съ великимъ усердіемъ прибѣгни ко Владыкѣ, чтобы демонъ, увидѣвъ душу твою пламенною и бодрствующею, призналъ твой умъ недоступнымъ для себя. Если онъ увидитъ тебя разсѣяннымъ и безпечнымъ, то скоро вселится въ тебя, какъ въ пустое жилище; а если увидитъ тебя внимательнымъ, бодрствующимъ и стремящимся къ небесамъ, то не дерзнетъ даже смотрѣть на тебя. Итакъ, если ты презираешь

братьевъ, то побереги по крайней мѣрѣ себя самого, и загради лукавому демону входъ въ твою душу. А ничто такъ обыкновенно не ограждаетъ насъ отъ его нападенія, какъ молитва и усердное прошеніе. Это именно и повелѣваетъ всѣмъ діаконъ, когда говоритъ: *про́сти станемъ добрѣ;* и это установлено не напрасно и не безъ причины, но для того, чтобы мы возвышали пресмыкающіеся по землѣ помыслы, чтобы, отвергнувъ разсѣянность, происходящую у насъ отъ заботъ о предметахъ житейскихъ, могли представить душу свою прямо стоящею предъ Богомъ. А что это справедливо, и что слово это относится не къ тѣлу, а къ душѣ, и повелѣваетъ исправлять ее, можемъ узнать и отъ Павла, который употребилъ это выраженіе въ томъ же смыслѣ. Въ посланіи, обращаясь къ людямъ павшимъ и отчаявавшимся подъ бременемъ несчастій, онъ говорилъ: *ослабленныя руки и ослабленная колѣна исправите* (Евр. XII, 12). Что же мы скажемъ? Неужели онъ говоритъ о рукахъ и колѣнахъ тѣлесныхъ? Нѣтъ, онъ бесѣдуетъ не съ скороходами и не съ борцами, но убѣждаетъ этими словами возстановить силу внутреннихъ помысловъ, ослабѣвшую отъ искушеній. Представь, близъ кого ты стоишь, съ кѣмъ будешь призывать Бога: съ херувимами! Подумай, съ кѣмъ вмѣстѣ ты ликуешь, и этого достаточно будетъ для возбужденія въ тебѣ бдительности, когда вспомнишь, что ты, облеченный тѣломъ и связанный плотію, удостоенъ прославлять общаго всѣмъ Владыку вмѣстѣ съ безплотными силами. Итакъ, никто съ разсѣянною душею пусть не участвуетъ въ этихъ священныхъ и таинственныхъ пѣснопѣніяхъ, никто пусть не имѣетъ въ себѣ житейскихъ помысловъ въ такое время; но, изгнавъ изъ души все земное, переселивъ всего себя на небо и какъ бы стоя близъ самаго престола славы и воспаряя вмѣстѣ съ серафимами, пусть каждый возноситъ всесвятую пѣснь Богу славы и величія. Для того и повелѣвается намъ *стоять добрѣ* въ это время; ибо *стоять добрѣ* значитъ не что иное, какъ стоять такъ, какъ слѣдуетъ человѣку стоять предъ Богомъ, со страхомъ и трепетомъ, съ трезвенною и бодрственною душею. А что и это изреченіе относится къ душѣ, объясняетъ также Павелъ, когда говоритъ: *тако стойте о Господѣ, возлюбленніи* (Фил. IV, 1). Какъ стрѣлокъ, желая мѣтко пускать стрѣлы, прежде всего заботится о своемъ положеніи, старается стать прямо противъ цѣли и тогда начинаетъ пускать стрѣлы; такъ и ты, намѣреваясь стрѣлять въ злую голову діавола, сначала позаботься о состояніи своихъ помысловъ, чтобы, принявъ прямое и удобное для себя положеніе, успѣшно пускать въ него стрѣлы.

6. Это о молитвѣ. Но такъ какъ діаволъ придумалъ, кромѣ нерадѣнія въ молитвахъ, еще нѣкоторое другое весьма прискорб-

ное зло, то нужно заградить для него и этотъ входъ. Какое же
735 зло придумалъ лукавый демонъ? Видя, что вы соединены какъ бы въ одно тѣло и слушаете проповѣди съ великимъ усердіемъ, онъ не посмѣлъ подослать кого-нибудь изъ своихъ слугъ, чтобы ихъ совѣтами и внушеніями отвлечь васъ отъ слушанія, такъ какъ зналъ, что никто изъ васъ не допуститъ такихъ совѣтниковъ; но онъ вмѣшалъ въ вашу толпу какихъ-то разбойниковъ и карманныхъ воровъ и настроилъ ихъ похищать у многихъ, часто собирающихся сюда, завязанное въ ихъ кошелькахъ золото; это случалось здѣсь нерѣдко и со многими. Итакъ, чтобы этого не было и чтобы потеря денегъ со временемъ не погасила ревности къ слушанію, если многіе будутъ подвергаться этому, я прошу и убѣждаю всѣхъ васъ, чтобы никто не входилъ сюда, имѣя при себѣ золото; ваше усердіе къ слушанію не должно служить для нихъ поводомъ къ злодѣянію, и получаемое вами удовольствіе отъ пребыванія здѣсь не должно отравляться кражею денегъ. Діаволъ устроилъ это не для того, чтобы сдѣлать васъ бѣдными, но чтобы потеря денегъ, тяжко огорчая васъ, отвлекала отъ ревности къ слушанію. Такъ и Іова онъ лишилъ всего имущества не для того, чтобы сдѣлать его бѣднымъ, но чтобы отклонить его отъ благочестія. Діаволъ заботится не о томъ, чтобы отнимать деньги (онъ знаетъ, что деньги—ничто), но чтобы лишеніемъ денегъ вовлечь душу въ грѣхъ; и если онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать этого, то будетъ считать себя неуспѣвшимъ ни въ чемъ. Итакъ, когда онъ отнимаетъ у тебя золото или при помощи хищниковъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, ты, возлюбленный, зная его намѣреніе, прославь Владыку; тогда ты пріобрѣтешь болѣе, чѣмъ потерялъ, и нанесешь врагу двойной ударъ,—тѣмъ, что не огорчился, и тѣмъ, что возблагодарилъ (Бога). Если онъ увидитъ, что потеря денегъ сокрушаетъ тебя и побуждаетъ роптать на Владыку, то никогда не перестанетъ дѣлать тоже; а если увидитъ, что ты не только не хулишь создавшаго тебя Бога, но и благодаришь Его при каждомъ случающемся бѣдствіи, то перестанетъ подвергать тебя искушеніямъ, понявъ, что искушеніе бѣдствіями служитъ для тебя поводомъ къ благодарности и приготовляетъ тебѣ свѣтлѣйшіе вѣнцы и бо́льшія награды. Тоже было и съ Іовомъ. Когда діаволъ, отнявъ у него имущество и поразивъ его тѣло, увидѣлъ его приносящимъ благодареніе (Богу), то не посмѣлъ болѣе приступать, но потерпѣлъ постыдное и рѣшительное пораженіе и отступилъ, сдѣлавъ подвижника Божія болѣе славнымъ. Зная это, будемъ и мы бояться только одного—грѣха, а все прочее переносить мужественно, хотя бы постигла насъ потеря имущества, или тѣлесная болѣзнь, или неуспѣхъ въ дѣлахъ, или оскорбленіе, или

клевета, или какое-нибудь другое бѣдствіе; все это по свойству своему таково, что не только не повредитъ намъ, но можетъ принести намъ величайшую пользу, если мы будемъ переносить это съ благодарностію, и доставитъ намъ большія награды. Ты знаешь, что и Іовъ послѣ того, какъ увѣнчался всякими вѣнцами терпѣнія и мужества, получилъ вдвойнѣ все потерянное. А ты получишь все не вдвойнѣ и не втройнѣ, но во сто кратъ больше, если будешь переносить несчастія мужественно, и наслѣдуешь жизнь вѣчную, которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ.

О непостижимомъ.

Если кто намѣревается говорить о предметѣ обширномъ, который требуетъ продолжительныхъ разсужденій и вполнѣ разъясняется не въ одинъ, два или три дня, но въ болѣе продолжительное время, тотъ долженъ, по моему мнѣнію, предлагать ученіе уму слушателей не все вдругъ и за одинъ разъ, но раздѣлить цѣлое на многія части и чрезъ такое раздробленіе сдѣлать бремя рѣчи легкимъ и удобопріемлемымъ. Нашъ языкъ, и слухъ, и каждое изъ нашихъ чувствъ имѣютъ свою мѣру, законы и назначенные имъ предѣлы, и если кто рѣшается когда-нибудь преступить эти предѣлы чувствъ, то лишается и присущей имъ силы. Что пріятнѣе свѣта, скажи мнѣ? Что радостнѣе солнечныхъ лучей? Однако это пріятное и радостное становится непріятнымъ и тягостнымъ, когда дѣйствуетъ на глаза наши чрезъ мѣру. Для того Богъ и опредѣлилъ послѣ дня слѣдовать ночи, чтобы она, принявъ утомленные глаза наши, сомкнула вѣки, усыпила зрачки, успокоила ослабѣвшую у насъ зрительную силу и сдѣлала ее способнѣйшею къ созерцанію слѣдующаго дня. Поэтому бодрствованіе и сонъ, противоположные другъ другу, при умѣренности одинаково пріятны, и, называя пріятнымъ свѣтъ, мы называемъ пріятнымъ также и сонъ, разлучающій насъ со свѣтомъ. Такъ неумѣренное всегда тягостно и непріятно, а умѣренное пріятно, полезно намъ и отрадно. Посему и я, продолжая рѣчь о непостижимомъ уже четвертый или пятый день, и сегодня не намѣренъ окончить ее, но, предложивъ вамъ, возлюбленные, умѣренную бесѣду объ этомъ, думаю опять дать отдохновеніе уму вашему. На чемъ же мы ра-

нѣе остановили рѣчь? Необходимо продолжить ее съ того мѣста; потому что ученіе слѣдуетъ въ непрерывномъ порядкѣ. Тогда мы говорили, что сынъ грома сказалъ: *Бога никтоже видѣ нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. I, 18). Сегодня надобно узнать, гдѣ исповѣдалъ это самъ Единородный Сынъ Божій. *Отвѣща* Іисусъ іудеямъ, говоритъ евангелистъ, *и рече: не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца* (Іоан. VI, 43. 46). Здѣсь опять *видѣніемъ* Онъ называетъ знаніе. Сказалъ не просто: *никто не знаетъ Отца,* и замолчалъ, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что это говорится только о людяхъ; но желая показать, что ни ангелы, ни архангелы, ни вышнія силы
737 (не знаютъ Отца), Онъ объяснилъ это прибавленіемъ; ибо сказавъ: *не яко Отца видѣлъ есть кто*, Онъ присовокупилъ: *токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца.* Если бы Онъ сказалъ просто: *никто*, то многіе изъ слушателей, можетъ быть, подумали бы, что это сказано только о нашемъ родѣ; а теперь, сказавъ: *никто*, и прибавивъ: *токмо* Сынъ, этимъ прибавленіемъ Единороднаго Онъ исключилъ всякую тварь. Неужели, скажутъ, Онъ исключилъ и Духа Святаго? Нѣтъ, такъ какъ Духъ не есть часть творенія. Слово *никто* всегда употребляется для исключенія одной только твари. Равнымъ образомъ, когда говорится объ Отцѣ, то не исключается Сынъ, и когда говорится о Сынѣ, то не исключается Духъ. А чтобы здѣсь показать, что слово: *никто* сказано не для исключенія Духа, но для изъятія твари, послушаемъ, какъ о томъ же самомъ знаніи, которое приписывается одному Сыну, говоритъ Павелъ въ бесѣдѣ съ Коринѳянами. Что же говоритъ онъ? *Кто бо вѣсть яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ? Такожде и Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. II, 11). Какъ здѣсь слово: *никто* не исключаетъ Сына, такъ и изреченное Христомъ слово: *никто* не исключаетъ Духа Святаго. Отсюда очевидна истина сказаннаго. Если бы въ словахъ: *никто* не видѣлъ Отца, *токмо сый отъ Бога*, исключался Духъ, то напрасно Павелъ говорилъ бы, что какъ человѣкъ знаетъ находящееся въ немъ самомъ, такъ и Духъ Святый съ точностію знаетъ сущее въ Богѣ. Въ такомъ же смыслѣ употребляется и слово *единъ;* оно имѣетъ одинаковое съ тѣмъ значеніе и силу. Смотри: *единъ*, говоритъ апостолъ, *Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся* (1 Кор. VIII, 6). Если наименованіе Отца *единымъ Богомъ*, исключаетъ Сына изъ Божества, то и наименованіе Сына *единымъ Господомъ* исключаетъ Отца изъ господства; но Отца не исключаютъ изъ господства слова: *единъ Господь Іисусъ Христосъ*; слѣдовательно и Сына не исключаютъ изъ Божества слова: *единъ Богъ Отецъ*.

2. Если же опять скажутъ, что Отецъ называется *единымъ Богомъ* потому, что Сынъ, хотя и есть Богъ, но не такой Богъ, какъ Отецъ; то изъ тѣхъ самыхъ положеній, которыя допускаютъ еретики (а мы не сказали бы этого), слѣдовало бы, что Сынъ называется *единымъ Господомъ* потому, что Отецъ, хотя есть и Господь, но не такой Господь, какъ Сынъ. Если же послѣднее нечестиво, то и первое неосновательно. Напротивъ, какъ выраженіе: *единъ Господь* не исключаетъ Отца изъ истиннаго господства и не приписываетъ господства одному только Сыну; такъ и выраженіе: *единъ Богъ* не исключаетъ Сына изъ истиннаго, существеннаго и совершеннаго Божества, и не показываетъ, что оно принадлежитъ только Отцу. А что Сынъ есть Богъ и такой же Богъ, какъ Отецъ, оставаясь впрочемъ Сыномъ, это видно изъ самаго прибавленія. Если бы имя *Богъ* принадлежало только Отцу 738
и не могло указывать намъ на другую Ипостась, кромѣ одной нерожденной и первой Ипостаси, для которой одной оно было бы собственнымъ и отличительнымъ именемъ, то излишне было бы прибавлено слово *Отецъ*; тогда достаточно было бы, сказать *единъ Богъ*, и мы поняли бы, о комъ говорится. Но такъ какъ имя *Богъ* есть общее для Отца и Сына, и сказавъ: *единъ Богъ*, Павелъ не опредѣлилъ бы, о комъ онъ говоритъ, то ему нужно было прибавить: *Отецъ*, чтобы показать, что онъ говоритъ о первой и нерожденной Ипостаси, такъ какъ названіе *Богъ* не могло именно на нее указывать, потому что оно есть общее у Отца съ Сыномъ. Одни изъ этихъ именъ суть общія, а другія собственныя; общія употребляются для того, чтобы показать безразличіе существа, а собственныя для того, чтобы означить свойство Ипостасей. Имена: *Отецъ* и *Сынъ* суть собственныя имена каждой Ипостаси; а имена *Богъ* и *Господь*—общія. Итакъ поставивъ общее имя: *единъ Богъ*, апостолъ долженъ былъ прибавить и собственное имя, чтобы ты зналъ, о комъ онъ говоритъ и чтобы намъ не впасть въ безуміе (еретика) Савеллія. А что имя *Богъ* не больше имени *Господь*, и имя *Господь* не меньше имени *Богъ*, видно изъ слѣдующаго. Во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ Отецъ непрестанно называется Господомъ. *Господь Богъ твой*, говорится, *Господь единъ есть* (Втор. VI, 4); и еще: *Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши* (Втор. VI, 13); и еще: *велій Господь нашъ и велія крѣпость Его, и разума Его нѣсть числа* (Псал. CXLVI, 5); и еще: *да познаютъ, яко имя тебѣ Господь, ты единъ вышній по всей земли* (Псал. LXXXII, 19). А если бы имя *Господь* было меньше имени *Богъ* и недостойно этого существа, то не слѣдовало бы говорить: *да познаютъ, яко имя тебѣ Господь*. Также, если бы имя *Богъ* было больше и досточтимѣе имени *Господь*, то не слѣдовало бы Сыну,

Который, по ихъ мнѣнію, менѣе Отца, называться именемъ, принадлежащимъ Отцу, такимъ, которое было бы собственнымъ именемъ одного только Отца. Но это не такъ, не такъ. И Сынъ не менѣе Отца, и имя *Господь* не ниже имени *Богъ*. Посему Писаніе и употребляетъ эти названія безразлично и объ Отцѣ и о Сынѣ. Вы слышали, что Отецъ называется Господомъ; теперь мы покажемъ вамъ, что и Сынъ называется Богомъ. *Се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: съ нами Богъ* (Ис. VII, 14; Матѳ. I, 2). Видишь ли, что и Отцу принадлежитъ имя *Господь*, и Сыну имя *Богъ?* Какъ тамъ сказано: *да познаютъ, яко имя Тебѣ Господь;* такъ и здѣсь говорится: *нарекутъ имя ему Еммануилъ*. И еще: *отроча родися намъ, сынъ и дадеся намъ, и нарицается имя его: велика совѣта Ангелъ, Богъ крѣпкій, властелинъ* (Ис. IX, 6). Обрати вниманіе на благоразуміе и духовную мудрость пророковъ. Чтобы, сказавъ просто: *Богъ*, не внушить мысли, будто они говорятъ объ Отцѣ, они сначала упоминаютъ о домостроительствѣ, такъ какъ, конечно, не Отецъ родился отъ Дѣвы и былъ отрокомъ. И другой пророкъ говоритъ о Немъ такимъ же образомъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему* (Варух. III, 36). Но о комъ онъ говоритъ это? Не объ Отцѣ ли? Нѣтъ; потому что и
739 онъ, послушай, какъ упоминаетъ о домостроительствѣ. Сказавъ: *сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему*, онъ присовокупилъ: *изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку своему и Израилю возлюбленному отъ Него: по семъ на земли явися и съ человѣки поживе* (ст. 37. 38). А Павелъ говоритъ: *отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ, благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. IX, 5); и еще: *всякъ блудникъ, или лихоимецъ не иматъ достоянія въ царствіи Христа и Бога* (Ефес. V, 5); и еще: *явленія великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 13). Такъ же называетъ Его и Іоаннъ, изрекая: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1).

3. Такъ, скажутъ, но ты покажи и тѣ мѣста, гдѣ Писаніе, упоминая о Сынѣ вмѣстѣ съ Отцемъ, называетъ Отца Господомъ. А я покажу не только это, но и то, что Писаніе и Отца называетъ Господомъ и Сына Господомъ, также называетъ Отца Богомъ и Сына Богомъ, поставляя вмѣстѣ оба имени. Гдѣ же можно найти это? Христосъ, бесѣдуя нѣкогда съ іудеями, говоритъ: *что вамъ мнится о Христѣ? Чій есть Сынъ? Глаголаша Ему: Давидовъ. Глагола имъ: како убо Давидъ духомъ Господа Его нарицаетъ, глаголя: рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене* (Матѳ. XXII, 42—44)? Вотъ Господь и Господь. Хочешь ли знать, гдѣ Писаніе говоря объ Отцѣ вмѣстѣ съ Сыномъ, называетъ

ихъ Богомъ и Богомъ? Послушай пророка Давида и апостола Павла, которые показываютъ намъ это. *Престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка, жезлъ правости, жезлъ царствія твоего: возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помаза тя, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причастникъ твоихъ* (Псал. XLIV, 7. 8). И Павелъ также привелъ это свидѣтельство въ словахъ: *ко ангеломъ своимъ глаголетъ: творяй ангелы своя духи: къ Сыну же: престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка* (Евр. I, 7. 8). Но скажутъ, почему же, въ упомянутомъ мѣстѣ (1 Кор. VIII, 6) Павелъ называлъ Отца Богомъ, а Сына Господомъ? Тамъ онъ сдѣлалъ это не напрасно и не безъ причины, а потому, что у него была рѣчь къ язычникамъ, страдавшимъ многобожіемъ. Чтобы они не могли сказать ему: обвиняя насъ за то, что мы признаемъ многихъ боговъ и многихъ господъ, ты самъ подлежишь тому же обвиненію, когда говоришь о богахъ, а не о Богѣ; поэтому Павелъ, снисходя къ ихъ немощи, называетъ Сына другимъ именемъ, имѣющимъ одинаковую силу. А что это истинно, для убѣжденія я прочитаю это мѣсто повыше, и вы ясно увидите, что сказанное не есть моя догадка. *О идоложертвенныхъ же вѣмы, яко вси разумъ имамы: разумъ убо кичитъ, а любы созидаетъ: о ядепіи же идоложертвенныхъ вѣмы, яко идолъ ничто же есть въ мірѣ, и яко никто же Богъ инъ, токмо единъ* (1 Кор. VIII, 1—4). Видишь ли, что онъ говоритъ это, обращаясь къ тѣмъ, которые признавали многихъ боговъ? *Аще бо и суть глаголеміи бози мнози, или на небеси или на земли* (опять онъ возстаетъ противъ нихъ), *яко же суть бози мнози и господіе мнози*, т. е. такъ называемые боги; *но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и единъ Господь Іисусъ Хри-* 740
стосъ, Имже вся (ст. 5, 6). Для того онъ и присовокупилъ слово: *единъ*, чтобы они не подумали, будто опять вводится многобожіе; онъ назвалъ Отца *единымъ Богомъ*, не исключая Сына изъ Божества, равно какъ и Сына назвалъ *единымъ Господомъ*, не исключая Отца изъ Господства, но исправляя недостатокъ слушателей и не желая подавать имъ какого-либо повода къ заблужденію. Это было причиною и того, что пророки не ясно и открыто, но темно и рѣдко возвѣщали іудеямъ о Сынѣ Божіемъ. Едва только избавившись отъ многобожнаго заблужденія, іудеи снова подверглись бы той же болѣзни, если бы опять услышали о Богѣ и Богѣ. Посему пророки вездѣ непрестанно говорятъ, что Богъ *единъ, и нѣсть развѣ Его* (Втор. IV, 35. Иса. XLV, 5. 21), говорятъ не отвергая Сына,—да не будетъ,—но желая исцѣлить немощь іудеевъ и отклонить ихъ отъ мысли о многихъ и мнимыхъ богахъ. Итакъ когда ты услышишь слова: *единъ и нѣсть иного* и другія подобныя, то не уничижай славы Троицы, но изъ этихъ выраженій заключай о разстояніи

между Ею и тварію; ибо въ другомъ мѣстѣ сказано: *кто бо разумѣ умъ Господенъ* (Иса. xl, 13. Римл. xi, 34)? А что здѣсь также не отрицается разумѣніе ни въ Сынѣ, ни въ Духѣ, это объяснено уже сказаннымъ ранѣе, когда мы приводили въ свидѣтельство слова: *кто бо вѣсть яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ? Такожде и Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій* (1 Кор. ii, 11): Также и Христосъ говоритъ: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Матѳ. xi, 27). Такъ и въ слѣдующихъ словахъ: *не яко Отца видѣлъ есть кто, токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца* (Іоан. xi, 46). Сказавъ, что Онъ знаетъ Отца съ точностію, Христосъ вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ и причину, почему Онъ знаетъ. Какая же эта причина? Бытіе отъ Него; а доказательствомъ бытія отъ Него служитъ опять то, что Онъ знаетъ Отца съ точностію; ибо потому Онъ знаетъ Отца совершенно, что имѣетъ бытіе отъ Него; признакомъ же бытія отъ Него служитъ совершенное знаніе Его. Никакое существо не можетъ хорошо знать высшаго существа, хотя бы между ними было и малое разстояніе. Послушай, что говоритъ пророкъ объ ангелахъ и человѣческомъ родѣ, какъ не велико различіе между ними. Сказавъ: *что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его*, онъ присовокупилъ: *умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ* (Псал. viii, 5. 6). И однако, такъ какъ несомнѣнно есть между ними нѣкоторое разстояніе, хотя и малое, мы не знаемъ съ точностію существа ангеловъ и не можемъ узнать его, сколько бы ни размышляли о немъ.

4. Но что я говорю объ ангелахъ, когда мы не знаемъ хорошо, или вѣрнѣе, нисколько не знаемъ даже сущности нашей души? А если тѣ будутъ спорить, будто знаютъ ее, то спроси, что такое душа по существу: воздухъ ли, или дыханіе, или вѣтеръ, или огонь? Они скажутъ, что душа не есть ни одна изъ этихъ вещей, потому что всѣ онѣ тѣлесны, а душа безтѣлесна. Итакъ они не знаютъ ни ангеловъ, ни собственныхъ своихъ душъ, а утверждаютъ, будто знаютъ съ точностію Владыку и Создателя всего? Что можетъ быть хуже такого безумія? Но для чего я го-
741 ворю: что такое душа по существу? Даже и того нельзя сказать, какъ она находится въ нашемъ тѣлѣ. Что можно сказать объ этомъ? То ли, что она распростирается по составу тѣла? Но это нелѣпо; потому что это свойственно тѣламъ; а къ душѣ это не относится, какъ видно изъ того, что часто и по отсѣченіи рукъ и ногъ она остается цѣлою и нисколько не сокращается отъ искаженія тѣла. Или она не находится во всемъ тѣлѣ, а сосредоточена въ какой-нибудь его части? Въ такомъ случаѣ прочія части необходимо должны быть мертвыми; потому что бездушное совер-

шенно мертво. Но и этого сказать нельзя. Такимъ образомъ то, что душа существуетъ въ нашемъ тѣлѣ, мы знаемъ, а какъ она существуетъ, этого не знаемъ. Познаніе о ней Богъ сокрылъ отъ насъ для того, чтобы сильнѣе заградить намъ уста, удержать насъ и заставить оставаться внизу, а не любопытствовать и не изслѣдовать того, чтò выше насъ. Впрочемъ, чтобы намъ не доказывать этого соображеніями разума, мы опять обратимся къ Писанію. *Не яко Отца видѣлъ есть кто*, говоритъ (Господь), *токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца* (Іоан. VI, 46). Что же изъ этого? — скажутъ,—этимъ изреченіемъ еще не приписывается Сыну совершенное знаніе. То, что тварь не знаетъ Отца, Онъ выразилъ въ словахъ: *не яко Отца видѣлъ есть кто;* и то, что Сынъ знаетъ Его, Онъ также выразилъ въ прибавленіи: *токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца;* но что онъ знаетъ Отца совершенно и такъ, какъ самого Себя, это еще не доказано. Можно думать, скажутъ, что вполнѣ не знаетъ Его ни тварь, ни Сынъ, и что Сынъ, хотя имѣетъ понятіе объ Отцѣ болѣе ясное, нежели тварь, но также несовершенное. То, что Онъ видитъ Отца, каковъ Онъ есть, и знаетъ Его, Онъ сказалъ; а что Онъ знаетъ Его совершенно и такъ, какъ самого Себя, этого еще не объявилъ. Но хотите ли, я докажу и это Писаніями, и именно изреченіемъ самого Христа? Послушаемъ, чтò говоритъ Онъ къ іудеямъ: *якоже знаетъ мя Отецъ, и Азъ знаю Отца* (Іоан. х, 15). Какого еще хочешь ты знанія совершеннѣе этого? Спроси возражающаго: совершенно ли Отецъ знаетъ Сына и точно ли имѣетъ всякое знаніе о Немъ, такъ что ничто не сокрыто отъ Него касательно Сына, но *Ему* принадлежитъ полное знаніе? Да, скажетъ онъ. Итакъ, когда ты услышишь, что и Сынъ знаетъ Отца такъ, какъ Онъ — Сына, не ищи больше ничего, когда знаніе ихъ совершенно одинаково. Тоже самое выражаетъ Онъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще волитъ Сынъ открыти* (Матѳ. XI, 27). А открываетъ Онъ объ Отцѣ не столько, сколько Самъ знаетъ, но сколько мы вмѣщаемъ. Такъ поступаетъ не только Христосъ, но даже Павелъ, который говоритъ своимъ ученикамъ: *не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ: млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ: ибо не у можасте* (1 Кор. III, 1. 2). Но, скажутъ, онъ говорилъ это только коринѳянамъ. А чтò, если я докажу, что онъ зналъ и нѣчто другое, чего не зналъ никто изъ людей, и умеръ, зная это одинъ изъ всѣхъ людей? Гдѣ же сказано объ этомъ? Въ посланіи къ Коринѳянамъ, гдѣ онъ самъ говоритъ: *слышахъ неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати* (2 Кор. XII, 4). И однако 742

тотъ самый, который слышалъ тогда *неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати*, имѣлъ знаніе частное и гораздо меньшее будущаго. Самъ онъ сказавъ то, сказалъ и это: *отъ части разумѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ;* и еще: *егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смышляхъ;* и еще: *вижу нынѣ яко зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 9—12). Изъ этого открывается намъ вся лживость еретиковъ; если самое существо невѣдомо не въ томъ, что оно существуетъ, а въ томъ, каково оно, то было бы крайне безумно давать ему названіе. Даже если бы оно было извѣстно и познано, и тогда намъ было бы не безопасно самимъ отъ себя давать наименованіе существу Владыки. Если Павелъ не осмѣлился дать названія вышнимъ силамъ, но сказавъ, что Богъ посадилъ Христа *превыше всякаго началства и власти и силы, и всякаго имене именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ* (Ефес. I, 21), и научивъ насъ, что есть такія названія силъ, которыя мы узнаемъ только въ будущемъ, не дерзнулъ самъ замѣнить ихъ другими и даже изслѣдовать ихъ, то какого прощенія, или какого оправданія могутъ удостоиться тѣ, которые дерзаютъ поступать такъ въ отношеніи къ существу Владыки? Если самое существо (Божіе) невѣдомо, то надобно удаляться отъ нихъ, какъ отъ сумасшедшихъ. То, что Богъ не рожденъ, извѣстно; а что это названіе есть названіе Его существа, этого не сказалъ никакой пророкъ, не открылъ никакой апостолъ, никакой евангелистъ. И это вполнѣ понятно, потому что не зная самаго существа, какъ они могли бы назвать его по имени?

5. Но что я говорю о божественныхъ Писаніяхъ, когда эта нелѣпость такъ очевидна и беззаконіе такъ велико, что даже язычники, уклонившіеся отъ истины, никогда не дерзали сказать что-нибудь подобное? И изъ нихъ никто не осмѣлился опредѣлить Божественное существо и выразить его однимъ названіемъ. И что я говорю о Божественномъ существѣ, когда они, разсуждая о природѣ безтѣлесныхъ существъ, даже ея не опредѣлили надлежащимъ образомъ, но предлагали нѣкоторое темное изображеніе и описаніе ея, а не опредѣленіе? А какъ еще умничаютъ еретики? Такимъ образомъ, говорятъ они, ты не знаешь того, что̀ почитаешь? На это совсѣмъ не слѣдовало бы даже отвѣчать послѣ того, какъ изъ Писаній доказано, что невозможно знать Бога въ Его существѣ; но такъ какъ я говорю не по враждѣ, а для ихъ исправленія, то теперь докажу, что не знаютъ Бога не тѣ, которые не знаютъ Его существа, а тѣ, которые усиливаются познать это существо. Скажи мнѣ: если бы два человѣка спорили между собою о знаніи величины неба, и одинъ изъ нихъ говорилъ бы, что человѣческимъ

глазомъ невозможно обнять его, а другой утверждалъ бы, что все небо можно измѣрить пядію руки, то кому изъ нихъ мы приписали бы знаніе величины неба, тому ли, кто утверждаетъ, будто 743
знаетъ, сколько въ немъ пядей, или тому, кто признаетъ свое незнаніе? Если же тотъ, кто отступаетъ предъ величиною неба, оказывается болѣе знающимъ эту величину, то какъ мы не будемъ относиться съ такимъ же благоговѣніемъ къ Богу? Не крайнее ли это безуміе? Отъ насъ требуется только знать, что Богъ существуетъ, а не изслѣдовать Его существа, о чемъ послушай, какъ говоритъ Павелъ: *вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть* (Евр. XI, 6). Также и пророкъ, осуждая нѣкоторыхъ въ нечестіи, осуждаетъ не за незнаніе того, *что* такое Богъ, но за непризнаніе того, что Богъ *существуетъ: рече*, говоритъ онъ, *безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1). Итакъ, если этотъ безумецъ оказывается нечестивымъ не потому, что не знаетъ существа Божія, а потому, что не признаетъ бытія Божія, то для благочестія довольно признавать, что Богъ *существуетъ*. Но у нихъ придумано и нѣкоторое другое возраженіе. Какое же? Сказано, говорятъ они, что *духъ есть Богъ* (Іоан. IV, 24). Но развѣ этимъ, скажи мнѣ, опредѣляется существо Его? Кто можетъ допустить это, если онъ хотя сколько-нибудь приближался къ дверямъ божественныхъ Писаній? На такомъ основаніи можно было бы сказать, что Богъ есть огонь; какъ написано, что Богъ есть духъ, такъ же написано, что *Богъ нашъ огнь поядай есть* (Евр. XII, 29); а въ другомъ мѣстѣ,—что Онъ есть *источникъ воды живы* (Іер. II, 13); и не только можно было бы сказать, что Богъ есть духъ, источникъ и огонь, но и душа, и вѣтеръ, и умъ человѣческій, и многое другое, гораздо болѣе неумѣстное; не нужно перечислять все и подражать ихъ безумію. Названіе *духъ* означаетъ многое; напримѣръ—нашу душу, какъ говоритъ Павелъ: *предати таковаго сатанѣ, да духъ спасется* (1 Кор. V, 5); и вѣтеръ, какъ говоритъ пророкъ: *духомъ бурнымъ сокрушиши* ихъ (Псал. XLVII, 8). Тѣмъ же именемъ называется и духовное дарованіе: *самый духъ*, говоритъ апостолъ, *спослушествуетъ духови нашему* (Римл. VIII, 16); и еще: *помолюся духомъ, помолюся же и умомъ* (1 Кор. XIV, 15). Такъ же называется и гнѣвъ, какъ говоритъ Исаія: *не ты ли былъ еси помышляя духомъ жестокимъ убити я* (Иса. XXVII, 8)? Духомъ называется и помощь Божія: *духъ лица нашего помазанный Господь* (Плач. Іер. IV, 20). Всѣмъ этимъ, по ихъ мнѣнію, былъ бы у насъ Богъ, и слагался бы изъ всего этого. Но чтобы намъ не пустословить, выставляя на видъ не нуждающееся въ опроверженіи, окончимъ теперь рѣчь противъ нихъ и всецѣло обратимся къ молитвѣ; и чѣмъ болѣе они оказываютъ нечестія, тѣмъ болѣе

мы будемъ просить и молиться о нихъ, чтобы они когда-нибудь оставили свое безуміе. *Сіе бо пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. II, 3. 4).

6. Итакъ не перестанемъ совершать о нихъ моленія. Молитва есть оружіе великое, сокровище неоскудѣвающее, богатство никогда неистощаемое, пристань безмятежная, основаніе спокойствія; молитва есть корень, источникъ и мать безчисленныхъ благъ и могущественнѣе царской власти. Бываетъ иногда, что облеченный діадимою страдаетъ горячкою и лежитъ на постели въ воспаленіи, а около него стоятъ врачи, копьеносцы, слуги, военачальники, но ни искусство врачей, ни присутствіе друзей, ни услужливость ра-
744 бовъ, ни множество лѣкарствъ, ни драгоцѣнность убранства, ни изобиліе богатства, и ни что другое человѣческое не можетъ облегчить постигшей его болѣзни. Если же войдетъ кто-нибудь, имѣющій дерзновеніе предъ Богомъ, и только коснется его тѣла, и вознесетъ о немъ чистую молитву, то вся болѣзнь исчезаетъ, и такимъ образомъ, чего не могли сдѣлать богатство, множество прислужниковъ, опытное искусство и величіе царской власти, то часто могла совершать молитва одного бѣднаго и нищаго. Впрочемъ я говорю о молитвѣ не пустой и разсѣянной, но возносимой съ усердіемъ, изъ души скорбящей и сердца сокрушеннаго. Такая молитва восходитъ къ небу; какъ вода, пока течетъ по ровной мѣстности и имѣетъ большой просторъ, не поднимается къ верху, а когда руки водопроводчиковъ снизу задержатъ и стѣснятъ ее, то она быстрѣе всякой стрѣлы устремляется въ высоту, такъ точно и душа человѣческая, пока пользуется большою свободою, развлекается и разсѣевается, а когда низменныя обстоятельства стѣснятъ ее, то она, выдержавъ хорошее испытаніе, возноситъ горѣ чистыя и усердныя молитвы. А чтобы тебѣ убѣдиться, что молитвы, совершаемыя въ скорби, скорѣе могутъ быть услышаны Богомъ, послушай, что̀ говоритъ пророкъ: *ко Господу, внегда скорбѣти ми, воззвахъ, и услыша мя* (Псал. CXIX, 1). Возбудимъ же свою совѣсть, опечалимъ душу памятію о грѣхахъ, опечалимъ не для того, чтобы стѣснить ее, а для содѣйствія тому, чтобы она была услышана, чтобы она трезвилась, бодрствовала и достигала до самыхъ небесъ. Ничто такъ не отгоняетъ безпечности и разсѣянности, какъ скорбь и печаль; она отвсюду сосредоточиваетъ душу и обращаетъ ее къ самой себѣ. Кто такъ скорбитъ и молится, тотъ послѣ молитвы можетъ испытать въ своей душѣ великое удовольствіе. Какъ сгустившіяся облака сначала дѣлаютъ воздухъ мрачнымъ, а низпустивъ обильный дождь и изливъ всю влагу, оставляютъ воздухъ чистымъ и свѣтлымъ; такъ точно и печаль, пока скопляется внутри,

помрачаетъ нашъ умъ, а когда разрѣшится словами молитвы и соединенными съ нею слезами, и выйдетъ извнутри вонъ, то оставляетъ въ душѣ великую ясность, такъ какъ въ душу молящагося входитъ, какъ нѣкоторый лучъ, помощь Божія. Между тѣмъ какая у многихъ холодная отговорка? Я не имѣю дерзновенія, говорятъ они, я стыжусь и не могу открыть уста. Это—сатанинская стыдливость, это—прикрытіе безпечности; этимъ діаволъ хочетъ затворить для тебя двери, ведущія къ Богу. Ты не имѣешь дерзновенія? Но великое дерзновеніе, великая польза въ томъ и состоитъ, чтобы считать себя не имѣющимъ дерзновенія; равно какъ стыдъ и крайняя опасность—считать себя имѣющимъ дерзновеніе. Если ты имѣешь много заслугъ и не знаешь за собою ничего худого, но считаешь себя имѣющимъ дерзновеніе, то всякая молитва твоя не дѣйствительна; если же ты носишь въ совѣсти великое бремя грѣховъ и при этомъ признаешь себя послѣднимъ изъ всѣхъ, то ты будешь имѣть великое дерзновеніе предъ Богомъ, хотя еще 745
нѣтъ смиренномудрія въ томъ, чтобы грѣшникъ считалъ себя грѣшникомъ. Смиренномудріе состоитъ въ томъ, чтобы, сознавая за собою много великаго, ничего великаго о себѣ не думать, чтобы, уподобляясь Павлу и имѣя возможность сказать: *ничесо же въ себѣ свѣмъ*, въ то же время говорить: *но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. IV, 4), и еще: *Христосъ Іисусъ пріиде грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ* (1 Тим. I, 15). Въ томъ и состоитъ смиренномудріе, когда кто, будучи высокимъ по заслугамъ, смиряетъ самъ себя въ умѣ. Впрочемъ Богъ, по неизреченному Своему человѣколюбію, не отвергаетъ отъ Себя и принимаетъ не только смиренномудрствующихъ, но и тѣхъ, которые искренно исповѣдуютъ грѣхи свои,—бываетъ милостивъ и благъ даже и къ такимъ людямъ. А чтобы тебѣ убѣдиться, какое великое благо—не мечтать о самомъ себѣ ничего великаго, представь въ умѣ двѣ колесницы, изъ которыхъ въ одну запряги праведность и высокомѣріе, а въ другую грѣхъ со смиренномудріемъ, и ты увидишь, что колесница грѣха опередитъ праведность не собственною силою, но силою сопряженнаго съ нимъ смиренномудрія; а колесница праведности отстанетъ, не по немощи праведности, но по тяжести и громадности высокомѣрія. Какъ смиренномудріе своею превосходною высотою преодолѣваетъ тяжесть грѣха и быстро восходитъ на небо, такъ высокомѣріе, по своей великой тяжести и громадности, можетъ пересилить и превыспреннюю праведность и легко увлечь ее внизъ.

7. А что первая колесница бываетъ быстрѣе послѣдней, вспомни о фарисеѣ и мытарѣ. Фарисей впрягъ вмѣстѣ праведность и высокомѣріе, и говорилъ такъ: *Боже, хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмъ,*

якоже прочіе человѣцы, хищницы, неправедницы, или якоже сей мытарь (Лук. XVIII, 11). О безуміе! Его высокомѣріе не удовольствовалось сравненіемъ со всѣмъ родомъ человѣческимъ, но съ великимъ неистовствомъ напало и на близъ стоявшаго мытаря. Что же тотъ? Онъ не возсталъ противъ поношенія, не оскорбился укоризною, но великодушно перенесъ сказанное, и стрѣла врага сдѣлалась для него врачевствомъ и исцѣленіемъ, поношеніе—похвалою, укоризна—вѣнцомъ. Такъ велико благо—смиренномудріе; такъ полезно—не оскорбляться злословіями другихъ и не раздражаться обидами ближнихъ! Можно и отъ нихъ получить себѣ великое и важное благо, какъ и было съ мытаремъ. Претерпѣвъ поношеніе, онъ очистился отъ грѣховъ, и сказавъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. XVIII, 13), *сниде оправданъ паче онаго* (ст. 14); слова оказались выше дѣлъ, изреченіями побѣждены дѣянія. Фарисей вы-
746 ставлялъ на видъ праведность, постъ и десятины; а мытарь произнесъ простыя слова, и избавился отъ всѣхъ грѣховъ, потому что Богъ не слова только слышалъ, но видѣлъ и душевное расположеніе, съ которымъ они были произнесены, нашелъ его уничиженнымъ и сокрушеннымъ и помиловалъ, по Своему человѣколюбію. Впрочемъ это я говорю не для того, чтобы мы грѣшили, но чтобы были смиренномудрыми. Если мытарь, человѣкъ отличавшійся крайнимъ нечестіемъ, пріобрѣлъ такое благоволеніе Божіе не смиренномудріемъ, а только раскаяніемъ, объявленіемъ грѣховъ своихъ и исповѣданіемъ того, чѣмъ онъ былъ, то какую великую помощь получатъ отъ Бога тѣ, которые совершили много добрыхъ дѣлъ и ничего великаго о себѣ не думаютъ? Посему прошу, убѣждаю и умоляю васъ—непрестанно исповѣдывать свои грѣхи предъ Богомъ. Я не выставляю тебя на видъ предъ подобными тебѣ рабами и не принуждаю открывать грѣхи людямъ; раскрой совѣсть свою предъ Богомъ, покажи Ему свои раны и проси у Него врачевства, покажи Тому, Который не укоряетъ, а врачуетъ; Онъ видитъ все, хотя бы ты и умолчалъ. Скажи же, чтобы тебѣ получить пользу, скажи, чтобы, сложивъ съ себя здѣсь всѣ грѣхи, отойти туда чистымъ и безгрѣшнымъ, и избавиться отъ будущаго невыносимаго ихъ обнаруженія. Три отрока находились въ пещи, предавъ душу свою за исповѣданіе Владыки, и однако, послѣ столь великихъ подвиговъ, они говорятъ: *нѣсть намъ отверсти устъ, студъ и поношеніе быхомъ рабомъ твоимъ и чтущымъ тя* (Дан. III, 33). Для чего же вы отверзаете уста? Для того, говорятъ они, чтобы сказать именно это, что *нѣсть намъ отверсти уста*, и этимъ преклонить къ себѣ Владыку. Сила молитвы погашала силу огня, обуздывала ярость львовъ, останавливала войны, прекращала сраженія, утишала бури, прогоняла демоновъ, отверзала врата неба,

расторгала узы смерти, отгоняла болѣзни, отражала злобу, укрѣпляла колеблющіеся города; и свыше посылаемые удары, и человѣческія козни, и всѣ вообще бѣдствія отклоняла молитва. Опять я говорю не о той молитвѣ, которая бываетъ только на устахъ, но о той, которая возносится изъ глубины души. Если деревья глубоко пустили свои корни, то ихъ не сокрушатъ и не вырвутъ даже безчисленные напоры вѣтра, потому что корнями своими они крѣпко держатся въ глубинѣ земли; такъ точно и молитвы, возносимыя изъ глубины души, имѣя тамъ свои корни, безопасно возносятся горѣ и не задерживаются никакими нападеніями помысловъ. Поэтому и пророкъ говоритъ: *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи* (Псал. cxxix, 1). Я говорю все это не для того, чтобы вы только хвалили, но чтобы исполняли и на дѣлѣ. Если несчастные получаютъ нѣкоторую отраду, высказывая людямъ свои несчастія и съ прискорбіемъ описывая постигшія ихъ бѣдствія, какъ будто въ словахъ своихъ находятъ нѣкоторое облегченіе, то тѣмъ болѣе ты получишь облегченіе и великое утѣшеніе, если откроешь твоему Владыкѣ страданія души своей. Человѣкъ часто тяготится тѣмъ, кто сѣтуетъ и плачетъ предъ нимъ, отстраняется и отвращается отъ несчастнаго; а Богъ поступаетъ не такъ, но принимаетъ и привлекаетъ къ Себѣ, и хотя бы ты продолжительно высказывалъ Ему свои несчастія, Онъ тогда еще болѣе любитъ тебя и внимаетъ твоимъ моленіямъ. Это самое выражая, Христосъ говорилъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. xi, 28). Итакъ Онъ зоветъ,—не отвратимъ своего слуха; Онъ влечетъ,—не будемъ убѣгать отъ Него; хотя бы у насъ было множество грѣховъ, тогда еще болѣе будемъ прибѣгать къ Нему, потому что такихъ Онъ и призываетъ. *Не пріидохъ, бо,* говоритъ Онъ, *призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Матѳ. ix, 13). И тамъ Онъ называетъ обремененными и труждающимися тѣхъ, которые обременены тяжестію грѣховъ. Онъ называется *Богомъ утѣхи* и *Богомъ щедротъ* (2 Кор. i, 3), потому что Его непрестанная дѣятельность та, чтобы утѣшать и призывать скорбящихъ и сѣтующихъ, хотя бы у нихъ было множество грѣховъ. Только предадимъ Ему себя, только прибѣгнемъ къ Нему и не будемъ отступать, и тогда мы на опытѣ познаемъ истину сказаннаго, и ничто случающееся съ нами не въ состояніи будетъ опечалить насъ, если будемъ возносить молитву напряженную и усердную; посредствомъ ея мы избавимся отъ всего, чтò бы насъ ни постигло. И удивительно ли, что сила молитвы можетъ прекращать человѣческія горести, если она легко погашаетъ и истребляетъ самые грѣхи? Итакъ, чтобы намъ легко провести настоящую жизнь, свергнуть всѣ грѣхи, какіе мы навлекли на себя, и съ дерзно-

747

веніемъ предстать предъ престоломъ Христовымъ, будемъ постоянно приготовлять себѣ это врачевство, составляя его изъ слезъ, усердія, постоянства и терпѣнія. Такимъ образомъ мы и будемъ наслаждаться постояннымъ здоровьемъ и получимъ будущія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ, и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «О блаженномъ Филогоніѣ, который сдѣлался изъ адвоката епископомъ, и о томъ, что для благоугожденія Богу ничто не можетъ сравниться съ попеченіемъ объ общей пользѣ, и о томъ, что за невнимательное причастіе Божественныхъ таинствъ мы подвергаемся невыносимому наказанію, хотя бы дерзнули на это однажды въ годъ. Сказано за пять дней до Рождества Христова».

748 Я И СЕГОДНЯ готовился выйти на борьбу съ еретиками и уплатить вамъ остатокъ долга; но день блаженнаго Филогонія, котораго праздникъ мы совершаемъ нынѣ *), побуждаетъ меня къ повѣствованію объ его подвигахъ; и, конечно, надобно повиноваться. Если *иже злословитъ отца или матерь, смертію умретъ* (Исх. XXI, 16), то очевидно, что прославляющій ихъ непремѣнно будетъ наслаждаться жизнію; и если мы должны оказывать такое расположеніе къ естественнымъ родителямъ, то тѣмъ болѣе — къ духовнымъ, особенно когда отъ нашей похвалы умершіе не дѣлаются болѣе славными, а мы собравшіеся, и говорящіе и слушающіе, дѣлаемся лучшими. Кто взошелъ на небо, тотъ не нуждается въ человѣческихъ похвалахъ, какъ уже до-
749 стигшій лучшаго и блаженнѣйшаго наслѣдія; а мы, доселѣ живущіе здѣсь и всегда нуждающіеся въ великомъ утѣшеніи, имѣемъ нужду въ похвалахъ ему, чтобы пробудить и въ себѣ такую же ревность. Одинъ премудрый даетъ такое наставленіе: *память праведныхъ съ похвалами* (Прит. X, 7), не потому, что отшедшіе получаютъ отъ этого великую пользу, но потому, что ее получаютъ прославляющіе ихъ. Итакъ, если мы получаемъ такъ много пользы отъ этого прославленія, то послушаемся премудраго и не станемъ противиться: и самое время удобно для такой бесѣды. Сегодня

*) Св. Филогоній, 21-й антіохійскій епископъ, защитникъ православной вѣры противъ еретика Арія, ум. въ 323 или 324 году по Р. Х. Память его празднуется 20 декабря.

этотъ блаженный переселился въ безмятежную жизнь и ввелъ свою ладью туда, гдѣ уже не нужно опасаться ни кораблекрушенія, ни унынія, ни печали. И удивительно ли, что та обитель свободна отъ печали, когда Павелъ, бесѣдуя съ людьми еще живыми, говоритъ: *всегда радуйтеся, непрестанно молитеся* (1 Сол. v, 17. 18)? Если же здѣсь, гдѣ болѣзни, огорченія, преждевременныя смерти, клевета, зависть, уныніе, гнѣвъ, порочныя похоти, безчисленныя козни, повседневныя заботы, частыя и непрерывныя бѣдствія приносятъ со всѣхъ сторонъ множество скорбей, если здѣсь, по словамъ Павла, можно всегда радоваться тому, кто хотя немного освобождается отъ треволненій житейскихъ дѣлъ и хорошо устрояетъ жизнь свою; то тѣмъ болѣе можно достигнуть этого блага по отшествіи туда, гдѣ нѣтъ ничего такого, ни болѣзней, ни страстей, ни повода къ грѣхамъ, гдѣ нѣтъ словъ: *мое* и *твое*—этихъ холодныхъ словъ, которыя вносятъ въ нашу жизнь всѣ бѣдствія и производятъ безчисленныя войны. Поэтому особенно я и ублажаю этого святого, что онъ, переселившись отсюда и вышедши изъ нашего города, взошелъ въ другой градъ — Божій; оставивъ эту церковь, вступилъ въ ту *Церковь первородныхъ, написанныхъ на небесѣхъ*; и прекративъ участіе въ здѣшнихъ праздникахъ, переселился къ торжеству ангеловъ. А что тамъ есть и городъ и Церковь и торжество, объ этомъ послушай Павла, который говоритъ: *приступисте ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и Церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и тмамъ ангеловъ, торжеству* (Евр. xii, 22. 23). Торжествомъ онъ называетъ все тамошнее, не только по множеству вышнихъ силъ, но и по обилію благъ и непрестанной радости и веселію. Торжество обыкновенно составляетъ не иное что, какъ многочисленность собравшихся и обиліе предлагаемыхъ вещей, когда привозятъ и пшеницу, и ячмень, и всякаго рода плоды, и стада овецъ, и табуны воловъ, и одежды, и другое подобное, и одни продаютъ, а другіе покупаютъ. Что же изъ этихъ вещей, спросятъ, есть на небесахъ? Изъ этихъ вещей—ничего, но есть нѣчто гораздо болѣе досточтимое. Не пшеница, ячмень и другія произведенія, но повсюду тамъ въ великомъ изобиліи всякіе плоды Духа—любовь, радость, веселіе, миръ, благость и кротость, на небесахъ можно видѣть не стада овецъ и табуны воловъ, но души совершенныхъ праведниковъ, душевныя добродѣтели и нравственныя совершенства, не одежды и 750
платья, но вѣнцы драгоцѣннѣйшіе всякаго золота, награды, воздаянія и безчисленныя блага, уготованныя добродѣтельнымъ. И сонмъ собравшихся тамъ гораздо почтеннѣе и многочисленнѣе; онъ состоитъ не изъ городскихъ и сельскихъ жителей, но въ одномъ мѣстѣ миріады ангеловъ, въ другомъ—тысячи архангеловъ,

здѣсь сонмы пророковъ, тамъ лики мучениковъ, чины апостоловъ, собранія праведниковъ и различныя общества всякихъ угодниковъ. Поистинѣ это дивное торжество; а что важнѣе всего, среди этого торжества собравшихся пребываетъ самъ Царь всѣхъ ихъ, о чемъ апостолъ послѣ словъ: *къ тмамъ ангеловъ и торжеству,* сказалъ такъ: *и Судіи всѣхъ Богу* (Евр. XII, 23). Кто видалъ когда-нибудь, чтобы царь присутствовалъ на торжищѣ? Здѣсь этого никто никогда не видалъ, а пребывающіе тамъ непрестанно, сколько имъ возможно, видятъ Его самого присутствующимъ и украшающимъ свѣтлостію Своей славы всѣхъ собравшихся. Здѣшнія торжества часто прекращаются среди дня, а тамошнее не таково; оно не знаетъ ни мѣсячныхъ оборотовъ, ни годовыхъ круговращеній, ни числа дней, но продолжается постоянно, и всѣ блага его не имѣютъ предѣла, не знаютъ конца, не могутъ ни состарѣться, ни увянуть, но суть нестарѣющіяся и безсмертныя. Нѣтъ тамъ никакого шума, какъ здѣсь, никакого смятенія, но совершенный порядокъ оттого, что всѣ съ надлежащимъ благочиніемъ и стройно, какъ бы на какой киѳарѣ, воспѣваютъ Владыкѣ тѣхъ и другихъ тварей согласную и пріятнѣйшую всякой музыки пѣснь, а душа ихъ тамъ, какъ бы въ какихъ таинственныхъ святилищахъ и при божественныхъ таинствахъ, совершаетъ божественное священнодѣйствіе.

2. Въ эту блаженную и нестарѣющуюся жизнь переселился нынѣ блаженный Филогоній. Какое слово можетъ быть достойно человѣка, получившаго такое прекрасное наслѣдіе? Нѣтъ такого слова. Что же, скажи мнѣ, поэтому мы будемъ молчать? Для чего же и собрались мы? Скажемъ ли, что мы не въ состояніи изобразить величіе дѣлъ его? Но поэтому и нужно говорить, такъ какъ важнѣйшая часть похвалы въ томъ и состоитъ, что слова не могутъ сравняться съ дѣлами; чьи подвиги выше смертной природы, тому и похвала, очевидно, выше языка человѣческаго. Впрочемъ, за это онъ не отвергнетъ нашего слова, но поступитъ подобно самому Господу, Который вдовицѣ, положившей только двѣ лепты, далъ награду не за двѣ только лепты. Почему? Потому, что Онъ обратилъ вниманіе не на количество денегъ, а на богатство души. Если ты посмотришь на деньги вдовицы, то найдешь крайнюю бѣдность; а если вникнешь въ ея намѣреніе, то увидишь неизъяснимое сокровище душевнаго величія. Такъ и наше приношеніе, хотя мало и бѣдно, но таково, какое мы имѣемъ; хотя оно не соотвѣтствуетъ душевному величію доблестнаго и праведнаго Филогонія, но и то будетъ величайшимъ доказательствомъ его вели-
751 кодушія, если онъ не отвергнетъ и малаго приношенія, а поступитъ подобно богатымъ. Они, принявъ отъ бѣдныхъ малое, въ чемъ сами нисколько не нуждаются, прибавляютъ къ этому еще

свое, вознаграждая тѣхъ, которые принесли имъ, что могли. Такъ точно и этотъ блаженный, принявъ отъ насъ словесную хвалу, въ которой онъ нисколько не нуждается, воздастъ намъ дѣйствительное благословеніе, въ которомъ мы всегда нуждаемся. Съ чего же намъ слѣдуетъ начать похвалы? Съ чего иного, какъ не съ той власти, которую ввѣрила ему благодать Духа? Внѣшняя власть не всегда можетъ быть доказательствомъ добродѣтели тѣхъ, которымъ она ввѣряется, напротивъ часто свидѣтельствуетъ объ ихъ порочности. Почему? Потому, что для полученія такой власти обыкновенно помогаютъ и ходатайства друзей, и происки, и льстивыя рѣчи, и многіе другіе болѣе постыдные способы. Но когда избираетъ и опредѣляетъ Богъ и когда Его десница касается святой главы, тогда опредѣленіе не лицепріятно, судъ не подлежитъ подозрѣнію, и несомнѣннымъ одобреніемъ рукополагаемаго служитъ достоинство Рукополагающаго. А что Богъ избралъ блаженнаго Филогонія, это видно изъ самаго образа избранія. Онъ взятъ былъ изъ среды торжища и возведенъ на этотъ престолъ; такою почтенною и свѣтлою жизнію отличался онъ раньше, имѣя жену и дочь и обращаясь въ судилищѣ; онъ сіялъ яснѣе солнца, такъ что прямо оттуда явился достойнымъ власти, и съ сѣдалища судейскаго возведенъ на сѣдалище священное. Тогда онъ защищалъ людей отъ козней людей же, дѣлая обиженныхъ сильнѣйшими обижающихъ; а пришедши сюда, защищалъ людей отъ нападенія демоновъ. А сколь важнымъ доказательствомъ его добродѣтели служитъ то, что онъ удостоился этой власти отъ благодати Божіей, объ этомъ послушай, что говоритъ воскресшій Христосъ Петру. Когда Господь спросилъ его: *Петръ, любиши ли Мя*, и тотъ отвѣчалъ: *Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя* (Іоан. XXI, 16), тогда Христосъ не сказалъ: оставь имущество, изнуряй себя постомъ и суровыми подвигами, воскрешай мертвыхъ, изгоняй демоновъ, не упомянулъ ни о чемъ такомъ, ни о другихъ знаменіяхъ и о подвигахъ, но умолчавъ обо всемъ этомъ, говоритъ: если ты любишь Меня, *паси овцы моя* (ст. 17). Это сказалъ Онъ для того, чтобы показать намъ величайшій знакъ не только любви къ Нему, но и Своей любви къ овцамъ, и эту любовь (къ овцамъ) призналъ важнѣйшимъ доказательствомъ любви къ Нему самому, какъ бы такъ сказавъ: кто любитъ овецъ Моихъ, тотъ любитъ Меня. Посмотри, сколько претерпѣлъ Христосъ для этого стада: Онъ сдѣлался человѣкомъ, принявъ образъ раба, подвергался оплеванію и заушенію, наконецъ не отказался и отъ смерти и смерти самой позорной: на крестѣ пролилъ кровь Свою. Итакъ, если кто хочетъ благоугодить Ему, тотъ пусть печется объ этихъ овцахъ, пусть ищетъ общей пользы, пусть заботится о своихъ братіяхъ; нѣтъ никакого подвига драгоцѣннѣе

этого предъ Богомъ; посему и въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу, Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. xxii, 31, 32). Какое же ты дашь Мнѣ воздаяніе за такое попеченіе и промышленіе? А какого воздаянія Онъ самъ требуетъ? Опять того же самаго: *и ты*, говоритъ, *нѣкогда обращся, утверди братію твою* (ст. 32). Такъ и Павелъ говоритъ: *подражатели мнѣ бы-*
752 *вайте, яко же и азъ Христу* (I Кор. xi, 1). Какимъ же образомъ онъ былъ подражателемъ Христу? *Во всемъ всѣмъ угождая не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся* (1 Кор. x, 33); и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *ибо и Христосъ не себѣ угоди, но многимъ* (Рим. xv, 3). И нѣтъ другого такого свидѣтельства и знака вѣры и любви ко Христу, какъ попеченіе о братьяхъ и заботливость объ ихъ спасеніи.

3. Пусть слушаютъ это и всѣ монашествующіе, и обитающіе на вершинахъ горъ, и всѣми способами распявшіе себя для міра, чтобы и они, по мѣрѣ силъ своихъ, помогали предстоятелямъ церквей, содѣйствовали имъ молитвами, единодушіемъ, любовію; пусть знаютъ, что если они, даже находясь вдали, не будутъ всячески содѣйствовать поставленнымъ благодатію Божіею и обремененнымъ такими заботами, то самое главное въ жизни ихъ потеряно и вся мудрость ихъ объюродѣла. Отсюда видно, что любовь къ ближнимъ служитъ величайшимъ доказательствомъ любви ко Христу. Теперь посмотримъ, какъ блаженный правилъ епископствомъ; или лучше сказать, здѣсь не нужно словъ и нашего голоса; потому что самое усердіе ваше доказываетъ это. Кто войдетъ въ виноградникъ и увидитъ виноградныя лозы, покрытыя листьями, обремененныя плодами и обнесенныя со всѣхъ сторонъ плетнями и оградами, тотъ не будетъ нуждаться ни въ какихъ словахъ и другихъ доказательствахъ, чтобы убѣдиться въ хорошихъ качествахъ садовника и земледѣльца; такъ точно и здѣсь кто войдетъ и увидитъ эти духовныя виноградныя лозы и ваши плоды, тому не нужны будутъ никакія слова и объясненія, чтобы узнать вашего предстоятеля; какъ и Павелъ говоритъ: *посланіе наше вы есте, написаное и прочитаемое* (2 Кор. iii, 2). Рѣка указываетъ на источникъ, и плодъ на корень. Слѣдовало бы сказать и о времени, въ которое ввѣрена была ему эта власть, такъ какъ и это составляетъ не малую часть похвалы и весьма достаточно можетъ свидѣтельствовать о добродѣтели этого мужа. Много трудностей было тогда, когда гоненіе только что прекратилось, еще оставались слѣды этой жесточайшей бури, и дѣла требовали великаго исправленія. Къ этому слѣдовало бы еще прибавить, что ему пришлось останавливать начавшуюся при немъ ересь.

такъ какъ мудрость его предвидѣла все; но рѣчь моя спѣшитъ перейти къ другому необходимому предмету. Посему, предоставивъ сказать о томъ нашему общему отцу и подражателю блаженнаго Филогонія, какъ лучше насъ знающему все древнее, я перейду къ другому предмету собесѣдованія. Скоро настанетъ праздникъ, который болѣе всѣхъ праздниковъ достоинъ почитанія и благоговѣнія, и который безошибочно можно назвать матерію всѣхъ праздниковъ. Какой же это праздникъ? Рождество Христово по плоти. Отъ него получили начало и основаніе Богоявленіе, и священная Пасха, и Вознесеніе, и Пятьдесятница. Если бы Христосъ не родился по плоти, то и не крестился бы, что́ и есть Богоявленіе,—и не распялся бы, что́ и есть Пасха,—и не послалъ бы Духа, что́ и есть 753
Пятьдесятница. Такимъ образомъ отъ Рождества Христова, какъ различные потоки отъ источника, проистекли всѣ эти праздники. И не поэтому только этотъ день справедливо могъ бы занимать первенство, но и потому, что событіе этого дня есть самое поразительное изъ всѣхъ событій. Что Христосъ, сдѣлавшись человѣкомъ, умеръ, это было въ порядкѣ вещей; потому что, хотя Онъ и не сдѣлалъ грѣха, но принялъ смертное тѣло. Конечно и это достойно удивленія; но что Онъ, будучи Богомъ, благоволилъ сдѣлаться человѣкомъ и уничижить Себя такъ, что и умомъ постигнуть невозможно,—это самое поразительное и изумительное дѣло. Удивляясь этому, и Павелъ говоритъ: *и исповѣдуемо велія есть благочестія тайна*. Какая *велія? Богъ явися во плоти* (1 Тим. III, 16). И въ другомъ мѣстѣ: *не отъ Ангелъ пріемлетъ Богъ, но отъ сѣмени Авраамова пріемлетъ, отнюду же долженъ бѣ по всему подобитися братіи* (Евр. II, 16, 17). Особенно для того я привѣтствую этотъ день съ любовію и объявляю предъ всѣми эту любовь, чтобы и васъ сдѣлать участниками такой любви; посему прошу и убѣждаю всѣхъ васъ собраться тогда со всею ревностію и усердіемъ, оставить каждому домъ свой, чтобы намъ увидѣть поразительное и дивное зрѣлище—Владыку нашего, лежащаго въ ясляхъ и повитаго пеленами. Какое можетъ быть намъ оправданіе, какое прощеніе, если, тогда какъ самъ Онъ для насъ сходитъ съ небесъ, мы и изъ дому не придемъ къ Нему? Тогда какъ волхвы, эти варвары и иноплеменники, стремятся изъ Персіи, чтобы увидѣть Его лежащаго въ ясляхъ, ты, христіанинъ, не потрудишься пройти и малое разстояніе, чтобы насладиться этимъ блаженнымъ зрѣлищемъ? Такъ, если мы придемъ съ вѣрою, то несомнѣнно увидимъ Его лежащимъ въ ясляхъ, потому что эта трапеза замѣняетъ собою ясли. Здѣсь будетъ возлежать тѣло Господне, не пеленами повитое, какъ тогда, но со всѣхъ сторонъ осѣняемое Духомъ Святымъ. Посвященные въ тайны знаютъ, о чемъ я говорю. Волхвы

только поклонились Ему; а тебѣ, если ты приступишь съ чистою совѣстію, мы позволимъ взять и самое тѣло Его и возвратиться домой. Приди же и ты съ дарами, не съ такими, какъ они, но съ гораздо драгоцѣннѣйшими. Они принесли золото, ты принеси цѣломудріе и добродѣтель; они принесли ливанъ, ты принеси чистыя молитвы, эти духовныя благовонія; они принесли смирну, ты принеси смиренномудріе, сердце уничиженное и милостыню. Если ты придешь съ такими дарами, то съ великимъ дерзновеніемъ насладишься этою священною трапезою. Говорю сегодня все это потому, что я увѣренъ, что многіе въ тотъ день непремѣнно придутъ и приступятъ къ этой духовной жертвѣ. Итакъ, чтобы намъ сдѣлать это не ко вреду и не въ осужденіе, но во спасеніе души нашей, я уже теперь предупреждаю и прошу васъ всячески очистить самихъ себя и потомъ приступать къ священнымъ таинствамъ.

754 4. Никто пусть не говоритъ мнѣ: я стыжусь, совѣсть моя полна грѣховъ, я ношу тягчайшее бремя. Срокъ этихъ пяти дней достаточенъ для того, чтобы очистить множество грѣховъ, если будешь трезвиться, молиться и бодрствовать. Не смотри на то, что время кратко, а имѣй въ виду, что Господь человѣколюбивъ; ниневитяне и въ три дня отклонили отъ себя гнѣвъ Его, и нисколько не помѣшала имъ краткость времени, но все сдѣлало душевное усердіе ихъ, при помощи человѣколюбія Господа (Іон. гл. III). И блудница, приступившая ко Христу, въ краткое мгновеніе времени смыла съ себя весь позоръ; и когда іудеи негодовали, что Христосъ допустилъ ее къ Себѣ и дозволилъ ей такую смѣлость, то Онъ заградилъ имъ уста, а ее отпустилъ, простивъ ей всѣ грѣхи и принявъ ея усердіе (Лук. гл. VII). Почему такъ? Потому, что она приступила съ теплымъ расположеніемъ, съ пламенною душою и съ горячею вѣрою, и коснулась святыхъ и священныхъ ногъ Его, распустивъ волосы, проливая изъ очей потоки слезъ и возливая муро. Чѣмъ она обольщала людей, изъ того устроила и врачество покаянія; чѣмъ возбуждала взоры похотливыхъ, тѣмъ и источала слезы; тѣми волосами, которыми увлекала многихъ ко грѣху, отирала ноги Христа; тѣмъ муромъ, которымъ уловляла многихъ, намащала стопы Его. Такъ и ты, чѣмъ прогнѣвалъ Бога, тѣмъ и умилостивляй Его. Ты прогнѣвалъ Его хищеніемъ денегъ? Ими и умилостиви Его, возвративъ обиженнымъ похищенное, и еще прибавивъ къ тому, и скажи подобно Закхею: *возвращу четверицею* за все, что́ я похитилъ (Лук. XIX, 8). Ты прогнѣвалъ Бога языкомъ и злословіемъ, которымъ оскорбилъ многихъ? Языкомъ и умилостивляй его, возсылая чистыя молитвы, благословляя порицающихъ, восхваляя злословящихъ, благодаря наносящихъ обиды. На это не нужно много дней и годовъ, а нужно

только благорасположеніе, и все исполнится въ одинъ день. Отстань отъ зла, полюби добродѣтель, прекрати порочную жизнь и обѣщай больше не поступать такъ, и этого достаточно будетъ для твоего оправданія. Я свидѣтельствую и увѣряю, что если каждый изъ насъ грѣшниковъ, отставъ отъ прежнихъ грѣховъ, дастъ искренній обѣтъ Богу не повторять ихъ, то Богъ ничего другого больше не потребуетъ для оправданія. Онъ человѣколюбивъ и милостивъ, и какъ находящаяся въ мукахъ рожденія желаетъ разрѣшиться отъ бремени, такъ и Онъ желаетъ излить Свою милость; но грѣхи наши препятствуютъ этому. Разрушимъ же эту преграду и съ этого начнемъ праздникъ, отказавшись отъ всего въ теченіе этихъ пяти дней; прощайте судилища, прощайте совѣщанія, удалитесь житейскія дѣла, условія и договоры: я хочу спасти Свою душу. *Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Мат. XVI, 26)? Волхвы вышли изъ Персіи, удались и ты отъ житейскихъ дѣлъ, и иди къ Іисусу; разстояніе не велико, 755
если мы захотимъ идти. Не нужно ни переплывать море, ни переходить вершины горъ, но оставаясь дома, и оказывая благоговѣніе и великое сокрушеніе, можно видѣть Христа, разрушить всякую преграду, уничтожить препятствіе, сократить пространство пути. *Богъ приближаяйся Азъ есмь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалеча* (Іерем. XXIII, 23); и: *близъ Господь всѣмъ призывающымъ Его во истинѣ* (Пс. CXLIV, 18). А нынѣ многіе изъ вѣрующихъ дошли до такого безумія и пренебреженія, что, преисполняясь множествомъ грѣховъ и нисколько не заботясь о себѣ, нерадиво и какъ случится приступаютъ въ праздники къ этой трапезѣ, а того не знаютъ, что время пріобщенія опредѣляется не праздникомъ и торжествомъ, но чистою совѣстію и безукоризненною жизнію. Какъ человѣку, не сознающему за собою ничего худого, можно пріобщаться каждый день, такъ напротивъ погрязшему во грѣхахъ и не раскаявшемуся не безопасно приступать къ этой трапезѣ и въ праздникъ. То, что мы приступаемъ лишь однажды въ годъ не освобождаетъ насъ отъ вины, если приступаемъ недостойно; напротивъ то самое и служитъ къ большему осужденію, что мы, и приступая однажды въ годъ, не приступаемъ чистыми. Посему увѣщеваю всѣхъ васъ приступать къ божественнымъ таинствамъ не по поводу праздника только; но если вы пожелаете пріобщиться этого святаго приношенія, то за нѣсколько дней должны очищать себя покаяніемъ, молитвою, милостынею и занятіемъ духовными предметами, и не возвращаться назадъ, какъ *песъ на свою блевотину* (2 Петр. II, 22). Не странно ли, что о тѣлесныхъ вещахъ прилагаютъ такое попеченіе; за нѣсколько дней до наступленія праздника, вынимаютъ изъ сундуковъ самое лучшее платье и приводятъ

его въ порядокъ, покупаютъ обувь, дѣлаютъ обильнѣйшіе запасы для стола, придумываютъ множество всякихъ приготовленій и всячески убираютъ и украшаютъ самихъ себя; а о душѣ, оставленной въ пренебреженіи, неочищенной, оскверненной, томящейся голодомъ и остающейся нечистою, нисколько не заботятся; тѣло приводятъ сюда украшеннымъ, а душу оставляютъ обнаженною и безобразною? Между тѣмъ тѣло твое видитъ подобный тебѣ рабъ, и тебѣ не будетъ никакого вреда, какъ бы оно ни было одѣто; а душу видитъ Господь и за нерадѣніе о ней подвергаетъ величайшему наказанію. Развѣ вы не знаете, что эта трапеза исполнена духовнаго огня, и какъ источники изобилуютъ естественною водою, такъ и она содержитъ въ себѣ невыразимый пламень? Приступай же къ ней не съ соломою, деревомъ и сѣномъ, чтобы тебѣ не усилить этого пламени и не сжечь пріобщающейся души, но приступай съ драгоцѣнными камнями, золотомъ и серебромъ (1 Кор. II, 22), чтобы и это вещество сдѣлать болѣе чистымъ, и выйти отсюда съ великою прибылью. Если есть что-нибудь худое въ душѣ твоей, извергни, изгони это вонъ изъ нея. Врага ли кто имѣетъ и потерпѣлъ великія обиды? Пусть онъ прекратитъ вражду, пусть усмиритъ воспламененную и раздраженную душу, чтобы внутри не оставалось никакого волненія и смятенія. Чрезъ пріобщеніе ты примешь въ себя Царя; а когда Царь входитъ въ душу, тогда въ ней должна быть великая тишина, великое спокойствіе, глубокій миръ помысловъ. Но ты потерпѣлъ великія обиды и не можешь укротить гнѣва? Для чего же ты самъ причиняешь себѣ еще бо́льшую и жесточайшую обиду? Не столько повредитъ тебѣ врагъ, что̀ бы онъ ни дѣлалъ, сколько ты вредишь самому себѣ, не примиряясь съ нимъ и попирая законы Божіи. Человѣкъ оскорбилъ тебя? Неужели, скажи мнѣ, изъ-за этого ты станешь оскорблять Бога? Не примиряться съ оскорбившимъ значитъ не столько мстить ему, сколько оскорблять Бога, заповѣдавшаго примиреніе. Итакъ, смотри не па подобнаго тебѣ раба и не на тяжесть обидъ его, но, представляя въ умѣ своемъ Бога и страхъ Его, имѣй въ виду, что чѣмъ больше ты станешь принуждать свою душу и заставлять ее послѣ безчисленныхъ обидъ примиряться съ оскорбившимъ, тѣмъ бо́льшую честь ты получишь отъ Бога, Который заповѣдалъ это; и какъ ты здѣсь примешь Его съ великою честію, такъ и Онъ тамъ приметъ тебя съ великою славою и за такое послушаніе воздастъ тебѣ тысячекратныя награды, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: о не пришедшихъ въ собраніе, и доказательства того, что Сынъ единосущенъ Отцу, и что все, сказанное и сдѣланное Имъ уничиженно, было сдѣлано и сказано не по немощи силы Его и не къ униженію Его, но по разнымъ цѣлямъ домостроительства; и о непостижимомъ, и пр.

ОПЯТЬ конскія скачки, и опять у насъ собраніе стало меньше. 756
Впрочемъ, когда вы присутствуете, то оно не можетъ быть меньше. Какъ земледѣлецъ, видя цвѣтущій и зрѣлый хлѣбъ, не много заботится о падающихъ листьяхъ; такъ точно и я теперь, когда у насъ есть плодъ, не очень печалюсь, взирая на оторванныя листья. Хотя я скорблю и объ ихъ безпечности, но эту скорбь о нихъ облегчаетъ усердіе вашей любви. Они, если иногда и приходятъ, то и тогда не присутствуютъ, но тѣло ихъ стоитъ здѣсь, а душа блуждаетъ внѣ; вы же, если иногда и отсутствуете, то и тогда присутствуете; ибо ваше тѣло находится внѣ, а душа—здѣсь. Хотѣлъ я вести длинную рѣчь противъ нихъ, но чтобы мнѣ, обличая отсутствующихъ и не слушающихъ, не оказаться сражающимся съ тѣнью, отложу эту рѣчь до ихъ прибытія, а теперь, при помощи Божіей, постараюсь вывести васъ, 757
возлюбленные, на обычный лугъ и море божественныхъ Писаній. Внимайте же и бодрствуйте. Плывущимъ на кораблѣ не угрожаетъ никакая опасность, хотя бы они всѣ спали, а бодрствовалъ только одинъ кормчій, такъ какъ его бодрствованіе и искусство безъ всего прочаго достаточны для безопасности плаванія; здѣсь же не такъ, но хотя бы проповѣдующій непрестанно бодрствовалъ, если слушающіе не окажутъ такого же бодрствованія, то наша рѣчь какъ бы погрузится въ море и погибнетъ, не встрѣтивъ души, которая приняла бы ее. Будемъ же бодрствовать, будемъ внимательны; наше плаваніе имѣетъ въ виду важнѣйшіе предметы; мы плывемъ не за золотомъ, серебромъ и другими погибающими вещами, но за будущею жизнію и небесными сокровищами; и здѣсь гораздо больше путей, нежели на морѣ и на землѣ, такъ что, если кто не умѣетъ вѣрно находить ихъ, тотъ подвергнется жесточайшему кораблекрушенію. Итакъ всѣ вы, плывущіе съ нами, оказывайте не безпечность сидящихъ на кораблѣ, но неусыпность и заботливость кормчихъ. Въ то время, какъ всѣ прочіе спятъ, кормчіе сидятъ при рулѣ и не только наблюдаютъ водные пути, но взирая и на далекое небо и руководствуясь, какъ бы какою рукою, теченіемъ звѣздъ, безопасно направляютъ судно; и никто изъ неопытныхъ не можетъ такъ без-

опасно плыть по морю днемъ, какъ спокойно плывутъ они среди ночи, когда море представляется болѣе страшнымъ; они бодрствуютъ и невозмутимо показываютъ свое искусство, наблюдая не только водные пути и теченіе звѣздъ, но и направленіе вѣтровъ; и мудрость этихъ людей такова, что часто, при сильнѣйшемъ напорѣ вѣтра, угрожающемъ перевернуть корабль, они частыми перемѣнами парусовъ благовременно предупреждаютъ всякую опасность и, противопоставляя свое искусство сильнымъ порывамъ вѣтровъ, избавляютъ судно отъ кораблекрушенія. Если же они, плавая за земными вещами по вещественному морю, постоянно сохраняютъ такую бодрость души, то тѣмъ болѣе намъ нужно находиться въ такомъ настроеніи; потому что здѣсь и больше опасности для безпечныхъ, и больше безопасности для бодрствующихъ. Ладья у насъ построена не изъ досокъ, но составлена изъ божественныхъ Писаній; не звѣзды сверху руководятъ ею, но Солнце правды направляетъ наше плаваніе; и мы сидимъ при рулѣ, ожидая не дуновеній вѣтра, но тихаго вѣянія Духа.

2. Будемъ же бодрствовать и тщательно наблюдать свои пути; у насъ опять будетъ рѣчь о славѣ Единороднаго. Прежде я доказалъ, что познаніе существа Божія гораздо выше мудрости и людей, и ангеловъ, и архангеловъ, и вообще всякой твари, и что оно доступно и ясно только для Единороднаго и Святаго Духа; а теперь моя рѣчь переходитъ къ другой части состязанія. Я
758 спрашиваю, одна ли и таже сила, одна ли и таже власть, одно ли и тоже существо у Сына съ Отцемъ? Впрочемъ, я не спрашиваю объ этомъ, потому что по благодати Христовой мы уже знаемъ и твердо содержимъ это; но я теперь намѣреваюсь тоже самое доказать тѣмъ, которые безстыдно разсуждаютъ объ этомъ. Я стыжусь и краснѣю, приступая къ рѣчи о такомъ предметѣ. Кто не станетъ смѣяться намъ нами, когда мы будемъ стараться доказывать и объяснять столь ясное? Кто не осудитъ тѣхъ, которые спрашиваютъ, единосущенъ ли Сынъ Отцу? Такой вопросъ противенъ не только Писаніямъ, но и общему разумѣнію всѣхъ людей и самой природѣ вещей; ибо единосущіе рожденнаго съ родившимъ всякой можетъ видѣть не только на людяхъ, но и на всѣхъ животныхъ и на деревьяхъ. Поэтому не нелѣпо ли считать этотъ законъ неизмѣннымъ въ отношеніи къ растеніямъ, людямъ и животнымъ, а измѣнять и извращать его только въ отношеніи къ Богу? Впрочемъ, чтобы не показалось, что я подтверждаю это только предметами, близкими къ намъ, теперь я докажу это и изъ Писаній и такимъ образомъ буду вести рѣчь. Тогда осмѣянію подвергнемся не мы, увѣренные (въ этой истинѣ), но они невѣрующіе, противорѣчущіе столь явному и противящіеся истинѣ. Чему, ска-

жутъ, явному? Если Онъ единосущенъ Отцу потому, что называется Сыномъ, то и мы можемъ быть единосущными Отцу, такъ какъ и мы называемся сынами Его: *азъ рѣхъ*, говоритъ пророкъ. *бози есте и сынови Вышняго вси* (Псал. LXXXI, 6). О, безстыдство! О, крайнее безуміе! Какъ во всемъ они показываютъ свое безразсудство! Когда мы вели рѣчь о непостижимомъ, они усиливались присвоить себѣ то̀, что̀ принадлежитъ одному Единородному, т. е. такое точное знаніе Бога, какое Онъ имѣетъ о самомъ Себѣ; а теперь, когда у насъ рѣчь о славѣ Единороднаго, они усиливаются низвести Его до своего уничиженнаго состоянія, утверждая, что и мы называемся сынами. Но это названіе вовсе не дѣлаетъ насъ единосущными Богу. Ты только называешься сыномъ, а Онъ и есть таковъ; здѣсь названіе, а тамъ дѣло. Ты называешься сыномъ, но не называешься *Единороднымъ*, какъ Онъ, не пребываешь въ *лонѣ* Отчемъ, ты—не *сіяніе славы*, не *образъ ипостаси*, не отображеніе Бога (Евр. I, 3). Итакъ, если тебя не убѣждаетъ сказанное прежде, то пусть убѣдитъ это и многое другое больше этого, что̀ свидѣтельствуетъ о Его высокомъ происхожденіи. Такъ, когда Онъ хочетъ показать одинаковость существа Своего съ Родителемъ, то говоритъ: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9); и объ одинаковости Своей силы говоритъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30); и о равенствѣ власти: *якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. V, 21); и о тожествѣ почитанія: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. V, 23); и о власти измѣнять законы говоритъ: *Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17). Еретики же умалчиваютъ о всемъ этомъ и принимая имя *Сынъ* не въ собственномъ смыслѣ, на томъ основаніи, что и сами они почтены названіемъ сыновъ, низводятъ Сына до одинаковаго съ собою уничиженнаго состоянія, повторяя: *азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Псал. LXXXI, 6). Если ты говоришь, что Сынъ Божій, называясь сыномъ, не имѣетъ никакого преимущества предъ тобою, и потому не есть истинный Сынъ Его, то и изъ названія *богомъ*, даннаго тебѣ, ты, можетъ быть, станешь заключать, что и Отецъ 759
не имѣетъ никакого преимущества предъ тобою; потому что ты названъ не только сыномъ, но и богомъ. Но называясь богомъ, ты не осмѣливаешься говорить, что это имя въ примѣненіи къ Отцу есть одно названіе, а исповѣдуешь, что Отецъ есть истинный Богъ; такъ и въ отношеніи къ Сыну не дерзай указывать на самого себя и говорить: и я названъ сыномъ, и какъ я не одного и того же существа съ Богомъ, такъ и Сынъ долженъ быть не одного и того же существа съ Отцемъ; ибо все приведенное изъ Писанія показываетъ, что Онъ есть истинный Сынъ и одного и того же

существа съ Родителемъ. Такъ, когда говорится, что Онъ есть тожественное отображеніе и тожественный *образъ*, то что̀ иное выражается этимъ, какъ не одинаковость существа? Ибо у Бога нѣтъ ни образа, ни лица. Но, скажутъ, если ты говоришь объ этомъ, то скажи и о томъ, что противорѣчитъ этому. Что же именно? Напримѣръ то, что Онъ молится Отцу; если Онъ имѣетъ одинаковую силу и одно и тоже существо и дѣлаетъ все своею властію, то для чего Онъ молится?

3. А я не только скажу это, но точно изложу и все другое, что сказано о Немъ уничиженнаго, замѣтивъ напередъ, что касательно уничиженныхъ выраженій о Немъ я могу привести много основательныхъ причинъ, а ты касательно выраженій о Его высотѣ и величіи не можешь указать ни на какую другую причину, кромѣ той, что ими Самъ Онъ хотѣлъ показать намъ Свое высокое происхожденіе. Иначе, если бы это было не такъ, въ Писаніяхъ было бы несогласіе и противорѣчіе. Когда Сынъ Божій говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихже хощетъ, живитъ* (Іоан. v, 21), и многое другое, о чемъ я сказалъ, и однако молится, когда нужно было совершить это, то повидимому здѣсь есть противорѣчіе; но если я укажу причины этого, то всякое противорѣчіе исчезнетъ. Какія же причины того, что и самъ Онъ и апостолы говорили о Немъ много уничиженнаго? Первая и важнѣйшая причина та, что Онъ былъ облеченъ плотію и хотѣлъ удостовѣрить какъ современниковъ, такъ и всѣхъ потомковъ, что Онъ—не тѣнь какая-нибудь, и явленіе Его—не призракъ только, но дѣйствительная истина. Если послѣ того, какъ и апостолы о Немъ и самъ Онъ о Себѣ сказали столько уничиженнаго и человѣческаго, діаволъ однако успѣлъ убѣдить нѣкоторыхъ несчастныхъ и жалкихъ людей—отвергать ученіе о домостроительствѣ Его и дерзко говорить, что Онъ не принималъ плоти, и ниспровергать все дѣло Его человѣколюбія; то, если бы ничего такого не было сказано, сколь многіе впали бы въ эту пропасть? Не слышишь ли, какъ еще и теперь отвергаетъ это домостроительство Маркіонъ, и Манихей, и Валентинъ, и многіе другіе? Для того Онъ и говорилъ о Себѣ много человѣческаго, уничиженнаго и чуждаго неизреченному существу, чтобы удостовѣрить въ истинѣ своего домостроительства. Діаволъ сильно старался истребить эту вѣру между людьми, зная, что, если онъ истребитъ вѣру въ домостроительство, то бо́льшая часть дѣла нашего спасенія погибнетъ. Затѣмъ есть и другая причина—немощь слушателей и невозможность для нихъ, видѣвшихъ Его тогда въ первый разъ и слышавшихъ тогда въ первый разъ, усвоить себѣ высшее догматическое ученіе. А что сказанное не есть догадка,

это я постараюсь показать и объяснить тебѣ изъ самыхъ Писаній. Такъ, когда Онъ говорилъ что-нибудь великое, высокое и достойное Своей славы, — что я говорю: великое, высокое и достойное Своей славы? — когда Онъ говорилъ что-нибудь высшее человѣческой природы, то они смущались и соблазнялись; а когда Онъ говорилъ что-нибудь уничиженное и человѣческое, то прибѣгали къ Нему и принимали ученіе. Гдѣ же, скажутъ, можно видѣть это? Особенно у Іоанна; когда Христосъ сказалъ: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой, и видѣ, и возрадовася*, то они говорятъ: *пятидесяти лѣтъ не у имаши, и Авраама ли еси видѣлъ* (Іоан. VIII, 56, 57)? Видишь ли, что они относились къ Нему, какъ къ простому человѣку? Что же Онъ? *Прежде даже Авраамъ не бысть*, говоритъ Онъ, *Азъ есмь*. Они же *взяша каменіе, да вергутъ нанъ* (Іоан. VIII, 58. 59). И когда Онъ, излагая продолжительную рѣчь о таинствахъ, говорилъ: *и хлѣбъ, его же Азъ дамъ за животъ міра, плоть Моя есть*, то они говорили: *жестоко есть слово сіе: кто можетъ его послушати? И отъ сего мнози отъ ученикъ Его идоша вспять, и ктому не хождаху съ Нимъ* (Іоан. VI, 51, 60, 66). Что же, скажи мнѣ, слѣдовало Ему дѣлать? Употреблять ли постоянно высшія выраженія, чтобы отогнать уловляемыхъ и отвратить всѣхъ отъ ученія? Но это не согласно было бы съ человѣколюбіемъ Божіимъ. И затѣмъ, когда Онъ сказалъ: *аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣки*, то они говорили: *нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаши: Авраамъ умре и пророцы, и Ты глаголеши: аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать вкусити* (Іоан. VIII, 51, 52)? И удивительно ли, что народъ такъ относился къ Нему, когда и сами начальники имѣли такія же понятія? Такъ Никодимъ, бывшій начальникомъ, приходившій ко Христу съ великимъ благорасположеніемъ и говорившій: *вѣмъ, яко отъ Бога пришелъ еси учитель*, не могъ усвоить ученія о крещеніи, которое было гораздо выше его немощи. Когда Христосъ сказалъ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ видѣти царствія Божія*, то онъ предавался человѣческимъ сужденіямъ и говорилъ: *како можетъ человѣкъ родитися, старъ сый; еда можетъ второе внити во утробу матере своея, и родитися?* Что же Христосъ? *Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете* (Іоан. III, 2—12)? — Онъ сказалъ это, какъ-бы оправдываясь и объясняя, почему Онъ не бесѣдовалъ съ ними постоянно о вышнемъ рожденіи. Также предъ самымъ распятіемъ на крестѣ, послѣ безчисленныхъ знаменій, послѣ многихъ доказательствъ Своей силы, Онъ сказалъ: *узрите Сына человѣческаго, грядуща во облацѣхъ* (Матѳ. XXVI, 64); а первосвященникъ, не перенесши этихъ 760

словъ, разодралъ одежды свои. Какъ же нужно было говорить съ тѣми, которые не выносили ничего высокаго? Неудивительно, что Онъ ничего великаго и высокаго не говорилъ о Себѣ людямъ, пресмыкавшимся по землѣ и столь немощнымъ.

4. Сказаннаго достаточно было бы для доказательства того, что дѣйствительно такова была причина и таковъ поводъ къ употребленію уничиженныхъ выраженій; но я постараюсь объяснить это и съ другой стороны. Вы видѣли, что они соблазнялись, смущались, отклонялись, хулили и убѣгали, когда Христосъ говорилъ
761 что-нибудь великое и высокое; теперь я постараюсь показать вамъ, что они прибѣгали и принимали ученіе, когда Онъ говорилъ что-нибудь смиренное и уничиженное. Тѣ, которые убѣгали отъ Него, тѣ же самые въ другое время, когда Онъ говорилъ: *о Себѣ ничесоже творю, но яко же научи мя Отецъ Мой, сія глаголю* (Іоан. VIII, 28), тотчасъ прибѣгали къ Нему. И евангелистъ, желая показать намъ, что они увѣровали по причинѣ смиренія этихъ словъ, въ объясненіе сказалъ: *сія Ему глаголющу, мнози вѣроваша въ Него* (ст. 30). И въ другихъ мѣстахъ часто можно находить такіе случаи. Поэтому Онъ много и часто говорилъ по-человѣчески, впрочемъ не вполнѣ по-человѣчески, но богоприлично и достойно высокаго Его происхожденія, съ одной стороны снисходя къ немощи слушателей, а съ другой—соблюдая вѣрность догматовъ. Чтобы постоянное снисхожденіе не внушило потомкамъ неправильнаго мнѣнія о Его достоинствѣ, Онъ не пренебрегъ и этой послѣдней стороны; хотя предвидѣлъ, что Его не будутъ слушать и даже будутъ хулить и убѣгать отъ него, однако говорилъ о Себѣ и высокое, устрояя именно то, на что я указалъ, и дѣлая ясною причину, по которой Онъ употреблялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уничиженныя выраженія. А причина была та, что слушатели еще не могли усвоить высокихъ изреченій. Если бы Онъ не хотѣлъ устроить этого, то излишне было бы преподаваніе высокихъ догматовъ людямъ не слушавшимъ и не внимавшимъ; а теперь оно не принесло этимъ людямъ никакой пользы, но насъ научило и подготовило къ надлежащему понятію о Немъ, и убѣдило, что именно по немощи ихъ къ усвоенію высокихъ изреченій Онъ употреблялъ въ рѣчи и уничиженныя выраженія. Итакъ, когда ты услышишь, что Онъ говоритъ уничиженно, то знай, что это—снисхожденіе, не вслѣдствіе уничиженнаго существа Его, но вслѣдствіе немощи разумѣнія слушателей. Хотите ли, я укажу и третью причину? Онъ дѣлалъ и говорилъ много смиреннаго не только по той причинѣ того, что былъ облеченъ плотію, и что слушатели были немощны, но и потому, что Онъ хотѣлъ научить ихъ смиренномудрію; это и есть третья причина. Научая смиренномудрію,

Онъ поучаетъ этому не только словами, но и дѣлами, показывая смиреніе и словомъ и дѣломъ. *Научитеся отъ Мене*, говоритъ Онъ, *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Матѳ. XI, 29); и еще въ другомъ мѣстѣ: *Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити* (Матѳ. XX, 28). Такимъ образомъ научая быть смиренными и никогда не домогаться первенства, но всегда довольствоваться уничиженнымъ состояніемъ, и внушая это словами и дѣлами, Христосъ имѣлъ много поводовъ говорить смиренное. Можно указать и на четвертую причину, не меньшую вышесказанныхъ. Какая же она? Та, чтобы по причинѣ великой и неизреченной близости лицъ въ Божествѣ, мы какъ-нибудь не дошли до мнѣнія объ одномъ лицѣ въ Немъ, какъ нѣкоторые уже и теперь впали въ это нечестіе, хотя Онъ рѣдко говорилъ что-нибудь подобное. Такъ, слова Его: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30), и: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. XIV, 9), открывающія близость Его Родителю, Савеллій Ливійскій обратилъ въ поводъ къ нечестію и къ ученію объ одномъ лицѣ и одной Ѵпостаси (въ Бо- 762
жествѣ). Кромѣ этихъ причинъ была и та, чтобы никто не почиталъ Его первымъ и нерожденнымъ существомъ и не считалъ Его бо́льшимъ Родителя. Такъ и Павелъ повидимому опасался того, чтобы кто-нибудь не пришелъ къ такому нечестивому и неправому мнѣнію. Сказавъ: *подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ враги подъ ногама своима*, и далѣе: *вся покори подъ нозѣ Его*, онъ присовокупилъ: *развѣ покоршаго Ему вся* (1 Кор. XV, 25—28); а этого онъ не присовокупилъ бы, если бы не опасался, чтобы не явилось такое діавольское мнѣніе. Иногда Христосъ уничижалъ высоту изреченій и для того, чтобы укротить ненависть іудеевъ и часто говорилъ сообразно съ пониманіемъ бесѣдовавшихъ съ Нимъ, какъ наприм. въ словахъ: *аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно* (Іоан. V, 31). Онъ сказалъ такъ, приспособляясь къ пониманію іудеевъ; Онъ, конечно, хотѣлъ не то выразить, будто Онъ не истиненъ, но сказать: какъ вы думаете и подозрѣваете, не желая выслушать Меня, говорящаго о самомъ Себѣ.

5. Можно найти много и другихъ причинъ на это. Такимъ образомъ мы можемъ указать много причинъ, по которымъ Христосъ употребляетъ о Себѣ уничиженныя выраженія; а ты укажи хотя одну причину высокихъ изреченій Его, кромѣ той, о которой я сказалъ, именно желанія Его—показать намъ свое высокое происхожденіе; но ты не можешь указать другой причины. Великій можетъ сказать о себѣ нѣчто и малое, и за это нельзя упрекать его, потому что это происходитъ отъ смиренія; а малый, когда скажетъ о себѣ что-нибудь великое, не избѣгнетъ осужденія; потому что

это происходитъ отъ гордости. Посему великаго мы всѣ хвалимъ, когда онъ говоритъ о себѣ смиренно; а низкаго никто не похвалитъ, когда онъ станетъ говорить о себѣ что-нибудь великое. Такимъ образомъ если бы Сынъ былъ гораздо ниже Отца, какъ вы утверждаете, то ему не слѣдовало бы говорить слова, которыми Онъ выражалъ Свое равенство съ Родителемъ; потому что это было бы гордостію; а если равный съ Родителемъ говоритъ о Себѣ что-нибудь смиренное и уничиженное, это не подлежитъ никакому осужденію и не составляетъ вины, потому что служитъ въ похвалу Ему и достойно величайшаго удивленія. А чтобы сказанное было болѣе яснымъ, и чтобы всѣ вы убѣдились, что я не противорѣчу Божественнымъ Писаніямъ, я возвращусь теперь къ первой изъ указанныхъ причинъ и приведу тѣ мѣста, гдѣ Христосъ, какъ облеченный плотію, ясно употребляетъ выраженія, низшія собственнаго существа Своего; и, если угодно, представлю самую молитву, которою Онъ молился Отцу. Но слушайте меня со вниманіемъ; я хочу изложить вамъ все, начавъ нѣсколько выше. Вечеря была въ ту священную ночь, въ которую Христосъ былъ преданъ; называю ее священною потому, что отъ нея получили начало безчисленныя блага, которыя дарованы вселенной. Тогда и предатель возлежалъ вмѣстѣ съ одиннадцатью учениками и, когда они вкушали, Христосъ говоритъ: *единъ отъ васъ предастъ Меня* (Матѳ. XXVI, 21). Помните эти слова, чтобы впослѣдствіи, когда мы дойдемъ до молитвы, намъ было видно, для чего Онъ такъ молится. Обрати вниманіе и на промышленіе Господа; не сказалъ Онъ:
763 *Іуда предастъ Меня*, чтобы ясностію обличенія не сдѣлать его болѣе безстыднымъ; но когда тотъ, угрызаемый совѣстію, сказалъ: *еда азъ есмь, Господи*, тогда Онъ говоритъ Ему: *ты реклъ еси* (ст. 25); даже и тогда не хотѣлъ обличить его, но поставилъ его самого обличителемъ себя; однако и тогда Іуда не сдѣлался лучше, но, взявъ кусокъ хлѣба, вышелъ. Когда же онъ вышелъ, то Іисусъ обращаясь къ ученикамъ, говоритъ: *вси вы соблазнитеся о Мнѣ*; но Петръ сказалъ въ отвѣтъ: *аще и вси соблазнятся, азъ никогда же соблазнюся.* Іисусъ опять говоритъ: *аминь глаголю тебѣ, прежде даже алекторъ не возгласитъ, трикраты отвержешися Мене.* Когда же тотъ опять сталъ возражать, то Христосъ оставилъ его (ст. 31—35). Ты не убѣждаешься словами, а противорѣчишь,—какъ бы такъ говоритъ Господь;—убѣдишься самыми дѣлами, что не должно противорѣчить Господу. И эти слова также помните; потому что памятованіе о нихъ будетъ полезно намъ при разсужденіи о молитвѣ. Онъ указалъ предателя, предсказалъ бѣгство всѣхъ и Свою смерть: *поражу пастыря*, сказалъ Онъ, *и разыдутся овцы* (ст. 31); предсказалъ о томъ, кто отречется отъ Него, когда

и сколько разъ, и все это предсказалъ съ точностію. Послѣ всего этого, представивъ достаточное доказательство своего предвѣдѣнія будущихъ событій, Онъ пришелъ въ нѣкоторое мѣсто и сталъ молиться. Еретики говорятъ, что эта молитва относится къ Его Божеству, а мы говоримъ, что она относится къ Его домостроительству; разсудите же вы сами и для славы Единороднаго произнесите безпристрастное рѣшеніе. Хотя я обращаюсь къ суду друзей, но убѣждаю и прошу произвести судъ безпристрастный, безъ угожденія мнѣ и безъ вражды къ нимъ. Что эта молитва не относится къ Его Божеству, видно уже и изъ того, что Богъ не молится; Богу свойственно принимать поклоненіе; Богу свойственно принимать молитву, а не возносить молитву. Но такъ какъ еретики безстыдно упорствуютъ, то я постараюсь изъ самыхъ словъ молитвы объяснить вамъ, что все это есть дѣло домостроительства Христова и Его немощи по плоти. Когда Христосъ говоритъ что-нибудь смиренное, то говоритъ это смиренное и уничиженное такимъ образомъ, чтобы чрезмѣрность смиренія словъ Его могла и самыхъ недовѣрчивыхъ людей убѣдить, что эти слова весьма чужды непостижимому и неизъяснимому Существу. Приступимъ же къ самымъ словамъ молитвы. *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія; обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI, 39). Здѣсь я спрошу еретиковъ: неужели не знаетъ, возможно это или не возможно, тотъ, Кто незадолго говорилъ на вечери: *единъ отъ васъ предастъ Меня*, Кто незадолго говорилъ: *писано: поражу пастыря, и разыдутся овцы;* и еще: *вси вы соблазнитеся о Мнѣ*; и Петру сказалъ: *отвержешися Мене, и отвержешися Мене трикраты*; Онъ ли, скажи мнѣ, теперь не знаетъ этого? Кто изъ самыхъ упорныхъ можетъ утверждать это? Если бы это невѣдомое было неизвѣстно никому ни изъ пророковъ, ни изъ ангеловъ, ни изъ архангеловъ, то, можетъ быть, любители споровъ имѣли бы какой-либо поводъ къ противорѣчію; но если это невѣдомое было такъ извѣстно и очевидно для всѣхъ, что даже и люди знали объ этомъ съ точностію, то какое оправданіе и какое прощеніе можетъ быть тѣмъ, которые утверждаютъ, что Христосъ говорилъ это по своему невѣдѣнію? Какъ извѣстно, и рабы знали съ точностію этотъ предметъ, о которомъ я гогорю; они знали и то, что 764
Онъ умретъ, и то, что Ему надлежитъ претерпѣть смерть на крестѣ; еще за много лѣтъ Давидъ, указывая на то и другое, гогорилъ отъ лица Христова: *ископаша руцѣ мои и нозѣ мои* (Псал. XXI, 17); онъ говорилъ о будущемъ, какъ-бы о совершившемся уже, выражая этимъ, что какъ бывшему невозможно не быть, такъ и его словамъ невозможно не сбыться. И Исаія, предвозвѣщая тоже самое, говорилъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ*

стригущимъ его безгласенъ (Иса. III, 7). А Іоаннъ, увидѣвъ этого агнца говорилъ: *се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I, 29); это—тотъ агнецъ, говоритъ онъ, о которомъ предсказано. И обрати вниманіе, не просто сказано: *агнецъ*, но прибавлено: *Божій*. Такъ какъ былъ другой агнецъ—іудейскій, то желая показать. что это агнецъ—Божій, Іоаннъ и сказалъ такимъ образомъ. Тотъ агнецъ приносился только за одинъ народъ, а этотъ принесенъ за всю вселенную; кровь того избавляла только іудеевъ отъ тѣлеснаго наказанія, а кровь этого стала общимъ очищеніемъ цѣлой вселенной. Притомъ кровь іудейскаго агнца могла совершать то, что совершала, не по собственному свойству, но имѣла такую силу потому, что была прообразомъ этой крови.

6. Гдѣ же тѣ, которые говорятъ, что и Христосъ называется Сыномъ и мы называемся сынами, и, основываясь на одинаковости названія, стараются низвести Его до нашего уничиженнаго состоянія? Вотъ *агнецъ* и *агнецъ*,—одно названіе, но безпредѣльное различіе между тѣмъ и другимъ существомъ. Поэтому, какъ здѣсь ты не думаешь о равенствѣ, слыша одинаковое названіе, такъ точно и тамъ, слыша названія *сына* и *сына*, не низводи Единороднаго до своего ничтожества. Впрочемъ для чего говорить объ очевидномъ? Если бы молитва Его относилась къ Божеству Его, то Онъ оказался бы опровергающимъ самого Себя, противорѣчащимъ и несогласнымъ съ самимъ Собою. Здѣсь Онъ говоритъ: *Отче, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія*, и колеблется и уклоняется отъ страданія (Матѳ. XXVI, 39); между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ, что Сыну человѣческому надлежитъ предану быть и пострадать, и услышавъ слова Петра: *милосердъ Ты Господи, не иматъ быти Тебѣ сіе*, такъ сильно укорилъ его, что сказалъ: *иди за Мною, сатано, соблазнъ Ми еси, яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая* (Матѳ. XVI, 22. 23). Хотя не задолго предъ тѣмъ Онъ похвалилъ Петра и назвалъ блаженнымъ, однако теперь назвалъ его сатаною, не для того, чтобы огорчить апостола, но желая показать этою укоризною, что сказанное Петромъ было не согласно съ Его волею, но противно ей столько, что сказавшаго это, хотя то былъ самъ Петръ, Онъ не замедлилъ назвать сатаною. Также и въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *желаніемъ возжелѣхъ сію пасху ясти съ вами* (Лук. XXII, 15). Почему Онъ говоритъ: *сію пасху*, тогда какъ и прежде праздновалъ этотъ праздникъ вмѣстѣ съ ними? Почему? Потому, что за нею слѣдовалъ крестъ. И еще: *Отче, прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя* (Іоан. XVII, 1); и во многихъ дру-
765 гихъ мѣстахъ мы видимъ, что Онъ предсказывалъ свои страданія и желалъ, чтобы они исполнились, и что для нихъ Онъ и при-

шелъ. Почему же здѣсь Онъ говоритъ: *аще возможно?* Онъ показываетъ намъ немощь человѣческой природы, которая не легко рѣшается разстаться съ настоящею жизнію, но уклоняется и колеблется по причинѣ изначала внѣдренной въ нее Богомъ любви къ настоящей жизни. Если и послѣ всѣхъ такихъ словъ Его нѣкоторые осмѣлились сказать, что Онъ не принималъ плоти, то чего они не сказали бы, если бы не было сказано ничего подобнаго? Тамъ Онъ, какъ Богъ, предсказываетъ о Своихъ страданіяхъ и желаетъ, чтобы они были, а здѣсь, какъ человѣкъ, избѣгаетъ ихъ и уклоняется. Что Онъ добровольно шелъ на страданія, это видно изъ словъ Его: *область имамъ положити душу мою, и область имамъ паки пріяти ю: никто же возметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ* (Іоан. x, 18). Какъ же Онъ говоритъ: *не яко же Азъ хощу, но яко же Ты?* Но удивительно ли, что прежде распятія на крестѣ Онъ такъ тщательно увѣрялъ въ дѣйствительности Своей плоти, если и послѣ воскресенія, увидѣвъ невѣрующаго ученика, Онъ не отказался показать ему Свои раны и язвы гвоздиныя, дозволилъ осязать рукою эти раны и сказалъ: *осяжи и виждь, яко духъ плоти и кости не иматъ* (Лук. xxiv, 39)? Поэтому и въ началѣ Онъ не воспринялъ человѣческой плоти въ возмужаломъ возрастѣ, но благоволилъ быть зачатымъ, и родиться, и питаться молокомъ, и столько времени пребывать на землѣ, чтобы и продолжительностію времени и всѣмъ прочимъ удостовѣрить людей въ томъ же самомъ. Часто и ангелы и самъ Богъ являлись на землѣ въ человѣческомъ образѣ; но видимый образъ былъ не истиннымъ тѣломъ, а приспособленіемъ; поэтому, чтобы ты не подумалъ, что и явленіе Христа таково же, каковы были тѣ явленія, но чтобы ты несомнѣнно вѣрилъ, что это было истинное тѣло, Онъ и былъ зачатъ, и рожденъ, и воспитанъ, и положенъ въ ясляхъ не въ домѣ какомъ-нибудь, а при гостинницѣ, въ присутствіи множества людей, чтобы рожденіе Его было всѣмъ извѣстно. Поэтому Онъ и пеленался; поэтому и пророчества издревле предсказывали, что Онъ не только будетъ человѣкомъ, но будетъ и зачатъ, и рожденъ, и воспитанъ, какъ свойственно дѣтямъ. Объ этомъ Исаія взываетъ такъ: *се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ: масло и медъ снѣстъ* (Иса. vii, 14, 15); и еще: *отроча родися намъ, сынъ и дадеся намъ* (Иса. ix, 6). Видишь ли, что пророки предсказывали и о младенческомъ Его возрастѣ? Спроси же еретика: неужели Богъ боится, уклоняется, колеблется и скорбитъ? Если онъ скажетъ: да, то отступи отъ него и считай его наравнѣ съ діаволомъ, или лучше, ниже самаго діавола; ибо и тотъ не осмѣлится сказать это. Если же онъ отвѣтитъ, что все это недостойно Бога, то

скажи: слѣдовательно Богъ и не молится; и за тѣмъ все прочее было бы неумѣстно, если бы слова (молитвы) принадлежали Богу. Эти слова выражаютъ не только скорбь, но и двѣ воли, противоположныя между собою, одну Сыновнюю, а другую Отчую; ибо сказать: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Матѳ. XXVI, 39), значитъ выразить именно это. А этого и еретики никогда не допускали, но когда мы постоянно утверждали, что слова: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. X, 30), относятся къ силѣ, они относили
766 ихъ къ волѣ, утверждая, что у Отца и Сына одна воля. Но если у Отца и Сына одна воля, то какъ же Онъ говоритъ здѣсь: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты?* Такимъ образомъ, если бы эти слова относились къ Его Божеству, то было бы нѣкоторое противорѣчіе, и много несообразнаго произошло бы отсюда; а если они относятся къ плоти, то сказаны основательно и безукоризненно. Нежеланіе смерти со стороны плоти не служитъ къ ея осужденію; потому что это естественно; а Христосъ явилъ въ Себѣ вполнѣ все свойственное человѣческому естеству, кромѣ грѣха, такъ что заградилъ уста еретиковъ. Итакъ, когда Онъ говоритъ: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія*, и: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты*, то выражаетъ этимъ не что иное, какъ то, что Онъ былъ облеченъ истинною плотію, которая боится смерти; потому что ей свойственно бояться смерти, уклоняться отъ нея и предаваться скорби. Онъ иногда оставлялъ Свою плоть одинокою безъ собственнаго (Божескаго) содѣйствія, чтобы, показавъ ея немощь, внушить увѣренность въ ея (человѣческой) природѣ, а иногда прикрывалъ ее, чтобы ты зналъ, что Онъ былъ не простой человѣкъ. Это могли бы подумать тогда, если бы Онъ постоянно показывалъ дѣйствія человѣческія; равно какъ, если бы Онъ постоянно совершалъ свойственное Божеству, не повѣрили бы ученію о домостроительствѣ. Посему Онъ разнообразилъ и перемѣшивалъ и слова и дѣла, чтобы не подать повода къ болѣзни и безумію ни Павла Самосатскаго, ни Маркіона и Манихея; потому и здѣсь Онъ и предсказываетъ будущее, какъ Богъ, и уклоняется отъ страданій, какъ человѣкъ.

7. Я хотѣлъ изложить и другія причины и показать изъ самыхъ дѣлъ Христовыхъ, что какъ здѣсь Онъ молился, обнаруживая немощь плоти, такъ въ другихъ случаяхъ молился, имѣя въ виду немощь слушателей; ибо не нужно думать, будто все, что сказано Имъ уничиженнаго, сказано было потому, что Онъ былъ облеченъ плотію; есть на это и другія причины, о которыхъ я упомянулъ. Но опасаясь, что вамъ трудно будетъ удержать множество сказаннаго, если я прибавлю еще то, что хотѣлъ сказать, то закончу на этомъ рѣчь противъ еретиковъ и, отложивъ осталь-

ное до другого дня, снова предложу вамъ увѣщаніе о молитвѣ. Хотя я часто говорилъ объ этомъ предметѣ, но необходимо сказать о немъ и теперь. Какъ тѣ изъ одеждъ, которыя были погружены въ краску только однажды, имѣютъ непрочный цвѣтъ, а тѣ, которыя красильщики неоднократно и часто погружали въ краску, сохраняютъ свой цвѣтъ неизмѣннымъ; такъ бываетъ и съ нашими душами: если мы часто слышимъ одни и тѣ же слова, то принявъ наставленіе, какъ бы какую окраску, нескоро забудемъ его. Не будемъ же слушать невнимательно; нѣтъ, подлинно нѣтъ ничего сильнѣе молитвы и даже ничего равнаго ей. Не столько блистателенъ царь, одѣтый въ багряницу, сколько молящійся, украшающійся бесѣдою съ Богомъ. Какъ тотъ, кто въ присутствіи войска и военачальниковъ, многихъ вельможъ и градоначальниковъ, приблизившись къ царю и вступивъ наединѣ въ бесѣду съ нимъ, обращаетъ на себя взоры всѣхъ и отъ этого становится болѣе досточтимымъ; такъ точно бываетъ и съ молящимися. Подумай, сколь важное дѣло — въ присутствіи ангеловъ, 767
архангеловъ, серафимовъ, херувимовъ и всѣхъ прочихъ силъ, простому человѣку приступать съ великимъ дерзновеніемъ и бесѣдовать съ Царемъ этихъ силъ; съ какою это можетъ сравниться честью? И не только честь, но и величайшую пользу доставляетъ намъ молитва еще прежде, нежели мы получимъ то, чего просимъ. Какъ только кто-нибудь подниметъ руки къ небу и призоветъ Бога, онъ тотчасъ отрѣшается отъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ и обращается мыслію къ будущей жизни, представляетъ небесныя блага и во время молитвы не думаетъ о здѣшней жизни, если молится усердно. Воспламенится ли въ немъ гнѣвъ, онъ легко укрощается; возгорится ли похоть, она потухаетъ; станетъ ли терзать его зависть, она весьма легко прогоняется, и въ душѣ молящагося совершается то же, что, по словамъ пророка, бываетъ въ природѣ при восходѣ солнца. Что же говоритъ онъ? *Положилъ еси тму, и бысть нощь, въ нейже пройдутъ вси звѣріе дубравніи, скимни рыкающіи восхитити и взыскати отъ Бога пищу себѣ: возсія солнце, и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ* (Псал. сіі, 20—22). Какъ при появленіи солнечныхъ лучей всѣ звѣри обращаются въ бѣгство и прячутся въ свои норы; такъ точно, когда молитва засіяетъ, какъ лучъ, отъ нашихъ устъ и языка, умъ нашъ просвѣщается, а всѣ безумныя и звѣрскія страсти прогоняются, обращаются въ бѣгство и скрываются въ свои убѣжища, если только мы молимся усердно, съ напряженною душею и бодрымъ умомъ. Хотя бы тогда присутствовалъ діаволъ, онъ обращается въ бѣгство, хотя бы демонъ, онъ удаляется. Когда господинъ бесѣдуетъ съ рабомъ, то никто изъ другихъ рабовъ и даже никто

изъ имѣющихъ предъ нимъ дерзновеніе, не посмѣетъ подойти и помѣшать ихъ бесѣдѣ, тѣмъ болѣе демоны, какъ оскорбившіе Бога и не имѣющіе предъ Нимъ дерзновенія, не могутъ безпокоить насъ, бесѣдующихъ съ Богомъ съ надлежащимъ усердіемъ. Молитва есть пристань для обуреваемыхъ, якорь для колеблемыхъ волнами, трость немощныхъ, сокровище бѣдныхъ, твердыня богатыхъ, истребительница болѣзней, хранительница здоровья; молитва соблюдаетъ наши блага неизмѣнными и скоро устраняетъ всякое зло; если насъ постигнетъ искушеніе, она легко прогоняетъ его; если случится потеря имущества или что-нибудь другое, причиняющее скорбь нашей душѣ, она скоро устраняетъ все это; молитва прогоняетъ всякую скорбь, доставляетъ благодушіе, способствуетъ постоянному удовольствію; она есть мать любомудрія. Кто можетъ усердно молиться, тотъ богаче всѣхъ, хотя бы онъ былъ бѣднѣе всѣхъ; напротивъ, кто не прибѣгаетъ къ молитвѣ, тотъ, хотя бы сидѣлъ на царскомъ престолѣ, бѣднѣе всѣхъ. Ахавъ былъ царемъ и владѣлъ безчисленнымъ количествомъ золота и серебра. Но такъ какъ онъ не возносилъ молитвы, то ходилъ искать Илію, человѣка, не имѣвшаго ни убѣжища и никакой одежды, кромѣ одной только милоти. Что это, скажи мнѣ, ты, имѣющій столько сокровищъ, ищешь не имѣющаго ничего? Да, говоритъ онъ; какая мнѣ польза отъ сокровищъ, когда онъ заключилъ небо и сдѣлалъ все это безполезнымъ? Видишь ли, что Илія былъ богаче Ахава? Какъ только онъ изрекъ слово, царь впалъ въ великую бѣдность со всѣмъ своимъ войскомъ. О дивное дѣло: человѣкъ, не имѣвшій даже одежды, заключилъ небо! Но потому онъ и заключилъ небо, что не имѣлъ одежды; такъ какъ онъ здѣсь ничего не имѣлъ, то и показалъ великую силу; а какъ только открылъ уста, то и низвелъ свыше безчисленныя сокровища благъ (3 Цар. гл. XVII и XVIII). О уста, имѣющія источники водъ! О языкъ, источающій потоки дождей! О голосъ, производящій безчисленныя блага! Такъ, постоянно взирая на этого бѣднаго, который былъ богатъ потому, что былъ бѣденъ, будемъ презирать настоящее и стремиться къ будущему. Тогда мы получимъ и здѣшнія и всѣ тамошнія блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЬМОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «объ остальномъ противъ еретиковъ, о судѣ и милостынѣ, и о просьбѣ матери сыновъ Зеведеевыхъ».

Вчера мы возвратились съ войны, съ войны и сраженія про- 768
тивъ еретиковъ, съ окровавленнымъ оружіемъ, съ обагреннымъ мечемъ слова, сразивъ не тѣла, но низложивъ помыслы и *всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. x, 5). Такого рода эта война, таково свойство и оружія; преподавая наставленіе о томъ и другомъ, блаженный Павелъ говорилъ: *оружія бо воинства нашего не плотская, но силна Богомъ на разореніе твердемъ, помышленія низлагающе и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій* (ст. 4. 5). Для тѣхъ, которые не были здѣсь, слѣдовало бы сказать о бывшихъ вчера пораженіяхъ еретиковъ, разсказать о сраженіи, борьбѣ, побѣдѣ, трофеяхъ; но чтобы не подать вамъ повода къ невнимательности и чтобы вы, не бывшіе, почувствовали потерю и сдѣлались болѣе внимательными, я умолчу о томъ и приступлю сегодня къ дальнѣйшему. А кто любознателенъ и усерденъ, тотъ можетъ узнать сказанное нами вчера отъ присутствовавшихъ при этомъ, такъ какъ наши слушатели
оказали такое усердіе, что отправились домой, усвоивъ себѣ все и 769
не опустивъ ничего изъ сказаннаго. Итакъ, прежнее вы узнаете отъ нихъ; а то, что нужно сказать сегодня, я скажу вамъ, представивъ возраженіе, которое приводятъ еретическія исчадія. Какое же это? Мы бесѣдовали прежде о власти Единороднаго, показали, что она равна власти родившаго Его Отца, и много говорили объ этомъ; поэтому они, пораженные сказаннымъ, стали приводить иное евангельское изреченіе, которое сказано въ одномъ смыслѣ, а ими разумѣется въ другомъ. Они говорятъ: какъ же написано: *а еже сѣсти одесную Мене и ошуюю Мене, нѣсть Мое дати, но имже уготовася отъ Отца Моего* (Матѳ. xx, 23)? Я всегда увѣщевалъ васъ, возлюбленные, и сегодня также прошу и совѣтую обращать вниманіе не на однѣ буквы Писанія, но вникать и въ смыслъ ихъ; потому что, кто будетъ держаться однихъ выраженій и не искать ничего, кромѣ написаннаго, тотъ много ошибется. Такъ, по словамъ Писанія, Богъ имѣетъ даже крылья; ибо пророкъ говоритъ: *въ кровѣ крилу твоею покрыеши мя* (Псал. xvi, 8); но изъ этого мы не будемъ заключать, что это духовное и безсмертное Существо владѣетъ крыльями. Если этого нельзя сказать о людяхъ, то тѣмъ болѣе — о нетлѣнномъ, невидимомъ и

непостижимомъ Существѣ. Что же мы должны разумѣть подъ именемъ крыльевъ? Помощь, огражденіе, защиту, содѣйствіе, непобѣдимую силу этой помощи. Писаніе также называетъ Бога спящимъ, когда говоритъ: *востани, вскую спиши, Господи* (Псал. XLIII, 24), называетъ не съ тѣмъ, чтобы внушить намъ мысль, будто Богъ спитъ,—это было бы крайне безумно,—а чтобы подъ образомъ сна объяснить намъ Его долготерпѣніе и милосердіе. А другой пророкъ говоритъ: *еда будеши якоже человѣкъ спяй* (Іер. XIV, 9)? Видишь, какое великое благоразуміе необходимо намъ при разсматриваніи сокровища божественныхъ Писаній? Если же мы будемъ просто, поверхностно и невнимательно слушать сказанное въ нихъ, то не только произойдутъ упомянутыя несообразности, но и окажется много противорѣчій въ словахъ ихъ. Такъ одинъ называетъ Бога спящимъ, а другой не спящимъ; но то и другое справедливо, если ты будешь понимать это въ надлежащемъ смыслѣ. Называющій Его спящимъ указываетъ на великое Его долготерпѣніе; а называющій Его не спящимъ, объясняетъ намъ нетлѣнность Его существа. Если же намъ нужно много благоразумія при чтеніи Писанія, то не будемъ поверхностно относиться и къ этому изреченію: *нѣсть Мое дати, но имже уготовася отъ Отца Моего* (Матѳ. XX, 23). Эти слова не лишаютъ Сына власти и не уменьшаютъ Его самостоятельности, но показываютъ Его премудрость, великое попеченіе и промышленіе о нашемъ родѣ. А что Онъ имѣетъ власть и наказывать и награждать, послушай, какъ объ этомъ Онъ самъ говоритъ: *егда же пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ Своей, поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. Тогда речетъ Царь сущымъ одесную Его: пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра: взалкахся бо и дасте Ми ясти, возжадахся и напоисте Мя. Тогда речетъ и сущымъ ошуюю его: идите отъ Мене*
770 *проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его: взалкахся бо и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене, страненъ бѣхъ и не введосте Мене* (Матѳ. XXV, 31—43). Видишь ли, какъ совершенъ Его судъ, какъ Онъ и награждаетъ и наказываетъ, украшаетъ вѣнцами и подвергаетъ казни, однихъ вводитъ въ царство, другихъ отсылаетъ въ геенну?

2. Замѣть и здѣсь великое Его попеченіе о насъ. Обращаясь къ получающимъ вѣнцы, Онъ говоритъ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*; а осуждаемымъ на наказаніе Онъ не сказалъ: *идите отъ Мене проклятіи во огнь, уготованный вамъ*, но: *уготованный діаволу*. Людямъ я приготовилъ царство, говоритъ Онъ, а геенну приготовилъ не людямъ, но діаволу и ангеламъ его; если же вы

вели такую жизнь, что сдѣлались достойными наказанія и мученія, то должны сами винить въ этомъ самихъ себя. И посмотри, какъ Онъ расположенъ къ милости: когда еще не было подвижниковъ, вѣнцы уже были приготовлены, награды уже были напередъ уготованы. *Наслѣдуйте*, говоритъ Онъ, *уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.* И въ притчѣ о десяти дѣвахъ можно видѣть то же самое. Когда надлежало придти жениху, то неразумныя говорятъ мудрымъ: *дадите намъ отъ елея вашего*; а послѣднія отвѣчаютъ имъ: *еда како недостанетъ намъ и вамъ* (Матѳ. xxv, 8. 9). Не объ елеѣ и огнѣ говоритъ здѣсь Писаніе, но о дѣвствѣ и человѣколюбіи, означая дѣвство подъ видомъ огня, а милостыню подъ видомъ елея, и показывая, что дѣвство имѣетъ великую нужду въ человѣколюбіи, безъ котораго невозможно спастись. Кто же тѣ, которые продаютъ этотъ елей? Кто иной, какъ не бѣдные? Они не столько получаютъ, сколько сами даютъ. Считай же милостыню не за расходъ, а за приходъ, не за ущербъ, а за пріобрѣтеніе; потому что чрезъ нее ты больше получаешь, нежели даешь. Ты даешь хлѣбъ, а получаешь жизнь вѣчную; даешь одежду, а получаешь одѣяніе безсмертія; даешь пристанище подъ своимъ кровомъ, а получаешь царство небесное; даешь блага погибающія, а получаешь блага постоянно пребывающія. Но, скажешь, какъ я могу подавать милостыню, когда я бѣденъ? Тогда особенно и можешь ты подавать милостыню, когда ты бѣденъ. Богатый, опьяненный обиліемъ богатства, пламенѣющій жесточайшею горячкою и одержимый ненасытною страстію, желаетъ увеличить свое имущество; а бѣдный, не зараженный этою болѣзнью и свободный отъ этого недуга, легче сдѣлаетъ подаяніе изъ того, что у него есть. Милостыня зависитъ не отъ количества имущества, но отъ степени душевнаго расположенія. Такъ вдовица отдала двѣ лепты и превзошла пресыщенныхъ богатствомъ; и другая вдовица, имѣвшая только горсть муки и немного елея, приняла къ себѣ (пророка), имѣвшаго небесную душу; ни для одной изъ нихъ бѣдность не была препятствіемъ. Итакъ, не ссылайся на безполезные и напрасные предлоги; Богъ требуетъ не изобилія приношенія, но богатства душевнаго расположенія, которое выражается не мѣрою подаваемаго, но усер- 772
діемъ подающихъ. Ты бѣденъ и бѣднѣе всѣхъ людей? Но ты не бѣднѣе той вдовицы, которая много превзошла богатыхъ. Ты нуждаешься въ самой необходимой пищѣ? Но ты не бѣднѣе сидонской вдовицы, которая, дошедши до крайней степени голода, ожидая уже смерти съ окружавшими ее дѣтьми, при всемъ томъ не пожалѣла своего достоянія, и величайшею бѣдностію пріобрѣла невыразимое богатство, сдѣлала свою руку гумномъ и кувшинъ точиломъ и устроила такъ, что изъ малаго произошло многое

(3 Цар. гл. XVII). Впрочемъ возвратимся къ своему предмету и не будемъ дѣлать частыхъ отступленій. Итакъ, когда надлежало придти Жениху, дѣвы вели между собою такую бесѣду. Мудрыя посылали неразумныхъ къ продавцамъ, но уже не было времени покупать елея; и справедливо. Продающихъ елей можно найти только въ настоящей жизни; а послѣ отшествія отсюда и по закрытіи зрѣлища земной жизни уже невозможно найти ни прощенія, ни оправданія, ни врачевства противъ того, что сдѣлано, но уже необходимо подвергнуться наказанію, какъ это и случилось съ дѣвами. Когда пришелъ Женихъ, за нимъ вошли тѣ, которыя имѣли горящіе свѣтильники, а другія, опоздавъ войти, стучали въ двери брачнаго чертога, но услышали страшныя слова: отойдите, *не вѣмъ васъ* (Матѳ. XXV, 12). Видишь ли опять, какъ Онъ самъ награждаетъ и наказываетъ, удостоиваетъ и вѣнцовъ и мученій, принимаетъ и отвергаетъ, какъ Онъ властенъ и въ томъ и другомъ родѣ суда? Тоже можно видѣть и въ притчѣ о виноградникѣ, и въ притчѣ о пяти, двухъ и одномъ талантахъ: однихъ онъ принялъ и предоставилъ имъ больше прежняго, а другихъ повелѣлъ связать и бросить во тьму кромѣшную.

3. Но какое ихъ возраженіе нелѣпое, или лучше, исполненное великаго безумія? Хотя Сынъ, говорятъ они, имѣетъ власть наказывать и увѣнчивать, подвергать мученію и давать награды, но по Его словамъ, не въ Его власти даровать небесное предсѣдательство и высочайшую честь. А что, если ты узнаешь, что ничто не изъято отъ Его рѣшенія, прекратишь ли тогда свои неумѣстныя возраженія? Послушай же, что̀ Онъ самъ еще говоритъ: *Отецъ не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22). Если же Ему принадлежитъ весь судъ, то ничто не изъято отъ Его рѣшенія; ибо кому принадлежитъ весь судъ, тотъ властенъ наказывать и увѣнчивать всѣхъ. Слово же *даде* ты, возлюбленный, понимай здѣсь не по-человѣчески: Отецъ далъ Ему,—это не значитъ, что Онъ прежде не имѣлъ, что рожденъ былъ несовершеннымъ, и только впослѣдствіи получилъ это, но *даде* значитъ, что Отецъ такимъ и родилъ Его, совершеннымъ и полнымъ. Это слово употреблено для того, чтобы ты не думалъ, будто два рожденныхъ Бога, но чтобы ты видѣлъ и корень и плодъ, и не думалъ, будто Сынъ получилъ это впослѣдствіи. Въ другомъ мѣстѣ, когда спросили Его: *убо царь ли еси Ты*, Онъ не отвѣтилъ: Я получилъ царство; не сказалъ, что оно дано Ему впослѣдствіи; но отвѣтилъ: *Азъ на сіе родихся* (Іоан. XVIII, 37). Если же Онъ родился совершеннымъ царемъ, то очевидно, что Онъ и судія и рѣшитель, такъ какъ главное дѣло царя состоитъ въ томъ, чтобы судить и
772 рѣшать, награждать и наказывать. И съ другой стороны можно

видѣть, что Онъ имѣетъ власть даровать и высшія почести. Когда мы укажемъ на человѣка, лучшаго изъ всѣхъ людей, и покажемъ, что Онъ увѣнчивается Сыномъ, тогда какой у васъ останется предлогъ для оправданія? Кто же лучше всѣхъ людей? Кто другой, какъ не тотъ дѣлатель палатокъ, учитель вселенной, облетѣвшій какъ бы на крыльяхъ землю и море, сосудъ избранный, женихъ Христовъ, насадитель Церкви, мудрый строитель, проповѣдникъ, быстрый путникъ, ратоборецъ, воинъ, наставникъ, оставившій во всей вселенной памятники своихъ добродѣтелей, прежде воскресенія восхищенный на третіе небо, вознесенный въ рай, сподобившійся участія въ неизреченныхъ тайнахъ Божіихъ, слышавшій и говорившій то, чего человѣческой природѣ говорить невозможно, удостоившійся высшей благодати и совершившій большіе труды? А что онъ потрудился больше всѣхъ, объ этомъ, послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся* (1 Кор. xv, 10). Если же онъ больше всѣхъ потрудился, то и увѣнчивается преимущественно предъ всѣми, потому что *кійждо свою мзду пріиметъ по своему труду* (1 Кор. III, 8). Если же онъ получаетъ вѣнецъ славнѣйшій, нежели другіе апостолы (никто не сравнялся съ апостолами, а онъ больше и ихъ), то очевидно, что онъ удостоится самой высшей почести и предсѣдательства. Кто же будетъ увѣнчивать его? Послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія* (2 Тим. IV, 7. 8). *А Отецъ не судитъ никомуже, но весь судъ даде Сынови* (Іоан. v, 22). И не отсюда только очевидно это, но и изъ слѣдующихъ словъ: *не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшымъ явленіе Его* (2 Тим. IV, 8). Чье это явленіе? Выслушай слова самого апостола: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. II, 11. 13).

4. Впрочемъ борьба съ еретиками у насъ кончилась, мы воздвигли трофей, одержали блистательную побѣду, доказавъ всѣмъ вышесказаннымъ, что Сынъ властенъ и награждать и наказывать; Ему принадлежитъ весь судъ, Онъ увѣнчиваетъ и прославляетъ лучшаго изъ всѣхъ, и въ сказанныхъ притчахъ представляется Самъ совершающимъ то и другое. Теперь нужно успокоить и смущеніе братій и объяснить, почему Онъ такъ сказалъ: *нѣсть Мое дати* (Матѳ. xx, 23); я думаю, что многіе недоумѣваютъ при этихъ словахъ. Чтобы разрѣшить недоумѣніе и успокоить смятеніе души,

напрягите ваше вниманіе, приготовьте вашъ умъ. Мнѣ предстоитъ теперь большій трудъ, такъ какъ не все равно — бороться или
773 учить, поражать врага или исправлять своего; въ послѣднемъ случаѣ отъ меня требуется больше усилій, чтобы не оставить безъ вниманія хромающій членъ и не миновать кого-нибудь изъ смущающихся. Я говорю,—но не смущайтесь словами моими, не безпокойтесь,—я утверждаю, что это не зависитъ не только отъ Сына, но и отъ Отца; я провозглашаю громкимъ голосомъ и звучнѣе трубы, что *дати* это не принадлежитъ Сыну, ни Ему, ни Отцу; ибо если бы это принадлежало Ему, то принадлежало бы и Отцу, и если бы принадлежало Отцу, то принадлежало бы и Ему. Поэтому Онъ и не сказалъ просто: *нѣсть Мое дати*; а что? *Нѣсть Мое дати, но имже уготовася.* Онъ объявляетъ, что это не зависитъ ни отъ Него, ни отъ Отца, а отъ нѣкоторыхъ другихъ. Что же значатъ сказанныя слова? Я думаю, что ваше смущеніе усилилось и недоумѣніе возрасло, и вы безпокоитесь; но не бойтесь; я не умолкну, пока не предложу объясненія. Позвольте же мнѣ повести рѣчь не много выше; иначе невозможно ясно представить все вашему уму. Итакъ, что значатъ сказанныя слова? Когда Іисусъ шелъ въ Іерусалимъ, мать сыновъ Зеведеевыхъ, Іакова и Іоанна, подошла къ Нему съ сыновьями и сказала: *рцы, да сядета сія оба сына моя, единъ одесную Тебе и единъ ошуюю Тебе* (Матѳ. xx, 21); а другой евангелистъ говоритъ, что этого просили у Христа сами сыновья (Марк. x, 38). Впрочемъ здѣсь нѣтъ разногласія (не нужно оставлять безъ вниманія и этихъ мелочей); но они послали напередъ мать, а потомъ, когда она высказала ихъ просьбу и какъ бы открыла имъ дверь, они сами повторили эти слова, не понимая того, о чемъ говорили, однако говорили. Хотя они были и апостолы, но были еще несовершенны, какъ птенцы, которые не крѣпко сидятъ въ гнѣздѣ, пока у нихъ еще не выросли крылья. И это вамъ весьма нужно знать, что до креста ученики были несвѣдущи во многомъ; потому Господь, укоряя ихъ, и говорилъ: *еще ли и вы безъ разума есте? Не у ли разумѣваете, ниже помните, яко не о хлѣбѣхъ рѣхъ вамъ внимати, (но) отъ кваса фарисейска* (Матѳ. xv, 16; xvi, 11)? И еще: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. xvi, 12). Они не только не понимали высшихъ истинъ, но и то, что слышали, часто забывали отъ страха и робости; за это укоряя ихъ, Онъ говорилъ: *никто же отъ васъ вопрошаетъ Мене: камо идеши; но, яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполниxъ сердца ваша* (Іоан. xvi, 5. 6), и еще объ Утѣшителѣ говорилъ: *той воспомянетъ вамъ вся и научитъ вы* (Іоан. xiv, 26). Онъ не сказалъ бы: *воспомянетъ*, если бы они не забывали многаго изъ сказаннаго. Это я говорю не безъ

основанія; такъ Петръ оказывается иногда произносящимъ совершенное исповѣданіе, а иногда забывшимъ все. Тотъ, который говорилъ: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго* (Матѳ. XVI, 16), и былъ названъ за это блаженнымъ, спустя немного времени такъ согрѣшилъ, что былъ названъ сатаною; Господь сказалъ ему: *иди за Мною, сатано, соблазнъ Ми еси, яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая* (ст. 23). Кто можетъ быть несовершеннѣе того, который думаетъ не о Божіемъ, но о человѣческомъ? Когда Господь возвѣстилъ ему о крестѣ и воскресеніи, то онъ не понялъ ни глубины сказаннаго, ни тайны догматовъ, ни будущаго спасенія вселенной, и приступивъ къ Нему наединѣ, сказалъ: *милосердъ ты, Господи, не иматъ быти Тебѣ сіе* (ст. 22). Видишь ли, 774
что они ясно не знали ничего о воскресеніи? Выражая тоже самое, евангелистъ сказалъ: *не у бо вѣдяху, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути* (Іоан. XX, 9). Не зная объ этомъ, они тѣмъ болѣе не знали о другомъ, какъ-то: о небесномъ царствіи, о нашемъ начаткѣ [во Христѣ] (Кор. XV, 20) и вознесеніи на небо; какъ бы привязанные къ землѣ, они еще не могли парить въ высотѣ. Имѣя такое разумѣніе и ожидая, что скоро настанетъ царство Христово въ Іерусалимѣ, ничего больше этого они не знали, какъ говоритъ и другой евангелистъ, замѣчая, что они думали, будто уже наступаетъ царство Его, которое представляли человѣческимъ, и полагали, что Онъ идетъ на такое царство, а не на крестъ и смерть, и хотя многократно слышали объ этомъ, но ясно понимать не могли (Марк. X, 37).

5. Итакъ, еще не имѣя яснаго познанія догматовъ и думая, что Онъ идетъ на земное царство и будетъ царствовать въ Іерусалимѣ, ученики (Іаковъ и Іоаннъ) приступили къ Нему на пути, считая это время удобнымъ, и предложили свою просьбу. Выдѣливъ себя изъ среды учениковъ и думая только о себѣ, они стали просить себѣ предсѣдательства и первенства предъ прочими, полагая, что дѣла пришли уже къ концу, что все уже исполнено и наступило время раздачи вѣнцовъ и наградъ; но это происходило отъ крайняго невѣдѣнія. А что это не догадка и не предположеніе, я представлю вамъ доказательство изъ словъ самого Іисуса, знающаго тайное. Послушай, что говоритъ Онъ имъ въ отвѣтъ на ихъ просьбу: *не вѣста, чесо просита* (Матѳ. XX, 22). Что можетъ быть яснѣе такого доказательства? Видишь ли, что они не знали, чего просили, и стали говорить съ Нимъ о вѣнцахъ, наградахъ, предсѣдательствѣ и чести, когда еще не начались подвиги? Этими словами: *не вѣста, чесо просита*, Господь внушаетъ двѣ мысли: во-первыхъ ту, что они говорятъ о царствѣ, о которомъ у Христа не было и рѣчи, такъ какъ Онъ возвѣщалъ не

объ этомъ царствѣ, земномъ и чувственномъ; во-вторыхъ ту, что они, домогаясь предсѣдательства и высшихъ почестей и желая оказаться славнѣе и знатнѣе другихъ, домогаются этого не во время, а весьма неблаговременно. Тогда было время не вѣнцовъ и наградъ, а подвиговъ, борьбы, трудовъ, усилій, опасностей и битвъ. Итакъ, смыслъ словъ Его слѣдующій: вы не знаете, чего просите, говоря Мнѣ объ этомъ тогда, когда вы еще не потрудились и не вышли на подвиги, когда вселенная остается еще не исправленною, нечестіе господствуетъ, и всѣ люди погибаютъ, а
775 вы еще не выходили на поприще и еще не вступали въ борьбу; *можета ли пити чашу, юже Азъ имамъ пити, или крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, креститися* (ст. 22)? Чашею и крещеніемъ Онъ называетъ здѣсь Свой крестну смерть, — чашею потому, что Онъ принималъ ее съ удовольствіемъ; а крещеніемъ потому, что посредствомъ нея Онъ очистилъ вселенную; и не только по этому, но и по легкости воскресенія. Какъ крещающійся водою выходитъ изъ нея весьма легко, не встрѣчая никакого препятствія въ свойствѣ воды; такъ и Онъ, погрузившись въ смерть, возсталъ съ великою легкостію; поэтому Онъ и называетъ Свою смерть крещеніемъ. А смыслъ словъ Его слѣдующій: можете ли вы подвергнуться умерщвленію и смерти, такъ какъ нынѣ время смертей, опасностей и трудовъ? Они отвѣчаютъ: *можева*, не понимая сказаннаго, но побуждаясь надеждою получить желаемое. Онъ говоритъ имъ: *чашу убо Мою испіета и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, имате креститися* (ст. 23), возвѣщая ихъ смерть; и дѣйствительно Іаковъ былъ усѣченъ мечемъ, и Іоаннъ многократно былъ при смерти; *а еже сѣсти одесную Мене и ошуюю Мене, нѣсть Мое дати, но имже уготовася* (ст. 23). Смыслъ этихъ словъ такой: смерти вы подвергнетесь, и умерщвлены будете, и мученичество потерпите, а сдѣлаться вамъ первыми это не зависитъ отъ Меня, но можетъ быть достигнуто подвизающимися, посредствомъ особеннаго усердія, особенной ревности. Чтобы слова мои были яснѣе, представимъ какого-нибудь распорядителя при состязаніяхъ; къ нему подходитъ мать, у которой есть два сына ратоборца, вмѣстѣ съ своими сыновьями, и говоритъ ему: скажи, чтобы эти два сына мои получили вѣнецъ. Что онъ отвѣтитъ ей? Конечно, то же самое: дать это не отъ меня зависитъ; я распорядитель при состязаніяхъ, назначающій награды не даромъ и не по желанію и просьбѣ приступающихъ, а по исходу борьбы. Въ томъ собственно и состоитъ дѣло распорядителя, чтобы воздавать честь мужеству, а не давать наградъ напрасно и какъ случится. Такъ поступаетъ и Христосъ: Онъ сказалъ такъ, не унижая Своего существа, но выражая то, что не отъ Него одного зависитъ да-

вать награды, но и подвизающіеся должны достигать ихъ. Если бы это зависѣло только отъ Него, то всѣ люди спаслись бы и пришли бы *въ разумъ истины;* если бы это зависѣло только отъ Него, то не было бы разныхъ почестей, потому что Онъ самъ создалъ всѣхъ и о всѣхъ одинаково печется. А что почести различны, это послушай, какъ объясняетъ Павелъ: *ина слава солнцу*, говоритъ онъ, *и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (1 Кор. XV, 41). И еще: *аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ, злато, сребро, каменіе честное* (1 Кор. III, 12). Павелъ сказалъ такимъ образомъ, чтобы показать разнообразіе добродѣтелей; онъ выразилъ этими словами, что спящимъ и дремлющимъ невозможно войти въ царство небесное, но что тамошнихъ наградъ нужно достигать посредствомъ многихъ скорбей. Сыновья Зеведеевы, пользуясь великою любовію Христовою и близостію къ Нему, думали получить предпочтеніе предъ другими; поэтому, чтобы они, воображая это, не сдѣлались безпечными, Онъ отклоняетъ ихъ отъ такихъ мыслей и говоритъ: 776
нѣсть Мое дати, но отъ васъ зависитъ достигнуть этого, если вы захотите, если окажете бóльшее усердіе, бóльшіе труды, особенную ревность; Я назначаю вѣнцы за дѣла, почести за труды, награды за усилія; самое лучшее ходатайство предо Мною—доказательство посредствомъ дѣлъ.

6. Видишь, я не безъ основанія говорилъ, что это зависитъ не отъ Него и не отъ Отца, но отъ подвизающихся, трудящихся и страдающихъ? Поэтому и обращаясь къ Іерусалиму, Онъ говорилъ: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кокошъ птенцы своя, и не восхотѣсте; се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матѳ. XXIII, 37. 38). Видишь ли, что никто изъ нерадивыхъ, безпечныхъ и недѣятельныхъ никогда не можетъ спастись? Отсюда мы узнаемъ и другую тайну, ту, что для полученія высочайшей чести и перваго мѣста недостаточно даже мученичества. Вотъ Христосъ предсказалъ ученикамъ, что они потерпятъ мученичество, и однако не непремѣнно получатъ первенство, потому что могутъ быть и такіе, которые окажутъ еще больше заслугъ. Выражая это, Онъ и говорилъ: *и чашу мою испіета, и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, имате креститися, а еже сѣсти одесную Мене и ошуюю Мене, нѣсть Мое дати.* Онъ не говоритъ этимъ, будто Онъ предоставляетъ сидѣть при Себѣ, но выражаетъ достиженіе большей чести, полученіе первенства, преимущество предъ всѣми; слова: *сѣсти одесную и ошуюю* Онъ говоритъ примѣнительно къ ихъ понятію, такъ какъ они искали первыхъ мѣстъ и желали оказаться выше всѣхъ прочихъ. И то, чтобы вамъ оказаться больше прочихъ и выше всѣхъ, говоритъ Онъ, зависитъ не отъ

одного только (мученичества); хотя вы и умрете, но высочайшую честь *нѣсть мое дати, но имже уготовася.* Кому же, скажи мнѣ, это уготовано? Посмотримъ, кто тѣ блаженные и преблаженные, удостоивающіеся свѣтлыхъ вѣнцовъ. Кто они, и какіе подвиги сдѣлаютъ ихъ столь блистательными? Объ этомъ, послушай, что говоритъ Онъ самъ; когда десять учениковъ вознегодовали на двоихъ за то, что они, выдѣлившись изъ среды ихъ, хотѣли присвоить себѣ высочайшую честь, то посмотри, какъ Онъ обуздываетъ страстное намѣреніе тѣхъ и другихъ. Призвавъ ихъ, Онъ говоритъ: *князи языкъ господствуютъ ими, и велицыи обладаютъ ими: не тако же будетъ въ васъ: но иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди* послѣднимъ изъ всѣхъ (Матѳ. xx, 25—27). Видишь ли, что всѣ они желали сдѣлаться первыми, большими, высшими и, такъ сказать, начальниками прочихъ? Посему, останавливаясь на этомъ и обнаруживая тайну ихъ, Онъ говоритъ: *иже аще хощетъ въ васъ вящщій быти, да будетъ всѣмъ слуга.* Если вы, говоритъ Онъ, желаете предсѣдательства и высочайшей чести, то старайтесь занимать послѣднее мѣсто, быть ниже всѣхъ, смиреннѣе всѣхъ, меньше всѣхъ, поставлять себя послѣ прочихъ. Такая добродѣтель и доставляетъ высочайшую честь; а примѣръ этого—близкій и весьма сильный. *Сынъ человѣческій не пріиде да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе*
777 *за многихъ* (ст. 28). Что дѣйствительно чрезъ это дѣлаются славными и знаменитыми, посмотрите, говоритъ Онъ, на совершающееся со Мною, не нуждающимся ни въ чести, ни въ славѣ; и Я чрезъ то же самое достигаю безчисленныхъ благъ. Дѣйствительно, пока Онъ не принялъ плоть и не смирилъ Себя, все погибало и разрушалось; а когда смирилъ Себя, то все возвелъ на высоту, уничтожилъ проклятіе, упразднилъ смерть, отверзъ рай, умертвилъ грѣхъ, открылъ своды небесные, вознесъ начатокъ нашъ на небо, наполнилъ вселенную благочестіемъ, разсѣялъ заблужденіе, водворилъ истину, возвелъ начатокъ нашъ на престолъ царскій, совершилъ безчисленное множество благодѣяній, которыхъ ни я, ни всѣ люди не могутъ изобразить словомъ. Прежде, нежели Онъ смирилъ Себя, Его знали только ангелы; а когда смирилъ Себя, то Его узналъ весь родъ человѣческій. Такъ смиреніе не унизило Его, но доставило безчисленныя блага, безчисленныя заслуги, и сдѣлало то, что слава Его просіяла еще болѣе. Если же для Бога,
778 Который вседоволенъ и ни въ чемъ не нуждается, смиреніе послужило къ такому благу, доставило Ему больше слугъ и распространило Его царство, то почему ты боишься унизиться отъ смиренія? Тогда ты будешь болѣе высокимъ, тогда великимъ, тогда славнымъ, тогда знаменитымъ, когда будешь ставить себя ниже всѣхъ,

когда не будешь стремиться къ первенству, когда будешь подвергаться униженію, страданіямъ и опасностямъ, когда будешь стараться служить многимъ, пещись и заботиться о нихъ, и для этого будешь готовъ и дѣлать и терпѣть все. Итакъ, возлюбленные, помышляя объ этомъ, будемъ съ особеннымъ усердіемъ прилежать къ смиренномудрію, и когда мы подвергаемся оскорбленію и униженію и испытываемъ всѣ крайнія бѣдствія, и безчестіе и презрѣніе, будемъ переносить все съ радостію. Ничто такъ не способствуетъ достиженію высоты, славы и чести, и не доставляетъ величія, какъ добродѣтель смиренномудрія, которую исполняя тщательно, да сподобимся мы обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь и поклоненіе нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ.

О четырехдневномъ Лазарѣ.

ЛАЗАРЬ, воскрешенный сегодня изъ мертвыхъ, даетъ намъ 779
разрѣшеніе многихъ и различныхъ недоумѣній. Не знаю, какимъ образомъ это (евангельское) чтеніе подало и еретикамъ и іудеямъ поводъ къ противорѣчію, конечно, не по самой сущности своей,—этого не можетъ быть,—но по коварству ихъ души. Многіе изъ еретиковъ говорятъ, что Сынъ не подобенъ Отцу. Почему? Потому, что Христосъ, говорятъ они, для воскрешенія Лазаря имѣлъ нужду въ молитвѣ; а если бы не помолился, то и не воскресилъ бы Лазаря. Какъ же, говорятъ они, молившійся можетъ быть подобнымъ принимающему молитву? Здѣсь одинъ молится, а другой принимаетъ молитву отъ молящагося. Но они богохульствуютъ, не понимая, что молитва была дѣломъ снисхожденія и по причинѣ немощи присутствовавшихъ. Скажи мнѣ, кто больше: тотъ ли, кто умываетъ ноги, или тотъ, кому онъ умываетъ ноги? Конечно, скажешь, тотъ больше, кому другой умылъ ноги. Но Спаситель умылъ ноги предателя Іуды, который также былъ вмѣстѣ съ учениками. Кто же, не Іуда ли предатель больше Владыки Христа, если Христосъ умылъ его ноги? Да не будетъ! А что ниже: умывать ноги или молиться? Конечно—умывать ноги.
Итакъ, не отказавшійся сдѣлать низшее, какъ отказался бы сдѣ- 780
лать высшее? Впрочемъ, все сдѣлано было по причинѣ немощи присутствовавшихъ іудеевъ, какъ это покажетъ дальнѣйшая рѣчь.

Между тѣмъ іудеи, находя здѣсь поводъ къ противорѣчію, говорятъ: какъ христіане считаютъ Богомъ того, который даже не зналъ мѣста, гдѣ лежалъ умершій Лазарь? Ибо Спаситель сказалъ сестрамъ Лазаря, Мареѣ и Маріи: *гдѣ положисте его* (Іоан. XI, 34)? Видишь ли, говорятъ они, Его невѣдѣніе? Видишь ли Его немощь? Какъ же тотъ, который даже не зналъ мѣста, можетъ быть Богомъ? Но я спрошу ихъ, не сомнѣваясь самъ, но для посрамленія ихъ противорѣчія: ты говоришь, іудей, что Христосъ не зналъ этого, если сказалъ: *гдѣ положисте его*? Такъ и Отецъ не зналъ въ раю, гдѣ скрылся Адамъ, если Онъ ходилъ какъ бы ища его въ раю, и говорилъ: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. III, 9), т. е. гдѣ ты скрылся? Почему прежде Онъ не говорилъ о мѣстѣ, откуда Адамъ дерзновенно бесѣдовалъ съ Богомъ? *Адаме, гдѣ еси*? Что же Адамъ? *Гласъ слышахъ Тебе ходяща въ раи, и убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся* (ст. 10). Если ты, іудей, называешь невѣдѣніемъ то, называй невѣдѣніемъ и это. Христосъ говорилъ Мареѣ и Маріи: *гдѣ положисте его*? Ты называешь это невѣдѣніемъ? Что же скажешь, когда услышишь Бога, говорящаго Каину: *гдѣ есть Авель братъ твой* (Быт. IV, 9)? Что ты скажешь на это? Если то называешь невѣдѣніемъ, называй невѣдѣніемъ и это.
781 Выслушай и еще примѣръ изъ Божественнаго Писанія. Богъ сказалъ Аврааму: *вопль Содомскій и Гоморрскій умножися ко Мнѣ. Сошедъ убо узрю, аще по воплю ихъ грядущему ко Мнѣ совершаются, аще же ни, да разумѣю* (Быт. XVIII, 20. 21). *Свѣдый вся прежде бытія ихъ* (Дан. XIII, 42), *испытаяй сердца и утробы Богъ* (Псал. VII, 10), *единый вѣдущій помышленія человѣческая* (Пс. XCIII, 11) сказалъ: *сошедъ убо узрю, аще по воплю ихъ грядущему ко Мнѣ совершаются, аще же ни, да разумѣю.* Если то означаетъ невѣдѣніе, то и это означаетъ невѣдѣніе. Но ни Отецъ не имѣлъ невѣдѣнія въ Ветхомъ Завѣтѣ, ни Сынъ—въ Новомъ Завѣтѣ. Что же значитъ: *сошедъ узрю, аще по воплю ихъ грядущему ко Мнѣ совершаются, аще же ни, да разумѣю?* Слухъ, говоритъ Онъ, дошелъ до Меня, но Я желаю еще точнѣе на самомъ дѣлѣ удостовѣриться въ этомъ, не потому, что Я не знаю, но потому, что желаю научить людей — не внимать однимъ словамъ и, когда кто скажетъ что-нибудь противъ другого, не вѣрить легкомысленно, а сначала самимъ тщательно изслѣдовать и на самомъ дѣлѣ удостовѣриться, и потомъ уже вѣрить. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ Писанія сказано: *не всякому словеси емли вѣры* (Сир. XIX, 16). Ничто такъ не извращаетъ жизни людей, какъ поспѣшная довѣрчивость ко всякимъ рѣчамъ. Возвѣщая это, и пророкъ Давидъ сказалъ: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ* (Пс. C, 5).

2. Видишь, что не по невѣдѣнію Спаситель говорилъ: *гдѣ положисте его,* равно какъ не по невѣдѣнію и Отецъ говорилъ Адаму: *гдѣ еси,* или Каину: *гдѣ есть Авель братъ твой,* или: *сошедъ узрю, аще по воплю ихъ грядущему ко Мнѣ совершаются, аще же ни, да разумѣю.* Теперь же время выступить противъ тѣхъ, которые говорятъ, что Христосъ по немощи Своей молился, воскрешая Лазаря. Слушайте же, прошу васъ, возлюбленные, со всѣмъ вниманіемъ. Когда умеръ Лазарь, Іисусъ не былъ въ тѣхъ мѣстахъ, но былъ въ Галилеѣ и сказалъ Своимъ ученикамъ: *Лазарь другъ нашъ успе* (Іоан. xi, 11). Они же, думая, что Онъ говоритъ о снѣ его, сказали Ему: *Господи: аще успе, спасенъ будетъ* (ст. 12). Тогда Онъ ясно сказалъ имъ: *Лазарь умре* (ст. 14). Затѣмъ Спаситель идетъ въ Іерусалимъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Лазарь; Его встрѣчаетъ сестра Лазаря и говоритъ Ему: *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ* (ст. 21). *Аще бы еси здѣ былъ:* немощна ты, женщина! Эта женщина тогда не знала, что Христосъ, хотя не присутствовалъ тѣлесно, но присутствовалъ силою Божества; она же ограничивала силу Учителя тѣлеснымъ присутствіемъ. Маров говоритъ Ему: *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ. Но и нынѣ,* говоритъ, *вѣмъ, яко елика аще просиши отъ Бога, дастъ тебѣ Богъ* (ст. 22). Вслѣдствіе ея просьбы Спаситель и совершаетъ молитву. Богъ не имѣлъ нужды въ молитвѣ, чтобы воскресить мертваго. Развѣ не воскрешалъ Онъ и другихъ мертвецовъ? Когда Онъ встрѣтилъ мертваго (юношу), выносимаго изъ воротъ, то коснулся только одра его, и воскресилъ мертвеца (Лук. vii, 14). Развѣ имѣлъ Онъ тогда нужду въ молитвѣ, чтобы воскресить умершаго? И въ другой разъ Онъ только сказалъ отроковицѣ слова: *талиѳа куми* (Марк. v, 41), и тотчасъ же 782
передалъ ее родителямъ ея здоровою. Развѣ имѣлъ Онъ тогда нужду въ молитвѣ? Но что я говорю объ Учителѣ? Ученики Его воскрешали мертвыхъ однимъ словомъ. Не словомъ ли Петръ воскресилъ Тавиѳу? Не одеждами ли своими Павелъ совершилъ много знаменій? Узнай еще болѣе удивительное: даже тѣнь апостоловъ воскрешала мертвыхъ. *Яко износити,* говорится въ Писаніи, *недужныя на постеляхъ, да поне сѣнь Петра осѣнитъ нѣкоего отъ нихъ,* и они тотчасъ вставали (Дѣян. v, 15. 16). Что же? Тѣнь учениковъ воскрешала мертвыхъ, а Учитель имѣлъ нужду въ молитвѣ, чтобы воскресить мертваго? Нѣтъ, Спаситель совершаетъ молитву по причинѣ немощи женщины, которая говорила Ему: *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ: и нынѣ вѣмъ, яко елика аще просиши отъ Бога, дастъ тебѣ Богъ.* Ты просила молитвы, Я и даю молитву. Напримѣръ: предъ нами источникъ; кто принесетъ сосудъ, наполняетъ его (водою); если сосудъ великъ, то онъ

получаетъ много; а если малъ, то получаетъ мало. Такъ и она просила молитвы, и Спаситель даетъ молитву. Одинъ говорилъ: *Господи, нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши, но токмо рцы слово: буди тебѣ, и исцѣлѣетъ отрокъ мой:* и Спаситель сказалъ ему: по вѣрѣ твоей *буди тебѣ* (Матѳ. VIII, 8. 13). Другой просилъ: *пришедъ* исцѣли дочь мою; и Онъ отвѣчалъ ему: пойду за тобою (Матѳ. IX, 18. 19). Такъ по настроенію людей употребляется и лѣкарство врача. Еще другая женщина тайно коснулась края одежды Его, и тайно получила исцѣленіе (Матѳ. IX, 21); каждый какъ вѣровалъ, такъ и получалъ исцѣленіе. Марѳа сказала: *вѣмъ, яко елика аще просиши* отъ Отца, *дастъ тебѣ* Отецъ; и такъ какъ она просила молитвы, то Спаситель и даетъ молитву, не нуждаясь Самъ въ молитвѣ, но сообразуясь съ немощію этой женщины и желая показать, что Онъ не противникъ Богу, но все то, что дѣлаетъ Онъ, дѣлаетъ и Отецъ. Въ началѣ Богъ сотворилъ человѣка; это твореніе было общимъ дѣломъ и Отца и Сына: *сотворимъ*, говоритъ Богъ, *человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26). Также Онъ, восхотѣвъ ввести разбойника въ рай, изрекъ слово, и тотчасъ введенъ былъ разбойникъ въ рай; и для этого Христосъ не имѣлъ нужды въ молитвѣ, хотя всѣмъ потомкамъ Адамовымъ Богъ заградилъ входъ въ рай, поставивъ для охраненія его пламенный мечъ. Христосъ же Своею властію и отверзъ рай и ввелъ въ него разбойника. Разбойника, Владыка, Ты вводишь въ рай? Отецъ Твой за одинъ грѣхъ изгналъ Адама изъ рая, а Ты вводишь туда разбойника, виновнаго въ безчисленныхъ злодѣяніяхъ и безчисленныхъ преступленіяхъ, и такъ просто, однимъ словомъ вводишь его въ рай? Да; потому что и то совершилось не безъ Меня, и это—не безъ Отца Моего; но какъ и то было Моимъ
783 дѣломъ, такъ и это—дѣло Отца Моего. *Яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. XIV, 10).

3. А чтобы ты видѣлъ, что воскрешеніе мертваго совершилось не вслѣдствіе молитвы, выслушай самую молитву. Что говоритъ Онъ? *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя* (Іоан. XI, 41). Что это? По виду своему развѣ это молитва, развѣ это прошеніе? *Хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя: Азъ же*, говоритъ, *вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши* (ст. 42). Если же Ты, Господи, знаешь, что Отецъ всегда слушаетъ Тебя, то для чего приступаешь къ Нему съ тѣмъ, что знаешь? Я знаю, говоритъ Онъ, что Отецъ всегда слушаетъ Меня, *но народа ради, стоящаго окрестъ, рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* (ст. 42). Молился ли Онъ о покойникѣ? Просилъ ли, чтобы воскресъ Лазарь? Сказалъ ли: Отче, повели, чтобы смерть повиновалась? Сказалъ ли: Отче, повели аду, чтобы онъ не заключалъ вратъ, но скоро возвратилъ

мертвеца? *Но народа ради*, говоритъ Онъ, *стоящаго окрестъ, рѣхъ, да познаютъ вси, яко Ты Мя послалъ еси.* Такимъ образомъ это дѣйствіе было не для чуда, но для поученія присутствовавшихъ. Видишь, что молитва была не для мертваго, но для присутствовавшихъ невѣрныхъ, чтобы они познали, говоритъ Онъ, *яко Ты Мя послалъ еси.* Какъ, скажутъ, мы можемъ узнать, что Онъ послалъ Тебя? Слушай, прошу тебя, со всѣмъ вниманіемъ. Вотъ, говоритъ Онъ, Я собственною Своею властію вызываю мертваго; вотъ Я собственною силою повелѣваю смерти. (Бога) Отца называю (Своимъ) Отцемъ и Лазаря вызываю изъ гроба. Если не истинно первое, то пусть не будетъ и послѣдняго; если же (Богъ) Отецъ истинно есть (Мой) Отецъ, то пусть послушается и мертвецъ для вразумленія присутствующихъ. Что же сказалъ Христосъ? *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. XI, 43). Когда совершилась молитва, то мертвый не воскресъ; а когда Онъ сказалъ: *Лазаре, гряди вонъ*, тогда мертвый воскресъ. О сила смерти! О могущество силы, удерживающей душу! О адъ! Совершилась молитва, и ты не освобождаешь мертваго? Нѣтъ, говоритъ адъ. Почему? Потому, что мнѣ не дано повелѣнія. Я—стражъ, удерживающій здѣсь виновнаго; если не получаю повелѣнія, то и не отпускаю; молитва же была не для меня, а для присутствовавшихъ невѣрныхъ; не получая повелѣнія, я не отпускаю виновнаго; ожидаю голоса, чтобы освободить душу. *Лазаре, гряди вонъ;* и мертвый услышалъ повелѣніе Господне, и тотчасъ разрушилъ законы смерти. Да постыдятся еретики и да погибнутъ съ лица земли! Эта рѣчь доказываетъ, что молитва была не для воскрешенія мертвеца, но по причинѣ немощи присутствовавшихъ тогда невѣрныхъ. *Лазаре, гряди вонъ.* А для чего Христосъ назвалъ мертваго по имени? Для чего? Для того, чтобы, обративъ рѣчь вообще къ мертвымъ, не вызвать всѣхъ изъ гробовъ, Онъ поэтому и говоритъ: *Лазаре, гряди вонъ;* тебя одного Я вызываю въ присутствіи этого народа, чтобы частнымъ воскресеніемъ показать и силу будущаго; такъ какъ Я, воскресивъ одного, воскрешу вселенную: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ* (Іоан. XI, 25). *Лазаре, гряди вонъ. И изыде умерый обязанъ укроемъ* (ст. 44). О дивныя дѣла! Тотъ, Кто разрѣшилъ душу отъ узъ смерти, разрушилъ врата ада, сокрушилъ врата мѣдныя и двери желѣзныя, Тотъ, освободивъ душу отъ узъ смерти, неужели не могъ освободить мертваго и отъ погребальныхъ пеленъ? Конечно, могъ; но Онъ повелѣваетъ іудеямъ развязать пелены, которыми они обвили Лазаря при погребеніи, чтобы они признали эти пелены, и на основаніи того, что̀ сами сдѣлали, убѣдились, что это тотъ самый Лазарь, котораго они приготовляли къ погребенію, и что здѣсь—Христосъ, пришедшій въ міръ по благоволенію Отца, имѣя власть надъ жизнію и смертію.

Ему слава и держава со безначальнымъ Его Отцемъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕСЯТОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «о томъ, что безмолвіе и несообщеніе другимъ того, что мы знаемъ, дѣлаетъ насъ бѣднѣйшими и погашаетъ благодать; и о молитвахъ, которыми Христосъ молился, и о власти, съ какою Онъ совершалъ все; и объ усовершенствованіи ветхозавѣтнаго закона; и о томъ, что воплощеніе не уменьшаетъ равенства Сына съ Отцемъ, но еще болѣе подтверждаетъ его».

784 Въ предшествовавшіе дни мы сказали довольно похвальныхъ рѣчей, изображая апостольскіе подвиги и наслаждаясь бесѣдою о духовныхъ доблестяхъ; теперь же время отдать вамъ долгъ, такъ какъ ничто не препятствуетъ этому. Знаю, что вы уже забыли о долгахъ моихъ по давности времени; однако я не скрою ихъ по этой причинѣ, но со всею готовностію отдамъ ихъ вамъ. Это я дѣлаю не только по признательности, но и для своей пользы. Въ договорахъ вещественныхъ для должника выгодно, когда заимодавецъ забываетъ о долгѣ; а въ договорахъ духовныхъ для имѣющаго платить долгъ—величайшая польза въ томъ, чтобы имѣющіе получить постоянно помнили о долгахъ. Тамъ отдаваемый долгъ уходитъ отъ дающаго и переходитъ къ получающему, уменьшаетъ имущество перваго и увеличиваетъ имущество послѣдняго; а въ дѣлахъ духовныхъ не такъ: здѣсь можно, отдавая имущество, и удерживать его, и, что удивительно, тогда особенно мы и удерживаемъ его у себя, когда отдаемъ другимъ. Если я скрою что-нибудь въ душѣ и буду постоянно хранить это, не сообщая никому, то моя выгода сократится, богатство уменьшится; а если
785 предложу всѣмъ и сдѣлаю многихъ участниками и общниками всего того, что знаю самъ, то мое духовное богатство увеличится. А что это дѣйствительно такъ, что удѣляющій другимъ увеличиваетъ свое имущество, а скрывающій его лишается всего пріобрѣтеннаго, свидѣтельствуютъ объ этомъ тѣ, которымъ ввѣрены были таланты, одному—пять, другому—два, третьему—одинъ. Первые принесли ввѣренное имъ въ двойномъ количествѣ и за это получили почести; а послѣдній, сохранивъ талантъ у себя и никому не передавъ его, не могъ удвоить его и за это былъ наказанъ. Итакъ всѣ мы, слыша это и опасаясь наказанія, будемъ открывать братьямъ имѣющееся у насъ благо и предлагать его всѣмъ, а не скрывать. Когда мы станемъ дѣлиться съ другими, то сами

будемъ болѣе обогащаться; когда станемъ дѣлать многихъ участниками нашего достоянія, тогда увеличимъ собственное богатство. А ты думаешь, что слава твоя уменьшится, если вмѣстѣ со многими будешь знать то, что зналъ ты одинъ? Напротивъ, тогда и увеличится твоя слава и польза, когда ты подавишь въ себѣ зависть, когда уничтожишь ненависть, когда покажешь великое братолюбіе; если же ты будешь одинъ пользоваться своимъ знаніемъ, то люди будутъ отвращаться отъ тебя и ненавидѣть тебя, какъ завистника и братоненавистника, а Богъ осудитъ тебя на крайнее наказаніе, какъ злостнаго; кромѣ того и самая благодать скоро покинетъ тебя и удалится. Такъ хлѣбъ, постоянно оставаясь въ житницахъ, портится и поѣдается молью; а если онъ будетъ вынесенъ и посѣянъ на нивахъ, то умножается и снова обновляется. Такъ и слово духовное, оставаясь постоянно заключеннымъ въ душѣ, растлѣваемой и снѣдаемой завистію, нерадѣніемъ и разслабленіемъ, скоро погибаетъ; а если оно будетъ посѣяно въ душахъ братій, какъ бы на плодоносной нивѣ, то дѣлается многократно умножившимся сокровищемъ и у принимающихъ его и у владѣющаго имъ. Какъ источникъ, если изъ него постоянно черпаютъ воду, болѣе очищается и дѣлается обильнѣе, а если онъ бываетъ закрытъ, то изсякаетъ; такъ и даръ духовный и слово назиданія, если изъ него постоянно черпаютъ и заимствуютъ желающіе, течетъ обильнѣе; а если задерживается завистію и ненавистію, то уменьшается и, наконецъ, прекращается. Итакъ, если отъ этого намъ столько пользы, то теперь я предложу все, что имѣю и заплачу вамъ весь долгъ, напомнивъ напередъ весь рядъ этихъ долговъ.

2. Вы знаете и помните, что раньше, бесѣдуя о славѣ Единороднаго, я перечислилъ много причинъ снисхожденія въ Его изреченіяхъ, и сказалъ, что Христосъ часто говорилъ уничиженно не только какъ облеченный плотію и не только по причинѣ немощи слушателей, но во многихъ случаяхъ и для того, чтобы научить смиренномудрію. Эти причины я тогда достаточно изслѣдовалъ, упомянувъ и о молитвѣ при воскрешеніи Лазаря и о молитвѣ, произнесенной на крестѣ, и ясно показавъ, что одну Онъ совершилъ для удостовѣренія въ Своемъ домостроительствѣ, а другую для исправленія немощи слушателей, не имѣя Самъ нужды ни въ какой помощи. А что Онъ многое дѣлалъ и для наученія людей смиренномудрію, объ этомъ послушай далѣе. Онъ влилъ воду въ умывальницу, и мало этого,—еще опоясался полотенцемъ, 786
нисходя до крайняго уничиженія; потомъ началъ умывать ноги ученикамъ, а вмѣстѣ съ учениками умылъ ноги и предателя. Кто не изумится и не подивится этому? Онъ умываетъ ноги тому, который намѣревался предать Его. И Петра, который уклонялся и

сказалъ: *Господи, не умыеши ногу моею,* Онъ не обходитъ, но говоритъ ему: *аще не умыю* ногъ твоихъ, *не имаши части со Мною*; тогда Петръ сказалъ: *Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу* (Іоан. XIII, 6—9). Видишь ли благоговѣніе ученика и въ томъ и въ другомъ—и въ уклоненіи и въ согласіи? Хотя въ словахъ его и было противорѣчіе, но то и другое было сказано отъ пламеннаго душевнаго расположенія. Видишь ли, какъ онъ былъ всегда пылокъ и ревностенъ? Но, повторяю, изъ уничиженнаго дѣйствія ты не долженъ выводить заключенія объ уничиженности существа Его; послушай, чтò говоритъ Онъ ученикамъ послѣ омовенія: *вѣсте ли, что сотворихъ вамъ? Вы глашаете Мя учителя и Господа, и добрѣ глаголете: есмь бо. Аще убо Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и учитель, и вы должни есте другъ другу умывати нозѣ. Образъ бо дахъ вамъ, да, якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* другъ другу (Іоан. XIII, 12—15). Видишь ли, что Онъ дѣлалъ многое для примѣра людямъ? Какъ исполненный мудрости учитель лепечетъ вмѣстѣ съ лепечущими дѣтьми, и этотъ лепетъ служитъ знакомъ не невѣдѣнія учителя, но заботливости его о дѣтяхъ; такъ точно и Христосъ дѣлалъ это не по несовершенству существа Своего, но по снисхожденію. Этого не должно оставлять безъ вниманія; потому что если мы станемъ разсматривать дѣло само по себѣ, то смотри, какая можетъ быть выведена нелѣпость. Если умывающаго считать ниже того, кого онъ умываетъ (умывающимъ былъ Христосъ, а умываемыми — ученики), то Христосъ окажется ниже учениковъ; но этого никто, даже безумный, не можетъ сказать. Видишь ли, какое зло — не знать причинъ, по которымъ Христосъ дѣлалъ все, что́ дѣлалъ? Или, лучше сказать, видишь ли, какое благо — изслѣдовать все тщательно и не только смотрѣть на то, чтò Онъ сказалъ или сдѣлалъ уничиженнаго, но и вникать, для чего и почему такъ? И не въ этомъ только случаѣ Онъ поступилъ такъ, но и въ другомъ показалъ то же самое. Сказавъ: *кто болій, возлежай ли, или служай,* Онъ продолжалъ: *не возлежай ли? Азъ же посредѣ васъ есмь яко служай* (Лук. XXII, 27). Такъ Онъ говорилъ и дѣлалъ для того, чтобы показать, что Онъ многократно уничижалъ Себя для назиданія учениковъ, и вмѣстѣ для того, чтобы расположить ихъ къ смиренію. Очевидно, что не по несовершенству Своего существа, но для ихъ назиданія Онъ переносилъ все это. И въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *князи языкъ господствуютъ ими: не тако же будетъ въ васъ: но, иже аще хощетъ въ васъ быти первый, да будетъ вамъ рабъ. Якоже Сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити* (Матѳ. XX, 25—28). Итакъ, если Онъ пришелъ послужить и научить смиренномудрію, то не

смущайся и не изумляйся, когда увидишь Его совершающимъ и 787
говорящимъ свойственное слугамъ. И многія изъ молитвъ Онъ совершалъ съ тѣмъ же намѣреніемъ. Къ Нему подошли и сказали: *Господи научи ны молитися, яко же и Іоаннъ научи ученики своя* (Лук. xi, 1). Что же, скажи мнѣ, Ему слѣдовало дѣлать? Не научать ихъ молиться? Но Онъ для того и пришелъ, чтобы научить ихъ всякому любомудрію. Слѣдовало научить? Въ такомъ случаѣ Ему надлежало и молиться. Скажутъ: это нужно было сдѣлать только словомъ. Но не столько наставленіе словами, сколько дѣлами, обыкновенно дѣйствуетъ на учениковъ. Посему Онъ не словами только научаетъ ихъ молитвѣ, но и Самъ часто совершаетъ молитвы и цѣлыя ночи молится въ пустыняхъ, вразумляя и научая насъ, чтобы мы, когда намѣреваемся бесѣдовать съ Богомъ, избѣгали шума и смятеній людскихъ и удалялись въ пустыню не по мѣстности только, но и по всѣмъ обстоятельствамъ. Пустынею можетъ быть не гора только, но и малая комната, удаленная отъ шума.

3. Для того, чтобы вы убѣдились, что молитва Его была дѣломъ снисхожденія, я особенно указалъ на происходившее съ Лазаремъ; но то же видно и изъ другихъ случаевъ. Почему Онъ молится не при бо̀льшихъ чудесахъ, а при меньшихъ? Если бы Онъ молился по нуждѣ въ помощи и по неимѣнію въ Себѣ достаточной силы, то Ему слѣдовало бы молиться и просить Отца при всѣхъ чудесахъ, а если не при всѣхъ, то по крайней мѣрѣ при бо̀льшихъ. Но Онъ дѣлаетъ противоположное: при важнѣйшихъ дѣлахъ Онъ не молится и этимъ показываетъ, что Онъ, когда совершалъ молитву, дѣлалъ это не потому, чтобы Самъ не имѣлъ силы, но чтобы научить другихъ; такъ, когда Онъ благословлялъ хлѣбы, то воззрѣлъ на небо и молился, чтобы научить насъ не прикасаться къ трапезѣ, не возблагодаривъ прежде Творца плодовъ—Бога. Воскрешая многихъ мертвыхъ, Онъ не молился, а молился только при воскрешеніи Лазаря. О причинѣ этого мы уже сказали: Онъ хотѣлъ исправить немощь предстоявшихъ, о чемъ и самъ Онъ сказалъ ясно, прибавивъ: *народа ради, стоящаго окрестъ, рѣхъ* (Іоан. xi, 42). Я достаточно объяснилъ тогда, что не молитва, а воззваніе Его воскресило этого мертвеца; но чтобы тебѣ лучше понять это, обрати вниманіе на дальнѣйшее. Когда нужно было наказать, или наградить, или отпустить грѣхи, или постановить законъ, или когда нужно было сдѣлать что-нибудь гораздо важнѣйшее, то ты нигдѣ не найдешь, чтобы Онъ при этомъ взывалъ къ Отцу и молился, но все это Онъ совершалъ Своею властію. Я перечислю все это по порядку, а ты тщательно замѣчай, что Онъ никогда не нуждался въ молитвѣ. *Пріидите,*

говорилъ Онъ, *благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѳ. xxv, 34); и еще: *идите отъ Мене прокляттіи во огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его* (ст. 41). Вотъ, Онъ съ полною властію Самъ наказываетъ и награждаетъ и не нуждается ни въ какой молитвѣ. Также, когда надлежало исцѣлить тѣло разслабленнаго, Онъ говоритъ: *востани и возми одръ*
783 *твой, и ходи* (Марк. ii, 9); когда надлежало избавить отъ смерти: *талифа куми, востани* (Марк. v, 41); когда надлежало освободить отъ грѣховъ: *дерзай, чадо, отпущаются ти грѣси твои* (Матѳ. ix, 2); когда надлежало изгнать демоновъ: *тебѣ глаголю душе, нечистый, изыди отъ него* (Марк. v, 8); когда надлежало укротить море: *молчи, престани* (Марк. iv, 39); когда надлежало очистить прокаженнаго: *хощу, очистися* (Матѳ. viii, 3); когда надлежало постановить законъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши: Азъ же глаголю вамъ: иже аще речетъ брату своему: уроде, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй* (Матѳ. v, 21. 22). Видишь ли, какъ Онъ совершаетъ все собственною властію Господнею, и въ геенну ввергаетъ, и въ царство вводитъ, и разслабленіе исцѣляетъ, и смерть отгоняетъ, и грѣхи отпускаетъ, и демоновъ изгоняетъ, и море укрощаетъ? Что же важнѣе, скажи мнѣ, въ царство ли ввести, и въ геенну ввергнуть, и грѣхи отпустить, и законы даровать своею властію, или сдѣлать хлѣбы? Не очевидно ли для всѣхъ и несомнѣнно, что первое важнѣе послѣдняго? Однако Онъ при важнѣйшихъ дѣлахъ не молится, показывая тѣмъ, что и при менѣе важныхъ Онъ дѣлалъ это не по недостатку силы, а для наученія присутствовавшихъ. А чтобы ты уразумѣлъ, какое великое дѣло отпускать грѣхи, я приведу тебѣ свидѣтелемъ пророка; никому другому, говоритъ пророкъ, не свойственно это, кромѣ одного Бога: *кто Богъ, якоже Ты, отъемляй беззаконія и оставляяй нечестія* (Мих. vii, 18)? Хотя ввести въ царство гораздо важнѣе, нежели избавить отъ смерти, но и это Христосъ совершалъ со властію. И издавать законы—дѣло не подчиненныхъ, а царствующихъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ самая природа вещей: только царямъ свойственно постановлять законы; это выражаетъ и апостолъ въ слѣдующихъ словахъ: *о дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ: совѣтъ же даю, яко помилованъ отъ Господа вѣренъ быти* (1 Кор. vii, 25). Такъ какъ онъ былъ рабъ и служитель, то и не осмѣлился прибавить что-нибудь къ постановленному изначала. А Христосъ поступаетъ не такъ: съ великою властію Онъ исчисляетъ древніе законы и вводитъ еще свои. Если же просто постановлять законы свойственно только царской власти, а Онъ оказывается не только постановляющимъ законы, но и исправляющимъ древніе, то какое остается оправ-

даніе желающимъ безстыдствовать? Отсюда видно, что Христосъ единосущенъ съ Родителемъ.

4. Но чтобы то, о чемъ я говорю, сдѣлалось болѣе яснымъ, обратимся къ самымъ словамъ Писанія. Взошедши на гору, говорится тамъ, Христосъ сѣлъ и началъ говорить всѣмъ, окружавшимъ Его: *блажени нищіи духомъ, кротцыи, милостивіи, чистіи сердцемъ* (Матѳ. гл. v). Затѣмъ, послѣ этихъ блаженствъ, Онъ говоритъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки: не пріидохъ разорити, но исполнити* (ст. 17). Кто же подозрѣвалъ это? Почему Онъ говоритъ такъ? Развѣ сказанное Имъ было противоположно прежнему? *Блажени*, говоритъ Онъ, *нищіи духомъ*, т. е. смиренномудрые; но это говорилъ и Ветхій Завѣтъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. L, 19). Еще: *блажени кротцыи*; и это также возвѣщаетъ Исаія, когда говоритъ отъ лица Божія: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Иса. LXVI, 2)? *Блажени милостивіи*; и это также часто повторялось: *живота нищаго не лиши*, говоритъ (Премудрый), *раба скорбяща не отрѣй* (Сир. IV, 1—4), и вездѣ много говорится о человѣколюбіи. *Блажени чистіи сердцемъ*; тоже и Давидъ говоритъ: *сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей* (Псал. L, 12). Если кто пересмотритъ и прочія блаженства, то найдетъ большое согласіе ихъ (съ Ветхимъ Завѣтомъ). Почему же Христосъ, не сказавъ ничего противоположнаго прежнему, присовокупилъ: *не мните, яко пріидохъ разорити законъ, или пророки*? Онъ относитъ эту оговорку не къ тому, что̀ было сказано, а къ тому, что̀ еще имѣло быть сказано. Такъ какъ Онъ хотѣлъ усилить заповѣди, то, чтобы не подумали, будто это усиленіе есть опроверженіе и прибавленіе есть противорѣчіе, Онъ и сказалъ: *не мните яко пріидохъ разорити законъ, или пророки*, т. е. Я хочу сказать нѣчто совершеннѣйшее того, что прежде было сказано, какъ-то: *слышасте: не убіеши; Азъ же глаголю: да не гнѣваешися: слышасте: не прелюбы сотвориши; Азъ же глаголю: всякъ, иже воззритъ на жену ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова*, и тому подобное (Матѳ. v, 21—28). Итакъ не думайте, что усовершенствованіе есть нарушеніе; это—не нарушеніе, а восполненіе; и что дѣлалъ Онъ съ тѣлами, тоже дѣлаетъ и съ закономъ. Что же Онъ дѣлалъ съ тѣлами? Пришедши Онъ нашелъ много членовъ поврежденныхъ и имѣющихъ во всемъ недостатки; ихъ Онъ и исправлялъ и возвращалъ имъ надлежащее благообразіе, дѣлами своими показывая всѣмъ, что Онъ самъ постановилъ и древніе законы и создалъ наше естество. А что Христосъ хотѣлъ показать это, видно въ особенности изъ исцѣленія слѣпого. Проходя и уви- 789

дѣвъ одного слѣпого, Онъ сдѣлалъ бреніе, помазалъ этимъ бреніемъ слѣпые глаза и сказалъ ему: *иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ* (Іоан. IX, 7). Для чего же Онъ, часто однимъ повелѣніемъ Своимъ воскрешавшій мертвыхъ и совершавшій много другихъ чудесъ, здѣсь присовокупляетъ нѣкоторое дѣйствіе, составляя бреніе и созидая глаза слѣпому? Не очевидно ли для того, чтобы ты, слыша, что Богъ взялъ персть отъ земли и создалъ человѣка, изъ настоящаго событія убѣдился, что Христосъ есть Тотъ, Кто вначалѣ создалъ человѣка? А если бы Онъ не хотѣлъ показать это, излишне было бы то, что̀ Онъ сдѣлалъ. Потомъ, чтобы ты зналъ, что не употребленіе бренія содѣйствовало Ему для дарованія прозрѣнія слѣпому, но что Онъ и безъ этого вещества могъ бы однимъ повелѣніемъ создать эти глаза, Онъ прибавляетъ: *иди*, говоритъ, *умыйся въ купѣли Силоамстѣ*. Показавъ намъ самымъ способомъ чудотворенія, Кто и вначалѣ сотворилъ человѣка, Онъ потомъ говоритъ слѣпому: *иди, умыйся въ Силоамѣ*. Какъ отличный ваятель, желая показать на дѣлѣ свое искусство, при изготовленіи статуи оставляетъ нѣкоторую часть ея неоконченною, чтобы на этой части представить доказательство своего искусства въ устройствѣ цѣлой статуи, такъ и Христосъ, желая показать, что Онъ, самъ сотворивъ цѣлаго человѣка, оставилъ этого (слѣпого) несо-
790 вершеннымъ для того, чтобы, пришедши и даровавъ ему глаза, этою частію внушить намъ вѣру въ отношеніи къ цѣлому. И посмотри, съ какою частію тѣла Онъ поступилъ такъ: не съ рукою и ногою, но съ глазами, прекраснѣйшимъ и необходимѣйшимъ изъ нашихъ членовъ, драгоцѣннѣе котораго у насъ нѣтъ ни одного члена. А кто могъ создать прекраснѣйшій и необходимѣйшій членъ, т. е. глаза, Тотъ очевидно можетъ сотворить и руку, и ногу, и прочіе члены. О, какъ блаженны тѣ глаза, которые сдѣлались предметомъ зрѣлища для всѣхъ присутствовавшихъ, привлекали къ себѣ всѣхъ, и своею красотою проповѣдывали, возвѣщая всѣмъ присутствовавшимъ о силѣ Христовой! Подлинно, дивное было событіе: слѣпой училъ зрячихъ прозрѣнію. Выражая это, Христосъ и говорилъ: *на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да не видящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ* (Іоан. IX, 39). О, блаженная слѣпота! Глаза, которыхъ слѣпой не получилъ отъ природы, онъ получилъ отъ благодати, и не столько потерпѣлъ вреда отъ промедленія (въ полученіи глазъ), сколько получилъ пользы отъ способа созданія ихъ. Что можетъ быть удивительнѣе тѣхъ глазъ, которые создать удостоили непорочныя и святыя руки? И что случилось съ безплодною женою, то произошло и здѣсь. Какъ она не потерпѣла никакого вреда отъ долгаго безплодія, но сдѣлалась болѣе славною, получивъ сына не по законамъ природы, а по законамъ

благодати (Быт. xvi, 1. Лук. i, 7); такъ точно и слѣпой не потерпѣлъ никакого вреда отъ предшествовавшей слѣпоты, но и получилъ отсюда величайшую пользу, удостоившись сначала узрѣть Солнце правды, а потомъ—солнце видимое.

5. Это я говорю для того, чтобы мы не огорчались, когда увидимъ себя или другихъ въ несчастіяхъ. Если мы будемъ съ благодарностью и мужествомъ переносить все случающееся, то всякое несчастіе непремѣнно будетъ имѣть благой для насъ конецъ и сопровождаться многими благами. Но я началъ говорить, что подобно тому, какъ тѣла, имѣвшія недостатки, Христосъ исправлялъ, такъ и законъ, оказавшійся несовершеннымъ, Онъ устроялъ, преобразовывалъ и дѣлалъ лучшимъ. Впрочемъ, слыша о несовершенствѣ закона, никто пусть не думаетъ, будто я осуждаю Законодателя. Тотъ законъ несовершенъ не по своей сущности, но сдѣлался несовершеннымъ съ теченіемъ времени; въ то время, когда онъ былъ данъ, онъ былъ весьма совершеннымъ и пригоднымъ для принявшихъ его; а когда родъ человѣческій, руководимый имъ, сдѣлался лучше, то законъ сталъ менѣе совершеннымъ, не по своей сущности, а по причинѣ нравственнаго усовершенствованія наученныхъ имъ. Какъ луки и стрѣлы, сдѣланныя царскому сыну для упражненія, а не для войны и сраженія, становятся безполезными, когда этотъ сынъ выростетъ и научится отличаться въ сраженіяхъ, такъ точно случилось и съ нашею природою: когда мы были менѣе совершенными и занимались упражненіями, тогда Богъ далъ намъ и соотвѣтственное оружіе, которое мы легко могли носить; но когда мы возрасли въ нравственномъ отношеніи, то отъ нашего усовершенствованія это оружіе сдѣлалось несовершеннымъ. Поэтому пришелъ Христосъ и предложилъ намъ другое, совершеннѣйшее. И посмотри, съ какою мудростію Онъ перечисляетъ древніе законы и предлагаетъ новые. *Слышасте*, говоритъ Онъ, *яко* 791
речено бысть древнимъ: не убіеши (Матѳ. v, 21). Скажи же: кѣмъ *речено?* Ты ли сказалъ это, или Отецъ Твой? Но Онъ не говоритъ этого. Почему же Онъ умолчалъ и не назвалъ изрекшаго (законодателя), но безлично привелъ законъ? Потому, что если бы Онъ сказалъ: (Отцемъ) *речено бысть: не убіеши; Азъ же глаголю вамъ: не гнѣвайся*, то слова Его показались бы непріятными по неразумію слушателей, которые еще не могли понимать, что Онъ предлагалъ Свои законы не для уничтоженія прежнихъ, а для ихъ дополненія. Они сказали бы Ему: что говоришь Ты? Отецъ Твой сказалъ: *не убіеши*, а Ты говоришь: *не гнѣвайся?* Итакъ, чтобы кто не подумалъ, будто Онъ противится Отцу, или какъ бы предлагаетъ нѣчто болѣе мудрое, чѣмъ данное Тѣмъ (Законодателемъ), Онъ и не сказалъ: *слышасте отъ Отца*. Съ другой стороны, если бы Онъ

сказалъ: *слышасте*, какъ Я говорилъ древнимъ; то и это показалось бы невыносимымъ не менѣе перваго. Если тогда, когда Онъ сказалъ: *прежде даже Авраамъ не бысть, Азъ есмь* (Іоан. VIII, 58), намѣревались побить Его камнями, то чего не сдѣлали бы, если бы Онъ прибавилъ, что и Моисею Онъ же далъ законъ? Поэтому Онъ и не упомянулъ ни о Себѣ, ни объ Отцѣ, но неопредѣленно сказалъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши*. Какъ Онъ поступалъ съ тѣлами, исправленіемъ ихъ недостатковъ внушая слушателямъ и то, Кто въ началѣ сотворилъ человѣка; такъ поступаетъ и здѣсь, исправленіемъ закона и дополненіемъ недостающаго, внушая, Кто въ началѣ далъ и законъ. Поэтому, бесѣдуя и о сотвореніи человѣка, Онъ не упомянулъ ни о Себѣ, ни объ Отцѣ, но и тамъ выразился безлично и неопредѣленно, сказавъ: *Сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ Я есть* (Матѳ. XIX, 4); въ словахъ Онъ умалчивалъ о Создателѣ, а въ дѣлахъ указывалъ на Него, исправляя недостатки тѣлесные. Такъ и здѣсь, сказавъ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ*, Онъ умолчалъ о томъ, Кѣмъ это было сказано, а самыми дѣлами указалъ на Себя; ибо Кто исправлялъ недостатки, Тотъ и въ началѣ произвелъ человѣка. Древніе же законы Онъ исчисляетъ для того, чтобы слушатели чрезъ сравненіе поняли, что сказанное Имъ не заключаетъ противорѣчія, и что Онъ имѣетъ одинаковую власть съ Родителемъ. Это и іудеи поняли и удивлялись. А что они удивлялись, объ этомъ, послушай, какъ свидѣтельствуетъ евангелистъ: *дивляхуся*, говоритъ онъ, *народи о ученіи Его: бѣ бо уча ихъ, яко власть имѣя, а не яко книжницы и фарисее* (Матѳ. VII, 28, 29). Но что, скажутъ, если они неправильно такъ думали? Однако Христосъ не осудилъ ихъ и не укорилъ, а подтвердилъ ихъ мнѣніе. Когда вскорѣ послѣ того подошелъ прокаженный и сказалъ: *Господи, аще хощеши, можеши мя очистити* (Матѳ. VIII, 2), то что говоритъ Онъ? *Хощу, очистися* (ст. 3). Почему Онъ не сказалъ просто: *очистися*, хотя прокаженный уже засвидѣтельствовалъ, что Онъ имѣетъ на это власть, сказавъ: *аще хощеши?* Чтобы ты не подумалъ, будто слова: *аще хощеши*, составляютъ мнѣніе прокаженнаго, Христосъ и Самъ прибавилъ: *хощу, очистися*. Такъ Онъ
392 нарочито вездѣ показывалъ Свою власть и то, что Онъ совершаетъ все самостоятельно; иначе, если бы не было такъ, эти слова были бы излишними.

6. Итакъ мы уразумѣли изъ всего этого власть Христа; если же увидимъ, что въ другихъ случаяхъ Онъ дѣлалъ и говорилъ нѣчто смиренное, какъ по тѣмъ причинамъ, которыя мы прежде исчислили, такъ и потому, что Онъ хотѣлъ расположить слушателей къ смиренномудрію, то не будемъ вслѣдствіе этого приписывать

Ему уничиженнаго естества. Самое принятіе плоти Онъ допустилъ по смиренномудрію, а не потому, чтобы Онъ былъ ниже Отца. Откуда это видно? Враги истины разглашаютъ и это, и говорятъ: если Христосъ равенъ Родителю, то почему Отецъ не принялъ плоти, а Сынъ облекся въ образъ раба? Не очевидно ли потому, что Онъ ниже Отца? Но, если бы поэтому Онъ облекся въ наше естество, то Духъ, котораго они сами считаютъ меньшимъ Сына (а мы этого не говоримъ), долженъ былъ бы воплотиться. Если Отецъ больше Сына потому, что одинъ воплотился, а другой не воплотился, то и Духъ по той же причинѣ былъ бы больше Сына, такъ какъ и Онъ не принялъ плоти. Впрочемъ, чтобы намъ не доказывать умозаключеніями, теперь подтвердимъ это самыми Писаніями и покажемъ, что Христосъ принялъ плоть по смиренномудрію. Павелъ, знающій это въ точности, желая внушить намъ что-нибудь полезное, приводитъ намъ примѣры добродѣтели свыше: напримѣръ, многократно подавая совѣтъ о любви и желая расположить учениковъ ко взаимной любви, онъ приводитъ въ примѣръ Христа и говоритъ: *мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь* (Ефес. v, 25). Также, бесѣдуя о милосердіи, онъ дѣлаетъ тоже самое: *вѣсте*, говоритъ, *благодать Господа нашего Іисуса Христа, яко васъ ради обнища богатъ сый, да вы нищетою Его обогатитеся* (2 Кор. VIII, 9). Смыслъ словъ его слѣдующій: какъ Владыка твой обнищалъ, облекшись плотію, такъ и ты обнищай деньгами; и какъ Ему нисколько не повредило обнищаніе славою, такъ и тебѣ не можетъ повредить обнищаніе деньгами, но доставитъ тебѣ великое богатство. Также и о смиреномудріи, бесѣдуя съ филиппійцами, Онъ приводитъ въ примѣръ Христа, и сказавъ: *смиренномудріемъ другъ друга честію болша себе творяще*, прибавляетъ: *сіе бо да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ* (Фил. II, 3—7). А если бы Христосъ благоволилъ принять плоть потому, что былъ по существу ниже Отца, то это уже не было бы дѣломъ смиренномудрія, и напрасно Павелъ указывалъ бы на это, научая смиренномудрію; такъ какъ смиренномудріе бываетъ тогда, когда равный повинуется равному. Выражая это, апостолъ и говоритъ: *иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ*. Что значитъ: *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ?* Похитившій что-нибудь изъ непринадлежащаго ему постоянно держитъ похищенное при себѣ и не рѣшится отложить 793
его, страшась и опасаясь за пріобрѣтеніе; а кто владѣетъ неотъемлемымъ благомъ, тотъ не опасается и отложить его. Напримѣръ,—

поясним сказанное примѣромъ,—представимъ, что у одного и того же человѣка есть и рабъ и сынъ; если рабъ нагло присвоитъ себѣ свободу, вовсе ему не принадлежащую, и будетъ возставать противъ господина, то онъ не возьмется за какое нибудь рабское дѣло и не будетъ повиноваться приказаніямъ, опасаясь, чтобы это не нарушило его свободы и чтобы подчиненіе не сдѣлало ему униженія; такъ какъ онъ похитилъ честь и владѣетъ ею не по достоинству. А сынъ не откажется дѣлать всякое дѣло рабское, зная, что хотя бы онъ сталъ исполнять всѣ рабскія службы, свобода его не потерпитъ никакого вреда, но останется неизмѣнною, такъ какъ природное благородство не можетъ быть уничтожено рабскими дѣлами; оно пріобрѣтено имъ не чрезъ хищеніе, какъ рабомъ, но наслѣдовано имъ издавна, съ перваго дня. Объясняя это, и Павелъ говоритъ о Христѣ, что Онъ, бывъ по существу свободнымъ и истиннымъ Сыномъ Отца, не побоялся отложить это, какъ если бы хищеніемъ присвоилъ Себѣ равенство съ Нимъ, но смѣло принялъ образъ раба. Христосъ зналъ и точно зналъ, что уничиженіе не можетъ нисколько уменьшить Его славы; потому что она была не заимствованная, не пріобрѣтенная хищеніемъ, не чуждая и не несвойственная Ему, но естественная и истинная. Поэтому Онъ и принялъ образъ раба, съ яснымъ знаніемъ и увѣренностію, что это нисколько не можетъ повредить Ему. Это дѣйствительно и не повредило Ему, но и въ образѣ раба Онъ пребывалъ съ тою же славою. Видишь ли, какъ самое принятіе плоти служитъ доказательствомъ того, что Сынъ равенъ Родителю, и что это равенство не заимствованное, не приходящее и отходящее, но неизмѣнное и постоянное и такое, какое слѣдуетъ имѣть Сыну въ отношеніи къ Отцу?

7. Итакъ будемъ говорить все это еретикамъ и стараться, насколько отъ насъ зависитъ, отклонять ихъ отъ злой ереси и обращать къ истинѣ. И сами мы не станемъ считать одну вѣру достаточною намъ для спасенія, но будемъ заботиться и о поведеніи, будемъ вести и наилучшую жизнь, чтобы и то и другое способствовало намъ къ достиженію совершенства. Къ чему я прежде увѣщевалъ, къ исполненію того же увѣщеваю и теперь: прекратимъ вражду между собою, и пусть никто не остается врагомъ ближняго долѣе одного дня, но до наступленія ночи пусть укрощаетъ гнѣвъ, чтобы, оставшись наединѣ и тщательно припоминая сдѣланное и сказанное по враждѣ, не сдѣлать прекращеніе ея болѣе труднымъ и примиреніе болѣе неудобнымъ. Вывихнутыя кости нашего тѣла, бывъ тотчасъ вправлены, безъ большаго затрудненія занимаютъ свое мѣсто; если же онѣ долгое время останутся внѣ своего мѣста, то съ трудомъ вправляются и принимаютъ

прежнее положенiе, и вправленныя требуютъ продолжительнаго времени для того, чтобы твердо установиться, укрѣпиться и не сдвигаться; такъ точно и мы, если тотчасъ станемъ мириться съ врагами, то можемъ сдѣлать это удобно и безъ большаго труда войти въ прежнюю дружбу; а если пройдетъ много времени, то, какъ бы ослѣпленные враждой, мы будемъ стыдиться, смущаться и имѣть нужду въ другихъ, которые бы не только примирили насъ, 794
но и по примиренiи тщательно наблюдали за нами, пока мы достигнемъ прежней откровенности. Я не говорю уже о насмѣшкахъ и стыдѣ; ибо какого порицанiя не заслуживаетъ то, чтобы нуждаться въ другихъ, которые помирили бы насъ съ нашими ближними? Отъ медленности и отлагательства происходитъ не только это зло, но и то, что несуществующiе грѣхи послѣ кажутся намъ грѣхами; о чемъ бы ни сталъ говорить врагъ, все мы принимаемъ съ подозрѣнiемъ: и движенiя его, и взгляды, и голосъ, и походку; и показываясь намъ, онъ воспламеняетъ нашу раздраженную душу, и не показываясь также огорчаетъ насъ. Обыкновенно не только видъ оскорбившихъ, но и воспоминанiе о нихъ постоянно раздражаетъ насъ; и, если услышимъ, что другой говоритъ что-нибудь о нихъ, мы съ своей стороны возвышаемъ голосъ, и вообще всю жизнь проводимъ въ уныніи и огорченiи, причиняя больше зла самимъ себѣ, нежели врагамъ, и имѣя въ душѣ постоянную борьбу. Итакъ, возлюбленные, зная все это, будемъ всячески стараться не имѣть ни съ кѣмъ вражды, а если случится какая-нибудь непрiязнь, то будемъ примиряться въ тотъ же день; потому что, если она продолжится на второй и третiй день, то скоро третiй сдѣлается четвертымъ, четвертый—пятымъ, а этотъ опять породитъ намъ еще больше дней непрiязни; и чѣмъ дольше мы будемъ откладывать примиренiе, тѣмъ больше будемъ стыдиться. Но тебѣ стыдно придти и поцѣловаться съ оскорбителемъ? Нѣтъ, это — хвала, это — вѣнецъ, это — слава, это — польза и сокровище, исполненное безчисленныхъ благъ; и самъ врагъ одобритъ тебя, и всѣ присутствующiе похвалятъ; а если и осудятъ люди, то Богъ непремѣнно увѣнчаетъ тебя. Если же ты будешь ждать, чтобы врагъ напередъ пришелъ и попросилъ прощенiя, то ты не получишь такой пользы: онъ предвосхититъ награду и прiобрѣтетъ себѣ все благословенiе; а когда ты самъ придешь, то не останешься ниже его, но побѣдишь гнѣвъ, преодолѣешь страсть, обнаружишь великое любомудрiе, послушавшись Бога, и сдѣлаешь болѣе прiятною послѣдующую жизнь, избавившись отъ хлопотъ и тревоги. И не только предъ Богомъ, но и предъ людьми предосудительно и опасно имѣть многихъ враговъ. Что я говорю: многихъ? Одного и единственнаго врага имѣть такъ же опасно, какъ безопасно и спасительно имѣть

всѣхъ друзьями. Не столько умноженіе имущества, не столько оружіе и стѣны, окопы и другія безчисленныя средства могутъ обезопасить насъ, сколько искренняя дружба. Это — стѣна, это — крѣпость, это — богатство, это — утѣшеніе, это будетъ способствовать намъ и настоящую жизнь проводить въ душевномъ спокойствіи, и доставитъ будущую жизнь. Итакъ, помышляя о всемъ этомъ и представляя себѣ великую пользу отъ этого, будемъ дѣлать все и принимать всѣ мѣры, чтобы намъ примириться съ настоящими вра-
795 гами, и не пріобрѣтать новыхъ враговъ, а друзей настоящихъ сдѣлать болѣе надежными. Начало и конецъ всякой добродѣтели — любовь; наслаждаясь ею искренно и постоянно, да сподобимся мы получить царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «сказанное въ Константинополѣ противъ аномеевъ, о непостижимомъ, и о томъ, что Новый Завѣтъ согласенъ съ Ветхимъ, и о неприсутствующихъ въ священныхъ собраніяхъ».

796 ОДИНЪ ДЕНЬ я бесѣдовалъ съ вами и съ того дня такъ полюбилъ васъ, какъ будто издавна и съ ранняго возраста жилъ среди васъ; такъ я соединился съ вами узами любви, какъ будто въ теченіе неисчетнаго времени наслаждался пріятнѣйшимъ общеніемъ съ вами. Это произошло не оттого, чтобы я былъ особенно склоненъ къ дружбѣ и любви, но оттого, что вы вожделѣннѣе и любезнѣе всѣхъ. Кто не изумится и не удивится вашему пламенному усердію, непритворной любви, уваженію къ учителямъ, согласію другъ съ другомъ, которыхъ вполнѣ достаточно для того, чтобы привлечь къ вамъ и каменную душу? Поэтому и я люблю васъ не менѣе, чѣмъ ту церковь (антіохійскую), въ которой я родился, воспитался и учился; эта церковь — сестра той, и вы дѣлами доказали родство съ нею. Если та старше по времени, то эта пламеннѣе по вѣрѣ; тамъ многочисленнѣе собраніе и торжественнѣе зрѣлище, а здѣсь больше терпѣнія и больше доказательствъ мужества. Волки со всѣхъ сторонъ окружаютъ
797 овецъ, а стадо не истребляется; буря, непогода и волненіе не-

престанно преслѣдуютъ этотъ священный корабль, а пловцы не утопаютъ; ярость еретическаго пламени объемлетъ со всѣхъ сторонъ, а находящіеся среди горящей печи наслаждаются духовною росою. Видѣть церковь насажденную въ этой части города такъ же удивительно, какъ увидѣть среди горящей печи цвѣтущую маслину, одѣтую листьями и обремененную плодами. Если же вы столь признательны и достойны безчисленныхъ благъ, то теперь я со всею охотою исполню обѣщаніе, которое далъ вамъ раньше, когда разсуждалъ предъ вами объ оружіи Давида и Голіаѳа и говорилъ, какъ одинъ былъ со всѣхъ сторонъ огражденъ великимъ множествомъ всякаго оружія, а другой, вовсе не имѣя оружія, былъ огражденъ вѣрою; одинъ блисталъ снаружи латами и щитомъ, а другой извнутри (сіялъ) духомъ и благодатію. Поэтому отрокъ побѣдилъ юношу, безоружный преодолѣлъ вооруженнаго, пастухъ низложилъ воина, обыкновенный камень пастуха разбилъ и сокрушилъ мѣдные доспѣхи врага (1 Цар. гл. XVII). Такъ и я возьму въ руки камень, т. е. краеугольный, духовный. Если Павлу можно было разсуждать о камнѣ, бывшемъ въ пустынѣ (1 Кор. X, 4), то конечно никто не будетъ укорять и меня, когда я буду такимъ же образомъ пользоваться этимъ камнемъ. Какъ у іудеевъ не природа видимаго камня, а сила духовнаго камня произвела потоки водъ; такъ и Давидъ не вещественнымъ, а духовнымъ камнемъ поразилъ голову иноплеменника; поэтому и я тогда обѣщалъ вамъ не говорить ничего по умственнымъ соображеніямъ; *оружія бо воинства нашего не плотская, но духовная, помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій* (2 Кор. X, 4. 5). Такъ намъ заповѣдуется низлагать помыслы, а не возвышать ихъ, повелѣвается разрушать ихъ, а не вооружаться ими. *Помышленія бо смертныхъ боязлива,* говоритъ Премудрый (Премуд. IX, 14). Что значитъ: *боязлива?* Боязливый, хотя бы шелъ и по безопасному мѣсту, не бываетъ смѣлъ, но страшится и трепещетъ; такъ и доказанное умственными соображеніями, хотя бы и было истинно, не доставляетъ душѣ полнаго убѣжденія и достаточной увѣренности. Если такова слабость умственныхъ соображеній, то я и приступлю теперь къ борьбѣ съ еретиками на основаніи Писаній. Откуда же мнѣ должно начать рѣчь? Откуда хотите, изъ Новаго или Ветхаго Завѣта; такъ какъ не только въ евангельскихъ и апостольскихъ, но и въ пророческихъ изреченіяхъ и во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ можно видѣть славу Единороднаго сіяющею съ великимъ блескомъ. Посему мнѣ кажется, что и оттуда можно бросать стрѣлы въ этихъ еретиковъ (аномеевъ). Заимствуя мысли оттуда, мы въ состояніи будемъ преодолѣть не только этихъ однихъ, но и многихъ другихъ ере-

тиковъ, Маркіона, Манихея, Валентина и всѣ секты іудейскія. Какъ при Давидѣ палъ одинъ Голіаѳъ, а все войско обратилось въ бѣгство, смерть постигла одно тѣло и поражена была одна голова, но бѣгство и страхъ были общими для всего войска; такъ точно и у насъ теперь, когда будетъ поражена и низложена одна ересь, произойдетъ общее бѣгство всѣхъ названныхъ еретиковъ.
798 Манихеи и страждующіе одинаковою съ ними болѣзнію, повидимому, признаютъ проповѣдуемаго Христа, а проповѣдующихъ о Немъ пророковъ и патріарховъ не почитаютъ; іудеи же напротивъ, повидимому, принимаютъ и уважаютъ проповѣдующихъ о Христѣ, т. е. пророковъ и законодателя своего, а Проповѣдуемаго ими не почитаютъ. Итакъ, если я по благодати Божіей докажу, что о славѣ Единороднаго много предвозвѣщено въ Ветхомъ Завѣтѣ, то буду въ состояніи пристыдить всѣ такія богопротивныя уста и обуздать богохульные языки; потому что, если Ветхій Завѣтъ окажется проповѣдующимъ о Христѣ, то какое оправданіе будетъ манихеямъ и ихъ послѣдователямъ, не почитающимъ Писанія, которое предвозвѣщаетъ объ общемъ Владыкѣ всѣхъ? Какое извиненіе и прощеніе будетъ и іудеямъ, не признающимъ Того, о Которомъ возвѣщаютъ пророки?

2. Итакъ, если намъ предстоитъ столь великая побѣда, обратимся къ древнимъ книгамъ и къ древнѣйшей изъ всѣхъ древнихъ, т. е. книгѣ Бытія, и въ самой книгѣ Бытія обратимся къ ея началу. Что Моисей говорилъ много о Христѣ, объ этомъ, послушай, какъ самъ Христосъ говоритъ: *аще бысте вѣровали Моѵсеови, вѣровали бысте убо и Мнѣ: о Мнѣ бо той писа* (Іоан. v, 46). Гдѣ же Моисей писалъ о Немъ? Это я и постараюсь теперь показать. Когда созданы были всѣ твари, небо увѣнчано разнообразнымъ сонмомъ звѣздъ, а противъ него внизу земля украсилась различными цвѣтами, когда вершины горъ, поля и долины, и вообще вся земная поверхность покрыта была растеніями, деревами и травами, запрыгали стада мелкаго и крупнаго скота, хоръ пѣвчихъ птицъ сообразно съ свойствами своей природы наполнилъ весь воздухъ музыкою, моря стали изобиловать морскими животными, озера, источники и рѣки наполнились всѣмъ, что въ нихъ рождается, и ничего не осталось недоконченнымъ, но все было уже готово, тогда тѣло ожидало главы, городъ—начальника, тварь—царя, т. е. человѣка. Богъ, намѣреваясь создать его, сказалъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26). Съ кѣмъ Онъ бесѣдуетъ? Очевидно, что съ Единороднымъ Сыномъ Своимъ. Онъ не сказалъ: *сотвори*, чтобы ты не принялъ этихъ словъ за приказаніе рабу, но: *сотворимъ*, чтобы подъ видомъ словеснаго совѣта открыть равенство чести (у Него съ Сыномъ). Такъ

иногда говорится, что Богъ имѣетъ совѣтника, а иногда говорится, что—не имѣетъ; и однако Писаніе не противорѣчитъ самому себѣ, но чрезъ то и другое открываетъ намъ таинственные догматы. Когда оно желаетъ представить, что Богъ ни въ чемъ не нуждается, то говоритъ, что Онъ не имѣетъ совѣтника; а когда желаетъ показать равенство чести у Него съ Единороднымъ, тогда называетъ Сына Божія совѣтникомъ Его. А чтобы тебѣ убѣдиться въ томъ и другомъ, какъ въ томъ, что пророки называютъ Сына совѣтникомъ Божіимъ не потому, будто Отецъ имѣетъ нужду въ совѣтѣ, но для того, чтобы намъ знать честь Единороднаго, такъ и въ томъ, что Богъ не нуждается въ совѣтникѣ, выслушай слова Павла: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко не испытани судове Его и не изслѣдовани путіе Его: кто бо разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть* (Римл. xi, 33—35)? Онъ изображаетъ то, что Богъ ни въ чемъ не имѣетъ 799
нужды; а Исаія съ другой стороны, свидѣтельствуя объ Единородномъ Сынѣ Божіемъ, говоритъ такъ: *и восхотятъ, да быша огнемъ сожжени были: яко отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, и нарицается имя Его велика совѣта ангелъ, чуденъ, совѣтникъ* (Ис. ix, 5. 6). Если же Сынъ есть *чуденъ совѣтникъ*, то почему Павелъ говоритъ: *кто бо разумѣ умъ Господень или кто совѣтникъ Ему бысть?* Потому, что Павелъ, какъ я выше сказалъ, хочетъ показать, что Отецъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды, а пророкъ показываетъ равенство чести у Него съ Единороднымъ. Посему и здѣсь Богъ не сказалъ: *сотвори*, но: *сотворимъ*, потому что слово: *сотвори* означаетъ приказаніе, даваемое рабу, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго. Однажды подошелъ сотникъ къ Іисусу и говоритъ: *Господи, отрокъ мой лежитъ въ дому разслабленъ, лютѣ стражда.* Что же Христосъ? *Азъ пришедъ*, сказалъ Онъ, *исцѣлю его* (Матѳ. viii, 6, 7). Сотникъ не смѣлъ вести Врача въ домъ свой; но Промыслитель и Человѣколюбецъ самъ обѣщалъ идти къ нему, чтобы доставить случай и поводъ показать намъ его добродѣтель; ибо Христосъ, зная, что̀ сотникъ намѣренъ былъ сказать, обѣщалъ придти, чтобы ты узналъ благочестіе этого мужа. Что же говоритъ сотникъ? *Господи, нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши* (ст. 8). Даже тяжесть болѣзни и бѣдствія не подавила въ немъ благоговѣнія, но и въ несчастіи онъ признавалъ величіе Владыки; поэтому онъ и говоритъ: *токмо рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой; ибо азъ человѣкъ есмь, имый подъ собою воины, и глаголю сему: иди, и идетъ, и другому: пріиди, и приходитъ, и рабу моему: сотвори сіе, и сотворитъ* (ст. 8. 9). Видишь ли, что слово: *сотвори* свойственно господину, говорящему съ рабомъ? А слово: *сотворимъ* свойственно лицу, имѣющему рав-

ную честь. Такъ, когда обращается господинъ къ рабу, то говоритъ: *сотвори*, а когда Отецъ бесѣдуетъ съ Сыномъ, то говоритъ: *сотворимъ*. Что же, скажутъ, если такъ думалъ сотникъ, а на дѣлѣ было не такъ? Развѣ сотникъ былъ апостоломъ? Развѣ онъ былъ ученикомъ (Христовымъ), чтобы мнѣ принимать слова его? Онъ могъ ошибаться, скажутъ (еретики). Хорошо; но что мы видимъ далѣе? Исправилъ ли Христосъ слова его? Обличилъ ли его, какъ ошибающагося и высказывающаго неправое ученіе? Сказалъ ли ему: что дѣлаешь ты, человѣкъ? Ты имѣешь обо Мнѣ высшее мнѣніе, чѣмъ должно; ты приписываешь Мнѣ болѣе надлежащаго; ты полагаешь, что Я могу самовластно повелѣвать, тогда какъ Я не имѣю такой власти. Сказалъ ли ему Христосъ что-нибудь подобное? Нѣтъ; Онъ даже подтвердилъ мнѣніе сотника и слѣдовавшимъ за Нимъ сказалъ: *аминь глаголю вамъ: ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (ст. 10). Такимъ образомъ одобреніе отъ Владыки служитъ подтвержденіемъ словъ сотника; а потому это уже не слова сотника, но вѣщаніе Господне; если Онъ самъ похвалилъ сказанныя слова и отозвался о нихъ, какъ о словахъ, сказанныхъ хорошо, то я принимаю ихъ за божественное изреченіе; потому что они получили подтвержденіе свыше въ отвѣтѣ Христовомъ.

3. Видишь ли, какъ Новый Завѣтъ согласенъ съ Ветхимъ, какъ тотъ и другой доказываютъ самостоятельную власть Христову? Но что изъ того (скажутъ), если Онъ, хотя сотворилъ человѣка, но
600 сотворилъ, какъ слуга? Это—неумѣстное словопреніе. Сказавъ: *сотворимъ человѣка*, Богъ не прибавилъ: *по образу твоему меньшему*, или: *по образу моему большему*, но что? *По образу нашему и по подобію*, говоритъ Онъ, выражая этими словами, что у Отца и Сына одинъ образъ. Онъ не сказалъ: *по образамъ*, но: *по образу нашему*; потому что не два неравныхъ, а одинъ и тотъ же одинаковый образъ у Отца и Сына. Потому о Сынѣ же говорится, что Онъ сидитъ одесную Отца, дабы ты зналъ, что Онъ имѣетъ равную честь и одинаковую власть съ Отцомъ, такъ какъ слуга не сидитъ, а стоитъ. А что сидѣніе означаетъ равночестность и одинаковость власти Господней, стояніе же свойственно рабству и подчиненію, объ этомъ послушай, что говоритъ Даніилъ: *зряхъ, дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде: тысяща тысящъ служаху Ему и тмы темъ предстояху Ему* (Дан. VII, 9. 10). Также Исаія: *видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и серафими стояху окрестъ Его* (Иса. VI, 1. 2). И Михей: *видѣхъ Господа Бога Израилева, сѣдящаго на престолѣ Своемъ, и все воинство небесное стояше окрестъ Его, одесную Его и ошуюю Его* (3 Цар. XXII, 19). Видишь ли, что всегда вышнія

силы предстоятъ, а Онъ сидитъ? Итакъ, когда ты видишь, что и Сынъ имѣетъ сѣдалище одесную Отца, то не приписывай Ему рабскаго и служебнаго достоинства, а владычнее и самостоятельное. Посему и Павелъ, зная, что стоять свойственно слугамъ, а сидѣть—повелителямъ и начальникамъ, посмотри, какъ различаетъ то и другое въ слѣдующихъ словахъ: *ко ангеломъ убо глаголетъ: творяй ангелы своя духи, и слуги своя огнь палящъ: къ Сыну же: престолъ твой, Боже, въ вѣкъ вѣка* (Евр. I, 7),—подъ образомъ *престола* представляя намъ царскую власть. Итакъ, если я доказалъ посредствомъ всего сказаннаго, что Сынъ имѣетъ достоинство не служебное, а владычнее, то будемъ поклоняться Ему, какъ Владыкѣ и равночестному съ Отцемъ; и самъ Онъ повелѣлъ это, сказавъ: *да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца* (Іоан. V, 23). Съ правымъ же исповѣданіемъ догматовъ соединимъ и праведность жизни и дѣлъ, чтобы намъ не на половину совершать свое спасеніе. А праведности поведенія и чистотѣ жизни ничто не можетъ такъ способствовать, какъ частое пребываніе здѣсь и усердное слушаніе. Что для тѣла пища, то для души изученіе божественныхъ вѣщаній; ибо *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изо устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4). Посему тѣ, которые не участвуютъ въ этой трапезѣ, обыкновенно испытываютъ голодъ. Послушай, какъ Богъ угрожаетъ этимъ голодомъ и ставитъ его на ряду съ наказаніемъ и мученіемъ: *послю на нихъ*, говоритъ Онъ, *не гладъ хлѣба, ни жажду воды, но гладъ слышанія слова Господня* (Амос. VIII, 11). Не безумно ли для избѣжанія тѣлеснаго голода дѣлать все и принимать всѣ мѣры, а душевный голодъ добровольно навлекать на себя, тогда какъ онъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ большій отъ него бываетъ вредъ? Нѣтъ, прошу и убѣждаю васъ, не будемъ такъ худо относиться къ самимъ себѣ, но будемъ предпочитать пребываніе здѣсь всѣмъ занятіямъ и заботамъ. Столько ли, скажи мнѣ, ты пріобрѣтешь, оставляя собра- 801
ніе, сколько потеряешь и для себя и для всего дома? Хотя бы ты могъ найти цѣлое сокровище золотое и ради него оставилъ это собраніе, и тогда ты потеряешь больше, и настолько бóльше, насколько духовныя блага выше вещественныхъ. Послѣднія, хотя бы они были многочисленны и стекались со всѣхъ сторонъ, не будутъ сопровождать насъ въ будущую жизнь, не переселятся съ нами на небо и не предстанутъ предъ страшнымъ престоломъ, но часто еще прежде нашей смерти оставляютъ насъ и исчезаютъ; если же и останутся до конца, то при смерти непремѣнно отнимутся. А духовное сокровище есть пріобрѣтеніе неотъемлемое; оно повсюду слѣдуетъ за нами и на пути и при отшествіи нашемъ, и доставляетъ намъ великое дерзновеніе предъ престоломъ Божіимъ.

4. Если отъ другихъ собраній бываетъ столько пользы, то отъ здѣшнихъ собраній—вдвое болѣе. Здѣсь мы получаемъ не только ту пользу, что орошаемъ душу божественными вѣщаніями, но и ту, что приводимъ въ великій стыдъ враговъ, а своимъ братіямъ доставляемъ великое утѣшеніе. Въ сраженіи полезно поспѣшать на помощь къ той части войска, которая изнуряется и находится въ опасности. Поэтому всѣмъ слѣдуетъ собираться сюда и отражать нападающихъ непріятелей. Но ты не можешь сказать длинную рѣчь и не имѣешь способности учить? Ты только приди сюда, и этимъ все исполнишь. Твое тѣлесное присутствіе увеличиваетъ паству и много поощряетъ усердіе твоихъ братій, а врагамъ твоимъ причиняетъ стыдъ. Когда кто-нибудь, подошедши къ этому священному преддверію, видитъ малое число собравшихся, тогда и то усердіе, какое у него было, охлаждается, и онъ ослабѣваетъ, уклоняется, дѣлается равнодушнымъ и уходитъ; такъ мало по малу весь народъ у насъ дѣлается безпечнымъ и нерадивымъ. А если онъ видитъ собирающихся, усердствующихъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ, тогда ревность другихъ пробуждаетъ усердіе и въ самомъ равнодушномъ и недѣятельномъ. Камень, ударяемый о камень, часто производитъ искры: хотя что̀ можетъ быть холоднѣе камня и что̀ теплѣе огня, и однако непрерывные удары побѣждаютъ его природу; а если это бываетъ съ камнемъ, то тѣмъ болѣе можетъ быть съ душами, находящимися въ общеніи между собою и согрѣваемыми огнемъ духовнымъ. Развѣ вы не слыхали, что у нашихъ предковъ было всего сто двадцать человѣкъ вѣрующихъ, а еще прежде ста двадцати было только двѣнадцать, и эти не всѣ остались, но одинъ изъ нихъ, Іуда, погибъ, и было всего одиннадцать? Однако изъ этихъ одиннадцати стало сто двадцать, и изъ ста двадцати—три
802 тысячи, потомъ—пять тысячъ, затѣмъ всю вселенную наполнили они познаніемъ Бога. А причина этого та, что они никогда не прекращали общенія между собою, но всѣ вмѣстѣ постоянно проводили дни въ храмѣ, занимаясь молитвами и чтеніемъ; потому они и воспламенили такой великій костеръ, что никогда не разъединялись, но привлекли къ себѣ всю вселенную. Будемъ и мы подражать имъ. Не странно ли было бы—не оказывать даже такого попеченія о церкви, какое оказываютъ женщины въ отношеніи къ своимъ сосѣдкамъ? Онѣ, увидѣвъ какую-нибудь бѣдную и безпомощную дѣвицу, всѣ оказываютъ ей свои услуги, замѣняя родственниковъ, и много шума бываетъ у собравшихся на бракъ такой дѣвицы. Однѣ иногда приносятъ ей деньги, другія (дѣлаютъ честь) своимъ присутствіемъ, и послѣднее не маловажно; потому что ихъ усердіе служитъ прикрытіемъ ея скудости; и такимъ образомъ ея бѣдность онѣ прикрываютъ своею услужливостію. Такъ поступайте и вы въ

отношеніи къ этой церкви. Будемъ стекаться всѣ отвсюду и прикрывать ея скудость, или лучше, прекратимъ ея бѣдность постояннымъ своимъ пребываніемъ здѣсь. *Глава жены есть мужъ* (Ефес v, 23); а жена есть помощница мужа. Пусть же ни глава не рѣшается безъ тѣла переступать эти священные пороги, ни тѣло безъ главы пусть не является, но весь человѣкъ пусть приходитъ сюда, приводя съ собою и дѣтей. Если пріятно видѣть дерево, имѣющее произросшее отъ его корня молодое растеніе, то гораздо болѣе пріятно—и даже пріятнѣе всякой маслины—видѣть человѣка, подлѣ котораго стоитъ дитя, какъ бы молодое растеніе отъ его корня. Это не только пріятно, но и полезно, такъ какъ собирающимся здѣсь будетъ, какъ я раньше сказалъ, большая награда. И земледѣльцу мы особенно удивляемся не тогда, когда онъ трудится надъ землею, многократно воздѣланною, но когда онъ, взявъ поля незасѣянныя и невспаханныя, трудится надъ ними съ великою заботливостію. Такъ поступалъ и Павелъ, предпочитая проповѣдывать Евангеліе не тамъ, гдѣ *именовася Христосъ, но идѣже не именовася* (Римл. xv, 20). Будемъ же и мы подражать Ему, какъ для приращенія церкви, такъ и для нашей пользы; будемъ стекаться сюда на каждое собраніе. Если воспламенится въ тебѣ похоть, ты легко можешь погасить ее, только увидѣвъ этотъ храмъ; если возбудится въ тебѣ гнѣвъ, ты скоро укротишь этого звѣря; если будетъ осаждать какая-нибудь другая страсть, ты можешь усмирить всякую бурю, и водворить тишину и великій миръ въ душѣ; чего да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «О разслабленномъ, бывшемъ въ разслабленіи своемъ тридцать восемь лѣтъ, и на слова: Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю» (Іоан. v, 17).

БЛАГОСЛОВЕНЪ БОГЪ: при каждомъ собраніи я вижу, что 803
нива увеличивается, жатва густѣетъ, гумно наполняется, снопы умножаются. Не много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ я бросилъ сѣмя, и вотъ уже выросъ у насъ богатый колосъ послушанія. Отсюда видно, что не человѣческая сила, а Божествен-

ная благодать воздѣлываетъ эту церковь. Таково свойство духовнаго посѣва: онъ не ждетъ времени, не требуетъ многихъ дней, не зависитъ отъ смѣны ни мѣсяцевъ, ни временъ года, ни погоды, ни годовъ, но въ тотъ же самый день, когда посѣяны (духовныя) сѣмена, можно цѣлою и полною горстью снимать жатву. Воздѣлывающимъ чувственную землю нужно много работать и долго ждать; они должны запрягать въ ярмо рабочихъ воловъ, проводить глубокую борозду, обильно бросать сѣмена, выравнивать поверхность земли, прикрывать землею все посѣянное, ожидать умѣренныхъ дождей, прилагать много другихъ трудовъ и ждать долгое время, и тогда уже достигать конца. А здѣсь можно и сѣять и жать какъ лѣтомъ, такъ и зимою, и часто въ одинъ и тотъ же день совершается и то и другое, особенно когда воздѣлывается душа тучная и плодородная, какъ это можно видѣть и на васъ. Потому я такъ охотно и стремлюсь къ вамъ, подобно тому, какъ земледѣлецъ охотнѣе обработываетъ ту ниву, плодами которой онъ часто наполнялъ гумно. Такъ какъ и вы за мой малый трудъ доставляете мнѣ великое пріобрѣтеніе, то я съ большимъ усердіемъ приступаю къ своему земледѣлію, и обращаюсь къ вамъ съ остатками того, о чемъ говорено было прежде. Тогда я велъ рѣчь о славѣ Единороднаго Сына Божія на основаніи Ветхаго Завѣта; то же самое и на томъ же основаніи буду дѣлать и теперь; тогда я говорилъ, что Христосъ сказалъ: *аще бысте вѣровали Моисеови, вѣровали бысте убо и Мнѣ* (Іоан. v, 46); а теперь говорю, что Моисей сказалъ: *пророка вамъ воздвигаетъ Господь Богъ отъ братіи вашея, яко мене: того послушайте* (Втор. xviii, 15; Дѣян. iii, 22). Какъ Христосъ отсылаетъ къ Моисею, чтобы чрезъ него привлечь къ Себѣ; такъ Моисей передаетъ учениковъ Учителю, повелѣвая повиноваться Ему во всемъ. Будемъ же внимать какъ всему прочему, что говоритъ и дѣлаетъ Христосъ, такъ и тому, что прочитано намъ сегодня о Его знаменіи. Какое же это знаменіе? *Бѣ*, говорится, *праздникъ Іудейскій, и изыде Іисусъ во Іерусалимъ: есть же во Іерусалимѣхъ овчая купѣль, яже глаголется еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи* (Іоан. v, 1, 2). Въ нее, какъ повѣствуетъ (Евангеліе), въ извѣстное время сходилъ ангелъ, что̀ узнавалось по движенію воды; и первый, кто входилъ въ купель по возмущеніи воды, выздоравливалъ, какою бы ни страдалъ болѣзнію. Въ этихъ притворахъ лежало множество больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, изсохшихъ, ожидавшихъ движенія воды (ст. 3). Почему Христосъ часто посѣщалъ Іерусалимъ и въ праздники обращался съ іудеями? Потому, что тогда сходилось множество народа, и Онъ избиралъ это мѣсто и это время, чтобы помогать немощнымъ; ибо не столько желали больные избавиться отъ болѣзней,

сколько этотъ Врачъ прилагалъ усердія къ исцѣленію ихъ отъ немощи. Когда собраніе было полно и зрѣлище совершенно готово, тогда Онъ и выходилъ открыто предъ всѣми и оказывалъ попеченіе о спасеніи души ихъ. Итакъ, лежало множество больныхъ, ожидавшихъ движенія воды, и первый, входившій по возмущеніи воды, исцѣлялся, а второй уже нѣтъ; врачебная сила прекращалась, цѣли- 804
тельность благодати истощалась, и вода уже оставалась безъ дѣйствія, какъ будто недугъ перваго сошедшаго совершенно обезсиливалъ ее; и весьма правильно, такъ какъ та благодать была рабская. Когда же пришелъ Господь, то стало не такъ; не только первый, входящій въ водную купель крещенія, сталъ получать исцѣленіе, но и первый, и второй, и третій, и четвертый, и десятый, и двадцатый; хотя бы ты назвалъ ихъ тысячи, хотя бы вдвое или втрое болѣе, даже безпредѣльное множество, хотя бы ты погрузилъ въ водную купель всю вселенную, благодать нисколько не уменьшается, но остается тою же, очищая всѣхъ ихъ. Таково различіе между силою раба (ангела) и властію Господа. Тотъ исцѣлялъ одного, а Этотъ—всю вселенную; тотъ—одного въ годъ, а Этотъ—каждодневно, если бы вошли въ купель тысячи, всѣхъ дѣлаетъ здоровыми; тотъ исцѣлялъ чрезъ схожденіе и возмущеніе воды, а Этотъ не такъ, но довольно произнесть надъ водою одно Его имя, чтобы сообщить ей всю цѣлительную силу; тотъ врачевалъ поврежденія тѣлесныя, а Этотъ исцѣляетъ недуги душевные. Видишь ли, какъ во всемъ открывается великое и безпредѣльное различіе между ними?

2. Итакъ, лежало множество больныхъ, ожидавшихъ движенія воды; потому что мѣсто это было духовною лечебницею. Какъ въ лечебницѣ можно видѣть множество людей и съ выколотымъ глазомъ, и съ поврежденною ногою, и съ болѣзнію въ другомъ членѣ, сидящихъ вмѣстѣ и ожидающихъ врача; такъ и въ этомъ мѣстѣ можно было видѣть множество собравшихся. Въ тѣхъ притворахъ *бѣ нѣкій человѣкъ тридесять и осмь лѣтъ имый въ недузѣ своемъ. Сего видѣвъ Іисусъ лежаща и разумѣвъ, яко многа лѣта уже имяше (въ недузѣ), глагола ему: хощеши ли цѣлъ быти? Отвѣща ему недужный: ей, Господи, человѣка не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль: егда же прихожду азъ, инъ прежде мене слазитъ* (Іоан. v, 5—7). Для чего Іисусъ, миновавъ всѣхъ прочихъ, подошелъ къ нему? Для того, чтобы показать и силу Свою, и человѣколюбіе: силу, потому что болѣзнь сдѣлалась уже неизлечимою и разслабленіе больного было безнадежно; человѣколюбіе, потому что Промыслитель и Человѣколюбецъ, преимущественно передъ другими, воззрѣлъ на того, кто особенно достоинъ былъ милости и благодѣянія. Не будемъ относиться легко-

мысленно и къ этому мѣсту, и къ числу тридцати восьми лѣтъ, въ продолженіе которыхъ больной находился въ разслабленіи. Пусть услышатъ всѣ, которые борятся съ постоянною бѣдностію, или проводятъ жизнь въ болѣзни, или находятся въ стѣснительныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, или подверглись бурѣ и вихрю нечаянныхъ бѣдствій. Этотъ разслабленный предлежитъ, какъ общая пристань человѣческихъ несчастій. Никто не можетъ быть такъ
805 малодушенъ, такъ жалокъ и несчастливъ, чтобы, взирая на него, не сталъ переносить все случающееся мужественно и со всею бодростію. Если бы онъ страдалъ двадцать лѣтъ, или десять, или только пять, то и ихъ не достаточно ли было бы для сокрушенія крѣпости его души? А онъ остается въ такомъ положеніи тридцать восемь лѣтъ, и не падаетъ духомъ, но показываетъ великое терпѣніе. Можетъ быть, оно вамъ кажется удивительнымъ по такой продолжительности времени; но когда выслушаете его собственныя слова, тогда особенно увидите все его любомудріе и терпѣніе. Іисусъ подошелъ и говоритъ ему: *хощеши ли цѣлъ быти?* Кто не зналъ того, что разслабенный хотѣлъ быть здоровымъ? Почему же Онъ спрашиваетъ? Конечно, не по невѣдѣнію: для Того, Кто знаетъ тайныя помышленія человѣческія, тѣмъ болѣе извѣстно было явное и очевидное для всѣхъ. Для чего же Онъ спрашивалъ? Какъ сотнику Онъ сказалъ: *Азъ пришедъ исцѣлю его* (Матѳ. VIII, 7), не потому, что не зналъ напередъ его отвѣта, а потому, что, предвидя и весьма точно зная отвѣтъ, желалъ доставить этому сотнику поводъ и случай открыть всѣмъ скрывавшееся въ тѣни благочестіе его, и сказать: *Господи, нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши*, такъ и этого разслабленнаго, о которомъ зналъ, что будетъ онъ отвѣчать, Господь спрашиваетъ, хочетъ ли онъ исцѣлиться, не потому, что Самъ не зналъ этого, но чтобы доставить разслабленному поводъ и случай высказать свое несчастіе и сдѣлаться учителемъ терпѣнія. Если бы Онъ исцѣлилъ этого человѣка молча, то мы понесли бы важную потерю, не узнавъ твердости души его. А Христосъ не только устрояетъ настоящее, но удостоиваетъ великаго попеченія и будущее. Онъ открылъ въ больномъ учителя терпѣнія и мужества для всѣхъ живущихъ во вселенной, поставивъ его въ необходимость отвѣчать на вопросъ: *хощеши ли цѣлъ быти?* Что же тотъ? Не огорчился, не вознегодовалъ, не сказалъ вопрошавшему: ты видишь меня разслабленнымъ, знаешь давность моей болѣзни, и спрашиваешь, хочу ли я быть здоровымъ; не пришелъ ли ты посмѣяться надъ моими несчастіями и пошутить надъ чужими бѣдствіями? Вы знаете, какъ малодушны бываютъ больные, если они лежатъ въ постели даже одинъ годъ; а кого болѣзнь продолжалась тридцать восемь лѣтъ, тому не естественно ли было по-

терять всякое любомудріе, истощавшееся въ теченіе столь долгаго времени? Однако разслабленный ничего такого не сказалъ и не подумалъ, но далъ отвѣтъ съ великою скромностію и сказалъ: *ей, Господи, человѣка не имамъ, да, егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купѣль*. Смотри, сколько бѣдъ соединились вмѣстѣ и досаждали этому человѣку: и болѣзнь, и бѣдность, и отсутствіе помощниковъ. *Егда же прихожду азъ, инъ прежде мене слазитъ*. Это прискорбнѣе всего и могло бы тронуть самый камень. Мнѣ кажется, я вижу, какъ этотъ человѣкъ каждый годъ ползетъ и, доползши до входа въ купель, каждый годъ останавливается при самомъ концѣ доброй надежды; и это тѣмъ тяжелѣе, что онъ испытывалъ это не два года, не три, не десять, а тридцать восемь 806
лѣтъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, но не получалъ плода; подвигъ совершался, а награда за подвигъ доставалась другому въ продолженіе столь многихъ лѣтъ; и, что еще тяжелѣе, онъ видѣлъ, какъ другіе исцѣлялись. Вы, конечно, знаете, что мы сильнѣе чувствуемъ собственныя бѣдствія, когда видимъ, что другіе, впадши въ такія же бѣдствія, освободились отъ нихъ. Бѣдный тогда особенно чувствуетъ свою бѣдность, когда видитъ другого богатымъ; и больной больше страдаетъ, когда видитъ, что многіе изъ больныхъ избавились отъ своего недуга, а онъ не имѣетъ никакой доброй надежды. Среди благополучія другихъ мы яснѣе видимъ собственныя несчастія; то же самое было тогда и съ разслабленнымъ. Однако онъ столько времени боровшись и съ болѣзнію, и съ бѣдностію, и съ одиночествомъ, видя, что другіе исцѣлялись, а самъ онъ, хотя всегда старался, но никогда не могъ этого достигнуть, и не надѣясь впослѣдствіи освободиться отъ своего мученія, при всемъ томъ не отступалъ, но притекалъ каждый годъ. А мы, если однажды попросимъ о чемъ нибудь Бога и не получимъ просимаго, тотчасъ начинаемъ печалиться и впадаемъ въ крайнюю безпечность, такъ что перестаемъ молиться и теряемъ усердіе. Можно ли по достоинству какъ восхвалить разслабленнаго, такъ и осудить наше нерадѣніе? Какого оправданія и прощенія можемъ удостоиться мы, если онъ терпѣлъ тридцать восемь лѣтъ, а мы такъ скоро отчаяваемся?

3. Что же Христосъ? Показавъ, что разслабленный достоинъ исцѣленія, и что Онъ по справедливости предпочтительно передъ другими подошелъ къ нему, Христосъ говоритъ ему: *востани, возми одръ твой и ходи* (Іоан. v, 8). Видишь ли, что тридцать восемь лѣтъ нисколько не повредили разслабленному, такъ какъ онъ терпѣливо переносилъ случившееся съ нимъ? Въ это долгое время душа его, какъ бы въ горнилѣ очищаемая несчастіемъ, сдѣлалась болѣе любомудрою и онъ принялъ исцѣленіе съ большею

славою; его исцѣлилъ не ангелъ, но самъ Владыка ангеловъ. Для чего же Онъ повелѣлъ ему взять одръ свой? Первою и главною причиною было то, что Христосъ хотѣлъ освободить іудеевъ отъ соблюденія закона (о субботѣ); потому что, когда явилось Солнце, то не слѣдовало уже держаться свѣтильника; когда открылась истина, то не должно было заботиться объ образѣ ея. Поэтому, если Христосъ иногда нарушалъ субботу, то совершалъ въ этотъ день величайшее знаменіе, чтобы, поражая зрителей величіемъ чуда, мало-по-малу ослабить и уничтожить соблюденіе бездѣйствія. Во-вторыхъ, Христосъ далъ это повелѣніе для того, чтобы заградить безстыдныя уста іудеевъ; такъ какъ они злонамѣренно извращали смыслъ чудесъ Христовыхъ и старались вредить славѣ совершаемыхъ Имъ дѣлъ, то Онъ повелѣлъ открыто нести одръ, какъ бы какой трофей и несомнѣнное доказательство здоровья, чтобы и о разслабленномъ они не сказали того же, что говорили о слѣпомъ. А что они говорили о слѣпомъ? Одни говорили, что это онъ, другіе,—что не онъ, третьи,—что это онъ самъ (Іоан. IX, 9). Итакъ, чтобы и о разслабленномъ они не сказали того же, обличителемъ ихъ безстыдства становится несомый высоко одръ. Можно
307 привести и третью причину, не меньшую указанныхъ. Чтобы ты зналъ, что исцѣленіе совершено было не человѣческимъ искусствомъ, а Божественною силою, Христосъ повелѣлъ исцѣленному нести одръ, представляя величайшее и ясное доказательство истиннаго и совершеннаго здоровья, такъ что никто изъ тѣхъ хульниковъ не могъ сказать, что разслабленный притворно и въ угожденіе Христу пошелъ слабою походкой. Посему Христосъ и повелѣваетъ ему нести тяжесть на своихъ плечахъ. Если бы члены его не были хорошо укрѣплены и составы не были исправлены, то онъ не могъ бы снести такой тяжести на плечахъ своихъ. Кромѣ того онъ этимъ показывалъ всѣмъ, что, когда повелѣваетъ Христосъ, то все совершается вдругъ—и прекращеніе болѣзни, и возвращеніе здоровья. Врачи, хотя и излечиваютъ болѣзни, но не могутъ вдругъ возвратить больному здоровье; а требуютъ еще продолжительнаго времени для возстановленія силъ больного, такъ что остатки болѣзни мало-по-малу изглаживаются и истребляются изъ тѣла. А Христосъ не такъ, но въ одно мгновеніе Онъ и избавилъ отъ болѣзни, и возвратилъ здоровье; между тѣмъ и другимъ не было никакого промежутка времени, но какъ скоро священныя слова слетѣли съ святого языка Его, тотчасъ и болѣзнь оставила тѣло, слово стало дѣломъ, и весь недугъ вполнѣ исцѣлился. Какъ какая-нибудь безпокойная служанка, увидѣвъ своего господина, тотчасъ успокоивается и опять принимаетъ надлежащую благопристойность; такъ и тѣлесная природа, возмутившаяся тогда,

подобно служанкѣ, и произведшая разслабленіе, увидѣвъ пришедшаго Владыку своего, возвратилась къ прежнему благообразію и къ надлежащему порядку. Все это сдѣлано было однимъ изреченіемъ; потому что это были не простыя слова, а глаголы Божіи, о которыхъ сказано: *крѣпка дѣла словесъ Его* (Іоил. II, 11). Если Онъ сотворилъ человѣка несуществовавшаго, то тѣмъ болѣе могъ исправить разстроеннаго и разслабленнаго. Здѣсь я съ удовольствіемъ спросилъ бы изслѣдующихъ существо Божіе: какъ совокупились члены разслабленнаго, какъ связались кости, какъ укрѣпилась разстроенная дѣятельность чрева, какъ снова напряглись ослабѣвшіе нервы, возстановились и укрѣпились упавшія силы? Но они не могли бы отвѣтить на это. Поэтому и ты только удивляйся событію, а не изслѣдуй способа его совершенія. Когда такимъ образомъ разслабленный исполнилъ повелѣніе и взялъ одръ, тогда іудеи, увидѣвъ его, сказали: *суббота есть, и не достоитъ ти взяти одра твоего* въ субботу (Іоан. V, 10). Слѣдовало поклониться совершившему (чудо), слѣдовало подивиться совершившемуся, а они говорятъ о субботѣ, поистинѣ отгоняя комара и поглощая верблюда. Что же разслабленный? *Иже мя сотвори цѣла*, говоритъ онъ, *той мнѣ рече: возми одръ твой, и ходи* (ст. 11). Видишь ли признательность этого человѣка? Онъ открыто признаетъ врача и говоритъ, что давшій ему это повелѣніе достоинъ вѣры. Какое разсужденіе высказалъ имъ слѣпой, такое и этотъ. А какъ разсуждалъ слѣпой? Іудеи говорили ему: *сей человѣкъ* 808
нѣсть отъ Бога, яко субботу не хранитъ. Что же онъ на это? *Вѣмы*, говоритъ, *яко грѣшники Богъ не послушаетъ: сей же отверзе очи мои* (Іоан. IX, 16—31). Смыслъ словъ его слѣдующій: если бы Онъ преступилъ законъ, то согрѣшилъ бы; а если бы согрѣшилъ, то не имѣлъ бы такой силы, потому что гдѣ грѣхъ, тамъ не оказывается сила; а Онъ явилъ силу; слѣдовательно, Онъ, преступивъ законъ, не согрѣшилъ. Такъ разсуждаетъ и разслабленный; ибо слова его: *иже мя сотвори цѣла*, значатъ: если Онъ явилъ силу, то несправедливо было бы подвергать Его обвиненію въ беззаконіи. Что же іудеи? *Кто есть человѣкъ, рекій ти: возми одръ твой и ходи* (Іоан. V, 12)? Посмотри, какъ они безумны и безчувственны; посмотри, какъ душа ихъ исполнена надменности! Глаза ненавистниковъ ни на что не смотрятъ здраво, а только на то, въ чемъ бы найти поводъ (къ осужденію). Такъ и іудеи, когда исцѣленный объявилъ имъ о томъ и другомъ, т. е. что Господь и исцѣлилъ его, и повелѣлъ взять одръ, о первомъ не упомянули, а о послѣднемъ сказали, чудо скрыли, а нарушеніе субботы выставили на видъ. Они не сказали: гдѣ тотъ, кто сдѣлалъ тебя здоровымъ? Но, умолчавъ объ этомъ, сказали: *гдѣ человѣкъ, рекій*

ти: возми одръ твой, и ходи? Исцѣлѣвый же не вѣдяше: Іисусъ бо уклонися, народу сущу на мѣстѣ (ст. 13). Вотъ величайшее оправданіе этого человѣка; вотъ доказательство попеченія Христова! Когда ты услышишь, что разслабленный не такъ принялъ пришедшаго Господа, какъ сотникъ, и не сказалъ: *рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой* (Матѳ. VIII, 8), то не обвиняй его въ невѣріи, потому что онъ не зналъ Іисуса; ему не извѣстно было, кто Онъ; и какъ онъ могъ знать того, кого прежде не видывалъ? Поэтому онъ и сказалъ: *человѣка не имамъ, да ввержетъ мя въ купѣль;* если бы онъ зналъ Господа, то не упомянулъ бы о купели и о схожденіи въ нее, но просилъ бы исцѣлить его такъ, какъ и былъ исцѣленъ; но онъ принялъ Христа за одного изъ многихъ, за простого человѣка, и потому упомянулъ объ обычномъ врачеваніи. Доказательство же попеченія Христова состоитъ въ томъ, что Онъ удалился отъ исцѣленнаго и не открылъ Себя ему. Іудеи не могли уже подозрѣвать, будто это былъ свидѣтель подложный и будто онъ говорилъ такъ въ присутствіи и по внушенію Христа; невѣдѣніе его и отсутствіе Христа устраняли такое подозрѣніе, какъ объ этомъ говоритъ и евангелистъ: *не вѣдяше, кто есть* (Іоан. V, 13).

4. Для того Онъ и отсылаетъ исцѣленнаго одинокимъ и предоставляетъ его самому себѣ, чтобы іудеи, если бы захотѣли, распросили его наединѣ, изслѣдовали событіе и, достаточно разузнавъ дѣло, прекратили свое безуміе. Самъ Онъ ничего не говоритъ, а представляетъ имъ доказательство посредствомъ дѣлъ, которыя всегда взываютъ яснѣе и звучнѣе всякой трубы. Такимъ образомъ никакихъ подозрѣній не возбуждало свидѣтельство: *иже мя сотвори цѣла, той мнѣ рече: возми одръ твой и ходи.* Разслабленный дѣлается благовѣстникомъ, учителемъ невѣрныхъ, врачемъ и проповѣдникомъ къ ихъ стыду и осужденію,—проповѣдникомъ не посредствомъ голоса, но посредствомъ дѣлъ, не посредствомъ словъ, но посредствомъ самыхъ событій; онъ представлялъ ясное и неопро-
809 вержимое доказательство и показывалъ на собственномъ тѣлѣ то, что̀ говорилъ. *Потомъ же обрѣте его Іисусъ и рече ему: се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (ст. 14). Видишь ли мудрость Врача? Видишь ли Его попеченіе? Онъ не только избавилъ отъ настоящей болѣзни, но предостерегаетъ и отъ будущей; и весьма благовременно. Когда тотъ былъ на одрѣ, Христосъ не говорилъ ему ничего такого, не напоминалъ ему о грѣхахъ, такъ какъ душа недужныхъ бываетъ раздражительна и болѣзненна; а когда Онъ изгналъ болѣзнь, когда возвратилъ здоровье, когда на дѣлѣ доказалъ Свое могущество и попеченіе, тогда предлагаетъ благовременный совѣтъ и увѣщаніе, оказавшись уже

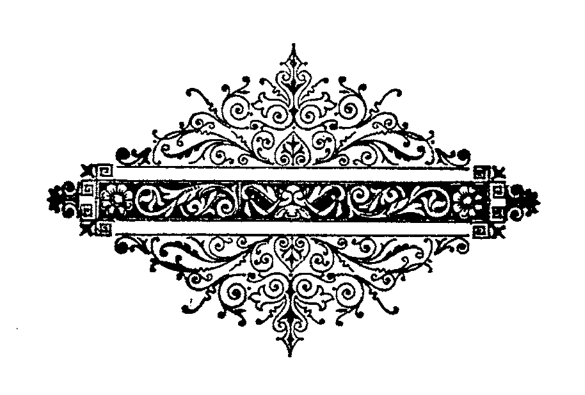
самыми дѣлами достойнымъ вѣры. Для чего же исцѣленный пошелъ и объявилъ о Немъ іудеямъ? Онъ хотѣлъ, чтобы и они приняли истинное ученіе. А они за это возненавидѣли и гнали Іисуса, говоритъ евангелистъ. Теперь слушайте меня внимательно, такъ какъ здѣсь вся сущность дѣла. *Сего ради гоняху Іисуса, зане сія творяше въ субботу* (ст. 16). Посмотримъ же, какъ Онъ оправдывается; потому что способъ Его оправданія показываетъ намъ, принадлежитъ ли Онъ къ числу подвластныхъ или свободныхъ, служащихъ или повелѣвающихъ. Дѣйствіе Его казалось величайшимъ беззаконіемъ; и собиравшій нѣкогда дрова въ субботу былъ побитъ камнями за то, что въ субботу носилъ тяжести (Числ. xv, 32—36). Въ этомъ великомъ грѣхѣ и обвиняли Христа, именно въ томъ, что Онъ нарушалъ субботу. Посмотримъ же, проситъ ли Онъ прощенія, какъ рабъ и человѣкъ подвластный, или является, какъ имѣющій власть и самостоятельность, какъ Владыка, стоящій выше закона и самъ давшій заповѣди. Какъ же Онъ оправдывается? *Отецъ мой*, говоритъ, *доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іоан. v, 17). Видишь ли Его власть? Если бы Онъ былъ ниже и меньше Отца, то сказанное Имъ служило бы не къ оправданію, но къ большему обвиненію и тягчайшему осужденію. Если кто-нибудь дѣлаетъ то, что позволительно дѣлать только тому, кто выше его, и потомъ, бывъ взятъ и подвергнутъ суду, говоритъ: такъ какъ это дѣлалъ высшій, то и я сдѣлалъ,—тотъ не только не освобождаетъ себя отъ вины такимъ способомъ оправданія, но подвергаетъ себя еще большему обличенію и осужденію, потому что браться за то, что выше собственнаго достоинства, свойственно высокомѣрію и гордости. Поэтому, если бы и Христосъ былъ ниже Отца, то сказанное Имъ служило бы не къ оправданію, а къ большему обвиненію; но такъ какъ Онъ равенъ Отцу, то въ Его словахъ нѣтъ вины. Если хотите, я объясню сказанное мною примѣромъ. Носить багряницу и имѣть на головѣ діадиму позволительно только царю, и никому другому. Итакъ, если бы кто-нибудь изъ толпы явился въ такомъ облаченіи и потомъ, бывъ приведенъ въ судилище, сказалъ: такъ какъ въ это одѣяніе облекается царь, то и я облекаюсь; то онъ не только не избавился бы отъ обвиненія, но такимъ способомъ оправданія подвергъ бы себя большему наказанію и мученію. Также только царскому великодушію свойственно освобождать отъ наказанія и мученія негоднѣйшихъ 510
людей, напримѣръ, убійцъ, разбойниковъ, грабителей могилъ и другихъ подобныхъ преступниковъ. Поэтому, если бы какой-нибудь судья отпустилъ осужденнаго безъ царскаго разрѣшенія и, бывъ обвиняемъ за это, сталъ говорить: такъ какъ царь отпускаетъ, то и я отпускаю,—то этимъ способомъ оправданія онъ не

только не избавился бы отъ наказанія, но возбудилъ бы противъ себя еще большій гнѣвъ. И весьма справедливо. Не справедливо—низшимъ какъ бы въ опьяненіи присвоять себѣ власть высшихъ и ее приводить въ свое оправданіе; потому что это великое оскорбленіе тѣмъ, которые ввѣрили имъ начальство. Поэтому низшій никогда не будетъ оправдываться такимъ образомъ: а царь и облеченный одинаковымъ съ нимъ достоинствомъ смѣло скажетъ это; потому что, гдѣ одинаковая степень начальства, тамъ по справедливости можетъ быть и одинаковая власть. Если же кто-нибудь оказывается оправдывающимся такимъ образомъ, тотъ непремѣнно долженъ имѣть власть одинаковую съ тѣмъ, чью власть онъ приписываетъ себѣ. Итакъ, если и Христосъ такимъ образомъ оправдывался предъ іудеями, то этимъ Онъ несомнѣнно показалъ намъ, что Онъ имѣетъ одинаковое достоинство съ Отцемъ. Примѣнимъ, если угодно, приведенные примѣры къ словамъ Христа и къ дѣлу, которое Онъ совершилъ. Пусть властное нарушеніе субботы будетъ то же, что багряница и діадима и отпущеніе виновныхъ. Послѣднее позволительно только царю, и никому изъ подданныхъ; если же кто окажется дѣлающимъ то же самое, и дѣлающимъ справедливо, то несомнѣнно, что и онъ—царь. Такъ точно и здѣсь: если Христосъ оказывается дѣлающимъ это со властію и потомъ, подвергаясь обвиненію, ссылается на Отца, и говоритъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ,* то несомнѣнно, что и Онъ равенъ Тому, Кто дѣлаетъ это со властію; потому что если бы не былъ равенъ Ему, то не употребилъ бы такого способа оправданія. А чтобы вы еще яснѣе уразумѣли сказанное, вспомните, что и ученики Его нарушили нѣкогда субботу, срывая колосья и съѣдая ихъ въ субботу (Мате. xII, 1); теперь нарушилъ ее и самъ Онъ; іудеи обвиняли ихъ, обвиняли и Его. Посмотримъ же, какъ Онъ оправдываетъ ихъ и какъ самого Себя, дабы изъ различія между тѣмъ и другимъ тебѣ уразумѣть превосходство Его оправданія. Какъ же оправдывалъ Онъ учениковъ? *Нѣсте ли чли, что сотвори Давидъ, егда взалка* (ст. 3)? Оправдывая рабовъ, Онъ ссылается на подобнаго имъ раба Давида, а оправдывая Себя, возводитъ рѣчь къ Отцу: *Отецъ Мой дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю.* Но, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: о какой дѣятельности говоритъ Онъ, если послѣ шести дней *почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ* (Быт. II, 2)? О ежедневномъ промышленіи, потому что Богъ не только создалъ тварь, но и сохраняетъ Свое созданіе. Укажешь ли ты на ангеловъ, или архангеловъ, или на высшія силы, и вообще на все видимое и невидимое,—все находится подъ Его промышленіемъ, и если бы стало внѣ Его дѣятельности, то
81 распалось бы, разрушилось бы и погибло бы. Итакъ Христосъ, же-

лая показать, что Онъ промыслитель, а не предметъ промышленія, дѣятель, а не предметъ дѣятельности, сказалъ: *Отецъ Мой дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю*, желая показать Свое равенство съ Отцемъ.

5. Помните же и со всею ревностію соблюдайте это, и любомудріе въ жизни соединяйте съ правотою догматовъ; такъ я прежде увѣщевалъ васъ, и теперь увѣщеваю, и не перестану увѣщевать; а жизнь и любомудріе ни отъ чего такъ не зависятъ, какъ отъ пребыванія здѣсь. Какъ сухая земля, никѣмъ не поливаемая, изобилуетъ терніемъ и волчцами, а воздѣлываемая руками земледѣльцевъ цвѣтетъ, красуется и приноситъ много плодовъ; такъ и душа, орошаемая божественными вѣщаніями, цвѣтетъ, красуется и приноситъ обильные плоды духа; а оставленная въ засухѣ и пренебреженіи и рѣдко получающая такое орошеніе, пустѣетъ, заростаетъ травою и производитъ множество тернія грѣховнаго. А гдѣ терніе, тамъ драконы, змѣи, скорпіоны и вся сила діавола. Если ты не вѣришь этимъ словамъ, то мы сравнимъ отсутствующихъ и насъ самихъ, и вы увидите тогда великое различіе; или лучше, посмотримъ на самихъ себя, каковы бываемъ мы, когда наслаждаемся божественнымъ ученіемъ, и каковы, когда долго бываемъ лишены этого полезнаго ученія. Не будемъ же терять своей пользы. Пребываніе здѣсь есть источникъ всѣхъ благъ; выходя отсюда и мужъ для жены кажется почтеннѣе, и жена для мужа милѣе, такъ какъ жену дѣлаетъ любезною не благообразіе тѣла, но добродѣтель души, не притиранья и подкрашиванья, не золото и дра- 812
гоцѣнныя одежды, но цѣломудріе, кротость и постоянный страхъ Божій. Эта духовная красота нигдѣ такъ успѣшно не развивается, какъ въ этомъ дивномъ и божественномъ мѣстѣ, гдѣ апостолы и пророки смываютъ, исправляютъ, стираютъ старость грѣха, наводятъ цвѣтъ юности, уничтожаютъ всякое пятно, всякій *порокъ*, всякую *скверну* нашей души (Ефес. v, 27). Постараемся же, и мужи и жены, вселить въ себя эту красоту. Тѣлесную красоту и болѣзнь сушитъ, и продолжительность времени портитъ, и старость погашаетъ, а наступившая смерть совершенно уничтожаетъ; напротивъ, душевную красоту не можетъ разрушить ни время, ни болѣзнь, ни старость, ни смерть, и ничто подобное, но она постоянно остается цвѣтущею. Красота тѣлесная часто возбуждаетъ невоздержаніе въ тѣхъ, кто взираетъ на нее, а красота душевная располагаетъ самого Бога любить ее, какъ говоритъ и пророкъ, обращая рѣчь къ церкви: *слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея* (Пс. XLIV, 11, 12). Итакъ, возлюбленные, чтобы намъ сдѣлаться любезными Богу, будемъ развивать эту кра-

соту, ежедневно смывая всякую нечистоту чтеніемъ Писаній, молитвами, милостынями, единомысліемъ другъ съ другомъ, чтобы Царь, возлюбивъ наше душевное благообразіе, удостоилъ насъ царства небеснаго, котораго да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.



РАЗСУЖДЕНІЕ

противъ іудеевъ и язычниковъ о томъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ.

Полное заглавіе этого творенія слѣдующее: «противъ іудеевъ и язычниковъ доказательство того, что Христосъ есть Богъ, заимствованное изъ многократныхъ предсказаній о Немъ пророковъ». Оно по всей вѣроятности не было произносимо съ церковной каѳедры, а назначалось для чтенія, и написано тогда, когда св. Іоаннъ еще не былъ въ Константинополѣ (отд. 9) и когда приготовлялъ Слова исключительно противъ іудеевъ (отд. 17). Такимъ образомъ мѣстомъ написанія этого разсужденія можно полагать г. Антіохію, а временемъ написанія или обнародованія—386 или 387 годъ по Р. Х.

ТАКЪ какъ много есть людей, изъ которыхъ одни по сродной 813
имъ безпечности, другіе по чрезмѣрной заботливости о дѣлахъ житейскихъ, а иные по великому невѣжеству, не охотно принимаютъ продолжительныя рѣчи, то я призналъ нужнымъ устранить затрудненіе, происходящее отъ многорѣчія, чтобы краткостію рѣчи и пресѣчь лѣность безпечныхъ и самыхъ несклонныхъ къ чтенію расположить—съ большою охотою выслушать предлагаемое мною разсужденіе. Посему, не украшая рѣчи отборными словами и выраженіями, но употребляя такія слова, которыя были бы удобовразумительны и понятны и слугѣ и служанкѣ, и вдовой женщинѣ и торговцу, и корабельщику и земледѣльцу, я всячески постараюсь, сколько возможно, соблюсти краткость и въ немногихъ словахъ преподать наставленіе, и такимъ образомъ въ нерадивыхъ слушателяхъ возбудить желаніе легко и безъ всякаго труда вникнуть въ предлагаемое разсужденіе и, удержавъ его въ памяти, получить пользу. Начну состязаніе съ язычниковъ. Если язычникъ спроситъ: откуда видно, что Христосъ есть Богъ? (это нужно предложить прежде всего, такъ какъ все прочее слѣдуетъ за этимъ), то я для доказательства не укажу на небо или на что-либо другое подобное. Если я скажу ему, что Онъ сотворилъ небо, землю и море, онъ не приметъ этого; если скажу, что Онъ воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ слѣпыхъ и изгонялъ демоновъ, и этого онъ

не приметъ; если скажу, что Онъ обѣтовалъ царство и неизреченныя блага, если буду говорить о воскресеніи, онъ не только не приметъ, но еще будетъ смѣяться. Чѣмъ же мы будемъ убѣждать его, особенно если онъ—простолюдинъ? Чѣмъ инымъ, какъ не тѣмъ, что̀ одинаково и безпрекословно признается и мною и имъ, и въ чемъ онъ не можетъ сомнѣваться? Если я напередъ скажу, что Христосъ сотворилъ небо и прочее, о чемъ я говорилъ, то онъ не скоро согласится повѣрить. Что же это такое, что̀ и язычникъ признаетъ дѣломъ Христа и чему онъ никогда не станетъ противорѣчить? То, что Христосъ насадилъ христіанство; и язычникъ, конечно, не будетъ противорѣчить тому, что Христосъ основалъ церкви по всей вселенной. Отсюда мы и заимствуемъ доказательство силы Его и покажемъ, что Онъ есть Богъ, и скажемъ, что
814 для простого человѣка невозможно въ краткое время обойти столь обширную вселенную, и землю и море, и привлечь къ христіанству столько людей, и притомъ предзанятыхъ дурными обычаями, или, лучше сказать, преданныхъ такимъ порокамъ. Однако Христосъ успѣлъ освободить родъ человѣческій отъ всего этого, не только римлянъ, но и персовъ и вообще племена варварскія. Онъ совершилъ это, не употребляя оружія, не истрачивая денегъ, не предводительствуя войскомъ, не возбуждая войнъ, но въ началѣ чрезъ одиннадцать человѣкъ, незнатныхъ, уничиженныхъ, неученыхъ, простыхъ, бѣдныхъ, полуобнаженныхъ, безоружныхъ, не имѣвшихъ ни обуви ни двухъ одеждъ. Что я говорю: совершилъ? Онъ успѣлъ расположить столь многія поколѣнія людей любомудрствовать не только о настоящемъ, но и о будущемъ, отвергнуть отеческіе законы, истребить древніе обычаи, укоренившіеся въ столь долгое время, и принять другіе, оставить легкія дѣла и предаться Его нелегкимъ требованіямъ, и притомъ Онъ совершилъ это не смотря на то, что всѣ противодѣйствовали Ему и смѣялись надъ Нимъ, какъ потерпѣвшимъ на крестѣ позорную смерть. И язычники, конечно, не станутъ противорѣчить тому, что Христосъ былъ распятъ іудеями и претерпѣлъ отъ нихъ безчисленныя мученія, и что проповѣдь (евангельская) со дня на день возрастаетъ. Особенно удивительно, что она процвѣтаетъ не только здѣсь, но и у персовъ, хотя и нынѣ подвергается у нихъ гоненіямъ. Уже и между язычниками есть много мучениковъ, и тѣ, которые были свирѣпѣе самыхъ волковъ, по принятіи проповѣди стали смиреннѣе овецъ и уже любомудрствуютъ о безсмертіи, о воскресеніи и неизреченныхъ благахъ.

2. Притомъ такія благодѣтельныя дѣйствія появились не только въ городахъ, но и въ пустынѣ, и въ деревняхъ, и въ селахъ, и на островахъ и въ корабельныхъ пристаняхъ; и не только просто-

людины и ихъ начальники, но и сами облеченные діадимами съ полною вѣрою покорились Распятому. А что все это произошло не случайно, но еще за долго до исполненія было предсказано, я постараюсь доказать въ настоящемъ разсужденіи; или лучше, чтобы 815
слова мои не подверглись подозрѣнію, нужно раскрыть книги распявшихъ Его іудеевъ и заключающіяся въ этихъ Писаніяхъ, еще и нынѣ хранимыхъ ими, свидѣтельства о Немъ изложить предъ глазами невѣрующихъ. Такъ, Іеремія первый возвѣщаетъ, что Богъ содѣлается человѣкомъ, не переставая быть Богомъ: *Сей Богъ нашъ, не вмѣнится инъ къ Нему. Изобрѣте всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку Своему, и Израилю возлюбленному отъ Него. Посемъ на земли явися, и съ человѣки поживе* (Варух. III, 36 — 38).Видишь ли, какъ ясно онъ изобразилъ въ немногихъ словахъ все, и то, что Богъ, не переставая быть Богомъ, содѣлался человѣкомъ, и обращался съ людьми, и что Онъ же самъ основалъ и Ветхій Завѣтъ? *Изобрѣте*, говоритъ пророкъ, *всякъ путь хитрости, и даде ю Іакову отроку Своему, и Израилю возлюбленному отъ Него*. Этими словами онъ показываетъ, что Господь и до явленія Своего во плоти, Самъ управлялъ всѣмъ, Самъ совершалъ все: давалъ законы, промышлялъ, сохранялъ, благодѣтельствовалъ. А другой пророкъ, послушай, какъ говоритъ, что Господь не только содѣлается человѣкомъ, но и родится отъ Дѣвы: *Се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ: еже есть сказаемо, съ нами Богъ* (Иса. VII, 14. Матѳ. I, 23). Потомъ, дабы показать, что Господь не по-видимому только, а по-истинѣ будетъ человѣкомъ, онъ присовокупляетъ: *масло и медъ снѣстъ, прежде неже разумѣти Ему изволити злая, или избрати благое: зане прежде, неже разумѣти Отрочати благое или злое, отринетъ лукавое, еже избрати благое* (Иса. VII, 15. 16). И что Господь не только содѣлается человѣкомъ и родится отъ Дѣвы, но и произойдетъ изъ дому Давидова, о томъ, послушай, какъ задолго предсказываетъ Исаія, хотя не собственными, а переносными словами, однако предсказываетъ такъ: *изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова, и цвѣтъ отъ корене его изыдетъ: и почіетъ на немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія: исполнитъ его Духъ страха Божія* (Иса. XI, 1, 3). Іессей былъ отецъ Давида. Отсюда видно, что Господь произошелъ изъ этого колѣна, и не только изъ этого колѣна, но и изъ дома Іессеева, какъ и предсказалъ пророкъ въ словахъ: *изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова*, разумѣя не просто жезлъ, но Христа и Его царство. А что онъ сказалъ это не о жезлѣ, онъ самъ объяснилъ въ послѣдующихъ словахъ; ибо сказавъ: *изыдетъ жезлъ*, онъ присо-

вокупилъ: *и почіетъ на немъ Духъ премудрости и разума*. Никто, даже весьма неразумный, не скажетъ, что благодать Духа низошла на дерево, но очевидно, что она вселилась въ тотъ пречистый Храмъ. Почему пророкъ не сказалъ: *пріидетъ*, но говоритъ: *почіетъ?* Потому, что Духъ, сошедши (на Христа), остался въ Немъ и не отступилъ отъ Него, о чемъ ясно сказалъ евангелистъ Іоаннъ: *видѣхъ Духа сходяща яко голубя съ небесе, и пребысть на Немъ* (Іоан. I, 32). Евангелисты не умолчали и о томъ, какое настроеніе обнаружили іудеи при самомъ Его рожденіи. Матѳей говоритъ: *слышавъ же Иродъ царь смутися, и весь Іерусалимъ съ нимъ* (Матѳ. II, 3). А Исаія, послушай, какъ задолго предсказывалъ и объ этомъ: *восхотятъ*, говоритъ онъ, *да быша огнемъ сожжени были. Яко Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, Его же начальство бысть на рамѣ Его: и нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь*
816 *мира, Отецъ будущаго вѣка* (Иса. IX, 5. 6). Что этого нельзя сказать о простомъ человѣкѣ, очевидно и для людей, весьма склонныхъ къ словопрѣніямъ; ибо искони никто изъ людей не назывался Богомъ крѣпкимъ и княземъ такого мира, о какомъ говоритъ пророкъ: *и мира Его нѣсть предѣла* (ст. 7). Опытъ дѣйствительно показалъ, что (миръ Христовъ) распространился по всей землѣ, по всему морю, по всей вселенной, обитаемой и необитаемой, по горамъ, и пещерамъ, и холмамъ, съ того дня, въ который Онъ, предъ вознесеніемъ Своимъ, сказалъ ученикамъ: *миръ Мой даю вамъ: не яко же міръ даетъ, Азъ даю вамъ* (Іоан. XIV, 27). Почему же такъ сказалъ Христосъ? Потому, что миръ человѣческій легко бываетъ нарушаемъ и подверженъ многимъ измѣненіямъ; а Его миръ твердъ, непоколебимъ, крѣпокъ, постояненъ, безсмертенъ, безконеченъ, хотя противъ него повсюду воздвигаются безчисленныя гоненія и ежедневно строится множество козней. Всесильное слово Его устроило и это вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ.

3. И не только то, что Господь содѣлается человѣкомъ, но и самый образъ пришествія Его предсказали пророки. Онъ имѣлъ придти, не посылая грома и молніи свыше, не колебля землю, не потрясая неба, и не производя какія-либо страшныя явленія, но родившись безъ шума и въ неизвѣстности, въ домѣ древодѣла, бѣдномъ и незнатномъ; о чемъ, послушай, какъ не умолчалъ Давидъ: *снидетъ*, говоритъ онъ, *яко дождь на руно* (Псал. LXXI, 6), выражая этими словами тишину, спокойствіе. И не только объ этомъ, но и о томъ, какъ милостиво и кротко Онъ будетъ обращаться со всѣми, посмотри, какъ ясно говоритъ другой пророкъ. Подвергаясь оскорбленію, оплеванію, злословію, безчестію, бичеванію и наконецъ крестной смерти, Христосъ не мстилъ дѣлав-

шимъ это, но великодушно и кротко переносилъ все: поношенія, козни, бѣшенство и безумную ярость народа и другія нападенія; все это пророкъ выразилъ словами: *трости сокрушены не вотретъ, и льна курящася не угаситъ, дондеже во истину изнесетъ судъ. И на имя Его языцы уповати будутъ* (Иса. XLII, 3. 4). А другой пророкъ означилъ и мѣсто, гдѣ Господь имѣлъ родиться: *И ты*, говоритъ онъ, *Виѳлееме, земле Іудова, ничимже меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже упасетъ люди Моя, Израиля. Исходи же Его изъ начала отъ дней вѣка* (Мих. V, 2; Матѳ. II, 6). Онъ указываетъ и на Божество и на человѣчество (Христа); ибо словами: *исходи же Его изъ начала отъ дней вѣка*, изображаетъ предвѣчное существованіе Господа; а словами: *изыдетъ вождь, иже упасетъ люди Моя, Израиля*,—рожденіе Его по плоти. Замѣть здѣсь еще другое ясное предсказаніе. Пророкъ сказалъ не только то, что Господь родится, но что и мѣсто Его рожденія, прежде незнатное и маловажное, сдѣлается славнымъ: *ничимже меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ*. Дѣйствительно, вся вселенная теперь стекается въ Виѳлеемъ, чтобы видѣть мѣсто, гдѣ родившійся Господь былъ положенъ, и стекается не для чего другого, а только для этого. Другой пророкъ предсказалъ и время, въ которое Господь имѣлъ явиться: *Не оскудѣетъ*, сказалъ онъ, *князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему: и той чаяніе языковъ. Привя-* 817
зуяй къ лозѣ жребя свое, и къ винничію жребца осляте своего: исперетъ виномъ одежду свою, и кровію гроздія одѣяніе свое. Радостотворны очи его паче вина, и бѣлы зубы его паче млека (Быт. XLIX, 10—12). Замѣть соотвѣтствіе этого предсказанія съ самымъ событіемъ. Господь дѣйствительно пришелъ тогда, когда іудейскіе правители уже потеряли самовластіе и были подчинены скипетру римскому; такъ исполнились слова пророчества: *не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему*,—сказанныя о Христѣ. Въ одно время съ рожденіемъ Его сдѣлана и первая перепись народа, когда римляне стали господствовать надъ іудеями и подчинили ихъ игу своей власти. Еще и другое нѣчто означается словами: *и той чаяніе языковъ*,—то, что Господь пришедши привлекъ къ Себѣ всѣ народы. Иродъ, преслѣдуя родившагося Іисуса, повелѣлъ умерщвлять бывшихъ въ томъ мѣстѣ младенцевъ. И объ этомъ не умолчали пророки, но задолго предсказали такъ: *гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь, и рыданіе, и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть* (Іерем. XXXI, 15. Матѳ. II, 18). Также и о возвращеніи Его изъ Египта ими было предсказано въ словахъ: *изъ Египта воззвахъ Сына Моего* (Ос. XI,

1). Предсказано было и то, что Христосъ вскорѣ по явленіи Своемъ въ открытыхъ мѣстахъ будетъ совершать знаменія и учить. Послушай, что говоритъ Исаія: *страно Завулоня, и земле Нефѳалимля, людіе сѣдящіи во тмѣ видѣша свѣтъ велій, и сѣдящимъ во тмѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсія имъ* (Иса. IX, 1. 2. Матѳ. IV, 15. 16); этимъ онъ указываетъ на явленіе и ученіе Господа въ тѣхъ мѣстахъ, и на исповѣданіе, произведенное въ людяхъ чудесами Его. Далѣе изображаетъ пророкъ и другія чудеса и говоритъ, какъ Онъ будетъ исцѣлять хромыхъ, врачевать слѣпыхъ, дѣлать говорящими нѣмыхъ: *тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ. Тогда скочитъ хромый яко елень, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ* (Иса. XXXV, 5. 6). Такихъ чудесъ никогда не было до пришествія Христова. О нѣкоторыхъ знаменіяхъ въ частности пророки также предсказали. Напримѣръ, когда Іисусъ входилъ въ храмъ, дѣти, еще молокомъ питавшіяся и неумѣвшія членораздѣльно говорить, воспѣли Ему священныя пѣсни, восклицая: *осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне* (Матѳ. XXI, 9). Это пророкъ задолго предсказалъ въ словахъ: *изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу, еже разрушити врага и местника* (Пс. VIII, 3). Видишь ли, какъ дѣти невинныя и не имѣющія членораздѣльнаго голоса, вопреки своей природѣ, прославляютъ Создателя и возглашаютъ апостольское благовѣстіе?

4. Часто, бесѣдуя съ іудеями, по причинѣ жестокосердія ихъ Господь о многомъ говорилъ прикровенно, въ загадочныхъ выраженіяхъ и притчахъ, о чемъ также задолго было предсказано: *отверзу въ притчахъ уста Моя, провѣщаю гананія испервa* (Пс. LXX, 2). И премудрость бесѣдъ Его задолго предвозвѣстилъ пророкъ въ словахъ: *изліяся благодать во устнахъ Твоихъ* (Пс. XLIV, 3). О
818 томъ же предсказалъ и другой пророкъ такъ: *се уразумѣетъ Отрокъ Мой, и вознесется и прославится зѣло* (Иса. LII. 13). Тотъ же пророкъ, кратко повѣствуя о благодѣяніяхъ пришествія Его, соединенныхъ съ знаменіями, говорилъ такъ: *Духъ Господень на Мнѣ, егоже ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе* (Иса. LX, 1). И то было предсказано, что послѣ столь многихъ благодѣяній Его люди будутъ отвращаться отъ Него тщетно и напрасно, не имѣя повода ни въ чемъ обвинять Его, ни въ маломъ, ни въ великомъ. Послушай, какъ Давидъ предвозвѣстилъ объ этомъ: *съ ненавидящими мира*, говоритъ онъ, *бѣхъ миренъ: егда глаголахъ имъ, боряху Мя туне* (Псал. CXIX, 6, 7). Что Господь, возсѣдая на жребяти, войдетъ въ городъ, и это задолго предсказалъ Захарія въ такихъ словахъ: *радуйся зѣло, дщи Сіоня; проповѣдуй, дщи Іерусалимля: се Царь*

твой грядетъ тебѣ кротокъ, и всѣдъ на подъяремника и жребца юна (Зах. IX, 9).—Онъ изгналъ изъ храма торговавшихъ голубями и мѣнявшихъ деньги (Матѳ. XXI, 12. Іоан. II, 15). Это сдѣлалъ Онъ, ревнуя о домѣ Божіемъ и вмѣстѣ желая показать, что Онъ не противится Богу, но согласенъ съ Отцемъ; посему и наказывалъ за домъ Его, въ которомъ производилась торговля. И это не оставлено безъ указанія, но предсказалъ объ этомъ пророкъ Давидъ, предвозвѣстивъ и намѣреніе, съ какимъ Христосъ совершалъ это наказаніе: *ревность дому Твоего*, говоритъ онъ, *снѣде Мя* (Псал. LXVIII, 10). Что можетъ быть яснѣе этого? Христу предстояло быть преданнымъ, и это предательство имѣлъ совершить тотъ, кто раздѣлялъ съ Нимъ трапезу. Посмотри, какъ и это предсказалъ тотъ же пророкъ въ словахъ: *ядый хлѣбы Моя возвеличи на Мя запинаніе* (Псал. XL. 10). Замѣть, какъ согласно съ нимъ повѣствуетъ евангелистъ: *омочивый со Мною въ солило руку, той Мя предастъ* (Мат. XXVI, 23). Предатель не просто предалъ Господа, но продавъ драгоцѣнную кровь Его и получивъ за нее деньги. И объ этомъ не умолчалъ пророкъ, но указалъ и на безстыдныя условія и совѣщанія враговъ Христовыхъ. *Боже*, говоритъ онъ, *хвалы Моея не премолчи: яко уста грѣшнича и уста льстиваго на Мя отверзошася* (Псал. CVIII, 1). Тотъ же предатель, познавъ потомъ вину свою, бросилъ сребренники, прекратилъ жизнь свою, повѣсившись на деревѣ, оставивъ жену свою вдовою, дѣтей—сиротами и домъ—опустѣвшимъ. Посмотри, какъ описываетъ пророкъ и это печальное событіе: *да будутъ сынове его сири, и жена его вдова: движущеся да преселятся сынове и да изгнани будутъ изъ домовъ своихъ* (ст. 9. 10). Мѣсто предателя заступилъ Матѳій; и это предсказалъ тотъ же пророкъ въ словахъ: *епископство его да пріиметъ инъ* (ст. 8).—Послѣ того, какъ Христосъ былъ преданъ и добровольно отдалъ Себя въ руки враговъ, составилось изъ іудеевъ и язычниковъ судилище, исполненное великаго беззаконія. Посмотри, какъ и это предвозвѣщаетъ пророкъ: *вскую*, говоритъ онъ, *шаташася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ* (Пс. II, 1)? И не только это предвозвѣстили пророки, но Исаія ясно сказалъ и о молчаніи Господа, 813
которое Онъ хранилъ, когда окружавшіе Его много говорили и обвиняли Его: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ: тако не отверзаетъ устъ Своихъ* (Иса. LIII, 7). Потомъ, показывая несправедливость приговора, Онъ присовокупляетъ: *во смиреніи Его судъ Его взятся* (ст. 8), то есть, никто не судилъ о Немъ справедливо; а далѣе объясняетъ и причину смерти Христовой. Онъ, какъ непорочный и невинный, не за Свои грѣхи страдалъ, но преданъ былъ за грѣхи вселенной; на

то и другое, посмотри, какъ указалъ пророкъ: *яко беззаконнія не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (ст. 9). Этими словами онъ объяснилъ, почему и Христосъ былъ преданъ. Слѣдуетъ и другая причина: *ради беззаконій людей Моихъ ведеся на смерть* (ст. 8). Желая показать не только причину, но и плоды крестной смерти Его, посмотри, какъ предвозвѣщаетъ о томъ пророкъ: *вси*, говоритъ, *яко овцы заблудихомъ: человѣкъ отъ пути своего заблуди; наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ* (ст. 5. 6). Потомъ тотъ же пророкъ предрекаетъ и наказаніе, которому имѣли подвергнуться іудеи за эти беззаконія въ слѣдующихъ словахъ: *и дамъ лукавыя вмѣсто погребенія Его, и богатыя вмѣсто смерти Его* (ст. 9). И Давидъ, сказавъ: *отвержимъ отъ насъ иго ихъ*, присовокупилъ: *живый на небесѣхъ посмѣется имъ: тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ Своимъ, и яростію Своею смятетъ я* (Пс. II, 3—5), разумѣя разсѣяніе іудеевъ по всей вселенной; о чемъ и самъ Христосъ въ Евангеліи предсказалъ въ слѣдующихъ словахъ: *оны, иже не восхотѣша Мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и изсѣцыте предо Мною* (Лук. XIX, 27). Кромѣ того, сказавъ о смерти Господа, пророки не умолчали и о самомъ способѣ смерти, но и его изъяснилъ Давидъ такъ: *ископаша руцѣ Мои и нозѣ Мои, исчетоша вся кости Моя* (Пс. XXI, 17. 18). Не умолчалъ онъ и о беззаконіи, совершенномъ послѣ крестной смерти Христовой, сказавъ: *раздѣлиша ризы Моя себѣ, и о одежди Моей меташа жребій* (ст. 19). Далѣе, онъ сказалъ и о погребеніи Господа въ словахъ: *положиша Мя въ ровѣ преисподнемъ, въ темныхъ и сѣни смертнѣй* (Пс. LXXXVII, 7). Посмотри, какъ онъ же предсказалъ и о томъ, что Христосъ воскреснетъ: *не оставиши*, говоритъ, *душу Мою во адѣ, ниже даси преподобному Твоему видѣти истлѣнія* (Пс. XV, 10). И пророкъ Исаія о томъ же, только другими словами, предсказываетъ такъ: *Господь хощетъ очистити Его отъ язвы: явити Ему свѣтъ, оправдати праведнаго, благо служаща многимъ* (Иса. LIII, 10. 11). Тотъ же пророкъ предсказалъ, что смерть Господа искупитъ людей отъ грѣховъ: *и той грѣхи многихъ вознесе* (ст. 12); и то, что Христосъ будетъ изгонять изъ людей демоновъ: *и крѣпкихъ раздѣлитъ корысти* (ст. 12). Не умолчалъ онъ и о томъ, что Господь совершитъ это Своею смертію: *зане*, говоритъ, *предана бысть на смерть душа Его* (ст. 12); предсказалъ и то, что Христосъ получитъ власть надъ вселенною: *той наслѣдитъ многихъ* (ст. 12). Не умолчали пророки и о томъ, что Господь, сошедши ва адъ, приведетъ его въ смущеніе, исполнитъ смятенія и страха, и сокрушитъ твердыню его. Объ этомъ Давидъ говоритъ такъ: *возмите врата князи ваша, и возмитеся врата*

вѣчныя, и внидетъ Царь славы (Пс. XXIII, 7); а Исаія говоритъ другими словами: *врата мѣдяная сокрушу, и вереи желѣзныя сломлю, и дамъ ти сокровища темная сокровенная: невидимая отверзу тебѣ* (Иса. XLV, 2), разумѣя здѣсь адъ. Хотя это былъ адъ, но онъ содержалъ души святыя и сосуды драгоцѣнные, Авраама, Исаака и Іакова. Посему пророкъ и назвалъ ихъ сокровищами, а темными потому, что тогда еще не озарило ада Солнце правды и не благовѣстило о воскресеніи. А что Господь по воскресеніи Своемъ не сопричтется ни къ ангеламъ, ни къ архангеламъ, ни къ другой какой служебной силѣ, но возсядетъ на царскомъ престолѣ, о томъ, послушай, какъ опять говоритъ Давидъ: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Пс. CIX, 1). 820

5. Исаія предвозвѣстилъ потомъ, что Христосъ пошлетъ апостоловъ (на проповѣдь), въ слѣдующихъ словахъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (Иса. LII, 7). Замѣть, какъ онъ прославляетъ тѣлесные члены—ноги, которыя повсюду пронесли благовѣстниковъ. А Давидъ объясняетъ и способъ ихъ побѣды: *Господь,* говоритъ онъ, *дастъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Пс. LXVII, 12). Дѣйствительно они побѣждали, не употребляя оружія, не издерживая денегъ, не силою тѣлесною, не многочисленностію войскъ, и не инымъ какимъ либо подобнымъ средствомъ, но простымъ словомъ, имѣвшимъ великую силу—силу знаменій. Они проповѣдывали Распятаго и совершали знаменія, и такимъ образомъ побѣдили вселенную. Посему и говоритъ пророкъ: *Господь дастъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою,* разумѣя здѣсь чудеса. И подлинно, неизреченная сила была въ томъ, что рыбарь, мытарь и скинотворецъ одними повелѣніями воскрешали мертвыхъ, изгоняли демоновъ, избавляли отъ смерти, обуздывали языки философовъ, заграждали уста риторовъ, преодолѣвали царей и властителей, побѣждали варваровъ, еллиновъ, весь родъ человѣческій. Хорошо сказалъ пророкъ. Все это они совершили словомъ, и силою многою содѣлывали мертвыхъ живыми, грѣшниковъ—праведными, слѣпыхъ—зрячими, изгоняя болѣзни изъ тѣла и пороки изъ души. А откуда явилась у нихъ такая сила? Отъ Духа Святаго, какъ и объ этомъ сказано: *исполнишася Духа Свята; явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни: сѣде же на единомъ коегождо ихъ* (Дѣян. II, 3. 4). Мужчины и женщины стали пророчествовать, о чемъ также задолго предвозвѣстилъ Іоиль въ словахъ: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши, и дщери ваши видѣнія узрятъ, и юноши ваши сонія узидятъ: ибо на рабы Моя и на рабыни Моя излію, прежде неже пріити дню Господню, великому и просвѣщенному* (Іоил. II, 28—30);

подъ великимъ и просвѣщеннымъ днемъ онъ разумѣетъ здѣсь и день сошествія Духа и будущій день кончины міра. Тотъ же пророкъ предвозвѣщаетъ и спасеніе вѣрою (ибо и объ этомъ не умолчано) такъ: *и будетъ всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется* (ст. 32).

6. Что Господь во всю вселенную пошлетъ проповѣдниковъ, и что никто не останется не слышавшимъ проповѣди, это также
321 предсказано. Послушай пророческія объ этомъ слова Давида: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. XVIII, 5). Тотъ же пророкъ въ другомъ мѣстѣ предсказываетъ, что они будутъ проповѣдывать со властію, и будутъ могущественнѣе облеченныхъ діадимами: *поставиши я князи по всей земли* (Пс. XLIV, 17). Дѣйствительно самыя дѣла показываютъ, что Петръ и Павелъ превзошли царей и властителей. Законы царей отмѣняются даже при жизни ихъ; а законы этихъ рыбарей и по смерти ихъ пребываютъ твердыми и непоколебимыми, хотя и демоны, и долговременная привычка, и нечестіе, и сладострастіе и другія безчисленныя силы старались ниспровергнуть ихъ. Далѣе, желая показать, что эти постановленные *князи* будутъ для всѣхъ вожделѣнны и возлюбленны, пророкъ присовокупилъ: *сего ради людіе исповѣдятся Тебѣ въ вѣкъ* (ст. 18), то есть, будутъ благодарить Тебя, будутъ питать великую благодарность за то, что Ты даровалъ имъ такихъ князей. Предсказано было и то, что проповѣдь (евангельская) повсюду одержитъ побѣду. Посмотри, какъ Давидъ представляетъ тебѣ это въ слѣдующихъ словахъ: *проси отъ Мене, и дамъ Ти языки достояніе Твое, и одержаніе Твое концы земли* (Пс. II, 8). То же самое другой пророкъ предвозвѣщаетъ, выражаясь такъ: *наполнится вся земля вѣдѣнія Господня, аки вода многа покры море* (Иса. XI, 9). И замѣть, какъ легко совершится эта покорность: *не научитъ кійждо ближняго своего, и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (Іерем. XXXI, 34); и какова непоколебимость церкви: *будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня, и домъ Божій на версѣ горъ, и возвысится превыше холмовъ и пріидутъ къ ней люди мнози и языцы мнози* (Иса. II, 2. 4). А что церковь будетъ не только тверда, непреклонна и непоколебима, но и распространитъ по вселенной обильный миръ, что послѣ того, какъ многія царства и державы падутъ, возвысится надъ всѣми единое царство, въ которомъ, не какъ въ прежнихъ, будетъ господствовать обильный миръ;—такъ какъ въ древности даже художники всякаго рода и риторы брались за оружіе и становились въ ряды войска, по пришествіи же Христа все это прекратилось, и война сдѣлалась занятіемъ только извѣстныхъ людей;—и объ этомъ одинъ пророкъ ясно сказалъ такъ: *раскуютъ мечи*

своя на орала, и копія своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и не навыкнутъ ктому ратоватися (Иса. II, 4). Дѣйствительно прежде всѣ люди занимались войною: а нынѣ забыли о воинскомъ искусствѣ; или вѣрнѣе,—большая часть людей вовсе не прикасалась къ нему; а если есть нѣкоторые (занимающіеся имъ), то немногіе, рѣдко и въ маломъ числѣ, между тѣмъ какъ прежде во всякомъ народѣ были безпрестанныя возмущенія. Далѣе пророкъ предсказываетъ и то, изъ кого составится церковь. Такъ какъ не только скромные, кроткіе и добрые люди, но и свирѣпые и безчеловѣчные и нравами своими подобные волкамъ, львамъ и воламъ, имѣли присоединиться къ тѣмъ, и всѣ составить одну церковь, то послушай, какъ пророкъ сказалъ о разнообразіи этого стада: *и пастися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ* (Иса. XI, 6), выражая этимъ простоту жизни царей. А что рѣчь идетъ не о 822
звѣряхъ, пусть скажетъ іудей, когда это бывало? Волкъ и ягненокъ никогда не паслись вмѣстѣ; а если бы когда и стали вмѣстѣ пастись, то какая отъ того была бы польза для рода человѣческаго? Нѣтъ, онъ говоритъ о свирѣпыхъ нравами людяхъ, о скиѳахъ, ѳракійцахъ, маврахъ, индійцахъ, савроматахъ, персахъ. Что всѣ эти народы подчинятся подъ одно иго, о томъ и другой пророкъ ясно говорилъ: *поработаютъ Ему подъ игомъ единѣмъ, и поклонятся Ему кійждо отъ мѣста своего* (Софон. III, 9), не въ одномъ Іерусалимѣ, но по всей вселенной; потому что не будетъ повелѣнія людямъ ходить въ Іерусалимъ, но каждый, оставаясь дома, будетъ совершать это богослуженіе.

7. Не умолчали пророки и о томъ, что іудеи будутъ отвержены; посмотри какъ объ этомъ предсказалъ пророкъ: *и въ васъ затворятся двери, и не возжжете огня олтареви Моему туне* (Малах. I, 10). Предсказано и то, кто будетъ служить Богу: *отъ востокъ солнца до западъ*, говоритъ пророкъ, *имя Мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится имени Моему, и жертва чиста* (ст. 11). Видишь ли, какъ онъ изобразилъ достоинство этого богослуженія, его превосходство и установленіе вмѣсто прежняго,—и то, что это богопочтеніе будетъ зависѣть не отъ мѣста, но отъ внутренняго расположенія, и будетъ состоять не въ куреніи и дымѣ, но въ нѣкоторомъ другомъ богослуженіи. Какъ же, скажутъ, апостолы привлекли къ себѣ всѣ народы? Какъ владѣющій только однимъ языкомъ іудейскимъ могъ убѣдить скиѳа, индійца, савромата и ѳракійца? Получивъ отъ Духа Святаго благодатный даръ многихъ языковъ для убѣжденія язычниковъ; а для убѣжденія Израиля—дарованіе языковъ. Но іудеи не вняли убѣжденію, о чемъ, послушай, какъ говоритъ пророкъ: *яко худостію устенъ, языкомъ инымъ* возглаголю *людемъ симъ*,

и не восхотятъ слышати, глаголетъ Господь (Иса. XXVIII, 11, 12).— Что можетъ быть яснѣе этого? Іудеи не увѣровали, а язычники обратились; и это было предсказано. Послушай пророка Исаію, который ясно говоритъ: *явленъ быхъ не ищущимъ Мене, обрѣтохся не вопрошающимъ о Мнѣ: рекохъ, се есмь, языку, иже не призваша имене Моего* (Иса. LXV, 1); а объ израильтянахъ: *простирохъ руцѣ Мои весь день къ людемъ непокаряющимся и противоглаголющимъ* (ст. 2); и еще: *возвѣстихомъ яко отроча предъ нимъ, яко корень въ земли жаждущей* (Иса. LIII, 2); и еще: *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся* (ст. 1)? Пророкъ не сказалъ: *ученію нашему*, желая этимъ показать, что апостолы не отъ себя говорили, но возвѣщали то, что̀ слышали отъ Бога. Что наше богослуженіе превосходнѣе іудейскаго, о томъ предвозвѣстилъ Моисей, сказавъ: *и Азъ раздражу* васъ *не о языцѣ, о языцѣ же неразумливѣ прогнѣваю* васъ (Второз. XXXII, 21); выраженіемъ: *не о языцѣ*, онъ означилъ прежнее уничиженное состояніе народа языческаго, который и не считался народомъ по своей презрѣнности, по невѣжеству, по безумію; но вѣра произвела въ язычникахъ такую перемѣну, что они сдѣлались гораздо досточтимѣе бывшихъ въ чести іудеевъ. Здѣсь же открыто, что это сильно тронетъ іудеевъ и они отъ того сдѣлаются лучшими; ибо пророкъ не сказалъ просто: *предпочту*, но указалъ и то, что исправленіе ихъ произойдетъ отъ завистливаго раздраженія. *Азъ раздражу*
823 васъ *не о языцѣ*, говоритъ онъ, какъ бы такъ говоря: Я дамъ имъ столько благъ, что вы будете завидовать, что вы будете раздражаться. Это и сдѣлало ихъ лучшими. Тѣ, которые видѣли разступившееся море, раздавшіеся камни, воздушныя необыкновенныя перемѣны и другія чудеса, или вѣрнѣе—тѣ, которые закалали своихъ дѣтей и служили Веельфегору и предавались многимъ волхвованіямъ, послѣ того, какъ явилась наша вѣра, которая гораздо предпочтительнѣе содержимой ими, такъ были раздражены завистію, что исправившись и смирившись, изъ зависти намъ стали совершать то, чего не совершали, слушая пророковъ и созерцая чудеса. Теперь никто изъ нихъ уже не закалаетъ дѣтей своихъ, не обращается къ идоламъ, не покланяется тельцу. Красота дѣвства въ Ветхомъ Завѣтѣ не была извѣстна даже и по названію, а въ Новомъ надлежало возсіять, о чемъ вотъ какъ предсказываетъ Давидъ: *приведутся Царю дѣвы въ слѣдъ ея, приведутся въ храмъ царевъ* (Пс. XLIV, 15. 16). Не умолчали пророки и о священникахъ, т. е. о епископахъ: *и вдамъ князи твоя въ миръ, и надзиратели твои въ правду*, говоритъ Исаія (Иса. LX, 17).

8. Христосъ опять придетъ и потребуетъ отчета отъ рода человѣческаго, между прочимъ и отъ іудеевъ; объ этомъ, посмотри,

какъ предсказываетъ Давидъ и Малахія; послѣдній говоритъ такъ: *се грядетъ, и кто стерпитъ день пришествія Его, и кто постоитъ въ видѣніи Его? зане той входитъ яко огнь горнила. И сядетъ разваряя и очищая яко сребро, и яко злато* (Малах. III, 1—3), согласно съ словами Павла, который пишетъ такъ: *день явитъ, зане огнемъ открывается* (1 Кор. III, 13). И Давидъ словами: *Богъ явѣ пріидетъ* (Пс. XLIX, 3), указываетъ также на второе пришествіе Его. Первое пришествіе Христа было весьма смиренное; но не таково будетъ второе; страхъ и ужасъ будутъ сопутствовать ему, ангелы—предшествовать, и самое явленіе будетъ озарять все подобно молніи: *якоже молнія исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человѣческаго* (Матѳ. XXIV, 27), говоритъ Господь, выражая этимъ блескъ, возвѣщающій самъ о себѣ, такъ какъ онъ не нуждается въ провозвѣстникѣ, но являетъ самъ себя. Тоже и Давидъ выражаетъ словами: *Богъ явѣ пріидетъ.* Потомъ, изображая будущій судъ, пророкъ присовокупляетъ: *огнь предъ Нимъ возгорится, и окрестъ Его буря зѣлна* (ст. 2). Сказавъ о наказаніяхъ, онъ изображаетъ и торжественность суда: *призоветъ небо свыше, и землю, разсудити люди Своя* (ст. 4), разумѣя подъ землею родъ человѣческій. Далѣе, вмѣстѣ со всѣмъ родомъ человѣческимъ упомянувъ и объ іудеяхъ (къ которымъ особенно обращается), пророкъ продолжаетъ такъ: *соберите Ему преподобныя Его, завѣщающія завѣтъ Его о жертвахъ. И возвѣстятъ небеса правду Его: яко Богъ судія есть* (ст. 5. 6). Объ отмѣнѣ пришедшимъ Христомъ жертвеннаго богослуженія и о введеніи вмѣсто его нашего богослуженія, послушай, какъ предсказано: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же свершилъ Ми еси* (Пс. XXXIX, 7); на то же указываетъ пророкъ и въ другомъ мѣстѣ: *людіе, ихже не вѣдѣхъ, работаша Ми; въ слухъ уха послушаша Мя* (Пс. XVII, 44. 45), т. е. не созерцая море 824
разступившееся и камни раздавшіеся, но выслушавъ моихъ апостоловъ. Сказавъ: *тѣло же свершилъ Ми еси*, пророкъ еще присовокупляетъ: *тогда рѣхъ: се пріиду; въ главизнѣ книжнѣ писано есть о Мнѣ* (Пс. XXXIX, 8). Здѣсь указывается на два обстоятельства: на то, что Господь придетъ, и на то, что Онъ придетъ тогда, когда будутъ отмѣнены жертвоприношенія; это произошло тогда, какъ власть надъ іудеями перешла къ римлянамъ. О пришествіи Господа мы находимъ предсказаніе у Варуха, который говоритъ: *на земли явися и съ человѣки поживе* (Вар. III, 38). Также Моисей говоритъ: *Пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой, того послушайте по всему. И человѣкъ той, иже не послушаетъ словесъ его, елика возглаголетъ Пророкъ оный во имя Мое, потребится отъ народа своего* (Втор. XVIII, 12—19). На комъ другомъ

сбылось это, какъ не на одномъ Христѣ? Хотя многіе возставали пророки, и хотя всѣхъ ихъ іудеи не послушали, но за это ничего не потерпѣли; а за непослушаніе Христу, они теперь повсюду влачатъ жизнь, какъ блуждающіе и безпріютные, какъ бѣглецы и изгнанники. Посмотри, какъ они, лишившись гражданства, отеческихъ законовъ и обычаевъ, всюду подвергаются безчестію и посрамленію, наказанію и мученію. А сколько они пострадали при Веспасіанѣ и Титѣ, этого и сказать невозможно: такъ бѣдственная участь ихъ превысила всякое несчастіе; такъ исполнились пророческія слова: *и человѣкъ той, иже не послушаетъ пророка того, потребится.* За то у нихъ и превратилось все въ пустыню, что они не послушались того Пророка. Что Господь воскреситъ всѣхъ, это предсказалъ Исаія въ слѣдующихъ словахъ: *воскреснутъ мертвіи, и возстанутъ, иже во гробѣхъ: роса бо, яже отъ Тебе, исцѣленіе имъ есть* (Иса. XXVI, 19). И не только это онъ предсказалъ, но и то, что послѣ крестной смерти Господа дѣянія Его будутъ блистательнѣе, и что по воскресеніи Его проповѣдь (евангельская) наиболѣе распространится. Онъ былъ преданъ Своимъ ученикомъ, связанъ, оскорбленъ, поруганъ, мученъ и распятъ, и не получилъ бы погребенія, если бы это зависѣло отъ іудеевъ; а одежды Его были раздѣлены воинами, и окончилъ жизнь съ подозрѣніемъ въ домогательствѣ власти, съ именемъ богохульника и возмутителя;—ибо о немъ говорили: *всякъ, иже царя себе творитъ, противится кесарю,* (Іоан. XIX, 12), и еще: *се нынѣ слышасте хулу Его* (Матѳ. XXVI, 65); такъ какъ все это имѣло совершиться, то пророкъ, желая возбудить и ободрить слушателя, говоритъ: не бойся этого; Тотъ, Который былъ распятъ, подвергаемъ бичеванію, поносимъ разбойниками, умерщвленъ по подозрѣнію въ богохульствѣ, по смерти и воскресеніи совершитъ такія дѣла, о которыхъ никто не скажетъ, что они не исполнены великой чести. Это и сбылось, какъ о томъ задолго предсказывалъ пророкъ: *будетъ корень Іессеовъ, и возстаяй владѣти языки, на Того языцы уповати будутъ: и будетъ покой Его честь* (Иса. XI, 10). Онъ какъ бы такъ сказалъ: „такая смерть досточтимѣе діадимы; цари, слагая діадимы, берутъ крестъ—знакъ Его смерти; на порфирахъ крестъ, на діадимѣ крестъ, при молитвахъ крестъ, на оружіи крестъ, на священной трапезѣ крестъ, и во всей вселенной крестъ сіяетъ свѣтлѣе солнца“—*И будетъ покой Его честь.*

9. Не таковы дѣла человѣческія; но обыкновенно съ ними бываетъ напротивъ! Дѣла знаменитыхъ людей, пока они живутъ, процвѣта-
825 ютъ; но по смерти ихъ погибаютъ. Это можно видѣть въ судьбѣ не только богача и начальника, но даже и царей. И законы ихъ отмѣняются, и изображенія затемняются, и память ихъ истребляется,

и имя ихъ забывается, и приближенные къ нимъ подвергаются презрѣнію; между тѣмъ какъ прежде они потрясали оружіемъ, мановеніемъ своимъ передвигали народы и города, и измѣняли положеніе дѣлъ, имѣли власть предавать смерти и возвращать къ жизни отводимыхъ на казнь. Все это исчезаетъ, хотя прежде было въ славѣ. А у Христа—все напротивъ. Предъ крестною смертію Его обстоятельства были печальны; Іуда предавалъ, Петръ отрицался, прочіе ученики обратились въ бѣгство, Онъ одинъ оставался среди враговъ; многіе вѣровавшіе, въ Него, возвращались вспять. Но послѣ Его страданій и смерти, дабы ты зналъ, что Распятый былъ не простой человѣкъ, обстоятельства становятся блистательнѣйшими, славнѣйшими и превосходнѣйшими. До распятія Христова верховный изъ апостоловъ не перенесъ угрозы привратницы, но послѣ такой тайной вечери отвѣчалъ, что онъ не знаетъ (Іисуса), а послѣ распятія онъ же прошелъ (съ проповѣдію) вселенную; съ того времени безчисленные сонмы мучениковъ были умерщвлены, рѣшившись лучше умереть, нежели сказать то, что сказалъ верховный изъ апостоловъ, убоявшись угрозы одной привратницы. Съ того времени всѣ страны, и города и пустыни, мѣста обитаемыя и необитаемыя, оглашаются прославленіемъ Распятаго; цари, военачальники, градоначальники и судіи, рабы и свободные, простолюдины, мудрые и немудрые, варвары и различныя племена человѣческія, населяющія всю подсолнечную землю, призываютъ имя Его и покланяются Ему, дабы ты зналъ, что значитъ: *будетъ покой Его честь!* Самое мѣсто, гдѣ было погребено тѣло Распятаго, малое и весьма тѣсное, сдѣлалось блистательнѣе множества царскихъ чертоговъ и досточтимѣе самихъ царей. *И будетъ покой Его честь!* Особенно удивительно то, что не только съ Нимъ, но и съ учениками Его произошло то же самое. При жизни ихъ брали и водили, подвергая поношенію, заключенію въ оковы и другимъ безчисленнымъ мученіямъ; а по смерти они стали досточтимѣе самихъ царей. Какимъ образомъ? Это можешь усмотрѣть изъ слѣдующаго. Въ царствующемъ городѣ Римѣ, оставивъ все, прибѣгаютъ къ гробницамъ рыбаря и скинотворца, и цари, и правители, и военачальники; и въ Константинополѣ облеченные діадимами признали любимымъ мѣстомъ для погребенія тѣлъ ихъ не близъ самыхъ апостоловъ, но въ преддверіи внѣ храмовъ ихъ, и такимъ образомъ цари сдѣлались привратниками рыбарей; и такое погребеніе вмѣняютъ себѣ не въ безчестіе, но въ прославленіе, не только сами цари, но и потомки ихъ. *И будетъ*, говоритъ Писаніе, *покой Его честь!* Все величіе этой чести ты познаешь тогда, когда посмотришь на знакъ Его смерти, смерти проклятой, смерти поноснѣйшей изъ всѣхъ родовъ смерти; ибо

на этотъ одинъ родъ смерти наложено проклятіе. Въ древности, напримѣръ, иныхъ преступниковъ сожигали, другихъ побивали камнями, иныхъ другимъ какимъ-либо способомъ наказанія лишали жизни; но распятый и повѣшенный на древѣ (креста) страдалъ не только отъ того, что наказывался съ такимъ мученіемъ, но и отъ того, что подвергался проклятію: *яко проклятъ всякъ*
826 *висяй на древѣ*, говоритъ Писаніе (Второз. XXI, 23). Но этотъ проклятый, поносный знакъ крайняго мученія нынѣ сталъ вожделѣннымъ и достолюбезнымъ. Не столько царскій вѣнецъ украшаетъ голову, сколько крестъ, драгоцѣннѣйшій всего міра; изображеніе креста, нѣкогда для всѣхъ страшное, теперь столь любезно всѣмъ, что найдешь его вездѣ, у начальниковъ и подчиненныхъ, у женъ и мужей, у дѣвъ и замужнихъ, у рабовъ и свободныхъ; всѣ непрестанно полагаютъ знаменіе креста на благороднѣйшей части своего тѣла и носятъ каждодневно это знаменіе изображеннымъ на челѣ своемъ, какъ на столпѣ. Оно блистаетъ на священной трапезѣ, при рукоположеніи священниковъ и вмѣстѣ съ тѣломъ Христовымъ на тайной вечери, всюду можно видѣть его возносящимся: на домахъ, на торжищахъ, въ пустыняхъ, на дорогахъ, на горахъ, въ пещерахъ, на холмахъ, на морѣ, на корабляхъ, на островахъ, на ложахъ, на одеждахъ, на оружіи, въ чертогахъ, на пиршествахъ, на золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, на драгоцѣнныхъ камняхъ, на стѣнныхъ картинахъ, на тѣлѣ больныхъ животныхъ, на тѣлѣ одержимыхъ демонами, на войнѣ, въ мирѣ, днемъ и ночью, въ пиршественныхъ собраніяхъ и въ келліяхъ подвижниковъ; такъ для всѣхъ сталъ вожделѣненъ этотъ дивный даръ, исполненный неизреченной благодати! Уже никто не стыдится и не закрывается при мысли, что крестъ есть знакъ проклятой смерти; напротивъ, всѣ мы почитаемъ его украшеніемъ для себя болѣе вѣнцовъ и діадимъ и многихъ ожерелій изъ драгоцѣнныхъ камней. Такъ онъ сталъ не только не страшенъ, но и вожделѣненъ, любезенъ и досточтимъ для всѣхъ, и блистаетъ изображаемый повсюду: на стѣнахъ домовъ, на кровляхъ, на книгахъ, въ городахъ, въ селахъ, въ необитаемыхъ и обитаемыхъ мѣстахъ. Теперь я охотно спросилъ бы язычника, отъ чего этотъ знакъ ужасной казни и проклятой смерти сдѣлался любезнымъ и вожделѣннымъ для всѣхъ, если не отъ великой силы Распятаго?

10. Но если ты такъ безстыденъ, что считаешь это за ничто и возстаешь противъ истины, и остаешься слѣпымъ при свѣтѣ; то теперь я представлю тебѣ и другое доказательство того, какъ это важно. Какое же это доказательство? У судей есть много видовъ орудій для мученія: дерево, кнуты, когти, свинцовые зубцы, ко-

торыми скоблятъ тѣло, расторгаютъ и раздробляютъ члены. Кто рѣшился бы внести такія орудія въ домъ свой? Кто согласился бы прикоснуться къ рукамъ дѣлающихъ ихъ палачей, или видѣть ихъ близко? Напротивъ, большая часть людей не отвращается ли, а нѣкоторые не считаютъ ли встрѣчу съ ними дурнымъ признакомъ, и не рѣшаются ни коснуться ихъ, ни смотрѣть на нихъ? Не убѣгаютъ ли прочь и не отвращаютъ ли своихъ взоровъ? Таковъ въ древности былъ и крестъ, или еще гораздо страшнѣе; потому что, какъ я выше сказалъ, онъ былъ знакомъ не только смерти, но смерти проклятой. Отъ чего же, скажи мнѣ, онъ теперь сдѣлался столь вожделѣннымъ и столь любезнымъ для всѣхъ и досточтимѣе всего? Почему къ этому самому древу, на которомъ святое тѣло Іисусово было распростерто и пригвождено, всѣ наперерывъ притекаютъ? Почему многіе, какъ мужи, такъ и жены, получивъ малую частицу этого древа и обложивъ ее золотомъ, вѣшаютъ на свою шею, какъ украшеніе, между тѣмъ какъ оно было нѣкогда знакомъ осужденія и наказанія? Потому, что со- 827
здавшій все и все преобразующій, избавившій вселенную отъ нечестія и содѣлавшій землю небомъ, Онъ и это орудіе ненавистное и позорнѣйшее всѣхъ смертей превознесъ выше небесъ. Все это предвидя, пророкъ сказалъ: *и будетъ покой Его честь.* Этотъ знакъ смерти (не перестану постоянно говорить о немъ) содѣлался источникомъ великаго благословенія, стѣною отъ всякой опасности, смертоноснымъ отраженіемъ діавола, уздою демоновъ, грозою сопротивнымъ силамъ; онъ попралъ смерть, сокрушилъ мѣдныя врата ада, сломилъ его желѣзныя вереи, разрушилъ твердыню діавола, разсѣкъ путы грѣха, избавилъ всю вселенную отъ осужденія, исцѣлилъ рану, нанесенную нашей природѣ по опредѣленію Божію. Что я говорю? Чего не могли сдѣлать ни море разступившееся, ни камни раздавшіеся, ни воздухъ измѣнившійся, ни манна посылаемая въ теченіе сорока лѣтъ столь многимъ тысячамъ, ни законъ, ни другія знаменія, совершенныя какъ въ пустынѣ, такъ и въ Палестинѣ, то возмогъ сдѣлать крестъ, и не въ одной странѣ, но во всей вселенной; крестъ, этотъ знакъ нѣкогда проклятый, всѣми избѣгаемый, всѣмъ ненавистный, позорный, возмогъ по смерти Распятаго легко совершить все это. И не только эти, но и послѣдующія дѣйствія являютъ его силу. Прежде вселенная была безплодна въ отношеніи къ добродѣтели; земля была нисколько не лучше пустыни и не надѣялась произвести что-либо доброе; а крестъ вдругъ сдѣлалъ ее раемъ и матерію многочаднѣйшею. И объ этомъ пророкъ задолго предсказалъ такъ: *возвеселися неплоды нераждающая, возгласи и возопій нечревоболѣвшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущія мужа* (Иса. LIV, 1). Содѣлавъ ее

такою, Господь далъ ей и законъ превосходнѣйшій прежняго, о чемъ также не умолчали пророки; посмотри, что они предвозвѣстили: *завѣщаю имъ завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ ихъ въ день, въ оньже емшу Ми за руку ихъ, извести я отъ земли Египетскія, яко тіи не пребыша въ завѣтѣ Моемъ, и Азъ небрегохъ ихъ, глаголетъ Господь. Яко сей завѣтъ, егоже завѣщаю* имъ, *дая законы Моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я* (Iерем. XXXI, 31 — 33). Далѣе пророкъ изображаетъ быструю перемѣну ихъ и легкое принятіе ученія: *и не научитъ*, говоритъ онъ, *кійждо ближняго своего, и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа: яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (ст. 34). Что пришедшій Господь даруетъ всѣмъ прощеніе грѣховъ, и это также предсказалъ пророкъ въ словахъ: *милостивъ буду неправдамъ ихъ, и грѣховъ ихъ не помяну ктому* (ст. 34). Что можетъ быть яснѣе этого? Такими предсказаніями онъ возвѣстилъ призваніе язычниковъ, превосходство Новаго Завѣта предъ Ветхимъ, легкость обращенія и благодатные дары, получаемые вѣрующими чрезъ крещеніе.

11. Тотъ, кто совершилъ все это, нѣкогда придетъ Судіею; о чемъ также не умолчали пророки и предсказали, нѣкоторые созерцая Его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Онъ придетъ,
828 другіе возвѣщая это своими словами. Такъ Даніилъ, находясь среди вавилонскихъ варваровъ, видѣлъ Его грядущаго на облакахъ; выслушай самыя слова пророка: *видѣхъ*, говоритъ онъ, *и се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и предъ Него приведеся: и Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ* (Дан. VII, 14). А самый судъ Его пророкъ изображаетъ такъ: *зряхъ, дондеже престоли поставишася, и книги отверзошася: рѣка огненная течаше исходящи предъ Нимъ, тысяща тысящъ служаху Ему, и тмы темъ предстояху Ему* (ст. 9. 10). Кромѣ того пророкъ показываетъ, какой чести сподобятся праведники: *и судъ даде святымъ Вышняго, и царство пріяша святіи* (ст. 22). А пророкъ Малахія предсказываетъ, что этотъ судъ будетъ производимъ чрезъ огонь: *Той входитъ яко огнь горнила, и яко мыло перущихъ* (Мал. III, 2). Видишь ли, съ какою точностію пророки предвозвѣстили все будущее? Неужели же ты дерзнешь не вѣрить послѣ столь разительныхъ доказательствъ силы Христовой, послѣ пророчествъ, сказанныхъ за столь долгое время, и событій, совершившихся согласно съ предсказаніями, такъ что рѣшительно ничто не осталось не исполнившимся? А что все это не выдумано нами, о томъ свидѣтельствуютъ (священныя) книги и тѣ, которые прежде всѣхъ получили и донынѣ содержатъ и хра-

нять ихъ, враги наши и потомки распявшихъ Господа. Почему же, скажутъ, они не вѣруютъ, имѣя у себя эти книги? Потому же, почему они не вѣровали, видя чудеса Его. Но это вина не того, кому не вѣруютъ, а тѣхъ, которые среди дня ничего не видятъ. Такъ Богъ создалъ и видимый міръ, этотъ прекрасно настроенной органъ, повсюду провозглашающій и прославляющій Создателя; однако есть люди, изъ которыхъ одни считаютъ все образовавшимся само собою, другіе считаютъ все видимое существующимъ отъ вѣчности, иные приписываютъ сотвореніе и сохраненіе его демонамъ, или случаю и судьбѣ, естественному развитію, вліянію звѣздъ и т. п. Но въ этомъ не виновенъ Создатель, а достойны осужденія тѣ, которые при такихъ врачевствахъ страждутъ крайними болѣзнями. Душа благоразумная видитъ, что должно дѣлать, не имѣя нужды во многихъ пособіяхъ; а неразумная и безчувственная, хотя бы имѣла множество руководителей, предавшись страстямъ, остается слѣпою. Это можно видѣть вездѣ, не только въ настоящемъ дѣлѣ (вѣры), но и въ другихъ. Сколько, напримѣрѣ, такихъ людей, которые не слыхали о законахъ, и однако проводили жизнь сообразную съ ними? А другіе отъ перваго возраста до глубокой старости изучали законы, и однако непрестанно нарушали ихъ. Такъ бывало и въ древности. Іудеи, видѣвшіе множество знаменій и чудесъ, не сдѣлались лучшими. А Ниневитяне, услышавъ только воззваніе, перемѣнились и воздержались отъ пороковъ. Это можно видѣть не только на людяхъ высшихъ, но и на низшихъ. Какого ученія не удостоился Іуда? и однако сдѣлался предателемъ. Какое наставленіе слышалъ разбойникъ?—и однако на крестѣ исповѣдалъ Господа и провозвѣстилъ царство Его. Не суди же о предметахъ по мнѣніямъ развращенныхъ людей, но по истинному свойству предметовъ составляй надлежащее мнѣніе о людяхъ благонамѣренныхъ. Не увѣровали іудеи, увѣровали языч- 829
ники. И объ этомъ не умолчали пророки; такъ пророкъ Давидъ взываетъ: *сынове чуждіи солгаша ми, сынове чуждіи обетшаша, и охромоша отъ стезь своихъ* (Пс. XVII, 46); и Исаія говоритъ: *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся* (Иса. LIII, 1)? И еще: *явленъ быхъ не ищущимъ Мене, обрѣтохся не вопрошающимъ о Мнѣ* (Иса. LXV, 1). Такъ и при земной жизни Господа хананеянка и самарянка увѣровали въ Него, а священники и старѣйшины враждовали и строили козни противъ Него, побуждали къ тому и другихъ, и увѣровавшихъ въ Него изгоняли изъ синагоги. Итакъ не удивляйся этому. Подобныхъ примѣровъ исполнена наша жизнь какъ въ наше время, такъ и въ прежнія времена; впрочемъ и изъ іудеевъ, хотя не всѣ, но многіе и тогда и нынѣ увѣровали (во Христа); а что не всѣ, это не ново и не

странно; такова неблагодарность, такова безразсудность души, преданной страстямъ! Изложивъ пророчества о Христѣ, сказанныя пророками и предвозвѣщенныя за столько лѣтъ, теперь я представлю тѣ пророчества, которыя самъ Онъ, когда жилъ на землѣ и обращался съ людьми, изрекъ о будущихъ событіяхъ, чтобы ты и изъ нихъ позналъ силу Его. Господь, пришедши тогда на землю и устрояя спасеніе людей, какъ жившихъ въ прошедшія времена, такъ и имѣющихъ жить впослѣдствіи, устроялъ это спасеніе различнымъ образомъ. И смотри, какъ онъ поступаетъ. Онъ творитъ чудеса и предсказываетъ нѣкоторыя изъ будущихъ отдаленныхъ событій, увѣряя тогдашнихъ слушателей современными имъ событіями въ истинѣ будущихъ событій, а для будущихъ поколѣній дѣлая достовѣрными совершенныя Имъ въ то время чудеса посредствомъ исполненія Его предсказаній, и такимъ сугубымъ доказательствомъ внушая вѣру въ Свое царство.

12. Пророчества Іисуса Христа были двоякаго рода: одни изъ нихъ долженствовали исполниться въ настоящей жизни, а другія сбудутся при самой кончинѣ міра; они взаимно подкрѣпляютъ себя и съ великою силою доказываютъ истинность тѣхъ и другихъ. Неясныя слова я постараюсь объяснить примѣромъ. Двѣнадцать учениковъ были спутниками Господа; даже названіе церкви тогда еще не приходило никому на умъ, потому что синагога еще находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Когда почти вся вселенная предана была нечестію, чтò сказалъ и предвозвѣстилъ Господь? *На семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. xvi, 18). Разсматривай, какъ хочешь, это изреченіе, и увидишь истинность его въ полномъ блескѣ. Не то одно удивительно, что Онъ во всей вселенной устроилъ Свою церковь, но и то, что сдѣлалъ ее непреодолимою, и непреодолимою тогда, какъ она испытываетъ столько враждебныхъ нападеній. Слова: *врата адовы не одолѣютъ ей*, означаютъ опасности, низводящія во адъ. Видишь ли истину предсказанія? Видишь ли силу исполненія его? Видишь ли слова, блистательно оправданныя дѣлами, и непреодолимую силу, легко совершающую все? Кратко изреченіе: *созижду церковь Мою*, но не пробѣгай его безъ вниманія, а вникни въ него умомъ и представь, сколь великое дѣло — наполнить всю подсол-
830 нечную землю церквами, обратить столько племенъ, убѣдить народы, уничтожить отеческіе обычаи, исторгнуть укоренившуюся привычку, свергнуть владычество сладострастія и силу нечестія, какъ прахъ; жертвенники, капища, идоловъ и ихъ службы, безчинныя празднества и нечистыя жертвоприношенія развѣять какъ дымъ; и воздвигнуть олтари истинному Богу повсюду,—въ странѣ римской, въ Персіи, въ Скиѳіи, въ Мавританіи, въ Индіи; что я

говорю?—даже за предѣлами нашей вселенной; ибо и Британскіе острова, лежащіе за предѣлами моря, на самомъ океанѣ,—ощутили силу изреченія Господня; и тамъ воздвигуты церкви и олтари. Это изреченіе, сказанное тогда Господомъ, теперь насаждено во всѣхъ душахъ и находится во всѣхъ устахъ; вся, такъ сказать, земля, наполненная терніемъ, очистилась, сдѣлалась чистою нивою и приняла сѣмена благочестія. Великимъ, по-истинѣ великимъ дѣломъ, или, лучше сказать, доказательствомъ чрезвычайнаго величія и божественной силы было бы—безъ всякаго препятствія, во время мира, при содѣйствіи многихъ и безъ всякихъ враговъ, вдругъ отторгнуть вселенную отъ порочныхъ навыковъ, утвердившихся въ теченіе столь долгаго времени, и обратить къ другимъ, гораздо труднѣйшимъ. А здѣсь противниками были не только навыкъ, но и сладострастіе,—эти два тиранна. Надлежало отвергнуть то, что̀ съ давнихъ временъ было принято отъ отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ и древнѣйшихъ предковъ, отъ философовъ и риторовъ; это было весьма трудно;—и принять другіе новые обычаи, требующіе великихъ подвиговъ, что̀ было еще труднѣе. Христосъ изгонялъ роскошь, водворялъ постъ; изгонялъ любостяжаніе, водворялъ нестяжательность; изгонялъ невоздержаніе, водворялъ цѣломудріе; изгонялъ гнѣвъ, водворялъ кротость; изгонялъ зависть, водворялъ дружелюбіе; отводилъ отъ пути пространнаго и широкаго и приводилъ на путь тѣсный, скорбный и трудный, и приводилъ тѣхъ, которые привыкли къ пространному. Не другихъ какихъ нибудь людей взялъ Онъ внѣ вселенной безъ этихъ навыковъ, но тѣмъ самымъ, которые разтлѣлись въ этомъ мірѣ и сдѣлались негоднѣе грязи, повелѣлъ идти путемъ тѣснымъ и скорбнымъ, жесткимъ и суровымъ, и убѣдилъ ихъ. И сколь многихъ убѣдилъ? Не одного, не десять, не двадцать, не сто, но почти всѣхъ живущихъ подъ солнцемъ. И чрезъ кого убѣдилъ? Чрезъ одиннадцать человѣкъ неученыхъ, простыхъ, не знавшихъ языковъ, незнатныхъ, бѣдныхъ, не имѣвшихъ ни отечества, ни богатства, ни тѣлесной силы, ни славы, ни знаменитости предковъ, ни силы слова, ни искусства краснорѣчія, ни преимуществъ учености; но рыбарей, скинотворцевъ, говорившихъ на своемъ языкѣ не одинаковомъ съ языкомъ тѣхъ, кому проповѣдывали, но чуждомъ и отличномъ отъ всѣхъ прочихъ языковъ, т. е. еврейскомъ, и чрезъ нихъ Христосъ устроилъ Свою церковь, простертую отъ концовъ до концовъ вселенной!

13. И не только это удивительно, но и то, что эти люди, простые, бѣдные, немногочисленные, незнатные, неученые уничиженные, говорившіе на чуждомъ языкѣ и презираемые, избранные для исправленія всей вселенной и получившіе повелѣніе обращать

831 ее къ труднѣйшимъ дѣламъ, совершили это не во время мира, но при воздвигаемыхъ противъ нихъ отвсюду безчисленныхъ нападеніяхъ. Въ каждомъ народѣ и городѣ,—что я говорю: въ народѣ и городѣ?—въ каждомъ домѣ предстояла имъ борьба. Проповѣдуемое ими ученіе часто разлучало сына съ отцемъ, невѣстку съ свекровью, брата съ братомъ, раба съ господиномъ, подчиненнаго съ начальникомъ, мужа съ женою, жену съ мужемъ, отца съ дѣтьми; потому что не всѣ вдругъ принимали его; это подвергало ихъ ежедневной враждѣ, непрерывной борьбѣ, тысячи смертей, и располагало людей обращаться съ ними, какъ общими врагами и непріятелями. Всѣ гнали ихъ: цари, правители, простолюдины, свободные, рабы, народы и города; и не ихъ только, но и тѣхъ, которые приняли ихъ ученіе, но еще не были крѣпки въ вѣрѣ. Была общая война и противъ учениковъ и противъ учителей, такъ какъ это ученіе казалось противнымъ и царскимъ постановленіямъ, и привычкѣ, и отеческимъ обычаямъ. Они увѣщевали отвергнуть идоловъ, презрѣть жертвенники, которые чтимы были всѣми отцами и предками, отказаться отъ нечистыхъ вѣрованій, гнушаться празднествъ и отвращаться отъ обрядовъ, къ которымъ люди питали благоговѣніе и страхъ, и за которые они готовы были скорѣе отдать свою душу, нежели принять проповѣдуемое апостолами и вѣровать въ Рожденнаго отъ Маріи, осужденнаго игемономъ, поруганнаго, претерпѣвшаго безчисленныя страданія и поносную смерть, погребеннаго и воскресшаго. И то производило недовѣрчивость, что страданія Его были явны для всѣхъ, бичеванія, удары по ланитамъ, оплеванія по лицу, заушенія, распятіе на крестѣ, великое осмѣяніе, поруганіе отъ всѣхъ, погребеніе, дарованное въ видѣ милости; а обстоятельства воскресенія еще не были извѣстны, такъ какъ Онъ по воскресеніи Своемъ явился однимъ ученикамъ. И однако такою проповѣдію они убѣдили и устроили церковь. Какъ и какимъ образомъ? Силою Того, Кто имъ повелѣлъ это; Онъ самъ былъ ихъ руководителемъ; Самъ дѣлалъ все трудное легкимъ. Если бы божественная сила не содѣйствовала, то это дѣло не получило бы ни вступленія, ни начала. И какъ бы оно могло сдѣлаться? Но Тотъ, Кто изрекъ: да будетъ небо,—и совершилъ это на дѣлѣ; Кто сказалъ: да созиждется земля,—и даровалъ ей бытіе; Кто повелѣлъ: да возсіяетъ солнце, — и явилъ свѣтило; Кто сотворилъ все Своимъ словомъ, Тотъ насадилъ и эти церкви; и Его слово: *созижду церковь Мою*, совершило все это. Таковы слова Божіи; они совершаютъ дѣла, дивныя и чудныя. Нѣкогда Онъ сказалъ: *да прораститъ земля быліе травное* (Быт. I, 11),—и вдругъ все стало садомъ, все—лугами, и земля, внявъ повелѣнію, покрылась безчисленными растеніями. Такъ и нынѣ Онъ изрекъ: *созижду*

церковь Мою,—и это совершилось съ великою легкостію; и тогда какъ противъ нее вооружались властители, потрясали оружіемъ воины, свирѣпствовали сильнѣе огня цѣлые народы, противостояла привычка, возставали риторы, софисты, богатые, простые люди и начальники, слово Его, дѣйствуя сильнѣе огня, истребило тернія, очистило нивы, посѣяло евангельское ученіе. И между тѣмъ, какъ изъ увѣровавшихъ одни были заключаемы въ темницы, другіе отправляемы въ ссылку, иные лишаемы имущества, иные умерщвляемы и разсѣкаемы, сожигаемы, потопляемы и подвергаемы всякому роду мученій, поругаемы и изгоняемы отвсюду, какъ бы общіе враги, являлись новые исповѣдники въ большемъ числѣ, которые, смотря на страданія другихъ, не только не охладѣвали къ вѣрѣ, но еще охотнѣе и лучше стремились къ этой прекрасной ловитвѣ, и были уловляемы не принужденіемъ, не насиліемъ, но прибѣгая сами и изъявляя благодарность приведшимъ ихъ ко Христу; взирая на потоки крови вѣрующихъ, они становились болѣе пламенными къ вѣрѣ и болѣе смѣлыми; и тогда какъ не ученики только, но и учители, иные были заключаемы въ узы, другіе изгоняемы, иные бичуемы, и претерпѣвали другія безчисленныя мученія, число вѣрующихъ умножалось и ревность ихъ увеличивалась. Объ этомъ Павелъ говоритъ такъ: *и множайшіи братія о Господѣ, надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха Слово Божіе глаголати* (Филип. I, 14); и въ другомъ мѣстѣ: *вы бо подобницы бысте, братіе, церквамъ Божіимъ, сущимъ во Іудеи, зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ іудей, убившихъ и Господа, и намъ возбраняющихъ глаголати языкомъ, да спасутся* (1 Сол. II, 14. 15). 832
И еще въ посланіи къ другимъ онъ говоритъ: *воспоминайте первыя дни, въ нихже просвѣтившеся, многъ подвигъ подъясте страданій, вѣдяще имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ пребывающее* (Евр. x, 32. 34). Видишь ли превосходную силу Совершившаго все это? Мученики, подвергаясь страданіямъ, не только не малодушествовали, не только не скорбѣли, но радовались, торжествовали, ликовали. И объ этомъ Павелъ говоритъ, что они *разграбленіе имѣній съ радостію принимали* (Евр. x, 33); а объ учителяхъ Лука въ книгѣ Дѣяній повѣствуетъ, что они съ радостію возвратились изъ синедріона, удостоившись принять безчестіе за имя Христово (Дѣян. v, 41). И о самомъ себѣ также Павелъ говоритъ: *радуюся во страданіяхъ моихъ, яко исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Кол. I, 24). И что удивительнаго, если онъ среди страданій радовался, когда онъ, готовясь претерпѣть смерть, не только радовался, но и учениковъ своихъ призывалъ къ участію въ своей радости, что̀ свойственно чрезвычайно

радующейся душѣ. *Радуюся*, говоритъ онъ, *и сорадуюся всѣмъ вамъ: такожде и вы радуйтеся и сорадуйтеся мнѣ* (Фил. II, 17. 18). Что сдѣлалось, скажи мнѣ, что ты исполнился такой радости? *Азъ бо*, говоритъ онъ, *уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста* (2 Тим. IV, 6).

14. Такимъ образомъ они повсюду устроили церковь. Никто не могъ бы построить даже одну стѣну изъ камня и извести, подвергаясь гоненію и встрѣчая препятствія; а они устроили столько церквей по всей вселенной, подвергаясь ранамъ, узамъ, гоненіямъ, ссылкамъ, отнятію имѣній, бичеваніямъ, задушенію, сожженію, потопленію вмѣстѣ съ учениками, и устроили не изъ камней, но изъ душъ и волей человѣческихъ, что гораздо труднѣе построенія изъ камней. Не все равно, построитъ ли стѣну, или душу, столько времени бывшую во власти демоновъ, расположить къ покаянію и отъ безумнаго неистовства обратить къ цѣломудрію. Однако это были въ состояніи сдѣлать апостолы, бѣдные и не имѣвшіе обуви,
833 въ одной одеждѣ обходя всю вселенную; потому что они имѣли поборникомъ и помощникомъ своимъ непреоборимую силу изрекшаго: *на семъ камени созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей*. Исчисли, сколько властителей возставали противъ нея, сколько они воздвигали тягчайшихъ гоненій на нее, въ какомъ положеніи она находилась во все предшествовавшее время, когда вѣра была еще только насаждаема, когда умы людей были еще не тверды въ ней.

15. Царями были язычники, Августъ, Тиверій, Гаій, Неронъ, Веспасіанъ, Титъ и всѣ послѣдующіе до временъ блаженнаго царя Константина; и всѣ они гнали церковь, одни съ меньшею, а другіе съ большею жестокостію, но всѣ гнали ее. Хотя нѣкоторые изъ нихъ, повидимому, и оставляли ее въ покоѣ, но то самое, что цари явно были преданы нечестію, служило поводомъ къ гоненіямъ, такъ какъ другіе изъ лести угождали имъ гоненіемъ на церковь. Но всѣ такія козни и нападенія расторгались легче паутины, разсѣевались скорѣе дыма, развѣвались быстрѣе праха. Самыми этими козням они произвели великій сонмъ мучениковъ и оставили церкви безсмертныя сокровища, башни и столпы, которые не только при жизни, но и по смерти своей содѣлались для послѣдующихъ христіанъ источникомъ великаго благополучія. Видишь ли силу предсказанія: *и врата адова не одолѣютъ ей?* Послѣ этого вѣруй, что и въ будущемъ никто изъ нихъ не одолѣетъ ея. Если тогда, когда она состояла изъ немногихъ, когда казалась нововведеніемъ, когда ученіе только что было преподано, когда было столько препятствій и столько враждебныхъ нападеній со всѣхъ сторонъ, враги не могли преодолѣть и не преодолѣли ея, то тѣмъ болѣе

по распространенiи ея на всей вселенной и на всякомъ мѣстѣ, по горамъ и пещерамъ и холмамъ. Дѣйствительно она объяла и море и всѣ племена, находящiяся подъ солнцемъ, и уже у немногихъ господствуетъ нечестiе, по уничтоженiи жертвенниковъ, капищъ, идоловъ и всего, празднествъ, обрядовъ, дыма и смрада и нечестивыхъ сборищъ. Какъ же такое великое дѣло при такихъ препятствiяхъ получило столь блистательный конецъ и успѣхъ, свидѣтельствующiй объ его истинѣ, если не нѣкоторою божественною и непобѣдимою силою предсказавшаго и совершившаго это? Никто не станетъ противорѣчить этому, кромѣ развѣ кого-нибудь изъ крайне безумныхъ и сумасшедшихъ, лишившихся естественнаго смысла. И не только тѣ, но и другiя предсказанiя свидѣтельствуютъ о непобѣдимой силѣ Его. Такъ Онъ предсказывалъ о будущемъ со всею истиною и приводилъ (Свои предсказанiя) въ исполненiе; и ничто изъ сказаннаго Имъ не можетъ остаться тщетнымъ, но скорѣе погибнутъ земля и небо, нежели что нибудь изъ словъ и предсказанiй Его окажется изреченнымъ ложно. Посему и самъ Онъ, указывая на это прежде исполненiя событiй, ясно сказалъ о Своихъ изреченiяхъ такъ: *небо и земля мимоидетъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Матѳ. XXIV, 35); и весьма понятно; потому что они не простыя слова, но слова Божiи, которыми созидаются дѣла; такъ Богъ сотворилъ небо, такъ землю, такъ море, такъ солнце, такъ сонмы ангеловъ, такъ прочiя невидимыя силы. Объясняя это и пророкъ сказалъ: *той рече, и быша: той повелѣ, и создашася* (Пс. CXLVIII, 5), разумѣя всю тварь, высшую и низшую, чувственную и духовную, тѣлесную и безтѣ- 834
лесную. Такъ и предсказанiе о церкви, какъ я выше сказалъ, доказываетъ величiе, силу и превосходство Его истинности, промышленiя, благости и попечительности.

16. Теперь мы разсмотримъ другое предсказанiе Его, блистающее яснѣе солнца и свѣтлѣйшее солнечныхъ лучей, находящееся предъ взорами всѣхъ и простирающееся на всѣ послѣдующiя поколѣнiя, подобно предыдущему. Таковы большею частiю предсказанiя Его. Они не ограничиваются краткимъ временемъ и не исполняются при одномъ поколѣнiи, но всѣмъ людямъ, настоящимъ, будущимъ и слѣдующимъ за ними, и далѣе за этими и до скончанiя вѣка имѣющимъ быть, всѣмъ даютъ понять силу своей истинности, подобно предыдущему. По этому предсказанiю церковь съ того дня, какъ оно было изречено, до скончанiя вѣка пребудетъ твердою и непоколебимою, цвѣтущею и блистающею, съ каждымъ днемъ преуспѣвая, возрастая, укрѣпляясь и сообщая всѣмъ людямъ, имѣющимъ быть съ того времени до (втораго) пришествiя Христова, величайшiя блага и неизреченную пользу. Какъ бывшiе

прежде насъ, такъ и бывшіе прежде этихъ и еще прежде тѣхъ бывшіе познали силу его, видя нападенія, воздвигавшіяся противъ церкви, опасности и козни, смятенія, волненія и бури, а ее видя непотопляемою, непреодолѣваемою, непобѣждаемою, неистребляемою, но цвѣтущею, преуспѣвающею и возрастающею больше и больше. И то предсказаніе, о которомъ я намѣреваюсь теперь сказать, таково же для доказательства Его силы и истинности изреченнаго Имъ. Какое же это предсказаніе? Христосъ вошелъ нѣкогда въ храмъ іудейскій, который находился тогда въ цвѣтущемъ состояніи, блестѣлъ вездѣ множествомъ золота, красотою и великолѣпіемъ зданій, и содержалъ всѣ другія драгоцѣнности искуственныя и вещественныя, и, тогда какъ ученики Его удивлялись, что Онъ говоритъ имъ? *Не видите ли вся сія; аминь глаголю вамъ, не имать остати здѣ камень на камени* (Матѳ. XXIV, 2), разумѣя будущее его разрушеніе, истребленіе, запустѣніе, нынѣшнія развалины въ Іерусалимѣ; и подлинно всѣ эти блистательныя и знаменитыя зданія обратились въ развалины. Видишь ли великую и неизреченную силу Его въ томъ и другомъ,—въ томъ, что почитающихъ Его Онъ устроилъ и размножилъ, и въ томъ, что враждовавшихъ противъ Него смирилъ, сокрушилъ и искоренилъ? Нигдѣ не было такого храма, столь славнаго и пользовавшагося такимъ почитаніемъ. Іудеи, жившіе повсюду до самыхъ предѣловъ земли, издревле приходили туда, принося дары, жертвы, милостыни начатки и много другого, и украшая храмъ богатствомъ вселенной; и всѣ іудейскіе прозелиты (изъ язычниковъ) отовсюду стекались туда, и велика была слава этого мѣста, достигавшая до самыхъ послѣднихъ предѣловъ вселенной. Но одно слово Христово уничтожило и истребило все это и разсѣяло, какъ прахъ; и туда, куда прежде не всѣмъ іудеямъ, даже не всѣмъ священникамъ, а только одному первосвященнику дозволялось входить, и притомъ только однажды въ годъ въ его облаченіи, вѣнцахъ и митрѣ и прочей священной одеждѣ, теперь можно входить и блудникамъ распутнымъ и прелюбодѣямъ развратнымъ безъ всякаго препятствія; потому что слово (Христово), обращенное къ нему, разрушило и уничтожило все; и отъ этого храма остается столько, сколько нужно для указанія, гдѣ онъ находился въ древности. Представь же, какова сила, совершившая это дѣло. Тѣ, которые имѣли такое могущество, преодолѣвали народы и царей, мно-
835 гократно одерживали побѣды на войнахъ безъ пролитія своей крови и воздвигли множество необыкновенныхъ и дивныхъ трофеевъ, не могли построить одного храма съ того времени до нынѣ, и притомъ тогда, какъ было столько царей, содѣйствовавшихъ имъ, и такое множество ихъ самихъ, разсѣянныхъ по вселенной и имѣв-

шихъ у себя такія богатства. Видишь ли, какъ того, что̀ Онъ устроилъ, никто не разрушилъ, а что̀ Онъ разрушилъ, того никто не построилъ? Онъ устроилъ церковь, и никто не можетъ разрушить ея; Онъ разрушилъ храмъ, и никто не можетъ возстановить его, и притомъ въ такое продолжительное время; между тѣмъ и церковь пытались разрушить, но не могли, и храмъ старались возстановить, но не могли. Это было дозволено, чтобы никто не могъ говорить, что, если бы они попытались, то могли бы (возстановить храмъ). Вотъ они и пытались, но не могли ничего сдѣлать. При нашемъ поколѣніи превзошедшій всѣхъ нечестіемъ царь (Юліанъ) далъ имъ тогда позволеніе и содѣйствовалъ имъ, и они приступили къ дѣлу, но не могли имѣть никакого успѣха, такъ какъ вырвавшійся изъ основанія огонь разогналъ ихъ. А что они желали построить, доказательствомъ этого донынѣ служитъ обнаженное основаніе (храма), чтобы ты видѣлъ, что они пытались раскапывать землю, но построить не могли, такъ какъ имъ противодѣйствовало упомянутое изреченіе (Христово). Этотъ храмъ и прежде былъ разрушенъ, но по возвращеніи (іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго) чрезъ семьдесятъ лѣтъ онъ тотчасъ былъ возстановленъ, о чемъ говорили и предсказывали пророки прежде событія. А теперь прошло уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ, и нѣтъ ни мысли, ни вѣроятности, ни надежды на то, что онъ опять явится. Что же препятствовало если не божественная сила, противящаяся этому? Развѣ нѣтъ у нихъ великаго обилія богатства? Развѣ патріархъ ихъ, отвсюду со всѣхъ собирая доходы, не владѣетъ несчетными сокровищами? Развѣ этотъ народъ не смѣлъ, не безстыденъ, не настойчивъ, не дерзокъ, не воинственъ? Развѣ не много ихъ въ Палестинѣ? Развѣ не много—въ Финикіи? Развѣ не много—вездѣ? Какъ же они не могли возстановить одного храма, и притомъ видя, что отъ этого ихъ богослуженіе повсюду задерживается, и обычаи іудейскіе нарушаются, и жертвы и приношенія и прочія подобныя постановленія закона отмѣняются и прекращаются? Ибо ни поставить жертвенника, ни принести жертвы, ни сдѣлать возліянія, ни возложить овцы и ѳиміама, ни читать закона, ни совершить праздника, и ничего другого подобнаго имъ не было дозволено внѣ преддверій того храма.

17. Находясь нѣкогда въ Вавилонѣ и бывъ принуждаемы врагами пѣть, они не соглашались и не повиновались, хотя были плѣнниками и рабами угнетавшихъ ихъ господъ; но и не имѣя отечества и свободы, и подвергаясь опасенію за свою жизнь, и находясь въ рукахъ плѣнившихъ, какъ въ сѣти, когда имъ приказывали пѣть пѣсни на инструментахъ, они говорили такъ: *на рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, яко вопросиша* 835

ны плѣншіи насъ о словесѣхъ пѣсней; како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей (Пс. cxxxvi, 1—4)? И никто не можетъ сказать, что они поступали такъ по неимѣнію инструментовъ; они сами привели причину этого въ словахъ: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей?* А инструменты были съ ними; *на вербіихъ*, говорятъ они, *посреди его обѣсихомъ органы наша* (ст. 2). Тамъ непозволительно было имъ и поститься. Указывая на это, пророкъ говорилъ имъ: *семьдесятъ лѣтъ постомъ ли постистеся Ми, глаголетъ Господь* (Зах. vii, 5)? А что имъ не позволительно было дѣлать ни куреній, ни возліяній, о томъ послушай трехъ отроковъ, которые говорятъ: *нѣсть князя, и пророка, и вожда, ни мѣста, еже пожрети предъ Тобою и обрѣсти милость* (Дан. iii, 38). Они не сказали, что нѣтъ священника; потому что священники были; но чтобы ты зналъ, что все зависѣло отъ мѣста и все законодательство прикрѣплено было къ нему, они и сказали: *нѣсть мѣста.* Но что я говорю: дѣлать куренія и возліянія? Даже просто читать законъ тамъ непозволительно было имъ; и за это нѣкогда укоряя ихъ, другой пророкъ говорилъ: *и прочтоша извнѣ законъ, и призваша исповѣданіе* (Амос. iv, 5); ни совершать пасхи, ни пятьдесятницы, ни праздника кущей, и ничего другого подобнаго. И однако зная, что запустѣніе мѣста сдѣлало для нихъ непозволительнымъ все это, и что, если они станутъ покушаться на что-нибудь подобное, то станутъ покушаться противозаконно и будутъ наказаны за это, они не могли воздвигнуть и возстановить того мѣста, въ которомъ позволено было совершать все это по закону. Такъ сила Христова, создавшая церковь, разрушила это мѣсто. И пророкъ предсказалъ о томъ, что придетъ Христосъ и совершитъ это, хотя самъ жилъ уже послѣ плѣна. Послушай, что говоритъ онъ: *и въ васъ затворятся двери, и не возжжете огня олтареви моему туне: нѣсть воля моя въ васъ; зане отъ востокъ солнца и до западъ имя мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится имени моему и жертва чиста* (Мал. i, 10. 11). Видишь ли, какъ онъ ясно и отвергъ іудейство и представилъ христіанство блистающимъ и распространившимся по всей землѣ? Свойство же этого богослуженія другой пророкъ изображаетъ такъ: *и поклонятся ему кійждо отъ мѣста своего, работати ему подъ игомъ единѣмъ* (Соф. ii, 11. iii, 10); и еще иной: *дѣвица Исраилева повержена, нѣсть возставляющаго ю* (Амос. v, 2). И Даніилъ ясно говоритъ, что все прекратится, и жертва и возліяніе, и помазаніе и судъ (Дан. ix, 27). Впрочемъ это яснѣе и пространнѣе я раскрою тогда, когда буду говорить къ іудеямъ; а пока буду держаться предположеннаго пути, въ опроверженіе умствованій безразсудныхъ язычниковъ. Я не говорилъ тебѣ ни о

воскрешеніи мертвыхъ, ни объ очищеніи прокаженныхъ, чтобы ты не сказалъ: это—ложь, выдумка, басня, кто это видѣлъ, кто слышалъ? Тѣ, которые сказали, что Христосъ былъ распятъ и принималъ удары по ланитамъ, тѣ самые сказали и объ этомъ. Почему же ты, считая ихъ достовѣрными въ послѣднемъ, возстаешь противъ сказаннаго ими о первомъ, какъ бы несбыточномъ? Если 837
бы они для прославленія своего учителя писали по суетному тщеславію, то они умолчали бы о событіяхъ прискорбныхъ и кажущихся для многихъ позорными, а между тѣмъ они въ доказательство своей истинности въ особенности останавливались на этихъ послѣднихъ и разсказали все съ точностію и большою подробностію, не опуская ни малаго ни великаго; о знаменіяхъ и чудесахъ они очень многое умолчали, а о страданіяхъ и событіяхъ, кажущихся позорными, на которыхъ останавливались, всѣ сказали все съ точностію. Я же не сказавъ тебѣ ничего объ этомъ, т. е. о чудесахъ и знаменіяхъ, дабы сильнѣе удержать всякій безстыдный языкъ, представилъ то, что̀ теперь явствуетъ, теперь находится предъ глазами, что̀ яснѣе солнца, распространено по всей землѣ и объемлетъ всю вселенную, что̀ совершилось превыше человѣческой природы и было только дѣломъ Божіимъ. Ты говоришь, что Онъ не воскрешалъ мертвыхъ? Но ты не можешь сказать, что нѣтъ церквей во вселенной, что онѣ не подвергались гоненіямъ и что онѣ не преодолѣваютъ и не побѣждаютъ. Сказать это такъ же не возможно, какъ сказать, что нѣтъ солнца. А разрушеніе іудейскаго храма развѣ ты не видишь совершившимся предъ гла- 838
зами всей вселенной? Почему ты не разсуждаешь самъ съ собою такъ: если дѣйствовалъ не Богъ и Богъ крѣпкій, то отчего почитающіе Его такъ умножились даже при гоненіяхъ, а распявшіе Его и нападавшіе такъ унижены, что и лишились всего государства и странствуютъ скитальцами, изгнанниками и бѣглецами, и столь долгое время не измѣнило того и другого? Противъ римской власти іудеи предпринимали войны, поднимали оружіе, продолжали ополчаться много времени, иногда и одерживали побѣды и причиняли не мало безпокойствъ тогдашнимъ императорамъ, и однако эти самые іудеи, воевавшіе и ополчавшіеся противъ такихъ царей, имѣвшіе такое множество и денегъ и оружія и воиновъ и отражавшіе многихъ полководцевъ, не могли возстановить одного храма; синагоги они построили во многихъ городахъ, а того мѣста, которое давало силу собственному ихъ государству, гдѣ они привыкли совершать все и чѣмъ держалось іудейство, того одного мѣста возстановить не могли.

ПРОТИВЪ ІУДЕЕВЪ

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Восемь «словъ противъ іудеевъ» произнесены были св. Іоанномъ Златоустымъ въ Антіохіи въ два пріема: первыя три—осенью 386, а послѣднія пять—осенью же 387 года. Поводомъ къ ихъ произнесенію послужило то печальное обстоятельство, что многіе христіане—или по старой привычкѣ, или по неразумію и увлеченію—принимали участіе въ совершавшихся мѣстными іудеями праздникахъ и постахъ и посѣщали синагоги. Противъ этого неразумія и направлены слова Златоуста, который выясняетъ въ нихъ, что іудейство уже потеряло свое значеніе и потому соблюденіе его обрядовъ противно волѣ Божіей. Первое слово было произнесено вскорѣ послѣ перваго же слова противъ аномеевъ, напечатаннаго выше на стр. 483. На него именно и дѣлается указаніе въ начальныхъ строкахъ перваго слова.

СЕГОДНЯ хотѣлъ я сообщить вамъ остальное изъ того пред- 843
мета, о которомъ недавно бесѣдовалъ съ вами, и показать яснѣе, сколь непостижимъ Богъ. Объ этомъ мы много и долго говорили въ прошедшее воскресенье, когда приводили свидѣтельства и изъ Исаіи, и изъ Давида, и изъ Павла. Первый взывалъ: *родъ же Его кто исповѣстъ* (Иса. LIII, 8)? Второй благодарилъ Бога за Его непостижимость, говоря: *исповѣмся Тебѣ, яко страшно удивился еси: чудна дѣла Твоя* (Пс. CXXXVIII, 14); и еще: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему* (ст. 6). А Павелъ, не углубляясь въ изслѣдованіе самой сущности (Бога), а вникнувъ только въ Его промышленіе, или лучше—обнявъ малую только часть этого промышленія, открывшуюся въ призваніи язычниковъ, и какъ бы увидѣвъ обширное и необъятное море, воскликнулъ: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. XI, 33). Конечно, достаточно бы и этихъ свидѣтельствъ для доказательства; но я не удовольствовался пророками, не остановился и на апостолахъ, но взошелъ на небо, показалъ вамъ хоръ ангеловъ, говорящій: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Вы

слышали также серафимовъ, со страхомъ и трепетомъ взывающихъ: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы Его* (Иса. VI, 3). Присовокупилъ я и херувимовъ, вопіющихъ: *благословенна слава Господня отъ мѣста Его* (Іез. III, 12).
844 Три свидѣтеля на землѣ *), и три на небѣ **), показываютъ неприступность славы Божіей. Доказательство наконецъ стало несомнѣннымъ; много было рукоплесканій, народъ былъ воодушевленъ, собраніе воспламенялось. А я радовался не тому, что меня хвалили, но тому, что славили моего Владыку; ибо эти рукоплесканія и похвалы доказывали любовь души вашей къ Богу. Какъ любящіе слуги, услышавъ, что кто нибудь хвалитъ ихъ господина, воспламеняются любовію къ хвалящему, потому что любятъ господина; такъ поступили и вы тогда: громкими рукоплесканіями вы показали великую любовь къ Господу. Хотѣлъ бы я и сегодня заняться тѣми же преніями: если уже враги истины не могутъ насытиться хулами на Благодѣтеля, тѣмъ болѣе мы должны быть ненасытны въ прославленіи Бога всяческихъ. Но что мнѣ дѣлать? Другая, еще болѣе тяжкая, болѣзнь вызываетъ языкъ нашъ къ ея врачеванію,—болѣзнь, поразившая тѣло церкви. Ее-то и должно прежде всего искоренить, а потомъ ужъ позаботиться и о внѣшнихъ; должно прежде излѣчить своихъ, а потомъ заняться и чужими. Какая же это болѣзнь? У жалкихъ и несчастныхъ іудеевъ наступаетъ непрерывный рядъ праздниковъ: трубы, кущи, посты; а многіе изъ тѣхъ, которые считаются нашими и говорятъ о себѣ, будто вѣруютъ по нашему, одни ходятъ смотрѣть на эти праздники, а другіе даже участвуютъ въ праздникахъ и постахъ (іудейскихъ). Этотъ-то злой обычай я и хочу теперь изгнать изъ церкви.
845 Противъ аномеевъ можно поговорить и въ другое время, и отъ замедленія въ этомъ не будетъ никакого вреда: но, если зараженныхъ іудействомъ не уврачуемъ теперь, когда праздники іудеевъ близко и у дверей, то боюсь, чтобы нѣкоторые (изъ христіанъ), по неудержимой привычкѣ и великому невѣжеству, не приняли участія въ этомъ нечестіи; тогда напрасны уже были бы и наши слова объ этомъ. Ибо, если они, ничего не услышавъ отъ насъ сегодня, будутъ поститься съ іудеями; то послѣ того, какъ грѣхъ уже будетъ сдѣланъ, напрасно станемъ мы прилагать и врачевство. Поэтому-то я и спѣшу предупредить (зло). Такъ поступаютъ и врачи: они прежде всего употребляютъ средства противъ сильныхъ и самыхъ острыхъ болѣзней. Притомъ же, настоящее слово (противъ іудеевъ) сродно съ прежнимъ (противъ аномеевъ): какъ

*) т. е. Исаія, Давидъ и Павелъ.
**) Ангелы, серафимы и херувимы.

сродно нечестіе аномеевъ и іудеевъ, такъ и настоящія состязанія наши сродны съ прежними. Аномеи ставятъ въ вину (I. Христу) то же самое, за что обвинили Его іудеи. За что же обвинили они? За то, что (Іисусъ Христосъ) называлъ Бога Своимъ Отцемъ, дѣлая Себя равнымъ Богу (Іоан. v, 18). За это же обвиняютъ Его и аномеи, или вѣрнѣе сказать, не обвиняютъ, но даже совсѣмъ изглаждаютъ самыя слова (I. Христа, Іоан. v, 17) и смыслъ ихъ, если не руками, такъ мыслію.

2. Не удивляйтесь, что іудеевъ я назвалъ жалкими. Истинно жалки и несчастны они, намѣренно отринувшіе и бросившіе столько благъ, съ неба пришедшихъ въ ихъ руки. Возсіяло имъ утреннее Солнце правды: они отвергли свѣтъ Его, и сидятъ во тьмѣ, а мы, жившіе во тьмѣ, привлекли къ себѣ свѣтъ и избавились отъ мрака заблужденія. Они были вѣтвями святаго корня, но отломились: мы не принадлежали къ корню, и принесли плодъ благочестія. Они съ малолѣтства читали пророковъ, и распяли Того, о Комъ возвѣщали пророки: мы не слышали божественныхъ глаголовъ, и Тому, о Комъ предсказано въ нихъ, воздали поклоненіе. Вотъ почему жалки они; ибо тогда какъ другіе восхищали и усвояли себѣ блага, имъ (іудеямъ) ниспосланныя, сами они отвергли ихъ. Они, призванные къ усыновленію, ниспали до сродства съ псами, а мы, будучи раньше псами, возмогли, по благодати Божіей, отложить прежнюю неразумность и возвыситься до почести сыновъ (Божіихъ). Изъ чего это видно? *Нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (Матѳ. xv, 26); такъ сказалъ Христосъ хананейской женѣ, называя чадами іудеевъ, а псами язычниковъ. Но смотри, какъ послѣ измѣнился порядокъ: тѣ (іудеи) сдѣлались псами, а мы чадами. *Блюдитеся отъ псовъ,* говоритъ объ нихъ Павелъ, *блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей, блюдитеся отъ сѣченія. Мы бо есмы обрѣзаніе* (Фил. III, 2. 3). Видишь, какъ бывшіе прежде чадами сдѣлались псами? Хочешь узнать, какъ и мы, бывшіе прежде псами, сдѣлались чадами? *Елицы же пріяша Его,* говоритъ евангелистъ, *даде имъ область чадомъ Божіимъ быти* (Іоан. I, 12). Нѣтъ ничего жалче іудеевъ: они всегда идутъ противъ собственнаго спасенія. Когда надлежало соблюдать законъ, они попрали его; а теперь, когда законъ пересталъ дѣйствовать, они упорствуютъ въ томъ, чтобы соблюдать его. Что̀ можетъ быть жалче тѣхъ людей, которые раздражаютъ Бога, не только преступленіемъ закона, но и соблюденіемъ его? Поэтому, говоритъ (св. Стефанъ), *жестоковыйніи, и необрѣзанніи сердцы и ушесы, вы присно Духу Святому противитеся* (Дѣян. VII, 51), 846
не только нарушеніемъ закона, но и неблаговременнымъ желаніемъ соблюдать его. И справедливо онъ назвалъ ихъ жестоковый-

ными, потому что они не понесли ига Христова, хотя оно было благо и не заключало въ себѣ ничего тяжкаго и изнурительнаго. *Научитеся*, говоритъ (Іисусъ Христосъ), *отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*; и еще: *возмите иго Мое на себе: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Матѳ. xi, 29. 30). Однако же они не понесли (этого ига) по своей жестоковыйности; и не только не понесли, но сокрушили и расторгли его. *Понеже отъ вѣка*, сказано, *сокрушилъ еси иго твое, разтерзалъ еси узы твоя* (Іер. ii, 20; сн. v, 5 и Псал. ii, 3). Не Павелъ говоритъ это, но пророкъ вопіетъ, разумѣя подъ игомъ и узами символы власти (Христовой); ибо (іудеи) отвергли владычество Христа, когда говорили: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. xix, 15). Ты (іудей) сокрушилъ иго, разорвалъ узы, отторгся отъ царства небеснаго и подчинился человѣческимъ властямъ! А ты (слушатель) смотри, какъ точно пророкъ обозначилъ необузданность іудеевъ; онъ не сказалъ: ты отвергъ иго, но—сокрушилъ иго, а это порокъ животныхъ рьяныхъ, необузданныхъ, не терпящихъ власти. Но отъ чего произошла эта жестоковыйность? Отъ пресыщенія и пьянства. Кто говоритъ объ этомъ? Самъ Моусей: *яде Іаковъ, и насытися, и отвержеся возлюбленный* (Втор. xxxii, 15). Какъ животныя, когда пользуются обильнымъ кормомъ, разжирѣвъ, дѣлаются буйными и неукротимыми, не допускаютъ къ себѣ ни ярма, ни узды, ни руки возничаго; такъ и іудейскій народъ, отъ опьяненія и пресыщенія низвергшись въ крайнее нечестіе, заскакалъ, не взялъ на себя ига Христова, и не повлекъ плуга (евангельскаго) ученія. На это указывая, и другой пророкъ говорилъ: *якоже юница стрѣкаломъ стрѣчема, разсвирѣпѣ Израиль* (Ос. iv, 16); а другой называетъ народъ іудейскій *телцемъ ненаученнымъ* (Іер. xxxi, 18). А такія животныя, будучи негодны для работы, годны бываютъ для закланія. Это случилось и съ іудеями: сдѣлавъ себя негодными для работы, они стали годными только для закланія. Поэтому и Христосъ сказалъ: *враги Моя оны, иже не восхотѣша Мя, да царь былъ быхъ надъ ними, приведите сѣмо, и изсѣцыте предо Мною* (Лук. xix, 27). Поститься тебѣ, іудей, надлежало тогда, когда пьянство причиняло тебѣ столько бѣдствій, когда пресыщеніе порождало нечестіе,—тогда, а не теперь, потому что теперь постъ неумѣстенъ и мерзокъ. Кто говоритъ это? Самъ Исаія, громко взывающій: *не сицеваго поста Азъ избрахъ* (Иса. lviii, 5). Почему? Потому что *въ судѣхъ и сварѣхъ поститеся, и біете пястми смиреннаго* (ст. 4). Если же твой постъ былъ мерзокъ, когда ты билъ подобныхъ тебѣ рабовъ; то пріятенъ ли онъ будетъ тогда, какъ ты убилъ Владыку? Какъ же такъ? Постящемуся должно быть кроткимъ, сокрушеннымъ, смиреннымъ, и не опьянять себя гнѣ-

вомъ: а ты бьешь подобныхъ себѣ рабовъ? Тогда іудеи постились *въ судѣхъ и сварѣхъ*, а теперь (постятся) въ неумѣренности и крайней невоздержности, пляша босыми ногами на площади; по намѣренію они постящіеся, а по виду пьянствующіе! Послушай, какъ пророкъ повелѣваетъ поститься: *освятите*, говоритъ, *постъ;* не сказалъ: шумно празднуйте постъ; *проповѣдите цѣльбу, соберите старѣйшины* (Іоил. I, 14). А они, собравъ толпы изнѣженныхъ людей и скопище распутныхъ женщинъ, весь этотъ театръ 847
и актеровъ увлекаютъ въ синагогу; ибо между театромъ и синагогою нѣтъ никакого различія.

3. Знаю, что нѣкоторые сочтутъ меня дерзкимъ за то, что я сказалъ: нѣтъ никакого различія между театромъ и синагогою; а я считаю ихъ дерзкими, если они думаютъ иначе. Если я рѣшаю такъ самъ собою, вини меня; но, если говорю слова пророка, прими рѣшеніе. Знаю, что многіе уважаютъ іудеевъ, и нынѣшніе обряды ихъ считаютъ священными: потому спѣшу исторгнуть съ корнемъ это гибельное мнѣніе. Я сказалъ, что синагога нисколько не лучше театра, и приведу на это свидѣтельство изъ пророка; іудеи, конечно, не больше пророковъ заслуживаютъ вѣроятія. Такъ, что же говоритъ пророкъ? *Лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдѣтися ко всѣмъ* (Іер. II, 3). А гдѣ блудница предается блудодѣянію, то мѣсто и есть непотребный домъ. А лучше сказать, синагога есть не только непотребный домъ и театръ, но и вертепъ разбойниковъ и логовище звѣрей: *не вертепъ ли генинъ* (гіены), говорится, *достояніе мое мнѣ* (Іер. XII, 8 и VII, 11),—вертепъ не просто звѣря, но звѣря нечистаго. И еще: *оставихъ домъ Мой, оставихъ достояніе Мое* (XII, 7); а когда Богъ оставитъ, то какая уже надежда на спасеніе? Когда оставитъ Богъ, тогда мѣсто то дѣлается жилищемъ демоновъ. Конечно (іудеи) скажутъ, что и они покланяются Богу. Но этого сказать нельзя; никто изъ іудеевъ не покланяется Богу. Кто говоритъ это? Сынъ Божій. *Аще Отца Моего бысте вѣдали*, говоритъ Онъ, *и Мене вѣдали бысте: ни Мене вѣсте, ни Отца Моего* (Іоан. VIII, 19). Какое еще можно привести мнѣ свидѣтельство достовѣрнѣе этого? Итакъ, если они не знаютъ Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа; то кто не можетъ смѣло сказать, что мѣсто то (синагога) есть жилище демоновъ? Тамъ не покланяются Богу, нѣтъ; тамъ мѣсто идолослуженія. А между тѣмъ нѣкоторые (изъ христіанъ) обращаются къ этимъ мѣстамъ, какъ къ священнымъ; и это говорю не по догадкамъ, но по указанію самаго опыта. Ибо за три дня предъ этимъ—повѣрьте, не лгу,—я видѣлъ, что какой-то негодяй и безумецъ, выдающій себя за христіанина (не могу назвать истиннымъ христіаниномъ отважившагося на та-

кой поступокъ) принуждалъ одну почтенную, благородную, скромную и вѣрную женщину войти въ синагогу еврейскую, и тамъ поклясться по спорному между нимъ и ею дѣлу. Такъ какъ эта женщина взывала о помощи и просила остановить такое беззаконное насиліе, говоря, что ей, причастницѣ божественныхъ таинъ, не подобаетъ идти въ такое мѣсто; то я, возгорѣвъ и воспламенясь ревностію, всталъ и не дозволилъ влечь ее на такое преступное дѣло, но освободилъ отъ этого нечестиваго принужденія. Потомъ я спросилъ влекшаго, христіанинъ ли онъ? И когда онъ призналъ себя такимъ, я строго выговаривалъ ему, порицая его за безчувственность и крайнее безсмысліе, и говорилъ, что онъ ничѣмъ не лучше осла, если, говоря о себѣ, что покланяется Христу, въ то же время влечетъ кого-нибудь въ вертепы іудеевъ, распявшихъ Его. И долго говорилъ я ему, во-первыхъ, на основаніи Божественныхъ евангелій, что вовсе не должно ни самому клясться, ни другого принуждать къ клятвамъ; потомъ, что не
848 должно принуждать къ клятвѣ не только вѣрную и посвященную (въ таинства христіанскія), но и никого изъ непосвященныхъ. Когда же, поговоривъ много и долго, изгналъ я изъ души его ложную мысль (о важности синагоги); то спросилъ его и о причинѣ, по которой онъ, оставя церковь, влекъ эту женщину въ еврейское сборище. Онъ отвѣчалъ, что многіе сказывали ему, будто клятвы, тамъ даваемыя, особенно страшны. При этихъ словахъ я застеналъ, воспламенился гнѣвомъ, и потомъ засмѣялся. Видя коварство діавола, и то, къ чему успѣлъ онъ склонить людей, я стеналъ; размышляя о безпечности обольщаемыхъ, я воспламенялся гнѣвомъ; а смотря опять на то, каково и какъ велико неразуміе обольщенныхъ, я смѣялся. Объ этомъ я разсказалъ и сообщилъ вамъ потому, что вы безчувственны и несострадательны къ тѣмъ (изъ христіанъ), которые и сами дѣлаютъ и другимъ позволяютъ дѣлать съ собою такія вещи. Видя, что кто-нибудь изъ вашихъ братій впадаетъ въ подобныя беззаконія, вы считаете это чужою бѣдой, а не вашею, и думаете оправдаться предъ обличающими васъ, говоря: а мнѣ какая забота? что у меня общаго съ нимъ?—слова, выказывающія крайнее безчеловѣчіе и сатанинское жестокосердіе! Что говоришь ты? Будучи человѣкомъ, имѣя одну и туже природу, или даже, — если уже говорить объ общности природы, — имѣя одну главу — Христа, ты осмѣливаешься сказать, что у тебя ничего нѣтъ общаго съ твоими членами? Какъ же ты исповѣдуешь, что Христосъ есть глава церкви? Глава, естественно, соединяетъ всѣ члены, съ точностью направляетъ ихъ другъ ко другу и связываетъ между собою. Если (на самомъ дѣлѣ) у тебя ничего нѣтъ общаго съ твоими членами; то ничего нѣтъ у тебя общаго и съ

твоимъ братомъ, и Христосъ не глава тебѣ. Іудеи пугаютъ васъ, какъ малыхъ дѣтей, а вы не чувствуете этого. Какъ негодные слуги, показывая дѣтямъ страшныя и смѣшныя личины (сами-то по себѣ онѣ не страшны, но только представляются такими по слабости дѣтскаго ума), возбуждаютъ большой смѣхъ; такъ и іудеи пугаютъ только слабыхъ христіанъ своими личинами. Могутъ ли, въ самомъ дѣлѣ, устрашать обряды ихъ, срамные и постыдные,—обряды людей, прогнѣвавшихъ Бога, подпавшихъ безчестію и осужденію?

4. Не таковы наши церкви; нѣтъ, онѣ истинно страшны и ужасны. Ибо, гдѣ Богъ, имѣющій власть надъ жизнію и смертію; гдѣ такъ много говорятъ о вѣчныхъ мукахъ, объ огненныхъ рѣкахъ, о ядовитомъ червѣ, о несокрушимыхъ узахъ, о тьмѣ кромѣшной,—то мѣсто страшно. А іудеи ничего этого и во снѣ не видятъ, такъ какъ живутъ для чрева, прилѣпились къ настоящему, и по своей похотливости и чрезмѣрной жадности нисколько не лучше свиней и козловъ; только и знаютъ, что ѣсть да пить, драться изъ-за плясуновъ, рѣзаться изъ-за наѣздниковъ. Это ли, скажи мнѣ, заслуживаетъ почтенія и страха? Кто можетъ утверждать это? Отчего же намъ представляется это страшнымъ? Развѣ уже кто скажетъ, что и опозорившіеся слуги, не смѣющіе вымолвить слова и выгнанные изъ господскаго дома, страшны для (слугъ) почетныхъ и пользующихся свободою? Но это—не такъ, нѣтъ. Корчемницы отнюдь не почетнѣе царскихъ палатъ; а синагога безчестнѣе и всякой корчемницы, потому что служитъ убѣжищемъ не просто для разбойниковъ и торгашей, но для демоновъ; а вѣр- 849
нѣе сказать, не синагоги только (служатъ такимъ убѣжищемъ), но и самыя души іудеевъ, что и постараюсь доказать въ концѣ слова. Итакъ, прошу васъ помнить особенно эту бесѣду; потому что мы говоримъ теперь не для того, чтобы показать себя и вызвать рукоплесканія, но чтобы уврачевать ваши души. Ибо какое остается еще намъ извиненіе, когда, при такомъ множествѣ врачей, есть между нами больные? Апостоловъ было (только) двѣнадцать,—и они привлекли всю вселенную; (а у насъ) бо̀льшая часть города состоитъ изъ христіанъ, и однакожъ есть еще больные іудействомъ. Какое же оправданіе намъ—здоровымъ? Конечно, и они, больные, достойны осужденія; но и мы не свободны отъ него, когда небрежемъ о нихъ въ болѣзни; нельзя было бы имъ долго оставаться въ недугѣ, если бы они пользовались особенною попечительностію съ нашей стороны. Поэтому увѣщеваю васъ теперь, чтобы каждый изъ васъ привлекъ брата, хотя бы для этого нужно было сдѣлать принужденіе, употребить силу, причинить непріятность, или вступить въ споръ; все сдѣлай, только бы исхитить его изъ сѣти діавола и

исторгнуть изъ общества христоубійцъ. Если бы ты увидѣлъ на площади, что кого нибудь, осужденнаго по справедливому приговору, ведутъ (на смерть), и имѣлъ бы власть вырвать его изъ рукъ палача, скажи мнѣ, не употребилъ ли бы ты всѣхъ средствъ для освобожденія его? А теперь видишь своего брата, беззаконно и неправедно влекомаго въ пропасть погибели, не палачемъ, а діаволомъ, и не хочешь вступить въ борьбу, чтобы избавить его отъ такого злодѣйства? Получишь ли же какое снисхожденіе?—Но онъ, скажешь, сильнѣе и могущественнѣе тебя?—Покажи его мнѣ: скорѣе рѣшусь сложить свою голову, нежели дозволю ему вступить въ это священное преддверіе, если онъ будетъ упорствовать и оставаться при томъ же. Чтò у тебя (скажу ему) общаго съ свободною [1]), съ вышнимъ Іерусалимомъ? Ты избралъ нижній (Іерусалимъ); съ нимъ и работай: ибо и онъ, по слову апостола, *работаетъ съ чады своими* (Гал. IV, 25). Ты постишься съ іудеями? Такъ сними вмѣстѣ съ ними и обувь, ходи по площади босыми ногами, и будь сообщникомъ ихъ позора и срама. Но ты на это не можешь рѣшиться: тебѣ стыдно и позорно. Такъ имѣть одинаковую съ ними внѣшность ты стыдишься, а участвовать въ ихъ нечестіи не стыдишься? Какого же можешь ожидать себѣ снисхожденія, когда ты христіанинъ только на половину? Повѣрьте, скорѣе сложу свою голову, нежели оставлю безъ вниманія кого нибудь изъ такихъ больныхъ, если только увижу; если же не буду знать, то Богъ, конечно, проститъ. Объ этомъ пусть поразмыслитъ и каждый изъ васъ самихъ, и никто пусть не считаетъ этого дѣла маловажнымъ. Развѣ вы не знаете, что діаконъ постоянно возглашаетъ во время совершенія таинствъ: *познавайте другъ друга* [2])? Какъ онъ этимъ обязываетъ васъ къ строгому наблюденію за вашими братьями! Такъ поступай и по отношенію къ этимъ людямъ: когда узнаешь, что кто нибудь іудействуетъ, останови, объяви о немъ, чтобы и тебѣ самому не подвергнуться вмѣстѣ съ нимъ опасности. И въ воинскихъ лагеряхъ, если кто изъ среды воиновъ обличенъ будетъ въ преданности варварамъ и единомысліи съ персами, не только самъ онъ подвергается опасности, но и всякій изъ знавшихъ объ этомъ, но не объявившихъ вождю. А какъ и вы составляете войско Христово,
850 то тщательно разыскивайте и разузнавайте, не вмѣшался ли между вами кто нибудь изъ иноплеменниковъ, и объявляйте о немъ, не для того, чтобы мы, подобно тѣмъ (вождямъ), убили его, или ис-

---

[1]) Здѣсь указывается на посл. къ Гал. IV, 22—26, гдѣ Христова церковь или *вышній Іерусалимъ* уподобляется свободной Саррѣ, а іудейская церковь или *нижній*, земной Іерусалимъ—рабынѣ Агари.

[2]) Ἐπιγινώσκετε ἀλλήλους равносильно діаконскому возглашенію въ литургіи вѣрныхъ: *возлюбимъ другъ друга*, по употребленію въ Св. Писаніи, 1 Кор. XVI, 18.

тязали и наказали, но для того, чтобы намъ избавить его отъ заблужденія и нечестія, и свое дѣло исполнить во всей точности. Если же не хотите этого, и зная (виновнаго), станете скрывать; то будьте увѣрены, что подвергнетесь одинаковому съ нимъ наказанію. И Павелъ подвергаетъ наказанію не только *творящихъ* зло, но и *соизволяющихъ* имъ (Рим. I, 32); и пророкъ одинаково осуждаетъ какъ тѣхъ, кои крадутъ, такъ и тѣхъ, кои бѣгутъ вмѣстѣ съ ними (Псал. XLIX, 18); и это справедливо. Кто, зная о злодѣѣ, прикрываетъ его, тотъ даетъ ему поводъ къ бóльшему своеволію, и располагаетъ его дѣлать зло съ бóльшимъ безстрашіемъ.

5. Но надобно опять возвратиться къ больнымъ. Итакъ подумайте, съ кѣмъ имѣютъ общеніе постящіеся теперь? Съ тѣми, которые кричали: *распни, распни* (Лук. XXIII, 21); съ тѣми, которые говорили: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѳ. XXVII, 23). Осмѣлился ли бы ты подойти къ осужденнымъ за покушеніе на верховную власть и говорить съ ними? Не думаю. Какъ же странно,—съ такимъ стараніемъ избѣгать сдѣлавшихъ зло человѣку, а съ оскорбившими Бога имѣть общеніе, и поклонникамъ Распятаго праздновать вмѣстѣ съ распявшими Его? Это не только глупо, но и крайне безумно. А какъ нѣкоторые считаютъ синагогу мѣстомъ досточтимымъ; то необходимо сказать нѣсколько и противъ нихъ. Почему вы уважаете это мѣсто, тогда какъ его надлежитъ презирать, гнушаться и убѣгать? Въ немъ, скажете, лежитъ законъ и пророческія книги. Что-же изъ этого? Ужели, гдѣ будутъ эти книги, то мѣсто и будетъ свято? Вовсе нѣтъ. А я потому-то особенно и ненавижу синагогу и гнушаюсь ею, что, имѣя пророковъ, (іудеи) не вѣруютъ пророкамъ, читая Писаніе, не принимаютъ свидѣтельствъ его; а это свойственно людямъ, въ высшей степени злобнымъ. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ, что какого нибудь почтеннаго, знаменитаго и славнаго человѣка завели въ корчемницу, или въ притонъ разбойниковъ, и стали бы его тамъ поносить, бить и крайне оскорблять, не ужели бы ты сталъ уважать эту корчемницу или вертепъ потому, что тамъ оскорбляемъ былъ этотъ славный и великій мужъ? Не думаю; напротивъ по этому-то самому ты почувствовалъ бы особенную ненависть и отвращеніе (къ этимъ мѣстамъ). Такъ разсуждай и о синагогѣ. Іудеи ввели туда съ собою пророковъ и Моусея не для того, чтобы почтить, но чтобы оскорблять и безчестить ихъ. Ибо, когда они говорятъ, будто (пророки и Моусей) не знали Христа и ничего не сказали о Его пришествіи, то какое же еще можетъ быть бóльшее оскорбленіе для этихъ святыхъ, какъ не обвиненіе ихъ въ томъ, будто они не знаютъ своего Владыку и участвуютъ въ нечестіи іудеевъ? Значитъ, поэтому-то больше и слѣдуетъ не-

навидѣть ихъ, вмѣстѣ съ синагогою, что они оскорбляютъ святыхъ тѣхъ. Но что̀ говорить о книгахъ и мѣстахъ? Во время гоненій палачи держатъ въ рукахъ у себя тѣла мучениковъ, терзаютъ, поражаютъ бичами: такъ ужели ихъ руки стали святы отъ того, что держали тѣла святыхъ? Нисколько. Если же руки, державшія тѣла святыхъ, скверны по тому самому, что держали без-
851 законно; то тѣ, которые имѣютъ у себя Писанія святыхъ и оскорбляютъ ихъ столько же, какъ и палачи тѣла мучениковъ, ужели поэтому будутъ заслуживать уваженіе? Не крайне ли было бы это безумно? Если беззаконное держаніе тѣлъ (святыхъ) не только не освящаетъ, но дѣлаетъ еще болѣе скверными держащихъ: тѣмъ болѣе чтеніе Писаній (пророческихъ) безъ вѣры не можетъ принести пользы читающимъ. Такъ это именно настроеніе, съ какимъ іудеи держатъ у себя (священныя) книги, обличаетъ ихъ тѣмъ въ бо̀льшемъ нечестіи. Не имѣя пророковъ, они не заслуживали бы такого осужденія; не читая книгъ, не были бы такъ нечисты и мерзки. Теперь же они не заслуживаютъ никакого снисхожденія; потому что, имѣя проповѣдниковъ истины, питаютъ враждебное настроеніе и къ самимъ проповѣдникамъ и къ истинѣ. Слѣдовательно, поэтому-то они особенно мерзки и нечисты, что, имѣя пророковъ, пользуются ими съ враждебнымъ настроеніемъ. Поэтому умоляю васъ бѣгать и уклоняться ихъ собраній: (иначе произойдетъ) не малый вредъ для немощныхъ братій и не малый поводъ къ гордости для іудеевъ. Когда они увидятъ, что вы, поклонники распятаго ими Христа, выполняете и почитаете ихъ (обряды); то какъ имъ не подумать, что всѣ обряды ихъ прекрасны, а наши ничего не стоятъ, такъ какъ вы, почитая и соблюдая эти послѣдніе, въ то же время бѣжите къ уничижающимъ ихъ? *Аще кто видитъ тя*, говоритъ апостолъ, *имуща разумъ, въ требищи воз лежаща, не совѣсть ли его, немощна сущи, созиждется* (расположится) *идоложертвенная ясти* (1 Кор. VIII, 10)? И я говорю: если кто увидитъ, что ты, имѣя знаніе, уходишь въ синагогу и смотришь на (праздникъ) трубъ, немощная совѣсть его не расположится ли къ почитанію іудейскихъ обычаевъ? Падающій наказывается не за свое только паденіе, но и за то, что роняетъ другихъ; равно какъ и устоявшій не только награждается за свое мужество, но заслуживаетъ уваженія и за то, что и въ другихъ возбуждаетъ ревность къ тому же. Итакъ, избѣгайте и собраній, и мѣстъ, гдѣ бываютъ іудеи; и никто да не питаетъ уваженія къ синагогѣ изъ-за (священныхъ) книгъ, но изъ-за нихъ-то пусть ненавидитъ ее и гнушается ею, потому что іудеи оскорбляютъ святыхъ, не вѣря ихъ словамъ и представляя ихъ повинными въ крайнемъ нечестіи.

6. И чтобы вы убѣдились, что книги не придаютъ святости

мѣсту, но что душевное настроеніе собирающихся въ немъ оскверняетъ его, разскажу вамъ одну древнюю исторію. Птоломей Филадельфъ, собирая отовсюду книги и узнавъ, что у іудеевъ есть Писанія, преподающія ученіе о Богѣ и о наилучшемъ устройствѣ жизни, вызвалъ изъ Іудеи мужей и чрезъ нихъ перевелъ эти Писанія, и положилъ ихъ въ храмъ Сераписа (онъ былъ язычникъ), гдѣ и доселѣ находится этотъ переводъ пророческихъ книгъ. Что же? Ужели храмъ Сераписа изъ-за этихъ книгъ сталъ святъ? Нѣтъ; сами онѣ святы, но мѣсту не сообщаютъ святости, вслѣдствіе нечистоты собирающихся въ немъ. Такъ надобно судить и 852
о синагогѣ. Если тамъ не стоитъ идолъ, зато живутъ демоны. И это говорю не о здѣшней только синагогѣ, но и о той, которая въ Дафнѣ: тамъ пропасть, называемая пропастью Матроны, еще болѣе пагубная. Слышалъ я, что многіе изъ вѣрующихъ ходятъ туда и спятъ подлѣ этого мѣста. Но нѣтъ, я никогда не назову такихъ людей вѣрующими: для меня одинаково нечисто всякое капище какъ Матроны, такъ и Аполлона. Если же кто обвинитъ меня (за эти слова) въ дерзости, и я въ свою очередь обвиню того въ крайнемъ безуміи. Ибо скажи мнѣ: не нечестиво ли то мѣсто, гдѣ живутъ демоны, если даже и не стоитъ тамъ идолъ? (А мѣсто), гдѣ собираются христоубійцы, гдѣ преслѣдуютъ крестъ, гдѣ хулятъ Бога, не знаютъ Отца, поносятъ Сына, отвергаютъ благодать Духа, гдѣ еще находятся и самые демоны,—такое мѣсто не болѣе ли пагубно? Ибо тамъ (въ языческомъ капищѣ) нечестіе явно и очевидно, и не такъ легко привлечетъ или обольститъ человѣка умнаго и здравомыслящаго; но здѣсь (въ синагогѣ іудеи), говорящіе о себѣ, что покланяются Богу, отвращаются идоловъ, имѣютъ и почитаютъ пророковъ, этими словами устраиваютъ только бо̀льшую приманку и ввергаютъ въ свои сѣти людей простыхъ и неразумныхъ, по ихъ неосторожности. Значитъ, нечестіе какъ у іудеевъ, такъ и у язычниковъ, одинаково; но обольщеніе у первыхъ дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, потому что у нихъ не виденъ ложный жертвенникъ, на которомъ они закалаютъ не овецъ и тельцовъ, а человѣческія души. Словомъ: если ты уважаешь все іудейское, то что у тебя общаго съ нами? Если іудейское важно и достойно почтенія, значитъ, наше ложно; но если наше истинно, а оно и въ самомъ дѣлѣ истинно, то іудейское исполнено обмана. Говорю не о Писаніяхъ, нѣтъ; онѣ привели меня ко Христу; но (говорю) о нечестіи и нынѣшнемъ безуміи іудеевъ Но пора уже показать, что тамъ (въ синагогѣ) живутъ и демоны, и не только въ этомъ мѣстѣ, но и въ самыхъ душахъ іудеевъ. *Егда же нечистый духъ*, сказалъ (Іисусъ Христосъ), *изыдетъ отъ человѣка, преходитъ сквозѣ безводная мѣста, ища покоя: и не обрѣ-*

тая глаголетъ: возвращуся въ домъ мой, отнюду же изыдохъ. И пришедъ, обрящетъ празденъ, пометенъ и украшенъ. Тогда идетъ и поиметъ съ собою седмь иныхъ духовъ, лютѣйшихъ себе, и вшедше, живутъ ту: и будутъ послѣдняя человѣку тому горша первыхъ. Тако будетъ и роду сему лукавому (Лук. xi, 24; Матѳ. xii, 43—45). Видишь, что демоны живутъ въ душахъ ихъ, и нынѣшніе—еще лютѣе прежнихъ. И очень справедливо: потому что іудеи тогда оскорбляли пророковъ, а теперь ругаются надъ самимъ Владыкою пророковъ. Такъ вы собираетесь въ одно мѣсто съ людьми, одержимыми демонами, имѣющими въ себѣ столько нечистыхъ духовъ, воспитанными въ смертоубійствахъ и — не ужасаетесь? Слѣдуетъ ли даже обмѣниваться съ ними привѣтствіями и дѣлиться простыми словами? Напротивъ, не должно ли отвращаться ихъ, какъ всеобщей заразы и язвы для всей вселенной? Какого зла они не сдѣлали? Не всѣ ли пророки употребляли множество длинныхъ рѣчей на обличеніе ихъ? Какого злодѣйства, какого беззаконія не затмили они своими гнусными убійствами? Они закалали въ жертву демонамъ своихъ сыновей и дочерей, не познали самой природы, забыли муки дѣторожденія, пренебрегали воспитаніемъ дѣтей, нис-
853 провергли до основанія законы родства, стали свирѣпѣе всѣхъ звѣрей. И звѣри часто жертвуютъ и жизнію и пренебрегаютъ собственною безопасностью для защиты своихъ дѣтенышей; а эти, безъ всякой необходимости, собственными руками закалали свои порожденія, чтобы угодить врагамъ нашей жизни, непріязненнымъ демонамъ. Чему прежде изумляться въ нихъ? Нечестію ли, или жестокости и безчеловѣчію? Тому ли, что они закалали своихъ сыновей, или тому, что закалали ихъ въ жертву демонамъ? А похотливостію не превзошли ли они самыхъ похотливыхъ животныхъ? Послушай, что пророкъ говоритъ о ихъ невоздержности: *кони женонеистовіи сотворишася, кійждо къ женѣ искренняго своего ржаше* (Іер. v, 8); не сказалъ: каждый питалъ похоть къ женѣ ближняго; нѣтъ, съ особенною силою выразилъ ихъ неистовую похоть ржаніемъ (извѣстныхъ) животныхъ.

7. О чемъ еще сказать вамъ? О хищеніяхъ, о лихоимствѣ, о притѣсненіи бѣдныхъ, о кражахъ, о корчемничествѣ? Но для разсказа объ этомъ не достанетъ и цѣлаго дня. Но праздники ихъ, скажете, имѣютъ въ себѣ что-то важное и великое!—И ихъ сдѣлали они нечистыми. Послушай пророковъ, или лучше, послушай самого Бога, какое сильное отвращеніе показываетъ Онъ къ нимъ: *возненавидѣхъ и отвергохъ праздники ваша* (Амос. v, 21). Богъ ненавидитъ ихъ, а ты принимаешь въ нихъ участіе? Не сказано, (что ненавидитъ) такой-то и такой-то праздникъ, но вообще всѣ. Хочешь знать, что Богъ ненавидитъ (іудейское) служеніе Ему

посредствомъ тимпановъ, цитръ, псалтирей и другихъ инструментовъ? *Отстави отъ Мене*, сказалъ Онъ, *гласъ пѣсней твоихъ и пѣснь органовъ твоихъ не послушаю* (ст. 23). Богъ говоритъ: *отстави отъ Мене*, а ты идешь слушать трубы? Но не мерзки ли самыя жертвы ихъ и приношенія? *И аще принесете Ми семидалъ, всуе: кадило, мерзость Ми есть* (Иса. I, 13). Кадило ихъ—мерзость, а мѣсто—не мерзость? И когда же мерзость? Прежде, чѣмъ они совершили самое главное злодѣяніе,—прежде Креста, прежде христоубійства. Такъ не гораздо ли болѣе (мерзко ихъ кадило) теперь? Что можетъ быть благовоннѣе кадила? Но Богъ судитъ о приношеніяхъ, обращая вниманіе не на свойство даровъ, а на расположеніе приносящихъ. *Призрѣ на Авеля и* потомъ уже *на дары его;* увидѣлъ Каина, и потомъ отвратился отъ жертвъ его. *На Каина*, сказано, *и на жертвы его не вняτъ* (Быт. IV, 4. 5). Ной принесъ въ жертву Богу овецъ, тельцовъ и птицъ, *и обоня Господь*, говоритъ Писаніе, *воню благоуханія* (Быт. VIII, 21), то есть, принялъ принесенное. У Бога конечно нѣтъ ноздрей: Божество—безтѣлесно. Съ жертвенника возносится кверху запахъ и дымъ отъ сожигаемыхъ тѣлъ, а зловоннѣе этого запаха ничего не можетъ быть; однакожъ, чтобы ты зналъ, что Богъ то принимаетъ жертвы, то отвращается ихъ, смотря по расположенію духа приносящихъ, (Писаніе) называетъ этотъ запахъ и дымъ вонею благоуханія, а кадило—мерзостію потому, что душа возносящихъ его исполнена великаго зловонія. Хочешь ли знать, что Богъ отвращается, вмѣстѣ съ жертвами, органами, праздниками, ѳиміамомъ, и отъ храма, изъ-за людей, которые собираются въ немъ? Лучше всего Онъ показалъ это на дѣлѣ, когда въ извѣстное время предалъ (храмъ іудейскій) въ руки варваровъ, а потомъ и совершенно разрушилъ. Впрочемъ, и до разрушенія, Онъ взываетъ и говоритъ чрезъ пророка: *не надѣйтеся на себе въ словесѣхъ лживыхъ, понеже весьма не уполъзуютъ васъ, глаголюще: храмъ Господень, храмъ Господень есть* (Ierем. VII, 4). Не храмъ, говоритъ 854
Онъ, освящаетъ собирающихся въ немъ, но собирающіеся дѣлаютъ его святымъ. Если же храмъ не приносилъ пользы тогда, когда въ немъ находились херувимы и кивотъ; тѣмъ менѣе онъ принесетъ пользы, когда все это уничтожено, когда Богъ совершенно отвратился отъ него, и когда открылось еще больше причинъ для такого отвращенія. Какъ же глупо и безумно праздновать вмѣстѣ съ людьми, покрытыми безчестіемъ, оставленными Богомъ, и раздражавшими Господа? Если бы кто убилъ твоего сына, скажи мнѣ, ужели ты могъ бы смотрѣть на такого человѣка, слушать его разговоръ? Не избѣгалъ ли бы ты его, какъ злого демона, какъ самого діавола? Іудеи умертвили Сына твоего

Владыки; а ты осмѣливаешься сходиться съ ними въ одномъ и томъ же мѣстѣ? Умерщвленный (Іисусъ Христосъ) почтилъ тебя такъ, что сдѣлалъ Своимъ братомъ и сонаслѣдникомъ; а ты столь безславишь Его, что уважаешь убійцъ и распинателей Его, и угождаешь имъ участіемъ въ ихъ праздникахъ, ходишь въ скверныя мѣста ихъ собраній, вступаешь въ нечистыя преддверія и участвуешь въ бѣсовской трапезѣ? Такъ называть постъ іудеевъ долженъ я послѣ того, какъ они совершили богоубійство. И какъ же не домонамъ служатъ тѣ, которые дѣлаютъ противное Богу? Но ты ищешь у демоновъ исцѣленія? Если демоны уже свиней загнали въ море, когда Христосъ дозволилъ имъ войти въ нихъ; то пощадятъ ли человѣческое тѣло? О, если бы они не убивали человѣка, если бы не строили козней (противъ него)! Они изгнали его изъ рая, лишили вышней почести: будутъ ли же врачевать его тѣло? Это—насмѣшка и басни. Демоны умѣютъ только строить козни и вредить, а не врачевать. Они не щадятъ души: ужели, скажи мнѣ, пощадятъ тѣло? Стараются извергнуть (человѣка) изъ царства: такъ захотятъ ли избавить его отъ болѣзни? Развѣ ты не слышалъ, какъ пророкъ, или вѣрнѣе—самъ Богъ чрезъ пророка говоритъ, что они не могутъ сдѣлать ни добра, ни зла? Но если бы они даже и могли, и хотѣли врачевать,—что̀ впрочемъ невозможно,—тебѣ однакожъ не слѣдуетъ изъ-за малой и скоропреходящей пользы навлекать на себя безконечную и вѣчную погибель. Ужели хочешь увречевать тѣло, чтобы погубить душу? Не хороша твоя прибыль: просишь своего зложелателя объ уврачеваніи (тѣла), и раздражаешь Бога, сотворившаго тѣло! Не легко ли же какому-нибудь нечестивому человѣку, своимъ врачебнымъ искусствомъ, увлечь тебя къ поклоненію языческимъ богамъ? И язычники своимъ искусствомъ часто вылѣчивали отъ многихъ болѣзней и возстановляли здоровье недужныхъ. Что же? Неужели поэтому должно принимать участіе въ ихъ нечестіи? Нѣтъ. Послушай, что Моусей говоритъ іудеямъ: *аще же востанетъ въ тебѣ пророкъ, или видяй соніе, и дастъ тебѣ знаменіе или чудо, и пріидетъ тебѣ знаменіе или чудо, еже рече къ тебѣ, глаголя: идемъ, да послужимъ богомъ инымъ, ихже не вѣсте: да не послушаете глаголъ пророка того, или видящаго сонъ той* (Втор. XIII, 1—3). Эти слова означаютъ вотъ что: если явится какой-нибудь пророкъ и сотворитъ чудо, напр. воскреситъ мертваго, или очиститъ прокаженнаго, или исцѣлитъ разслабленнаго, и, по совершеніи чуда, будетъ склонять тебя къ нечестію; не вѣрь ему изъ-за совершеннаго имъ чуда. Почему? *Яко искушаетъ Господь Богъ твой васъ, еже увѣдѣти, аще любите Господа Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ, и*
855 *всею душею вашею* (ст. 3). Отсюда видно, что демоны не исцѣляютъ.

Если же иногда, по попущенію Божію, и сдѣлаютъ они какое исцѣленіе, какъ и люди; то такое попущеніе бываетъ для твоего испытанія, не потому, чтобы Богъ не зналъ (тебя), но чтобы ты научился не принимать отъ демоновъ и исцѣленія. И что говорить объ излѣченіи тѣла? Если бы кто нибудь грозилъ тебѣ геенною, чтобы принудить тебя отречься отъ Христа: не соглашайся; еслибы обѣщалъ царство, только бы отвлечь тебя отъ единороднаго Сына Божія: отвратись и возненавидь его, будь ученикомъ Павла, поревнуй тѣмъ словамъ, которыя громко произнесла эта блаженная и доблестная душа: *извѣстихся бо*, говорилъ онъ, *яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. VIII, 38. 39). Его не могли отлучить отъ любви Божіей ни ангелы, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни другая какая нибудь тварь: а тебя отлучаетъ врачеваніе тѣла? Какое же будетъ намъ извиненіе? Христосъ долженъ быть для насъ страшнѣе и геенны, вожделѣннѣе и царства. Пусть будемъ мы больны: лучше остаться больнымъ, нежели, для освобожденія отъ болѣзни, впасть въ нечестіе. Демонъ, если и уврачуетъ, больше повредитъ, нежели принесетъ пользы: доставитъ пользу тѣлу, которое, спустя немного, непремѣнно умретъ и сгніетъ; а повредитъ онъ безсмертной душѣ. Какъ похитители людей предлагая маленькимъ дѣтямъ лакомства, пирожки, игорныя кости и другое, тому подобное, и чрезъ это приманивая ихъ къ себѣ, часто лишаютъ ихъ свободы и самой жизни; такъ и демоны, обѣщая человѣку уврачевать тѣло, совершенно губятъ спасеніе души его. Но мы не потерпимъ этого, возлюбленные; напротивъ, всячески постараемся избѣгать нечестія. Не могъ ли Іовъ, согласно убѣжденію жены, произнесть хулу на Бога и освободиться отъ постигшаго его несчастія? *Рцы*, говорила она, *глаголъ нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. II, 9). Но онъ рѣшился лучше страдать и мучиться, и перетерпѣть невыносимый тотъ ударъ, нежели произнести хулу на Бога и избавиться отъ тяготѣвшихъ на немъ бѣдствій. Поревнуй ему и ты; пусть демонъ тысячу разъ обѣщаетъ избавить тебя отъ постигшихъ тебя золъ: не склоняйся, не уступай, какъ и тотъ праведникъ не послушался жены; нѣтъ, рѣшись лучше перенести болѣзнь, нежели потерять вѣру и спасеніе своей души. Богъ часто попускаетъ тебѣ впасть въ болѣзнь не потому, чтобы Онъ оставилъ тебя, но съ тѣмъ, чтобы болѣе прославить тебя. Итакъ, будь терпѣливъ, чтобы и тебѣ услышать: *мниши ли Мя инако тебе сотворша, развѣ да явишися праведивъ* (Іов. XL, 3)?

8. Можно бы сказать и больше этого, но. чтобы не затруднить

вамъ памятованіе о сказанномъ, я здѣсь окончу свою бесѣду словами Моисея: *засвидѣтельствую вамъ днесь небомъ и землею* (Втор. xxx, 19), что, если кто изъ васъ, здѣсь ли находящихся или отсутствующихъ, отправится смотрѣть трубы (іудейскія), или пойдетъ въ синагогу, или взойдетъ въ храмъ Матроны, или будетъ участвовать въ постѣ и субботахъ, или совершать другой какой нибудь малый или великій іудейскій обрядъ, я чистъ отъ крови всѣхъ васъ. Эти бесѣды предстанутъ и мнѣ, и вамъ, въ день Господа нашего Іисуса Христа. Если вы послушаете, онѣ
856 доставятъ вамъ великое дерзновеніе; а если не послушаете и прикроете кого изъ отваживающихся на такія дѣла, они противостанутъ вамъ, какъ строгіе обличители. Я не упустилъ *сказати вамъ всю волю Божію* (Дѣян. x, 27), напротивъ, еще отдалъ *сребро торжникомъ* (Мат. xxv, 27): вамъ уже предоставляется умножить данное и плоды отъ слушанія (бесѣды) употребить на спасеніе вашихъ братій. Но, скажетъ кто нибудь, тяжко и непріятно объявлять о виновныхъ въ этомъ (участіи въ іудейскихъ обрядахъ)?—Нѣтъ, тяжко и непріятно молчать объ этомъ: потому что такое молчаніе и для васъ, которые скрываете, и для тѣхъ, которыхъ скрываете, гибельно тѣмъ, что вооружаетъ противъ васъ Бога. Не гораздо ли лучше досадить подобнымъ намъ рабамъ, лишь бы пріобрѣсть спасеніе, нежели раздражать противъ себя Господа? Ближній, хотя теперь и понегодуетъ, не можетъ однако же сдѣлать тебѣ никакого вреда, а впослѣдствіи будетъ еще благодаренъ тебѣ за врачевство; но Богъ, если ты умолчишь и и скроешь, въ угодность твоему ближнему, для него гибельную,— подвергнетъ тебя самому тяжкому наказанію. Значитъ, молчаніемъ ты и Бога вооружишь противъ себя, и брату повредишь; а объявленіемъ и открытіемъ (виновнаго) и Бога умилостивишь къ себѣ, и брату принесешь пользу, и сдѣлаешь его самымъ пламеннымъ другомъ, когда онъ на опытѣ узнаетъ твое благодѣяніе. Итакъ не думайте, будто вы угождаете вашимъ братьямъ, когда, увидя, что они дѣлаютъ что-либо дурное, не обличаете ихъ со всею строгостію. Если у тебя пропадетъ одежда, не одинаково ли считаешь своимъ врагомъ какъ укравшаго, такъ и того, кто знаетъ вора и не объявляетъ о немъ? Общая мать наша (церковь) потеряла не одежду, но брата: укралъ его діаволъ, и держитъ теперь въ іудействѣ. Ты знаешь укравшаго, знаешь украденнаго; видишь, что я, зажегши, какъ бы свѣтильникъ, слово ученія, вездѣ ищу (украденнаго) съ плачемъ, и стоишь въ молчаніи, и не объявляешь? Какого же ожидаешь ты себѣ снисхожденія? Церковь не сочтетъ ли тебя величайшимъ врагомъ своимъ, не признаетъ ли супостатомъ и измѣнникомъ? Но не дай Богъ, чтобы кто-либо изъ

слушающихъ это наставленіе дошелъ когда до такого грѣха, чтобы т. е. предалъ брата, за котораго Христосъ умеръ. Христосъ пролилъ за него кровь Свою; а ты не хочешь и слова сказать? Не (дѣлайте этого), прошу; но, вышедши отселѣ, тотчасъ поспѣшите на эту ловлю, и каждый изъ васъ пусть приведетъ ко мнѣ одного изъ такихъ больныхъ. Но лучше бы, если бы и не нашлось столько больныхъ: такъ пусть двое или трое, или даже десять или двадцать изъ васъ, приведутъ ко мнѣ одного, чтобы я, увидѣвъ пойманную въ сѣти добычу, предложилъ вамъ въ тотъ день обильнѣйшую трапезу. Ибо, если увижу, что нынѣшній совѣтъ мой приведенъ будетъ въ дѣло, съ бо́льшимъ усердіемъ примусь за врачеваніе больныхъ, и великая будетъ польза какъ вамъ, такъ и имъ. Не полѣнитесь же, но всѣ безъ изъятія, со всѣмъ усердіемъ, ловите такихъ больныхъ, женщины женщинъ, мужчины мужчинъ, рабы рабовъ, свободные свободныхъ, дѣти дѣтей, и поймавъ, приходите въ слѣдующее собраніе, чтобы и отъ насъ получить вамъ похвалу, и, прежде еще нашихъ похвалъ, заслужить отъ Бога награду, великую и неизреченную, которая гораздо превосходитъ труды подвизающихся въ добрѣ. Чего да удостоимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ

«Противъ тѣхъ, которые содержатъ іудейскій постъ, и противъ самихъ іудеевъ. Сказано за пять дней до ихъ поста, послѣ того, какъ уже было произнесено другое (ἄλλης) слово».

УЖЕ при дверяхъ беззаконный и нечистый постъ іудейскій. 857
Не удивляйтесь, что я назвалъ этотъ постъ нечистымъ: что дѣлается противъ воли Божіей, то сквернѣе всего, будетъ ли то жертва, или постъ. Итакъ, чрезъ пять дней уже наступитъ беззаконный постъ іудеевъ; а я за десять дней, или и больше, сдѣлалъ вамъ предварительное увѣщаніе, чтобы предохранить отъ опасности вашихъ братьевъ. Но никто не обвиняй насъ въ неблаговременности слова, что мы предложили его за столько дней. Вѣдь, и тогда, какъ опасаются горячки, или другой какой болѣзни, предварительно стараются многими лѣкарствами предохранить тѣло человѣка, угрожаемаго болѣзнію, и прежде, чѣмъ она

придетъ на самомъ дѣлѣ, спѣшатъ избавить его отъ угрожающихъ бѣдъ. Такъ и мы, видя, что угрожаетъ самая тяжкая болѣзнь, заранѣе и задолго впередъ объявили о ней, чтобы употреблены были вспомогательныя средства прежде, чѣмъ зло постигнетъ насъ на дѣлѣ. Я не отложилъ увѣщанія до наступленія самыхъ дней поста, чтобы тогда краткость времени не помѣшала вамъ ловить вашихъ братьевъ, но чтобы вы, пользуясь большимъ промежуткомъ времени, могли съ полною свободою отыскать и излѣчить страждущихъ этою болѣзнію. Такъ поступаютъ и тѣ, которые хотятъ справлять бракъ и готовятъ великолѣпный обѣдъ: они, не въ самые дни (праздника), но задолго прежде сговариваются съ рыбаками и птицеловами, чтобы послѣ, когда времени будетъ уже мало, имъ не встрѣтить какой помѣхи къ приготовленію пиршества. Такъ и мы, намѣреваясь предложить вамъ трапезу (бесѣду) о безуміи іудеевъ, напередъ сговорились съ вами—ловцами, чтобы вы поймали въ сѣти слабѣйшихъ братьевъ вашихъ и привели ихъ послушать наши слова. Тѣ изъ васъ, которые уже поймали и держатъ крѣпко въ сѣтяхъ, пусть перевяжутъ (пойманныхъ) словомъ увѣщанія; а которые еще не наловили этой прекрасной добычи, имѣютъ довольно времени за эти пять дней, чтобы справиться съ ловомъ. Раскинемъ же сѣти ученія, станемъ кругомъ, какъ ловчіе псы, и будемъ отовсюду сгонять ихъ въ предѣлы церкви. А если угодно, выведемъ на нихъ, какъ какого-нибудь превосходнаго ловчаго, блаженнаго Павла, который вопіетъ и говоритъ: *се азъ, Павелъ, глаголю вамъ, яко, аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. v, 2). Многія изъ дикихъ и неукротимыхъ животныхъ, скрывающихся въ лѣсу, услышавъ голосъ охотника, отъ страха выскакиваютъ, и гонимыя силою этого голоса, противъ воли понуждаемыя сильнымъ крикомъ, попадаютъ въ самыя тенета. Такъ и ваши братія, скрывающіеся въ іудействѣ какъ бы въ ка-
858 комъ лѣсу, если услышатъ голосъ Павла, я увѣренъ, легко попадутъ въ сѣти спасенія, и совершенно отринутъ іудейское заблужденіе. Ибо и говоритъ не Павелъ, но Христосъ, движущій его душею. Значитъ, когда услышишь, что тотъ взываетъ и говоритъ: *се азъ, Павелъ, глаголю вамъ, яко, аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ*, представляй, что это только голосъ Павла, а мысль и ученіе—Христа, Который внутренно наставляетъ его. Но, можетъ быть, кто скажетъ: ужели обрѣзаніе такъ вредно, что при немъ безполезно все домостроительство Христово? Точно, обрѣзаніе такъ вредно не само по себѣ, а по неразумію (обрѣзывающихся). Было нѣкогда время, когда законъ былъ полезенъ и необходимъ; но теперь онъ прешелъ и остается безъ дѣйствія. Почему, если ты примешь его не во-время, онъ сдѣлаетъ для тебя

безполезнымъ даръ Божій. Потому-то и *Христосъ васъ ничтоже пользуетъ*,—что вы не хотите придти (къ Нему). Если бы кто, за прелюбодѣяніе и (другіе) гнуснѣйшіе пороки, заключенъ былъ въ темницу, а потомъ, когда уже надлежало бы произвести судъ и произнесть ему обвинительный приговоръ, пришло отъ царя письмо объ освобожденіи всѣхъ заключенныхъ въ темницѣ, безъ всякаго допроса и изслѣдованія; между тѣмъ тотъ (человѣкъ), не захотѣвъ принять (царской) милости, сталъ бы настаивать на томъ, чтобы его подвергли допросамъ и розыскамъ; то онъ, конечно, уже не можетъ воспользоваться этою милостію: предавъ самъ себя суду, розыску и приговору, онъ добровольно лишилъ себя царской милости. Тоже случилось и съ іудеями. Смотрите: все человѣчество уличено въ самыхъ гнусныхъ порокахъ. *Вси согрѣшиша*, говоритъ апостолъ (Римл. v, 12), и заключены были подъ проклятіемъ грѣха, какъ бы въ темницѣ; надлежало уже произнести приговоръ надъ ними, какъ пришло съ небесъ посланіе Царя, или лучше—пришелъ самъ Царь и освободилъ всѣхъ отъ узъ грѣха, не произведя ни изслѣдованія, ни допросовъ.

2. Посему всѣ, прибѣгающіе (къ Спасителю), пользуются даромъ и спасаются благодатію; а тѣ, которые хотятъ оправдаться закономъ, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могутъ и воспользоваться царскимъ человѣколюбіемъ, и привлекаютъ на себя проклятіе закона, *зане не оправдится отъ дѣлъ закона всяка плоть* (Гал. II, 16). Посему-то апостолъ и говоритъ: *аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (v, 2); ибо усиливающійся спастись дѣлами закона не имѣетъ никакого общенія съ благодатію. То же самое разумѣлъ Павелъ, когда говорилъ: *аще ли по благодати, то не отъ дѣлъ: зане благодать уже не бываетъ благодать. Аще ли отъ дѣлъ,ктому нѣсть благодать: зане дѣло уже нѣсть дѣло* (Римл. XI, 6). И опять: *аще бо закономъ правда, убо Христосъ туне умре* (Гал. II, 21). И еще: *упразднистеся отъ Христа, иже закономъ оправдастеся: отъ благодати отпадосте* (v, 4). Ты умеръ для закона, сдѣлался мертвымъ, и уже не находишься подъ игомъ и неволею его. Къ чему же всуе и напрасно усиливаешься безпокоить самъ себя? Но 859
для чего Павелъ поставилъ здѣсь свое имя, и не сказалъ просто: *се азъ глаголю вамъ?* Онъ хотѣлъ напомнить галатамъ о той ревности, какую самъ прежде показалъ въ пользу іудейства. Если бы я былъ изъ язычниковъ, говоритъ онъ, и не зналъ іудейства; то иной, можетъ быть, сказалъ бы, что я потому изгоняю обрѣзаніе изъ церковныхъ догматовъ, что не знаю силы его, такъ какъ самъ не жилъ въ іудействѣ. Вотъ для чего онъ поставилъ свое имя,—чтобы напомнить имъ о томъ, что сдѣлалъ онъ для закона. Какъ

бы такъ говоритъ онъ: это дѣлаю не по враждѣ къ обрѣзанію, но по знанію истины; это говорю я, Павелъ, тотъ Павелъ, который *обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева, колѣна Веніаминова, евреинъ отъ еврей, по закону фарисей, по ревности гонихъ церковь* (Фил. III, 5, 6); *въ домы входя, и влача мужи и жены, предаяхъ въ темницу* (Дѣян. VIII, 3); все это можетъ убѣдить самыхъ безразсудныхъ, что я постановилъ этотъ законъ (объ упраздненіи обрѣзанія), не по враждѣ какой, или по незнанію іудейства, но по знанію высочайшей Христовой истины. *Свидѣтельствую же паки*, говоритъ онъ, *всякому человѣку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити* (Гал. V, 3). Для чего не сказалъ: возвѣщаю же, или заповѣдую же, или говорю же, но: *свидѣтельствую?* Для того, чтобы этимъ выраженіемъ напомнить намъ о будущемъ судѣ; ибо, гдѣ свидѣтели, тамъ судъ и приговоръ. Такъ онъ устрашаетъ слушателя, напоминая ему о царскомъ престолѣ, и показывая, что эти слова будутъ ему свидѣтелями въ тотъ день, когда каждый долженъ будетъ дать отчетъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ, что сказалъ, и что слышалъ. Эти (слова апостола) слышали нѣкогда галаты, а теперь пусть послушаютъ и страждущіе болѣзнію галатовъ; если ихъ и нѣтъ здѣсь, пусть отъ васъ услышатъ, какъ Павелъ взываетъ и говоритъ: *свидѣтельствую же всякому человѣку обрѣзающемуся, яко долженъ есть весь законъ творити.* Не говори мнѣ, что обрѣзаніе составляетъ только одну заповѣдь: эта одна заповѣдь налагаетъ на тебя все иго закона. Если ты хотя частію подчиняешь себя владычеству закона, то необходимо долженъ повиноваться и прочимъ повелѣніямъ его; если же не исполняешь ихъ, то по всей необходимости подлежишь наказанію и навлекаешь на себя проклятіе. Когда воробей попадаетъ въ тенета, то, хоть у него запутывается только нога, однако и все остальное тѣло находится въ плѣну. Подобно этому, и исполняющій одну заповѣдь закона, объ обрѣзаніи ли то, или о постѣ, изъ-за этой одной заповѣди отдалъ всего себя во власть закона, и не въ состояніи уже освободиться отъ нея, пока имѣетъ желаніе повиноваться ему, хотя отчасти. Мы говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы обвинять законъ, нѣтъ; но чтобы показать преизобильное богатство благодати Христовой. Законъ не противорѣчитъ Христу; да и какъ это можетъ быть, когда онъ данъ Имъ и къ Нему руководитъ нас? Но говорить обо всемъ этомъ мы вынуждаемся неумѣстною ревностію тѣхъ, которые пользуются закономъ не такъ, какъ должно. Они-то и оскорбляютъ законъ, когда тò повелѣваютъ отстать отъ него и приступить ко Христу, тò снова держатся его. Согласенъ и я, и никогда не буду отрицать, что законъ принесъ очень много пользы нашему роду; но ты, держась его не во-время, не даешь

(вполнѣ) обнаружиться его великой пользѣ. Какъ для воспитателя самою великою похвалою бываетъ то, что воспитанный имъ юноша 860
уже не имѣетъ нужды въ его надзорѣ для сохраненія цѣломудрія, потому что уже довольно укрѣпился въ этой добродѣтели; такъ и для закона величайшею похвалою является то, что мы уже не имѣемъ нужды въ его помощи. Ибо этимъ-то самымъ мы и обязаны закону, что душа наша сдѣлалась довольно способною къ принятію высшаго любомудрія. Значитъ, кто доселѣ остается при законѣ и ничего не можетъ видѣть больше того, что̀ тамъ написано, тотъ не получилъ отъ него большой пользы; а я, который оставилъ его и возвысился до высочайшихъ догматовъ Христовыхъ, могу восхвалять его особенно за то, что онъ сдѣлалъ меня способнымъ возвыситься надъ мелочностью написаннаго въ немъ и взойти на высоту ученія, преподаннаго намъ Христомъ. Законъ много принесъ пользы нашей природѣ, если только приблизилъ насъ ко Христу; а если нѣтъ, то повредилъ еще тѣмъ, что, привязавъ насъ къ меньшему, лишилъ бо̀льшаго и доселѣ держитъ въ безчисленныхъ грѣховныхъ ранахъ. Ибо, если изъ двухъ врачей, изъ которыхъ одинъ слабѣе, а другой сильнѣе (въ своемъ искусствѣ), одинъ приложитъ къ ранамъ лѣкарства и не въ состояніи будетъ освободить больного отъ боли, возбужденной ими [1])...

3.......братъ твой...... *остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда, пришедъ, принеси даръ твой* (Матѳ. v, 24). Не сказалъ: совсѣмъ оставь жертву и уйди; но: оставь даръ пока не принесеннымъ, и ступай, примирись съ братомъ твоимъ. Впрочемъ Онъ сказалъ такъ не только здѣсь, но еще и въ другомъ мѣстѣ. Такъ, если кто имѣетъ жену невѣрную, то есть, язычницу, то не принуждается прогонять ее. *Аще который братъ*, говоритъ апостолъ, *жену иматъ невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея* (1 Кор. vii, 12); а если—распутную и прелюбодѣйцу, то ему не возбраняется прогнать ее: *яко всякъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати* (Матѳ. v, 32). Слѣдовательно, за любодѣяніе можно отпускать жену. Видишь человѣколюбіе и попечительность Божію? Если, говоритъ, жена твоя язычница, не прогоняй; а если прелюбодѣйца, то не возбраняю сдѣлать это. Если она, говоритъ, оскорбитъ Меня, не прогоняй, а если обезчеститъ тебя, никто не мѣшаетъ прогнать. Такой-то Богъ удостоилъ насъ чести; а мы неужели не почтимъ Его и столько же (сколько Онъ почтилъ насъ) но дозволимъ своимъ женамъ оскорблять Его, зная притомъ, что

[1]) Здѣсь недостаетъ окончанія, а въ слѣдующемъ отдѣленіи начала.

насъ постигнетъ величайшее мученіе и казнь, если пренебрежемъ спасеніемъ женъ? Для того-то Онъ и сдѣлалъ тебя главою жены, для того-то и Павелъ повелѣлъ: *аще ли чесому научитися хотятъ* (жены), *въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (1 Кор. XIV, 35), чтобы ты, какъ учитель, попечитель и предстоятель, возбуждалъ ее къ благочестію. А вы, когда время собранія призываетъ въ церковь, не пробуждаете (женъ) отъ безпечности; когда же діаволъ зоветъ ихъ къ трубамъ и онѣ съ готовностію повинуются ему, не останавливаете ихъ, но равнодушно смотрите, какъ онѣ увлекаются къ преступному нечестію и предаются невоздержности.
861 Ибо туда, обыкновенно, собираются и любодѣйцы, и изнѣженные мужчины, и цѣлая толпа плясуновъ. И что говорить о совершающихся тамъ прелюбодѣяніяхъ? Ужели ты не боишься того, что жена твоя возвратится оттуда съ діаволомъ въ душѣ? Развѣ ты не слышалъ, какъ ясно показало намъ предыдущее слово, что демоны обитаютъ и въ душахъ іудеевъ, и въ мѣстахъ, гдѣ они собираются? Какъ же осмѣливаешься ты, скажи мнѣ, послѣ пляски съ демонами снова идти въ апостольское собраніе? Какъ не страшишься приступать къ священной трапезѣ, участвовать въ ней и пріобщаться драгоцѣнной крови послѣ того, какъ ты ходилъ къ пролившимъ кровь Христа и имѣлъ съ ними общеніе? Тебя не ужасаютъ, не приводятъ въ страхъ такія преступленія? Или ты не благоговѣешь предъ самой этой трапезой? Все, что сказалъ я вамъ, вы передайте имъ [1]), а они пусть передадутъ своимъ женамъ: *созидайте кійждо ближняго* (1 Сол. V, 11). Если страждущій этою болѣзнію (іудействомъ) будетъ оглашенный, то да извержется изъ преддверія; если вѣрный и посвященный, да будетъ отлученъ отъ священной трапезы. Ибо не всѣ грѣхи требуютъ только увѣщанія и совѣта; нѣтъ, есть и такіе, которые исправляются рѣшительнымъ и самымъ быстрымъ пресѣченіемъ. Какъ болѣе легкія раны уступаютъ слабѣйшимъ лѣкарствамъ, а загнившія, неизлѣчимыя и губящія все тѣло требуютъ острія желѣзнаго и огня; такъ и изъ грѣховъ, одни имѣютъ нужду въ продолжительномъ увѣщаніи, а другіе—въ строгихъ обличеніяхъ. Потому и Павелъ велѣлъ не увѣщавать только, но и строго обличать, говоря такъ: *ея же ради вины обличай ихъ нещадно* (Тит. I, 13). Обличимъ же ихъ теперь нещадно, чтобы они, устыдившись нашихъ словъ и осудивъ сами себя, не заражались болѣе беззаконнымъ (іудейскимъ) постомъ. Для того и я, оставивъ наконецъ увѣщаніе, свидѣтельствую и провозлашаю: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. XVI, 22). А чѣмъ болѣе

[1]) т. е. склоннымъ къ іудейству

можетъ кто-либо доказать, что онъ не любитъ Господа, какъ не тѣмъ, когда участвуетъ въ праздникѣ (іудеевъ), убившихъ Его? Таковыхъ не я предалъ анаѳемѣ, а Павелъ; или даже и не Павелъ, а Христосъ, говорящій чрезъ Павла и выше сказавшій, что *иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (Гал. v, 4). Скажите имъ эти слова, прочтите этотъ приговоръ, и, со всею заботливостію спасши ихъ и исхитивъ изъ челюстей діавола, приведите къ намъ въ день поста, чтобы мы, отдавъ вамъ остальное изъ обѣщаннаго, единодушно и одними устами съ нашими братіями, прославили Бога и Отца Господа Іисуса Христа, потому что Ему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

«Къ тѣмъ, которые по прежнему постятся въ пасху». Слово это какъ показываетъ самое начало, произнесено послѣ втораго, или даже и третьяго, слова противъ аномеевъ.

Опять крайняя и настоятельная нужда, прервавъ порядокъ 862
прежнихъ бесѣдъ, заставляетъ насъ сегодня говорить о ней самой и отвлекаетъ отъ преній съ еретиками. Мы намѣрены были побесѣдовать съ вашей любовію опять о славѣ Единороднаго, но нелѣпое упорство желающихъ по прежнему поститься въ пасху вынуждаетъ насъ все нынѣшнее поученіе употребить на ихъ врачеваніе. И хорошій пастухъ, не только отгоняетъ волковъ (отъ своего стада), но и со всею заботливостію лечитъ заболѣвшихъ овецъ: ибо какая польза, когда овцы, хоть и избѣгаютъ пасти звѣрей, за то истребляются болѣзнію? Такъ и наилучшій военачальникъ, не только отражаетъ замыслы (внѣшнихъ) враговъ, но еще прежде этого умиряетъ волнующій городъ, зная, что внѣшняя побѣда не принесетъ никакой пользы, пока будетъ продолжаться внутренняя, междоусобная война. А чтобы тебѣ увѣриться, что нѣтъ ничего гибельнѣе (внутренняго) раздора и несогласія, послушай, что̀ говоритъ Христосъ: *всякое царство, раздѣлъшееся на ся, запустѣетъ* (Матѳ. xii, 25). Что̀, кажется, могущественнѣе государства, у котораго есть и денежные доходы, и оружіе, и стѣны, и крѣпости, и огромное войско, и конница, и безчисленное множество другихъ средствъ, увеличивающихъ его силу? Однакожъ, если въ немъ возникнетъ междоусобіе, вся эта сила сокрушается: ибо ничто такъ не ослабляетъ (общества), какъ ссоры и распри, и напротивъ, ничто столько не усиливаетъ и не укрѣпляетъ, какъ

любовь и согласіе. Сознавая это, и Соломонъ говорилъ: *братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же, якоже основаное царство* (Притч. XVIII, 19). Видишь, какъ сильно единодушіе, и какъ гибеленъ раздоръ? Царство, раздираемое междоусобіемъ, гибнетъ; а два человѣка, соединившіеся и тѣсно связанные между собою,—непоколебимѣе всякой стѣны. Знаю, что у насъ, по милости Божіей, бо̀льшая часть стада свободна отъ этой болѣзни; однако поэтому не должно еще пренебрегать врачеваніемъ. Еслибы даже больныхъ было только десять человѣкъ, или пять, или два, или только одинъ, и тогда не надлежало бы оставлять его безъ вниманія; пусть онъ и одинъ, притомъ незначительный и презрѣнный человѣкъ, однако и онъ братъ, за котораго Христосъ умеръ. О малыхъ-то и Христосъ заботится много. *Иже аще соблазнитъ*, говоритъ Онъ, *единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. XVIII, 6). И опять: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (XXV, 45). И еще: *нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (XVIII, 14). Какъ же будетъ безразсудно, если мы вознерадимъ о малыхъ, когда Христосъ столько заботится о нихъ? Не о томъ говори, что онъ (больной) одинъ, но о томъ, что одинъ, оставленный безъ вниманія, передаетъ свою болѣзнь и прочимъ. *Малъ квасъ*, говоритъ апостолъ, *все смѣшеніе кваситъ* (Гал. V, 9). Это-то и губитъ и разстраиваетъ все, что мы пренебрегаемъ малымъ; отъ того-то и (малыя) раны дѣлаются большими, точно также, какъ большія легко сдѣлаются малыми,
863 если о нихъ позаботятся надлежащимъ образомъ. Такъ вотъ что мы напередъ скажемъ имъ [1]: ничего нѣтъ хуже, какъ раздоръ и брань, какъ расторгать церковь и раздирать на многія части хитонъ, котораго не осмѣлились разорвать и разбойники. Не довольно ли другихъ ересей? Нѣтъ, мы еще разсѣчемъ сами себя! Развѣ не слышишь, что говоритъ Павелъ: *аще же другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (Гал. V, 15)? Ходишь ты внѣ стада, и не боишься, скажи мнѣ, льва, который бродитъ около (стада)? *Зане супостатъ вашъ діаволъ*, говоритъ апостолъ, *яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Смотри мудрость пастыря: не пустилъ (звѣря) въ самую средину овецъ, чтобы не перепугать стада: не прогналъ его и далеко, чтобы опасеніемъ звѣря заставить всѣхъ (овецъ) собраться вмѣстѣ. Не боишься ты Отца? Побойся врага: если отдѣлишься отъ стада, онъ, навѣрно, схватитъ тебя. Христосъ могъ бы прогнать его и далеко, но позволилъ ему рыкать около

[1] Христіанамъ, держащимся іудейства.

(стада), чтобы заставить тебя быть бодрымъ и заботливымъ, и постоянно прибѣгать къ матери (церкви), чтобы находящіеся въ стадѣ, слыша голосъ его, больше соединялись между собою и прибѣгали другъ къ другу. Такъ поступаютъ и сердобольныя матери: когда дѣти расплачутся, онѣ грозятъ бросить ихъ на съѣденіе волкамъ, не съ тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ бросить, но чтобы дѣти перестали плакать. Такъ Христосъ все сдѣлалъ, чтобы мы жили въ мирѣ и согласіи другъ съ другомъ.

2. Поэтому и Павелъ, хотя могъ обличать коринѳянъ во многихъ и важныхъ (грѣхахъ), но прежде всего обличаетъ ихъ въ раздорахъ. Такъ, онъ могъ бы осудить ихъ и за блудъ, и за гордость, и за языческія судилища, и за пиршества въ идольскихъ капищахъ, и за то, что жены ихъ не покрывали своихъ головъ, а мужчины покрывали; кромѣ этого, за презрѣніе къ бѣднымъ, за превозношеніе дарованіями и (за сомнѣніе) касательно воскресенія мертвыхъ; но, такъ какъ могъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, обличить ихъ еще за раздоръ и несогласіе между собою, то, оставя всѣ прочіе пороки, напередъ исправляетъ этотъ послѣдній. И если я не затрудню васъ, то докажу самыми словами Павла, что это дѣйствительно такъ. Такъ, что они блудодѣйствовали, объ этомъ послушай, что̀ говоритъ онъ: *отнюдъ слышится въ васъ блуженіе* (1 Кор. v, 1). Что они были горды и надменны: *яко не грядущу ми къ вамъ, разгордѣшася нѣцыи* (iv, 18). Что судились у язычниковъ: *смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя ко иному, судитися отъ неправедныхъ* (vi, 1)? Что ѣли идоложертвенное: *не можете трапезѣ Господней причащатися и трапезѣ бѣсовстѣй* (x, 21). Послушай, какъ онъ укоряетъ ихъ и за то, что женщины у нихъ не покрывались, а мужчины напротивъ: *всякъ мужъ, молитву дѣя или пророчествуяй покрытою главою, срамляетъ главу свою. И всяка жена, молитву дѣющая или пророчествующая откровенною главою, срамляетъ главу свою* (xi, 4, 5). А что они презирали бѣдныхъ, и это ясно показалъ апостолъ словами: *овъ убо алчетъ, овъ же упивается* (ст. 21); и еще: *или о церкви Божіей нерадите, и срамляете не имущыя* (ст. 22)? Такъ какъ всѣ они до- 864
могались бо̀льшихъ дарованій духовныхъ, и никто не хотѣлъ принимать меньшихъ, то онъ говоритъ: *еда вси апостоли; еда вси пророцы* (xii, 29)? А что они сомнѣвались касательно воскресенія мертвыхъ, и объ этомъ говоритъ: *но речетъ нѣкто: како востанутъ мертвіи? коимъ же тѣломъ пріидутъ* (xv, 35)? Но не смотря на то, что могъ онъ обличить ихъ въ столь многомъ, (апостолъ) ни о чемъ не сказалъ имъ прежде, какъ о несогласіи и раздорѣ; лишь только началъ посланіе, уже и говоритъ такъ: *молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаго-*

лете вси, и да не будутъ въ васъ распри (1 Кор. I, 10). Онъ зналъ, очень хорошо зналъ, что это не терпѣло отлагательства. Блудникъ, и гордецъ, и зараженный другимъ какимъ нибудь порокомъ, очень скоро отстанетъ отъ него и исцѣлится, если всегда будетъ ходить въ церковь и постоянно слушать поученія; но кто прервалъ связь съ этимъ собраніемъ, уклонился отъ отеческаго наставленія и убѣжалъ изъ врачебницы, тотъ, хотя и кажется здоровымъ, скоро подвергнется болѣзни. Какъ искусный врачъ прежде прекращаетъ горячку и потомъ залѣчиваетъ раны и вереды, такъ поступилъ и Павелъ; уничтоживъ напередъ раздоръ, онъ потомъ началъ уже врачевать и раны каждаго члена. Поэтому, прежде всего онъ говоритъ о томъ, чтобы (коринѳяне) не ссорились между собою, не выбирали сами себѣ начальниковъ, и не разсѣкали тѣла Христова на многія части. Впрочемъ, онъ говорилъ это не имъ только, но и тѣмъ, которые послѣ нихъ страждутъ тою же болѣзнію; такихъ людей и я хотѣлъ бы спросить, что значитъ пасха? Что такое четыредесятница? Что такое іудейская пасха и что наша? Почему та ежегодно бываетъ только однажды, а эта совершается въ каждое собраніе [1])? Что такое опрѣсноки? (Хотѣлъ бы спросить еще) и о многомъ другомъ, что только относится къ этому же самому предмету. И тогда вы хорошо бы узнали, какъ неразумно упорство тѣхъ, которые и не могутъ дать отчета въ своихъ поступкахъ, и не учатся у другихъ, какъ будто они умнѣе всѣхъ. А это-то и заслуживаетъ крайняго осужденія, когда они и сами не знаютъ дѣла, и приказаній не слушаютъ, но дѣйствуя безъ разсужденія, по глупой привычкѣ, стремятся въ бездну и пропасти.

3. Какъ же они умничаютъ, когда мы такъ возражаемъ имъ? Вы сами, говорятъ они, не такъ ли постились прежде [2])? Не твое дѣло говорить объ этомъ мнѣ, а я въ правѣ сказать тебѣ, что и мы прежде постились въ это же время, однако общее согласіе предпочли совпаденію временъ. Что Павелъ говорилъ галатамъ, то и я говорю вамъ: *будите, якоже азъ: зане и азъ, якоже вы* (Гал. IV, 12). Что это значитъ? Онъ убѣждалъ ихъ отстать отъ обрѣзанія, оставить субботы, и дни, и всѣ другіе обряды, предписываемые закономъ. Потомъ, замѣтивъ ихъ боязнь и опасеніе, какъ бы имъ за нарушеніе закона не подвергнуться отвѣту и наказанію, онъ ободряетъ ихъ собственнымъ примѣромъ, говоря: *будите, якоже азъ: зане и азъ, якоже вы.* Развѣ я, говоритъ онъ, пришелъ

---

[1]) Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ этого слова св. Златоустъ подъ пасхою христіанскою разумѣетъ таинство евхаристіи.

[2]) т. е. вмѣстѣ съ іудеями, до опредѣленія Никейскаго собора о празднованіи христіанской Пасхи не въ одно время съ іудейскою.

отъ язычниковъ? Развѣ я не знаю подзаконной жизни и того наказанія, которое ожидаетъ нарушителей закона? *Евреинъ отъ еврей, по закону фарисей, по ревности гонихъ церковь Божію, по правдѣ законной бывъ непороченъ. Но яже ми бяху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету* (Фил. III, 5—7), то есть рѣшительно отсталъ отъ нихъ. Итакъ будьте, какъ и я; потому что и я былъ, какъ вы. И что говорю я о себѣ? Болѣе трехъ сотъ отцевъ, собравшись въ Виѳинской странѣ, постановили это [1]), и ты безчестишь всѣхъ ихъ? Одно изъ двухъ: ты обвиняешь ихъ или въ невѣжествѣ, будто бы они не знали хорошо (того, что учреждали), или въ робости, будто бы они, хоть и зная, лицемѣрили и измѣнили истинѣ. Это необходимо слѣдуетъ, коль скоро ты не исполняешь ихъ постановленія. Но что они обнаружили тогда и великую мудрость и мужество, это показываютъ всѣ дѣянія (собора). О мудрости ихъ свидѣтельствуетъ изложенная тогда вѣра, которая заградила уста еретиковъ и, какъ непоколебимая стѣна, отразила всѣ козни ихъ; а о мужествѣ—только что окончившееся гоненіе и несогласіе въ церквахъ. Какъ храбрые воины, воздвигшіе безчисленное множество трофеевъ и покрытые многими ранами, пришли тогда со всѣхъ сторонъ предстоятели церквей, нося на себѣ раны Христовы и свидѣтельствуя о множествѣ мученій, которыя претерпѣли они за исповѣданіе вѣры. Одни изъ нихъ могли разсказать о рудокопняхъ и претерпѣнныхъ ими тамъ страданіяхъ; другіе о лишеніи всего имущества, иные о голодѣ, а иные о частыхъ бичеваніяхъ. Одни могли указать на истерзанныя ребра; другіе на избитую спину, иные на исторгнутые глаза или на другую какую-нибудь часть тѣла, которой лишились они за Христа. Изъ такихъ-то подвижниковъ состоялъ тогда весь соборъ; они-то, вмѣстѣ съ изложеніемъ вѣры, постановили и то, чтобы праздникъ (пасхи христіане) совершали всѣ вмѣстѣ и согласно. Итакъ, могли ли эти мужи, не измѣнившіе вѣрѣ въ столь тяжкія времена, лицемѣрить въ назначеніи извѣстныхъ дней (поста и пасхи)? Смотри, что ты дѣлаешь, когда осуждаешь столь многихъ отцевъ, такъ мужественныхъ и мудрыхъ. Если фарисей, осудивъ мытаря, потерялъ все, что было у него добраго; то какое извиненіе, какое оправданіе будешь имѣть ты, когда возстаешь противъ столь многихъ боголюбезныхъ учителей, и притомъ несправедливо и совершенно неосновательно? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ самъ Христосъ: *идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ. XVIII, 20)?

---

[1]) т. е. касательно празднованія христіанской Пасхи не въ одно время съ іудейскою. Разумѣется первый вселенскій соборъ въ 325 г. по Р. Х.

Если же Христосъ находится посреди двухъ или трехъ, тѣмъ болѣе Онъ находился, все опредѣлялъ и постановлялъ тамъ, гдѣ было болѣе трехъ сотъ. А ты обвиняешь не только ихъ, но и всю вселенную; потому что и она одобрила ихъ опредѣленіе. Или думаешь, что іудеи умнѣе отцевъ, собравшихся со всей вселенной; іудеи, которые лишились всего отечественнаго устройства и ни одного праздника не совершаютъ (по надлежащему)? Что у нихъ нѣтъ ни опрѣсноковъ, ни пасхи (многіе, какъ слышу я, говорятъ и то, что пасха (христіанская) должна быть съ опрѣсноками),— что у нихъ нѣтъ опрѣсноковъ, выслушай объ этомъ слова законодателя (Моvсея): *не возможеши жрети пасхи ни въ единомъ*
366 *отъ градовъ твоихъ, яже Господь Богъ твой дастъ тебѣ: но токмо на мѣстѣ, еже изберетъ Господь Богъ твой, призывати имя Его ту* (Втор. XVI, 5. 6), разумѣя здѣсь Іерусалимъ. Видишь, какъ Богъ, привязавъ этотъ праздникъ къ одному городу, впослѣдствіи разрушилъ и самый городъ, чтобы и по неволѣ отклонить ихъ отъ прежняго порядка жизни? Всякому извѣстно, что Богъ предвидѣлъ будущее. Для чего же Онъ собралъ ихъ туда со всей вселенной, если предвидѣлъ, что этотъ городъ погибнетъ? Не ясно ли, что Онъ хотѣлъ отмѣнить и самый праздникъ? Богъ отмѣнилъ его, а ты послѣдуешь іудеямъ, о которыхъ пророкъ говоритъ: *и кто слѣпъ, развѣ раби Мои; и глуси, развѣ владѣющіи ими* (Иса. XLII, 19)? Въ самомъ дѣлѣ, къ кому не были они неблагодарны и безчувственны? Къ апостоламъ ли, къ пророкамъ ли, къ учителямъ ли своимъ? Но что и говорить объ учителяхъ и пророкахъ, когда они убивали даже дѣтей своихъ! Они, вѣдь, закалали въ жертву демонамъ своихъ сыновей и дочерей (Пс. CV, 37). Они не познали самой природы, и усердствовали соблюдать дни? Попрали родство, забыли дѣтей, забыли самого Бога, создавшаго ихъ: *Бога рождшаго тя*, говоритъ Моvсей, *оставилъ еси, и забы Бога питающаго тя* (Втор. XXXII, 18); оставили Бога, и—усердствовали соблюдать праздники? Кто бы могъ сказать это? И Христосъ праздновалъ съ (іудеями) пасху, не для того, чтобы мы праздновали ее съ ними, но чтобы посредствомъ тѣни ввести истину. Онъ и обрѣзанію подвергся, и наблюдалъ субботы, и совершалъ ихъ праздники, и вкушалъ опрѣсноки, и все это дѣлалъ въ Іерусалимѣ; но мы ни къ чему этому не обязаны; напротивъ, Павелъ взываетъ къ намъ: *аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (Гал. V, 2). И опять объ опрѣснокахъ: *тѣмже да празднуемъ, не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. V, 8). Наши опрѣсноки состоятъ не въ замѣшанной мукѣ, но въ безукоризненномъ поведеніи и добродѣтельной жизни.

4. Для чего же Христосъ совершилъ тогда (пасху)? Такъ какъ древняя пасха была образомъ будущей, а за образомъ надлежало слѣдовать истинѣ; то Христосъ, напередъ показавъ тѣнь, потомъ предложилъ на трапезѣ и истину. А съ появленіемъ истины, тѣнь уже скрывается и дѣлается неумѣстною. Итакъ не представляй мнѣ этого въ возраженіе, а докажи, что Христосъ повелѣлъ дѣлать это и намъ. Я, напротивъ, докажу, что Онъ не только не повелѣлъ намъ наблюдать дней (Моvсеева закона), но и освободилъ насъ отъ этой необходимости. Послушай, что говоритъ Павелъ; а когда назову Павла, разумѣю Христа, потому что Онъ движетъ душею Павла. Такъ что же говоритъ онъ? *Дни смотряете и мѣсяцы, и времена, и лѣта. Боюся отъ васъ, еда како всуе трудихся въ васъ* (Гал. IV, 10. 11). И опять: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете* 867
(1 Кор. XI, 26). А словомъ: *елижды* (всякій разъ) апостолъ отдалъ на волю (христіанину, когда) приступать (къ таинству евхаристіи), и такимъ образомъ вовсе освободилъ его отъ наблюденія временъ. Вѣдь пасха и четыредесятница не одно и тоже; но иное—пасха, иное—четыредесятница. Четыредесятница въ каждый годъ бываетъ однажды, а пасха (евхаристія) трижды въ недѣлю, а иногда и четырежды, и даже столько разъ, сколько мы захотимъ; потому что (наша) пасха—не постъ, а приношеніе и жертва, совершающаяся всякій разъ, какъ бываетъ собраніе (литургія). А что (наша) пасха въ этомъ и состоитъ, послушай словъ Павла: *пасха наша за ны пожренъ бысть, Христосъ* (1 Кор. V, 7); и: *елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете* (1 Кор. XI, 26). Значитъ, всякій разъ, какъ ты приступаешь (къ пріобщенію св. таинъ) съ чистою совѣстію, ты совершаешь пасху,—не тогда, т. е. когда постишься, но—когда участвуешь въ этой жертвѣ. *Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете*; а возвѣщеніе смерти Господней и есть пасха. И сегодняшнее приношеніе, и то, которое совершено вчера, и совершается каждодневно, одинаково съ тѣмъ, которое совершилось тогда въ субботній день; и то нисколько не священнѣе этого, и это не ниже того, но и то и другое—одинаково, равно страшно и спасительно. Для чего же, скажете, мы постимся въ эти сорокъ дней? Въ древности многіе приступали къ св. тайнамъ, безъ разбора и какъ случилось, особенно въ то время, когда Христосъ преподалъ ихъ. Замѣтивъ вредъ, какой происходитъ отъ небрежнаго приступленія, отцы, собравшись вмѣстѣ, назначили сорокъ дней поста для молитвъ, слушанія (слова Божія), и церковныхъ собраній, дабы всѣ мы, тщательно очистивъ себя въ эти дни молитвами, милостынею, постомъ, все-

нощными бдѣніями, слезами, исповѣдью, и всѣми другими средствами, приступали такимъ образомъ съ чистою совѣстію, сколько намъ это возможно. И что они сдѣлали великое дѣло, когда, по такой снисходительности, установили у насъ обычай поститься, это видно изъ слѣдующаго. Вотъ, мы въ теченіе всего года не перестаемъ взывать и проповѣдывать о постѣ, и—никто не внимаетъ словамъ нашимъ; но лишь настанетъ время четыредесятницы, тогда, хотя бы никто не убѣждалъ и не совѣтовалъ, и самый лѣнивый пробуждается, потому что получаетъ совѣтъ и убѣжденіе отъ самаго времени. Итакъ, если іудей и еллинъ спросятъ тебя: для чего постишься? не говори, что для пасхи или креста: этимъ ты дашь ему сильное оружіе противъ тебя. Нѣтъ, мы постимся не для пасхи и не для креста, но ради своихъ прегрѣшеній, потому что намѣреваемся приступить къ тайнамъ; пасха же есть предметъ не поста и плача, но веселія и радости. Ибо крестъ изгладилъ грѣхъ, сдѣлался очищеніемъ всего міра, примиреніемъ долговременной вражды; отверзъ врата небесныя, людей ненавистныхъ (Богу) сдѣлалъ друзьями, возвелъ наше естество на небо, и посадилъ одесную Престола, доставилъ намъ и другія безчисленныя блага. Итакъ, изъ-за всего этого должно не плакать и сокрушаться, а веселиться и радоваться. Поэтому и Павелъ говоритъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. VI, 14). И опять: *составляетъ же свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ, Христосъ за ны умре* (Римл. V, 8). И Іоаннъ вотъ что говоритъ:
868 *тако бо возлюби Богъ міръ* (Іоан. III, 16). Какъ, скажи? Умолчавъ обо всемъ прочемъ, онъ указалъ на крестъ. Ибо сказавъ: *тако бо возлюби Богъ міръ*, прибавилъ: *яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть* на распятіе, *да всякъ вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный*. Итакъ, если крестъ есть предметъ любви и похвалы, то не будемъ говорить, что мы изъ-за него плачемъ: нѣтъ, мы плачемъ не изъ-за него, но изъ-за своихъ прегрѣшеній. Вотъ почему мы постимся.

5. Только оглашенный никогда не совершаетъ пасхи, хотя и постится ежегодно, потому что онъ не участвуетъ въ приношеніи (евхаристіи); между тѣмъ какъ и непостящійся, но приступающій съ чистою совѣстію, совершаетъ пасху, сегодня ли, завтра ли, или вообще всякій разъ, когда онъ участвуетъ въ пріобщеніи. Ибо достойное причащеніе зависитъ не отъ наблюденія времени, но отъ чистой совѣсти. А мы дѣлаемъ напротивъ: сердца не очищаемъ, но, если только приступимъ въ (субботній) день, то уже и думаемъ, что совершаемъ пасху, хотя бы и обременены были безчисленными грѣхами. Но это не такъ.

нѣтъ; напротивъ, если ты приступишь и въ субботу съ лукавою совѣстію, то все-таки не получишь пріобщенія, и уйдешь, не совершивъ пасхи; и наоборотъ, если и сегодня пріобщишься, загладивъ грѣхи свои, то въ точности совершишь пасху. Итакъ, эту-то точность и тщательность вы должны бы показывать не въ наблюденіи временъ, но въ приступленіи (къ причащенію). И, какъ вы теперь готовы лучше перенести все, нежели перемѣнить обычай, такъ надлежало бы вамъ пренебречь этимъ обычаемъ и рѣшиться все претерпѣть и сдѣлать, только бы не приступать (къ пріобщенію) во грѣхахъ. А что Богъ не обращаетъ вниманія на такое наблюденіе временъ, послушай, какъ Онъ судитъ: *взалкахся бо*, говоритъ Онъ, *и дасте Ми ясти: возжадахся и напоисте Мя: нагъ и одѣясте Мя* (Матѳ. XXV, 35. 36); а стоящихъ ошуюю укоряетъ за противное этому. И опять, когда приведенъ былъ иной рабъ, (Богъ) наказываетъ его на злопамятство: *рабе лукавый, весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ: не подобаше ли и тебѣ помиловати клеврета твоего, якоже и Азъ тя помиловахъ* (Матѳ. XVIII, 32. 33)? Онъ не впустилъ также юродивыхъ дѣвъ въ чертогъ жениха за то, что у нихъ не было елея въ свѣтильникахъ; а одного осудилъ за то, что онъ вошелъ не въ брачномъ одѣяніи, но въ нечистыхъ одеждахъ, то есть, оскверненный прелюбодѣяніемъ и нечистотою; напротивъ, никто никогда не былъ наказанъ и осужденъ за то, что совершалъ пасху въ такой-то и такой-то мѣсяцъ. И что́ говорить о насъ, которые освобождены отъ всякой такого рода необходимости, и живемъ горѣ—на небесахъ, гдѣ нѣтъ ни мѣсяцевъ, ни солнца, ни луны, ни годичнаго круговращенія? Кто захочетъ тщательно вникнуть въ дѣло, тотъ увидитъ, что сами іудеи не много обращаютъ вниманія на время, но выше его ставятъ мѣсто—Іерусалимъ. Ибо когда люди, пришедши къ Моисею, говорили: 869
мы нечисти есмы о души человѣчи: еда убо лишимся принести даръ Господу (Числ. IX, 7): *станите ту*, сказалъ имъ Моѵсей, *да услышу, что повелитъ Господь о васъ* (Числ. IX, 9). Потомъ, вознеся жертву, далъ имъ законъ, предписывающій, что *иже аще будетъ нечистъ о души человѣчи, или на пути далече, и не можетъ сотворити въ первый мѣсяцъ пасху, да сотворитъ во вторый* (ст. 10). Такимъ образомъ даже у іудеевъ допускается нарушеніе опредѣленнаго времени, только бы пасха совершалась въ Іерусалимѣ; а ты не предпочитаешь времени единеніе съ церковію, но, чтобы наблюсти дни, оскорбляешь общую нашу матерь и разсѣкаешь святое собраніе? Какъ же можешь ты заслужить прощеніе, когда безъ всякой причины рѣшаешься на такой грѣхъ? И что говорить объ іудеяхъ? Вѣдь и мы, сколько бы ни желали, ни старались, никакъ однако же не можемъ наблюсти тотъ день,

въ который Христосъ распятъ: это видно изъ слѣдующаго. Если бы іудеи и не согрѣшили, и не сдѣлались неблагодарными, безчувственными, небрежными и презрителями; если бы они и не потеряли отечественнаго устройства, но вполнѣ сохраняли бы его доселѣ: и тогда невозможно было бы намъ, послѣдуя имъ, наблюсти тотъ день, въ который Христосъ былъ распятъ и совершилъ пасху. А какъ это, я и скажу теперь. Когда Христосъ былъ распятъ, тогда былъ первый день опрѣсноковъ и пятокъ; но пятокъ и первый день опрѣсноковъ не всегда могутъ совпадать. Вотъ, напр., въ настоящемъ году первый день опрѣсноковъ совпадаетъ съ воскресеньемъ: поэтому надлежало бы поститься всю недѣлю, и намъ, когда уже пройдутъ и страсти, и настанетъ крестъ (распятіе Христово) и воскресеніе, пришлось бы все еще поститься. И часто случалось, что постъ (іудейскій) продолжался послѣ креста, послѣ воскресенія, пока не кончится недѣля. Такимъ образомъ никакъ нельзя наблюсти время.

6. Не будемъ же спорить и говорить: я столько лѣтъ наблюдалъ (іудейскій) постъ, и теперь ли перемѣнить мнѣ обычай? Поэтому-то самому и перемѣни: столько времени ты отдѣлялся отъ церкви, возвратись же наконецъ къ матери. Вѣдь никто не говоритъ: такъ какъ я столько времени былъ во враждѣ, то теперь стыдно мнѣ помириться. Стыдно коснѣть въ неразумной настойчивости, а не перемѣняться на лучшее. То-то и погубило іудеевъ, что они, стараясь всегда соблюдать древній обычай, дошли до нечестія. И что говорить о постѣ и наблюденіи дней? Павелъ строго соблюдалъ законъ, много подъялъ трудовъ, много совершилъ путешествій, много перенесъ и другихъ бѣдствій, и точностію въ исполненіи обрядовъ іудейскихъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ; однако, и по достиженіи высшаго совершенства въ (іудейской) жизни, какъ только узналъ, что все это онъ дѣлалъ ко вреду и на погибель (себѣ), тотчасъ перемѣнился. Онъ не спрашивалъ себя: что это такое? Ужели я напрасно употреблялъ столько усердія, потерялъ столько труда? Нѣтъ, для того-то онъ и перемѣнился скорѣе, чтобы снова не понесть той же потери, для того и презрѣлъ праведность законную, чтобы получить праведность отъ вѣры: *яже ми бяху пріобрѣтенія,* взываетъ онъ, *сія вмѣнихъ Христа ради тщету* (Фил. III, 7).—*Аще принесеши даръ*
870 *твой,* говоритъ Іисусъ Христосъ, *ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Матѳ. V, 23. 24). Что скажешь на это? Когда просто братъ твой имѣетъ что-нибудь противъ тебя, Христосъ не позволяетъ тебѣ принести жертву, доколѣ не помиришься съ бра-

томъ; а когда имѣетъ (нѣчто) противъ тебя вся церковь и столько отцевъ, ты осмѣливаешься и дозволяешь себѣ приступать къ божественнымъ тайнамъ, не прекративъ этой неразумной вражды? И какъ же можешь ты, въ такомъ расположеніи духа, совершить пасху? Говорю это не къ тѣмъ только, но и къ вамъ—здоровымъ, чтобы вы, сколько ни увидите такихъ, всѣхъ ихъ съ великою осторожностію и ласковостію взяли и собрали, и привели къ матери. Если даже они будутъ противиться, будутъ уклоняться, или другое что дѣлать, не отстанемъ, доколѣ не убѣдимъ ихъ; ибо ничто не можетъ сравниться съ миромъ и согласіемъ. Поэтому и отецъ нашъ (епископъ), вошедши (въ церковь), не прежде восходитъ на эту каѳедру, какъ испросивъ всѣмъ вамъ миръ; и вставъ, не прежде начинаетъ учить васъ, какъ преподавъ всѣмъ миръ. И священники, когда хотятъ благословлять, прежде всего испросятъ миръ для васъ, и потомъ уже начинаютъ благословлять; также и діаконъ, приглашая молиться, вмѣстѣ съ прочими прошеніями, повелѣваетъ въ молитвѣ просить ангела мирна; да и всѣ возносимыя имъ моленія исполнены мира, и наконецъ, отпуская васъ изъ сего собранія, онъ желаетъ вамъ этого же, говоря: *съ миромъ изыдите*. Вообще, безъ мира ничего нельзя ни сказать, ни сдѣлать. Онъ есть нашъ питатель и отецъ, который лелѣетъ насъ съ великою заботливостію. Миръ же я разумѣю не тотъ, что состоитъ въ пустомъ привѣтствіи и общеніи трапезъ, но миръ по Богѣ, происходящій отъ духовнаго единенія. Это-то единеніе многіе теперь расторгаютъ, когда, по неразумной ревности, уничижая наши постановленія и придавая большую важность іудейскимъ, считаютъ ихъ (іудеевъ) учителями, заслуживающими бо́льшаго довѣрія, чѣмъ наши отцы, и христоубійцамъ вѣрятъ (въ томъ, что касается) страданія (Христова). Что можетъ быть безсмысленнѣе этого? Развѣ не знаешь, что іудейская пасха есть образъ, а христіанская—истина? Смотри, какая между ними разность: та избавляла отъ тѣлесной смерти, а эта прекратила гнѣвъ (Божій), которому подпала вся вселенная; та избавила нѣкогда отъ Египта, эта освободила отъ идолослуженія; та погубила фараона, эта—діавола; послѣ той—Палестина, послѣ этой—небо. Что же ты сидишь со свѣчею, когда уже взошло солнце? Зачѣмъ хочешь питаться молокомъ, когда дается тебѣ твердая пища? Для того тебя и кормили молокомъ, чтобы ты не оставался на молокѣ; для того и свѣтила тебѣ свѣча, чтобы ты пришелъ къ солнцу. Итакъ, когда настало совершеннѣйшее состояніе, не будемъ возвращаться къ прежнему,—не будемъ наблюдать дней, временъ и годовъ, но во всемъ неуклонно послѣдуемъ церкви, всему предпочитая любовь и миръ. Если бы даже и ошибалась церковь, и

въ такомъ случаѣ не столько было бы похвально точное наблюденіе временъ, сколько осужденія достойны раздѣленіе и расколъ.
871 Вотъ я нисколько не забочусь о времени, такъ какъ и Богъ не (заботится), что мы уже и показали (ибо и объ этомъ я уже много говорилъ); одного только домогаюсь, чтобы намъ дѣлать все въ мирѣ и единомысліи, чтобы, когда мы постимся со всѣмъ народомъ, и священники совершаютъ общественныя молитвы за вселенную, въ это время ты не оставался дома пьянствовать. Подумай, вѣдь это—діавольское навожденіе, и составляетъ не одинъ, не два, не три грѣха, но гораздо болѣе: отдѣляетъ тебя отъ стада (Христова), заставляетъ обвинять столь многихъ отцевъ, ввергаетъ въ упорство, увлекаетъ къ іудеямъ и выставляетъ тебя на соблазнъ и домашнимъ и чужимъ. Ибо какъ станемъ мы упрекать ихъ въ томъ, что они сидятъ дома, когда и ты бѣжишь къ нимъ? А кромѣ этихъ важныхъ грѣховъ можетъ произойти и большой вредъ, когда ты во время постовъ тѣхъ (съ іудеями) не будешь пользоваться ни Писаніемъ, ни собраніями, ни благословеніемъ, ни общими молитвами, но все это время проведешь съ нечистою совѣстію, въ страхѣ и трепетѣ, чтобы не уличили тебя, какъ какого-нибудь иноплеменника и инородца, между тѣмъ какъ тебѣ надлежало бы, вмѣстѣ съ церковію, совершать все съ дерзновеніемъ, съ удовольствіемъ, съ радостію и совершенною свободою. Церковь не знала строгаго наблюденія временъ; но когда затѣмъ всѣмъ отцамъ (церкви) угодно было собраться вмѣстѣ изъ различныхъ странъ и назначить опредѣленный день (пасхи), то церковь, во всемъ почитающая согласіе и любящая единомысліе, приняла ихъ опредѣленіе. А что ни вамъ, ни намъ и никому другому (изъ христіанъ) невозможно такъ ограничивать нашъ воскресный день, это достаточно доказано выше. Не будемъ же сражаться съ тѣнію, и, споря изъ-за случайнаго, не повредимъ себя въ важнѣйшемъ. Поститься въ то или другое время—не предосудительно, но раздѣлять церковь, жить въ раздорахъ, производить расколы и постоянно уклоняться отъ (церковнаго) собранія, это не простительно, достойно осужденія и влечетъ за собою тяжкое наказаніе. Можно бы сказать и больше этого, но для внимательныхъ достаточно и сказаннаго; а для не внимательныхъ не было бы пользы, если бы сказано было и больше. Посему, заканчивая здѣсь слово, всѣ вмѣстѣ попросимъ нашихъ братьевъ возвратиться къ намъ, возлюбить миръ, отстать отъ неразумнаго упорства, и, оставивъ безъ вниманія маловажное, проникнуться возвышенными и важными мыслями, и освободиться отъ наблюденія дней, чтобы всѣмъ намъ единодушно, едиными устами прославлять Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Полное заглавіе: «его же (Златоуста) противъ іудеевъ слово четвертое, на трубы ихъ пасхи. Говорено въ Антіохіи, въ великой церкви». Самое начало этой бесѣды показываетъ, что она произнесена, спустя довольно долго послѣ первыхъ трехъ словъ противъ іудеевъ.

ОПЯТЬ, жалкіе и несчастнѣйшіе изъ всѣхъ людей, іудеи хотятъ поститься, и опять нужно оградить стадо Христово. 872
И пастухи, пока не безпокоитъ ихъ никакой звѣрь, расположившись подъ дубомъ или сосной, играютъ на свирѣли, оставляя овецъ пастись на всей волѣ; а какъ примѣтятъ приближеніе волковъ, бросивъ свирѣль, берутъ въ руки пращу, и, оставивъ рожокъ, вооружаются палками и камнями, и, ставъ впереди стада и поднявъ большой и сильный крикъ, часто однимъ этимъ крикомъ, не дѣлая еще нападенія на звѣря, прогоняютъ его. Такъ и мы, въ предшедшіе дни услаждаясь, какъ бы на лугу какомъ, изъясненіемъ Писанія, не употребили ни одного спорнаго слова, потому что никто не безпокоилъ насъ; а какъ сегодня, свирѣпѣйшіе всѣхъ волковъ, іудеи хотятъ окружить нашихъ овецъ, то необходимо бороться и ратовать, чтобы ни одна овца не была похищена у насъ звѣрями. И не дивитесь, что мы, еще за десять и болѣе дней до наступленія поста (іудейскаго), уже вооружаемся и ограждаемъ ваши души: вѣдь и трудолюбивые земледѣльцы, если имѣется по близости быстрый потокъ, опустошающій нивы, не во время дождливой погоды, но еще до этой поры, ограждаютъ и берега (потока), и поднимаютъ насыпи, и проводятъ канавы, и всячески укрѣпляются противъ него. Пока онъ еще тихъ и маловоденъ, легко удержать его; но когда увеличится и весьма быстро понесетъ воды свои, тогда уже не такъ легко останавливать его: вотъ почему (земледѣльцы) за долго предупреждаютъ напоры его, придумывая всѣ возможныя преграды. Такъ же поступаютъ, обыкновенно, и воины, и корабельщики, и жнецы. Тѣ, еще до сраженія, вычищаютъ и латы, и осматриваютъ щиты, и заготовляютъ удила, и кормятъ лошадей съ большимъ стараніемъ, и все прочее устроиваютъ старательно. И корабельщики, прежде чѣмъ спустить корабль въ пристань, исправляютъ и киль, и подновляютъ бока (корабля), и обтесываютъ весла, и сшиваютъ паруса, и упорядочиваютъ всѣ остальныя принадлежности корабля. Подобнымъ образомъ и жнецы, за много дней оттачиваютъ и серпы, и подготовляютъ гумно, и воловъ, и телѣгу, и все прочее, что по-

требно для жатвы. Да и всѣ люди, извѣстно, заранѣе дѣлають приготовленія къ своимъ занятіямъ, чтобы, когда настанетъ время занятій, легко было имъ сдѣлать дѣло. Имъ-то подражая, и мы
873 за много дней впередъ ограждаемъ ваши души, и увѣщеваемъ васъ бѣгать отъ этого нечестиваго и беззаконнаго поста (іудейскаго). Не говори мнѣ, что (іудеи) постятся; но докажи то, согласно ли съ волею Божіею они это дѣлаютъ; если же нѣтъ, то постъ ихъ—беззаконнѣе всякаго пьянства. Должно не на дѣла ихъ только смотрѣть, но изслѣдовать и причину дѣлъ. Что бываетъ по волѣ Божіей, то, хотя бы казалось и худымъ, лучше всего; а что противно и не угодно Богу, то, хотя бы и казалось самымъ лучшимъ, хуже и беззаконнѣе всего. Если кто даже совершитъ убійство по волѣ Божіей, это убійство лучше всякаго человѣколюбія; но если кто пощадитъ и окажетъ человѣколюбіе вопреки волѣ Божіей, эта пощада будетъ преступнѣе всякаго убійства. Дѣла бываютъ хорошими и худыми не сами по себѣ, но по Божію о нихъ опредѣленію.

2. И чтобы удостовѣриться тебѣ въ справедливости этого, выслушай вотъ что. Нѣкогда Ахавъ, взявъ въ плѣнъ одного сирійскаго царя, вопреки волѣ Божіей сохранилъ ему жизнь, посадилъ его вмѣстѣ съ собою (на колесницу) и отпустилъ съ великою честію. Затѣмъ одинъ пророкъ, пришедши къ ближнему своему, сказалъ: *по словеси Господню бій мя: и не восхотѣ человѣкъ бити его; и рече къ нему: понеже не послушалъ еси гласа Господня, се ты отъидеши отъ мене и поразитъ тя левъ. И отъиде отъ него; и обрѣте его левъ и порази его, и обрѣте человѣка инаго и рече: бій мя: и би его человѣкъ и порази его, и сокруши* лице его (3 Цар. xx, 35—37). Что можетъ быть страннѣе этого? Поразившій пророка остался цѣлъ, а пощадившій—наказанъ: знай же, что, когда Богъ повелѣваетъ, тогда не должно разсуждать о свойствѣ самаго дѣла, но только повиноваться. И вотъ, чтобы первый (ближній) не пощадилъ пророка изъ уваженія къ нему, пророкъ не просто сказалъ ему: *бій мя*, но: *по словеси Господню*, то есть, Богъ повелѣлъ, ни о чемъ больше не спрашивай; царь предписалъ законъ, уважь достоинство повелѣвшаго, и повинуйся со всею готовностію. Но тотъ не послушался, за что и потерпѣлъ тяжкое наказаніе, и своимъ несчастіемъ вразумляетъ потомковъ повиноваться и покоряться всему, что ни повелитъ Богъ. Потомъ, когда второй поразилъ и поранилъ пророка, этотъ обвязалъ голову свою полотномъ, прикрылъ глаза и сдѣлалъ такъ, чтобы его не узнали. А для чего онъ сдѣлалъ это? Онъ хотѣлъ обличить царя и произнести надъ нимъ судъ за спасеніе сирійскаго царя. Такъ какъ царь былъ нечестивъ и ненавидѣлъ пророковъ, то, чтобы, увидѣвъ

его, не прогналъ съ глазъ, а прогнавъ, не остался безъ исправленія, пророкъ прикрываетъ и свое лице и разсказъ о самомъ дѣлѣ, дабы имѣть возможность говорить (съ царемъ) и получить отъ него сознаніе въ томъ, въ чемъ хотѣлось (пророку). И вотъ, когда царь проходилъ мимо, пророкъ закричалъ къ нему и сказалъ: *рабъ твой изыде на войну брани, и се мужъ приведе ко мнѣ мужа,* 874
и рече ко мнѣ: сохрани мужа сего: аще же отрѣшився, отскочитъ, и будетъ душа твоя вмѣсто души его, или талантъ отдаси сребра. И бысть, яко озрѣся рабъ твой сѣмо и овамо, и сего не бысть: и рече къ нему царь израилевъ: се судъ твой при мнѣ, самъ себе убилъ еси. И ускори и отъя покрывало отъ очесъ своихъ: и позна его царь израилевъ, яко отъ пророкъ сей есть. И рече къ нему: тако глаголетъ Господь: понеже испустилъ еси ты мужа пагубнаго изъ руки твоея, и будетъ душа твоя вмѣсто души его, и люди твои вмѣсто людей его (ст. 39—42). Смотри, какъ не только Богъ, но и люди судятъ одинаково, — обращая вниманіе не на свойство дѣлъ, но на ихъ цѣль и причины. Вотъ и царь говоритъ пророку: ты самъ себѣ судья предо мною, ты совершилъ убійство. Ты, говоритъ, человѣкоубійца, потому что отпустилъ непріятеля. Вотъ для чего пророкъ и покрылъ себя покрываломъ и потребовалъ суда какъ бы по чужому дѣлу, чтобы царь произнесъ правильное рѣшеніе;—что и случилось. Ибо, когда царь произнесъ надъ нимъ судъ, пророкъ, снявъ покрывало, сказалъ: *понеже испустилъ еси ты мужа пагубнаго изъ руки твоея, и будетъ душа твоя вмѣсто души его, и люди твои вмѣсто людей его.* Видишь, какъ (Ахавъ) осужденъ за человѣколюбіе, и какое наказаніе потерпѣлъ за пощаду? Онъ сохранилъ жизнь (врагу), и— наказанъ; а другой совершилъ убійство, и — заслужилъ похвалу. Вотъ Финеесъ въ одно мгновеніе совершилъ два убійства, умертвилъ мужа и жену, и почтенъ священствомъ: такъ онъ руку свою не только не осквернилъ кровію, но еще сдѣлалъ болѣе чистою. Итакъ, видя, что бившій пророка остается цѣлъ, а не бившій погибаетъ, что пощадившій наказывается, а не пощадившій похваляется, во всѣхъ случаяхъ старайся узнать прежде волю Божію, а не свойство самого дѣла, и, что найдешь согласнымъ съ нею, то только и одобряй.

3. Этимъ-то правиломъ руководствуясь, будемъ судить и объ этомъ (іудейскомъ) постѣ. Если мы не станемъ такъ дѣлать, но будемъ выставлять и разсматривать только голыя дѣла, какъ онѣ есть, то произойдетъ большое замѣшательство, большой безпорядокъ. Наприм. терпятъ побои и разбойники, и гробограбители, и обманщики; но то же терпятъ и мученики: дѣла одинаковы, но расположеніе духа и причина, по которой онѣ бываютъ, неодина-

ковы, а потому между (мучениками) и тѣми людьми большое различіе. И какъ въ этомъ случаѣ мы обращаемъ вниманіе не на однѣ мученія, но, еще прежде того, на расположеніе души и на причину, изъ-за которой бываютъ мученія, а поэтому и мучениковъ любимъ не за то, что они мучатся, но за то, что мучатся за Христа, и разбойниковъ презираемъ не за то, что они наказываются, но за то, что наказываются за злодѣянія; такъ же суди и о томъ, что дѣлается у іудеевъ. И если увидишь, что они постятся для Бога, похвали это; если же увидишь, что дѣлаютъ это вопреки волѣ Божіей, отвратись и возненавидь ихъ болѣе, чѣмъ
875 пьянствующихъ и неумѣренныхъ въ пищѣ и питіи. Но въ этомъ постѣ должно смотрѣть не на причину только, но и на мѣсто и на время. Впрочемъ прежде, чѣмъ бороться съ іудеями, лучше побесѣдуемъ съ тѣми изъ нашихъ членовъ, которые, повидимому, стоятъ вмѣстѣ съ нами, но на дѣлѣ слѣдуютъ іудейскимъ обычаямъ и всячески защищаютъ ихъ, и которыхъ поэтому я считаю болѣе достойными осужденія, чѣмъ самихъ іудеевъ. Въ этомъ согласятся съ нами не только мудрые и умные люди, но и всѣ, кто только имѣетъ сколько нибудь разума и смысла. Чтобы доказать это, не нужно умствованій, изслѣдованій и длинныхъ оборотовъ рѣчи; нѣтъ, довольно только спросить ихъ и—уловить на самомъ отвѣтѣ ихъ. Что же? Спрошу я у каждаго изъ страдающихъ этимъ недугомъ: ты христіанинъ? Для чего же слѣдуешь обычаямъ іудеевъ? Или ты іудей? Такъ зачѣмъ безпокоишь церковь? Персъ не соблюдаетъ ли того, что въ обычаѣ у персовъ? Варваръ не слѣдуетъ ли обычаямъ варваровъ? Живущій въ римскомъ государствѣ не подчиняется ли нашему уставу? И если кто изъ живущихъ между нами будетъ обличенъ въ томъ, что поступаетъ какъ варваръ, такой, скажи мнѣ, не тотчасъ ли подвергается наказанію безъ суда и изслѣдованія, хотя бы и представлялъ тысячу оправданій? Равно, если кто изъ варваровъ окажется соблюдающимъ римскіе законы, не потерпитъ ли и онъ того же самого? Какъ же ты думаешь спастись, уклоняясь къ іудейскимъ беззаконнымъ обычаямъ? Развѣ ничтожно различіе между нами и іудеями? Развѣ споръ у насъ о пустыхъ вещахъ, такъ что можно считать за одно и то же (и христіанство и іудейство)? Что̀ ты соединяешь несоединимое? Они распяли Христа, Которому ты поклоняешься: видишь какое различіе! Какъ же бѣжишь къ нимъ, убійцамъ, ты, говорящій о себѣ, что поклоняешься Распятому? Я ли выдумываю этотъ способъ обвиненія и этотъ родъ обличенія? Не этотъ ли способъ употребляетъ противъ нихъ и Писаніе? Послушай, что говоритъ именно противъ нихъ Іеремія: *отыдите въ Кидаръ, и видите; пошлите въ островы Хеттіимъ, и познайте, аще сотворена быша таковая.*

Что же это такое? *Аще премѣниша языцы боги своя, и тіи не суть бози: вы же премѣнисте славу свою на то, отъ него же не упользуетеся* (Іер. II, 10). А это значитъ вотъ что: тѣ (язычники), говоритъ, поклоняясь идоламъ и служа демонамъ, такъ тверды были въ своемъ заблужденіи, что не захотѣли оставить идоловъ и обратиться къ истинѣ; а вы, поклонники истиннаго Бога, оставя отеческое благочестіе, перешли къ чуждымъ обычаямъ; вы даже не показали и того постоянства въ истинѣ, какое имѣютъ тѣ въ заблужденіи. Вотъ почему говоритъ: *аще сотворена быша таковая? Аще премѣниша языцы боги своя, и тіи не суть бози: вы же премѣнисте славу свою на то, отъ него же не упользуетеся.* Не сказалъ: *премѣнисте Бога своего*, потому что Богъ неизмѣняемъ (Малах. III, 6), но: *премѣнисте славу свою.* Не Меня, говоритъ, оскорбили вы; ибо Мнѣ нельзя сдѣлать вреда; вы обезчестили сами себя, умалили не Мою славу, но свою собственную. Позвольте же и мнѣ сказать это и къ нашимъ, если только должно называть нашими тѣхъ, которые мыслятъ по-іудейски: подите въ синагоги и посмотрите, перемѣнили ли іудеи свой постъ, постились ли въ пасху съ нами, ѣли ли когда въ этотъ день? Ихъ постъ не есть 876
постъ, но беззаконіе, грѣхъ и преступленіе; и однако же они не перемѣнили его; а вы перемѣнили славу свою на то, отъ чего не получите никакой пользы, и перешли на ихъ сторону. Когда постились они въ пасху? Когда совершали съ нами праздникъ мучениковъ? Когда сообщались съ нами въ день Богоявленія? Они не бѣгутъ къ истинѣ, а вы бѣжите къ нечестію: называю (праздники ихъ) нечестіемъ потому, что совершаются не въ свое время. Было нѣкогда время, когда надлежало соблюдать эти праздники, но теперь—не время. Вотъ почему то, что нѣкогда было законно, теперь беззаконно.

4. Позвольте мнѣ сказать къ этимъ людямъ словами Иліи. Онъ, видя, какъ іудеи поступаютъ нечестиво, и то повинуются Богу, то служатъ идоламъ, такъ говоритъ къ нимъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ? Аще есть Господь Богъ нашъ съ вами, пріидите и идите въ слѣдъ Его: аще же Ваалъ, то идите за нимъ* (3 Цар. XVIII, 21). Это же и я теперь скажу къ нимъ: если вы почитаете истиннымъ іудейство, то зачѣмъ обременяете собою церковь? Если же истинно христіанство, каково оно и есть, то неуклонно слѣдуйте ему. Скажи мнѣ, ты участвуешь въ таинствахъ, поклоняешься Христу, какъ христіанинъ, у Него испрашиваешь благъ, и—празднуешь съ Его врагами? Съ какою же, наконецъ, совѣстію приходишь ты въ церковь? Но довольно сказали мы противъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что мыслятъ по-нашему, и между тѣмъ слѣдуютъ іудейскимъ обычаямъ. А какъ я хочу сразиться съ іу-

деями, то позвольте мнѣ предложить болѣе пространное поученіе и показать, какъ іудеи уничижаютъ законъ, постясь теперь, и попираютъ заповѣди Божіи, дѣлая всегда только противное Ему. Вотъ, когда Онъ хотѣлъ, чтобы іудеи постились, они утучняли себя и расширялись; когда же хочетъ, чтобы не постились, они упорствуютъ поститься. Когда хотѣлъ, чтобы приносили жертву, они бѣжали къ идоламъ; а когда не хочетъ, чтобы они совершали свои праздники, тогда усердствуютъ праздновать. Поэтому Стефанъ говорилъ къ нимъ: *вы присно Святому Духу противитеся* (Дѣян. VII, 51). Вы, говоритъ, о томъ только и старались, какъ бы сдѣлать противное тому, что Богъ заповѣдалъ. Такъ поступаютъ они и теперь. Откуда это видно? Изъ самаго закона, ибо въ отношеніи къ праздникамъ іудейскимъ законъ повелѣлъ наблюдать не только время, но и мѣсто (празднованія). Такъ, заповѣдуя имъ и объ этой пасхѣ, онъ говоритъ вотъ что: *не возможеши жрети пасхи ни въ единомъ отъ градовъ твоихъ, яже Господь Богъ твой дастъ тебѣ* (Втор. XVI, 5). Напротивъ, постановивъ совершать пасху въ четырнадцатый день перваго мѣсяца, законъ также повелѣлъ праздновать ее только въ Іерусалимѣ; равно и для празднованія пятьдесятницы назначилъ опредѣленное мѣсто и время, повелѣвъ совершать ее спустя семь недѣль, и опять прибавивъ: *въ мѣстѣ, еже изберетъ Господь Богъ твой* (XII, 11). Точно также (постановлено) и о праздникѣ кущей. Но посмотримъ,
877 что изъ этихъ двухъ болѣе необходимо—время или мѣсто: то есть, если когда нельзя наблюсти то и другое вмѣстѣ, должно ли пренебречь мѣстомъ и наблюсти время, или, пренебрегши временемъ, наблюсти мѣсто? Я хочу сказать вотъ что: Господь повелѣлъ совершать пасху въ первый мѣсяцъ, въ Іерусалимѣ, т. е. въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ. Теперь предположимъ, что совершаютъ пасху двое: одинъ пусть нарушаетъ мѣсто, а соблюдаетъ время; другой пусть наблюдаетъ мѣсто, а нарушаетъ время, притомъ, наблюдающій время, но нарушающій мѣсто, пусть совершаетъ пасху въ первый мѣсяцъ и внѣ Іерусалима, гдѣ нибудь вдали, а наблюдающій мѣсто, но преступающій время, совершаетъ пасху въ Іерусалимѣ, не въ первый мѣсяцъ, а во второй. Затѣмъ посмотримъ, кто изъ двухъ этихъ достоинъ осужденія, и кто одобренія, преступившій ли время и совершившій пасху въ опредѣленномъ мѣстѣ, или оставившій мѣсто и наблюдавшій время? Если преступившій время съ тѣмъ, чтобы совершить пасху въ городѣ, окажется достойнымъ одобренія, а наблюдавшій время, но пренебрегшій мѣстомъ—осужденія и обвиненія, какъ нечестивецъ; то очевидно, что и іудеи поступаютъ нечестиво, когда не совершаютъ пасхи въ своемъ мѣстѣ, хотя бы и тысячу разъ гово-

рили о себѣ, что наблюдаютъ время. Откуда же видно это? Отъ самого Моисея. Когда (евреи) совершили пасху внѣ (Іерусалима), то пришли они къ Моисею, говоря: *мы нечисти есмы о души человѣчи: еда лишимся принести даръ Господу во время свое посредѣ сыновъ Израилевыхъ, и рече Моусей къ нимъ: станите ту, и услышу, что повелитъ Господь о васъ. И рече Господь къ Моусею, глаголя: рцы сыномъ Израилевымъ, глаголя: человѣкъ иже аще будетъ нечистъ о души человѣчи, или на пути далече, или въ васъ, въ родѣхъ вашихъ, да сотворитъ пасху въ мѣсяцъ вторый* (Числ. IX, 7—11). Это значитъ: кто въ первый мѣсяцъ будетъ на пути, тотъ пусть не совершаетъ (пасхи) внѣ города, но пусть совершитъ во второй мѣсяцъ, когда придетъ въ Іерусалимъ; пусть преступитъ время, только бы не быть внѣ города. Это показываетъ, что соблюденіе мѣста болѣе необходимо, чѣмъ соблюденіе времени. Что же могутъ сказать на это совершающіе (пасху) внѣ Іерусалима? Вѣдь, когда они опускаютъ болѣе необходимое, ихъ не можетъ оправдать соблюденіе менѣе необходимаго. Значитъ, они, хотя бы тысячу разъ увѣряли себя, что не нарушаютъ времени, поступаютъ крайне беззаконно. И это видно не только отсюда, но и изъ примѣра пророковъ. Извѣстно, что пророки и не приносили жертвъ, и не воспѣвали пѣсней, и не соблюдали ни одного такого поста на чужой землѣ: какое же эти (нынѣшніе іудеи) могутъ имѣть извиненіе? Тѣ, хотя и ожидали возвращенія прежняго устройства, однако оставались въ повиновеніи закону и исполняли предписанія его, какъ законъ того требовалъ; а эти, не имѣя никакой надежды на возвращеніе прежняго устройства (ибо какимъ мѣстомъ изъ пророковъ могутъ доказать это?), не хотятъ успокоиться. Между тѣмъ, если бы они даже ожидали, что порядокъ тотъ возвратится, и въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало бы подражать святымъ тѣмъ, и не поститься и не дѣлать что либо другое, тому подобное.

5. А для удостовѣренія, что тѣ (святые) ничего такого не дѣлали, послушай, что они отвѣчали спрашивавшимъ ихъ. Когда 878
иноплеменники настоятельно и съ принужденіемъ заставляли ихъ употребить въ дѣло свои органы, говоря: *воспойте намъ пѣснь Господню*, они, хорошо зная, что законъ не позволяетъ имъ дѣлать это внѣ (Іерусалима), отвѣчали: *како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей* (Пс. CXXXVI, 3. 4)? И опять, три отрока, жившіе въ Вавилонѣ, говорили: *нѣсть во время сіе князя и пророка, ни мѣста, еже пожрети предъ Тобою и обрѣсти милость* (Дан. III, 38. 39). Мѣста, конечно, тамъ было много, но такъ какъ не было храма, то они оставались безъ жертвоприношеній. Да и къ другимъ Богъ (говоритъ) чрезъ Захарію: *се седмьдесятъ*

лѣтъ постомъ ли постистеся ми (Зах. VII, 5), разумѣя здѣсь лѣта (вавилонскаго) плѣна. Какъ же ты нынѣ постишься, скажи мнѣ, когда предки твои и не приносили жертвъ, и не постились, и не праздновали? Уже и отсюда видно, что они не совершали и пасхи: ибо, гдѣ не было жертвы, тамъ не было и праздника, потому что всѣ (праздники) надлежало совершать съ жертвоприношеніями. Но чтобы представить тебѣ и доказательство на это, послушай, что говоритъ Даніилъ: *въ тыя дни азъ, Даніилъ, бѣхъ рыдая три седмицы, хлѣба вожделѣннаго не ядохъ, и мясо и вино не внидe во уста моя, и мастію не помазахся въ тѣ седмицы. Въ день двадесять четвертый перваго мѣсяца видѣхъ видѣніе* (Дан. X, 2—4). Здѣсь слушайте меня со вниманіемъ; ибо изъ этихъ словъ видно, что іудеи (въ Вавилонѣ) не совершали пасхи. Какъ же это, я и скажу теперь. Въ дни опрѣсноковъ іудеямъ не позволялось поститься; а Даніилъ въ теченіе двадцати одного дня не вкушалъ ничего. Но изъ чего, скажешь, видно, что эти двадцать одинъ день были дни опрѣсноковъ? Изъ того, что онъ сказалъ: *въ день двадесять четвертый перваго мѣсяца*; а пасха оканчивается въ двадцать первый день; ибо, начавъ четырнадцатымъ днемъ перваго мѣсяца, и потомъ празднуя семь дней, іудеи такимъ образомъ доходятъ до двадцать перваго дня. Но Даніилъ, и по прошествіи пасхи, продолжалъ еще не вкушать; потому что начавъ съ третьяго дня перваго мѣсяца, потомъ продолживъ (постъ) двадцать одинъ день, онъ такимъ образомъ провелъ четырнадцатый день, а за нимъ еще семь и три дня. Итакъ, не беззаконно ли и не нечестиво ли поступаютъ іудеи, что, тогда какъ тѣ святые никакихъ обрядовъ не совершали на чужой землѣ, они по упорству и спорливости дѣлаютъ противное? Вѣдь, если бы говорили и дѣлали это какіе нибудь безпечные и неблагочестивые люди, то несоблюденіе ими (праздниковъ) можно бы приписать ихъ безпечности; но если это были люди благочестивые и боголюбивые, такіе, которые и душу свою отдали за заповѣди Божіи, то явно, что они не соблюдали закона (о праздникахъ) не по безпечности, но по убѣжденію изъ самаго закона въ томъ, что ни одного изъ этихъ обрядовъ не должно соблюдать внѣ Іерусалима. Изъ этого открывается и другая важнѣйшая истина,—именно, что́ соблюденія жертвъ, субботъ, новомѣсячій, и всего тому подобнаго требовало тогдашнее (іудейское) устройство не необходимо, и что ни соблюденіе ихъ
879 не могло придать ничего особеннаго добродѣтели, ни опущеніе— сдѣлать добраго (человѣка) худымъ, или отнять что либо отъ душевнаго любомудрія. Такъ эти (святые мужи), провождавшіе на землѣ жизнь равную ангельскому любомудрію, хотя и не дѣлали ничего этого,—не приносили жертвъ, не совершали праздника, не

соблюдали такого поста, однако такъ угодили Богу, что стали выше и самой природы, и тѣмъ, что случилось съ ними, обратили всю вселенную къ Богопознанію. Что можетъ сравниться съ Даніиломъ? Что съ тремя отроками, которые такъ задолго выполнили уже на дѣлѣ величайшую евангельскую заповѣдь,—главизну всѣхъ благъ? Ибо (въ Евангеліи) сказано: *больши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13); а они душу свою положили за Бога. Впрочемъ, они достойны удивленія не по этому только, но и потому еще, что дѣлали это не за какую либо награду. Потому-то и говорили, что *есть Богъ на небеси, силенъ изъяти насъ. Аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ* (Дан. III, 17—18). Довольно намъ, говорятъ, и той награды, что умираемъ за Бога. И это они дѣлали, такую являли доблесть, не соблюдая ничего предписаннаго въ законѣ (обрядовомъ).

6. Для чего же, скажете, Богъ установилъ эти (обряды), если не хотѣлъ исполненія ихъ? А если бы хотѣлъ исполненія, то для чего разрушилъ вашъ городъ? Если бы Онъ хотѣлъ, чтобы эти обряды соблюдались постоянно, то надлежало бы сдѣлать Ему одно изъ двухъ: или не повелѣвать приносить жертвы на одномъ только мѣстѣ, если уже Онъ хотѣлъ разсѣять васъ по всей вселенной; или, если хотѣлъ, чтобы вы приносили жертвы только тамъ (въ Іерусалимѣ), не разсѣевать васъ по вселенной и не дѣлать для васъ недоступнымъ того именно города, въ которомъ одномъ надлежало приносить жертву. Что же? Богъ, скажешь, противорѣчитъ самому Себѣ: повелѣвъ приносить жертвы въ одномъ только мѣстѣ, самъ же потомъ заперъ это мѣсто? Вовсе нѣтъ; напротивъ, Онъ совершенно вѣренъ Себѣ. Сначала Онъ и не хотѣлъ позволить вамъ жертвы; свидѣтелемъ этого приведу самого пророка, который говоритъ такъ: *услышите слово Господне, князи Содомстіи: внемлите закону Бога вашего, людіе Гоморстіи* (Ис. I, 10). А это говоритъ онъ не къ содомлянамъ и не къ жителямъ Гоморры, но къ іудеямъ. Называетъ же ихъ такъ за то, что они, подражая нечестію тѣхъ, вступили въ родство съ ними. Точно также онъ называетъ ихъ и псами (Ис. LVI, 11) и конями женонеистовыми (Іер. V, 8), не потому, чтобы они приняли природу этихъ животныхъ, но потому, что выказывали ихъ похотливость. *Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь* (Ис. I, 11). А мы не видимъ, чтобы жители Содома когда нибудь приносили жертвы: значитъ, слово это обращено къ іудеямъ, и называетъ ихъ именемъ тѣхъ по указанной мною причинѣ. *Что Ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь, исполненъ есмь всесожженій овнихъ, и тука агнцевъ, и крове* 880

юнцевъ и козловъ не хощу. Ниже приходите явитися Ми; кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ? Слышалъ ты гласъ (Божій), весьма ясно говорящій, что сначала Онъ не требовалъ отъ васъ этихъ жертвъ? Ибо, если бы требовалъ ихъ, то этимъ установленіямъ первыми подчинилъ бы всѣхъ древнихъ, которые еще до нихъ прославились. Для чего же, скажешь, Онъ позволилъ послѣ? Снисходя къ вашей немощи. Какъ врачъ, видя, что больной горячкою человѣкъ, своенравный и нетерпѣливый, хочетъ напиться холодной воды, и угрожаетъ, если ему не дадутъ, накинуть на себя петлю, или броситься со стремнины, для предотвращенія большаго зла, допускаетъ меньшее, только бы отклонить больного отъ насильственной смерти; такъ точно поступилъ и Богъ. Какъ увидѣлъ Онъ, что (евреи) бѣснуются, скучаютъ, хотятъ жертвъ, готовы, если имъ не позволятъ этого, обратиться къ идоламъ, или даже не только готовы обратиться, но уже и обратились, то позволилъ имъ жертвы. И что это было причиной, можно видѣть изъ самаго времени (позволенія). Богъ позволилъ имъ жертвы уже послѣ того, какъ они совершили праздникъ въ честь злыхъ демоновъ, какъ бы такъ говоря имъ: вы бѣснуетесь и хотите приносить жертвы; такъ приносите ихъ, по крайней мѣрѣ, Мнѣ. Впрочемъ, и позволивъ это, Онъ не навсегда далъ такое позволеніе, но, премудрымъ способомъ опять отнялъ его. Какъ врачъ (ничто не мѣшаетъ мнѣ опять употребить тотъ же примѣръ), уступая прихоти больного, приноситъ изъ своего дома сосудъ и приказываетъ ему пить изъ него одного, а потомъ, когда больной согласится на это, тайно велитъ подающимъ питье разбить этотъ сосудъ, чтобы незамѣтно и не подавая вида отклонить больного отъ его прихоти: такъ поступилъ и Богъ. Позволивъ іудеямъ приносить жертвы, Онъ не позволилъ дѣлать это ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима; потомъ, когда они нѣсколько времени приносили жертвы, разрушилъ этотъ городъ, чтобы, какъ врачъ разбитіемъ сосуда, такъ и Богъ разрушеніемъ города—отвлечь ихъ, и по неволѣ, отъ этого дѣла. Если бы Онъ прямо сказалъ: перестаньте; они не легко бы согласились оставить страсть къ жертвамъ; но теперь по самой необходимости ихъ мѣстопребыванія Онъ незамѣтно отвелъ ихъ отъ этой страсти. Такъ пусть будетъ врачъ—Богъ, сосудъ—городъ, больной—упорный народъ іудейскій, холодное питье—позволеніе и свобода приносить жертвы. И вотъ, какъ врачъ отводитъ больного отъ его неразумнаго требованія, разбивая сосудъ; такъ и Богъ отклонилъ (іудеевъ) отъ жертвъ, разрушивъ самый городъ и сдѣлавъ его для всѣхъ недоступнымъ. Если бы Онъ не это имѣлъ въ виду, то для чего заключилъ все богослуженіе въ одномъ мѣстѣ, будучи вездѣсу-

щимъ и все наполняя? Для чего же Онъ, соединивъ богослуженіе съ жертвами, жертвы съ мѣстомъ, мѣсто съ временемъ, время съ однимъ городомъ, потомъ разрушилъ этотъ самый городъ? И вотъ что удивительно и странно: вся вселенная открыта іудеямъ, и нигдѣ на ней не позволено приносить жертвъ; одинъ Іерусалимъ 881
недоступенъ, а въ немъ только и позволялось имъ приносить жертвы. Итакъ, не ясна ли и не очевидна ли, даже для самыхъ несмысленныхъ, причина разрушенія Іерусалима? Если домостроитель, положивъ уже основаніе, выведши стѣны, устроивъ сводъ и прикрѣпивъ его къ одному, положенному въ срединѣ камню, отниметъ этотъ камень, то разрушитъ весь составъ зданія; такъ и Богъ, сдѣлавъ городъ какъ бы связію (іудейскаго) богослуженія, и потомъ разрушивъ его, этимъ самымъ разрушилъ и все остальное зданіе того богослуженія.

7. Но перестанемъ пока бороться съ іудеями. Сегодня мы только начали сраженіе, сказавъ столько, сколько требовалось для предостереженія нашихъ братій, или даже гораздо больше. Нужно наконецъ убѣдить и васъ, здѣсь присутствующихъ, чтобы вы усердно позаботились о нашихъ членахъ, и не говорили: „какая мнѣ надобность? Зачѣмъ мнѣ хлопотать и безпокоиться?“ Господь нашъ умеръ за насъ: а ты не хочешь и слова сказать? Какое же будешь имѣть извиненіе? Какое получишь оправданіе? Какъ, скажи мнѣ, станешь съ дерзновеніемъ предъ судилищемъ Христовымъ, показавъ равнодушіе къ погибели столькихъ душъ? Если бы могъ я знать всѣхъ, кто только бѣгаетъ туда (въ синагоги), то не нуждался бы въ васъ, но самъ весьма скоро исправилъ бы ихъ. Когда нужно исправить брата, то, хотя бы понадобилось отдать и душу, не откажись; поревнуй своему Владыкѣ; есть у тебя слуга, или жена, удерживай ихъ дома съ великою строгостію. Если ты не позволяешь имъ ходить въ театръ, тѣмъ болѣе не позволяй ходить въ синагогу, потому что это преступленіе больше того: тамъ—грѣхъ, а здѣсь—нечестіе. Говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы вы позволяли имъ ходить въ театръ, ибо и это худо; но чтобы гораздо болѣе воспрещали имъ ходить въ синагогу. Что̀ бѣжишь ты видѣть въ синагогѣ богопротивныхъ іудеевъ, скажи мнѣ? Людей, трубящихъ въ трубы? Но надлежало бы тебѣ, сидя дома, скорбѣть о нихъ и плакать о томъ, что они противятся заповѣди Божіей, ликуютъ вмѣстѣ съ діаволомъ. Ибо, какъ я сказалъ прежде, дѣлаемое вопреки волѣ Божіей, хотя бы и было когда дозволено, послѣ становится беззаконіемъ и влечетъ за собою множество наказаній. Трубили нѣкогда іудеи, когда были у нихъ жертвы; а теперь имъ не позволяется это дѣлать. Послушай, для чего и получили они трубы? *Сотвори себѣ*, говоритъ Богъ, *трубы кованы серебряныя*

(Чис. x, 12); потомъ, говоря объ ихъ употребленіи, прибавляетъ: *вострубите въ нихъ на всесожженія ваша и на жертвы спасеній вашихъ* (10). Гдѣ же теперь жертвенникъ? Гдѣ кивотъ? Гдѣ скинія и святое святыхъ? Гдѣ священникъ? Гдѣ херувимы славы? Гдѣ златая кадильница? Гдѣ очистилище? Гдѣ чаша? Гдѣ сосуды воз-
882 ліянія? Гдѣ огонь, свыше ниспосланный? Все оставилъ ты, и удерживаешь только трубы? Видишь ли, что іудеи скорѣе играютъ, чѣмъ служатъ (Богу)? Но если ихъ мы упрекаемъ за то, что они беззаконничаютъ, тѣмъ болѣе—васъ за то, что сходитесь съ беззаконниками; (упрекаемъ) не только тѣхъ, которые бѣгутъ туда, но и тѣхъ, которые могли бы удержать ихъ, и не хотятъ. Не говори мнѣ: „что у меня общаго съ нимъ? Онъ мнѣ чужой и незнакомый“. Пока онъ вѣрный, пріобщается однихъ съ тобою таинъ, и ходитъ въ ту же церковь, дотолѣ онъ ближе къ тебѣ и братьевъ, и знакомыхъ и родственниковъ, и всѣхъ вообще. Слѣдовательно, какъ подвергаются одинаковому наказанію не только крадущіе, но и тѣ, которые могли имъ помѣшать и не помѣшали; такъ одинаково же наказываются не только сами нечестивцы, но и тѣ, которые могли отклонить ихъ отъ нечестія, но не хотѣли по нерадѣнію, или по безпечности. И зарывшій талантъ возвратилъ его господину въ цѣлости; но такъ какъ не умножилъ его, то и наказанъ. И ты, если даже самъ останешься чистымъ и непорочнымъ, но не умножишь своего таланта, и погибающаго брата не обратишь ко спасенію, то потерпишь одинаковую съ (рабомъ) тѣмъ участь. Многаго ли требую отъ васъ, возлюбленные? Пусть каждый изъ васъ обратитъ ко спасенію одного изъ братій, пусть позаботится объ этомъ, пусть потрудится, чтобы въ слѣдующее собраніе намъ придти съ великимъ дерзновеніемъ, неся дары Богу, дары самые драгоцѣнные, возвращая (къ Нему) души заблуждшихъ. Пусть даже придется понести обиды, получить удары, потерпѣть что либо другое,—все сдѣлаемъ, только бы возвратить ихъ. Вѣдь мы сносимъ же упрямство, оскорбленія и брань отъ больныхъ, не огорчаемся обидами, но желаемъ только одного, чтобы здоровъ былъ тотъ, кто такъ безразсудно поступаетъ. И у врача больной часто разрываетъ одежду, но тотъ не перестаетъ изъ-за этого лѣчить его. Если же заботящіеся о тѣлахъ показываютъ столько усердія, то какъ неумѣстно предаваться безпечности, когда гибнетъ столько душъ, и не рѣшаться перенести какую либо непріятность, когда гніютъ наши члены? Не такъ поступалъ Павелъ; а какъ? *Кто*, говорилъ онъ, *изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Зажги и ты въ себѣ этотъ огонь; и, если увидишь брата погибающимъ, пусть онъ тебя бранитъ, пусть оскорбляетъ, пусть бьетъ, пусть угро-

жаетъ сдѣлаться твоимъ врагомъ, пусть дѣлаетъ что бы то ни было другое: все перенеси благодушно, только бы тебѣ пріобрѣсть его спасеніе. Пусть онъ сдѣлается тебѣ врагомъ, зато Богъ будетъ твоимъ другомъ, и наградитъ тебя великими благами въ тотъ день (суда). Дай Богъ, чтобы молитвами святыхъ, и заблуждшіе обратились ко спасенію, и вы имѣли успѣхъ въ этой ловлѣ, и самые тѣ богохульники (іудеи), оставя нечестіе, познали Христа, за нихъ распятаго, да всѣ мы единымъ сердцемъ и едиными устами прославимъ Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава вмѣстѣ со Святымъ Духомъ во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ.

ОТЧЕГО это у насъ сегодня собраніе сдѣлалось многочисленнѣе? Конечно, вы собрались для истребованія обѣщаннаго, пришли получить очищенное огнемъ сребро, которое я обѣщалъ отдать вамъ. *Словеса Господня*, сказано, *словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли* (Псал. xi, 7). Благословенъ Богъ, вложившій въ васъ такое усердіе къ слушанію духовнаго наставленія! Какъ пристрастные къ вину и напиткамъ, каждый день, лишь только вставъ, развѣдываютъ и освѣдомляются, гдѣ напитки, пиры и ужины, праздники и собранія пьющихъ, сосуды, чаши и стаканы: такъ и вы каждый день, лишь встанете, освѣдомляетесь, гдѣ увѣщаніе и совѣтъ, поученіе и наставленіе, и слово во славу Христа. Поэтому и мы тѣмъ охотнѣе беремся за это дѣло, и со всею готовностію предлагаемъ, что обѣщали. Итакъ, наша борьба съ іудеями окончилась, какъ слѣдуетъ: поставленъ и трофей, сплетенъ намъ и вѣнецъ, получили мы награду уже и за предыдущую бесѣду. Нашею цѣлію было доказать что дѣлаемое теперь іудеями есть беззаконіе и нечестіе, брань и война людей противъ Бога: это и доказано, при помощи Божіей, со всею точностію. Ибо, если бы они и имѣли надежду опять получить свой городъ, возвратиться къ прежнему устройству и видѣть свой храмъ возстановленнымъ, чего впрочемъ никогда не будетъ, то и въ такомъ случаѣ не могли бы ничѣмъ оправдать того, что̀ теперь дѣлаютъ. Вотъ, и три отрока, и Даніилъ, и всѣ другіе, жившіе въ плѣну (вавилонскомъ), надѣялись опять получить свой городъ, чрезъ семьдесятъ лѣтъ увидѣть отечественную землю и жить по прежнимъ законамъ; однако и имѣя ясное и несомнѣнное обѣ- 883

тованіе, они, до исполненія этого обѣтованія и до возвращенія (въ Іерусалимъ), не дерзали сдѣлать что-либо изъ постановленнаго (о праздникахъ), какъ это дѣлаютъ нынѣшніе іудеи. Такъ можешь и ты заградить уста іудею. Въ самомъ дѣлѣ, спроси его: почему ты постишься, не имѣя города? И если онъ скажетъ: потому, что надѣюсь опять получить городъ; скажи ему: такъ оставайся въ покоѣ, пока не получишь; ибо тѣ святые, пока не возратились въ свое отечество, не осмѣливались дѣлать то, чтò ты дѣлаешь теперь. Отсюда видно, что ты теперь, если и надѣешься, какъ ты говоришь, опять получить городъ, поступаешь беззаконно, нарушаешь завѣты съ Богомъ, и оказываешь неуваженіе къ самому учрежденію іудейства. Итакъ, для обузданія наглости іудеевъ и обличенія ихъ въ томъ, что они поступаютъ беззаконно, достаточно и сказаннаго вашей любви въ предыдущей бесѣдѣ. Но такъ какъ мы поставили себѣ цѣлію не только, чтобы
884 заградить уста іудеямъ, но и то, чтобы больше научить церковь собственнымъ догматамъ; то вотъ теперь докажемъ подробно и то еще, что и храмъ (іерусалимскій) уже не будетъ возстановленъ, и іудеи не получатъ опять прежняго устройства. Такимъ образомъ, и вы вѣрнѣе узнаете апостольскіе догматы, и они болѣе будутъ уличены въ нечестіи. А свидѣтелемъ этого представимъ не ангела, не архангела, но самаго Владыку всей вселенной, Господа нашего Іисуса Христа. Вошедши въ Іерусалимъ и увидѣвъ храмъ, Онъ сказалъ, что *Іерусалимъ будетъ попираемъ языки многими, дондеже скончаются времена языкъ многихъ* (Лук. XXI, 24), то есть, время до скончанія міра. Эту же угрозу Онъ произнесъ и о храмѣ, сказавъ ученикамъ, что *не имать остати камень на камени на мѣстѣ семъ, иже не разорится* (Матѳ. XXIV, 2); и такимъ образомъ предвозвѣстилъ совершенное разрушеніе и конечное запустѣніе храма. Но іудей, конечно, отвергаетъ это свидѣтельство и не принимаетъ сказаннаго (Іисусомъ Христомъ). Это сказалъ, говоритъ онъ, мой врагъ; я распялъ его, какъ же приму его свидѣтельство? Это-то и дивно, іудей, что Тотъ, Кого ты распялъ, уже по распятіи своемъ, разрушилъ твой городъ, разсѣялъ твой народъ и разбросалъ по всему лицу земли твое племя; а этимъ и показалъ, что Онъ воскресъ и живъ и теперь на небесахъ. Такъ какъ ты не захотѣлъ познать Его могущество въ благодѣяніяхъ, то Онъ далъ тебѣ понять Свою непобѣдимую и необоримую силу въ карахъ и наказаніяхъ. Но ты и послѣ этого не вѣришь, и не признаешь Его Богомъ и Владыкою всей вселенной, но считаешь обыкновеннымъ человѣкомъ. Но разсуди (о Немъ), даже какъ о (простомъ) человѣкѣ. А какъ мы дѣлаемъ разсмотрѣніе о людяхъ? Когда увидимъ, что извѣстные люди всегда го-

ворятъ правду, и ни въ чемъ никогда не лгутъ, то хотя бы они были намъ и враги, мы, если только у насъ есть умъ, принимаемъ ихъ слова; напротивъ, какъ увидимъ, что они лгутъ, то, хотя бы они о чемъ-либо сказали и правду, мы не легко принимаемъ слова ихъ.

2. Теперь посмотримъ, каковъ обычай Христа, каковъ нравъ Его. Онъ предсказалъ и предвозвѣстилъ не то одно, но много и другого, чему надлежало совершиться спустя долгое время. Представимъ-же эти пророчества, и, если увидишь, что въ нихъ Онъ говоритъ ложь, не принимай и не считай вѣрнымъ и этого (пророчества о разрушеніи храма); но если увидишь, что Онъ всегда говоритъ правду, что и это пророчество исполнилось, и что неизмѣримое время свидѣтельствуетъ объ истинѣ предсказаннаго, то перестань безстыдствовать, не спорь противъ такихъ дѣлъ, которыя—яснѣе солнца. Посмотримъ же, что̀ и еще Онъ предсказалъ. Приступила къ Нему женщина, съ алавастровымъ сосудомъ драгоцѣннаго мѵра, и возлила (на Него) мѵро. Вознегодовали на это ученики, говоря: *чесо ради* 885
мѵро сіе не продано бысть на трехъ стѣхъ пѣнязь и дано нищимъ (Іоан. xii, 5). Но (Іисусъ) укорилъ ихъ и сказалъ такъ: *что труждаете жену? дѣло бо добро содѣла. Глаголю вамъ: идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всей земли, речется и еже сотвори сія, въ память ея* (Матѳ. xxvi, 7—13). Что̀ же, солгалъ Онъ, или сказалъ правду? Сбылось пророчество, или нѣтъ? Спроси іудея; и, пусть будетъ онъ безмѣрно наглъ, не можетъ однако же спорить противъ этого пророчества. Мы слышимъ, какъ о той женщинѣ читается во всѣхъ церквахъ, и слушателями во всѣхъ городахъ стоятъ консулы, полководцы, мужчины, женщины, благородные, знатные, славные; куда бы ты ни пришелъ, вездѣ найдешь, что всѣ въ глубокомъ молчаніи слушаютъ (повѣствованіе) о поступкѣ той женщины и нѣтъ мѣста во вселенной, въ которомъ бы онъ былъ не извѣстенъ. Сколько было царей, которые оказали много великихъ благодѣяній городамъ, успѣшно воевали, воздвигли себѣ трофеи, спасли народы, построили города, и собрали себѣ безчисленныя сокровища; однако же о нихъ и о дѣлахъ ихъ не говорится ни слова. Много было и царицъ и великихъ женъ, оказавшихъ безчисленныя благодѣянія подчиненнымъ; но и онѣ никому не извѣстны и по имени. А эта бѣдная женщина возлила только мѵро, и прославляется по всей вселенной; столько уже прошло времени, но память о ней не изгладилась, и не изгладится никогда. Между тѣмъ и дѣло ея не важное: ибо что̀ такое возлить мѵро? И личность она не знатная: ибо она была женщина отверженная; и свидѣтелей немного: ибо она сдѣлала это при (однихъ) ученикахъ; и мѣсто не открытое: ибо сдѣлала

это не на зрѣлищѣ, но въ домѣ, гдѣ было только человѣкъ десять. Однако ни незначительность лица, ни малочисленность свидѣтелей, ни безвѣстность мѣста, ни другое что не могло истребить памяти о ней: нѣтъ, эта женщина теперь славнѣе всѣхъ царицъ и всѣхъ царей, и такое продолжительное время не предало забвенію поступка ея. Отчего, скажи мнѣ? Кто сдѣлалъ это? Не Богъ ли, Которому она тогда послужила, распространилъ этотъ слухъ (о ней) повсюду? Итакъ, скажи мнѣ, человѣческой ли способности свойственно предсказать такое событіе? Какой же умный человѣкъ скажетъ это? Чудно и необычайно, когда (Христосъ) предсказываетъ о чемъ либо такомъ, что самъ Онъ сдѣлаетъ; но гораздо важнѣе и удивительнѣе, когда Онъ предсказываетъ еще и о томъ, что̀ сдѣлаютъ другіе, и устроиваетъ такъ, что это становится для всѣхъ достовѣрнымъ и очевиднымъ. Опять, Онъ предсказалъ Петру: *на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ей* (Матѳ. xvi, 18). Что̀ же, скажи мнѣ, іудей, можешь ты возразить противъ этихъ словъ и доказать, что это пророчество ложно? Но этого не позволитъ тебѣ свидѣтельство самыхъ дѣлъ, какъ бы ты ни усиливался. Сколько браней воздвигалось на церковь! Приготовлялись великія полчища, изощрялись оружія, изобрѣтаемы были всѣ виды казней и мученій,
586 сковороды, орудія растрѣлянія, котлы, печи, ямы, стремнины, зубы звѣрей, моря, ссылки и другія безчисленныя истязанія, которыхъ нельзя ни изобразить словомъ, ни перенести на дѣлѣ; и такія истязанія не отъ чужихъ только, но и отъ своихъ. Все объяла тогда какая то междоусобная война, или даже такая, которая свирѣпѣе всякой междоусобной брани; ибо сражались не только граждане съ гражданами, но и родные съ родными, свои съ своими, друзья съ друзьями. Однако же ничто не разрушило церкви, не обезсилило ея; и что̀ особенно дивно и необычайно, все это происходило въ первое время (существованія церкви). Еслибы эти бѣдствія постигли ее тогда, когда проповѣдь была уже насаждена и укоренена во всей вселенной, не такъ было бы дивно то, что церковь не разрушилась. Но если столько браней возгорѣлось въ самомъ началѣ (христіанскаго) ученія, когда сѣмя вѣры только что было брошено, и умы слушателей были еще очень слабы, а между тѣмъ наши дѣла не только не потерпѣли никакого ущерба, но еще болѣе усилились: это уже выше всякаго чуда. Чтобы ты не говорилъ, будто теперь церковь стоитъ твердо по причинѣ мира съ царями, Богъ попустилъ ей терпѣть гоненіе тогда, когда она была меньше и казалась слабѣе, дабы ты убѣдился изъ этого, что и нынѣшняя твердость ея зависитъ не отъ мира съ царями, но отъ силы Божіей.

3. А что это правда, подумай, сколь многіе хотѣли ввести между еллинами (новое) ученіе, и установить новый образъ жизни, какъ-то: Зенонъ, Платонъ, Сократъ, Діагоръ, Пиѳагоръ, и весьма многіе другіе; однако они такъ мало имѣли успѣха, что неизвѣстны народу даже по имени. А Христосъ не только предписалъ (новый) образъ жизни, но и насадилъ его во всей вселенной. Сколько говорятъ о дѣлахъ Аполлонія Тіанскаго? Но дабы ты зналъ, что все ложь и вымыслъ, и нѣтъ тутъ ничего истиннаго, (дѣло Аполлонія) рушилось и покончилось. Пусть никто не считаетъ оскорбленіемъ для Христа, что, говоря о Немъ, мы упомянули о Пиѳагорѣ и Платонѣ, Зенонѣ и (Аполлоніѣ) Тіанскомъ; это мы дѣлаемъ не по своему произволу, но снисходя къ немощи іудеевъ, почитающихъ (Христа) простымъ человѣкомъ. Такъ поступилъ и Павелъ: пришедши въ Аѳины, онъ говорилъ аѳинянамъ не изъ пророковъ и не изъ евангелій, но началъ увѣщаніе съ жертвенника; не потому, чтобы считалъ жертвенникъ болѣе достойнымъ вѣроятія, нежели Евангеліе, и не потому, чтобы сдѣланная на томъ жертвенникѣ надпись была важнѣе писаній пророческихъ, но потому, что онъ говорилъ съ язычниками, которые не вѣровали ничему нашему; такъ онъ уловилъ ихъ ихъ же ученіемъ (Дѣян. XVII, 23). Вотъ почему, говоритъ онъ, *быхъ іудеемъ, яко іудей, беззаконнымъ, яко беззаконенъ, не сый беззаконникъ Богу, но законникъ Христу* (1 Кор. IX, 20—21). Такъ поступаетъ и Ветхій Завѣтъ, когда, бесѣдуя о Богѣ къ іудеямъ, говоритъ: *кто подобенъ Тебѣ въ бозѣхъ, Господи* (Исх. XV, 11)? Что говоришь, Моисей? Можетъ ли быть какое сравненіе между Богомъ истиннымъ и ложными богами? Я сказалъ это, говоритъ онъ, не потому, чтобы дѣлалъ сравненіе, а потому, что бесѣдую съ іудеями, которые имѣютъ высокое понятіе о демонахъ; снисходя къ ихъ немощи, употребилъ я такой образъ ученія. Такъ какъ и у насъ рѣчь къ іудеямъ, ко- 887
торые Христа считаютъ простымъ человѣкомъ, и притомъ нарушителемъ закона, то посему мы и привели въ примѣръ тѣхъ, которые особенно уважаются еллинами. Если же хотите (видѣть примѣры) и такихъ людей, которые между самыми іудеями покушались на то же, собирали себѣ учениковъ, провозглашали себя начальниками и предводителями, и—тотчасъ исчезли: представимъ и такіе примѣры. Такъ заградилъ (іудеямъ) уста и Гамаліилъ. Когда увидѣлъ онъ, что іудеи бѣснуются и жаждутъ пролить кровь учениковъ (Христовыхъ); то, чтобы обуздать ихъ неукротимую ярость, онъ, приказавъ *внѣ мало что апостоломъ уступити*, такъ говорилъ къ нимъ: *внимайте себѣ о человѣцѣхъ сихъ, что хощете сотворити. Предъ сими бо денми воста Ѳевда, глаголя быти велика нѣкоего себе, и прилѣпишася къ нему мужей четыреста: иже убіенъ*

бысть, и вси, елицы повинушася ему, разыдошася. Посемъ воста Іуда Галилеанинъ, и отвлече люди доволны: и той погибе, и ученики его погибли. *И нынѣ глаголю вамъ: внимайте себѣ, яко, аще будетъ отъ человѣкъ дѣло сіе, разорится: аще ли же отъ Бога есть, не можете разорити то, да не како и богоборцы обрящетеся* (Дѣян. v, 35 — 38). Откуда же можемъ видѣть, что, если *дѣло отъ человѣкъ*, то разорится? Имѣете, говоритъ, примѣръ въ Іудѣ и Ѳевдѣ. Такъ, если и этотъ (Христосъ), проповѣдуемый сими (апостолами), таковъ же, какъ и тѣ (Іуда и Ѳевда); если и здѣсь все дѣлается не божественною силою; то потерпите немного, и самый исходъ дѣла увѣритъ васъ, по концу увидите ясно, обманщикъ ли онъ (Христосъ) и беззаконникъ, какъ говорите вы, или Богъ, вся содержащій и неизреченною силою устрояющій наши дѣла. Такъ и было; подождали они, и божественная и необоримая сила открылась въ самыхъ дѣлахъ; а та хитрость, выдуманная для обольщенія людей, обратилась на главу діавола. Когда діаволъ увидѣлъ, что Христосъ пришелъ, то, стараясь затмить Его пришествіе и истинное домостроительство, выслалъ нѣсколько обманщиковъ, о которыхъ мы выше сказали, съ тѣмъ, чтобы и Христа относили къ числу ихъ. Что онъ сдѣлалъ по отношенію къ кресту, подготовивъ двухъ разбойниковъ къ распятію со Христомъ, то же сдѣлалъ и по отношенію къ Его пришествію,—силился примѣсью лжи помрачить истину: однако же нисколько не успѣлъ ни тамъ, ни здѣсь, напротивъ, это самое особенно и показало силу Христову. Почему, скажи мнѣ, изъ трехъ распятыхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одно и тоже время, и по опредѣленію однихъ и тѣхъ же судей, о тѣхъ (двухъ разбойникахъ) всѣ молчатъ, а одному (Христу) покланяются? Отчего опять, хотя многіе старались ввести новый образъ жизни и имѣть учениковъ, они неизвѣстны доселѣ и по имени, а этому служатъ по всей вселенной? Дѣла объясняются особенно чрезъ сравненіе. Сравни же, іудей, и познай превосходство истины. Какой обманщикъ устроилъ себѣ столько церквей по всей вселенной, распространилъ свою религію отъ концовъ до концовъ земли, всѣхъ подчинилъ себѣ, и притомъ
888 не смотря на безчисленное множество препятствій? Нѣтъ ни одного такого. Итакъ явно, что Христосъ не обманщикъ, но Спаситель, Благодѣтель, Промыслитель и Начальникъ жизни нашей. Приведу еще одно пророчество (Христово), и затѣмъ возвращусь къ своему предмету. *Не пріидохъ*, сказалъ Христосъ, *воврещи миръ на землю, но мечъ* (Матѳ. x, 34), разумѣя не то, чтобы Онъ хотѣлъ этого, но то, что таковъ будетъ исходъ самыхъ событій. *Пріидохъ бо*, говоритъ, Онъ *разлучити человѣка на отца своего, и невѣстку на свекровь свою, и дщерь на матерь свою* (ст. 35). Какъ бы Онъ могъ предсказать

это, скажи мнѣ, еслибы былъ простой, обыкновенный человѣкъ? Слова Его имѣютъ такой смыслъ: такъ какъ случалось, что въ одномъ домѣ былъ одинъ вѣрный, а другой невѣрный, и отецъ увлекалъ своего сына къ нечестію, то, предсказывая это, Христосъ говоритъ: сила проповѣди будетъ имѣть такую власть, что дѣти презрятъ отцовъ, и дочери—матерей, и родители—дѣтей; вѣрные рѣшатся не только оставить родныхъ, но и отдать свою душу, потерпѣть и перенесть все, только бы не отречься отъ благочестія. Какъ могъ Онъ и узнать и устроить это, если бы былъ обыкновенный человѣкъ? Откуда пришло Ему на мысль, что Онъ будетъ и для дѣтей почтеннѣе родителей, и для родителей пріятнѣе дѣтей, и для женъ любезнѣе мужей? И это не въ одномъ домѣ, не въ двухъ, или трехъ, не въ десяти, или двадцати, или въ сотнѣ, но во всей вселенной, во всѣхъ городахъ и странахъ, на сушѣ и на морѣ, въ мѣстахъ обитаемыхъ и необитаемыхъ. Нельзя сказать и того, что Онъ только сказалъ это, но не привелъ въ исполненіе. Ибо въ началѣ и въ первыя времена (церкви) было много такихъ, да и теперь еще есть такіе, которыхъ ненавидятъ за благочестіе, изгоняютъ изъ отеческихъ домовъ; однако же они не обращаютъ на это вниманія, находя себѣ достаточное утѣшеніе въ томъ, что терпятъ это за Христа. Какой человѣкъ могъ когда сдѣлать это, скажи мнѣ? Итакъ Христосъ, предсказавшій все это,—и о той женѣ, и о церкви, и объ этой борьбѣ,—предсказалъ также и то, что храмъ разрушится, Іерусалимъ будетъ взятъ, и городъ этотъ не будетъ болѣе городомъ іудеевъ, какъ прежде. Если Онъ въ томъ солгалъ, если тѣ пророчества не исполнились, не вѣрь и этому; но если видишь, что тѣ блистательно исполнились, и съ каждымъ днемъ получаютъ новую силу,—что врата адовы не одолѣли церкви, о поступкѣ жены чрезъ столько времени проповѣдуется во всей вселенной, и люди, увѣровавшіе въ Него, предпочли Его и родителямъ, и женамъ, и дѣтямъ своимъ, то для чего, скажи мнѣ, не вѣришь одному этому пророчеству, особенно когда свидѣтельство времени заграждаетъ уста твоей наглости? Когда бы послѣ взятія (Іерусалима) прошло какихъ нибудь десять, или двадцать, или тридцать, или пятьдесятъ лѣтъ; то и тогда не слѣдовало бы упорствовать, хотя охотникамъ спорить и оставался бы еще нѣкоторый предлогъ къ этому. Но вотъ, не пятьдесятъ, но сто, дважды и трижды столько, и даже гораздо болѣе лѣтъ прошло послѣ разрушенія (Іерусалима), а доселѣ не видно ни слѣда, ни тѣни ожидаемой вами перемѣны: для чего же упорствуешь напрасно и безъ всякаго основанія?

4. Достаточно бы и сказаннаго нами для доказательства, что 889
(іерусалимскій) храмъ никогда не возстановится. Но какъ у истины

весьма обильны средства, то, оставя Евангеліе, обращусь къ пророкамъ, которымъ іудеи, повидимому, особенно вѣрятъ, и изъ нихъ докажу, что іудеи никогда не получатъ ни храма, ни города. Для меня собственно и не было никакой нужды доказывать, что (храмъ) не возстановится, и не мое, а ихъ было бы дѣло доказать противное, т. е. что будетъ возстановленъ. У меня въ самомъ времени имѣется доказательство, которое свидѣтельствуетъ и стоитъ за меня; но они, которыхъ опровергаютъ самыя событія и которые не въ состояніи подтвердить слова свои дѣлами, а только хвастаются попусту и безъ основанія, они-то именно и должны представить это свидѣтельство. То, что я говорю, подтверждается самыми дѣлами: и то, напримѣръ, что городъ палъ, и то, что онъ не возстановленъ чрезъ столько времени; а что они говорятъ, все то заключается въ пустыхъ словахъ. Имъ слѣдовало бы доказать, что городъ снова будетъ возстановленъ: и въ судебныхъ мѣстахъ, какъ видимъ, доказательства производятся такимъ же образомъ. Когда люди спорятъ между собою о чемъ-либо, и одинъ изъ нихъ представляетъ письменныя доказательства словъ своихъ, а другой отвергаетъ показанія (соперника), то этотъ именно и долженъ уже представить свидѣтелей и другія опроверженія на то, что дѣло не такъ было, какъ гласятъ письменныя показанія (противника), а не тотъ, кто, представляетъ эти показанія. Такъ надлежало бы сдѣлать теперь и іудеямъ, представить намъ пророка, который бы говорилъ, что городъ ихъ непремѣнно будетъ возстановленъ; потому что, если бы настоящему ихъ плѣненію надлежало окончиться, пророки непремѣнно предсказали бы объ этомъ. Это очевидно для всякаго, кто хотя сколько нибудь вникалъ въ книги пророческія. У іудеевъ издревле пророки обыкновенно заранѣе предсказывали обо всемъ, чему только надлежало случиться съ ними хорошаго, или худого. Для чего это, и почему? По великому вѣроломству и безстыдству (іудеевъ). Они постоянно забывали о Богѣ, оказывавшемъ имъ благодѣянія, а всѣ событія приписывали демонамъ, и ихъ считали виновниками добра. Такъ, по выходѣ изъ Египта, когда раздѣлилось море и совершались другія чудеса, они, забывъ Бога, сотворившаго эти чудеса, приписали ихъ тѣмъ, которые не суть боги, и говорятъ Аарону: *сотвори намъ боги, иже пойдутъ предъ нами* (Исх. XXXII, 1). А къ Іереміи являются съ такими словами: *слово, еже глаголалъ еси къ намъ во имя Господне, не послушаемъ тебе, яко творяще сотворимъ всякое слово, еже изыдетъ изъ устъ нашихъ, кадити царицѣ небеснѣй, и возливати ей возліянія, якоже сотворихомъ мы, и отцы наши, и цари наши, и князи наши: и насытихомся хлѣбовъ, и благо намъ бысть, и зла не видѣхомъ. И егда престахомъ кадити царицѣ небеснѣй и возливати возлія-*

нія, оскудѣхомъ хлѣбы вси мы, и мечемъ и гладомъ скончахомся (Іер. XLIV, 16—18). Итакъ, чтобы іудеи ни одного событія не приписывали идоламъ, но вѣрили, что и наказанія и благодѣянія всегда насылаются на нихъ отъ Бога,—тѣ за ихъ грѣхи, а эти по человѣколюбію (Божію), пророки заранѣе предсказывали имъ о будущемъ. А дабы тебѣ убѣдиться, что это было причиной предсказанія, 890
послушай, что̀ говоритъ велегласнѣйшій Исаія къ народу іудейскому: *вѣмъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна*, т. е. непреклонна, *выя твоя, и чело твое мѣдяно* т. е. безстыдно (Иса. XLVIII, 4). Такъ и мы часто имѣемъ обыкновеніе безстыдныхъ людей называть мѣднолобыми. *И возвѣстихъ ти*, говоритъ пророкъ, *яже имутъ пріити на тя, прежде неже быти имъ, и слышана тебѣ сотворихъ* (ст. 5). Потомъ, изъясняя причину предсказанія, прибавилъ: *да не когда речеши, яко идоли мнѣ сія сотвориша, и изваянная и сліянная заповѣдаша мнѣ*. Притомъ, такъ какъ были люди, которые по своему упорству и лживости, даже послѣ самаго исполненія (пророчествъ) нагло противорѣчили, какъ будто бы и не слышали (предсказанія); то пророки не только предсказывали о будущемъ, но еще брали на это свидѣтелей. Такъ тотъ же Исаія говоритъ: *и свидѣтели мнѣ сотвори вѣрны человѣки, Урію іерея и Захарію сына Варахіина* (Иса. VIII, 2). Мало этого; (Исаія) записалъ еще свое пророчество въ новую книгу, чтобы, по исполненіи его, самыя письмена свидѣтельствовали противъ іудеевъ, что это напередъ и задолго предсказано имъ. Поэтому пророкъ и пишетъ, не просто въ книгѣ, но въ новой книгѣ, которая могла бы сохраниться долго, не такъ легко бы повредилась, но осталась бы цѣлою до исполненія того, что въ ней написано. И что это правда, что Богъ предсказывалъ іудеямъ обо всемъ будущемъ, докажу не только отсюда, но и изъ самыхъ событій іудейскихъ, какъ бѣдственныхъ, такъ и счастливыхъ.

5. Три рабства, самыя тяжкія, испытали іудеи, и ни одного Богъ не навелъ на нихъ безъ предсказанія, напротивъ о всѣхъ предвозвѣстилъ имъ, предсказавъ съ точностію и мѣсто, и время, и лице, и видъ бѣдствія, и избавленіе отъ него, и все прочее. Прежде всего скажу о египетскомъ рабствѣ.—Бесѣдуя съ Аврамомъ, (Господь) такъ говоритъ: *вѣдый увѣси, яко пресельно будетъ сѣмя твое въ земли не своей: и поработятъ я, и озлобятъ я лѣтъ четыриста. Языку же, емуже поработаютъ, сужду Азъ*, сказалъ Богъ: *въ четвертомъ же родѣ возвратятся сѣмо со имѣніемъ многимъ* (Быт. XV, 13, 14, 16). Видишь, какъ Богъ сказалъ и о числѣ лѣтъ — *четыриста лѣтъ*, и о качествѣ рабства, потому что не просто *поработятъ*, но *и озлобятъ*. Послушай же, какъ впослѣдствіи Моисей повѣствуетъ объ этомъ озлобленіи:

*плевъ не даютъ рабомъ твоимъ, и плинѳы намъ глаголютъ тво-
рити* (Исх. v, 16). Притомъ, каждый день бичевали ихъ. Вотъ
что значитъ: *поработятъ и озлобятъ. Языку же, емуже порабо-
таютъ, сужду Азъ* (говоритъ Богъ), и этимъ указываетъ на по-
топленіе египтянъ въ Чермномъ морѣ. А Моисей, описывая это
въ пѣсняхъ, такъ говоритъ: *коня и всадника вверже въ море* (Исх.
xv, 1). Потомъ сказано и объ образѣ возвращенія (іудеевъ изъ
Египта),—что они возвратятся съ множествомъ сосудовъ: *да испро-
ситъ кійждо отъ сосѣды и подруги своея сосуды сребряны и златы*
(Исх. III, 22). Такъ какъ іудеи проработали долго и не получили
платы, то Богъ заставилъ египтянъ и заплатить имъ. И воскли-
391 цаетъ пророкъ: *и изведе я сребромъ и златомъ, и не бѣ въ ко-
лѣнахъ ихъ боляй* (Пс. CIV, 37). Такъ вотъ одно рабство предска-
зано со всею подробностію! Теперь обратимъ рѣчь и къ другому.
Къ какому же? Къ вавилонскому. И о немъ съ точностію пред-
сказалъ Іеремія, говоря: *яко тако рече Господь: егда исполнятся
въ Вавилонѣ седмьдесятъ лѣтъ, посѣщу васъ, и уставлю словеса
моя на васъ добра, еже возвратити на мѣсто сіе. И обращу
плѣнъ вашъ, и соберу васъ отъ всѣхъ языкъ и отъ всѣхъ странъ,
въ няже изгнахъ васъ, глаголетъ Господь: и возвращу васъ на мѣ-
сто, откуду превести васъ повелѣхъ* (Іер. XXIX, 10. 14). Видишь,
какъ Богъ и здѣсь опять указалъ и городъ, и число лѣтъ, и то,
откуда хотѣлъ собрать ихъ, и куда собрать? Поэтому Даніилъ не
прежде сталъ и молиться за нихъ, какъ когда увидѣлъ, что семь-
десятъ лѣтъ уже исполнилось. Кто же объ этомъ говоритъ? Самъ
Даніилъ такъ: *азъ, Даніилъ, творяхъ дѣла царева, и почудихся
видѣнію, и не бяше разумѣвающаго* (Дан. VIII, 27). *И разумѣхъ
въ книгахъ число лѣтъ*, какъ *бысть слово Господне ко Іереміи
пророку, на скончаніе опустѣнія Іерусалимля седмьдесятъ лѣтъ.
И дахъ лице мое ко Господу Богу, еже взыскати молитвы и про-
шенія въ постѣ и во вретищи и пепелѣ* (IX, 2, 3). Слышалъ ты,
какъ и это рабство предсказано, и какъ пророкъ не осмѣлился,
ранѣе опредѣленнаго времени, вознести молитву и прошеніе къ
Богу, чтобы не молиться напрасно и безъ пользы, чтобы не услы-
шать того же, что̀ услышалъ Іеремія: *не молися о людехъ сихъ, и
не проси о нихъ, яко не услышу тебе* (Іер. VII, 16)? Но когда
(Даніилъ) увидѣлъ, что (Божіе) опредѣленіе исполнилось, и уже
наступило время возвращенія (изъ плѣна); тогда начинаетъ мо-
литься, и не просто, но *въ постѣ и во вретищи и въ пеплѣ*.
По отношенію къ Богу онъ поступилъ такъ, какъ обыкновенно
бываетъ между людьми. И мы, когда увидимъ, что какіе-нибудь
(господа̀), за большіе и частые проступки, посадили своихъ слугъ
въ тюрьму, не сейчасъ, не сразу, не въ самомъ началѣ наказанія

просимъ (за виновныхъ), но, давъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ дней образумиться, потомъ уже приступаемъ къ господамъ съ просьбою, имѣя подмогу себѣ и въ самомъ времени. Такъ поступилъ и пророкъ: когда іудеи потерпѣли уже наказаніе, хотя и не соразмѣрное съ ихъ преступленіями, но потерпѣли вполнѣ, тогда онъ и приходитъ къ Богу помолиться за нихъ. Если хотите, выслушаемъ и самую молитву. *Исповѣдахся*, говоритъ пророкъ, *и рѣхъ: Господи, Боже великій и чудный, храняй завѣтъ Твой и милость Твою любящымъ Тя, и хранящымъ заповѣди Твоя* (Дан. IX, 4). Что дѣлаешь ты, Даніилъ? Ходатайствуя за людей, согрѣшившихъ и оскорбившихъ (Бога), упоминаешь о тѣхъ, которые хранятъ Его законы? Ужели заслуживаютъ прощенія преступающіе заповѣди Его? Не ради этихъ говорю это, отвѣчаетъ пророкъ, но ради древнихъ праотцевъ, ради Авраама, ради Исаака, ради Іакова. Имъ, говоритъ, Богъ обѣщалъ (милость Свою), имъ, которые сохранили заповѣди Его. Такъ какъ эти (потомки) не имѣютъ никакого права на спасеніе, поэтому я и упомянулъ о предкахъ. И 892
дабы ты не подумалъ, что пророкъ это говоритъ объ этихъ (потомкахъ), онъ, послѣ словъ: *храняй завѣтъ Твой и милость Твою любящимъ Тя и хранящимъ заповѣди Твоя*, тотчасъ присовокупилъ: *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ, отступихомъ, уклонихомся отъ заповѣдей Твоихъ и отъ судовъ Твоихъ, и не послушахомъ рабъ Твоихъ пророковъ* (Дан. IX, 5—6). Грѣшникамъ, послѣ грѣховъ, остается одно оправданіе,—исповѣданіе своихъ грѣховъ. А ты обрати здѣсь вниманіе и на добродѣтель праведника, и на нечестіе іудеевъ. Тотъ, не зная за собою ничего худого, весьма строго осуждаетъ себя, говоря: *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, нечествовахомъ;* а эти, виновные въ безчисленныхъ грѣхахъ, поступали напротивъ, говоря: *сохранихомъ храненія его: и нынѣ мы блажимъ чуждихъ, и созидаются вси творящіи беззаконная* (Малах. III, 14, 15). Ибо, какъ праведнымъ обычно смиряться и послѣ добрыхъ дѣлъ, такъ злымъ—тщеславиться послѣ грѣховъ. Ничего не знавшій за собою говорилъ: *нечествовахомъ и уклонихомся отъ заповѣдей Твоихъ*; а тѣ, у которыхъ было на совѣсти безчисленное множество грѣховъ, говорили: *сохранихомъ заповѣди Твоя!* Это говорю для того, чтобы мы этого (тщеславія) избѣгали, а тому (смиренію) подражали.

6. Обличивъ беззаконіе іудеевъ, пророкъ говоритъ затѣмъ и о наказаніи, которое они потерпѣли, стараясь и этимъ преклонить Бога на милость: *и пріиде на ны*, говоритъ, *клятва, вписанная въ законѣ Моисеа раба Божія, яко согрѣшихомъ* (Дан. IX, 11). Какая это клятва? Хотите, прочтемъ ее? *Аще не послужите*, говоритъ Моисей, *Господу Богу вашему, и наведетъ Господь на васъ*

языкъ безстуденъ, егоже не услышиши гласа..., и останетеся въ числѣ маломъ (Втор. XXVIII, 15, 49, 50, 62). На это самое указывали и три отрока; и они, показывая, что такое наказаніе постигло ихъ за ихъ дѣла, и исповѣдуясь предъ Богомъ въ общихъ грѣхахъ (народа), говорили: *предалъ еси насъ въ руки враговъ беззаконныхъ, мерзкихъ отступниковъ, и царю неправедну и лукавнѣйшу паче всея земли* (Дан. III, 32). Видишь, какъ исполнилась та клятва, гласившая: *останетеся въ числѣ маломъ*; и еще: *наведу на вы языкъ безстуденъ*. На это же самое указываетъ Даніилъ и здѣсь, говоря: *и пріидоша на ны злая, яковыхъ не бысть подъ всѣмъ небесемъ, по бывшымъ во израили* (IX, 12). Какое же это зло? Матери ѣли своихъ дѣтей. Моисей предсказываетъ объ этомъ, а Іеремія говоритъ, какъ уже о случившемся. Тотъ говоритъ, что *юная въ васъ и млада зѣло, еяже не обыче нога ея ходити по земли юности ради и младости, приступитъ къ нечестивой трапезѣ и снѣстъ своя чада* (Втор. XXVIII, 56, 57). А Іеремія, показывая, что это случилось, говорилъ: *руцѣ женъ милосердыхъ свариша дѣти своя* (Плач. IV, 10). Но и сказавъ о грѣхахъ, которые іудеи сдѣлали, и представивъ наказаніе, которое они потерпѣли, (Даніилъ) еще не считаетъ ихъ поэтому достойными помилованія. Смотри, какой это добросовѣстный рабъ! Показавъ, что іудеи еще не потерпѣли столько, сколько заслужили грѣхами, и своими страданіями не загладили беззаконій, онъ прибѣгаетъ наконецъ къ благоутробію и человѣколюбію Божію, говоря: *и нынѣ, Господи Боже нашъ, иже извелъ еси люди твоя отъ земли египетскія, и сотворилъ еси себѣ самому имя, якоже день сей, согрѣшихомъ, беззаконновахомъ* (Дан. IX, 15). Какъ ихъ Ты спасъ не за добрыя дѣла ихъ, но потому, что увидѣлъ (ихъ)
893 скорбь и тѣсноту, и услышалъ вопль ихъ, такъ и насъ освободи отъ настоящихъ бѣдствій по единому Твоему человѣколюбію; другого права на спасеніе нѣтъ у насъ. Сказавъ это, и поплакавъ довольно, Даніилъ представляетъ наконецъ городъ, какъ нѣкую плѣнную жену, и говоритъ: *яви лице Твое на святилище Твое, приклони ухо Твое, Боже мой, и услыши, отверзи очи Твои, и виждь потребленіе наше, и града Твоего, въ немже призвася имя Твое на него* (Дан. IX, 17, 18). Такъ какъ, пересмотрѣвъ людей, онъ не увидѣлъ между ними ни одного, который бы могъ умилостивить Бога; то обращается къ зданіямъ, выставляетъ на видъ самый городъ, указываетъ на его запустѣніе, и заключивъ этимъ слово (молитвы), умилостивилъ Бога, какъ это видно изъ послѣдующаго. Но о чемъ говорилъ я? Нужно опять возвратиться къ самому предмету слова; впрочемъ и это ввелъ я не напрасно и не безъ намѣренія, но чтобы дать нѣсколько отдохнуть вашему

уму, утомленному безпрестанными преніями. Итакъ возвратимся къ тому, съ чего началось это отступленіе, и покажемъ, что имѣвшія постигнуть іудеевъ бѣдствія заранѣе были предсказаны со всею точностію. Разсужденіе о двухъ рабствахъ доказало, что они постигли іудеевъ послѣ пророчествъ, а не внезапно и неожиданно. Остается, наконецъ, представить и третье рабство, а потомъ уже сказать и о настоящемъ, въ которомъ они находятся теперь, и ясно показать, какъ ни одинъ пророкъ не обѣщалъ, что они получатъ избавленіе и освобожденіе отъ нынѣшнихъ своихъ бѣдствій. Какое же третье рабство? То, которое было при Антіохѣ Епифанѣ. Когда Александръ, царь македонскій, низвергнувъ Дарія, царя персидскаго, и подчинивъ себѣ владѣнія его, умеръ, ему преемствовали четыре царя. Отъ одного изъ нихъ произошелъ, спустя много времени, Антіохъ: онъ-то сожегъ храмъ, опустошилъ святое святыхъ, истребилъ жертвы, поработилъ іудеевъ и ниспровергъ все общественное ихъ устройство.

7. И все это, со всею точностію, даже до единаго дня, предсказано Даніиломъ,—предсказано, и когда будетъ, и какъ, и отъ кого, и какимъ образомъ, и гдѣ кончится, и на что перемѣнится. Но вы яснѣе увидите это, когда выслушаете о самомъ видѣніи, которое пророкъ изложилъ намъ въ притчѣ, назвавъ персидскаго царя Дарія овномъ, греческаго царя, т. е. Александра Македонскаго, козломъ, возставшихъ послѣ него царей четырьмя рогами, а самого Антіоха послѣднимъ рогомъ. Впрочемъ, лучше выслушать самое видѣніе. *Видѣхъ въ видѣніи*, говоритъ пророкъ, *и бѣхъ на увалѣ* (такъ онъ называетъ на персидскомъ языкѣ одно мѣсто): *и воздвигохъ очи мои и видѣхъ: и се овенъ единъ стоя предъ уваломъ, емуже роги, роги же высоки: единъ же вышше другаго и вышшій восхождаше послѣди. И видѣхъ овна, бодуща на* море, *и на сѣверъ, и югъ, и вси звѣріе не станутъ предъ нимъ, и не бѣ избавляюща изъ руки его, и сотвори по воли своей и возвеличися; азъ же бѣхъ размышляя* (Дан. VIII, 2—5). Это онъ говоритъ о персидскомъ могуществѣ и господствѣ, которое простиралось на всю землю. Потомъ, разсказывая объ Александрѣ Македонскомъ, говоритъ: *и се козелъ отъ козъ идяше отъ Лива* (отъ запада) *на лице* 894
всея земли: и не бѣ прикасаяся земли: и козлу тому рогъ видимъ между очима его (ст. 5). Далѣе говоритъ о нападеніи Александра на Дарія и о рѣшительной побѣдѣ его надъ нимъ: *и пріиде козелъ до овна, имущаго рога, и разсвирѣпѣ и порази овна*,—можно сократить разсказъ,—*и сокруши оба рога его, и не бѣ избавляяй овна отъ руки его* (ст. 6, 7). Затѣмъ, упомянувъ о смерти Александра, говоритъ о появленіи послѣ него четырехъ царей: *и внегда укрѣпися, сокрушися рогъ его великій: и взыдоша друзіи четыри рози*

подъ нимъ, по четыремъ вѣтромъ небеснымъ (ст. 8). Наконецъ, отселѣ перешедши къ царствованію Антіоха, и показывая, что этотъ Антіохъ произошелъ отъ одного изъ тѣхъ четырехъ царей, такъ говоритъ: *и отъ единаго ихъ взыде рогъ единъ крѣпокъ, и возвеличися вельми къ югу и востоку* (ст. 9). Далѣе показываетъ, что Антіохъ разрушилъ іудейское царство, говоря: *и его ради жертва смятеся грѣхомъ, и благопоспѣшися ему, и святое опустѣетъ, и дадеся на жертву грѣхъ.* Дѣйствительно, по ниспроверженіи алтаря и попраніи святыни, Антіохъ поставилъ внутри храма идола, и закалалъ беззаконныя жертвы демонамъ. *И поверженся правда на землю: и сотвори, и благопоспѣшися* (ст. 11, 12). Потомъ, говоря въ другой разъ объ этомъ самомъ царствованіи Антіоха, о плѣненіи и взятіи (Іерусалима) и опустошеніи храма, пророкъ опредѣляетъ и самое время. Именно, начавъ съ царствованія Александра и къ концу книги разсказавъ обо всемъ, что случилось въ теченіе этого времени, что сдѣлали, во взаимной борьбѣ, Птоломеи и Селевкиды и ихъ полководцы, о козняхъ и побѣдахъ, о походахъ и войнахъ на морѣ и на сушѣ, и дошедши до Антіоха, пророкъ оканчиваетъ этотъ разсказъ такъ: *и мышцы отъ него возстанутъ и осквернятъ святыню и преставятъ всегдашнее* (XI, 31), разумѣя подъ *всегдашнимъ* постоянныя ежедневныя жертвоприношенія; *и дадятъ мерзость запустѣнія, и беззаконнующіи завѣтъ*, то есть іудеевъ, нарушающихъ законъ, *наведутъ съ прелестію*, возьмутъ съ собою и преселятъ; *людіе же вѣдуще Бога своего премогутъ*, разумѣя здѣсь подвиги Маккавеевъ, совершенные Іудою, Симономъ и Іоанномъ. *И смысленніи людіе уразумѣютъ много, и изнемогутъ въ мечи, и въ пламени*,—это говорится опять о сожженіи города,—*и въ плѣненіи, и въ разграбленіи дней. И егда изнемогутъ, поможется имъ помощію малою*: этими словами пророкъ даетъ разумѣть, что среди самыхъ тѣхъ бѣдствій (іудеи) получатъ возможность отдохнуть и освободиться отъ постигшихъ ихъ золъ. *И приложатся къ нимъ мнози съ прелестію и отъ смысливших изнемогутъ*: этими словами пророкъ показываетъ, что многіе изъ стоявшихъ падутъ. Потомъ высказываетъ и причину, по которой Богъ попустилъ іудеямъ впасть въ такія бѣдствія. Какая же это причина? *Еже разжещи я*, говоритъ, *и избрати, и еже открыти даже до конца времене.* То есть, Богъ для того попустилъ это, чтобы очистить ихъ и показать вѣрныхъ между ними. Затѣмъ, разсказывая о могуществѣ того же самаго
895 царя (Антіоха), пророкъ говоритъ: *и сотворитъ по воли своей, и возвысится и возвеличится.* А указывая на богохульные замыслы его, пророкъ прибавляетъ, что онъ *на Бога боговъ возглаголетъ тяжкая, и управитъ, дондеже скончаетъ гнѣвъ*, и этимъ

даетъ разумѣть, что Антіохъ такъ усилился не по собственной волѣ, но по гнѣву Божію на іудеевъ. Наконецъ, еще съ бо́льшею подробностію сказавъ о томъ, сколько зла причинитъ (Антіохъ) Египту и Палестинѣ, какъ возвратится, и по чьему зову, и по какой побудительной причинѣ, Даніилъ говоритъ и о перемѣнѣ обстоятельствъ,—о томъ, что іудеи, переживъ все это, получатъ помощь, именно къ нимъ на помощь посланъ будетъ ангелъ: *и во время оно, востанетъ Михаилъ, князь великій, стояй о сынѣхъ людей твоихъ: и будетъ время скорби, скорбь, якова не бысть, отнелѣже создася языкъ на земли, даже до времене онаго: и въ то время спасутся людіе твои вси, обрѣтшіися вписани въ книзѣ* (XXII, 1), т. е. достойные спасенія.

8. Однако же вопросъ нашъ доселѣ еще не рѣшенъ. Въ чемъ же онъ состоитъ? Въ томъ, что Богъ опредѣлилъ, сколько іудеямъ провести времени и въ этомъ рабствѣ, подобно какъ въ первомъ четыреста, а во второмъ семьдесятъ лѣтъ. И такъ посмотримъ, не назначается ли и здѣсь какое нибудь время. Но гдѣ можно найти это? Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи (пророка Даніила). Когда онъ услышалъ о многихъ и тяжкихъ бѣдствіяхъ, о сожженіи (Іерусалима), низпроверженіи государства (іудейскаго), плѣненіи своихъ единоплеменниковъ, то захотѣлъ наконецъ узнать, будетъ ли конецъ этимъ бѣдствіямъ. И сказалъ онъ, вопрошая объ этомъ: *Господи, что послѣдняя сихъ? И рече: гряди Даніиле, яко заграждена словеса и запечатана* (указывая этимъ на неясность словъ) *даже до конца времене.* Потомъ открываетъ причину попущенія бѣдствій: *доколѣ не избрани будутъ, и не убѣлятся, и огнемъ искусятся мнози: и собеззаконнуютъ беззаконницы, и не уразумѣютъ вси нечестивіи, но умніи уразумѣютъ* (Дан. XII, 9, 10). Затѣмъ, предсказывая и самое время, въ продолженіе котораго будутъ тяготѣть надъ ними эти бѣдствія, говоритъ: *отъ времене премѣненія жертвы всегдашнія.* Всегдашнею называлась ежедневная жертва потому, что была постоянная и непрерывная. У іудеевъ былъ обычай приносить жертву Богу вечеромъ и утромъ каждаго дня: отчего и жертву ту пророкъ назвалъ всегдашнею. И такъ какъ Антіохъ, пришедши, уничтожилъ этотъ обычай и прекратилъ его, то ангелъ и говорилъ, что *отъ времене премѣненія* всегдашней *жертвы,* т. е. со времени прекращенія этой жертвы, *дней тысяща двѣсти девятьдесятъ,* то есть, три года съ половиною, и нѣсколько болѣе. Потомъ, открывая, что будетъ конецъ и прекращеніе этимъ бѣдствіямъ, онъ присовокупилъ: *блаженъ терпяй и достигнувый до дней тысящи трехъ сотъ тридесяти пяти,* приложивъ т. е. къ тысячѣ двумъ стамъ и девятидесяти сорокъ пять дней; потому что одинъ мѣсяцъ съ поло-

виною продолжалась война, которая кончилась (для іудеевъ) блистательною побѣдою, и вмѣстѣ совершеннымъ освобожденіемъ отъ тяготѣвшихъ (надъ іудеями) бѣдствій. Итакъ словами: *блаженъ*
896 *терпяй и достигнувый до дней тысящи трехъ сотъ тридесяти пяти*, ангелъ предрекъ освобожденіе (отъ бѣдствій); впрочемъ, сказалъ онъ не просто: *достигнувый*, но *терпяй и достигнувый*. Многіе и изъ нечестивыхъ увидѣли перемѣну обстоятельствъ, но не ихъ ублажаетъ ангелъ безъ разбора, а только тѣхъ, которые пострадали во время бѣдствій, не измѣнили благочестію и потомъ уже достигли покоя. Вотъ почему онъ не просто сказалъ: *достигнувый*, но: *терпяй и достигнувый*. Что можетъ быть яснѣе этого? Видишь, какъ пророкъ предсказалъ и о плѣнѣ, и объ освобожденіи отъ плѣна со всею точностію, не только до послѣдняго года и мѣсяца, но до послѣдняго дня. А въ подтвержденіе, что я говорю это не по своей только догадкѣ, приведу вамъ и другого свидѣтеля, котораго іудеи почитаютъ заслуживающимъ особеннаго вѣроятія,—разумѣю Іосифа, который и описалъ трогательно бѣдствія ихъ, и подробно изложилъ весь Ветхій Завѣтъ. Живя уже послѣ пришествія Христа и поговоривъ о предсказанномъ Имъ плѣненіи (іудеевъ римлянами), Іосифъ разсказалъ и объ этомъ, бывшемъ (при Антіохѣ Епифанѣ) плѣненіи, причемъ и истолковалъ видѣніе пророка объ овнѣ, козлѣ, четырехъ рогахъ и о послѣднемъ, явившемся за ними, рогѣ. И чтобы не сталъ кто подозрѣвать словъ нашихъ, вотъ мы предложимъ подлинныя его слова. Восхваливъ Даніила до чрезмѣрности и поставивъ его выше всѣхъ другихъ пророковъ, Іосифъ обращается и къ этому видѣнію и говоритъ такъ [1]: „онъ (Даніилъ) оставилъ писанія, въ которыхъ предложилъ намъ точное и достовѣрное описаніе своего пророчества. Онъ говоритъ, что въ Сузахъ, столицѣ Персіи, вышелъ онъ въ поле съ нѣкоторыми изъ своихъ, и, какъ случилось внезапное землетрясеніе, друзья его убѣжали, и онъ остался одинъ. Тогда онъ палъ на лице, опершись на обѣ руки; и, какъ нѣкто прикоснулся къ нему и велѣлъ встать и посмотрѣть, чему надлежало, послѣ многихъ поколѣній, случиться съ его соотечественниками, онъ всталъ, и ему показался великій овенъ, у котораго выросло много роговъ, но послѣдній изъ нихъ былъ выше другихъ. Потомъ, взглянувъ на западъ, увидѣлъ несущагося по воздуху козла, который сразился съ овномъ, дважды ударилъ его рогами, повалилъ на землю и истопталъ. Послѣ этого увидѣлъ, что козелъ сталъ выше, и на лбу у него выросъ пребольшой рогъ; когда этотъ рогъ былъ сломанъ, выросли другіе четыре, обращен-

---

[1]) Josephi Flavii Antiqu. Jud. lib. x. cap. XI, 7.

ные къ каждому изъ (четырехъ) вѣтровъ; а изъ нихъ вышелъ другой меньшій (рогъ), который потомъ выросъ. Показавъ это (Даніилу), Богъ сказалъ, что народъ его будетъ побѣжденъ, городъ взятъ силою, храмъ разграбленъ, жертва прекращена; и это продолжится до тысячи двухсотъ девяносто дней. Вотъ что видѣлъ Даніилъ, какъ самъ онъ написалъ, на полѣ въ Сузахъ, а изъясненіе видѣнія, говоритъ онъ, далъ ему Богъ, Который сказалъ, что овенъ означаетъ царство персидское и мидійское, а рога — будущихъ царей; послѣдній рогъ означаетъ послѣдняго 897
царя, который превзойдетъ всѣхъ богатствомъ и славою. Козелъ означаетъ, что отъ грековъ произойдетъ царь, который, дважды напавъ на персидскаго царя, побѣдитъ его на войнѣ и совсѣмъ лишитъ власти. Большой (первый) рогъ на лбу козла означаетъ перваго царя; а четыре другіе, выросшіе по сокрушеніи его и обращенные къ четыремъ странамъ свѣта, указываютъ на преемниковъ перваго царя и на раздѣленіе между ними царства; ибо ни дѣти, ни родственники его не будутъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, властвовать надъ вселенною. Отъ этихъ-то (преемниковъ) произойдетъ одинъ царь, который завоюетъ (іудеевъ), отмѣнитъ и законы и постановленія ихъ, разграбитъ храмъ, и запретитъ на три года жертвоприношенія. И все это довелось потерпѣть нашему народу отъ Антіоха Епифана, какъ предсказалъ и записалъ Даніилъ за много лѣтъ до самаго событія".

9. Чтò можетъ быть яснѣе этого? Пора теперь, впрочемъ, если только мы не утомили васъ, обратиться къ главному предмету, т. е. къ настоящему плѣненію, къ нынѣшнему рабству (іудеевъ), изъ-за котораго мы и сказали все это. Будьте же внимательны, ибо у насъ дѣло идетъ не о маловажныхъ предметахъ. Сидящіе на олимпійскихъ играхъ съ полуночи до полудня ждутъ увидѣть, кому достанется вѣнокъ; принимаютъ на обнаженную главу раскаленные лучи солнца, и оставляютъ зрѣлище не прежде, какъ когда произнесенъ будетъ судъ о подвигахъ борцевъ; такъ неумѣстно теперь и намъ и жаловаться на утомленіе, когда борьба идетъ даже не за подобный вѣнокъ, но за нетлѣнный вѣнецъ. Итакъ, мы достаточно уже доказали, что было предсказано о трехъ плѣненіяхъ, изъ коихъ одно продолжалось четыреста лѣтъ, другое семьдесятъ, а третье три съ половиною года. Скажемъ теперь и о нынѣшнемъ. А что и о немъ предвозвѣстилъ пророкъ, свидѣтелемъ представлю опять того же самаго Іосифа, ихъ (іудеевъ) единомысленника. Послѣ того, какъ онъ сказалъ о вышеписанномъ, послушай, что говоритъ далѣе: „подобнымъ образомъ Даніилъ написалъ и о владычествѣ римлянъ, и о томъ, что Іерусалимъ будетъ ими взятъ и храмъ опустошенъ".

Здѣсь прими во вниманіе то, что написавшій это, хотя былъ и іудей, однакоже не рѣшился подражать вамъ въ страсти къ пререкательствамъ. Ибо сказавъ, что Іерусалимъ будетъ взятъ, онъ не осмѣлился прибавить, что (этотъ городъ) снова будетъ возстановленъ, и указать опредѣленное для этого время; но, такъ какъ зналъ, что пророкъ не назначилъ времени, то, хотя выше, относительно побѣды Антіоха и произведеннаго имъ опустошенія, сказалъ, сколько дней и лѣтъ будетъ продолжаться плѣненіе, однако касательно владычества римлянъ ничего этого не прибавилъ; написалъ только, что Іерусалимъ и храмъ будутъ опустошены, а будетъ ли когда конецъ произведенному ими опустошенію, этого не прибавилъ, потому что видѣлъ, что и пророкъ не прибавилъ этого. „Когда же все это, говоритъ (Іосифъ), Богъ показалъ Даніилу, онъ записалъ и оставилъ намъ, чтобы мы, читая пророчества его и видя ихъ исполненіе, дивились той чести, какой
898 Богъ удостоилъ Даніила". Итакъ посмотримъ, гдѣ Даніилъ сказалъ, что храмъ будетъ опустошенъ? Послѣ того, какъ онъ сотворилъ вышесказанную молитву во вретищѣ и въ пеплѣ, пришелъ къ нему Гавріилъ и сказалъ: *седмьдесятъ седминъ сократишася* о народѣ твоемъ, *и о градѣ святѣмъ* (Дан. IX, 24). Вотъ здѣсь, скажете, указано и время? Да, время, только не (окончанія) плѣна, а время, послѣ котораго долженъ случиться плѣнъ. Ибо иное дѣло сказать, сколько времени будетъ продолжаться плѣнъ, иное— чрезъ сколько времени онъ долженъ послѣдовать и настать. *Седмьдесятъ седминъ*, говоритъ, *сократишася о народѣ твоемъ*; не сказалъ: о народѣ моемъ, хотя пророкъ и говорилъ: *яви лице твое народу твоему;* нѣтъ, Богъ уже чуждается (народа іудейскаго) за будущій его грѣхъ. Потомъ указываетъ и причину: *яко да обетшаетъ согрѣшеніе и скончается грѣхъ*. Что значитъ: *яко да скончается грѣхъ?* Много, говоритъ, грѣшатъ они (іудеи), но верхъ ихъ беззаконій будетъ тогда, когда они умертвятъ своего Владыку. Объ этомъ говоритъ и Христосъ: *и вы исполните мѣру отецъ вашихъ* (Матѳ. XXIII, 32). Вы, говоритъ, убили рабовъ: прибавьте уже и кровь Владыки. Смотри, какое согласіе въ мысляхъ. Христосъ сказалъ: *исполните;* пророкъ говоритъ: *скончается грѣхъ, и запечатаются грѣси* Что значитъ: *запечатаются?* То, что уже не останется ничего (сдѣлать іудеямъ столь беззаконнаго). *И приведется правда вѣчная*. Какая же это вѣчная правда, если не та, которая дарована Христомъ? *И запечатается видѣніе и пророкъ, и помажется святый святыхъ*, т. е. прекратится наконецъ пророчество,—ибо это значитъ запечатать, — прекратится помазаніе, прекратится видѣніе. Посему то Христосъ сказалъ: *законъ и пророцы до Іоанна* (Матѳ. XI, 11). Видишь, какъ Богъ угрожаетъ

здѣсь іудеямъ совершеннымъ опустошеніемъ и возмездіемъ за грѣхи и нечестія? Не (обѣщаетъ) простить, но угрожаетъ наказать ихъ за грѣхи!

10. Когда же это сбылось? Когда пророчества совсѣмъ прекратились? Когда уничтожилось помазаніе такъ, что никогда уже не возстановится? Если мы умолчимъ, то камни возопіютъ: такъ ясно говорятъ событія! Да и не можемъ мы указать на какое либо другое время, въ которое бы это исполнилось, кромѣ настоящаго, которое столько уже продолжается и еще болѣе продолжится. Далѣе Богъ, еще точнѣе, говоритъ: *и увѣси и уразумѣеши, отъ исхода словесе, еже отвѣщати, и еже соградити Іерусалимъ* 899
даже до Христа старѣйшины седминъ седмь и седминъ шестьдесятъ двѣ (Дан. IX, 25). Теперь слушайте меня со вниманіемъ: ибо здѣсь заключается весь вопросъ. Семь седминъ и шестьдесятъ двѣ седмины составляютъ четыреста восемьдесятъ три года: седмины здѣсь разумѣются не дней или мѣсяцевъ, но годовъ. Но отъ Кира до Антіоха Епифана и (бывшаго при немъ) плѣненія прошло (только) триста девяносто четыре года. Итакъ (Богъ) даетъ разумѣть, что Онъ говоритъ не о томъ опустошеніи храма (отъ Антіоха Епифана), но о бывшемъ послѣ него отъ Помпея, Веспасіана и Тита; и такимъ образомъ проводитъ время далѣе. Затѣмъ, чтобы показать намъ, откуда должно вести счисленіе, говоритъ, что (считать надобно) не со дня возвращенія, а откуда? *Отъ исхода словесе, еже отвѣщати, и еже соградити Іерусалимъ;* но онъ былъ выстроенъ не при Кирѣ, а при Артаксерксѣ Лонгиманѣ. Ибо по смерти (Кира) восшелъ на (престолъ) Камбизъ, за нимъ Маги, послѣ нихъ Дарій Истаспъ, потомъ Ксерксъ, сынъ Дарія, послѣ него Артабанъ; послѣ Артабана царствовалъ въ Персіи Артаксерксъ Лонгиманъ, и въ его-то царствованіе, въ двадцатый годъ его правленія, Неемія, возвратившись (изъ плѣна), возстановилъ городъ. Объ этомъ подробно разсказалъ намъ Ездра. Итакъ, если мы отсюда начнемъ считать четыреста восемьдесятъ три года, то вѣрно дойдемъ до времени этого (послѣдняго) разрушенія (храма). Поэтому говоритъ (Богъ): *соградится стогна и забрала.* Такъ съ того времени, говоритъ, какъ (городъ) возстанетъ (изъ развалинъ) и получитъ свой видъ, считай семьдесятъ седминъ, и увидишь, что еще не кончается настоящее плѣненіе. И чтобы еще яснѣе показать это, т. е., что бѣдствія, которыя тяготѣютъ надъ іудеями, не будутъ имѣть конца, Онъ говоритъ такъ: *и по седминахъ шестидесяти двухъ потребится помазаніе, и судъ не будетъ въ немъ: градъ же и святое разсыплется со старѣйшиною грядущимъ, и потребятся аки въ потопѣ,* такъ что не будетъ уже ни останка, ни корня, который бы вновь пу-

стилъ ростокъ; *и до конца рати сокращенныя чиномъ погибельми.* И опять объ этомъ же плѣнѣ говоритъ: *отъимется жертва и возліяніе*, *и* сверхъ того *во святилищи мерзость запустѣнія и даже до скончанія времене скончаніе дастся на опустѣніе* (ix, 26—27). А когда слышишь ты, іудей, *о скончаніи*, то чего тебѣ еще ожидать? *И сверхъ того*: что значитъ это *сверхъ того*? Значитъ, что къ этому, о чемъ сказано, къ отнятію жертвы и возліянія присоединится еще новое бо́льшее зло. Какое же? *Во святилищи мерзость запустѣнія*; святилищемъ называется здѣсь храмъ, а мерзостью запустѣнія статуя, которую разрушитель города поставилъ въ храмѣ. *И даже до скончанія*, говоритъ онъ, *запустѣніе.* Поэтому и Христосъ, во плоти пришедшій уже послѣ Антіоха Епифана, предсказывая о предстоявшемъ плѣненіи (іудеевъ), и показывая, что объ этомъ-то плѣненіи пророчествовалъ Даніилъ, говоритъ: *егда узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ: иже четъ да разумѣетъ* (Матѳ. xxiv, 15). Такъ какъ у іудеевъ всякій идолъ и всякое изваяніе человѣческое почиталось мерзостію; то Христосъ, таинственно указавъ на ту статую, предсказалъ вдругъ, и когда, и отъ кого произойдетъ плѣненіе. А что это сказано о римлянахъ, засвидѣтельствовалъ и Іосифъ, какъ мы показали выше. Итакъ, что намъ остается еще сказать, когда пророки о другихъ плѣненіяхъ предсказали съ назначеніемъ времени (продолженія ихъ), а для нынѣшняго не только не назначили никакаго времени, но еще прибавили противное, что *даже до скончанія будетъ запустѣніе?* И что сказанное—не ложь, на это мы представимъ и свидѣтельство самаго опыта. Если бы (іудеи) не покушались построить храмъ, то могли бы говорить, что когда бы мы захотѣли приступить и приняться за постройку, такъ навѣрно успѣли бы
900 въ этомъ. Но вотъ я покажу, что они не разъ, не два, но даже три раза покушались и были отражены, какъ это (бываетъ съ бойцами) на олимпійскихъ играхъ, такъ что вѣнецъ (побѣды) безспорно принадлежитъ церкви.

11. Когда же покушались они, эти всегда противящіеся Святому Духу, затѣйливые и мятежные іудеи? Послѣ опустошенія, произведеннаго при Веспасіанѣ и Титѣ, возмутившись при Адріанѣ, они усиливались возстановить у себя прежнее государство, а того не знали, что идутъ противъ опредѣленія Божія, положившаго, чтобы городъ ихъ навсегда оставался въ запустѣніи, и что, воюя противъ Бога, невозможно побѣдить. Итакъ, возставъ противъ (римскаго) царя, они только заставили его опустошить (городъ) въ конецъ. Ибо онъ, поразивъ и усмиривъ ихъ, и уничтоживъ все, что еще оставалось (въ Іерусалимѣ), чтобы они впередъ не могли

уже поступать дерзко, поставилъ (тамъ) свою статую; потомъ размысливъ, что она отъ времени можетъ когда нибудь разрушиться, и желая наложить на іудеевъ неизгладимое пятно пораженія и обличительный знакъ ихъ мятежности, остаткамъ города (Іерусалима) далъ свое имя. Такъ какъ самъ онъ назывался Эліемъ—Адріаномъ, то такъ же повелѣлъ именоваться и городу: отъ этого (Іерусалимъ) и доселѣ называется Эліею, по имени того, кто его взялъ и разрушилъ. Видишь первое покушеніе безстыдныхъ іудеевъ? Посмотри и на бывшее послѣ него. При Константинѣ они опять покушались на то же; но царь (въ наказаніе имъ) обрѣзалъ имъ уши, и положивъ на ихъ тѣлѣ знакъ ихъ возмущенія, водилъ ихъ всюду, какъ бѣглецовъ и негодяевъ, такимъ искаженіемъ тѣла дѣлая ихъ примѣтными для всѣхъ, и вразумляя жившихъ повсюду (іудеевъ) не отваживаться на подобныя дѣла. Но все это (скажете) старое и было давно; однако и о немъ знаютъ еще ваши старики; а вотъ, что я скажу сейчасъ, то извѣстно и самымъ молодымъ; ибо случилось не при Адріанѣ и Константинѣ, но при царѣ, который жилъ только за двадцать лѣтъ, на нашемъ вѣку. Когда Юліанъ, превзошедшій нечестіемъ всѣхъ царей, сперва приглашалъ (іудеевъ) къ идолослуженію и склонялъ къ собственному нечестію, потомъ предлагалъ (возстановить) древнее (іудейское) богослуженіе, говоря, что и предки-де ваши такъ служили Богу; тогда они и по неволѣ исповѣдали то самое, что мы доказывали теперь, т. е. что имъ не позволено приносить жертвы внѣ города, и что тѣ поступаютъ беззаконно, которые совершаютъ (священные) обряды на чужой землѣ. Итакъ, говорили они (Юліану), если хочешь, чтобы мы приносили жертвы, возврати намъ городъ, возстанови храмъ, открой намъ святая святыхъ, возобнови алтарь, и—мы будемъ приносить жертвы и теперь такъ же, какъ и прежде. И не стыдились, негодные и безстыдные, просить объ этомъ царя нечестиваго и язычника, и приглашать скверныя руки его къ созиданію святыни; не чувствовали, что они покушаются на невозможное, и не постигали, что если бы человѣкъ разрушилъ эту святыню, то человѣкъ же могъ бы и возстановить ее, но когда Богъ 901
разрушилъ ихъ городъ, человѣческая сила никогда не можетъ перемѣнить положеннаго опредѣленіемъ Божіимъ. *Яже бо Богъ святый совѣща, кто разоритъ? и руку Его высокую кто отвратитъ* (Иса. XIV, 27)? Что Онъ возставитъ и захочетъ, чтобы было твердо, того людямъ не возможно разрушить; равно, что̀ Онъ разоритъ и хочетъ, чтобы навсегда оставалось разореннымъ, того возстановить также не возможно. Допустимъ однакоже, іудеи, что царь возвратилъ бы вамъ храмъ и возстановилъ алтарь, чего вы напрасно ожидаете: но могъ ли бы онъ низвести вамъ свыше

и огонь небесный? А безъ него ваша жертва была бы и нечиста и нечестива. Дѣти Аароновы за то и погибли, что внесли чуждый огонь. Но, слѣпые для всего этого, они упросили и умолили его соединиться съ ними и приступить къ созиданію храма. А онъ назначилъ и деньги на издержки, послалъ и смотрителей за работами, вызвалъ отвсюду и художниковъ, все дѣлалъ, все приводилъ въ движеніе, чтобы постепенно и мало-по-малу довести ихъ до принесенія жертвъ, думая, что отъ этого они легко перейдутъ и къ идолослуженію, и вмѣстѣ надѣясь, умоизступленный и безумный, уничтожить опредѣленіе Христово, что не будетъ возстановленъ храмъ ихъ. Но *запинаяй премудрымъ въ коварствѣ ихъ* (1 Кор. III, 19) тотчасъ показалъ на дѣлѣ, что Божіи опредѣленія сильнѣе всего и могущественны дѣйствія словесъ Божіихъ. Ибо, какъ только іудеи взялись за это беззаконное дѣло, и начали расчищать основаніе, и вытаскали не мало земли, и уже хотѣли приступить къ постройкѣ, вдругъ вышедшій изъ земли огонь сожегъ многихъ людей, и даже камни, бывшіе на томъ мѣстѣ, и остановилъ эту неблаговременную дерзость, такъ что не только принявшіеся за работу, но многіе и іудеи, видѣвшіе это, приведены были въ изумленіе и стыдъ. Услышавъ объ этомъ, царь Юліанъ, хотя и имѣлъ столь безумную ревность къ этому дѣлу, однакоже убоялся, чтобы, продолживъ его далѣе, не привлечь огня на свою голову, и прекратилъ работу, побѣжденный такимъ образомъ со всѣмъ язычествомъ. И вотъ, если бы ты пошелъ въ Іерусалимъ, то увидишь только однѣ основанія; а если бы спросилъ о причинѣ, то не услышишь никакой другой, кромѣ этой (о которой мы сказали). Свидѣтели этого всѣ мы, ибо это случилось при насъ, не такъ давно. Смотри же, какъ знаменита побѣда. Случилось это не при благочестивыхъ царяхъ, дабы не сказалъ кто, что христіане напали и помѣшали іудеямъ; нѣтъ, когда вѣра наша была гонима, когда всѣ мы опасались за свою жизнь и лишены были всякой свободы, а язычество процвѣтало; когда одни изъ вѣрныхъ скрывались въ домахъ, другіе переселялись въ пустыни и бѣжали изъ городовъ, тогда и случилось это, чтобы іудеямъ не осталось никакого предлога къ безстыдному упорству.

12. Итакъ еще ли ты упорствуешь, іудей, когда видишь, что противъ тебя свидѣтельствуютъ и предсказаніе Христово, и доказательство, заимствованное изъ пророковъ и изъ самыхъ событій? Но и не удивительно: таковъ уже вашъ народъ, искони без-
902 стыдный, сварливый, привыкшій всегда спорить противъ очевиднаго. Хочешь ли, вооружу противъ тебя и другихъ пророковъ, которые ясно говорятъ то же, что ваше (іудейство) прекратится, а наше (христіанство) будетъ процвѣтать, что пропо-

вѣдь Христова распространится по всей вселенной, и введена будетъ иная жертва, съ уничтоженіемъ вашихъ жертвъ? Послушай же Малахію, который пришелъ уже послѣ другихъ пророковъ: не привожу пока свидѣтельства ни изъ Исаіи, ни изъ Іереміи, ни изъ другихъ пророковъ, жившихъ до плѣненія, чтобы ты не сказалъ, что эти бѣдствія, о которыхъ они предсказывали, случились во время плѣненія (вавилонскаго); нѣтъ, привожу пророка, который жилъ уже по возвращеніи вашемъ изъ Вавилона и по возстановленіи города, и—ясно предсказалъ о судьбѣ вашей. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ іудеи уже возвратились (изъ плѣна) и вновь построили городъ, создали храмъ, и начали приносить жертвы, Малахія, предсказывая о настоящемъ плѣненіи и уничтоженіи жертвъ, такъ говоритъ отъ лица Божія: *аще пріиму отъ васъ лица ваша? глаголетъ Господь Вседержитель. Зане отъ востокъ и до западъ имя Мое прославися во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится имени Моему, и жертва чиста: вы же скверните е* (Мал. I, 9. 10). Когда случилось это, іудей? Когда сталъ приноситься на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ Богу? Когда жертва чистая? Не можешь указать ни на какое другое время, кромѣ того, которое настало послѣ пришествія Христова; потому что если пророкъ предсказываетъ не объ этомъ времени, не о нашей жертвѣ, но объ іудейской, то его пророчество будетъ противузаконно. Такъ какъ Моисей не позволилъ приносить жертвъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, но только въ томъ, которое изберетъ Самъ Господь Богъ, и такъ какъ Онъ привязалъ іудейскія жертвы къ одному мѣсту; то пророкъ, говоря, что ѳиміамъ и жертва чистая будутъ приноситься на всякомъ мѣстѣ, возсталъ и пошелъ бы противъ Моисея. Но противорѣчія и разногласія нѣтъ: потому что объ иной жертвѣ говорилъ Моисей, и объ иной послѣ него пророчествовалъ Малахія. Изъ чего это видно? И изъ того, что уже сказано, и изъ другихъ весьма многихъ признаковъ. И во-первыхъ—изъ мѣста: ибо Малахія предсказалъ, что богослуженіе будетъ совершаться не въ одномъ городѣ, какъ у іудеевъ, но *отъ востокъ солнца до западъ*; потомъ изъ самой жертвы: ибо назвалъ ее *чистою*; этимъ показалъ онъ, о какой жертвѣ онъ говоритъ; наконецъ—изъ лицъ приносящихъ ее; ибо не сказалъ: во Израили, но *во языцѣхъ*. И дабы ты не подумалъ, что это богослуженіе будетъ учреждено въ одномъ, или двухъ, или трехъ городахъ, онъ не просто сказалъ: *на всякомъ мѣстѣ*, но *отъ востокъ солнца до западъ*, показывая, что всю землю, какую только освѣщаетъ солнце, обниметъ и проповѣдь (Христова). А жертву называетъ *чистою* потому, что прежняя была нечиста, не по своей природѣ, но отъ расположенія приносящихъ. Потому и сказалъ: *кадило Ми мерзость есть*

(Ис. I, 1). Впрочемъ, если сравнить и самую жертву (ветхозавѣтную съ новозавѣтною), то найдемъ между ними великое и неизмѣримое разстояніе, такъ что, при такомъ сравненіи, одну только эту жертву (новозавѣтную) по преимуществу и должно назвать чистою. И что̀ сказалъ Павелъ о законѣ и благодати, что *не прославися прославленное за превосходящую славу* (2 Кор. III, 10);
903 то же и мы можемъ смѣло сказать здѣсь,—что эта жертва въ сравненіи съ тою (древнею) одна только и можетъ быть названа чистою: ибо приносится не съ дымомъ и испареніями, не съ кровію и выкупомъ, но съ благодатію Духа. Послушай, какъ и другой пророкъ предсказываетъ о томъ же и говоритъ, что служеніе Богу не будетъ заключено въ одномъ мѣстѣ, но всѣ люди наконецъ познаютъ Его. Вотъ что говоритъ Софонія: *явится Господь на вся языки, и потребитъ вся боги языковъ: и поклонятся Ему кійждо отъ мѣста своего* (Соф. III, 11); между тѣмъ Моисей не позволилъ этого, но повелѣлъ служить (Богу) въ одномъ мѣстѣ. Итакъ, когда слышишь, какъ пророки предсказываютъ и предвозвѣщаютъ, что люди уже не будутъ принуждены собираться отвсюду въ одинъ городъ и въ одно мѣсто, но каждый будетъ служить Богу, сидя дома; то къ какому другому времени можешь отнести это, какъ не къ настоящему? Послушай, какъ и евангеліе и апостолъ согласны съ этимъ пророкомъ (Софоніею). Пророкъ сказалъ: *явится Господь*; апостолъ говоритъ: *явися благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ* (Тит. II, 11). Тотъ сказалъ: *на языки*; этотъ говоритъ: *всѣмъ человѣкомъ*. Тотъ сказалъ: *потребитъ боги ихъ*; этотъ: *наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно поживемъ*. Опять, Христосъ говоритъ женѣ самарянкѣ: *жено, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣ поклонитеся Отцу. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV, 21. 24). Этими словами Онъ уничтожаетъ уже необходимость наблюденія мѣста, и вводитъ Богослуженіе возвышеннѣйшее и болѣе духовное. Можно бы, вмѣстѣ съ этимъ, доказать еще и то, что у іудеевъ не будетъ уже ни жертвы, ни священства, ни царя. Конечно, все это ясно доказано самымъ разрушеніемъ города; но можно бы привести пророковъ, которые прямо говорятъ объ этомъ же. Но я вижу, что вы утомились продолжительностію бесѣды, и боюсь, чтобы мнѣ, напрасно и безъ пользы не обременить васъ. Посему, обѣщая сказать вамъ объ этомъ въ другое время, теперь прошу васъ вотъ о чемъ: спасите вашихъ братьевъ, избавьте отъ заблужденія, возвратите къ истинѣ. Ибо нѣтъ никакой пользы отъ слушанія поученій, когда слова не

доказываются дѣлами. Да и то, что сказано, сказано не для васъ, а для тѣхъ немощныхъ, чтобы они, узнавъ это отъ васъ, и оставивъ худую привычку, обнаружили въ себѣ чистое и истинное христіанство, и избѣгали вредныхъ собраній и синагогъ іудейскихъ, какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстіи бывающихъ,— этихъ вертеповъ разбойничьихъ, этихъ жилищъ демонскихъ. Итакъ не пренебрегите ихъ спасеніемъ, но, развѣдавъ и отыскавъ больныхъ, приведите ихъ опять ко Христу, чтобы намъ и въ настоящей и въ будущей жизни, получить награду свыше заслугъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, со Святымъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

«Произнеся раньше длинную бесѣду противъ іудеевъ и получивъ горловую болѣзнь отъ продолжительности рѣчи, (Златоустъ) сказалъ теперь это (слово)».

ЗВѢРИ, пока живутъ въ лѣсахъ и не вступаютъ въ борьбу съ 904
людьми, бываютъ довольно смирны и кротки. Но какъ скоро охотники, поймавъ ихъ, приведутъ въ городъ, и, заперевъ въ клѣтку, возбудятъ къ бою съ людьми, и они, напавъ (на людей), отвѣдаютъ мяса и испьютъ крови человѣческой; то уже не такъ легко могутъ отстать отъ этого лакомства, но съ великою жадностію бросаются на такую добычу. Это же случилось и съ нами. И мы, какъ вступили въ борьбу съ іудеями и, напавъ на безстыдныя ихъ возраженія, ниспровергли ихъ замыслы и *всякое возношеніе, взимающееся на разумъ Божій*, и умствованія плѣнили *въ послушаніе Христово* (2 Кор. x, 5), то возъимѣли еще бо́льшую охоту воевать съ ними. Но что мнѣ дѣлать? Видите, что голосъ у меня ослабѣлъ и не можетъ выдержать еще такой же продолжительной бесѣды, и, мнѣ кажется, со мною случилось теперь то же, что съ воиномъ, который, изрубивъ нѣсколько непріятелей, и съ великою яростію напавъ на вражескій отрядъ и повергнувъ многихъ враговъ, переломилъ свой мечъ, и съ прискорбіемъ возвращается къ своимъ. Наше горе даже еще тяжелѣе. Воину, переломившему мечъ, можно выхватить другой у кого нибудь изъ стоящихъ, и воспользовавшись (воинскимъ) жаромъ, выказать великую храбрость; но когда спалъ голосъ, у другого нельзя взять голоса. Что же? Воротиться и намъ? Но не позволяетъ сила вашей любви. Сты-

жусь и присутствія отца нашего, стыжусь и вашего усердія. Потому, поручивъ себя вполнѣ его молитвамъ и вашей любви, попытаюсь взяться и за то, что выше силъ моихъ. И никто изъ васъ да не укоряетъ слово наше въ неблаговременности за то, что сегодня, когда созвали насъ мученики, мы, оставивъ сказаніе объ ихъ подвигахъ, выступаемъ противъ іудеевъ: и для нихъ (мучениковъ) это слово пріятнѣе. Отъ нашихъ похвалъ они нисколько не сдѣлаются славнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, какая нужда въ нашихъ словахъ тѣмъ, которыхъ и подвиги выше смертной природы, и награды выше силы и понятія (человѣческаго)? Они пренебрегли настоящею жизнію, попрали пытки и мученія, презрѣли смерть, воспарили къ небу, освободились отъ волненія житейскихъ заботъ, достигли тихой пристани, неся съ собою не
905 золото и серебро и драгоцѣнныя одежды, но сокровища некрадомыя—терпѣніе, мужество и любовь. Они востекаютъ теперь въ общеніе съ Павломъ, окрыляясь, еще до (полученія) вѣнцовъ, ожиданіемъ вѣнцовъ, и избѣгая наконецъ неизвѣстности будущаго. Какая же имъ нужда въ нашихъ словахъ? И вотъ почему имъ пріятнѣе настоящій предметъ. Отъ нашихъ похвалъ, какъ я сказалъ выше, ничего не прибудетъ къ ихъ славѣ; а отъ нашихъ ратованій противъ іудеевъ будетъ имъ великое удовольствіе, и они охотно выслушаютъ особенно слова, высказываемыя въ защиту славы Божіей. Мученики особенно не любятъ іудеевъ, потому что сильно возлюбили Того, Котораго тѣ распяли. Тѣ говорили: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѳ. XXVII, 25); а эти пролили и свою кровь за Того, Кого тѣ убили. Такъ они съ удовольствіемъ выслушаютъ эти слова.

2. Итакъ мы достаточно доказали, что, если бы настоящее рабство іудеевъ должно было окончиться, то пророки и объ этомъ предсказали бы и не умолчали; (мы доказали это), показавъ, что всѣ плѣненія—египетское, вавилонское и бывшее при Антіохѣ Епифанѣ, постигли іудеевъ по предсказанію. Мы доказали божественнымъ Писаніемъ, что для каждаго изъ этихъ плѣненій предвозвѣщено и мѣсто, и время, а настоящему ни одинъ пророкъ не назначилъ времени (продолженія). Что оно настанетъ, все приведетъ въ запустѣніе, измѣнитъ общественное устройство (іудеевъ), также, чрезъ сколько времени по возвращеніи изъ Вавилона случится,—объ этомъ предсказалъ Даніилъ; но что оно будетъ имѣть конецъ, и что эти бѣдствія когда нибудь прекратятся, этого ни этотъ, ни другой пророкъ не открылъ: напротивъ, Даніилъ предсказалъ еще, что это рабство будетъ тяготѣть надъ ними до скончанія вѣка. Самое время подтверждаетъ слова наши: столько протекло его съ тѣхъ поръ, а доселѣ не видно ни слѣда, ни начала

полезной для нихъ перемѣны, хотя они и многократно покушались возстановить храмъ. Да, они покушались и разъ, и два, и три, при Адріанѣ, Константинѣ и Юліанѣ, но всякій разъ были останавливаемы,—сперва воинами, а послѣ огнемъ, вышедшимъ изъ основаній и прекратившимъ ихъ безвременную попытку. А мнѣ хотѣлось бы наконецъ спросить ихъ: отчего это, скажи мнѣ, проживъ столько времени въ Египтѣ, вы опять получили свое отечество; потомъ, отведенные въ Вавилонъ, также возвратились въ Іерусалимъ; опять, потерпѣвъ столько бѣдствій при Антіохѣ, снова пришли въ прежнее положеніе, снова получили, съ прежнимъ достоинствомъ, и жертвы, и жертвенникъ, и святое святыхъ, и все прочее? А теперь ничего этого не случилось; нѣтъ, вотъ уже прошло сто лѣтъ, дважды, трижды, четыре раза столько, и даже гораздо болѣе: ибо съ того времени (отъ Антіоха) до нашего прошло уже пятьсотъ лѣтъ; а мы не видимъ, чтобы гдѣ нибудь показался хотя намекъ на такую перемѣну, напротивъ дѣла ихъ разстроились въ конецъ, и даже во снѣ не представляютъ та- 906
кой надежды, какую—прежде. Если они укажутъ на свои грѣхи и скажутъ: такъ какъ мы согрѣшили предъ Богомъ и оскорбили Его, за это и не получаемъ родной земли; если эти люди, которые безъ стыда слышали постоянныя обличенія пророковъ, и не сознавались, когда тѣ сильно упрекали ихъ въ убійствахъ, если они теперь исповѣдуютъ и сознаютъ грѣхи свои; то я еще спрошу каждаго изъ нихъ: такъ за грѣхи свои, іудей, ты живешь столько времени внѣ Іерусалима? Что же здѣсь новаго и необычайнаго? Развѣ вы теперь только живете во грѣхахъ, а прежде жили праведно и добродѣтельно? Развѣ вы не искони и не изначала пребывали въ безчисленныхъ беззаконіяхъ? Развѣ не обличилъ васъ въ безчисленныхъ (злыхъ дѣлахъ) пророкъ Іезекіиль, когда представилъ двухъ блудницъ—Олу и Оливу и сказалъ, что вы содѣлали блудъ въ Египтѣ, безумствовали съ иноплеменниками, и служили чуждымъ богамъ (Іез. XXIII)? Что же? Когда раздѣлялось море, расторгались камни, и столько чудесъ совершалось въ пустынѣ, развѣ тогда вы не поклонялись тельцу? Развѣ вы не часто покушались убить Моисея, то бросая въ него камни, то изгоняя его, то нанося ему другія безчисленныя оскорбленія? Развѣ не часто произносили хулу на Бога? Развѣ не служили Веельфегору? Развѣ не приносили сыновъ своихъ и дочерей своихъ въ жертву демонамъ? Развѣ не совершали всякаго рода нечестія и грѣхи? Развѣ не говорилъ вамъ пророкъ отъ лица Божія: *четыредесять лѣтъ негодовахъ рода того, и рѣхъ: присно заблуждаютъ сердцемъ* (Пс. XCIV, 10)? Какъ же Богъ тогда не отвратился отъ васъ, но и послѣ дѣтоубійствъ, послѣ идолослуженія, послѣ великаго нечестія, послѣ

невыразимой неблагодарности, позволилъ еще быть у насъ пророку—великому Моисею, и совершалъ дивныя и необычайныя знаменія? И чего не было ни съ кѣмъ изъ людей, то случилось съ вами,—облако простерлось надъ вами вмѣсто покрова, столпъ путеводилъ васъ вмѣсто свѣтильника, враги добровольно покорялись вамъ, города сдавались почти отъ одного только звука голоса. Вамъ не было нужды ни въ оружіи, ни въ войскѣ, ни въ сраженіи: вы только протрубили, и стѣны рушились сами собою. У васъ была новая и необычайная пища, такъ что пророкъ восклицаетъ: *хлѣбъ небесный даде имъ, хлѣбъ ангельскій яде человѣкъ: брашно посла имъ до сытости* (Пс. LXXVII, 25). Отчего же, скажи мнѣ, вы тогда, хотя и жили нечестиво, служили идоламъ, убивали дѣтей, побивали камнями пророковъ, совершали безчисленныя преступленія, однако пользовались такимъ благоволеніемъ, такимъ покровительствомъ Божіимъ; а теперь, хотя и не служите идоламъ, не умерщвляете дѣтей, не побиваете камнями пророковъ, однако живете все въ рабствѣ? Развѣ тогда былъ одинъ Богъ, а теперь другой? Развѣ не одинъ и тотъ же (Богъ) и тогдашнія дѣла устроялъ, и нынѣшнія совершаетъ? Отчего же, скажи мнѣ, когда бо̀льше были грѣхи (ваши), тогда велика была честь вамъ у Бога, а когда теперь меньше беззаконствуете, Онъ совершенно отвратился отъ васъ и предалъ васъ постоянному безчестію? Вѣдь, если теперь Онъ отвращается отъ васъ за грѣхи, тѣмъ болѣе надлежало (Ему отвращаться) тогда; если же Онъ тогда снисходилъ къ вамъ, хотя и жили вы нечестиво, тѣмъ болѣе надлежало бы снизойти теперь, когда вы не дѣлаете такихъ преступленій.
907 За что же Онъ не оказалъ снисхожденія? Если вы стыдитесь сказать причину, скажу прямо я, или вѣрнѣе—не я, но сама дѣйствительная истина: за то, что вы убили Христа; за то, что подняли руки на Владыку; за то, что пролили драгоцѣнную кровь; вотъ за что нѣтъ вамъ облегченія, нѣтъ наконецъ прощенія, нѣтъ извиненія. Тогда вы оскорбляли рабовъ,—Моисея, и Исаію, и Іеремію; тогда, хотя и совершалось нечестіе, но еще не было сдѣлано главное зло. А теперь вы затьмили всѣ прежнія (беззаконія), и послѣ злодѣйства противъ Христа для васъ не остается уже никакого бо̀льшаго беззаконія. Вотъ почему вы и наказываетесь теперь больше. Иначе, если не въ этомъ причина вашего настоящаго униженія, почему Богъ терпѣлъ васъ тогда, когда вы убивали дѣтей, а теперь, когда ничего такого не дѣлаете, отвращается? Ясно, что, убивъ Христа, вы сдѣлали болѣе великое и тяжкое преступленіе, чѣмъ дѣтоубійство и всякое другое беззаконіе.

3. Итакъ ужели вы, скажите мнѣ, осмѣлитесь послѣ этого называть Его обманщикомъ и беззаконникомъ? Не убѣжите ли,

напротивъ, и не скроетесь ли, вмѣсто того, чтобы противорѣчить столь ясной истинѣ событій? Если бы Іисусъ былъ, какъ вы говорите, обманщикъ и беззаконникъ, то вамъ слѣдовало бы еще прославиться тѣмъ, что вы убили Его. Если Финеесъ, умертвивъ одного кого-то, совершенно прекратилъ этимъ гнѣвъ (Божій) на (іудейскій) народъ: *ста*, сказано, *Финеесъ, и умилостиви, и преста сѣчь* (Пс. CV, 31); если онъ пораженіемъ одного беззаконника избавилъ отъ гнѣва Божія такое множество людей виновныхъ въ нечестіи; тѣмъ болѣе такъ должно бы случиться съ вами, если бы Распятый вами былъ беззаконникъ. Отчего же Финеесъ, умертвивъ беззаконника, оправданъ и почтенъ священствомъ; а вы, распявъ, какъ говорите, какого-то обманщика и противника Богу, не только не заслужили похвалы и чести, но еще подверглись бо̀льшимъ бѣдствіямъ, чѣмъ въ то время, когда закалали собственныхъ сыновей? Не очевидно ли для самыхъ малоумныхъ, что вы терпите такое наказаніе за то, что поступили беззаконно со Спасителемъ и Владыкою вселенной? Теперь вы удерживаетесь и отъ преступнаго кровопролитія (дѣтей) и соблюдаете субботы, а тогда нарушали и этотъ день. И Богъ обѣщалъ чрезъ Іеремію пощадить вашъ городъ, если перестанете носить тяжести въ субботу (Іер. XVII, 21); но вотъ теперь вы такъ и дѣлаете, не носите тяжестей въ субботу, и однакоже Онъ не примиряется съ вами, потому что этотъ вашъ грѣхъ (противъ Христа) больше всѣхъ грѣховъ. Значитъ, вы напрасно указываете на нынѣшніе грѣхи свои (какъ на причину настоящихъ бѣдствій вашихъ). Нѣтъ, не за другія дѣла ваши, но за то именно (величайшее) беззаконіе вы терпите такія бѣдствія, — такъ что, если бы его не было, Богъ не отвращался бы столь долго отъ васъ, хотя бы вы сдѣлали безчисленное множество грѣховъ. Это видно какъ изъ всего сказаннаго, такъ и изъ того, о чемъ я намѣренъ теперь сказать. Что же это такое? Мы слышали, какъ Богъ часто говорилъ чрезъ пророковъ вашимъ отцамъ, что вы достойны были безчисленныхъ бѣдствій, „но Я, говоритъ, творю (милость) ради имене Моего, чтобы оно не обезславилось у язычниковъ". И опять: «*не васъ ради Азъ творю, доме Израилевъ, но имене Моего ради* (Іезек. XXXVI, 22. 32). Это значитъ: вы заслуживали еще болѣе тяжкаго наказанія и мученія, но дабы кто не сказалъ, что Богъ, по слабости и неимѣнію силъ спасти, 908
предалъ іудеевъ въ руки враговъ, Я заступаюсь и помогаю вамъ. Значитъ, если бы Христосъ, котораго вы распяли, былъ беззаконникъ, то, хотя бы вы сдѣлали безчисленное множество грѣховъ, даже болѣе тяжкихъ, чѣмъ прежніе, Богъ навѣрно спасъ бы васъ для того, чтобы имя Его не обезславилось, чтобы Того (Христа) не почитали великимъ, и не сказали, что вы это потерпѣли за

Него. Ибо, если (Богъ) ради Своей славы, повидимому, пренебрегаетъ вашими грѣхами; тѣмъ болѣе Онъ поступилъ бы такъ теперь, одобрилъ бы это убійство и изгладилъ бы множество вашихъ грѣховъ. Но когда Онъ показываетъ совершенное отвращеніе къ вамъ, то, очевидно, этимъ своимъ гнѣвомъ и совершеннымъ оставленіемъ васъ, вразумляетъ и самыхъ упорныхъ, что убитый вами былъ не беззаконникъ, но самъ Законодатель и виновникъ безчисленныхъ благъ. Вотъ почему вы, поступившіе съ Нимъ нечестиво, находитесь въ угнетеніи и безчестіи, а мы, покланяющіеся Ему, прежде бывшіе безчестнѣе всѣхъ васъ, теперь, по благодати Божіей, славнѣе и почтеннѣе всѣхъ васъ.—Но откуда, скажете, видно, что Богъ отвратился отъ насъ? Нужно ли еще словами доказывать это, скажи мнѣ? Когда самыя дѣла вопіютъ и издаютъ звукъ громче трубы,—разрушеніемъ города, опустошеніемъ храма и всѣмъ прочимъ, что только случилось съ вами,—ужели еще нужно вамъ словесное доказательство? Но на насъ, скажете, навели эти бѣдствія люди, а не Богъ. Напротивъ, это сдѣлалъ именно Богъ. Если же ты приписываешь свои несчастія людямъ, то возьми въ разсмотрѣніе то, что люди, сколько бы ни покушались на это, не могли бы исполнить своего предпріятія, если бы оно было неугодно Богу. Когда варваръ напалъ (на Іудею), ведя за собою всю Персію, надѣялся этимъ набѣгомъ захватить всѣхъ, и заперъ всѣхъ въ городѣ, какъ въ сѣтяхъ и тенетахъ; тогда, такъ какъ Богъ былъ милостивѣе къ вамъ, (врагъ) и безъ войны, безъ сраженія, безъ боя, бѣжалъ отъ васъ, оставивъ сто восемьдесятъ пять тысячъ убитыхъ воиновъ, и считая за счастіе, что хоть самъ спасся. И множество другихъ войнъ часто такъ же рѣшалъ Богъ. Значитъ, и теперь, если бы Онъ не оставилъ васъ вовсе, люди не могли бы разрушить вашъ городъ и опустошить храмъ, запустѣніе не продолжалось бы доселѣ, и столь многочисленныя ваши попытки (возстановить его) не остались бы безуспѣшными.

4. Но кромѣ этого постараюсь и иначе доказать вамъ, что римскіе цари сдѣлали вамъ все это не своею силою, но потому, что Богъ прогнѣвался на васъ и оставилъ васъ. Если бы это было дѣло человѣческое, то надлежало бы вашимъ бѣдствіямъ ограничиться только плѣненіемъ и вашему униженію не простираться далѣе. Пусть будетъ по вашему, что люди разорили стѣны, разрушили городъ и ниспровергли жертвенникъ: но ужели люди
909 же прекратили и (рядъ) пророковъ? Ужели они отняли (у васъ) благодать Духа? Ужели они же разрушили и прочія святыни ваши, какъ-то: гласъ отъ очистилища, силу помазанія и *явленіе* (Исх. XXVIII, 30) на камняхъ (одежды) священника? Начала устройства іудейскаго не всѣ были земныя, но большинство и самыя важныя

изъ нихъ были свыше, съ небесъ. Напримѣръ, Богъ позволилъ приносить жертвы; жертвенникъ, конечно, былъ на землѣ, также и дрова, и ножъ, и священникъ; но огонь, долженствовавшій сходить въ то святилище и поядать жертвы, имѣлъ начало свыше. Ибо не человѣкъ вносилъ огонь въ храмъ, но свыше сходило пламя и исполняло службу при жертвѣ. Также, если когда надобно было узнать что-либо, то исходилъ голосъ изнутри херувимовъ отъ очистилища, и предвозвѣщалъ будущее. Опять на камняхъ, которые были на груди первосвященника, было нѣкоторое сіяніе, или такъ называемое *явленіе*, и чрезъ него открывалось будущее. Кромѣ этого, когда нужно было совершить надъ кѣмъ нибудь помазаніе, ниспосылалась благодать Духа и нисходила на елей: пророки совершали эти дѣйствія и часто облако и дымъ покрывали святилище. Итакъ, чтобы іудеи не упорствовали и не приписывали своего порабощенія людямъ, Богъ попустилъ не только пасть городу и разрушиться храму, но прекратиться и тому, что имѣло свое начало съ неба, какъ-то: огню, гласу, сіянію камней и т. п. Посему, когда іудей станетъ говорить тебѣ: люди возстали на насъ, люди сдѣлали зло, скажи ему, что люди не возстали бы, если бы Богъ не попустилъ этого. Пусть люди разрушили твою стѣну: но ужели человѣкъ запретилъ нисходить огню свыше? Ужели человѣкъ возбранилъ голосу, который постоянно слышался отъ очистилища? Ужели и откровеніе на камняхъ, и священное помазаніе, и все прочее уничтожилъ человѣкъ? Не Богъ ли истребилъ это? Всякому понятно. Почему же Онъ истребилъ? Не очевидно ли, что по гнѣву и совершенному отвращенію къ вамъ?—Нѣтъ, скажете, но, такъ какъ у насъ нѣтъ столицы, то нѣтъ и этого. А отчего у васъ нѣтъ столицы? Не оттого ли, что Богъ оставилъ васъ? Впрочемъ, чтобы совершенно заградить безстыдныя уста іудеевъ, докажемъ изъ самаго Писанія и то, что причиною прекращенія пророчества было не разрушеніе храма, но гнѣвъ Божій, и что они теперь раздражаютъ Его враждою на Христа гораздо болѣе, чѣмъ тогда, когда поклонялись тельцу. Когда пророчествовалъ Моисей, тогда не было ни храма, ни жертвенника, и однакоже, хотя они дѣлали безчисленное множество нечестивыхъ дѣлъ, помазаніе пророческое не отнималось у нихъ; напротивъ были тогда какъ этотъ великій и доблестный мужъ, такъ и другіе, кромѣ его, семьдесятъ пророковъ. Да не только тогда (были у нихъ пророки), но и послѣ, когда данъ былъ храмъ и весь чинъ богослуженія. Потомъ, когда (храмъ) былъ сожженъ и всѣ іудеи отведены были въ Вавилонъ, и тогда Іезекіиль и Даніилъ, хотя и не видѣли святаго святыхъ, не стояли предъ жертвенникомъ, а находились въ землѣ иноплеменнической, среди 910

беззаконныхъ и нечистыхъ людей, однакоже исполнялись Духа, предсказывали будущее, даже говорили о болѣе многочисленныхъ и дивныхъ предметахъ, чѣмъ прежніе (пророки), и видѣли божественное видѣніе, насколько имъ возможно было видѣть его. Отчего же, скажи мнѣ, теперь нѣтъ у васъ пророковъ? Не оттого ли, очевидно, что Богъ отвратился отъ васъ? За что же Онъ отвратился отъ васъ? Очевидно также, что за Распятаго и за (совершенное надъ Нимъ) беззаконное дѣло. Изъ чего это видно, скажешь? Изъ того, что вы прежде, хотя и жили нечестиво, однакоже имѣли все; а теперь, послѣ креста, хотя живете, повидимому, лучше, терпите однакоже большее наказаніе и ничего прежняго не имѣете.

5. Но, чтобы вамъ узнать причину настоящихъ бѣдствій и отъ самихъ пророковъ, которые ясно и подробно возвѣщали объ этомъ, послушайте, что̀ говоритъ Исаія, какъ предсказываетъ и о будущихъ всѣмъ благодѣяніяхъ Христовыхъ, и о вашей неблагодарности. *Язвою Его мы исцѣлѣхомъ*, говоритъ Онъ, предсказывая о спасеніи всѣхъ крестомъ. Потомъ, изъясняя, кто таковы мы, прибавилъ: *вси яко овцы заблудихомъ, человѣкъ* въ *пути* своемъ *заблуди*. А изъясняя крестныя страданія, такъ говоритъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ: во смиреніи Его судъ Его взятся* (Иса. LIII, 5—8). А гдѣ можно видѣть это исполнившимся? Въ беззаконномъ судилищѣ Пилата. Ибо, послѣ того, какъ было столько свидѣтелей противъ Іисуса, Онъ, говоритъ (евангеліе), ничего не отвѣчалъ имъ. И когда правитель сказалъ ему: *не слышиши ли, колика на Тя свидѣтелъствуютъ* (Матѳ. XXVII, 13), Онъ ничего не отвѣчалъ, но стоялъ молча. Объ этомъ-то и сказалъ пророкъ задолго прежде: *яко овча на заколѣніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ*. Потомъ, показывая, какое беззаконіе совершилось тогда въ судилищѣ, онъ говоритъ: *во смиреніи Его судъ Его взятся*. Ибо тогда никто не произносилъ праведнаго суда надъ Нимъ, но приняли ложныя свидѣтельства противъ Него. Причиною же было то, что Онъ не хотѣлъ защищаться: ибо, если бы захотѣлъ, то все бы поколебалъ и потрясъ. Если уже, будучи на крестѣ, Онъ расторгъ камни, помрачилъ вселенную, отвратилъ солнечные лучи, изъ дня сдѣлалъ ночь по всей землѣ; то, конечно, могъ сдѣлать то же самое и въ судилищѣ. Но Онъ не восхотѣлъ этого, чтобы показать Свою кротость и смиреніе. Поэтому и говоритъ пророкъ: *во смиреніи Его судъ Его взятся*. Потомъ, показывая, что Онъ не былъ изъ числа обыкновенныхъ людей, пророкъ присовокупилъ: *родъ же Его кто исповѣсть?* Въ самомъ дѣлѣ, о комъ это говоритъ пророкъ, что *вземлется отъ земли*

животъ Его? Поэтому и Павелъ говоритъ: *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда Христосъ явится, животъ нашъ, тогда и вы съ Нимъ явитеся во славѣ* (Кол. III, 3, 4). Но такъ какъ я предположилъ сказать и доказать, что за Него именно іудеи терпятъ настоящія бѣдствія, то время уже привести слова Исаіи. Гдѣ же онъ говоритъ объ этомъ? Сказавъ о судилищѣ, объ убійствѣ, о принятіи Имъ на Себя (нашихъ грѣховъ), сказавъ, *яко вземлется отъ земли животъ Его*, пророкъ присовокупилъ: *и дамъ лукавыя вмѣсто погребенія Его, и богатыя вмѣсто смерти* 911
Его (Иса. LIII, 9). Не просто сказалъ: іудеевъ, но *лукавыхъ*. Ибо кто можетъ быть лукавѣе тѣхъ, которые, послѣ стольких благодѣяній, убили своего Благодѣтеля? Если бы не произошло этого, если бы вы не опозорили себя теперь, и не лишились всего отеческаго; если бы храмъ вашъ не обратился въ развалины, и ваша судьба не была плачевна свыше всякаго описанія, ты могъ бы еще не вѣрить, іудей; но, если вопіютъ дѣла и пророчество сбылось, то для чего напрасно и попусту упорствуешь? Ибо гдѣ теперь ваша святыня? Гдѣ первосвященникъ? Гдѣ одежда, и слово судное (Исх. XXVII, 15), и явленіе (ст. 30)? Не говори мнѣ о (нынѣшнихъ вашихъ) патріархахъ, — корчемникахъ, торгашахъ, исполненныхъ всякаго беззаконія. Какой тутъ священникъ, скажи мнѣ, когда нѣтъ того древняго помазанія, ни всей прочей святыни? Какой священникъ, скажи мнѣ, когда нѣтъ ни жертвы, ни алтаря, ни богослуженія? Хочешь, разскажу тебѣ законы о священствѣ, по которымъ въ древности были поставляемы (первосвященники), дабы ты зналъ, что нынѣшніе, такъ называемые вами, патріархи не священники, но только носятъ личину священниковъ, и играютъ какъ бы на сценѣ, или даже, не могутъ выдержать и личины,—такъ далеки они, не только отъ истины, но даже отъ ея подобія. Итакъ вспомни, какъ тогда Ааронъ поставленъ былъ священникомъ, сколько Моисей принесъ о немъ жертвъ, сколько заклалъ животныхъ, какъ омылъ его, какъ помазалъ у него край уха, правую руку, правую ногу, потомъ приказалъ ему пробыть внутри (скиніи) назначенное число дней. Но лучше выслушать и самыя слова Писанія. *Сіе*, сказано, *помазаніе Аароне, и помазаніе сыновъ его* (Лев. VII, 35). *И рече Господь къ Моѵсею, глаголя: пойми Аарона и сыны его, и ризы ихъ, и елей помазанія, и телца, иже за грѣхъ, и овна, и сонмъ собери предъ двери Скиніи свидѣнія. И рече Моѵсей къ сонму: сіе есть слово, еже завѣща Господь. И* потомъ *приведе* ихъ—изложимъ сокращенно—*измы я водою, облече въ срачицу, и опояса поясомъ, облече въ исподнюю ризу, возвлече верхнюю ризу, опояса его и стисне, и возложи слово, и на слово явленіе и истину, и увясло на главу его, и на*

увясло дщицу златую; потомъ *взявъ отъ елея, воскропи отъ него на олтарь, и освяти его и сосуды и умывальницу и стояло, и освяти я, и возлія отъ него на главу Аароню;* тоже сдѣлалъ и съ сынами его, *и приведе телца.* И какъ заклалъ его, то, по возложеніи рукъ Аарона и сыновъ его, взялъ *отъ крове и возложи на роги олтаря и очисти олтарь, и кровь пролія на стояло олтаря и освяти его, еже молитися у него.* Потомъ, сжегши нѣкоторыя части тельца, однѣ внутри, другія внѣ скиніи, при-
912 велъ еще овна и принесъ его во всесожженіе. Далѣе, привелъ другаго *овна—совершенія,* и, по возложеніи на него рукъ Аарона и сыновъ его, заклалъ его, и взявъ *отъ крови его, возложи на край уха Аароня деснаго и на край руки его десныя и на край ноги его десныя;* тоже сдѣлалъ и съ сыновьями его. Потомъ, взявъ нѣкоторыя части жертвы, положилъ на руки Аарона и сыновъ его, и такъ принесъ (Богу). И опять взявъ *крови и отъ елея, вскропи на Аарона, и на ризы его, и на сыны его, и на ризы сыновъ его.* И освятилъ ихъ, и повелѣлъ сварить мясо во дворѣ скиніи и тамъ съѣсть его. *И изъ дверей скиніи свидѣнія да не изыдите,* сказалъ онъ, *седмь дній, дондеже день скончается, день совершенія вашего. Въ седмь бо дній совершите руки ваша* (Лев. VIII, 1 и сл.). Итакъ, когда (Писаніе) говоритъ, что Ааронъ такимъ образомъ поставленъ, такимъ образомъ очищенъ, такимъ образомъ освященъ, такимъ образомъ умилостивилъ Бога, а теперь ничего этого не бываетъ,—ни жертвы, ни всесожженія, ни возліянія крови; ни помазанія елеемъ; когда нѣтъ и скиніи свидѣнія, и нынѣшній священникъ іудейскій не пребываетъ опредѣленнаго числа дней въ святилищѣ; то очевидно, что онъ и не совершенъ, и не чистъ, и беззаконенъ, и скверенъ, и прогнѣвляетъ Бога. Ибо, если священникъ не иначе могъ быть поставленъ, какъ такимъ образомъ, то очевидно, что у нихъ нѣтъ священства, когда нѣтъ этихъ обрядовъ. Видишь, я справедливо сказалъ, что они далеко уклонились не только отъ истины, но и отъ самаго подобія ея.

6. Впрочемъ, не только изъ этого, но и изъ другого еще можно узнать, какъ почтенно было достоинство священства. Такъ, когда нѣкоторые нечестивые и зловредные люди возстали противъ Аарона, покушаясь лишить его начальства, и оспаривая у него честь, кротчайшій Моисей, желая вразумить ихъ самымъ дѣломъ, что онъ не потому возвелъ Аарона въ это достоинство, что онъ ему братъ, родной и свой человѣкъ, но что вручилъ ему священство, повинуясь опредѣленію Божію,—повелѣлъ принести по жезлу каждому колѣну, а также и Аарону. Когда принесли, онъ взявъ всѣ жезлы, положилъ ихъ въ скиніи, и, положивъ тамъ,

повелѣлъ ожидать Божія рѣшенія чрезъ эти жезлы. И вотъ, когда всѣ жезлы остались въ томъ же видѣ, одинъ Аароновъ вдругъ прозябъ, покрылся листьями и плодами, дабы познали, что Владыка природы опять рукоположилъ (Аарона), употребивъ листья вмѣсто письменъ. Ибо, кто сказалъ въ началѣ: *да произраститъ земля быліе травное*, и возбудилъ силу ея къ плодоношенію, Тотъ заставилъ прозябнуть и это древо, сухое и безплодное, безъ земли и корня. И былъ уже тотъ жезлъ обличеніемъ и свидѣтельствомъ какъ злобы тѣхъ людей, такъ и суда Божія, не издавая голоса, но самымъ видомъ сильнѣе трубы вразумляя всѣхъ, чтобы впредь не покушались на подобныя дѣла. И не только этимъ, но и другимъ еще образомъ Богъ рукоположилъ Аарона. Когда многіе, возмутившись, захотѣли Аароновой чести (власти, какъ-то домогаются и желаютъ многіе),—Моисей опять повелѣлъ имъ принести кадильницы, положить въ нихъ ѳиміама, и ждать рѣшенія 913
свыше. И когда они воскурили ѳиміамъ, земля разверзлась, поглотила всѣхъ соучастниковъ ихъ, а взявшихъ кадильницы сожегъ небесный огонь. А чтобы это съ теченіемъ времени не забылось и потомки знали о дивномъ рѣшеніи Божіемъ, Моисей повелѣлъ кадильницы тѣ повѣсить около жертвенника, дабы, какъ жезлъ и безъ голоса говорилъ своимъ видомъ, такъ и эти дщицы всѣмъ потомкамъ говорили, внушали и совѣтовали не подражать въ безуміи предкамъ, чтобы не потерпѣть одинаковаго съ ними наказанія. Видишь, какъ въ древности рукополагались священники? А теперь у іудеевъ все дѣтскія игрушки, все смѣхъ, и срамъ, и корчемничество, все исполнено неизчислимаго беззаконія. Такъ неужели имъ-то послѣдуешь ты, скажи мнѣ, имъ, которые всегда усиливаются и дѣлать и говорить только противное законамъ Божіимъ? Въ ихъ-то синагоги бѣжишь? И не боишься, что упадетъ съ неба молнія и сожжетъ твою голову? Развѣ не знаешь, что, хотя бы кто и не разбойничалъ, но только оказался въ вертепѣ разбойниковъ, подвергается одинаковому съ ними наказанію? И что говорить о разбойникахъ? Вы всѣ, конечно, знаете и помните, что, когда нѣкоторые негодяи и обманщики низвергли у насъ (царскія) статуи, то не только эти преступники, но и всѣ, кто только оказался при этомъ, были схвачены вмѣстѣ съ ними, отведены въ судилище, и потерпѣли жестокое наказаніе? А ты торопишься, скажи мнѣ, бѣжать туда, гдѣ оскорбляется Отецъ, хулится и Сынъ, гдѣ уничижается Святый и Животворящій Духъ? И не боишься, не трепещешь, входя въ эти мерзкія и нечистыя мѣста? Какое же будешь имѣть оправданіе, скажи мнѣ, какое извиненіе, когда самъ добровольно толкаешь себя въ бездну и бросаешься въ пропасть? Не говори мнѣ, что тамъ лежитъ законъ

и книги пророковъ: этого не довольно для освященія мѣста. Чтò важнѣе, то ли, когда (священныя) книги лежатъ въ (извѣстномъ) мѣстѣ, или то, когда (люди) говорятъ о томъ, что содержится въ этихъ книгахъ? Очевидно то, когда и говорятъ и размышляютъ о содержащемся въ книгахъ. Чтò же, скажи мнѣ, когда діаволъ говорилъ отъ Писанія, не ужели освятились уста его? Нельзя сказать этого: онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, діаволомъ. А демоны? И они проповѣдывали и говорили: *сіи человѣцы раби Бога Вышняго суть, иже возвѣщаютъ* вамъ *путь спасенія* (Дѣян. XVI, 17): ужели поэтому поставимъ ихъ въ ряду апостоловъ? Никакъ; напротивъ, мы также (какъ и прежде) отвращаемся ихъ и ненавидимъ. Такъ даже произношеніе (священныхъ) словъ не освящаетъ; а книги тѣмъ, что лежатъ, освящаютъ? Какъ же это возможно? За то-то особенно и ненавижу синагогу, что въ ней лежатъ законъ и пророки, и ненавижу теперь болѣе, чѣмъ когда бы въ ней не было ихъ. А почему? Потому что это служитъ сильною приманкою, большимъ соблазномъ для простыхъ душъ. Потому-то и Павелъ скорѣе изгналъ демона, когда онъ заговорилъ, чѣмъ когда бы онъ молчалъ: *стуживъ же си*, сказано, *духови рече: изыди изъ нея* (ст. 18). За что? За то, что кричалъ: *сіи человѣцы раби Бога Вышняго суть.* Храня молчаніе, (демоны) не такъ бы прельщали; но, говоря, они увлекали бы многихъ
914 слабыхъ людей, и заставляли бы слушать себя и въ другихъ случаяхъ. Чтобы отворить дверь своимъ обманамъ и придать лжи больше благовидности, демоны примѣшали къ ней нѣсколько и истины, подобно тому, какъ приготовляющіе ядовитые составы, обмазывая края сосуда медомъ, достигаютъ того, что вредное зелье легко принимается. Вотъ почему особенно Павелъ не стерпѣлъ и поспѣшилъ заградить имъ уста, что они присвояли себѣ не принадлежавшее имъ достоинство. И я за то ненавижу іудеевъ, что они имѣютъ законъ, но нарушаютъ его, и тѣмъ стараются обольстить простодушныхъ. Они не были бы такъ виновны, если бы отвергали Христа потому, что не вѣрили бы пророкамъ. А теперь они лишили себя всякаго извиненія, говоря о себѣ, что вѣрятъ пророкамъ, и однакоже понося Того, о Комъ тѣ пророчествовали.

7. Наконецъ, если ты считаешь мѣсто святымъ отъ того, что тамъ лежатъ законъ и книги пророческія, то тебѣ уже придется считать святыми и идоловъ и храмы идольскіе. Случилась нѣкогда у іудеевъ война; азотяне, побѣдивъ ихъ, взяли ковчегъ, и внесли его въ свое святилище (1 Цар. V). Такъ ужели ихъ храмъ сталъ святъ отъ того, что въ немъ былъ ковчегъ? Нѣтъ, онъ остался мерзкимъ и нечистымъ, и это тотчасъ оказалось на дѣлѣ. Чтобы

враги узнали, что побѣда ихъ произошла не отъ слабости Бога, но отъ нечестія служившихъ Ему, ковчегъ, и взятый въ плѣнъ, въ чужой землѣ показалъ свою силу, дважды повергши идола на землю такъ, что онъ разбился. Ковчегъ не только не освятилъ мѣста, но еще противоборствовалъ этому мѣсту. Притомъ же, какой теперь ковчегъ у іудеевъ, когда у нихъ нѣтъ ни очистилища, ни помазанія, ни скрижалей завѣта, ни святаго святыхъ, ни завѣсы, ни архіерея, ни ѳиміама, ни всесожженія и жертвы, ни всего другого, что дѣлало тогда ковчегъ досточтимымъ? Мнѣ кажется, этотъ (нынѣшній) ковчегъ ихъ ничѣмъ не лучше, и даже гораздо хуже тѣхъ сундуковъ, которые продаются на площади: эти нисколько не могутъ вредить подходящимъ, а тотъ каждодневно наноситъ великій вредъ приближающимся къ нему. *Братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте* (1 Кор. XIV, 20); и тѣхъ, кто питаетъ страхъ къ этимъ вещамъ, освобождайте отъ этого неумѣстнаго страха, и вразумите, чего должно страшиться и бояться,—не ковчега этого, но того, чтобы не разрушить храмъ Божій хожденіемъ въ синагогу, привязанностію къ іудейству, этимъ безвременнымъ соблюденіемъ (іудейскихъ обрядовъ). Ибо сказано: *иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (Гал. V, 4). Вотъ чего нужно бояться, какъ бы вамъ въ тотъ день не услышать отъ Того, Кто будетъ судить васъ: *отступите, не вѣмъ васъ* (Лук. XIII, 27); потому что вы сообщались съ распявшими Меня, вопреки Моей волѣ, возстановляли праздники, которые Я отмѣнилъ, и бѣгали въ синагоги іудеевъ, которые беззаконно поступили со Мною. Я разрушилъ ихъ храмъ, превратилъ въ развалины это святилище, содержавшее въ себѣ страшныя вещи; а вы оказывали почтеніе такимъ храминамъ, которыя ничѣмъ не лучше корчемницъ и разбойничьихъ вертеповъ. Если уже тогда, когда были херувимы, когда былъ ковчегъ, еще 915
когда обитала (въ храмѣ іудейскомъ) благодать Духа, Господь говорилъ, въ одномъ мѣстѣ: *вы сотвористе и вертепъ разбойникомъ* (Матѳ. XXI, 13), въ другомъ: *домъ купли* (Іоан. II, 16), (и назвалъ его такъ) за беззаконія и убійства іудеевъ; то теперь, когда оставила ихъ благодать Духа и уничтожена вся ихъ святыня, а они между тѣмъ, вопреки волѣ Божіей, совершаютъ свое беззаконное служеніе, чѣмъ назвать (ихъ) синагоги, какъ найти достойное ихъ имя? Если (храмъ) былъ вертепомъ разбойниковъ уже тогда, когда еще содержалъ свой уставъ; то теперь, назовешь ли его любодѣйнымъ домомъ, мѣстомъ ли беззаконія, жилищемъ ли демоновъ, крѣпостію ли діавола, губителемъ ли душъ, пропастью ли и рвомъ совершенной погибели, или какъ бы то ни было, все не назовешь такъ, какъ онъ заслуживаетъ. Желаешь

видѣть храмъ? Не бѣги въ синагогу, но будь самъ храмомъ. Богъ разрушилъ одинъ храмъ въ Іерусалимѣ, и воздвигъ тысячи храмовъ, которые гораздо досточтимѣе того: *вы есте храмъ Бога живаго*, сказано (2 Кор. VI, 16). Укрась этотъ домъ, изгони (изъ себя) всякій злой помыслъ, чтобы тебѣ содѣлаться почетнымъ членомъ Христовымъ, чтобы быть храмомъ Духа; сдѣлай и другихъ такими же. Видя бѣдныхъ, вы не хотите пройти мимо ихъ; такъ, и видя бѣгущаго въ синагогу, не пропускай его, но удержи словомъ, какъ бы уздою, и приведи въ церковь. Эта милостыня больше той и прибыль отъ нея больше десяти тысячъ талантовъ. И что говорю— десяти тысячъ талантовъ? (Больше) всего видимаго міра, такъ какъ и человѣкъ дороже всего міра: для него созданы и небо, и земля, и море, и солнце, и звѣзды. Подумай же о достоинствѣ того, кого можешь спасти, и не оставь попещись о немъ. Хотя бы кто роздалъ тысячи денегъ, онъ сдѣлаетъ не столько, сколько тотъ, кто спасаетъ душу, отводитъ отъ заблужденія и руководитъ къ благочестію. Подавшій убогому утолитъ голодъ, а исправившій іудействующаго прекратитъ нечестіе; тотъ облегчитъ бѣдность, этотъ остановитъ беззаконіе; тотъ избавитъ тѣло отъ муки, этотъ исхититъ и душу изъ геенны. Я показалъ сокровище, не потеряйте прибыли. Здѣсь нельзя жаловаться на бѣдность, нельзя ссылаться на нищету: вся трата въ словахъ, вся издержка въ рѣчахъ. Такъ не полѣнимся, но со всѣмъ усердіемъ и ревностію будемъ уловлять нашихъ братьевъ, и, привлекши ихъ—даже противъ воли—въ свои домы, предложимъ имъ обѣдъ и сегодня же раздѣлимъ съ ними трапезу, чтобы они, у насъ же на виду разрѣшивъ постъ, и давъ намъ достаточное свидѣтельство и удостовѣреніе въ своей перемѣнѣ на лучшее, сдѣлались виновниками вѣчныхъ благъ для себя и для насъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

916 НЕ ПРЕСЫТИЛИСЬ ли вы уже борьбою съ іудеями? Или хотите, чтобы и сегодня занялись мы тѣмъ же предметомъ? Хотя много уже сказано и прежде, однако вы, кажется мнѣ, желаете еще слышать о томъ же предметѣ; ибо, кто не пресыщается любовію ко Христу, тотъ никогда не пресытится и войною съ врагами Его. Кромѣ того, это (противъ іудеевъ) слово необходимо для насъ и по другой причинѣ: еще есть остатки ихъ

праздниковъ. Какъ трубы ихъ были беззаконнѣе позорищныхъ, и посты безчестнѣе пьянства и всякаго пированія, такъ и кущи, которыя они теперь строятъ, нисколько не лучше корчемницъ, въ которыхъ водятся женщины распутныя и играющія на флейтѣ. И пусть никто не считаетъ этихъ словъ за дерзость: напротивъ, было бы крайнею дерзостью и нечестіемъ иначе думать объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не произнести (объ іудеяхъ) такого приговора, когда они упорствуютъ противъ Бога и противятся Св. Духу? Праздникъ этотъ былъ нѣкогда досточтимъ, когда совершался по закону и по Божію повелѣнію, а теперь уже не то: все достоинство его уничтожено тѣмъ, что онъ совершается вопреки волѣ Божіей. И однако же тѣ, которые наиболѣе нарушаютъ и законъ и древніе праздники, тѣ думаютъ о себѣ, что они теперь лучше всѣхъ соблюдаютъ ихъ; тогда какъ болѣе всѣхъ почитаемъ законъ мы, которые оставляемъ его въ покоѣ, какъ старца, не влечемъ его на старости на поле битвы и не принуждаемъ сражаться не во-время. А какъ мы достаточно уже доказали и прежде, что теперь не время закона и древняго порядка вещей, то сегодня разсмотримъ и остальное. Довольно уже я на основаніи всѣхъ пророковъ доказано, что совершать такіе праздники внѣ Іерусалима есть беззаконіе и нечестіе; ибо, если бы и справедливо было то, о чемъ всегда съ хвастовствомъ толкуютъ (іудеи), т. е. что они снова получатъ городъ, и тогда они не могли бы быть свободными отъ обвиненія въ нарушеніи закона. Но мы вполнѣ доказали и то, что городъ ихъ никогда не будетъ возстановленъ и они уже не получатъ опять своего (древняго) устройства. А когда это доказано, то очевидно стало и все прочее, то есть, что не можетъ стоять никакой видъ жертвы, ни всесожженіе, ни сила закона, ни что-либо другое изъ того (древняго) учрежденія. Во-первыхъ, законъ повелѣвалъ всякому человѣку мужескаго пола приходить во храмъ трижды въ годъ; но это уже не возможно, когда храмъ разрушенъ. Затѣмъ, онъ повелѣвалъ, чтобы сѣменоточивый, прокаженный, жена въ мѣсячной (болѣзни) и родильница приносили жертвы: и это также не возможно, когда нѣтъ мѣста и не существуетъ жертвенника. Повелѣвалъ онъ пѣть священныя пѣсни; но мы прежде уже доказали, что и это ограничено мѣстомъ и что пророки осуждаютъ (іудеевъ) за то, что они читали законъ и произносили исповѣданіе внѣ (Іерусалима). Итакъ, если нельзя было 917
даже читать законъ внѣ города, то какъ же можно исполнять его внѣ города? Посему-то Господь и говорилъ въ угрозу имъ: *и не присѣщу на дщери ваша, егда соблудятъ, и на невѣсты ваша, егда возлюбодѣютъ* (Ос. IV, 14). Что же это значитъ? Постараюсь объяснить, прочитавъ вамъ древній законъ. Какой же это законъ?

Мужа, аще преступитъ жена его, и презирающи презритъ его, и будетъ кто съ нею ложемъ сѣмене, и утаится отъ очію мужа ея, и свидѣтеля не будетъ на ню, и сія нѣсть ята, и пріидетъ на него духъ ревнованія, она же осквернена есть (Числ. V, 12—14). Эти слова (закона) вотъ что значатъ: если жена совершитъ любодѣяніе и мужъ станетъ подозрѣвать ее въ прелюбодѣяніи, или если она и не совершитъ любодѣянія, но онъ будетъ подозрѣвать ее въ томъ, между тѣмъ не будетъ ни свидѣтеля, ни беременности, которая бы изобличала ее; тогда *да приведетъ ее къ жерцу*, сказано, *и да принесетъ даръ за ню—мукú ячныя* (Числ. V, 15). Отчего же не крупчатой и не пшеничной, а ячменной? Такъ какъ дѣло идетъ о непріятности, обвиненіи и подозрѣніи въ худомъ поступкѣ; то и наружный видъ жертвы согласовался съ домашнимъ несчастіемъ. Поэтому (законъ) говоритъ: *да не возліетъ на ню елеа, ниже да возложитъ на ню ливана*. Потомъ (скажемъ короче) *приведетъ ю жрецъ, и возметъ воду чисту въ сосудѣ глинянѣ, и отъ персти на земли сущія веземъ, да всыплетъ въ воду: и да поставитъ жену и закленетъ ю, и речетъ: аще нѣси преступила оскверниmися подъ мужемъ твоимъ, невинна* (здрава) *буди отъ воды обличенія. Аще же преступила и осквернена еси, и даде кто тебѣ ложе свое, кромѣ мужа твоего: да дастъ тя Господь въ клятву и проклятіе среди людей твоихъ*. Что значитъ: *въ клятву и проклятіе?* То, что станутъ говорить: о, если бы со мною не случилось того, что случилось съ этой женой! *Внегда дати Господу чреву твоему разсѣстися: и внидетъ вода клятвенная, еже расторгнути утробу твою: и отвѣщаетъ жена: буди, буди. И будетъ, аще есть осквернена, и внидетъ вода обличенія, и надметъ чрево ея, и будетъ жена въ проклятіе въ людехъ своихъ. Аще же не будетъ осквернена жена, невинна будетъ и плодствовати будетъ сѣмя* (Числ. V, 15 и слѣд.). Итакъ, поелику съ того времени, какъ (іудеи) отведены были въ плѣнъ, ничего этого быть не могло, потому что не было ни храма, ни жертвенника, ни скиніи, ни жертвоприношенія, то Господь и угрожалъ имъ такими словами: *не присѣщу на дщери ваша, егда соблудятъ, и на невѣсты ваша, егда возлюбодѣютъ* (Ос. IV, 14).

2. Видишь ли, что законъ заимствуетъ силу отъ мѣста? А отсюда видно уже и то, что не можетъ быть и священника, когда нѣтъ города. Какъ нельзя быть царю, когда нѣтъ ни войска, ни діадимы, ни порфиры, ни другихъ принадлежностей царской власти; такъ не возможно быть и священнику, когда упразднена жертва, возбранено приношеніе, разрушено святилище, уничтоженъ весь чинъ (богослуженія); ибо священство во всемъ этомъ и состояло. Такимъ образомъ, какъ я сказалъ выше, для доказательства, что

не возстановятся ни жертвы вообще, ни всесожженія, ни прочія (жертвы) очищенія, ни другое что либо изъ іудейскаго устройства, до- 918
статочно уже было показать, что храмъ (іерусалимскій) не будетъ возстановленъ. Ибо, какъ теперь, когда его нѣтъ, все уничтожено, и если что, повидимому, бываетъ, то дѣлается беззаконно; такъ, когда словомъ доказано, что (храмъ) никогда не будетъ возстановленъ въ (прежній) свой видъ, вмѣстѣ съ этимъ доказано и то, что и остальное служеніе не придетъ опять въ прежнее положеніе, не будетъ (у іудеевъ) ни священника, ни царя. Если уже никому изъ племени ихъ, даже частному человѣку, не позволялось служить иноземцамъ, тѣмъ болѣе самому царю не позволительно подчиняться чужимъ. Но такъ какъ цѣль нашего труда и заботы состоитъ не въ томъ только, чтобы заградить уста іудеямъ, но и вразумить вашу любовь; то вотъ мы еще иначе докажемъ то же самое, т. е. что ихъ жертвы и священство прекратились, и уже не будутъ возстановлены въ прежнее состояніе. Кто говоритъ объ этомъ? Дивный и великій пророкъ Давидъ. Желая показать, что одна жертва имѣетъ быть отмѣнена, а введется другая, онъ сказалъ такъ: *много сотворилъ еси Ты, Господи Боже мой, чудеса Твоя, и помышленіемъ Твоимъ нѣсть кто уподобится Тебѣ. Возвѣстихъ и глаголахъ* (Пс. XXXIX, 6). Замѣчай мудрость пророка. Сказавъ: *многа сотворилъ еси Ты, Господи Боже мой, чудеса Твоя*, и изумившись чуднымъ дѣламъ Божіимъ, онъ ничего не говоритъ намъ ни о видимой твари,—о небѣ и землѣ, о морѣ, водѣ и огнѣ, ни о дивныхъ чудесахъ, совершившихся въ Египтѣ, ни о другихъ подобныхъ знаменіяхъ, но что называетъ дивнымъ? *Жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси* (ст. 7). Что говоришь, скажи мнѣ; это ли дивно и чудно? Никакъ, говоритъ. Просвѣщенный свыше, онъ пророческими очами видѣлъ не это одно, но и обращеніе (къ вѣрѣ Христовой) язычниковъ,—какъ они, преданные (ложнымъ) богамъ, поклонявшіеся камнямъ и бывшіе хуже безсловесныхъ, вдругъ прозрѣли и познали Владыку всѣхъ, и, оставивъ скверное служеніе демонамъ, стали совершать чистое и безкровное служеніе Богу; видѣлъ еще, что не только язычники, но и іудеи, изъ болѣе простодушныхъ, оставивъ жертвы и всесожженія и прочіе чувственные обряды, обратились къ нашему любомудрію; и размысливъ о неизреченномъ человѣколюбіи Божіемъ, превосходящемъ всякій умъ, и изумившись тому, какая произошла перемѣна въ дѣлахъ и какъ Богъ преобразилъ все, какъ людей изъ демоновъ сдѣлалъ ангелами и ввелъ (между ними) образъ жизни, достойный неба (а все это сбылось тогда, когда была отмѣнена древняя жертва и введена другая жертва тѣла Христова),—изумившись и удивившись этому, (пророкъ) сказалъ:

многа сотворилъ еси Ты, Господи Боже мой, чудеса Твоя. А (чтобы показать), что онъ произнесъ все это пророчество отъ лица Христова, Давидъ къ словамъ: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси*, прибавилъ: *тѣло же совершилъ ми еси*, разумѣя тѣло Владычнее, общую за вселенную жертву, которая очистила наши
919 души, разрѣшила грѣхи, уничтожила смерть, отверзла небеса, показала намъ многія и великія надежды и все прочее устроила. Видя это, и Павелъ воскликнулъ такъ: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. xi, 33). Провидя все это, (Давидъ) и сказалъ: *многа сотворилъ еси Ты, Господи Боже мой, чудеса Твоя.* Потомъ, сказавъ отъ лица Христова: *всесожженій* (и жертвы) *о грѣсѣ не взыскалъ еси*, онъ присовокупилъ: *тогда рѣхъ: се пріиду* (Пс. xxxix, 7, 8). *Тогда*—когда же? Когда наступитъ время совершеннѣйшаго ученія; ибо менѣе совершенному (люди) должны были научиться отъ рабовъ Его, а возвышеннѣйшему и превышающему природу человѣческую отъ Самого Законодателя. Посему-то и Павелъ сказалъ: *многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ, егоже положи наслѣдника всѣмъ, имже и вѣки сотвори* (Евр. i, 1, 2). И Іоаннъ также: *законъ Моисеемъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть* (Іоан. i, 17). Значитъ, величайшая заслуга закона и въ томъ, что онъ приготовилъ природу человѣческую для этого Учителя. Потомъ, дабы ты не подумалъ, будто (Христосъ) есть новый Богъ и вводитъ какое нибудь новшество, вотъ что говоритъ: *въ главизнѣ книжнѣ писано есть о Мнѣ* (ст. 8). То есть, пророки издревле предвозвѣстили Мое пришествіе, и въ самомъ началѣ священныхъ книгъ открыли людямъ познаніе о Моемъ Божествѣ.

3. Такъ, когда Богъ говоритъ въ началѣ творенія: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. i, 26), то гадательно открываетъ намъ Божество Сына, къ Которому Онъ обращаетъ рѣчь. Потомъ, желая показать, что новое не противно прежнему учрежденію, но что была воля Божія и на то, чтобы та жертва прекратилась и на мѣсто ея введена была эта (тутъ было въ самомъ дѣлѣ стремленіе къ улучшенію, а не противорѣчіе и не борьба), Давидъ къ словамъ: *въ главизнѣ книжнѣ писано есть о Мнѣ*, присовокупилъ: *еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотѣхъ и законъ Твой посредѣ чрева моего.* Затѣмъ, чтобы изъяснить, въ чемъ состоитъ воля Божія, онъ, не упоминая о жертвахъ, всесожженіяхъ и приношеніяхъ, о трудахъ и тяжкихъ подвигахъ, говоритъ: *благовѣстихъ правду въ Церкви велицѣй* (ст. 10). Что значитъ: *благовѣстихъ правду?* Не сказалъ онъ просто:

я далъ, но: *благовѣстихъ*. Что же это значитъ? То, что (Христосъ) оправдалъ родъ нашъ, не за добрыя дѣла, не за труды, не за удовлетвореніе (правосудію Божію), но единою благодатію. Это-то объясняя, и Павелъ сказалъ: *нынѣ же кромѣ закона правда Божія явися* (Рим. III, 2): правда же Божія (достигается) вѣрою Іисуса Христа, а не какими либо трудами и усиліями. Эти же слова (Давида) приводитъ онъ въ свидѣтельство, когда говоритъ, *сѣнь бо имый законъ грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей, на всякое лѣто тѣми же жертвами, ихже приносятъ выну, никогда же можетъ приступающихъ совершити. Тѣмже входя въ* 920
міръ, глаголетъ: жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси (Евр. X, 1. 5), разумѣя здѣсь пришествіе Единороднаго въ міръ, домостроительство воплощенія. Ибо Онъ пришелъ къ намъ не такъ, чтобы перемѣнилъ одно мѣсто на другое (какъ сказать это о вездѣсущемъ и все наполняющемъ?), но такъ, что явился намъ во плоти. Но такъ какъ у насъ борьба не съ іудеями только, но и съ язычниками и многими изъ еретиковъ, то раскроемъ вамъ глубже, какой здѣсь смыслъ, и изслѣдуемъ, почему Павелъ, имѣя тьмы свидѣтельствъ, доказывающихъ упраздненіе закона и древняго учрежденія, упомянулъ именно объ этомъ. Не просто же и не случайно онъ сдѣлалъ это, но по какой-нибудь неизреченной мудрости и основанію. А что онъ могъ, если бы захотѣлъ, привести и другія болѣе обширныя и разительныя свидѣтельства о томъ же предметѣ, въ этомъ всѣ будутъ согласны. Вотъ и Исаія говоритъ: *нѣсть воля Моя въ васъ; исполненъ есмь всесожженій овнихъ, и тука агнецъ и крове юнцевъ и козловъ не хощу. Ниже приходите явитися Ми: кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ? и аще принесете Ми семидалъ всуе: кадило, мерзость Ми есть* (Иса. I, 11 — 13). Онъ же въ другомъ мѣстѣ: *Не нынѣ призвахъ тебе, Іакове, ниже трудитися сотворихъ тя, Израилю. Ни въ жертвахъ твоихъ прославилъ Мя еси*, и не послужилъ Мнѣ въ дарахъ твоихъ, *ниже утруждена сотворихъ тя въ Ливанѣ: не купилъ еси Мнѣ на сребро ѳиміама* (Иса. XLIII, 22, 23). И Іеремія: *Вскую Мнѣ кадило отъ Савы приносите и кинамонъ отъ земли дальнія; всесожженія ваша не суть пріятна* (Іер. VI, 20); онъ же: *всесожженія ваша соберите со жертвами вашими, и изъядите мяса* (VII, 21). Другой пророкъ такъ сказалъ: *отстави отъ мене гласъ пѣсней твоихъ, и пѣсни органовъ твоихъ не послушаю* (Амос. V, 23). И еще въ другомъ мѣстѣ, когда іудеи говорили: *еда пріиметъ Господь во всесожженіяхъ, дамъ ли первенцы моя о нечестіи моемъ, плодъ утробы моея за грѣхи души моея* (Мих. VI, 7), пророкъ укоряя ихъ, сказалъ: *возвѣстися тебѣ, человѣче,*

что добро, или чесого Господь ищетъ отъ тебе, развѣ еже творити судъ и правду, *и любити милость, и готову быти еже ходити съ Господомъ Богомъ твоимъ* (ст. 8). И Давидъ такъ говорилъ: *не пріиму отъ дому твоего телцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ* (Пс. XLIX, 9). Почему же, имѣя возможность указать на столь многія свидѣтельства, въ которыхъ Богъ видимо отвергаетъ оныя (іудейскія) жертвы, новомѣсячія, субботы, праздники, (апостолъ), оставивъ всѣ тѣ свидѣтельства, упомянулъ объ этомъ одномъ? Не безъ причины и не случайно, но вотъ почему. Многіе изъ невѣрныхъ, и даже изъ самыхъ іудеевъ, ратуя противъ насъ, говорятъ, что древняя религія отмѣнена не по несовершенству своему, и не потому, что введена лучшая наша (христіанская) религія, но по развращенію тѣхъ, которые приносили тогда жертвы. Такъ Исаія говоритъ: *егда простреmе руки ваша, отвращу очи Мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (Ис. I, 15). Потомъ представляя причину, присовокупляетъ:
321 *руки бо ваша исполнены крове.* Здѣсь не жертвы обвиняются, но обличается нечестіе приносящихъ; и Богъ потому не принималъ жертвъ, что (іудеи) приносили ихъ нечистыми руками. И Давидъ, сказавъ: *не пріиму отъ дому твоего телцовъ, ниже отъ стадъ твоихъ козловъ*, прибавилъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергль еси словеса Моя вспять. Аще видѣлъ еси татя, теклъ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участіе твое полагалъ еси. Уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе лщенія: сѣдя на брата твоего клеветалъ еси, и на сына матере твоея полагалъ еси соблазнъ* (Пс. XLIX, 16—20). Отсюда видно, что Богъ здѣсь отвергъ жертвы не безъ причины, но потому, что іудеи прелюбодѣйствовали, крали, строили ковы братьямъ. Да и каждый, говорятъ, изъ пророковъ, обвиняя приносящихъ жертвы, даетъ знать, что за это-то Богъ и отвергъ оныя.

4. Такъ говорятъ наши противники, но Павелъ нанесъ имъ сильный ударъ, и достаточно заградилъ безстыдныя уста ихъ этимъ свидѣтельствомъ. Желая доказать, что Богъ отвергъ и упразднилъ іудейскую религію, какъ несовершенную, онъ воспользовался этимъ именно свидѣтельствомъ, въ которомъ нѣтъ обвиненія на приносящихъ жертвы, а открывается въ наготѣ несовершенство самой религіи. Ибо пророкъ, не обвинивъ іудеевъ ни въ чемъ, просто говоритъ: *жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ ми еси, всесожженій и о грѣсѣ не благоволилъ еси.* А Павелъ, изъясняя это, сказалъ: *отъемлетъ первое, да второе поставитъ* (Евр. X, 9). Если бы онъ, сказавъ: *жертвы и*

приношенія не восхотѣлъ еси, замолчалъ, такая рѣчь давала бы (противникамъ) нѣкоторую возможность къ оправданію; но теперь онъ, сказавъ: *тѣло же совершилъ ми еси*, и указавъ на введеніе другой жертвы, не подалъ уже никакой надежды на возстановленіе прежней. Это самое изъясняя, Павелъ сказалъ: *симъ принесеніемъ освящени есмы, о волѣ Христовой* (Евр. x, 10). *Аще бо кровь козлія и телчая, и пепелъ юнчій кропящій оскверненыя освящаетъ къ плотстѣй чистотѣ: колми паче кровь Христова, иже Духомъ святымъ себе принесе непорочна, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ* (Евр. ix, 13. 14). Итакъ этимъ достаточно доказано, что іудейскія жертвы прекращены и никогда уже не возстановятся, а на мѣсто ихъ введена другая жертва. Теперь, наконецъ, прямо и ясно покажемъ изъ самаго Писанія то, что давно мы старались доказать, (то есть), что прежняго священства и нѣтъ уже, и не будетъ опять. Сначала предпошлемъ нѣкоторое предисловіе, чтобы сдѣлать понятнѣе изъясненіе того, о чемъ будетъ рѣчь. Авраамъ, возвратившись изъ Персіи, родилъ Исаака, потомъ этотъ—Іакова; Іаковъ—двѣнадцать патріарховъ, отъ которыхъ произошли двѣнадцать, или вѣрнѣе тринадцать колѣнъ, потому что вмѣсто Іосифа сдѣлались начальниками колѣнъ дѣти его, 922
Ефремъ и Манассія. И какъ по имени каждаго изъ сыновъ Іакова назывались колѣна: Рувимовымъ, Симеоновымъ, Левіинымъ, Іудовымъ, Нефѳалимовымъ, Гадовымъ, Асировымъ, Веніаминовымъ; такъ и по именамъ дѣтей Іосифовыхъ, Ефрема и Манассіи, названы были два колѣна, одно Ефремовымъ, а другое—Манассіинымъ. Изъ этихъ тринадцати колѣнъ всѣ другія владѣли полями и большими доходами, всѣ воздѣлывали землю, и исправляли другія житейскія работы; одно колѣно Левіино, почтенное священствомъ, было освобождено отъ житейскихъ дѣлъ, и не обработывало земли, не занималось ремеслами и ничѣмъ подобнымъ, но прилежало одному священству и получало отъ всего народа десятину и вина, и пшеницы, и ячменя, и всѣхъ прочихъ плодовъ; всѣ давали (левитамъ) десятину, и въ этомъ заключался ихъ доходъ. Не позволялось священнику быть ни изъ какого другого колѣна. Ибо изъ этого колѣна, то есть, изъ Левіина, былъ Ааронъ, и потомки его по преемству принимали священство, а изъ другихъ колѣнъ никогда не было ни одного священника. Итакъ эти левиты получали отъ тѣхъ (прочихъ колѣнъ) десятины и этимъ питались. Но еще до Іакова и Исаака, при Авраамѣ, когда не было ни Моисея, ни писаннаго закона, когда не явилось еще священства левитскаго, не было ни скиніи, ни храма, ни отдѣльныхъ колѣнъ, когда не видно было Іерусалима, и никто еще не получилъ власти править іудейскими дѣлами,

былъ нѣкто Мелхиседекъ, священникъ Бога Вышняго. Этотъ Мелхиседекъ былъ вмѣстѣ и царь и священникъ: ему надлежало быть образомъ Христа, и Писаніе ясно упоминаетъ о немъ. Когда Авраамъ, напавъ на персовъ, и отнявъ изъ ихъ рукъ племянника своего Лота, и взявъ съ собою всю добычу, возвращался послѣ совершенной надъ ними побѣды, то (по этому случаю) Писаніе такъ говоритъ о Мелхиседекѣ: *И Мелхиседекъ, царь салимскій, изнесе хлѣбы и вино: бяше же священникъ Бога Вышняго. И благослови Авраама и рече: благословенъ Авраамъ Богомъ Вышнимъ, иже созда небо и землю. И благословенъ Богъ Вышній, иже предаде враги твоя подъ руки тебѣ: и даде ему десятину Авраамъ отъ всего* (Быт. XIV, 18—20). Итакъ, если явится какой либо пророкъ и скажетъ, что послѣ Аарона и его священства, послѣ этихъ (іудейскихъ) жертвъ и приношеній, возстанетъ иной священникъ, не изъ того (Левіина) колѣна, но изъ другого, изъ котораго никогда не бывало священника, не по чину Ааронову, но по чину Мелхиседекову; то будетъ очевидно, что древнее священство прекратилось, а на мѣсто его введено другое новое; потому что, если бы древнее священство должно было оставаться въ силѣ, ему слѣдовало бы именоваться не по чину Мелхиседекову, но по чину Ааронову. Кто же объ этомъ говоритъ? Тотъ самый, кто говорилъ о жертвахъ; онъ же въ другомъ мѣстѣ, бесѣдуя о Христѣ, вотъ что говоритъ: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене* (Пс. CIX, 1).

5. Дабы не подумалъ кто, будто это говорится о какомъ-нибудь обыкновенномъ человѣкѣ, говоритъ это не Исаія, не Іеремія,
923 и не другой какой-либо пророкъ изъ частныхъ людей, но самъ царь; а царь (ты знаешь) никого не можетъ назвать своимъ Господомъ, какъ только Бога. Если бы это былъ частный человѣкъ, то иной безстыдный могъ бы сказать, что (Давидъ) говоритъ о человѣкѣ; но теперь, будучи царемъ, онъ конечно не назвалъ бы своимъ Господомъ человѣка. Если бы Давидъ говорилъ это о какомъ нибудь простомъ человѣкѣ, то какъ бы онъ сказалъ, что (этотъ человѣкъ) сѣлъ одесную великой и неизреченной славы (Господа)? Это невозможно. А онъ объ этомъ (лицѣ) говоритъ: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ Твоихъ.* Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что будто (это лице) слабое и безсильное, Давидъ присовокупилъ: *съ Тобою начало въ день силы Твоея* (ст. 3). А чтобы показать это еще яснѣе, сказалъ: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя.* Но прежде денницы не родился ни одинъ человѣкъ. *Ты Іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (ст. 4). Не сказалъ: по чину Ааронову. Спроси же іудея: если древнее священство не

должно было уничтожиться, то почему (Богъ) ввелъ другого Священника—по чину Мелхиседекову? До этого-то мѣста дошедши Павелъ, смотри, какъ объяснилъ его. Сказавъ о Христѣ, что *якоже и индѣ глаголетъ: Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову*, онъ присоединилъ: *о немже многое намъ слово и не удобь сказаемое глаголати* (Евр. v, 11); потомъ, укоривъ учениковъ,—скажемъ сокращенно,—онъ говоритъ, кто такой Мелхиседекъ, и приводитъ вотъ какую исторію о немъ: *иже срѣте Авраама возвращшася отъ сѣча царей, и благослови его, емуже и десятину отъ всѣхъ отдѣли Авраамъ.* Затѣмъ, раскрывая значеніе этого образа, говоритъ: *видите же, еликъ сей, емуже и десятину далъ есть Авраамъ, патріархъ отъ избранныхъ* (Евр. vii, 1, 2, 4). Это сказалъ онъ не просто, но съ тѣмъ, чтобы показать, что наше священство гораздо важнѣе іудейскаго. И это превосходство напередъ уже открывается изъ самыхъ образовъ вещей. Авраамъ былъ отецъ Исаака, дѣдъ Іакова и прадѣдъ Левія; ибо у Іакова былъ сынъ Левій. Отъ Левія получило свое начало іудейское священство. Но этотъ-то Авраамъ, прародитель левитовъ и священниковъ іудейскихъ, предъ Мелхиседекомъ, который былъ образомъ нашего священства, сталъ на мѣстѣ міряника, и показалъ это двоякимъ образомъ: тѣмъ, что далъ ему десятину, ибо міряне давали священникамъ десятину; и тѣмъ, что получилъ отъ него благословеніе, ибо міряне же получаютъ благословеніе отъ священниковъ. Такъ смотри, сколь велико превосходство нашего священства, когда Авраамъ, патріархъ іудеевъ, прародитель левитовъ, благословляется Мелхиседекомъ и даетъ ему десятину. О томъ и другомъ разсказываетъ Ветхій Завѣтъ, т. е. и о томъ, что Мелхиседекъ благословилъ Авраама, и о томъ, что Авраамъ далъ ему десятину (Быт. xiv, 19, 20). Это-то самое поставивъ на видъ, Павелъ сказалъ: *видите, еликъ сей.* Кто? *Мелхиседекъ*, говоритъ, *емуже и десятину далъ есть Авраамъ патріархъ отъ избранныхъ* (Евр. vii, 4). *И пріемлющіи убо священство отъ сыновъ левіинъ, заповѣдь имутъ, одесятствовати люди по закону, сирѣчь братію свою,* 924
аще и отъ чреслъ Авраамовыхъ изшедшую (ст. 5). Это значитъ: левиты, іудейскіе священники, имѣли право по закону получать десятину отъ другихъ іудеевъ. Хотя всѣ произошли отъ Авраама, какъ левиты, такъ и остальной народъ, но, не смотря на то, левиты получаютъ десятину отъ братьевъ своихъ. А Мелхиседекъ, *не причитаемый родомъ къ нимъ* (ибо произошелъ не отъ Авраама, и не отъ колѣна левитскаго, но отъ другого рода), *одесятствова Авраама*, т. е. взялъ отъ него десятину. Но кромѣ этого онъ сдѣлалъ еще и нѣчто другое. Что же такое? *И имущаго обѣтованія* Авраама *благослови* (ст. 6). Что же, скажешь, это значитъ?

То, что Авраамъ гораздо меньше Мелхиседека. Какъ это? *Безъ всякаго прекословія меньшее отъ бо́льшаго благословляется* (Евр. VII, 7). Значитъ, если бы Авраамъ, прародитель левитовъ, не былъ меньше Мелхиседека, то этотъ не благословилъ бы того, и тотъ не далъ бы ему десятину. Потомъ, желая показать, что съ Мелхиседекомъ такъ и было, Павелъ прибавилъ: *и да сице реку, Авраамомъ и Левій, пріемляй десятины, десятины далъ есть* (ст. 9). Что это значитъ? То, что самъ Левій, еще не родившись, далъ уже десятину Мелхиседеку въ лицѣ отца своего. *Еще бо*, говоритъ, *во чреслѣхъ отчіихъ бяше, егда срѣте его Мелхиседекъ* (ст. 10). Поэтому-то Павелъ и сказалъ напередъ: *да сице реку*. И чтобы показать, для чего онъ говорилъ объ этомъ, дѣлаетъ вотъ какой выводъ: *аще убо совершенство Левитскимъ священствомъ было: людіе бо на немъ взаконени быша: кая еще потреба, по чину Мелхиседекову иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися* (ст. 11)? Что это значитъ? Если іудейскіе обряды были совершенны и законъ не былъ тѣнію будущихъ благъ, но самъ всему давалъ совершенство и не долженъ былъ уступить (своего мѣста) другому; если прежнее священство не должно было прекратиться и на его мѣсто быть введено новое; то почему пророкъ сказалъ: *Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Пс. CIX, 4)? Надлежало бы сказать: *по чину Ааронову*. Вотъ почему Павелъ говоритъ: *аще убо совершенство Левитскимъ священствомъ было: кая потреба по чину Мелхиседекову иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися?* Изъ этого видно, что то священство кончилось и на его мѣсто введено новое, гораздо лучшее и возвышеннѣйшее. Если же это справедливо, то справедливо и то, что введется и другое устройство жизни, сообразное съ (новымъ) священствомъ, и законодательство лучшее, именно наше. Это-то доказывая, Павелъ и говоритъ: *прелагаему бо священству, по нужди и закону премѣненіе бываетъ, содѣтель же сихъ есть единъ* (ст. 12; II, 11). Такъ какъ бо́льшая часть постановленій закона касалась обязанностей священства, а прежнее священство было отмѣнено; то очевидно, что, со введеніемъ другого священства, надлежало ввести и лучшее законодательство. Далѣе, объясняя, о комъ это говорится, апостолъ продолжаетъ: *о немже бо глаголются сія, колѣну иному причастися, отъ негоже никтоже приступи къ олтарю. Явѣ бо, яко отъ*
925 *колѣна Іудова возсія Господь нашъ, о немже колѣнѣ Моусей о священствѣ ничесоже глагола* (Евр. VII, 13, 14). Такимъ образомъ, когда показано, что Христосъ происходитъ отъ этого колѣна, т. е. Іудова, и есть священникъ по чину Мелхиседекову, а Мелхиседекъ гораздо выше Авраама, вмѣстѣ съ этимъ уже вполнѣ

доказано и то, что и другое священство, вводимое вновь, гораздо выше перваго. Ибо, если образъ (Мелхиседекъ) былъ такъ великъ и гораздо славнѣе іудейскаго священства, тѣмъ болѣе самая истина. Это-то доказывая, Павелъ и сказалъ: *и лишше еще явѣ есть, яко по подобію Мелхиседекову востаетъ священникъ инъ, иже не по закону заповѣди плотскія бысть, но по силѣ живота неразрушаемаго* (ст. 15, 16). Что это значитъ: *не по закону заповѣди плотскія бысть, но по силѣ живота неразрушаемаго*? То, что ни одна изъ (Христовыхъ) заповѣдей не была плотскою: Онъ повелѣлъ не овецъ и тельцовъ закалать, но служить Богу душевною добродѣтелію, и въ награду за это предложилъ намъ жизнь, никогда непрестающую. И опять, Онъ Своимъ пришествіемъ воскресилъ насъ, умершихъ отъ грѣховъ, и оживотворилъ, разрушивъ двоякую смерть, смерть грѣха и смерть плоти. Такъ, поелику Онъ принесъ намъ столь великія блага, поэтому Павелъ и говоритъ: *не по закону заповѣди плотскія, но по силѣ живота неразрушаемаго.*

6. Итакъ этимъ доказано уже и то, что съ перемѣною священства необходимо надлежало быть перемѣнѣ и закона. Впрочемъ, можно бы это же самое доказать и прямо, и привести еще въ свидѣтели пророковъ, которые говорятъ, что законъ перемѣнится, общественное устройство получитъ лучшій видъ, и что у іудеевъ никогда уже не будетъ царя. Но такъ какъ надобно говорить столько, сколько можетъ принять слушатель, а не все за одинъ разъ и вдругъ; то, отложивъ это до другого времени, здѣсь теперь окончимъ слово, съ совѣтомъ вашей любви помнить, что (теперь) сказано, и присоединить это къ прежде сказанному. И теперь опять попросимъ о томъ же, о чемъ и прежде просили мы васъ: обратите вашихъ братьевъ ко спасенію, и усердно позаботьтесь о пренебреженныхъ членахъ. Мы не для того подъемлемъ такой трудъ, чтобы только говорить, или слышать рукоплесканія и шумъ, но для того, чтобы уклонившихся возвратить на путь истины. И никто не говори мнѣ: „у меня нѣтъ ничего общаго съ нимъ; дай Богъ мнѣ исправить свои собственныя дѣла“. Никто не можетъ исправить своихъ дѣлъ, не любя ближняго и не заботясь о его спасеніи. Поэтому и Павелъ говоритъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. x, 24), зная, что собственная польза каждаго соединена съ пользою ближняго. Ты здоровъ, но братъ твой боленъ. Итакъ, если у тебя доброе сердце, ты сильно поболѣзнуешь о страждущемъ и станешь подражать въ этомъ блаженному (Павлу), который говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Если мы радуемся, когда подадимъ кому-нибудь двѣ мелкія

монеты и издержимъ на бѣдныхъ нѣсколько серебра; то какое по-
926 лучимъ удовольствіе, если успѣемъ спасти души ближнихъ? Какой удостоимся награды въ будущемъ вѣкѣ? Ибо и здѣсь мы, сколько разъ ни будемъ встрѣчаться съ ними, всегда будемъ чувствовать отъ этой встрѣчи великое удовольствіе, припоминая объ оказанномъ имъ добрѣ; и тамъ—на страшномъ судилищѣ, увидѣвъ ихъ, получимъ великое дерзновеніе. Какъ люди несправедливые и любостяжательные, похищающіе чужое и дѣлающіе своимъ ближнимъ множество зла, когда отойдутъ туда (въ вѣчную жизнь) и увидятъ обиженныхъ ими (а увидятъ ихъ непремѣнно, какъ показываетъ исторія о богатомъ и Лазарѣ), то не въ состояніи будутъ ни уста открыть, ни сказать что-нибудь въ свое оправданіе, но покрытые стыдомъ и безчестіемъ, отъ лица тѣхъ (обиженныхъ) отведены будутъ въ рѣки огня; такъ, напротивъ, тѣ, которые въ здѣшней жизни учатъ и наставляютъ (ближнихъ), когда увидятъ тамъ, что спасенные ими ходатайствуютъ за нихъ, исполнятся великаго дерзновенія. Объясняя это, Павелъ сказалъ: *похваленіе вамъ есмы, якоже и вы намъ* (2 Кор. I, 14). Когда? Скажи. *Въ день Господа нашего Іисуса Христа.* И Христосъ убѣждаетъ къ этому, говоря: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы* (Лук. XVI, 9). Видишь, какое великое дерзновеніе будетъ намъ отъ облагодѣтельствованныхъ нами теперь? Если же такіе вѣнцы, такая награда, такое воздаяніе только за издержку денегъ; то не большія ли и не важнѣйшія ли блага будутъ (даны) намъ за помощь, оказанную душѣ? Если Тавиѳа возвращена отъ смерти къ жизни за то, что одѣвала вдовицъ и помогала бѣднымъ; если слезы облагодѣтельствованныхъ ею снова ввели въ тѣло ея отшедшую душу, когда еще не настало воскресеніе; то чего не сдѣлаютъ слезы тѣхъ, которые спасены тобою? Какъ эту вдовицы, окруживъ, возвратили отъ смерти къ жизни, такъ и тебя тогда окружатъ спасенные тобою, исходатайствуютъ тебѣ великое человѣколюбіе (Судіи), и исхитятъ тебя изъ геенскаго огня. Зная это, будемъ пламенны и усердны не до настоящаго только часа, но, вышедши отсюда, воспламените огонь, который теперь въ васъ, и устройте спасеніе всего города; а если не знаете, кто боленъ, постарайтесь отыскать таковыхъ. Тогда и мы будемъ бесѣдовать съ вами охотнѣе, узнавъ по самому опыту, что посѣяли не на камень; и вы сами будете усерднѣе къ добродѣтели. Какъ въ денежныхъ дѣлахъ, получившій прибыли двѣ златницы воспламеняется большимъ желаніемъ собрать и скопить еще десять и двадцать; такъ бываетъ и съ добродѣтелію: кто сдѣлалъ одно доброе дѣло и подвигъ, тотъ отъ этого самаго подвига получаетъ побужденіе и поощреніе къ предпріятію другихъ

(подвиговъ). Итакъ, чтобы намъ и братьевъ спасти, и себѣ предуготовить прощенiе во грѣхахъ, а особенно великое дерзновенiе (къ Богу), и, прежде всего другого, содѣйствовать прославленiю имени Божiя, выйдемъ, вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и домочадцами, на эту ловлю, исхитимъ изъ сѣтей дiавола плѣненныхъ имъ въ 927
его волю, и не отстанемъ, пока не сдѣлаемъ все возможное для насъ, будутъ ли они слушаться насъ, или нѣтъ. Впрочемъ не возможно, чтобы они — христiане не послушались. А чтобы не было у васъ и этой отговорки, скажу вотъ что: когда ты, истощивъ много словъ и исполнивъ все зависящее отъ тебя, увидишь, что ближнiй упорствуетъ, отведи его къ священникамъ; они, конечно, при помощи Божiей благодати, поймаютъ добычу; а успѣхъ весь будетъ принадлежать тебѣ, какъ приведшему его. Объ этомъ говорите мужья съ женами, жены съ мужьями, отцы съ дѣтьми, и друзья съ друзьями. Пусть iудеи и тѣ, которые кажутся единомысленными намъ, но (на самомъ дѣлѣ) держатся ихъ образа мыслей, пусть узнаютъ, что мы стараемся, заботимся и неусыпно печемся о нашихъ братьяхъ, которые убѣгаютъ къ нимъ. И, навѣрно, прежде насъ, они прогонятъ отъ себя тѣхъ, которые отъ насъ убѣгаютъ къ нимъ. А скорѣе—никто уже и не осмѣлится отъ насъ перебѣгать къ нимъ, напротивъ, тѣло церкви будетъ чисто. Богъ же, *иже хощетъ всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины прiити* (1 Тим. II, 4), и васъ да укрѣпитъ на эту ловитву, и ихъ да изведетъ изъ этого заблужденiя и, спасши всѣхъ вообще, да содѣлаетъ достойными царства небеснаго,—во славу Свою, ибо Ему подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВОСЬМОЕ.

ПРОШЕЛЪ постъ iудейскiй, а вѣрнѣе сказать—пьянство iудей- 928
ское. Можно вѣдь и безъ вина упиваться, можно и въ трезвомъ состоянiи быть пьянымъ и неистовствовать отъ упоенiя. Если бы нельзя было упиваться безъ вина, то пророкъ не сказалъ бы: *горе упивающимся не виномъ* (Иса. XXIX, 9). Если бы нельзя было упиваться безъ вина, Павелъ не сказалъ бы: *не упивайтеся виномъ* (Еф. V, 18). Такъ какъ можно упиваться и инымъ чѣмъ-то, поэтому онъ и сказалъ: не упивайтеся *виномъ*. Можно, дѣйствительно можно упиваться и гнѣвомъ, и нечистою похотiю, и сребролюбiемъ, и тщеславiемъ, и безчисленнымъ множествомъ другихъ страстей. Ибо упоенiе есть не иное что, какъ потеря здравыхъ понятiй, умоизступленiе, разстройство душев-

наго здоровья. Итакъ, не только о томъ, кто выпилъ много вина, но и о томъ, кто питаетъ въ душѣ другую страсть, можно сказать, что онъ сильно опьяненъ. Опьяненъ, напр., тотъ, кто любитъ чужую жену и живетъ съ блудницами. Какъ выпившій много вина и обезсиленный имъ произноситъ неприличныя слова и видитъ одно вмѣсто другого; такъ и объятый нечистою похотію, какъ бы виномъ какимъ, не произноситъ ни одного здраваго слова, а (говоритъ) только срамныя, развратныя, низкія и смѣха достойныя (слова), и видитъ одно вмѣсто другого; слѣпъ ко всему, что предъ глазами, а вездѣ только и видитъ ту, къ которой питаетъ страсть, и, подобно помѣшанному и безумному, въ собраніяхъ и на пиршествахъ, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, о чемъ кто бы ни говорилъ ему, не слышитъ, кажется, ничего, но о ней только и думаетъ, о грѣхѣ только и мечтаетъ; все подозрѣваетъ, всего боится, и ничѣмъ не лучше какого-нибудь животнаго, пораженнаго стрѣлою. Опьяненъ такъ же и одержимый гнѣвомъ, у него и лице раздувается, и голосъ дѣлается хриплымъ, и глаза наполняются кровію, и умъ помрачается, и смыслъ теряется, и языкъ трясется, и взоръ блуждаетъ, и уши слышатъ одно вмѣсто другого, потому что гнѣвъ сильнѣе всякаго вина ударяетъ въ мозгъ и производитъ въ немъ бурю и неукротимое волненіе. Если же опьяненъ всякій одержимый похотію и гнѣвомъ, тѣмъ болѣе опьяненъ и безуменъ человѣкъ нечестивый, оскорбляющій Бога, противящійся Его законамъ и никакъ не хотящій оставить это неразумное упорство; онъ хуже и неистовыхъ, и умоизступленныхъ, хотя самъ, кажется, и не чувствуетъ этого. Опьяненію особенно и свойственно то, что человѣкъ, поступая безчинно, нисколько не чувствуетъ этого; такъ какъ и несчастіе сумасшествія заключается особенно въ томъ, что больные не сознаютъ даже и того, что они больны. Такъ и іудеи, пьянствуя теперь, не чувствуютъ этого. Итакъ ихъ постъ, позорнѣйшій всякаго пьянства, прошелъ; но мы, однакоже, не прекратимъ попеченія о нашихъ братьяхъ, и не будемъ думать, будто не время уже заботиться о нихъ, но поступимъ, какъ поступаютъ воины. По окончаніи сраженія обративъ враговъ въ бѣгство, они, возвращаясь отъ преслѣдованія, не тотчасъ бѣгутъ въ палатки, но напередъ идутъ на мѣсто сраженія, отбираютъ падшихъ своихъ товарищей, и — умершихъ зарываютъ въ землю, а если кого найдутъ между трупами еще дышащимъ и неубитымъ до смерти, того поднявъ уносятъ въ палатки со всею бережливостію, извлекаютъ изъ него стрѣлы, и, позвавъ врачей и отеревъ кровь, даютъ ему лѣкарства, и, употребивъ всѣ другія пособія, возвращаютъ ему здоровье. Такъ и мы, какъ уже прогнали, по милости Божіей, іудеевъ, вооору-

живъ противъ нихъ пророковъ, теперь, возвращаясь, посмотримъ во всѣ стороны, не палъ ли кто изъ нашихъ братьевъ, не увлекся ли кто этимъ постомъ, не участвовалъ ли кто въ праздникѣ іудейскомъ; погребенію-то не предадимъ никого, а всѣхъ поднимемъ и вылѣчимъ. На внѣшнихъ сраженіяхъ воинъ, который разъ палъ и отдалъ душу, не можетъ уже возстать и возвратиться къ жизни; а на этой войнѣ и брани, хотя кто и получитъ смертельную рану, мы можемъ, если захотимъ, при содѣйствіи благодати Божіей, возвратить его къ жизни. Здѣсь смерть не по природѣ, какъ тамъ, но по свободѣ и произволенію; а умершую волю можно 929
воскресить, мертвую душу можно заставить возвратиться къ своей жизни и познать своего Господа.

2. Не полѣнимся же, братіе, не ослабѣемъ, не потеряемъ бодрости. Никто не говори мнѣ такихъ словъ, что надобно-де было предостеречь и сдѣлать все еще до поста (іудейскаго), а теперь, какъ постъ уже окончился, какъ грѣхъ сдѣланъ, какъ беззаконіе совершено, какая будетъ польза (отъ вразумленія)? Кто знаетъ, что̀ такое попеченіе о братьяхъ, тотъ знаетъ и то, что теперь-то особенно и должно позаботиться и показать все усердіе. Должно не только предостерегать прежде грѣха, но и послѣ паденія подать руку. Если бы и Богъ изъ начала поступалъ такъ, если бы т. е. предостерегалъ только прежде грѣха, а послѣ грѣха отвергалъ (человѣка) и оставлялъ навсегда лежать въ паденіи, въ такомъ случаѣ никто изъ насъ не спасся бы никогда. Но Онъ, человѣколюбивый и милостивый, и болѣе всего желающій нашего спасенія, не дѣлаетъ этого, но и послѣ грѣховъ (нашихъ) показываетъ (о насъ) великое попеченіе. Такъ Онъ и Адама предостерегъ еще до грѣха, и сказалъ ему: *отъ всякаго древа еже въ раи, снѣдію снѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не снѣсте отъ него: а въ оньже аще день снѣсте, смертію умрете* (Быт. II, 16, 17). Вотъ (Богъ) предостерегалъ и легкостію закона, и обиліемъ дозволенныхъ (плодовъ), и строгостію угрожаемаго наказанія, и скоростію его послѣдованія (ибо не сказалъ: спустя одинъ, или два, или три дня, но: въ тотъ самый день, *въ оньже снѣсте, смертію умрете)*, и всякимъ способомъ, какимъ только надлежало предостеречь человѣка. Однакоже, когда человѣкъ, и послѣ такого попеченія, наученія, вразумленія и облагодѣтельствованія, палъ и не послушалъ повелѣнія, Богъ не сказалъ: „чего еще ожидать больше добра? Какой пользы? (Человѣкъ) вкусилъ, палъ, преступилъ законъ, повѣрилъ діаволу, не почтилъ Моей заповѣди, получилъ ударъ, сдѣлался мертвымъ, предался смерти, подпалъ осужденію; къ чему еще говорить съ нимъ?“ Ничего такого не сказалъ Онъ;

напротивъ, тотчасъ пришелъ къ нему, бесѣдовалъ съ нимъ, утѣшалъ его, и далъ ему еще врачевство—трудъ и потъ, и дотолѣ не переставалъ употреблять всѣ мѣры и средства, пока возстановилъ падшую природу, освободилъ отъ смерти, возвелъ на небо, и далъ ей блага бо̀льшія потерянныхъ, самымъ дѣломъ показавъ діаволу, что онъ ничего не выигралъ своимъ навѣтомъ; напротивъ, изгнавъ людей изъ рая, увидитъ ихъ, спустя немного, на небѣ вмѣстѣ съ ангелами. Такъ же (Богъ) поступилъ и съ Каиномъ. И его остерегалъ и вразумлялъ еще до грѣха, говоря: *согрѣшилъ еси, умолкни: къ тебѣ обращеніе его, и ты тѣмъ* (Авелемъ) *обладати будеши* (Быт. IV, 7). Смотри, сколько премудрости и разума! Ты боишься, говоритъ Богъ, чтобы братъ твой, Мною почтенный, не отнялъ у тебя преимущества, принадлежащаго первороднымъ, чтобы не похитилъ принадлежащаго тебѣ первенства (ибо первороднымъ надлежало пользоваться бо́льшею честію, нежели родившимся послѣ нихъ). Будь благонадеженъ, не бойся, и не безпокойся объ этомъ: *къ тебѣ обращеніе его, и ты тѣмъ*
930 *обладати будеши*. То есть, оставайся при чести первороднаго, будь брату прибѣжищемъ, покровомъ и защитою, обладай и господствуй надъ нимъ; только не вдайся въ убійство, не дойди до беззаконнаго пораженія (брата). Однакоже, Каинъ и послѣ этого не послушалъ и не успокоился, но совершилъ гнусное то убійство, и погрузилъ правую руку свою въ братнюю выю. Что же? Сказалъ ли Богъ: „оставимъ его наконецъ, какого еще ожидать добра? Онъ совершилъ убійство, умертвилъ брата, пренебрегъ Моимъ вразумленіемъ, дерзнулъ на неисправимое и непростительное смертоубійство, послѣ того, какъ столько пользовался такимъ попеченіемъ, наставленіемъ и увѣщаніемъ; все это выбросилъ изъ ума, ни на что не обратилъ вниманія. Такъ пусть же будетъ онъ наконецъ оставленъ и брошенъ, и не удостоится никакого съ Моей стороны попеченія“. Ничего такого Богъ не сказалъ, не сдѣлалъ; напротивъ, еще приходитъ къ нему въ другой разъ, исправляетъ этого человѣка, и говоритъ: *гдѣ есть Авель братъ твой?* (ст. 9). Не оставляетъ его и тогда, какъ онъ отрекается; напротивъ, доводитъ его, и противъ воли, до сознанія въ преступленіи; и когда (Каинъ) отвѣтилъ: *не вѣмъ,—гласъ*, сказалъ (Богъ), *крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (ст. 10); самое дѣло, говоритъ, возвѣщаетъ о смертоубійствѣ. Что же Каинъ? *Вящшая вина моя, еже оставитися ми. Аще изгониши мя отъ земли, и отъ лица Твоего скрыюся* (ст. 13 и 14). Это значитъ: я согрѣшилъ такъ тяжко, что не заслуживаю извиненія, ни прощенія, ни оставленія вины; но если бы Ты захотѣлъ отмстить мнѣ за содѣянное, то я, лишенный Твоей защиты, да буду под-

лежать всѣмъ (желающимъ убить меня). Что же Богъ? *Не тако: всякъ, убивый Каина, седмижды отмстится* (ст. 15). Не бойся этого, говоритъ; ты будешь долго жить, и кто убьетъ тебя, тотъ подвергнется многимъ наказаніямъ (число семь въ Писаніи означаетъ неопредѣленное множество). Такъ какъ Каинъ обреченъ былъ многимъ наказаніямъ,—безпокойству, трясенію, стенаніямъ, унынію и разслабленію тѣла; то умертвившій тебя (Каина), говоритъ Богъ, и освободившій отъ этихъ наказаній, самъ навлечетъ на себя казнь. Слова эти кажутся тяжкими и невыносимыми, однакоже показываютъ великую попечительность. Желая вразумить потомковъ, Богъ изобрѣлъ такой способъ наказанія, который могъ и самого Каина очистить отъ грѣха. Если бы Онъ тотчасъ умертвилъ Каина, этотъ умеръ бы, скрывъ свой грѣхъ, и не былъ бы извѣстенъ потомкамъ. Но теперь, оставленный жить долгое время въ трясеніи томъ, онъ сдѣлался учителемъ для всѣхъ, съ кѣмъ ни встрѣчался, самымъ видомъ своимъ и трясеніемъ тѣла убѣждалъ всѣхъ не покушаться на подобныя дѣла, чтобы не потерпѣть такихъ же и наказаній. Съ другой стороны, и самъ онъ дѣлался лучшимъ: ибо трепетъ и страхъ, постоянное безпокойство и разслабленіе тѣла удерживали его, какъ бы какою уздою, и не позволяли ему опять впасть въ другое такое же преступленіе, непрестанно напоминали о прежнемъ грѣхѣ, и такимъ образомъ душу его дѣлали болѣе смиренною.

3. Но, между тѣмъ, какъ я говорилъ это, мнѣ пришло на мысль предложить вопросъ: почему Каинъ, хотя исповѣдалъ свой грѣхъ, осудилъ свой поступокъ, и сказалъ о себѣ, что согрѣшилъ непростительно и совершенно не заслуживаетъ извиненія, однакоже не могъ очиститься отъ грѣха (тогда, какъ пророкъ говоритъ: 931
ритъ: *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися*, Иса. XLIII, 26), напротивъ—еще осужденъ? Потому что не сказалъ, какъ повелѣлъ пророкъ. Пророкъ сказалъ не просто: *глаголи ты беззаконія твоя*, но какъ? *Глаголи ты прежде беззаконія твоя.* Главное вотъ въ чемъ: не просто сказать, но сказать первому, не выжидать обличителя и обвинителя. А Каинъ не сказалъ первый, но выждалъ обличенія отъ Бога, да и тогда, какъ Богъ обличалъ его, отрицался. Наконецъ, и сознался въ грѣхѣ уже тогда, когда дѣло рѣшительно обнаружилось, а это уже не исповѣдь. Такъ и ты, возлюбленный, когда согрѣшишь, не выжидай обличенія отъ другого, но прежде, нежели будешь обличенъ и обвиненъ, самъ осуждай свои поступки; потому что, если уже обличитъ тебя другой, твоя исповѣдь будетъ не твоимъ дѣломъ, но плодомъ сторонняго обличенія. Вотъ почему и другой нѣкто говоритъ: *праведный себе самаго оглаголникъ въ первословіи* (Притч.

XVIII, 17). Значитъ, главное дѣло не въ томъ, чтобы обвинять себя, но въ томъ, чтобы обвинять себя первому, а не выжидать обличеній отъ другихъ. Вотъ и Петръ, такъ какъ послѣ тяжкаго своего отреченія (отъ Христа) самъ тотчасъ вспомнилъ о своемъ грѣхѣ и исповѣдалъ свою вину безъ всякаго обличителя,—и *плакася горько* (Матѳ. XXVI, 75); то омылъ свое отреченіе такъ, что сдѣлался даже первымъ между апостолами, и ему ввѣрена была вся вселенная. Но надобно возвратиться къ предмету. Сказанное достаточно показало намъ, что падающихъ братьевъ не должно оставлять безъ попеченія и въ небреженіи; что надобно и предостерегать ихъ до грѣха, и много заботиться о нихъ послѣ грѣха. Такъ дѣлаютъ и врачи: и здоровымъ людямъ говорятъ, чтó можетъ сохранить ихъ здоровье и отогнать всякую болѣзнь, и не бросаютъ пренебрегшихъ ихъ приказаніями и впадшихъ въ болѣзнь, но тогда-то особенно и показываютъ великую заботливость о томъ, чтобы освободить ихъ отъ болѣзни. Такъ поступилъ и Павелъ: не бросилъ блудника послѣ того грѣха, послѣ того тяжкаго беззаконія, котораго не обрѣтается и между язычниками, но и тогда, какъ онъ отвергалъ узду, не хотѣлъ принять врачевства, скакалъ и отбивался, довелъ его до излѣченія, и довелъ такъ, что опять соединилъ съ тѣломъ Церкви. И не сказалъ самъ себѣ: какого ожидать успѣха, какого добра? Онъ соблудилъ, сдѣлалъ грѣхъ, и не хочетъ отстать отъ разврата, но еще надмился, гордится и дѣлаетъ рану неизлѣчимою; такъ оставимъ его и бросимъ. Ничего такого не сказалъ; напротивъ, по этому-то самому и показалъ особенную заботливость, что видѣлъ его повергшимся въ ужасный развратъ, и не переставалъ устрашать, грозить и наказывать, употреблять всѣ мѣры и средства, и самъ и чрезъ многихъ другихъ, пока не привелъ его къ сознанію грѣха, къ ощущенію беззаконія, и не очи-
932 стилъ совершенно отъ всякой скверны. Такъ сдѣлай и ты; поревнуй тому евангельскому самарянину, который показалъ столько заботливости о раненомъ. Тамъ шелъ мимо и левитъ, шелъ и фарисей; и ни тотъ, ни другой не наклонился къ лежащему, но оба безъ жалости и состраданія оставили его и ушли. Нѣкій же самарянинъ, нисколько не близкій къ нему, не прошелъ мимо, но, остановившись надъ нимъ, сжалился, и возлилъ на него масло и вино; посадилъ его на осла, привезъ въ гостинницу, и одну часть денегъ отдалъ, а другую обѣщалъ за излѣченіе совершенно чужого ему человѣка (Лук. X, 30—35). И не сказалъ самъ себѣ: какая мнѣ нужда заботиться объ немъ? Я самарянинъ, у меня нѣтъ ничего общаго съ нимъ; мы вдали отъ города, а онъ не можетъ идти. Что, если онъ не въ состояніи будетъ вынести

дальности пути? Мнѣ придется привести его мертвымъ, могутъ заподозрить меня въ убійствѣ, обвинятъ въ смерти его? Вѣдь многіе, когда, идя по дорогѣ, увидятъ раненыхъ и едва дышущихъ людей, проходятъ мимо не потому, чтобы имъ тяжело было поднять (лежащихъ), или жалко было денегъ, но по страху, чтобы самихъ ихъ не повлекли въ судъ, какъ виновныхъ въ убійствѣ. Но тотъ добрый и человѣколюбивый (самарянинъ) ничего этого не побоялся, но, пренебрегши всѣмъ, посадилъ (раненаго) на осла и привезъ въ гостинницу; не страшился онъ ничего: ни опасности, ни траты денегъ, ни другого чего. Если же самарянинъ былъ такъ сострадателенъ и добръ къ незнакомому человѣку, то мы чѣмъ извинимъ свое небреженіе о нашихъ братьяхъ, подвергшихся гораздо бóльшему бѣдствію? Вѣдь и эти (христіане), постившіеся нынѣ, впали въ руки разбойниковъ-іудеевъ, которые даже свирѣпѣе всѣхъ разбойниковъ, и дѣлаютъ бóльше зла тѣмъ, кто имъ попался. Не одежду они разодрали у нихъ, не тѣло изранили, какъ тѣ (разбойники), но изъязвили душу, и, нанесши ей тысячу ранъ, ушли, а ихъ оставили лежать во рвѣ нечестія.

4. Не оставимъ же безъ вниманія такое бѣдствіе, не пройдемъ безъ жалости мимо столь жалкаго зрѣлища, но, хотя бы другіе такъ сдѣлали, ты не дѣлай такъ; не скажи самъ себѣ: я человѣкъ мірской, имѣю жену и дѣтей, это дѣло священниковъ, дѣло монаховъ. Вѣдь самарянинъ тотъ не сказалъ: гдѣ теперь священники? Гдѣ теперь фарисеи? Гдѣ учители іудейскіе?—Нѣтъ, онъ, какъ будто нашедши самую великую ловитву, такъ и схватился за добычу. И ты, когда увидишь, что кто-либо нуждается во врачествѣ для тѣла или для души, не говори себѣ: почему не помогъ ему такой-то и такой-то? Нѣтъ, избавь (страждущаго) отъ болѣзни, и не обвиняй другихъ въ безпечности. Если бы ты, скажи мнѣ, нашелъ лежащее золото, то неужели сказалъ бы себѣ: почему такой-то и такой-то не подняли его? Напротивъ, не поспѣшишь ли унести его прежде другихъ? Такъ разсуждай и на счетъ падшихъ братьевъ, и попеченіе о нихъ почитай находкою сокровища. Ибо, если ты на падшаго возліешь, какъ бы масло, слово учительное, если обвяжешь его кротостію, если исцѣлишь терпѣніемъ; онъ обогатитъ тебя болѣе всякаго сокровища. *Аще изведеши*, говоритъ Господь, *честное отъ недостойнаго, яко уста* 933
Моя будеши (Іерем. xv, 19). Что можетъ сравниться съ этимъ? Чего не можетъ сдѣлать ни постъ, ни лежаніе на землѣ, ни всенощныя бдѣнія, ни другое что-либо, то дѣлаетъ спасеніе брата. Подумай, сколько разъ согрѣшали уста твои, сколько произнесли срамныхъ словъ, сколько извергли богохульствъ, сколько ругательствъ; и все это ты можешь возмѣстить попеченіемъ о падшемъ,

потому что однимъ этимъ добрымъ дѣломъ можешь очистить всю эту скверну. И что̀ говорю очистить? Ты сдѣлаешь свои уста устами Божіими. Что можетъ сравниться съ этою честію? Не я обѣщаю это; самъ Богъ сказалъ, что если хоть одного кого изведешь, уста твои будутъ, какъ Его уста, чисты, святы. Итакъ, не вознерадимъ о братьяхъ, и не будемъ, ходя вездѣ, говорить о томъ, сколь многіе постились, сколь многіе обольщены; но лучше позаботимся о нихъ. Хотя бы многіе и постились, ты, возлюбленный, не разглашай и не выставляй на показъ это несчастіе церкви, но постарайся исправить его. И, если кто скажетъ, что постились многіе, загради ему уста, чтобы этотъ слухъ не распространился; и скажи ему: я же никого не знаю; ты, другъ, обманулся и говоришь неправду; увидѣлъ ты двухъ или трехъ обольстившихся, и говоришь, что ихъ много. Такъ и разглашателю загради уста, да и обольщенныхъ не оставь безъ вниманія, чтобы церкви была великая польза и отъ того, что не распространяется этотъ слухъ, и отъ того, что и сами увлеченные (въ синагоги) опять приходятъ къ священному стаду. Не будемъ же, ходя повсюду, разглашать, кто согрѣшилъ; но постараемся о томъ, какъ бы только намъ исправить согрѣшившихъ. Дурная, истинно̀ дурная привычка — только поносить братьевъ, но не заботиться о нихъ; только разглашать о страданіяхъ больныхъ, но не врачевать ихъ. Искоренимъ же, возлюбленные, эту дурную привычку; потому что она причиняетъ не малый вредъ, и вотъ именно какъ. Кто-нибудь услышалъ отъ тебя, что многіе постились съ іудеями и, ничего не развѣдавъ, передалъ эту вѣсть другому; тотъ, опять не развѣдавъ ничего, пересказалъ объ этомъ другому: такимъ образомъ эта худая молва мало-по-малу распространяется, и съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе и болѣе безславится церковь, а погибшимъ не бываетъ никакой пользы, напротивъ—еще (бываетъ) вредъ и имъ, и многимъ другимъ. Хотя бы ихъ было и немного, но мы, множествомъ разсказовъ, умножаемъ ихъ, и тѣхъ, которые еще стоятъ, ослабляемъ, а близкихъ къ паденію толкаемъ. Братъ, услышавъ, что многіе постились, и самъ будетъ безпечнѣе; равно и слабый, услышавъ о томъ же, побѣжитъ ко множеству падшихъ. Итакъ, хотя бы было и много согрѣшившихъ, не станемъ злорадствовать этому несчастію такъ, чтобы разглашать о нихъ и говорить, что ихъ много; но будемъ удерживать отъ этого (и другихъ) и заграждать имъ уста. Не говори мнѣ, что многіе постились, но исправь этихъ многихъ. Я не для того потратилъ столько словъ, чтобы ты поносилъ многихъ, но чтобы многихъ-то сдѣлалъ немногими или даже и этихъ самыхъ немногихъ спасъ. Итакъ не
934 разглашай о грѣхахъ, но врачуй ихъ. Разглашающіе, и только

этимъ однимъ занятые, дѣлаютъ то, что, хоть согрѣшившихъ и немного, однакоже считается много: напротивъ, возбраняющіе и заграждающіе уста разглашателямъ, и притомъ пекущіеся о падшихъ, хотя бы этихъ было и много, легко исправляютъ и ихъ самихъ, и никому другому не даютъ потерпѣть вредъ отъ молвы объ ихъ паденіи. Не слышалъ ли ты, что говорилъ Давидъ, оплакивая Саула? *Како падоша сильніи? Не возвѣщайте въ Геѳѣ, ниже повѣдайте на исходищахъ Аскалонихъ, да не возвеселятся дщери иноплеменничи, ни да возрадуются дщери необрѣзанныхъ* (2 Цар. I, 19, 20). Если же Давидъ не хотѣлъ, чтобы разглашалось дѣло явное, дабы не радовались непріятели; тѣмъ болѣе не должно доводить объ этомъ (грѣхѣ христіанъ) до слуха не только чужихъ, но даже и нашихъ, чтобы и враги, слыша о томъ, не радовались, и свои, узнавая, не падали; напротивъ, должно возбранять и всячески удерживать (отъ разглашенія). Не говори мнѣ: я сказалъ лишь такому-то; удержи слово у себя, потому что какъ ты не вытерпѣлъ смолчать, такъ и онъ не сдержитъ себя.

5. Говорю это не только о настоящемъ постѣ, но и о другихъ безчисленныхъ грѣхахъ. Не на то только будемъ смотрѣть, многіе ли увлеклись (ко грѣху), но на то посмотримъ, какъ бы отвести ихъ (отъ грѣха). Не станемъ возвышать дѣла враговъ и унижать наши; не будемъ выказывать враговъ сильными, а свои дѣла слабыми: но поступимъ совершенно наоборотъ. Молва часто и подавляетъ и возбуждаетъ душу; внушаетъ ревность, которой дотолѣ не было, и погашаетъ ту, которая была. Поэтому убѣждаю распространять ту молву, которая возвышаетъ наши дѣла и придаетъ имъ важность, а не ту, которая покрываетъ безславіемъ общество братьевъ. Такимъ образомъ, если услышимъ что доброе, сообщимъ о немъ всѣмъ; а если что худое и дурное, скроемъ это у себя и всячески постараемся искоренить. И теперь вотъ обойдемъ вездѣ, развѣдаемъ, посмотримъ, кто палъ; и, хотя бы надобно было войти въ домъ, не полѣнимся. Если же падшій будетъ тебѣ незнакомый и совсѣмъ чужой человѣкъ, развѣдай и разузнай, кто ему другъ и пріятель, кому онъ больше всего довѣряетъ, и, взявъ этого человѣка, войди въ домъ; не стыдись, не краснѣй. Если бы ты пришелъ просить денегъ и получить отъ него какой нибудь подарокъ, тогда слѣдовало бы стыдиться; но если ты идешь для его спасенія, эта причина твоего прихода освобождаетъ тебя отъ всѣхъ нареканій. Сядь же и поговори съ нимъ, начавъ, впрочемъ, съ другого чего-либо, чтобы не (вдругъ) было примѣтно твое желаніе исправить его. Хвалишь ты, скажи мнѣ, іудеевъ за то, что они распяли Христа, и теперь хулятъ Его, и называютъ беззаконникомъ? Конечно, онъ не рѣшится,

если только онъ христіанинъ, хотя бы и тысячу разъ іудействовалъ, не рѣшится сказать: хвалю; напротивъ, зажметъ уши и скажетъ тебѣ: нѣтъ, другъ, говори о чемъ-нибудь другомъ. Потомъ, какъ получишь его согласіе, опять начни и скажи: какъ же ты сообщаешься съ ними? Зачѣмъ участвуешь въ ихъ праздникѣ? Зачѣмъ постишься вмѣстѣ съ ними? Затѣмъ, осуди ихъ нечестіе, укажи все беззаконіе, которое я изложилъ вашей любви въ пред-
935 шедшіе дни, и которое обличается и мѣстомъ, и временемъ, и храмомъ, и предсказаніями пророковъ; покажи, что они напрасно и попусту все дѣлаютъ, никогда не получатъ прежняго (общественнаго) устройства, и что имъ не позволено совершать внѣ Іерусалима ничего такого. А сверхъ этого, напомни о геenнѣ, о страшномъ судилищѣ Господнемъ, о тамошнихъ истязаніяхъ, и о томъ, что за все это мы дадимъ отвѣтъ, и отваживающихся на это ожидаетъ немалое наказаніе. Напомни и о Павлѣ, который говоритъ: *иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (Гал. V, 4), и опять угрожаетъ: *яко аще обрѣзаетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ* (ст. 2). Скажи еще, что, какъ обрѣзаніе, такъ и постъ іудейскій постящагося лишаетъ небесъ, хотя бы у него была тысяча другихъ добрыхъ дѣлъ. Скажи, что мы для того и называемся христіанами, чтобы намъ повиноваться Христу, а не для того, чтобы бѣгать къ этимъ врагамъ. Если же онъ укажетъ на какія нибудь врачеванія, и скажетъ тебѣ, что (іудеи) обѣщаютъ вылѣчивать, и поэтому-то онъ и бѣгаетъ къ нимъ: раскрой ихъ хитрости, чары, привѣски, снадобья. Они не иначе и вылѣчиваютъ, какъ этимъ способомъ; впрочемъ только кажется, что вылѣчиваютъ, а на самомъ дѣлѣ и не вылѣчиваютъ,— совсѣмъ нѣтъ. Я пойду еще далѣе, и скажу вотъ что: если іудеи и точно вылѣчиваютъ, то лучше умереть, нежели прибѣгнуть къ врагамъ Божіимъ, и чрезъ нихъ получить исцѣленіе. Какая, въ самомъ дѣлѣ, польза вылѣчивать тѣло, когда гибнетъ душа? Какая выгода здѣсь (на землѣ) получить нѣкоторое облегченіе, а тамъ быть отосланнымъ въ огонь не угасающій? А чтобы не указывали на эти исцѣленія, послушай, что говоритъ Богъ: *аще востанетъ въ тебѣ пророкъ, или видяй соніе, и дастъ знаменіе и чудо, и пріидетъ знаменіе и чудо, еже рече*, и скажетъ: *идемъ и послужимъ богомъ инымъ: да не послушаете пророка того: яко искушаетъ Господь Богъ васъ, аще любите Господа Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ и всею душею вашею* (Второз. XIII, 1—3). Это значитъ: если какой пророкъ скажетъ: могу воскресить мертвеца, или исцѣлить слѣпого, только послушайте меня, и поклонимся демонамъ, или послужимъ идоламъ; затѣмъ, если бы даже говорящій это исцѣлилъ слѣпого, или воскресилъ мертваго,

не слушай его и послѣ этого. Почему? Потому что Богъ, искушая тебя, попустилъ ему сдѣлать это, не отъ того, чтобы самъ Онъ не зналъ расположенія души твоей, но для того, чтобы дать тебѣ случай доказать, точно ли ты любишь Бога. А любящему свойственно не оставлять любимаго, хотя бы старающіеся отвлечь насъ отъ него воскрешали и мертвыхъ. Если же Богъ такъ говорилъ іудеямъ, тѣмъ болѣе—намъ, которыхъ Онъ привелъ къ высшему любомудрію, которымъ отворилъ дверь воскресенія, которымъ повелѣваетъ не привязываться къ настоящему, но всѣ надежды устремлять къ жизни будущей.

6. Но что̀ говоришь ты? Что тебя мучитъ и терзаетъ болѣзнь тѣлесная? Но ты еще не потерпѣлъ столько, сколько блаженный Іовъ, (не потерпѣлъ) даже и малѣйшей части (страданій) его. У него послѣ того, какъ вдругъ погибли стада овецъ и воловъ и все прочее (имущество), похищены были и всѣ дѣти; и все это случилось въ одинъ день, чтобы не только свойствомъ искушеній, но и непрерывнымъ слѣдованіемъ ихъ подавить подвижника. А послѣ всѣхъ этихъ потерь, онъ, получивъ неисцѣльныя язвы на тѣлѣ, видѣлъ, какъ изъ тѣла его выползали черви, нагой сидѣлъ на 936
кучѣ навозной, и представлялъ для всѣхъ зрѣлище бѣдственности— онъ, *человѣкъ праведенъ, истиненъ, богочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 1). Но бѣдствія не остановились и на этомъ, нѣтъ; присовокупились болѣзни дневныя и ночныя, и мучилъ его какой-то странный и необыкновенный голодъ. *Смрадъ бо зрю*, говорилъ онъ, *брашна моя* (Іов. VI, 7). Далѣе, ежедневныя поношенія, ругательства, брань, смѣхъ. Слуги мои, говорилъ онъ, и *сыны подложницъ моихъ* возстали на меня (XIX, 16—18); потомъ ужасы въ сонныхъ видѣніяхъ, какое-то непрерывное волненіе въ мысляхъ (VII, 14). И отъ всѣхъ этихъ бѣдствій жена обѣщала ему избавленіе, говоря такъ: *рцы нѣкій глаголъ ко Господу, и умри* (II, 9), произнеси, то есть, хулу на Бога, и освободишься отъ тяготѣющихъ надъ тобою бѣдствій. Что же? Этотъ совѣтъ поколебалъ ли святого мужа? Напротивъ, только болѣе укрѣпилъ его, такъ что онъ еще укорилъ жену свою. Онъ хотѣлъ лучше скорбѣть, бѣдствовать и терпѣть безчисленныя несчастія, нежели богохульствомъ пріобрѣсть избавленіе отъ столь многихъ бѣдствій. Такъ и находившійся въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ (разслабленный) ежегодно приходилъ къ купели, и всякій разъ уходилъ, не получивъ исцѣленія; видѣлъ ежегодно, что другіе, имѣя много прислужниковъ, исцѣлялись, а онъ постоянно оставался въ разслабленіи, за неимѣніемъ, кто бы помогъ ему. И не смотря на это, онъ не прибѣгъ къ волшебникамъ, не пошелъ къ чародѣямъ, не навязалъ на себя перевязокъ, но ожидалъ помощи отъ Бога;

поэтому и получилъ наконецъ чудесное и необычайное исцѣленіе (Іоан. v, 5—9). А Лазарь постоянно томился голодомъ, болѣзнію и одиночествомъ, не тридцать восемь только лѣтъ, но цѣлую жизнь: такъ онъ и умеръ, лежа у воротъ богатаго, терпя презрѣніе и насмѣшки, терзаемый голодомъ, брошенный какъ бы на снѣденіе псамъ, потому что тѣло его такъ разслабѣло, что онъ не могъ отгонять и собакъ, которыя прибѣгали и лизали гной на немъ. И однако, онъ не искалъ волхвователя, не обвѣшивалъ себя привѣсками, не прибѣгалъ къ волшебству, не приглашалъ къ себѣ чародѣевъ и не дѣлалъ вообще чего-либо запрещеннаго, но рѣшился лучше умереть въ этихъ бѣдствіяхъ, нежели хоть сколько нибудь измѣнить благочестію (Лук. xvi, 20, 21). Чѣмъ же извинимся мы, если въ то время, какъ эти люди терпѣливо перенесли столько несчастій, мы либо изъ-за лихорадки, либо изъ-за ранъ, бѣжимъ въ синагоги и приглашаемъ въ свои домы чародѣевъ и волшебниковъ? Не слышалъ ли ты, что говоритъ Писаніе? *Чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое, и потерпи: въ болѣзни и бѣдности на него уповая буди. Яко во огни искушается злато, тако человѣкъ пріятенъ въ пещи смиренія* (Сирах. II, 1—5). Если ты побьешь своего слугу, а онъ, получивъ тридцать или пятьдесятъ ударовъ, тотчасъ съ воплемъ потребуетъ освобожденія, или оставитъ тебя, своего господина, и уйдетъ къ другому кому-либо изъ числа твоихъ недруговъ, и этимъ раздражитъ (тебя): можетъ ли онъ, скажи мнѣ, получить прощеніе? Можетъ ли кто заступиться за него? Никакъ. Почему же? Потому что господинъ имѣетъ право
937 наказывать слугу; да и не поэтому только, но и потому, что, если уже надобно было (слугѣ) прибѣгнуть (къ кому-нибудь), такъ не къ врагамъ, не къ ненавистникамъ, но къ искреннимъ друзьямъ (господина). И ты, какъ увидишь, что Богъ наказываетъ тебя, прибѣгай не къ врагамъ Его—іудеямъ, чтобы не раздражить Его еще болѣе, но къ друзьямъ Его—мученикамъ, святымъ угодникамъ Его, которые имѣютъ къ Нему великое дерзновеніе. Но что̀ говорить о слугахъ и господахъ? Сынъ не можетъ сдѣлать этого изъ-за побоевъ отъ отца, и отказаться отъ родства съ нимъ. И естественные, и самими людьми установленные законы повелѣваютъ (сыну) благодушно переносить все: бьетъ ли его (отецъ), лишаетъ ли стола, выгоняетъ ли изъ дому, наказываетъ ли какимъ бы то ни было образомъ; и если (сынъ) не покаряется и не сноситъ (наказанія), его не прощаетъ никто. Нѣтъ, сколько бы побитый сынъ ни жаловался, всѣ говорятъ ему такія слова: „тебя побилъ отецъ и господинъ, который властенъ сдѣлать все, что ему угодно; и должно (тебѣ) все переносить съ кротостію". Такъ слуги пере-

носятъ отъ господъ и сыновья отъ отцовъ часто даже и тогда, какъ они наказываютъ ихъ несправедливо; а ты не потерпишь наказанія отъ Бога, Который и выше (всѣхъ) господъ, и любитъ тебя больше (всѣхъ) отцовъ, Который все предпринимаетъ и дѣлаетъ не по гнѣву, но для (твоей) пользы? Напротивъ, лишь случится какая нибудь легкая болѣзнь, тотчасъ уклоняешься отъ Его владычества, бѣжишь къ демонамъ, и спѣшишь въ синагоги?! Можешь ли получить наконецъ прощеніе? Какъ будешь въ состояніи опять призвать Его? Можетъ ли кто и другой, хотя бы имѣлъ дерзновеніе Моисеево, попросить за тебя? Никто. Развѣ не слышишь, что Богъ говоритъ Іереміи объ іудеяхъ? *Не молися о людехъ сихъ, яко, аще станутъ Моѵсей и Самуилъ, не услышу* ихъ (Іер. VII, 16. XV, 1). Такъ есть грѣхи, которые выше всякаго прощенія и не могутъ быть оставлены. Не будемъ же навлекать на себя столь великаго гнѣва (Божія). Притомъ іудеи, хотя бы, повидимому, и прекращали горячку (въ тѣлѣ) своими чарами,—на самомъ-то дѣлѣ они не прекращаютъ,—зато вводятъ въ совѣсть другую жесточайшую горячку, такъ какъ мысль каждый день будетъ уязвлять тебя, совѣсть—мучить и говорить: „ты поступилъ нечестиво, совершилъ беззаконіе, нарушилъ завѣтъ со Христомъ, изъ-за легкаго недуга измѣнилъ благочестію. Развѣ ты одинъ подвергся этому? Не гораздо ли болѣе тебя потерпѣли другіе? Однакоже никто изъ нихъ не отважился на подобное (твоему) дѣло: а ты, слабый и изнѣженный, сгубилъ душу свою. Какъ отвѣтишь Христу? Какъ призовешь Его въ молитвахъ? Съ какою совѣстію наконецъ войдешь въ церковь? Какими глазами будешь смотрѣть на священника? Какою рукою прикоснешься къ священной трапезѣ? Какими ушами станешь слушать читаемое тамъ Писаніе?"

7. Вотъ что будетъ ежедневно говорить тебѣ терзающая мысль и мучащая совѣсть. Какое же это здоровье, когда внутри у насъ столько обвинителей? Но если потерпишь немного, если отвергнешь и съ великимъ безчестіемъ выведешь изъ своего дома тѣхъ, кто захотѣлъ бы или наговорить тебѣ какое либо чарованіе, или 938
обвязать тѣло какою либо перевязкою: сейчасъ получишь росу (успокоенія) отъ совѣсти. Пусть горячка жжетъ, сколько угодно: твоя душа доставитъ тебѣ прохладу лучше и спасительнѣе всякой росы, всякой влаги. Какъ по принятіи волшебнаго снадобья ты, если и выздоровѣешь, будешь чувствовать себя хуже больныхъ горячкою, отъ мысли о грѣхѣ; такъ и теперь, отвергши тѣхъ нечестивцевъ, хоть и будешь страдать горячкою и терпѣть множество бѣдствій, почувствуешь себя лучше всякаго здороваго, отъ того, что мысль твоя будетъ свѣтла, душа весела и радостна, со-

вѣсть станетъ тебя хвалить, одобрять, и говорить: „хорошо, хорошо, другъ мой, рабъ Христовъ, вѣрный мужъ, подвижникъ благочестія, готовый лучше умереть бѣдственно, нежели измѣнить ввѣренному (тебѣ) благочестію; въ тотъ день (суда) ты станешь съ мучениками". Они порѣшили терпѣть бичеванія и пытки, чтобы получить честь (отъ Бога): и ты сегодня порѣшилъ терпѣть удары и муки отъ горячки и ранъ, только бы не принять нечестивыхъ чарованій и перевязокъ; и, питаемый этими надеждами (на вѣчныя награды), ты не будешь и чувствовать тяжкихъ болѣзней. Если не унесетъ тебя эта горячка, то унесетъ, конечно, другая; если не умремъ теперь, умремъ послѣ. Тлѣнное получили мы тѣло, не для того, чтобы изъ-за его болѣзней увлекаться къ нечестію, а для того, чтобы его болѣзнями утверждаться въ благочестіи. Самая тлѣнность и смертность тѣла послужитъ намъ, если только будемъ благоразумны, основаніемъ славы и доставитъ въ день (судный) великое дерзновеніе, и не только въ тотъ день, но и въ настоящей жизни. Ибо, когда ты выгонишь волшебниковъ изъ дому съ великимъ безчестіемъ, всѣ, услышавъ объ этомъ, похвалятъ тебя, подивятся, и скажутъ другъ другу: такой-то, въ болѣзни и недугѣ, хотя нѣкоторые просили его, убѣждали и уговаривали воспользоваться какими-то волшебными снадобьями, не принялъ ихъ, но сказалъ: лучше умереть такъ, чѣмъ измѣнить благочестію. Затѣмъ послѣдуютъ многія рукоплесканія отъ слушателей, которые всѣ будутъ изумляться, прославлять Бога. А это сколькихъ статуй будетъ для тебя почетнѣе, сколькихъ картинъ славнѣе, какой чести знаменитѣе? Всѣ (и тебя) похвалятъ, ублажатъ и увѣнчаютъ; и сами будутъ лучше, поревнуютъ и станутъ подражать твоему мужеству. Если и другой сдѣлаетъ то же (что ты), награду получишь именно ты, какъ сдѣлавшій починъ къ этой ревности. Впрочемъ, послѣдствіемъ твоего добраго дѣла будутъ не однѣ только похвалы, но и самое скорое прекращеніе болѣзни, потому что и самая доблестная рѣшимость твоя подвигнетъ Бога къ бóльшему благоволенію, и всѣ святые будутъ сорадоваться твоему усердію и изъ глубины сердца молиться о тебѣ. Если же здѣсь такія награды за это мужество, то подумай, сколько вѣнцовъ получишь тамъ, когда Христосъ, въ присутствіи всѣхъ ангеловъ и архангеловъ, придетъ и, взявъ тебя за руку, выведетъ на средину того зрѣлища, и въ слухъ всѣмъ скажетъ: „этотъ человѣкъ, объятый нѣкогда огневицею, когда весьма
939 многіе убѣждали его излѣчиться отъ болѣзни, ради Моего имени и страха, чтобы не оскорбить Меня какъ-нибудь, отвергъ и презрѣлъ обѣщавшихъ вылѣчить его (волшебными) средствами, и порѣшилъ лучше умереть отъ болѣзни, нежели измѣнить любви ко

Мнѣ". Въ самомъ дѣлѣ, если (Христосъ) выводитъ на среду (прославляетъ) тѣхъ, которые напоили Его, одѣли и напитали, тѣмъ болѣе тѣхъ, которые ради Его порѣшили потерпѣть мученія огневицы. Не все равно, дать ли хлѣбъ и одежду, или вытерпѣть продолжительную болѣзнь; нѣтъ, послѣднее гораздо труднѣе перваго. А чѣмъ больше трудъ, тѣмъ блистательнѣе будетъ и вѣнецъ. Объ этомъ-то будемъ и сами размышлять, и здоровые и больные, и съ другими говорить; и какъ увидимъ себя когда либо въ тяжкой горячкѣ, скажемъ себѣ вотъ что: „а что̀, если бы кто взвелъ на насъ обвиненіе, затѣмъ повлекли бы насъ въ судъ, а тамъ схватили бы и начали бить по бокамъ, не пришлось ли бы намъ, и по неволѣ, вытерпѣть все, и притомъ безъ всякой пользы и награды?" Такъ будемъ разсуждать и теперь; будемъ притомъ представлять себѣ и награду за терпѣніе, которая можетъ ободрить и впавшую (въ уныніе) душу. Но если горячка жестока? Такъ сопоставь съ этой горячкой огонь геенскій, котораго ты навѣрно избѣгнешь, если порѣшишь терпѣливо вынести эту болѣзнь. Вспомни объ апостолахъ, сколько они страдали; вспомни о праведникахъ, какъ они постоянно были въ скорбяхъ. Вспомни о блаженномъ Тимоѳеѣ,—онъ никогда не имѣлъ покоя отъ болѣзни, но жилъ въ постоянномъ недугѣ. На это-то указывая, Павелъ говорилъ: *мало вина пріемли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. v, 23). Если же такой праведникъ и святой, которому ввѣрено было управленіе вселенною, который воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ демоновъ и исцѣлялъ другихъ отъ безчисленныхъ болѣзней, если онъ страдалъ такъ тяжко; то какое извиненіе будешь имѣть ты, который и въ кратковременныхъ болѣзняхъ смущаешься и ропщешь? Не слышалъ ли ты, какъ Писаніе говоритъ, что *егоже любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. xii, 6)? Какъ многіе и сколько разъ хотѣли получить мученическій вѣнецъ? Вотъ это (терпѣніе въ болѣзни) настоящій мученическій вѣнецъ! Мученикомъ бываетъ не тотъ только, кто, получивъ повелѣніе (отъ мучителя) принести жертву (языческимъ богамъ), порѣшилъ лучше умереть, чѣмъ принести эту жертву; нѣтъ, мученичество очевидно есть и то, когда человѣкъ вообще соблюдаетъ (ради Христа) что-либо такое, чѣмъ можетъ навлечь на себя смерть.

8. А чтобы увѣриться тебѣ, что это точно такъ, вспомни, какъ умеръ Іоаннъ (Креститель), отчего и почему,—и какъ Авель. Ни тотъ, ни другой изъ нихъ не видѣлъ ни горящаго жертвенника (идольскаго), ни стоящаго идола, и не былъ принуждаемъ принести жертву демонамъ; но одинъ усѣченъ въ главу за то только, что обличилъ Ирода, а другой убитъ за то, что принесъ Богу лучшую

жертву, нежели братъ его. Ужели же они не получили мученическихъ вѣнцовъ? Кто осмѣлится сказать это? Самый родъ смерти ихъ можетъ удостовѣрить всѣхъ, что они стоятъ въ ликѣ первыхъ мучениковъ. Если же ты хочешь видѣть и Божіе о томъ опредѣленіе, послушай, что говоритъ Павелъ; а что вѣщаетъ онъ,
940 то, очевидно, есть (вѣщаніе) Духа: *мнюся бо и азъ*, говоритъ онъ о себѣ, *Духа Божія имѣти* (1 Кор. VII, 40). Что же говоритъ Павелъ? — Начавъ съ Авеля, и сказавъ, что онъ *множайшую жертву паче Каина принесе Богу, и тою умерый еще глаголетъ* (Евр. XI, 4), затѣмъ перешедши къ пророкамъ, дошедши до Іоанна, и сказавъ: *убійствомъ меча умроша, друзіи же искушени быша* (ст. 37), и упомянувъ о множествѣ различныхъ смертей, Павелъ заключилъ такъ: *тѣмже убо и мы, толикъ имуще облежащъ насъ облакъ свидѣтелей* (мучениковъ), *гордость всяку отложше, терпѣніемъ да течемъ* (XII, 1). Видишь, что онъ мучениками назвалъ и Авеля, и Ноя, и Авраама, и Исаака, и Іакова. Ибо и они такъ же умерли ради Бога, какъ и Павелъ говоритъ о себѣ: *по вся дни умираю* (1 Кор. XV, 31), хотя онъ не умиралъ на самомъ дѣлѣ, но только готовностію (умереть) терпѣлъ смерть. Такъ и ты, если отвергнешь волхвованія, чары и ворожбы, и умрешь отъ болѣзни, будешь совершенный мученикъ, потому что, когда обѣщали тебѣ выздоровленіе посредствомъ нечестія, ты порѣшилъ лучше умереть съ благочестіемъ. Это сказано нами къ тѣмъ, которые хвалятся и говорятъ, что демоны исцѣляютъ. А чтобы тебѣ увѣриться, что и это неправда, послушай, что Христосъ говоритъ о діаволѣ: *онъ человѣкоубійца бѣ искони* (Іоан. VIII, 44). Богъ говоритъ: *человѣкоубійца*, а ты бѣжишь, какъ къ врачу? Какой же, скажи мнѣ, дашь отвѣтъ на обвиненіе въ томъ, что обманамъ этихъ людей вѣришь болѣе, нежели изреченію Христа? Если Богъ говоритъ, что (діаволъ) человѣкоубійца, а эти люди, вопреки Божію рѣшенію, говорятъ, что онъ можетъ врачевать болѣзни, и ты принимаешь ихъ чары и волшебныя лѣкарства, то такимъ поступкомъ своимъ ты показываешь, что имъ вѣришь болѣе, нежели Христу, хотя и не высказываешь этого словами. А если діаволъ— человѣкоубійца, то, очевидно, таковы же и служители его—демоны. Это Христосъ показалъ тебѣ на самомъ дѣлѣ: когда Онъ позволилъ имъ войти въ свиное стадо, они все это стадо потопили въ морѣ (Лук. VIII, 33), дабы ты зналъ, что они то же сдѣлали бы и съ людьми, и тотчасъ погубили бы ихъ, если бы Богъ позволилъ имъ. Но вотъ Онъ удержалъ и обуздалъ ихъ, и не позволилъ имъ дѣлать что-либо такое: это и доказали они, когда получили власть надъ свиньями. Ибо, если они не пощадили свиней, тѣмъ болѣе не пощадили бы насъ. Итакъ, возлюбленный, не

увлекайся ихъ обольщеніями, но будь твердъ въ страхѣ Божіемъ. Какъ войдешь ты въ синагогу? Если запечатлѣешь лице свое (крестнымъ знаменіемъ), тотчасъ убѣжитъ вся вражія сила, обитающая въ синагогѣ; а если не запечатлѣешь, то уже при самомъ входѣ ты бросишь свое оружіе, и тогда діаволъ, нашедши тебя беззащитнымъ и безоружнымъ, причинитъ тебѣ множество зла. Но къ чему намъ говорить объ этомъ? Что и самъ ты считаешь величайшимъ грѣхомъ идти въ нечистое то мѣсто (синагогу), это видно изъ того, какъ ты отправляешься туда. Ты стараешься уйти туда тайно, и слугамъ, и друзьямъ, и сосѣдямъ запрещаешь доносить на тебя священникамъ; а если кто донесетъ, сердишься. Какъ же безумно—отъ людей стараться укрыться, а предъ очами Бога вездѣсущаго совершать, безъ стыда, такое 941
беззаконіе? Но ты не боишься Бога? Такъ постыдись хоть самихъ іудеевъ. Какими глазами станешь смотрѣть на нихъ? Какимъ языкомъ будешь говорить съ ними, когда, исповѣдуя себя христіаниномъ, бѣжишь въ ихъ синагоги и просишь у нихъ помощи? Или не думаешь, какой они поднимаютъ надъ тобою смѣхъ, какія ругательства, какое поношеніе, какой срамъ, какой позоръ, если и не явно, такъ въ совѣсти своей?

9. Можно ли же, скажи мнѣ, терпѣть, можно ли сносить это? Если бы надлежало тысячу разъ умереть, если бы надлежало вытерпѣть самыя тяжкія страданія: не лучше ли было бы перенести всѣ эти страданія, нежели сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ и поруганій для этихъ нечестивцевъ, и жить съ нечистою совѣстію? Говорю это не для того, чтобы вы только слушали, но чтобы врачевали болящихъ этимъ недугомъ. Какъ ихъ укоряемъ мы въ томъ, что они немощны въ вѣрѣ; такъ укоряемъ и васъ въ томъ, что не хотите исправлять немощныхъ. Развѣ въ томъ дѣло, возлюбленный, чтобы ты, вошедши сюда, выслушалъ поученіе? Это-то и служитъ къ осужденію, когда съ слушаніемъ поученій не соединяется самое дѣло. Ты христіанинъ для того, чтобы подражалъ Христу и повиновался Его законамъ. Что же Онъ дѣлалъ? Не сидѣлъ въ Іерусалимѣ и не призывалъ больныхъ къ Себѣ, но ходилъ по городамъ и селеніямъ, врачуя болѣзни—и тѣлесныя и душевныя. Могъ, конечно, Онъ, находясь въ одномъ мѣстѣ, привлечь къ себѣ всѣхъ: однакоже не дѣлалъ этого, подавая намъ примѣръ, какъ (слѣдуетъ) ходить вездѣ и искать погибающихъ. На это же самое указалъ Онъ и притчею о пастырѣ. И этотъ не сѣлъ при девяноста девяти овцахъ, и не сталъ выжидать, пока заблудшая придетъ къ нему; нѣтъ, онъ самъ пошелъ, нашелъ ее, и нашедши, положилъ на плеча свои, и принесъ (Лук. xv. 4 — 6). Не видишь ли, что и врачи поступаютъ точно такъ

же? Они не требуютъ, чтобы больные, лежащіе на постеляхъ, приносимы были въ ихъ дома, но сами приходятъ къ нимъ. Такъ поступи и ты, возлюбленный, зная, что настоящая жизнь кратка, и что, если мы (здѣсь) не соберемъ такихъ пріобрѣтеній, тамъ никакъ не получимъ спасенія. Часто пріобрѣтеніе и одной души можетъ уничтожить бремя безчисленныхъ грѣховъ, и сдѣлаться для насъ выкупомъ въ день (судный). Подумай, для чего посылались такъ часто пророки, для чего—апостолы, для чего—праведники, для чего—ангелы? Для чего пришелъ Самъ Единородный Сынъ Божій? Не для того ли, чтобы спасти людей? Не для того ли, чтобы заблудшихъ возвратить на путь? Это сдѣ-
942 лай и ты по силѣ своей, покажи все стараніе и заботливость о возвращеніи заблудшихъ на путь (истины). Къ этому постоянно убѣждаю васъ въ каждое собраніе, и будете ли вы внимать, или не будете, я не перестану говорить. Намъ постановлено отъ Бога закономъ исполнять это служеніе, будетъ ли кто слушать, или не будетъ. Только, если вы станете слушать и исполнять слова наши, мы будемъ дѣлать это съ великимъ удовольствіемъ; если же будете небрежны и безпечны,—съ великою скорбію. Ибо намъ-то, конечно, не будетъ никакого вреда отъ вашего непослушанія, потому что мы исполнили свой долгъ; однакоже, хоть мы сами и безопасны, исполнивъ свой долгъ, но скорбимъ, что вы будете обвинены въ тотъ день. Да, слушаніе (поученій) будетъ не безопасно для васъ, если оно не будетъ сопровождаться дѣлами. Послушай, какъ Христосъ, осуждая учителей за сокрытіе слова, въ то же время угрожаетъ и поучаемымъ. Сказавъ: *подобаше тебѣ вдати сребро Мое торжникомъ*, и присовокупивъ: *и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Матѳ. xxv, 27), этимъ Онъ показалъ, что принявшіе наставленіе, по выслушаніи его (это-то и есть отдача серебра), должны приносить прибыль. А прибыль ученія состоитъ не въ другомъ чемъ, какъ въ дѣлахъ. Итакъ, поелику и мы передали сребро (ученія) слуху вашему, то необходимо уже, чтобы вы представили Господу прибыль, то есть, спасеніе вашихъ братьевъ. Поэтому, если вы только удержите въ себѣ эти слова мои, и не сдѣлаете ничего сами, я боюсь, чтобы вамъ не быть осужденными подобно закопавшему талантъ. Ибо и онъ связанъ былъ по рукамъ и ногамъ, и выброшенъ во тьму кромѣшнюю (Матѳ. xxv, 30) за то, что не передалъ другимъ, что́ самъ слышалъ. Итакъ, чтобы и намъ не подвергнуться той же участи, будемъ подражать получившимъ пять и два таланта; и нужно ли будетъ для спасенія ближняго употребить слово, или деньги, или тѣлесный трудъ, или другое что-либо, не полѣнимся, дабы, всячески умноживъ данный намъ отъ Бога талантъ, каждый въ сво-

ей мѣрѣ, могли мы услышать этотъ блаженный голосъ: *добрѣ, рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего* (Матѳ. xxv, 21). Еято да сподобимся мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава и держава Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО
О ПРОКЛЯТІИ.

Предлагаемое Слово составлено св. Іоанномъ Златоустымъ по поводу образовавшихся въ Антіохіи отдѣльныхъ обществъ, изъ которыхъ одно состояло изъ преданныхъ епископу Мелетію (мелетіанъ), другое—изъ признававшихъ своимъ епископомъ Павлина (павлиніанъ), третье—изъ аріанъ съ епископомъ Евзоіемъ, и четвертое—изъ приверженцевъ неправославнаго Аполлинарія Лаодикійскаго. Такъ какъ во взаимныхъ пререканіяхъ иногда одни изъ нихъ позволяли себѣ проклинать другихъ, то для прекращенія соблазна въ мѣстной церкви святитель Іоаннъ вскорѣ по рукоположеніи своемъ во пресвитера въ 386 году и произнесъ это Слово, котораго полное заглавіе слѣдующее: «о томъ, что не должно проклинать ни живыхъ ни умершихъ».

ПРЕЖДЕ бесѣдуя съ вами о познаніи непостижимаго Бога и 945
предложивъ много собесѣдованій объ этомъ [1]), я доказывалъ какъ словами Писанія, такъ и разсужденіями естественнаго разума, что совершенное познаніе Божества не доступно и для самыхъ невидимыхъ силъ, — для тѣхъ силъ, которыя ведутъ невещественную и блаженную жизнь, и что мы, живущіе во всегдашней безпечности и разсѣянности и преданные всякимъ порокамъ, (напрасно) усиливаемся постигнуть то, что̀ невѣдомо и для невидимыхъ существъ; мы впали въ этотъ грѣхъ, руководствуясь въ такихъ разсужденіяхъ соображеніями собственнаго разума и суетною славою предъ слушателями, не опредѣляя благоразуміемъ границъ своей природы и не слѣдуя божественному Писанію и отцамъ, но увлекаясь, какъ бурнымъ потокомъ, неистовствомъ своего предубѣжденія. Теперь же, предложивъ вамъ надлежащую бесѣду о 946
проклятіи и показавъ важность этого зла, считаемаго ничтожнымъ, я чрезъ это загражду необузданныя уста и открою вамъ недугъ тѣхъ, которые употребляютъ проклятіе, какъ случится. У насъ дошло дѣло до такого бѣдственнаго состоянія, что, находясь въ крайней опасности, мы не сознаемъ этого, и не преодолѣваемъ гнус-

[1]) Разумѣются Слова противъ аномеевъ.

нѣйшихъ изъ страстей, такъ что на насъ исполнилось пророческое изреченіе: *нѣсть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязанія* (Иса. I, 6). Съ чего же я начну говорить объ этомъ злѣ? Съ постановленій ли заповѣдей Господнихъ, или съ вашей неразумной невнимательности и безчувственности? Но, когда буду говорить объ этомъ, не станутъ ли нѣкоторые смѣяться надо мною, и не покажусь ли я изступленнымъ? Не возопіютъ ли противъ меня, что я намѣреваюсь бесѣдовать о такомъ прискорбномъ и достойномъ слезъ предметѣ? Что же мнѣ дѣлать? Я скорблю и сокрушаюсь душою и терзаюсь внутренно, видя такую безчувственность, когда наши дѣла превзошли преступленія іудеевъ и
947 нечестіе язычниковъ. Я встрѣчаю на дорогѣ людей, не имѣющихъ ума, научившагося божественному Писанію, и даже вовсе ничего не знающихъ изъ Писанія, и съ великимъ стыдомъ молчу, видя, какъ они бѣснуются и пустословятъ, *не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ* (1 Тим. I, 7), невѣжественно дерзаютъ преподавать одно только свое ученіе и проклинать то, чего не знаютъ, такъ что и чуждые нашей вѣрѣ смѣются надъ нами, — людей ни заботящихся о доброй жизни, ни научившихся дѣлать добрыя дѣла.

2. Увы, какія бѣдствія! Увы мнѣ! Сколько праведниковъ и пророковъ *вожделѣша видѣти, яже видимъ, и не видѣша, и слышати, яже слышимъ, и не слышаша* (Матѳ. XIII, 17); а мы обращаемъ это въ шутку! Вникните въ эти слова, увѣщеваю васъ, дабы намъ не погибнуть. Ибо, если чрезъ ангеловъ возвѣщенное ученіе было твердымъ, и всякое преступленіе и преслушаніе получало справедливое наказаніе, то какъ мы избѣжимъ его, нерадѣя о такомъ спасеніи? Какая, скажи, цѣль евангелія благодати? Для чего совершилось явленіе Сына Божія во плоти? Для того ли, чтобы мы терзали и снѣдали другъ друга? Заповѣди Христовы, которыя во всемъ совершеннѣе повелѣній закона, особенно требуютъ отъ насъ любви. Въ законѣ говорится: *возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе* (Лев. XIX, 18); а въ новомъ завѣтѣ повелѣвается и умирать за ближняго. Послушай, что говоритъ самъ Христосъ: *человѣкъ нѣкій схождаше отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники впаде, иже совлекше его, и язвы возложше, отъидоша, оставльше едва жива суща. По случаю же священникъ нѣкій схождаше путемъ тѣмъ, и видѣвъ его, мимоиде. Такожде и Левитъ, бывъ на томъ мѣстѣ, пришедъ и видѣвъ, мимоиде. Самарянинъ же нѣкто грядый пріиде надъ него, и видѣвъ его, милосердова: и приступль обвяза струпы его, возливая масло и вино: всадивъ же его на свой скотъ, приведе его въ гостинницу, и прилѣжа ему. И наутрія изшедъ изъемъ два сребренника, даде гостиннику, и рече ему: при-*

лъжи ему: и, еже аще пріиждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти. Кто убо отъ тѣхъ тріехъ ближній мниттися быти впадшему въ разбойники? Онъ же рече: сотворивый милость съ нимъ. Рече же ему Іисусъ: иди, и ты твори такожде (Лук. x, 30—37). О чудо! Не священника, не левита назвалъ Онъ ближнимъ, но того, кто, по ученію, былъ отверженъ отъ іудеевъ, т. е. самарянина, чуждаго, во многомъ богохульствовавшаго, этого одного Онъ назвалъ ближнимъ; потому что онъ оказался милостивымъ. Таковы слова Сына Божія; то же показалъ Онъ и дѣлами Своими, когда пришелъ въ міръ и принялъ смерть не за друзей только и близкихъ къ Себѣ, но и за враговъ, за мучителей, за обманщиковъ, за ненавидѣвшихъ, за распявшихъ Его, о которыхъ Онъ прежде сотворенія міра зналъ, что они будутъ такими, и которыхъ предвидя сотворилъ, побѣдивъ предвѣдѣніе благостію, и за нихъ Онъ пролилъ собственную кровь, за нихъ принялъ смерть. *Хлѣбъ,* говоритъ Онъ, *плоть моя есть, юже азъ дамъ за животъ міра* (Іоан. 948
vi, 51). И Павелъ говоритъ въ посланіи: *аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его* (Римл. v, 10); также и въ посланіи къ Евреямъ говоритъ, что Онъ *за всѣхъ вкусилъ смерти* (Евр. ii, 9). Если же самъ Онъ такъ поступалъ, и Церковь слѣдуетъ этому образцу, каждый день совершая молитвы за всѣхъ, то какъ ты осмѣливаешься говорить свое? Ибо, скажи мнѣ, что значитъ то, что̀ ты называешь проклятіемъ (ἀνάθεμα)? Вникни въ это слово, разсуди, что ты говоришь; понимаешь ли ты силу его? Въ богодухновенномъ Писаніи найдешь это слово произнесеннымъ объ Іерихонѣ: *и будетъ градъ сей проклятъ Господу силъ* (Іис. Нав. vi, 16). И у насъ до настоящаго дня господствуетъ всеобщій обычай говорить: такой-то, совершивъ это, сдѣлалъ приношеніе (ἀνάθεμα) такому-то мѣсту. Итакъ, что значитъ слово: анаѳема? Оно говорится и о какомъ-либо добромъ дѣлѣ, означая посвященіе Богу. А изрекаемое тобою „анаѳема" не то ли значитъ, чтобы такой-то былъ преданъ діаволу, не имѣлъ участія во спасеніи, былъ отверженъ отъ Христа?

3. Но кто ты, присвояющій себѣ такую власть и великую силу? *Тогда сядетъ* Сынъ Божій, *и поставитъ овцы одесную, а козлища ошуюю* (Матѳ. xxv, 31—33). Почему же ты присвояешь себѣ такую честь, которой удостоенъ только сонмъ апостоловъ и истинные и во всемъ точные ихъ преемники, исполненные благодати и силы? И они, строго соблюдая заповѣдь, отлучали еретика отъ церкви, какъ бы исторгая этимъ у себя правый глазъ, чѣмъ доказывается ихъ великое сострацаніе и соболѣзнованіе, какъ бы при отнятіи поврежденнаго члена. Посему и Христосъ назвалъ это исторженіемъ праваго глаза (Матѳ. v, 29), выражая сожалѣніе

отлучающихъ. Поэтому они, будучи строго исполнительными какъ во всемъ другомъ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, обличали и отвергали ереси, но никого изъ еретиковъ не подвергали проклятію. И апостолъ, какъ видно, по нуждѣ въ двухъ только мѣстахъ употребилъ это слово, впрочемъ не относя его къ извѣстному лицу; именно въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ сказалъ: *аще кто не любитъ Господа нашего Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. XVI, 22); и еще: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. I, 9). Почему же, тогда какъ никто изъ получившихъ власть не дѣлалъ этого или не смѣлъ произносить такого приговора, ты осмѣливаешься дѣлать это, поступая вопреки (цѣли) смерти Господней, и предупреждаешь судъ Царя? Хотите ли знать, что сказалъ одинъ святой мужъ, бывшій прежде насъ преемникомъ апостоловъ и удостоившійся мучени-
949 чества? Объясняя тяжесть этого слова, онъ употребилъ такое сравненіе: какъ облекшій себя въ царскую багряницу простолюдинъ—и самъ и его сообщники предаются смерти, какъ тираны; такъ, говоритъ онъ, и злоупотребляющіе опредѣленіемъ Господнимъ и предающіе человѣка церковной анаѳемѣ подвергаютъ себя совершенной погибели, присвояя себѣ достоинство Сына Божія [1]). Или вы считаете маловажнымъ—прежде времени и Судіи произнести на кого-нибудь такое осужденіе? Ибо анаѳема совершенно отлучаетъ отъ Христа. Но что говорятъ люди, способные на всякое зло? Онъ еретикъ, говорятъ они, имѣетъ въ себѣ діавола, произноситъ хулу на Бога и своими убѣжденіями и суетною лестію ввергаетъ многихъ въ бездну погибели; посему онъ отверженъ отцами, особенно учитель его, произведшій раздѣленіе въ церкви,—разумѣя Павлина или Аполлинарія. Различія между тѣмъ и другимъ они по большей части не касаются, ловко избѣгая новаго раздѣленія и служа доказательствомъ того, что заблужденіе усилилось въ нѣдрахъ грубѣйшаго предубѣжденія. Но ты поучай, *съ кротостію наказующе противныя, еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнутъ отъ діаволскія сѣти, живи уловлени отъ него въ свою его волю* (2 Тим. II, 25, 26). Простри сѣть любви, не для того, чтобы храмлющій погибъ, но лучше, чтобы онъ исцѣлился; покажи, что ты по великому добродушію хочешь собственное благо сдѣлать общимъ; закинь пріятную уду сострaданія, и такимъ образомъ, раскрывъ сокровенное, извлеки изъ бездны погибели погрязшаго въ ней умомъ. Научи, что принимаемое по пристрастію или по невѣдѣнію за хорошее—не-

---

[1]) Подобныя мысли находятся въ посланіи св. Игнатія Богоносца къ Смирнянамъ, отд. 4—6.

согласно съ преданіемъ апостольскимъ, и если человѣкъ заблуждающійся приметъ это наставленіе, то, по изреченію пророка, онъ *жизнію поживетъ, и ты избавиши душу твою* (Іез. III, 21); если же онъ не захочетъ и останется упорнымъ, то, дабы тебѣ не оказаться виновнымъ, засвидѣтельствуй только объ этомъ съ долготерпѣніемъ и кротостію, чтобы Судія не взыскалъ души его отъ руки твоей,—безъ ненависти, безъ отвращенія, безъ преслѣдованія, но оказывая искреннюю и истинную любовь къ нему. Ее ты пріобрѣтай и, хотя бы ты не получилъ никакой другой пользы, это—великая польза, это—великое пріобрѣтеніе, чтобы любить и доказать, что ты—ученикъ Христовъ. *О семъ*, говоритъ Господь, *разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35); а безъ нея ни познаніе таинъ Божіихъ, ни вѣра, ни пророчество, ни нестяжательность, ни мученичество за Христа не принесутъ пользы, какъ объявилъ апостолъ: *аще*, говоритъ онъ, *вѣмъ тайны вся, и весь разумъ, и имамъ вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, никая польза ми есть: и аще языки ангелскими глаголю, и аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи ѐ, любве же не имамъ, ничтоже есмь: любы милосердствуетъ, не гордится, не ищетъ своихъ си, вся покрываетъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ* (1 Кор. XIII, 1—7).

4. Никто изъ васъ, возлюбленные, не показалъ такой любви ко Христу, какъ эта святая душа (Павла); никто изъ людей, кромѣ 950
его, не осмѣлился произнести такихъ словъ. Самая душа его горѣла, когда онъ говорилъ: *исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Кол. I, 24); и еще: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (Римл. IX, 3); и еще: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю* (2 Кор. XI, 29)? И однако, имѣя такую любовь ко Христу, онъ никого не подвергалъ ни обидѣ, ни принужденію, ни анаѳемѣ: иначе онъ не привлекъ бы къ Богу столько народовъ и цѣлыхъ городовъ; но, подвергаясь самъ униженію, бичеванію, заушенію, посмѣянію отъ всѣхъ, онъ дѣлалъ все это, оказывая снисхожденіе, убѣждая, умоляя. Такъ, прибывъ къ аѳинянамъ и нашедши всѣхъ ихъ преданными идолопоклонству, онъ не сталъ укорять ихъ и говорить: безбожники вы и совершенные нечестивцы; не сказалъ: вы все почитаете за Бога, одного только Бога отвергаете, Владыку и Творца всѣхъ. Но что? *Проходя*, говоритъ онъ, *и соглядая чествованія ваша, обрѣтохъ и капище, на немже бѣ написано: невѣдомому Богу: Его же убо невѣдуще чтете, сего азъ проповѣдаю вамъ* (Дѣян. XVII, 23). О дивное дѣло! О отеческое сердце! Онъ назвалъ богочтительными еллиновъ—идолопоклонниковъ, нечестивыхъ. Почему? Потому, что

они, подобно благочестивымъ, совершали свое богослуженіе, думая, что они чтутъ Бога, бывъ сами увѣрены въ этомъ. Подражать этому увѣщеваю всѣхъ васъ, а вмѣстѣ съ вами и самого себя. Если Господь, предвидящій расположеніе каждаго и знающій, каковъ будетъ каждый изъ насъ, сотворилъ этотъ (міръ) для того, чтобы вполнѣ показать дары и щедрость Свою, и, хотя сотворилъ не для злыхъ, но удостоилъ и ихъ общихъ благъ, желая, чтобы всѣ подражали Ему; то какъ ты дѣлаешь противное, ты, который приходишь въ церковь и приносишь жертву Сына Божія? Развѣ вы не знаете, что Онъ *трости сокрушены не преломилъ и льна курящася не угасилъ* (Иса. XLII, 3)? Что это значитъ? Послушай: Іуду и подобныхъ ему падшихъ Онъ не отвергъ, доколѣ каждый не увлекъ самъ себя, предавшись заблужденію. Не за невѣдѣніе ли народа мы приносимъ моленія? Не за враговъ ли, ненавидящихъ и гонящихъ, намъ заповѣдано молиться? Вотъ мы и совершаемъ это служеніе, и увѣщеваемъ васъ: рукоположеніе не къ властолюбію ведетъ, не къ высокомѣрію располагаетъ, не господство предоставляетъ; всѣ мы получили одного и того же Духа, всѣ признаны къ усыновленію; кого Отецъ избралъ, тѣхъ Онъ сподобилъ со властію служить братіямъ своимъ. Итакъ, исполняя это служеніе, мы увѣщеваемъ васъ и заклинаемъ отстать отъ такого зла. Ибо тотъ, кого ты рѣшился предать анаѳемѣ, или живетъ и существуетъ еще въ этой смертной жизни, или уже умеръ. Если онъ существуетъ, то ты поступаешь нечестиво, отлучая того, кто еще находится въ неопредѣленномъ состояніи и можетъ обратиться отъ зла къ добру: а если онъ умеръ, то—тѣмъ болѣе. Почему? Потому, что онъ *своему Господеви стоитъ или падаетъ* (Римл. XIV, 4), не находясь болѣе подъ властію человѣческою. Притомъ опасно произносить судъ свой о томъ, что со-
951 крыто у Судіи вѣковъ, который одинъ знаетъ и мѣру вѣдѣнія и степень вѣры. Почему мы знаемъ, скажи мнѣ, прошу тебя, за какія слова онъ подпадетъ обвиненію или какъ оправдаетъ себя въ тотъ день, когда Богъ будетъ судить сокровенныя дѣла людей? По-истинѣ *не испытани судове Его, и не изслѣдовани путіе Его: кто бо разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть* (Римл. XI, 33—35. Иса. XL, 13)? Неужели никто изъ насъ, возлюбленные, не думаетъ, что мы сподобились крещенія, и никто не знаетъ, что будетъ нѣкогда судъ? Что я говорю: судъ? О самой смерти и исходѣ изъ тѣла мы не помышляемъ отъ ослѣпившей насъ привязанности къ предметамъ житейскимъ. Отстаньте, увѣщеваю васъ, отъ такого зла. Вотъ я говорю и свидѣтельствую предъ Богомъ и избранными ангелами, что въ день суда оно будетъ причиною великаго бѣдствія и невыносимаго огня. Если въ притчѣ о дѣвахъ людей,

имѣвшихъ свѣтлую вѣру и чистую жизнь, Господь всѣхъ, видѣвшій дѣла ихъ, отвергъ отъ чертога за недостатокъ милосердія (Матѳ. xxv, 11); то какъ мы, живущіе въ совершенной безпечности и немилосердно поступающіе съ единоплеменниками своими, удостоимся спасенія? Посему увѣщеваю васъ, не оставляйте безъ вниманія этихъ словъ. Еретическія ученія, несогласныя съ принятымъ нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться объ ихъ спасеніи. О, если бы всѣ мы, питая любовь къ Богу и ближнему и исполняя заповѣди Господни, удостоились встрѣтить небеснаго Жениха съ елеемъ и горящими свѣтильниками въ день воскресенія, и представить Ему многихъ, обязанныхъ славою нашему состраданію, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Божія, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава нынѣ и всегда и во вѣки. Аминь.

СЛОВО НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Это слово сказано святителемъ Іоанномъ Златоустомъ въ Антіохіи 1-го января 387 года по Р. Х., какъ съ вѣроятностію можно заключать изъ самаго его содержанія, и потому помѣщается между его словами, произнесенными въ 386 и 387 годахъ. Полное его заглавіе слѣдующее: «Слово въ Календы, въ отсутствіи епископа антіохійскаго Флавіана, сказано противъ наблюдающихъ новомѣсячія и совершающихъ ликованія въ городѣ, и на слова апостола: *вся въ славу Божію творите* (1 Кор. x, 31).

953 КАКЪ для хора нуженъ начальникъ и для общества мореплавателей кормчій, такъ и сонмъ священниковъ желалъ бы сегодня быть вмѣстѣ съ своимъ архіереемъ и общимъ отцомъ. Но въ хорѣ и на кораблѣ за отсутствіемъ начальниковъ часто многаго недостаетъ для порядка и безопасности; а здѣсь не такъ; потому что, хотя (епископъ) не присутствуетъ здѣсь тѣломъ, но присутствуетъ духомъ; и нынѣ онъ съ нами, хотя сидитъ дома, равно какъ и мы съ нимъ, хотя стоимъ здѣсь. Сила любви такова, что она обыкновенно совокупляетъ и соединяетъ находящихся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Того, кого любимъ, мы представляемъ себѣ каждый день, хотя бы онъ жилъ на чужбинѣ и былъ отдѣленъ отъ насъ обширными морями; равно какъ того, кто намъ не нравится, хотя бы онъ находился близъ насъ, часто какъ бы совсѣмъ не видимъ. Такъ, гдѣ есть любовь, тамъ разстояніе мѣста нисколько не вредитъ; а гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ никакой пользы отъ близости мѣстъ. Недавно, когда я говорилъ въ похвалу блаженнаго Павла, вы были въ такомъ восторгѣ, какъ бы видѣли его самого присутствовавшимъ съ нами, хотя тѣло его лежитъ въ царственномъ городѣ Римѣ, а душа въ рукѣ Божіей; *праведныхъ же души въ руцѣ Божіей, и не прикоснется ихъ мука* (Прем. III, 1); однако сила любви представляла его предъ вашими глазами. Хотѣлъ бы я и сегодня заняться тѣмъ же предметомъ, но слово мое стремится къ другимъ неотложнымъ предметамъ, къ сегодняшнимъ погрѣшностямъ всего города. Желающимъ слышать похвалы Павлу напередъ должно сдѣлаться

подражателями добродѣтелей Павла и достойными слышать о нихъ. Итакъ, хотя нѣтъ съ нами нашего отца, но ободряясь его молитвами, я предложу вамъ поученіе. Такъ и Моисей, хотя тѣломъ не находился вмѣстѣ съ сражавшимися (израильтянами), но не менѣе, а гораздо болѣе сражавшихся способствовалъ побѣдѣ, простертіемъ рукъ подкрѣпляя своихъ и приводя въ трепетъ противниковъ (Исх. гл. XVII). Какъ сила любви не останавливается разстояніемъ мѣстъ, такъ и дѣйствіе молитвы; но какъ любовь соединяетъ разлученныхъ другъ отъ друга, такъ и молитва можетъ принести величайшую пользу находящимся вдали другъ отъ друга. Итакъ смѣло вступимъ въ борьбу; ибо и намъ 954
теперь предстоитъ борьба не съ амаликитянами, напавшими, какъ въ то время, и не съ другими какими-либо варварами, сдѣлавшими набѣгъ, но съ демонами, которые ходятъ торжественно по площади. Происходящія сегодня дьявольскія всенощныя гулянья, шутки, бранные крики, ночныя пляски и смѣшныя забавы хуже всякаго непріятеля плѣнили нашъ городъ; и тогда, какъ должно было бы сокрушаться, плакать, стыдиться, какъ согрѣшившимъ, такъ и несогрѣшившимъ, однимъ смотря на свои грѣхи, а другимъ смотря на безчиніе братій, нашъ городъ веселится, красуется и увѣнчивается; площадь, какъ любящая наряды и роскошная женщина, сегодня заботливо украшается, облекаясь въ золотыя и драгоцѣнныя одежды, обувь и прочее тому подобное; всякій мастеровой, выставляя на показъ свои работы, старается перещеголять своего товарища. Такое соревнованіе, хотя показываетъ ребяческій умъ и душу неспособную къ великимъ и возвышеннымъ помысламъ, но не слишкомъ большой влечетъ за собою вредъ: есть только какое-то безразсудное рвеніе, навлекающее на соревнователей осмѣяніе. Если ты хочешь украшать, то украшай не мастерскую, но твою душу,—не площадь, но умъ, чтобы ангелы дивились, и архангелы одобряли твое дѣло, и Владыка ангеловъ наградилъ тебя Своими дарами, а хвастовство, совершающееся нынѣ, возбуждаетъ и смѣхъ и зависть,—смѣхъ въ тѣхъ, которые мыслятъ нѣсколько выше, а зависть и великую ненависть въ тѣхъ, которые подвержены тѣмъ же болѣзнямъ.

2. Но, какъ я выше сказалъ, такое соревнованіе заслуживаетъ небольшаго порицанія; а болѣе всего прискорбны состязанія, которыя происходятъ сегодня въ гостинницахъ и преисполнены распутства и великаго нечестія: нечестія потому, что занимающіеся ими замѣчаютъ дни, гадаютъ и думаютъ, что если первый день этого мѣсяца они проведутъ въ удовольствіи и веселіи, то и во весь годъ будетъ то же; а распутства потому, что на самомъ разсвѣтѣ и женщины и мужчины, наполнивъ стаканы и чаши ви-

номъ, напиваются съ великою неумѣренностью. Это несообразно
955 съ нашимъ любомудріемъ, сами ли вы дѣлаете это, или позволяете дѣлать другимъ, слугамъ, или друзьямъ, или сосѣдямъ. Неужели ты не слыхалъ словъ Павла: *дни смотряете, и мѣсяцы, и времена, и лѣта; боюся о васъ, еда како всуе трудихся въ васъ* (Гал. IV, 10, 11)? Крайне безумно по одному счастливому дню ожидать того же на весь годъ; и не только отъ безумія, но и отъ діавольскаго вліянія происходитъ та мысль, будто въ дѣлахъ нашей жизни надобно полагаться не на собственную ревность и дѣятельность, а на дневныя обращенія времени. Счастливъ для тебя будетъ годъ во всемъ не тогда, какъ ты будешь пьянствовать въ первый день, но если и въ первый и въ каждый день будешь дѣлать угодное Богу. День бываетъ худъ или хорошъ не по своей природѣ,—потому что день ото дня ничѣмъ не разнится, но—по нашему усердію или безпечности. Если ты сдѣлалъ добро, то день для тебя хорошъ, а если ты согрѣшилъ, то—худъ и неразлученъ съ наказаніемъ. Если ты будешь такъ разсуждать и такъ настроивать себя, совершая каждый день молитвы и милостыни, то весь годъ для тебя будетъ счастливъ; а если ты не заботясь о добродѣтели, будешь ожидать радостей для души своей отъ начала мѣсяцевъ и исчисленія дней, то не будетъ тебѣ ничего добраго. Діаволъ, зная это и стараясь отклонить насъ отъ подвиговъ добродѣтели и подавить душевную ревность, научилъ людей счастіе и несчастіе приписывать днямъ. Кто убѣжденъ, что есть дни счастливые и несчастливые, тотъ въ несчастливый день не будетъ заниматься добрыми дѣлами, думая, что весь его трудъ останется тщетнымъ и безполезнымъ по роковому свойству дня; равно и въ счастливый день не займется тѣми дѣлами, думая, что его нерадѣніе нисколько не повредитъ ему, по хорошему свойству самаго дня, и такимъ образомъ онъ въ томъ и другомъ случаѣ будетъ терять свое спасеніе, и, считая труды свои то безполезными, то излишними, будетъ провождать жизнь недѣятельную и порочную. Зная это, мы должны избѣгать козней діавола, исторгать изъ души такое убѣжденіе, не наблюдать дней, не пренебрегать однимъ днемъ и не привязываться къ другому. Лукавый демонъ ухищряется противъ насъ такимъ образомъ не только для того, чтобы ввергнуть насъ въ нерадѣніе, но чтобы и оклеветать и созданія Божіи, и вовлечь души наши въ нерадѣніе и вмѣстѣ въ нечестіе. Мы должны удаляться отъ этого, и ясно знать, что нѣтъ зла, кромѣ одного грѣха, и нѣтъ добра, кромѣ одной добродѣтели и угожденія Богу во всемъ. Радость бываетъ не отъ пьянства, но отъ духовной молитвы, не отъ вина, но отъ назидательнаго слова. Вино производитъ бурю, а слово—ти-

шину; вино причиняетъ шумъ, а слово прекращаетъ смятеніе; вино помрачаетъ умъ, а слово просвѣщаетъ и помраченный; вино вселяетъ скорби, которыхъ не было, а слово отгоняетъ и тѣ, которыя были. Ничто обыкновенно такъ не ведетъ къ спокойствію и радости, какъ правила любомудрія — презирать настоящее, стремиться къ будущему, не считать ничего человѣческаго постояннымъ—ни богатства, ни власти, ни почестей, ни покровительства. Если ты научился такъ мудрствовать, то не будетъ терзать тебя зависть, когда увидишь богатаго, и когда впадешь въ бѣдность, не 956
унизишься отъ бѣдности; и такимъ образомъ будешь въ состояніи постоянно праздновать. Христіанину свойственно праздновать не въ извѣстные мѣсяцы, не въ первый день мѣсяца, не въ воскресные дни, но всю жизнь провождать въ приличномъ ему праздновавіи. Какое же прилично ему празднованіе? Объ этомъ послушаемъ Павла, который говоритъ: *тѣмже да празднуемъ, не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. v, 8). Итакъ, если у тебя чиста совѣсть, то ты имѣешь постоянный праздникъ, питаясь добрыми надеждами и утѣшаясь упованіемъ будущихъ благъ; если же ты не спокоенъ въ душѣ и виновенъ во многихъ грѣхахъ, то и при тысячахъ праздниковъ и торжествъ ты будешь чувствовать себя не лучше плачущихъ. Какая мнѣ польза отъ свѣтлаго дня, когда душа моя помрачена укоризнами совѣсти? Итакъ, если ты хочешь получить пользу и отъ начала новыхъ мѣсяцевъ, то поступай такъ: по окончаніи года возблагодари Владыку, что Онъ сохранилъ тебя до этого предѣла годовъ; сокрушись своимъ сердцемъ, исчисли время твоей жизни, и скажи самъ себѣ: дни бѣгутъ и проходятъ; годы оканчиваются; много пути нашего мы уже совершили; а что мы сдѣлали добраго? Неужели пойдемъ отсюда безъ всего, безъ всякой добродѣтели? Судъ при дверяхъ, остальная жизнь наша клонится къ старости.

3. Такъ любомудрствуй при началѣ новыхъ мѣсяцевъ; это приводи на память при годовыхъ кругообращеніяхъ; станемъ помышлять о будущемъ днѣ, чтобы не сказалъ кто-нибудь о насъ того же, что сказалъ пророкъ объ іудеяхъ: *исчезоша въ суетѣ дніе ихъ, и лѣта ихъ со тщаніемъ* (Псал. LXXVII, 33). Такой праздникъ, о какомъ я сказалъ, постоянный, неожидающій круговращенія годовъ, не ограничивающійся извѣстными днями, можетъ равно праздновать и богатый и бѣдный; потому что здѣсь не деньги нужны, не богатство, а одна добродѣтель. Нѣтъ у тебя денегъ? Но есть страхъ Божій, сокровище лучшее всякихъ богатствъ, которое не повреждается, не измѣняется и не истощается. Посмотри на небо, на небеса небесъ, на землю, море, воздухъ, раз-

народныхъ животныхъ, разнообразныя растенія, на всю человѣческую природу; помысли объ ангелахъ, архангелахъ, вышнихъ силахъ; вспомни, что все это—богатство твоего Владыки. Быть не можетъ, чтобы слуга столь богатаго Владыки былъ бѣденъ, если Господь его милостивъ къ нему. Наблюдать дни несообразно съ христіанскимъ любомудріемъ, но это—дѣло языческаго заблужденія. Ты приписанъ къ вышнему граду, принятъ въ тамошнее гражданство, вступилъ въ общество ангеловъ, гдѣ нѣтъ свѣта переходящаго во тьму, ни дня оканчивающагося ночью, но всегда—день, всегда—свѣтъ. Туда будемъ стремиться непрестанно. *Вышнихъ ищите*, говоритъ (апостолъ), *идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя* (Колос. III, 1). Ты не имѣешь ничего общаго съ землею, гдѣ есть теченіе солнца и круговращенія временъ года и дней; но если ты живешь праведно, то и ночь для тебя становится днемъ, равно какъ для тѣхъ, которые проводятъ жизнь въ распутствѣ, пьянствѣ и невоздержаніи, день обращается въ ночной мракъ, не потому, чтобы померкло солнце, но потому, что умъ ихъ омраченъ пьянствомъ. Замѣчать дни, находить въ нихъ особенное удовольствіе,
957 зажигать на площади свѣтильники, плести вѣнки, есть дѣло дѣтской несмысленности; а ты уже вышелъ изъ этой немощи, достигъ мужескаго возраста и вписанъ въ гражданство небесное; не освѣщай же площади чувственнымъ огнемъ, но озаряй умъ твой свѣтомъ духовнымъ. *Тако да просвѣтится*, сказалъ (Господь), *свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16). Такой свѣтъ принесетъ тебѣ великое воздаяніе. Не украшай вѣнками дверей своего дома, но веди такую жизнь, чтобы получить на свою голову отъ руки Христовой вѣнецъ правды. Ничего не должно дѣлать напрасно, безъ цѣли; Павелъ заповѣдалъ дѣлать все во славу Божію. *Аще убо ясте*, говоритъ онъ, *аще ли піете, вся во славу Божію творите* (1 Кор. X, 31). Но какъ можно, скажешь ты, ѣсть и пить во славу Божію? Призови бѣднаго, участникомъ твоей трапезы сдѣлай Христа; и такимъ образомъ ты ѣлъ и пилъ во славу Божію. И не только это дѣлать во славу Божію заповѣдалъ апостолъ, но и все прочее, какъ-то: выходить на улицу и оставаться дома; то и другое должно быть для Бога. А какъ возможно, чтобы то и другое было для Бога? Когда ты приходишь въ церковь, когда участвуешь въ молитвѣ и духовномъ поученіи, то тогда выходъ изъ дома бываетъ во славу Божію. Также и дома оставаться можно для Бога. Какъ и какимъ образомъ? Когда ты слышишь, что шумъ, безчинія, діавольскія торжества, порочные и распутные люди наполнили площадь, останься дома, удались отъ этого шума, и ты останешься дома во славу Божію. Какъ оставаться

дома и выходить изъ дома можно для Бога, такъ можно (во славу Божію) и хвалить и обличать. Какъ можно, скажешь, хвалить кого-нибудь или укорять во славу Божію? Вы иногда сидите въ мастерскихъ, видите, какъ проходятъ мимо дурные и негодные люди, нахмуривъ брови, съ надменнымъ видомъ, въ сопровожденіи множества нахлѣбниковъ и льстецовъ, въ дорогихъ одеждахъ и пышныхъ украшеніяхъ, люди, похищающіе чужое и любостяжательные; тогда, если кто скажетъ: какъ завидно ихъ состояніе, какъ они счастливы!—такого укори, обличи, загради ему уста, жалѣй, плачь: это значитъ укорять для Бога. Такая укоризна для сидящихъ вмѣстѣ съ тобою будетъ урокомъ любомудрія и добродѣтели о томъ, чтобы не увлекаться вещами житейскими. Того, кто сказалъ это, спроси: почему ты считаешь его счастливымъ? Потому ли, что у него чудный конь, съ позлащенною уздою, что у него много слугъ, что онъ одѣтъ въ свѣтлую одежду, и безмѣрно упивается и роскошествуетъ каждый день? Но поэтому онъ несчастенъ и жалокъ и достоинъ обильныхъ слезъ. Я вижу, что въ немъ самомъ вы не можете ничего похвалить, а хвалите все внѣ его: коня, узду, одежду; а все это—не онъ. Что же, скажи мнѣ, можетъ быть горестнѣе того, когда конь его, узда 958
коня, красота одежды и тѣлесное благообразіе слугъ возбуждаютъ удивленіе, а въ немъ самомъ не находится ничего похвальнаго? Кто можетъ быть бѣднѣе того человѣка, который не имѣетъ никакого собственнаго добра и ничего такого, съ чѣмъ бы могъ отойти отсюда въ (вѣчность), но украшается всѣмъ чужимъ? Собственное наше богатство и украшеніе составляютъ не слуги, одежды и кони, но добродѣтель души, богатство добрыхъ дѣлъ и дерзновеніе предъ Богомъ.

4. Напротивъ, когда увидишь нищаго, пренебрегаемаго, презираемаго, живущаго въ бѣдности, но добродѣтельно; и когда сидящіе съ тобою назовутъ его жалкимъ: ты похвали его; и твоя похвала проходящему мимо будетъ наставленіемъ и увѣщаніемъ къ жизни честной и добродѣтельной. Если скажутъ: какъ онъ несчастенъ и жалокъ!—ты скажи, что онъ блаженнѣе всѣхъ; потому что имѣетъ Бога своимъ другомъ, живетъ добродѣтельно, пріобрѣлъ богатство никогда неоскудѣвающее, имѣетъ чистую совѣсть. Что за потеря для него, что нѣтъ денегъ, когда онъ получитъ въ наслѣдіе небо и небесныя блага? Если ты и самъ будешь такъ мудрствовать и наставлять другихъ, то получишь и за укоризну и за похвалу великое возмездіе; такъ какъ то и другое ты дѣлалъ во славу Божію. Что я не напрасно говорю это, что великое воздаяніе уготовано отъ Бога тѣмъ, которые такъ размышляютъ, и что великую добродѣтель составляетъ подобное

сужденіе о провождающихъ такую жизнь, послушай, что говоритъ пророкъ, и какъ онъ онъ поставляетъ въ числѣ добродѣтелей обличеніе людей порочныхъ и прославленіе боящихся Бога. Исчисливъ прочія добродѣтели человѣка, имѣющаго получить почести отъ Бога, и сказавъ, каковъ долженъ быть тотъ, *кто обитаетъ во святомъ жилищѣ Его;* что онъ долженъ быть *непороченъ, дѣлаяй правду, не лукавнующій;* и еще сказавъ: *иже не улъсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла,* потомъ онъ присовокупляетъ: *уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй, боящіяжеся Господа славитъ* (Псал. XIV, 1—4); этимъ онъ показываетъ, что къ числу добродѣтелей принадлежитъ и то, чтобы презирать порочныхъ и хвалить и ублажать добродѣтельныхъ. О томъ же говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ: *мнѣ же зѣло честни быша друзи Твои, Боже, зѣло утвердишася владычествія ихъ* (Псал. CXXXVIII, 17). Кого хвалитъ Богъ того ты не порицай; а Онъ хвалитъ того, кто живетъ праведно, хотя бы онъ былъ и бѣденъ. Кого Богъ отвращается, того не хвали; а Онъ отвращается того, кто живетъ порочно, хотя бы онъ изобиловалъ богатствомъ. Будешь ли хвалить кого или порицать, дѣлай то и другое согласно съ волею Божіею. Можно и порицать во славу Божію. Какъ? Мы часто досадуемъ на слугъ нашихъ; какимъ же образомъ можно порицать ихъ для Бога? Если ты видишь, что слуга, или другъ, или кто другой изъ близкихъ къ тебѣ пьянствуетъ, крадетъ, ходитъ на зрѣлища, нерадитъ о своей душѣ, клянется, преступаетъ клятвы, лжетъ; то вознегодуй, накажи, вразуми, исправь его, и все это ты сдѣлаешь для Бога. Если же увидишь, что онъ виновенъ противъ тебя, не-
959 радивъ въ услуженіи тебѣ, то прости его; и ты простишь для Бога. А нынѣ многіе поступаютъ напротивъ и съ друзьями и со слугами своими. Когда кто согрѣшитъ противъ нихъ самихъ, тогда они дѣлаются жестокими и неумолимыми судіями; а когда кто оскорбляетъ Бога, и губитъ свою душу, то они не обращаютъ на это никакого вниманія. Еще нужно ли пріобрѣсти друзей? Пріобрѣтай для Бога. Нужно ли пріобрѣсти враговъ? Пріобрѣтай для Бога. Но какъ можно пріобрѣтать друзей и враговъ для Бога? Если будемъ искать дружбы не съ тѣмъ, чтобы достать денегъ, участвовать въ трапезѣ, найти покровительство человѣческое, но будемъ искать и дѣлать своими друзьями такихъ людей, которые могутъ всегда вразумлять нашу душу, давать надлежащіе совѣты, укорять за грѣхи, обличать за проступки, возстановлять послѣ паденія и при помощи совѣтовъ и молитвъ приводить насъ къ Богу. Также можно и враговъ пріобрѣтать для Бога. Если ты видишь человѣка распутнаго, негоднаго, порочнаго, зараженнаго нечистыми мнѣніями, угрожающаго причинить тебѣ паденіе и

вредъ, то отойди, отбѣги отъ него, какъ повелѣлъ и Христосъ, сказавъ: *аще око твое десное соблажняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе* (Матѳ. v, 29), повелѣвая и такихъ друзей, которые дороги для насъ, какъ глаза, и необходимы въ дѣлахъ житейскихъ устранять и отвергать, если они вредятъ спасенію нашей души. Если находишься въ обществѣ и ведешь длинную рѣчь, дѣлай и это для Бога; и если молчишь, молчи для Бога. А какъ можно быть въ обществѣ для Бога? Если ты, сидя тамъ, будешь разговаривать не о житейскихъ дѣлахъ, не о пустыхъ, тщетныхъ и нисколько не относящихся къ намъ, но о нашемъ любомудріи; о геннѣ, о небесномъ царствѣ, а не о чемъ-нибудь излишнемъ и безполезномъ, напримѣръ: кто достигъ власти, кто лишенъ власти, за что такой-то наказанъ, отъ чего такой-то получилъ прибыль и разбогатѣлъ, что такой-то по смерти оставилъ такому-то, почему лишенъ наслѣдства такой-то, думавшій быть въ числѣ первыхъ наслѣдниковъ?—и прочемъ тому подобномъ. Объ этомъ и сами мы не будемъ разговаривать, и другимъ не будемъ позволять, но будемъ обращать вниманіе на то, какими дѣлами или словами можно угодить Богу. Также можно и молчать для Бога тогда, когда тебя обижаютъ, поносятъ, и причиняютъ тебѣ тысячи огорченій, а ты переносишь все великодушно и ни однимъ словомъ не злословишь того, кто такъ съ тобою поступаетъ. Не только можно хвалить и укорять, оставаться дома и выходить, говорить и молчать, но и плакать и печалиться, и радоваться и веселиться можно во славу Божію. Когда ты, видя, что братъ твой грѣшитъ, или самъ ты впалъ въ грѣхъ, будешь воздыхать и скорбѣть, то ты посредствомъ такой скорби пріобрѣтешь спасеніе, о которомъ не будешь раскаяваться, какъ говоритъ Павелъ: *печаль, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. vii, 10). Если видя, что другой благоденствуетъ, не позавидуешь ему, но за это, какъ бы за собственное благо возблагодаришь Бога, содѣлавшаго брата твоего столь славнымъ, то за эту радость ты получишь великую награду.

5. Что можетъ быть, скажи мнѣ, горестнѣе состоянія завистли- 960
выхъ людей, которые, имѣя возможность радоваться и получать возмездіе за свою радость, вмѣсто этого предаются скорби о благополучіи другихъ и съ такою скорбію еще навлекаютъ на себя наказаніе отъ Бога и невыносимыя мученія? Но что говорить о похвалахъ и укоризнахъ, о печаляхъ и радостяхъ, когда и отъ самыхъ маловажныхъ и низменныхъ дѣлъ можно получать весьма великую пользу, если мы совершаемъ ихъ во славу Божію? Что маловажнѣе стриженія волосъ? Но и это можно дѣлать для Бога. Если ты не будешь изысканно убирать волосъ, не будешь украшать лица, не будешь наряжаться къ соблазну и прельщенію взирающихъ на тебя, а одѣнешься просто,

какъ случится, и какъ требуетъ только нужда; то ты сдѣлаешь это для Бога и безъ сомнѣнія получишь награду за то, что обуздалъ порочную похоть и укротилъ неумѣстное тщеславіе. Подлинно, если тотъ, кто подаетъ для Бога *чашу студены воды*, наслѣдуетъ царство небесное (Матѳ. x, 42), то представь, какое получитъ возмездіе тотъ, кто все дѣлаетъ для Бога! Можно и ходить для Бога и смотрѣть для Бога. А какъ можно смотрѣть и ходить для Бога? Когда ты не стремишься къ нечестію, не занимаешься чужою красотою; когда, видя идущую на встрѣчу женщину, удерживаешь свое зрѣніе, ограждаешь лице свое страхомъ Божіимъ, то ты сдѣлаешь это для Бога; также когда мы одѣваемся не въ дорогія и изнѣживающія насъ одежды, но въ такія, которыя могутъ только прикрыть насъ. Можно распространить это правило и на обувь. Многіе дошли до такой изнѣженности и роскоши, что даже обувь свою украшаютъ и всячески испещряютъ не менѣе, чѣмъ другіе лице; это — знакъ нечистой и развращенной души. Хотя это кажется маловажнымъ, однако какъ въ мужчинахъ, такъ и въ женщинахъ это есть знакъ и доказательство великаго невоздержанія. Итакъ и обувь можно употреблять для Бога, если всегда будемъ удовлетворять только нуждѣ и ее ставить мѣрою при пользованіи вещами. А что и походкой и одѣяніемъ можно прославлять Бога, о томъ, послушай, что говоритъ мудрый мужъ: *одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопы человѣка возвѣстятъ, яже о немъ* (Сир. xix, 27). Если мы въ одеждѣ будемъ соблюдать приличіе и степенность и во всемъ показывать великую скромность, то и невѣрный и невоздержный и буйный, какъ бы онъ ни былъ безчувственъ, при первой встрѣчѣ съ такимъ человѣкомъ будетъ удивляться ему. Когда мы въ бракъ вступаемъ, то и это должны дѣлать для Бога, имѣя въ виду не то, чтобы получить богатое имѣніе, но чтобы найти въ женѣ благородство души, не множество денегъ и знаменитость предковъ, но добродѣтель и кротость нравовъ; мы должны брать сопутницу въ жизни, а не участницу въ пиршествахъ. Но къ чему исчислять все? Мы можемъ, подобно вышесказанному, прослѣдить каждое событіе и дѣло, и все совершать для Бога. Какъ торговцы, плавающіе по морю и пристающіе къ городамъ, выходятъ изъ пристани на торжище не прежде, какъ узнавши, что можно получить прибыль отъ своихъ товаровъ, такъ и ты ничего не дѣлай и не говори, отъ чего не будетъ пользы во славу Божію. Не говори мнѣ, что невозможно дѣлать все для Бога. Если обувь,
961 стриженіе волосъ, одежда, походка, взглядъ, бесѣды и собранія, входы и выходы, шутки и похвалы, укоризны и одобренія, дружба и вражда могутъ быть для Бога, то что еще остается, что не мо-

жетъ совершаться для Бога, если мы захотимъ? Что хуже положенія темничнаго стража? Жизнь его не почитается ли ниже всякой другой? Однако можетъ и онъ, если захочетъ, проводить эту жизнь съ пользою для себя, когда будемъ щадить узниковъ, услуживать заключеннымъ неправедно, не торговать чужими несчастіями, когда будетъ общимъ пристанищемъ для всѣхъ имѣющихъ въ томъ нужду. Такъ спасся *темничный стражъ*, приставленный къ Павлу (Дѣян. XVI, 31). Отсюда видно, что мы отъ всего, если захотимъ, можемъ получить себѣ пользу.

6. Что, скажи мнѣ, тяжелѣе убійства? Но и оно нѣкогда было вмѣнено въ правду дерзнувшему совершить его; такъ важно дѣлать что-нибудь для Бога. А какимъ образомъ убійство могло быть вмѣнено въ правду? Мадіанитяне, желая нѣкогда возбудить гнѣвъ Божій противъ іудеевъ и надѣясь преодолѣть ихъ, когда лишатъ ихъ благоволенія Господня, наряжали своихъ дочерей, ставили ихъ въ виду войска и, прельщая евреевъ, приводили ихъ сперва къ блудодѣянію, а потомъ и къ нечестію. Видя это, Финеесъ взялъ мечъ и, заставъ двухъ блудодѣйствующихъ въ самомъ дѣйствіи грѣха, пронзилъ обоихъ, и тѣмъ отклонилъ гнѣвъ Божій отъ исполненія (мщенія) (Числ. гл. XXV). Такимъ образомъ, хотя это дѣйствіе было убійствомъ, но слѣдствіемъ его было спасеніе всѣхъ погибавшихъ, а потому вмѣнено сдѣлавшему его въ правду. Такое убійство не только не осквернило рукъ его, но сдѣлало ихъ болѣе чистыми, и весьма справедливо: потому что онъ сдѣлалъ это не изъ ненависти къ убитымъ, но для спасенія прочихъ; убилъ двоихъ, а спасъ многія тысячи. Онъ поступилъ такъ, какъ поступаютъ врачи, когда они, отсѣкая гніющіе члены, сохраняютъ здоровье всего тѣла. Посему и говоритъ псалмопѣвецъ: *и ста Финеесъ и умилостиви, и преста сѣчь, и вмѣнися ему въ правду, въ родъ и родъ до вѣка* (Псал. CV, 30). Памятованіе о такомъ поступкѣ осталось безсмертнымъ. Другой напротивъ молился, и разгнѣвалъ Бога; такъ опасно дѣлать что-нибудь не для Бога; я разумѣю фарисея (Лук. гл. XVIII). Финеесъ сдѣлалъ убійство и снискалъ Божіе благоволеніе; а этотъ молясь разгнѣвалъ Бога, конечно не молитвою, но расположеніемъ духа, съ какимъ онъ молился. Такимъ образомъ и духовное дѣйствіе можетъ причинить великій вредъ, когда совершается не для Бога; напротивъ и житейское дѣло можетъ принести великую пользу тому, кто совершаетъ его изъ любви къ Богу. Что можетъ быть хуже и тяжелѣе убійства? Однако и оно сдѣлало праведникомъ осмѣлившагося совершить его. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, утверждая, что нельзя отвсюду получать пользу и дѣлать все для Бога, когда нашелся такой, который получилъ пользу даже отъ убійства? Если мы захотимъ

быть внимательными, то во всю жизнь можемъ вести такую духовную торговлю—какъ въ куплѣ, такъ и въ продажѣ; напримѣръ, когда не будемъ требовать цѣны незаконной, когда не будемъ ожидать времени дороговизны, чтобы тогда продать нуждающимся. *Продаяй пшеницу скупо,* говорится въ Писаніи, *отъ народа проклятъ* (Притч. XI, 26). Но къ чему говорить о всемъ порознь, когда можно представить все въ одномъ примѣрѣ? Какъ строющіе домъ, намѣреваясь выстроить стѣну, протягиваютъ размѣрный снурокъ изъ угла въ уголъ, и такимъ образомъ воздвигаютъ зданіе, въ которомъ поверхность не имѣетъ никакой неровности, такъ и мы, вмѣсто этого размѣра, будемъ употреблять апостольское изреченіе: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся въ славу Божію творите* (1 Кор. X, 31). Итакъ молимся ли мы или постимся, обвиняемъ или прощаемъ, хвалимъ или укоряемъ, входимъ или выходимъ, продаемъ или покупаемъ, молчимъ или разговариваемъ, или другое что дѣлаемъ, будемъ дѣлать все во славу Божію; а что не служитъ къ славѣ Божіей, того не станемъ ни дѣлать, ни говорить и, гдѣ бы мы ни находились, будемъ носить съ собою, вмѣсто великаго жезла, вмѣсто оружія, охраны и несчетныхъ сокровищъ, сказанное изреченіе, начертавъ его въ умѣ, дабы дѣлая и говоря и предпринимая все во славу Божію, намъ получить отъ Него славу и здѣсь и по отшествіи отсюда. *Прославляющія Мя,* говоритъ Господь, *прославлю* (1 Цар. II, 30). Итакъ, не словами только, но и дѣлами будемъ прославлять Его непрестанно со Христомъ Богомъ нашимъ; Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ЛАЗАРѢ.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Семь словъ о Лазарѣ, т. е. на евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ, произнесены святителемъ Іоанномъ въ Антіохіи въ теченіе 387 года, съ нѣкоторыми промежутками времени. Первое изъ нихъ сказано на другой день послѣ слова «на новый годъ», какъ можно заключать изъ его содержанія и видно изъ полнаго заглавія его—такого: «сказано въ слѣдующій день послѣ Календъ въ Антіохіи противъ пьянствующихъ и входящихъ въ корчемницы и устрояющихъ пляски въ городѣ, и о томъ, что учителю не должно отчаиваться въ ученикахъ, хотя бы въ настоящее время они не убѣждались, и о бѣдномъ Лазарѣ и о богатомъ».

ВЧЕРАШНІЙ день, бывшій сатанинскимъ праздникомъ, вы сдѣ- 963
лали праздникомъ духовнымъ, принявъ слова мои съ великою благосклонностію, и большую часть дня проведши здѣсь, насладившись питіемъ, исполненнымъ любомудрія, и ликовавши вмѣстѣ съ Павломъ. Такимъ образомъ вы получили двойную пользу: уклонились отъ безчинной пляски пьянствующихъ, и предавались восторгамъ духовнымъ, совершающимся съ великою благопристойностію; пили изъ чаши, не вино изливающей, но исполненной духовнаго ученія, и сдѣлались свирѣлью и киѳарою для Святаго Духа; тогда какъ другіе ликовали въ честь діавола, вы, содѣлавъ себя чрезъ пребываніе здѣсь органами и сосудами духовными, предоставили Духу коснуться вашихъ душъ и вдохнуть благодать Свою въ ваши сердца; оттого вы и возгласили стройную пѣснь, услаждающую не только людей, но и горнія силы. Посему и сегодня вооружимъ языкъ противъ пьянства и возстанемъ противъ нетрезвой и распутной жизни; обличимъ провождающихъ ее не для того, чтобы ихъ стыдить, но чтобы избавить ихъ отъ стыда; не для того, чтобы ихъ осуждать, но чтобы исправить ихъ; не для того, чтобы выставить ихъ на позоръ, но чтобы удалить отъ гнуснаго позора и вырвать изъ рукъ діавола, потому что, кто проводитъ время въ пьянствѣ, разгулѣ и объяденіи, тотъ подпалъ жестокой власти самого діавола. И о, если бы произошла какая-нибудь польза отъ словъ моихъ! Впрочемъ, если они и послѣ увѣ-

щанія останутся въ томъ же состояніи, я и тогда не перестану предлагать имъ совѣтъ. Источники текутъ, хотя бы никто не черпалъ изъ нихъ, и родники источаютъ воду, хотя бы никто не бралъ ея, и рѣки бѣгутъ, хотя бы никто не пилъ изъ нихъ; такъ и проповѣдникъ, хотя бы никто не внималъ ему, долженъ исполнять все отъ него зависящее. Ибо намъ, принявшимъ служеніе Слова, постановленъ человѣколюбивымъ Богомъ законъ — никогда не оставлять своего дѣла и не молчать, хотя бы слушали насъ, хотя бы убѣгали. Когда Іеремія, изрекавшій іудеямъ много угрозъ и предсказывавшій будущія бѣдствія и за то поносимый слушателями и осмѣиваемый цѣлый день, хотѣлъ прекратить такія про-
964 рочества, по слабости человѣческой не могши переносить насмѣшекъ и злословій, то послушай, что самъ онъ говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *быхъ въ посмѣхъ весь день, рекохъ: не возглаголю, ниже воспомяну имене Господня. И бысть въ сердцы моемъ, яко огнь горящь, палящь въ костехъ моихъ, и разслабѣхъ отвсюду, и не могу носити* (Іер. xx, 7—9). Смыслъ словъ его такой: я хотѣлъ прекратить пророчество—говоритъ онъ—потому что іудеи не слушали; но какъ только я рѣшился на это, сила Духа, какъ огонь, напала на душу мою и опалила всѣ внутренности, изможданая и снѣдая кости мои, такъ что я не могъ вынести этого жара. Если же тотъ, кто каждый день подвергался осмѣянію, поношенію и злословію, испыталъ такое мученіе, когда рѣшился замолчать; то какъ могли бы удостоиться прощенія мы, если бы, не потерпѣвъ еще ничего такого, по небрежности нѣкоторыхъ впали въ малодушіе и перестали предлагать имъ ученіе, и особенно тогда, когда есть столько внимающихъ?

2. Впрочемъ я говорю это не для своего утѣшенія и ободренія; я убѣдилъ душу свою, чтобы, доколѣ буду дышать и Богу угодно будетъ продолжать мою настоящую жизнь, исполнять это служеніе и дѣлать повелѣнное, будетъ ли кто слушать меня, или не будетъ слушать; но такъ какъ есть такіе люди, которые разслабляютъ руки у многихъ и кромѣ того, что сами не приносятъ никакой пользы для нашей жизни, ослабляютъ усердіе и въ другихъ, насмѣхаясь, издѣваясь и говоря: оставь совѣтовать, перестань увѣщавать; не хотятъ слушать тебя; не сообщайся съ ними;—такъ какъ есть нѣкоторые говорящіе это, то, желая исторгнуть изъ души народа эту злобную и безчеловѣчную мысль и діавольскій навѣтъ, я поведу рѣчь объ этомъ подолѣе. Я знаю, что даже и вчера произносили такія слова многіе, которые, увидѣвъ нѣкоторыхъ проводившихъ время въ корчемницѣ, съ насмѣшкою и издѣвательствомъ говорили: такъ хорошо они убѣдились; совсѣмъ никто не пошелъ въ корчемницу; всѣ отрезвились! Что говоришь ты,

человѣкъ? Развѣ я обѣщалъ уловить всѣхъ въ одинъ день? Если бы убѣдились только десять человѣкъ, если бы только пять, если бы даже одинъ: не достаточно ли и этого для моего утѣшенія? 965
Скажу еще большую крайность. Пусть будетъ, что никто не убѣдился моими словами, хотя невозможно, чтобы осталось безплоднымъ слово, посѣянное въ слухъ столь многихъ; но пусть это будетъ такъ; однако и въ такомъ случаѣ слово мое не безполезно. Если они и входили въ корчемницу, то входили уже не съ такимъ безстыдствомъ; и за столомъ часто вспоминали о словахъ моихъ, укоризнѣ, обличеніи, и вспоминая стыдились, краснѣли мысленно, и дѣлали обычныя дѣла уже не съ такою наглостію. А вполнѣ почувствовать стыдъ, вполнѣ осудить свои дѣла, это—начало спасенія и прекрасной перемѣны. Кромѣ того произошла отъ этого и другая не меньшая польза для меня. Какая? Та, что трезвыхъ я сдѣлалъ болѣе степенными и словами своими убѣдилъ въ томъ, что лучше всѣхъ ведутъ себя тѣ, которые не увлекаются толпою. Я не возстановилъ болящихъ? Но здоровыхъ сдѣлалъ болѣе благонадежными. Слово не отклонило нѣкоторыхъ отъ порока? Но живущихъ добродѣтельно сдѣлало болѣе внимательными. Присовокуплю къ этому и нѣчто третье. Не убѣдилъ я сегодня? Но, можетъ быть, успѣю убѣдить завтра. И завтра не успѣю? Но, можетъ быть, послѣ завтра, или еще въ послѣдующій за тѣмъ день. Кто сегодня слушалъ и отвергъ слышанное, тотъ, можетъ быть, завтра послушаетъ и приметъ; а кто сегодня и завтра оказалъ пренебреженіе, тотъ, можетъ быть, спустя много дней окажетъ вниманіе къ словамъ моимъ. Такъ и рыболовъ нерѣдко, цѣлый день закидывая сѣть напрасно и уже намѣреваясь уйти, вечеромъ уловляетъ во весь день убѣгавшую отъ него рыбу, и съ нею уходитъ. Если бы мы, вслѣдствіе всегдашнихъ случающихся неудачъ, вздумали оставаться въ праздности и отстать отъ всѣхъ дѣлъ, то у насъ разстроилась бы вся жизнь и погибло бы все, не только духовное, но и житейское. Такъ, если бы земледѣлецъ, вслѣдствіе случившейся одинъ и два и нѣсколько разъ дурной погоды, рѣшился бросить земледѣліе, то мы всѣ скоро погибли бы отъ голода. И если бы кормчій, вслѣдствіе случившейся одинъ и два и нѣсколько разъ бури, оставилъ море, то никто изъ насъ не плавалъ бы по морю, и отъ этого жизнь наша опять потеряла бы много полезнаго. И въ каждомъ искусствѣ, если о немъ будешь такъ же судить и внушать, все совершенно погибнетъ, и земля сдѣлается необитаемою. Зная это, всѣ, хотя одинъ и два и нѣсколько разъ не достигаютъ окончанія дѣлъ, которыми занимаются, однако опять принимаются за нихъ съ одинаковымъ усердіемъ.

3. Зная все это, и мы, возлюбленные, увѣщеваю васъ, не будемъ такъ разсуждать, не станемъ говорить: какая намъ нужда
966 въ столь многихъ словахъ? Никакой нѣтъ пользы отъ этихъ словъ. Земледѣлецъ, засѣявши одинъ и два и нѣсколько разъ одну и ту же ниву и не получивъ плода, однако опять воздѣлываетъ ее, и часто въ одинъ годъ вознаграждаетъ убытокъ всего прежняго времени. И купецъ часто, потерпѣвъ много кораблекрушеній, не отстаетъ отъ пристани; но стаскиваетъ судно, подряжаетъ корабельщиковъ и, занявши денегъ, принимается за тѣ же дѣла, хотя будущее ему такъ же неизвѣстно. И всякій, чѣмъ бы кто ни занимался, обыкновенно поступаетъ такъ же, какъ земледѣлецъ и купецъ. Если же они оказываютъ такое усердіе къ житейскому, хотя окончаніе дѣлъ имъ неизвѣстно, то неужели мы, какъ скоро слова наши не будутъ выслушиваемы, тотчасъ перестанемъ говорить? Какое же мы будемъ имѣть прощеніе, какое оправданіе? Притомъ тѣхъ въ случаѣ неудачъ никто не вознаградитъ за потери; напр. если море потопитъ корабль, то никто не избавитъ отъ обѣднѣнія потерпѣвшаго кораблекрушеніе; если наводненіе затопитъ ниву и заглушитъ сѣмена, то земледѣлецъ долженъ уйти домой съ пустыми руками. Но съ нами, говорящими и увѣщавающими, бываетъ не такъ; но, если ты повергнешь сѣмена, и слушатель не приметъ ихъ и не принесетъ плода послушанія, тебѣ уготована награда отъ Бога за совѣтъ, и ты получишь такое же воздаяніе—хотя онъ не послушался—какое ты получилъ бы, если бы онъ и послушался; потому что ты исполнилъ все съ своей стороны. Нашъ долгъ не убѣдить слушателей, но только посовѣтовать; наше дѣло предложить увѣщаніе, а убѣдиться — ихъ дѣло. Какъ, если они сдѣлаютъ много добрыхъ дѣлъ безъ нашихъ увѣщаній, вся награда будетъ принадлежать имъ однимъ, а намъ не будетъ никакой пользы, потому что мы не предлагали совѣта; такъ и если они не послушаются нашихъ увѣщаній, все наказаніе постигнетъ ихъ, а намъ не будетъ никакого осужденія, но еще будетъ дана великая награда отъ Бога, потому что мы все свое исполнили. Намъ повелѣвается только *вдати сребро торжникомъ* (Матѳ. XXV, 27), сказать и предложить совѣтъ. Скажи же и сдѣлай увѣщаніе брату. Но онъ не послушался? А тебѣ уготована награда, только бы ты всегда дѣлалъ это, только бы не отставалъ, доколѣ не убѣдишь, доколѣ не воодушевишь его. Окончаніемъ совѣта пусть будетъ послушаніе принимающаго увѣщаніе. Діаволъ непрестанно противодѣйствуетъ нашему спасенію, самъ не получая отъ этого усердія никакой пользы, но еще испытывая величайшій вредъ; и однако онъ одержимъ такимъ неистовствомъ, что нерѣдко отваживается даже на невозможныя дѣла, и нападаетъ

не только на тѣхъ, которыхъ надѣется непремѣнно побороть и низвергнуть, но и на тѣхъ, которые, вѣроятно, преодолѣютъ козни его. Такъ услышавъ, что Іова хвалитъ вѣдущій все сокровенное Богъ, онъ возъимѣлъ надежду, что успѣетъ низложить и его, и не переставалъ, коварный, употреблять всѣ мѣры и хитрости, чтобы побороть этого человѣка, и не отчаявался въ этомъ нечи- 967
стый и злѣйшій демонъ, хотя самъ Богъ призналъ въ праведникѣ такую добродѣтель. Послѣ этого, скажи мнѣ, какъ намъ не стыдиться и не краснѣть, если, тогда какъ діаволъ никогда не отчаивается въ нашей погибели, а всегда ожидаетъ ея, мы будемъ отчаиваться въ спасеніи братьевъ? Ему надлежало бы, и не дѣлая опыта, отступить отъ борьбы, потому что Богъ свидѣтельствовалъ о добродѣтели праведника; однако онъ не отступилъ, но по великому неистовству своему противъ насъ, и послѣ свидѣтельства Божія, надѣялся преодолѣть того доблестнаго мужа. А насъ ничто такое не заставляетъ впадать въ отчаяніе, и однако мы отступаемъ. Діаволъ, не смотря на воспрещеніе Божіе, не отступаетъ отъ борьбы съ нами; а ты уклоняешься, когда Богъ располагаетъ и побуждаетъ тебя къ поднятію падшихъ? Діаволъ слышалъ Бога, изрекшаго: *человѣкъ незлобивъ, истиненъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякаго зла*, и *нѣсть таковъ отъ сущихъ на земли* (Іов. II, 3), и однако послѣ столь многихъ и столь сильныхъ похвалъ продолжалъ говорить: а можетъ быть непрерывностію и великостію наводимыхъ на него бѣдствій я успѣю преодолѣть его и низложить эту великую башню!

4. Какое же будетъ прощеніе намъ, возлюбленные, и какое оправданіе, если злой демонъ съ такимъ неистовствомъ дѣйствуетъ противъ насъ, а мы не окажемъ и малой части подобнаго усердія къ спасенію нашихъ братьевъ, имѣя притомъ Бога своимъ помощникомъ? Итакъ, когда ты увидишь брата жестокимъ и непокорнымъ и невнимательнымъ къ тебѣ, скажи самъ себѣ: можетъ быть, со временемъ не успѣемъ ли убѣдить его? Такъ и Павелъ повелѣлъ дѣлать: *рабу же Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, съ кротостію наказующу противныя: еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины* (2 Тим. II, 24, 25). Не видишь ли, какъ отцы, нерѣдко уже отчаившись въ своихъ сыновьяхъ, садятся при нихъ, плачутъ, горюютъ, цѣлуютъ ихъ и дѣлаютъ все съ своей стороны до послѣдняго издыханія? Такъ и ты поступай съ братомъ. Они плачемъ и слезами не могутъ ни прогнать болѣзнь, ни отклонить угрожающую смерть; а ты нерѣдко можешь, съ терпѣніемъ и настойчивостію, плачемъ и слезами привлечь и возстановить отчаянную душу. Ты совѣтовалъ, и не убѣдилъ? Плачь, и приступай къ нему часто; стенай горько,

чтобы онъ, устыдившись твоей попечительности, обратился ко спасенію. Что успѣю сдѣлать я одинъ? Я не могу одинъ каждый день быть со всѣми вами; мнѣ недостаетъ силъ одному бесѣдовать съ такимъ множествомъ. Если же вы захотите принять участіе въ спасеніи другъ друга, и взять на себя каждый по одному изъ безпечныхъ братій, то у насъ быстро пойдетъ впередъ дѣло назиданія. Нужно ли говорить о тѣхъ, которые исправляются послѣ тщательнаго увѣщанія? Даже и о тѣхъ, которые страждутъ неисцѣльною болѣзнію, не слѣдуетъ отчаяваться и нерадѣть, хотя бы мы предвидѣли ясно, что они и послѣ долгаго о нихъ попече-
968 нія и вразумленія не получатъ никакой пользы. Если эти слова кажутся вамъ странными, то я подтвержу вѣрность ихъ тѣмъ, что сдѣлалъ и сказалъ Христосъ. Мы, люди, не знаемъ будущаго, и потому не можемъ утверждать о слушателяхъ, убѣдятся ли они, или не убѣдятся нашими словами; а Христосъ, ясно зная и то и другое, не переставалъ до конца исправлять того, кто имѣлъ оказаться непослушнымъ Ему. Зная, что Іуда не отстанетъ отъ предательства, Христосъ не переставалъ отклонять его отъ этого предательства совѣтами, увѣщаніями, благодѣяніями, угрозами и всякимъ способомъ вразумленія, и постоянно удерживать словомъ, какъ бы какою уздою. Онъ дѣлалъ это, научая и насъ, чтобы мы, хотя бы и знали напередъ, что братія не послушаются, исполняли все съ своей стороны, такъ какъ намъ за совѣтъ уготована награда. Смотри же, какъ Онъ постоянно и мудро удерживалъ Іуду Своими словами: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Матѳ. XXVI, 21); и еще: *не о всѣхъ васъ глаголю: Азъ бо вѣмъ; ихъже избрахъ* (Іоан. XIII, 18); и еще: *единъ отъ васъ діаволъ есть* (Іоан. VI, 70). Ему угодно было подвергнуть безпокойству всѣхъ, чтобы не выставить на позоръ предателя и явными обличеніями не сдѣлать его болѣе безстыднымъ. А что эти слова причиняли и прочимъ (ученикамъ) безпокойство и страхъ, хотя они не сознавали за собою ничего худого, послушай, какъ каждый изъ нихъ говорилъ съ смущеніемъ: *еда азъ есмь, Господи* (Матѳ. XXVI, 22)? Но не только словами, но и дѣлами Христосъ вразумлялъ Іуду. Такъ какъ Онъ часто и во всемъ являлъ Свое человѣколюбіе, очищая прокаженныхъ, изгоняя демоновъ, исцѣляя больныхъ, воскрешая мертвыхъ, укрѣпляя разслабленныхъ, всѣмъ благотворилъ, но никого не наказывалъ и постоянно говорилъ: *не пріидохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. XII, 47): то, дабы не подумалъ Іуда, что Христосъ можетъ только благотворить, а не наказывать, Господь научаетъ его и этому, т. е., что Онъ можетъ и наказывать и карать согрѣшающихъ.

5. Посмотри, какъ мудро и цѣлесообразно Онъ и Іуду научилъ,

и никого изъ людей не подвергъ наказанію и не покаралъ. Какъ же (Онъ поступилъ), чтобы ученикъ позналъ карательную силу Его? Если бы Онъ наказалъ кого-нибудь, то показалось бы, что Онъ противорѣчитъ собственнымъ словамъ Своимъ: *не пріидохъ, да сужду мірови, но да спасу міръ.* Съ другой стороны, если бы Онъ никого не наказалъ, ученикъ остался бы невразумленнымъ, не узнавъ на дѣлѣ карательной силы Его. Чему же надлежало быть? Чтобы и ученикъ устрашился и не сдѣлался по небрежности худшимъ, и никто изъ людей не былъ пораженъ и не потерпѣлъ наказанія и кары, Христосъ являетъ эту силу на смоковницѣ, сказавъ: *да николиже отъ тебе плода будетъ* (Матѳ. xxi, 19), и простымъ словомъ тотчасъ изсушивъ ее. Такимъ образомъ и люди всѣ остались невредимыми, и Онъ явилъ Свою силу, когда наказанію подверглось дерево. Ученикъ же, если бы онъ былъ внимателенъ, получилъ бы великую пользу отъ этого наказанія; однако онъ и чрезъ это не исправился. А Христосъ, хотя и пред- 969
видѣлъ это, сдѣлалъ и кромѣ этого еще другое, гораздо большее. Когда іудеи, вооружившись на Него мечами и кольями, хотѣли наложить на Него руки, тогда Онъ ослѣпилъ всѣхъ ихъ; ибо это выражаетъ Онъ словами: *кого ищете* (Іоан. xviii, 4)? Такъ какъ (Іуда) часто говорилъ: *что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его* (Матѳ. xxvi, 15), то Господь, желая и іудеевъ убѣдить и его вразумить въ томъ, что Онъ добровольно идетъ на страданіе и что все зависитъ отъ Него, а злоба Іуды не можетъ преодолѣть Его, въ то время, какъ самъ предатель стоялъ вмѣстѣ со всѣми, говоритъ: *кого ищете?* Развѣ Іуда не зналъ Того, кого намѣревался предать? Но Господь ослѣпилъ его зрѣніе; и не только это сдѣлалъ, но повергъ ихъ всѣхъ на землю Своими словами (Іоан. xviii, 6). Когда же и это не сдѣлало ихъ болѣе кроткими и не отклонило отъ предательства нечестивца, который остался неисцѣльнымъ, и тогда Христосъ еще не оставилъ Своего благоволенія и попеченія о немъ, но посмотри, какъ трогательно касается безстыдной души его, и произноситъ слова, которыя могли бы смягчить и каменную душу. Когда Іуда устремился облобызать Его, тогда что Онъ говоритъ? *Іудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши* (Лук. xxii, 48), не стыдишься и самаго способа предательства? Это сказалъ Христосъ, чтобы тронуть его и напомнить ему о прежнемъ общеніи. Но не смотря на то, что Господь столько и дѣлалъ и говорилъ, Іуда не сдѣлался лучшимъ, не по немощи Вразумлявшаго, но по собственной безпечности. А Христосъ, хотя и предвидѣлъ все это, не переставалъ, съ начала до конца, дѣлать все съ своей стороны. Итакъ, зная все это, возлюбленные, и мы должны непрерывно и постоянно исправлять и дружески вра-

зумлять безпечныхъ братій нашихъ, хотя бы и не было никакой пользы отъ увѣщанія. Если такое попеченіе о человѣкѣ, не хотѣвшемъ воспользоваться вразумленіемъ, имѣлъ Тотъ, Кто зналъ, что таковъ будетъ конецъ; то можемъ ли удостоиться прощенія мы, когда, не зная исхода дѣлъ, такъ нерадимъ о спасеніи ближнихъ, оставляя ихъ послѣ перваго и втораго увѣщанія? Послѣ всего сказаннаго, обратимъ вниманіе и на себя самихъ, какъ мы ежедневно ослушиваемся Бога, каждый день вѣщающаго намъ чрезъ пророковъ и апостоловъ, и однако Онъ не перестаетъ всегда вѣщать и убѣждать непокорныхъ и невнимательныхъ. И Павелъ взываетъ такъ: *по Христѣ молимъ, яко Богу молящу нами; молимъ по Христѣ, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. v, 20). Если можно сказать еще нѣчто удивительное, то достоинъ не такихъ похвалъ тотъ, кто предлагаетъ увѣщаніе, зная напередъ, что принимающій увѣщаніе непремѣнно послушается, какихъ—тотъ, кто многократно говорилъ, и совѣтовалъ, и не имѣлъ успѣха, и однако не переставалъ дѣлать это. Перваго, хотя бы онъ былъ лѣнивѣе всѣхъ, возбуждаетъ къ увѣщанію надежда, что слушатель убѣдится; а
970 послѣдній, постоянно увѣщевая и не видя послушанія и однако не переставая дѣлать это, представляетъ доказательство пламеннѣйшей и искреннѣйшей любви, какъ не ободряемый никакою подобною надеждою, но единственно по любви къ слушателю не оставляющій попеченія о братѣ. Впрочемъ довольно уже доказано, что не должно никогда оставлять падшихъ, хотя бы мы напередъ знали, что они не послушаются насъ. Надобно наконецъ перейти къ обличенію предающихся веселію; ибо, доколѣ продолжается этотъ праздникъ и діаволъ наноситъ раны опьяненія душамъ пьянствующихъ, дотолѣ и намъ должно прикладывать къ нимъ врачевства.

6. Вчера мы приводили противъ нихъ Павла, который говоритъ: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся въ славу Божію творите* (1 Кор. x, 31). А сегодня укажемъ имъ на Владыку Павлова, Который не только увѣщеваетъ и совѣтуетъ воздерживаться отъ веселья, но и наказываетъ и караетъ живущаго въ весельи; ибо повѣствованіе о богатомъ и Лазарѣ, и о судьбѣ того и другого, указываетъ не на что-либо иное, какъ именно на это. Впрочемъ, чтобы намъ не сдѣлать это поверхностно, я прочитаю вамъ притчу съ самаго начала. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ и облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло. Нищъ же бѣ нѣкто, именемъ Лазарь, иже лежаше предъ враты его гноенъ. И желаше насытитися отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы богатаго: но и псы приходяще облизаху гной его* (Лук. xvi, 19—21). Для чего Господь говорилъ притчами, и почему однѣ

изъ нихъ изъяснялъ, а другія не объяснялъ, и что такое притча, и всѣ подобные вопросы отложимъ до другого времени, чтобы не уклониться отъ предстоящаго теперь предмета рѣчи; а пока скажемъ вамъ только о томъ, кто изъ евангелистовъ повѣствуетъ, что Христосъ сказалъ эту притчу. Кто же? Одинъ Лука. Необходимо знать и то, что изъ сказаннаго (І. Христомъ) одно изложили всѣ четыре (евангелиста), а другое каждый особо. Для чего же? Для того, чтобы и чтеніе прочихъ (евангелистовъ) было для насъ необходимо и видно было совершенство ихъ согласія; ибо, если бы они всѣ сказали о всемъ, то мы не всѣмъ имъ внимали бы прилежно, такъ какъ и одинъ могъ научить всему: а если бы они всѣ говорили о всемъ различно, то не видно было бы совершенства ихъ согласія. Посему они о многомъ написали и всѣ вообще, и каждый особо. Итакъ, этою притчею Христосъ научаетъ слѣдующему. Нѣкоторый человѣкъ, говоритъ Онъ, былъ богатъ, жилъ весьма порочно, не испытывалъ никакого несчастія, но все притекало къ нему, какъ бы изъ источниковъ. Что съ нимъ не случалось ничего неожиданнаго, никакого повода къ унынію, никакой житейской непріятности, на это самое указываютъ слова: *веселяся на вся дни*. А что онъ жилъ порочно, это видно и изъ постигшей его кончины, и еще прежде кончины, изъ оказаннаго имъ презрѣнія къ бѣдному. Этотъ самый бѣднякъ доказалъ собою, что богачъ не имѣлъ состраданія не только къ нему, лежавшему у 271
воротъ, но и ни къ кому другому; ибо, если даже тому, который припадалъ постоянно къ воротамъ и лежалъ предъ глазами, котораго онъ по необходимости, входя и выходя, ежедневно видѣлъ, и не разъ, и не два, а многократно: потому что (бѣднякъ) лежалъ не на распутіи и не въ тайномъ и тѣсномъ мѣстѣ, но тамъ, гдѣ богачъ непрестанно входилъ и выходилъ, и невольно долженъ былъ видѣть его,—если онъ не оказалъ состраданія даже тому, который находился въ такомъ жестокомъ страданіи и жилъ въ такой нищетѣ, или лучше—во всю жизнь мучился болѣзнію, и болѣзнію жесточайшею, то къ кому же изъ встрѣчавшихся съ нимъ былъ онъ сострадателенъ? Если онъ въ первый день прошелъ мимо (Лазаря), то во второй надлежало бы ему почувствовать что-нибудь; если же и въ этотъ день пренебрегъ имъ, то въ третій, или въ четвертый, или въ послѣдующій день ему непремѣнно надлежало бы тронуться, хотя бы онъ былъ свирѣпѣе дикихъ звѣрей. Но онъ не чувствовалъ никакого состраданія, а былъ жесточе и безжалостнѣе того судіи, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился (Лук. XVIII, 2—5); того, сколь онъ ни былъ жестокъ и суровъ, настойчивость вдовы заставила оказать милость и склонила на просьбу; а этого ничто не могло склонить на помощь бѣдному, хотя и

просьба была не одинакова, но просьба этого бѣднаго была гораздо удобоисполнимѣе и справедливѣе. Та просила судію противъ враговъ своихъ, а этотъ просилъ утолить голодъ его и не презрѣть погибающаго; та безпокоила частыми просьбами, этотъ же многократно въ день являлся богатому лежащимъ въ молчаніи: а это очень можетъ смягчить даже и каменную душу. Когда часто безпокоятъ насъ, то мы раздражаемся; но когда видимъ, что нуждающіеся стоятъ съ полнымъ молчаніемъ и не говорятъ ничего, что они, и не достигая никогда успѣха, не негодуютъ, но только молчаливо являются къ намъ, тогда мы, хотя бы были безчувственнѣе самыхъ камней, трогаемся, стыдясь ихъ чрезмѣрной скромности. Кромѣ того было и нѣчто другое, не меньшее этого, именно: самый видъ бѣднаго былъ жалкій, изможденный голодомъ и продолжительною болѣзнію. Однако все это нисколько не смягчило богача жестокосерднаго.

7. Итакъ, первый порокъ богатаго — жестокость и безчеловѣчіе въ высшей степени. Ибо не все равно—не помогать нуждающимся тому, кто живетъ въ бѣдности, или пренебрегать другими, измождаемыми голодомъ, тому, кто наслаждается такимъ веселіемъ. Опять не все равно, — разъ или два раза увидя бѣднаго пройти мимо его, или видѣть его каждый день и даже этою непрерывностію зрѣнія не пробудиться къ жалости и человѣколюбію. Опять не все равно — не помогать ближнимъ тому, кто самъ находится въ несчастіяхъ, въ скорбяхъ и въ дурномъ расположеніи духа, или оставлять безъ вниманія другихъ, измождаемыхъ голодомъ, тому, кто наслаждается такимъ веселіемъ и постояннымъ благоденствіемъ, ожесточиться и не сдѣлаться болѣе человѣколюбивымъ даже отъ самыхъ радостей. Вы знаете, что мы, хотя бы были жестокосерднѣе всѣхъ, отъ благополучія обыкновенно дѣлаемся благосклоннѣе и добрѣе. Но этотъ богачъ и отъ благополучія не сдѣлался лучшимъ, но оставался звѣрскимъ или, лучше сказать,
972 своими нравами превзошелъ жестокость и безчеловѣчіе всякаго звѣря. И однако, жившій въ порокахъ и безчеловѣчный наслаждался благополучіемъ, а праведный и преданный добродѣтели находился въ крайнемъ злополучіи. А что Лазарь былъ праведенъ, это также показала кончина его, и еще прежде кончины самое терпѣніе среди бѣдности. Какъ вамъ кажется, не видите ли вы самыя дѣла ихъ предъ собою? У богатаго корабль былъ полонъ товара и плылъ при попутномъ вѣтрѣ. Но не дивитесь: онъ поспѣшалъ къ кораблекрушенію, потому что не хотѣлъ обращаться съ грузомъ осторожно. Хочешь ли, я покажу тебѣ, въ чемъ состоялъ и другой порокъ его? Въ томъ, что онъ каждый день веселился безъ опасенія. Ибо и это крайнее зло, не только теперь, когда требуется отъ насъ

такое любомудріе, но и прежде—въ ветхомъ завѣтѣ, когда такое любомудріе еще не было открыто. Послушай, что говоритъ пророкъ. Горе вамъ, *приходящіи въ день золъ, приближающіися и прикасающіися субботамъ лживымъ* (Амос. VI, 3). Что значитъ: *прикасающіися субботамъ лживымъ?* Іудеи думаютъ, что суббота дана имъ для праздности. Но не эта причина (установленія субботы), а та, чтобы они, воздерживаясь отъ житейскихъ дѣлъ, весь досугъ употребляли на дѣла духовныя. Что дѣйствительно суббота назначена не для праздности, а для духовной дѣятельности, это видно изъ самыхъ обстоятельствъ. Священникъ въ этотъ день дѣлаетъ двойное дѣло: тогда какъ каждый день приносится простая жертва, въ этотъ день повелѣвается приносить двойную. А если бы суббота рѣшительно назначена была для праздности, то священнику прежде всѣхъ надлежало бы быть празднымъ. Посему, такъ какъ іудеи, освободившись отъ дѣлъ житейскихъ, не занимались духовными—цѣломудріемъ, скромностію и слушаніемъ божественныхъ вѣщаній, но дѣлали противное этому, угождая чреву, упиваясь, пресыщаясь, предаваясь веселію, за это и осуждалъ ихъ пророкъ. Сказавъ: горе вамъ, *приходящіи въ день золъ,* и присовокупивъ: *прикасающіися субботамъ лживымъ,* этимъ прибавленіемъ онъ объяснилъ, какъ у нихъ ложны были субботы. Какъ же они дѣлали ихъ ложными? Совершая беззаконія, предаваясь веселью, упиваясь и дѣлая множество постыдныхъ и злыхъ дѣлъ. А что это дѣйствительно такъ, выслушай послѣдующее ибо то, что я говорю, выражаетъ и пророкъ, тотчасъ присовокупляя слѣдующія слова: *спящіи на одрѣхъ отъ костей слоновыхъ, и ласкосердствующіи на постеляхъ своихъ, ядущіи козлища отъ паствъ, и телцы млекомъ питаеми отъ среды стадъ: піющіи процѣженое вино, и первыми вонями мажущіися* (ст. 4—6). Ты получилъ субботу для того, чтобы освободить душу отъ пороковъ, а ты дѣлаешь ихъ еще болѣе. Что можетъ быть хуже этой изнѣженности, какъ спать на ложахъ изъ слоновой кости? Другіе грѣхи доставляютъ хотя малое какое-нибудь удовольстіе; напримѣръ—пьянство, корыстолюбіе, сладострастіе; а спать на ложахъ изъ слоновой кости — какое удовольствіе, какое утѣшеніе? Неужели красота ложа дѣлаетъ сонъ пріятнѣе и слаще? Скорѣе отъ этого онъ бываетъ самымъ тяжелымъ и самымъ непріятнымъ, если мы благоразумны; ибо, если ты представишь, что, когда ты спишь на ложѣ изъ слоновой кости, другой не можетъ и хлѣба вкушать спокойно, то не осудитъ ли тебя совѣсть и не возстанетъ ли съ обвиненіемъ противъ такой несообразности? Если же предосудительно спать на ложахъ изъ слоновой кости, то какое мы будемъ имѣть оправданіе, когда они еще будутъ со всѣхъ

сторонъ обложены серебромъ? Хочешь ли видѣть красоту ложа? Я покажу тебѣ теперь благолѣпіе ложа, принадлежащаго не простолюдину и не воину, а царю. Я знаю, что ты, хотя бы былъ самолюбивѣе всѣхъ, не захочешь имѣть ложа благолѣпнѣе царскаго, и, что еще важнѣе, не какого-нибудь царя, но перваго и знаменитѣйшаго изъ всѣхъ царей, и донынѣ воспѣваемаго по всей вселенной; я покажу тебѣ ложе блаженнаго Давида. Какое же оно было? Оно было со всѣхъ сторонъ украшено не серебромъ и золотомъ, но слезами и исповѣданіями (грѣховъ). Объ этомъ самъ онъ говоритъ такъ: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. VI, 7). Слезы, какъ жемчужины, виднѣлись на немъ со всѣхъ сторонъ.

8. И посмотри, какая у него боголюбивая душа: такъ-какъ днемъ безпокоили и развлекали его многочисленныя заботы о правителяхъ, военачальникахъ, племенахъ, народахъ, воинахъ, сраженіяхъ, мирѣ, о дѣлахъ общественныхъ и домашнихъ, дальнихъ и близкихъ, то свободное время, которое всѣ мы проводимъ во снѣ, онъ проводилъ въ исповѣданіи (грѣховъ), молитвахъ и слезахъ. И это дѣлалъ онъ не одну ночь, а въ другую успокоивался, не двѣ и не три ночи, а въ промежутки переставалъ, но каждую ночь дѣлалъ это: *измыю*, говоритъ онъ, *на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу*, указывая на обиліе и непрерывность слезъ. Когда всѣ покоились и находились въ тишинѣ, онъ одинъ взывалъ къ Богу, и неусыпающее Око было присуще скорбѣвшему, и плакавшему, и исповѣдывавшему грѣхи свои. Такую постель и ты устрой; потому что постель, обложенная серебромъ, и въ людяхъ возбуждаетъ зависть, и свыше воспламеняетъ гнѣвъ. А такія слезы, каковы Давидовы, могутъ погасить и самый геенскій огонь. Хочешь ли покажу тебѣ и другое ложе? Разумѣю ложе Іакова. Онъ имѣлъ подъ собою землю, а подъ головою своею камень; посему и увидѣлъ духовный Камень и ту лѣствицу, по которой восходили и нисходили ангелы (Быт. XXVIII). Такія постели устроимъ и мы, чтобы видѣть такіе же сны. Если же будемъ лежать на серебряномъ ложѣ, то не только не получимъ никакого удовольствія, но и потерпимъ скорбь; ибо, когда ты представишь, что въ крайнюю стужу, среди ночи, когда ты спишь на ложѣ, бѣднякъ лежитъ на соломѣ въ преддверіи бань, прикрывшись тростникомъ, дрожа, корчась отъ холода и терзаясь голодомъ, то хотя бы ты былъ каменнымъ больше всѣхъ, я увѣренъ, осудишь себя за то, что самъ нѣжишься сверхъ нужды, а ему не даешь пользоваться и необходимымъ. *Никтоже воинъ бывая*, говоритъ (апостолъ), *обязуется куплями житейскими* (2 Тим.
974 II, 4). Ты воинъ духовный, а такой воинъ спитъ не на ложѣ изъ

слоновой кости, но на землѣ, и не намащается мастями; потому что такая забота свойственна людямъ сладострастнымъ и испорченнымъ, живущимъ на сценѣ и въ безпечности; а тебѣ должно благоухать не мастями, но добродѣтелію. Ничего нѣтъ нечище души, когда тѣло имѣетъ такое благовоніе; потому что благовоніе тѣла или одежды можетъ быть доказательствомъ внутренняго зловонія и нечистоты. Когда діаволъ, приступивъ къ душѣ, изнѣживаетъ ее и ввергаетъ въ великое разслабленіе, тогда она нечистоту своего растлѣнія отражаетъ и на тѣлѣ посредствомъ благовоній. И какъ страждущіе насморкомъ и катарромъ мараютъ и одежду, и руки, и лицо, постоянно отирая текущую изъ носу влагу, такъ и душа сообщаетъ тѣлу нечистоту своей дурной влаги. Кто подумаетъ что нибудь благородное и доброе о человѣкѣ, который пахнетъ мастями и уподобляется женщинѣ, или лучше—блудницѣ и подражаетъ жизни пляшущихъ? Пусть благоухаетъ душа твоя духовнымъ благовоніемъ, чтобы тебѣ приносить величайшую пользу и себѣ самому и живущимъ съ тобою. Нѣтъ, нѣтъ ничего хуже веселья. Послушай, что еще говоритъ о немъ Моисей: *уты, утолстѣ, разширѣ, и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). Не сказалъ *отступилъ*, но: *отвержеся возлюбленный*, показывая намъ упрямство и непокорливость его. И еще въ другомъ мѣстѣ: *ясти будеши и насытишися, вонми себѣ, не забуди Господа Бога твоего* (VIII, 10, 11). Такъ веселье обыкновенно доводитъ до забвенія. Ты же, возлюбленный, когда сядешь за трапезу, вспомни, что послѣ трапезы тебѣ должно молиться: и затѣмъ умѣренно наполняй чрево, чтобы, обременивши себя, не сдѣлаться безсильнымъ преклонить колѣно и помолиться Богу. Не видите ли, что подъяремныя животныя отъ яслей выступаютъ въ дорогу, несутъ тяжести и исполняютъ свою службу? А ты послѣ трапезы бываешь неспособенъ и негоденъ ни къ какому дѣлу; не будешь ли ты хуже и самыхъ ословъ? Почему? Потому, что тогда особенно и должно не спать и бодрствовать; ибо время послѣ трапезы есть время благодаренія, а благодарящему должно не пьянствовать, но не спать и бодрствовать. Будемъ же отъ трапезы обращаться не на ложе, но на молитву, чтобы намъ не быть безсмысленнѣе безсловесныхъ.

9. Знаю, что многіе осудятъ эти слова, какъ вводящія въ жизнь обычай новый и странный, но я еще болѣе осужу дурную привычку, теперь владѣющую нами. Что за пищею и трапезою должны слѣдовать не сонъ и покой, но молитвы и чтеніе божественныхъ Писаній, это весьма ясно показалъ Христосъ. Напитавъ тогда въ пустынѣ несмѣтное множество народа, Онъ не отослалъ его на ложе и ко сну, но призвалъ къ слушанію боже-

ственныхъ вѣщаній. Онъ не переполнилъ ихъ чрева пищею и не
975 довелъ до упоенія, но, удовлетворивъ ихъ потребности, привелъ къ пищѣ духовной. Такъ и мы будемъ поступать и пріучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержанія жизни, а не для пресыщеніи и отягощенія. Ибо мы не для того родились и живемъ, чтобы ѣсть и пить, но для того ѣдимъ, чтобы жить. Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована отъ начала. А мы, какъ будто для яденія пришли въ міръ, такъ все проживаемъ на это. Но, чтобы обличеніе веселья было сильнѣе и больше коснулось живущихъ въ немъ, теперь обратимъ опять рѣчь къ Лазарю. Такимъ образомъ увѣщаніе и совѣтъ будутъ у насъ вѣрнѣе и дѣйствительнѣе, когда вы не изъ словъ, но изъ дѣлъ увидите, какъ вразумляются и наказываются преданные пресыщенію. Итакъ, богачъ жилъ въ такомъ нечестіи и веселился каждый день и одѣвался блистательно, навлекая на себя жесточайшее наказаніе, приготовляя большій пламень, заслуживая себѣ осужденіе неумолимое и мученіе неотмѣняемое. А бѣдный лежалъ у воротъ его, и не роталъ, не богохульствовалъ и не негодовалъ; не сказалъ самому себѣ, какъ говорятъ многіе: что это значитъ?—Этотъ человѣкъ, живущій въ нечестіи, жестокости и безчеловѣчіи, пользуется всѣмъ сверхъ потребности, и не терпитъ ни печали, ни какого-либо другого неожиданнаго бѣдствія, которыхъ много бываетъ съ людьми, но наслаждается чистымъ удовольствіемъ, а я не могу получить и необходимой пищи; къ нему, проживающему все на тунеядцевъ и льстецовъ и на пьянство, все течетъ, какъ изъ источниковъ; а я, истощаемый голодомъ, лежу притчею для зрителей, позоромъ и посмѣшищемъ; ужели это отъ Промысла? Ужели какая правда надзираетъ за дѣлами человѣческими? Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ. Изъ чего это видно? Изъ того, что ангелы, окружая его, отнесли и положили въ лоно Авраама; столь великой чести онъ не удостоился бы, если бы былъ богохульникомъ. Многіе удивляются этому человѣку потому только, что онъ былъ въ бѣдности; а я могу насчитать девять мученій, которыя онъ вытерпѣлъ не въ наказаніе, но для того, чтобы сдѣлаться болѣе славнымъ, что̀ и исполнилось. И бѣдность дѣйствительно есть бѣдствіе; это знаютъ испытавшіе ее; никакое слово не можетъ изобразить той скорби, какую терпятъ живущіе въ нищетѣ и не умѣющіе любомудрствовать. Но у Лазаря не одно это было бѣдствіе, и присоединялась къ тому и болѣзнь, и притомъ чрезмѣрная. И смотри, какъ (Господь) показываетъ, что то и другое несчастіе дошло до крайности. Что бѣдность Лазаря была тогда выше всякой бѣдности, это Господь выразилъ, сказавши, что онъ не получалъ и кру-

пищъ, падавшихъ отъ трапезы богатаго; а что и болѣзнь его дошла одинаково съ бѣдностію до той мѣры, далѣе которой простираться уже невозможно было, это самое также Господь выразилъ, сказавши, что псы лизали раны его. Лазарь былъ такъ слабъ, что и псовъ не могъ отгонять, и лежалъ живымъ трупомъ, видя ихъ, прибѣгаю- 976
щихъ къ нему, но прогнать ихъ не имѣя силъ. Такъ у него члены были разслаблены, такъ изсушены болѣзнію, такъ изможденъ страданіемъ! Видишь ли, что и бѣдность и болѣзнь съ крайнею жестокостію осаждали тѣло его? Если же каждое изъ этихъ бѣдствій само по себѣ невыносимо и ужасно, то, когда они соединились вмѣстѣ, не адамантъ ли какой былъ терпѣвшій ихъ? Многіе часто бываютъ больны, но не нуждаются въ необходимой пищѣ; другіе живутъ въ крайней бѣдности, но наслаждаются здоровьемъ, и одно бываетъ облегченіемъ другого; но здѣсь сошлись вмѣстѣ то и другое зло. Ты, можетъ быть, назовешь мнѣ кого-нибудь, который находится и въ болѣзни и бѣдности? Но—не въ такой безпомощности. Тотъ, лежа на открытомъ мѣстѣ, могъ, если не отъ себя и не отъ домашнихъ, то отъ видѣвшихъ его получить помощь; а у этого вышесказанныя бѣдствія еще болѣе отягчались отсутствіемъ какихъ либо помощниковъ; и эту безпомощность опять еще болѣе тяжкою дѣлало то, что онъ лежалъ въ воротахъ богатаго. Если бы онъ такъ страдалъ и былъ пренебреженъ, лежа въ пустынѣ и мѣстѣ необитаемомъ, ему было бы не такъ больно: ибо то самое, что никого нѣтъ, невольно заставляетъ переносить приключающееся; но лежать посреди столь многихъ упивающихся и благоденствующихъ и ни отъ кого не получать ни малѣйшаго состраданія, это еще болѣе усиливало въ немъ чувство скорби и еще болѣе производило уныніе. Мы, обыкновенно, страдаемъ въ несчастіяхъ, не столько тогда, когда нѣтъ помощниковъ, сколько тогда, когда и есть они, но не хотятъ подать руку помощи, отчего тогда и онъ страдалъ. Не было никого, кто бы или словомъ успокоилъ, или дѣломъ утѣшилъ его: ни друга, ни сосѣда, ни сродника, никого изъ видѣвшихъ его: потому что развращенъ былъ весь домъ богатаго.

10. Притомъ скорбь его умножало еще и то, что онъ видѣлъ другого благоденствующимъ; не потому, чтобы онъ былъ завистливъ и золъ, но потому, что всѣ мы обыкновенно яснѣе сознаемъ свои несчастія при благоденствіи другихъ. А при богатомъ было нѣчто другое, что еще болѣе могло мучить Лазаря. Онъ сильнѣе чувствовалъ свои бѣдствія не только отъ сравненія собственнаго злополучія съ благоденствіемъ богатаго, но и отъ мысли о томъ, что этотъ при жестокости и безчеловѣчности своей во всемъ счастливъ, а онъ, при своей добродѣтели и кротости, терпитъ крайнія бѣдствія; отъ этого онъ страдалъ неутѣшною скорбію. Если бы

богачъ былъ человѣкъ праведный, кроткій, дивный и исполненный всякой добродѣтели, то не опечалилъ бы Лазаря; а теперь, когда онъ живетъ порочно, и дошелъ до крайней степени нечестія, и такое показываетъ безчеловѣчіе, и питаетъ самое враждебное расположеніе, и проходитъ мимо его, какъ мимо камня, безстыдно и
977 безжалостно, и послѣ всего этого наслаждается такимъ благополучіемъ,—представь, какими непрерывными, такъ сказать, волнами онъ вѣроятно заливалъ душу бѣднаго; представь, каково было Лазарю видѣть, какъ тунеядцы, льстецы, слуги поднимались вверхъ, сходили внизъ, выходили, входили, бѣгали, шумѣли, упивались, скакали и дѣлали всякія другія безчинства. Какъ будто пришедши для этого именно, чтобы быть свидѣтелемъ чужого благополучія, онъ лежалъ въ воротахъ, имѣя въ себѣ жизни столько, чтобы только чувствовать собственныя бѣдствія, испытывая кораблекрушеніе въ пристани, близъ источника мучась въ душѣ жесточайшею жаждою. Сказать ли еще о другомъ бѣдствіи сверхъ того? Онъ не могъ видѣть другого Лазаря. Мы, хотя бы терпѣли безчисленныя бѣдствія, можемъ, воззрѣвши на него, получить достаточное утѣшеніе и имѣть великую отраду; потому что для скорбящихъ бываетъ великое утѣшеніе, когда они находятъ соучастниковъ своихъ бѣдствій, на самомъ ли то дѣлѣ, или въ разсказахъ. Но онъ не могъ видѣть никого другого, страдавшаго одинаково съ нимъ; не могъ даже и слышать, чтобы кто-либо изъ его предковъ такъ же страдалъ; а это—въ состояніи омрачить душу. Можно къ этому прибавить еще и то, что онъ не могъ сколько-нибудь любомудрствовать о воскресеніи, но думалъ, что настоящія дѣла оканчиваются съ настоящею жизнію; ибо онъ былъ изъ числа жившихъ до благодати. Если же теперь между нами, при такомъ богопознаніи, при радостныхъ надеждахъ воскресенія, при ожидающихъ тамъ грѣшниковъ наказаніяхъ и уготованныхъ добродѣтельнымъ благахъ, нѣкоторые бываютъ такъ малодушны и жалки, что не исправляются и этими ожиданіями; то какъ долженъ былъ страдать онъ, не имѣя и этого якоря? Онъ еще не могъ ни о чемъ такомъ любомудрствовать, потому что еще не наступило время этихъ догматовъ. Было при этомъ и еще нѣчто другое, — то, что неразумные люди могли имѣть о немъ превратное мнѣніе. Обыкновенно толпа, видя кого-нибудь въ непрестанномъ голодѣ и недугѣ и въ крайнихъ бѣдствіяхъ, составляетъ о такихъ людяхъ недоброе мнѣніе, отъ несчастія заключаетъ о жизни, и думаетъ, что они такъ бѣдствуютъ непремѣнно за свои пороки, и много другого подобнаго говоритъ между собою, хотя неразумно, однако говоритъ: „если бы этотъ человѣкъ былъ любезенъ Богу, Онъ не попустилъ бы ему бѣдствовать въ нищетѣ и другихъ несчастіяхъ“.

Такъ было и съ Іовомъ и съ Павломъ. Тому говорили: *еда множицею глаголано ти бысть въ трудѣ; тяжести же глаголъ твоихъ кто стерпитъ; аще бо ты научилъ еси многи, и руцѣ немощныхъ утѣшилъ еси, немощныя же воздвиглъ еси словесы, колѣномъ же немощнымъ силу обложилъ еси: нынѣ же пріиде на тя болѣзнь, ты же возмутился еси. Еда страхъ твой есть не въ безуміи* (Іов. IV, 2—6)? Смыслъ этихъ словъ такой: если бы ты сдѣлалъ что-нибудь доброе, то не потерпѣлъ бы того, что ты потерпѣлъ; но ты несешь наказаніе за свои грѣхи и беззаконія. Это болѣе всего и огорчало блаженнаго Іова. И о Павлѣ тоже говорили варвары: ибо, когда они увидѣли повисшую на рукѣ его 978
змѣю, то не подумали объ немъ ничего добраго, но сочли его за одного изъ величайшихъ беззаконниковъ, какъ видно изъ словъ ихъ: *егоже спасена отъ моря*, говорили они, *судъ Божій жити не остави* (Дѣян. XXVIII, 4). А обыкновенно и это не мало возмущаетъ насъ. И однако, когда волны были столь многочисленны и неслись одна за другою, ладья (Лазаря) не потонула; но находясь въ раскаленной пещи, онъ любомудрствовалъ такъ, какъ бы прохлаждался непрерывною росою.

11. Онъ не сказалъ въ самомъ себѣ ничего такого, что̀ обыкновенно говорятъ многіе: „если этотъ богачъ по смерти будетъ тамъ наказанъ и преданъ мученію, то одно за одно; а если и тамъ онъ будетъ наслаждаться такими же почестями, то два—не одно". Не носятся ли многіе изъ васъ съ этими словами по торжищамъ и изъ конскаго ристалища и языческихъ театровъ не вносятъ ли ихъ въ церковь? Я стыжусь и краснѣю, что высказалъ эти слова предъ всѣми, но надобно сказать о нихъ, чтобы вы избавились отъ непристойнаго смѣха и срама, и вреда, происходящаго отъ этихъ словъ. Ихъ многіе часто произносятъ, смѣясь; но и это—дѣло діавольской злобы: подъ видомъ шутливыхъ словъ вводить въ жизнь нашу неправильныя мнѣнія. Ихъ многіе непрестанно повторяютъ и въ мастерскихъ, и на площади, и въ домахъ; а это происходитъ отъ крайняго невѣрія и безумія, поистинѣ смѣшного и дѣтскаго смысла. Ибо говоритъ: если порочные по смерти будутъ наказаны, и не имѣть твердаго убѣжденія, что они непремѣнно будутъ наказаны, свойственно невѣрующимъ и сомнѣвающимся; а думать, что если и это случится, какъ и дѣйствительно случится, то они получатъ равное съ праведными воздаяніе, крайне безумно. Скажи мнѣ, что это ты говоришь: „если богачъ по смерти наказывается тамъ, то одно за одно?" Основательно ли это? Сколько лѣтъ хочешь ты дать ему наслаждаться здѣсь богатствомъ? Хочешь ли, дадимъ сто? Я, съ своей стороны, полагаю двѣсти, и триста, и дважды столько, а если

хочешь—и тысячу, что невозможно, потому что *дніе лѣтъ нашихъ*, говорится въ Писаніи, *осмьдесятъ лѣтъ* (Пс. LXXXIX, 10); но пусть будетъ и тысяча. Развѣ можешь ты, скажи мнѣ, представить здѣсь жизнь, неимѣющую конца и незнающую предѣла, какова жизнь праведныхъ тамъ? Итакъ, скажи мнѣ, если бы кто, въ продолженіе ста лѣтъ, увидѣвъ въ одну ночь пріятный сонъ и во время его насладившись великимъ весельемъ, за это былъ наказываемъ сто лѣтъ, неужели онъ можетъ говорить объ этомъ: „одно за одно" и одну ночь сновидѣній считать равною со ста годами? Нельзя сказать этого. Такъ разсуждай и о будущей жизни. Что̀ одно сновидѣніе въ сравненіи со ста годами, то́ настоящая жизнь въ сравненіи съ будущею жизнію, или лучше сказать—гораздо менѣе; что̀ малая капля въ сравненіи съ безпредѣльнымъ моремъ, то́ тысяча лѣтъ въ сравненіи съ будущею славою и блаженствомъ. Что́ еще больше можно сказать (о будущей жизни) кромѣ того, что она не имѣетъ предѣла и не знаетъ конца, и какое различіе
979 между сновидѣніями и дѣйствительностію, такое же различіе между настоящимъ и тамошнимъ состояніемъ? Съ другой стороны порочные и живущіе во грѣхахъ, еще прежде тамошняго наказанія, уже и здѣсь наказываются. Не говори мнѣ только о томъ, что этотъ человѣкъ наслаждается роскошнымъ столомъ, одѣвается въ шелковыя одежды, окруженъ толпами слугъ и гордо выступаетъ по площади, но открой предъ мною совѣсть его, и увидишь внутри великій мятежъ грѣховъ, постоянный страхъ, бурю, смущеніе;—(увидишь), что умъ, какъ бы на судилищѣ, возшедши на царскій престолъ совѣсти и возсѣдая подобно судіи, представляетъ помыслы, какъ бы палачей, изтязуетъ душу и терзаетъ ее за грѣхи и громко взываетъ, тогда какъ никто не знаетъ объ этомъ, кромѣ одного всевидящаго Бога. Такъ прелюбодѣй, хотя бы былъ безмѣрно богатъ и не имѣлъ ни одного обвинителя, самъ непрестанно обвиняетъ себя внутренно; удовольствіе у него кратковременно, а скорбь постоянна; отвсюду страхъ и трепетъ, подозрѣніе и безпокойство; онъ боится переулковъ, страшится самыхъ тѣней, собственныхъ рабовъ, какъ тѣхъ, которые знаютъ, такъ и тѣхъ, которые не знаютъ, той самой, которую онъ обезчестилъ, и оскорбленнаго мужа ея; гдѣ ни ходитъ, вездѣ носитъ съ собою жестокаго обвинителя—совѣсть, самъ осуждаетъ себя и не можетъ нимало успокоиться. Ибо и на ложѣ и за столомъ, и на площади и дома, и днемъ и ночью, и въ самыхъ сновидѣніяхъ онъ часто видитъ образы своего грѣха, проводитъ жизнь Каина *стеня и трясыйся на земли* (Быт. IV, 12) и—чего никто не знаетъ—внутри себя имѣетъ огонь, всегда пламенѣющій. То же испытываютъ и хищники и корыстолюбцы, то же и пьяницы и вообще

каждый изъ живущихъ во грѣхахъ; потому что не возможно извратить это судилище. Хотя бы мы и не совершали добродѣтели, однако скорбимъ, что не слѣдуемъ ей; и хотя бы дѣлали зло, однако, по минованіи грѣховнаго удовольствія, чувствуемъ скорбь. Не будемъ же говорить о живущихъ здѣсь въ богатствѣ и порокахъ и о праведникахъ наслаждающихся тамъ, что „одно за одно" и что „два—не одно". Праведнымъ и тамошнее и здѣшнее доставляютъ великое удовольствіе: а порочные и корыстолюбивые и здѣсь и тамъ наказываются. Они и здѣсь наказываются ожиданіемъ тамошняго мученія, худымъ всеобщимъ о нихъ мнѣніемъ, и тѣмъ самымъ, что грѣшатъ и растлѣваютъ свою душу, и по отшествіи отсюда терпятъ невыносимыя мученія. Напротивъ праведники, хотя бы здѣсь терпѣли безчисленныя бѣдствія, питаются добрыми надеждами, вкушая удовольствіе чистое, постоянное, непоколебимое; а послѣ получатъ безчисленныя блага, какъ и этотъ Лазарь. Не говори мнѣ, что онъ былъ въ ранахъ, но обрати вниманіе на то, что онъ имѣлъ душу драгоцѣннѣе всякаго золота, или лучше сказать, имѣлъ не только душу такую, но и тѣло; потому что доблесть тѣла состоитъ не въ тучности и дородности, но въ перенесеніи многихъ и столь тяжкихъ страданій. Не тотъ достоинъ отвращенія, кто имѣетъ на тѣлѣ такія раны, но тотъ, кто имѣя на душѣ безчисленныя язвы нисколько не заботится о нихъ, каковъ былъ
и тотъ богачъ, внутренно весь изъязвленный. Какъ у Лазаря псы 980
лизали раны его, такъ у богатаго демоны—грѣхи его; и какъ первый жилъ въ алчбѣ пищи, такъ послѣдній—въ алчбѣ добродѣтели.

12. Зная все это, будемъ любомудрствовать и не станемъ говорить, что, если бы такого-то Богъ любилъ, то не попустилъ бы ему быть бѣднымъ. Это самое и служитъ величайшимъ доказательствомъ любви Его: *его же бо любитъ Господь, наказуетъ: біетъ же всякаго сына, егоже пріемлетъ* (Евр. XII, 6). И еще: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое и потерпи* (Сир. II, 1, 2). Отвергнемъ же, возлюбленные, тѣ негодныя мысли и тѣ простонародныя слова: *сквернословіе*, говоритъ апостолъ, *и буесловіе, и кощуны, да не исходятъ изъ устъ вашихъ* (Еф. V, 3. IV, 29). Не будемъ и сами произносить ихъ, а если увидимъ, что другіе произносятъ ихъ, заградимъ и имъ уста, сильно возстанемъ противъ нихъ, удержимъ ихъ безстыдный языкъ. Если бы ты увидѣлъ, что какой-нибудь предводитель разбойниковъ бѣгаетъ по дорогамъ, нападаетъ на проходящихъ, похищаетъ находящееся на поляхъ, зарываетъ золото и серебро въ пещерахъ и подземельяхъ, и запираетъ тамъ много стадъ, одеждъ и рабовъ, пріобрѣтая ихъ своими набѣгами, то скажи мнѣ, сталъ ли бы ты называть его бла-

женнымъ за это богатство, а не назвалъ ли бы несчастнымъ по имѣющему постигнуть его наказанію? Хотя онъ еще не схваченъ и не преданъ въ руки судіи, и не попалъ въ темницу, и не обвинялся, и не осужденъ приговоромъ, но веселится, пьянствуетъ, наслаждается великимъ достаткомъ; однако мы не считаемъ блаженнымъ за настоящее и видимое, но называемъ несчастнымъ по ожидающему его будущему. Такъ разсуждай и о богачахъ корыстолюбивыхъ. Они—какіе-то разбойники, засѣвшіе при дорогахъ, грабящіе проходящихъ и зарывающіе имущества другихъ въ своихъ кладовыхъ, какъ бы въ пещерахъ и подземельяхъ. Не станемъ же ублажать ихъ за настоящее, но будемъ называть ихъ несчастными за будущее, то страшное судилище и неизбѣжныя истязанія, тьму кромѣшнюю, которая постигнетъ ихъ. Хотя разбойники не рѣдко избѣгали рукъ человѣческихъ; однако и зная это, мы и себѣ и врагамъ не желали бы ихъ жизни и проклятаго богатства. Но о Богѣ нельзя сказать этого: никто не избѣгнетъ Его приговора; но всѣ, живущіе любостяжаніемъ и хищеніемъ, непремѣнно навлекутъ на себя отъ Него наказаніе вѣчное и не имѣющее конца, какъ и тотъ богачъ. О всемъ этомъ помышляя въ самихъ себѣ, возлюбленные, будемъ считать блаженными не богатыхъ, но добродѣтельныхъ, а называть несчастными не бѣдныхъ, но порочныхъ; будемъ взирать не на настоящее, но на будущее, разсматривать не внѣшнее одѣяніе, но совѣсть каж-
981 даго, и, стремясь къ доблести и радости, проистекающей отъ добрыхъ дѣлъ, будемъ и богатые и бѣдные подражать Лазарю. Онъ перенесъ не одинъ, не два и не три только, но множество подвиговъ добродѣтели; именно: бѣдность, болѣзнь, отсутствіе помощниковъ, перенесъ всѣ эти бѣдствія въ домѣ, который могъ прекратить ихъ, и не удостоился ни отъ кого утѣшенія, видѣлъ пренебреженіе отъ наслаждавшагося такимъ весельемъ, и не только наслаждавшагося такимъ весельемъ, но и жившаго въ нечестіи, и не терпѣвшаго никакого бѣдствія; не могъ видѣть другого Лазаря и не былъ въ состояніи сколько нибудь любомудрствовать о воскресеніи; кромѣ сказанныхъ бѣдствій, терпѣлъ еще отъ толпы худое о себѣ мнѣніе за эти несчастія, и не два или три дня, но во всю жизнь видѣлъ себя въ такомъ несчастномъ состояніи, а богатаго въ противоположномъ. Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, если, тогда какъ онъ съ такимъ мужествомъ переносилъ всѣ совокупившіяся бѣдствія, мы не перенесемъ и половины ихъ? Ибо ты не можешь, не можешь указать и назвать еще другого, кто-бы потерпѣлъ столь многія и столь тяжкія бѣдствія. Посему Христосъ и выставилъ его на видъ, чтобы мы, если когда-либо впадемъ въ несчастіе, видя чрезмѣрность скор-

бей этого бѣдняка, получили достаточное ободреніе и утѣшеніе отъ его любомудрія и терпѣнія; онъ представляется общимъ во всевселенной учителемъ для претерпѣвающихъ какое либо бѣдствіе, предлагая всѣмъ смотрѣть на него и превосходя всѣхъ чрезмѣрностію собственныхъ несчастій. Итакъ, возблагодаривъ за все это человѣколюбиваго Бога, будемъ извлекать пользу изъ этого повѣствованія, постоянно имѣя при себѣ (Лазаря) и въ собраніяхъ, и дома, и на площади и вездѣ и тщательно собирая все богатство изъ этой притчи, чтобы намъ и настоящія бѣдствія переносить безпечально и получить будущія блага, чего да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, честь, поклоненіе, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «О Лазарѣ, и о томъ, что души умершихъ насильственною смертію не дѣлаются демонами, и о судѣ и милостынѣ».

Я удивлялся вамъ, возлюбленные, когда недавно предлагалъ 982
слово о Лазарѣ, что вы и хвалили терпѣніе бѣднаго и осуждали жестокость и безчеловѣчіе богатаго: это—не малыя доказательства доблести. Если мы, даже и не стяжавъ добродѣтели, однако хвалимъ добродѣтель, то конечно можемъ и стяжать ее; и если не избѣгаемъ порока, однако порицаемъ порокъ, то конечно можемъ и избѣгнуть его. Итакъ, если вы приняли съ великимъ благорасположеніемъ ту бесѣду, то теперь я предложу вамъ и остальное. Тогда вы видѣли Лазаря въ воротахъ богатаго, сегодня посмотрите на него въ лонѣ Авраама; видѣли его облизываемаго псами, посмотрите на него несомаго ангелами; видѣли его тогда въ бѣдности, посмотрите теперь на него въ наслажденіи; видѣли въ голодѣ, посмотрите въ великомъ изобиліи; видѣли подвизающимся, посмотрите на вѣнчаемаго; видѣли его труды, посмотрите на его награды, — (посмотрите) и богатые и бѣдные: богатые, чтобы вамъ не почитать великимъ богатство безъ добродѣтели; а бѣдные, чтобы вамъ не почитать бѣдности зломъ; для тѣхъ и другихъ онъ сталъ учителемъ. Ибо, если онъ въ бѣдности не ропталъ, то какое получатъ прощеніе дѣлающіе это въ богатствѣ? Если онъ въ голодѣ и столькихъ бѣдствіяхъ благодарилъ, то какое будутъ имѣть оправданіе тѣ, которые въ достаткѣ не

хотятъ стяжать такой же добродѣтели? Съ другой стороны, какое получатъ прощеніе бѣдные, которые отъ нищеты негодуютъ и ропщутъ, тогда какъ онъ въ голодѣ и бѣдности, въ безпомощности и постоянной болѣзни, живя въ домѣ богатаго, оставаясь въ пренебреженіи отъ всѣхъ и не видя другого, страдавшаго подобно ему, оказывается столь любомудрымъ? Отъ него научимся богатыхъ не называть блаженными, а бѣдныхъ несчастными; а лучше, если правду сказать, богатъ не тотъ, кто имѣетъ многое, но тотъ, кто не нуждается во многомъ; и бѣденъ не тотъ, кто ничего не имѣетъ, но тотъ, кто желаетъ многаго; это должно считать мѣрою бѣдности и богатства. Итакъ, если ты увидишь кого желающимъ многаго, то считай его бѣднѣе всѣхъ, хотя бы онъ владѣлъ имѣніями всѣхъ; и съ другой стороны, если увидишь кого не нуждающимся во многомъ, то считай его богаче всѣхъ, хотя бы онъ не имѣлъ ничего. Мы обыкновенно судимъ о бѣдности и богатствѣ по расположенію души, а не по мѣрѣ имущества. Какъ мы не назовемъ здоровымъ одержимаго непрестанною жаждою, хотя бы онъ имѣлъ во всемъ достатокъ, хотя бы находился при рѣкахъ и источникахъ (ибо что пользы отъ этого обилія воды, когда онъ остается въ неутолимой жаждѣ?); такъ будемъ относиться и къ богатымъ: непрестанно желающихъ и жаждущихъ чужого никогда не будемъ считать здоровыми и наслаждающимися довольствомъ. Кто не можетъ удержать своего желанія, тотъ, хотя бы владѣлъ имѣніями всѣхъ, какъ будетъ когда-либо въ избыткѣ? А тѣхъ, которые довольствуются своимъ и остаются при своемъ, не засматриваясь на чужое имущество, хотя бы они были всѣхъ скуднѣе, должно считать благоденствующими болѣе всѣхъ; ибо тотъ и благоденствуетъ болѣе всѣхъ, кто не нуждается въ чужомъ, а съ любовію довольствуется своимъ. Впрочемъ, если угодно,
983 обратимся къ предположенному предмету. *Бысть*, говоритъ Господь, *умрети* Лазарю *и несену быти ангелы* (Лук. XVI, 22). Здѣсь хочу я исторгнуть изъ вашей души злой недугъ. Многіе изъ простыхъ людей думаютъ, будто души умершихъ насильственною смертію дѣлаются демонами. Нѣтъ, нѣтъ. Демонами дѣлаются не души умершихъ насильственною смертію, но души живущихъ во грѣхахъ, не потому, чтобы перемѣнялось ихъ существо, но потому, что воля ихъ подражаетъ злобѣ демоновъ. Указывая на это, и Христосъ говорилъ іудеямъ: *вы отца вашего діавола есте* (Іоан. VIII, 44); сынами діавола Онъ назвалъ ихъ не потому, чтобы они измѣнились въ существо его, но потому, что совершали дѣла его; поэтому Онъ и присовокупилъ: *и похоти отца вашего хощете творити*. Также Іоаннъ говоритъ: *порожденія ехиднова! кто сказа вамъ бѣжати отъ грядущаго гнѣва; сотворите убо плоды*

достойны покаянія: и не начинайте глаголати: отца имамы Авраама (Лук. III, 7, 8). Писаніе обыкновенно называетъ узами родства не тѣ, которые бываютъ отъ природы, но которые—отъ добродѣтели и порока; и съ кѣмъ кто одинаковъ въ нравахъ, того Писаніе называетъ и сыномъ и братомъ его.

2. Но для чего діаволъ вселилъ такое дурное мнѣніе? Онъ хотѣлъ поколебать славу мучениковъ. Такъ какъ они умираютъ насильственною смертію, то онъ, желая распространить дурное мнѣніе о нихъ, употребилъ это средство, но не успѣлъ въ этомъ; ибо они продолжаютъ сіять своею славою. Онъ же сдѣлалъ другое тягчайшее зло, убѣдивъ этими мнѣніями служащихъ ему чародѣевъ убивать многихъ простыхъ юношей, въ надеждѣ, что они сдѣлаются демонами и потомъ будутъ служить имъ. Но это неправда, неправда! Почему же, скажешь, демоны говорятъ: „я душа такого-то монаха“?—Поэтому я и не вѣрю, что говорятъ это демоны; потому что они обманываютъ слушающихъ. Посему и Павелъ заградилъ имъ уста, хотя они и правду говорили, чтобы они, воспользовавшись случаемъ, къ истинѣ не примѣшали и лжи, и не показались заслуживающими довѣрія. Такъ, когда они говорили: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ вамъ путь спасенія* (Дѣян. XVI, 17); то (Павелъ), наскучивъ этимъ, запретилъ прорицательному духу, и повелѣлъ ему выйти; между тѣмъ, что худого они говорили? *Сіи человѣцы раби Бога вышняго суть*. Но такъ какъ многіе изъ простыхъ людей не умѣютъ всегда обсуживать то, что говорятъ демоны, то (Павелъ) прямо лишилъ ихъ довѣрія. Ты, говоритъ онъ, изъ числа отверженныхъ, не смѣешь говорить, молчи, онѣмѣй: не твое дѣло проповѣдывать; это — право апостоловъ; для чего похищаешь чужое? Молчи, ты отверженъ. Такъ сдѣлалъ и Христосъ. Когда демоны говорили Ему: *вѣмы Тя, кто еси* (Марк. I, 24. Лук. IV, 34), Онъ весьма строго запретилъ имъ, научая никогда не вѣрить демону, хотя бы онъ говорилъ тебѣ что-либо здравое. Зная это, не бу- 984
демъ ни въ чемъ вѣрить демону, но, хотя бы онъ говорилъ что-либо истинное, отвратимся и убѣжимъ отъ него; потому что здравое и спасительное ученіе можно узнать вѣрно не отъ демоновъ, но изъ божественнаго Писанія. А что душа, вышедшая изъ тѣла, не подлежитъ насилію демоновъ, объ этомъ послушай, что говоритъ Павелъ: *умерый бо свободися отъ грѣха* (Римл. VI, 7), т. е. уже не грѣшитъ. Если діаволъ не можетъ сдѣлать насилія душѣ, обитающей въ тѣлѣ, то, очевидно,—и вышедшей изъ тѣла. Какъ же, скажешь, грѣшатъ (души), если не терпятъ насилія? По своей волѣ и своему желанію предавая (грѣху) сами себя, а не по принужденію, не насильно; это доказали всѣ тѣ, которые

преодолѣли козни діавола. Такъ Іова, сколько ни смущалъ, діаволъ не могъ заставить произнести какое-либо богохульное слово (Іов. II, 9. 10). Отсюда ясно, что мы властны слѣдовать и не слѣдовать его внушеніямъ, и что не подлежимъ никакому принужденію и насилію со стороны его. Впрочемъ, не только изъ сказаннаго, но и изъ предложенной притчи очевидно, что вышедшія изъ тѣла души не остаются здѣсь, но тотчасъ отводятся, и послушай, какъ. *Бысть же*, говоритъ (Господь), *умрети нищему и несену быти ангелы* (Лук. XVI, 22). Но туда отводятся души не только праведныхъ, но и жившихъ порочно; это видно изъ примѣра другого богача. Когда *угобзися нива* его, онъ сказалъ *въ себѣ: что сотворю; разорю житницы моя, и большія созижду* (Лук. XII, 17, 18). Нѣтъ ничего жалче такой мысли. Точно, онъ разорилъ свои житницы; потому что безопасныя житницы суть не стѣны, но утробы бѣдныхъ; а онъ, оставивъ эти, заботился о стѣнахъ. Что же говоритъ ему Богъ? *Безумне! въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе* (ст. 20). Посмотри, тамъ сказано: *несену быти ангелы*, а здѣсь: *истяжутъ*; этого отвели, какъ узника, а того понесли съ торжествомъ, какъ увѣнчиваемаго. Какъ получившаго на ристалищѣ много ранъ и обагреннаго кровію, потомъ украшеннаго вѣнцомъ, стоящіе предъ ристалищемъ съ великою славою берутъ и отводятъ домой, рукоплеща, восхваляя, удивляясь: такъ и Лазаря отвели тогда ангелы; а душу богача взяли нѣкоторыя страшныя силы, можетъ быть посланныя для этого; ибо душа не сама собою отходитъ въ ту жизнь, такъ какъ это и невозможно. Если мы, переходя изъ города въ городъ, имѣемъ нужду въ руководителѣ; то тѣмъ болѣе душа, исторгнутая изъ тѣла и переселяющаяся въ будущую жизнь, нуждается въ путеводителяхъ. Поэтому часто она, готовясь выйти изъ тѣла, то возвышается, то ниспадаетъ, и страшится и трепещетъ. Сознаніе грѣховъ и всегда мучитъ насъ, но особенно въ тотъ часъ, когда предстоитъ намъ быть отведенными на тамошнія истязанія и страшное судилище. Тогда похитилъ ли кто или присвоилъ себѣ что-нибудь, оклеветалъ ли когонибудь или враждовалъ противъ кого-нибуль несправедливо, или сдѣлалъ другое какое-либо зло,—весь этотъ рядъ грѣховъ возоб-
985 новляется предстаетъ предъ глазами и мучитъ душу. И какъ живущіе въ темницѣ всегда бываютъ унылы и печальны, но особенно въ тотъ день, въ который они должны быть выведены и приведены къ самымъ дверямъ судіи, а стоя предъ рѣшетками судилища и слыша внутри голосъ судіи, задыхаются отъ страха и бываютъ нисколько не лучше мертвыхъ; такъ и душа, хотя и въ самое время грѣха весьма скорбитъ и мучится, но гораздо

болѣе тогда, когда она должна быть исторгнута и отведена отсюда.

3. Вы молчите, слушая это? Благодарю васъ за это молчаніе болѣе, нежели за рукоплесканія; рукоплесканія и похвалы дѣлаютъ меня славнѣйшимъ, а это молчаніе дѣлаетъ васъ благоразумнѣйшими. Знаю, что слова мои огорчаютъ, но и доставляютъ великую и невыразимую пользу. Если бы тотъ богачъ имѣлъ кого-нибудь, кто преподалъ бы ему подобное наставленіе, а не льстецовъ, которые предлагали всѣ совѣты въ угожденіе ему и влекли его къ веселью, то онъ не былъ бы отведенъ въ геенну, не подвергся бы невыносимымъ мученіямъ, и не раскаявался бы потомъ безутѣшно; но такъ какъ всѣ говорили въ угодность ему, то и предали его огню. О, если бы возможно было всегда и непрестанно такъ любомудрствовать и говорить о гееннѣ! *Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ*, говоритъ (премудрый), *поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII, 39). И еще: *уготовляй на исходъ дѣла твоя, и уготовися на село* (Притч. XXIV, 27). Если ты у кого похитилъ что-либо, возврати, и скажи подобно Закхею: *возвращу четверицею* похищенное (Лук. XIX, 8). Если ты оклеветалъ кого, если сдѣлался врагомъ кому-либо, примирись до судилища. Все окончи здѣсь, чтобы тебѣ безъ заботъ увидѣть то сѣдалище (судіи). Доколѣ мы здѣсь, дотолѣ имѣемъ добрыя надежды; а когда отойдемъ туда, то уже не въ нашей власти будетъ покаяться и смыть съ себя грѣхи. Посему должно приготовляться непрестанно къ исходу отсюда. Что, если Владыкѣ угодно будетъ позвать насъ вечеромъ? Что если завтра? Будущее не открыто намъ, чтобы мы всегда были озабочены и готовы къ отшествію туда, подобно какъ Лазарь постоянно былъ въ скорби и терпѣніи; за то и отведенъ былъ съ такою честію. *Умре же и богатый, и погребоша его* (Лук. XVI, 20); душа его закопана была въ тѣлѣ, какъ въ могилѣ, и носила на себѣ плоть, какъ гробъ. Онъ былъ связанъ, какъ бы какими оковами, пьянствомъ и чревоугодіемъ, потому и душу свою сдѣлалъ недѣятельною и мертвою. Не оставляй безъ вниманія, возлюбленный, словъ: *погребоша его*; но представь здѣсь посребренные столы, постели, ковры, покрывала, всѣ прочія домашнія вещи, масти, ароматы, множество вина, разнообразныя яства, сласти, поваровъ, льстецовъ, оруженосцевъ, рабовъ и всю прочую роскошь—померкшею и исчезнувшею. Все—пепелъ, все—прахъ и пыль, слезы и вопли; никто уже не можетъ ни помочь, ни возвратить отшедшую душу. Тогда обличилась сила золота и великаго богатства.
Отъ такого множества прислужниковъ онъ отводимъ былъ нагимъ 986
и одинокимъ, безсильнымъ унести отсюда что-нибудь изъ такого богатства, оставленнымъ всѣми, безпомощнымъ; не было при немъ

никого изъ служившихъ, кто бы помогъ ему и избавилъ его отъ наказанія и мученія, но отторгнутый отъ всѣхъ, онъ одинъ влекомъ былъ на невыносимыя муки. Подлинно, *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный. Изсше трава, и цвѣтъ отпаде: глаголъ же Господа пребываетъ во вѣкъ* (Иса. xL, 6, 7). Пришла смерть, и все это истребила, и, какъ плѣнника, взяла и отвела его, поникшаго долу, покрытаго стыдомъ, оробѣвшаго, трепещущаго, устрашеннаго, какъ будто во снѣ насладившагося всѣмъ прежнимъ весельемъ; и теперь богачъ сталъ просить нищаго и нуждаться въ трапезѣ того, кто нѣкогда томился голодомъ и доступенъ былъ устамъ псовъ; такъ измѣнились обстоятельства и всѣ узнали, кто былъ этотъ богачъ, и кто былъ этотъ нищій, и что Лазарь былъ богаче всѣхъ, а тотъ—бѣднѣе всѣхъ. Какъ на сценѣ являются принимающіе на себя лица царей, и военачальниковъ, и врачей, и риторовъ, и софистовъ, и воиновъ, на самомъ дѣлѣ не будучи ничѣмъ этимъ; такъ и въ настоящей жизни—и бѣдность и богатство суть только маски. Посему, какъ ты, сидя въ театрѣ и увидѣвъ кого-либо изъ играющихъ внизу представляющимъ лицо царя, не называешь его счастливымъ и не считаешь за царя, и самъ не пожелалъ бы быть такимъ, но зная, что это—кто-либо изъ обращающихся на торжищѣ, можетъ быть, веревочникъ, или мѣдникъ, или другой кто-либо такой, не считаешь его счастливымъ за его маску и одежду, и по нимъ не судишь объ его жизни, напротивъ—отвращаешься отъ него за ничтожество его въ другихъ отношеніяхъ; такъ и здѣсь въ мірѣ, какъ бы сидя въ театрѣ и смотря на играющихъ на сценѣ, когда увидишь многихъ богатѣющими, не почитай ихъ истинно богатыми, но только представляющими мнимыя лица богатыхъ. Какъ тѣмъ, представляющимъ на сценѣ царя и военачальника, часто бываетъ рабъ или изъ числа продающихъ на рынкѣ смоквы и виноградъ; такъ и этотъ богачъ часто бываетъ бѣднѣе всѣхъ. Если снимешь съ него маску, раскроешь совѣсть и вникнешь въ душу, то найдешь тамъ великую бѣдность въ добродѣтели, и его — самымъ безчестнымъ изъ всѣхъ людей. Ибо, какъ въ театрѣ, по наступленіи вечера и по выходѣ сидѣвшихъ тамъ, эти представлявшіеся всѣмъ царями и военачальниками, вышедши вонъ и сбросивъ поддѣльный видъ, являются уже тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ; такъ и теперь, когда приходитъ смерть и зрѣлище закрывается, всѣ отходятъ туда, сложивъ съ себя мнимые виды богатства и бѣдности и только, судя по дѣламъ, оказывается, кто изъ нихъ истинно богатые и кто бѣдные, кто—досточтимые, а кто—безчестные.

4. Часто иной изъ здѣшнихъ богачей оказывается тамъ бѣднѣе всѣхъ, подобно какъ и тотъ богачъ. Когда наступилъ вечеръ,

т. е. смерть, и вышелъ онъ изъ зрѣлища настоящей жизни и сбросилъ мнимое лице, то оказался тамъ бѣднѣе всѣхъ, и столь бѣд- 987
нымъ, что не имѣлъ въ своемъ распоряженіи даже капли воды, но и ея просилъ, и даже этого просимаго не получилъ. Что можетъ быть бѣднѣе такой бѣдности? И, послушай, какъ это было. *Возведъ очи свои, рече* къ Аврааму: *отче, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и устудитъ языкъ мой* (Лук. XVI, 23, 24). Видишь ли, что значитъ бѣдствіе? Когда Лазарь былъ близко, онъ пробѣгалъ мимо его; а теперь, когда тотъ далеко, зоветъ его; на кого часто, и входя и выходя, не смотрѣлъ, на того издали смотритъ пристально. А для чего смотритъ на него? Много разъ, можетъ быть, говаривалъ этотъ богачъ: „какая мнѣ нужда въ благочестіи и добродѣтели? Все течетъ ко мнѣ, какъ изъ источниковъ; я наслаждаюсь великимъ богатствомъ, великимъ благоденствіемъ, не терплю никакой непріятности; для чего мнѣ заботиться о добродѣтели? Этотъ нищій, живя въ правдѣ и благочестіи, терпитъ безчисленныя бѣдствія". Это же многіе и нынѣ часто говорятъ. Чтобы вырваны были съ корнемъ подобныя злыя мысли, богачъ видитъ, что и пороку уготована казнь, и подвигамъ благочестія — слава и вѣнецъ. Но не для этого только богачъ смотрѣлъ на Лазаря, но и для того, чтобы ему потерпѣть теперь въ большей мѣрѣ то, что терпѣлъ бѣдный; какъ у того усиливалось страданіе тѣмъ, что онъ лежалъ въ воротахъ богатаго и видѣлъ чужое благоденствіе; такъ и у этого наказаніе отягчалось теперь тѣмъ, что онъ лежалъ въ гееннѣ и видѣлъ блаженство Лазаря, такъ что его мученіе было невыносимѣе не только по свойству наказаній, но и по сравненію съ почестію бѣднаго. Какъ, изгнавши Адама изъ рая, Богъ поселилъ его *прямо рая* (Быт. III, 24) для того, чтобы постоянное воззрѣніе на рай—возобновляя скорбь, пробуждало въ немъ живѣйшее чувство потери благъ, такъ и этого богача Онъ помѣстилъ прямо противъ Лазаря для того, чтобъ онъ увидѣлъ, чего лишилъ себя. Я послалъ, говоритъ Онъ, къ тебѣ въ ворота нищаго Лазаря, чтобы онъ былъ для тебя наставникомъ добродѣтели и предметомъ человѣколюбія; ты пренебрегъ этимъ благомъ и не хотѣлъ надлежащимъ образомъ пользоваться этимъ средствомъ ко спасенію; прими же его, какъ средство къ большему наказанію и мученію. Изъ этого мы познаемъ, что всѣ, нами оскорбляемые и обижаемые, предстанутъ тогда предъ лицемъ нашимъ. Хотя Лазарь ни въ чемъ не былъ обиженъ богатымъ, такъ какъ богатый не бралъ его денегъ, и только не давалъ ему своихъ. Если же не удѣлявшій своего имѣетъ обвинителемъ того, кому не оказалъ милости, то похитившій чужое, какое получитъ прощеніе, когда со всѣхъ сторонъ

окружатъ его обиженные? Тамъ не нужны ни свидѣтели, ни обвинители, ни доказательства, ни подтвержденія: но самыя дѣла явятся предъ очами нашими въ томъ видѣ, какъ мы ихъ совершили. Вотъ человѣкъ, сказано будетъ, и дѣла его!—А не удѣлять изъ своего имущества есть также похищеніе. Можетъ быть, слова мои кажутся вамъ удивительными; но не удивляйтесь; я представлю вамъ изъ божественныхъ Писаній свидѣтельство о томъ, что не только похищать чужое, но и не удѣлять изъ своего другимъ означаетъ
988 хищеніе, и любостяжаніе, и отнятіе. Какое же это свидѣтельство? Укоряя іудеевъ, Богъ чрезъ пророка говоритъ: земля принесла плоды свои, и вы не внесли десятинъ; но похищенное у бѣднаго въ домахъ вашихъ (Малах. III, 10). Такъ какъ вы, говоритъ, не дали обыкновенныхъ приношеній, то похитили собственность бѣднаго. Этими словами Онъ внушаетъ богатымъ, что они владѣютъ собственностію бѣдныхъ, хотя бы получили отцовское наслѣдство, хотя бы собрали богатство какимъ-либо другимъ способомъ. И еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *живота нищаго не лиши* (Сир. IV, 1); а лишающій—отнимаетъ чужое; потому что отнятіемъ называется то, когда мы беремъ и удерживаемъ у себя чужое. Итакъ изъ этого мы научаемся, что, когда мы не подаемъ милостыни, то будемъ наказаны наравнѣ съ похитителями. Эти имущества Господни, откуда бы мы ихъ ни собрали; и если мы удѣлимъ изъ нихъ бѣднымъ, то пріобрѣтемъ великое богатство. Богъ попустилъ тебѣ имѣть больше другихъ не для того, чтобы ты тратилъ на блудодѣяніе, и пьянство, и пресыщеніе, и дорогія одежды, и на другіе предметы роскоши, но для того, чтобы ты удѣлялъ нуждающимся. Какъ казнохранитель, получившій царскія деньги, если не раздастъ ихъ кому приказано, а истратитъ на собственную прихоть, подвергается наказанію и погибели; такъ и богачъ есть какъ бы пріемщикъ денегъ, слѣдующихъ къ раздачѣ бѣднымъ, получившій повелѣніе раздѣлить ихъ нуждающимся изъ его сослужителей; посему, если онъ истратитъ на себя сколько-нибудь сверхъ необходимой нужды, то подвергнется тамъ жесточайшей отвѣтственности; потому что имущество его принадлежитъ не ему собственно, но его сослужителямъ.

5. Будемъ же беречь имущество, какъ чужое, чтобы оно стало нашимъ. Какъ же намъ сберечь его, какъ чужое? Если будемъ тратить его не на излишнія надобности, и не на свои только, но и удѣлять въ руки бѣдныхъ; если ты богатъ, но тратишь сверхъ нужды, то ты дашь отчетъ во ввѣренныхъ тебѣ деньгахъ. Это бываетъ и въ домахъ вельможъ; многіе ввѣряютъ свои сокровища слугамъ своимъ; а получившіе берегутъ ввѣренное имъ и не злоупотребляютъ сокровищами, но раздаютъ ихъ, кому и когда прика-

жетъ господинъ. Такъ поступай и ты; ибо не для того ты получилъ и принялъ больше другихъ, чтобы истрачивать одному, но чтобы и для другихъ ты былъ хорошимъ домоправителемъ. И то достойно разсмотрѣнія, почему богатый видѣлъ Лазаря не у другого праведника, а въ лонѣ Авраама. Авраамъ былъ гостепріименъ; поэтому богатый видитъ Лазаря съ нимъ для того, чтобы и это было обличеніемъ его негостепріимства. Тотъ и мимоидущихъ уловлялъ и привлекалъ въ домъ свой; а этотъ пренебрегалъ и лежавшимъ въ домѣ его, и, имѣя такое сокровище и средство ко спасенію, каждый день пробѣгалъ мимо его, и не воспользовался надлежащимъ образомъ покровительствомъ нищему. Но патріархъ поступалъ не такъ, а совсѣмъ напротивъ: сидя предъ дверями, онъ
уловлялъ всѣхъ проходившихъ; и подобно какъ рыболовъ, забра- 989
сывая сѣть въ море, вытаскиваетъ рыбу, а часто вытаскиваетъ и золото и жемчужины, такъ и онъ, уловляя людей, уловилъ нѣкогда и ангеловъ, и, что удивительнѣе, самъ того не зная. Изумляясь этому, и Павелъ увѣщеваетъ такъ: *страннолюбія не забывайте: тѣмъ бо невѣдяще нѣцыи страннопріяша ангелы* (Евр. XIII, 2). И хорошо сказалъ онъ: *невѣдяще*. Если бы патріархъ зная принялъ ихъ съ такою благосклонностію, то не сдѣлалъ бы ничего великаго и дивнаго; но вся заслуга его въ томъ, что, не зная, кто были проходившіе, и полагая, что это обыкновенные путники,—онъ съ такимъ усердіемъ пригласилъ ихъ въ свой домъ. Такъ и ты, если покажешь великое усердіе, принимая какого-нибудь знаменитаго и славнаго человѣка, не сдѣлаешь ничего удивительнаго; потому что знатность гостя часто заставляетъ и негостепріимнаго человѣка показать всю готовность; но весьма важно и дивно то, когда мы и людей обыкновенныхъ, отверженныхъ и низкихъ, принимаемъ съ великимъ радушіемъ. Посему и Христосъ, похваляя поступающихъ такъ, говорилъ: *понеже сотористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мате. XXV, 40). И еще: *тако нѣсть воля предъ Отцемъ вашимъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Мате. XVIII, 14). И еще: *иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (тамъ же, ст. 6). И вездѣ у Христа выражается великое попеченіе о малыхъ и меньшихъ. Зная это, и Авраамъ не разпрашивалъ проходившихъ, кто они и откуда, какъ мы нынѣ дѣлаемъ; но просто принималъ всѣхъ проходившихъ; потому что оказывающій благотворительность долженъ не жизнь бѣднаго изслѣдовать, но помочь бѣдности и удовлетворить нуждѣ. Одно оправданіе у бѣднаго — недостатокъ и нужда; ничего больше не спрашивай у него; но если онъ, хотя бы былъ порочнѣе всѣхъ, нуждается въ необходимой пищѣ, то утолимъ

голодъ его. Такъ поступать повелѣлъ и Христосъ: *будите*, говоритъ Онъ, *подобни Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѳ. v, 45). Милосердный есть пристань для нуждающихся, а пристань принимаетъ всѣхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и спасаетъ отъ опасностей; злые ли, или добрые, или кто бы ни были тѣ, которые находятся въ опасности,—она принимаетъ ихъ въ свои объятія. Такъ и ты, видя человѣка подвергшагося на землѣ кораблекрушенію бѣдности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь отъ несчастія. Для чего ты навлекаешь на себя труды? Богъ освободилъ тебя отъ всякой заботы и безпокойства. Сколько стали бы многіе говорить и негодовать, если бы Богъ повелѣлъ—сперва съ точностію развѣдывать жизнь, разузнавать поведеніе и поступки каждаго, и потомъ уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены отъ всякаго такого затрудненія. Для чего же мы сами навлекаемъ на себя излишнія заботы? Иное—судія, иное—податель милостыни. Милостыня потому такъ и на-
990 зывается, что мы подаемъ ее и недостойнымъ. Такъ поступать увѣщеваетъ и Павелъ: *доброе же творяще*, говоритъ онъ, *да не стужаемъ си, ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ* (Гал. vi, 9, 10). Если мы станемъ разспрашивать и развѣдывать о недостойныхъ, то и достойные не скоро попадутся намъ; а если будемъ подавать и недостойнымъ, то и достойные и подобные всѣмъ имъ попадутъ въ наши руки, какъ и случилось съ блаженнымъ Авраамомъ, который, не разпрашивая и не развѣдывая о проходящихъ, сподобился принять нѣкогда и ангеловъ. Будемъ же и мы подражать ему, а съ нимъ и потомку его Іову; ибо и этотъ со всею точностію подражалъ великодушію предка, и потому говорилъ: *дверь моя всякому приходящему отверста бѣ* (Іов. xxxi, 32); не для такого-то открыта, а для другого затворена, но для всѣхъ вообще была открыта.

6. Такъ, увѣщеваю, будемъ дѣлать и мы, ничего не развѣдывая сверхъ надлежащаго. Достоинство бѣднаго составляетъ одна нужда; кто бы когда ни пришелъ къ намъ съ нею, не станемъ ничего изслѣдывать болѣе; потому что мы подаемъ не нраву, а человѣку, и жалѣемъ его не за добродѣтель, а за несчастіе, чтобы и самимъ намъ привлечь на себя великую милость отъ Господа, чтобы и самимъ намъ, недостойнымъ, сподобиться Его человѣколюбія. Если же мы станемъ въ сослужителяхъ нашихъ отыскивать и изслѣдовать достоинства, то и съ нами Богъ сдѣлаетъ то же; и стараясь истребовать отчетъ отъ равныхъ намъ рабовъ, сами лишимся вышняго человѣколюбія. *Имже бо*, говоритъ Господь, *судомъ судите, судятъ вамъ* (Матѳ. vii, 2). Но

обратимъ рѣчь опять къ своему предмету. Итакъ богачъ, увидѣвъ Лазаря въ лонѣ Авраама, говоритъ: *отче Аврааме! помилуй мя, и посли Лазаря* (Лук. XVI, 24). Почему онъ обратилъ рѣчь не къ Лазарю? Мнѣ кажется, потому, что онъ постыдился и посовѣстился, и по своимъ съ нимъ поступкамъ полагалъ, что Лазарь непремѣнно будетъ злопамятствовать. Если я, полагалъ онъ, наслаждаясь такимъ богатствомъ и не потерпѣвъ никакого оскорбленія, пренебрегъ этимъ человѣкомъ, находившимся въ такихъ бѣдствіяхъ, и не удѣлялъ ему даже крупицъ, то тѣмъ болѣе онъ, такъ пренебреженный, не склонится на милость. Говорю это не въ осужденіе Лазаря; нѣтъ, онъ былъ не таковъ; но потому, что богачъ, убоявшись этого, не его попросилъ, но воззвалъ къ Аврааму, который, по его мнѣнію, не зналъ происходившаго (на землѣ), и попросилъ того перста, которому часто попускалъ быть лизаннымъ псами. Что же тотъ? *Чадо! воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ* (ст. 25). Посмотри на любомудріе, посмотри на милосердіе праведника. Онъ не сказалъ: безчеловѣчный, жестокій и презлобный, столько зла причинившій этому человѣку; ты вспоминаешь теперь о человѣколюбіи, милости и состраданіи, и не совѣстишься, и не стыдишься? Но что сказалъ онъ? *Чадо, воспріялъ еси благая твоя. Сердца раздраженнаго не превозмути,* говоритъ премудрый (Сир. IV, 3); довольно для него наказанія; не будемъ еще нападать на него въ несчастіи. А съ другой стороны, чтобы богачъ не подумалъ, будто Авраамъ по злопамятству за прошлое не посылаетъ Лазаря, называетъ его чадомъ, какъ бы защищая 991
самого себя этимъ названіемъ. Въ чемъ властенъ я, говоритъ онъ, то даю тебѣ: но отсюда придти туда—уже не въ нашей власти. *Воспріялъ еси благая твоя.* Почему онъ не сказалъ: *пріялъ*, но: *воспріялъ?* Великая, вижу я, бездна мыслей здѣсь открывается намъ. Посему, тщательно соблюдая все сказанное, со всею вѣрностію будемъ хранить сказанное какъ теперь, такъ и прежде; и пусть послужитъ это къ тому, чтобы вамъ сдѣлаться болѣе способными къ слышанію имѣющаго быть сказаннымъ; если вамъ будетъ возможно, помните все; если же не можете всего, то вмѣсто всего, прошу, непрестанно помните то, что не удѣлять бѣднымъ изъ своего имущества значитъ—похищать у бѣдныхъ и отнимать у нихъ жизнь, и что мы владѣемъ не нашею, но ихъ собственностію. Если мы будемъ такъ настроены, то, конечно, станемъ раздавать свое имѣніе, и, напитавъ здѣсь алчущаго Христа и сложивъ тамъ великое богатство, сподобимся получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, честь, держава, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «о Лазарѣ и о томъ, почему не сказалъ Авраамъ: пріялъ *еси благая твоя въ животѣ твоемъ*, но: *воспріялъ*, и почему праведники часто подвергаются опасностямъ, а грѣшники избѣгаютъ ихъ».

992 ПРИТЧА о Лазарѣ не мало пользы доставила намъ, и богатымъ и бѣднымъ, однихъ научивъ легко переносить бѣдность, а другихъ расположивъ не надмѣваться богатствомъ, самыми дѣлами показавъ, что несчастнѣе всѣхъ тотъ, кто живетъ въ роскоши и не удѣляетъ никому изъ своего имущества. Поэтому и сегодня опять займемся тѣмъ же предметомъ; такъ и тѣ, которые работаютъ въ рудникахъ, продолжаютъ копать тамъ, гдѣ увидятъ много золотыхъ жилъ, и отстаютъ не прежде, какъ извлекши все, что открывается. Возвратимся же къ тому мѣсту, гдѣ мы недавно остановили рѣчь, и оттуда начнемъ ее. Конечно, можно было и въ одинъ день изъяснить вамъ всю эту притчу; но мы заботимся не о томъ, чтобы только сказать о многомъ и уйти, но чтобы вы, тщательно принявъ и усвоивъ сказанное, получили отъ такой внимательности духовную пользу. Такъ и если чадолюбивая мать, намѣреваясь грудное дитя перевести на твердую пищу, станетъ вдругъ вливать въ его уста много вина, то не получаетъ никакого успѣха: потому что дитя извергаетъ вонъ то, что ему дается, и заливаетъ у себя на груди рубашку; но если мать станетъ вливать постепенно и понемногу, то дитя безвредно принимаетъ данное. Посему, чтобы и вы не извергли преподаннаго, я не вдругъ предложилъ вамъ чашу ученія, но раздѣлилъ ее для васъ на многіе дни и далъ вамъ въ промежутки этихъ дней успокоиться отъ труда слушанія, чтобы и то, что уже преподано, твердо укоренилось въ умѣ вашемъ, возлюбленные, и то, что имѣетъ быть сказано, вы приняли душею спокойною и бодрою. Для этого я часто за нѣсколько дней напередъ говорю вамъ содержаніе того, о чемъ будетъ сказано, чтобы вы въ эти промежуточные дни, взявъ Библію, прочитавъ весь отдѣлъ ея и узнавъ, что уже сказано и что еще осталось, сдѣлали свой умъ болѣе способнымъ къ слушанію того, о чемъ будетъ сказано послѣ. Я всегда внушаю и не перестану внушать, чтобы вы не только здѣсь внимали тому, что говорится, но и дома постоянно занимались чтеніемъ божественныхъ Писаній. Это я всегда внушалъ и тѣмъ, которые частнымъ образомъ бываютъ вмѣстѣ со мною. Никто пусть не говоритъ мнѣ этихъ холодныхъ и достойныхъ всякаго осужденія

словъ: я привязанъ къ судилищу, занимаюсь дѣлами общественными, упражняюсь въ ремеслѣ, имѣю жену, воспитываю дѣтей, управляю домомъ, я человѣкъ мірской; не мое дѣло читать Писанія, но тѣхъ, которые отказались отъ міра, поселились на вершинахъ горъ и ведутъ такую жизнь постоянно. Что говоришь ты, человѣкъ, будто не твое дѣло заниматься Писаніями,—вслѣдствіе того, что ты развлекаешься безчисленными заботами? Нѣтъ, это—твое дѣло больше, нежели ихъ; потому что они не столько имѣютъ нужды въ помощи божественныхъ Писаній, сколько обращающіеся среди множества дѣлъ. Монахи, удалившись отъ торжища и отъ смятеній торжища, устроивъ келліи въ пустынѣ и не имѣя ни съ кѣмъ никакого общенія, но любомудрствуя безпрепятственно въ своей мирной тишинѣ, какъ бы сидя въ пристани, наслаждаются великою безопасностію; а мы, волнующіеся, какъ бы среди моря, и впадающіе во множество грѣховъ, всегда нуждаемся въ постоянномъ и непрерывномъ утѣшеніи отъ Писаній. Тѣ сидятъ вдали отъ борьбы, отъ чего и немного получаютъ ранъ; а ты постоянно находишься въ боевомъ строѣ и получаешь непрерывные удары; поэтому и больше нуждаешься во врачевствахъ. И жена раздражаетъ тебя, и сынъ огорчаетъ, и слуга приводитъ въ гнѣвъ, и врагъ строитъ козни, и другъ завидуетъ, и сосѣдъ клевещетъ, и сослуживецъ подставляетъ ногу, не рѣдко и судья угрожаетъ, и бѣдность опечаливаетъ, и небрежность домочадцевъ заставляетъ плакать, и счастіе надмѣваетъ, и несчастіе повергаетъ въ уныніе; и со всѣхъ сторонъ окружаютъ насъ многіе случаи и поводы то къ гнѣву, то къ заботамъ, то къ унынію и печали, то къ тщеславію и гордости, и отвсюду несутся безчисленныя стрѣлы. Посему намъ постоянно нужно всеоружіе Писаній. *Познавай*, говоритъ премудрый, *яко посредѣ сѣтей минуеши и по забраломъ града ходиши* (Сир. IX, 18). И похоти плотскія сильнѣе возстаютъ на обращающихся среди людей; ибо и благо- 993
образное лицо и красивое тѣло поражаютъ насъ чрезъ глаза, и постыдное слово, вошедши чрезъ слухъ, возмущаетъ нашу мысль; а часто и пѣснь, искусно пропѣтая, нарушаетъ доброе настроеніе души. Но что я говорю объ этомъ? То, что кажется ничтожнѣе всего этого, именно запахъ благовоній, навѣянный какъ-нибудь на пути распутными женщинами, по простой случайности увлекаетъ человѣка въ свой плѣнъ.

2. И много есть подобныхъ обстоятельствъ, которыя осаждаютъ нашу душу; почему намъ нужны божественныя врачевства, чтобы мы могли и врачевать раны, уже полученныя, и предотвращать еще не полученныя, но угрожающія, издали обезсиливая и отражая діавольскія стрѣлы постояннымъ чтеніемъ божественныхъ Пи-

саній. Ибо невозможно, невозможно спастись никому, кто не упражняется постоянно въ духовномъ чтеніи; но и то еще хорошо, если мы, пользуясь непрестанно этимъ врачевствомъ, успѣемъ спастись когда-нибудь. Если же, получая каждый день раны, мы не будемъ пользоваться никакимъ врачевствомъ, то какая намъ надежда на спасеніе? Не видишь ли, какъ мѣдныхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, или занимающіеся какимъ бы то ни было ремесломъ, берегутъ въ цѣлости всѣ орудія своего ремесла, и, хотя бы принуждалъ голодъ или угнетала бѣдность, лучше рѣшаются потерпѣть все, нежели продать, для своего пропитанія, какое-нибудь изъ орудій своего ремесла? Многіе часто рѣшались скорѣе войти въ долги, чтобы прокормить домъ и дѣтей, нежели продать даже малѣйшее изъ орудій своего ремесла; и весьма справедливо. Они знаютъ, что когда проданы будутъ орудія, то все мастерство будетъ для нихъ безполезно и уничтожится всякая возможность благопріобрѣтенія; а когда орудія цѣлы, то, упражняясь постоянно въ своемъ ремеслѣ, они могутъ современемъ уплатить сдѣланные займы; если же поспѣшатъ продать ихъ другимъ, то уже не будутъ въ состояніи найти гдѣ-нибудь облегченіе своей нищеты и голода. Такъ и мы должны настроивать себя. Какъ для нихъ орудіями ремесла служатъ молотъ, наковальня и клещи; такъ и для насъ орудіями нашего искусства служатъ апостольскія и пророческія книги и все Писаніе, богодухновенное и полезное (2 Тим. III, 16). И какъ они тѣми орудіями обдѣлываютъ всякіе сосуды, за какіе ни возьмутся: такъ и мы этими пособіями устрояемъ душу нашу, исправляемъ разстроившуюся, обновляемъ обветшавшую. Притомъ они показываютъ свое искусство не болѣе, какъ въ устройствѣ внѣшняго вида вещей: ибо не могутъ измѣнить вещества сосудовъ, ни сдѣлать серебра золотомъ, но только измѣняютъ формы ихъ; а ты—не такъ: ты можешь сдѣлать больше ихъ; взявъ деревянный сосудъ, можешь когда-нибудь сдѣлать его золотымъ. Свидѣтель этому Павелъ, который говоритъ такъ: *въ велицѣмъ же дому не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни, и глиняни: и ови убо въ честь, ови же не въ честь. Аще кто убо очиститъ себе отъ сихъ, будетъ сосудъ въ честь, освященъ и благопотребенъ владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. II, 20, 21). Итакъ, не будемъ пренебрегать пріобрѣтеніемъ (священныхъ) книгъ, чтобы намъ не получить смертельныхъ ранъ;
994 не будемъ зарывать золото въ землю, но станемъ собирать себѣ сокровище духовныхъ книгъ. Золото, когда умножается, тогда особенно и вредитъ пріобрѣтшимъ его; а эти книги приносятъ великую пользу имѣющимъ ихъ у себя. Какъ хранящіяся гдѣ-нибудь царскія оружія, хотя бы и никто не пользовался ими, доставляютъ

великую защиту живущимъ въ томъ мѣстѣ, потому что ни разбойники, ни подкапыватели стѣнъ, ни другіе какіе-либо злодѣи, не осмѣливаются напасть на этотъ домъ; такъ, гдѣ есть духовныя книги, оттуда прогоняется всякая сила діавольская, и живущимъ тамъ бываетъ великое назиданіе въ добродѣтели. Даже одинъ видъ такихъ книгъ дѣлаетъ насъ болѣе воздержными отъ грѣха; если мы и дерзнемъ на что-нибудь запрещенное и сдѣлаемъ себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянувъ на эти книги, мы болѣе осуждаемъ себя въ совѣсти и дѣлаемся менѣе склонными къ повторенію тѣхъ же грѣховъ; а если, напротивъ, будемъ жить благочестиво, то получимъ оттуда еще большую пользу. Какъ только кто касается Евангелія, то тотчасъ благоустрояетъ умъ свой, и при одномъ только взглядѣ на него—отрѣшается отъ (всего) житейскаго. Если же присоединится и внимательное чтеніе, то душа, какъ бы вступая въ таинственное святилище, очищается и дѣлается лучшею, такъ какъ съ нею бесѣдуетъ Богъ чрезъ эти Писанія. А что̀, скажутъ, если мы не понимаемъ содержащагося въ нихъ? Даже если ты и не понимаешь содержащагося въ нихъ, отъ самаго чтенія бываетъ великое освященіе. Впрочемъ невозможно, чтобы ты одинаково не понималъ всего; благодать Духа для того именно и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбари, скинотворцы, пастыри овецъ и козъ, люди простые и неученые, чтобы никто изъ простыхъ людей не могъ прибѣгать къ такой отговоркѣ, чтобы всѣмъ было удобопонятно то, что говорится, чтобы и ремесленникъ, и слуга, и вдовая женщина, и необразованнѣйшій изъ всѣхъ людей получали пользу и назиданіе отъ слушанія; ибо не для суетной славы, какъ внѣшніе (мудрецы), но для спасенія слушателей сложили все это тѣ, которые въ началѣ удостоились благодати Духа.

3. Внѣшніе философы, и риторы, и писатели, искавшіе не общей пользы, но имѣвшіе въ виду только возбудить удивленіе къ самимъ себѣ, если и говорили что-нибудь полезное, прикрывали это, какъ бы какимъ мракомъ, обычною неясностію. Но апостолы и пророки дѣлали все напротивъ: они преподали ученіе ясное и понятное для всѣхъ, какъ общіе учители вселенной, чтобы каждый и самъ собою при одномъ чтеніи могъ понять сказанное. Предвозвѣщая это и пророкъ говорилъ: *будутъ вси научени Богомъ, и не научитъ кійждо* 995
ближняго своего, глаголя: познай Господа; яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ (Иса. LIV, 13. Іер. XXXI, 34. Іоан. VI, 45). И Павелъ говоритъ: *и азъ пришедъ къ вамъ, братіе, пріидохъ не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе;* и еще: *и слово мое, и проповѣдь моя не въ препрѣтелныхъ человѣческія премудрости слове-*

сѣхъ, но въ явленіи Духа и силы; и еще: *премудрость же глаголемъ не вѣка сего, ни князей вѣка престающихъ* (1 Кор. II, 1. 4. 6). И для кого неясно все, что заключается въ Евангеліяхъ? Кто, слыша, что *блажени кротцыи, блажени милостивіи, блажени чистіи сердцемъ* (Матѳ. V, 5, 7, 8) и подобное этому, будетъ нуждаться въ учителѣ, чтобы сколько-нибудь понять сказанное? А обстоятельства знаменій и чудесъ и историческихъ повѣствованій не всякому ли понятны и ясны? Вышесказанное есть только предлогъ, отговорка и прикрытіе лѣности. Ты не понимаешь того, что содержится? Но какъ и понять тебѣ, когда ты не хочешь даже просто взглянуть въ книгу? Возьми въ руки книгу; прочитай всю исторію; понятное удержи въ памяти, а неясное и непонятное прочитай нѣсколько разъ; если же и при частомъ чтеніи не въ состояніи будешь понять того, о чемъ говорится, ступай къ мудрѣйшему, поди къ учителю, снесись съ нимъ о сказанномъ, покажи великое усердіе; и Богъ видя, что ты употребляешь такое стараніе, не презритъ твоей неусыпной заботливости; если человѣкъ не изъяснитъ тебѣ искомаго, то Онъ самъ несомнѣнно откроетъ. Вспомни объ евнухѣ царицы еѳіопской, который, бывъ иноплеменникомъ и занятъ множествомъ заботъ и отвсюду окруженъ многими дѣлами, хотя не понималъ того, что читалъ, однако читалъ, сидя въ колесницѣ. Если же онъ на пути показалъ такое усердіе, то представь, каковъ онъ былъ, находясь дома; если во время путешествія онъ не хотѣлъ оставаться безъ чтенія, то тѣмъ болѣе, сидя въ домѣ; если и не понимая читаемаго онъ не оставлялъ чтенія, то тѣмъ болѣе послѣ того, какъ сталъ понимать. А что онъ не понималъ читаемаго, объ этомъ послушай, что говоритъ ему Филиппъ: *разумѣеши ли, яже чтеши* (Дѣян. VIII, 30)? Онъ же, услышавъ это, не покраснѣлъ, не устыдился, но признался въ своемъ невѣдѣніи и сказалъ: *како убо могу, аще не кто наставитъ мя* (ст. 31). Такъ какъ онъ, еще не имѣя руководителя, читалъ столь усердно, то за это скоро получилъ и руководителя. Богъ увидѣлъ его ревность, принялъ усердіе, и скоро послалъ ему учителя. Но нынѣ нѣтъ Филиппа? За-то есть Духъ, подвигнувшій Филиппа. Не будемъ же, возлюбленные, пренебрегать своимъ спасеніемъ; все это написано для насъ, *въ наученіе наше, въ нихже концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. X, 11). Великая защита отъ грѣховъ—чтеніе Писаній; а незнаніе Писаній—великая стремнина и глубокая пропасть; великая потеря для спасенія—не знать ничего изъ божественныхъ постановленій. Это незнаніе породило ереси; оно привело и къ развратной жизни; оно перевернуло все вверхъ дномъ; ибо невозможно, невозможно, чтобы безъ плода остался тотъ, кто постоянно съ усер-

діемъ занимается чтеніемъ (Писаній). Вотъ одна притча сколько 996
пользы принесла намъ? Сколько улучшила нашу душу? Я хорошо знаю, что многіе ушли отсюда, получивъ довольно пользы отъ слушанія; если же есть такіе, которые не столько собрали плодовъ, однако и они, по крайней мѣрѣ въ тотъ день, когда слушали, конечно были лучше. Не маловажное дѣло и одинъ день провести въ сокрушеніи о грѣхахъ, устремить взоръ къ вышнему любомудрію и дать душѣ, хотя немного, успокоиться отъ житейскихъ попеченій. А если мы будемъ дѣлать это при каждомъ собраніи и неопустительно, то такая непрерывность слушанія произведетъ въ насъ великое и отличное благо.

4. Теперь я сообщу вамъ и послѣдующія обстоятельства притчи. Что же слѣдуетъ? Когда богатый сказалъ: *посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего и устудитъ языкъ мой*; послушаемъ, что говоритъ Авраамъ: *чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши. И надъ всѣми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюду къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ* (Лук. XVI, 24—26). Тяжки эти слова и много содержатъ въ себѣ прискорбнаго для насъ. Знаю это и я; но чѣмъ сильнѣе они дѣйствуютъ на совѣсть, тѣмъ больше приносятъ пользы душѣ испытывающихъ это дѣйствіе. Если бы это тамъ сказано было намъ, какъ и богачу, то по-истинѣ надлежало бы плакать, скорбѣть и сѣтовать о томъ, что намъ уже не осталось времени на покаяніе; но такъ какъ мы слышимъ это здѣсь, гдѣ возможно и покаяться, и омыть грѣхи, и пріобрѣсть великое дерзновеніе, и исправиться, убоявшись несчастія, случившагося съ другими; то будемъ благодарить человѣколюбиваго Бога, наказаніемъ другихъ избавляющаго насъ отъ безпечности и пробуждающаго насъ отъ сна. Для того и сказано это напередъ, чтобы намъ не потерпѣть того же. Если бы (Богъ) хотѣлъ наказать насъ, то не сказалъ бы этого напередъ; но такъ какъ Онъ не хочетъ подвергнуть насъ мученію, то напередъ говоритъ объ немъ, чтобы мы, вразумившись этимъ предостереженіемъ, не испытали мученія на самомъ дѣлѣ. Но почему не сказалъ (Авраамъ): пріялъ *еси благая твоя*, а—*воспріялъ*? Вы, конечно, помните сказанное мною, что здѣсь открывается намъ великая и неизмѣримая бездна мыслей. Словомъ: *воспріялъ* показывается и раскрывается нѣкоторый долгъ; ибо воспринимаютъ должное. Если же этотъ богачъ былъ нечестивъ и преступенъ, и жестокъ и безчеловѣченъ; то почему Авраамъ не сказалъ ему: пріялъ *еси благая твоя*, а—*воспріялъ*, какъ бы по праву принадлежащее ему и должное? Чему научаемся мы отсюда? Тому, что,

хотя нѣкоторые и нечестивы и дошли до крайности во злѣ, но иногда и они дѣлали хотя одно, или два, или три добрыхъ дѣла. А что я говорю это теперь не по догадкѣ, видно изъ слѣдующаго. Кто былъ преступнѣе, безчеловѣчнѣе, нечестивѣе неправеднаго того
997 судіи, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился? Но, живя въ такомъ нечестіи, онъ сдѣлалъ и нѣчто доброе: онъ сжалился надъ вдовою, которая постоянно безпокоила его, преклонился на милость, исполнилъ просьбу ея и наказалъ тѣхъ, которые обижали ее (Лук. XVIII, 2—5). Такъ бываетъ, что иной невоздерженъ, но иногда милостивъ; или безчеловѣченъ, но цѣломудренъ; если же и невоздерженъ и жестокъ, однако сдѣлалъ когда-нибудь въ жизни хотя одно доброе дѣло. То же, наоборотъ, надобно думать и о людяхъ добрыхъ. Какъ самые нечестивые иногда дѣлаютъ что-нибудь доброе, такъ и честные и добродѣтельные нерѣдко въ чемъ-нибудь погрѣшаютъ; ибо *кто похвалится*, говоритъ премудрый, *чисто имѣти сердце, или кто дерзнетъ рещи чиста себе быти отъ грѣховъ* (Притч. XX, 9)? Посему, такъ какъ вѣроятно, что и богачъ, хотя дошелъ до крайняго нечестія, дѣлалъ что-нибудь доброе, и Лазарь, хотя достигъ верха добродѣтели, погрѣшалъ въ чемъ-нибудь неважномъ, то посмотри, какъ на то и другое указалъ патріархъ словами: *воспріялъ еси благая твоя, и Лазарь такожде злая*. Смыслъ словъ такой: если ты сдѣлалъ что-нибудь доброе и тебѣ за это слѣдовала награда, то ты все уже воспріялъ въ томъ мірѣ, живя въ веселіи и въ богатствѣ, наслаждаясь великимъ благоденствіемъ и благополучіемъ; и Лазарь, если сдѣлалъ что-нибудь худое, то воспріялъ все, пострадавъ отъ бѣдности, голода и крайнихъ бѣдствій; и каждый изъ васъ пришелъ сюда обнаженнымъ—онъ отъ грѣховъ, а ты отъ дѣлъ правды; посему, здѣсь онъ имѣетъ чистое утѣшеніе, а ты терпишь безотрадную муку. Подлинно, если добрыя дѣла наши малочисленны и незначительны, а грѣховъ великое и невыразимое бремя, и при этомъ еще мы будемъ здѣсь наслаждаться благополучіемъ и не потерпимъ никакого бѣдствія, то отойдемъ отсюда совершенно обнаженными и отчужденными отъ награды и за добрыя дѣла, какъ уже воспріявшіе все здѣсь; равно какъ, если наши добродѣтели велики и многочисленны, а грѣхи малочисленны и незначительны, между тѣмъ мы потерпимъ какое-либо бѣдствіе, то, сложивъ съ себя здѣсь и эти немногіе грѣхи, мы тамъ получимъ чистое и совершенное воздаяніе за добрыя дѣла. Итакъ, когда ты увидишь, что кто-либо, провождая жизнь въ нечестіи, не терпитъ здѣсь никакого бѣдствія, не ублажай его, но плачь и сожалѣй о немъ, какъ о человѣкѣ, который тамъ подвергнется всѣмъ бѣдствіямъ, какъ и этотъ богачъ. Напротивъ, когда увидишь, что кто-либо печется о

добродѣтели и терпитъ безчисленныя искушенія, ублажи его и подражай ему; потому что ему и здѣсь разрѣшаются всѣ грѣхи, и тамъ уготовляются многія награды за терпѣніе, какъ было и съ этимъ Лазаремъ.

5. Изъ людей одни наказываются только здѣсь, а другіе здѣсь не терпятъ никакого бѣдствія, но все наказаніе получаютъ тамъ; иные же наказываются и здѣсь и тамъ. Которыхъ же изъ этихъ трехъ (разрядовъ людей) вы ублажаете? Знаю, что—первыхъ, которые здѣсь наказываются и слагаютъ съ себя грѣхи. А послѣ нихъ—которыхъ ставите вторыми? Вы, можетъ быть, тѣхъ, которые здѣсь ничего не терпятъ, но все наказаніе получаютъ тамъ? А я не этихъ, но тѣхъ, которые наказываются и здѣсь и тамъ;
потому что кто здѣсь понесъ наказаніе, тотъ легчайшей подвер- 993
гнется казни тамъ; а кто долженъ тамъ понести все наказаніе, тотъ подвергнется непремѣнному осужденію; подобно какъ и этотъ богачъ, не получивъ здѣсь никакого разрѣшенія отъ своихъ грѣховъ, тамъ наказанъ такъ жестоко, что не могъ получить и малой капли воды. Но и изъ этихъ грѣшниковъ, которые не терпятъ здѣсь никакого бѣдствія, болѣе несчастными я считаю тѣхъ, которые кромѣ того что не наказываются здѣсь, наслаждаются еще веселіемъ и счастіемъ. Какъ то, что грѣшники не несутъ наказанія за грѣхи здѣсь, приготовляетъ имъ тягчайшее наказаніе тамъ; такъ то, что они еще наслаждаются благополучіемъ, веселіемъ и богатствомъ, бываетъ для нихъ поводомъ и причиною большаго наказанія и мученія тамъ. Когда мы, несмотря на грѣхи наши, пользуемся милостію отъ Бога, то это самое наиболѣе можетъ ввергнуть насъ въ сильнѣйшій огонь. Если испытывающій на себѣ только долготерпѣніе (Божіе), но не воспользовавшійся имъ, какъ должно, подвергнется тягчайшему наказанію, то кто избавитъ его отъ такого наказанія, если онъ, при долготерпѣніи, будетъ получать еще величайшія милости, и несмотря на это пребудетъ въ нечестіи? А что пользующіеся здѣсь долготерпѣніемъ (Божіимъ) собираютъ себѣ полное наказаніе тамъ, если не покаются, объ этомъ, послушай, что говоритъ Павелъ: *помышляеши ли же сіе, о человѣче, судяй таковая творящимъ, и творя самъ тяжде, яко ты избѣжиши ли суда Божія? Или о богатствѣ благости Его и кротости и долготерпѣніи нерадиши, невѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Римл. II, 3—5). Итакъ, когда мы увидимъ, что нѣкоторые обладаютъ богатствомъ, живутъ въ роскоши, намащаются благовоніями, проводятъ дни въ пьянствѣ, пользуются великою властію и славою, великимъ блескомъ и знат-

ностію и, несмотря на грѣхи свои, не терпятъ никакого бѣдствія, то будемъ плакать и сожалѣть о нихъ особенно потому самому, что они согрѣшая не наказываются. Какъ, видя кого-нибудь одержимымъ водяною болѣзнію или разстройствомъ печени, или страждущимъ какою-либо заразою и со всѣхъ сторонъ множествомъ ранъ, и при всемъ томъ предающимся пьянству и веселію и такимъ образомъ усиливающимъ свою болѣзнь, ты не только не удивляешься ему и не считаешь его счастливымъ отъ веселья, но по этому самому особенно и называешь его несчастнымъ; такъ разсуждай и о душѣ. Когда ты увидишь, что человѣкъ живетъ въ нечестіи, и однако наслаждается великимъ благоденствіемъ и не терпитъ никакого бѣдствія; то потому болѣе и пожалѣй его, что онъ, подвергшись болѣзни и самой тяжкой заразѣ, усиливаетъ болѣзнь, отъ веселья и неумѣренности дѣлаясь худшимъ; ибо не наказаніе есть зло, но грѣхъ; онъ удаляетъ насъ отъ Бога; а наказаніе приводитъ къ Богу и прекращаетъ гнѣвъ Его. Откуда это видно? Послушай пророка, который говоритъ: *утѣшайте, утѣшайте люди моя, священницы, глаголите въ сердце Іерусалиму, яко пріятъ отъ руки Господни сугубы грѣхи своя* (Ис. XL, 1. 2). И еще: *Господи Боже нашъ, миръ даждь намъ, вся бо воздалъ еси намъ* (XXVI, 12). А чтобы вамъ убѣдиться, что одни наказываются здѣсь, другіе тамъ, а иные и здѣсь и тамъ, объ этомъ, послушайте,
999 что говоритъ Павелъ, обличая тѣхъ, которые недостойно пріобщаются таинствамъ. Сказавъ, что ядущій и піющій недостойно тѣло и кровь Господа, *повиненъ будетъ тѣлу и крови Христовой*, онъ тотчасъ присовокупилъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи и усыпаютъ довольни. Аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были. Судими же отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 27. 30—32). Видишь ли, какъ здѣшнее наказаніе избавляетъ насъ отъ тамошняго мученія? И о прелюбодѣѣ онъ говоритъ: *предайте таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. V, 5). И изъ примѣра Лазаря видно, что, если онъ сдѣлалъ что-либо худое, то омылъ это здѣсь, и такимъ образомъ отошелъ туда чистымъ; то же видно и изъ примѣра разслабленнаго, который, бывъ одержимъ недугомъ тридцать восемь лѣтъ, продолжительностію болѣзни загладилъ грѣхи. А что онъ такъ страдалъ за грѣхи, объ этомъ, послушай, что говоритъ Христосъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V, 14). Изъ всего этого видно, что нѣкоторые здѣсь наказываются и освобождаются отъ грѣховъ.

6. А что нѣкоторые наказываются и здѣсь и тамъ, если здѣсь не получатъ наказанія соотвѣтствующаго тяжести грѣховъ, объ-

этомъ, послушай, что говоритъ Христосъ, касаясь содомлянъ. Сказавъ: *иже аще не пріиметъ васъ, отрясите прахъ ногъ вашихъ*, Онъ присовокупилъ: *отраднѣе будетъ земли содомстѣй и гоморрстѣй въ день судный, неже граду тому* (Матѳ. x, 14—15). Словомъ *отраднѣе* Онъ показалъ, что и содомляне будутъ наказаны, но легче, потому что и здѣсь уже потерпѣли наказаніе. А что есть такіе, которые, не потерпѣвъ здѣсь никакого бѣдствія, тамъ понесутъ все наказаніе, это показалъ намъ упомянутый богачъ, претерпѣвающій тамъ неослабную казнь и не получающій нималой отрады, потому что тамъ ожидало его все наказаніе. Посему, какъ изъ грѣшниковъ тѣ, которые здѣсь не терпятъ никакого бѣдствія, большему наказанію подвергнутся тамъ, такъ и изъ праведниковъ тѣ, которые здѣсь терпятъ много бѣдствій, большую честь получатъ тамъ. И какъ изъ двухъ грѣшниковъ, изъ которыхъ одинъ здѣсь наказанъ, а другой не наказанъ, наказанный блаженнѣе ненаказаннаго; такъ и изъ двухъ праведниковъ, изъ которыхъ здѣсь одинъ потерпитъ большія, а другой меньшія скорби, блаженнѣе претерпѣвшій большія, потому что Господь каждому воздастъ по дѣламъ его. Что же? Неужели, скажутъ, нѣтъ ни одного такого, который бы и здѣсь и тамъ наслаждался спокойствіемъ? Трудно это, человѣкъ, и даже невозможно. Невозможно, по-истинѣ невозможно тому, кто живетъ здѣсь въ нерадѣніи и безпечности, постоянно наслаждается всѣмъ и проводитъ жизнь тщетно и напрасно, удостоиться чести тамъ. Если его не мучитъ бѣдность, то мучитъ похоть, и онъ предается ей, а въ этомъ—немалый трудъ; если не безпокоитъ болѣзнь, то разжигаетъ гнѣвъ, а побѣда надъ гнѣвомъ сопряжена съ немалымъ огорченіемъ; если не нападаютъ искушенія, то непрестанно возстаютъ лукавые помыслы. Не легко обуздать порочную похоть, укротить тщеславіе, смирить гордость, отстать отъ веселья, вести строгую жизнь; а кто этого и 1000
тому подобнаго не дѣлаетъ, тому невозможно спастись. А что живущіе въ весельи не спасутся, послушай, что говоритъ Павелъ о вдовицѣ: *питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. v, 6). Если же это сказано о женѣ, то тѣмъ болѣе о мужѣ. И что ведущему роскошную жизнь невозможно достигнуть небесъ, это объяснилъ и Христосъ, сказавъ такъ: *узкая врата, и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его* (Матѳ. vii, 14). Какъ же, скажутъ, Онъ говоритъ: *иго мое благо и бремя мое легко есть* (Матѳ. xi, 30)? Если путь тѣсенъ и прискорбенъ, то какъ Онъ еще называетъ его удобнымъ и легкимъ? То—по свойству искушеній, а это—по произволенію идущихъ; ибо и невыносимое по свойству своему можетъ сдѣлаться легкимъ, если мы примемся за него съ охотою. Такъ и апостолы, потерпѣвъ побои

возвращались съ радостію о томъ, что удостоились принять безчестіе за имя Господне (Дѣян. v, 41); хотя мученія, по свойству своему обыкновенно причиняютъ боль и скорбь, но произволеніе потерпѣвшихъ побои побѣдило самую природу вещей. Посему и Павелъ говоритъ: *вси же хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ* (2 Тим. III, 12); такъ что, если не преслѣдуетъ ихъ человѣкъ, то враждуетъ противъ нихъ діаволъ; и нужно намъ много любомудрія и великое терпѣніе, чтобы бдѣть и бодрствовать въ молитвахъ, чтобы не желать чужого, чтобы раздавать имѣніе нуждающимся, чтобы рѣшительно отказаться отъ всякой роскоши какъ въ одеждѣ, такъ и въ трапезѣ, чтобы избѣгать любостяжанія, пьянства, злословія, чтобы воздерживать языкъ и не кричать безчинно, какъ говоритъ апостолъ: *всяка горесть, и гнѣвъ, и ярость, и кличъ, и хула, да возмется отъ васъ* (Ефес. IV, 31), чтобы не сквернословить, чтобы не произносить шуточныхъ словъ. А немалый трудъ—соблюдать это съ точностью. Чтобы понять тебѣ, какъ трудно любомудрствовать и какъ не совмѣстенъ съ этимъ дѣломъ покой, послушай, что говоритъ Павелъ: *умерщвляю тѣло мое и порабощаю* (1 Кор. IX, 27). Этими словами онъ указалъ на то принужденіе и великій трудъ, какіе необходимо употреблять желающимъ сдѣлать тѣло свое благопокорнымъ во всемъ. И Христосъ говорилъ ученикамъ: *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте: яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. XVI. 33). Эта скорбь, говоритъ Онъ, доставитъ вамъ покой; настоящая жизнь есть мѣсто борьбы; а на мѣстѣ борьбы и среди подвиговъ не можетъ наслаждаться покоемъ тотъ, кто хочетъ быть увѣнчаннымъ. Итакъ, если кто хочетъ быть увѣнчаннымъ, тотъ пусть изберетъ жизнь суровую и трудную, чтобы, потрудившись здѣсь немного времени, насладиться тамъ вѣчною почестію.

7. Сколько огорченій встрѣчается каждый день! Какова же должна быть душа, чтобы не роптать и не унывать, но благо-
1001 дарить, прославлять и почитать поклоненіемъ Того, Кто попускаетъ такія искушенія? Сколько неожиданностей, сколько стѣснительныхъ обстоятельствъ! Между тѣмъ надобно подавлять лукавые помыслы и не позволять языку произносить что-нибудь неумѣстное, какъ и блаженный Іовъ, претерпѣвая безчисленныя скорби, не переставалъ благодарить Бога. А есть такіе, которые, если потерпятъ въ чемъ-нибудь неудачу или услышатъ злословіе отъ кого-либо, или подвергнутся болѣзни, напр. ногъ или головы, или какой-нибудь другой, тотчасъ начинаютъ богохульствовать, и такимъ образомъ тяжесть болѣзни несутъ, а пользы отъ ней лишаются. Что дѣлаешь ты, человѣкъ, произнося хулу на своего Благодѣтеля, Спасителя, Заступника и

Промыслителя? Или не чувствуешь, что ты несешься къ пропасти и ввергаешь себя въ бездну крайней погибели? Неужели ты облегчишь свое страданіе, если будешь богохульствовать? Нѣтъ, ты только увеличиваешь его и дѣлаешь свое мученіе болѣе тяжкимъ. Для того діаволъ и наводитъ безчисленныя бѣдствія, чтобы низринуть тебя въ эту бездну; и если видитъ, что ты богохульствуешь, то немедленно умножаетъ и усиливаетъ горести, чтобы, мучимый ими, ты опять возроптать; а если видитъ, что ты переносишь мужественно, и чѣмъ болѣе усиливается страданіе, тѣмъ болѣе благодаришь Бога, то онъ тотчасъ отступаетъ, какъ уже нападающій тщетно и напрасно. Какъ песъ, стоя у стола и видя, что человѣкъ, вкушающій пищу, часто бросаетъ ему что-нибудь изъ лежащаго на столѣ, остается тутъ безотлучно; если же, постоявши разъ и два раза, не получитъ ничего, то отходитъ прочь, какъ пристававшій тщетно и напрасно; такъ и діаволъ постоянно стоитъ предъ нами съ открытою пастью; если бросишь ему, какъ псу, богохульное слово, то онъ, схвативъ его, опять приступитъ; если же всегда будешь благодарить Бога, то уморишь его голодомъ и скоро отгонишь и заставишь отбѣжать. Но ты не можешь молчать, страдая отъ горести? И я не запрещаю тебѣ говорить, но вмѣсто хулы — благодареніе, вмѣсто ропота — благословеніе. Исповѣдуйся Господу, громко восклицай—молясь, громко восклицай—прославляя Бога; отъ этого у тебя и страданіе облегчится, такъ какъ діаволъ отбѣжитъ вслѣдствіе благодаренія, а помощь Божія приблизится. Если ты будешь богохульствовать, то и помощь Божію отстранишь и діавола усилишь противъ тебя, и себя подвергнешь большимъ страданіямъ; если же будешь благодарить, то и козни лукаваго демона отразишь и привлечешь къ себѣ помощь Бога-промыслителя. Часто языкъ по привычкѣ порывается произнести худое слово. Но когда онъ будетъ порываться, то, прежде нежели онъ произнесетъ такое слово, прикуси его крѣпко зубами. Лучше ему теперь истечь кровію, нежели тогда, почувствовавъ нужду въ каплѣ воды, не получить этого утѣшенія; лучше ему потерпѣть временную боль, нежели тогда подвергнуться наказанію вѣчнымъ мученіемъ, подобно какъ и языкъ того богача, опаляемый огнемъ, не получилъ никакой прохлады. Богъ заповѣдалъ тебѣ любить твоихъ враговъ, а ты отвращаешься и отъ любящаго тебя Бога? Заповѣдалъ пре- 1002
возносить поносящихъ, благословлять клянущихъ, а ты злословишь Благодѣтеля и Покровителя, не потерпѣвъ ничего худого? Развѣ Онъ не могъ отвратить искушенія? Но онъ попустилъ для того, чтобы ты сдѣлался опытнѣе. Но вотъ, говоришь ты, я падаю и гибну.—Не отъ свойства искушенія, а отъ собственной твоей без-

печности. Что легче, скажи мнѣ, хула или благодареніе? Та не дѣлаетъ ли слышащихъ ее врагами тебѣ и непріятелями, не ввергаетъ ли въ уныніе и не причиняетъ ли потомъ великой скорби? А это не доставляетъ ли тебѣ безчисленныхъ вѣнцовъ за любомудріе, безчисленныхъ знаковъ удивленія отъ всѣхъ и великихъ наградъ отъ Бога? Почему же ты, оставляя полезное, удобное и пріятное, вмѣсто этого гонишься за тѣмъ, что вредитъ, печалитъ и мучитъ? Кромѣ того, если бы причиною богохульства была тяжесть искушенія и бѣдности, то всѣмъ бѣднымъ надлежало бы богохульствовать; а между тѣмъ многіе изъ живущихъ въ крайней бѣдности, постоянно благодарятъ Бога; а другіе, наслаждаясь богатствомъ и весельемъ, не перестаютъ богохульствовать. Такимъ образомъ не существо вещей, а наше произволеніе бываетъ виною того и другого. Для того я и прочиталъ эту притчу, чтобы ты зналъ, что безпечному не поможетъ и богатство, а внимательному и бѣдность не можетъ повредить. Что я говорю, бѣдность? Если совокупятся даже всѣ бѣдствія человѣческія, то и они не возмутятъ души боголюбиваго и любомудраго, и не принудятъ оставить добродѣтель (свидѣтель этому Лазарь); равно какъ нерадивому и изнѣженному никогда не могутъ принести пользы ни богатство, ни здоровье, ни постоянное благоденствіе, ни что-либо другое.

8. Итакъ не будемъ говорить, что бѣдность, и болѣзнь, и нападенія опасностей принуждаютъ богохульствовать. Не бѣдность, а безуміе; не болѣзнь, а небрежность; не нападенія опасностей, а скудость благочестія доводитъ невнимательныхъ и до богохульства и до всякаго зла. Но почему, скажешь, одни наказываются здѣсь, другіе тамъ, а не всѣ здѣсь? Почему? Потому что, если бы такъ было, мы всѣ погибли бы; такъ какъ всѣ мы подлежимъ наказанію. Съ другой стороны, если бы никто не наказывался здѣсь, очень многіе сдѣлались бы еще небрежнѣе, а многіе сказали бы, что нѣтъ и Провидѣнія; ибо, если и теперь такъ многіе богохульствуютъ, хотя и видятъ, что многіе изъ порочныхъ наказываются, то чего они не сказали бы, если бы и этого не было? До какого зла не дошли бы тогда? Посему Богъ однихъ здѣсь наказываетъ, а другихъ не наказываетъ; наказываетъ нѣкоторыхъ, отсѣкая ихъ грѣхи и облегчая для нихъ тамошнее наказаніе, или и совершенно освобождая ихъ отъ него, и наказаніемъ ихъ вразумляя живущихъ въ нечестіи; а другихъ напротивъ не наказываетъ, чтобы они, если будутъ внимательны къ самимъ себѣ, покаявшись и устыдившись долготерпѣнія Божія, избавились и отъ здѣшняго наказанія и отъ тамошняго мученія; а если пребудутъ въ нечестіи,
1003 не вразумляясь долготерпѣніемъ Божіимъ, то подверглись бы большему наказанію за свою крайнюю небрежность. Если же кто изъ

считающихъ себя свѣдущими станетъ говорить, что наказываемые терпятъ несправедливость (потому что они могли бы покаяться), то мы скажемъ, что, если бы Богъ предвидѣлъ ихъ раскаяніе, то и не наказалъ бы ихъ. Если Онъ терпитъ тѣхъ, о которыхъ знаетъ, что они останутся неисправимыми, то тѣмъ болѣе тѣхъ, о которыхъ бы зналъ, что они употребятъ во благо Его долготерпѣніе, пощадилъ бы въ настоящей жизни, чтобы они отсрочкою времени воспользовались для покаянія. Между тѣмъ, поражая ихъ ранѣе, Онъ и для нихъ облегчаетъ тамошнее наказаніе, и другихъ вразумляетъ ихъ наказаніями. А для чего Онъ это дѣлаетъ не со всѣми грѣшниками? Для того, чтобы остающіеся (въ живыхъ) вразумились страхомъ и наказаніями другихъ, и, восхваливъ долготерпѣніе Божіе и устыдившись Его снисхожденія, оставили нечестіе. Но они, скажешь, ничего такого не дѣлаютъ? Въ этомъ уже виновенъ не Богъ, а безпечность тѣхъ, которые не захотѣли воспользоваться такими пособіями къ своему спасенію. А чтобы тебѣ увѣриться, что для этого Онъ такъ поступаетъ, послушай. Смѣшалъ нѣкогда Пилатъ кровь галилеянъ съ кровію жертвъ, о чемъ нѣкоторые, пришедши, возвѣстили Христу; Онъ же сказалъ: *мните ли, яко Галилеяне сіи грѣшнѣйши бяху; ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Лук. XIII, 2, 3). Еще другіе восемнадцать погибли подъ развалинами нѣкоторой башни; и о нихъ Онъ сказалъ то же (ст. 4 и 5). Словами: *мните ли, яко сіи грѣшнѣйши бяху*; *ни, глаголю вамъ*, Онъ выразилъ, что и оставшіеся въ живыхъ подлежали тому же; а словами: *аще не покаетеся, вси такожде погибнете*, показалъ, что и тѣмъ Богъ попустилъ пострадать для того, чтобы оставшіеся въ живыхъ, устрашившись случившагося съ другими и покаявшись, содѣлались наслѣдниками царствія. Что же, скажешь, другой наказывается для того, чтобы я сдѣлался лучше? Не для этого онъ наказывается, а за свой грѣхъ; но кромѣ того для внимательныхъ онъ становится средствомъ ко спасенію, страхомъ случившагося съ нимъ дѣлая ихъ болѣе исправными. Такъ поступаютъ и господа: часто, наказавъ одного слугу, они страхомъ дѣлаютъ другихъ болѣе благоразумными. Итакъ, когда увидишь, что нѣкоторые или погибли при кораблекрушеніи, или задавлены зданіемъ, или истреблены пожаромъ, или потонули въ рѣкѣ, или другимъ какимъ-нибудь насильственнымъ образомъ окончили жизнь; между тѣмъ какъ другіе, грѣшившіе подобно имъ или еще хуже, ничего такого не потерпѣли; не смущайся и не говори: почему согрѣшившіе одинаково не пострадали одинаково? Но разсуждай такъ, что Богъ одному попустилъ быть убитымъ и задавленнымъ, чтобы облегчить ему тамошнее наказаніе, или и совсѣмъ освобо-

дить отъ него; а другому не попустилъ потерпѣть ничего такого, чтобы онъ, вразумившись наказаніемъ перваго, сдѣлался благонравнѣе; если же онъ будетъ оставаться въ тѣхъ же грѣхахъ, то, по собственной своей безпечности, навлечетъ на себя неизмѣнное наказаніе, и Богъ не будетъ виною этого невыносимаго мученія. Опять, если увидишь, что праведникъ скорбитъ или терпитъ все вышесказанное, не падай духомъ: эти бѣдствія служатъ ему
1004 къ полученію свѣтлѣйшихъ вѣнцовъ. И вообще всякое наказаніе, если оно постигаетъ грѣшниковъ, облегчаетъ тяжесть грѣховъ, а если праведниковъ, то дѣлаетъ душу ихъ болѣе свѣтлою; и для тѣхъ и другихъ бываетъ величайшая польза отъ скорби, только бы мы переносили ее съ благодарностію; ибо это и требуется отъ насъ.

9. Для того исторія божественнаго Писанія наполнена множествомъ такихъ примѣровъ и представляетъ намъ злостраждущими и праведныхъ и порочныхъ, чтобы, праведникъ ли кто, или грѣшникъ, имѣя такіе примѣры, переносилъ несчастія великодушно. Но она представляетъ тебѣ грѣшниковъ не только страждущихъ, но и благоденствующихъ, для того, чтобы ты не возмущался ихъ счастіемъ, узнавъ изъ случившагося съ этимъ богачемъ, какой послѣ ожидаетъ ихъ огонь, если они не исправятся. Итакъ нельзя, скажешь, и здѣсь и тамъ наслаждаться покоемъ? Нельзя. Поэтому праведники и проводили здѣсь многотрудную жизнь. Что же, скажешь, Авраамъ? Но кто потерпѣлъ столько бѣдствій? Не оставилъ ли онъ отечества? Не отдѣлился ли отъ всѣхъ сродниковъ? Не терпѣлъ ли голода въ чужой землѣ? Не переходилъ ли постоянно, какъ скиталецъ, изъ Вавилона въ Месопотамію, отсюда въ Палестину, а оттуда въ Египетъ? Что сказать о борьбахъ его за жену, о битвахъ съ варварами, о плѣнѣ родственнаго ему семейства, о другихъ безчисленныхъ непріятностяхъ? Когда же онъ получилъ сына, то не тягчайшую-ли претерпѣлъ скорбь, услышавъ повелѣніе заклать собственными руками своего вожделѣннаго и возлюбленнаго? А обреченный на закланіе Исаакъ не постоянно ли былъ гонимъ отвсюду сосѣдями? Не былъ ли лишенъ жены, какъ и отецъ, и не оставался ли столько времени бездѣтнымъ? А Іаковъ, воспитанный дома, не потерпѣлъ ли бѣдствій еще болѣе жестокихъ, нежели дѣдъ его? Но чтобы намъ, перечисляя все, не сдѣлать слова продолжительнымъ, послушай, что говоритъ онъ о всей своей жизни: *малы и злы быша дніе лѣтъ житія моего: не достигоша во дни лѣтъ житія отецъ моихъ* (Быт. XLVII, 9). Кто, увидѣвъ своего сына сидящимъ на царскомъ престолѣ и пользующимся столь великою славою, не забылъ бы прошедшихъ несчастій? Но онъ такъ былъ

сокрушенъ скорбію, что и при такомъ счастіи не забылъ прежнихъ бѣдствій. А что Давидъ? Какія онъ испыталъ печали? Не то же ли, что Іаковъ, и онъ выражаетъ словами: *дніе лѣтъ нашихъ, въ нихже семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (Псал. LXXXIX, 10)? А что Іеремія? Не проклинаетъ ли онъ и день своего рожденія, вслѣдствіе непрерывныхъ бѣдствій (Іерем. XX, 10. 14)? А что Моисей? Не говорилъ ли онъ въ изнеможеніи: *убій мя, аще тако ты твориши мнѣ* (Числ. XI, 15)? А Илія, эта небесная душа, заключившій небо, послѣ многихъ чудесъ не вопіялъ ли съ плачемъ къ Богу: *возми отъ мене душу мою, Господи, яко нѣсмь азъ лучшій отецъ моихъ* (3 Цар. XIX, 4)? Но для чего говорить о каждомъ изъ нихъ? Павелъ о всѣхъ ихъ вмѣстѣ повѣствуетъ такъ: *проидоша въ милотехъ, и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бѣ достоинъ (весь) міръ* (Евр. XI, 37, 38). И вообще, желающему угождать Богу и быть добродѣтельнымъ и 1005
чистымъ, совершенно необходимо вести жизнь не спокойную, пріятную и безпечную, но прискорбную и исполненную многихъ трудовъ и подвиговъ; *ибо никто*, говоритъ (апостолъ), *не вѣнчается, аще незаконно будетъ подвизатися* (2 Тим. II, 5); и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *всякъ же, подвизаяйся, отъ всѣхъ воздержится* (1 Кор. IX, 25), и отъ слова, и отъ взгляда, и отъ звука постыднаго, и отъ злословія, и отъ хуленія, и отъ срамословія (Кол. III, 8). Отсюда мы научаемся, что, если и не постигнетъ насъ искушеніе отвнѣ, то мы сами должны каждый день упражнять себя постомъ, суровою жизнію, скудною пищею, простою трапезою, избѣгая роскоши во всемъ; ибо иначе нельзя угодить Богу. Никто не говори мнѣ этихъ пустыхъ словъ, будто такой-то наслаждается и здѣшними и тамошними благами; это не можетъ быть съ людьми, живущими въ богатствѣ, веселіи и во грѣхахъ. Но, если надобно это сказать, о поражаемыхъ бѣдствіями и скорбями можно сказать, что они наслаждаются и здѣшними и тамошними благами: тамошними, получая награду, а здѣшними, питаясь надеждою тѣхъ благъ и не чувствуя настоящихъ бѣдствій отъ ожиданія будущихъ благъ. Но выслушаемъ и то, что слѣдуетъ далѣе: *и надъ всѣми сими*, говоритъ (Авраамъ), *пропасть велика утвердися между нами и вами* (Лук. XVI, 26). Итакъ справедливо сказалъ Давидъ, что *братъ не избавитъ, не дастъ Богу измѣны за ся* (Псал. XLVIII, 8); ибо не возможно это, хотя бы то былъ братъ, хотя бы отецъ, хотя бы сынъ. Посмотри: Авраамъ назвалъ богача чадомъ, но ничего отеческаго оказать ему не могъ; богачъ назвалъ Авраама отцемъ, но отеческимъ благоволеніемъ, какимъ обыкновенно пользуется сынъ, воспользоваться не могъ.

дабы ты зналъ, что ни родство, ни дружба, ни состраданіе, ни другое что-либо не можетъ принести пользы тому, кто ранѣе предалъ себя собственною жизнію.

10. Говорю это потому, что многіе часто, когда мы убѣждаемъ ихъ быть внимательными къ себѣ и бодрствовать, остаются безпечными, обращаютъ увѣщаніе въ смѣхъ и говорятъ: ты заступишься за меня въ тотъ день, и—я ободряюсь и не боюсь. А другой говоритъ: у меня отецъ—мученикъ; а иной: у меня дѣдъ—епископъ; другіе еще указываютъ на всѣхъ домашнихъ своихъ. Но все это пустыя слова; ибо тогда не можетъ принести намъ пользы добродѣтель другихъ. Вспомни о тѣхъ дѣвахъ, которыя не удѣлили елея пяти дѣвамъ: сами они вошли въ брачный чертогъ, а тѣ остались за дверями. Великое благо имѣть надежду спасенія въ собственныхъ добрыхъ дѣлахъ; а никакой другъ никогда не защититъ тамъ. Если и здѣсь, гдѣ отъ насъ зависитъ перемѣна, Господь говоритъ Іереміи: *ты же не молися о людехъ сихъ* (Іер. VII, 16); то тѣмъ болѣе тамъ. Чтὸ говоришь ты? У тебя отецъ—мученикъ? Это самое особенно и можетъ послужить къ бὸльшему твоему осужденію, когда ты, имѣя дома примѣры добродѣтели, окажешь себя недостойнымъ добродѣтели предковъ. Но ты имѣешь доблестнаго и дивнаго друга? И онъ тебѣ не поможетъ тогда. Какъ же говоритъ Христосъ: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы* (Лук. XVI, 9)? Не дружба здѣсь является защитою, а милостыня. Если бы одна дружба защищала, то надлежало бы сказать просто: *сотворите себѣ други*; между тѣмъ, желая показать, что не дружба одна защищаетъ, Онъ присовокупилъ: *отъ мамоны неправды* (богатствомъ неправеднымъ). Можетъ быть, кто нибудь скажетъ: я могу безъ мамоны пріобрѣсти себѣ друга, и гораздо лучшаго, нежели отъ мамоны. Но чтобы ты зналъ, что милостыня служитъ защитою для тебя, твое собственное дѣло и твоя добродѣтель, для этого Онъ повелѣлъ тебѣ полагаться не просто на дружество святыхъ, но на дружество, пріобрѣтаемое чрезъ мамону. Итакъ, зная все это, возлюбленные, будемъ внимательны къ самимъ себѣ со всѣмъ тщаніемъ; наказываемся ли мы, будемъ благодарить; наслаждаемся ли благоденствіемъ, будемъ беречь себя, и, вразумляясь бѣдствіями другихъ, будемъ изъявлять благодарность покаяніемъ и сокрушеніемъ и непрестаннымъ исповѣданіемъ; и если мы предались какому-либо грѣху въ настоящей жизни, то, отвергнувъ его и съ великимъ усердіемъ очистивъ душу свою отъ всякой скверны, будемъ молить Бога, чтобы Онъ удостоилъ всѣхъ насъ, по отшествіи отсюда придти туда такъ, чтобы намъ не съ богачемъ, а съ Лазаремъ успокоиться въ лонѣ патріарха и наслаждаться вѣчными

благами, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «о богатомъ и Лазарѣ, и о томъ, что совѣсть обыкновенно припоминаетъ намъ прежніе грѣхи, и объ Іосифѣ».

Сегодня надобно окончить притчу о Лазарѣ. Вы, можетъ быть, 1006
думаете, что у насъ все сдѣлано; но я не хочу воспользоваться вашимъ невѣдѣніемъ для обмана, и не отстану, пока не возьму изъ притчи всего, что только представится, и тогда отойду; и земледѣлецъ, снявши весь виноградъ, не уходитъ дотолѣ, пока не оборветъ и послѣднія ягоды. Такъ и я теперь вижу, что подъ словами (притчи), какъ бы подъ листьями, скрываются еще мысли, которыя теперь и соберу тщательно, употребивъ вмѣсто серпа слово. Виноградникъ, разъ бывъ обобранъ, остается безъ плода, съ одними листьями; но не такъ бываетъ съ духовнымъ виноградникомъ божественныхъ Писаній; но, хотя бы мы взяли
все, что видимъ, въ немъ остается еще болѣе. Многіе, конечно 1007
и прежде насъ говорили объ этомъ предметѣ; многіе, можетъ быть, будутъ говорить и послѣ насъ: но никто не будетъ въ состояніи исчерпать все его богатство. Таково свойство этого богатства: чѣмъ болѣе станешь проникать въ глубину, тѣмъ болѣе будутъ истекать божественныя мысли; это источникъ неизсякающій. Надлежало бы отдать вамъ этотъ долгъ еще въ предшествовавшее собраніе; но я призналъ не безопаснымъ пройти молчаніемъ подвиги блаженнаго Вавилы и двоицы святыхъ мучениковъ послѣ него бывшихъ [1]); поэтому я отсрочилъ уплату долга, сберегая вамъ полную уплату до настоящаго дня. Теперь же, когда мы и отцамъ воздали славу, не по достоинству ихъ, а по нашимъ силамъ, я преподамъ и вамъ остатокъ повѣствованія о Лазарѣ. Но вы не утомляйтесь, пока я не дойду до конца, начавъ слово съ того, на чемъ прежде остановилъ его. На чемъ же я остановилъ его? На пропасти, отдѣляющей праведныхъ отъ грѣшниковъ. Когда богачъ сказалъ: *посли Лазаря*, Авраамъ отвѣчалъ ему: *пропасть велика утвердися между вами и нами, яко да хотящіи прейти отсюду къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ* (Лук.

[1]) Т. е. мучениковъ Ювентина и Максимина.

xvi, 26). Я много уже говорилъ въ доказательство того, что, послѣ человѣколюбія Божія, должно полагать надежду спасенія въ собственныхъ дѣлахъ, не разсчитывая на отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, ни на сродниковъ, друзей, домашнихъ и сосѣдей, ибо *братъ не избавитъ: избавитъ ли человѣкъ* (Псал. xlviii, 8)? Сколько бы ни просили и ни умоляли отшедшіе отсюда съ грѣхами, всѣ слова ихъ будутъ тщетны и напрасны. И пять дѣвъ просили елея у своихъ сверсницъ, но не получили (Матѳ. xxv, 9); и скрывшій въ землю талантъ, хотя много оправдывался, однако былъ осужденъ (Матѳ. xxv, 28); и не напитавшіе Христа алчущаго и не напоившіе жаждущаго, хотя думали защититься невѣдѣніемъ, но не получили прощенія и оправданія (Матѳ. xxv, 45). А другіе даже ничего не могли сказать, какъ напр. тотъ, который одѣтъ былъ въ нечистую одежду: когда онъ былъ обвиняемъ, то молчалъ (Матѳ. xxii, 12). И не только этотъ, но и другой, который, злопамятствуя на ближняго, требовалъ ста динаріевъ и потомъ за это самое былъ обвиняемъ господиномъ въ жестокости и безчеловѣчіи, также ничего не могъ сказать (Матѳ. xviii, 28—34). Отсюда ясно, что намъ ничто не поможетъ тамъ, если не будемъ имѣть добрыхъ дѣлъ, но, станемъ ли мы умолять и просить или молчать, одинаково постигнетъ насъ наказаніе и мученіе. Послушай, какъ и этотъ богачъ, обратившись къ Аврааму съ двумя просьбами, не успѣлъ ни въ одной изъ нихъ. Сперва онъ просилъ о себѣ словами: *посли Лазаря*; потомъ уже не о себѣ, а о братьяхъ; но не успѣлъ ни въ той, ни въ другой просьбѣ. Первая была неисполнима, а вторая о братьяхъ была излишня. Впрочемъ, если угодно, выслушаемъ внимательно самыя слова ихъ. Если въ то время, когда начальникъ, выведши подсудимаго на площадь и поставивъ около него палачей, начнетъ пытать его, всѣ поспѣшно стекаются, чтобы услышать, что будетъ спрашивать судія, и что
1008 станетъ отвѣчать подсудимый, то тѣмъ болѣе здѣсь должно со вниманіемъ слышать, о чемъ проситъ этотъ подсудимый, т. е. богачъ, и что отвѣчаетъ ему праведный Судія чрезъ Авраама. Ибо не патріархъ былъ судіею, хотя онъ говорилъ; но, какъ въ мірскихъ судахъ, подсудимыхъ разбойниковъ и убійцъ законы поставляютъ вдали отъ судіи и не позволяютъ имъ слышать голосъ его, обращая и это между прочимъ къ безчестію ихъ, но какой либо посредникъ передаетъ вопросы судіи и отвѣты подсудимыхъ; такъ было и тогда. Подсудимый не слышалъ голоса Божія къ нему, но Авраамъ былъ посредникомъ, передававшимъ слова Судіи подсудимому; ибо онъ не отъ себя говорилъ то, что говорилъ, но изрекалъ богатому законы Божіи и передавалъ приговоры, произносимые свыше; поэтому богатый и не могъ прекословить.

2. Будемъ же усердно внимать словамъ (притчи). Я съ намѣреніемъ останавливаюсь на ней, и четвертый день не отстаю отъ нея потому, что вижу великую пользу отъ этого повѣствованія и для богатыхъ, и для бѣдныхъ, и для тѣхъ, которые смущаются благоденствіемъ порочныхъ и бѣдностію и скорбію праведныхъ. Подлинно, ничто столько не соблазняетъ и не смущаетъ народъ, какъ то, что богатые, живущіе нечестиво, наслаждаются великимъ благоденствіемъ, а праведники, живущіе добродѣтельно, впадаютъ въ крайнюю бѣдность, и терпятъ множество другихъ бѣдствій болѣе тяжкихъ, нежели бѣдность. Но эта притча можетъ доставить врачевство, вразумляя богатыхъ и утѣшая бѣдныхъ; тѣхъ научая не превозноситься, а бѣдныхъ утѣшая въ настоящихъ бѣдствіяхъ; тѣмъ внушая не восхищаться, когда порочные не терпятъ наказанія здѣсь, такъ какъ они подвергнутся тягчайшей мукѣ тамъ, а бѣдныхъ убѣждая не смущаться при видѣ чужого благоденствія и не думать, будто нѣтъ о насъ промысла, когда праведный здѣсь страдаетъ, а порочный и нечестивый наслаждается постояннымъ благополучіемъ. Тотъ и другой получатъ должное тамъ, одинъ— вѣнцы за страданіе и терпѣніе, другой — наказаніе и мученіе за нечестіе. Эту притчу напишите и богатые и бѣдные: богатые—на стѣнахъ домовъ вашихъ, а бѣдные—на стѣнахъ души; и если она когда-либо изгладится отъ забвенія, опять начертайте чрезъ воспоминаніе. А лучше, и богатые напишите ее прежде, чѣмъ на стѣнахъ дома, на сердцѣ, и всюду носите съ собою, и будетъ она для васъ училищемъ и источникомъ всякаго любомудрія. Если мы всегда будемъ имѣть ее написанною на сердцѣ, то ни радостныя обстоятельства настоящей жизни не возмогутъ надмить насъ гордостію, ни печальныя — повергнуть въ уныніе и отчаяніе, но на тѣ и на другія мы будемъ смотрѣть такъ же, какъ на картины, написанныя на стѣнахъ. Какъ видя на стѣнѣ изображеніе богатаго и бѣднаго, мы ни тому не завидуемъ, ни этого не презираемъ, потому что видимое нами есть тѣнь, а не дѣйствительность; такъ, узнавъ свойство богатства и бѣдности, славы и безчестія, и всего 1009
другого печальнаго и радостнаго, мы будемъ свободны отъ смущенія, ими производимаго. Все это обманчивѣе тѣни, и человѣка возвышеннаго и благороднаго не можетъ ничто блестящее и славное надмить гордостію, и ничто смиренное и уничиженное довести до отчаянія. Впрочемъ уже время намъ выслушать слова богатаго. *Молю тя, отче*, говоритъ онъ, т. е. прошу, умоляю, *да послеши Лазаря въ домъ отца моего; имамъ бо пять братій, яко да засвидѣтельствуетъ имъ, да не и тіи пріидутъ на мѣсто сіе мученія* (Лук. XVI, 27. 28). Не успѣвъ въ просьбѣ о себѣ, онъ проситъ о другихъ. Посмотри, какъ человѣколюбивъ и кротокъ онъ

сталъ отъ наказанія. Тотъ, кто презиралъ Лазаря, бывшаго при немъ, заботится о другихъ отсутствующихъ; тотъ, кто проходилъ мимо лежавшаго предъ глазами его, теперь вспоминаетъ о тѣхъ, которыхъ не видитъ, и съ великимъ почтеніемъ и усердіемъ проситъ, чтобы сдѣлано было имъ какое-либо внушеніе для избѣжанія угрожающихъ имъ золъ. Онъ проситъ послать Лазаря въ домъ отца его, гдѣ открыто было ему мѣсто подвиговъ и поприще добродѣтелей; пусть, говоритъ, увидятъ Лазаря увѣнчаннымъ тѣ, которые видѣли его подвизавшимся; свидѣтели его бѣдности, голода и множества бѣдствій, пусть будутъ теперь свидѣтелями происшедшей съ нимъ перемѣны, его чести и славы, дабы они, вразумившись тѣмъ и другимъ и узнавъ, что дѣла наши не окончатся съ настоящею жизнію, приготовились такъ, чтобы могли избѣжать будущаго наказанія и мученій. Что же Авраамъ? *Имутъ*, говоритъ онъ, *Моисея и пророки, да послушаютъ ихъ* (ст. 29); ты, говоритъ, не столько печешься о своихъ братьяхъ, сколько создавшій ихъ Богъ; Онъ приставилъ къ нимъ множество учителей, которые убѣждаютъ, совѣтуютъ, внушаютъ. Что же опять богатый? *Ни, отче, но аще кто отъ мертвыхъ идетъ къ нимъ*, повѣрятъ ему (ст. 30). Это—слова народной толпы. Гдѣ теперь тѣ, которые говорятъ: кто приходилъ оттуда? Кто воскресалъ изъ мертвыхъ? Кто сказалъ о томъ, что во адѣ? Сколько такого и тому подобнаго говорилъ самому себѣ богачъ, когда веселился? Не безъ причины онъ просилъ, чтобы возсталъ кто-либо изъ мертвыхъ, но потому, что самъ, слушая Писанія, пренебрегалъ ими, насмѣхался и считалъ сказанное въ нихъ баснями; и какъ самъ относился къ нимъ, такъ думалъ и о братьяхъ. И они, говоритъ онъ, разсуждаютъ такъ же: но, если кто изъ мертвыхъ придетъ, они не будутъ не вѣровать ему, не станутъ насмѣхаться, но скорѣе внемлютъ словамъ его. Что же Авраамъ? *Аще Моисеа и пророковъ не послушаютъ, и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры* (31). А истину того, что не слушающій Писаній не послушаетъ и воскресшихъ изъ мертвыхъ, доказали іудеи: такъ какъ они не слушали Моисея и пророковъ, то не увѣровали и тогда, когда видѣли мертвыхъ воскресшими, но то искали убить Лазаря, то нападали на апостоловъ, хотя многіе воскресли изъ мертвыхъ во время крестной смерти (Христовой).

1010 3. Но чтобы тебѣ и другимъ образомъ убѣдиться, что ученіе пророковъ достовѣрнѣе сказанія умершихъ, прими во вниманіе то, что каждый изъ умершихъ есть рабъ, а то, о чемъ говорятъ Писанія, изрекъ Владыка; поэтому, хотя бы мертвый воскресъ, хотя бы ангелъ сошелъ съ неба, Писанія достовѣрнѣе всѣхъ, потому что ихъ далъ въ видѣ закона Владыка ангеловъ, Господь мерт-

выхъ и живыхъ. А что желающіе, чтобы мертвые пришли оттуда, требуютъ излишняго, это, кромѣ сказаннаго, можно доказать и примѣромъ нынѣшнихъ судилищъ. Геенна невидима для невѣрующихъ: для вѣрующихъ она очевидна и ясна, а для невѣрующихъ невидима; но судилища видимы, и каждый день мы слышимъ, что такой-то наказанъ, имущество такого-то описано, иной работаетъ въ рудникахъ, другой сожженъ на огнѣ, иной погибъ другимъ родомъ казни и мученія. Однако, слыша это, порочные, злодѣи и обманщики не вразумляются. Но что я говорю: не вразумляются никогда неподвергавшіеся этимъ наказаніямъ? Многіе даже изъ осужденныхъ, избѣжавъ наказанія, подкопавъ темницу и убѣжавъ изъ нея, нерѣдко обращались къ тѣмъ же преступленіямъ и совершали гораздо тягчайшія дѣла. Итакъ не будемъ стараться услышать отъ мертвыхъ то, чему гораздо яснѣе каждый день учатъ насъ Писанія. Если бы Богъ признавалъ, что воскресшіе изъ мертвыхъ могутъ принести пользу живымъ; то Онъ, устрояющій все на пользу нашу, не оставилъ бы и не опустилъ бы столь полезнаго средства. Кромѣ того, если бы мертвые постоянно воскресали и извѣщали насъ о всемъ тамошнемъ, то и это опять съ теченіемъ времени было бы пренебрежено; а притомъ и діаволъ весьма удобно вводилъ бы нечестивое ученіе. Онъ часто могъ бы показывать призраки, или, показывая нѣкоторыхъ притворно умершихъ и погребенныхъ какъ бы воскресшими изъ мертвыхъ, чрезъ нихъ увѣрять умы обольщаемыхъ во всемъ, въ чемъ бы ни захотѣлъ. Если теперь, когда нѣтъ ничего такого, не рѣдко обманываютъ и обольщаютъ многихъ ночные призраки, представляющіеся въ образѣ умершихъ, то гораздо болѣе тогда, если бы это было на самомъ дѣлѣ и утвердилось въ умахъ людей, т. е. будто многіе изъ умершихъ опять приходили сюда, нечистый демонъ строилъ бы безчисленныя козни и вводилъ бы въ жизнь великое обольщеніе. Посему Богъ заключилъ двери (вѣчности), и не попускаетъ никому изъ отшедшихъ возвращаться и возвѣщать о тамошней жизни, чтобы діаволъ, воспользовавшись этимъ, не ввелъ чего-либо отъ собственнаго (измышленія). Такъ, когда были пророки, онъ воздвигалъ лжепророковъ; когда были апостолы,—лжеапостоловъ; когда явился Христосъ, — лжехристовъ; когда введены были здравые догматы, онъ ввелъ нездравые, повсюду разсѣевая плевелы. Такимъ образомъ, если бы и то случилось, онъ и подъ это постарался бы поддѣлаться чрезъ свои орудія, не на самомъ дѣлѣ воскрешая мертвыхъ, но обольщая зрителей какими-нибудь призраками и обманами, или, какъ я прежде сказалъ, представляя нѣкоторыхъ притворно умершими, и все превратилъ бы вверхъ дномъ и привелъ въ безпорядокъ. Но Богъ, предвидя все это, преградилъ ему путь къ такимъ козням,

1011 и, щадя насъ, не попустилъ, чтобы кто-либо приходилъ оттуда возвѣщать живущимъ о тамошнемъ, научая насъ признавать божественныя Писанія достовѣрнѣйшими всѣхъ. Онъ явилъ намъ такія дѣла, которыя разительнѣе явленія мертвыхъ: обратилъ (къ вѣрѣ) всю вселенную, разсѣялъ заблужденіе, ввелъ истину, совершилъ все это чрезъ рыбарей и простыхъ людей, и повсюду представилъ намъ достаточныя доказательства Своего промышленія. Не будемъ же думать, что дѣла наши ограничиваются предѣлами настоящей жизни, но будемъ вѣровать, что непремѣнно настанетъ судъ и воздаяніе за все, здѣсь нами сдѣланное. Это такъ ясно и очевидно для всѣхъ, что и іудеи, и язычники, и еретики, и всѣ вообще люди согласны въ этомъ. Хотя не всѣ мыслятъ, какъ должно, о воскресеніи, но касательно суда, наказанія и тамошнихъ судилищъ всѣ согласны въ томъ, что есть тамъ воздаяніе за здѣшнія дѣла; ибо, если бы этого не было, то для чего Богъ распростеръ столь великое небо, распространилъ землю, расширилъ море, разлилъ воздухъ, явилъ такое промышленіе,—(для чего все это), если бы Онъ не хотѣлъ до конца имѣть о насъ попеченіе?

4. Не видишь ли, сколь многіе изъ жившихъ добродѣтельно претерпѣли многочисленныя бѣдствія и отошли, не получивъ ничего добраго; а другіе, напротивъ, жили весьма нечестиво, похищали чужое имущество, грабили и притѣсняли вдовъ и сиротъ, наслаждались богатствомъ, роскошью и безчисленными благами, и отошли, не потерпѣвъ ни малѣйшаго бѣдствія? Когда же первые получатъ награду за добродѣтель, а послѣдніе понесутъ наказаніе за нечестіе, если дѣла наши оканчиваются съ здѣшнею жизнію? Если Богъ существуетъ, какъ и дѣйствительно существуетъ, то всякій скажетъ, что Онъ праведенъ; если же Онъ праведенъ, то несомнѣнно и то, что и тѣмъ и другимъ Онъ воздастъ по достоинству. Если же Богъ имѣетъ воздать тѣмъ и другимъ по достоинству, а здѣсь никто изъ нихъ не получилъ, тотъ — наказанія за грѣхи, а этотъ — награды за добродѣтель, то, очевидно, будетъ еще время, когда и тотъ и другой получатъ должное воздаяніе. Иначе для чего Богъ поставилъ въ душѣ нашей этого непрерывно бодрствующаго и неусыпнаго судію, т. е. совѣсть? Нѣтъ, подлинно нѣтъ между людьми ни одного судіи, столь неусыпнаго, какъ наша совѣсть. Внѣшніе судіи и деньгами подкупаются, и лестію смягчаются, и отъ страха потворствуютъ, и много есть другихъ средствъ, извращающихъ правоту ихъ суда; а судилище совѣсти ничему такому не подчиняется, но хотя бы ты давалъ деньги, хотя бы льстилъ, хотя бы угрожалъ, или другое что дѣлалъ, она произноситъ справедливый приговоръ противъ грѣховныхъ помысловъ, и согрѣшившій

осуждаетъ самъ себя, хотя бы никто другой не обвинялъ его. Притомъ совѣсть дѣлаетъ это не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь; и хотя бы прошло много времени, она никогда не забываетъ сдѣланнаго, но сильно обличаетъ насъ и при совершеніи грѣха, и до совершенія, и по совершеніи, и осо- 1012
бенно—по совершеніи. При самомъ совершеніи грѣха мы, упоенные удовольствіемъ, бываемъ не такъ чувствительны (къ упрекамъ совѣсти); но, когда преступленіе сдѣлано и окончено, тогда особенно, за исчезнувшимъ удовольствіемъ, наступаетъ язвительное чувство раскаянія,—противоположно тому, что бываетъ съ рождающими женами. Онѣ до рожденія младенца терпятъ великое и невыносимое страданіе и жестокія муки съ расторгающими ихъ (ложесна) болями; а послѣ рожденія чувствуютъ облегченіе, какъ будто вмѣстѣ съ плодомъ выходитъ и болѣзнь; здѣсь же—не такъ; но пока мы зачинаемъ и рождаемъ беззаконныя намѣренія, дотолѣ радуемся и веселимся; когда же родимъ злое изчадіе—грѣхъ, тогда, увидя гнусность рожденнаго, скорбимъ и мучимся тяжелѣе раждающихъ женщинъ. Посему убѣждаю васъ не принимать въ самомъ началѣ порочной похоти, а если примемъ, то подавлять въ себѣ эти сѣмена; если же по безпечности и это не сдѣлаемъ, то перешедшій въ дѣло грѣхъ умерщвлять исповѣдью, слезами, осужденіемъ самихъ себя; ибо ничто столько не губительно для грѣха, какъ его обличеніе и осужденіе, съ покаяніемъ и слезами. Ты осудилъ свой грѣхъ? Чрезъ это ты сложилъ съ себя бремя. Кто говоритъ это? Самъ Судія—Богъ. *Глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. XLIII, 26). Почему, скажи мнѣ, ты стыдишься и стѣсняешься сказать грѣхи свои? Развѣ ты сказываешь человѣку, который станетъ упрекать тебя? Развѣ исповѣдуешься предъ равнымъ тебѣ рабомъ, который разгласитъ ихъ? Владыкѣ, промыслителю, человѣколюбцу, врачу, ты показываешь рану. Развѣ Тотъ, Который знаетъ наши дѣла еще до совершенія ихъ, не будетъ знать, если ты не скажешь? Развѣ грѣхъ отъ обличенія его дѣлается тяжелѣе? Напротивъ, сноснѣе и легче. Богъ требуетъ отъ тебя признанія не для того, чтобы наказать, но чтобы простить; не для того, чтобы Ему узнать грѣхъ твой,—развѣ Онъ и безъ этого не знаетъ?—но для того, чтобы ты узналъ, какой долгъ Онъ прощаетъ тебѣ. Онъ хочетъ показать тебѣ величіе Своей благости для того, чтобы ты непрестанно благодарилъ Его, чтобы ты былъ медлительнѣе на грѣхъ и ревностнѣе къ добродѣтели. Если же ты не скажешь, какъ великъ твой долгъ, то не узнаешь и превосходства благодати. Я не заставляю тебя, говоритъ Онъ, выйти на средину зрѣлища и окружить себя множествомъ свидѣтелей; Мнѣ одному, наединѣ, скажи грѣхъ, чтобы я уврачевалъ рану и

избавилъ тебя отъ болѣзни. Вотъ для чего вложилъ Онъ въ насъ совѣсть, которая дѣйствуетъ съ любовію болѣе, нежели отеческою. Отецъ, однажды или дважды или трижды или десять разъ наказавъ сына, если увидитъ его неисправимымъ, въ отчаяніи отрекается отъ него, изгоняетъ его изъ дома и исключаетъ изъ родства; но не такъ поступаетъ совѣсть; хотя бы однажды или дважды или трижды или тысячу разъ ты не послушалъ ея голоса, она снова будетъ говорить и не отстанетъ до послѣдняго твоего издыханія; и въ домѣ, и на распутіяхъ, и за трапезою, и на тор-
1013 жищѣ, и на пути, а часто и въ самыхъ сновидѣніяхъ она представляетъ намъ образы и виды содѣланныхъ грѣховъ.

5. И посмотри на премудрость Божію. Богъ не сдѣлалъ обличеніе совѣсти ни непрерывнымъ (ибо мы, непрестанно бывъ обличаемы, не снесли бы этой тяжести), ни столь слабымъ, чтобы она, послѣ перваго или вгорого увѣщанія, прекратила его. Если бы она стала угрызать насъ каждый день и часъ, мы были бы подавлены уныніемъ; а если бы, напомнивъ однажды или дважды, перестала обличать, мы не много получили бы пользы. Поэтому Онъ сдѣлалъ это обличеніе, хотя и всегдашнимъ, но не непрерывнымъ:—всегдашнимъ, чтобы мы не впали въ безпечность, но, слыша всегда ея напоминанія, пребыли до самой кончины бдительными;—не непрерывнымъ и не непрестаннымъ, чтобы мы не падали духомъ, но ободрялись, получая нѣкоторое облегченіе и отраду. Какъ совершенное равнодушіе ко грѣхамъ пагубно и порождаетъ въ насъ крайнюю безчувственность, такъ непрерывное и чрезмѣрное сокрушеніе о нихъ вредно. Чрезмѣрное уныніе, не рѣдко отнимая естественную разсудительность, можетъ подавить душу и сдѣлать неспособною ни къ чему доброму. Посему Богъ и устроилъ, чтобы обличеніе совѣсти возставало на насъ съ промежутками времени, такъ какъ оно весьма жестоко, и обыкновенно уязвляетъ грѣшника сильнѣе всякаго острія. Совѣсть сильно возстаетъ и громко вопіетъ противъ насъ, не только тогда, когда мы сами грѣшимъ, но и когда другіе грѣшатъ, подобно намъ. Блудникъ, прелюбодѣй, воръ—чувствуетъ какъ бы на себѣ удары не только когда обвиняютъ его самого, но и когда слышитъ, что другихъ обвиняютъ въ подобныхъ преступленіяхъ; ибо укоризны, дѣлаемыя другимъ, напоминаютъ ему объ его собственныхъ грѣхахъ; обвиняютъ другого, а онъ, и не подвергаясь обвиненію, терпитъ пораженіе, если виновенъ въ такихъ же, какъ тотъ, преступленіяхъ. То же бываетъ и относительно добрыхъ дѣлъ: когда другіе прославляются и увѣнчиваются, тогда и совершившіе подобныя дѣла радуются и восхищаются, какъ бы не тѣ, а сами они были прославляемы. Что же можетъ быть несчастнѣе грѣшника,

если онъ мучится и тогда, какъ другіе бываютъ обвиняемы? Что блаженнѣе добродѣтельнаго, если онъ радуется и торжествуетъ и тогда, какъ другіе прославляются,—отъ похвалъ другихъ получая напоминаніе о собственныхъ добрыхъ дѣлахъ? Это—дѣла премудрости Божіей; это—знаки величайшаго Его промышленія о насъ. Обличеніе совѣсти есть какъ бы нѣкоторый священный якорь, не допускающій насъ совершенно погрузиться въ бездну грѣха. Часто совѣсть, не только въ то время, когда мы грѣшимъ, но и по прошествіи многихъ лѣтъ напоминаетъ намъ о прежнихъ грѣхахъ; и на это я представлю ясное доказательство изъ самыхъ Писаній. Продали нѣкогда Іосифа братья, не за какую-либо вину его, а за то, что онъ видѣлъ сны, предвѣщавшіе будущую славу его. Видѣлъ я, говорилъ онъ, что *ваши снопы поклонишася моему снопу* (Быт. XXXVII, 7). За это надлежало бы беречь его; потому что онъ имѣлъ быть вѣнцемъ всего дома и славою всего рода своего. Но такова зависть; она идетъ противъ собственнаго блага, 1014
и завистливый лучше рѣшится терпѣть тысячу бѣдствій, нежели видѣть ближняго прославляемымъ, хотя бы послѣдствія этого прославленія имѣли перейти на него самого. Что̀ можетъ быть жалче этого? Этой страсти предались и братья Іосифа; увидѣвъ его издали, несшаго къ нимъ пищу, они говорили другъ другу: *пріидите, убіемъ его, и узримъ, что будутъ сонія его* (ст. 20). Если уже ты не устыдился его, какъ брата, и не уважилъ (единства) природы, то по крайней мѣрѣ постыдился бы самой трапезы и услуги его, пришедшаго съ пищею для тебя. Замѣть, какъ они даже противъ своей воли пророчествуютъ: *пріидите*, говорятъ, *убіемъ его, и узримъ, что будутъ сонія его*. Если бы они не замыслили зла, не устроили козней и не составили этого безстыднаго замысла, то не узнали бы силы тѣхъ сновъ; ибо не одно и то же, взойти ли на престолъ египетскій, не претерпѣвъ никакого бѣдствія, или послѣ стольких препятствій и затрудненій достигнуть такой же славы. Если бы братья не замыслили зла, то не продали бы Іосифа въ Египетъ; если бы не продали его въ Египетъ, то не воспламенилась бы госпожа страстію къ нему; если бы госпожа не воспламенилась страстію, то онъ не былъ бы ввер-женъ въ темницу, не толковалъ бы сновъ, не достигъ бы царскаго достоинства; а если бы не достигъ этого достоинства, то братья не пришли бы за покупкою хлѣба и не поклонились бы ему. Такимъ образомъ чрезъ то самое, что погубили его, они узнали значеніе сновъ его. Что же? Они ли были виновниками всѣхъ послѣдующихъ благъ и славы его? Нѣтъ; они замыслили предать его смерти, скорби, рабству и крайнимъ бѣдствіямъ; но пре-

мудрый Богъ направилъ злобу строившихъ козни къ прославленію того, кого они продали и замыслили погубить.

6. А чтобы мы не думали, будто событія жизни зависятъ отъ какого-то случая, или отъ непостоянства вещей, Богъ чрезъ тѣхъ самыхъ людей, которые противодѣйствуютъ и препятствуютъ, приводитъ въ исполненіе то, чему они препятствуютъ; Онъ враговъ Своихъ употребляетъ въ орудія Своей славы, чтобы ты зналъ, что опредѣленія Божія никто не разстроитъ и высокой десницы Его никто не отвратитъ; чтобы ты, когда будетъ кто злоумышлять противъ тебя, не упадалъ духомъ и не негодовалъ, но былъ увѣренъ, что умыселъ будетъ имѣть для тебя добрый конецъ, только бы ты великодушно переносилъ случающееся. Вотъ и здѣсь зависть братьевъ пріобрѣла Іосифу царское достоинство, ненависть доставила діадиму и принесла престолъ; замышлявшіе противъ него сами довели его до этой великой власти; тотъ, противъ кого строились козни, получилъ царство, а строившіе козни сдѣлались рабами; тотъ принималъ поклоненіе, а эти кланялись. Итакъ, когда будутъ постигать тебя частыя и непрерывныя бѣдствія, не смущайся и не унывай, но ожидай конца; потому что непремѣнно послѣдуетъ достойное великой благости Божіей, если только ты съ благодарностію будешь переносить все, случающееся съ тобою. И Іосифъ хотя послѣ тѣхъ сновъ былъ доведенъ до крайней опас-
1015 ности и проданъ братьями, хотя подвергся навѣтамъ госпожи, и потомъ былъ ввергнутъ въ темницу, но не сказалъ самому себѣ: что же это такое? Сны эти были обманъ, я изгнанъ изъ отечества, лишенъ свободы; для Бога я не покорился госпожѣ, склонявшей къ прелюбодѣянію; за цѣломудріе и добродѣтель терплю наказаніе; и Онъ не отмстилъ и не простеръ руки, но попустилъ, чтобы я преданъ былъ постояннымъ узамъ и непрестаннымъ бѣдствіямъ: послѣ рва—рабство, послѣ рабства—злоумышленіе, послѣ злоумышленія—клевета, послѣ клеветы—темница. Но все это не смутило его; напротивъ, онъ пребывалъ въ твердой надеждѣ и увѣренности, что слово Божіе никогда не останется безъ исполненія. Богъ, конечно, въ тотъ же день могъ исполнить слово Свое; но, чтобы показать и Свою силу и вѣру рабовъ Своихъ, Онъ даетъ пройти долгому времени и встрѣтиться многимъ препятствіямъ, дабы ты и позналъ Его силу въ томъ, что Онъ исполняетъ Свои обѣщанія даже тогда, когда повидимому не остается никакой надежды, и увидѣлъ терпѣніе и вѣру рабовъ Его, которые не теряютъ доброй надежды, что̀ ни случилось бы съ ними. Между тѣмъ, братья Іосифа, какъ я сказалъ, пошли въ Египетъ, когда голодъ, какъ воинъ какой, насильно гналъ ихъ и привелъ къ начальствующему Іосифу, и хотѣли купить хлѣба. Что же онъ говоритъ имъ? *Согля-*

датаи есте (Быт. XLII, 9). Они подумали: что это значитъ? Мы пришли купить хлѣба; почему же подвергаемся опасности жизни? По справедливости; онъ принесъ вамъ нѣкогда пищу, и подвергся опасности жизни; только онъ пострадалъ на самомъ дѣлѣ, а вы терпите мнимую опасность; потому что онъ не врагъ, а только принялъ видъ врага, чтобы вѣрнѣе узнать о домѣ (родительскомъ). Такъ какъ они были злы и неблагодарны къ нему, а онъ не видѣлъ съ ними Веніамина, то, опасаясь за этого отрока, не пострадалъ ли онъ, подобно ему, Іосифъ повелѣваетъ одного изъ нихъ связать и оставить въ Египтѣ, а всѣхъ прочихъ отпускаетъ съ хлѣбомъ назадъ, угрожая имъ смертію, если не приведутъ своего брата. Когда это происходило и онъ сказалъ имъ: оставьте когонибудь здѣсь и приведите вашего брата; иначе будете преданы смерти; тогда что̀ они говорили другъ другу? *Ей, во грѣсѣхъ есмы брата ради нашего, егда моляшеся намъ* (Быт. XLII, 21). Видишь ли, чрезъ сколько времени они вспомнили о своемъ грѣхѣ? Отцу своему они сказали: *звѣрь лютъ снѣде Іосифа* (Быт. XXXVII, 33); но въ присутствіи и въ слухъ Іосифа исповѣдали грѣхъ свой. Что можетъ быть удивительнѣе этого? Судъ происходитъ безъ обличеній, оправданіе—безъ обвиненія и доказательство—безъ свидѣтелей; сами сдѣлавшіе дѣло обличаютъ себя и обнаруживаютъ сдѣланное втайнѣ. Кто убѣдилъ, кто принудилъ ихъ открыть преступленіе, сдѣланное за столько времени? Не явно ли, что совѣсть, этотъ неумолимый судія, непрестанно тревожила ихъ умъ 1016
и смущала душу? Тотъ, кого они погубили, сидѣлъ тогда безмолвно и судилъ ихъ; и когда еще не было произнесено противъ нихъ никакого опредѣленія, они сами произнесли на себя обвинительный приговоръ. Такъ говорили они; а одинъ изъ нихъ оправдывался такими словами: *не рѣхъ ли вамъ, глаголя: не преобидите дѣтища*, не дѣлайте ему никакого зла, такъ какъ онъ братъ нашъ; *и се кровь его взыскуется отъ рукъ нашихъ* (Быт. XLII, 22). Говорившій это (Рувимъ) ничего не сказалъ объ убійствѣ и насиліи и сидѣвшій (Іосифъ) не спрашивалъ ни о чемъ такомъ, а только требовалъ къ себѣ другого брата; но совѣсть ихъ при этомъ случаѣ возстала и начала терзать ихъ душу и заставила ихъ, безъ всякаго посторонняго принужденія, сознаться въ преступленіи. Тоже часто бываетъ и съ нами по отношенію къ прошедшимъ грѣхамъ: подвергаясь несчастіямъ и горестнымъ обстоятельствамъ, мы вспоминаемъ о прежнихъ грѣхахъ нашихъ.

7. Зная все это, мы, сдѣлавъ что-нибудь худое, не будемъ ожидать несчастій и злоключеній, опасностей и узъ, но каждый день и часъ будемъ воздвигать у себя это судилище и произносить на себя приговоры; постараемся всячески оправдаться предъ

Богомъ, и ни сами не будемъ сомнѣваться въ воскресеніи и судѣ, ни другимъ не позволимъ высказывать такія сомнѣнія, но всячески будемъ заграждать имъ уста тѣмъ, что сказано. Если бы не предлежало намъ дать отчетъ въ грѣхахъ тамъ, то и здѣсь Богъ не поставилъ бы въ насъ этого судилища (совѣсти). Но и это есть доказательство Его человѣколюбія. Такъ какъ Онъ тогда потребуетъ отъ насъ отчета въ грѣхахъ, то Онъ поставилъ этого неподкупнаго судію (совѣсть), чтобы онъ, осуждая насъ здѣсь за грѣхи и исправляя, избавилъ отъ суда, имѣющаго быть тамъ. Объ этомъ говоритъ и Павелъ: *аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* отъ Господа (1 Кор. xi, 31). Итакъ, чтобы намъ тогда не быть наказанными и не подпасть суду, пусть каждый войдетъ въ свою совѣсть, и, изслѣдовавъ жизнь и тщательно разсмотрѣвъ всѣ грѣхи, пусть осудитъ душу, содѣлавшую ихъ, пусть обуздаетъ помыслы, скорбитъ и сокрушается въ сердцѣ своемъ, и накажетъ себя за грѣхи самоосужденіемъ, строгимъ покаяніемъ слезами, исповѣдію, постомъ и милостынею, воздержаніемъ и любовію, дабы всѣми способами отложивъ здѣсь свои грѣхи, мы могли отойти туда съ великимъ дерзновеніемъ, чего да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ.

Заглавіе этого слова слѣдующее: «на слова апостола: *не хощу же васъ, братіе, невѣдѣти о усопшихъ, да не скорбите* (1 Солун. іѵ, 13), также объ Іовѣ и Авраамѣ».

[1017 ЧЕТЫРЕ дня употребилъ я на изъясненіе вамъ притчи о Лазарѣ, на исчерпываніе сокровища, которое мы нашли въ покрытомъ ранами тѣлѣ (Лазаря), сокровища, содержащаго въ себѣ не золото и серебро и драгоцѣнные камни, но любомудріе, мужество, терпѣніе и великую твердость. Какъ съ чувственными сокровищами бываетъ, что на поверхности ихъ только тернія, волчцы и жесткая земля, а если раскопать глубже, то открывается великое богатство; такъ случилось и съ Лазаремъ: сверху раны, въ глубинѣ неизъяснимое богатство; тѣло разслабленное, а душа мужественная и бодрая; и здѣсь можно было видѣть исполненіе словъ апостольскихъ: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется* (2 Кор. іѵ, 16). Можно бы и сегодня говорить о той же притчѣ и бороться съ еретиками, которые поносятъ Ветхій Завѣтъ, осуждаютъ патріар-

ховъ и изощряютъ языкъ противъ Создателя всѣхъ—Бога; но чтобы рѣчь не произвела въ васъ пресыщенія, я отложу эту борьбу до другого времени, а теперь обращусь къ иному предмету; однообразная пища производитъ пресыщеніе, а явства разнообразныя частою перемѣною усиливаютъ позывъ къ ѣдѣ. Посему, чтобы такъ не было и съ слушаніемъ, возвратимся сегодня, послѣ долгаго времени, къ блаженному Павлу; благовременно сегодня прочитано намъ мѣсто апостольское, изъясненіе котораго будетъ согласно съ тѣмъ, о чемъ недавно говорено было. Итакъ вы слышали, какъ Павелъ сегодня взывалъ и говорилъ: *не хощу же васъ, братіе*, говорилъ онъ, *не вѣдѣти о усопшихъ, да не скорбите, якоже и прочіи неимущіи упованія* (1 Сол. IV, 13). То—евангельское сказаніе о Лазарѣ, это—апостольское изреченіе; но вѣщаютъ они вполнѣ согласно. И въ той притчѣ мы много разсуждали о воскресеніи и будущемъ судѣ, и теперь слово привело насъ опять къ тому же предмету. Такимъ образомъ, хотя мы станемъ разбирать апостольское мѣсто, но здѣсь найдемъ то же сокровище; ибо и тогда вся моя рѣчь клонилась къ тому, чтобы научить слушателей — считать за ничто блестящіе предметы настоящей жизни, но устремлять надежды далѣе и ежедневно помышлять о тамошнихъ приговорахъ, о страшномъ судилищѣ и о неумолимомъ Судіи. Это сегодня внушаетъ намъ и Павелъ въ прочитанныхъ 1018
словахъ. Внимайте же. *Не хощу, васъ, братіе не вѣдѣти о усопшихъ* (κεκοιμημένων), *да не скорбите, якоже и прочіи неимущіи упованія. Аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе, тако и Богъ усопшія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. IV, 13, 14). Здѣсь напередъ надобно обратить вниманіе на то, почему апостолъ, когда говоритъ о Христѣ, называетъ смерть Его смертью; а когда говоритъ о нашей кончинѣ, то называетъ ее не смертію, а успеніемъ. Не сказалъ: „о умершихъ“; но что?—*о усопшихъ*. И еще: *тако и Богъ усопшія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ*, а не сказалъ: „умершія“. И еще: *мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне не имамы предварити усопшихъ* (ст. 15). И здѣсь не сказалъ „умершихъ“, но во всѣхъ трехъ мѣстахъ смерть ихъ назвалъ успеніемъ; а о Христѣ не такъ, но какъ? *Аще бо вѣруемъ, яко Іисусъ умре*. Не сказалъ: „успе“, но: *умре*. Почему же смерть Христову апостолъ назвалъ смертію, а нашу успеніемъ? Не просто и не безъ цѣли онъ употребляетъ эти различныя выраженія, но имѣя въ виду нѣчто мудрое и великое. Говоря о Христѣ, онъ употребилъ слово: „смерть“, чтобы показать дѣйствительность Его страданій, а о насъ—„успеніе“, чтобы умѣрить нашу скорбь. Тамъ, гдѣ уже совершилось воскресеніе, онъ смѣло употребляетъ слово: „смерть“, а тамъ, гдѣ воскресеніе есть

предметъ надежды, употребляетъ слово: „успеніе“, самымъ названіемъ и утѣшая насъ и укрѣпляя благія надежды. Спящій, конечно, встанетъ; а смерть есть не что иное, какъ продолжительный сонъ. Не говори мнѣ, что умершій не слышитъ, ни говоритъ, ни видитъ, ни чувствуетъ; ибо таково же состояніе и спящаго. Если можно сказать нѣчто странное, то и душа спящаго какъ-бы спитъ; а у умершаго, напротивъ, бодрствуетъ. Но умершій, скажешь, гніетъ и тлѣетъ и превращается въ прахъ и пепелъ. Что же изъ этого, возлюбленный? Поэтому самому и надобно особенно радоваться. Тотъ, кто хочетъ перестроить развалившійся и ветхій домъ, напередъ выводитъ изъ него живущихъ, потомъ разрушаетъ этотъ домъ и снова воздвигаетъ въ лучшемъ видѣ. Вы-
1019 веденные не скорбятъ объ этомъ, а еще радуются; потому что обращаютъ вниманіе не на видимое разрушеніе, но воображаютъ будущее, хотя еще и невидимое, зданіе. Такъ и Богъ разрушаетъ наше тѣло, намѣреваясь создать его (вновь), и сперва изводитъ живущую въ немъ душу, какъ бы изъ какого дома, дабы, потомъ воздвигнувъ его въ лучшемъ видѣ, опять ввести въ него душу съ большею славою. Будемъ же обращать вниманіе не на разрушеніе, а на будущую славу.

2. Также, если у кого статуя испортилась отъ ржавчины и отъ времени, и многія части ея отвалились, то онъ, разбивъ ее, бросаетъ въ горнило и, тщательно переплавивъ, дѣлаетъ ее лучшею. И какъ разрушеніе такой статуи въ горнилѣ не есть уничтоженіе ея, но возобновленіе, такъ и смерть нашихъ тѣлъ не есть уничтоженіе, но обновленіе ихъ. Итакъ, когда ты увидишь, что тѣло наше, какъ бы въ горнилѣ, разлагается и тлѣетъ, то не останавливайся на этомъ внѣшнемъ видѣ, но ожидай обновленія; и этою стороною примѣра не довольствуйся, но простирайся умомъ къ болѣе важному. Ваятель, ввергая (въ горнило) мѣдное тѣло, получаетъ оттуда статую не золотую и безсмертную, но дѣлаетъ ее такою же мѣдною; а Богъ, ввергая (въ землю) тѣло перстное и смертное, возвращаетъ тебѣ статую золотую и безсмертную; ибо земля, принявъ тѣло смертное и тлѣнное, возвращаетъ его нетлѣннымъ и безсмертнымъ. Итакъ, видя умершаго, не на то смотри, что онъ сомкнулъ глаза и лежитъ безгласнымъ, но на то, какъ онъ воскреснетъ и получитъ неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и отъ настоящаго внѣшняго вида возведи помыслы къ надеждѣ будущаго. А ты, по привычкѣ, при этомъ скорбишь и плачешь? Но не странно ли,—когда ты отдашь дочь въ замужество и мужъ отправится съ нею въ далекую страну и тамъ будетъ жить счастливо,—не считать этого бѣдствіемъ, такъ какъ скорбь разлуки облегчается слухомъ о ихъ благополучіи, а

здѣсь,—когда не человѣкъ, не подобный тебѣ рабъ, но самъ Владыка беретъ къ Себѣ твоего ближняго,—печалиться и сѣтовать? Какъ же, скажешь, возможно человѣку не скорбѣть? Я и не говорю этого; я отвергаю не скорбь, а чрезмѣрность скорби; скорбь естественна, но скорбь чрезмѣрная свойственна душѣ безразсудной, умоизступленной и слабой. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не негодуй; воздай благодареніе Взявшему и, украсивъ отшедшаго, препроводи его къ Нему въ свѣтлой погребальной одеждѣ. Если станешь роптать, то оскорбишь и умершаго, и прогнѣваешь Взявшаго, и повредишь самому себѣ; но если будешь благодарить, то и его украсишь, и прославишь Взявшаго, и сдѣлаешь пользу самому себѣ. Плачь, какъ Владыка твой плакалъ о Лазарѣ, показавъ намъ мѣру, правила и предѣлы скорби, которыхъ преступать не должно. Такъ и Павелъ сказалъ: *не хощу васъ, братіе, не вѣдѣти о усопшихъ, да не скорбите, якоже и прочіи неимущіи упованія.* Скорби, говоритъ онъ, но не какъ язычникъ, не ожидающій воскресенія, не имѣющій надежды на будущую жизнь. Я стыжусь, повѣрьте мнѣ, и краснѣю, когда 1020
вижу, какъ на торжищѣ толпы женщинъ безчинствуютъ, рвутъ на себѣ волосы, ломаютъ руки, царапаютъ щеки, и притомъ—въ глазахъ язычниковъ. Чего не скажутъ они, чего не наговорятъ о насъ? Это ли любомудрствующіе о воскресеніи? Должно быть они; но дѣла ихъ не согласуются съ ученіемъ; на словахъ они разсуждаютъ о воскресеніи, а на дѣлѣ поступаютъ, какъ неожидающіе его; если бы они твердо убѣждены были, что есть воскресеніе, то не дѣлали бы этого; если бы увѣрены были, что умершій отошелъ къ лучшей жизни, то не плакали бы. Это и еще больше этого говорятъ невѣрные, слыша такой плачъ. Постыдимся же, образумимся, и не станемъ дѣлать столько вреда и себѣ и видящимъ это. Почему, скажи мнѣ, ты плачешь такъ объ отшедшемъ? Потому ли, что онъ былъ пороченъ? Въ такомъ случаѣ должно благодарить, что положенъ предѣлъ его порокамъ. Или потому, что онъ былъ честный и добрый человѣкъ? И о немъ надобно радоваться потому, что онъ скоро *восхищенъ*, прежде нежели *злоба измѣнила разумъ* его (Прем. IV, 11), и отошелъ въ страну, гдѣ пребываетъ уже въ безопасности, гдѣ нельзя опасаться никакой перемѣны. Или потому, что онъ былъ молодъ? И за то прославь Взявшаго, что скоро призвалъ его къ лучшей жизни. Или потому, что онъ былъ старъ? И за это опять благодари и прославь Взявшаго. Постыдись самаго вида выноса: псалмопѣнія, молитвы, сонмъ отцевъ и такое множество братій—не для того, чтобы ты плакалъ, скорбѣлъ и роптал, но чтобы благодарилъ Взявшаго. Какъ призываемыхъ къ власти многіе провожаютъ съ

почестями, такъ и вѣрующихъ отходящихъ всѣ провожаютъ съ великою славою, какъ призванныхъ къ высшей почести. Смерть есть успокоеніе, освобожденіе отъ житейскихъ трудовъ и заботъ. Итакъ, когда увидишь, что кто-либо изъ ближнихъ отошелъ отсюда, не ропщи, но умились сердцемъ, войди въ самого себя, испытай совѣсть, помысли, что и тебя немного послѣ ожидаетъ такой же конецъ. Вразумись и убойся, видя смерть другого, отринь всякую безпечность, разсмотри свои дѣла, исправь прегрѣшенія, измѣнись къ лучшему. Мы тѣмъ и отличаемся отъ невѣрующихъ, что иначе судимъ о вещахъ. Невѣрующій видитъ небо—и покланяется ему, потому что признаетъ его за бога; видитъ землю—и чтитъ ее, и прилѣпляется къ чувственнымъ вещамъ. А мы—не такъ; но видимъ небо—и удивляемся Создавшему его; потому что вѣруемъ, что оно не богъ, а дѣло Божіе; вижу всю тварь—и чрезъ нее восхожу къ Создателю. Невѣрующій видитъ богатство—и изумляется, благоговѣетъ: я вижу богатство—и посмѣваюсь; онъ видитъ бѣдность—и скорбитъ: я вижу бѣдность—и радуюсь. Иначе я смотрю на вещи, иначе онъ. Такъ поступаемъ и въ отношеніи къ смерти: онъ видитъ мертваго—и считаетъ мертвымъ; я смотрю на умершаго—и взираю на смерть, какъ на сонъ. И какъ на буквы всѣ мы, и знающіе и незнающіе грамату, смотримъ одинаковыми глазами, но не одинаковою мыслію; незнающіе, видя ихъ, считаютъ простыми буквами, а знаю-
1021 щіе искусно постигаютъ заключающійся въ нихъ смыслъ; такъ и въ жизни мы смотримъ на событія одинаковыми глазами, но не одинаковою мыслію и разумѣніемъ. Итакъ, отличаясь отъ язычниковъ во всемъ прочемъ, неужели мы сойдемся съ ними въ сужденіяхъ о смерти?

3. Помысли, къ кому отошелъ умершій, и утѣшься; онъ отошелъ туда, гдѣ Павелъ, гдѣ Петръ, гдѣ весь сонмъ святыхъ; помысли, въ какой славѣ и свѣтлости онъ возстанетъ; помысли, что слезами и воплями ты не можешь исправить случившагося и крайне повредишь себѣ; помысли, кому ты въ этомъ подражаешь, и убѣгай общенія въ грѣхѣ. Кому же ты подражаешь и соревнуешь? Невѣрнымъ, не имѣющимъ упованія, какъ и Павелъ сказалъ: *да не скорбите, якоже и прочіи неимущіи упованія.* Обрати вниманіе на точность выраженія; онъ не сказалъ: неимущіи упованія воскресенія, но просто: *неимущіи упованія.* Ибо не имѣющій упованія тамошняго суда, не имѣетъ никакой надежды, не знаетъ ни того, что есть Богъ, ни того, что Онъ промышляетъ о всемъ настоящемъ, ни того, что надъ всѣмъ наблюдаетъ божественная правда. А кто не знаетъ и не помышляетъ объ этомъ, тотъ безсмысленнѣе всякаго звѣря, и изгналъ изъ души своей законы, и

суды и опредѣленія, и вообще все доброе; ибо кто не готовится отдать отчетъ въ дѣлахъ своихъ, тотъ будетъ уклоняться отъ всякой добродѣтели и предаваться всякому пороку. Размысливъ объ этомъ и разсудивъ о невѣжествѣ и безуміи язычниковъ, съ которыми мы сходствуемъ въ сѣтованіи объ умершихъ, будемъ избѣгать такого согласія съ ними. Для того и Павелъ упомянулъ объ нихъ, чтобы ты, размысливъ о безчестіи, до котораго ты ниспадаешь, сталъ выше согласія съ ними и возвратился къ свойственному тебѣ благородству. И не здѣсь только, но и во многихъ другихъ мѣстахъ блаженный Павелъ часто дѣлаетъ это. Когда онъ хочетъ удалить насъ отъ грѣховъ, то показываетъ, съ кѣмъ сообщаемся мы чрезъ грѣхи, чтобы, устыдившись качества этого лица, ты убѣгалъ отъ такого сообщества. Такъ въ посланіи къ Солунянамъ онъ говорилъ: *и вѣдѣти комуждо отъ васъ свой сосудъ стяжавати во святыни и чести, а не въ страсти похотнѣй, якоже и языцы невѣдящіи Бога* (1 Сол. IV, 4, 5). И въ другомъ мѣстѣ: *сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ въ суетѣ ума ихъ* (Еф. IV, 17). Также и здѣсь: *не хощу васъ, братіе, не вѣдѣти о усопшихъ, да не скорбите, якоже и прочіи неимущіи упованія.* Обыкновенно не свойство событій повергаетъ насъ въ печаль, а наше произволеніе, не смерть скончавшагося, а немощь сѣтующихъ; вѣрующаго же ничто настоящее не можетъ огорчить; онъ отличается отъ невѣрующихъ и тѣмъ, что, еще прежде будущихъ благъ, въ настоящей жизни получаетъ немалыя блага отъ христіанскаго любомудрія, доставляющаго ему величайшее благодушіе и постоянную радость. Посему и Павелъ говоритъ: *радуйтеся всегда о Господѣ: и паки реку, радуйтеся* (Филип. IV, 4). Такимъ образомъ, еще прежде воскресенія, мы получаемъ немалую награду въ томъ, что не упадаемъ духомъ ни въ какомъ случающемся бѣдствіи, но имѣемъ великое утѣшеніе въ надеждѣ будущихъ (благъ). Какъ мы получаемъ двойную пользу, такъ невѣрующій терпитъ двойной вредъ—и оттого, что въ будущей жизни подвергается наказанію за невѣріе воскресенію, и оттого, что въ настоящей впа- 1022
даетъ въ отчаяніе, не ожидая послѣ ничего добраго. Итакъ мы должны благодарить Бога не только за воскресеніе, но и за надежду воскресенія, которая можетъ утѣшить сѣтующую душу и расположить къ благодушію при разлукѣ съ отшедшими, какъ имѣющими воскреснуть и соединиться съ нами. Если надобно скорбѣть и плакать, то нужно плакать и сѣтовать о тѣхъ, которые живутъ во грѣхахъ, а не о тѣхъ, которые отошли съ добродѣтелію. Такъ дѣлаетъ и Павелъ; въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ говоритъ: *да не паки пришедша мя смиритъ Богъ мой у*

васъ, и восплачуся многихъ, — не сказалъ: умершихъ, но—*прежде согрѣшшихъ, и непокаявшихся о нечистотѣ и блуженіи и студоложествіи, яже содѣяша* (2 Кор. XII, 21). О такихъ надобно плакать. Тому же поучаетъ и другой такими словами: *надъ мертвымъ плачися, исчезе бо свѣтъ: и надъ буимъ плачися, исчезе бо разумъ. Сладчае плачися надъ мертвымъ, яко почилъ есть: буяго же лучше смерть, неже животъ золъ* (Сир. XXVI, 9, 10). Если же всегда достоинъ плача потерявшій разсудокъ, то тѣмъ болѣе—не имѣющій праведности и оставившій надежду на Бога. Такихъ людей и мы будемъ оплакивать; такой плачъ полезенъ; своими слезами мы часто исправляемъ ихъ. Сѣтованіе же объ умершихъ безполезно и вмѣстѣ вредно. Итакъ не станемъ превращать порядка, но будемъ плакать только о грѣхѣ; а все прочее—и бѣдность, и болѣзнь, и преждевременную смерть, и обиду, и клевету, и какое-нибудь другое изъ золъ, постигающихъ человѣка,—все будемъ переносить благодушно. Эти бѣдствія послужатъ для насъ поводомъ къ полученію многихъ вѣнцовъ, если мы будемъ бодрствовать.

4. Но какъ можно, скажешь ты, человѣку не скорбѣть? Напротивъ я скажу: какъ можно скорбѣть человѣку, почтенному словомъ и разумомъ и надеждами будущихъ благъ? Но кто, скажешь ты, не предавался этому чувству? Многіе, и часто, и изъ насъ, и изъ предковъ нашихъ. Послушай, что́ сказалъ Іовъ, когда лишился цѣлаго сонма дѣтей: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть* (Іов. I, 21). Дивны эти слова, когда и просто слышишь ихъ; а если еще тщательно разсмотришь ихъ, то они окажутся еще болѣе дивными. Въ самомъ дѣлѣ подумай, что діаволъ не половину дѣтей взялъ у него, а другую половину оставилъ, не большую часть взялъ, а меньшую оставилъ; но онъ сорвалъ весь плодъ, а дерева не повалилъ; все море возмутилъ волнами, а ладьи не потопилъ; истощилъ всю силу, а столба не потрясъ; напротивъ, отвсюду потрясаемый, онъ стоялъ непоколебимымъ; тучи стрѣлъ неслись, а его не поражали; или лучше—направлялись въ него, но не уязвляли. Подумай, каково видѣть погибель столь многихъ дѣтей! Чего не доставало, чтобы поразить его? Всѣ дѣти похищены, всѣ вмѣстѣ и въ одинъ день, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, отличавшіеся великою добродѣтелію; окончили жизнь такимъ родомъ казни; послѣ столь многихъ ударовъ нанесенъ этотъ послѣдній ударъ отцу, который былъ сердобольный, а отшедшіе—любезны ему. Если кто лишится дѣтей
1023 порочныхъ, то хотя и поражается скорбію, но не столь сильною: ибо порочность умершихъ не даетъ печали быть сильною; но если дѣти были добродѣтельны, то рана не закрывается, память о нихъ не теряется, скорбь не имѣетъ утѣшенія, возбуждаясь двойною силою,—

и чувствомъ природы, и мыслію о добродѣтели скончавшихся. А что дѣти Іова были добродѣтельны, видно изъ слѣдующаго: отецъ такъ много объ нихъ заботился, что вставши отъ сна приносилъ за нихъ жертвы, опасаясь и за тайные грѣхи ихъ; и важнѣе этой заботы для него ничего не было. А это доказываетъ не только добродѣтель дѣтей, но и чадолюбіе отца. Если же Іовъ былъ отецъ, и столь чадолюбивый, питавшій къ нимъ привязанность, возбуждаемую не только природою, но и благочестіемъ, и умершіе были такъ добродѣтельны, то отсюда происходитъ тройное пламя скорби. Опять, когда похищаются только нѣкоторые изъ дѣтей, въ скорби есть еще нѣкоторое утѣшеніе; потому что оставшіеся умѣряютъ печаль объ умершихъ; но когда умрутъ всѣ дѣти, то на кого можетъ посмотрѣть (отецъ) многочадный, вдругъ сдѣлавшійся бездчаднымъ? Къ этимъ можно еще присовокупить и пятый ударъ. Какой это? Тотъ, что всѣ они похищены внезапно. Если тогда, какъ умираютъ иные въ три или пять дней, женщины и родственники всѣ плачутъ особенно о томъ, что умершій такъ скоро и нечаянно похищенъ отъ взоровъ ихъ; то тѣмъ болѣе могъ скорбѣть Іовъ, не въ три, не въ два и не въ одинъ день, но въ одинъ часъ лишившійся всѣхъ дѣтей. Бѣдствіе, ожидаемое нѣсколько времени, хотя бы было крайне тяжко, становится легче отъ самаго ожиданія; но случившееся сверхъ чаянія и внезапно бываетъ невыносимо. Когда бѣдствіе и само по себѣ тяжко и еще увеличивается тѣмъ, что случилось неожиданно, подумай, какъ оно бываетъ невыносимо: оно выше всякаго описанія! Хочешь ли слышать и шестой ударъ? Іовъ потерялъ всѣхъ дѣтей въ самомъ цвѣтущемъ ихъ возрастѣ. Вы знаете, какъ прискорбны преждевременныя смерти, и какъ много причиняютъ онѣ слезъ. А эта смерть была не только преждевременная, но и насильственная; это былъ седьмой ударъ: ибо они не на ложѣ изнемогли и испустили духъ, но всѣ задавлены зданіемъ. Представь же, каково было тому, кто, разрывая эту груду, вынималъ оттуда то камень, то часть своего сына, и видѣлъ то руку еще держащуюся за чашу, то другую лежащую на блюдѣ, то самый трупъ обезображенный, съ придавленнымъ носомъ, съ разбитою головою, вырванными глазами, раскиданнымъ мозгомъ,—вообще весь образъ искаженный до того, что, за множествомъ ранъ, отцу нельзя было распознать черты любезныхъ ему лицъ. Вы смутились и плачете, слыша объ этомъ; подумайте же, каково было ему это видѣть. Если мы, послѣ столь долгаго времени, не можемъ безъ слезъ слышать объ этомъ печальномъ событіи, и притомъ слышать о чужомъ несчастіи; то какой адамантъ былъ тотъ, кто видѣлъ это своими глазами, и любомудрствовалъ не надъ чужими, а собственными бѣдствіями?

Однако онъ не возроптал̆ъ, и не сказалъ ничего такого: что это значитъ? Это ли награда за мою благотворительность? Для того ли я
1024 отворялъ домъ странникамъ, чтобы видѣть его гробомъ дѣтей? Для того ли я прилагалъ о нихъ всякое попеченіе, чтобы они потерпѣли такую смерть? Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ; но перенесъ все великодушно, хотя и лишился ихъ послѣ такого о нихъ попеченія. Какъ искусный ваятель, отдѣлывая золотыя статуи, украшаетъ ихъ весьма тщательно; такъ и Іовъ образовывалъ, улучшалъ и украшалъ души дѣтей. И какъ трудолюбивый земледѣлецъ постоянно орошаетъ пальмовыя или оливковыя деревья, ограждаетъ, окопываетъ ихъ и всячески ухаживаетъ за ними; такъ и Іовъ не переставалъ, какъ бы какую плодоносную маслину, душу каждаго изъ дѣтей усовершать въ добродѣтели; увидѣвъ же, что эти растенія напоромъ злого духа вырваны, повержены на землю и бѣдственно погибли, не только не произнесъ никакой хулы, но еще благодарилъ Бога, и тѣмъ нанесъ діаволу смертельную рану.

5. Но, скажешь ты, у Іова было много сыновей, а иной нерѣдко лишается единственнаго сына, поэтому и скорбь неодинакова? Хорошо ты говоришь; и я скажу, что скорбь неодинакова, но скорбь Іова гораздо больше. Какую пользу принесло ему многочадіе? Его несчастіе было тѣмъ поразительнѣе и скорбь тѣмъ мучительнѣе, что онъ получилъ рану въ лицѣ многихъ дѣтей. Если же хочешь видѣть и другого святаго, который имѣлъ единороднаго сына, и оказалъ такое же, и даже большее, мужество: то вспомни о патріархѣ Авраамѣ, который, хотя не видѣлъ Исаака умершимъ, но—что было еще мучительнѣе и прискорбнѣе—получилъ повелѣніе (отъ Бога) самому заклать его, и не воспротивился этому повелѣнію, не возроптал̆ъ и не сказалъ чего-нибудь подобнаго: за тѣмъ ли Ты сдѣлалъ меня отцомъ, чтобы сдѣлать дѣтоубійцею? Лучше было бы прежде не давать его мнѣ, чѣмъ давши отнять его такимъ образомъ. Ты хочешь взять его? Для чего же повелѣваешь мнѣ самому заклать и обагрить мою руку его кровію? Не чрезъ этого ли отрока Ты обѣщалъ наполнить моими потомками вселенную? Какъ же произведешь плоды, вырвавши корень? Какъ обѣщаешь потомство, повелѣвая заклать сына? Кто видалъ, кто слыхалъ это? Я обманутъ, я обольщенъ. Ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ, не попрекословилъ Повелѣвшему, не потребовалъ объясненія, но, услышавъ: *поими сына твоего возлюбленнаго, егоже возлюбилъ еси, Исаака, и иди на землю высоку, и вознеси его тамо во всесожженіе, на едину отъ горъ, ихже ти реку* (Быт. XXII, 2), исполнилъ повелѣніе съ такою готовностію, что сдѣлалъ еще больше повелѣнія. Онъ скрылъ это и отъ жены,

утаилъ и отъ рабовъ, оставивъ ихъ внизу горы, и взошелъ на
нее, взявъ съ собою только жертву; такъ не противъ своей воли,
но съ великою готовностію онъ исполнилъ повелѣніе. Представь
же, каково было ему разговаривать съ сыномъ наединѣ, безъ сви-
дѣтелей, когда сердце сильнѣе разгорается и любовь бываетъ пла-
меннѣе, и это не въ одинъ или два дня, но въ продолженіе мно-
гихъ дней. Если бы онъ тотчасъ же исполнилъ повелѣніе, то и
это было бы удивительно и велико, однако не столь удивительно,
какъ то, что онъ, въ продолженіе многихъ дней испытывая стра- 1025
даніе и борьбу душевную, не показалъ человѣческой слабости въ
отношеніи къ отроку. Богъ для того и продолжилъ подвиги и
распространилъ мѣсто борьбы, чтобы ты вѣрнѣе узналъ ратоборца.
По—истинѣ это былъ ратоборецъ, сражавшійся не съ человѣкомъ,
но съ самою силою природы. Какое слово можетъ изобразить его
мужество? Онъ возвелъ отрока на гору, связалъ, положилъ на
дрова, взялъ ножъ и хотѣлъ нанести ударъ. Затѣмъ, какъ и что
сказать, не знаю; знаетъ только самъ сдѣлавшій это; никакое
слово не можетъ изобразить, какъ не оцѣпенѣла рука, какъ не
ослабѣла крѣпость мышцъ, какъ не смутилъ его любезный видъ
отрока. Достоинъ удивленія здѣсь и Исаакъ. Какъ отецъ его по-
виновался Богу, такъ онъ—отцу; и какъ тотъ, когда Богъ пове-
лѣлъ ему принесть жертву, не потребовалъ объясненія, такъ и
этотъ, когда отецъ связывалъ его и возлагалъ на жертвенникъ,
не сказалъ: для чего ты дѣлаешь это?—но преклонился подъ оте-
ческую руку. Здѣсь видѣнъ былъ отецъ и вмѣстѣ жрецъ, жертва
безкровная, всесожженіе безъ огня, образъ смерти и воскресенія
на жертвенникѣ; потому что отецъ и заклалъ сына и не заклалъ:
не заклалъ рукою, но заклалъ произволеніемъ. И Богъ далъ ему
такое повелѣніе не потому, чтобы хотѣлъ видѣть пролитіе крови,
но для того, чтобы показать тебѣ произволеніе Авраама, посреди
всей вселенной возвѣстить о доблести его, и всѣхъ потомковъ
научить, что заповѣди Божіи должно предпочитать и дѣтямъ, и
природѣ, и всему имуществу, и самой душѣ своей. Итакъ онъ
сошелъ съ горы, имѣя при себѣ Исаака, какъ живого мученика.
Какое же прощеніе, скажи мнѣ, какое оправданіе будемъ имѣть
мы, если, видя этого доблестнаго съ такою готовностію повиную-
щимся Богу и во всемъ Ему покорствующимъ, сами будемъ
роптать? Не говори мнѣ о горести, ни о несносной тяжести не-
счастія, но размысли о томъ, что онъ и жестокую скорбь превоз-
могъ. Повелѣніе было въ состояніи смутить его умъ, повергнуть
его въ недоумѣніе и поколебать вѣру въ предшествовавшія обѣ-
тованія. Кто изъ обыкновенныхъ людей не почелъ бы обманомъ
все сказанное о множествѣ потомковъ, обѣщанныхъ ему? Но не

1026 таковъ былъ Авраамъ. Не менѣе должно удивляться и любомудрію Іова въ несчастіи, особенно потому, что онъ послѣ такой добродѣтели, послѣ такого милосердія и человѣколюбія, когда ни за собою ни за дѣтьми не сознавалъ ничего худого, а между тѣмъ испытывалъ столь великое, необычайное и неожиданное бѣдствіе, какого ни съ кѣмъ изъ крайне преступныхъ людей не случалось, не огорчился, подобно обыкновеннымъ людямъ, не помыслилъ, что добродѣтель безполезна и самъ онъ прежде поступалъ худо. Обоимъ этимъ мужамъ должно не только удивляться, но и соревновать и подражать ихъ добродѣтели. Никто пусть не говоритъ, что они были дивные люди. Подлинно, они были дивны и велики; но отъ насъ теперь требуется еще болѣе любомудрія, нежели отъ нихъ и всѣхъ жившихъ въ ветхомъ завѣтѣ. *Яко аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидите въ царствіе небесное* (Матѳ. v, 20). Итакъ, отвсюду получивъ вразумленіе и припомнивъ это и все, что сказано нами о воскресеніи и о тѣхъ святыхъ, будемъ непрестанно повторять душамъ своимъ, не только во время печали, но и когда бываемъ свободны отъ скорби. Поэтому и я, хотя никого не вижу въ скорби, предложилъ нынѣ это слово, чтобы мы, когда подвергнемся подобному бѣдствію, припоминая сказанное, имѣли достаточное утѣшеніе; такъ и воины въ мирное время занимаются воинскими упражненіями, чтобы, при наступленіи войны, когда потребуется опытность въ дѣлѣ, благовременно показать искусство, въ которомъ они усовершенствовались во время мира. Приготовимъ же и мы себѣ оружіе и врачевство во время мира, чтобы, когда настанетъ борьба съ неразумными страстями, или печалію, или уныніемъ, или другимъ чѣмъ-либо подобнымъ, мы, хорошо вооружившись и оградившись со всѣхъ сторонъ, могли съ великою опытностью отражать нападенія лукаваго и вѣрными мыслями, вѣщаніями Божіими, примѣрами праведныхъ мужей, и вообще всѣми способами защищать самихъ себя. Такимъ образомъ мы можемъ и настоящую жизнь провести благодушно, и сподобиться царства небеснаго о Христѣ Іисусѣ, Которому слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «о землетрясеніи, и о богатомъ и Лазарѣ, и о томъ, откуда произошло рабство».

Видѣли вы Божію силу, видѣли Божіе человѣколюбіе? Силу 1027
въ томъ, что Богъ потрясъ вселенную; человѣколюбіе въ томъ, что падающую ее остановилъ: а лучше, въ томъ и другомъ— и силу и человѣколюбіе; и потрясти и остановить—дѣло силы и человѣколюбія; потому что Онъ поколебалъ вселенную и утвердилъ ее, и колебавшуюся ее и готовую упасть возстановилъ. Но, хотя землетрясеніе миновало, страхъ пусть остается; колебаніе прошло, а благоговѣніе пусть не проходитъ; три дня мы молились, но не прекратимъ нашего усердія. За то (постигло насъ) землетрясеніе,—за нерадѣніе наше; мы вознерадѣли—и вызвали землетрясеніе; исправились—и отклонили (Божій) гнѣвъ; не будемъ же опять предаваться нерадѣнію, чтобы опять не вызвать гнѣва и наказанія; Богъ не хочетъ *смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему* (Езек. XXXIII, 11). Видѣли вы бренность рода человѣческаго? Когда происходило землетрясеніе, я размышлялъ самъ съ собою такъ: гдѣ хищничество? гдѣ любостяжаніе? гдѣ могущество? гдѣ высокомѣріе? гдѣ господство? гдѣ угнетенія? гдѣ разграбленія бѣдныхъ? гдѣ тщеславіе богатыхъ? гдѣ власть начальниковъ? гдѣ угрозы? гдѣ страхи? Одна минута времени—и все расторглось легче паутины, все это разстроилось; и былъ плачъ въ городѣ, и всѣ бѣжали въ церковь. Подумайте, чтó было бы съ нами, если бы Богу угодно было все ниспровергнуть. Говорю это для того, чтобы постоянно живъ былъ въ васъ страхъ отъ случившагося и укрѣплялъ умы всѣхъ. Потрясъ (Господь землю), но не ниспровергъ; потому что, если бы хотѣлъ ниспровергнуть, то не потрясъ бы; но такъ какъ Онъ
того не хотѣлъ, то землетрясеніе, какъ глашатай, предвозвѣщаю- 1028
щій всѣмъ гнѣвъ Божій, предварительно произошло, чтобы мы, отъ страха сдѣлавшись лучшими, отклонили отъ себя наказаніе на дѣлѣ. Такъ поступилъ Онъ и съ иноплеменниками: *еще три дни, и Ниневія превратится* (Іон. III, 4). Почему же не превращаешь? Грозишь ниспровергнуть: почему же не ниспровергаешь?—Такъ какъ Я не хочу ниспровергнуть, то и угрожаю.—Для чего же говоришь?—Чтобы не сдѣлать того, что говорю; пусть словомъ предупреждено и отвращено будетъ дѣло. *Еще три дни, и Ниневія превратится*, говорилъ тогда пророкъ, а нынѣ издаютъ голосъ

стѣны. Говорю это и не перестану говорить и бѣднымъ и богатымъ; подумайте, какъ великъ гнѣвъ Божій, какъ все Ему легко и удобно; отстанемъ же отъ пороковъ; въ краткую минуту времени Онъ такъ сокрушилъ душу и умъ каждаго, и потрясъ основанія сердца; подумаемъ же, что̀ въ тотъ страшный день, когда будетъ не одна минута времени, но безконечные вѣки, и потоки огня, и грозный гнѣвъ, и силы, влекущія на судъ, и страшный престолъ, и нелицепріятное судилище, и дѣла каждаго предстанутъ предъ очи, и никто не будетъ заступникомъ, ни сосѣдъ, ни риторъ, ни сродникъ, ни братъ, ни отецъ, ни мать, ни иноплеменникъ, ни кто-либо другой,—что̀ тогда, скажи мнѣ, мы будемъ дѣлать? Навожу на васъ страхъ, чтобы устроить ваше спасеніе. Я сдѣлалъ ученіе болѣе рѣзкимъ, чѣмъ желѣзо, чтобы каждый изъ васъ, имѣющій язву, освободился отъ нея. Не всегда ли я говорилъ, и нынѣ говорю, и не перестану говорить: доколѣ вы будете привязаны къ настоящему? Ко всѣмъ говорю, но особенно къ недужнымъ и невнимающимъ тому, что говорится; или лучше, это слово полезно тому и другому: больному—для выздоровленія, здоровому—для избѣжанія болѣзни. Доколѣ деньги? Доколѣ богатство? Доколѣ великолѣпіе зданій? Доколѣ неистовство въ бездушной любви къ удовольствіямъ? Вотъ пришло землетрясеніе; какую пользу принесло богатство? Трудъ того и другого пропалъ, погибло имущество вмѣстѣ съ владѣніемъ, домъ вмѣстѣ съ строителемъ. Городъ сдѣлался общимъ для всѣхъ гробомъ, устроеннымъ внезапно не
1029 руками мастеровъ, но несчастнымъ случаемъ. Гдѣ богатство? Гдѣ любостяжаніе? Видите ли, какъ все оказалось ничтожнѣе паутины?

2. Но скажешь мнѣ: какая польза отъ словъ твоихъ? Есть польза, если кто слушаетъ меня. Я дѣлаю свое; сѣятель сѣетъ. Вышелъ сѣятель сѣять; и пали сѣмена—одни подлѣ дороги, другія на камень, иныя на терніе, а иныя на добрую землю (Матѳ. XIII, 3—8); три части (сѣмянъ) погибли, одна только сохранилась; однакоже (сѣятель) не отсталъ отъ земледѣлія; но такъ какъ одна часть сохранилась, то и не пересталъ трудиться надъ землею. И теперь невѣроятно, чтобы сѣмя, повергаемое въ такое множество (слушателей), не принесло мнѣ колоса; если не всѣ послушаютъ, половина послушаетъ; если не половина, то третья часть; если не третья часть, то десятая; если не десятая, то хотя одинъ изъ такого множества послушаетъ, лишь бы послушалъ. Не маловажно спасти и одну овцу; такъ и тотъ пастырь (Матѳ. XVIII, 12), оставивъ девяносто девять овецъ, пошелъ за одною заблудшею. Я не пренебрегаю человѣкомъ; хотя бы онъ былъ одинъ, но это—человѣкъ, живое существо, любезнѣйшее Богу; хотя бы онъ былъ рабъ, я не считаю его достойнымъ презрѣнія; потому что не зва-

нія ищу, а добродѣтели, не господства, не рабства, а души; хотя бы онъ былъ одинъ, но это—человѣкъ, для котораго небо распростерто, и солнце сіяетъ, и луна течетъ, и воздухъ разлитъ, и источники бѣгутъ, и море расширено, и пророки посылались, и законъ данъ, но для чего перечислять все?—для котораго единородный Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ. Владыка мой былъ закланъ и пролилъ кровь Свою за человѣка, и я ли буду пренебрегать имъ? Какое будетъ мнѣ прощеніе? Не слышите ли, что Господь разговаривалъ съ самарянкою и изрекъ множество словъ? Онъ не презрѣлъ ея за то, что она была самарянка, но оказалъ къ ней вниманіе, потому что она имѣла душу; не пренебрегъ ею за то, что она была блудница, но приложилъ великое о ней попеченіе, потому что и она могла быть спасена и показала вѣру. Не перестану говорить и я, хотя бы никто не слушалъ: я врачъ, и предлагаю врачевство; я учитель, и долженъ увѣщевать, потому что говоритъ (Господь): *стража дахъ тя дому израилеву* (Езек. III, 17). Никого не исправляю? Что же такое? Я не лишусь награды. Впрочемъ это сказалъ я по преувеличенію; невѣроятно, чтобы въ такомъ множествѣ никто не исправился. Но таковы отговорки и предлоги нерадивыхъ слушателей. Каждодневно, говорятъ, я слушаю, и не дѣлаю. Слушай, хотя бы ты и не дѣлалъ; потому что отъ слушанія доходятъ и до дѣланія; хотя бы ты и не дѣлалъ, но будешь стыдиться за грѣхъ; хотя бы и не дѣлалъ, но перемѣнишь образъ мыслей; хотя бы и не дѣлалъ, но будешь осуждать себя за то, что не дѣлаешь. А откуда это твое осужденіе самого себя? Оно—плодъ моихъ словъ. Когда ты скажешь: увы! я слышалъ, и не дѣлаю!—это *увы* есть начало перемѣны къ луч- 1030
шему. Ты согрѣшилъ и поплакалъ? Этимъ ты загладилъ грѣхъ; потому что (написано): *глаголи ты беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса XLIII, 26). Лишь бы ты печалился и скорбѣлъ; эта скорбь ведетъ ко спасенію не по своему свойству, но по человѣколюбію Владыки. Для имѣющаго грѣхи немалымъ служитъ облегченіемъ скорбь о самомъ себѣ; ибо *видѣхъ*, говоритъ (Господь), *яко опечалися и пойде дряхлъ, и исцѣлихъ его* (Иса. LVII, 17, 18). О неизреченное человѣколюбіе! О неизъяснимая благость! Онъ опечалился, и Я исцѣлилъ его! Что же особеннаго въ томъ, что онъ опечалился? Ничего особеннаго; но Я нашелъ въ томъ поводъ исцѣлить печали его. Видите ли, какъ Онъ въ краткую минуту времени все совмѣстилъ? Размышляйте же непрестанно о томъ вечерѣ землетрясенія. Всѣ другіе устрашились землетрясенія, а я устрашился причины его. Понимаете, что я сказалъ? Другіе боялись, чтобы не обрушился городъ и чтобы они не погибли; а я устрашился того, что Владыка гнѣвается на насъ; потому что

не умереть тяжко, но тяжко—разгнѣвать Владыку. Такъ я убоялся не землетрясенія, а причины землетрясенія; причина землетрясенія есть гнѣвъ Божій, а причина этого гнѣва—грѣхи наши. Никогда не бойся наказанія, но бойся грѣха, навлекающаго наказаніе. Трясется городъ? Что же такое? Пусть только не колеблется душа твоя; такъ и въ случаѣ болѣзней и ранъ мы оплакиваемъ не тѣхъ, которые лѣчатся, но больныхъ неизлѣчимо. А грѣхъ есть то же, что болѣзнь и рана, и наказаніе—то же, что отсѣченіе и врачеваніе.

3. Поняли вы, что я говорю? Будьте внимательны; хочу преподать вамъ любомудрое наставленіе. Почему мы оплакиваемъ наказываемыхъ, а не согрѣшающихъ? Не такъ тяжко наказаніе, какъ тяжекъ грѣхъ; потому что грѣхъ есть причина наказанія. Итакъ, когда ты увидишь какого - нибудь человѣка, имѣющаго гнилую рану, у котораго изъ тѣла выходятъ черви и гной, и который оставляетъ безъ вниманія эту язву и гніеніе, а—другого такого, который, страдая тѣмъ же, пользуется пособіемъ врачей, допускаетъ прижиганія и отсѣченія, и пьетъ горькія лѣкарства, то котораго изъ нихъ ты будешь оплакивать, скажи мнѣ,—того ли, который боленъ—и не лѣчится, или того, который боленъ—и лѣчится? Очевидно того, который боленъ—и не лѣчится. Подобнымъ образомъ, пусть будутъ два грѣшника, одинъ наказываемый, а другой не наказываемый. Не говори: этотъ блаженъ, потому что богатъ, грабитъ сиротъ, утѣсняетъ вдовъ, не болѣетъ, и при грабительствѣ своемъ пользуется хорошимъ мнѣніемъ, наслаждается почестію и властію, не испытываетъ ни одного изъ человѣческихъ бѣдствій, ни горячки, ни чахотки, ни другой какой-либо болѣзни; у него сонмъ дѣтей, маститая старость; но его-то преимущественно и оплакивай, потому что онъ и боленъ, и не лѣчится. Какъ? Я скажу. Если увидишь человѣка, одержимаго водяною, у котораго отъ болѣзни въ селезенкѣ раздулось тѣло, но который не спѣшитъ къ врачу, а постоянно употребляетъ холодное питье, имѣетъ роскошную трапезу, каждый день упивается, окруженъ прислужни-
1031 ками, и усиливаетъ свою болѣзнь, то, скажи мнѣ, блаженнымъ ли считаешь его, или несчастнымъ? А если увидишь другого, одержимаго водяною, но пользующагося пособіемъ врачей, изнуряющаго себя голодомъ, отказывающаго себѣ во многомъ, постоянно принимающаго горькія лѣкарства, которыя хотя непріятны, но этою непріятностію способствуютъ здоровью, то не станешь ли ты ублажать этого человѣка болѣе, чѣмъ того? Разумѣется, потому что тотъ боленъ—и не лѣчится, а этотъ боленъ—и пользуется врачеваніемъ. Но лѣченье непріятно? За то конецъ его полезенъ. Такъ бываетъ и въ настоящей жизни. Перенесись мыслію отъ тѣлъ къ

душамъ, отъ болѣзней къ грѣхамъ, отъ горечи лѣкарствъ къ наказаніямъ и суду Божію; ибо наказаніе отъ Бога есть то же, что и лѣкарство отъ врача, отсѣченіе и прижиганіе. Какъ огонь, чрезъ многократное прикосновеніе, прижигаетъ рану и останавливаетъ ея развитіе; и какъ желѣзо отсѣкаетъ гнилость, причиняя боль, но доставляя пользу; такъ и голодъ, и моровыя язвы и всѣ кажущіяся бѣдствія насылаются на душу вмѣсто желѣза и огня, чтобы остановить, какъ это бываетъ съ тѣлами, развитіе ея болѣзней и сдѣлать ее лучшею. Опять, пусть будутъ два блудодѣя— допустимъ это на словахъ для примѣра—два блудодѣя: но одинъ богатый, а другой бѣдный. Который изъ нихъ имѣетъ больше надеждъ на спасеніе? Разумѣется, бѣдный. Не говори же: этотъ богачъ блудодѣйствуетъ и богатѣетъ, и поэтому ублажаю его. Скорѣе надлежало бы тебѣ ублажать его тогда, когда бы онъ, блудодѣйствуя, былъ бѣденъ и терпѣлъ голодъ; потому что онъ невольно имѣлъ бы въ бѣдности учительницу любомудрія. Когда ты увидишь порочнаго благоденствующимъ, плачь; потому что здѣсь два несчастія: и болѣзнь и неисцѣльность. Когда же увидишь порочнаго въ несчастіи, утѣшайся, не потому только, что онъ становится лучшимъ, но и потому, что заглаждаются здѣсь многіе изъ грѣховъ его. Слушай внимательно мое слово. Многіе изъ людей и здѣсь наказываются и тамъ осуждаются; другіе только здѣсь, а иные только тамъ. Пойми это ученіе; потому что, если хорошо выразумѣешь слова мои, они избавятъ умъ твой отъ многихъ смятеній. Но, если угодно, представимъ сперва такого человѣка, который тамъ наказывается а здѣсь наслаждался веселіемъ. Пусть и богатые и бѣдные внимаютъ моимъ словамъ; ибо это ученіе полезно и тѣмъ и другимъ. Что многіе осуждаются и здѣсь и тамъ, объ этомъ послушай, какъ говоритъ Христосъ: *въ оньже аще градъ или весь внидите, входяще въ домъ цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему. И аще убо будетъ домъ достоинъ, пріидетъ миръ вашъ нанъ: аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ возвратится. И иже аще не пріиметъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ, исходяще изъ града того, отрясите прахъ ногъ вашихъ. Аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли содомстѣй и гоморрстѣй въ день судный, неже граду тому. Въ оньже аще градъ или весь внидите, испытайте, кто въ немъ достоинъ есть: и ту пребудете, дондеже изыдете* (Матѳ. x, 11—15). Отсюда явно, что жители Содома и Гоморры и здѣсь были осуждены и тамъ наказываются; ибо, когда говоритъ (Господь), что отраднѣе будетъ содомлянамъ, чѣмъ этимъ людямъ, то показываетъ, что тѣ хотя и на- 1032
казываются, но не такъ, какъ эти.

4. Еще есть такіе, которые наказываются только здѣсь, какъ

тотъ прелюбодѣй, о которомъ блаженный Павелъ, въ посланіи къ Коринѳянамъ, говорилъ такъ: *отнюдъ слышится въ васъ блуженіе, и таково блуженіе, яковоже и во языцѣхъ не именуется; яко нѣкоему имѣти жену отчую; и вы разгордѣсте, и не паче плакасте, да изъмется отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе. Зане азъ убо, аще не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ, уже судихъ, яко тамо сый, содѣявшаго сице сіе, о имени Господа нашего Іисуса Христа, собравшимся вамъ и моему духу, предати таковаго сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа* (1 Кор. v, 1—5). Видишь ли, какъ этотъ здѣсь наказывается, а тамъ не наказывается? Такъ какъ здѣсь наказано было тѣло его, то тамъ онъ уже не наказывается. Наконецъ хочу показать такого человѣка, который здѣсь веселился, а тамъ наказывается. *Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ* (Лук. xvi, 19). Вы уже напередъ видите ходъ этого повѣствованія, но подождите окончанія слова. Конечно, мнѣ честь, а вамъ похвала за то, что, когда только еще сѣются начатки, вы уже собираете колосья. Постоянное слушаніе поученій сдѣлало васъ учителями; но такъ какъ съ вами вошли сюда и нѣкоторые чужіе, то не спѣшите, но подождите храмлющихъ. Церковь есть тѣло; есть въ ней глазъ, есть и голова. Какъ если пяту уколетъ терніе, глазъ преклоняется внизъ, потому что онъ есть членъ тѣла, и не говоритъ: я возсѣдаю на высотѣ, презираю низшій членъ; но преклоняется, оставляя свою высоту; что̀ ниже пяты, или благороднѣе глаза?—однако это неравенство исправляется сочувствіемъ, и все соединяется любовію. Такъ и ты поступай; если ты быстръ и приготовленъ къ слушанію, но имѣешь брата, который не можетъ слѣдовать за тѣмъ, что предлагается, глазъ твой пусть преклонится къ пятѣ, пусть окажетъ состраданіе къ храмлющему члену, чтобы онъ отъ твоей быстроты и своей медлительности не остался безъ наученія. Не злоупотребляй твоимъ разумѣніемъ къ его погибели, но благодари Бога за свою быстроту. Ты богатъ? Радуюсь и восхищаюсь; но тотъ еще бѣденъ: пусть же не остается онъ въ бѣдности вслѣдствіе твоего богатства. У него есть терніе—неспокойный помыслъ: снизойди же къ нему и исторгни терніе. Что же говоритъ (Господь)? Человѣкъ *нѣкій бѣ богатъ*, по имени, а не на самомъ дѣлѣ. *Нѣкій бѣ богатъ и облачашеся въ порфиру*, предлагалъ роскошную трапезу, имѣлъ чаши съ виномъ, украшенныя вѣнками, устроялъ каждый день пиршества. Другой же *нѣкто бѣ нищъ, именемъ Лазарь*. А гдѣ имя богача? Нигдѣ; онъ безъ имени. Сколько богатства,—а у самого нѣтъ и имени! Какое же это богатство? Это—дерево, красующееся листьями, но неимѣющее плода; дубъ, распростершійся въ высоту, но дающій

желуди въ пищу безсловеснымъ; человѣкъ, не имѣющій плода человѣческаго. Гдѣ богатство и хищничество, тамъ виденъ волкъ; гдѣ богатство и свирѣпость, тамъ вижу льва, а не человѣка; онъ погубилъ свое благородство неблагородствомъ пороковъ. *Нѣкій* 1033
бѣ богатъ и каждодневно *облачашеся въ порфиру*, а въ душѣ былъ покрытъ паутиной; дышалъ благовоніями, а исполненъ былъ зловонія; предлагалъ роскошную трапезу, кормилъ тунеядцевъ и льстецовъ, утучнялъ рабыню—плоть, а госпожу—душу оставлялъ изнуряться голодомъ; домъ у него былъ украшенъ вѣнками, а основаніе состояло изъ извести грѣха; душа была погружена въ винѣ. Итакъ этотъ богачъ имѣлъ роскошную трапезу и украшенныя вѣнками чаши вина, кормилъ тунеядцевъ и льстецовъ—это непотребное сборище діавольское, этихъ волковъ, которые плѣняютъ многихъ изъ богачей, насыщая собственное чрево, устрояютъ ихъ погибель, великою услужливостію и лестью истребляютъ ихъ богатство. Не погрѣшитъ, кто назоветъ волками такихъ людей, которые, выставляя богача предъ всѣми, какъ овцу, превозносятъ его похвалами, надмеваютъ величаніями, и не даютъ ему увидѣть собственную рану, но ослѣпляютъ его умъ и увеличиваютъ его гнилость. Потомъ, какъ наступитъ перемѣна обстоятельствъ, эти друзья убѣгаютъ, и остаемся состраждущими мы, обличающіе, а тѣ притворныя личности скрываются, какъ это и нынѣ часто бываетъ.

5. Итакъ этотъ богачъ кормилъ тунеядцевъ и льстецовъ, обратилъ домъ свой въ театръ, наполнялъ каждаго виномъ, жилъ въ великомъ благоденствіи; а другой нѣкто Лазарь, покрытый ранами, сидѣлъ у воротъ богача и желалъ крупицъ отъ трапезы его. Возлѣ источника онъ томился жаждою; подлѣ изобилія голодалъ. И гдѣ онъ брошенъ былъ? Не на распутіи, не на улицѣ, не въ переулкѣ, не среди площади; но въ воротахъ богача, которыми этотъ долженъ былъ и входить и выходить, дабы не говорилъ: я не видалъ, не примѣтилъ, мои глаза не досмотрѣли. При входѣ твоемъ лежитъ жемчужина въ грязи, и ты не видишь? Врачъ у воротъ, и ты не лѣчишься? Кормчій въ пристани, и ты терпишь кораблекрушеніе? Кормишь тунеядцевъ, а бѣдныхъ не питаешь? Это было тогда; но бываетъ и теперь. Для того и написано это, чтобы потомки научились отъ этихъ событій и не подверглись тому, чему подвергся богачъ. Итакъ лежалъ въ воротахъ бѣдный, бѣдный по внѣшности, но богатый внутренно; лежалъ покрытый ранами на тѣлѣ, какъ сокровище, у котораго наверху тернія, а внизу жемчужины. Какой ему вредъ отъ болѣзни тѣла, когда душа здорова? Пусть слышатъ это бѣдные, и не сокрушаются уныніемъ; пусть слышатъ богатые, и отстанутъ

отъ нечестія. Для того и предложены намъ эти два образца, богат-
1034 ства и бѣдности, жестокости и мужества, любостяжательности и терпѣнія, чтобы ты, когда увидишь бѣднаго въ ранахъ и пренебреженіи, не называлъ его жалкимъ, и, когда увидишь богатаго въ блескѣ, не считалъ его блаженнымъ. Прибѣгай къ этой притчѣ; когда будетъ смущать тебя колебаніе помысловъ, бѣги въ эту пристань; получи утѣшеніе отъ этого повѣствованія; представь Лазаря пренебрегаемаго, представь богача благоденствующаго и наслаждающагося роскошью, и никакое событіе въ жизни пусть не смущаетъ тебя. Если ты будешь имѣть вѣрное сужденіе, то не потопятъ тебя волны; не погрузится ладья твоя, если благоразумнымъ сужденіемъ будешь различать свойства вещей. Для чего ты говоришь мнѣ: тѣло мое въ бѣдственномъ положеніи? Былъ бы умъ твой не поврежденъ. Такой-то богатъ и нечестивъ: что же такое? Нечестіе не подлежитъ чувствамъ. Не суди о человѣкѣ по внѣшности, но по внутреннимъ его качествамъ. Когда ты видишь дерево, что́ разсматриваешь въ немъ — листья, или плодъ? Такъ и въ отношеніи къ человѣку; когда видишь человѣка, то суди о немъ не по внѣшнимъ, а внутреннимъ его качествамъ, разсматривай плодъ, а не листья: не дикая ли это маслина, хотя и считается настоящею маслиною; не волкъ ли это, хотя и считается человѣкомъ. Узнавай человѣка не по (тѣлесной его) природѣ, но по произволенію, не по виду, но по образу мыслей; и не только по образу мыслей, но развѣдай и жизнь его. Если онъ нищелюбивъ, то онъ—человѣкъ; если же преданъ торговымъ оборотамъ, то онъ—дубъ; если свирѣпъ сердцемъ, то онъ—левъ; если хищникъ, то—волкъ; если коваренъ, то—аспидъ. Но скажешь: я человѣка ищу; для чего же ты показываешь мнѣ звѣря вмѣсто человѣка?—Познай, въ чемъ состоитъ доблесть человѣка, и не смущайся. Итакъ Лазарь лежалъ при воротахъ, покрытый ранами, мучимый голодомъ. Псы приходили и лизали раны его: псы были человѣколюбивѣе человѣка, лизали раны Лазаря, снимали и очищали гной. А онъ лежалъ, поверженный, какъ золото въ пещи, дѣлаясь болѣе блестящимъ; не говорилъ, какъ говорятъ многіе изъ бѣдныхъ: это ли промышленіе?—развѣ Богъ взираетъ на дѣла человѣческія? Я при праведности бѣденъ; а этотъ при неправедности богатъ. Ничего подобнаго онъ не помыслилъ, но предавался непостижимому человѣколюбію Божію, очищая свою душу, перенося страданія, являя терпѣніе; лежа тѣломъ, но стремясь умомъ, окрыляясь мыслію, готовясь получить награду, удалившись отъ зла и сдѣлавшись образцомъ добра. Онъ не говорилъ: тунеядцы наслаждаются до излишества, а я не удостоиваюсь и крупицъ; но что? Благодарилъ и прославлялъ Бога. *Бысть же умрети имъ.*

Умеръ богачъ, и былъ похороненъ; отошелъ и Лазарь; не скажу: умеръ; потому что смерть богача была дѣйствительно смертію и погребеніемъ, а смерть бѣднаго—отшествіемъ и преставленіемъ къ лучшему, переходомъ съ поприща борьбы къ наградамъ, изъ моря въ пристань, отъ сраженія къ торжеству, отъ подвиговъ къ вѣнцу. Отошли оба туда, гдѣ предметы имѣютъ истинный видъ; театръ закрылся и маски сняты. На здѣшнемъ театрѣ въ самый полдень употребляются завѣсы, и многіе являются на сценѣ въ чужомъ видѣ и съ масками на лицѣ, пересказываютъ старую басню и повѣствуютъ о тогдашнихъ дѣлахъ; иной представляется философомъ, не будучи философомъ; иной царемъ, не будучи царемъ, но только имѣя видъ царя по содержанію басни; иной—врачемъ, не умѣя управиться и съ деревомъ, но только надѣвши
платье врача; иной—рабомъ, будучи свободнымъ; иной—учите- 1035
лемъ, не зная и грамоты; представляются не тѣмъ, что они суть на самомъ дѣлѣ, а что они дѣйствительно, тѣмъ не показываются: показывается врачемъ тотъ, кто вовсе не врачъ; показывается философомъ тотъ, кто только на маскѣ имѣетъ философскую прическу; показывается воиномъ тотъ, у кого только платье воина; но какъ ни обманчивъ видъ маски, онъ не измѣняетъ природы, которой дѣйствительность извращаетъ; маски держатся, пока увеселяющіеся сидятъ (въ театрѣ); но когда наступитъ вечеръ, театръ закроется, и всѣ разойдутся, тогда маски сбрасываются и кто въ театрѣ представлялся царемъ, внѣ его оказывается мѣдникомъ; маски сброшены, обманъ прошелъ, открылась истина: и оказывается внѣ театра рабомъ, кто внутри его представлялся свободнымъ; внутри (театра), какъ я сказалъ, обманъ, а внѣ—истина; настали вечеръ, кончилось зрѣлище—и открылась истина. Такъ и въ жизни и при кончинѣ. Настоящее—театръ; здѣшніе предметы—обманчивая внѣшность, и богатство, и бѣдность, и власть, и подвластность, и тому подобное; а когда окончится этотъ день и наступитъ та страшная ночь, или лучше—день: ночь для грѣшниковъ, а день для праведниковъ; когда закроется театръ; когда обманчивые виды будутъ отброшены; когда будетъ судимъ каждый съ своими дѣлами, не съ богатствомъ своимъ, не съ властію своею, не съ почестями и могуществомъ своимъ, но каждый съ дѣлами своими—и начальникъ и царь, и женщина и мужчина; когда (Судія) спроситъ насъ о жизни и добрыхъ дѣлахъ, а не о важности званій, не о низкомъ состояніи бѣдности, не о высокомъ состояніи надменности, (и скажетъ): подай Мнѣ дѣла, хотя ты былъ рабъ, лучшія чѣмъ у свободнаго, хотя ты была женщина, болѣе мужественныя, чѣмъ у мужчины; когда отброшены будутъ обманчивыя внѣшности: тогда обнаружится и богатый и бѣдный. И какъ здѣсь, по окон-

чаніи театра, иной изъ сидѣвшихъ вверху, увидѣвъ въ театральномъ философѣ мѣдника, говоритъ: э, не былъ ли этотъ въ театрѣ философомъ?—а теперь вижу его мѣдникомъ; этотъ не былъ ли тамъ царемъ?—а здѣсь вижу въ немъ какого-то низкаго человѣка; этотъ не былъ ли тамъ богачемъ?—а здѣсь вижу его бѣднымъ; такъ будетъ и тамъ.

6. Не распространяю рѣчи, чтобы слушателя не привести въ замѣшательство обиліемъ сказаннаго; но хочу представить обманчивость зрѣлища только въ двухъ лицахъ. Я представлялъ два лица, чтобы чрезъ нихъ проложить вамъ дорогу и дать направленіе. Я расширилъ мысль вашу изображеніемъ настоящей жизни, чтобы каждый могъ познать различіе вещей. Итакъ два лица: одно представлялъ богатый, а другое бѣдный; лице бѣднаго—Лазарь, лице богатаго—богачъ; видимые предметы—мнимыя лица, а не дѣйствительныя. Оба они отошли *туда*, и богатый и бѣдный; Лазаря приняли ангелы, послѣ псовъ—ангелы, послѣ воротъ богача—лоно Авраамово,
1036 послѣ голода—нескончаемое изобиліе, послѣ скорби—непрестанная радость; а богача послѣ богатства постигла бѣдность, послѣ роскошной трапезы — наказаніе и мученіе, послѣ наслажденій — невыносимыя скорби. И посмотри, что дѣлается: они отошли туда— и зрѣлище прекратилось, маски сняты—и являются наконецъ дѣйствительныя лица. Оба они отошли туда, и богачъ, сгорая въ огнѣ, видитъ Лазаря въ лонѣ Авраамовомъ, благодушествующимъ, наслаждающимся, веселящимся, и говоритъ: *отче Аврааме! Посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего и устудитъ языкъ мой, яко страждю во пламени*. Что же Авраамъ? *Чадо! воспріялъ еси благая твоя, и Лазарь злая своя; и нынѣ сей утѣшается, ты же страждеши. И надъ всѣми сими между нами и вами пропасть утвердися, яко да хотящіи прейти отсюду къ вамъ, не возмогутъ* (Лук. XVI, 24—26). Будьте внимательны; потому что слово объ этомъ полезно: оно устрашаетъ, но и очищаетъ; огорчаетъ, но и исправляетъ. Прими то, что говорится. Богачъ, находясь въ мукахъ, взглянулъ и увидѣлъ Лазаря, — увидѣлъ новые предметы. Въ твоихъ воротахъ былъ онъ каждый день; не разъ ты входилъ и выходилъ, и не видѣлъ его; а теперь, находясь въ пламени, видишь издали? Когда ты жилъ въ богатствѣ, когда въ твоей волѣ было видѣть, ты не хотѣлъ видѣть его: отъ чего же теперь ты такъ зорко видишь? Не въ воротахъ-ли твоихъ онъ былъ? Какъ же ты не видѣлъ его? Вблизи не видѣлъ его, а теперь издали видишь, когда между вами такая пропасть? И что онъ дѣлаетъ? Авраама называетъ отцемъ! Какъ ты называешь отцомъ того, кому не подражалъ въ гостепріимствѣ? Этотъ называетъ его отцемъ, а тотъ его — чадомъ; имена родственныя, но помощи никакой. Впрочемъ

(Господь) произноситъ эти названія, чтобы вы знали, что отъ родства нѣтъ никакой пользы. Благородство не въ знатности предковъ, но въ добродѣтельныхъ нравахъ. Не говори мнѣ: отецъ у меня консулъ. Что мнѣ въ этомъ? Не о томъ рѣчь; отнюдь не говори мнѣ: отецъ у меня консулъ. Хотя бы твоимъ отцомъ былъ апостолъ Павелъ, а братьями мученики, но если ты не подражаешь ихъ добродѣтели, то нѣтъ тебѣ никакой пользы отъ такого родства, а скорѣе оно повредитъ тебѣ и послужитъ къ осужденію. Мать моя, говоришь, милосердная. А что отъ этого тебѣ безчеловѣчному? Ея человѣколюбіе увеличиваетъ виновность твоего злонравія. Что говорилъ Іоаннъ Креститель къ народу іудейскому? *Сотворите плоды достойны покаянія и не начинайте глаголати: отца имамы Авраама* (Лук. III, 8). Ты имѣешь знаменитаго предка? Если ты будешь подражать ему, то получишь пользу; но если не будешь подражать, то знаменитый предокъ будетъ твоимъ обвинителемъ, за то, что ты отъ добраго корня вышелъ горькимъ плодомъ. Никогда не называй блаженнымъ человѣка, имѣющаго родственникомъ праведника, если онъ не подражаетъ его нра-
вамъ. Мать у тебя святая? Тебѣ ничего отъ этого. Мать у тебя 1037
порочная? И изъ этого тебѣ ничего. Какъ добродѣтель той не приноситъ тебѣ пользы, если не подражаешь ея добродѣтели: такъ и порочность этой не вредитъ тебѣ, если ты не преданъ порокамъ. Какъ тамъ больше осужденія тебѣ, потому что, имѣя у себя образецъ, ты не подражалъ добродѣтели; такъ и здѣсь больше тебѣ похвалы, что, имѣя порочную мать, ты не подражалъ ея порокамъ, но отъ горькаго корня вышелъ сладкимъ плодомъ. Не знаменитость предковъ требуется отъ насъ, а добродѣтельный образъ жизни. Я и раба назову благороднымъ, и господина достойнымъ цѣпей, когда узнаю образъ жизни; и знатный для меня не благороденъ, если имѣетъ рабскую душу; ибо кто дѣйствительно рабъ, кромѣ совершающаго грѣхи? Другое рабство зависитъ отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; а это рабство заключается въ развращеніи сердца; такъ какъ и въ началѣ отсюда произошло рабство.

7. Въ древности не было раба; Богъ, созидая человѣка, сотворилъ его не рабомъ, но свободнымъ; Онъ сотворилъ Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство? Родъ человѣческій уклонился отъ праваго пути, и, преступивъ мѣру въ желаніяхъ, дошелъ до развращенія; а какъ это, послушай. Насталъ потопъ, общее крушеніе вселенной, отворились окна (небесныя) и разверзлись бездны (Быт. VII, 10), все стало водою, все видимое разложилось на стихіи и разлилось, земли не видно было, но все стало моремъ, на основаніи гнѣва Божія; повсюду были

волны, повсюду моря; высоко поднимались горы, но море и ихъ покрыло; и было только море и небо; родъ человѣческій погибъ, и осталась лишь искра рода нашего—Ной, искра посреди моря, однако не погасшая, заключавшая въ себѣ начатки рода нашего, жену и дѣтей, съ голубемъ и ворономъ и всѣми прочимими существами. И были всѣ внутри ковчега, а ковчегъ носился поверхъ воды среди бури, и не подвергся крушенію; потому что кормчимъ его былъ Владыка всего; не доски спасли его, а крѣпкая десница (Божія). И посмотри на чудо. Когда омылась земля, когда потреблены были дѣлавшіе зло, когда укротилась буря—явились верхи горъ, ковчегъ сѣлъ, Ной выпустилъ голубя. Но въ изложенномъ событіи заключались тайны; прошедшее было прообразомъ будущаго; именно: ковчегъ—церковь, Ной—Христосъ, голубь—Духъ Святый, масличная вѣтвь—человѣколюбіе Божіе. Кроткое животное было выпущено и удалилось отъ ковчега; но то образъ, а нынѣ — истина; посмотри же на превосходство истины. Какъ ковчегъ спасалъ среди моря бывшихъ внутри его, такъ и церковь спасаетъ всѣхъ блуждающихъ; но ковчегъ только спасалъ, а церковь дѣлаетъ нѣчто большее; напримѣръ: ковчегъ принялъ въ себя безсловесныхъ,—и спасъ ихъ безсловесными; церковь приняла неразумныхъ людей, и не только спасаетъ ихъ, но и преобразуетъ; ковчегъ
1038 принялъ ворона, и выпустилъ ворона; церковь принимаетъ ворона, а выпускаетъ его голубемъ; принимаетъ волка, а выпускаетъ его овцой. Когда войдетъ сюда человѣкъ хищный, корыстолюбивый, и послушаетъ вѣщаній божественнаго ученія, то перемѣняетъ образъ мыслей и изъ волка дѣлается овцой: волкъ похищаетъ и чужое, а овца уступаетъ и свою шерсть. Ковчегъ остановился и отворились его двери; Ной вышелъ, спасшись отъ потопленія, и увидѣлъ землю опустошенную, увидѣлъ гробницу, образовавшуюся изъ грязи, общую гробницу для скотовъ и людей, въ которой всѣ тѣла лошадей, и людей, и всякаго безсловеснаго скота, вмѣстѣ были зарыты. Посмотрѣлъ онъ на это печальное зрѣлище, посмотрѣлъ на землю, преисполненную бѣдствій, и впалъ въ великое уныніе; всѣ погибли; ни человѣкъ, ни скотъ, ни другое какое-либо изъ существъ, оставшихся внѣ ковчега, не спаслись; онъ видѣлъ только небо. Мучимый уныніемъ и удручаемый скорбію, онъ выпилъ вина, и предался сну, чтобы облегчилась рана унынія. Лежалъ онъ на ложѣ, предавшись сну, какъ врачу, чтобы произвести въ умѣ забвеніе о случившемся, какъ это бываетъ съ состарѣвшимся, пьющимъ вино и предающимся сну. Надобно сказать въ оправданіе праведника, что случившееся съ нимъ произошло не отъ пьянства и страсти; но онъ просто врачевалъ свою рану. Такъ и Соломонъ говорилъ: *дадите сикера сущимъ въ печалехъ, и вино*

пити сущимъ въ болѣзнехъ (Притч. XXXI, 6). Посему многіе изъ людей, особенно во время похоронъ, когда кто лишится сына или жены, когда скорбь терзаетъ, и уныніе одолѣваетъ, и сознаніе этого оказываетъ свою силу, берутъ друзей въ домъ свой и устрояютъ обильный пиръ, и подается вино опечаленному, чтобы облегчилась рана его. То же случилось тогда и съ этимъ старцемъ: мучимый уныніемъ, онъ употребилъ вино, какъ лѣкарство, и отъ вина склонился ко сну. Но вамъ надобно узнать, откуда произошло рабство. Спустя немного времени взошелъ проклятый сынъ его, сынъ его по природѣ, а не сынъ по нраву (опять называю благородствомъ не знатность предковъ, но добродѣтельный нравъ); вошедши, сынъ увидѣлъ наготу отца. Слѣдовало бы прикрыть ее, накрыть платьемъ, ради старости, ради горя, ради несчастія, ради того, что это — отецъ его; а онъ вышедши разгласилъ и сдѣлалъ изъ того печальное зрѣлище. Но прочіе его братья, взявъ одежду, вошли, смотря назадъ, чтобы не видѣть того, о чемъ тотъ разглашалъ, и прикрыли отца. Отецъ вставши узналъ все, и началъ говорить: *проклятъ Ханаанъ отрокъ: рабъ будетъ братіямъ своимъ* (Быт. IX, 25). Смыслъ словъ его такой: ты будешь рабомъ, потому что обнаружилъ срамоту отца своего. Видишь ли, что рабство—отъ грѣха, что отъ нечестія произошло рабство? Хочешь ли, я покажу тебѣ освобожденіе отъ рабства? Былъ нѣкто Онисимъ, рабъ, презрѣнный бѣглецъ; онъ убѣжалъ и пришелъ къ Павлу, принялъ крещеніе, омылъ грѣхи и остался у ногъ апостола. Павелъ пишетъ къ господину его: *Онисима, иногда тебѣ непотребнаго, нынѣ же тебѣ и мнѣ благопотребна, пріими сего, якоже мене.* Что же произошло? *Егоже родихъ во узахъ моихъ* 1039
(Филим. ст. 10—12).

8. Видишь ли благородство? Видишь ли, что нравъ доставляетъ свободу? Рабъ и свободный—суть простыя названія. Что такое рабъ? Одно названіе. Сколько господъ лежатъ пьяные на постелѣ, а слуги стоятъ подлѣ нихъ трезвые! Кого же назвать рабомъ,—трезваго, или пьянаго? Раба ли, служащаго человѣку, или плѣнника страсти? У того рабство внѣшнее; а этотъ внутри себя носитъ невольничество. Говорю это, и не перестану говорить, чтобы вы имѣли понятіе о вещахъ, соотвѣтствующее природѣ ихъ, и не увлекались заблужденіемъ толпы, но знали, что̀ такое рабъ, что̀ бѣдный, что̀ неблагородный, что̀ блаженный, что̀ страсть. Если вы научитесь различать это, то не подвергнетесь никакому смятенію. Впрочемъ, чтобы слово, слишкомъ распространяясь, не уклонилось къ постороннему, обратимся къ предмету. Итакъ этотъ богачъ наконецъ сталъ бѣднымъ; или лучше, онъ былъ бѣденъ и тогда, какъ былъ богатъ. Ибо что пользы человѣку, если онъ

имѣетъ чужое, а своего не имѣетъ? Что пользы человѣку пріобрѣсть деньги, и не пріобрѣсть добродѣтели? Для чего ты берешь чужое, а свое теряешь? Я имѣю, скажешь ты, землю плодоносную? Что же такое? Но не имѣешь души плодоносной. Имѣю рабовъ? Но не имѣешь добродѣтели. Имѣю одежды? Но ты не пріобрѣлъ благочестія. Чужое имѣешь, а своего не имѣешь. Если бы кто ввѣрилъ тебѣ залогъ, развѣ я могъ бы назвать тебя богатымъ? Никакъ. Почему? Потому, что ты владѣешь чужимъ; потому, что это—залогъ; и о, если бы это было только залогомъ, а не прибавленіемъ къ твоему наказанію! Итакъ, богачъ, увидѣвъ Лазаря, говоритъ: *отче Аврааме, помилуй мя* (Лук. XVI, 24). Слова бѣднаго, нищаго, убогаго! *Отче Аврааме, помилуй мя.* Чего ты хочешь? *Посли Лазаря.* Мимо кого тысячу разъ ты проходилъ, на кого и взглянуть не хотѣлъ, того теперь просишь послать къ тебѣ для спасенія? *Посли Лазаря.* А гдѣ теперь твои виночерпіи? Гдѣ ковры? Гдѣ тунеядцы? Гдѣ льстецы? Гдѣ надменность? Гдѣ гордость? Гдѣ закопанное золото? Гдѣ одежды, изъѣденныя молью? Гдѣ серебро, почитаемое тобою? Гдѣ блескъ и наслажденіе? То были листья; настала зима—и всѣ они посохли; то было сновидѣніе; наступилъ день—и сновидѣніе улетѣло; то была тѣнь; пришла дѣйствительность—и тѣнь исчезла. *Посли Лазаря.* Но почему богачъ видитъ не другого какого праведника, не Ноя, не Іакова, не Лота не Исаака, но Авраама? Почему? Потому, что Авраамъ былъ страннопріимный и привлекалъ прохожихъ въ свою палатку; любовь его къ странникамъ становится болѣе сильною обвинительницею безчеловѣчія богача. *Посли Лазаря.* Слыша это, возлюбленные, убоимся, какъ бы и намъ, увидѣвъ бѣдныхъ, не пройти мимо ихъ, чтобы вмѣсто одного Лазаря не было у насъ тогда многихъ обвинителей. *Посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ и устудитъ языкъ мой, яко стражду въ пламени семъ.* Но какою мѣрою мѣрите, такою возмѣрится вамъ (Матѳ. VII, 2); ты не далъ крупицъ, не получишь и капли. *Посли Лазаря да концомъ перста устудитъ языкъ мой, яко стражду во*
1040 *пламени.* Что же ему Авраамъ? *Чадо, воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая своя; и нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши* (ст. 25). Здѣсь опять онъ не сказалъ: *пріялъ*, но: *воспріялъ*. Большую разность дѣлаетъ приложеніе предлога. Много разъ говорилъ я вамъ, возлюбленные, что надобно намъ принимать во вниманіе и слоги, потому что сказано: *испытайте писаній* (Іоан. V, 39); часто и одна іота или одна черта возбуждаетъ мысль. Если же хочешь убѣдиться, что и прибавленіе одной буквы даетъ мысль, то этотъ патріархъ Авраамъ прежде назывался Аврамомъ, и сказалъ ему Богъ: *не будетъ имя*

твое Аврамъ, но Авраамъ (Быт. XVII, 5); прибавилъ букву *а*, и сдѣлалъ его отцемъ многихъ народовъ. Вотъ, какъ прибавка одной буквы показала великое благородство (патріарха). Итакъ не пробѣгайте этого безъ вниманія. Онъ не сказалъ: *пріялъ еси благая твоя*, но: *воспріялъ*; а кто воспріемлетъ, тотъ получаетъ должное ему. Обрати вниманіе на то, что я говорю. Иное дѣло—принять, а иное—воспринять. Воспріемлютъ то, что имѣли; а принимаютъ иногда то, чего не имѣли. *Воспріялъ еси благая твоя, и Лазарь злая своя.* Вотъ, и богачъ воспріялъ благая своя, и Лазарь злая своя! Все это сказано мною въ виду тѣхъ, которые наказываются здѣсь, а не тамъ, и тѣхъ, которые здѣсь веселятся, а тамъ наказываются. Внимай же тому, что я говорю. *Воспріялъ еси благая твоя, и Лазарь злая своя*,—должное имъ, что̀ слѣдовало имъ. Обратите вниманіе на этотъ предметъ; а я (по пословицѣ) „спѣшу къ мѣсту, дай мнѣ окончить ткань". Но не смущайтесь при самомъ началѣ: когда я говорю что-нибудь подобное, подождите конца. Хочу изощрить вашъ взоръ, и не поверхностно занимать васъ, но низвести въ глубину божественныхъ Писаній, въ глубину, недоступную бури, глубину болѣе безопасную, чѣмъ тихая поверхность. Чѣмъ ниже спустишься, тѣмъ большую найдешь безопасность; потому что здѣсь не безпорядочное волненіе водъ, а стройное расположеніе мыслей. *Воспріялъ еси благая твоя, и Лазарь злая своя; и нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши.* Здѣсь—важный предметъ для изслѣдованія. Я сказалъ, что воспріемлетъ тотъ, кто получаетъ должное. Что Лазарь былъ праведенъ, какъ и дѣйствительно былъ, это показали лоно Авраамово, вѣнецъ, награды, покой, наслажденіе, твердость, терпѣніе; но богачъ былъ грѣшникъ, нечестивый, безчеловѣчный, преданный удовольствіямъ и пьянству, предлагавшій роскошную трапезу, жившій въ такомъ распутствѣ и непотребствѣ; почему же ему говоритъ (Авраамъ): *яко воспріялъ еси*? Что слѣдовало воздать ему,—человѣку богатому, развратному и безчеловѣчному? Что слѣдовало воздать ему? Почему Авраамъ не сказалъ: *пріялъ еси*, но: *воспріялъ*?

9. Обрати вниманіе на эти слова: ему слѣдовали мученія, ему слѣдовали наказанія, ему слѣдовали скорби. Почему же не сказалъ (Авраамъ): ты принялъ ихъ, но: *воспріялъ еси благая своя прежнія*, т. е. ту жизнь, *и Лазарь злая своя?* Напряги же умъ твой; я спускаюсь въ глубину мыслей. Изъ всѣхъ существующихъ людей одни—грѣшники, другіе—праведники. Замѣть различіе и между праведниками; одинъ праведенъ, а другой еще праведнѣе;
выше стоитъ этотъ, а иной и его превосходитъ. И какъ есть 1041
много звѣздъ, и солнце, и луна; такъ есть различіе и въ праведникахъ; *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣз-*

дамъ (1 Кор. XV, 41); однѣ выше славою, а другія ниже. Каковы тѣла небесныя, таковы и тѣла земныя. И какъ между этими тѣлами иное—олень, иное—собака, иное—левъ, иное—какой-нибудь другой звѣрь, иное—аспидъ, иное еще что-нибудь подобное: такъ есть различіе и въ грѣхахъ. Итакъ между людьми одни праведные, другіе грѣшные; но и между праведниками великое различіе, и между грѣшниками великое и безпредѣльное. Послушай же: хотя бы кто былъ праведенъ, хотя бы былъ тысячу разъ праведенъ и достигъ до самой вершины, такъ что отрѣшился отъ грѣховъ, онъ не можетъ быть чистъ отъ скверны; хотя бы онъ былъ тысячу разъ праведенъ, но онъ—человѣкъ. *А кто похвалится чисто имѣти сердце; или кто дерзнетъ рещи, чиста себе быти отъ грѣховъ* (Притч. XX, 9)? Посему и повелѣно намъ говорить въ молитвѣ: *остави намъ долги наша* (Матѳ. VI, 12), чтобы мы, постоянно употребляя эту молитву, вспоминали, что мы тамъ подлежимъ наказаніямъ. Даже Павелъ апостолъ, сосудъ избранный, храмъ Божій, уста Христовы, лира Духа, учитель вселенной, обошедшій землю и море, исторгшій тернія грѣховъ, посѣявшій сѣмена благочестія, тотъ, который былъ богаче царей, могущественнѣе богачей, сильнѣе воиновъ, мудрѣе философовъ, краснорѣчивѣе риторовъ, который, ничего не имѣя, обладалъ всѣмъ, тѣнію своею разрѣшалъ узы смерти, одеждами своими прогонялъ болѣзни, поставилъ трофеи на морѣ, восхищенъ былъ до третьяго неба, входилъ въ рай и проповѣдалъ Христа Бога,—и онъ говоритъ: *ничесоже въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. IV, 4),—онъ, который стяжалъ такъ много и такихъ добродѣтелей, говоритъ: *востязуяй же мя Господь есть*. Итакъ, *кто похвалится чисто имѣти сердце; или кто дерзнетъ рещи, чиста себе быти отъ грѣховъ?* Невозможно человѣку быть безгрѣшнымъ. Что̀ ты говоришь: такой-то праведенъ, милосердъ, нищелюбивъ? Но и онъ имѣетъ какой-нибудь недостатокъ: или обижаетъ несправедливо, или тщеславится, или дѣлаетъ другое что-нибудь подобное; нѣтъ нужды исчислять все. Иной милосердъ, но часто не цѣломудренъ; а иной и цѣломудренъ, но не милосердъ; этотъ славится одною добродѣтелію, а тотъ—другою. Пусть будетъ кто-либо праведенъ, но часто и праведный, имѣющій всѣ добродѣтели, и начиналъ гордиться этою праведностію, и гордость вредила его праведности. Фарисей, постившійся дважды въ недѣлю, не былъ ли праведенъ? А что онъ говоритъ? *Нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы* (Лук. XVIII, 11). Нерѣдко человѣкъ съ чистою совѣстію впадаетъ въ гордость; и если не повредилъ ему грѣхъ, то вредитъ гордость. Не можетъ человѣкъ быть совершенно праведнымъ такъ, чтобы быть чистымъ отъ грѣха; и съ другой стороны не можетъ ни одинъ человѣкъ

быть столь злымъ, чтобы не имѣть какого-нибудь, хотя малаго,
добра. Напримѣръ: такой-то похищаетъ, предается любостяжанію,
вредитъ; но иногда подаетъ милостыню, иногда бываетъ цѣло-
мудренъ, иногда говоритъ доброе слово и хотя одному человѣку
оказалъ помощь, иногда плакалъ, иногда сокрушался. Такимъ
образомъ нѣтъ праведника безъ грѣха; нѣтъ и грѣшника безъ 1042
всякаго добра. Что было нечестивѣе Ахава? Онъ сдѣлалъ и по-
хищеніе и убійство: однако, такъ какъ онъ сталъ сокрушаться,
Богъ говоритъ Иліи: *видѣлъ ли еси, како умилися Ахавъ* (3 Цар.
XXI, 29)? Видишь ли въ какой безднѣ грѣховъ нашлось еще нѣ-
которое малое добро? Что хуже Іуды предателя, плѣнившагося сре-
бролюбіемъ? Однако и онъ сдѣлалъ потомъ нѣкоторое, хотя малое
добро: *согрѣшихъ*, говоритъ онъ, *предавъ кровь неповинную* (Матө.
XXVII, 4). Порочность, какъ я говорилъ, не такова по свойству
своему, чтобы добродѣтель при ней не имѣла мѣста. Овца ни-
когда не можетъ быть свирѣпою, потому что она отъ природы
кротка; волкъ никогда не можетъ сдѣлаться кроткимъ, потому
что онъ свирѣпъ отъ природы. Законы природы не нарушаются
и не колеблются, но остаются неизмѣнными. Но во мнѣ этого
нѣтъ; я бываю и свирѣпымъ, когда захочу, и кроткимъ, когда
пожелаю, потому что я не связанъ природою, но одаренъ сво-
боднымъ произволеніемъ. Итакъ нѣтъ, какъ сказалъ я, ни столь
добраго человѣка, который бы не имѣлъ ни малаго пятна, и нѣтъ
столь злого, который бы не имѣлъ ни малаго добра. Такъ, за все
есть воздаяніе, и за все есть возмездіе; хотя бы кто былъ убійца,
хотя бы нечестивецъ, хотя бы корыстолюбецъ, но сдѣлалъ что-
нибудь доброе, будетъ ему воздаяніе за это доброе, и за пороки,
которые онъ совершилъ, доброе не останется безъ награды. Также,
хотя бы кто совершилъ тысячу добрыхъ дѣлъ, но сдѣлалъ что-
нибудь худое, будетъ ему возмездіе за это худое. Удержи это,
соблюди твердо и непоколебимо: нѣтъ добраго человѣка безъ
грѣха, нѣтъ и злого безъ добродѣтели. Повторяю опять то же,
чтобы укоренить это, чтобы насадить и положить въ глубинѣ души
вашей. Діаволъ наводитъ на душу какія-нибудь заботы, чтобы
ввести вашъ умъ въ заблужденіе и изгладить изъ него слова мои;
поэтому я и внѣдряю ихъ въ глубину. Если здѣсь сбережешь ихъ
вѣрно, то, и вышедши отсюда, не можешь утратить ихъ. Какъ,
положивъ золото въ кошелекъ, я завязываю и запечатываю его,
чтобы воръ и въ мое отсутствіе не взялъ золота; такъ я поступаю
и относительно васъ, возлюбленные: непрестаннымъ повтореніемъ
ученія закрѣпляю и запечатываю, ограждаю вашъ умъ, чтобы онъ
не растерялся отъ безпечности, но чтобы мнѣ, лучше сохранивъ
его, здѣшнею тишиною отклонить внѣшнее смятеніе. Итакъ ска-

занное мною есть не многословіе, но слова заботливости, любви и желанія учителя, чтобы слова его не пропали. Говорить объ этомъ *мнѣ убо нелѣностно, вамъ же твердо* (Филип. III, 1). Я хочу научить, а не просто показать себя. Итакъ нѣтъ праведника, который бы не имѣлъ грѣха, и нѣтъ грѣшника, который бы не имѣлъ добра, а такъ какъ есть воздаяніе за все, то смотри, что бываетъ. Грѣшникъ получаетъ за добрыя свои дѣла соразмѣрное воздаяніе, какъ бы ни было мало его добро; и праведникъ получаетъ за грѣхъ свой соразмѣрное осужденіе, хотя бы сдѣлалъ
1043 какое-нибудь малое зло. Что же бываетъ, и что дѣлаетъ Богъ? Онъ опредѣлилъ быть возмездію за грѣхъ и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ. Если кто праведенъ, но сдѣлалъ что-нибудь худое и, пострадавъ здѣсь, подвергся наказанію, ты не смущайся, но подумай въ самомъ себѣ и скажи: этотъ праведникъ когда-нибудь сдѣлалъ какой-либо малый грѣхъ и получаетъ возмездіе здѣсь, чтобы тамъ не быть наказаннымъ. Опять, если увидишь грѣшника, предающагося хищенію и корыстолюбію и дѣлающаго множество зла, и однако благоденствующаго, то подумай: онъ сдѣлалъ когда-нибудь нѣчто доброе, и получаетъ здѣсь блага, чтобы тамъ не требовать награды. Такъ и праведникъ, если терпитъ какое-нибудь бѣдствіе, то получаетъ возмездіе здѣсь, чтобы здѣсь сложить съ себя грѣхъ, и отойти туда чистымъ; и грѣшникъ, преисполненный зла, имѣющій множество неисцѣльныхъ болѣзней, предающійся хищенію и корыстолюбію, для того наслаждается здѣсь благоденствіемъ, чтобы тамъ не требовать награды. Такъ какъ и Лазарю случалось совершать нѣкоторые грѣхи, и богачу нѣчто доброе, поэтому Авраамъ и говоритъ: здѣсь ничего не ожидай: *воспріялъ еси благая твоя тамъ, и Лазаръ злая своя.* А чтобы тебѣ убѣдиться, что я не безъ основанія говорю это, но что дѣйствительно такъ, (Авраамъ) говоритъ: *воспріялъ еси благая твоя.*
1044 Какія? Ты сдѣлалъ какое-нибудь добро? За то и *воспріялъ* свое богатство, здоровье, веселье, власть, честь: тебѣ ничего уже не слѣдуетъ въ воздаяніе; *воспріялъ еси благая твоя.* А Лазарь ни въ чемъ не согрѣшилъ? Нѣтъ, согрѣшилъ, и *воспріялъ злая своя.* Когда ты получалъ *благая*, тогда и Лазарь—*злая;* поэтому *нынѣ* онъ *утѣшается, ты же страждеши.* Итакъ, когда увидишь, что праведникъ наказывается здѣсь, почитай его блаженнымъ, и говори: этотъ праведникъ или сдѣлалъ грѣхъ и наказывается за него, и отходитъ туда чистымъ, или наказывается сверхъ мѣры грѣховъ его, и избытокъ праведности вмѣнится ему. Тамъ бываетъ разсчетъ, и говоритъ Богъ праведнику: моего у тебя столько-то; напримѣръ, Богъ ввѣряетъ ему десять оболовъ, и въ счетъ ему ставитъ десять оболовъ. Если же онъ употребитъ на дѣло шесть-

десятъ оболовъ, то Богъ говоритъ ему: десять оболовъ засчитываю тебѣ за грѣхъ, а пятьдесятъ вмѣняю въ праведность. А чтобы тебѣ убѣдиться, что остальное вмѣняется ему въ праведность, (припомни): Іовъ былъ праведенъ, непороченъ, справедливъ, благочестивъ, удалялся отъ всякаго порочнаго дѣла; но тѣло его наказано было здѣсь, чтобы тамъ онъ могъ требовать наградъ; ибо что говоритъ ему Богъ? *Мниши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведивъ* (Іов. XL, 3)? Итакъ, если и мы покажемъ терпѣніе, подобное терпѣнію праведныхъ, если и мы покажемъ искусство, соразмѣрное съ добродѣтельною ихъ жизнію, то получимъ блага, уготованныя святымъ, любящимъ Бога, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

Полное заглавіе этого слова слѣдующее: «Противъ тѣхъ, которые ушли на конскія ристалища, и о евангельскомъ изреченіи: внидите узкими враты, яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ (Матѳ. VII, 13), а къ концу о богатомъ и Лазарѣ».

ХОЧУ опять приняться за обычное ученіе и предложить вамъ 1015
духовную трапезу; но медлю и удерживаюсь, видя, что вы не извлекаете никакого плода изъ непрестаннаго ученія. И земледѣлецъ, послѣ того, какъ щедрою рукою броситъ сѣмена въ нѣдра земли и не увидитъ произрастеній, соотвѣтственныхъ трудамъ, уже не съ прежнею охотою принимается за обработываніе земли; потому что всегда надежда на плодородіе облегчаетъ тяжесть трудовъ. Такъ и я легко бы перенесъ этотъ великій трудъ ученія, если бы зналъ, что отъ моего увѣщанія что-нибудь прибавляется для вашей пользы. А теперь, когда я увидѣлъ, что, послѣ столь многихъ моихъ увѣщаній, послѣ столь многихъ внушеній и угрозъ (ибо я не переставалъ постоянно напоминать вамъ о страшномъ судилищѣ и неизбѣжныхъ наказаніяхъ, и объ огнѣ неугасающемъ, и о червѣ неумирающемъ), нѣкоторые изъ слышавшихъ это (не противъ всѣхъ изрекаю осужденіе, да не будетъ!), забывъ все это, опять предались сатанинскому зрѣлищу конскаго ристалища, съ какою еще надеждою примусь за тѣ же труды и предложу имъ это духовное ученіе? Видя, что они не извлекаютъ отсюда никакой для себя пользы, но просто по привычкѣ и рукоплещутъ словамъ моимъ, и показываютъ будто съ удовольствіемъ

принимаютъ мои слова, а послѣ того опять бѣгутъ на конское ристалище и еще больше и съ неудержимымъ неистовствомъ рукоплещутъ возницамъ, и съ великою стремительностію стекаются, часто препираются между собою и говорятъ: этотъ конь не хорошо пробѣжалъ, а тотъ споткнувшись упалъ, и одинъ беретъ сторону того возницы, другой — другого, а никогда не подумаютъ и не вспомнятъ о моихъ словахъ, ни о духовныхъ и страшныхъ таинствахъ, здѣсь совершаемыхъ, но, какъ бы плѣненные сѣтями діавола, проводятъ тамъ цѣлые дни, предаваясь сатанинскому зрѣлищу и выставляя себя на позоръ и іудеямъ, и язычникамъ, и всѣмъ, кто хочетъ осмѣивать наше (ученіе),—кто, хотя бы онъ былъ совсѣмъ каменный или безчувственный, можетъ перенести это безъ скорби, а не только мы, старающіеся показать отеческое о всѣхъ васъ попеченіе? Насъ опечаливаетъ не только то, что нашъ трудъ оказывается для васъ безполезнымъ, но гораздо болѣе мы сокрушаемся, когда помыслимъ о томъ, что такъ поступающіе навлекаютъ на себя тягчайшее осужденіе. Мы за труды свои ожидаемъ награды отъ Владыки; такъ какъ сдѣлали все свое—предложили серебро, роздали ввѣренный намъ талантъ и не опустили ничего, что слѣдовало намъ сдѣлать; но получившіе это духовное серебро какое будутъ, скажи мнѣ, имѣть оправданіе, какое прощеніе, когда потребуется отъ нихъ не только это серебро, но и прибыль отъ него? Какими глазами они будутъ смотрѣть на Судію? Какъ они перенесутъ тотъ страшный день, тѣ нестерпимыя казни? Развѣ они могутъ сослаться на невѣдѣніе? Каждый день мы взываемъ, увѣщаваемъ, убѣждаемъ, показываемъ гибельность обольщенія, великость вреда, обманчивость сатанинскаго празднества, и однако не могли тронуть васъ! Но что я говорю о томъ
1046 страшномъ днѣ? Займемся пока здѣшнимъ. Какъ, скажи мнѣ, могутъ участвовавшіе въ томъ сатанинскомъ зрѣлищѣ придти сюда съ дерзновеніемъ, когда ихъ совѣсть возстаетъ противъ и вопіетъ громко? Или не слышатъ они, что говоритъ блаженный Павелъ, учитель вселенной: *кое общеніе свѣту ко тьмѣ, или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ* (2 Кор. VI, 14, 15)? Какого не заслуживаетъ осужденія то, что вѣрный, участвовавшій въ совершаемыхъ здѣсь молитвахъ и страшныхъ таинствахъ и духовномъ ученіи, послѣ здѣшняго священнодѣйствія уходитъ и садится на сатанинскомъ зрѣлищѣ вмѣстѣ съ невѣрнымъ,—съ блуждающимъ во мракѣ нечестія озаренный свѣтомъ Солнца правды? Какъ же, скажи мнѣ, можемъ мы заградить уста язычникамъ или іудеямъ? Какъ станемъ вразумлять ихъ и убѣждать обратиться къ благочестію, когда они видятъ, что принадлежащіе къ нашему обществу смѣшиваются съ ними на этихъ гибельныхъ и всякой мерзости испол-

ненныхъ зрѣлищахъ? И для чего, скажи мнѣ, ты, побывъ здѣсь и очистивъ умъ и настроивъ душу къ бодрствованію и сокрушенію, уходишь туда и снова оскверняешься? Или не слышишь, что говоритъ одинъ премудрый: *единъ созидаяй, а другій разоряяй, что успѣетъ болѣе, токмо трудъ* (Сир. xxxiv, 23)? Тоже бываетъ и теперь. Когда построенное нами здѣсь посредствомъ непрестаннаго ученія и увѣщанія духовнаго, ты, ушедши туда, все вдругъ разрушишь и сравняешь, такъ сказать, съ землею: какая польза въ томъ, что мы снова созидаемъ зданіе, а вы снова разрушаете? Не крайне ли это безразсудно и безумно? Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ, что кто-нибудь дѣлаетъ это съ вещественными зданіями, построяемыми изъ камней, то не смотрѣлъ ли бы ты на него, какъ на безумнаго, который тщетно и напрасно трудится и тратитъ всѣ свои средства не надлежащимъ образомъ? Такъ же разсуждай и заключай и объ этомъ духовномъ строеніи. Вотъ я, съ тѣхъ поръ какъ поставленъ на это (служеніе) благодатію Божіею, каждый день воздвигаю въ высоту это духовное зданіе, и стараюсь привести васъ къ ученію о добродѣтели; а нѣкоторые изъ приходящихъ сюда возведенное съ великимъ трудомъ строеніе, по неизъяснимому легкомыслію, въ одну минуту времени, почти собственными руками, разрушаютъ до основанія, причиняя чрезъ то мнѣ великую скорбь, а себѣ величайшій вредъ и невыносимую потерю.

2. Можетъ быть я сдѣлалъ слишкомъ строгое обличеніе; оно слишкомъ строго по моей любви къ вамъ, но по важности прегрѣшенія еще не довольно сильно. Впрочемъ, такъ какъ должно подавать руку и падшимъ, и являть отеческую заботливость о дошедшихъ до такой безпечности, то я и теперь не отчаиваюсь въ ихъ спасеніи, только бы они рѣшились не впадать опять въ тѣ же проступки, не простирать дальше свою безпечность и отказаться отъ хожденія на конскія ристалища и отъ всякаго подобнаго сатанинскаго зрѣлища. Мы имѣемъ человѣколюбиваго, кроткаго и попечительнаго Владыку, Который, зная немощь нашей природы, 1047
когда мы, по безпечности преткнувшись, впадемъ въ какой-нибудь грѣхъ, требуетъ отъ насъ только того, чтобы мы не отчаивались, но отстали отъ грѣха и поспѣшили къ исповѣданію. И если мы сдѣлаемъ это, Онъ обѣщаетъ намъ скорое помилованіе; ибо самъ Онъ говоритъ: *еда падаяй не востаетъ; или отвращаяйся не обратится* (Іер. viii, 4)? Итакъ, зная это, не будемъ невнимательными къ человѣколюбивому Владыкѣ, но преодолѣемъ вредную привычку, и не будемъ ходить пространными вратами и широкимъ путемъ, какъ сегодня слышали вы отъ общаго всѣхъ Владыки, Который въ евангеліи предлагаетъ такое увѣщаніе: *внидите узкими враты;*

яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ (Матѳ. VII, 13). Слыша о пространныхъ вратахъ и широкомъ пути, не обольщайся такимъ началомъ, и не смотри на то, что многіе идутъ по этому пути, но помысли о томъ, что въ концѣ онъ дѣлается тѣснымъ. И о томъ разумно подумай, что здѣсь говорится не о чувственныхъ вратахъ и не просто о пути, но предлагается увѣщаніе касательно всей жизни нашей, и касательно добродѣтели и порока. Потому Господь и началъ рѣчь словами: *внидите узкими враты*, называя такъ врата добродѣтели; потомъ, сказавъ: *внидите узкими враты* объясняетъ намъ и причину, по которой Онъ дѣлаетъ такое увѣщаніе. Хотя, говоритъ Онъ, и тѣсны эти врата и весьма трудно войти въ нихъ, но, если немного потрудитесь, то выйдете на великую широту и просторъ, который можетъ доставить вамъ великую отраду. Итакъ, говоритъ Онъ, не смотрите на то, что эти врата тѣсны, пусть не смущаетъ васъ начало, и тѣснота входа пусть не дѣлаетъ васъ нерадивыми; потому что пространныя врата и широкій путь ведутъ къ погибели. Такъ многіе, обольстившись началомъ и входомъ, и не посмотрѣвъ напередъ, что̀ будетъ далѣе, пришли къ погибели! Посему Онъ и говоритъ: *яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ*. И справедливо назвалъ Онъ пространными врата и широкимъ путь, ведущіе къ погибели. Тѣ, которые спѣшатъ идти на конскія ристалища и на другія сатанинскія зрѣлища, небрегутъ о цѣломудріи, нисколько не пекутся о добродѣтели, хотятъ распутствовать, предаются веселію и пресыщенію, каждодневно истощаются безумною и неистовою страстію къ деньгамъ и прилѣпляются къ дѣламъ настоящей жизни, дѣйствительно идутъ пространными вратами и широкимъ путемъ; когда же они, далеко ушедши впередъ и собравши себѣ великое бремя грѣховъ, придутъ къ концу пути изнуренными, то уже не могутъ идти дальше, такъ какъ тѣснота пути задерживаетъ ихъ, и они, обремененные тяжестію грѣховъ, не въ состояніи пройти по нему; потому неизбѣжно низвергаются
1048 въ самую пропасть погибели. Какая же польза, скажи мнѣ, прошедшимъ недолго широкимъ путемъ, подвергаться вѣчной погибели, и повеселившимся, такъ сказать, во снѣ наказаніе терпѣть въ дѣйствительности? Подлинно, вся настоящая жизнь въ сравненіи съ ожидающимъ насъ наказаніемъ и мученіемъ есть то же, что сновидѣніе одной ночи. Неужели все это написано для того, чтобы мы только читали? Дѣйствіемъ благодати Духа вѣщанія Господа преданы письмени для того, чтобы мы, получая отсюда предохранительныя врачевства противъ нашихъ страстей, могли избѣжать угрожающаго намъ наказанія. Посему и тогда Владыка нашъ

Христосъ, прилагая врачевства, соотвѣтствующія ранамъ, предложилъ такое увѣщаніе: *внидите узкими враты*. Узкими назвалъ Онъ эти врата не потому, чтобы онѣ по своему свойству были узки, а потому, что наша воля, наклонная больше къ безпечности, считаетъ ихъ узкими. И не для того Онъ назвалъ ихъ тѣсными, чтобы насъ отвратить (отъ нихъ), но для того, чтобы мы, уклонившись отъ другихъ широкихъ вратъ и узнавъ тотъ и другой пути по ихъ концу, скорѣе избрали для себя путь тѣсный.

3. Но, чтобы рѣчь была для всѣхъ ясна, теперь, если угодно, я представлю такихъ людей, которые вошли въ пространныя врата и шли широкимъ путемъ, и мы посмотримъ, каковъ былъ у нихъ конецъ; представлю и такихъ, которые вошли узкими вратами и шли скорбнымъ путемъ, и мы узнаемъ, какихъ благъ они достигли. Для этого я представлю вамъ одного изъ вошедшихъ въ пространныя врата, и одного изъ шедшихъ по пути узкому и скорбному, и докажу истину словъ Господа, при посредствѣ опять той же притчи Господней. Итакъ, кто это вошедшій въ пространныя врата, и шедшій широкимъ путемъ? Напередъ надобно сказать, кто это такой, и какое пространство пути онъ прошелъ, идя по широкому пути, а затѣмъ объяснить вамъ, къ какому онъ пришелъ концу. Знаю, что вы, какъ свѣдущіе, уже поняли, что̀ будетъ сказано; однако и мнѣ необходимо сказать. Припомните же того богача, который каждодневно одѣвался въ порфиру и виссонъ, устроялъ блистательныя пиршества, кормилъ тунеядцевъ и льстецовъ, наливалъ много вина, пресыщался каждый день, предавался великому веселью, вошелъ въ пространныя врата, и постоянно былъ въ удовольствіи и радости житейской. Все къ нему притекало, какъ бы изъ источниковъ,—многочисленная прислуга, неописанное веселье, тѣлесное здоровье, избытокъ денегъ, почетъ отъ народа, похвалы отъ льстецовъ, и ничто пока не печалило его. Кромѣ того, что, живя среди такого изобилія въ напиткахъ и лакомствахъ, онъ не только наслаждался тѣлеснымъ здоровьемъ и всякимъ удовольствіемъ, но и мимо бѣднаго Лазаря, лежавшаго въ воротахъ, покрытаго ранами, окруженнаго и облизываемаго псами и терзаемаго голодомъ, онъ проходилъ безжалостно и не подавалъ ему даже крупицъ. Такъ этотъ богачъ, вошедши въ пространныя врата, шелъ по широкому пути веселья, распутства, смѣха, утѣхъ, объяденія, пьянства, изобилія въ деньгахъ, изнѣженности въ одеждѣ. И долго, 1019
во все время настоящей жизни, шелъ онъ по широкому пути, не испытывая никакой печали, но постоянно стремясь какъ бы съ попутнымъ вѣтромъ; и такъ какъ онъ шелъ всегда по широкому пути, то и стремился съ великою пріятностію. Нигдѣ не было ни скалъ, ни стремнинъ, ни подводныхъ камней, ни кораблекрушенія,

ни необычайнаго переворота, но, какъ бы идя постоянно по твердой и ровной дорогѣ, такъ онъ прошелъ настоящую жизнь; хотя онъ былъ каждодневно заливаемъ волнами пороковъ, но этого не чувствовалъ; хотя каждодневно терзаемъ былъ гнусными пожеланіями, но еще услаждался этимъ; хотя былъ постоянно осаждаемъ невоздержностію, пресыщеніемъ, безумною страстію къ деньгамъ, но нисколько не чувствовалъ этихъ золъ, и не могъ предвидѣть, чѣмъ кончится его путь: напротивъ, наслаждаясь только пріятностію настоящаго, онъ и не думалъ о вѣчной скорби, но, такъ сказать, въ очарованіи шелъ по широкому пути, стремясь къ самой пропасти, которой не могъ видѣть отъ великаго опьяненія. Успѣхъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, отуманивъ его умъ, ослѣплялъ мысленное око его и онъ, какъ потерявшій зрѣніе, шелъ, не зная, куда направляется. А можетъ быть онъ и не помышлялъ уже о человѣческой природѣ, видя, что ему не было ни въ чемъ неудачи. Онъ не только веселился, но и былъ богатъ; не только былъ богатъ, но и пользовался тѣлеснымъ здоровьемъ; не только пользовался тѣлеснымъ здоровьемъ, но и услугами другихъ; и при этой большой услужливости, видя, что все притекаетъ къ нему, какъ бы изъ источниковъ, жилъ въ безпрерывномъ удовольствіи. Видите ли, возлюбленные, какими удовольствіями наслаждался человѣкъ, который вошелъ пространными вратами и шелъ постоянно по широкому пути? Но никто изъ слушающихъ это пусть не рѣшается ублажать его прежде конца, но пусть подождетъ окончанія дѣлъ, и тогда произнесетъ приговоръ. Теперь, если угодно, я представлю и того, кто вошелъ узкими вратами и шелъ скорбнымъ путемъ; и тогда, посмотрѣвъ на конецъ того и другого, мы произнесемъ надлежащее мнѣніе о каждомъ. Кого же другого можно представить теперь, какъ не Лазаря, который лежалъ въ воротахъ богача, покрытъ былъ ранами, видѣлъ, какъ языки псовъ касались язвъ его, и не имѣлъ силы даже прогнать ихъ? Какъ тотъ, вошедши пространными вратами, шелъ по широкому пути; такъ этотъ блаженный (уже называю его блаженнымъ за то, что онъ рѣшился войти узкими вратами) вошелъ узкими вратами, во всемъ противоположными широкимъ. Какъ тотъ непрестанно веселился, такъ этотъ непрерывно боролся съ голодомъ. Тотъ, при роскоши и тѣлесномъ здоровьѣ, наслаждался и избыткомъ денегъ, и тратилъ все время въ пресыщеніи и пьянствѣ; а этотъ, при голодѣ, изнуряясь крайнею бѣдностію, постоянною болѣзнію и невыносимыми ранами, не имѣлъ даже необходимой пищи, но желалъ крупицъ отъ трапезы богача, и тѣхъ не удостоивался.

1050 4. Видишь ли, какъ этотъ, вошедши узкими вратами, постоянно шелъ по тѣсному пути? Видишь ли, какъ тотъ проходилъ чрезъ

пространныя врата и по широкому пути? Посмотримъ же на конецъ ихъ обоихъ, какъ тотъ пришелъ къ тѣсному концу, а тотъ къ широкому и исполненному великой отрады, чтобы, хорошо узнавъ это, намъ не домогаться всячески широкаго пути и не стараться входить пространными вратами, но искать вратъ узкихъ и идти по пути тѣсному, дабы достигнуть добраго и отраднаго конца. Когда пришелъ конецъ жизни каждаго (богатаго и Лазаря), посмотри что говоритъ (Господь) прежде о томъ, который шелъ скорбнымъ путемъ. *Бысть же умрети нищему, и несену быти ангелы на лоно Авраамле* (Лук. XVI, 22). Можетъ быть, ангелы отводили его, предшествуя ему и окружая его, и послѣ многихъ скорбей и тѣснаго шествованія препровождая въ страну покоя. Видишь ли, какой просторъ открывается въ концѣ узкихъ вратъ и тѣснаго пути? Посмотри потомъ и на гибельный конецъ широкаго пути. *Умре же*, говоритъ (Господь), *и богатый, и погребоша его*. Никто не предшествуетъ ему, никто не окружаетъ, никто не путеводитъ его, какъ Лазаря. Такъ какъ онъ всѣмъ этимъ наслаждался на широкомъ пути, имѣлъ много окружавшихъ его и угождавшихъ ему, т. е. льстецовъ и тунеядцевъ; то, когда пришелъ къ концу, лишился всего и остался одинокимъ послѣ многихъ прежнихъ удовольствій, или лучше, послѣ краткаго довольства и благоденствія; потому что вся настоящая жизнь кратка въ сравненіи съ будущимъ вѣкомъ. Итакъ послѣ кратковременнаго довольства, которымъ онъ наслаждался, идя по широкому пути, онъ вступилъ въ страну тѣсноты и скорби. Тотъ покоился на лонѣ патріарха, получая воздаяніе за труды и многія страданія, и послѣ голода, ранъ и лежанія въ воротахъ, наслаждался неизреченною и неизъяснимою отрадою; а этотъ, послѣ веселья и довольства, послѣ великаго пресыщенія и пьянства, подвергшись неизбѣжному наказанію, страдалъ въ пламени. И, чтобы тотъ и другой изъ нихъ на дѣлѣ узналъ, первый—пользу тѣснаго пути, а послѣдній—вредъ и гибельность широкаго, они видятъ другъ друга на большомъ разстояніи. Послушай, какъ: *и во адѣ, возведъ очи свои, сый въ мукахъ, узрѣ Авраама издалеча, и Лазаря на лонѣ его* (ст. 23). Думаю, что богачъ почувствовалъ сильнѣйшую скорбь, когда увидѣлъ столь внезапную перемѣну обстоятельствъ, какъ тотъ, который лежалъ въ воротахъ и былъ тревожимъ языками псовъ, пользуется такимъ дерзновеніемъ и пребываетъ на лонѣ патріарха, а самъ онъ покрытъ такимъ стыдомъ, и притомъ еще горитъ въ огнѣ. Такимъ образомъ, видя, что обстоятельства пришли въ противоположное состояніе, что самъ онъ, такъ сказать, повеселившись во снѣ и тѣнію, теперь терпитъ невыносимое наказаніе, и что широкій путь и пространныя врата привели его къ такому

1051 тѣсному концу, а съ (Лазаремъ) произошло противное тому, и онъ за здѣшнее терпѣніе наслаждается тамошними неизреченными благами, богачъ, пришедшій въ смущеніе и узнавши по опыту, что онъ подвергся полному обольщенію, избравъ широкій путь, обращается съ просьбою къ патріарху и произноситъ слова жалкія и исполненныя слезъ. Тотъ, кто прежде не хотѣлъ и обращаться къ Лазарю и смотрѣть на этого бѣдняка, лежавшаго въ воротахъ, и, можно сказать, гнушался имъ по причинѣ зловонія ранъ его и по причинѣ собственной изнѣженности, въ какой постоянно жилъ онъ съ веселіемъ, теперь умоляетъ патріарха и говоритъ: *отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочитъ конецъ перста своего въ водѣ, и устудитъ языкъ мой; яко стражду въ пламени семъ* (ст. 24). Слова эти могли бы привести въ жалость; однако онъ и такимъ образомъ не помогъ себѣ; потому что исповѣданіе было не своевременно, и молитва приносилась не въ надлежащую пору. Пошли, говоритъ онъ, этого Лазаря, этого бѣдняка, которымъ прежде я гнушался, которому не удѣлялъ и крупицъ; въ немъ я нуждаюсь теперь и ищу того перста, который лизали псы. Видишь ли, какъ смирило его наказаніе? Видишь ли, къ какому тѣсному концу привелъ широкій путь? Онъ обращается съ просьбою не къ Лазарю, а къ патріарху; и справедливо: потому что на бѣднаго онъ и взглянуть не смѣлъ. Думаю, что онъ вспомнилъ о собственномъ безчеловѣчіи, и, размысливъ, какъ безжалостно поступалъ съ Лазаремъ, думалъ, что этотъ, можетъ быть, не удостоитъ его даже отвѣтомъ. Поэтому и не обращается къ нему съ просьбою, но умоляетъ патріарха. Однако онъ и такимъ образомъ не получилъ никакого успѣха: такъ велико зло—неблаговременность и злоупотребленіе временемъ жизни, которое дано намъ Божіимъ человѣколюбіемъ на дѣло нашего спасенія. Какого адаманта не смягчили бы эти слова и не расположили бы къ жалости и состраданію? Однако и при этомъ патріархъ не склоняется на просьбу, но хотя удостоиваетъ его отвѣтомъ, объясняетъ ему, что самъ онъ былъ виновникомъ своихъ бѣдствій. Патріархъ говоритъ ему: *чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая: нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши. И надъ всѣми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюду къ вамъ не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ* (ст. 25 и 26). Страшны эти слова и могутъ тронуть имѣющихъ умъ. Чтобы дать богачу понять, что хотя онъ съ своей стороны оказываетъ ему состраданіе и преклоняется на жалость, видя тяжесть его наказанія, но не можетъ ничего сдѣлать къ его облегченію, патріархъ, какъ бы оправдывая себя, говоритъ ему: хотѣлъ бы я подать тебѣ

руку помощи, облегчить твои страданія и уменьшить силу мученій, но ты самъ заранѣе лишилъ себя этого утѣшенія. Посему и говоритъ: *чадо, помяни.* Посмотри на благость патріарха: чадомъ называетъ его! Но это, хотя и можетъ показать кротость Авраама, однако не доставляетъ богачу никакой помощи, потому что онъ предалъ самъ себя. *Чадо,* говоритъ, *помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ.* Приведи на мысль прошедшее, не забудь, какимъ ты наслаждался веселіемъ, какимъ довольствіемъ, 1052
какою пышностію, какъ провелъ всю жизнь въ пресыщеніи и пьянствѣ, думая, что въ этомъ состоитъ вся жизнь и считая это благами. Онъ сдѣлалъ богачу отвѣтъ сообразно съ его же мнѣніемъ; ибо не помышляя ни о чемъ высокомъ, и не имѣя предъ глазами ожидавшихъ его будущихъ бѣдствій, онъ почиталъ эти наслажденія благами.

5. И нынѣ многіе изъ пристрастившихся къ роскоши и пресыщенію, когда хотятъ выразить весьма великое довольство, имѣютъ обычай говорить: мы имѣемъ много благъ. Не называй, человѣкъ, только эти вещи благомъ, разсуждая такъ, что онѣ даны отъ Владыки на то, чтобы мы, пользуясь ими съ умѣренностію, поддерживали жизнь и подкрѣпляли немощь тѣла, но—есть другія истинныя блага. Ничто изъ здѣшняго не есть благо—ни веселіе, ни богатство, ни драгоцѣнная одежда, но все это имѣетъ только названіе блага. Что я говорю: имѣетъ только названіе блага? Часто эти предметы бываютъ еще причиною нашей погибели, когда мы будемъ пользоваться ими не надлежащимъ образомъ. Такъ богатство тогда было бы благомъ для обладателя, когда бы онъ тратилъ его не на веселье только, не на пьянство и вредныя удовольствія, но, умѣренно пользуясь весельемъ, остальное раздавалъ бы бѣднымъ на пропитаніе: тогда богатство—благо! Если же кто будетъ предаваться веселью и другому распутству, то богатство не только не принесетъ ему никакой пользы, но и низведетъ его въ глубокую пропасть; что̀ и случилось съ этимъ богачемъ. Посему патріархъ и говоритъ ему: *чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ.* Что считалъ ты истинными благами, то и воспріялъ; *и Лазарь такожде злая;*— не потому, чтобы Лазарь считалъ это зломъ,—да не будетъ!—но примѣнительно къ мнѣнію богача сказалъ (Авраамъ) и эти слова. Ибо онъ составилъ себѣ такое мнѣніе, что богатство, веселіе, пресыщеніе и изнѣженность считалъ благами, а бѣдность, голодъ и тяжкую болѣзнь признавалъ зломъ. Посему, какъ самъ ты полагалъ, имѣя такое ложное сужденіе, то припомни, что ты, согласно твоему мнѣнію, воспріялъ эти блага, когда шелъ по широкому и пространному пути, и Лазарь—зло, также по твоему сужденію,

когда онъ шелъ узкими вратами и тѣснымъ путемъ. Между тѣмъ, какъ ты имѣлъ въ виду только начало пути, онъ смотрѣлъ и на конецъ, не дѣлаясь безпечнѣе по началу пути; поэтому нынѣ здѣсь онъ утѣшается, а ты страждешь; конецъ у того и у другого изъ васъ вышелъ противоположный. Видѣли вы на самомъ дѣлѣ конецъ широкаго и пространнаго пути; узнали, какъ, чрезъ узкія врата и тѣсный путь, избравшій ихъ пришелъ къ благому концу; выслушайте же и еще болѣе страшное. *И надъ всѣми сими, между нами и вами пропасть велика утвердися, да хотящіи прейти отсюду туда, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ.* Не пройдемъ, возлюбленные, этихъ словъ безъ вниманія, но размыслимъ о точности выраженій и о томъ, какою честію и высокимъ мѣстомъ пользуется лежавшій въ воротахъ, презрѣнный, нищій, постоянно боровшійся съ голодомъ, покрытый ранами, доступный псамъ. Съ охотою обращаюсь такъ часто къ этому пред-
1053 мету, чтобы никто изъ живущихъ въ бѣдности или въ болѣзняхъ и голодѣ не презиралъ себя и не считалъ несчастнымъ, но, перенося все съ терпѣніемъ и благодарностію, питался благими надеждами и ожидалъ тѣхъ неизреченныхъ наградъ и воздаяній за труды. *И надъ всѣми сими.* Что это такое—*надъ всѣми сими?* Сказавъ богатому: ты воспріялъ въ настоящей жизни все, что считалъ благомъ, а Лазарь воспріялъ то, что ты считалъ зломъ, Авраамъ присовокупилъ эти слова, внушая ему, что каждый изъ нихъ и достигъ соотвѣтственнаго конца, сверхъ всего сказаннаго: ты—скорби, тѣсноты и неугасимаго огня послѣ наслажденія тѣмъ, что почиталъ благомъ, а онъ—отрады и наслажденія благами и пребыванія со святыми, послѣ борьбы въ теченіе всей жизни съ тѣмъ, что ты считалъ зломъ. И такъ какъ каждый изъ васъ достигъ соотвѣтственнаго конца—тебя пространныя врата и широкій путь привели къ этой тѣснотѣ, а его узкія и тѣсныя врата къ этой отрадѣ, то и *надъ всѣми сими между нами и вами пропасть велика утвердися.* Посмотри: бѣднякъ, который былъ покрытъ ранами (опять говорю объ этомъ), отнесенъ къ патріарху и пріобщенъ къ сонму праведниковъ; *между нами и вами,* говоритъ онъ. Видишь ли, какой участи сподобился тотъ, кто съ терпѣніемъ и благодарностію переносилъ тяжкую болѣзнь и голодъ? *Между нами и вами* говоритъ, *пропасть велика утвердися.* Многое, говоритъ, раздѣляетъ насъ, и не просто пропасть, но великая; потому что дѣйствительно велико разстояніе и велико различіе между добродѣтелію и порокомъ: послѣдній пространенъ и широкъ, а первая узка и тѣсна; роскошь пространна и широка, а бѣдность и нужда узка и тѣсна. Посему, какъ здѣсь пути противоположны, и одинъ идетъ по пути узкому и тѣсному, соблюдая цѣломудріе,

предпочитая нестяжательность и презирая тщеславіе, другой же, спѣша идти по пути пространному и широкому, предается пьянству и веселію, безумной страсти къ деньгамъ, невоздержанію и гибельнымъ зрѣлищамъ, а велико различіе между тѣмъ и другимъ!—
такъ и во время наказанія и награды окажется великое различіе 1054
въ воздаяніяхъ. *Пропасть*, говоритъ, *велика утвердися между нами*, то-есть, праведными, добродѣтельными, сподобившимися этой участи, *и вами*, то-есть, проведшими жизнь въ нечестіи и грѣхѣ. И столь велика эта пропасть, что *хотящіи прейти отсюду къ вамъ не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ*. Видишь ли великость пропасти? Видишь ли отвѣтъ болѣе тяжкій, нежели геенна? Когда вы въ началѣ слышали о благоденствіи богача и о большой услужливости, какою пользовался онъ окружаемый всѣми и каждодневно предававшійся веселію; не считали ли вы его блаженнымъ; также, видя бѣднаго, лежавшаго въ воротахъ и страдавшаго отъ жестокихъ ранъ, не считали ли жизнь его жалкою? Но вотъ теперь при концѣ всего мы видимъ противное,—того въ пламени послѣ веселья и пьянства, а этого въ лонѣ патріарха послѣ крайней бѣдности и голода! Впрочемъ, чтобы не слишкомъ продолжить слово, можно окончить здѣсь поученіе и попросить васъ, возлюбленные, не искать пространныхъ вратъ и широкаго пути и не домогаться всячески удовольствій, но помышлять о концѣ того и другого пути и представляя въ умѣ участь постигшую богача, широкаго пути избѣгать, а искать вратъ узкихъ и пути тѣснаго, чтобы послѣ здѣшней скорби придти въ страну отрады. Убѣгайте же, увѣщаю васъ, сатанинскихъ зрѣлищъ и вреднаго посѣщенія конскихъ ристалищъ; ибо по поводу тѣхъ, которые увлеклись и пошли по широкому пути, я и былъ вынужденъ сказать это, чтобы они, вразумившись, оставили этотъ путь и пошли путемъ тѣснымъ, т. е. путемъ добродѣтели, и такимъ образомъ удостоились, подобно Лазарю, лона Авраамова, и чтобы всѣмъ намъ вообще избавившись отъ геенскаго огня, насладиться тѣми неизреченными благами, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша* (Кор. II, 9), чего да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

II. Къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекаютъ къ монашеской жизни.

III. Сравненіе власти, богатства и преимуществъ царскихъ съ истиннымъ и христіанскимъ любомудріемъ монашеской жизни.

IV. О сокрушеніи.

V. Къ Стагирію подвижнику, одержимому демономъ.

VI. Слово къ жившимъ вмѣстѣ съ дѣвственницами

VII. Слово къ дѣвственницамъ, жившимъ вмѣстѣ съ мужчинами.

VIII. Книга о дѣвствѣ.

IX. Къ молодой вдовѣ.

X. О священствѣ.

XIII. Разсужденіе противъ іудеевъ и язычковъ о томъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ.

XIV. Противъ іудеевъ.